

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и

Орден Феникса

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и

Орден Феникса

*Посвящается Нилу, Джессике и Дэвиду,
Что делают магическим мой мир*

*Text copyright © 2003 J.K.Rowling
Перевод copyright © 2003 Анна Соколова*

Приведение глоссария и оформления к единому виду – ar13.

Версия от 10.04.24

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Дементация Дадли	6
Глава 2. Совепад	19
Глава 3. Авангард	34
Глава 4. Дом 12 на площади Гриммолд	47
Глава 5. Орден Феникса	60
Глава 6. Благородный и Старинный Дом Блэков	73
Глава 7. Министерство магии	90
Глава 8. Слушание дела	101
Глава 9. Мучения миссис Уизли	111
Глава 10. Лу́на Лавгуд	130
Глава 11. Новая песня Сортировочной Шляпы	144
Глава 12. Профессор Амбридж	160
Глава 13. Вечера у Долорес	180
Глава 14. Пёрси и Бродяга	200
Глава 15. Главный Дознаватель «Хогвартса»	218
Глава 16. В «Кабаньей голове»	235
Глава 17. Декрет об Образовании № 24	249
Глава 18. Дамблдорова Армия	265
Глава 19. Лев и Змей	281
Глава 20. Рассказ Хагрида	297
Глава 21. Глазами змеи	311
Глава 22. Больница магических болезней и травм св. Мунго	327
Глава 23. Рождество в изоляторе	346
Глава 24. Окклюменция	363
Глава 25. Букашка на булавке	381
Глава 26. Увиденное и Непредвиденное	399
Глава 27. Кентавр и Стукач	417
Глава 28. Самое плохое воспоминание Снейпа	434
Глава 29. Консультация по профорientации	451
Глава 30. Групп	469
Глава 31. СОВы	487
Глава 32. Игра с огнём	505
Глава 33. Побойще и побег	519
Глава 34. Департамент Тайн	528
Глава 35. По ту сторону Завесы	539

Глава 36. Единственный, кого он всегда боялся	557
Глава 37. Утраченное пророчество	566
Глава 38. Вторая война начинается	583
Приложения.....	600
Приложение 0 Родословное древо благородного и старинного рода Блэков	600
Приложение I Death Eaters – «Искушённые Смертью».....	601
Приложение II Британское Министерство магии	606
Приложение III Мародёры.....	612
Приложение IV Рецепты	615
Аннотация	616

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕМЕНТАЦИЯ ДАДЛИ

Раскалённый летний день тянулся к закату, и сонная тишина обволакивала большие квадратные дома на Бирючинном проезде. Неизменно отполированные до блеска автомобили сейчас стояли пыльными на подъездных дорожках, а лужайки, некогда изумрудно-зелёные, теперь пожелтели и высохли – причиной тому стала засуха и запрет на пользование садовыми шлангами. Лишённые привычного занятия, состоявшего в мытье автомобилей и стрижке лужаек, жители Бирючинного проезда отступили в тень прохладных домов, распахнутыми настежь окнами надеясь привлечь к себе внимание несуществующего ветерка. Снаружи остался только один – подросток, который навзничь лежал на клумбе у дома номер четыре.

Худой, темноволосый, в очках, он выглядел несколько болезненным и зажатым, словно вымахал слишком быстро. Одеждой ему служили заношенные, грязные джинсы, вылинявшая, растянутая футболка и рваные кроссовки. Внешность Гарри Поттера не вызвала расположения соседей, принадлежавших к тому сорту людей, которые убеждены, что неряшливость должна караться законом, но этим вечером Гарри залёг в раскидистый куст гортензии и для прохожих оставался совершенно незаметен. Обнаружить его смогли бы лишь дядя Вернон или тётя Петунья, если бы высунули головы из окна гостиной и посмотрели темнѐхонько вниз, на клумбу.

Гарри решил, что, в конечном счёте, может поздравить себя с идеей спрятаться именно тут. Хотя лежать на горячей, твёрдой земле не совсем удобно, но, с другой стороны, – здесь никто не буравит его взглядом, не забрасывает едкими вопросами и не заглушает диктора новостей скрипом зубов, как это случалось всякий раз, когда он пробовал сесть в гостиной, чтобы вместе с дядей и тётей посмотреть телевизор.

Эта мысль словно влетела в открытое окно, и дядя Гарри, Вернон Дёрзли, внезапно выдал:

– Как хорошо, что мальчишка перестал мозолить глаза. Между прочим, где он?

– Не знаю, – равнодушно откликнулась тётя Петунья. – В доме его нет.

Дядя Вернон буркнул:

– Посмотреть *новости*... – и саркастично продолжил: – Хотелось бы мне знать, ну зачем ему это нужно. Вот какого нормального мальчика будет волновать то, о чём говорят в новостях... Дадли понятия не имеет, что происходит, сомневаюсь, что он знает, кто премьер-министр! И вообще, можно подумать, про их братию пойдёт речь в *наших* новостях...

– Вернон, *ш-ш!* – шикнула тётя Петунья. – Окно открыто!

– Ах, да... извини, дорогая.

Дёрзли затихли. Под аккомпанемент рекламы мюслей «Fruit'n'Bran» к завтраку Гарри следил за престарелой миссис Фигг, ненормальной любительницей кошек с соседней улицы

Уистерия-уолк,¹ которая неспешно семенила мимо. Она хмурилась и беззвучно шевелила губами. Гарри порадовался тому, что скрыт кустами, поскольку с недавних пор миссис Фигт взяла за правило приглашать его на чай, всякий раз встречаясь с ним на улице. Старушка скрылась за углом, и тут из окна вновь понёсся голос дяди Вернона.

– Дадлика позвали на чай?

– К Полкиссам,² – с нежностью отозвалась тётя Петунья. – У него так много приятелей, он так популярен...

Гарри с трудом подавил смех. По отношению к своему сыну Дадли, Дёрзли были удивительно слепы. Каждый вечер, на протяжении всех каникул, они принимали за чистую монету любую его незатейливую ложь о визите на чай к какому-нибудь очередному члену своей компании. Гарри знал совершенно точно, что Дадли ходил вовсе не чай пить: он и его компания все вечера проводили, громя детскую площадку в парке, покуривая за углами и швыряя камни в проезжавшие автомобили и проходящих детей. Во время своих вечерних прогулок по Литтл-Уингину³ Гарри не раз заставлял их за этим занятием – сам он большую часть каникул бесцельно бродил по улицам, по пути выуживая из мусорных баков газеты.

Прозвучал музыкальный проигрыш, предваряющий выпуск семичасовых новостей, и у Гарри засосало под ложечкой. Может быть, сегодня вечером... как-никак, уже месяц прошёл... всё и выяснится...

«Аэропорты заполонило рекордное количество отпускников, попавших в безвыходное положение в связи с забастовкой испанских багажных грузчиков, которая продолжается уже вторую неделю...»

– Будь моя воля, я б им устроил пожизненную сиесту! – вскипел дядя Вернон, заглушая диктора.

В то же самое время, снаружи, на клумбе, напряжение пошло на убыль. Если бы что-нибудь случилось, то наверняка в новостях об этом сказали бы в первую очередь: смерть и разрушения куда важнее, чем попавшие в затруднительное положение отпускники.

Гарри медленно перевёл дух и стал смотреть в ослепительно-синее небо. Каждый новый день этого лета похож на предыдущий: мучаешься, ждёшь, потом отпустит ненадолго, и снова нарастает напряжение... и постоянно один и тот же, всё более и более настойчивый вопрос: *почему* до сих пор ничего не произошло?

На всякий случай, он продолжал слушать: вдруг прозвучит какой-нибудь недоступный магглам намёк – необъяснимое исчезновение, или, быть может, загадочная авария... Но после забастовки испанских грузчиков последовал репортаж о засухе на юго-востоке («Надеюсь, наш сосед слушает это! – проревел дядя Вернон. – Вместе со своими поливалками в три часа

¹ Wisteria Walk – “глициния” & “проход” (глициния традиционно используется для живых изгородей)

² Polkiss – “polk” & “kiss” – “танцевать польку” & “целовать”

³ Little Whinging – “маленький” & “to whinge” (разговорная форма от “to whine” – скулить, хныкать, плакаться)

ночи!..»), затем о вертолёте, едва не рухнувшем в поле графства Сарри, потом о разводе популярной актрисы со своим знаменитым мужем («Можно подумать, нам очень интересно их грязное бельё полоскать», – фыркнула тётя Петуння, которая одержимо выискивала подобные сплетни в каждом журнале, попавшем в её костлявые руки).

Вечереющее небо слепило глаза, Гарри зажмурился в тот момент, когда диктор произнёс:

«И, в заключение: этим жарким летом волнистый попугайчик Понки нашёл оригинальный способ сохранять свежую голову. Понки, который живёт в «Пяти Перьях» в Барнсли, научился кататься на водных лыжах! Мэри Доркинс отправилась туда, чтобы узнать подробности...»

Гарри открыл глаза. Раз дошло до попугайского воднолыжного спорта, значит, больше ничего стоящего не будет. Он осторожно перевернулся на живот и встал на четвереньки, готовясь отползти от окна.

Он уже передвинулся на пару дюймов, как вдруг события завертелись одно за другим.

Сонную тишину, точно выстрел, разорвало громкое, раскатистое: «хлоп!»; из-под припаркованного автомобиля вылетел кот и исчез из виду; из гостиной Дёрзли раздались визг, громовые ругательства и звон бьющейся посуды, для Гарри всё это словно послужило долгожданным сигналом к подъёму, – он вскочил на ноги, одновременно выхватывая из-за пояса джинсов, словно меч из ножен, тонкую деревянную палочку, но прежде чем успел выпрямиться в полный рост, его макушка встретилась с открытым окном дома Дёрзли. От последовавшего за этим грохота тётя Петуння заверещала ещё громче.

Гарри показалось, что голова раскололась надвое. Из глаз брызнули слёзы, он покачнулся, пытаясь разглядеть на улице источник шума, но как только, с немалым трудом, выпрямился, две огромные багровые руки высунулись из открытого окна и крепко схватили его за горло.

– *Убери... это... прочь!* – зарычал дядя Вернон в ухо Гарри. – *Сейчас же... Пока... никто... не увидел!*

– Отцепитесь... от... меня! – прохрипел Гарри.

Несколько секунд они боролись.левой рукой Гарри пытался разжать дядины пальцы-сосиски, а правой крепко сжимал поднятую палочку, и тут боль в его голове вспыхнула особенно сильно, дядя Вернон, словно получив заряд электрошокера, ойкнул и разжал руки. Как будто невидимая отталкивающая сила исходила от его племянника, сделав прикосновение к нему непереносимым.

Задыхаясь, Гарри свалился прямо на куст гортензии, вскочил и огляделся вокруг. Но не увидел ничего, что могло бы так оглушительно хлопнуть, только кое-где в соседских окнах замаячили головы. Гарри быстро сунул в джинсы палочку и попытался принять невинный вид.

– Вечер добрый! – дядя Вернон приветственно замахал рукой миссис Дом-Номер-Семь, которая высунулась из-за тюлевой занавески напротив, и крикнул: – Вы слышали, как только что грохнул автомобиль? У нас с Петуннией чуть припадок не случился!

Он продолжал натужно, ужасающе улыбаться, пока все любопытные соседи не исчезли в своих разномастных окнах, после чего пальцем поманил Гарри, и тут его улыбка трансформировалась в гневную гримасу.

Гарри подошёл на пару шагов и предусмотрительно остановился чуть-чуть не доходя до той черты, за которой его смогли бы udавить протянутые руки дяди Вернона.

– Что, *чёрт подери*, ты вытворяешь, парень? – прохрипел дядя Вернон срывающимся от бешенства голосом.

– Что я вытворяю? – невозмутимо переспросил Гарри.

При этом он продолжал посматривать то в один, то в другой конец улицы, не оставляя надежды увидеть, кто же издал такой хлопок.

– Грохочешь тут, как стартовый пистолет, прямо под нашим...

– Это не я, – твёрдо сказал Гарри.

Рядом с широким багровым лицом дяди Вернона появилось узкое лошадиное лицо тётки Петунии. Она была вне себя от ярости.

– Почему ты прятался под окном?

– Да-да, совершенно верно, Петунья! *Что ты делал под нашим окном, парень?*

– Слушал новости, – скупно объяснил Гарри.

Дядя и тётка возмущённо переглянулись.

– Слушал новости? *Опять?*

– Вообще-то они каждый день разные, – заметил Гарри.

– Не умничай, парень! Я хочу знать, чего тебе на самом деле нужно, и хватит уже твердить мне эту чушь про *новости*! Ты прекрасно знаешь, что про *вашу братию*...

– Вернон, осторожнее! – выдохнула тётка Петунья, и дядя Вернон понизил голос так, чтобы его мог слышать только Гарри:

– ...Что про *вашу братию* в *наших* новостях и речи нет!

– Это вы так думаете, – сказал Гарри.

Дёрзли тарачились на него несколько секунд, а потом тётка Петунья прошептала:

– Ты отвратительный маленький враль. А что же делают все эти... – она ещё больше понизила голос, и следующее слово Гарри прочёл по губам: –...совы, если не приносят тебе новости?

– Ага, – торжествующим шёпотом добавил дядя Вернон, – отвечай-ка, парень! Как будто мы не знаем, что ты получаешь все ваши новости от этих мерзких птиц.

На мгновение Гарри заколебался. Правду говорить было нелегко, хотя дядя и тётка могли и не догадываться, с каким трудом даётся ему признание.

– Совы... не носят мне новостей, – сдержанно ответил он.

– Я в это не верю, – сразу же отреагировала тётка Петунья.

– Я тоже, – сердито добавил дядя Вернон.

– Мы знаем, ты что-то замышляешь, – продолжила тётка Петунья.

– Мы не дураки, и тебе это известно, – заявил дядя Вернон.

– Вот *это* уж точно для меня новость, – раздражённо бросил Гарри и, прежде чем Дёрзли успели позвать его обратно, развернулся, пересёк лужайку перед домом, перешагнул через низкий заборчик и пошёл по улице.

Он знал, что теперь его ждут неприятности. Потом ему придётся поплатиться перед дядей и тётей за подобную дерзость, но сейчас его это не заботило: сейчас его волновали куда более серьёзные проблемы.

Гарри не сомневался, что с подобным хлопком кто-то аппарировал или дезаппарировал. С точно таким же звуком исчезал домовый эльф Добби. Неужели Добби сейчас здесь, на Бирючинном проезде? Вдруг в этот самый момент идёт следом? Как только Гарри в голову пришла эта мысль, он тут же обернулся кругом и оглядел Бирючинный проезд, но улица казалась совершенно пустынной, а Гарри был уверен, что Добби не умеет становиться невидимым.

Он шагал и шагал, плохо представляя себе, куда, – в последнее время так часто ходил по этим улицам, что ноги сами несли его по привычному маршруту. И через каждые несколько шагов оглядывался через плечо. Сомнений не было: когда он лежал там, среди увядающих бегоний тёти Петунии, рядом с ним находился кто-то из магического мира. Почему же с ним не заговорили, почему не дали о себе знать, почему теперь скрываются?

Но мало-помалу уверенность улетучивалась, а разочарование становилось острее.

Наверное, этот хлопок никакого отношения к магии не имел. Вполне возможно, Гарри попросту слишком остро среагировал на самый обычный шум – потому что уже отчаялся получить хоть крошечную весточку из мира, которому принадлежал душой и телом. Ведь *не исключено*, что это в доме у соседей что-нибудь обвалилось?

На душе у Гарри стало тошно и пасмурно – знакомое чувство, которое преследовало его всё лето.

Завтра в пять утра его разбудит будильник – нужно будет заплатить сове, которая приносит «Ежедневный пророк», но какой смысл его читать? Изо дня в день Гарри просматривал лишь заголовки первой страницы и тут же отбрасывал газету: когда идиоты-газетчики наконец-то поймут, что Волдеморт вернулся (а ничто другое Гарри не волновало), то об этом точно напишут на первой полосе.

Если повезёт, совы принесут и письма от его лучших друзей – Рона и Гермионы, хотя Гарри давным-давно оставил всякую надежду на то, что в их письмах окажется ценная информация.

«Про Сам Знаешь Кого мы болтать не можем, понятное дело... Нам сказали не писать ничего важного, потому что письма могут перехватить... У нас дел по горло, но подробно писать не могу... Много чего происходит, но всё расскажем при встрече...»

Но когда будет эта встреча? Похоже, точная дата никого не волновала. В открытке ко дню рождения Гермиона написала: «*Надеюсь, мы увидимся очень скоро*», но как скоро наступит это «скоро»? Насколько Гарри мог судить по неопределённым намёкам в письмах, Гермиона и Рон были вместе, возможно дома у Рона. Думать о том, как они развлекаются в Норе, пока он торчит тут, на Бирючинном проезде, было невыносимо. На самом деле Гарри был настолько зол на них, что выбросил, даже не открыв, посланные ко дню рождения две коробки

шоколадных конфет из «Пригоршни сластей».⁴ После увядших листиков салата, которые достались ему в тот день на ужин от тёти Петунии, об этом пришлось пожалеть.

И чем же так заняты Рон и Гермиона? Почему он, Гарри, этим не занят? Разве он не доказал, что может справиться с тем, что им не по силам? Неужели о его заслугах все забыли? Разве не *он* очутился на том кладбище и видел, как убили Седрика, разве не *его* привязали к надгробной плите, и едва не убили?

«*Не думай об этом*», – категорично приказал себе Гарри, в сотый раз за лето. Он и так постоянно оказывался на кладбище в страшных снах, не хватало ещё размышлять об этом наяву.

Он свернул на Магнолия-кресцент,⁵ дошёл до середины, потом завернул в узкий проулок за гаражами, где когда-то впервые столкнулся со своим крёстным. По крайней мере Сириус-то, кажется, понимал, каково приходится Гарри. Хотя в его письмах тоже не было никаких важных новостей, но уж во всяком случае дразнящих намёков крёстный не писал, а предостерегал и утешал:

«Твоё разочарование всем происходящим мне понятно... Будь паинькой и всё образуется... Будь осторожен и не совершай опрометчивых поступков...»

«Ну и ладно», – размышлял Гарри, пройдя Магнолия-кресцент и свернув на Магнолия-роуд, в сторону темнеющего парка с детской площадкой, – «я делаю всё (ну, почти всё), как советует Сириус». Во всяком случае, он не поддаётся искушению привязать к метле сундук и своим ходом отправиться в Нору.

На самом деле Гарри считал, что ведёт себя просто идеально, – учитывая своё отчаяние и злость на то, что приходится так долго торчать на Бирючинном проезде и прятаться на клумбах в надежде услышать хоть какой-нибудь намёк на то, чем занимается Лорд Волдеморт. И всё-таки, как ни крути, досадно выслушивать подобное от человека, который двенадцать лет провёл в Азкабанае, тюрьме для колдунов, сбежал оттуда, чтобы совершить убийство, за которое и был осуждён изначально, а потом скрылся от преследования на украденном гиппогрифе.

Гарри перелез через запертые ворота парка и побрёл по выжженной солнцем траве. Парк был так же пуст, как и окрестные улицы. Подойдя к качелям, Гарри сел на те последние, которые ещё не успел сломать Дадли со своими приятелями, обхватил рукой цепь и, понурившись, опустил голову.

Теперь он даже на клумбе Дёрзли прятаться не сможет. Завтра придётся изобрести другой способ слушать новости. А пока ему предстоит только очередная изматывающая, тревожная ночь, потому что даже когда кошмаров о Седрике нет, то мучают сны про длинные тёмные коридоры, которые вечно заканчиваются тупиками и запертыми дверями, – наверное от безысходности, в которой он оказался наяву. Порой шрам на лбу тревожно саднил, но

⁴ Honeydukes (honey – сладость; honey dew – нектар; dukes – герцог, кулак)

⁵ Magnolia Crescent (магнолия традиционно используется для живых изгородей; crescent – изогнутая улица, застроенная домами, стоящими вплотную, переулок)

Гарри больше не обольщался, что этот факт заинтересует Рона, или Гермиону, или Сириуса. Раньше шрам болел, предупреждая, что Волдеморт становится всё сильнее, а теперь, когда Волдеморт вернулся, друзья скорее всего напомним, что постоянное покалывание вполне закономерно... что волноваться не о чем... что эта новость устарела...

Гарри так остро осознал всю несправедливость происходящего, что захотелось заорать от бешенства. Если бы не он, то никто бы и не узнал, что Волдеморт вернулся! И в награду за всё он уже целых четыре недели торчит в этом Литтл-Уингинге, без всякой связи с магическим миром, опустился до того, что просиживает на корточках в чхлах бегониях, лишь бы иметь возможность послушать о воднолыжных достижениях волнистых попугайчиков! Как мог Дамблдор так запросто о нём забыть? Почему Рон и Гермиона встретились, а его даже не пригласили? Как долго ещё придётся по совету Сириуса сидеть смиренно и быть пай-мальчиком? Сколько ещё бороться с желанием написать в дурацкий «Ежедневный пророк» и ткнуть этих идиотов носом в то, что Волдеморт вернулся! Сердитые мысли крутились в голове у Гарри и сседали его изнутри, а вокруг опускалась душная бархатная ночь, полная запахов тёплой сухой травы, и тишину нарушал только приглушённый гул машин с дороги за парковой оградой.

Гарри не знал, как долго просидел на качелях, пока его размышления не прервал звук голосов, заставив поднять взгляд. Призрачного света окрестных уличных фонарей вполне хватало, чтобы разглядеть очертания проходивших по парку людей. Один из них во весь голос распевал непристойную песенку. Остальные хохотали. Тихо стрекотали цепи дорогих гоночных велосипедов, которых они вели рядом с собой.

Людей этих Гарри знал. Фигура впереди, несомненно, принадлежала его кузену Дадли Дёрзли – в сопровождении своей преданной свиты тот направлялся домой.

Дадли как был, так и остался необъятным, но год жёсткой диеты и открывшийся у него новый талант несколько изменили его телосложение. Дядя Вернон с упоением сообщал любому, готовому послушать, что недавно Дадли стал «чемпионом в тяжёлом весе среди юниоров на турнире по боксу школ юго-востока страны».

«Благородный спорт», как именовал это занятие дядя Вернон, сделал габариты Дадли ещё внушительнее, чем они представлялись Гарри во времена их учёбы в начальной школе, когда он служил Дадли первой боксёрской грушей. Теперь Гарри своего кузена не боялся, но всё же не считал, что Дадли, обученный бить сильнее и точнее, – это повод для радости. Все дети в округе боялись Дадли куда больше, чем «этого мальчика Поттера», который, как их предупреждали, – отъявленный хулиган и учится в Интернате св. Брутуса для неисправимых малолетних преступников.

Гарри неотступно следил за тёмными силуэтами, идущими по траве, задавался вопросом: кого они избili сегодня вечером, и вдруг поймал себя на том, что мысленно зовёт их: *«Оглянитесь... ну, давайте... оглянитесь... я тут сижу совсем один... идите сюда и только попробуйте...»*

Если бы приятели Дадли увидели, что он сидит тут в одиночестве, и попытались напасть на него, что тогда сделал бы Дадли? Он не захочет ударить в грязь лицом перед своей

компанией, но побоится провоцировать Гарри... Вот бы забавно понаблюдать за внутренней борьбой Дадли, поиздеваться над ним, посмотреть, как он не решается ответить... А если другие попробуют напасть, то Гарри готов – у него при себе палочка. Ну, пусть попробуют... Гарри хотел выместить хоть часть своего бешенства на этих парнях, которые когда-то превращали его жизнь в ад.

Но они не оборачивались, не видели его, они уже почти дошли до ворот. Гарри подавил желание окликнуть их... нарываться на стычку – неразумно... он не должен пользоваться магией... иначе ему снова грозит исключение из школы.

Голоса компании Дадли стихли: она уже скрылась из виду и направлялась по Магнолия-Роуд.

«Всё по-твоему, Сириус, – уныло подумал Гарри. – Ничего опрометчивого. И я паинька. А ведь ты бы поступил точь-в-точь наоборот».

Гарри встал и потянулся. По мнению тёти Петунии и дяди Вернона, Дадли являлся домой всегда вовремя, неважно – в котором часу, но прийти минутой позже него – значит опоздать. Дядя Вернон грозился запереть Гарри в гараже, если он ещё хоть раз вернётся домой позже Дадли, и поэтому, подавив зевок и хмурия брови, Гарри побрёл к парковым воротам.

Магнолия-роуд так же, как и Бирючинный проезд, была застроена большими квадратными домами с идеально ухоженными лужайками, которые принадлежали большим квадратным хозяевам, разъезжавшим на таких же, как у дяди Вернона, идеально чистых автомобилях.

Гарри предпочитал ночной Литтл-Уингинг, когда зашторенные окна уже светились в темноте осколками самоцветов, и ему не грозило мимоходом выслушивать неодобрительный шёпот домовладельцев, оскорблённых его «преступным» видом. Он шёл быстро, так что ещё на середине Магнолия-роуд опять увидел Дадли и его компанию: они прощались на Магнолия-кресцент. Гарри отступил в тень большого куста сирени и стал ждать.

– ...Визжал, как свинья, да? – под общее ржание говорил Малкольм.

– Классный хук правой, Большой Ди, – воскликнул Пирс.

– Завтра в то же самое время? – спросил Дадли.

– У меня потусуемя, моих родителей не будет, – это уже Гордон.

– Давай, замётано, – донёлся голос Дадли.

– Пока, Дад!

– Давай, Большой Ди!

Перед тем, как двинуться дальше, Гарри дождался, пока разойдётся остальная часть компании. Когда голоса совсем стихли, он повернул на Магнолия-кресцент и, шагая очень быстро, вскоре услышал впереди Дадли, который, фальшиво насвистывая, непринуждённым прогулочным шагом двигался в сторону дома.

– Эй, Большой Ди!

Дадли обернулся.

– О, – буркнул он, – это ты.

– Ну и с каких это пор ты стал «Большим Ди»? – съязвил Гарри.
– Заткнись, – зарычал Дадли и отвернулся.
– Классное имя, – усмехнулся Гарри и, ускорив шаг, нагнал кузена. – Но для меня ты всегда будешь «сладенький Дадличка».
– Я сказал, ЗАТКНИСЬ! – Дадли сжал в кулаки окорокоподобные руки.
– А что, ребята не знают, что тебя твоя мамочка так называет?
– Пошёл вон.
– Ты не говоришь *ей* «пошла вон». А как насчёт «Пупсик» и «Дюдик-карапузик», так тебя можно называть?

Дадли ничего не ответил. Казалось, всё его самообладание уходило в борьбу с желанием наброситься на Гарри.

– Ну, кого сегодня вечером били? – уже без усмешки спросил Гарри. – Ещё одного десятилетнего малявку? Я знаю, что вы сделали с Марком Эвансом позавчерашней ночью...

– Он сам наварлся, – буркнул Дадли.
– Да ну?
– Он мне грубил.
– Да? Сказал, что ты похож на свинью, которую научили ходить на задних ногах? Так это не грубость, Дад, это – правда.

У Дадли дёрнулся мускул на щеке. Гарри наслаждался бешенством кузена: ему казалось, что он передаёт Дадли собственное бессилие, сейчас это было для Гарри единственной отдушиной.

Они повернули на узкую дорожку, где Гарри когда-то первый раз увидел Сириуса, – дорожка соединяла Магнолия-кресцент с Уистерия-уолк. Проулок был нежилым, без уличных фонарей и поэтому более тёмным, чем соседние улицы. Стены гаража с одной стороны и высокий забор – с другой заглушали шаги.

– Думаешь, ты крутой, раз носишь с собой эту штуку? – спустя несколько секунд спросил Дадли.

– Какую штуку?
– Эту... ту, которую прячешь.
Гарри опять усмехнулся:
– Да я смотрю, Дад, ты не такой глупый, как выглядишь! Но вообще-то, если б ты был настолько глупым, то не смог бы одновременно и ходить, и говорить.

Гарри вытащил палочку. И увидел, как косится на неё Дадли.

– Вам не разрешают, – сразу заявил тот. – Я знаю, что не разрешают. Тебя выгонят из этой твоей дурацкой школы.

– Откуда ты знаешь, может там правила изменились, а, Большой Ди?
– Не изменились, – возразил Дадли, но его голос прозвучал не слишком уверенно.
Гарри приглушённо рассмеялся.
– У тебя кишка тонка справиться со мной без этой штуки? – огрызнулся Дадли.

– Да ты сам-то, без четырёх дружков в тылу, и десятилетнего не уделаешь... Думаешь, для поддержания боксёрского титула нужно колотить всех подряд? Сколько лет было твоему сопернику? Семь? Восемь?

– К твоему сведению, ему было шестнадцать, – рявкнул Дадли, – и он был в отключке двадцать минут после того, как я его свалил, а ещё он был в два раза тяжелее тебя. Смотри, вот скажу папе, что ты мне угрожал этой штукой...

– Теперь побежишь к папочке, да? Его сладенький чемпиончик по боксу испугался палочки противного Гарри?

– По ночам ты не такой храбрый, да? – осклабился Дадли.

– Сейчас ночь, Дюдик. Ночью называется время, когда темно, вот как сейчас.

– В смысле, когда ты в кровати! – взъярился Дадли.

Он остановился. Гарри тоже остановился и посмотрел на кузена.

Из того немногого, что можно было увидеть в темноте на здоровенном лице Дадли, Гарри различил его торжествующий взгляд.

– В каком смысле, в кровати я не такой храбрый? – недоумённо переспросил Гарри. – Я что, по-твоему, подушки боюсь или ещё чего?

– Я слышал тебя прошлой ночью, – затаил дыхание Дадли. – Как ты разговариваешь во сне. *Стонешь.*

– В каком смысле? – повторил Гарри, но ему стало не по себе. Простой ночью ему опять снилось кладбище.

Дадли резко хохотнул, а потом тонким, жалобным голоском передразнил:

– «Не убивайте Седрика! Не убивайте Седрика!» Кто этот Седрик? Твой парень?

– У меня... Ты врешь, – машинально отозвался Гарри, но во рту у него пересохло.

Он знал, что Дадли не врёт, иначе как бы ещё тот узнал про Седрика.

– «Папа! Помоги мне, папа! Он хочет убить меня, папа!» Ха-ха!

– Заткнись, – тихо предупредил Гарри. – Заткнись, Дадли, я тебя предупреждаю!

– «Папа, на помощь! Мама, на помощь! Он убил Седрика! Папа, помоги мне! Он хочет...» *Не наставляй на меня эту штуку!*

Дадли отступал к забору. Гарри целился палочкой прямо ему в сердце. Ненависть всех четырнадцати лет вскипела в его венах: ну почему нельзя сейчас покончить с Дадли, превратить его в насекомое, бессловесное, шевелящее усиками, пусть так и ползёт домой...

– Чтоб больше я никогда от тебя этого не слышал, – зарычал Гарри, – ты меня понял?

– Не целься в меня!

– Я спрашиваю, *ты меня понял?*

– *Не целься в меня!*

– ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛ?

– УБЕРИ ЭТУ ШТУКУ ОТ...

Дадли издал странный, задохнувшийся всхлип, как будто его окунули в ледяную воду.

С ночью что-то случилось. Усыпанное звёздами тёмно-синее небо внезапно стало непроницаемо-чёрным, пропали из виду и звёзды, и луна, и расплывчатые пятна фонарей с

обоих концов переулка. Исчезли далёкий шум автомобилей и шелест деревьев. Ласковый, душистый вечер внезапно стал пронизывающе, обжигающе-холодным. Со всех сторон нависла немая крошечная тьма, словно чья-то гигантская рука накрыла дорожку толстым и бесприсветным ледяным покрывалом.

На долю секунды Гарри показалось, будто он неосознанно сотворил какое-то колдовство, несмотря на то, что сдерживался из-за всех сил, — потом рассудок вмешался в эмоции: у него бы не хватило могущества выключить звёзды. Пробуя что-нибудь разглядеть, он вертел головой во все стороны, но темнота невесомым занавесом липла к глазам.

Тишину взорвал испуганный голос Дадли:

— Ч-что ты д-делаешь? П-перестань!

— Я ничего не делаю! Заткнись и не шевелись!

— Я н-не вижу! Я ос-слеп! Я...

— Я сказал — заткнись!

Гарри не двигался с места, невидящими глазами уставившись то влево, то вправо. Похолодало так сильно, что всё тело била дрожь: по рукам помчались мурашки, а волосы на затылке встали дыбом. Он открыл глаза как можно шире, тщетно стараясь разглядеть хоть что-нибудь.

Этого не может быть... их здесь не может быть... только не в Литл-Уингинге... нужно внимательно слушать... их будет слышно раньше, чем видно...

— Я ра-аскажу папе! — прохныкал Дадли. — Г-где ты? Ч-что ты д-делаешь?..

— Ты можешь заткнуться? — прошипел Гарри. — Нужно слу...

И тут он замолчал. Потому что услышал именно то, чего боялся.

В проулке, кроме них, было нечто, что издавало длинные, хриплые, шумные вздохи. Гарри, дрожавшего от ледяного воздуха, теперь затрясло от жуткого страха.

— Перес-стань! Кончай это делать! Я тебя у-ударю, клянусь, ударю!

— Дадли, заткнись...

БУМ.

Кулак угодил в висок и сбил с ног. Перед глазами замелькали яркие белые звёздочки. Второй раз за час Гарри показалось, что голова раскололась надвое; в следующий момент он уже ничком лежал на земле, а палочка вылетела из рук.

— Ты идиот, Дадли! — завопил Гарри.

От боли из глаз брызнули слёзы, он встал на четвереньки и в крошечной тьме принялся шарить руками вокруг. И тут услышал, как Дадли убегает, спотыкаясь и наталкиваясь на забор.

— ДАДЛИ, ВЕРНИСЬ! ТЫ БЕЖИШЬ ПРЯМО НА НЕГО!

Раздался ужасный, громкий визг, и топот Дадли стих. Одновременно с этим Гарри спиной почувствовал склизкий озноб, который мог означать только одно. Тот, впереди — не единственный.

— ДАДЛИ, ДЕРЖИ РОТ НА ЗАМКЕ! ЧТО БЫ ТЫ НИ ДЕЛАЛ, ДЕРЖИ РОТ НА ЗАМКЕ! Палочка! — в отчаянии бормотал Гарри, его руки бежали по земле как пауки. — Где... палочка... ну же... *Lumos!*

Он произнёс заклинание непроизвольно, потому что отчаянно нуждался в свете, чтобы облегчить поиск, и с невероятным облегчением увидел, как в дюйме от правой руки вспыхнул огонёк – зажётся кончик палочки. Гарри схватил её, вскочил и обернулся.

И чуть не потерял сознание.

Плавнo скользя всё ближе и ближе, над ним вздымалась фигура в капюшоне; она парила над землёй – из-под плаща не было видно ни лица, ни ног, и по дороге всасывала в себя ночь.

Гарри шагнул назад, запнулся, вскинул палочку:

– *Expecto patronum!*

Из кончика палочки выстрелила струйка серебристого дыма, и приближение дементора замедлилось, но заклинание не сработало как следует; дементор всё придвигался, Гарри стал пятиться, ноги заплетались, а голова кружилась от страха... «Сконцентрируйся» ...

Из-под одежда дементора появились серые, слизистые, покрытые струпами руки и потянулись к нему. У Гарри внезапно заложило уши.

– *Expecto patronum!*

Голос прозвучал тихо, словно издалека. Ещё одна лёгкая струйка серебряного дыма, слабее, чем прежняя, вылетела из палочки – на большее Гарри был не способен, заклинание не срабатывало...

В голове Гарри раздался смех, резкий пронзительный смех... Его лёгкие заполняло смрадное, мертвенно-холодное дыхание дементора, он тонул в этой могильной вони... «Вспоминай... что-нибудь счастливое ...»

Но счастливых мыслей не подворачивалось... ледяные пальцы дементора сжимались на его горле, пронзительный смех становился всё громче и громче, а в голове звучал голос: «Кланяйся смерти, Гарри... может быть, это даже не больно... откуда мне знать... я никогда не умираю...»

Он никогда больше не увидит Рона и Гермиону...

На последнем издыхании в сознании Гарри чётко вспыхнули их образы.

– *EXPECTO PATRONUM!*

Из кончика палочки Гарри вырвался огромный серебряный олень: его рога воткнулись дементору туда, где должно быть сердце, и отбросили назад как невесомую тень; поверженный оленем, дементор отпрянул, словно летучая мышь, и исчез.

СЮДА! – крикнул оленю Гарри.

Развернувшись кругом, он бросился бежать по дорожке, подняв светящуюся палочку:

– ДАДЛИ? ДАДЛИ!

Ему понадобилась всего дюжина шагов, чтобы добежать до них. Дадли свернулся на земле, закрыв руками лицо. Второй дементор склонился к нему, захватив слизистыми пальцами его запястья, отрывая от лица ладони, медленно, почти любовно разводя руки Дадли в стороны, и опуская закрытую капюшоном голову к его лицу так, будто собирался его поцеловать.

– ВЗЯТЬ ЕГО! – заорал Гарри.

Серебряный олень вихрем просвистел мимо Гарри. Безглазое лицо дементора было всего в дюйме от лица Дадли, когда серебряные рога подцепили его; тварь подбросило в воздух, она, как и первая, высоко подлетела и скрылась в темноте; олень проскакал до конца проулка и рассеялся серебряным туманом.

Тут же разом вновь вспыхнули луна, звёзды и уличные фонари. В проулке задул тёплый ветерок. В соседних садах зашелестели деревья, и с Магнолия-кресцент донёсся обычный рокот автомобилей.

Такое внезапное возвращение привычной обстановки Гарри совершенно ошеломило. Его била нервная дрожь, а через мгновение он осознал, что футболка прилипла к телу, вся мокрая от пота.

Этого не может быть! Дементоры *здесь*, в Литтл-Уингинге.

Дадли скорчился на земле, дрожа и постанывая. Гарри наклонился к нему посмотреть, в каком он состоянии и способен ли встать, но вдруг услышал позади себя громкие торопливые шаги. Инстинктивно подняв палочку, он резко повернулся, чтобы встретить пришельца лицом к лицу.

Пришельцем оказалась задыхающаяся миссис Фигг, их сумасшедшая старая соседка. Из-под сеточки для волос выбились седые пряди, на запястье, побрякивая, качалась хозяйственная авоська, с ног сваливались клетчатые войлочные тапочки.

Гарри поспешно принялся прятать палочку подальше с глаз миссис Фигг, но тут...

— Не убирай её далеко, глупый мальчишка! — завопила она. — Вдруг здесь ещё и другие есть? Ох, я *убью* Мундунгуса Флетчера!

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОВЕПАД

– Что? – машинально переспросил Гарри.

– Он смылся! – всплеснула руками миссис Фигг. – Смылся покупать какие-то дурацкие ворованные котлы!⁶ Я ведь ему сказала, что шкуру живьём спущу, если он что-нибудь прохлопает... и вот на тебе! Дементоры! Какое счастье, что я на всякий случай подослала мистера Тибби! Но только прохлаждаться тут у нас времени нет! Скорей, нужно быстренько вернуть тебя домой! Ох, не миновать беды! Я его *убью*!

– Но... – для Гарри стало откровением, что его сумасшедшая старая соседка-кошатница в курсе, кто такие дементоры, и потрясло не меньше, чем встреча с ними на этой узкой дорожке, – ...вы... вы ведьма?

– Я сквиб, и Мундунгусу это известно не хуже, чем мне! И как, скажите на милость, я должна помогать тебе отбиваться от дементоров? Оставил тебя без всякого прикрытия, а ведь я его *предупреждала* ...

– Так это Мундунгус следил за мной? Подождите... это был *он*! Это он дезаппарировал у моего дома!

– Да, да, *да*, но к счастью я, на всякий случай, посадила мистера Тибби под автомобиль, он примчался и предупредил меня, но пока я добралась до твоего дома, тебя там уже и след простыл... а теперь... ох, и *что* теперь скажет Дамблдор? Ты! – завопила она Дадли, который апатично лежал на тротуаре. – Поднимай свою жирную задницу, быстро!

– Вы знаете Дамблдора? – уставился на неё Гарри.

– Конечно, я знаю Дамблдора, кто же не знает Дамблдора? Ну, *давай же*... Если они вернуться, я ничем не смогу тебе помочь, мне-то и чайный пакетик не трансфигурировать.

Она наклонилась, вцепилась сухопарыми руками в одну из здоровенных рук Дадли и потащила его:

– Вставай, никчёмная туша, *вставай*!

Но Дадли или не мог, или не хотел двигаться. Он лежал на земле в той же позе, с пепельно-серым лицом, трясся и крепко сжимал рот.

– Давайте я... – Гарри схватил Дадли за руку и стал его поднимать.

Поставить его на ноги Гарри удалось с огромным трудом. Казалось, что Дадли вот-вот снова рухнет. Его маленькие глазки выкатились из орбит, лицо покрылось бисеринками пота. Как только Гарри отпускал его, он тут же опасно кренился вбок.

– Быстрей! – истерично воскликнула миссис Фигг.

Гарри обернул одну из тяжёлых рук Дадли вокруг своих плеч и, согнувшись под его тяжестью, потащил к дороге. Миссис Фигг проковыляла вперёд и с беспокойством заглянула за угол.

⁶ 1 в оригинале “fell off the back of a broom” – букв. “свалилось с метлы”, производное от “It fell off the back of a lorry” – эвфемизм, обозначающий “краденное”, “ворованное”

– Не выпускай из рук палочку, – велела она Гарри, когда они дошли до Уистерия-уолк. – О Статуте Секретности и думать забудь, всё равно, как ни крути, расплачиваться придётся – красть, так Философский Камень...⁷ А насчёт Разумного ограничения применения волшебства несовершеннолетними... вот как раз *этого* и боялся Дамблдор... Что там, в конце улицы? А, всего лишь мистер Прентис... не прячь палочку, мальчик, я, что, не говорила тебе, что от меня мало толку?

Одновременно держать наготове палочку и буксировать Дадли было очень непросто. Гарри раздражённо ткнул кузена локтем под рёбра, но тот, казалось, утратил всякое желание двигаться самостоятельно. Он тяжело навалился Гарри на плечо и с трудом переступал огромными ножищами.

– Миссис Фигг, почему вы не сказали мне, что вы сквиб? – задыхаясь, спросил на ходу Гарри. – Я столько раз заходил к вам в гости... почему вы ничего мне не сказали?

– Приказ Дамблдора. Я должна была присматривать за тобой, но ничего тебе не говорить, маленький ты ещё. Как же мне жаль, Гарри, что я тебе так кровь испортила, но Дёрзли запретили бы тебе ко мне в гости приходить, если бы решили, что тебе это нравится. Нелегко мне было, уж поверь... Подумать только... – она опять всплеснула руками и горестно продолжила: –...Если Дамблдор обо всём узнает... как же Мундунгус посмел уйти, когда ему положено было дежурить вплоть до полуночи... *ну и где он?* Как мне теперь объяснять Дамблдору, что произошло? Я не умею аппарировать.

– У меня есть сова, можете её позанимствовать... – выдавил Гарри, размышляя, сломается ли его позвоночник под весом Дадли, или нет.

– Гарри, ты не понимаешь! Дамблдор должен вмешаться как можно быстрее... у Министерства есть свои способы обнаружить применение магии несовершеннолетними, они всё узнают раньше, помани моё слово...

– Но я ведь отгонял дементоров, хочешь-не хочешь, пришлось пользоваться магией... наверняка их куда больше должно волновать, с чего это дементоры шляются на Уистерия-уолк?

– Ох, милый мой, если бы так, да только боюсь я... МУНДУНГУС ФЛЕТЧЕР, Я ТЕБЯ УБЬЮ!

Раздалось громкое «хлоп!», и сначала в ноздри ударил крепкий запах перегара пополам с прокуренным душком, а затем прямо перед ними материализовался приземистый небритый мужчина в рваном пальто. У него были короткие кривые ноги, длинные, всклокоченные рыжие волосы и налитые кровью глаза, мешки под которыми придавали ему скорбный вид бассет-хаунда. В руке мужчина сжимал серебристый сверток, – Гарри мгновенно определил, что это плащ-невидимка.

– Ты чё, Фигги? – мужчина поглядел на миссис Фигг, потом на Гарри и Дадли. – Чё стоим, хде прикрытие?

⁷ 2 в оригинале миссис Фигг говорит: “well be hanged for a dragon as an egg”. Это перефразировка поговорки “As well be hanged for a sheep as for a lamb”, что соответствует русской “Семь бед – один ответ”.

– Я тебе покажу *«прикрытие»*! – раскричалась миссис Фигг. – Тут *дементоры*, ясно тебе, ворюга подлый, жалкий халтурщик!

– *Дементоры?* – ошеломлённо повторил Мундунгус. – Где дементоры?

– Да здесь же, ах ты, кучка крысиных какашек, здесь! – вопила миссис Фигг. – В твоё дежурство на мальчика напали дементоры!

– Иди ты... – промямлил Мундунгус, растерянно переводя взгляд с миссис Фигг на Гарри и обратно. – Иди ты... а я...

– А ты гоняешь на барахолку за краденными котлами! Разве не говорила я тебе, чтобы ты не уходил? *Не говорила ТЕБЕ?*

– Я... ну ладно... я... – вид у Мундунгуса был совершенно сконфуженный. – Ну... такое клёвое дельце было, понимаешь...

Миссис Фигг размахнулась, и рукой, на которой висела авоська, с размаху хлопнула Мундунгуса по уху. Судя по звяканью, которым сопровождался удар, стало ясно, что авоська полна кошачьих консервов.

– Ух... отстань... отстань... ах ты,мышь летучая-приставучая! Кто-то ж должен сказать Дамблдору!

– Да... вот... именно...! – миссис Фигг продолжала дубасить кошачьими консервами Мундунгуса по всем местам, куда могла дотянуться. – И... лучше... если... это... будешь... ты... сам... и... объяснишь... ему... почему... не... смог... прийти... на... помощь!

– Чепчик попридержи! – завопил Мундунгус и пригнулся, закрывая руками голову. – Я пошёл... пошёл!

И с ещё одним громким *«хлоп!»* исчез.

– Надеюсь, Дамблдор *убьёт* его! – испуганно выкрикнула миссис Фигг. – Шагай, Гарри, чего ты ждёшь?

Гарри решил не тратить попусту силы на объяснения того, что может двигаться только вместе с тушей Дадли. Подтолкнул плечом полубесчувственного кузена и зашагал дальше.

– Я провожу тебя до двери, – сказала миссис Фигг, когда они свернули на Бирючинный проезд, – на всякий случай, вдруг они ещё здесь... подумать только, страсти-то какие... тебе пришлось с ними бороться самому... А Дамблдор сказал, что мы должны любой ценой не давать тебе пользоваться магией... ладно, что теперь плакать о пролитом зелье,⁸ вот что я думаю... но всё ж таки, пустили гнома в сад...⁹

– А что... – задыхался Гарри, – ...Дамблдор... сказал... следить за мной?

– А как же! – возмущённо запричитала миссис Фигг. – А ты думал, что он позволит тебе разгуливать в одиночку после того, что случилось в июне? О, господи, мальчик, а мне говорили, что ты сообразительный... в здравом уме... ну, давай, заходи в дом и даже нос

⁸ 3 в оригинале миссис Фигг говорит: “it’s no good crying over spilt potion”. Это перефразировка поговорки “it is no use crying over spilt milk”, что соответствует русской “Слезам горю не поможешь”

⁹ 4 в оригинале миссис Фигг говорит: “but the cat’s among the pixies now”. Это перефразировка поговорки “to put the cat among the pigeons”, что соответствует русской “Пустить козла в огород”

наружу не высовываяй... – распорядилась она, когда они добрались до дома номер четыре. – Я думаю, с тобой вскорости свяжутся.

– А вы что будете делать? – быстро уточнил у неё Гарри.

– Пойду прямо домой, – миссис Фигг оглядела тёмную улицу и поёжилась, – мне нужно ждать следующих инструкций. Только никуда не выходи. Спокойной ночи.

– Постойте, не уходите! Я хотел спросить...

Но миссис Фигг уже рысью потрусила прочь, шлёпая войлочными тапочками и звеня авоськой.

– Подождите! – крикнул Гарри ей вслед.

У него был миллион вопросов, которые хотелось задать хоть кому-нибудь, кто встречался с Дамблдором, но миссис Фигг через пару секунд скрылась в темноте.

Нахмурившись, Гарри поправил Дадли на плече и протатил его несколько последних, мучительных шагов через лужайку дома номер четыре.

В прихожей горел свет. Гарри заткнул палочку за пояс джинсов и нажал кнопку звонка, за рельефным стеклом входной двери появился силуэт тёти Петунии, всё вырастая и причудливо искажаясь.

– Дадлик! Уже так поздно... я так волнова... волновалась... *Дадлик, в чём дело!*

Гарри скосил глаза на Дадли и успел очень вовремя выскользнуть из-под него. Дадли зашатался, лицо его мертвенно позеленело... А потом он открыл рот, и его стошнило точно на дверной коврик.

– ДАДЛИК! Дадлик, что с тобой случилось? Вернон? ВЕРНОН!

Гаррин дядя вперевалку притопап из гостиной, тряся туда-сюда отвисшими усами, как всегда, когда был взволнован. Он рванулся помогать тёте Петунии переводить бесчувственного Дадли через порог, стараясь при этом не наступить в лужу рвоты.

– Вернон, он болен!

– Что с тобой, сынок! Что случилось? Миссис Полкисс дала вам к чаю что-то иностранное?

– Почему ты весь в грязи, дорогой? Ты лежал на земле?

– Подожди... тебя не ограбили, а, сынок?

Тётя Петуния завизжала:

– Звони в полицию, Вернон! Позвони в полицию! Дадлик, родной, поговори с мамочкой! Что они с тобой сделали?

Во всей этой суматохе никто, казалось, не замечал Гарри, что его абсолютно устраивало. Ему удалось проскользнуть внутрь прямо перед тем, как дядя Вернон захлопнул дверь и, в то время как Дёрзли с грохотом продвигались из прихожей в сторону кухни, Гарри, не привлекая к себе внимания, осторожно направился в сторону лестницы.

– Кто это сделал, сынок? Скажи, как их зовут. Мы проучим их, не волнуйся!

– Тссс! Он пытается что-то сказать, Вернон! Кто это, Дадлик? Скажи мамочке!

Гарри уже занёс ногу на первую ступеньку, когда Дадли обрёл дар речи.

– Он.

Гарри застыл с поднятой ногой, повернул голову и приготовился к самому худшему.

– ЭЙ, ПАРЕНЬ! ПОДИ СЮДА!

Со смешанным чувством страха и злости Гарри убрал ногу со ступеньки и, повернувшись, последовал за Дёрзли.

Идеально чистая, сверкающая кухня после уличной темноты казалась странно неестественной. Тётя Петуния довела Дадли до стула; вид у него был по-прежнему очень бледный и к тому же очень липкий. Дядя Вернон, остановившись у раковины, маленькими, сузившимися глазками впился в Гарри.

– Что ты сделал моему сыну? – угрожающе прорычал он.

– Ничего, – ответил Гарри, прекрасно понимая, что дядя Вернон не поверит ни одному его слову.

– Что он сделал тебе, Даддик? – дрожащим голосом спросила тётя Петуния, губкой стирая блевотину с кожаной куртки Дадли. – Это было... это было... «то самое», да, деточка? Он пользовался... своей *штукой*?

Дадли вздрогнул и слабо кивнул.

Тётя Петуния взвизгнула, а дядя Вернон замахнулся кулаком. Гарри отрезал:

– Я не делал этого! Ничего я ему не делал, это был не я, это были...

Но в этот момент в окно кухни с уханьем влетела сова. Чудом избежав столкновения с макушкой дяди Вернона, она пролетела через кухню, выронила из клюва большой пергаментный конверт к ногам Гарри, изящно развернулась, задев холодильник краем крыла, вылетела прочь и исчезла в саду.

– СОВЫ! – взревел дядя Вернон, и на его виске угрожающе вздулись вены. Он шумно захлопнул окно кухни. – ОПЯТЬ СОВЫ! В МОЁМ ДОМЕ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ СОВ!

Но Гарри уже разорвал конверт и вытащил письмо, чувствуя неприятный ком в горле.

«Уважаемый мистер Поттер,

Согласно полученным нами сведениям, сегодняшним вечером, в девять часов двадцать три минуты, Вы воспользовались чарами «Патронус» в магглонаселённом районе и в присутствии маггла.

В соответствии с Пунктом 70 Декрета о разумном ограничении применения волшебства несовершеннолетними, Вы подлежите исключению из школы колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс». В кратчайшие сроки представители Министерства навестят Вас по месту Вашего жительства с тем, чтобы уничтожить Вашу палочку.

Поскольку Вы уже получали однажды уведомление от должностного лица по факту аналогичного нарушения, то, в соответствии со Статьей 13 Статута Секретности Международной Конфедерации Чародеев, мы вынуждены поставить Вас в известность о том, что Вам надлежит присутствовать на дисциплинарном слушании, которое состоится в 9 утра 12 августа в Министерстве магии.

Всего наилучшего,

искренне Ваша,

Мафальда Хопкёрк

Отдел Неправомерного применения магии

Министерство магии».

Гарри прочёл письмо дважды. Он с трудом понимал, что говорят дядя Вернон и тётя Петунья. В голове царил леденящая пустота. Только одно сейчас имело значение, и это единственное пронзило его сознание, как отравленный дротик. Он исключён из Хогвартса. Навсегда. И больше туда никогда не вернётся.

Он поднял глаза на Дёрзли. Дядя Вернон, с багровым лицом, по-прежнему потрясал кулаками, тётя Петунья обнимала Дадли, который снова блевал.

Во временно парализованном мозгу Гарри, кажется, слегка прояснилось. «*В кратчайшие сроки представители Министерства навестят Вас по месту Вашего жительства с тем, чтобы уничтожить Вашу палочку*». Выход только один – бежать. Прямо сейчас. Куда пойти, Гарри не знал, но в одном был уверен: в Хогвартсе или вне Хогвартса, без палочки ему не обойтись. Плохо отдавая себе отчёт в том, что делает, Гарри вытащил палочку и развернулся к выходу из кухни.

– Куда это ты собрался? – заорал дядя Вернон. Поскольку Гарри ничего не ответил, он грузно потопал через кухню, чтобы перекрыть проход в прихожую: – Я с тобой ещё не закончил, парень!

– Уйдите с дороги, – тихо сказал Гарри.

– Ты останешься здесь и объяснишь, почему мой сын...

– Если не уйдёте с дороги, я на вас сглаз наложу, – Гарри поднял палочку.

– Руки коротки! – зарычал дядя Вернон. – Я-то знаю, что тебе запрещается этим самым пользоваться за пределами того дурдома, который ты называешь школой!

– Из дурдома меня отчислили, – ровно ответил Гарри, – так что руки у меня развязаны. Считаю до трёх. Раз... Два...

По кухне эхом прокатилось: «БА-БАХ!»

Тётя Петунья заверещала, дядя Вернон взвыл и пригнулся, а Гарри, уже третий раз за этот вечер, принялся искать причину переполоха, вызванного не им. Причина нашлась быстро: ошеломлённая и взъерошенная сова-сипуха только что столкнулась с закрытым окном и сейчас сидела на карнизе.

Проигнорировав страдальческий вопль дяди Вернона «СОВЫ!», Гарри бросился открывать окно. Сова вытянула лапку, к которой был привязан небольшой пергаментный свиток, отряхнулась, и, как только Гарри подхватил письмо, унеслась прочь. Дрожащими руками Гарри развернул второе послание, нацарапанное в спешке и пестревшее чёрными кляксами.

«Гарри,

*Дамблдор уже добрался до Министерства и пытается всё уладить. НЕ
ВЫХОДИ ИЗ ДОМА ТЁТИ И ДЯДИ. МАГИЮ БОЛЬШЕ НЕ
ПРИМЕНЯЙ. ПАЛОЧКУ НЕ СДАВАЙ.*

Артур Уизли».

Дамблдор пытается всё уладить... что это значит? Неужто Дамблдор сильнее Министерства магии? Значит, есть шанс, что ему позволят вернуться в Хогвартс? Маленький лучик надежды сверкнул в душе Гарри, но тотчас был потушен паникой – как же можно

отказаться сдать палочку, не пользуясь магией? Положим, он устроит дуэль с представителями Министерства, но в таком случае хорошо, если удастся Азкабана избежать, что уж там говорить об исключении.

Его мысли стремительно перескакивали с одного на другое... можно сбежать, рискуя угодить в лапы министерским ищейкам, или остаться здесь и ждать, пока они сами придут за ним. Первый вариант намного привлекательней, но и мистер Уизли, понятно, плохого не посоветует... в конце концов, Дамблдор улаживал дела и похуже.

– Хорошо, – пробормотал Гарри, – я передумал, я остаюсь.

Он плюхнулся за кухонный стол напротив Дадли и тётки Петунии. Столь резкая смена настроения всех Дёрзли, судя по всему, ошарашила. Тётя Петунья в отчаянии посмотрела на дядю Вернона; у того вена на багровом виске вздулась пуще прежнего.

– Откуда все эти проклятые совы? – прохрипел он.

– Первая из Министерства магии, о моём исключении... – ровно ответил Гарри.

Он прислушивался к любому шороху снаружи – вдруг появятся представители Министерства, а слушать куда проще, если на вопросы дяди Вернона отвечать, чем если дядя начнёт рвать и метать.

– ...А вторая от папы моего друга Рона. Его папа работает в Министерстве.

– *Министерстве магии?* – заревел дядя Вернон. – Такие люди, как ты – *в правительстве?* Теперь понятно, почему страна катится ко всем чертям!

Поскольку Гарри не ответил, дядя Вернон впился в него взглядом, а потом выплюнул:

– И почему тебя исключили?

– Потому что я пользовался магией.

– АГА! – громогласно воскликнул дядя Вернон и стукнул кулаком по дверце холодильника.

Холодильник подпрыгнул и открылся, из него вывалились на пол и лохнули Дадлины диетические йогурты.

– Так ты признаёшься! *Что ты сделал с Дадли?*

– Ничего, – ответил Гарри, слегка теряя терпение, – это был не я...

– О-он... – неожиданно застонал Дадли.

Дядя Вернон и тётя Петунья тут же замахали руками на Гарри, чтобы тот замолчал, и склонились к Дадли.

– Продолжай, сынок, – пропыхтел дядя Вернон. – Что он сделал?

– Скажи нам, деточка, – зашептала тётя Петунья.

– Он на меня палочку наставил... – пробормотал Дадли.

– Да, наставил, но не использовал... – сердито начал Гарри, – а...

– МОЛЧИ! – в унисон завопили дядя Вернон и тётя Петунья.

– Продолжай, сынок, – повторил дядя Вернон, яростно раздувая усы.

– Всё стало темно... – дрожа, хрипло продолжил Дадли, – ...совсем темно. А потом на-начались... *разговоры*. У меня в г-голове...

Дядя Вернон и тётя Петунья обменялись взглядами, полными беспредельного ужаса. Если больше всего в жизни они ненавидели магию, а после магии на втором месте стояли

соседи, которые умудрялись жульничать с поливалками почище самих Дёрзли, то первую десятку уверенно замыкали люди, слышащие голоса. Они, должно быть, решили, что Дадли потерял рассудок.

— Что за разговоры, пупсик? — побледнев, выдохнула тётя Петуния, со слезами на глазах.

Но Дадли, похоже, был не в состоянии закончить мысль. Он снова задрожал и затряс большой белобрысой головой. И Гарри, несмотря на паническое оцепенение, охватившее его после первой совы, ощутил некоторое любопытство. Дементоры заставляли человека заново переживать самые худшие моменты его жизни. Что же пришлось выслушать испорченному, избалованному, наглому Дадли?

— Почему ты упал, сынок? — неестественно тихим голосом, как у постели тяжелобольного, спросил дядя Вернон.

— Я с-споткнулся... — дрожа, пробормотал Дадли. — ...А потом...

Он схватился за могучую грудь. Гарри догадался: Дадли вспомнил липкий холод, который заполняет легкие, когда из тебя высасывают надежду и счастье.

— Такой ужас... — прохрипел Дадли. — Холодно... жутко холодно...

— Понятно, — деланно спокойным тоном произнёс дядя Вернон.

Тётя Петуния взволнованно пощупала лоб Дадли, проверяя у него температуру:

— А потом что произошло, Даддик?

— Мне стало... стало... стало... так... так...

— Так, как будто счастья больше не будет никогда, — бездумно закончил Гарри.

— Да... — дрожа всем телом, прошептал Дадли.

— Так-так! — дядя Вернон выпрямился, его голос уже обрёл свою обычную мощь. — Ты навёл какой-то дурман на моего сына, чтобы он слышал голоса и считал, что... что ему суждено стать нищим, или вроде того, правильно?

— Сколько можно повторять? — у Гарри повысилось и раздражение, и голос. — *Это был не я!* А свора дементоров!

— Свора... какой-такой фигни?

— Де-мен-то-ров, — медленно и чётко повторил Гарри, — их было двое.

— И что за чертовщина такая — эти дементоры?

— Они охраняют Азкабан, тюрьму для колдунов, — проговорила тётя Петуния.

На две секунды воцарилась звенящая тишина, только потом тётя Петуния прикрыла рукой рот, как будто лягнула что-то в высшей степени неприличное. Дядя Вернон молча вытаращился на неё. У Гарри голова пошла кругом. Ну, пусть миссис Фигг... но *тётя Петуния?*

— Откуда вы знаете? — поражённо спросил он.

Тётя Петуния стояла с таким видом, словно сама себе ужасалась. Она испуганно и пристыженно посмотрела на дядю Вернона, потом опустила немного руку, демонстрируя лошадиные зубы.

— Я слышала... как тот гадкий мальчишка... про них рассказывал *ей* ... давным-давно, — сбивчиво проговорила она.

— Если вы имеете в виду моих маму и папу, то почему их по именам не называете? — с вызовом спросил Гарри.

Но тётя Петуния даже внимания на него не обратила. Видимо, жутко разволновалась.

Гарри был просто ошарашен. Он ни разу не слышал, чтобы она упоминала свою сестру, только однажды, несколько лет назад, в приступе бешенства она орала, что его мать была ненормальной. Уму непостижимо — она так долго хранила в памяти эти обрывки сведений о магическом мире, и всё время старательно делала вид, что этого мира не существует.

Дядя Вернон открыл рот, потом закрыл его, снова открыл, закрыл и, наконец, очевидно с трудом вспомнив, как нужно разговаривать, открыл в третий раз и прохрипел:

— Так... так... они... э-э... они... э-э... они в самом деле... эти... дементы... как их?

Тётя Петуния кивнула.

Дядя Вернон перевёл взгляд с тёти Петунии на Дадли, потом на Гарри, будто ожидая, что кто-нибудь из них воскликнет: «Обдурили дурака!..» Так и не дождавшись, он всё-таки открыл рот опять, но от необходимости подыскивать слова его избавило появление третьей за вечер совы. Сова влетела в незакрытое окно, как покрытое перьями пушечное ядро, и с таким грохотом приземлилась на кухонный стол, что все трое Дёрзли от ужаса подпрыгнули. Гарри вынул из совиного клюва уже второй казённого вида конверт и, пока разрывал, сова исчезла в ночи.

— Совы... задолбали...¹⁰ — смятенно пробормотал дядя Вернон и, протопав к окну, захлопнул его в очередной раз.

«Уважаемый мистер Поттер,

В дополнение к нашему письму, ориентировочно двадцатидвухминутной давности, Министерство магии сообщает о пересмотре своего решения относительно немедленного уничтожения Вашей палочки. Вам разрешается сохранить палочку до дисциплинарного слушания по Вашему делу, которое состоится 12 августа, и на котором будет принято официальное решение.

Вследствие переговоров с директором школы колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс», Министерство приняло взаимоприемлемое решение рассмотреть в указанную дату также и вопрос Вашего исключения. В соответствии с этим, Вы считаетесь временно исключённым из школы, вплоть до последующего разбирательства.

С наилучшими пожеланиями,

искренне Ваша,

Мафальда Хопкёрк

Отдел Неправомерного применения магии

Министерство магии».

Это письмо Гарри прочёл три раза подряд. Хотя страхи не торопились рассеиваться, но от понимания, что окончательно вопрос об исключении ещё не решён, слегка развеялась

¹⁰ 6 дядя Вернон вообще не стесняется в выражениях, в данном случае в оригинале он говорит: “Enough... effing... owls”; “effing” – брит. эвфемизм слова “fucking”

сжимавшая грудь удушливая тоска. Кажется, всё зависит от слушания его дела двенадцатого августа.

– Ну, – спросил дядя Вернон, отрывая Гарри от раздумий, – что на этот раз? Тебе уже вынесли приговор? – и с запоздалой надеждой добавил: – У вас там смертная казнь есть?

– Мне нужно явиться на слушание дела, – сказал Гарри.

– И там тебя приговорят?

– Видимо, да.

– Будем надеяться, – злобно буркнул дядя Вернон.

– Хорошо... раз это всё... – Гарри встал.

Ему отчаянно хотелось остаться одному, подумать, может быть послать письмо Рону, Гермионе или Сириусу.

– НЕТ УЖ, НИ ЧЕРТА ХОРОШЕГО, НЕ ВСЁ! – заорал дядя Вернон. – СЯДЬ НА МЕСТО!

– Что ещё? – нетерпеливо спросил Гарри.

– ДАДЛИ! – рявкнул дядя Вернон. – Я хочу толком понять, что случилось с моим сыном!

– ПРЕКРАСНО! – взвился Гарри, и от гнева с конца палочки, которую он не выпускал из рук, сорвались красные и золотые искры.

Все трое Дёрзли испуганно вздрогнули.

– Мы с Дадли шли по дорожке между Магнолия-Кресцент и Уистерия-уолк, – скороговоркой начал Гарри, пытаясь обуздать бешенство. – Дадли стал ко мне цепляться, я вытащил палочку, но не воспользовался ею. И тут появились два дементора...

– Да ЧТО ещё за дементры? – гневно воскликнул дядя Вернон. – Что они ДЕЛАЮТ?

– Я же сказал вам – они высасывают из человека всё счастье, – пояснил Гарри. – А если им подворачивается возможность, то Целуют...

– Целуют? – вытаращил глаза дядя Вернон. – *Целуют?*

– Так называется, когда они высасывают душу через рот.

Тётя Петунья сдавленно вскрикнула:

– *Душу?* Они же не забрали у него... у него же осталась...

Она схватила сына за плечи и принялась трясти, словно пытаясь на слух определить, гремит ли внутри у Дадли душа.

– Ну разумеется, душа при нём, иначе было бы заметно, – сердито фыркнул Гарри.

– Сынок, ты разделался с ними, да? – громогласно осведомился дядя Вернон с видом человека, который пытается вернуть беседу в привычное для него русло. – Врезал им пару навесных слева, а?

– Дементорам нельзя дать *пару навесных слева*, – процедил Гарри.

– Тогда чего он в порядке? – разбушевался дядя Вернон. – Почему он... с душой?

– Потому, что я вызвал Патронуса...

ВЖИХ! С грохотом, хлопаньем крыльев, в клубах пыли, из камина вывалилась четвёртая сова.

– РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО! – взревел дядя Вернон, выдрав из усов целые клочья волос, чего с ним не случалось уже очень давно. – У МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕ БУДЕТ СОВ! Я ЭТОГО НЕ ПОТЕРПЮ! ЗАЯВЛЯЮ ТЕБЕ ПРЯМЫМ ТЕКСТОМ!

Но Гарри уже снимал пергаментный свиток с совиной лапы. Он был так уверен, что это письмо от Дамблдора, которое объяснит всё-всё: дементоров, миссис Фигг, что творится в Министерстве, и как он, Дамблдор, намеревается всё уладить, – уверен настолько, что впервые в жизни испытал разочарование, когда узнал почерк Сириуса. Не обращая внимания на продолжающийся пафосный монолог дяди Вернона о совах и шурясь от второго облака пыли, поднятого совой, вылетевшей обратно через дымоход, Гарри прочёл письмо Сириуса.

«Артур только что рассказал нам, что произошло.»

«Из дому больше ни ногой, ни в коем случае.»

Реакция крёстного, с учетом событий сегодняшнего вечера, показалась Гарри настолько неадекватной случившемуся, что он даже перевернул пергамент, ища продолжение письма; но на обороте больше ничего не оказалось.

И тут в нём снова закипела злость. Неужели вообще *никто* и не собирается сказать ему: «молодец!» – за то, что он в одиночку справился с двумя дементорами! И мистер Уизли, и Сириус ведут себя так, будто он попросту напалил, а нагоняй приберегают до того момента, пока не оценят нанесённый ущерб.

– ...Совы в моём доме шныряют туда-сюда, туда-сюда, валяются целыми кучами. Я этого не потерплю, парень, я этого не потерплю...

– Я не могу запретить совам прилетать, – отрезал Гарри и скомкал письмо Сириуса в кулаке.

– Мне нужна правда! Что произошло сегодня вечером! – рявкнул дядя Вернон. – Если такие страсти с Дадли устроили эти демонстры, то с какой стати тебя исключают? Ты сделал «сам-знаешь-что», а ну признавайся!

Гарри глубоко вздохнул, стараясь успокоить нервы. У него опять начала болеть голова. Больше всего на свете ему сейчас хотелось убраться из кухни, подальше от Дёрзли.

– Да, я применил чары «Патронус», чтобы избавиться от дементоров, – он сдерживался изо всех сил, – иначе с ними никак не справиться.

– Но чем эти дементониды *занимались* в Литтл-Уингинге? – оскорблённым тоном осведомился дядя Вернон.

– Не могу вам сказать, – устало ответил Гарри. – Ни малейшего представления не имею.

От яркого света лампочек на кухне голова у него уже раскалывалась. Гнев постепенно угасал. Он чувствовал себя вымотанным и опустошённым. Дёрзли дружно таращились на него.

– Это всё ты, – с нажимом произнёс дядя Вернон. – Это из-за тебя, парень, точно... Иначе зачем ещё им тут появляться? Зачем ещё им нужно было свалиться именно в тот проулок? Ты же единственный... единственный... – по-видимому, он не мог заставить себя выговорить слово «колдун», – единственный *«сам-знаешь-что»* на сотню миль в округе.

– Я не знаю, почему они оказались тут.

Но после слов дяди Вернона измученный мозг Гарри встряхнулся, и мысли поскакали дальше. *Зачем* дементоры явились в Литтл-Уингинг? Явились и оказались на одной дорожке с Гарри – это, что, *совпадение*? Или их подослали? Министерство магии дементоров больше не контролирует? Неужто они бросили охранять Азкабан и присоединились к Волдеморту, как и предсказывал Дамблдор?

– Эти демембели охраняют какую-то тюрьму для извращенцев? – спросил дядя Вернон, догоняя мысли Гарри неуклюжим галопом.

– Да, – ответил Гарри.

Если бы только голова перестала болеть, если бы только можно было уйти из кухни в тёмную спальню и *подумать*...

– Ага! Они пришли тебя арестовать! – торжествующе воскликнул дядя Вернон, с видом человека, докопавшегося до заветной истины. – Вот оно что, так ведь, парень? Ты, значит, в бегах!

– Конечно, нет, – Гарри помотал головой, словно отгоняя муху.

Мысли у него скакали всё быстрее и быстрее.

– Тогда почему?..

– Наверное, это он их послал, – тихо сказал Гарри, скорее самому себе, чем дяде Вернону.

– Кто – он? Кто их, наверное, послал?

– Лорд Волдеморт, – ответил Гарри.

Он подсознательно отметил: странное дело, Дёрзли передёргиваются, отшатываются и верещат, едва слышат слова «колдун», «магия» или «волшебная палочка», а имя самого Тёмного мага всех времён могут слушать без малейшего трепета.

– Лорд... Погоди, – дядя Вернон наморщил лоб, и в его поросячьих глазках появился проблеск понимания, – я уже слышал это имя... Это тот, который...

– Да, убил моих родителей, – вяло подтвердил Гарри.

– Но он исчез, – нетерпеливо возразил дядя Вернон, ничуть не смущаясь тому, что разговор об убийстве родителей может причинить Гарри боль. – Тот здоровенный малый так сказал. Он исчез.

– Он вернулся, – вымученно пояснил Гарри.

Какое странное ощущение – стоять тут, в стерильно чистой кухне тёти Петунии, рядом с холодильником последней модели и широкоэкранным телевизором, и спокойно обсуждать Лорда Волдеморта с дядей Верноном. Появление дементоров в Литтл-Уингинге как будто пробило брешь в той невидимой, высоченной стене, которая оттораживала непоколебимо немагический мир Бирючинного проезда от мира, существующего за стеной. Две разных жизни Гарри смешались, и всё пошло кувырком. Дёрзли спрашивают о подробностях магического мира, а миссис Фигт знакома с Альбусом Дамблдором; над Литтл-Уингингом летают дементоры, а ему самому, возможно, никогда уже не вернуться в Хогвартс.

Голова у Гарри от боли пульсировала всё сильнее и сильнее.

– Вернулся? – пролепетала тётя Петунья.

Она смотрела на него так, как не смотрела прежде никогда. И внезапно, впервые в жизни, Гарри по-настоящему осознал, что тётя Петуния приходилась его маме сестрой. Почему осознал только сейчас – Гарри не смог бы объяснить, но самое главное: оказывается, он тут не единственный, кто представляет, чем чревато возвращение Лорда Волдеморта. Никогда в жизни тётя Петуния не смотрела на него таким взглядом. В её больших водянистых глазах (настолько непохожих на глаза её сестры) читалось не раздражение, а испуг, они не суживались презрительно, а чуть не вылезли на лоб. Сколько Гарри себя помнил, тётя Петуния вечно отговаривалась: нет, мол, никакой магии, и не существует никакого другого мира, кроме того, где живут они с дядей Верноном, – и вот эта воинствующая ложь была посрамлена.

– Да, – кивнул Гарри, теперь обращаясь непосредственно к тёте Петунии, – он вернулся месяц назад. Я его видел.

Руки тёти Петунии нащупали массивные, одетые в кожу, плечи Дадли, и крепко стиснули их.

– Подождите, – глазки дяди Вернона бегали то на Гарри, то на жену; его явно огорошило возникшее между ними беспрецедентное взаимопонимание. – Подождите. Так ты говоришь, этот Лорд Волды-как-его вернулся?

– Да.

– Тот, который твоих родителей убил?

– Да.

– И теперь насылает на тебя этих дерменаторов?

– Похоже на то, – кивнул Гарри.

– Ясно, – заключил дядя Вернон, перевёл взгляд с мертвенно-бледной супруги на Гарри и подтянул штаны. Его точно распирало изнутри, багровое лицо на глазах становилось всё шире и шире. – Ладно, тогда значит так... – он набрал побольше воздуха в грудь, даже рубашка затрещала. – *Можешь убираться из этого дома, парень!*

– Что? – опешил Гарри.

– Что слышал! ВОН! – Дядя Вернон заорал так, что даже тётя Петуния и Дадли подпрыгнули. – ВОН! ВОН ОТСЮДА! Давным-давно нужно было тебя выгнать! Совы устроили тут санаторий, пудинги взрываются, половина гостиной разворочена, у Дадли растёт хвост, Мардж болтается под потолком, да ещё этот «Форд-Англия» разлетелся! ВОН! ВОН! Это всё твоя работа! С меня довольно! Раз за тобой охотятся какие-то полоумные, нечего тебе здесь делать! И нечего втравливать мою жену и моего сына! Мне твои проблемы ни к чему! Если кончишь так же, как твои никчёмные родители, туда тебе и дорога! ВОН!

Гарри прирос к полу, сжимая в левой руке письма из Министерства, от мистера Уизли и от Сириуса. *«Из дому больше ни ногой, ни в коем случае. НЕ ВЫХОДИ ИЗ ДОМА ТЁТИ И ДЯДИ».*

– Слышал?! – дядя Вернон наклонился так близко, что его массивная багровая физиономия тряслась у Гарри перед носом, и брызгал слюной: – Проваливай! Ты же сам полчаса назад рвался уйти! Никто не держит! Убирайся прочь и никогда больше не переступай порог моего дома! И какого чёрта мы вообще тебя взяли, Мардж была права, тебя

надо было отдать в приют! Мы тут распинались, думали, что сможем выбить из тебя всю дурь, сможем сделать из тебя нормального, да только ты на свет появился уже с гнилым нутром, и осточертели мне... Совы!

Пятая сова спикировала по дымоходу с такой скоростью, что даже врезалась в пол, но тут же взмыла вверх с громким клекотом. Гарри потянулся к ней забрать письмо в ярко-красном конверте, но сова пролетела над самой его головой – прямо на тётю Петунию. Та завизжала и, прикрывая руками лицо, пригнулась. Сова уронила алый конверт точно ей на голову, заложила вираж и вылетела через дымоход наружу.

Гарри рванулся за упавшим письмом, но тётя Петуния его опередила.

– Открывайте на здоровье, – фыркнул Гарри, – только я всё равно услышу, о чём там речь. Это Ревун.

– Петуния, брось его! – заорал дядя Вернон. – Не прикасайся к нему, вдруг оно опасное!

– Оно адресовано мне, – пролепетала тётя Петуния дрожащим голосом. – Оно *мне* адресовано, погляди, Вернон! «*Миссис Петунии Дёрзли, Кухня, Дом номер 4, Бирючинный проезд*» ...

От испуга у неё даже дыхание спёрло. Красный конверт задымился.

– Открывайте! – заторопил её Гарри. – Не тяните! Всё равно, уже никуда не денешься.

– Нет.

У тётки Петунии задрожали руки. Она принялась судорожно оглядывать кухню, словно ища, куда бы сбежать, но было уже поздно – конверт вспыхнул. Тётя Петуния заверещала и бросила его на стол.

Замкнутое пространство кухни заполнил трубный глас из горящего конверта:

– *Петуния, вспомни предыдущее.*

Тётя Петуния, спрятав лицо в ладонях, в предобморочном состоянии сползла на стул рядом с Дадли. Остатки конверта беззвучно истлевали в золу.

– Это что? – осипшим голосом спросил дядя Вернон. – Что... я не... Петуния?

Тётя Петуния молчала. Дадли тупо глядел на мать, отвесив нижнюю челюсть. Тишина угрожающе сгущалась. Гарри в полном недоумении следил за тётей, чувствуя, что голову от пульсирующей боли вот-вот разорвёт.

– Петуния, дорогая? – робко позвал дядя Вернон. – П-петуния?

Она подняла голову. По-прежнему дрожа. Сглотнула.

– Мальчик... мальчик должен остаться, Вернон, – выдавила она.

– Ч-чего?

– Он останется, – повторила тётя Петуния.

На Гарри она не смотрела. Затем поднялась на ноги.

– Он... но, Петуния...

– Если мы выгоним его, соседи начнут сплетничать, – хотя смертельная бледность у тётки Петунии пока не прошла, но обычная, отрывистая и едкая манера разговаривать к ней уже вернулась. – Нескромные вопросы задавать будут, начнут интересоваться, куда он подевался. Придётся его оставить.

Дядя Вернон сдувался, как старая крышка.

– Но, Петуния, дорогая...

Тётя Петуния его проигнорировала. И повернулась к Гарри:

– Будешь сидеть в своей комнате. Из дому ни шагу. А теперь отправляйся спать.

Гарри не тронулся с места.

– От кого был этот Ревун?

– Никаких вопросов, – отрезала тётя Петуния.

– Вы что, общаетесь с колдунами?

– Я сказала, чтобы ты шёл спать!

– Что это значит? Что за «предыдущее» нужно вспомнить?

– Ложись спать!

– Почему...

– ТЫ СЛЫШАЛ, ЧТО ТЕБЕ ТЁТЯ СКАЗАЛА? А НУ, МАРШ В КРОВАТЬ!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АВАНГАРД

«На меня только что напали дементоры, и меня могут выгнать из Хогвартса. Я хочу знать, что происходит, и когда меня отсюда вытащат.»

Эти слова Гарри написал трижды – на трёх отдельных кусках пергамента, сразу, как только добрался до своей тёмной спальни и письменного стола. Первый он адресовал Сириусу, второй – Рону, а третий – Гермионе. Его сова Хэдвиг охотилась, её клетка пустовала на столе.

Дожидаюсь возвращения совы, Гарри принялся расхаживать по спальне; в висках стучало, в голове царил такая неразбериха, что спать совершенно не хотелось, хотя глаза слезились от усталости. После буксировки Дадли до дома ныла поясница, а шишки на голове – от оконной рамы и кулака Дадли – мучительно саднили.

Охваченный гневом и отчаянием, Гарри выпагивал взад-вперёд, сжимая кулаки и скрипя зубами всякий раз, когда угрюмо взглядывал на усыпанное звёздами ночное небо. К нему подослали дементоров, за ним тайком подглядывали миссис Фигг и Мундунгус Флетчер, вдобавок его временно исключили из Хогвартса и вызвали на разборки в Министерство магии – и никто так и не удосужился объяснить ему, что же происходит.

И о чём, о чём был этот Ревун? Чей голос так грозно и жутко гремел в кухне?

Почему он сидит тут в полном неведении? Почему все относятся к нему, как к непослушному ребёнку? «Магию больше не применяй, не выходи из дома...»

От злости, походя, Гарри пнул свой школьный сундук, но это не помогло: стало только хуже, потому что в дополнение к прочим увечьям теперь ещё и палец на ноге заболел.

Когда он в очередной раз прохромал мимо окна, в него с тихим шелестом крыльев, как маленькое привидение, влетела Хэдвиг и, как ни в чём не бывало, села на крышку клетки.

– Наконец-то! – с досадой вскричал Гарри. – Попозже доешь, у меня есть для тебя работа!

Круглые, большие, цвета янтаря глаза Хэдвиг укоризненно вытаращились на него поверх зажатой в клюве дохлой лягушки.

– Иди сюда, – позвал Гарри и, обмотав кожаным шнурком маленькие рулончики пергамента, привязал их Хэдвиг на чешуйчатую лапку. – Отнеси их Сириусу, Рону и Гермионе прямо в руки и, пока не ответят как положено, обратно не возвращайся. Клюй их до тех пор, пока не напишут побольше, ясно?

Хэдвиг, не выпуская из клюва лягушку, сдавленно ухнула.

– Давай, отправляйся, – подтолкнул её Гарри.

Она тут же улетела. Как только сова скрылась из виду, Гарри сразу же, не раздеваясь, упал на кровать и уставился в тёмный потолок. Вдобавок ко всему, он теперь чувствовал себя виноватым перед Хэдвиг: ведь у него здесь, в доме номер четыре по Бирючинному проезду, кроме неё друзей нет. Нужно будет с ней помириться, когда она вернётся с ответами от Сириуса, Рона и Гермионы.

Они просто обязаны ответить быстро – не могут же они проигнорировать нападение дементоров. Наверное, завтра он проснётся, и его будут ждать три толстых письма, а в письмах – полно утешений и планов, как незамедлительно переправить его в Нору. На такой приятной фантазии к Гарри подкрался сон и прогнал все мысли прочь.

* * *

Но на следующее утро Хэдвиг не вернулась. Гарри провёл весь день в своей комнате, отлучаясь только в ванную. Три раза за день тётя Петуния проталкивала ему еду в кошачью дверцу, которую дядя Вернон смастерил три года назад. Каждый раз, заслышав, что она приближается, Гарри пытался расспросить её о Ревуне, но с таким же успехом можно было добиваться ответа от дверной ручки. Всё остальное время Дёрзли держались подальше от его комнаты. Гарри не собирался настаивать на общении: ещё одна стычка ни к чему не приведёт, разве что разозлит его настолько, что он опять воспользуется запрещённой магией.

И так продолжалось целых три дня.

У Гарри попеременно то начинался приступ беспокойной активности, которой не находилось никакого применения, и он мерял шагами комнату, злясь на всех за то, что его оставили одного расхлёбывать эту кашу, то он впадал в апатию, часами лежа на кровати, в оцепенении вперив взор в пространство, и с тоскливым ужасом размышлял о предстоящем разбирательстве в Министерстве.

А что, если решение будет не в его пользу? Что, если его всё-таки исключат из школы и сломают пополам его палочку? Что тогда ему делать, куда податься? Опять всё время жить с Дёрзли – невозможно, тем более теперь, когда ему известно о существовании другого мира, к которому он принадлежит всей душой.

Может быть, можно пожить у Сириуса, как тот предлагал ещё год назад, до того, как ему пришлось скрываться от Министерства? Разрешат ли Гарри жить там одному, ведь он ещё несовершеннолетний? Или вопрос о месте будущего жилья решат за него? Может быть, нарушение Международного Статута Секретности – это такое серьёзное правонарушение, что его посадят в Азкабан? Всякий раз, когда Гарри на ум приходила эта мысль, он вскакивал и вновь начинал расхаживать по комнате.

На четвёртый вечер после того, как улетела Хэдвиг, Гарри лежал в очередном приступе апатии и бессмысленно разглядывал потолок. И тут в спальню вошёл его дядя. Гарри медленно перевёл на него взгляд: дядя Вернон был одет в свой лучший костюм и выглядел чрезвычайно самодовольно.

– Мы уходим, – сказал он.

– Простите?..

– Мы... то есть твоя тётя, Дадли и я, мы уходим.

– Прекрасно, – меланхолично отозвался Гарри, вернувшись к созерцанию потолка.

– Пока нас нет, из спальни ты не выходишь.

– Хорошо.

– Не трогаешь телевизор, стереосистему и другое наше имущество.

– Ладно.

– Не таскаешь продукты из холодильника.

– Хорошо.

– Я тебя тут запираю.

– Запирайте.

Не услышав возражений, дядя Вернон устоял на Гарри с крайним подозрением, потом протопал из комнаты и закрыл за собой дверь. Гарри услышал сначала, как в замке повернулся ключ, а потом, как дядя Вернон грузно спускается по лестнице.

Через несколько минут хлопнули дверцы автомобиля, загудел заведённый двигатель, и донёсся безошибочный шорох отъезжающего автомобиля.

Гарри не испытывал никаких особенных чувств по поводу отъезда Дёрзли. Дома они или их нет – какая разница. Он даже не мог заставить себя встать и включить свет.

В комнате становилось всё темнее, он лежал и вслушивался в ночные шорохи за окном, которое держал всё время открытым на случай, если наконец-то вернётся Хэвиг. Пустой дом наполнился скрипами, бульканьем труб, к которому Гарри оцепенело прислушивался, размышляя ни-о-чём и мучаясь.

И вдруг в кухне, этажом ниже, раздался совершенно отчетливый грохот. Гарри подскочил в кровати, сел и наострил уши. Вряд ли это Дёрзли вернулись – ещё слишком рано, да и шума подъехавшего автомобиля не было слышно.

Несколько секунд стояла тишина, а потом раздались голоса. «Грабители», – решил Гарри, бесшумно соскользнул с кровати, но через долю секунды сообразил, что грабители не стали бы так громко переговариваться, как те люди, что сейчас ходили по кухне, ничуть не заботясь, что их услышат.

Он схватил палочку с прикроватного столика, встал к двери лицом и весь обратился в слух. Вдруг замок громко щёлкнул, Гарри подскочил на месте, дверь распахнулась. Он неподвижно устоял на зияющий чернотой дверной проём, пытаясь уловить ещё хоть какой-нибудь звук, но было совершенно тихо. Поколебавшись немного, Гарри выскользнул из комнаты и тихо подкрался к лестнице, ведущей вниз.

И сердце у него тут же ушло в пятки. Внизу, в темной прихожей стояли люди, – судя по силуэтам на фоне застеклённой двери, в которую светил уличный фонарь, их было восемь или девять. И, насколько Гарри мог разобрать, все они смотрели на него.

– Опусть палочку, парень, пока глаз никому не выколол, – негромко пророкотал чей-то голос.

Сердце Гарри чуть не выпрыгнуло из груди. Он узнал голос, но палочку не опустил.

– Профессор Муди?¹¹ – неуверенно спросил он.

– Знать не знаю никакого «профессора», – рыкнул голос в ответ. – И учить никого не учил и в помине. Давай, спускайся, мы хотим тебя разглядеть толком.

¹¹ 0 Alastor “Mad-Eye” Moody (Raymond A. Moody – доктор медицины, парапсихолог, автор бестселлера “Жизнь после жизни”, 1975, занимался научно обоснованным спиритизмом, в т. ч. широко известны его опыты с зеркалом, в котором видишь не себя, а неких духов; moody – сварливый; Alastor – в греческой мифологии демон возмездия)

Гарри опустил палочку чуть-чуть ниже, но сжимал её всё так же крепко, и с места не тронулся. Для подозрений у него были все основания. Не так давно он девять месяцев провёл в обществе человека, которого считал Безумным Глазом Муди, а тот оказался вовсе не Муди, а самозванец; причем этот самозванец, перед тем, как его вывели на чистую воду, пытался убить Гарри.

Но прежде, чем Гарри успел решить, что делать дальше, раздался второй голос, с хрипотцой:

– Всё в порядке, Гарри. Мы пришли забрать тебя отсюда.

Теперь сердце Гарри рванулось вверх. Этот голос он тоже узнал, хотя не слышал уже больше года.

– П-профессор Люпин? – недоверчиво переспросил он. – Это вы?

– Почему мы все стоим в темноте? – прозвучал третий голос, абсолютно незнакомый и явно женский. – *Литлс*.

На кончике палочки вспыхнул огонёк и залил прихожую магическим светом. Гарри прищурился. У подножья лестницы толпились люди, внимательно глядя вверх и вытягивая шеи, чтобы разглядеть его получше.

Ближе всех стоял Римус Люпин. Ещё довольно молодой, он выглядел усталым и больным. С тех пор, как Гарри виделся с ним в последний раз, Люпин ещё больше поседел, а его одежда стала ещё потрёпанней и заплаток на ней прибавилось. Но он широко улыбался Гарри, и Гарри, несмотря на растерянность, попытался улыбнуться ему в ответ.

– Ого! Как раз таким я себе его и представляла, – заметила ведьма, державшая над головой светящуюся палочку.

На вид она была моложе всех, на округлом, сердечком, лице, обрамлённом коротким ёжиком волос ярко-фиолетового цвета, блестели тёмные глаза.

– Гарри, приветик!

– Да, понятно, что ты имел в виду, Римус... – протянул лысый колдун с африканской внешностью, стоявший дальше всех, – голос у него был глубокий и тягучий, в ухе болталось золотое кольцо. – ...Он вылитый Джеймс.

– Только глаза другие, – сипло уточнил из-за его спины седовласый колдун. – Глаза, как у Лили.

Безумный Глаз Муди, длинноволосый, седой, с изрядно покалеченным носом, подозрительно косился на Гарри своими разными глазами. Один глаз у него был маленький и тёмный, как бусина, а второй – большой, круглый, ярко-синий – магический, которым Муди видеть через стены, двери и даже сквозь собственный череп.

– Люпин, ты точно уверен, что это он и есть? – прорычал Муди. – Хорошенькое дело выйдет, если мы приведём какого-нибудь актёришку Пожирателя Смерти, который его изображает. Нужно спросить его о том, что знает только настоящий Поттер. Ни у кого нет с собой Веритасерума?

– Гарри, какой облик принимает твой Патронус? – спросил Люпин.

– Оленя, – нервно ответил Гарри.

– Безумный Глаз, это он, – констатировал Люпин.

Всей кожей чувствуя, как пристально все разглядывают его, Гарри начал спускаться по лестнице, заталкивая палочку в задний карман джинсов.

– Не суй палочку туда, парень! – рыкнул Муди. – А вдруг она вспыхнет? И покруче тебя колдуны таким вот образом ягодич лишились!

– А у кого это были проблемы с ягодичей? – заинтересовано осведомилась у Безумного Глаза женщина с фиолетовыми волосами.

– Не твоего ума дело, нельзя носить палочку в заднем кармане, и всё тут! – буркнул Безумный Глаз. – На элементарную технику безопасности в обращении с палочкой всем уже плевать, – он похромал на кухню и сварливо бросил через плечо женщине, которая возвела глаза к потолку: – Всё вижу, всё.

Люпин пожал Гарри руку и пристально взглянул в лицо:

– Как дела?

– Н-нормально...

У Гарри в голове не укладывалось, что это не сон. За четыре недели не произошло ничего, не было ни малейшего намёка на план, как выбраться с Бирючинного проезда, и вдруг, ни с того, ни с сего, в доме появляется целая толпа магов, словно так и задумано.

Он глянул на людей, окружающих Люпина; люди ещё более пристально посмотрели на него. Гарри внезапно подумал, что уже четыре дня не причёсывался.

– Я... вам страшно повезло, что Дёрзли нет дома... – пробормотал он.

– Повезло, ха! – воскликнула женщина с фиолетовыми волосами. – Да это я их выманила прогуляться. Я им магловской почтой послала извещение, что они попали в финал Всеанглийского конкурса на Самую Ухоженную Загородную Лужайку. Сейчас они едут получать приз... во всяком случае, они на это рассчитывают.

Гарри мельком подумал, какое лицо будет у дяди Вернона, когда тот поймёт, что никакого Всеанглийского конкурса на Самую Ухоженную Загородную Лужайку не существует и в помине, и сразу спросил:

– Мы уезжаем отсюда, да? Прямо сейчас?

– Почти, – ответил Люпин. – Мы ждём сигнала, что путь свободен.

– А куда мы поедем? В Нору? – с надеждой уточнил Гарри.

– Нет, не в Нору, – ответил Люпин, подталкивая Гарри в сторону кухни. Кучка колдунов последовала за ними, по-прежнему с любопытством разглядывая Гарри. – Там слишком опасно. Штаб мы разместили в таком месте, которое нельзя обнаружить. На это понадобилось время...

Безумный Глаз Муди сидел за кухонным столом, прикладываясь к своей карманной флажке, и магическим глазом разглядывал расставленную кругом бытовую технику Дёрзли.

– Гарри, это Аластор Муди, – взмахнул рукой Люпин, представляя Муди.

– Да, мы знакомы, – смущённо отозвался Гарри.

Как-то странно знакомиться с тем, с кем считал себя знакомым целый год.

– А это – Нимфадора...

– Не называй меня Нимфадорой, Римус, – содрогнулась молодая ведьма. – Я Тонкс.

– ...Нимфадора Тонкс,¹² которая предпочитает, чтобы её называли только по фамилии, – закончил Люпин.

– Посмотрела бы я на тебя, если бы твою мать угораздило назвать тебя «Нимфадорой», – пробормотала Тонкс.

– А это – Кингсли Шаклболт,¹³ – Люпин показал на высокого темнокожего колдуна. Тот поклонился.

– Элфиас Дож...¹⁴

Колдун с сильным голосом кивнул.

– Дедалус Диггл...¹⁵

– Мы раньше встречались, – взволнованно пискнул Диггл, роняя лиловый цилиндр.

– Эммелина Вэнс...¹⁶

Статная ведьма в изумрудно-зелёной шали склонила голову.

– Стёрджис Подмор...¹⁷

Представленный колдун с копной пшеничных волос и квадратной челюстью подмигнул.

– И Гестия Джонс.¹⁸

Розовощёкая, черноволосая ведьма, стоявшая у тостера, помахала рукой.

Гарри смущённо кланялся каждому, кого представлял ему Люпин. Ему очень хотелось, чтобы они таранились куда угодно, но только не на него, потому что он чувствовал себя будто на сцене. А ещё его удивляло, почему их так много.

¹² 1 Nymphadora Tonks (Nymphadora – имя святой девственницы; tonk – (спорт.) пас, пробить (мяч); от tink – звяканье; honky-tonk – дешёвые пабы, ночные клубы, в которых играли особую разновидность джаза – бугивуги, иногда музыку в стиле “кантри” или т.л. с дребезжащим звучанием инструментов)

¹³ 2 Kingsley Shacklebolt (“shackle bolt” – “болт с вертлюжной серьгой”, иначе говоря, “болт”, или другие значения этого слова, на котором свободно болтается кольцо, серьга, “шакл”; “to bolt shackles” – заковать в кандалы)

¹⁴ 3 Elphias Doge (Eliphas Levi – известный оккультист 19-го века, исследовал связь между картами Таро и иудейской кабалой, Doge – дож)

¹⁵ 4 Dedalus Diggle (Dedalus – Дедал, отец Икара; Diggle – маленький городок на севере Англии)

¹⁶ 5 Emmeline Vance (Emmeline Pankhurst – известная поборница прав женщин в Великобритании, в 19-м веке, Jack Vance – знаменитый автор в жанре научной фантастики, граничащей с фэнтези)

¹⁷ 6 Sturgis Podmore (“Sturgis” – марка мотоцикла H-D, городок в южной Дакоте, который уже 60 лет служит местом паломничества байкеров; F. Podmore – автор книг о привидениях; у Ролинг председателя общества обезглавленных зовут sir Patrick Delaney-Podmore)

¹⁸ 7 Hestia Jones (Hestia – Гестия, греческая богиня домашнего очага, старшая сестра Зевса, никогда не вступала в брак, в римской мифологии – Веста)

– Подумать только, сколько народу вызвалось поехать за тобой, – словно прочтя мысли Гарри, заметил Люпин с еле заметной усмешкой.

– Да в общем, чем больше, тем лучше, – мрачно отозвался Муди. – Мы твоя охрана, Поттер.

– Осталось дожидаться сигнала, что всё чисто, и отправляемся, – Люпин выглянул в кухонное окно: – У нас ещё минут пятнадцать.

– Эти магглы – такие чистюли, да? – спросила Тонкс, с живым интересом разглядывая кухню. – Мой папа магглорождённый, но он жуткий неряха. Наверное, по-всякому бывает, и у магов в том числе...

– Э... ага... – замешкался Гарри. – Скажите... – он повернулся к Люпину, – а что происходит, я ни от кого ничего не слышал о Вол...

Несколько человек тут же зашикали на него, Дедалус Диггл опять уронил цилиндр, а Муди зарычал:

– Заткнись!

– А что такое? – удивился Гарри.

– Здесь ни о чём разговаривать не будем, это слишком опасно, – Муди взглянул на Гарри нормальным глазом, а магический глаз при этом неотступно глядел в потолок. – Чёрт побери, – с досадой выругался он, поднося руку к магическому глазу: – Застреть стал с тех пор, как этот гад его поносил...

И с неприятным чмоканием, словно пробку из сливного отверстия, вынул глаз из черепа.

– Безумный Глаз, ты ведь понимаешь, как это омерзительно выглядит со стороны? – бросила Тонкс.

– Гарри, дай-ка мне стакан воды, – приказал Муди.

Гарри прошёл к посудомоечной машине, вынул чистый стакан и наполнил его водой, – и всё это под по-прежнему внимательными взглядами всех колдунов. Такой живой интерес начинал его раздражать.

– За твоё здоровье! – буркнул Муди, когда Гарри передал ему стакан и тот опустил в воду свой магический глаз. Глаз принялся вращаться во все стороны, теперь уже разглядывая всех окружающих. – Желаю тебе по возвращении обзора на все триста шестьдесят...

– А каким образом мы попадем... туда, куда направляемся? – спросил Гарри.

– На мётлах, – ответил Люпин. – Иначе никак. Для аппарирования ты слишком маленький, за каминной сетью следят. А достать незарегистрированный портключ¹⁹ нам слишком дорого обойдётся.

– Римус сказал, что ты хорошо летаешь? – уточнил Кингсли Шаклболт своим басом.

– Он делает это превосходно, – глядя на часы, отозвался Люпин. – Гарри, тебе пора идти и собирать вещи, потому что когда просигналят, мы должны быть уже готовы.

– Я пойду, помогу тебе, – с энтузиазмом вызвалась Тонкс.

¹⁹ 8 portkey (port – (устар. шотл.) ворота (города); отверстие, окно; проход; канал; key – ключ)

Она прошла вслед за Гарри в прихожую, потом вверх по лестнице, с нескрываемым любопытством оглядывая всё вокруг.

– Здесь миленько, – заметила она. – Только знаешь, что я думаю... Может быть чересчур чисто. Неестественно как-то. О! Вот здесь лучше! – добавила она, когда они вошли в комнату, и Гарри повернул выключатель.

По сравнению с остальной частью дома, в комнате царил полный беспорядок. Последние четыре дня, пребывая в исключительно скверном расположении духа, Гарри об уборке и не помышлял.

Большая часть его книг валялась на полу, потому что он пробовал почитать то одну, то другую, но так и бросал их. Давно не чищенная клетка Хэдвиг уже начинала пахнуть. Сундук стоял открытым, демонстрируя причудливую смесь магловского и магического гардероба, который свешивался во все стороны до самого пола.

Гарри принялся собирать с пола книги и торопливо забрасывать их в сундук. Тонкс остановилась у платяного шкафа, критически глядя на своё отражение в зеркале.

– Слушай, по-моему, фиолетовый – это всё-таки не мой цвет? – она задумчиво дернула себя за прядь. – Тебе не кажется, что с ним я выгляжу какой-то замученной?

– Э-э... – Гарри посмотрел на неё поверх «Квиддичных команд Великобритании и Ирландии».

– Да, точно, – решительно сказала Тонкс.

Она зажмурилась, словно пытаясь принять какое-то мучительное решение или что-то вспомнить. И секунду спустя её волосы приобрели цвет розовой жевательной резинки.

– Как это вы сделали? – ошарашенно глядя на неё, спросил Гарри, когда она опять открыла глаза.

– Я – метаморфомаг,²⁰ – объяснила Тонкс, разглядывая своё отражение и крутя головой, чтобы получше рассмотреть волосы с разных сторон. – Это значит, что я могу менять свою внешность по собственному желанию, – добавила она, заметив в зеркале озадаченное выражение Гарриного лица: – Это врождённое. Я получала высшие баллы по маскировке и смене внешности, когда училась на аврора, причём без всякой подготовки. Это было здорово.

– Вы аврор? – восхитился Гарри.

После окончания Хогвартса его привлекала только карьера ловца Тёмных магов.

– Да, – гордо ответила Тонкс. – Кингсли тоже, хотя он позаслуженней, чем я. Я только год назад закончила стажироваться. Чуть не срезалась на слежке и уловках. Я ужасно неуклюжая. Ты слышал, как я разбила тарелку, когда мы здесь появились?

– А можно выучиться на метаморфомага? – увлеченно спросил Гарри, совершенно забыв о сборах.

Тонкс хихикнула:

– Держу пари, тебе иногда хотелось бы прятать свой шрам, ага?

Её взгляд задержался на шраме в виде молнии на лбу Гарри.

– Не отказался бы, – отворачиваясь, пробормотал он.

²⁰ 9 Metamorphmagus

Ему не нравилось, когда люди плятятся на его шрам.

– Ну, можно, наверное, но я думаю, нужно долго учиться, – предположила Тонкс. – Метаморфомаги очень редко встречаются, они такими рождаются, а не становятся. Большинству магов нужно пользоваться волшебной палочкой или зельями, чтобы изменить внешность. Ой, нам нужно поторапливаться, Гарри, мы же вообще-то вещи собираем, – виновато добавила она, взглянув на бардак на полу.

– О... точно... – всполошился Гарри, хватая ещё несколько книг.

– Не валяй дурака, будет гораздо быстрее, если я... *Упакуйся!* – воскликнула она, широко взмахивая палочкой над полом.

Книги, одежда, телескоп и весы взлетели в воздух и вперемешку полетели в сундук.

– Не очень-то аккуратно, – хмыкнула Тонкс, подойдя к сундуку и рассматривая беспорядок внутри. – Моя мама так наловчилась вещи укладывать... У неё даже носки сами собой сворачиваются... а я никак не могу понять, как у неё выходит... выходит такой вот щёлчок... – она с надеждой взмахнула палочкой.

Один из носков Гарри вяло шевельнулся и снова шлёпнулся сверху на кучу в сундуке.

– Ну и ладно, – с досадой бросила Тонкс и захлопнула крышку сундука. – По крайней мере, всё влезло. Вот это, кстати, неплохо бы почистить, – она указала палочкой на клетку Хэдви́г: – *Scourgify!* – несколько пёрышек и катышков помета исчезли. – Ладно, так чуть-чуть получше... никогда не умела пользоваться всякими этими домовыми заклинаниями. Ну что, всё? Ещё котёл? Метла? Ничего себе... «Всполох»!²¹

При виде метлы всемирно известной марки в руке Гарри, его гордости и радости, подарка от Сириуса, у Тонкс широко раскрылись глаза.

– А я всё ещё на «Метеоре-260» болтаюсь, – с завистью протянула Тонкс. – Эх... Ну что... палочка у тебя при себе, в джинсах по-прежнему? Обе ягодицы на месте? Тогда, пошли. *Locomotor*,²² сундук!

Сундук Гарри поднялся в воздух на несколько дюймов.

Повинуясь палочке Тонкс, которой она управлялась, как регулировщик жезлом, сундук полетел через комнату и вылетел за дверь. В левой руке Тонкс несла клетку Хэдви́г. Гарри с метлой в руках спускался по лестнице следом за ней.

На кухне Муди уже вставил себе глаз – тот после очистки вращался так быстро, что Гарри даже затопило. Кингсли Шаклболт и Стёрджис Подмор изучали микроволновку, а Гестия Джонс посмеивалась над картофелечисткой, на которую наткнулась в шкафу. Люпин запечатывал письмо, адресованное Дёрзли.

²¹ Firebolt (марка современного престижного спортбайка Harley-Davidson; созвучно с “fire-ball” – болид, шаровая молния; “Nimbus” – это также марка мотоцикла, но 50-х годов, а “Comet” – марка велосипеда)

²² от лат. loco – помещать, располагать, размещать, motorius – двигательный.

– Замечательно, – Люпин поднял глаза на вошедших в кухню Тонкс и Гарри. – У нас есть ещё примерно минута. Наверное, лучше выйти в сад заранее, так что нам пора. Гарри, я оставил письмо твоим дяде и тёте, чтобы они не волновались и...

– Они не будут волноваться, – отозвался Гарри.

...И что с тобой всё в порядке...

– А вот это их огорчит.

– И что ты вернёшься к ним следующим летом.

– Мне придётся сюда вернуться?

Люпин усмехнулся, но ничего не ответил.

– Эй, парень, подойди-ка сюда, – Муди бесцеремонно поманил Гарри палочкой. – Придётся тебя Образумить.

– Придётся что сделать? – нервно переспросил Гарри.

– Образумные чары,²³ – пояснил Муди, поднимая палочку. – Люпин говорит, что у тебя есть плащ-невидимка, но в полёте его будет сдувать, так что лучше я тебя...

Он резко стукнул Гарри палочкой по голове, и у того возникло странное чувство, словно Муди только что разбил у него на голове яйцо: казалось, будто вниз от той точки, куда ударила палочка, по телу текут холодные струйки.

– Прекрасно, Безумный Глаз, – воскликнула Тонкс, глядя куда-то на живот Гарри.

Гарри опустил голову и посмотрел на своё тело, точнее на то, что раньше было его телом, потому что сейчас оно не походило ни на что. Невидимым оно не стало – тело в точности воспроизвело цвет и структуру кухни за спиной у Гарри. Он словно превратился в человекообразного хамелеона.

– Пошли, – скомандовал Муди, отперев чёрный ход с помощью палочки.

Все вышли наружу, на идеально ухоженную лужайку дяди Вернона.

– Ясная ночь, – пробурчал Муди, магическим глазом обводя небеса. – Могли бы и побольше облаков поднапустить... Слушай сюда, – рявкнул он Гарри. – Полетим плотным косяком. Тонкс будет точно перед тобой, иди за ней хвостом. Люпин прикроет тебя снизу, а я буду сзади. Остальные будут кружиться вокруг. Не разбегаться ни по какому поводу, ясно? Если кого-нибудь убьют...

– А такое возможно? – с ужасом спросил Гарри, но Муди не обратил на него никакого внимания.

– Другие продолжают лететь, не останавливаясь, в стороны не разлетаясь. Если нас всех перебьют, а ты, Гарри, останешься в живых, то в тылу тебя встретят: продолжай лететь на восток, и тебя подхватят.

– Перестань так шутить, Безумный Глаз, он подумает, что мы несерьёзно относимся к делу, – фыркнула Тонкс, приторачивая сундук Гарри и клетку Хэдвиг ремнями к своей метле.

– Я только объясняю парню план, – прохрипел Муди. – Мы в авангарде, наше дело – доставить его в целостности и сохранности в штаб, а если мы погибнем по пути...

– Никто погибать не собирается, – спокойным баском возразил Кингсли Шаклболт.

²³ 12 Disillusionment Charm (disillusion – разочаровать, образумить)

– Садитесь на метлы, вот первый сигнал! – воскликнул Люпин, указывая в небо.

Высоко-высоко над головами вспыхнул ярко-красный фейерверк. Гарри сразу догадался, что это сноп искр из палочки. Он закинул ногу на свой «Всполох», крепко обхватил руками рукоятку и почувствовал вибрацию, как будто метла так же сильно жаждала полетать, как и он сам.

– Второй сигнал! Вперёд! – громко скомандовал Люпин после того, как в небе взорвался новый сноп искр, на этот раз зелёных.

Гарри оторвался от земли.

Прохладный ночной ветерок взъерошил ему волосы, аккуратные квадратные сады Бирючинного проезда остались внизу, быстро уменьшаясь и превращаясь в крошечные чёрно-зелёные клетки. И все мысли о разбирательстве в Министерстве вылетели из головы, словно унесённые порывом ветра. Гарри казалось, что сердце сейчас разорвётся от восторга: он снова летел, – прочь от Бирючинного проезда, – о чём мечталось всё лето. Он возвращался домой... Всего несколько восхитительных мгновений, и все проблемы показались такими ничтожными в этом огромном, звёздном небе.

– Левее давай, влево, круче, маглы смотрят! – крикнул Муди сзади.

Тонкс повернула, Гарри последовал за ней, заметив, как раскачивается под метлой Тонкс его сундук.

– Нам нужно подняться выше... ещё на четверть мили!

Когда они взлетели выше, глаза резануло от холода. Теперь внизу виднелись только крошечные, с булавочную головку, светящиеся точки – автомобильные фары и уличные фонари. Две из этих точек вполне могли быть фарами машины дяди Вернона... Сейчас Дёрзли вернутся в пустой дом, в бешенстве от несуществующего Конкурса Лужаек... При мысли об этом Гарри громко расхохотался, но всё равно никто его не услышал из-за шелеста развевающихся мантий, скрипа ремней, которыми крепились сундук и клетка, и свиста ветра в ушах. Он уже целый месяц не чувствовал себя таким счастливым и таким живым.

– Курс – на юг! – крикнул Муди. – Впереди город!

Они облетели справа большую светящуюся паутину.

– Держите курс на юго-восток и продолжайте подниматься, впереди низкие облака, мы сможем в них спрятаться!

– Сквозь облака не полетим! – бурно запротестовала Тонкс. – Мы намокнем, Безумный Глаз!

Гарри с облегчением услышал это: руки на рукоятке «Всполоха» уже окоченели. Он дрожал и сожалел, что не надел куртку.

Курс, по указаниям Безумного Глаза, менялся постоянно. Глаза слезились, от ледяного ветра начали болеть уши. Летать на метле в такой холод Гарри приходилось лишь однажды – на третьем курсе, во время квиддичного матча против Хаффлапфа, во время бури. Его охрана постоянно кружила вокруг, словно огромные хищные птицы. Гарри потерял счёт времени. Казалось, что полёт продолжается не меньше часа.

– Курс на юго-запад! – гаркнул Муди. – Нужно облететь автостраду!

Гарри уже так замёрз, что сначала с тоской подумал о сухих и тёплых автомобилях, сновавших внизу, а потом с грустью – о путешествии через каминную сеть; может быть крутиться в каминах и неудобно, но там хоть тепло...

Гарри обогнул Кингсли Шакаболт, в лунном свете мелькнули лысина и серьга... потом его сменила Эммелина Вэнс, вертя туда-сюда головой... потом она тоже унеслась, и на её месте оказался Стёрджис Подмор...

– Нужно ещё кружок сделать! Убедимся, что за нами не следят! – крикнул Муди.

– СОВСЕМ ОБЕЗУМЕЛ, БЕЗУМНЫЙ ГЛАЗ?!! – заорала Тонкс впереди. – Мы уже все примёрзли к мётлам! Если мы и дальше будем менять курс, то доберёмся не раньше следующей недели! К тому же, мы уже почти у цели!

– Пора снижаться! – донёсся голос Люпина. – Следуй за Тонкс, Гарри!

Гарри вильнул вниз, за Тонкс. Впереди показалось самое большое, из тех, что довелось увидеть раньше, скопище огней – огни сливались в линии и сетки, и перемежались большими чёрными заплатами.

Они спускались всё ниже и ниже, и, наконец, Гарри начал различать фары, фонари, каминные трубы и телевизионные антенны. Ему очень хотелось побыстрее приземлиться, хотя он был уверен, что на земле его придётся откалывать от метлы ледорубом.

– Всё, добрались! – крикнула Тонкс и через пару секунд приземлилась.

Гарри опустился точно за ней, на маленькую, заросшую бурьяном площадь. Тонкс уже отстёгивала сундук. Дрожа от холода, Гарри огляделся. Площадь окружали грязные, неприветливые фасады зданий, в некоторых окнах стекла выбиты, а те, что остались – тускло поблёскивали в слабых лучах редких фонарей; двери облупились, вокруг валялись кучи мусора.

– Где мы? – робко спросил Гарри.

– Скоро узнаешь, – тихо ответил Люпин.

Муди рылся в кармане плаща заоченевшими от холода руками.

– Нашёл, – буркнул он и извлёк вещьцу, напоминавшую серебряную зажигалку.

Подняв её, он щёлкнул, и тут же ближайший фонарь хлопнул и погас. Муди щёлкал ещё и ещё, пока все фонари в округе не погасли, и единственным источником света теперь оставалась луна и редкие занавешенные окна.

– Позаимствовал у Дамблдора, – пробурчал Муди, пряча гасилку в карман. – Мало ли какому магглу вздумается выглянуть в окно? Ну пошли, быстро.

Он взял Гарри за локоть и повёл через бурьян к дороге и на тротуар; Люпин и Тонкс шли следом, неся сундук. Остальные охранники, с палочками наготове, рассредоточились вокруг.

Из верхнего окна близлежащего дома доносилась приглушённая музыка; стоял отвратительный смрад гниющего мусора, который высыпался из рваных мусорных пакетов, валявшихся за сломанными воротами.

– Здесь, – прошептал Муди, вложил клочок пергамента в Образумную руку Гарри и подвел светящийся кончик палочки поближе, чтобы на записку упал свет. – Быстро читай и запоминай.

Гарри взглянул на листок. Убористый почерк показался смутно знакомым.
Надпись гласила:

«Штаб Ордена Феникса можно найти в доме 12 на площади Гриммолд в Лондоне.»

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ДОМ 12 НА ПЛОЩАДИ ГРИММОЛД

– А что такое Орден?.. – начал Гарри.

– Не сейчас, парень! – рявкнул Муди. – Подожди, пока внутрь не зайдём.

Он забрал клочок пергамента и поджёг кончиком волшебной палочки. Записка съёжилась и золой осыпалась на землю. Гарри ещё раз оглядел окружающие здания. Они стояли у дома под номером 11. Гарри глянул влево и увидел дом номер 10, но справа был дом номер 13.

– Но где?..

– Вспомни фразу, которую ты только что выучил, – тихо подсказал Люпин.

Гарри принялся вспоминать и, как только он мысленно произнёс: «Дом 12 на площади Гриммолд», тут же, из ниоткуда, между 11-ым и 13-ым домом появилась сначала ветхая дверь, а следом за ней – обшарпанные стены с закопчёнными окнами. Впечатление было такое, словно этот дополнительный дом, надуваясь, раздвигал окружающие. Гарри даже рот раскрыл от изумления. Но музыка в доме номер 11 гремела, не умолкая, видимо маглы там ничего не заметили.

– Давай быстрее, – рыкнул Муди и подтолкнул Гарри в спину.

Гарри поднялся по истёртым каменным ступенькам, не сводя глаз с новообразованной двери. Чёрная краска на ней местами потрескалась и облупилась. Висел серебряный дверной молоток – в форме свернувшейся змеи. Ни замочной скважины, ни почтового ящика.

Люпин вытащил палочку и чуть слышно один раз стукнул в дверь. Гарри услышал, как внутри раздались частые громкие металлические щелчки и словно лязгнула цепочка. Дверь скрипнула и открылась.

– Гарри, заходи живей, – шепнул Люпин, – но не проходи далеко и ни к чему не прикасайся.

Гарри шагнул за порог в темноту холла. Пахнуло сыростью, пылью и сладковатым запахом тления; казалось, что дом давно заброшен.

Оглянувшись через плечо, Гарри увидел, как вслед за ним входят остальные. Люпин и Тонкс втащили его сундук и клетку Хэдвиг. Муди стоял на верхней ступеньке перед входной дверью, выпуская из гасилки пары света, украденные у уличных фонарей; они улетали обратно в лампы и вспыхивали, заливая площадь прежним оранжевым светом. Затем Муди, прихрамывая, вошёл внутрь, запер входную дверь, и темнота в холле стала крошечной.

– Так...

Он стукнул Гарри палочкой по лбу, и сейчас показалось, что по спине стекает что-то горячее, видимо, перестали действовать Образуемые чары.

– А теперь стой здесь, пока я не разберусь со светом, – шепнул Муди.

Приглушённые голоса остальных вызвали у Гарри странное чувство: будто они попали в дом умирающего.

Послышалось тихое шипение, затем по стенам зажглись старинные газовые лампы, призрачно высвечивая обшарпанные обои и потёртый ковёр на полу длинного, мрачного холла, под потолком мерцала затянутая паутиной люстра, а на стенах косо висели потускневшие от времени портреты. Гарри услышал, как за плинтусом кто-то прошуршал. И люстра, и канделябры, стоявшие на расшатанном столике, были выполнены в форме змей.

Раздались торопливые шаги, и из двери в противоположном конце холла появилась мама Рона. Просияв от счастья, она поспешила к ним навстречу, но Гарри отметил, что нынче она выглядит осунувшейся и куда бледнее, чем тогда, когда он видел её в последний раз.

— Гарри! Как же я рада тебя видеть! — шепнула она, крепко обняла, а потом отстранила на расстояние вытянутой руки и критически осмотрела: — Ты такой худой. Тебе нужно подкрепиться, но, боюсь, ужина придётся ещё немного подождать.

Повернувшись к колдунам, столпившимся за спиной Гарри, миссис Уизли торопливо прошептала:

— Он только что прибыл, собрание уже началось.

Колдуны взволнованно зашумели и направились мимо Гарри к двери, из которой только что появилась миссис Уизли. Гарри шагнул за Люпином, но миссис Уизли его остановила:

— Нет, Гарри, собрание только для членов Ордена. Рон и Гермиона наверху, ты можешь вместе с ними подождать конца собрания, а потом будем ужинать. И разговаривай в холле очень тихо, — поспешно добавила она.

— Почему?

— Не хотелось бы ничего разбудить.

— Вы о чём?..

— Я позже объясню, мне нужно спешить, я вообще-то должна быть на собрании... я только сейчас покажу тебе, где ты будешь спать.

Прижимая палец к губам, на цыпочках, она провела Гарри мимо длинных, изъеденных молью занавесей, за которыми, как предположил Гарри, была ещё одна дверь, потом мимо огромной подставки для зонтиков, сделанной вроде бы из отрубленной ноги тролля, до тёмной лестницы, на стене вдоль которой висели барельефы сморщенных голов.

Подойдя ближе, Гарри понял, что головы принадлежали домашним эльфам. У всех голов были одинаковые хоботообразные носы.

Растерянность Гарри росла с каждым шагом. Что они делают в доме, который выглядит так, словно принадлежит самому тёмному колдуну?

— Миссис Уизли, почему?..

— Рон и Гермиона тебе всё объяснят, милый, мне нужно спешить, — озабоченно прошептала миссис Уизли. — Это здесь... — они поднялись уже на третий этаж, — ...тебе — в правую дверь. Я вас позову, когда всё закончится.

И заторопилась по лестнице вниз.

Гарри прошёл по тёмной лестничной площадке, нажал на дверную ручку, сделанную в виде змеиной головы, и открыл дверь.

Он только успел заметить мрачную, с высоким потолком, комнату, где стояли две кровати, как тут же раздался громкий взвизг, которому вторил ещё более громкий вопль, и поле зрения было тут же ограничено копной чьих-то очень густых волос.

У него на шее повисла Гермиона и чуть не свалила на пол. Над головами взволнованно закружился совинок Рона – Свинстун.²⁴

– ГАРРИ! Рон, он – здесь, Гарри здесь! Мы не слышали, как ты приехал! Ну как у тебя дела-то? Всё нормально? Ты на нас рассердился? Держу пари, что рассердился, я понимаю, что от нас приходили такие дурацкие письма... Но мы ничего не могли тебе сказать, Дамблдор заставил нас поклясться, что мы не станем тебе ничего рассказывать, а нам, ой, нам так много нужно тебе рассказать, а ты должен рассказать нам о дементорах! Когда мы узнали... и про разбирательство в Министерстве... это так гадко, я посмотрела, они не имеют права тебя исключить, ну никак не могут, в Декрете о Разумном ограничении применения волшебства несовершеннолетними есть оговорка насчёт применения магии в опасных для жизни ситуациях...

– Дай ему вздохнуть, Гермиона, – посмеиваясь, прервал её Рон и закрыл за Гарри дверь.

За тот месяц, что они не виделись, Рон вроде бы ещё на несколько дюймов подрос, стал долговязым и неуклюжим ещё больше, чем раньше. Правда, длинный нос, ярко-рыжие волосы и веснушки остались прежними.

Гермиона с сияющим лицом, наконец, отпустила Гарри, но только собралась ещё что-то сказать, как послышался лёгкий свистящий шорох, и с верха тёмного платяного шкафа Гарри на плечо спланировало что-то белое.

– Хэдвиг!

Гарри погладил её по перьям, полярная сова щёлкнула клювом у него над ухом и дружелюбно ущипнула.

– Она тут прямо извелась вся, – сообщил Рон, – когда принесла твои последние письма, заклевала нас до полусмерти, вот, смотри... – он продемонстрировал Гарри заживающий, но явно глубокий порез на указательном пальце правой руки.

– Да уж, – согласился Гарри. – Извини, но я так ждал от вас ответов...

– Приятель! Мы хотели ответить тебе! – воскликнул Рон. – Гермиона так беспокоилась, всё говорила, что ты непременно наделаешь каких-нибудь глупостей, если тебя оставить без новостей, но Дамблдор нас заставил...

– ...Поклясться ничего мне не рассказывать, – закончил Гарри. – Да, да, Гермиона уже сказала.

Вспыхнувшая было радость от встречи со своими лучшими друзьями, угасла, и Гарри стало неприятно. Внезапно, – несмотря на то острое желание встретиться с ними, которое не покидало его целый месяц, – ему захотелось, чтобы Рон и Гермиона сейчас оставили его в покое.

Повисло напряжённое молчание. Гарри, не глядя на друзей, машинально гладил Хэдвиг.

²⁴ 1 Pigwidgeon – (Пигвиджон; pig – поросёнок; widgeon – дикая утка свиязь или свистун)

– Он, наверное, думал, что так будет лучше, – вздохнула Гермиона. – Я имею в виду – Дамблдор думал.

– Ну, разумеется, – бросил Гарри.

На её руках он тоже заметил следы от клюва Хэдви́г и поймал себя на том, что ничуть не сожалеет.

– Мне кажется, он решил, что с магглами тебе будет безопаснее... – начал Рон.

– Да? – Гарри поднял бровь. – А на кого-нибудь из вас этим летом нападали дементоры?

– Ну, нет... но он ведь на круглые сутки приставил к тебе людей из Ордена Феникса...

У Гарри внутри всё оборвалось, словно он спускался по лестнице и, вдруг, под ногой исчезла ступенька. Значит, о том, что за ним наблюдают, знали все, кроме него...

– Выходит, люди-то со своими обязанностями не справились? – с трудом сдерживаясь, пробормотал он. – В итоге, пришлось мне самому о себе позаботиться...

– Он так рассердился... – с каким-то благоговейным ужасом отозвалась Гермиона, – Дамблдор... Мы его видели, когда он узнал, что Мундунгус ушёл с дежурства раньше времени. На него страшно было смотреть.

– По мне, так это здорово, что он ушёл, – холодно заметил Гарри. – Если бы не ушёл, мне бы не пришлось магию применять, и Дамблдор меня бы, наверное, до конца лета продержал на Бирючинном проезде.

– А тебя разве... тебя слушание в Министерстве магии не волнует? – тихо спросила Гермиона.

– Не-а, – вызывающе соврал Гарри, отошёл в другой угол комнаты с Хэдви́г, уютно пристроившейся у него на плече, и стал осматриваться.

Вряд ли это помещение поднимет ему настроение. Здесь сыро и темно. Чистый холст в декорированной картинной раме – вот и всё, что смягчает убогость облезлых стен. Когда Гарри проходил мимо холста, ему слышался чей-то смехок.

– А с чего это Дамблдор решил держать всё в тайне от меня? – спросил Гарри, всё ещё пытаясь сохранять ровный тон. – Вы... э-э... не соизволили спросить его об этом?

Он посмотрел на них как раз вовремя, чтобы заметить, как они переглянулись, как будто полагали, что именно так он себя и поведёт.

Его настроение это несколько не улучшило.

– Мы говорили Дамблдору, что хотим тебе всё объяснить, – ответил Рон. – Мы, правда, говорили. Но он вечно занят, с тех пор, как мы здесь, мы видели его всего пару раз. И больше у него на нас времени не было, он только заставил нас поклясться не писать тебе в письмах ничего важного, потому что, как он сказал, сов могут перехватить.

– Если бы он хотел, то нашёл бы способ сообщить мне, – отрезал Гарри. – Только не надо мне говорить, что он не знает, как можно посылать письма без сов.

Гермиона взглянула на Рона, а потом сказала:

– Я тоже так думаю. Но он не хотел, чтобы ты вообще *хоть что-нибудь* знал.

– Может, он думает, что мне нельзя доверять? – Гарри пристально следил за выражением их лиц.

– Да ты что! – смущённо вскричал Рон.

– Или, что я не смогу сам о себе позаботиться?

– Конечно, он так не думает! – взволнованно воскликнула Гермиона.

– Так почему я должен был сидеть у Дёрзли, а вы оба, при этом, здесь, и в курсе всего? – быстро заговорил Гарри. Слова, цепляясь одно за другое, становились всё громче. – Почему же вам обо всём рассказали?

– Ничего подобного! – прервал его Рон. – Мама не разрешает нам присутствовать на собраниях, она говорит, что мы слишком маленькие...

Он даже не успел закончить, как Гарри начал орать.

– МОЖЕТ БЫТЬ, ВЫ И НЕ ХОДИТЕ НА СОБРАНИЯ, ПОДУМАЕШЬ! НО ВЫ–ТО ВЕДЬ – ЗДЕСЬ! ВЫ ТУТ ВМЕСТЕ! А Я ТОРЧАЛ С ЭТИМИ ДЁРЗЛИ ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ! А Я, МЕЖДУ ПРОЧИМ, ГОРАЗДО БОЛЬШЕ ВАС СООБРАЖАЮ ВО ВСЁМ, И ДАМБАДОР ЭТО ЗНАЕТ!.. КТО СПАС ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ? КТО ИЗБАВИЛСЯ ОТ РИДДАА? ВАШИ ШКУРЫ ОТ ДЕМЕНТОРОВ КТО СПАС?..

Все горькие и обиженные мысли, которые накопились у Гарри за целый месяц, сейчас выплёскивались наружу: его переживания из-за недостатка новостей, обида на то, что они были тут, вместе, без него, бешенство от того, что за ним следили и ни слова не сказали об этом, – все эти чувства, которых он даже стыдился, сейчас словно прорвали плотину.

Хэдвиг испуганно закудаhtала и взлетела обратно на платяной шкаф, Свинстун тревожно защебетал и принялся кружиться над их головами.

– КОМУ В ПРОШЛОМ ГОДУ ПРИШЛОСЬ СРАЖАТЬСЯ И С ДРАКОНАМИ, И СО СФИНКСОМ, И СО ВСЯКОЙ ПРОЧЕЙ МЕРЗОСТЬЮ? КТО ВИДЕЛ, КАК ОН ВЕРНУЛСЯ? КОМУ ПРИШЛОСЬ УБЕГАТЬ ОТ НЕГО? МНЕ!

Рон ошеломлённо замер, открыв рот и не зная, как реагировать, Гермиона с трудом сдерживала слёзы.

– НО ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ ЗНАТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ? ПОЧЕМУ НИКТО НЕ СЧИТАЕТ НУЖНЫМ СКАЗАТЬ МНЕ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

– Гарри, мы хотели сказать тебе, мы правда хотели... – начала Гермиона.

– НЕУЖТО ВЫ ТАК СИЛЬНО ХОТЕЛИ? ТЫ, ИЛИ ТЫ, НУ ТАК ХОТЕЛИ ПОСЛАТЬ МНЕ СОВУ, ДА ТОЛЬКО ДАМБАДОР ЗАСТАВИЛ ВАС ПОКАЯТЬСЯ ...

– Ну да, заставил...

– ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ Я ШЛЯЛСЯ ПО БИРЮЧИННОМУ ПРОЕЗДУ И ВОРОВАЛ ГАЗЕТЫ ИЗ МУСОРНЫХ БАКОВ, ЧТОБ ТОЛЬКО УЗНАТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ...

– Мы хотели...

– ПО-МОЕМУ, ВЫ ПРЕКРАСНО ПОВЕСЕЛИЛИСЬ ВМЕСТЕ, В ЭТОЙ ДЫРЕ...

– Нет, честно...

– Гарри, нам, правда-правда, очень жаль! – в отчаянии воскликнула Гермиона, глаза её блестели от слёз. – Ты совершенно прав, Гарри, я бы тоже так бесилась, если бы такое со мной произошло!

Гарри, задыхаясь, сверлил её глазами, потом отвернулся и стал расхаживать взад-вперёд. Со шкафа сердито ухнула Хэдвиг.

Наступила длинная пауза, тишину нарушал только скрип половиц под ногами у Гарри.

– Что это за место вообще-то? – Гарри резко повернулся к Рону и Гермионе.

– Штаб Ордена Феникса, – быстро ответил Рон.

– Может быть, мне всё-таки кто-нибудь объяснит, что такое Орден Феникса?

– Это тайное общество, – поспешно заговорила Гермиона. – Под управлением Дамблдора, он его основал. Это люди, которые раньше боролись против Сам-Знаешь-Кого.

– А что за люди? – Гарри остановился и сунул руки в карманы.

– Их довольно много...

– Мы видели человек двадцать, – пояснил Рон, – но думаем, что есть и ещё.

Гарри внимательно смотрел на них.

– *Итак?* – напряжённо сказал он, переводя взгляд с одного на другую.

– Э-э... – замешкался Рон. – Что «итак»?

– *Волдеморт!* – со злостью воскликнул Гарри. Рон и Гермиона вздрогнули. – Что с ним? Что он делает? Где он? Что мы делаем, чтобы его остановить?

– Мы же *сказали* тебе, что нам не разрешается присутствовать на собраниях Ордена... – нервно ответила Гермиона. – Поэтому деталей мы не знаем... но нам известна общая идея, – торопливо добавила она, увидев выражение лица Гарри.

– Слушай, Фред и Джордж придумали Ушлые Уши...²⁵ – встрял Рон, – полезные, как я не знаю что.

– Ушлые?..

– Ага, уши. Только нам в последнее время пришлось их попридержать, потому что мама узнала и взбесилась. Фред с Джорджем все попрятали, чтобы мама их не выбросила. Но, до тех пор, пока мама не сообразила, в чём дело, мы неплохо ими попользовались. Теперь знаем, что часть членов Ордена следит за теми, про кого известно, что он Пожиратель Смерти, досье на них ведут, прикинь...

– А некоторые вербуют новых людей в Орден... – добавила Гермиона.

– А кому-то поручено что-то охранять, – продолжил Рон. – Они часто говорят о том, что нужно где-то дежурить.

– За мной следить, наверное? – саркастически уточнил Гарри.

– А, точно! – расцвёл Рон.

Гарри фыркнул. Он опять принялся прохаживаться по комнате, время от времени взглядывая на Рона и Гермиону.

– Так чем вы тут занимаетесь, раз вам нельзя бывать на собраниях? – с нажимом спросил он. – Вы же писали, что очень заняты...

– Да, правильно, – торопливо ответила Гермиона, – мы занимались очисткой дома, он пустует давным-давно и развелась всякая дрянь. Мы уже очистили кухню, большинство спален, а гостиную, наверное, уже зав... АЙ!

²⁵ 2 Extendable Ear (по аналогии с “extended spread” – “удлиненная система наблюдений”; extendable – эластичный)

С громким, сдвоенным хлопком в центре комнаты появились близнецы Фред и Джордж, старшие братья Рона. Свинстун дико заверещал и затрепыхался прочь, присоединившись к сидевшей на шкафу Хэдвиг.

– Ну что ж вы делаете? Хватит уже! – простионала Гермиона близнецам, таким же рыжим, как и Рон, только пошире в плечах и пониже ростом.

– Привет, Гарри! – просиял Джордж. – Мы так и поняли, что доносится именно твой нежный голосок.

– Не держи всё в себе, Гарри, давай, поведай ближнему, – так же сияя, ухмыльнулся Фред, – может, ещё пара людей в радиусе полусотни миль тебя пока не услышала.

– Вы что, сдали экзамен на аппарирование? – угрюмо спросил Гарри.

– С отличием, – уточнил Фред, вертя в руках что-то вроде длинного шнура телесного цвета.

– Спуск по лестнице занял бы всего тридцать лишних секунд, – заметил Рон.

– Время – галлеоны, братишка, – отозвался Фред. – В общем, Гарри, присоединяйся к вечеринке. Ушрое Ухо, – добавил он в ответ на удивленное выражение лица Гарри и опустил шнурок, который теперь стал заметнее, на пол: – Попробуем услышать, что происходит внизу.

– Поосторожнее... – уставившись на Ухо, выдавил Рон, – ...если мама опять заметит...

– Риск – благородное дело. У них сейчас самое важное заседание... – заметил Фред.

И тут распахнулась дверь, и появилась грива длинных рыжих волос.

– Гарри, привет! – воскликнула младшая сестра Рона Джинни. – Я услышала твой голос, – повернувшись к Фреду и Джорджу, она добавила: – С Ушлыми Ушами ничего не выйдет, она ушла и наложилла на дверь кухни чары Невозмутимости.²⁶

– С чего ты взяла? – удручённо спросил Джордж.

– Тонкс меня научила, как это распознать, – ответила Джинни. – Бросаетшь в дверь чем попало и, если до двери ничего не долетает, значит она Невозмутима. Я кидала сверху навозные бомбы, они просто висают в воздухе, и всё. Так что Ушрое Ухо под дверь не просунешь.

Фред вздохнул:

– Фу... А я так мечтал разузнать, что задумал старина Снейп...

– Снейп? – вскинулся Гарри. – Он здесь?

– Ага, – Джордж тщательно закрыл дверь и присел на одну из кроватей; к нему присоединились Фред и Джинни. – Отчёт делает. Сверхсекретный.

– Гад, – лениво добавил Фред.

– Сейчас он на нашей стороне, – с упрёком сказала Гермиона.

– От этого он меньшим гадом не становится, – фыркнул Рон. – Он так смотрит на нас всё время...

– Биллу он тоже не нравится, – добавила Джинни, словно подводя итог под сказанным.

Гарри замялся: злость ещё не прошла, но жажда информации уже пересилила желание продолжать орать.

Он присел на другую кровать, напротив.

– А Билл здесь? – спросил он. – Он, вроде, в Египте работал?

– Он ушёл на кабинетную работу, так что смог вернуться домой и работать на Орден, – объяснил Фред. – Говорит, что гробниц ему не хватает, но... – и тут Фред ухмыльнулся, – ...у него есть компенсация.

– Что за компенсация?

– Помнишь милашку Флер Делакур? – спросил Джордж. – Она теперь работает в «Гринготтсе», *«улюшает свой ааанглиски»* ...

– А Билл частенько даёт ей частные уроки, – хихикнул Фред.

– Чарли тоже член Ордена, – продолжил Джордж, – но он пока ещё в Румынии. Дамблдор хочет завербовать как можно больше иностранных колдунов, поэтому в свободное время Чарли налаживает контакты.

– А почему Пёрси этим не занимается? – удивился Гарри.

Последний раз, когда он слышал о Пёрси, тот работал в департаменте Международного магического сотрудничества в Министерстве магии.

После этого вопроса все Уизли и Гермиона мрачно переглянулись.

– Только ради всего, не упоминай Пёрси при маме и папе, – напряжённым голосом произнёс Рон.

– Почему?

– Потому что всякий раз, когда они слышат имя Пёрси, у папы всё из рук валится, а мама начинает плакать, – буркнул Фред.

– Это ужасно, – печально подтвердила Джинни.

– Мы с ним ещё рассчитаемся, – сказал Джордж с нехарактерным для него угрожающим выражением лица.

– Да что произошло? – спросил Гарри.

– Пёрси с папой разругались, – ответил Фред. – Никогда не видел, чтобы папа так орал. Обычно орёт мама.

– Всё случилось через неделю после окончания учебного года, – начал объяснять Рон, – мы как раз должны были приехать вступать в Орден. Пёрси тогда пришёл домой и сказал, что получил повышение.

– Seriously? – удивился Гарри.

Гарри знал, конечно, что Пёрси был очень честолюбивым, но ему казалось, что карьера Пёрси в Министерстве магии сложилась неудачно: Пёрси крупно прокололся, вовремя не заметив, что его шеф попал под влияние Лорда Волдеморта (хотя в Министерстве этому и не поверили – они сочли, что мистер Крауч сошёл с ума).

– Да, мы тоже удивились, – продолжил Джордж, – потому что после истории с Краучем у Пёрси начались всякие проблемы. Ему сказали, что он должен был догадаться, что Крауч чокнулся, и сообщить наверх. Но ты же знаешь Пёрси... Крауч поставил его заместителем, и жаловаться он бы ни за что не пошёл.

– Так почему же его повесили?

– Вот это самое интересное, – оживился Рон, который готов был говорить о чём угодно, лишь бы Гарри снова не начал кричать. – Он пришёл домой, очень собой довольный... точнее сказать, ещё довольней, чем обычно... если такое возможно... и сказал папе, что ему предложили должность в секретариате Фаджа. Вообще-то для того, кто только год назад закончил Хогвартс, – должность просто классная: младший помощник министра. Я думаю, он ждал, что папа придёт в восторг.

– Но папа в восторг не пришёл, – мрачно добавил Фред.

– А почему? – опять спросил Гарри.

– Ну, потому, что Фадж как раз начал трясти всё Министерство на предмет обнаружения любых контактов с Дамблдором, – ответил Джордж.

– В последнее время в Министерстве имя Дамблдора смешали с грязью, – добавил Фред. – Они там считают, что своими рассказами о возвращении Сам-Знаешь-Кого Дамблдор всем только голову морочит...

– По словам папы, Фадж дал ясно понять, что любой, кто заодно с Дамблдором, может освободить помещение.

– Самое главное, что Фадж подозревает папу, потому что знает, как папа дружен с Дамблдором, и вообще он всегда считал папу каким-то извращенцем из-за этой его заикленности на магглах.

– Ну а при чём здесь Пёрси? – ошеломлённо спросил Гарри.

– К этому я и веду. Папа считает, что Фадж взял Пёрси в секретариат, потому что хочет использовать его в качестве шпиона за нашей семьёй и Дамблдором.

Гарри присвистнул.

– Держу пари, Пёрси бы это понравилось.

Рон натянуто рассмеялся:

– Да у него просто крыша поехала. Он сказал... в общем, наговорил кучу всяких мерзостей. Сказал, что ему пришлось бороться против папиной скверной репутации ещё с тех пор, как он стал работать в Министерстве, сказал, что у папы никогда не было честолюбия, и вот поэтому мы такие... ну, ты понимаешь... в том смысле, что с деньгами у нас всегда было неважно...

– *Что?* – недоумённо переспросил Гарри, а Джинни, при последних словах Рона, зашипела, как рассерженная кошка.

– Ну всё понятно... – Рон понизил голос. – Но дальше – больше. Пёрси сказал, что папа поступил по-идиотски, когда связался с Дамблдором, потому что у Дамблдора крупные неприятности, и папе теперь предстоит расхлёбывать их вместе с ним. А он, Пёрси, знает, на чьей стороне ему лучше, а именно – на стороне Министерства, и он ставит всех в известность, что он отныне – не член семьи. В тот же вечер он собрал свои манатки и уехал. И теперь в Лондоне живёт.

Гарри сквозь зубы выругался. Из всех братьев Рона Пёрси ему всегда меньше всех нравился, но он и представить не мог, что тот может наговорить такое мистеру Уизли.

– Мама очень правильно поступила, – вяло продолжил Рон, – ты же знаешь её, обычно она кричит и всё такое. А тут она поехала в Лондон, чтобы попробовать поговорить с Пёрси, но он захлопнул дверь перед её носом. Не представляю, как он с папой на работе встречается... делает вид, что не знаком, наверное.

– Но Пёрси-то *должен* знать, что Волдеморт вернулся, – медленно произнёс Гарри. – Он же не дурак, он же должен понимать, что мама и папа не станут рисковать без причины.

– Ну да, но... в общем, и о тебе речь зашла... – ответил Рон, искоса поглядывая на Гарри. – Пёрси сказал, что единственным доказательством служат твои слова и... ну не знаю я... короче он считает, что этого недостаточно.

– Пёрси верит тому, что пишут в «Ежедневном пророке», – язвительно добавила Гермиона.

Остальные согласно кивнули.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Гарри, обводя глазами присутствующих.

Все посмотрели на него с опаской.

– Ты что... ты не получал «Ежедневный пророк»? – взволнованно спросила Гермиона.

– Получал... – ответил Гарри.

– Ты... э-э... читал его подробно? – спросила Гермиона с тревогой в голосе.

– Ну, проглядывал заголовки, – осторожно ответил Гарри, – если бы хотели что-нибудь сообщить о Волдеморте, то написали бы на первой полосе, правда?

При упоминании этого имени все вздрогнули. Гермиона поспешила сказать:

– Нужно было читать его от корки до корки, иначе не поймёшь, но там... гм... о тебе упоминалось несколько раз в неделю.

– Но я бы заметил...

– Не смог бы заметить, раз читал только первую полосу, – покачала головой Гермиона. – Речь не о больших статьях. Тебя там только упоминают, в качестве дежурной шутки.

– Что, что?..

– Я понимаю, что это противно, – подчёркнуто спокойным тоном произнесла Гермиона, – но они же на основе материалов Риты писали.

– Но ведь она уже не пишет в «Ежедневный пророк»?

– О, не пишет, она сдержала обещание... у неё выбора не было, – с удовлетворением уточнила Гермиона. – Но она подготовила почву для того, чем они сейчас занимаются.

– Так чем *именно*? – нетерпеливо спросил Гарри.

– Ну, ладно, помнишь, она писала, что ты сошёл с ума и рассказывал всем, что у тебя шрам болит и всё такое?

– Угу, – кивнул Гарри. Уж что-что, но писанину Риты Скитер он так просто не забудет.

– Так вот, они пишут о тебе, что ты – позер и обманщик, который мнит из себя трагического героя или что-то в этом роде, – скороговоркой проговорила Гермиона, как будто, чем быстрее она будет говорить, тем менее болезненными покажутся Гарри её слова. – Сплошь и рядом вставляют шпильки в твой адрес. Если публикуют чью-нибудь высосанную из пальца историю, то её подают как «рассказни, достойные Гарри Поттера», а если с

кем-нибудь что-нибудь забавное стряслось, то они комментируют: «будем надеяться, что у этого человека не появится шрам во лбу, а то потом нам придётся его боготворить»...

– Я не хочу, чтобы меня боготворили... – горячо начал Гарри.

– Я знаю, что ты не хочешь, – испуганно заверила его Гермиона. – *Я знаю*, Гарри. Но видишь, что делается? Они хотят вывернуть всё так, чтобы тебе уже никто и никогда не поверил. Держу пари на что угодно – за всем этим стоит Фадж. Главное, чтобы все обыватели решили, будто ты просто-напросто эдакий глупенький мальчик, который сел в лужу, наболтал всяких небылиц, только потому что хочет подольше сохранять популярность.

– Я не болтал... я не хочу... *Волдеморт убил моих родителей!* – взорвался Гарри. – Я популярный потому, что он убил мою семью, но не смог убить меня! Кому нужна такая популярность? Неужели непонятно, что, будь моя воля, я бы ни за что...

– Мы *знаем*, Гарри, – искренне сказала Джинни.

– О том, что на тебя напали дементоры, они, естественно, и словом не упомянули, – продолжала Гермиона. – Им явно кто-то приказал молчать. Хотя неуправляемые дементоры – это грандиозный сюжет. Не написали даже о том, что ты нарушил Международный Статут Секретности. Нам казалось, что это не пропустят, – такая яркая иллюстрация для твоего, вроде бы, дурацкого позёрства получится. Мы решили, что они выжидают, пока тебя не исключат, а потом этой новости дадут ход... я, конечно, имею в виду, *если* тебя исключат, – торопливо исправилась она. – Но на самом деле тебя не исключат, потому что если они свои собственные законы соблюдают, то против тебя ничего нет.

Речь опять зашла о слушании его дела, а Гарри не хотелось об этом вспоминать. Он заметался в поисках новой темы разговора, но был избавлен от необходимости её найти, потому что с лестницы донеслись шаги.

– Атас...

Фред молниеносно рванул к себе Ушлое Ухо; раздался громкий хлопок, и они с Джорджем исчезли.

Несколько секунд спустя в дверном проеме появилась миссис Уизли.

– Собрание закончилось, можете спускаться на ужин. Гарри, все умирают от желания тебя увидеть. А кто разбросал навозные бомбы у кухонной двери?

– Косолап, – беззастенчиво солгала Джинни, – он любит с ними играть.

– А-а, – протянула миссис Уизли, – а я думала, что это Кричер,²⁷ с него станется. Значит так: не забудьте в холле говорить потише. Джинни, у тебя грязные руки, чем ты занималась? Пожалуйста, иди и помой их перед ужином.

Джинни скорчила всем гримасу и в сопровождении мамы вышла из комнаты, оставив Гарри наедине с Роном и Гермионой. Они оба смотрели на Гарри со страхом, словно боясь, что теперь, когда все ушли, он вновь начнёт кричать.

От того, что они так нервничают, Гарри стало неловко.

– Слушайте, я... – пробормотал он.

²⁷ 3 Kreacher (creek – скрип, скрипеть; treachery – вероломство, измена, предательство)

Но Рон тут же покачал головой, а Гермиона тихо сказала:

– Мы знали, что ты разозлишься, Гарри, мы на тебя не обижаемся, но ты должен понять, мы *в самом деле* пытались уговорить Дамблдора...

– Угу, я понял, – прервал её Гарри.

О директоре ему тоже не хотелось говорить, потому что от мыслей про Дамблдора он опять начинал злиться.

– Кто такой Кричер? – спросил он.

– Местный домовый эльф, – ответил Рон. – Псих. Никогда таких не встречал.

Гермиона, нахмурившись, посмотрела на Рона:

– Он не *псих*, Рон.

– Да он спит и видит, чтобы его отрезанную голову точно так же повесили на стену, как и голову его матери, – раздражённо бросил Рон. – Гермиона, это что, нормально?

– Ну ладно, может быть он и странный немного, но это не его вина.

Рон посмотрел на Гарри и закатил глаза.

– У Гермионы по-прежнему одна рвота в голове...

– Это не РВОТА! – запальчиво воскликнула Гермиона. – Это Распространение Всеобщего Освобождения Труда Эльфов.²⁸ И не только я, но и Дамблдор говорит, что мы должны хорошо относиться к Кричеру.

– Конечно, конечно, – быстро согласился Рон, – пошли, я есть хочу.

Он первым вышел и направился к лестнице, но, не успели они дойти до ступенек...

– Стойте! – выдохнул Рон, хватая Гарри и Гермиону за руки. – Они ещё в холле, можем что-нибудь подслушать...

Троица осторожно выглянула за перила. В тёмном холле толпились колдуны и ведьмы, в том числе и те, что охраняли Гарри. Все взволнованно перешёптывались. В самом центре группы Гарри заметил чёрные, грязные волосы и крупный нос, принадлежащие самому для него ненавистному преподавателю Хогвартса, профессору Снейпу. Гарри перегнулся через перила подальше: его страшно интересовало, что же именно делает Снейп для Ордена Феникса...

Перед глазами у него скользнул тонкий пшурок телесного цвета. Посмотрев вверх, этажом выше Гарри увидел Фреда и Джорджа, которые осторожно опускали Ушлое Ухо к тёмной массе людей внизу. Но тут члены Ордена направились к входной двери и пропали из поля зрения. Фред чуть слышно выругался: «Тьфу ты...» и принялся сматывать Ушлое Ухо.

Гарри услышал, как входная дверь открылась, а потом закрылась опять.

– Снейп никогда не ест здесь, – тихо сообщил Рон Гарри. – И слава богу. Пошли.

– Гарри, и не забудь в холле разговаривать потише, – шепнула Гермиона.

Миновав стену с чередой голов домовых эльфов, ребята увидели Люпина, миссис Уизли и Тонкс, стоявших у входной двери, – они магическим образом запирали за ушедшими многочисленные замки и задвижки.

²⁸ 4 S.P.E.W (букв. “рвота”) – Society for the Promotion of Elfish Welfare (дословно: Общество Содействия Благополучию Эльфов)

– Мы ужинаем на кухне, – шепнула миссис Уизли, подойдя к подножию лестницы им навстречу, – Гарри, милый, только иди по залу на цыпочках... вон в ту дверь...

БА-БАХ!

– Тонкс! – возмущённо вскрикнула миссис Уизли и нервно оглянулась.

– Ох, простите! – Тонкс плашмя растянулась на полу и запричитала: – Эта дурацкая подставка для зонтиков, второй раз спотыкаюсь...

Но её стенания потонули в ужасном, душераздирающем визге, от которого кровь застыла в жилах.

Побитые молью занавеси, на которые Гарри ещё раньше обратил внимание, взлетели сами собой, но за ними никакой двери не оказалось. На долю секунды Гарри решил, что смотрит в окно. Окно, из которого кричит старуха в чёрной шляпе, и кричит так, словно её пытаются... но потом он понял, что там просто портрет в натуральную величину, но самый реалистичный, и самый отвратительный, который он когда-либо в жизни видел.

Старуха кричала, и изо рта у неё стекала слюна, глаза закатились, желтоватая кожа лица натянулась; все прочие портреты в холле тоже проснулись и принялись вопить так, что Гарри даже зажмурился и закрыл руками уши.

Люпин и миссис Уизли бросились к портрету и попытались задёрнуть занавеси перед старухой, но безуспешно, а она визжала всё громче и громче и размахивала когтистыми руками, словно пытаясь вцепиться им в лица.

– Шлюха! Мразь! Дерьмецы и мерзавцы! Ублюдки, мерзкое отродье, уроды, прочь отсюда! Убирайтесь вон из дома моих предков!

Тонкс, беспрестанно извиняясь, поднимала огромную, тяжёлую троллью ногу; миссис Уизли оставила попытки задернуть занавеси и побежала по залу, утихомиривая палочкой все прочие портреты, в холл влетел мужчина с длинными чёрными волосами и чуть не столкнулся с Гарри.

– Замолчи, замолчи, ты, старая карга, ЗАМОЛЧИ! – зарычал он, хватаясь за занавесь, которую бросила миссис Уизли.

Лицо старухи побелело.

– *Тыы-ы-ы!* – завывала она, выкатив глаза на мужчину. – *Проклятый выродок, мерзавец, позор нашего рода!*

– Я сказал... ЗАТ... КНИСЬ! – рычал мужчина, и с огромным трудом, с помощью Люпина, ему всё-таки удалось задёрнуть занавеси.

Визг старухи стих и наступила звенящая тишина.

Тяжело дыша и смахивая с лица пряди длинных чёрных волос, к Гарри повернулся его крёстный Сириус.

– Здравствуй, Гарри, – мрачно произнёс он. – Будем считать, что с моей матерью ты уже познакомился...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОРДЕН ФЕНИКСА

– Твоей...

– Да, да, моей милой доброй мамочкой, – кивнул Сириус. – Целый месяц пытаемся её снять, но она, как видно, наложилась на изнанку холста чары Перманентного Приклеивания.²⁹ Быстрей спускаемся на кухню, пока они все опять не проснулись.

– Но откуда здесь портрет твоей матери? – изумлённо спросил Гарри, когда они вышли за порог холла и направились вниз по узкой каменной лестнице.

Все остальные потянулись за ними.

– Неужели никто тебе не доложил? Это дом моих родителей, – усмехнулся Сириус. – Но я последний из Блэков, так что теперь всё здесь принадлежит мне. Я предложил дом Дамблдору в качестве штаба... кроме этого больше ни на что не гожусь.

Гарри рассчитывал на более тёплый приём, а в голосе Сириуса отчётливо сквозила холодность и горечь. Вслед за крёстным, он спустился по лестнице к двери, ведущей в полуподвальное помещение кухни.

Кухня оказалась немногим приятнее холла наверху: зал с грубыми каменными стенами напоминал пещеру. Основным источником света служил большой камин в дальнем конце зала. В воздухе стоял табачный чад, как на поле битвы; сквозь дымовую завесу угадывались пугающих размеров массивные железные котлы и кастрюли, подвешенные под тёмным потолком.

В центре кухни, в окружении множества стульев, принесённых для собрания, стоял длинный деревянный стол, уставленный кубками и пустыми винными бутылками, заваленный пергаментными свитками и кучей какого-то тряпья. За противоположным от входа концом стола, склонив головы, о чём-то тихо беседовали мистер Уизли и его старший сын Билл.

Миссис Уизли кашлянула. Её муж, худощавый мужчина с редкими рыжими волосами, в очках в роговой оправе, поднял голову и вскочил.

– Гарри! – он поспешил навстречу, чтобы поприветствовать Гарри, и энергично потряс ему руку: – Как я рад тебя видеть!

Через плечо мистера Уизли Гарри заметил, что Билл, как и прежде с длинными волосами, забранными в «конский хвост», принялся торопливо сворачивать пергаменты, освобождая стол.

– Как ты добрался, Гарри? – громко окликнул его Билл, норовя разом ухватить дюжину свитков. – Безумный Глаз не настаивал, чтобы вы летели через Гренландию?

– Пытался, – отозвалась Тонкс, которая подошла помочь Биллу и тут же уронила на крайний пергамент свечу: – О, нет... *простите...*

²⁹ 1 Permanent Sticking Charm

– Ничего, дорогая, – раздражённо бросила миссис Уизли и мановением палочки восстановила пергамент.

Во вспышке света от её заклинания Гарри мельком успел заметить на пергаменте нечто похожее на план здания.

Увидев, как он заинтересовался, миссис Уизли схватила план со стола и сунула в руки и так уже доверху нагруженному Биллу.

– Такие вещи нужно убирать сразу, как собрание заканчивается, – недовольно проворчала она и направилась к древнему серванту, откуда принялась доставать обеденные тарелки.

Билл вынул палочку, прошептал: «*Evanesco!*»³⁰ и свитки исчезли.

– Гарри, присаживайся, – пригласил Сириус. – С Мундунгусом ты, вроде бы, уже знаком?

То, что Гарри сперва принял за кучу тряпья, издало протяжный хрюкающий всхрип, а потом резко дёрнулось.

– Кто чё про меня сказал? – сонно пробормотал Мундунгус, поводя мутными, налитыми кровью глазами. – Как Сириус, так и я... – и, словно голосуя, поднял давно не мытую руку.

Джинни хихикнула.

Все стали рассаживаться за стол.

– Собрание закончилось, Гнус, – заметил Сириус. – Гарри приехал.

– А? – Мундунгус пасмурно уставился на Гарри сквозь спутанные рыжие космы. – Да ты чё, он уже тут... Понял... Ну, чё, Гаррик, всё нормально?

– Угу, – кивнул Гарри.

Не сводя глаз с Гарри, Мундунгус нервно порылся в карманах и извлёк грязную чёрную трубку. Сунул её в рот, поджёг палочкой и глубоко затянулся. Тут же его заволокло клубами густого зеленоватого дыма.

– Ну, ты не серчай на меня, – раздалось бурчание из центра вонючего облака.

– Мундунгус, последний раз тебе говорю, – воскликнула миссис Уизли, – пожалуйста, *не надо* курить эту дрянь на кухне, тем более, когда мы собираемся садиться за стол.

– Опа... – буркнул Мундунгус. – Точно. Звиняй, Молли.

Он сунул трубку в карман, и облако дыма исчезло, но в воздухе остался резкий запах тлеющих носков.³¹

– Если вы хотите поужинать ещё до полуночи, мне нужен помощник, – миссис Уизли оглядела присутствующих: – Гарри, нет, ты сиди, у тебя был тяжёлый день.

– Что нужно сделать, Молли? – с энтузиазмом выступила вперёд Тонкс.

Миссис Уизли опасливо замялась:

– Э–э... нет, пожалуй ничего, Тонкс, ты тоже отдохни, ты и так уже много сделала сегодня...

³⁰ *Evanesco!* (лат.) – Исчезни!

³¹ Мундунгус курил марихуану; именно она даёт такой специфический запах “of like burning socks” и зеленоватый дым

– Но я хочу помочь! – воскликнула Тонкс и, опрокидывая стул, ринулась к серванту, откуда Джинни как раз доставала столовые приборы.

Вскоре несколько тяжёлых ножей под управлением мистера Уизли уже сами собой резали мясо и овощи, а миссис Уизли в это время помешивала содержимое висевшего над огнём котла. Остальные готовили тарелки, кубки и приносили из кладовки продукты.

Гарри сидел за столом вместе с Сириусом и Мундунгусом, который по-прежнему зыркал на него исподлобья.

– Со старухой Фигги потом повидался? – буркнул он.

– Нет, – сказал Гарри. – Ни с кем я не видался.

– Слышь, ну не свалил бы я, – наклонился вперёд Мундунгус и тон его голоса стал извиняющимся: – Но мне такая сделка подвернулась...

Гарри почувствовал как по ноге что-то мазнуло и вздрогнул. Оказалось, что это всего-навсего кривоногий рыжий кот Гермiony – Косолап, который с мурлыканьем потёрся о ноги Гарри, а потом вспрыгнул на колени Сириусу и свернулся клубком. Сириус рассеяно почесал его за ухом и с мрачным видом повернулся к Гарри:

– Как лето проходит, хорошо?

– Паршиво, – отозвался Гарри.

Впервые на лице Сириуса мелькнуло какое-то подобие улыбки.

– Мне кажется, тебе не на что жаловаться.

– Да уж... – Гарри скептически фыркнул.

– Лично я бы не отказался встретиться с дементором. Смертельный поединок в борьбе за душу очень оживляет монотонность существования. Ты, по крайней мере, мог выходить на улицу, чтобы поразмяться, ну и, опять же, драки всякие... А я целый месяц просидел взаперти.

– Это почему? – нахмурился Гарри.

– Потому что Министерство магии по-прежнему меня разыскивает, а Волдеморт теперь знает, что я – анимаг, Прихвост³² рассказал ему, так что моя шикарная маскировка бесполезна. Не так уж много я могу сделать для Ордена Феникса... По крайней мере, Дамблдор так считает.

По тому, каким пресным тоном Сириус упомянул Дамблдора, Гарри решил, что их отношения тоже далеко не самые лучезарные. И внезапно почувствовал с крёстным некую общность.

– Ну, ты хотя бы знал, что происходит, – попытался приободрить его Гарри.

– А как же... – саркастически поддакнул Сириус. – Я даже слушал доклады Снейпа, а заодно и грязные намёки на то, как он там рискует жизнью, пока я тут в укромном месте просиживаю задницу... А у меня он интересуется, как продвигается уборка...

– Какая уборка? – удивился Гарри.

³² 4 Wormtail – кличка Питера Петтигрю (worm – червяк, червь; выведывать; tail – хвост, свита. Клички переводятся согласно русской традиции их давать)

– Попытка сделать этот дом пригодным для жизни, – отрезал Сириус, жестом показав на унылую обстановку кухни. – Здесь никто не жил лет десять, с тех пор, как умерла моя матушка, если не считать её домового эльфа, который окончательно свихнулся, – и всё пришло в упадок...

– Сириус... – встрял Мундунгус, который, не обращая внимания на разговор, старательно изучал пустой кубок: –...старик, это чистое серебро?

– Да, – Сириус бросил на кубок неприязненный взгляд. – Конец пятнадцатого века, превосходная гоблинская работа, отчеканен фамильный герб Блэков.

– Эт поправимо, – пробурчал Мундунгус, полируя кубок рукавом.

– Фред... Джордж... НЕТ, ПРОСТО ПЕРЕСТАВЬТЕ! – раздался вопль миссис Уизли.

Гарри, Сириус и Мундунгус оглянулись и в ту же секунду шарахнулись от стола. Фред и Джордж заколдовали здоровенный котёл тушёной говядины, железную флягу сливочного пива и тяжёлую деревянную хлебную доску с ножом, пытаясь перенести их по воздуху. Котёл с говядиной проехался по всему столу и, оставив за собой длинный чёрный обугленный след, остановился у самого края; фляга со сливочным пивом рухнула, щедро расплескав содержимое, а огромный хлебный нож соскользнул с доски, воткнулся в стол и зловеще завибрировал – именно там, где секундой прежде была правая рука Сириуса.

– ВО ИМЯ НЕБА! – вскричала миссис Уизли. – НУ ЗАЧЕМ?.. КАК ЖЕ МНЕ ВСЁ ЭТО НАДОЕЛО!.. ЕСЛИ ВАМ РАЗРЕШИЛИ ПРИМЕНЯТЬ МАГИЮ, ЭТО ЖЕ НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ТЕПЕРЬ РАДИ ВСЯКОЙ ЕРУНДЫ НУЖНО МАХАТЬ ПАЛОЧКАМИ!

– Мы только хотели сэкономить время! – Фред бросился выдёргивать из стола хлебный нож. – Прости, Сириус, старик... я не хотел...

Гарри и Сириус расхохотались; Мундунгус, который опрокинулся назад вместе со стулом, с бранью поднялся на ноги; Косолап сердито зашипел и взлетел на сервант, откуда стал сверкать огромными жёлтыми глазами.

– Мальчики, – начал мистер Уизли, пододвигая котёл с говядиной к центру стола, – ваша мать права, вы уже совершеннолетние, пора бы, наконец, проявлять ответственность...

– Ни с одним из ваших братьев не было столько хлопот! – заорала миссис Уизли на близнецов и стукнула новой флягой сливочного пива по столу так, что та тоже расплескалась. – Билл никогда не апшарирует через каждые пару шагов! Чарли никогда не зачаровывает всё, что ни попадя! Пёрси...

Поперхнувшись, она замерла и с испугом посмотрела на внезапно окаменевшее лицо мужа.

– Давайте ужинать, – поспешно предложил Билл.

– Да, всё выглядит очень аппетитно, – заметил Люпин, накладывая тушёное мясо в тарелку и передавая миссис Уизли через стол.

Несколько минут царил тишина, нарушаемая только шумом передвигаемых стульев, пока все рассаживались за столом, а затем – звяканьем тарелок и приборов.

Потом миссис Уизли повернулась к Блэку:

– Сириус, я всё собиралась тебе рассказать: что-то попало в ловушку в письменном столе в гостиной, оно там беспрерывно грохочет и дёргается. Конечно, может быть, это

просто богарт, но, по-моему, лучше попросить Аластора взглянуть, а только потом выпускать.

– Как угодно, – равнодушно согласился Сириус.

– А в портьерах там полно докси,³³ – продолжала миссис Уизли. – Наверное, стоит завтра попробовать их выловить...

– Живу в предвкушении, – отозвался Сириус.

В его голосе Гарри уловил явный сарказм, но не был уверен, обратил ли на него внимание кто-либо ещё.

Тонкс, сидевшая напротив Гарри, развлекала Гермиону и Джинни – отправив вилку в рот и прожевав, она всякий раз после этого трансфигурировала свой нос. При этом таращила глаза и старательно пыталась себя разглядеть, точно так же, как в комнате Гарри. Её нос то становился похожим на огромный хищный клюв, как у Снейпа, то сжимался в кнопку, а то из каждой ноздри начинали бурно расти волосы.

Должно быть, подобное развлечение за едой у них случалось частенько, потому что вскоре Гермиона и Джинни принялись заказывать свои любимые носы.

– Тонкс, сделай такой, как у поросёнка.

Тонкс послушалась, и на мгновение Гарри показалось, что напротив сидит и ухмыляется Дадли в женском обличье.

Мистер Уизли, Билл и Люпин оживлённо обсуждали гоблинов.

– Они так и не проговорились, – рассказывал Билл. – Я никак не могу понять, верят они в то, что он вернулся, или нет. Они, конечно, могут решить сохранять нейтралитет. Не вмешиваться вовсе.

– Я уверен, что они никогда не перейдут на сторону Сам-Знаешь-Кого, – покачал головой мистер Уизли. – В прошлый раз у них тоже были потери. Помнишь, как он тогда убил семью гоблинов, где-то в Ноттингеме?

– Думаю, всё будет зависеть от того, что им предложат, – заметил Люпин, – Речь не о золоте, нет. Если им предложить права, которые мы за ними не признавали вот уже много веков, то они могут на это купиться. А у тебя с Рагноком³⁴ что-нибудь сложилось, Билл?

– Он нынче не выносит всех колдунов поголовно, – ответил Билл. – Всё бесится из-за делишек Людо Бэгмэна, думает, что Министерство его покрывает, и гоблинам своего золота уже никогда не видать...

В центре стола раздался такой взрыв смеха, что заглушил последние слова Билла.

Фред, Джордж, Рон и Мундунгус катались от хохота.

– ...А потом, – давясь и плача, продолжал Мундунгус, – ...а потом, прикиньте, он мне и говорит... э... говорит: «Слышь, Гнус, откедова у тебя стока жаб? Всех моих спёр какой-то

³³ 5 Доху – иначе именуемая “кусачая фея”. Похожи на миниатюрных человечков, но тело покрыто густыми чёрными волосами, имеют две пары рук и ног, плотные крылья, как у жука, и два ряда острых, ядовитых зубов. В случае укуса следует принять противоядие

³⁴ 6 Ragnok – гоблин, кельтское имя; rag (кельт.) – жесткий, негибкий, несклонный

трахнутый бладжером!» А я и говорю ему: «Твоих жаб спёрли, Уилл, ни фи́га себе? Ну чё, теперь новые нужны?» И прикиньте, ребята, этот дурной урод купил у меня обратно всех своих жаб, да притом заплатил мне бабок в два раза больше...

– Пожалуй, хватит с нас рассказней о твоих сделках, большое спасибо, Мундунгус, – едко заметила миссис Уизли, заметив как Рон упал лицом в тарелку, подвывая от смеха.

– Прошу прощенья, Молли, – сразу же осёкся тот, утёр глаза и подмигнул Гарри. – Но, знаешь, Уилл и сам их спёр у Харриса Бородавки, так что всё путём.

– Не знаю я, откуда тебе судить, Мундунгус, что путём, а что – нет, но, похоже, парочка важных уроков тебе впрок не пошла, – холодно отрезала миссис Уизли.

Фред и Джордж опустили носы в кубки сливочного пива; Джордж икнул. Почему-то миссис Уизли бросила на Сириуса сердитый взгляд, потом встала и направилась за большим ревеневым пудингом на десерт.

Гарри взглянул на крёстного.

– Молли Мундунгуса не признаёт, – выразительно прошептал Сириус.

– А почему он вообще член Ордена? – очень тихо спросил Гарри.

– Он полезен, – шепнул Сириус. – Он очень хорошо знает всяких жуликов, да и как не знать, если сам такой. Плюс к этому – он чрезвычайно предан Дамблдору, тот однажды помог ему выкрутиться из какой-то переделки. Приходится иметь дело с такими, как Гнус, он слышит то, чего нам никогда не узнать. Но Молли считает, что приглашение на ужин для него – слишком большая честь. Не может простить, что он ушёл с дежурства, когда должен был тебя сопровождать.

После трёх порций ревеневого пудинга с заварным кремом пояс джинсов стал Гарри тесноват (несмотря на то, что раньше джинсы принадлежали Дадли). Он отложил ложку. Застольные разговоры стихли: мистер Уизли откинулся на стуле, всем своим видом выражая полное пресыщение и расслабленность; Тонкс, сладко зевала, её нос уже принял обычную форму; Джинни, которой удалось выманить Косолапа с серванта, теперь, скрестив ноги, сидела на полу и катала пробки от сливочного пива, чтобы кот за ними гонялся.

– По-моему, пора спать, – зевнула миссис Уизли.

– Пока ещё не пора, Молли, – Сириус отодвинул пустую тарелку и повернулся к Гарри: – Знаешь, я тебе удивляюсь. Я-то думал, стоит тебе здесь оказаться, ты первым делом начнёшь задавать вопросы про Волдеморта.

Атмосфера в комнате изменилась так стремительно, что у Гарри невольно возникла ассоциация с последствием появления дементоров. Вместо сонной вялости моментально повисла тревога и напряжение. При упоминании имени Волдеморта все сидевшие за столом содрогнулись. Люпин, который собирался глотнуть вина, насторожился и медленно опустил кубок.

– Я же задавал! – негодуя воскликнул Гарри. – Спрашивал у Рона и у Гермионы, но они сказали, что нам нельзя быть членами Ордена, а...

– И они совершенно правы, – прервала его миссис Уизли. – Вы ещё слишком маленькие.

Она выпрямилась на стуле, крепко сжав подлокотники, сонливость у неё как рукой сняло.

– С каких пор нужно быть членом Ордена Феникса, чтобы иметь право задавать вопросы? – спросил Сириус. – Гарри целый месяц держали в этом магловском доме. Он имеет право знать, что произошло...

– Ну-ка, ну-ка! – всполошился Джордж.

– А почему только Гарри имеет право? – сердито осведомился Фред.

– Мы из вас вытягивали душу целый месяц, а вы нам ни единого захудалого словечка не сказали! – воскликнул Джордж.

– «Вы ещё слишком маленькие, вы не члены Ордена»... – передразнил Фред фальцетом, подозрительно похожим на голос матери. – А Гарри даже не совершеннолетний!

– Если вам не объяснили, чем занимается Орден, я здесь ни при чём, – спокойно отозвался Сириус. – Так решили ваши родители. Гарри – другое дело...

– Не тебе решать, что хорошо для Гарри! – отрезала миссис Уизли. Лицо её, обычно приветливое, приняло угрожающее выражение. – Надеюсь, ты помнишь, что сказал Дамблдор?

– Что именно? – вежливо уточнил Сириус с видом человека, не намеренного сдаваться.

– Именно то, что Гарри не следует рассказывать больше, чем он *должен знать*, – подчеркнула миссис Уизли последние слова.

Головы Рона, Гермионы, Фреда и Джорджа поворачивались от Сириуса к миссис Уизли так, словно они следили за теннисным матчем. Джинни привстала на колени среди груды пробок от сливочного пива и следила за беседой с открытым ртом. Глаза Люпина были прикованы к Сириусу.

– Молли, я не собираюсь рассказывать ему больше, чем он *должен знать*, – проговорил Сириус. – Но, поскольку именно он видел, как вернулся Волдеморт... – сидевшие за столом опять вздрогнули, – ...то именно у него есть право знать...

– Он не член Ордена Феникса! – воскликнула миссис Уизли. – Ему только пятнадцать лет, и...

– ...То именно у него, больше, чем у всех вместе взятых в Ордене, есть право знать, – повторил Сириус. – Ну, уж во всяком случае, больше, чем у некоторых.

– Его заслуг никто не отрицает! – миссис Уизли повысила голос, и руки её, сжимавшие подлокотники, задрожали. – Но он ещё...

– Он не ребёнок! – нетерпеливо перебил её Сириус.

– Но и не взрослый! – раскраснелась миссис Уизли. – Он не *Джеймс*, Сириус!

– Мне прекрасно известно, кто он, благодарю, Молли, – холодно заметил Сириус.

– А я в этом не уверена! – воскликнула миссис Уизли. – Ты иногда говоришь о нём так, что начинает казаться, будто ты решил, что вновь обрёл своего лучшего друга!

– А что в это плохого? – вмешался Гарри.

– А то, Гарри, что ты – не твой отец, хотя и очень на него похож! – ответила ему миссис Уизли, по-прежнему буравя глазами Сириуса. – Ты пока ещё учишься в школе, и взрослые, которые за тебя отвечают, не должны об этом забывать!

– Хочешь сказать, что я безответственный крёстный? – повысил голос Сириус.

– Я хочу сказать, Сириус, всем прекрасно известно, как опрометчиво ты можешь поступать. Вот почему Дамблдор постоянно твердит тебе, что ты должен сидеть дома, и...

– Будь так любезна, давай оставим в покое то, что говорит мне Дамблдор! – громко возмутился Сириус.

– Артур! – миссис Уизли повернулась к мужу. – Артур, ну поддержи меня!

Мистер Уизли ответил не сразу. Он сначала снял очки, медленно протёр их рукавом, не глядя на жену, а только потом, аккуратно надев очки на нос, заговорил:

– Молли, Дамблдор знает, что ситуация изменилась. Он согласился, что теперь, когда Гарри в штабе, его нужно отчасти ввести в курс дела.

– Да, но между тем, чтобы ввести его в курс дела и тем, чтобы предложить ему задавать какие угодно вопросы – большая разница!

– Что касается меня... – негромко произнёс Люпин, наконец отвернувшись от Сириуса, потому что миссис Уизли теперь обращалась к нему, в надежде обрести в нём союзника. – Я считаю, будет лучше, если Гарри *от нас* узнает факты... не все факты, Молли, хотя бы в общих чертах... чем получит их подтасованную версию от... других.

У него было совершенно невозмутимое выражение лица, но Гарри не сомневался, что Люпину прекрасно известно про отдельные Ушлые Уши, пережившие обыск, учинённый миссис Уизли.

– Ну, хорошо, – миссис Уизли, глубоко дыша, опять оглядела стол в поисках поддержки, но тщетно. – ...Хорошо... как вижу, прислушиваться ко мне никто не желает. Я только вот что хочу вам сказать: у Дамблдора наверняка были причины не позволять Гарри узнать слишком много, а уж если речь пойдёт о том, кто больше всего заботится о мальчике...

– Он не твой сын, – тихо произнёс Сириус.

– Он мне почти, как сын! – с отчаянием воскликнула миссис Уизли. – Кто ещё у него есть?

– У него есть я!

– Да, конечно... – усмехнулась миссис Уизли. – Только вот, наверное, сложновато было заботиться о нём, пока ты в Азкабана сидел?

Сириус стал привставать со стула.

– Молли, из собравшихся за этим столом не одна ты заботишься о Гарри, – быстро сказал Люпин. – Сириус, *сядь*.

Нижняя губа у миссис Уизли задрожала. Сириус с мертвенно-бледным лицом медленно опустился на стул.

– Я думаю, что Гарри сам должен решить, – продолжил Люпин. – Он уже достаточно взрослый, чтобы самостоятельно принимать решения.

– Я хочу знать, что произошло, – тут же отозвался Гарри.

Он не смотрел на миссис Уизли. Его очень тронуло, что она отзывается о нём, будто о сыне, но, вместе с тем, раздражала подобная опека. Сириус прав – он не ребёнок.

– Прекрасно, – дрожащим голосом сказала миссис Уизли. – Джинни... Рон... Гермиона... Фред... Джордж... я хочу, чтобы вы немедленно ушли из кухни!

Тут же поднялся гвалт.

– Мы старше! – хором кричали Фред и Джордж.

– Если можно Гарри, то почему нельзя мне? – возмущался Рон.

– Мама, я *хочу* послушать! – ныла Джинни.

– НЕТ! – крикнула миссис Уизли, сверкая глазами. – Я категорически запрещаю...

– Молли, ты не можешь запрещать Фреду и Джорджу, – устало возразил мистер Уизли, – они *уже* совершеннолетние...

– Они ещё школьники.

– Но юридически они уже взрослые, – тем же усталым голосом ответил мистер Уизли.

Миссис Уизли побагровела.

– Я... ну, хорошо... Фред и Джордж могут остаться, но Рон...

– Гарри всё равно расскажет мне и Гермионе всё, что вы ему тут скажете! – запальчиво воскликнул Рон. – Правда, Гарри? – он с надеждой посмотрел на Гарри, ловя его взгляд.

На долю секунды Гарри захотелось ответить Рону, что он не расскажет ему ни полслова, чтобы до него дошло, каково это – жить в полном неведении, и посмотреть, как ему это понравится. Но стоило ему взглянуть Рону в глаза, как гаденькая мысль тут же исчезла.

– Конечно, расскажу.

Рон и Гермиона просияли.

– Замечательно! – заорала миссис Уизли. – Превосходно! Джинни, МАРШ В КРОВАТЬ!

Джинни упиралась изо всех сил. Было слышно, как всю дорогу по лестнице она кричала и ругалась на мать, а когда они поднялись в холл, к этому шуму прибавились душераздирающие вопли миссис Блэк.

Люпин поспешно отправился утихомиривать портрет. И только после того, как он вернулся, закрыл за собой дверь кухни, и опять сел за стол, Сириус заговорил.

– Итак, Гарри... что ты хочешь знать?

Гарри набрал побольше воздуха в грудь и задал вопрос, который мучил его весь прошлый месяц:

– Где Волдеморт? – он проигнорировал очередной приступ дрожи за столом и продолжил: – Что он делает? Я пробовал следить за магловскими новостями и ничего не заметил, никаких загадочных смертей, вообще ничего, что можно было бы с ним связать.

– Дело в том, что никаких загадочных смертей не было, – пояснил Сириус. – Во всяком случае, нам о них неизвестно... хотя нам известно немало.

– Гораздо больше, чем он полагает, – добавил Люпин.

– Почему он перестал убивать людей? – поинтересовался Гарри, помня, что за год Волдеморт убивал уже не раз.

– Потому что не хочет привлекать к себе внимание, – ответил Сириус. – Для него это слишком опасно. Видишь ли, Гарри, его возвращение прошло совсем не так, как он рассчитывал. Он его себе подпортил.

– Точнее, это сделал ты, – с удовлетворённой улыбкой уточнил Люпин.

– Как? – озадаченно спросил Гарри.

– Не предполагалось, что ты останешься в живых! – воскликнул Сириус. – Никто, кроме Пожирателей Смерти, не должен был знать, что он вернулся. Но ты выжил и смог рассказать.

– И меньше всего он хотел, чтобы к его возвращению был готов Дамблдор, – добавил Люпин. – А с твоей помощью Дамблдор сразу обо всём узнал.

– Ну и что? – удивился Гарри.

– Ты шутишь? – недоверчиво переспросил Билл. – Дамблдор – единственный, кого Сам-Знаешь-Кто всегда боялся!

– Благодаря тебе Дамблдор смог созвать Орден Феникса спустя всего час после возвращения Волдеморта, – объяснил Сириус.

– Ну и чем же этот Орден занимается? – Гарри внимательно оглядел лица присутствующих.

– Всеми силами препятствует Волдеморту реализовать свои планы, – сказал Сириус.

– А вам известно, какие у него планы? – быстро спросил Гарри.

– У Дамблдора есть одна догадка, – ответил Люпин, – а догадки Дамблдора обычно всегда подтверждаются.

– И как думает Дамблдор, что у него за планы?

– Хм... Во-первых, он хочет воссоздать свою армию, – начал Сириус. – В прежние времена у него была огромная организация: масса колдунов и ведьм, которых он принуждал и околдовывал, преданные ему Пожиратели Смерти, немало всяческих Тёмных существ... Ты же слышал, что он рассчитывал привлечь на свою сторону великанов, – это только часть той армии, которая была у него раньше. Само собой, он не собирается устраивать налёт на Министерство магии с дюжиной Пожирателей Смерти.

– И вы стараетесь помешать ему вербовать себе сторонников?

– Изю всех сил, – кивнул Люпин.

– Как?

– Сейчас самое главное – рассказать... и доказать как можно большему числу людей то, что Сам-Знаешь-Кто действительно вернулся, и призвать их к бдительности, – пояснил Билл. – Хотя не всё так просто...

– Почему?

– Из-за позиции Министерства, – встряла Тонкс. – Гарри, видел бы ты Корнелиуса Фаджа после того, как Сам-Знаешь-Кто вернулся. Хорошо ещё, что Фадж вообще умом не тронулся. Он наотрез отказывается признать, что это случилось.

– Но почему? – в отчаянии воскликнул Гарри. – Почему он такой дурак? Ведь Дамблдор...

– Вот тут ты попал в точку, – криво усмехнулся мистер Уизли. – *Дамблдор*.

– Фадж боится его, вот в чём дело, – печально произнесла Тонкс.

– Боится Дамблдора? – недоверчиво переспросил Гарри.

– Боится того, на что Дамблдор способен, – пояснил мистер Уизли. – Фадж думает, что Дамблдор плетёт заговор, чтобы его свергнуть. Думает, что Дамблдор сам хочет стать министром магии.

– Но Дамблдор не хочет...

– Конечно, не хочет, – продолжил мистер Уизли, – он никогда не добивался должности министра, хотя после отставки Милисенты Багнольд³⁵ многим хотелось, чтобы он занял её кресло. Должность получил Фадж, и он никогда не забудет, сколько сторонников было у Дамблдора, хотя сам Дамблдор на эту должность вовсе не претендовал.

– А кроме того, Фадж понимает, что Дамблдор гораздо умнее его, и куда более могущественный колдун. Став министром, Фадж поначалу то и дело обращался к Дамблдору за помощью или советом, – добавил Люпин. – Но со временем, по всей видимости, стал гораздо увереннее, и власть вскружила ему голову. Ему нравится быть министром магии, ему удалось убедить себя, что он самый умный, а Дамблдор попросту заварил кашу от нечего делать.

– Да как ему такое в голову пришло? – в сердцах воскликнул Гарри. – Как ему только в голову пришло, что Дамблдор всё насочинял... что *я* всё насочинял?

– Потому что признать возвращение Волдеморта для Министерства равносильно тому, чтобы признать наличие проблемы, с которой оно не в состоянии справиться вот уже четырнадцать лет, – едко сказал Сириус. – Фадж просто не может заставить себя посмотреть правде в глаза. Гораздо проще убедить себя в том, что Дамблдор лжёт, чтобы его, Фаджа, подсадить!

– В этом-то всё и дело, – добавил Люпин. – Пока Министерство настаивает, что со стороны Волдеморта никому ничего не угрожает, очень сложно убедить людей в том, что он вернулся, тем более что люди и сами не хотят в это верить. К тому же, Министерство оказывает давление на «Ежедневный пророк», чтобы тот не опубликовывал ни единой, как они называют, идиотской сплетни Дамблдора. А поскольку магическое сообщество не отдаёт себе отчёта в реальном положении вещей, люди станут лёгкой добычей Пожирателей Смерти, примени они, скажем, проклятие Импернус.³⁶

– Но вы ведь рассказываете людям, да? – Гарри растерянно обвёл глазами взрослых. – Вы объясняете людям, что он вернулся?

Все натянуто заулыбались.

– Поскольку меня считают маньяком-убийцей, и мою голову Министерство оценило в десять тысяч галлеонов, едва ли мне следует разгуливать по улицам и раздавать бесплатные рекламные листовки, – сардонически заметил Сириус.

– Я тоже для многих не самый желанный гость, – сказал Люпин. – У нас, у оборотней, работа такая – *вредная*.

– Тонкс и Артур потеряют работу в Министерстве, если начнут распускать языки, – добавил Сириус. – А для нас очень важно иметь шпионов в Министерстве, потому что, держу пари, у Волдеморта они там есть.

³⁵ 7 Millicent Bagnold (от стар. англ. “beadu” – “битва” & “holt” – “лес” ; Энид Багнольд – английская писательница)

³⁶ 8 Imperius Curse (название проклятия в оригинале на латыни; букв. “Приневольное проклятие”)

– Но кое-кого нам всё-таки удалось убедить, – уточнил мистер Уизли. – Вот ту же Тонкс, например, – в прошлый раз она не была членом Ордена Феникса, потому что слишком молода. Заручиться поддержкой авроров нам крайне выгодно. И Кингсли Шаклболт – тоже ценный кадр, тем более что он отвечает за поимку Сириуса, кстати, с его слов в Министерстве считают, что Сириус сейчас в Тибете.

– Но если никто из вас не заявил в открытую, что Волдеморт вернулся... – начал Гарри.

– Кто сказал, что «никто не заявил»? – возразил Сириус. – Откуда же, по-твоему, у Дамблдора такие неприятности?

– Какие неприятности? – удивился Гарри.

– Его пытаются дискредитировать, – пояснил Люпин. – Ты что, не читал «Ежедневный пророк» на прошлой неделе? Там писали, что его сместили с поста Председателя Международной конфедерации колдунов, потому что он слишком стар и потерял хватку. Но это ложь: его лишили поста колдуны из Министерства после того, как он сделал доклад о возвращении Волдеморта. Его лишили должности Главного Чародея Визенгамота – Верховного Магического Суда...³⁷ Ходят слухи, что, ко всему прочему, у него собираются отобрать Орден Мерлина Первого класса.

– Но Дамблдор говорит, что его это совершенно не волнует, лишь бы оставили его портрет на карточках из шоколадных лягушек, – усмехнулся Билл.

– Ничего смешного в этом нет, – резко оборвал Билла мистер Уизли. – Если он и дальше будет противопоставлять себя Министерству, то всё может закончиться Азкабаном, а арест Дамблдора для нас – хуже не придумаешь. Пока Сам-Знаешь-Кто знает, что Дамблдор рядышком и в курсе его замыслов, он будет вести себя осторожно. Если Дамблдора уберут, у Сам-Знаешь-Кого будут развязаны руки.

– Но, раз Волдеморт вербует новых Пожирателей Смерти, значит должно выясниться, что он вернулся? – удрученно спросил Гарри.

– Гарри, Волдеморт не марширует по улицам и в двери не стучится, – флегматично заметил Сириус. – Он обманывает, околдовывает, шантажирует. Он мастер действовать скрытно. В любом случае, набор сторонников – это не единственное, что его интересует. У него есть и другие планы, эти планы можно реализовать без лишнего шума, чем он сейчас и занимается вплотную.

– А что ему ещё нужно, кроме сторонников? – быстро уточнил Гарри.

Ему показалось, что Сириус, прежде чем ответить, переглянулся с Люпиным.

– Одна штуковина, которую иначе, как хитростью, ему не добыть.

Поскольку Гарри застыл в полном недоумении, Сириус уточнил:

– Можно сказать, оружие. Которого в прошлый раз у него не было.

³⁷ 9 Chairmanship of the International Confederation of Wizards & Chief Warlock on the Wizengamot (посты, которых лишился Дамблдор). – Wizard High Court (wizen – морщинистый, высохший; wise – мудрый; gam – косяк китов; gemot – совет старейшин, собрание, имеющее управленческие полномочия; Witenagemote – Уитенагемот (древнеангл. Witena Gemot буквально обозначает «мудрых собрание») – совет знати в англосаксонских королевствах Англии VI–XI вв. Подтверждал права короля на престол, решал вопросы войны и мира и др.)

– В прошлый раз – когда у него была власть?

– Да.

– А какое оружие? – спросил Гарри. – Что-то пострашнее, чем Авада Кедавра?..

– Довольно! – раздался окрик миссис Уизли из полутьмы у дверей.

Гарри не заметил, когда она успела вернуться, отконвоировав наверх Джинни. Миссис Уизли стояла со скрещёнными на груди руками, и вид у неё был в высшей степени разъярённый.

– Я требую, чтобы вы отправлялись спать. Все вы, – добавила она, глядя на Фреда, Джорджа, Рона и Гермиону.

– Не имеешь права нам приказывать... – начал Фред.

– Ну, вот что... – рявкнула миссис Уизли. Она смотрела на Сириуса, и её била дрожь. – Гарри рассказали уже предостаточно. Ещё немного, и его уже можно будет прямо в Орден принимать.

– А почему нет? – встрял Гарри. – Я хочу в Орден, я хочу, я хочу бороться.

– Нет.

На этот раз возразила не миссис Уизли, а Люпин:

– В Ордене Феникса состоят только совершеннолетние колдуны, – заявил он и добавил, видя, как Фред и Джордж раскрыли рты: – те, кто уже закончил школу. Членство в Ордене связано с таким риском, о котором вы и понятия не имеете, ни один из вас... Я думаю, Молли права, Сириус. Того, что мы рассказали – вполне достаточно.

Сириус слегка пожал плечами, но спорить не стал.

Миссис Уизли властно подозвала сыновей и Гермиону. Они встали, Гарри сдался и последовал за ними.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БЛАГОРОДНЫЙ И СТАРИННЫЙ ДОМ БЛЭКОВ

Миссис Уизли с суровым видом сопровождала всех наверх.

– Немедленно ложитесь спать, и никакой болтовни, – распорядилась она на площадке второго этажа. – Завтра у нас напряжённый день. Надеюсь, Джинни уже спит, – добавила она, обращаясь к Гермионе, – так что постарайся её не разбудить.

После того, как Гермиона пожелала всем спокойной ночи, мальчики стали подниматься на следующий этаж, и Фред тихонько фыркнул:

– Ага, спит она, как же. Если Джинни дрыхнет, а не ждёт Гермиону, чтобы узнать всё, что той рассказали на кухне, то я – червеплох...³⁸

– Так. Рон, Гарри, – на третьем этаже миссис Уизли завела ребят в спальню. – Быстро в кровать.

– Спокойной ночи, – кивнули Гарри с Роном близнецам.

– Крепких снов! – подмигнул Фред.

Миссис Уизли захлопнула за Гарри дверь.

Сейчас спальня выглядела, пожалуй, ещё более мрачной и промозглой, чем показалась с первого взгляда. Чистый холст на стене неторопливо и глубоко посапывал, словно его невидимый обитатель спал.

Пока Рон забрасывал на шкаф «Совячьих вкусностей»,³⁹ чтобы утихомирить Хэдвиг и Свинстуну, которые нетерпеливо толклись там и хлопали крыльями, Гарри натянул пижаму, снял очки и залез в холодную кровать.

– Каждую ночь их нельзя выпускать на охоту, – объяснил Рон, надевая свою бордовую пижаму. – Дамблдор не хочет, чтобы в районе площади летало слишком много сов, говорит, что это будет выглядеть подозрительно. Ох... я же забыл...

Он кинулся к двери и запер её на задвижку.

– Зачем ты это делаешь?

– Кричер, – пояснил Рон, выключая свет. – Когда я первый раз здесь ночевал, он притаился в три утра. Уж поверь мне, мало радости проснуться и увидеть, как он шляется вокруг твоей кровати. Если не хуже...

Он залез в кровать, устроился под одеялами, – его силуэт вырисовывался в лунном свете, проникающем сквозь грязное стекло, – а потом повернулся в сторону тёмного угла, где лежал Гарри:

– Ну и что ты думаешь?

³⁸ 1 Flobberworm – коричневый червь длиной около 10 дюймов. Его слизь используется в качестве загустителя в некоторых зельях; любимая пища – листья салата (flob – харкать; flobber – плюхать, плескать (о воде); worm – червь)

³⁹ 2 Owl Treats

Спрашивать, что подразумевал Рон, не было никакой необходимости.

– Ну... они не рассказали нам ничего такого, о чём мы сами не догадывались, так ведь? – ответил Гарри, размышляя о том, что услышал внизу. – В смысле, рассказали-то, всего-навсего, что Орден пытается остановить людей, которые могут примкнуть к Вол...

Со стороны Рона донёлся отчётливый вздох.

– ...деморту, – твёрдо закончил Гарри. – Когда же ты, наконец, начнёшь называть его по имени? Ведь Сириус с Люпином называют.

Рон пропустил мимо ушей последнее замечание.

– Ну да, ты прав, – шепнул он, – мы и раньше Ушлыми Ушами слышали почти всё, что они рассказали. Ничего нового кроме...

Хлоп.

– УЙ!..

– Потихше, Рон, а то мама опять заявится.

– Да вы двое мне прямо на ноги саппарировали!

– Ну, знаешь, в темноте немудрено.

Гарри различил смутные силуэты Фреда и Джорджа, слезавших с кровати Рона. Раздался скрип матрасных пружин, и постель Гарри в ногах смялась на несколько дюймов, когда туда присел Джордж.

– Ну, уже сообразили? – нетерпеливо поинтересовался он.

– Насчёт оружия, которое Сириус упомянул? – уточнил Гарри.

– Скажем лучше: о котором ляпнул, – с нажимом встрял сидевший рядом с Роном Фред. – Мы, вроде, ничего *подобного* нашими Ушлыми Ушками не слышали.

– А сами вы что об этом думаете? – спросил у него Гарри.

– Да всё, что угодно, может быть, – отозвался Фред.

– Ну, вряд ли хуже проклятия Авада Кедавра, а? – буркнул Рон. – Что может быть хуже смерти?

– Может быть, это какое-то оружие массового поражения, – предположил Джордж.

– Может быть, какой-то особенно болезненный способ убийства, – ужаснулся Рон.

– На этот случай у него есть проклятие Крусиатус⁴⁰, – заметил Гарри, – вряд ли нужно что-нибудь более эффективное...

Наступило молчание. Гарри понимал, что всех остальных тоже мучает вопрос, какие ещё ужасы можно творить таким оружием.

– Ну, а в чьих руках оно сейчас, как считаете? – начал Джордж.

– Надеюсь, что в наших, – взволнованно проговорил Рон.

– Если так, то оно, скорее всего, у Дамблдора, – высказался Фред.

– Где же? – поспешно переспросил Рон. – В Хогвартсе?

– Держу пари, что там! – решил Джордж. – Философский Камень он прятал там.

– Но оружие, небось, куда больше Камня! – воскликнул Рон.

⁴⁰ 3 Cruciatus Curse (название проклятия в оригинале на латыни; букв. “Пыточное проклятие”)

– Не обязательно, – возразил Фред.

– Да, точно, размер – это ещё не гарантия мощности, – хмыкнул Джордж. – Посмотри на Джинни.

– А что с Джинни? – удивился Гарри.

– Ты никогда не видел, чем заканчиваются её Пугалётные порчи?..⁴¹

– Тссс! – шикнул Фред, приподнявшись с кровати. – Слушайте!

Все притихли. С лестницы доносились приближающиеся шаги.

– Мама, – всполошился Джордж, тут же раздался громкий «хлоп», и Гарри почувствовал, как матрас кровати в изножье выпрямился.

Через несколько секунд прямо за дверью заскрипели половицы: миссис Уизли несомненно проверяла, не болтают ли они.

Хэдвиг и Свинстун протяжно ухнули. Половица опять проскрипела, и ребята услышали, как шаги направились вверх, чтобы проконтролировать Фреда и Джорджа.

– Знаешь, она нам совершенно не доверяет, – печально заметил Рон.

Гарри был уверен, что заснуть не удастся: вечер оказался настолько насыщен различными событиями, о которых хотелось поразмышлять, что он собрался бодрствовать всю ночь.

Захотелось было продолжить обсуждение с Роном, но тут миссис Уизли проскрипела в обратную сторону, вниз. Как только стихли её шаги, отчётливо донеслись другие, вверх... Будто за дверью спальни вверх-вниз скачут какие-то многоногие существа. Потом возник Хагрид, который вёл уход за магическими существами, и сказал: «Ишь, красавчики, да, Гарри? В этом семестре поизучаем, что у них за оружие...», а затем Гарри увидел, что у существ на головах пушки, которые нацеливаются на него... а он уворачивается...

Потом он почувствовал, что лежит, уютно свернувшись в клубок под тёплым одеялом, а в комнате раздаётся громкий голос Джорджа:

– Мама велела вставать, завтрак на кухне, а потом вы ей в гостиной нужны, там докси оказалось немеряно, больше, чем она думала, а ещё она нашла под диваном гнездо дохлого клубкопыха...⁴²

Полчаса спустя Гарри и Рон, уже одетые и на скорую руку позавтракавшие, вошли в гостиную – огромную залу на втором этаже, с высоким потолком и оливково-зелёными стенами, покрытыми грязными гобеленами. При каждом шаге из ковра на полу вылетали клубы пыли, а длинные, цвета мха бархатные шторы гудели так, словно там роились невидимые пчёлы.

Вот рядом с этими шторами и сгрудились миссис Уизли, Гермiona, Джинни, Фред и Джордж, вид у всех был очень странный – носы и рты закрывали повязки. Каждый держал в руках по большой бутылке чёрной жидкости с разбрызгивателем.

⁴¹ 4 Bat-Bogey Hexes (bat – летучая мышь; bogeyman – страшилище; призрак; пугало)

⁴² 5 Puffskein (puff – клуб дыма; пыхтеть; skein – клубок; в славянской мифологии это существо называется "лизун")

– Закройте лица и берите распылители, – командовала миссис Уизли Гарри и Рону, показывая на две бутылки с чёрной жидкостью, стоявшие на одноногом столике: – Это доксицид. Такого запущенного случая я ещё никогда не видела – *и чем* только занимался этот домовый эльф все десять лет...

У Гермионы пол-лица скрывало кухонное полотенце, но Гарри заметил, какой укоризненный взгляд она бросила на миссис Уизли.

– Кричер уже старый, наверное, он просто не мог справиться с уборкой...

– Ты удивишься, Гермиона, с чем может справиться Кричер, если захочет, – раздался голос Сириуса.

Он вошёл в комнату, неся окровавленный мешок, наполненный, похоже,дохлыми крысами.

– Я Брыклюва⁴³ сейчас кормил, – пояснил он в ответ на удивлённый взгляд Гарри, – я держу его наверху, в спальне моей матери. В некотором роде... А, тот самый письменный стол...

Он бросил мешок с крысами в кресло и наклонился, изучая запёртый ящик секретера, который слегка вибрировал, чего Гарри сначала не заметил.

– Знаешь, Молли, я практически уверен, что это боггарт, – протянул он, глядя в замочную скважину, – но, пожалуй, перед тем, как его выпускать, лучше напустить на него Безумного Глаза... зная мою мать... там вполне может оказаться кое-что куда похуже...

– Ты прав, Сириус, – согласилась миссис Уизли.

Они разговаривали таким учтивым и любезным тоном, что Гарри стало совершенно ясно – ни один из них не забыл вчерашний спор.

Внизу громко задребезжал дверной звонок, и сразу поднялась та же какофония проклятий и стенаний, которая раздавалась прошлой ночью после того, как Тонкс уронила подставку для зонтиков.

– Сколько раз я говорил не пользоваться дверным звонком! – разгневанно воскликнул Сириус и торопливо вышел из комнаты.

По изменению темы высказываний миссис Блэк, эхом разносящихся по всему дому, оставшиеся в гостиной поняли, что Сириус уже спустился вниз.

– *Бесчестные твари, грязные ублюдки, выродки проклятые, дети отребья...*

– Гарри, закрой дверь, пожалуйста, – попросила миссис Уизли.

Гарри закрывал дверь так медленно, как только мог: хотелось послушать, что происходит внизу. Очевидно, Сириусу удалось задёрнуть занавеси перед портретом матери, потому что кричать она перестала. Он услышал, как Сириус прошёл через холл, а потом на входной двери звякнула цепочка. Затем раздался низкий голос, принадлежащий Кингсли Шаклболту: «Гестия только что сменила меня, плащ Муди сейчас при ней, я, пожалуй, доложу Дамблдору...»

Затылком ощутив взгляд миссис Уизли, Гарри с сожалением закрыл дверь гостиной и присоединился к остальным борцам с докси.

⁴³ 6 Buckbeak – (Бакбик; buck & beak; buck – самец; взбрыкивать; beak – клюв)

Миссис Уизли склонилась над лежавшей на диване книгой «Гилдерой Локхарт: Справочник по домовым паразитам»,⁴⁴ чтобы просмотреть страницу про докси.

– Так, ребятки, соблюдайте осторожность, потому что докси кусаются, и зубы у них ядовитые. У меня здесь есть флакон с противоядием, но лучше бы оно никому не понадобилось.

Она выпрямилась, подошла к шторам вплотную, подозвала всех поближе и распорядилась:

– По моей команде начинаем брызгать одновременно. Они, как пить дать, сразу полетят на нас, но на бутылках написано, что одна порция жидкости их парализует. Парализованных складываем вот в это ведро.

Она предусмотрительно ушла с линии огня и подняла свою бутылку:

– Итак... Начали!

Через несколько секунд после того, как Гарри начал брызгать, из складки ткани, треща и сверкая крыльями как жук, вылетела взрослая докси. Тельце у неё было маленькое, как у феи, но покрытое густыми чёрными волосами, крошечные, острые как иголки зубки и четыре яростно сжатых кулачка. Гарри на ходу остановил её струёй доксицида. Докси замерла в воздухе и с неожиданно громким «*дзынь*» упала на изношенный ковёр. Гарри поднял её и бросил в ведро.

– Фред, что ты делаешь? – вскричала миссис Уизли. – Брызгай на неё и сразу выбрасывай!

Гарри оглянулся. Фред двумя пальцами держал бьющуюся докси.

– Так точно! – громко отозвался Фред и быстро брызнул докси в лицо так, что она обмякла, но как только миссис Уизли повернулась к нему спиной, он подмигнул и опустил докси в карман.

– Мы хотим поэкспериментировать с ядом докси для наших Прелестей Прогульщика,⁴⁵ – чуть слышно шепнул Джордж Гарри.

Ловко сбив на лету сразу двух докси, Гарри пододвинулся ближе к Джорджу и прошептал уголком рта:

– Что такое Прелести Прогульщика?

– Всякие вредные конфетки, – шепнул Джордж, внимательно поглядывая на спину миссис Уизли. – Не очень опасные, но вполне годятся, чтобы можно было прогулять урок. Мы с Фредом всё лето над ними работаем. Они двухсторонние, помечены цветом. Жуёшь оранжевую часть Блевальной Пастилки,⁴⁶ и тут же тебе плохоет. Как только выбежал с урока в больничное крыло, тут же жуёшь фиолетовую половину...

⁴⁴ 7 Gilderoy Lockhart's Guide to Household Pests

⁴⁵ 8 Skiving Snackboxes

⁴⁶ 9 Puking Pastilles

– «...и она возвращает вам абсолютное здоровье, позволяя предаваться любому виду досуга на ваш выбор в течение часа, который в противном случае прошёл бы скучно и непроизводительно». Во всяком случае, так утверждается в нашей рекламе, – шёпотом закончил Фред.

Он заметил на полу, за спиной миссис Уизли, ещё несколько беспризорных докси и сунул их в карман:

– Но они ещё нуждаются в доработке. Сейчас у наших испытателей есть одна небольшая проблема, они не успевают разжёвывать фиолетовую половину, чтобы остановить тошноту...

– Испытателей?

– Да это мы сами, – пояснил Фред, – по очереди испытываем. Джордж изобрёл Обморочные Облатки⁴⁷ ... мы испытывали Носокровную Нуту...⁴⁸

– Мама решила, что мы подрались, – добавил Джордж.

– Значит, потешная лавка пока в силе? – шепнул Гарри, делая вид, что поправляет наконечник распылителя.

– Да, только насчёт помещения пока не удалось договориться, – Фред ещё понизил голос, потому что миссис Уизли как раз принялась вытирать лоб шарфом, готовясь к новой атаке, – но, думаю, скоро начнём торговать по почте. Мы на прошлой неделе отослали объявление в «Ежедневный пророк».

– Всё благодаря тебе, приятель, – добавил Джордж. – Ты не переживай... мама не догадается. Теперь она «Ежедневный пророк» не читает, «потому что там пишут бредни про тебя и Дамблдора».

Гарри усмехнулся. Чтобы помочь близнецам Уизли открыть потешную лавку, он однажды уговорил их принять в подарок тысячу галлеонов, которые выиграл на Тримагическом Турнире, но, к счастью, его содействие осталось в тайне от миссис Уизли. Работа сыновей в потешной лавке представлялась миссис Уизли занятием неподходящим.

Дедоксикация штор заняла большую часть утра. Уже миновал полдень, когда миссис Уизли наконец размотала шарф с лица, устало опустилась в кресло и тут же подскочила с воплем отвращения, потому что оказалась на мешке сдохлыми крысами.

Шторы больше не гудели: после интенсивного поливания они безвольно и влажно повисли. Рядом на полу стояло ведро с полубморочными докси и миска их чёрных яиц, на которые фыркал Косолап и бросали алчные взгляды Фред с Джорджем.

– Думаю, что *этим* мы займёмся после обеда, – миссис Уизли показала на пыльные застеклённые шкафы, стоявшие по обе стороны от камина.

В шкафах лежали очень странные предметы: коллекция ржавых кинжалов, когти, свиток змеиной кожи, ряд потускневших серебряных шкатулок, покрытых письменами на

⁴⁷ 10 Fainting Fancies

⁴⁸ 11 Nosebleed Nougat

незнакомых Гарри языках, и самое неприятное из всего – богато изукрашенный хрустальный флакон, с крупным опалом в пробке, полный жидкости, которая Гарри явно напомнила кровь.

Вновь задребезжал дверной звонок. Все посмотрели на миссис Уизли.

– Оставайтесь здесь, – твёрдо сказала миссис Уизли под сопровождение воплей миссис Блэк, и подхватила мешок с крысами. – Сэндвичи я принесу сюда.

Она вышла из комнаты, тщательно прикрыв за собой дверь. Все тут же бросились к окну – сверху посмотреть, кто пришёл.

Внизу маячила голова с рыжеватыми лохмами и связка сомнительного вида котлов.

– Мундунгус! – воскликнула Гермiona. – А котлы-то он зачем сюда принёс?

– Наверное, перед тем как продать, хочет припрятать, – предположил Гарри. – Так вот чем он занимался в тот вечер, когда должен был меня сторожить? За этими ворованными котлами мотался?

– Ага, точно! – подтвердил Фред, когда входная дверь открылась, и Мундунгус, подхватив котлы, скрылся из виду. – Чтоб мне провалиться, маме это не понравится...

Они с Джорджем кинулись к двери и принялись старательно прислушиваться.

Крики миссис Блэк стихли.

– Мундунгус разговаривает с Сириусом и Кингсли, – нахмурившись, пробормотал Фред. – Почти ничего не слышно... Как думаешь, стоит рисковать Ушлыми Ушами?

– Может и стоит, – решил Джордж, – я могу пробраться наверх и взять парочку...

Но в этот самый момент снизу понёсся такой звуковой поток, что необходимость в Ушлых Ушах отпала. Теперь все отлично слышали, как миссис Уизли в полный голос орёт:

– УКРЫВАТЕЛЬСТВОМ КРАДЕНОГО МЫ ТУТ НЕ ЗАНИМАЕМСЯ!

– Как приятно, когда мама кричит на кого-нибудь ещё... – с удовлетворённой улыбкой протянул Фред, открывая дверь чуть пошире, чтобы голос миссис Уизли был лучше слышен. – Такое отрадное разнообразие...

– ...СОВЕРШЕННО БЕЗОТВЕТСТВЕННО! КАК БУДТО У НАС ЗДЕСЬ ДРУГИХ ДЕЛ НЕТ, КАК ТОЛЬКО ЗАБОТИТЬСЯ О ТВОИХ ВОРОВАННЫХ КОТЛАХ...

– Нужно быть идиотом, чтобы довести её до такого состояния, – покачал головой Джордж. – Её надо отвлечь раньше, чем ей в голову ударит, теперь это на несколько часов. Ей до смерти хотелось всыпать Мундунгусу ещё с тех пор, как он ушёл с того дежурства, когда должен был за тобой, Гарри, присматривать... О, а вот и мама Сириуса вступила...

Голос миссис Уизли потерялся в новой волне ора и воплей портретов из холла.

Джордж хотел прикрыть дверь, чтобы шум стал потише, но прежде, чем дверь закрылась, в комнату скользнул домовый эльф.

Если бы не грязная тряпка, наброшенная на его тело в качестве набедренной повязки, он был бы совершенно голым. Выглядел эльф совсем старым. Казалось, что его собственная кожа ему слишком велика, и хотя он, как и все домовые эльфы, был лыс, но из больших, как у летучей мыши, ушей росли пучки седых волос. Над большим, как хобот, мясистым носом таращились водянисто-серые, налитые кровью глаза.

Эльф не обратил ни малейшего внимания ни на Гарри, ни на всех остальных. Ведя себя так, словно вокруг никого не было, он, сгорбившись, медленно и целеустремлённо побрёл в противоположный конец комнаты, беспрерывно бормоча по дороге хриплым и низким, как у лягушки-быка, голосом:

— ...Вонючий, как горшок, да ещё бандит к тому же, и она — не лучше, мерзкая старая гнусная отщепенка со своими ублюдками позорит дом моей хозяйки, ох, моя бедная хозяйка, если бы она знала, если бы она только знала, какая мразь в её доме, что бы она сказала старому Кричеру, ох, какой позор, грязнокровки, и оборотни, и выродки, и воры, бедный старый Кричер, что он может поделать...

— Кричер, привет! — захлопнув дверь, во весь голос окликнул его Фред.

Домовой эльф застыл на месте, перестал бормотать и изобразил явное и очень неубедительное удивление.

— Кричер не видел молодого хозяина, — он повернулся и поклонился Фреду. Потом, не поднимая головы, добавил очень внятно: — ...мерзкого ублюдка гнусного выродка.

— Извини, — переспросил Джордж, — последние слова не расслышал.

— Кричер ничего не сказал, — ответил эльф, отвечивая второй поклон Джорджу, и добавил совершенно чётко: — ...их двое тут, близнецов, маленьких ублюдков.

Гарри даже не знал, смеяться или нет. Эльф выпрямился, окинул всех недобрым взглядом и, видимо решив, что они не слышат его, продолжил бормотать:

— ...И грязнокровка здесь, бесстыжая, наглая, ох, если бы моя хозяйка знала, о, как бы она кричала, и ещё новый парень здесь, Кричер не знает его имени. Что он тут делает? Кричер не знает...

— Кричер, это Гарри, — на пробу произнесла Гермиона. — Гарри Поттер.

Бледные глаза Кричера расширились, и он забормотал ещё быстрее и яростнее, чем раньше:

— ...Грязнокровка разговаривает с Кричером так, как будто она — мой друг, если бы хозяйка Кричера увидела его в таком обществе, о, что бы она сказала...

— Не называй её грязнокровкой! — хором, сердито воскликнули Рон и Джинни.

— Ничего страшного, — шепнула Гермиона, — он не в своём уме, он не понимает, что говорит...

— Не будь такой наивной, Гермиона, всё он *прекрасно* понимает, — бросил Фред, с отвращением глядя на Кричера.

Кричер продолжал бормотать, уставившись на Гарри:

— ...Неужто, правда? Это Гарри Поттер? Кричер шрам-то увидел, значит это правда, это мальчик, который остановил Тёмного Лорда, Кричер никак в толк не возьмёт, как ему это удалось...

— Хватит, Кричер, — оборвал его Фред.

— Чего тебе здесь нужно? — спросил Джордж.

Огромные глаза Кричера переместились на Джорджа.

— Кричер делает уборку, — уклончиво ответил он.

— Что-то не верится, — раздался голос за спиной у Гарри.

Вернулся Сириус. Остановившись в дверном проёме, он с негодованием смотрел на эльфа.

Гвайт в холле стих: вероятно, миссис Уизли и Мундунгус перенесли дискуссию вниз, на кухню.

При виде Сириуса Кричер согнулся в нелепо глубоком поклоне, прижавшись к полу хоботообразным носом.

– Встань прямо, – нетерпеливо бросил Сириус. – Ну, что тебе здесь нужно?

– Кричер делает уборку, – повторил эльф. – Кричер здесь, чтобы служить благородному и старинному дому Блэков...

– Который от грязи приобретает всё более и более старинный вид,⁴⁹ – заметил Сириус.

– Хозяин всегда любил пошутить, – Кричер снова поклонился и шёпотом продолжил: – Хозяин мерзкий, неблагодарный паразит, который разбил материнское сердце...

– У моей матери не было сердца, Кричер, – резко оборвал его Сириус. – Только безупречная злоба поддерживала в ней жизнь.

Кричер опять поклонился:

– Как прикажет хозяин, – и неистово забормотал: – Хозяин не достоин даже грязь вытирать с материнских туфель, ох, моя бедная хозяйка, что бы она сказала, видела бы она, что Кричер прислуживает ему, как она ненавидела его, он стал таким разочарованием...

– Я спросил, что тебе здесь нужно? – холодно повторил Сириус. – Всякий раз, когда ты притворяешься, что делаешь уборку, ты утаскиваешь ещё что-нибудь к себе, чтобы мы не смогли это выбросить.

– Кричер никогда не тронул бы ничего со своего законного места в доме хозяина, – ответил эльф, а потом быстро забормотал: – Хозяйка никогда не простит Кричеру, если выбросят гобелен, который семь столетий принадлежал семье. Кричер должен спасти его, Кричер не позволит хозяину, и проклятым вырождакам, и их ублюдкам уничтожить его...

– А я-то думал, в чём же дело... – протянул Сириус и бросил взгляд на противоположную стену: – Не сомневаюсь, она наложила ещё одни чары Перманентного Приклеивания и на его изнанку, но если мне удастся от него избавиться, я сделаю это непременно. А теперь, Кричер, убирайся.

Казалось, что Кричер не смеет противиться прямому распоряжению, но взгляд, который он бросил на Сириуса, был полон глубочайшей ненависти, и, выходя из комнаты, он продолжал беспрерывно бормотать:

– ...Вернулся из Азкабана и всюду распоряжается Кричером, о, моя бедная хозяйка, что бы она сказала, если бы увидела сейчас дом, ублюдки в нём живут, её сокровища выбрасывают, она поклялась, что он больше ей не сын, а он вернулся, да ещё говорят, что он убийца...

– Продолжай бурчать, и я точно стану убийцей! – раздражённо проговорил Сириус и захлопнул за эльфом дверь.

⁴⁹ 12 в оригинале игра слов: «Kreacher lives to serve the Noble House of Black – And it's getting blacker every day, it's filthy». Иначе можно перевести: «Который от грязи всё блекнет и блекнет».

– Сириус, он не в своём уме, – взмолилась Гермиона. – Мне кажется, он не понимает, что мы можем его слышать.

– Он слишком долго прожил один, – ответил Сириус, – выполнял безумные распоряжения портрета моей матери и разговаривал сам с собой, но он всегда был маленьким, мерзким...

– Если бы ты его освободил, – с надеждой воскликнула Гермиона, – то может быть...

– Мы не можем освободить его, он слишком много знает об Ордене, – отрезал Сириус. – Да и вообще, такое потрясение его убьёт. Ты предложи ему покинуть дом, увидишь, как он к этому отнесётся.

Сириус прошёл через всю комнату туда, где во всю стену висел гобелен, который пытался защитить Кричер. Гарри и остальные последовали за ним.

Гобелен казался невероятным старым; он потускнел и выглядел так, словно его местами погрызли докси. Но золотые нити, которыми он был вышит, ещё достаточно ярко блестели, чтобы продемонстрировать раскидистое генеалогическое древо, берущее начало (насколько Гарри мог судить) в средневековье.⁵⁰

Крупные буквы на самом верху гобелена гласили:

«Благородный и Старинный Дом Блэков

«Всегда Безупречен»⁵¹»

– Но тебя здесь нет! – удивился Гарри после тщательного осмотра кроны.

– Раньше я был здесь, – ответил Сириус, указывая на маленькую, круглую, обугленную по краям дырочку в гобелене, похожую на след от сигареты. – Моя милая добрая мамочка отказалась от меня, после того, как я сбежал из дому... Кричер обожает бубнить себе под нос эту историю.

– Ты сбежал из дому?

– Когда мне исполнилось шестнадцать, – кивнул Сириус. – С меня хватило.

– Куда ты пошёл? – широко раскрытыми глазами смотрел на него Гарри.

– К твоему отцу, – ответил Сириус. – Твоя бабушка с дедушкой очень хорошо ко мне отнеслись, в некотором роде приняли меня как своего второго сына. Да, я проводил у твоего отца все школьные каникулы, а когда мне исполнилось семнадцать, я купил свой собственный дом. Мой дядя Альфара⁵² оставил мне немалую толику золота... его тоже стёрли отсюда, по всей вероятности когда... Короче говоря, с тех пор я жил сам по себе. Однако мистер и миссис Поттер всегда приглашали меня на воскресные обеды.

– Но... почему ты?..

⁵⁰ 13 родословное древо Блэков по античным традициям было изображено вверх корнями (см. Приложение 0 – древо Блэков, изображенное Дж. К.Роллинг)

⁵¹ в оригинале девиз – на французском: «Toujours pur»

⁵² 15 Alphard (Альфард – звезда второй величины в созвездии Гидры, иначе Альфа Гидра; арабск. «уединенный», называется так, потому что на звездном небе рядом с ней нет других ярких звезд)

– Ушёл? – Сириус горько усмехнулся и провёл рукой по своим длинным, спутанным волосам. – Потому что ненавидел всю эту свору: своих родителей с их манией чистой крови, убеждённых, что быть Блэком, значит быть едва ли не особой королевской крови... своего идиота-братца, который имел слабость им поверить... вот он.

Сириус ткнул пальцем в самый край кроны, в точку, подписанную «Регулус Блэк».⁵³ Под датой рождения стояла дата смерти (примерно пятнадцать лет назад).

– Он был младше меня, – продолжил Сириус, – и куда лучшим сыном, как мне постоянно напоминали.

– Но он умер... – проговорил Гарри.

– Да, – кивнул Сириус. – Безмозглый идиот... стал Пожирателем Смерти.

– Ты шутишь!

– Брось, Гарри, разве ты ещё этот дом не рассмотрел как следует, чтобы разобраться, что за колдуны были в моей семье? – раздражённо бросил Сириус.

– А... а твои родители... они тоже были Пожирателями Смерти?

– Нет, нет, но я тебя уверяю, они считали, что идеи Волдеморта справедливы, они стояли за очищение магической расы, за избавление от маглорожденных и превознесение чистокровных. Причём, в этом они были не одиноки. До тех пор, пока Волдеморту не показал своё истинное лицо, многие считали, что он прав... У них ноги подкосились, когда они увидели, на что он пойдёт ради власти. Но, держу пари, мои родители считали Регулуса настоящим юным героем, потому что он присоединился к Волдеморту в числе первых.

– Его убили авроры? – напряжённо спросил Гарри.

– О, нет, – усмехнулся Сириус, – нет, его убил Волдеморту. Или, точнее, его убили по приказу Волдеморта: сомневаюсь, что Регулус был такой важной персоной, чтобы Волдеморту убивал его лично. Из того, что мне стало известно после его смерти, я понял – он зашёл слишком далеко, потом запаниковал по поводу того, что ему приказано было сделать, и попробовал выйти из игры. Ну, а Волдеморту нельзя подать заявление об отставке. Или пожизненная служба, или смерть.

– Обед, – раздался голос миссис Уизли.

Она держала перед собой палочку, управляя огромным подносом, заполненным сэндвичами и ещё пирогом сверху. Лицо у неё было очень красное, и выглядела она весьма рассерженной. Все двинулись к ней, поближе к еде, а Гарри остался с Сириусом.

Сириус склонился поближе к гобелену.

– Я его уже много лет не рассматривал. Вот Финейс Найджеллус...⁵⁴ мой прапрапрадед, видишь?... Самый нелюбимый из всех хогвартских директоров... и Араминта Мелифлуа...⁵⁵

⁵³ 16 Regulus Black (Регулус – звезда первой величины в созвездии Льва; лат. «маленький король»)

⁵⁴ 17 Phineas Nigellus (Orontius Finaeus Delphinatus – французский астролог, астроном, математик и космограф, живший в 16-м веке, одна из крупнейших фигур ренессансной астрологии; nigellus (лат.) – уменьшит. от "black")

⁵⁵ 18 Araminta Meliflua ("Araminta Station" 1-я книга трилогии "Хроники Кадвола", повествует о

кузина моей матери... пробовала протолкнуть через Министерство закон о легализации травли магглов... и дорогая тётя Эллadora...⁵⁶ она основала семейную традицию обезглавливания домовых эльфов, когда они становятся слишком старыми, чтобы подавать чай... Естественно, всегда, когда в семье появлялся кто-нибудь более-менее порядочный, от него непременно отрекались. Я смотрю, что здесь нет Тонкс. Наверное, поэтому Кричер не выполняет её распоряжения – хотя обязан, независимо от того, кто из членов семьи ему прикажет...

– Ты и Тонкс родственники? – удивлённо спросил Гарри.

– О, да, её мать Андромеда⁵⁷ была моей любимой кузиной, – ответил Сириус, внимательно разглядывая гобелен. – Нет, Андромеды здесь тоже нет, смотри...

Он показал ещё одну круглую дырочку между двумя именами: «Беллатрикс»⁵⁸ и «Нарцисса».

– Сёстры Андромеды по-прежнему здесь, потому что заключили отличные, респектабельные, чистокровные браки, а Андромеда вышла замуж за магглорождённого Теда Тонкса, так что...

Он сделал палочкой жест, словно прожигает гобелен, и натянуто рассмеялся. Однако Гарри было не до смеха: он слишком увлёкся разглядыванием имен справа от выжженной точки Андромеды. Двойная линия золотого шитья связывала Нарциссу Блэк с Люциусом Малфоем, и от их имён шла вертикальная золотая полоска к имени Дрэйко.

– Ты родственник Малфоям!

– Все чистокровные семьи связаны между собой, – пожал плечами Сириус. – Если хочешь, чтобы твои сыновья или дочери заключали чистокровные браки, то выбор у тебя очень ограничен, в наш круг вряд ли попадёт кто-нибудь посторонний. Молли и я – сводные кузены, а Артур, по-моему, тоже приходится мне какой-то дальней роднёй. Но здесь их искать бессмысленно – если и была когда-то целая семья вырождаков, то это Уизли.

Но Гарри сейчас смотрел на имя слева от точки «Андромеда»: Беллатрикс Блэк соединяла двойная линия с Родольфусом Лестрэйнджем.⁵⁹

приключениях на далекой планете в далеком будущем, автор Jack (Holbrook) Vance; Meliflua – от mellifluous – медоточивый; сладкозвучный)

⁵⁶ 19 Elladora (вероятно Elladora Ketteridge (1656–1729) – карточка из серии «Знаменитые маги» в игре ГП)

⁵⁷ 20 Andromeda (созвездие северного полушария неба; названо по имени персонажа древнегреческой мифологии, дочери эфиопского царя Кефея (Цефея) и Кассиопеи, которую должны были принести в искупительную жертву морскому царю, но её спас Персей). «Кузен» и «кузина» это не только двоюродный брат/сестра, но и просто «кровный родственник» – обращение, принятое часто среди лиц королевской крови

⁵⁸ 21 Bellatrix (звезда второй величины в созвездии Ориона; лат. "воительница")

⁵⁹ 22 Rodolphus Lestranger (имя от старогерм. hrothi «молва» + vulf «волк»; предп. французская фамилия)
О истоках фамилии его и других Пожирателей Смерти см. Приложение I.

– Лестрэйндж... – вслух произнёс Гарри.

Это имя воскрешало какое-то смутное воспоминание: он точно где-то его слышал, но сразу не мог вспомнить где, хотя возникло очень неприятное ощущение.

– Они в Азкабане, – коротко бросил Сириус.

Гарри с любопытством посмотрел на него.

– Беллатрикс и её супруг Родольфус связались с Барті Краучем-младшим, – так же отрывисто пояснил Сириус, – брат Родольфуса, Рабастан,⁶⁰ тоже был с ними.

Теперь Гарри вспомнил. Он видел Беллатрикс Лестрэйндж в ситодуме⁶¹ Дамблдора, странном приспособлении, в котором можно хранить мысли и воспоминания: высокая темноволосая женщина с тяжёлыми веками стояла на суде и вещала о своей преданности делу Волдеморта, гордая тем, что пыталась разыскать его после падения, и в полной уверенности, что однажды будет вознаграждена за свою преданность.

– Ты никогда не говорил, что она твоя...

– Даже если и кузина, что с того? – резко прервал его Сириус. – Я давным-давно решил, что это не моя семья. Тем более – она. Я не видел её с тех пор, как мне исполнилось столько же, сколько тебе, если не считать, что мы мельком встретились в Азкабане. Я что, по-твоему, должен гордиться такой роднёй, как она?

– Прости, – поспешно сказал Гарри. – Я не имел в виду... я просто удивился, вот и всё...

– Не стоит извинений, – пробормотал Сириус.

Он отвернулся от гобелена и засунул руки в карманы.

– Противно, что пришлось сюда вернуться, – произнёс он, глядя в пространство. – Вот уж не думал, что когда-нибудь опять буду торчать в этом доме.

Гарри прекрасно понимал его. Он представил, каково ему будет, когда он уже станет взрослым, решит, что навсегда избавлен от дома номер четыре по Бирючинному проезду, и вдруг придётся снова туда вернуться.

– Для штаба здесь самое подходящее место, без всякого сомнения, – продолжил Сириус. – Поселившись здесь, мой отец применил к дому все известные в магическом мире меры безопасности. Это место – неопределимо, а значит, никто из маглов никогда не сможет нанести сюда визит... даже если вдруг им этого очень захочется... а теперь ещё и Дамблдор добавил свою защиту; более безопасного дома не найти нигде. Дамблдор – Хранитель Тайны Ордена, поэтому никто не сможет найти штаб, если Дамблдор не скажет ему лично, где он находится... записка, которую Муди показал тебе вчера вечером, была написана Дамблдором... – Сириус коротко, лающе хохотнул: – Видели бы мои родители, как нынче используется их дом... Пожалуй, по портрету моей матери можно себе представить реакцию...

Он нахмурился, потом вздохнул.

⁶⁰ 23 Rabastan (французская дворянская фамилия)

⁶¹ 24 Pensieve (pensive – размышляющий, задумчивый; pen – перо; писать; запира́ть; sieve – решето; просеивать; сито)

– Я бы не прочь иногда выходить отсюда и заниматься чем-нибудь полезным. Попрошусь у Дамблдора сопровождать тебя на разбирательство твоего дела... под видом Шмыгалза,⁶² разумеется... Как думаешь, смогу я оказать тебе небольшую моральную поддержку?

У Гарри внутри всё оборвалось. Он не вспоминал о слушании в Министерстве со вчерашнего ужина: волнующая встреча с теми, кого он любил больше всего на свете, и все насущные разговоры полностью завладели его мыслями.

Но после слов Сириуса им вновь завладел сокрушительный страх. Он перевёл глаза на Гермину и Рона, наворачивающих сэндвичи, и подумал, каково будет ему, если они вернутся в Хогвартс без него.

– Не волнуйся, – сказал Сириус.

Гарри обернулся и понял, что Сириус наблюдает за ним.

– Я уверен, что тебя оправдают, в международном Статуте Секретности точно есть какая-нибудь оговорка об использовании магии для спасения собственной жизни.

– Но если меня и правда исключат, – тихо проговорил Гарри, – можно мне сюда вернуться и жить с тобой?

Сириус печально улыбнулся:

– Посмотрим.

– Мне было бы намного легче на слушании, если бы я знал, что не обязан буду возвращаться к Дёрзли, – настаивал Гарри.

– Должно быть они совсем скверные, раз ты предпочитаешь это место, – хмуро проговорил Сириус.

– Эй, вы там, двое, поторопитесь или вам ничего не достанется, – позвала их миссис Уизли.

Сириус ещё раз вздохнул, бросил мрачный взгляд на гобелен и вместе с Гарри отправился к остальным.

После обеда, разбирая вместе со всеми застеклённые шкафы, Гарри изо всех сил старался не думать о слушании. На его счастье, эта работа требовала изрядной сосредоточенности, потому что многие предметы, казалось, ни за что не хотели покидать свои пыльные полки. Сириуса сильно укусила одна серебряная табакерка: через несколько секунд укушенная рука покрылась какой-то отталкивающей твёрдой коркой, словно жёсткой коричневой перчаткой.

– Ничего страшного, – он с любопытством осмотрел свою руку перед тем, как коснуться её палочкой и восстановить нормальную кожу, – должно быть там Бородавочный порошок.⁶³

⁶² 25 Snuffles (snuffle – сопение; насморк; snuff – что-то маленькое; умереть; Snuffles – кличка пса-героя многочисленных комиксов, предшественника Скуби-Ду)

⁶³ 26 Wartcap powder (wart – бородавка, нарост; cap – покрывать)

Он бросил табакерку в мешок, куда складывался весь мусор из шкафов, а мгновение спустя Гарри заметил, как Джордж запустил туда руку, предусмотрительно обмотав её тряпкой, и сунул табакерку в карман, уже доверху набитый докси.

Потом им попался неприятного вида серебряный инструмент, похожий на многоногий пинцет – когда Гарри взял его, тот сразу же пауком побежал по руке и попытался проколоть кожу. Сириус схватил эту мерзость и прихлопнул тяжёлой книгой под названием «Урождённая знать: Колдовская генеалогия».⁶⁴

Ещё там была музыкальная шкатулка – когда её завели, она затрынькала какую-то зловещую мелодию, от которой на всех напала странная слабость и вялость, до тех пор, пока Джинни не догадалась захлопнуть её крышку; а ещё – увесистый медальон, который никто не смог открыть, несколько древних печатей, и, в пыльной коробке, Орден Мерлина первого класса, врученный дедушке Сириуса «За заслуги перед Министерством».

– Это за то, что он отвалил им кучу золота, – презрительно бросил Сириус, отправляя орден в мешок с мусором.

Время от времени в гостиную прокрадывался Кричер, пытался стащить вещи, пряча их под своей набедренной повязкой, и, всякий раз, будучи пойманным, бормотал в ответ ужасные проклятия. Когда Сириус вырвал у него массивное золотое кольцо с выгравированным на нём фамильным гербом Блэков, Кричер от ярости даже разрыдался и, захлёбываясь слезами, выскочил из комнаты, называя Сириуса такими словами, которых Гарри никогда и не слышал.

– Оно принадлежало отцу, – пояснил Сириус, бросая кольцо в мешок. – *Такой преданности, как к матери, Кричер никогда к моему отцу не питал, но на прошлой неделе я застал его за тем, что он обцеловывал старые отцовские брюки.*

* * *

Миссис Уизли нагружала их работой несколько дней кряду. Одна только очистка гостиной заняла три дня. Наконец, последними нежелательными вещами там остались – гобелен с генеалогическим древом Блэков, который сопротивлялся всем попыткам снять его со стены, и грохочущий письменный стол. Муди в штабе не появлялся, поэтому определить, что внутри, возможности не было.

Из гостиной они перебрались в столовую на первом этаже, где в кухонном шкафу на них устроили засаду пауки размером с блюдце (Рон срочно сбежал из комнаты, чтобы налить себе чашку чаю, и целых полтора часа не возвращался).

Фарфоровая посуда с гербом и девизом Блэков была без церемоний свалена в мешок собственноручно Сириусом; та же участь постигла и стопку старых фотографий в потускневших серебряных рамках, чьи обитатели пронзительно завизжали, как только разбились прикрывавшие их стёкла.

Снейп, конечно, мог бы назвать их работу «уборкой», но Гарри казалось, что на самом деле они ведут войну с домом, который не на шутку сопротивляется – с помощью и при

⁶⁴ 27 Nature's Nobility: A Wizarding Genealogy

подстрекательстве Кричера. Домовой эльф неизменно появлялся везде, где бы они ни собрались, и когда пытался вытащить что-нибудь из мусорных мешков, его бормотание становилось раз от разу всё оскорбительнее. Сириусу даже пришлось пригрозить ему подарком, но Кричер уставил на него водянистые глаза и сказал:

– Как прикажет хозяин, – после чего отвернулся и очень громко забормотал: – Но хозяин не выгонит Кричера отсюда, нет, потому что Кричер знает, чем они тут занимаются, о, да, хозяин готовит заговор против Тёмного Лорда, да, да, вместе с этими грязнокровками, и отступниками, и ублюдками...

После этого, невзирая на протесты Гермионы, Сириус схватил Кричера за набедренную повязку и вышвырнул из комнаты.

По несколько раз в день звонил дверной звонок, подавая сигнал маме Сириуса начинать свою арию воплей, а Гарри и остальным – возможность подслушивать разговор с посетителем. Хотя им удавалось уловить лишь малую часть, подсмотреть украдкой, услышать только краткие обрывки беседы, как тут же миссис Уизли отсылала их работать.

Несколько раз в доме опять появлялся Снейп, но, к облегчению Гарри, им никогда не доводилось столкнуться лицом к лицу. Гарри замечал и профессора трансфигурации МакГонаголл, которая очень забавно выглядела в магловском платье и пальто; она тоже была слишком занята и в доме не задерживалась. Иногда, правда, гости оставались помочь.

В один из таких незабываемых дней к ним после обеда присоединилась Тонкс: тогда они обнаружили в туалете наверху кровожадного старого гуля. Люпин, который жил у Сириуса в доме, но частенько надолго исчезал по каким-то таинственным делам Ордена, помог восстановить старинные напольные часы, у которых появилась скверная привычка метать массивные стрелки в проходящих мимо. Мундунгус отчасти искупил свою вину в глазах миссис Уизли, спасши Рона от старинной фиолетовой мантии, которая пыталась задушить Рона, когда тот вынимал её из платяного шкафа.

Несмотря на неоступные кошмары о коридорах и запертых дверях, от которых начинал болеть шрам, Гарри впервые за лето смог отвлечься. Пока он был занят, он был счастлив, но стоило работе стать полегче, даже просто самому расслабиться, свалиться без сил на кровать и уставиться на тени, которые ползут по потолку, как тут же возвращалась мысль о слушании в Министерстве. Когда Гарри начинал размышлять, что с ним станет, если его действительно исключат, страх начинал пожирать его изнутри. Мысль об исключении была настолько ужасна, что он не смел озвучить её даже Рону и Гермионе, которые, следуя его примеру, на эту тему сами не заговаривали, хотя Гарри часто замечал, как они перешёптываются и бросают на него тревожные взгляды.

Иногда непослушное воображение подсовывало ему безликого сотрудника Министерства, который ломал пополам его палочку и повелевал возвращаться обратно к Дёрзли ... Ну уж, нет. Гарри твёрдо настроился туда не возвращаться. Он сюда приедет, на площадь Гриммолд, и будет жить с Сириусом.

Но вот однажды вечером в среду, за ужином, миссис Уизли вполголоса обратилась к нему – и тут у Гарри перехватило дыхание:

– Гарри, я тебе на завтра погладила твою лучшую одежду, и, мне бы хотелось, чтобы ты сегодня вечером вымыл голову. Очень важно произвести благоприятное первое впечатление.

Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Джинни замолчали и посмотрели на него. Гарри кивнул и попробовал дожевать отбивную, но во рту так пересохло, что кусок застрял в горле.

– Как я туда попаду? – спросил он миссис Уизли, стараясь, чтобы голос звучал беспечно.

– Артур возьмёт тебя с собой, когда поедет на работу, – мягко ответила миссис Уизли.

Мистер Уизли ободряюще улыбнулся ему через стол:

– Посидишь у меня в кабинете, пока время слушания не подойдёт.

Гарри глянул на Сириуса, но прежде чем успел задать вопрос, миссис Уизли уже ответила:

– Профессор Дамблдор считает, что Сириусу пришла в голову неудачная идея – насчёт того, чтобы тебя сопровождать, и, должна сказать, я...

– ...Думаю, что он *совершенно прав*, – сквозь зубы закончил Сириус.

Миссис Уизли поджала губы.

– Когда Дамблдор сказал тебе это? – Гарри смотрел на Сириуса широко раскрытыми глазами.

– Вчера поздно вечером, он заходил, когда ты уже спать лёг, – ответил за него мистер Уизли.

Сириус мрачно всадил вилку в лежащую на тарелке картофелину. Гарри опустил глаза в тарелку. При мысли о том, что Дамблдор был в доме накануне слушания его дела и не захотел встретиться, Гарри стало бы ещё хуже, если бы было куда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МИНИСТЕРСТВО МАГИИ

На следующее утро Гарри проснулся в половине шестого, так резко и окончательно, словно в ухо ему кто-то завопил. Предстоящее дисциплинарное слушание заполнило все уголки сознания за те несколько секунд, что он лежал неподвижно, и больше не в силах этого выносить, он соскочил с кровати и надел очки. Миссис Уизли положила свежевystищенные джинсы и футболку в изножье кровати. Гарри натянул на себя одежду. Пустой холст на стене хихикнул.

Рон крепко спал, лежа на спине и широко раскрыв рот. Он даже не шелохнулся, пока Гарри шёл по комнате, выходил на лестницу и бесшумно прикрывал за собой дверь. Пытаясь не думать о том, что когда в следующий раз увидит Рона, они уже могут не быть соучениками по Хогвартсу, Гарри тихо спустился по лестнице, мимо голов Кричеровых предков, и пошёл на кухню.

Он ждал, что там будет пусто, но, подойдя к двери, услышал за ней тихий гул приглушенных голосов. Он толкнул дверь, распахнул и увидел сидевших там мистера и миссис Уизли, Сириуса, Люпина и Тонкс – так, словно они его ждали. Все были полностью одеты, кроме миссис Уизли в фиолетовом, в шотландскую клетку, халате. Как только Гарри вошёл, она вскочила на ноги.

– Завтрак, – воскликнула она, вынула палочку и поспешила к огню.

– Доброе у-у-утро, – зевнула Тонкс. Сегодня она была блондинкой с вьющимися волосами. – Хорошо поспал?

– Угу, – ответил Гарри.

– А я всю-у-у ночь не спала, – протянула она, ещё раз судорожно зевнув, – Давай, садись...

Она пододвинула стул, свалив по ходу второй.

– Что будешь есть, Гарри, – крикнула миссис Уизли, – Овсянку? Оладьи? Копчёную рыбу? Яйца с беконом? Тосты?

– Только... только тосты, спасибо, – ответил Гарри.

Люпин взглянул на Гарри, а потом обратился к Тонкс:

– Что ты говорила о Скримжере?⁶⁵

– А... да... ну так вот, нам нужно быть поосторожнее, он странные вопросы мне и Кингсли задавал...

Гарри испытывал безотчётную признательность за то, что ему не нужно принимать участие в общей беседе. Внутри у него всё переворачивалось. Миссис Уизли положила ему несколько тостов и джем; он попробовал, но ощущение было такое, словно жуёшь ковёр.

⁶⁵ 1 Scrimgeour

Миссис Уизли села с другой стороны от него и занялась его футболкой, убирая бирку и разглаживая складки на плечах. Гарри захотелось, чтобы она ушла.

— ...И мне придётся сказать Дамблдору, что завтра вечером не смогу дежурить, я слишком устала, — Тонкс опять широко зевнула.

— Я тебя заменю, — сказал мистер Уизли. — Ничего страшного, мне всё равно ещё отчёт заканчивать...

Мистер Уизли был одет не как колдун, а в брюках в тонкую полоску и в старой летной куртке. Он повернулся от Тонкс к Гарри:

— Как ты себя чувствуешь?

Гарри пожал плечами.

— Много времени это не займёт, — подбадривающим тоном произнёс мистер Уизли, — уже через пару часов будешь свободен.

Гарри промолчал.

— Слушание будет проходить на моём этаже, в кабинете Эмилии Боунс.⁶⁶ Она — глава департамента Поддержания магического правопорядка,⁶⁷ и именно она будет вести следствие по твоему делу.

— Эмилия Боунс хорошая, Гарри, — искренне добавила Тонкс. — Она справедливая, и тебя выслушает...

Гарри кивнул, не находя слов для поддержания разговора.

— Не теряй присутствия духа, — резко произнёс Сириус. — Будь вежливым и придерживайся фактов.

Гарри опять кивнул.

— Закон на твоей стороне, — спокойно сказал Люпин. — Даже несовершеннолетним колдунам разрешено пользоваться магией в ситуациях, опасных для жизни.

По шее вниз потекло что-то холодное; Гарри сначала решил, что кто-то накладывает на него Образумные чары, а потом понял, что это миссис Уизли причёсывает его мокрой расчёской. Крепко прижав ладонь к его макушке, миссис Уизли с отчаянием в голосе воскликнула:

— Они что, вообще никогда не лежат гладко?

Гарри покачал головой.

Мистер Уизли взглянул на часы и обратился к Гарри.

— Пожалуй, нам пора, — сказал он. — Время ещё есть, но я думаю, тебе спокойнее будет в Министерстве, чем сидеть и переживать здесь.

— Хорошо, — автоматически согласился Гарри, положил тост и встал.

— Всё будет в порядке, Гарри, — Тонкс погладила его руку.

— Удачи тебе, — сказал Люпин. — Я уверен, что всё будет хорошо.

— А если нет, — мрачно отозвался Сириус, — то я потом нанесу визит Эмилии Боунс...

⁶⁶ 2 Amelia Bones

⁶⁷ 3 структуру британского Министерства магии можно посмотреть в **Приложении II**

Гарри слабо улыбнулся.

– Мы будем держать за тебя кулаки, – обняла его миссис Уизли.

– Ага... – пробормотал Гарри. – Ну... до встречи...

Он последовал за мистером Уизли вверх и через холл. Слышно было, как за занавесками храпит во сне мама Сириуса. Мистер Уизли отпер дверь, и они вышли навстречу холодному серому рассвету.

Когда они быстро зашагали по площади, Гарри спросил:

– Вы обычно на работу пешком не ходите, да?

– Нет. Обычно я аппаррую, – ответил мистер Уизли. – Но тебе-то нельзя, и, на мой взгляд, если мы приедем абсолютно не магическим способом... это произведёт более благоприятное впечатление, покажет, какой ты законопослушный...

При ходьбе мистер Уизли всё время держал руку за полую куртки. Гарри понял, что там он сжимает палочку. Улочки вокруг были практически безлюдными, но когда они вошли в маленькую убогую станцию метро, там было уже полным-полно ранних пассажиров. Как всегда, когда мистер Уизли оказывался в непосредственной близости от маглов, занятых повседневными делами, он с трудом сдерживал восторг.

– Просто невероятно, – шепнул он, показывая на автоматические кассы подземки. – Чудеса изобретательности...

– Они сломаны, – заметил ему Гарри, показывая на объявление.

– Ну и что, всё равно... – мистер Уизли с нежностью поглядел на кассы.

Они купили билеты у сонного контролёра (это сделал Гарри, потому что мистер Уизли плохо разбирался в магловских деньгах), и пять минут спустя уже сидели в поезде подземки, который с громоуханием повёз их в центр Лондона.

Мистер Уизли всю дорогу тревожно сверялся с картой подземки, висевшей над окном.

– Ещё четыре остановки, Гарри... Теперь три остановки осталось... Две остановки до выхода, Гарри...

Они вышли на станции в самом сердце Лондона, и, отойдя от поезда, были подхвачены потоком мужчин и женщин с портфелями. Прошли по эскалатору, затем через выходной турникет (мистер Уизли пришёл в восторг от того, как турникет съел его билет), и оказались на широкой, уже оживлённой улице, застроенной очень солидными с виду зданиями.

– Где мы? – беспомощно спросил мистер Уизли, и на мгновение у Гарри перехватило дух: вдруг, несмотря на непрерывную сверку с картой, они вышли не на той станции. Но секунду спустя мистер Уизли воскликнул: – Ах, да... вот сюда, Гарри... – и повёл его в переулок.

– Прошу прощения, – добавил он, – но я никогда не ездил сюда на поезде, а с магловской стороны всё выглядит по-другому. Точнее, я даже входом для посетителей никогда не пользовался.

Чем дальше они шли, тем всё менее и менее внушительными становились дома, пока, наконец, они не оказались на улице, где было несколько весьма затрапезных офисов, паб и

какой-то переполненный строительный контейнер. Гарри представлялось, что Министерство магии должно располагаться в более респектабельном месте.

– Нам сюда, Гарри, – бодро сказал мистер Уизли и показал на старую телефонную будку, красного цвета, с частично выбитыми стёклами, которая стояла у стены, испещрённой граффити. – После вас...

Он открыл дверь телефонной будки.

Гарри зашёл внутрь, недоумевая, что всё это значит. Мистер Уизли втиснулся следом и закрыл дверь. Было очень тесно; Гарри оказался прижат к таксофону, висевшему на стенке так косо, будто над ними славно поработали хулиганы. Мистер Уизли потянулся через Гарри к трубке.

– Мистер Уизли, мне кажется, он не работает, – счёл нужным сказать Гарри.

– Нет, нет, я уверен, что с ним всё в порядке, – мистер Уизли держал трубку на отлёте и рассматривал телефонный диск: – Давай посмотрим... шесть... – он уже набирал номер, – ...два... четыре... ещё четыре... и ещё два...⁶⁸

Диск набора номера, протрещав, вернулся на место, и раздался холодный женский голос, но не из трубки в руке мистера Уизли, а так громко и отчетливо, словно невидимая женщина стояла прямо рядом с ними.

– Добро пожаловать в Министерство магии. Пожалуйста, назовите ваше имя и цель вашего визита.

– Э... – замялся мистер Уизли, явно не зная, нужно ли отвечать в трубку. Придя к компромиссному решению, он прижал трубку микрофоном к уху: – Артур Уизли, отдел Неправомерного использования магловских артефактов, я здесь в качестве сопровождающего, вместе с Гарри Поттером, которого пригласили на дисциплинарную комиссию...

– Спасибо, – произнёс холодный женский голос. – Посетитель, пожалуйста, возьмите значок и прикрепите его на свою одежду.

Щёлкнуло, задребезжало, и Гарри увидел, как в металлический лоток, где обычно появлялись неиспользованные монеты, что-то скатилось. Он взял: это оказался квадратный серебряный значок с надписью «Гарри Поттер, дисциплинарная комиссия». Он прикрепил значок на футболку, и женский голос предупредил:

– Посетитель Министерства, вы обязаны пройти досмотр и зарегистрировать вашу палочку за стойкой службы безопасности, которая расположена в дальнем конце Атриума.

Пол телефонной будки задрожал. Они медленно опускались под землю. Гарри в ужасе наблюдал, как тротуар словно наползал вдоль стеклянных окон будки, вверх, смыкаясь над их головами. Потом уже не было видно ничего, доносился только глухой скрежет, словно телефонная будка пробивалась под землю. Спустя минуту, которая показалась Гарри значительно длиннее, на ноги упал луч золотистого света, потом луч стал шире, уже освещая тело, пока, наконец, не достиг лица, заставив его зажмуриться, чтобы не прослезиться.

⁶⁸ 4 62442 – на телефонах с тоновым набором (наличием букв вместе с цифрами) этот номер соответствует слову MAGIC

– Министерство магии желает вам удачного дня, – сказал женский голос.

Дверь телефонной будки распахнулась, мистер Уизли вышел, Гарри последовал за ним и от изумления открыл рот.

Они стояли в углу колоссальных размеров зала, роскошного, с гладко отполированным полом из тёмного дерева. Переливчато-синий потолок был инкрустирован золотыми символами, которые непрерывно двигались и видоизменялись, словно на огромном небесном табло объявлений. Все стены были облицованы тёмно-янтарными деревянными панелями и везде в них располагались позолоченные каминь. Каждый несколько секунд из каминов с левой стороны с тихим свистом появлялись ведьмы и колдуны. Справа перед каждым камином стояли небольшие очереди ожидающих уехать.

Центр зала занимал фонтан. Посередине круглого водного пространства располагалась группа золотых статуй больше натуральной величины. Самая высокая изображала величественного колдуна с поднятой вверх палочкой. Вокруг него стояли красивая ведьма, кентавр, гоблин и домовый эльф. Последние трое с видом обожания смотрели на ведьму и колдуна. Из концов их палочек, из наконечника кентавровой стрелы, из кончика шляпы гоблина и из обеих ушей домового эльфа вылетали сверкающие струйки воды, их мелодичное журчание смешивалось с «*хлон-хлон*» аппаратуры и с шумом шагов сотен ведьм и колдунов, большинство из которых, с мрачным по-утреннему видом, направлялись к золотым воротам в противоположном конце зала.

– Нам туда, – показал мистер Уизли.

Они присоединились к толпе, пробираясь между работниками Министерства, одни из которых несли груды пергаментных свитков, другие – портфели, а некоторые прямо на ходу читали «Ежедневный пророк». Когда они прошли мимо фонтана, Гарри заметил, что на дне блестят серебряные сикли и бронзовые наты. У фонтана стояла небольшая замызганная табличка:

ВСЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ОТ ФОНТАНА МАГИЧЕСКИХ СОБРАТЬЕВ БУДУТ
ПЕРЕДАНЫ В БОЛЬНИЦУ МАГИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ И ТРАВМ СВ. МУНГО

«Если меня не исключат из Хогвартса, оставлю десять галлеонов», – в отчаянии решил Гарри.

– Гарри, сюда, – позвал мистер Уизли, и они выбрались из потока служащих, продвигавшихся к золотым воротам.

Слева за стойкой, под надписью «Служба безопасности», сидел скверно выбритый колдун в муарово-синей мантии, который, завидя их, быстро опустил и спрятал «Ежедневный пророк».

– Я сопровождаю посетителя, – мистер Уизли жестом показал на Гарри.

– Подойдите сюда, – скучающим тоном произнёс колдун.

Гарри подошёл поближе, и колдун провёл по нему вверх и вниз, спереди и сзади длинным, тонким и гибким, как автомобильная антенна, золотистым прутом.

– Палочку, – буркнул колдун из службы безопасности, откладывая золотистый прут, и протянул к Гарри руку.

Гарри предъявил палочку. Колдун положил её на странный медный прибор, похожий на весы, только с одной чашей. Прибор завибрировал. Из щели на его подставке вылезла узкая полоска пергамента. Колдун оторвал её и вслух прочёл:

– Одиннадцать дюймов, сердцевина с пером феникса, используется четыре года. Всё верно?

– Да, – нервничая, подтвердил Гарри.

– Это я сохранию, – сказал колдун, нанизывая пергаментный чек на небольшой медный стержень. – Это вы забираете, – добавил он, протягивая палочку Гарри.

– Спасибо.

– Подождите-ка... – медленно проговорил колдун.

Глаза охранника метнулись с серебряного значка посетителя на груди Гарри к его лбу.

– Спасибо, Эрик, – твёрдо сказал мистер Уизли и, схватив Гарри за плечо, подтолкнул его от стола обратно в поток колдунов и ведьм, двигавшихся к золотым воротам.

Пробираясь через людскую толчею, Гарри проследовал за мистером Уизли через ворота в зал меньшего размера, где оказалось не меньше двух десятков лифтов, закрытых золотистыми решётками. К одному из них Гарри с мистером Уизли встали в очередь. По соседству с ними высокий бородатый колдун держал в руках большую картонную коробку, в которой что-то скрежетало.

– Как дела, Артур? – колдун коротко кивнул мистеру Уизли.

– Разобрались, Боб? – мистер Уизли глазами показал на коробку.

– Сложно сказать, – обстоятельно начал колдун. – Мы считали, что это обычный заклятый цыплёнок, до тех пор, пока он не начал изрыгать огонь. Дело пахнет серьёзным нарушением Запрета на экспериментальное разведение.

Перед ними с громким звоном и грохотом опустился лифт; золотая решётка отъехала, Гарри вместе с мистером Уизли и остальной толпой вошёл и оказался прижатым к противоположной стене. Некоторые ведьмы и колдуны бросали на него любопытные взгляды, поэтому Гарри опустил голову и, чтобы не привлекать внимания, поправил чёлку.

Решетки лифта опять проскрежетали, закрываясь, и лифт начал медленно подниматься, грохоча цепями. И вновь прозвучал тот же самый холодный женский голос, который Гарри слышал в телефонной будке:

– Уровень седьмой. Департамент Магического спорта и состязаний, включая штабы британской и ирландской квиддичной лиги, секретариат клуба игры плуи-камни и отдел Курьёзных патентов.

Двери лифта открылись. Гарри заметил неопрятного вида коридор с криво развешенными на стенах эмблемами различных квиддичных команд. Один из колдунов с трудом протиснулся к выходу, держа в охапке связку метел, и скрылся в коридоре. Двери закрылись, лифт опять сильно завибрировал, поднимаясь, и женский голос объявил:

– Уровень шестой. Департамент Магического транспорта, включая администрацию Сетей летучего пороха, службу Мётлоконтроля, отдел Портключей и центр Тестирования аппаратов.

Двери лифта опять открылись, и четверо или пятеро магов вышли; тут же в лифт влетело несколько бумажных самолётиков. Гарри следил, как они кружатся над его головой: они были бледно-лилового цвета, а на крыльях виднелась печать «Министерство магии».

— Это служебные записки из внутренней рассылки, — шепнул ему мистер Уизли. — Раньше мы использовали сов, но грязь была невообразимая... на всех столах птичий помёт...

Пока они ехали вверх, служебные записки кружились вокруг лампы, которая раскачивалась под потолком лифта.

— Уровень пятый. Департамент Международного магического сотрудничества, включая Международный корпус стандартов магической торговли, британское отделение Международной конфедерации колдунов и отдел Международного магического законодательства.

Двери открылись, две служебные записки покинули лифт вместе с несколькими ведьмами и колдунами, но влетела ещё куча записок, они закружились вокруг лампы, и свет её стал меркнуть.

— Уровень четвёртый. Департамент Регулирования и надзора за магическими существами, включая управления Бестий, Человекоподобных и Духов, отдел Связей с гоблинами и Консультативное бюро по паразитам.

— П'шу п'щения, — сказал колдун с огнедышащим цыплёнком в руках и вышел из лифта в сопровождении нескольких служебных записок.

Двери опять с лязгом закрылись.

— Уровень третий. Департамент Магических аварий и катастроф, а также группа Аннулирования случайных магических действий, штаб обливиаторов и комитет Подбора магглоприемлемых объяснений.

На этом этаже вышли почти все, кроме мистера Уизли, Гарри и ведьмы, которая читала пергаментный свиток, такой длинный, что спускался до пола. Оставшиеся служебные записки продолжали кружить вокруг лампы. Лифт опять потрясся вверх, потом двери открылись, и голос объявил:

— Уровень второй. Департамент Поддержания магического правопорядка, включая отдел Неправомерного применения магии, штаб авроров и службы администрации Визенгамота.

— Нам сейчас, Гарри, — сказал мистер Уизли, и вместе с ведьмой они вышли из лифта в коридор с множеством дверей. — Мой кабинет в противоположном конце.

— Мистер Уизли, — спросил Гарри, проходя мимо окна, в которое струился солнечный свет, — а разве мы не под землёй?

— Под землёй, — ответил мистер Уизли. — Это зачарованные окна. Магическое техобслуживание каждый день решает, какая у нас будет погода. Когда они в прошлый раз требовали повышения зарплаты, у нас два месяца были ураганы... Теперь сюда, Гарри.

Они завернули за угол, прошли пару тяжёлых дубовых дверей и оказались в большом, открытом пространстве, разгороженном на кабинки, где было шумно от разговоров и смеха.

Служебные записки сновали из кабинки в кабинку, словно маленькие ракеты. Покосившаяся табличка на самой ближайшей кабинке гласила: «Штаб авроров».

Гарри на ходу тайком заглядывал во все кабинки. Авроры оклеили стены у себя всем, чем попало, начиная от изображений разыскиваемых колдунов и фотографий своих семей, и заканчивая эмблемами своих любимых квиддичных команд и статьями из «Ежедневного пророка». Одетый в красное мужчина, с хвостом волос ещё длиннее, чем у Билла, сидел с ногами на столе и диктовал отчёт своему перу. Чуть дальше впереди ведьма с повязкой на одном глазу переговаривалась через низкую стенку своей кабинки с Кингсли Шаклболтом.

– Здорово, Уизли, – небрежно бросил Кингсли, когда они подошли. – Я хотел с тобой словечком перекинуться, не уделишь мне секундочку?

– Только если и в самом деле секундочку, – ответил мистер Уизли. – Я здорово тороплюсь.

Разговаривали они так, словно были едва знакомы, но когда Гарри открыл рот, чтобы поздороваться с Кингсли, мистер Уизли наступил ему на ногу.

Они направились за Кингсли вдоль прохода в самую последнюю кабинку.

Там Гарри ждал неприятный сюрприз: со всех сторон со стен кабинки на него смотрели лица Сириуса. Газетные вырезки и старые фотографии – даже те, где Сириус был шафером на свадьбе его родителей – покрывали все стены. Единственным бессириусным местом была карта мира, где как драгоценные камни сверкали маленькие красные булавки.

– Итак, – грубовато обратился Кингсли к мистеру Уизли, суя ему в руку стопку пергамента, – мне нужен максимум сведений об использовании магловских транспортных средств, за последние двенадцать месяцев. Мы получили информацию, что Блэк до сих пор может пользоваться своим старым мотоциклом.

Кингсли выразительно подмигнул Гарри и шёпотом добавил:

– Передайте ему журнал, может его это развлечёт, – потом нормальным голосом продолжил: – И не затягивайте, Уизли, промедление с докладом о самострельном оружии задержало наше расследование на целый месяц.

– Если бы вы читали мой доклад, то знали бы, что речь шла об огнестрельном оружии, – холодно ответил мистер Уизли. – И, боюсь, вам придётся подождать информации о мотоциклах, у нас сейчас дел по горло, – он понизил голос и добавил: – Если сможешь уйти раньше семи часов, имей в виду, Молли готовит фрикадельки.

Он кивнул Гарри и вывел его из кабинки Кингсли, провёл через вторую пару дубовых дверей в следующий коридор, потом повернул налево в другой коридор, затем направо в слабо освещённый и явно запущенный проход, и, наконец, завёл в тупик, где левая дверь была приоткрыта, выставляя напоказ кладовку для метел, а на правой двери висела потускневшая медная табличка: «Отдел Неправомерного использования магловских артефактов».

Тёмный кабинет мистера Уизли казался не больше кладовки для метел. Туда были втиснуты два письменных стола, и оставалось лишь небольшое пространство между ними и подпирающими стены, заполненными доверху шкапами с картотекой, на вершинах которых качались стопки документов. Небольшое свободное место на стене со всей очевидностью демонстрировало мистеруизлиевские наваждения: там висело несколько плакатов на автомобильную тему, включая один, изображавший внутренности двигателя, две картинки

почтовых ящиков, которые, судя по всему, были вырваны из детских магловских книжек, и монтажная схема штепселя.

На забитом до отказа ящике для входящей корреспонденции расположилась пара ничейных кожаных перчаток, которые праздно постукивали пальцами, и безуспешно подёргивался пустой старый тостер. Рядом с ящиком стояла фотография семейства Уизли. Гарри показалось, что Пёрси оттуда ушёл.

– Вот окна у нас нет, – извиняющимся тоном сказал мистер Уизли, снимая летнюю куртку и вешая её на спинку своего стула. – Мы просили, но, вероятно, начальство считает, что нам это не нужно. Располагайся, Гарри, не похоже, что Пёркинс уже пришёл.

Пока Гарри пытался втиснуться за стол Пёркинса, мистер Уизли проглядел стопку пергаментов, которые дал ему Кингсли Шаклболт.

– Ага, – усмехнулся он, доставая из середины экземпляр журнала под названием «Придира»,⁶⁹ –...да, да... – он пролистал его: – Да, он прав, я уверен, Сириусу это покажется весьма забавным... О, это ещё что такое?

В открытую дверь влетела служебная записка, затрепетала, и приземлилась на верхушку распотрошённого тостера. Мистер Уизли развернул её и принялся читать вслух.

– «Из Бетнал-Грина⁷⁰ сообщили о третьем извержении в общественном туалете, пожалуйста, немедленно разберитесь. Это становится смешным...»

– Извержение в туалете?

– Антимэгловские шутки, – нахмурившись, пояснил мистер Уизли. – На прошлой неделе уже было два, одно в Уимблдоне, второе в Элефант-энд-Касле.⁷¹ Мэглы дёргают за слив и вместо этого всё... ну, можешь себе представить. Бедняги называют этим... *лизарям*, кажется, так они называются... ну те, кто чинит трубы и прочее...

– Слесарям?

– Точно, да... ну вот они, конечно, сбиты с толку. Надеюсь, мы сможем поймать тех, кто этим занимается.

– Их будут ловить авроры?

– О, нет, для авроров это слишком тривиально, этим занимается обычный патруль Поддержания магического правопорядка... ах, Гарри, вот и Пёркинс.

В комнату, тяжело дыша, вошёл робкий с виду старый колдун с пушистыми белыми волосами.

⁶⁹ 5 The Quibbler (quibble – софизм; игра слов; возражение; придирка; играть словами; говорить эquivoками; по словам самой Дж. К. Ролинг это эквивалент National Enquirer, бульварной газеты, напичканной дутыми сенсациями)

⁷⁰ 6 Bethnal Green (богемный район Лондона, в котором расположено множество шоу-румов и магазинов молодых дизайнеров, галереи современного искусства, блошиный рынок)

⁷¹ 7 Elephant and Castle (лондонский район, недалеко от вокзала Ватерлоо); Wimbledon – это так же не только место проведения теннисного турнира, но и район

– Ох, Артур! – в отчаянии воскликнул он, не глядя на Гарри. – Хвала небесам, я просто не знал, что делать, ждать тебя здесь или нет. Я только что отправил к твоему дому сову, но ты наверняка её не получил... десять минут назад пришло срочное сообщение...

– Я знаю об извергающемся туалете.

– Нет, нет, не в туалете дело, это про слушание паренька Поттера... они изменили место и время заседания... теперь начало в восемь часов и перенесено в бывший Десятый Зал суда...

– Перенесли в бывший... но они сказали мне... борода Мерлина!

Мистер Уизли взглянул на часы, издал взвизг и подскочил на стуле.

– Быстрее, Гарри, мы должны были быть там ещё пять минут назад!

Пёркинс вжался в шкафы с картотеками, пропуская выбегающего из кабинета мистера Уизли. Гарри следовал за ним по пятам.

– Почему они изменили время? – задыхаясь, спросил Гарри, когда они мчались мимо кабинок авроров.

Люди высовывали головы и следили за тем, как они проносятся мимо. Гарри готов был провалиться сквозь землю

– Я понятия не имею, но благодарю небеса, что мы так рано пришли сюда, если бы ты пропустил заседание, была бы просто катастрофа!

Мистер Уизли юзом затормозил у дверей лифта и нетерпеливо ткнул в кнопку «вниз».

– Ну, ДАВАЙ ЖЕ!

Лифт подгремел и они юркнули внутрь. Всякий раз, когда лифт останавливался, мистер Уизли отчаянно ругался и бил по кнопке номер 9.

– Те залы суда много лет не использовались, – сердито воскликнул он. – Ума не приложу, почему они решили заседать там... если только... но, нет...

В этот момент в лифт вошла дородная ведьма с дымящимся кубком в руках, и мистер Уизли не стал уточнять.

– Атриум, – произнёс прохладный женский голос, золотые решетки, скользя, открылись, и в отдалении Гарри заметил блеск золотых статуй фонтана.

Дородная ведьма вышла, и вошёл болезненного вида колдун с очень мрачным лицом.

– Здорово, Артур, – замогильным голосом произнёс он, когда лифт начал опускаться. – Ты у нас редкий гость.

– Срочное дело, Боуд, – ответил мистер Уизли, нетерпеливо перекатываясь с пятки на носок и бросая на Гарри беспокойные взгляды.

– А, ясно, – кивнул Боуд, в упор разглядывая Гарри. – Конечно.

Гарри постарался не обращать внимания на Боуда, но от этого неподвижного тяжёлого взгляда ему стало не по себе.

– Департамент Тайн, – произнёс холодный женский голос и на этом смолк.

– Гарри, быстрее, – воскликнул мистер Уизли, и как только двери лифта, грохоча, открылись, они устремились в коридор, который заметно отличался от расположенных выше.

Стены тут были голые, не было ни окон, ни дверей, кроме одной, в самом конце коридора. Гарри думал, что они пойдут туда, но вместо этого мистер Уизли схватил его за руку и потянул налево, где была лестничная площадка.

– Сюда, сюда, – задыхался мистер Уизли, перепрыгивая через две ступеньки. – Лифт так низко даже не опускается... ну *почему* они там-то устраивают это...

Они спустились вниз и побежали по ещё одному коридору, который напоминал хогвартский, ведущий к подземелью Снейпа, с грубыми каменными стенами и закреплёнными на них факелами. Двери, мимо которых они проносились, были здесь тяжёлыми, деревянными, с железными заклёпками и замочными скважинами.

– Зал суда... Десятый... Мне кажется... мы почти пришли... уже.

Мистер Уизли затормозил у грязной тёмной двери с огромным железным замком и резко откинулся к стене, хватаясь руками за грудную клетку.

– Давай, – задыхался он, показывая пальцем на дверь. – Заходи туда.

– ...А разве... разве вы не будете заходить?..

– Нет, нет, у меня нет допуска. Удачи!

Сердце Гарри колотилось прямо в горле. Он с трудом сглотнул, повернул тяжёлую железную дверную ручку и вступил в зал суда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СЛУШАНИЕ ДЕЛА

У Гарри перехватило дыхание. Просторное подземелье, куда он вошёл, было ему до ужаса знакомо. Он не только видел его прежде, он *был* здесь прежде. Именно сюда он попал из ситодума Дамблдора, именно здесь видел Лестрэйнджей, приговорённых к пожизненному заключению в Азкабане.

Вырезанные из тёмного камня стены тускло освещались факелами. По обе стороны от него высились пустые скамьи, но впереди, на самых высоких скамьях, маячило множество неясных силуэтов. Люди негромко переговаривались, но когда за Гарри закрылась тяжёлая дверь, наступила зловещая тишина.

В зале раздался холодный мужской голос:

– Вы опаздываете.

– Извините, – нервно сказал Гарри. – Я... я не знал, что время изменили.

– Это не вина Визенгамота, – произнёс голос. – Сову послали вам этим утром. Займите ваше место.

Взгляд Гарри упал на кресло в центре зала, на подлокотниках которого были закреплены цепи. Ему довелось видеть, как оживают эти цепи и связывают любого, кто бы ни сидел между ними. Пока он шёл, его шаги по каменному полу отзывались громким эхом. Когда осторожно присел на краешек кресла, цепи угрожающе звякнули, но не сковали его. С лёгкой дурнотой Гарри поднял глаза на людей, сидевших на скамье наверху.

Их было около полусотни: все, насколько он мог заметить, были облачены в мантии тёмно-фиолетового цвета с изящно вытканной серебром буквой «W» на левой стороне груди, и все глядели на него, одни очень сурово, другие с откровенным любопытством.

В самом центре переднего ряда восседал Корнелиус Фадж, министр магии. Фадж был тучным мужчиной, обычно он носил котелок лимонно-зелёного цвета, но сегодня обошёлся без него; он расстался и со снисходительной усмешкой, которую надевал однажды, когда разговаривал с Гарри. Слева от Фаджа сидела крупная, с квадратной челюстью ведьма с ежиком седых волос; она носила монокль и выглядела угрожающе. Справа от Фаджа сидела другая ведьма, но она откинулась назад так, что лицо оказалось в тени.

– Превосходно, – сказал Фадж. – Обвиняемый присутствует... наконец-то... можем начинать. Ты готов? – спросил он вдоль ряда.

– Да, сэр, – произнёс знакомый Гарри энергичный голос.

В самом конце передней скамьи сидел брат Рона Пёрси. Гарри взглянул на Пёрси, ожидая какого-нибудь признака того, что Пёрси его узнал, но безуспешно. Глаза Пёрси за стёклами очков в роговой оправе были устремлены на пергамент, перо он держал наготове.

– Дисциплинарное слушание от двенадцатого августа, – громким голосом объявил Фадж, и Пёрси тут же принялся записывать, – о нарушениях Декрета о разумном ограничении применения волшебства несовершеннолетними и Международного Статута Секретности, совершённых Гарри Джеймсом Поттером, проживающим в доме номер четыре по

Бирючинному проезду в Литтл-Уингинге, графство Сарри... Следователи: Корнелиус Освальд Фадж, министр магии; Эмилия Сьюзен Боунс, глава департамента Поддержания магического правопорядка; Долорес Джейн Амбридж,⁷² старший заместитель министра. Секретарь суда Пёрси Игнатиус Уизли...

— ...Свидетель защиты: Альбус Персиваль Ульфрик Брайен Дамблдор,⁷³ — раздался невозмутимый голос за спиной у Гарри, на который он обернулся так поспешно, что едва не свернул себе шею.

По залу спокойно шёл Дамблдор, в полуночно-синей мантии и с совершенно безмятежным выражением лица. Когда он поравнялся с Гарри, свет факелов отражённо заиграл в его длинной серебристой бороде и волосах. Дамблдор смотрел вверх, на Фаджа, поверх очков в форме полумесяцев, висевших на кончике крючковатого носа.

Члены Визенгамота зашептались. Теперь все их взгляды были обращены на Дамблдора. Вид у некоторых стал раздосадованным, у некоторых — слегка испуганным; две пожилые ведьмы с заднего ряда всё-таки подняли руки и приветственно махнули.

При виде Дамблдора Гарри заметно воспрял духом — похожее чувство вызывало в нём пение феникса. Он попытался поймать взгляд директора, но тот, не глядя в его сторону, не сводил глаз с заметно встревоженного Фаджа.

— А-а... — в полной растерянности забормотал Фадж, — Дамблдор. Да. Вы... ээ... получили, значит, наше... ээ... уведомление... ээ... что место... ээ... и время слушания изменились?

— Должно быть, я пропустил его, — бодро ответил Дамблдор. — Но по счастливому недоразумению я приехал в Министерство на три часа раньше, так что всё обернулось как нельзя лучше.

— Так... хорошо... Я полагаю, нам понадобится ещё одно кресло... Я... Уизли, не мог бы ты?..

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, — любезно отказался Дамблдор.

Он вынул палочку, коротко взмахнул ею, и вдруг, откуда ни возьмись, рядом с Гарри появилось мягкое кресло с ситцевой обивкой. Дамблдор сел, соединил кончики длинных пальцев, и стал смотреть на Фаджа с выражением вежливого интереса. Визенгамот продолжал перешёптываться и беспокойно ёрзать, только когда Фадж заговорил, все снова притихли.

— Так... — ещё раз сказал Фадж, перекладывая бумаги. — Ну, ладно. Итак. Обвинения. Да.

Он вытащил один пергамент из лежавшей перед ним груды, набрал воздуха в грудь и вслух прочёл:

⁷² 1 Dolores Jane Umbridge (umbra — фантом, призрак; тень; bridge — мост; umbrage — обида; dolores (исп.) — муки, страдания. Русским соответствием такого сочетания может быть «Гадюка подколотная»)

⁷³ 2 Albus Percival Wulfric Brian Dumbledore (Albus означает по латыни «белый»; Percival — отсылка к легендам о чаше Грааля — рыцарь-«простофиля», наивный и чистый, который по одним мифам достиг Грааля и стал основателем ордена его хранителей, а по другим — в своих странствиях забыл о Граале; святой Wulfric в средние века был широко известен творимыми чудесами; Brian — на кельтском означает «могущество» и «благородство»; Dumbledore — староанглийское «шмель», dumb — немой, бестолковый)

– Обвинения против подсудимого следующие: второго августа в двадцать три минуты девятого, сознательно, преднамеренно и отдавая себе отчёт в незаконности своих действий, ранее получив письменное предупреждение от Министерства магии за подобное правонарушение, обвиняемый произвёл чары «Патронус» в маглонаселённом районе, в присутствии маггла, что является преступлением согласно параграфу «В» Декрета о разумном ограничении применения волшебства несовершеннолетними от 1875 года, а также согласно Статуту Секретности, принятому на 13-й секции Международной Конфедерации Чародеев.

– Вы Гарри Джеймс Поттер, проживающий по адресу дом номер четыре по Бирючинному проезду, в Литтл-Уингинге? – задал вопрос Фадж, пристально глядя на Гарри поверх пергамента.

– Да, – кивнул Гарри.

– Получали ли вы три года назад официальное предупреждение от Министерства за незаконное использование магии?

– Да, но...

– И именно вы создали Патронуса вечером второго августа? – спросил Фадж.

– Да, – ответил Гарри, – но...

– Известно ли вам о запрещении пользоваться магией вне школы до тех пор, пока вам не исполнится семнадцать?

– Да, но...

– Знали ли вы, что находитесь в районе, полном магглов?

– Да, но...

– Вы отдавали себе отчёт, что в это время находитесь в непосредственной близости от маггла?

– Да, – рассерженно подтвердил Гарри, – но я использовал магию только потому, что...

Ведьма с моноклем прервала его рокочущим голосом:

– Вы создали полностью дееспособного Патронуса?

– Да, – ответил Гарри, – потому что...

– Материального Патронуса?

– ...Что? – удивился он.

– Ваш Патронус имел совершенно определённую форму? Я хочу сказать, он был больше, чем просто пар или дым?

– Да, – раздражённо и с лёгким отчаянием откликнулся Гарри. – Это олень, это всегда олень.

– Всегда? – пророкотала мадам Боунс, – Вам и раньше приходилось производить Патронуса?

– Да, – признался Гарри, – я производил Патронуса больше года назад.

– И вам пятнадцать лет?

– Да, и...

– Вас научили этому в школе?

– Да, профессор Люпин учил меня этому, когда я был на третьем курсе, для того, чтобы...

– Впечатляюще, – протянула мадам Боунс, в упор глядя на Гарри. – Настоящий Патронус в таком возрасте... действительно очень впечатляюще.

Колдуны и ведьмы вокруг неё опять зашептались; некоторые кивнули, но прочие нахмурились и покачали головами.

– Дело не в том, насколько впечатляющим было колдовство, – вспыхнул Фадж. – По сути, чем сильнее оно впечатляет, тем хуже, на мой взгляд, учитывая то, что мальчик сделал это в непосредственном присутствии маггла!

Те, кто хмурились, теперь согласно забормotalи, а завидя ханжеский кивок Пёрси, Гарри не выдержал.

– Я произвёл Патронуса из-за дементоров! – громко воскликнул он, прежде, чем кто-либо смог его прервать.

Он ждал, что они опять начнут шептаться, но наступила полная тишина.

– Дементоры? – некоторое время спустя опомнилась мадам Боунс, её широкие брови взлетели так высоко, что казалось, сейчас вывалится монокль. – Что ты имеешь в виду, мальчик?

– Я имею в виду, что в том переулке было два дементора и они шли за мной и моим кузеном!

– Ах, вот как, – неприятно усмехнулся Фадж и оглядел Визенгамот, словно приглашая разделить с ним шутку. – Да, да, я так и предполагал, что мы услышим нечто подобное...

– Дементоры в Литтл-Уингинге? – крайне удивлённым тоном переспросила мадам Боунс. – Я не понимаю...

– Не понимаете, Эмилия? – с той же ухмылкой повернулся к ней Фадж. – Позвольте, я объясню. Он всё это выдумал и решил, что дементоры станут замечательной темой для статейки, иллюстрация к которой окажется на журнальной обложке, да уж, прелесть какая. Магглы не могут видеть дементоров, не так ли, мальчик? Очень удобно, очень... только с твоих слов, и никаких свидетелей...

– Я не лгу! – выпалил Гарри, после чего в суде вновь принялись перешёптываться. – Их было двое, они появились с разных концов проулка, стало холодно и темно, мой кузен их почувствовал и побежал от них...

– Достаточно, достаточно! – надменно бросил Фадж. – Прошу прощения, что прерываю такую, без всякого сомнения, прекрасно отрепетированную историю...

Дамблдор прокашлялся. Визенгамот опять затих.

– На самом деле у нас есть свидетель присутствия дементоров в том переулке, – сказал он. – Не Дадли Дёрзли, разумеется.

Полное лицо Фаджа словно увяло, как будто из него кто-то выпустил воздух. Он секунду или две глядел на Дамблдора, а потом с видом человека, взявшего себя в руки, пропыхтел:

– Боюсь, Дамблдор, что у нас нет времени на выслушивание очередной лжи, я бы хотел покончить с этим побыстрее...

– Я могу ошибаться, – любезно проговорил Дамблдор, – но мне казалось, что согласно Своду правил Визенгамота обвиняемый или обвиняемая имеет право предъявить свидетелей

по своему делу? Разве не такова политика департамента Поддержания магического правопорядка, мадам Боунс? – продолжил он, обращаясь к ведьме с моноклем.

– Верно, – откликнулась мадам Боунс. – Совершенно верно.

– О, очень хорошо, чудесно, – бросил Фадж. – Где этот человек?

– Я привёл его с собой, – ответил Дамблдор. – Она за дверью. Могу я?..

– Нет... Уизли, ты сходи, – рявкнул Фадж Пёрси, тот вскочил, сбежал по каменным ступенькам с судейского балкона и, пробегая мимо Дамблдора и Гарри, бросил на них косой взгляд.

Мгновением позже, Пёрси вернулся в сопровождении миссис Фигг. Вид у неё был перепуганный и ещё более безумный, чем обычно. Гарри пожалел, что она не догадалась переодеть домашние тапки.

Дамблдор встал и уступил миссис Фигг кресло, наклонив для себя второе.

– Ваше полное имя? – громко спросил Фадж, когда миссис Фигг, нервничая, присела на самый краешек кресла.

– Арабелла Дорин Фигг, – дрожащим голосом ответила она.

– Кто вы? – скучающе и надменно спросил Фадж.

– Я жительница Литтл-Уингинга, живу недалеко от Гарри Поттера, – ответила миссис Фигг.

– У нас нет записей, свидетельствующих, что в Литтл-Уингинге обитает ещё какой-либо колдун или ведьма кроме Гарри Поттера, – быстро уточнила мадам Боунс. – Ситуация в том районе всегда тщательно контролировалась после... после некоторых событий.

– Я сквиб, – пояснила миссис Фигг. – Наверное, поэтому меня не зарегистрировали?

– Сквиб, да? – уставился на неё Фадж. – Мы должны это проверить. Предоставьте подробности вашего происхождения моему помощнику Уизли. Кстати, сквибы могут видеть дементоров? – спросил он, оглядывая скамьи.

– Конечно, мы можем их видеть! – с негодованием воскликнула миссис Фигг.

Фадж отвёл глаза и поднял брови:

– Прекрасно, – без энтузиазма буркнул он. – Так какова ваша версия?

– Я ходила покупать копачьи консервы в магазин на перекрёстке, в конце Уистерия-уолк, около девяти часов вечера второго августа, – забормотала миссис Фигг так, словно вызубрила наизусть. – И услышала шум в проулке между Магнолия-кресцент и Уистерия-уолк. Когда я подошла к проулку, я увидела бегущих дементоров...

– Бегущих? – резко переспросила мадам Боунс. – Дементоры не бегают, они скользят.

– Я это и хотела сказать, – быстро поправилась миссис Фигг, и на её морщинистых щеках появились розовые пятна. – Они скользили по переулку в сторону двух людей, с виду мальчиков.

– Как они выглядели? – мадам Боунс задала вопрос и так сузила глаза, что монокль исчез в складке века.

– Ну, один из них был очень толстый, а второй довольно худой...

– Нет, нет, – нетерпеливо перебила её мадам Боунс. – Дементоры... опишите их.

– О... – у миссис Фигт от смятения уже порозовела шея. – Они были большие. Большие и в плащах.

Гарри почувствовал, что внутри у него всё оборвалось. Всё, что с говорила миссис Фигт, звучало так, словно она в лучшем случае видела картинку с дементором, а картинка никогда не может передать точно, что из себя представляют эти существа: то, как жутко они двигаются, скользя в дюйме от земли, их гниющих запах, или отвратительный звук, который они издают, когда высасывают окружающий воздух...

Сидящий во втором ряду, коренастый колдун с большими чёрными усами наклонился к своей соседке, ведьме с вьющимися волосами, и прошептал ей что-то на ухо. Она усмехнулась и кивнула.

– Большие и в плащах, – холодно повторила мадам Боунс, а Фадж насмешливо фыркнул. – Понятно. Что-нибудь ещё добавите?

– Да, – сказала миссис Фигт. – Я их чувствовала. Всё стало холодным, а была очень тёплая летняя ночь, знаете ли... И я чувствовала... словно всё счастье исчезло из мира... и я вспомнила... ужасные вещи...

Голос её задрожал и затих.

Глаза мадам Боунс слегка расширились. Гарри заметил у неё под бровями красные следы, оставленные моноклем.

– Что делали дементоры? – спросила она, и Гарри почувствовал прилив надежды.

– Они преследовали мальчиков, – сказала миссис Фигт теперь уже более громким и уверенным голосом, розовая краска уже не заливала её лицо. – Один из мальчиков упал. Второй повернулся и пытался отбиться от дементора. Это был Гарри. Он пробовал два раза и у него получался только серебряный пар. С третьей попытки он сделал Патронуса, который отбросил одного дементора, а потом Гарри с его помощью прогнал второго от своего кузена. Вот так всё и было, – сбивчиво закончила миссис Фигт.

Мадам Боунс, не произнося ни слова, пристально глядела на миссис Фигт. Фадж не смотрел в её сторону совсем, а только беспрестанно перекладывал бумаги. Наконец он поднял глаза и слегка агрессивно спросил:

– И это всё вы видели?

– Так всё и было, – повторила миссис Фигт.

– Очень хорошо, – сказал Фадж. – Вы можете идти.

Миссис Фигт перевела испуганный взгляд с Фаджа на Дамблдора, встала и пошаркала к выходу. Гарри услышал, как за ней глухо закрылась дверь.

– Не слишком убедительный свидетель, – высокомерно бросил Фадж.

– Ох, не знаю, – заговорила мадам Боунс своим рокочущим голосом, – Безусловно, она описала эффекты нападения дементора очень точно. И я не могу представить, зачем ей выдумывать, что они были, если их там не было.

– Но дементоры, которые блуждают по маггловскому пригороду и совершенно *случайно* натыкаются на колдуна... – фыркнул Фадж. – Шансы на это должны быть очень и очень малы. Даже Людо Бэгмэн не стал бы держать пари...

– О, не думаю, что кто-нибудь из присутствующих может предположить, будто дементоры оказались там случайно, – небрежно заметил Дамблдор.

Ведьма по правую руку от Фаджа, лицо которой оставалось в тени, шевельнулась, но ничего не сказала.

– И что, по-вашему, всё это значит? – холодно спросил Фадж.

– Полагаю, это значит, что им приказали туда отправиться, – ответил Дамблдор.

– Думаю, что если бы кто-нибудь послал пару дементоров прогуляться по этому Литтл-Уингину, у нас остались бы официальные записи! – рявкнул Фадж.

– Не остались бы в том случае, если дементорам отдал приказ кто-то, не имеющий отношения к Министерству, – спокойно сказал Дамблдор. – Я уже высказывал вам свои соображения на этот счёт, Корнелиус.

– Да, высказывали! – яростно вскричал Фадж. – И я не вижу причин верить в то, что ваши соображения ни что иное, как просто чепуха, Дамблдор. Дементоры находятся в Азкабане и выполняют наши приказы.

– В таком случае, – тихо, но чётко произнёс Дамблдор, – мы обязаны задать себе вопрос, почему некто из Министерства второго августа отдал приказ паре дементоров отправиться в тот проулок.

В полной тишине, последовавшей за этими словами, ведьма, сидевшая справа от Фаджа подалась вперёд, и Гарри впервые смог её разглядеть.

Ему показалось, что она похожа на огромную бледную жабу. Довольно приземистая, с толстым, дряблым лицом, с такой же, как у дяди Вернона, короткой шеей и очень широким, вялым ртом. Глаза у неё были большие, круглые, немного навывкате. Даже маленький чёрный бархатный бант, примостившийся сверху на коротких выющихся волосах, напомнил Гарри большую муху, которую она сейчас слизнёт длинным липким языком.

– Суд предоставляет слово Долорес Джейн Амбридж, старшему заместителю министра, – объявил Фадж.

Ведьма заговорила мелодичным, высоким девичьим голосом, который застал Гарри врасплох – он ждал, что она заквакает.

– Я уверена, что неправильно поняла вас, профессор Дамблдор, – жеманничая, начала она, хотя глаза её остались такими же холодными. – Глупо с моей стороны. Но на какой-то момент мне показалось, что вы предполагаете, будто Министерство отдало приказ о нападении на этого мальчика!

Она звонко рассмеялась, отчего волосы на затылке у Гарри стали дыбом. Несколько других членов Визенгамота рассмеялись вместе с ней. Не похоже было, что хотя бы один из них веселился искренне.

– Если верно, что дементоры выполняют только приказы, исходящие из Министерства магии, а также верно, что неделю назад два дементора напали на Гарри и его кузена, то из этого логически следует, что кто-то в Министерстве этим нападением, предположительно, управлял, – вежливо пояснил Дамблдор. – Разумеется, именно эти, конкретные, дементоры, могли управляться кем-то, не имеющим отношения к Министерству...

– Никаких дементоров, не подчинённых Министерству, быть не может! – оборвал его Фадж, приобретя оттенок красного кирпича.

Дамблдор слегка кивнул.

– В таком случае, несомненно, Министерство проведёт полное расследование, почему два дементора оказались настолько далеко от Азкабана и почему они несанкционированно совершили нападение.

– Не вам решать, что будет или не будет делать Министерство магии, Дамблдор! – огрызнулся Фадж, ставший такого оттенка фуксии, которым гордился бы дядя Вернон.

– Разумеется, не мне, – кротко ответил Дамблдор. – Я просто выразил уверенность, что этот вопрос не останется не расследованным.

Он взглянул на мадам Боунс, которая поправила монокль и, слегка нахмурившись, посмотрела на него.

– Я хотел бы напомнить всем присутствующим, что поведение этих дементоров, если они действительно существовали, а не просто плод воображения этого мальчика, не является предметом сегодняшнего разбирательства, – заявил Фадж. – Мы сейчас должны расследовать нарушения Гарри Поттером Декрета о разумном ограничении применения волшебства несовершеннолетними!

– Конечно, мы должны делать именно это, – согласился Дамблдор. – Но факт присутствия дементоров в этом переулке крайне важен. Пункт седьмой Декрета гласит, что магия может использоваться в присутствии маглов в исключительных обстоятельствах, и эти исключительные обстоятельства включают ситуации, угрожающие жизни колдуна или ведьмы... или его собственной, или жизни любых других колдунов или ведьм, или маглов, присутствующих...

– Мы знакомы с содержанием Пункта седьмого, большое спасибо! – рявкнул Фадж.

– Разумеется, вы знакомы, – вежливо продолжил Дамблдор. – В таком случае мы согласны, что Гарри воспользовался чарами «Патронус» в обстоятельствах, точно подпадающих под категорию, описанную этим пунктом?

– Если там были дементоры, в чём я лично весьма сомневаюсь.

– Вы слышали показания очевидца, – резко сказал Дамблдор. – Если вы по-прежнему сомневаетесь в её правдивости, позовите её вновь, расспросите ещё раз. Я уверен, она не станет возражать.

– Я... это... нисколько... – неистовствовал Фадж, беспцельно роясь в своих бумагах. – Это... Дамблдор, я хочу закрыть дело сегодня!

– Не сомневаюсь, что вас не должно волновать, сколько времени вам придётся выслушивать свидетеля, если альтернативой станет серьёзный просчёт правосудия, – сказал Дамблдор.

– Серьёзный просчёт, ничего себе! – завопил Фадж. – Дамблдор, вы когда-нибудь брали себе за труд посчитать количество невероятных историй, которые сочинил этот мальчик, пытаясь оправдать свои вопиющие злоупотребления магией вне школы? Я полагаю, вы забыли чары Парения, которыми он воспользовался три года назад...

– Это сделал не я, это был домовый эльф! – воскликнул Гарри.

– ВЫ ВИДИТЕ? – зарычал Фадж, бурно жестикулируя в его направлении. – Домовой эльф! В маггловском доме! Я вас умоляю...

– Что касается упомянутого домового эльфа, в настоящее время он служит в школе «Хогвартс», – сказал Дамблдор. – Если вам угодно, я могу немедленно вызвать его сюда, чтобы внести ясность.

– Я... нет... у меня нет времени выслушивать домовых эльфов! Как бы то ни было, но это не единственный случай, он надул свою тётю, чёрт побери! – закричал Фадж, ударяя кулаком по судейскому столу и опрокидывая чернильницу.

– С вашей стороны будет крайне любезно не придавать излишнего значения тому случаю, принимая во внимание, что даже достойнейшие колдуны, как я допускаю, не всегда могут контролировать свои эмоции, – невозмутимо произнёс Дамблдор, пока Фадж безуспешно счищал чернила со своих записей.

– А я ещё ни слова не сказал о том, что он вытворяет в школе...

– Но поскольку у Министерства нет никаких полномочий наказывать учащихся Хогвартса за проступки, совершённые там, то рассматривать поведение Гарри в школе, на этом слушании будет неуместно, – даже вежливее, чем всегда, сказал Дамблдор, но теперь в его тоне явно проскользнул холод.

– Ого! – воскликнул Фадж. – Значит, чем он занимается в школе, не наше дело, да? Вы так полагаете?

– У Министерства нет полномочий исключать учащихся Хогвартса, Корнелиус, я напомнил вам об этом в ночь второго августа, – сказал Дамблдор. – В равной мере, как и нет права конфисковать палочку, пока обвинения не будут безоговорочно доказаны, что я тоже напомнил вам в ночь второго августа. В вашей поразительной поспешности обеспечить соблюдение законности, вы сами демонстрируете, я уверен, непреднамеренно, игнорирование некоторых других законов.

– Законы могут меняться, – свирепо сказал Фадж.

– Разумеется, могут, – подтвердил Дамблдор, склоняя голову. – И вы, безусловно, проводите много изменений, Корнелиус. Но почему, за те несколько недель, что меня попросили покинуть Визенгамот, вошло в обычную практику устраивать полное судебное разбирательство, имея дело с простым вопросом применения магии несовершеннолетним!

Некоторые колдуны неловко заёрзали на своих местах. Красно-коричневая гамма Фаджа приобрела ещё чуть более тёмный оттенок. Однако жабообразная дама справа от него, с совершенно ничего не выражающим лицом пристально смотрела на Дамблдора.

– Насколько мне известно, – продолжил Дамблдор, – не существует никакого закона, согласно которому функция этого суда заключается в том, чтобы покарать Гарри за каждое проявление магии, когда-либо им осуществлённое. Он был обвинён в определённом проступке и представил оправдания. Теперь мы с ним оба ждём вашего вердикта.

Дамблдор вновь соединил кончики пальцев и замолчал. Фадж, заметно разгневанный, уставился на него. Гарри искоса глянул на Дамблдора, ожидая поддержки; он был далеко не уверен в том, что Дамблдор прав, разговаривая с Визенгамотом подобным образом, ведь сейчас всё зависит именно от решения суда. Однако Дамблдор, казалось, опять не обратил

никакого внимания на попытки Гарри встретиться с ним взглядом. Он продолжал смотреть на скамьи, где весь Визенгамот был поглощён срочными, шелестящими переговорами.

Гарри опустил голову. Сердце у него как будто увеличилось до невероятных размеров и громко колотилось под рёбрами. Он ожидал, что слушание продлится дольше. Он сомневался, что произвёл хорошее впечатление. По сути, он почти ничего не сказал. Он должен объяснить подробнее про дементоров, про то, как упал, про то, как его и Дадли чуть не Поцеловали...

Дважды он смотрел на Фаджа и открывал рот, чтобы начать говорить, но выросшее сердце пережало все воздушные каналы, и оба раза он лишь глубоко вздыхал и снова опускал голову.

Шёпот смолк. Гарри хотел посмотреть на судей, но решил, что это ему не под силу, намного проще – продолжать изучать собственные шнуры.

– Кто за то, чтобы снять все обвинения с подозреваемого? – пророкотал голос мадам Боунс.

Голова Гарри вскинулась вверх. В воздух поднялись руки, много рук... больше половины! Он попробовал сосчитать их, с учащённым дыханием, но не успел закончить, как мадам Боунс объявила:

– И кто за то, чтобы признать виновным?

Фадж поднял руку; то же самое сделали ещё с полдюжины других, включая ведьму, сидящую справа от него, пышноусого колдуна и кудрявую ведьму во втором ряду.

Фадж обвёл всех взглядом с таким видом, словно у него в горле застряла огромная кость, затем опустил руку. Пару раз глубоко вдохнул и, еле сдерживая ярость, выдал:

– Чудесно, чудесно... все обвинения сняты.

– Превосходно, – оживлённо отреагировал Дамблдор, упруго поднялся на ноги, извлёк палочку, и оба ситцевых кресла исчезли. – Ну, мне пора идти. Удачного дня всем вам.

И так и не взглянув на Гарри, удалился из подземелья.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МУЧЕНИЯ МИССИС УИЗЛИ

Внезапный уход Дамблдора совершенно ошеломил Гарри. Одолеваемый смесью шока и облегчения, он остался сидеть там же, на оббитом цепями кресле. Все члены Визенгамота встали и, беседуя, собирали свои бумаги, намереваясь уходить. Гарри тоже встал. Казалось, что никто не обращает на него ни малейшего внимания, кроме жабоподобной ведьмы с правой стороны от Фаджа, которая теперь, за неимением Дамблдора, пристально разглядывала Гарри. Не обращая внимания на неё, Гарри попробовал поймать взгляд Фаджа, чтобы спросить разрешения уйти, но Фадж совершенно определённо Гарри не замечал. Мадам Боунс была занята своим портфелем, поэтому Гарри сделал пару пробных шагов к выходу и, поскольку никто его обратно не позвал, ускорил шаг.

На последних шагах перейдя на бег, он рванул дверь и едва не столкнулся с мистером Уизли, стоявшим прямо за дверью с выражением тревоги на бледном лице.

– Дамблдор не сказал...

– Оправдали, – шепнул Гарри, закрывая за собой дверь, – все обвинения сняли!

Просияв, мистер Уизли обнял его за плечи:

– Гарри, это замечательно! Ну да, конечно, они не могли признать тебя виновным, у них оснований не было, но всё равно, что скрывать, я...

Тут мистер Уизли замолчал, потому что дверь зала суда опять открылась. Члены Визенгамота стали по одному выходить.

– Мерлинова борода! – шёпотом удивился мистер Уизли, потянув Гарри в сторону, чтобы дать им всем пройти. – Тебя судили в полном составе?

– Похоже на то, – тихо ответил Гарри.

Один или два колдуна, проходя мимо, кивнули Гарри, некоторые, включая мадам Боунс, сказали мистеру Уизли: «Доброе утро, Артур», но большинство старательно прятали глаза. Корнелиус Фадж и похожая на жабу ведьма вышли из подземелья в числе последних. Фадж делал вид, будто мистер Уизли и Гарри составляют элемент интерьера, но ведьма, мимоходом, опять, словно оценивающе, взглянула на Гарри.

Последним вышел Пёрси. Так же, как и Фадж, он совершенно проигнорировал своего отца и Гарри: с прямой спиной и задранном носом Пёрси прошёл мимо, неся в руках большой пергаментный свиток и связку запасных перьев. У мистера Уизли чуть напряглась нижняя челюсть, но кроме этого он ничем не показал, что видит своего третьего сына.

Когда на лестнице, ведущей на Девятый уровень, смолкли шаги Пёрси, мистер Уизли повёл Гарри к выходу:

– Сейчас первым делом отвезу тебя назад, чтобы ты мог всем рассказать хорошие новости, – заговорил он. – А потом мне нужно будет в тот туалет в Бетнал-Грине. Пойдём...

– Так что вам там нужно сделать с туалетом? – улыбнулся Гарри.

Внезапно ему всё представилось гораздо смешнее, чем обычно. До него стало доходить: он оправдан, *он возвращается в Хогвартс*.

– Ох, да простой противопорчи будет достаточно, – начал объяснять мистер Уизли, поднимаясь по лестнице. – Не для того, чтобы починить, а скорее, чтобы не ломали больше. Гарри, травля магглов кому-то из колдунов может показаться забавной, но на самом деле всё обстоит гораздо серьёзнее и противнее, и для меня...

Мистер Уизли замолчал на полуслове. Они как раз свернули в коридор на Девятом уровне, когда увидели Корнелиуса Фаджа, который стоял всего в нескольких шагах от них и негромко беседовал с высоким мужчиной с гладкими светлыми волосами и тонким бледным лицом.

Собеседник Фаджа обернулся на звук их шагов. Он тоже оборвал разговор, его холодные серые глаза сузились и остановились на лице Гарри.

– Так, так, так... Патронус,⁷⁴ Поттер, – хладнокровно произнёс Люциус Малфой.

Гарри оторопел, словно на ходу наткнулся на стену. Последний раз он видел эти холодные серые глаза сквозь прорези в капюшоне Пожирателя Смерти, последний раз слышал этот насмешливый голос на мрачном кладбище, где его пытал Лорд Волдеморт. Гарри просто поверить не мог, что Люциус Малфой смеет смотреть ему в лицо; не мог поверить, что видит его здесь, в Министерстве магии, и Корнелиус Фадж беседует с ним, хотя Гарри сам, несколько недель назад, сказал Фаджу, что Малфой – Пожиратель Смерти.

– Министр сейчас рассказывал мне о том, как тебе посчастливилось выкрутиться, Поттер, – подчёркнуто медленно заговорил Малфой. – Воистину удивительно, как ты умудряешься высказывать из самых узких щелей... просто *как змея*.

Мистер Уизли предупреждающе сжал Гарри плечо.

– Ага, – кивнул Гарри, – ага, выкручиваться я хорошо умею.

Люциус Малфой поднял глаза к лицу мистера Уизли.

– Вот и Артур Уизли! Что ты тут делаешь, Артур?

– Я здесь работаю, – огрызнулся мистер Уизли.

– Но ведь не *здесь*, верно? – Люциус Малфой поднял бровь и вскользь бросил взгляд на дверь за плечом мистера Уизли. – Я полагал, что ты где-то на втором этаже... кажется, кражи маггловского барахлишка и их заколдовывание – это по твоей части?

– Нет, – отрезал мистер Уизли, пальцы его вновь сжались на плече Гарри.

– А *вы* что здесь делаете? – спросил Гарри у Люциуса Малфоя.

– Не думаю, что частные темы моей беседы с министром имеют к тебе какое-нибудь отношение, Поттер, – бросил Малфой и поправил полы своей мантии.

Гарри отчётливо услышал лёгкое звяканье, которое издаёт набитый золотом карман.

– Право же, только по той причине, что ты любимчик Дамблдора, тебе не стоит ждать такого же снисхождения и от всех нас... Пройдём в ваш кабинет, министр?

– Конечно, – засуетился Фадж, поворачиваясь спиной к Гарри и мистеру Уизли. – Вот сюда, Люциус.

⁷⁴ Патрон – «patronus» (лат.) «покровитель» – термин римского права. Знатные и богатые граждане Рима могли покровительствовать бедным или незнатным римлянам. Покровителей называли патронами, тех, кому они покровительствовали – клиентами. Этимология заклинания вызова Патронуса та же.

Они пошли прочь, переговариваясь вполголоса. Мистер Уизли не отпускал плечо Гарри до тех пор, пока те не скрылись в лифте.

— Почему он не ждал у кабинета Фаджа, раз у них общие дела? — не сдержал бешенство Гарри. — Что он здесь делает?

— Пытался пролезть в зал суда, если честно, — мистер Уизли озирался с крайне обеспокоенным видом, оглядываясь через плечо, словно желая убедиться, что их никто не подслушает. — Пытался разузнать, исключили тебя, или нет. Когда довезу тебя, оставлю записку Дамблдору, он должен знать, что Малфой опять разговаривал с Фаджем.

— А вообще, что это у них за приватные темы для беседы?

— Золото, наверное, — сердито буркнул мистер Уизли. — Малфой годами раздавал всякие щедрые подачки... теперь имеет связи с нужными людьми... которых можно попросить об услуге... законы, не выгодные ему попридержать... о, у него очень большие связи, у Люциуса Малфоя...

Приехал лифт; там было пусто, если не считать стая записок, которые закружились над головой мистера Уизли, едва он нажал кнопку Атриума и двери с лязгом закрылись. Мистер Уизли раздражённо отмахнулся от записок.

— Мистер Уизли, — медленно начал Гарри, — если Фадж встречается с Пожирателями Смерти, такими как Малфой, если он видится с ними наедине... откуда нам знать, может они на него наложили проклятие Имперкус?

— Гарри, не думай, что нам это не приходило в голову, — тихо проговорил мистер Уизли, — но Дамблдор считает, что Фадж действует в своих интересах... по словам Дамблдора, это тоже не слишком обнадеживающе. Гарри, давай не будем говорить об этом прямо сейчас.

Двери разъехались, и они вышли в почти безлюдный к этому часу Атриум. Колдун из охранной службы по имени Эрик по-прежнему читал «Ежедневный пророк». По пути у них оказался золотой фонтан, и Гарри вспомнил.

— Подождите... — попросил он мистера Уизли, вытащил из кармана кошелек и вернулся к фонтану.

Поглядев в лицо величественному колдуну вблизи, Гарри решил, что выглядит тот каким-то слабовольным и глуповатым. У ведьмы была приклеена пресная улыбка королевы красоты, а из всего, что Гарри знал о гоблинах и кентаврах, понятно было, что они едва ли станут так сентиментально взирать на людей любой внешности. Убедительным выглядело лишь подобострастное раболепие позы домового эльфа. Мысленно усмехнувшись тому, что сказала бы Гермиона, если бы увидела статую эльфа, Гарри перевернул свой кошелек и вытряс оттуда в фонтан не только десять галлеонов, а и всё содержимое.

* * *

— Я так и знал! — выкрикивал Рон, избивая кулаком воздух. — Тебе всегда удаётся выйти сухим из воды!

– Они обязаны были тебя оправдать, – Гермиона, к тому времени, как Гарри появился на кухне, совершенно измученная беспокойством, теперь дрожащей рукой промокнула глаза. – У них не было никаких доказательств против тебя, ни единого.

– И у всех, похоже, отлегло на душе, хотя никто не сомневался, что у меня всё получится, – улыбаясь, заметил Гарри.

Миссис Уизли утёрла лицо передником, а Фред, Джордж и Джинни пустились вприпрыжку, исполняя какой-то воинственный танец и скандируя при этом: *«У него всё получилось, у него всё получилось...»*

– Прекратите! Успокойтесь! – прикрикнул на них мистер Уизли, хотя сам тоже улыбался. – Сириус, слушай, в Министерстве был Люциус Малфой...

– Что? – насторожился Сириус.

«...У него всё получилось, у него всё получилось...»

– Да замолчите, вы, трое! Ага, мы видели, как он разговаривал с Фаджем на Девятом уровне, а потом они вместе пошли к Фаджу в кабинет. Нужно сообщить об этом Дамблдору.

– Безусловно, – кивнул Сириус, – мы скажем ему, не переживай.

– Хорошо, тогда мне пора, потому что в Бетнал-Грине меня ждёт извержение туалета. Молли, я опоздаю, буду прикрывать Тонкс, но на ужин может заглянуть Кингсли...

«...У него всё получилось, у него всё получилось...»

– Прекратите, Фред-Джордж-Джинни! – воскликнула миссис Уизли, когда мистер Уизли вышел из кухни. – Гарри, дорогой, давай садись, будем обедать, ты ведь так плохо позавтракал...

Рон и Гермиона сели напротив Гарри с ещё более счастливым видом, чем тогда, когда он приехал на площадь Гриммолд, и его легкомысленное облегчение, которое слегка подпортила встреча с Люциусом Малфоем, сейчас разыграло опять. Даже мрачный дом показался теплее и приветливее; даже Кричер выглядел не таким уродливым, когда засунул свой хобот-нос в кухню, чтобы определить источник шума.

– Конечно, раз за тебя вступился Дамблдор, у них не осталось никаких шансов признать тебя виновным! – радостно воскликнул Рон, ложкой накладывая всем в тарелки огромные горы картофельного пюре.

– Ага, он обернул дело в мою пользу, – подтвердил Гарри.

И почувствовал, что сетовать, мол, «жаль, он не поговорил со мной или *не посмотрел* на меня» – будет неблагодарно и даже по-детски.

Как только Гарри об этом подумал, шрам вдруг так сильно заболел, что он с размаху хлопнул себя по лбу.

– Что случилось? – встревоженно спросила Гермиона.

– Шрам, – пробормотал Гарри, – да ерунда... сейчас это постоянно происходит...

Кроме Гермионы никто ничего не заметил: все накладывали себе еду, подхихикивая над способностью Гарри пролезть в любую дырку; Фред, Джордж и Джинни без умолку распевали. Гермиона забеспокоилась, но не успела она что-нибудь сказать, как Рон радостно воскликнул:

– Держу пари, Дамблдор приедет сегодня вечером отпраздновать с нами, вот увидите!

– Сомневаюсь, что он придет, Рон, – заметила миссис Уизли, ставя перед Гарри огромное блюдо жареных цыплят. – Он действительно сейчас очень занят.

«У НЕГО ВСЁ ПОЛУЧИЛОСЬ, У НЕГО ВСЁ ПОЛУЧИЛОСЬ, У НЕГО ВСЁ ПОЛУЧИЛОСЬ».

– МОЛЧАТЬ! – гаркнула миссис Уизли.

* * *

Через несколько дней Гарри не мог не заметить, что кое-кому в доме 12 на площади Гриммолд его возвращение в Хогвартс радости не доставляет. Сириус продемонстрировал бурный восторг при первом известии, пожимая Гарри руку и сияя точно так же, как и все остальные. Однако вскоре стал ещё угрюмее и мрачнее, чем обычно, ни с кем не разговаривал, даже с Гарри, и всё больше времени стал проводить, запершись в комнате матери, с Брыклявом.

– Не чувствуй себя виноватым, – пару дней спустя безжалостно заявила Гермиона, когда ребята втроем отскабливали заплесневелый буфет на четвёртом этаже, и Гарри поделился своими сомнениями. – Твоя судьба – Хогвартс, и Сириус знает это. По-моему, он эгоист.

– Полегче, Гермиона, – нахмурился Рон, отрывая кусок плесени, которая тут же прицепилась к его пальцу. – Ты бы и сама не захотела оставаться в этом доме в одиночку.

– Он же не один! – воскликнула Гермиона. – Это штаб Ордена Феникса, разве нет? Просто он рассчитывал, что Гарри сможет жить здесь вместе с ним.

– Мне так не кажется, – заметил Гарри, выжимая тряпку. – Когда я его спрашивал, можно ли мне будет здесь пожить, он ничего определённого не ответил.

– Он просто не хотел надеяться раньше времени, – мудро ответила Гермиона, – и, вполне возможно, он сам чувствует себя виноватым, потому что в глубине души надеялся, что тебя исключат. Тогда бы вы оба оказались изгнанниками, на пару.

– Да прекрати! – хором вскричали Гарри с Роном, но Гермиона только плечами пожала.

– Сами рассудите. Но лично мне иногда кажется, Рон, что твоя мама права, и Сириус запутался, кого видит перед собой – тебя ли, Гарри, или твоего отца.

– Ты что же, думаешь, он ненормальный? – вспыхнул Гарри.

– Нет, просто думаю, что он слишком долго был одинок, – искренне ответила Гермиона.

В этот момент в спальню вошла миссис Уизли.

– Вы ещё не закончили? – поинтересовалась она и сунула голову в буфет.

– Я-то думал, ты пришла, чтобы предложить нам сделать перерыв! – едко заметил Рон. – Знаешь, какую гору плесени мы отскребли с тех пор, как начали?

– Ты сам рвался помогать Ордену Феникса, – отрезала миссис Уизли. – Вот теперь можешь внести свою лепту и сделать Штаб пригодным для жилья.

– Я себя чувствую домовым эльфом, – проворчал Рон.

– Ага, теперь ты понимаешь, какую ужасную жизнь они ведут, может и РВОНЭ для тебя важнее будет! – воодушевлённо воскликнула Гермиона, когда миссис Уизли вышла. – Знаете, а пожалуй неплохо было бы показать людям, как ужасно с утра до ночи заниматься

уборкой... может устроим благотворительную акцию по уборке гриффиндорской гостиной, а все пожертвования – в РВОТЭ? Это здорово поднимет наш авторитет.

– Я лучше пожертвую на то, чтоб ты заткнулась вместе со своей рвотой, – раздражённо пробормотал Рон так, что его мог слышать только Гарри.

* * *

Каникулы подходили к концу, и Гарри мечтал о Хогвартсе всё больше и больше. Он не мог дождаться, когда же, наконец, увидит Хагрида, поиграет в квиддич, даже когда начнёт заниматься растениями в теплицах гербологии – уже ради того, чтобы уехать из этого пыльного, заплесневелого дома, в котором ещё половина шкафов крепко-накрепко заперта, а Кричер, стоит пройти мимо, хрипит оскорбления из тёмных углов, хотя Гарри предусмотрительно ни на что не жаловался, если поблизости был Сириус.

На самом деле жизнь в Штабе антиволдемортовского движения была не такой уж увлекательной или захватывающей, как Гарри представлялось прежде, чем довелось испытать её на себе. Хотя члены Ордена Феникса заезжали и заходили регулярно, иногда оставаясь на ужин, иногда ради нескольких минут беседы, но миссис Уизли тщательно следила за тем, чтобы и Гарри, и все остальные находились вне зоны слышимости (как Ушлой, так и нормальной), и, похоже, никто, даже Сириус, не считал, что Гарри следует знать что-нибудь помимо сказанного в ночь приезда.

В самый последний день каникул Гарри, стоя на стуле, убирал помёт Хэдвиг с верха платяного шкафа, и тут в спальню вошёл Рон, держа в руках несколько конвертов.

– Пришли списки книг, – он бросил Гарри один из конвертов. – Я уже решил, что про нас забыли, обычно куда раньше присылают...

Гарри смёл остатки помёта в мусорный мешок и поверх Роновой головы бросил его в корзину для бумаг, стоящую в углу. Корзина заглотила мешок и громко рыгнула. Затем он открыл конверт. Внутри оказалось два листа пергамента: на одном – обычное уведомление о том, что учебный год начинается первого сентября, на другом – список книг, которые понадобятся в следующем учебном году.

– Всего два новых учебника, – заметил он, прочтя список, – «Стандартная книга заклинаний, уровень 5» Миранды Госхок⁷⁵ и «Теория магической обороны» Уилберта Слинкхарда.⁷⁶

Хлоп.

Прямо рядом с Гарри аппарировали Фред и Джордж. За всё время Гарри к подобному уже настолько привык, что даже не упал со стула.

⁷⁵ 1 Miranda Goshawk (Миранда – героиня «Бури» Шекспира; goshawk – ястреб-тетеревятник)

⁷⁶ 2 Wilbert Slinkhard (от нем. wil "воля, желание" + berht "ясный, известный"; slink – красться; hard – суровый, жесткий)

– Мы как раз гадали, кто же предложил учебник Слинкхарда, – присоединился к беседе Фред.

– Значит, Дамблдор нашёл нового преподавателя по защите от Тёмных искусств, – добавил Джордж.

– Однако, вовремя, – заметил Фред.

– В каком смысле? – Гарри спрыгнул со стула.

– Ну, мы несколько недель назад Ушлыми Ушами подслушивали маму с папой, – пояснил Фред Гарри. – Из их разговоров поняли, что в этом году у Дамблдора были большие проблемы с тем, чтобы найти кого-нибудь на эту работу.

– Не удивительно, если учесть, что случилось с последними четырьмя, – заметил Джордж.

– Одного выгнали, другой покойник, ещё у одного с головой не в порядке, и ещё один просидел девять месяцев в сундуке, – Гарри считал, загибая пальцы. – Ага, понятно.

– Рон, что с тобой? – осведомился Фред.

Рон ничего не ответил. Гарри оглянулся. Рон стоял с полуоткрытым ртом, глядя на письмо из Хогвартса.

– В чём дело? – нетерпеливо спросил Фред, подошёл к Рону и заглянул в пергамент через его плечо.

Рот у Фреда открылся ещё шире, чем у младшего брата.

– Префект? – он недоверчиво смотрел на письмо. – *Префект?*

Джордж подскочил, схватил конверт Рона и перевернул его вверх ногами. Гарри увидел, как оттуда в ладонь Джорджа выпало что-то алое с золотым.

– Только не это... – тихо выдавил Джордж.

– Это ошибка, – Фред выхватил письмо у Рона и посмотрел на свет, словно ища водяные знаки. – Да никто в здравом уме не назначит Рона префектом!

Близнецы одновременно кивнули и повернулись к Гарри.

– Мы думали, это будешь ты! – воскликнул Фред таким тоном, словно Гарри их надул.

– Мы думали, Дамблдор *обязан* выбрать тебя! – негодуяще добавил Джордж.

– За победу в Тримагическом Турнире и за всё остальное! – продолжил Фред.

– Похоже, все его проделки ему даром не прошли, – заметил Джордж Фреду.

– Ага, – протянул Фред, – да уж, слишком много проблем ты причинил, парень. Ладно, отрадно то, что хоть один из вас по кривой дорожке не пошёл.

Он шагнул к Гарри, похлопал его по спине и одарил Рона испепеляющим взглядом.

– *Префект* ... крошка Ронни – префект.

– Ох, противно даже подумать, какой сейчас будет мама! – простонал Джордж, всовывая Рону обратно значок префекта с таким видом, словно боялся испачкаться.

Рон, который пока ещё не произнёс ни слова, взял значок, посмотрел на него, а потом протянул Гарри, словно молчаливо испрашивая подтверждения его подлинности. Гарри посмотрел. Сверху на гриффиндорском льве крепилась большая буква «П». Точно такой же значок Гарри видел на груди у Пёрси в тот день, когда первый раз приехал в Хогвартс.

Дверь распахнулась. В комнату ворвалась Гермиона, щёки у нее пылали, волосы разметались в разные стороны. В руках она держала конверт.

– Ты... ты получил?..

Она заметила значок в руках Гарри и воскликнула:

– Я так и знала! – и взволнованно затрясла своим письмом. – Я тоже, Гарри, я тоже!

– Нет! – поспешно возразил Гарри и сунул значок Рону в руку. – Это Рон, а не я.

– ...Что?

– Рон префект, а не я, – повторил Гарри.

– *Рон?* – с вытянувшимся лицом уточнила Гермиона. – Но... Ты уверен? То есть, я имею в виду...

Рон выразительно посмотрел на неё, и Гермиона покраснела.

– На письме моё имя, – заметил Рон.

– Я... – в полном недоумении начала Гермиона, – я... ну да... ого! Это же замечательно! Это, в самом деле...

– Неожиданно, – кивнув, закончил за неё Джордж.

– Нет... – Гермиона покраснела, как никогда раньше, – это не... Рон сделал столько... Он и правда...

Дверь за её спиной отворилась шире, и в комнату вошла миссис Уизли, неся грудку свежестыранной одежды.

– Джинни сказала, что наконец-то пришли списки книг, – она бросила взгляд на конверты в руках у всех, потом подошла к кровати и стала рассортировывать одежду на две кучки. – Если вы мне дадите ваши списки, то днём я поеду в Косой переулок⁷⁷ и куплю вам книги, пока вы тут будете вещи упаковывать. Рон, мне нужно купить тебе новую пижаму, старая по крайней мере на шесть дюймов короче, чем надо, не могу поверить, что ты так быстро растёшь... какого цвета ты хочешь?

– Купи ему красную с золотом под цвет значка, – ухмыльнулся Джордж.

– Под цвет чего? – рассеянно переспросила миссис Уизли, сворачивая пару бордовых носков и складывая в Ронову кучку.

– Под цвет *значка*, – пояснил Фред с убитым видом. – Его чудного, блестящего, новенького *значка префекта*.

Словам Фреда понадобилась целая минута, чтобы проникнуть в разум миссис Уизли, занятый пижамой.

– Он... но... Рон, ты не?..

Рон показал значок.

Миссис Уизли издала такой же звук, как и Гермиона.

– Не может быть! Неужели! О, Рон, ну какое чудо! Префект! Как и все в семье!

– А мы с Фредом что, просто соседи? – негодуя спросил у матери Джордж, но та не обратила внимания и бросилась обнимать младшего сына.

⁷⁷ 3 Diagon Alley

– Ещё отец не знает! Рон, я так горжусь тобой, какие чудесные новости, ты можешь стать старостой школы,⁷⁸ так же, как и Билл, и Пёрси, это только первый шаг! Крутом одни проблемы, а тут такая приятная новость, я так взволнована, ох, *Ронни*...

Фред с Джорджем за её спиной продемонстрировали, как их тошнит, но миссис Уизли, ничего не замечая, обхватила Рона за шею и расцеловывала так, что лицо его стало ярче, чем значок.

– Мама... не надо... Мама, отпусти... – бормотал Рон, пробуя вырваться из её объятий.

Миссис Уизли выпустила его, перевела дыхание и спросила:

– Ну, что бы ты хотел? Мы дарили Пёрси сову, но у тебя она и так есть...

– Что ты имеешь в виду? – не веря своим ушам, переспросил Рон.

– Ну ты же должен получить премию за это! – ласково пояснила миссис Уизли, – может быть тебе новые мантии купить?

– Мы уже купили ему мантию, – кисло заметил Фред с таким выражением, словно искренне сожалел о подобной щедрости.

– Может быть новый котёл? Старый котёл Чарли уже проржавел. Или новую крысу? Ты ведь всегда любил Користика...

– Мама... – затаив дыхание, произнёс Рон, – а можно мне новую метлу?

Лицо миссис Уизли несколько вытянулось: метлы стоили очень дорого.

– Не самую лучшую! – поспешно добавил Рон. – Просто... просто новую, взамен...

Миссис Уизли заколебалась, но потом улыбнулась.

– *Конечно* ... ладно, мне пора идти, раз мне ещё и метлу покупать. Увидимся позже... Ах, мой маленький Ронни – префект! И не забудьте сложить свои сундуки!.. Ох, я вся дрожу...

Она ещё раз чмокнула Рона в щёку, громко вздохнула и торопливо вышла из комнаты.

Фред и Джордж переглянулись.

– Рон, не возражаешь, если мы не будем тебя целовать? – фальшиво озабоченным голосом спросил Фред.

– Мы можем сделать тебе реверанс, если хочешь, – добавил Джордж.

– Да заткнитесь вы, – нахмурился Рон.

– Или что? – спросил Фред и расплылся в едкой усмешке. – Взыскание на нас наложишь?

– Хотел бы я посмотреть на это, – хихикнул Джордж.

– Если вы не успокоитесь, он так и сделает, – сердито сказала Гермиона.

Фред и Джордж расхохотались. Рон пробормотал:

– Брось, Гермиона.

– Теперь, Джордж, нам придётся следить за каждым своим шагом, – проговорил Фред, деланно трясясь от страха. – Главное, их тут ещё и двое...

– Да, похоже, наши вольные денёчки сочтены, – покачав головой, добавил Джордж.

И с громким «*хлоп*» оба дезаппарировали.

– Ну, эти двое! – возмущённо воскликнула Гермиона, подняв голову к потолку, откуда теперь доносился хохот Фреда и Джорджа, покатывающиеся со смеху в комнате этажом выше. – Не обращай внимания, Рон, они просто завидуют!

– Не думаю, – с сомнением ответил Рон, тоже глядя на потолок, – они всегда говорили, что префектами становятся только идиоты... но зато, – добавил он себе в утешение, – у них никогда не было новых мётел! Жаль, что я не могу пойти вместе с мамой, чтобы выбрать... «Нимбус» она, конечно, ни за что не купит, но сейчас есть новый «Чистомёт»,⁷⁹ это было бы здорово... да, точно, пойду скажу ей, что мне нравится «Чистомёт», чтоб она знала...

Он выскочил из комнаты, оставив Гарри наедине с Гермионой.

Почему-то Гарри не хотелось смотреть в глаза Гермионе. Он повернулся к кровати, взял кучу своей одежды, которую там оставила миссис Уизли, и пошёл к сундуку.

– Гарри? – осторожно позвала Гермиона.

– Всё в порядке, Гермиона, – так приветливо ответил Гарри, что даже не узнал своего голоса. – Великолепно. Префект. Здорово.

– Спасибо, – выдавила Гермиона. – Э-э... Гарри... можно мне взять Хэдвиг, чтобы папе с мамой сообщить новость? Они будут так рады... в смысле, *префект* – это то, что им будет понятно.

– Угу, конечно, – подтвердил Гарри, по-прежнему не узнавая свой пугающе приветливый голос. – Конечно, бери!

Пока Гермиона подходила к шкафу и звала Хэдвиг, он открыл сундук, сложил одежду на дно и стал делать вид, будто ищет там что-то. Через некоторое время Гарри услышал, как хлопнула дверь, но не стал разгибаться, прислушиваясь: слышно было только, как опять хихикает чистый холст на стене и корзина для бумаг в углу давится птичьим помётом.

Он выпрямился и оглянулся. Гермиона ушла вместе с Хэдвиг. Гарри быстро подошёл к двери, закрыл её, а потом медленно добрёл до кровати, лёг и невидящим взором уставился на ножки шкафа.

Занятый своими проблемами, он и забыл, что к пятому курсу выбирают префектов. У него совершенно вылетел из головы тот факт, что у значков появятся определённые обладатели. А если бы помнил... если бы думал... то чего бы ждал?

«*Не этого*», – откровенно ответил внутренний голос в его голове.

Гарри поморщился и закрыл лицо руками. Самого себя не обманешь: если бы думал о значке префекта, то ждал бы, что значок достанется ему самому, а не Рону. Раз у него такие мысли, значит, он такой же высокомерный, как Дрэйко Малфой? «*Думаешь, что ты лучше всех? Считаешь, что ты лучше Рона?*»

«*Нет, не считаю*», – с вызовом ответил внутренний голос.

Это правда? Гарри хотел разобраться в своих чувствах.

«*Я лучше в квиддиче*», – сказал внутренний голос. – *Но больше ни в чём*».

⁷⁹ 6 Cleansweep ("clean sweep" – полная победа, полная перемена; clean – чистый; sweep – подметать, мести)

Всё верно, решил Гарри. Он учился не лучше, чем Рон. Но как же жизненный опыт? Что насчёт приключений, в которые он, Рон и Гермиона попадали вместе, с самого начала обучения в Хогвартсе, подчас рискуя гораздо большим, нежели просто исключением из школы?

«Ну да, Рон и Гермиона почти всегда были рядом», — напомнил внутренний голос.

Нет, не всегда, спорил сам с собой Гарри. Они вместе со мной не дрались с Квирреллом. Они не встречались с Риддлом и василиском. Они не прогоняли дементоров в ту ночь, когда сбежал Сириус. Они не были со мной на кладбище в ту ночь, когда вернулся Волдеморт...

И опять вернулось ощущение несправедливости происходящего, которое одолело его в ночь приезда сюда. «Конечно, я сделала больше», — с возмущением думал Гарри. — «Больше, чем любой из них!»

«Но может быть», — заметил справедливый внутренний голос, — *«может быть, Дамблдор не назначает prefectов за то, что они умеют выпутываться из сложных ситуаций... может быть у него другие критерии... Что такого сделал Рон, чего не сделал ты сам?..»*

Гарри открыл глаза и сквозь пальцы стал разглядывать ножки платяного шкафа, похожие на когтистые лапы. Он вспомнил, как Фред сказал: «Никто в здравом уме не сделал бы Рона prefectом...»

Гарри фыркнул от смеха. И тут же почувствовал отвращение к себе.

Рон не просил Дамблдора дать ему значок prefectа. Это не вина Рона. Это его, Гарри, вина, что не получив значка, от злости, вместе с близнецами смеётся за спиной своего лучшего друга, который впервые в чём-то его превзошёл.

В этот момент с лестницы донеслись шаги Рона. Гарри вскочил, надел очки и нацепил улыбку как раз в тот момент, когда Рон открыл дверь.

— Еле успел! — со счастливым видом сообщил Рон. — Она сказала, что если сможет, то купит «Чистомёт».

— Классно, — ответил Гарри и с облегчением услышал, что его голос перестал звучать с фальшивой приветливостью. — Рон... слушай... ты молодец, приятель.

С лица Рона сползла улыбка.

— Мне никогда и в голову не приходило, что это буду я! — покачал он головой. — Я думал, что это будешь ты!

— Не-а, от меня слишком много проблем, — повторил Гарри мысль Фреда.

— Ну да, — согласился Рон, — пожалуй... ладно, нам нужно сундуки собирать, да?

Удивительно, как разбежались их вещи со времени приезда сюда. Потребовался почти целый день, чтобы собрать одежду и книги, разбросанные по всему дому, и сложить их в школьные сундуки. Гарри заметил, что Рон таскал свой значок prefectа повсюду, сначала положил на ночной столик, потом сунул в карман джинсов, потом вынул и положил сверху на сложенную одежду, словно чтобы посмотреть, как будет выглядеть красное на чёрном. Только когда пришли Фред с Джорджем и предложили ему повесить значок на лоб с помощью чар Перманентного Приклеивания, он, наконец, трепетно завернул значок в свой бордовый носок и запер в сундуке.

Миссис Уизли вернулась с Косого переулка около шести вечера, нагруженная книгами и с длинным пакетом, завернутым в плотную обёрточную бумагу, который Рон с плотоядным стоном тут же у неё забрал.

— И не вздумай сейчас разворачивать, люди приехали на ужин и ждут тебя внизу, — распорядилась она, но как только скрылась, Рон очертя голову сорвал бумагу и с выражением экстаза на лице стал исследовать каждый дюйм своей новой метлы.

Внизу, в подвале, над обильно накрытым обеденным столом, миссис Уизли повесила красный транспарант, на котором было написано:

ПОЗДРАВЛЯЕМ

НОВЫХ ПРЕФЕКТОВ

РОНА И ГЕРМИОНУ

Она была в самом лучшем расположении духа с тех пор, как Гарри увидел её здесь.

— По-моему, лучше устроить фуршет, а не садиться за стол, — объявила она, как только все ребята появились на кухне. — Рон! Папа и Билл скоро будут. Я им обоим послала сов, и они *в восторге*, — просияв, добавила она.

Фред закатил глаза.

Сириус, Люпин, Тонкс и Кингсли Шаклболт уже ждали, а едва Гарри успел глотнуть сливочного пива, простучал протез Муди.

— Ах, Аластор, я так рада тебя видеть! — громко воскликнула миссис Уизли, пока Безумный Глаз снимал свой дорожный плащ. — Мы уже целую вечность хотим тебя попросить, может, ты взглянешь на письменный стол в гостиной и подскажешь, что у него внутри? Не хотелось бы открывать его, вдруг там и, правда, какая-нибудь мерзость.

— Без проблем, Молли...

Ярко-синий глаз Муди развернулся вверх и стал пристально изучать потолок кухни.

— Гостиная... — проворчал он, и зрачок глаза сузился, — письменный стол в углу? Ага, я вижу... да, это богарт... ну что, Молли, хочешь, я схожу наверх и с ним разделаюсь?

— Нет, нет, я сама разберусь, попозже, — обрадовалась миссис Уизли. — Ты располагайся. На самом деле у нас тут небольшой праздник... — она показала на красный транспарант: — Четвёртый префект в семье! — пояснила она, нежно погладив Рона по голове.

— Эге, префект? — прорычал Муди.

Его нормальный глаз смотрел на Рона, а магический развернулся и уставился внутрь головы. У Гарри возникло очень неприятное чувство, что тот смотрит на него, и он отошёл к Сириусу и Люпину.

— Ну, поздравляю, — Муди всё ещё рассматривал Рона нормальным глазом. — Авторитетные личности всегда притягивают к себе неприятности, видно Дамблдор считает, что ты сможешь справиться с самыми серьёзными проклятиями, иначе бы не назначил тебя...

Рона такой поворот темы даже испугал, но от необходимости отвечать его избавило появление отца и старшего брата. Миссис Уизли была в таком хорошем настроении, что

даже не возражала против Мундунгуса, которого они привели с собой. Мундунгус был одет в длинное пальто, неравномерно оттопыривающееся в неожиданных местах, и категорически отказывался снять его и повесить вместе с дорожным плащом Муди.

– Ну вот, похоже, пора сказать тост, – поднял кубок мистер Уизли, когда всем было налито. – За новых префектов Рона и Гермиону!

Рон и Гермиона просияли; все выпили за их здоровье, и заплодировали.

– Я вот никогда не была префектом, – громко заявила Тонкс, когда Гарри подошёл к столу, чтобы положить себе еды. Волосы Тонкс сегодня были ярко-рыжие, до пояса, и она была похожа на старшую сестру Джинни. – Наш глава Дома говорил, что мне не хватает некоторых необходимых для этого качеств.

– Каких именно? – спросила Джинни, накладывая себе варёный картофель.

– Способности оставаться самой собой, – ответила Тонкс.

Джинни рассмеялась; Гермиона засомневалась, улыбаться ли ей или нет, потом смутилась, отпила большой глоток сливочного пива и закашлялась.

– А ты, Сириус? – спросила Джинни, хлопая Гермиону по спине.

Сириус, стоявший рядом с Гарри, рассмеялся своим обычным лающим смехом:

– Меня бы никто не назначил префектом, я слишком много времени тратил на отработку взысканий вместе с Джеймсом. Вот Люпин был прилежным мальчиком, он и получил значок.

– По-моему, Дамблдор рассчитывал, что я смогу положительно повлиять на своих лучших друзей, – заметил Люпин. – Должен признать, что в этом я позорно провалился.

У Гарри внезапно поднялось настроение. Его отец тоже не был префектом. Вечеринка вдруг показалась куда приятнее; он наполнил свою тарелку, ощущая прилив любви к близким.

Рон направо и налево расписывал достоинства своей метлы:

– ...С места до семидесяти миль за десять секунд, неплохо, да? Если учесть, что «Метеор-290» всего до шестидесяти... а если ещё с хорошим попутным ветром, как пишут в «Ведь метле»...

Гермиона очень добросовестно излагала Люпину права домовых эльфов:

– Это ведь такая же глупость, как изоляция оборотней, разве нет? Всему виной те колдуны, которые считают, что они лучше, чем все прочие создания...

Миссис Уизли и Билл вели привычный спор по поводу волос Билла.

– ...Совсем запущено, и тебе гораздо больше пойдёт, если они у тебя будут покороче, правда, Гарри?

– Ээ... не знаю... – оттого, что у него спрашивают совета, Гарри смутился и отошёл подальше, к Фреду и Джорджу, которые забились в угол с Мундунгусом.

Заметив подходившего Гарри, Мундунгус сразу замолчал, но Фред подмигнул и позвал Гарри поближе.

– Всё в порядке, ему можно доверять, – объяснил он Мундунгусу. – Он наш спонсор.

– Погляди, что Гнус нам принёс, – шепнул Джордж, протягивая к Гарри руку.

На ладони лежало нечто, напоминающее сухие чёрные стручки. Они не шевелились, но изнутри доносилось слабое погромыхивание.

– Это семена ядовитой тентакулы,⁸⁰ – пояснил Джордж. – Они нам нужны для Прелестей Прогульщика, но относятся к Запрещённым к продаже по классу «В», так что достать их ой как не просто.

– Десять галлеонов за всё, Гнус? – предложил Фред.

– Да вы чё, не поняли, как муторно их раздобыть? – буркнул Мундунгус, у него даже заплывшие, налитые кровью глаза выкатились. – Извиняйте, парни, но от двадцатки я ни ната не уступаю.

– Гнус любит поприкалываться, – заметил Фред Гарри.

– Ага, лучшим приколом был мешок иголок свия⁸¹ за шесть сиклей, – отозвался Джордж.

– Поосторожней, – тихо предупредил их Гарри.

– А что? – удивился Фред. – Мама воркует над Ронни-префектом, так что всё в порядке.

– Но Муди своим глазом может вас заметить, – пояснил Гарри.

Мундунгус нервно посмотрел через его плечо.

– Ладно, по рукам, – проворчал он. – Давай за десятку, если прям счас.

– Гарри, браво! – восхищённо отметил Фред, когда Мундунгус опустошил карманы в руки близнецов и отправился к еде. – Отнесём-ка мы их наверх...

Гарри посмотрел им вслед, и ему стало неловко. До него только что дошло, как могут отреагировать мистер и миссис Уизли, если прознают, кто финансировал потешную лавку, а ведь рано или поздно это выплывет наружу. В своё время он без всякой задней мысли отдал свой выигрыш в Тримагическом Турнире близнецам, но вдруг это приведёт к очередной семейной ссоре и разрыву отношений, как с Пёрси? Будет ли миссис Уизли по-прежнему относиться к Гарри, как к родному сыну, если выяснится, что он обеспечил Фреду с Джорджем возможность заниматься совершенно негодным с её точки зрения делом?

Под грузом вины Гарри остался в одиночестве стоять там, где расстался с близнецами, и вдруг услышал своё имя. Низкий голос Кингсли Шаклболта был слышен даже среди окружающей болтовни.

– ...Почему Дамблдор не сделал префектом Поттера? – спрашивал Кингсли.

– У него были на то причины, – ответил ему Люпин.

– Но если бы сделал, это доказало бы, что Поттеру можно верить. Я бы так и поступил, – упорствовал Кингсли, – особенно когда «Ежедневный пророк» каждые несколько дней прохаживается по его персоне...

Гарри не оглядывался – ему не хотелось, чтобы Люпин или Кингсли поняли, что он их слышал. Хоть и не голодный, он пошёл вслед за Мундунгусом к столу. Удовольствие от

⁸⁰ 7 Venomous Tentacula (ядовитое растение, растёт в т. ч. в теплицах Хогвартса; tentacle – щупальце)

⁸¹ 8 knarl (существо, похожее на ежа; портит огороды, если подозревает, что его хотят заманить в ловушку; knarl – нарост на дереве, свиль)

вечеринки испарилось так же быстро, как и возникло, и захотелось очутиться наверху, в своей кровати.

Безумный Глаз Муди понюхал куриную ножку остатками своего носа и, видимо не обнаружив следов яда, оторвал зубами кусок мяса.

— ...Ручка сделана из испанского дуба, лакировка с противопорчей и встроенный контроль вибрации, — рассказывал Рон Тонкс.

Миссис Уизли широко зевнула.

— Я пойду, пожалуй, разберусь с этим боггартом перед сном... Артур, мне бы не хотелось, чтобы вы засиживались допоздна, хорошо? Гарри, милый, спокойной ночи.

Она вышла из кухни. Гарри поставил тарелку, и подумал, не удастся ли ему уйти за ней следом, не привлекая внимания.

— У тебя всё в порядке, Поттер? — рыкнул Муди.

— Да, всё хорошо, — солгал Гарри.

Муди сделал большой глоток из плоской фляжки и ярко-синим глазом искоса уставился на Гарри.

— Идика сюда, у меня есть для тебя кое-что интересное, — позвал он.

Из внутреннего кармана Муди достал совсем истрёпанную, старую магическую фотографию.

— Это первый состав Ордена Феникса, — пророкотал он. — Нашёл вчера вечером, пока запасной плащ-невидимку искал, потому как Подмор не соизволил мне основной вернуть... и подумал, что людям интересно будет посмотреть.

Гарри взял фотографию. Небольшая группа людей смотрела на него, некоторые махали руками, некоторые поднимали вверх бокалы.

— Вот я, — сказал Муди, совершенно излишне тыкая в себя пальцем. На фотографии его можно было узнать безошибочно, хотя волосы были не такими седыми, а нос ещё целым. — Вот рядом со мной Дамблдор, с другой стороны Дедалус Диггл... Это Марлен Маккиннон,⁸² её убили спустя две недели после того, как была сделана фотография, всю семью уничтожили... Это Френк и Элис Лонгботтомы...⁸³

У Гарри, и без того грустного, свело внутри, когда он посмотрел на Элис Лонгботтом. Хотя он прежде никогда её не видел, но это круглое, дружелюбное лицо было ему хорошо знакомо, потому что сын Невилл был её точной копией.

— ...Бедные чертенята... — рыкнул Муди, — лучше уж смерть, чем то, что случилось с ними... Вот Эммелина Вэнс, ты её видел, ну и Люпин, само собой... Бенджи Фенвик,⁸⁴ его тоже схватили, мы потом нашли только куски от него... Ну-ка, посторонись-ка, — он ткнул в фотографию.

⁸² 9 Marlene McKinnon (шотл. "возлюбленный сын")

⁸³ 10 Frank and Alice Longbottom

⁸⁴ 11 Benjy Fenwick (от староангл. fenn «болото» & wiic "молочная ферма, хутор")

Фотографические человечки отшатнулись, и те, кого сначала было плохо видно, оказались впереди.

– Это Эдгар Боунс⁸⁵ ... брат Эмили Боунс, его семью тоже уничтожили, он был великим колдуном... Стёрджис Подмор, ишь ты, совсем молодой здесь... Карадок Диборн,⁸⁶ исчез шесть месяцев спустя, его тело мы так и не нашли... Хагрид, понятное дело, ничуть не меняется... Элфиас Дож, ты его видел, я и забыл, что у него была такая дурацкая шляпа... Гидеон Прюэтт,⁸⁷ пять Пожирателей Смерти понадобилось, чтобы его и брата его, Фабиана, убить... храбро сражались... Подвиньтесь, подвиньтесь...

Человечки на фотографии толкались и те, кто стоял на заднем плане, появлялись в первом ряду.

– Это брат Дамблдора Аберфорт,⁸⁸ я видел его только один раз, странный тип... Это Доркас Медоуз,⁸⁹ Волдеморт её собственноручно убил... Вот Сириус, у него тогда ещё короткие волосы были... и... вот, смотри, это то, что тебе будет интересно!

У Гарри сжалось сердце. Его мама и папа улыбались ему, сидя по обе стороны от низенького человечка с водянистыми глазками, в котором Гарри сразу узнал Прихвоста, того, кто предал его родителей, рассказал Волдеморту, где они, что и стало причиной их смерти.

– Ну?

Гарри взглянул в покалеченное, покрытое шрамами лицо Муди. Очевидно, Муди полагал, что доставил Гарри удовольствие.

– Ага, – Гарри опять попытался улыбнуться. – Ээ... знаете, я вспомнил, что не положил свой...

Мучительно придумывать, что именно он не упаковал в сундук, не пришлось. Подошёл Сириус:

– Что там у тебя, Безумный Глаз?

Муди повернулся к нему. Гарри прошёл через кухню, выскользнул за дверь и побежал по лестнице, прежде чем кто-нибудь успел позвать его обратно.

⁸⁵ 12 Edgar Bones (от староангл. eadgar "богатый, счастливый"; bone – кость; арестовывать)

⁸⁶ 13 Caradoc Dearborn (Caradoc, иначе Caractacus – саксонская королевская династия; dear – милый, дорогой; born – родившийся, прирожденный; dearborn – легкий четырёхколёсный экипаж)

⁸⁷ 14 Gideon and Fabian Prewett (Gideon (иуд.) – "с протезом"; Quintus Fabius Maximus – римский полководец, применявший тактику перестрелки; в период жизни Ролинг в Португалии, такую фамилию носила одна из её соседок)

⁸⁸ 15 Aberforth Dumbledore ("Aberforth Partners" – небольшая английская инвестиционная компания; aber (шотл.) "слияние (рек)"; forth – река; forth – вне, наружу; выше, сверх)

⁸⁹ 16 Dorcas Meadowes ("Dorcas" – название английского женского благотворительного общества для снабжения бедных одеждой; meadow – луг, низина)

Он не знал, что именно настолько потрясло его: фотографии родителей он и раньше видел, в конце концов, и Прихвоста встречал, но тут всё свалилось на него слишком неожиданно... никому бы такое не понравилось, – разгневно подумал он...

И, кроме того, видеть их в окружении таких счастливых лиц... Бенджи Фенвик, которого находили по частям, и Гидеон Прюэтт, который умер как герой, и Лонгботтомы, которых запытали до безумия... все радостно машут с фотографии, из вечности, не зная, что уже обречены... да, Муди это было интересно... но Гарри стало не по себе.

Гарри на цыпочках поднимался по лестнице из холла, мимо голов эльфов, радуясь, что, наконец, остался один, но когда уже почти добрался до второго этажа, услышал непонятный шум. В гостиной кто-то всхлипывал.

– Кто здесь? – спросил Гарри.

Никакого ответа не последовало, но рыдания продолжались. Перепрыгивая через две ступеньки, он взлетел на лестничную площадку и распахнул дверь гостиной.

Кто-то с палочкой в руке, сотрясаясь от рыданий, жался к тёмной стене. На пыльном старом ковре, в пятне лунного света лежал совершенно мёртвый Рон.

У Гарри перехватило дыхание; показалось, что пол уходит из под ног, мозг сковало леденящим холодом... Рон мёртв, нет, этого не может быть...

Через мгновение он понял, что этого действительно *не может быть* ... Рон остался внизу...

– Миссис Уизли, – прохрипел он.

– *Rriddikulus!* – миссис Уизли, рыдая, наставила дрожащую палочку на тело Рона.

Щёлк.

Тело Рона превратилось в тело Билла, распластанное на спине, с широко открытыми, пустыми глазами. Миссис Уизли зарыдала ещё громче.

– *Rriddikulus!* – всхлипнула она.

Щёлк.

Тело Билла сменилось телом мистера Уизли; по лицу, с криво висевшими очками, сбегала струйка крови.

– Нет! – застонала миссис Уизли. – Нет... *Riddikulus! Riddikulus! RIDDIKULUS!*

Щёлк. Мёртвые близнецы. *Щёлк.* Мёртвый Пёрси. *Щёлк.* Мёртвый Гарри...

Миссис Уизли, уходите отсюда! – закричал Гарри, глядя вниз, на собственный труп. – Пусть кто-нибудь другой...

– Что случилось?

В гостиную ворвался Люпин, за ним Сириус, следом хромал Муди. Люпин перевёл глаза с миссис Уизли на мёртвого Гарри на полу, и сразу же всё понял. Выхватив палочку, он очень твёрдо и внятно сказал:

– *Riddikulus!*

Тело Гарри исчезло. Над тем местом, где оно лежало, повис серебристый шар. Люпин взмахнул палочкой, и шар растаял дымным облачком.

– Ой-йо-ой! – захлебнулась миссис Уизли, и, пряча лицо в руках, забилась в истерике.

– Молли, – сурово окликнул Люпин и подошёл к ней. – Молли, не надо...

В следующую секунду она уже рыдала на плече у Люпина.

– Молли, это был просто боггарт, – успокаивал её Люпин, глядя по голове. – Просто дурацкий боггарт...

– Я всё время вижу их м-м-мёртвыми! – всхлипывала ему в плечо миссис Уизли. – Всё в-в-время! М-м-мне это сн-и-тся...

Сириус неподвижно смотрел на то место на ковре, где был боггарт, притворявшийся трупом Гарри. Муди взглянул на Гарри, тот постарался избежать его пристального взгляда. У него было странное чувство, словно магический глаз Муди следил за ним неотступно, с тех пор, как он вышел из кухни.

– Н-не говори Артуру! – сглатывала миссис Уизли, вытирая слёзы рукавом. – Я н-не хочу, чтобы он знал... это глу-упо...

Люпин дал ей носовой платок, она высморкалась.

– Гарри, мне так жаль. Что ты обо мне подумаешь? – всё ещё вздрагивая, всхлипнула она. – Даже от боггарта избавиться не могу...

– Да что вы, – пробуя улыбнуться, успокоил её Гарри.

– Я так... на-амучилась, – выдавила она, и на глазах у неё опять показались слёзы, – половина се-емьи в Ордене, будет чу-удо, если все выживут... и П-Пёрси с нами не общается... вдруг что у-ужасное слу-учится, и мы никогда не по-омиримся с ним? А если что случится с Артуром, и меня убьют, кто при-исмотрит за Роном и Джинни?

– Молли, довольно, – твёрдо сказал Люпин. – Сейчас не старые времена. Орден лучше подготовлен, мы их опережаем, мы знаем, что Волдеморт вернулся...

Миссис Уизли коротко испуганно всхлипнула при звуке этого имени.

– Ох, Молли, ну что ты, пора уже привыкнуть слышать его имя... Слушай, я не могу тебе обещать, что никто не пострадает, и никто не сможет тебе такого пообещать, но сейчас мы намного сильнее, чем прежде. Ты тогда не была в Ордене, ты не знаешь... Тогда нас было в двадцать раз меньше, чем Пожирателей Смерти, и они отстреливали нас одного за другим...

Гарри опять вспомнил фотографию, сияющие лица родителей. Он чувствовал, что Муди по-прежнему наблюдает за ним.

– Не переживай из-за Пёрси, – резко сказал Сириус, – он вернётся. Это только вопрос времени – до тех пор, пока Волдеморт не начнёт действовать в открытую. Стоит ему начать, и всё Министерство прибежит вымаливать у нас прощение. И я не уверен, что приму их извинения, – с горечью добавил он.

– А насчёт того, кто позаботится о Роне и Джинни, если вы с Артуром умрёте, – слабо улыбнувшись, добавил Люпин, – неужели ты думаешь, что мы оставим их умирать с голоду?

Миссис Уизли, дрожа, улыбнулась.

– Я глупая, – опять пробормотала она, вытирая глаза.

Но минут десять спустя, закрывая за собой дверь спальни, Гарри вовсе не считал миссис Уизли глупой. Перед глазами у него по-прежнему стояли родители, улыбаясь ему со старой, рваной фотографии и не догадываясь, что их жизни, как и жизни многих других на том снимке, уже подходили к концу. И не выходил из головы боггарт, по очереди изображающий всех членов семьи Уизли.

Внезапно шрам на лбу снова раскололся от боли, к горлу подступила тошнота.

– Хватит, – твёрдо сказал он и потёр шрам, после чего боль отступила.

– Первый признак безумия – разговаривать с собственной головой, – раздался коварный голос с чистого холста на стене.

Гарри пропустил замечание мимо ушей.

Он вдруг почувствовал себя намного старше, чем когда-либо в жизни, и показалось невероятным, что всего час назад его волновала потешная лавка и значок префекта.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЛУ́НА ЛАВГУД⁹⁰

Спал Гарри очень беспокойно. В его снах появлялись и исчезали родители, не говоря ни слова, миссис Уизли причитала над трупом Кричера, за ней следили Рон и Гермиона, с коронами на головах, а Гарри снова и снова блуждал по коридору, который заканчивался запертой дверью. Он резко проснулся от боли в шраме и обнаружил, что Рон уже одет и разговаривает с ним:

– ...Ты бы поспешил, мама рвёт и мечет, говорит, что мы опаздываем на поезд...

В доме царил суматоха. Из того, что Гарри услышал, пока одевался с огромной скоростью, выяснилось, что Фред и Джордж заколдовали свои сундуки, чтобы не нести их и чтобы те сами слетели вниз по лестнице, и в результате сундуки по дороге лоб в лоб столкнулись с Джинни и протащили её два пролета вниз, прямо в холл. Теперь миссис Блэк и миссис Уизли на два голоса дружно орал:

– ...ВЫ ЖЕ МОГЛИ ЕЁ ПОКАЛЕЧИТЬ, ИДИОТЫ...

– ...МЕРЗКИЕ УБЛЮДКИ, ОСКВЕРНИТЕЛИ ДОМА МОИХ ПРЕДКОВ...

Взволнованная Гермиона забежала в комнату в тот момент, когда Гарри натягивал кроссовки. На её плече раскачивалась Хэдвиг, а в руках извивался Косолап.

– Мама с папой только-только прислали Хэдвиг назад! – сова взмахнула крыльями и приземлилась на свою клетку. – Ты уже готов?

– Почти. С Джинни всё в порядке? – осведомился Гарри, поправляя очки.

– Её миссис Уизли подлечила, – ответил Гермиона. – Но теперь Безумный Глаз нудит, что пока нет Стёрджиса Подмора, мы не можем ехать, потому что одного охранника будет недостаточно.

– Охранника? – удивился Гарри. – Мы что, должны добираться до Кингс-Кросса с охраной?

– Ты должен добираться до Кингс-Кросса с охраной, – поправила его Гермиона.

– Зачем? – возмутился Гарри. – Я так понял, что Волдеморт залёт на дно? Ещё скажи, что он выскочит из мусорного ящика и попробует меня прикончить!

– Откуда мне знать, это Безумный Глаз так говорит, – смущённо ответила Гермиона и взглянула на часы: – Но если мы в ближайшее время не уедем, то точно опоздаем на поезд...

– СПУСКАЙТЕСЬ ЖЕ ВНИЗ, НАКОНЕЦ! – закричала миссис Уизли.

Гермиона подскочила, как ошпаренная, и выбежала из комнаты. Гарри схватил Хэдвиг, бесцеремонно затолкал её в клетку, и выскочил вслед за Гермионой на лестницу, волоча свой сундук.

Портрет миссис Блэк истошно орал, но задёргивать занавеси перед ней никто не собирався – в холле стоял такой гвалт, что она всё равно проснулась бы опять.

⁹⁰ 1 Luna ("Loony") Lovegood (loony – полоумная; love – любовь и прочее; good – хорошая, м.б. неиспорченная)

– Гарри, ты пойдёшь со мной и с Тонкс, – крикнула миссис Уизли, перекрывая визги: «ГРЯЗНОКРОВКИ! МРАЗЬ! ДЕРЬМЕЦЫ!» – Оставь свой сундук и сову, багажом займётся Аластор... о, во имя неба, Сириус, Дамблдор же сказал «нет»!

Пока Гарри карабкался в сторону миссис Уизли по многочисленным сундукам, загромождавшим холл, его нагнал огромный как медведь чёрный пёс.

– Ну в самом деле... – в отчаянии протянула миссис Уизли. – Ладно, пусть это будет на твоей совести!

Она открыла входную дверь и вышла навстречу слабому сентябрьскому солнцу. Гарри и пёс последовали за ней. Дверь за ними захлопнулась, и вопли миссис Блэк сразу смолкли.

Как только они спустились по каменным ступенькам дома номер двенадцать на тротуар, дом тут же исчез.

– А где Тонкс? – оглянулся Гарри.

– Она ждёт нас где-то здесь, – сухо ответила миссис Уизли, стараясь не смотреть на трусившего рядом с Гарри чёрного пса.

На перекрёстке им поклонилась старушка. У неё были курчавые седые волосы и фиолетовая шляпка эпохи джаза, с низкой тульей.⁹¹

– Приветик, Гарри, – подмигнула старушка. – Нам лучше бы поторапливаться, Молли, – добавила она, сверившись с часами.

– Знаю, знаю, – простонала миссис Уизли, прибавляя шаг. – Но Безумный Глаз хотел дожидаться Стёрджиса... Вот вёз бы нас Артур опять на министерской машине... но Фадж в последнее время не разрешает ему и пустую чернильницу взять... и как только маглы могут путешествовать без магии...

Тут огромный чёрный пёс радостно залаял и принялся носиться вокруг них, отгрызаясь на голубей и гоняясь за своим хвостом. Гарри не мог удержаться от смеха. Сириус засиделся взаперти. Миссис Уизли поджала губы на манер тёти Петунии.

Дорога пешком до Кингс-Кросса заняла двадцать минут, за это время не случилось ничего более значимого, чем пара распуганных Сириусом котов – для развлечения Гарри. Придя на вокзал, они с непринуждённым видом остановились возле барьера, разделяющего девятую и десятую платформы, – чтобы убедиться, что всё чисто, – а потом один за другим прислонялись к барьеру и без труда оказывались на платформе девять и три четверти, где уже стоял «Хогвартс-Экспресс», извергая клубы пара на платформу, забитую отъезжающими учениками и членами их семей. Гарри вдыхал знакомый запах и ликовал в душе... он действительно возвращается...

– Я надеюсь, что остальные тоже успевают, – обеспокоенно проговорила миссис Уизли и оглянулась на чугунную кованую арку над платформой, откуда появлялись вновь прибывшие.

– Классная собака, Гарри! – воскликнул высокий мальчик с дредами.

– Спасибо, Ли, – Гарри усмехнулся, глядя, как Сириус быстро-быстро завилял хвостом.

⁹¹ 2 pork pie (мягкая шляпа с плоской круглой тульей и загнутыми кверху полями, букв. – «пирог со свиной»; традиционный элемент одежды джазменов)

– Ох, всё в порядке... – облегчённо вздохнула миссис Уизли. – Смотрите, вон Аластор с багажом...

Из арки, прихрамывая и толкая перед собой багажную тележку, нагруженную сундуками, появился Муди в фуражке носильщика, поглубже надвинутой на разные глаза.

– Всё чисто, – шепнул он миссис Уизли и Тонкс. – Не похоже, что за нами следили...

Несколько секунд спустя на платформе появился мистер Уизли с Роном и Гермионой. Они уже почти разгрузили тележку Муди, как подошли Фред, Джордж и Джинни в сопровождении Люпина.

– Никаких проблем? – рыкнул Муди.

– Никаких, – ответил ему Люпин.

– Придётся всё-таки доложить Дамблдору о Стёрджисе, – буркнул Муди. – Второй раз за неделю не появляется. Стал таким же ненадёжным, как Мундунгус.

– Ну, ведите себя хорошо, – Люпин принялся пожимать руки всем окружающим. Напоследок он хлопнул Гарри по плечу: – А ты, особенно. Будь осторожен.

– Ага, не высовывайся, будь начеку, – добавил Муди, пожимая Гарри руку. – И не забудьте все, поаккуратней с письмами. Если не уверены, лучше вообще ничего не пишите.

– Мне было очень приятно познакомиться с вами всеми, – Тонкс обняла Гермиону и Джинни. – Ну, надеюсь, скоро увидимся.

Прозвучал предупредительный свисток; те ученики, что ещё оставались на платформе, заторопились в поезд.

– Быстрее, быстрее, – обеспокоенно повторяла миссис Уизли, обнимая всех подряд и дважды попав на Гарри. – Пишите... будьте прилежными... если что-нибудь забыли, мы вам пришлём... ну, поспешите, пора в поезд...

Огромный чёрный пёс встал на задние лапы и положил передние на плечи Гарри, но тут же миссис Уизли подтолкнула Гарри к вагонным дверям и прошипела:

– Во имя неба, Сириус, веди себя, как собака!

– До встречи! – закричал Гарри в открытое окно, когда поезд тронулся.

Рон, Гермиона и Джинни, стоя рядом с ним, махали руками. Силуэты Тонкс, Люпина, Муди, мистера и миссис Уизли быстро уменьшались, только чёрный пёс, виляя хвостом, скачками нёсся рядом с окном; оставшиеся на платформе смеялись, глядя, как он преследует поезд, а потом поезд повернул, и Сириус исчез из виду.

– Зря он с нами пошёл, – с тревогой заметила Гермиона.

– Да брось, – возразил Рон, – он уже несколько месяцев дневного света не видел, бедняга.

– Ну ладно, – Фред хлопнул в ладоши, – мы не можем тут целый день торчать, нам нужно одно дельце обсудить с Ли. Увидимся позже, – и они вместе с Джорджем ушли по коридору.

Поезд всё набирал и набирал скорость, дома за окном проносились мимо, а пол под ногами начал раскачиваться.

– Ну что, пойдём, поищем купе? – предложил Гарри.

Рон и Гермиона переглянулись.

– Ээ... – замялся Рон.

– Мы... ну, в общем... Рон и я, нам положено идти в вагон префектов, – неловко выдавила Гермиона.

Рон, не поднимая глаз на Гарри, внимательно изучал ногти своей левой руки.

– А... – протянул Гарри. – Конечно. Чудно.

– Я не думаю, что нам придётся там всю дорогу просидеть, – быстро добавила Гермиона. – В наших письмах написано, что мы получим инструкции от старост, а потом время от времени должны будем патрулировать коридоры.

– Чудно, – опять сказал Гарри. – Ладно, я... ну, тогда увидимся позже.

– Да, точно, – Рон искоса с беспокойством взглянул на Гарри. – Чертовски жаль, что нам нужно идти туда, я бы лучше... но так положено... Но мне от этого никакой радости, я же не Пёрси, – вызывающе закончил он.

– Я знаю, что ты не Пёрси, – усмехнулся Гарри.

Но когда Гермиона и Рон потащили свои сундуки, Косолапа и клетку со Свинстуном в сторону локомотива, у Гарри возникло смутное чувство утраты. Он никогда не ездил на «Хогвартс-Экспрессе» без Рона.

– Пойдём, – позвала его Джинни. – Если мы поторопимся, то сможем ещё занять им места.

– Ты права, – кивнул Гарри, одной рукой подхватил клетку с Хэдвигом, другой взялся за ручку сундука.

Они пробирались по коридору, заглядывая в застеклённые двери купе и убеждаясь, что мест там уже нет. Гарри не мог не заметить, с каким интересом люди провожают его глазами, некоторые даже подталкивали в бок соседей, обращая на него внимание. После того как подобное повторилось в пятом по счёту вагоне, он вспомнил, каким хвастуном и лгуном всё лето выставлял его «Ежедневный пророк», и уныло задался вопросом, верят ли этим рассказам те, кто разглядывают его и перешёптываются. В самом последнем вагоне они встретили Невилла Лонгботтома, вот уже пять лет соученика Гарри по Гриффиндору. От перетаскивания сундука и стараний одной рукой удержать свою непоседливую жабу по кличке Тревор, круглое лицо Невилла пылало.

– Привет, Гарри, – запыхавшись, приветствовал он. – Привет, Джинни... всё забито... я не смог найти место...

– Да что ты говоришь? – удивилась Джинни, протиснулась мимо Невилла и заглянула в купе за его спиной: – Вот здесь же есть место, тут только Психуна Лавгуд...

Невилл забормотал что-то о нежелании никого беспокоить.

– Не глупи, – рассмеялась Джинни, – она вполне нормальная.

Открыв дверь в купе, она втащила внутрь свой сундук. Гарри и Невилл последовали за ней.

– Привет, Луна, – поздоровалась Джинни. – Ничего, если мы здесь сядем?

Сидевшая у окна девочка обернулась. У неё были всклокоченные светло-русые волосы, забранные в хвостик, белёсые брови и выпуклые глаза, которые придавали лицу неизменно удивлённое выражение. Гарри сразу понял, почему Невилл сторонился этого купе. Девочка производила впечатление полной дурочки. Возможно оттого, что для пущей сохранности сунула палочку себе за левое ухо, или потому, что на шее у неё висели бусы из пробок от сливочного пива, а может быть из-за того, что она читала журнал вверх ногами. Глаза её скользнули по Невиллу и остановились на Гарри. Она кивнула.

– Спасибо, – улыбнулась ей Джинни.

Гарри и Невилл убрали все три сундука и клетку Хэдвиг на багажную полку, потом сели. Луна, поверх журнала под названием «Придира», следила за ними. Казалось, что в отличие от нормальных людей, она не мигает. Гарри уселся напротив неё и сразу пожалел об этом, потому что Луна в упор уставилась на него.

– Хорошо провела лето, Луна? – спросила Джинни.

– Да, – мечтательно протянула Луна, не сводя с Гарри глаз, – да, совершенно восхитительно, знаете ли. *Ты* – Гарри Поттер, – внезапно добавила она.

– Я в курсе, – сказал Гарри.

Невилл хихикнул. Луна перевела бледные глаза на него.

– А кто ты, я не знаю.

– Я никто, – торопливо ответил Невилл.

– Неправда, – решительно возразила Джинни. – Познакомьтесь, Невилл Лонгботтом... Луна Лавгуд. Луна моя одноклассница, только из Рэйвенкло.

– *Остроумие сверх меры – это лучшие манеры*, – нараспев протянула Луна.

Она подняла перевернутый журнал повыше, загородив лицо, и замолчала.

Гарри и Невилл переглянулись и выразительно подняли брови. Джинни сдавленно хихикнула.

Поезд громыхал вперёд, унося их в поля и луга. Погода стояла странная и неустойчивая: вагон то наполнялся солнечным светом, то попадал в завесу зловеще серых облаков.

– Догадаетесь, что мне подарили на день рождения? – спросил Невилл.

– Ещё один Помнивсём?⁹² – предположил Гарри, вспомнив похожий на крапчатый игрушечный шарик магический предмет, который бабушка прислала Невиллу, пытаясь исправить его дырявую память.

– Нет, – качнул головой Невилл, – мне одного хватило, хотя старый я потерял давным-давно... нет, вот, посмотри...

Он засунул свободную, не занятую Тревором руку в школьную сумку, пошарил там немного и вытащил нечто, напоминавшее маленький серый кактус в горшке, только покрыто оно было не шипами, а какими-то фурункулами.

– Это мимбулус мимблтония,⁹³ – с пафосом объявил он.

⁹² 3 Remembrall (remember – помнить, хранить в памяти; вспоминать; ball – шар; all – всё)

⁹³ Мимбулус мимблтония (очевидно, производное от растения *Mimulus* – Губастик, в народной медицине – средство от робости и застенчивости, в гомеопатии – «средство от определённого и ясного страха, когда

Гарри посмотрел на то, что торчало из горшка: оно слегка пульсировало и производило неприятное впечатление какого-то больного внутреннего органа.

– Оно страшно-страшно редкое, – сияя, пояснил Невилл. – Я даже не знаю, есть ли такое в хогвартских теплицах. Не могу дождаться, когда покажу его профессору Спраут. Мой двоюродный дедушка Альджи⁹⁴ привёз его мне из Ассирии. Хочу попробовать его разводить.

Гарри знал, что гербология – любимый предмет Невилла, но, хоть убей, не мог себе представить, зачем ему это чахлое растеньице.

– Оно... ээ... что-то делает? – выдавил Гарри.

– Кучу всего! – гордо воскликнул Невилл. – У него потрясающий защитный механизм. Сейчас, возьми у меня Тревора...

Он перевалил жабу на колени Гарри и достал из школьной сумки перо. Над перевёрнутым журналом опять появились выпученные глаза Луны Лавгуд, следя за тем, что делает Невилл. Невилл поднял повыше мимбулус мимблонию, высунул язык, выбрал фурункул и резко вколочил в растение острый кончик пера.

Из каждого фурункула растения брызнула жидкость: густые, вонючие струи тёмно-зелёного цвета. Они залили потолок, окно и забрызгали журнал Луны Лавгуд; Джинни, которая вовремя успела поднять руки к лицу, выглядела так, словно на голове у неё оказалась склизкая зелёная шляпка, но Гарри, чьи руки были заняты удиравшим Тревором, получил сполна. Пахло это тошнотворнее навоза.

Невилл, которого окатило с макушки до пят, потряс головой, чтобы, по крайней мере, открыть глаза.

– И-и-извините, – задохнулся он. – Я раньше не пробовал... я не знал, что будет так мощно... но не волнуйтесь, смердосок⁹⁵ не ядовитый, – нервно добавил он, когда Гарри сплюнул на пол.

В этот самый момент дверь их купе, скользя, открылась.

– О... Гарри, привет, – раздался оживлённый голос. – Ой... кажется я не вовремя?

Гарри протёр стекла очков свободной от Тревоги рукой. В дверном проёме стояла и улыбалась ему очень симпатичная девочка с блестящими, длинными, чёрными волосами: Чоу Чанг, искатель квиддичной команды Рэйвенкло.

– А... привет, – беспомощно ответил Гарри.

– Ой, – повторила Чоу. – Ладно... я просто зашла сказать «привет»... ну, пока.

Покраснев, она закрыла дверь и ушла. Гарри резко откинулся на спинку сидения и простонал. Он бы предпочёл, чтобы Чоу обнаружила его в тесном кругу весёлых приятелей,

человек точно знает, чего он боится». Некоторым образом созвучно с загадочным словом «Mimblewimble», которое произнёс напуганный Хагридом дядя Вернон в первой книге и которое в компьютерной игре стало заклинанием заикания)

⁹⁴ 5 Algie (от нормандск. «усы»; Альджи – уменьшительное от «Алджернон»)

⁹⁵ 6 Stinksap (stink – вонь; sap – сок растений)

которые покатываются со смеху над его удачной шуткой, но уж никак не в обществе Невилла и Психуны Лавгуд, залитого смердосоком и с жабой на руках.

– Ничего страшного, – бодро заявила Джинни. – Смотри, всё быстро поправимо, – она достала палочку: – *Scourgify!*

Смердосок исчез.

– Извините, – ещё раз тихо повторил Невилл.

Рона и Гермионы не было уже около часа, за это время проезжала тележка со сладостями. Гарри, Джинни и Невилл уже доели тыквенные пирожки и менялись карточками из шоколадных лягушек, когда дверь в купе открылась, и появились префекты в сопровождении Косолапа и пронзительно верещающего в клетке Свинстуна.

– Помираю с голоду! – воскликнул Рон, сунул Свинстуна рядом с Хэдвигом, выхватил у Гарри шоколадную лягушку и рухнул рядом на сиденье.

Потом разорвал обёртку, откусил у лягушки голову и, закрыв глаза, откинулся назад с таким видом, словно утро выдалось крайне утомительным.

– Хорошо ещё, что от каждого Дома с пятого курса есть по два префекта, – вне себя пробурчала Гермиона и тоже села. – Мальчик и девочка.

– Догадываетесь, кто префект из Слизерина? – по-прежнему не открывая глаз, спросил Рон.

– Малфой, – сразу же ответил Гарри, будучи уверенным, что его худшие опасения подтвердятся.

– Естесно, – едко подтвердил Рон, засовывая остаток лягушки в рот и хватая следующую.

– И эта толстая корова Пэнси Паркинсон, – злобно добавила Гермиона. – И как это она стала префектом, если тупее контуженного тролля...

– А кто из Хаффлпаффа? – спросил Гарри.

– Эрни Макмиллан и Ханна Эббот, – невнятно пробубнил Рон.

– А из Рэйвенкло Энтони Гольдштейн и Падма Патил, – закончила Гермиона.

– С Падмой Патил ты был на Йольском балу,⁹⁶ – констатировал отстранённый голос.

Все повернулись и взглянули на Луну Лавгуд, которая, не мигая, пристально смотрела на Рона поверх «Придиры». Рон подавился лягушкой.

– Ну да, я помню, – ошарашенно подтвердил он.

– Ей не очень понравилось, – сообщила ему Луна. – Она решила, что ты вёл себя неприлично, потому что не стал с ней танцевать. Я бы так не подумала, – глубокомысленно добавила она. – Я танцевать не очень люблю.

Она опять прикрылась «Придирой». Рон с отвисшей челюстью несколько секунд смотрел на обложку журнала, а потом перевёл глаза на Джинни, ожидая каких-нибудь

⁹⁶ 7 Yule Ball (Yule – Йоль, языческий праздник в самые короткие дни в году; в 1–3 книгах бал назывался "Рождественским")

объяснений, но Джинни тщательно затыкала себе кулаком рот, чтобы не расхохотаться. Рон смущённо потряс головой, а потом сверился с часами.

– Нам всё время нужно патрулировать коридоры, – пояснил он Гарри и Невиллу, – а если кто будет себя плохо вести, то мы можем их наказывать. Не могу дождаться, когда подловлю Крэбба и Гойла...

– Рон, ты не должен пользоваться своим служебным положением! – категорично заявила Гермиона.

– Ага, точно, потому что Малфой-то своим пользоваться не будет, – саркастически заметил Рон.

– А ты намерен опускаться до него?

– Нет, я всего-навсего намерен добраться до *его* приятелей раньше, чем он доберётся до моих.

– Ради всего святого, Рон...

– Представляете, если заставить Гойла нотации переписывать, это же его убьёт, он же терпеть не может писать, – радостно воскликнул Рон.

Передразнивая глухое бурчание Гойла, и придав лицу выражение страдальческого усердия, он изобразил, будто пишет:

– Я... не... должен... выглядеть... как... задница... бабуина.

Все рассмеялись, но громче всех Луна Лавгуд. Она издала такой радостный вопль, что разбудила Хэдвиг, и та негодуяще захлопала крыльями, а Косолап с шипением взлетел на багажную полку. Луна смеялась так сильно, что из рук у неё выпал журнал и соскользнул на пол.

– Вот смехота!

У неё даже слёзы выступили, она ловила ртом воздух, не спуская с Рона выпученных глаз. Рон в крайнем недоумении оглянулся на остальных, которые теперь хохотали над выражением его лица и над абсурдно долго покатывающейся со смеху Луной, у которой уже начались колики.

– Ты пьяная, что ли? – нахмутив брови, поинтересовался Рон.

– Задница... бабуина! – задыхалась она, хватаясь за бока.

Пока все следили за хохотавшей Луной, Гарри взглянул на лежащий на полу журнал и заметил кое-что, что заставило его нагнуться. Вверх ногами разглядеть картинку на обложке было трудно, но теперь Гарри понял, что там нарисована весьма скверная карикатура на Корнелиуса Фаджа: Гарри узнал его по лимонно-зелёному котелку. Одной рукой Фадж сжимал мешок с золотом, другой душил гоблина. Карикатура была озаглавлена: «Как далеко зайдёт Фадж, чтобы заполучить «Гринготтс?»

Ниже шёл список названий других журнальных статей:

«Коррупция в квиддичной лиге:

Каким образом к власти пришли «Торнадо»

Сириус Блэк: злодей или жертва?»

– Можно мне взглянуть? – нетерпеливо попросил Гарри у Луны.

Она кивнула, всё ещё не сводя глаз с Рона и задыхаясь от смеха.

Гарри открыл журнал и просмотрел оглавление. Он уже успел позабыть, какой именно журнал передал Кингсли мистеру Уизли для Сириуса, но наверняка это был тот же самый номер «Придиры».

Найдя нужную страницу, Гарри взволнованно проглядел статью.

Она также была проиллюстрирована очень неумелой карикатурой: Гарри даже и не догадался бы, что это Сириус, если бы под рисунком не было подписи. Сириус с палочкой в руке стоял на груде человеческих костей.

Заголовок статьи гласил:

«ПОМЕРКЛА ЛИ ЗВЕЗДА СИРИУСА БЛЭКА?»⁹⁷

Пресловутый маньяк-убийца или невинная звезда сцены?»

Эту фразу Гарри пришлось прочесть несколько раз прежде, чем он убедился, что всё понял верно. Но с каких пор Сириус стал звездой сцены?

«На протяжении четырнадцати лет Сириус Блэк обвинялся в массовом убийстве двенадцати невинных магглов и одного колдуна. Его дерзкий побег из Азкабана два года назад стал причиной самых масштабных розыскных операций, когда-либо проводимых Министерством магии. Никто не подвергал сомнению тот факт, что Сириус Блэк должен быть пойман и возвращён к дементорам.

НО ПРАВДА ЛИ ЭТО?

Недавно всплыли новые, потрясающие факты о возможной непричастности Сириуса Блэка к преступлению, за которое он был отправлен в Азкабан. В самом деле, как утверждает Дорис Пёркисс, проживающая в доме 18 по Акантия-уэй, в Литтл Нортоне, Блэка на месте преступления могло и не быть.

– Как же люди не понимают, что Сириус Блэк – это псевдоним, – говорит миссис Пёркисс. – Человек, которого считают Сириусом Блэком, на самом деле – Стабби Бордмен, солист популярной группы «Хобгоблины», который почти пятнадцать лет назад прекратил публичные выступления, после того, как на концерте в зале церкви Литтл Нортон его поразило репой в ухо. Я сразу же узнала его, как только увидела газетный снимок. Так вот, Стабби не мог совершить эти преступления, потому что именно в тот день по чистой случайности мы с ним наслаждались романтическим ужином при свечах. Я сообщила об этом министру магии и надеюсь, что не сегодня, так завтра, он полностью оправдает Стабби по кличке «Сириус»».

⁹⁷ в оригинале "SIRIUS – BLACK AS HE'S PAINTED?" – дословно: "Сириус – так ли чёрен, как его малюют?"; производная от поговорки «Devil isn't black as he's painted» – «Не так страшен чёрт, как его малюют» (фамилия не переведена, поэтому в переводе использована параллель со звездой)

Гарри закончил читать и с недоверием уставился на страницу. Наверное, это шутка, подумал он, наверное, журнал публикует какие-то розыгрыши. Он перевернул несколько страниц назад и нашёл статью про Фаджа.

«Корнелиус Фадж, министр магии, отрицает, что планировал захватить контроль над магическим банком «Гринготтс», когда пять лет назад был избран на свой пост. Фадж всегда утверждал, что желает лишь «мирного сотрудничества» с хранителями нашего золота.

НО ПРАВДА ЛИ ЭТО?

Из близкого к Министерству источника нам сообщили, что самое страстное желание Фаджа — захватить контроль над поставками гоблинского золота и в случае необходимости Фадж не остановится перед применением силы.

— II в этом нет ничего удивительного, — как сказал наш человек в Министерстве. — Корнелиус «Гоблинодав» Фадж — так называют его друзья. Если послушать, что он говорит, когда думает, что его никто не слышит... о, он говорит только о том, как расправлялся с гоблинами: топил их, сбрасывал с небоскрёба, травил, пускал на фарш...»

Дальше Гарри читать не стал. У Фаджа хватало недостатков, но представить, что он приказывает сделать из гоблинов фарш, Гарри не мог. Он принялся листать журнал дальше. Время от времени останавливаясь, он прочёл про то, что «Татшелл Торнадо» стали чемпионами в квиддичной лиге с помощью комбинации пантажа, запрещённых манипуляций с мётлами и пыток; прочёл интервью с магом, утверждавшим, что долетел на «Чистомёте» до луны и в доказательство привёз мешок лунных лягушек, и статью про древние руны, которая, во всяком случае, объяснила Гарри, почему Луна читала «Придиру» вверх тормашками. Согласно изложенному в журнале, если вы повернёте руны вверх ногами, они покажут заклинание, с помощью которого можно превратить уши вашего врага в кумкваты. По сравнению с другими статьями «Придиры», предположение о том, что Сириус действительно был солистом «Хобгоблинов», выглядело даже правдоподобно.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Рон, когда Гарри закрыл журнал.

— Конечно, нет, — опережая Гарри, сердито сказала Гермиона. — «Придира» — полная чушь, это всем известно.

— Прощу прощения, — встряла Луна, голос которой внезапно утратил мечтательность. — Мой отец там редактор.

— Я... о... — сконфузилась Гермиона. — Ну... там бывает кое-что интересное... то есть, я имею в виду, много...

— Дай мне сюда, пожалуйста, — холодно сказала Луна и, подавшись вперёд, выхватила из рук Гарри журнал.

Быстро пролистав его до пятидесяти седьмой страницы, она решительно перевернула журнал вверх ногами и снова спряталась за ним. В этот момент дверь купе открылась в третий раз.

Гарри оглянулся; он ждал, что рано или поздно это всё равно случится, но от того зрелище ухмыляющегося ему Дрэйко Малфоя в окружении своих верных друзей Крэбба и Гойла приятнее не стало.

— Что тебе? — с нажимом спросил он прежде, чем Малфой успел открыть рот.

– Повежливей, Поттер, или мне придётся наложить на тебя взыскание, – протянул Малфой, гладкие светлые волосы и острый подбородок которого в точности напоминали отцовские. – Видишь ли, в отличие от тебя, меня назначили префектом, а это подразумевает, что в отличие от тебя у меня есть право наказывать.

– Да, да, – взвился Гарри. – Но в отличие от меня, ты – придурок, поэтому выметайся и оставь нас в покое!

Рон, Гермиона, Джинни и Невилл рассмеялись. Губы Малфоя дрогнули.

– Скажи, Поттер, ну и каково тебе оказаться на вторых ролях при Уизли? – съязвил он.

– Малфой, заткнись, – отрезала Гермиона.

– Похоже, я задел за больное место, – ухмыльнулся Малфой. – Ладно, только последи за собой, Поттер, потому что я буду караулить каждый твой шаг за рамки приличий, как сторожевой пёс.

– Пошёл вон! – вскочила Гермиона.

Давясь от смеха, Малфой удалился в сопровождении неуклюжих Крэбба и Гойла, напоследок бросив на Гарри злобный взгляд. Гермиона захлопнула за ними дверь купе и повернулась к Гарри, который сразу понял, что она уловила смысл намёков Малфоя, и от этого расстроился ещё больше.

– Давай ещё по лягушке, – предложил Рон, который явно ничего не заметил.

В присутствии Невилла и Луны Гарри не мог разговаривать в открытую. Он ещё раз переглянулся с Гермионой и перевёл взгляд в окно.

Внезапно дорога на вокзал вместе с Сириусом, которая поначалу показалась невинной шуткой, стала выглядеть необдуманным, если даже не опасным шагом... Гермиона была права... Сириусу не следовало идти с ним. А вдруг мистер Малфой заметил чёрного пса рядом с ним и рассказал Дрэйко? Вдруг он догадался, что Уизли, Люпин, Тонкс и Муди знают, где скрывается Сириус? Или слова Малфоя: «караулить, как сторожевой пёс» – это просто совпадение?

Они ехали всё дальше и дальше на север, и погода оставалась всё такой же капризной. То в окна нерешительно брызгал дождь, то изредка, пробиваясь сквозь тучи, заглядывало солнце. Когда стемнело, и в вагонах зажглись лампы, Луна свернула «Придиру», аккуратно сложила его в сумку и принялась разглядывать сидящих в купе.

Гарри сидел, прижавшись лбом к вагонному стеклу, пытаясь разглядеть вдали огоньки Хогвартса, но ночь была безлунная, а окно, мокрое от дождя, запачкалось.

– Нам пора переодеваться, – наконец нарушила молчание Гермиона.

Все стали, теснясь, открывать сундуки и натягивать школьные мантии. Гермиона и Рон тщательно прикрепили себе на грудь значки префектов. Гарри заметил, как Рон любовался своим отражением в чёрном стекле.

Наконец, поезд стал сбавлять ход, и вокруг поднялась суматоха, как всегда, когда ученики, готовясь к выходу, принимались доставать багаж и клетки с животными. Поскольку Рону и Гермионе нужно было следить за порядком, то они опять ушли, оставив на попечение Гарри и Джинни Косолапа и Свинстуна.

Невилл аккуратно засунул Тревора во внутренний карман.

– Если хочешь, я могу понести эту сову, – предложила Гарри Луна, показывая на Свинстуна.

– О... э... спасибо, – пробормотал Гарри, передал ей клетку и осторожно взял Хэдвиг.

Ребята вышли из купе и, влившись в толпу в коридоре, почувствовали на лицах первое дуновение ночного ветерка. Они медленно продвигались к дверям, и Гарри вскоре уловил запах сосен, окружавших дорожку к озеру. Сойдя на платформу, он огляделся, ожидая услышать знакомый клич: «Первокурсники, а ну, сюда... первокурсники...»

Но не услышал. Вместо этого раздался энергичный женский голос:

– Все первокурсники выстраиваются здесь в шеренгу! Пожалуйста, все первокурсники, ко мне!

В колеблющемся свете фонаря, который двигался в его сторону, Гарри узнал твёрдый подбородок и строгую причёску профессора Граббли-Планк, ведьмы, которая заменяла в прошлом году Хагрида на занятиях по уходу за магическими существами.

– А где Хагрид? – вырвалось у него.

– Не знаю, – откликнулась Джинни. – Но нам нужно двигаться, мы тут пробку устроили.

– А... да...

По пути с платформы, на станции, Гарри и Джинни разделились. Пробираясь в толчее, Гарри всё время вглядывался в темноту, пытаясь увидеть Хагрида: он должен быть здесь, Гарри так рассчитывал на это... среди всего прочего он в первую голову хотел увидеть Хагрида. Но Хагрида нигде не было.

«Он же не мог уволиться», – твердил себе Гарри, медленно двигаясь в толпе к узкой двери из станции наружу, – «может быть он простудился или ещё что-нибудь...»

Гарри оглянулся вокруг, ища глазами Рона или Гермиону, чтобы спросить, что они думают насчёт появления профессора Граббли-Планк, но ни одного из них в пределах видимости не оказалось, поэтому Гарри пошёл дальше, на тёмную, вымытую дождём дорогу рядом со станцией Хогсמיד.

Там стояла сотня безлошадных карет, которые всегда возили до замка учеников старше первого курса. Гарри мельком взглянул на них, повернулся, чтобы опять поискать Рона и Гермиону и тут сообразил: кареты уже были не безлошадные. Рядом с ними стояли какие-то существа. Если бы Гарри попросили назвать их, то он бы сказал, что это лошади, хотя в них было что-то и от ящеров. Существа были чрезвычайно худыми, их чёрные шкуры обтягивали скелеты так, что виднелась каждая кость. Головы были драконьими, а широко раскрытые глаза – белыми и без зрачков. А ещё у них были крылья – широкие чёрные кожистые крылья, как у гигантских летучих мышей. Существа стояли неподвижно и в наступающей темноте выглядели жутко и злоеюще. Зачем самодвижущимся каретам эти ужасные лошади – Гарри понять не мог.

– А где Свин? – раздался голос Рона прямо у Гарри за спиной.

– Его несла та девчонка, Луна, – Гарри резко повернулся к Рону, сгорая от нетерпения спросить про Хагрида. – Как думаешь, а где?..

– ...Хагрид? Понятия не имею, – взволнованно отозвался Рон. – Надеюсь, что с ним всё в порядке...

Неподалёку Дрэйко Малфой в сопровождении своей компании: Крэбба, Гойла и Пэнси Паркинсон, расталкивал каких-то робких на вид второкурсников, чтобы занять карету. Через несколько секунд из толпы, задыхаясь, появилась Гермиона.

– Малфой там вёл себя ужасно гадко с каким-то первокурсником. Клянусь, что пожалуюсь на него, он пять минут назад значок получил, а уже пользуется этим, чтобы измываться над всеми ещё почище, чем раньше... а где Косолап?

– Его взяла Джинни, – ответил Гарри, – да вот она...

Джинни отделилась от толпы, сжимая извивающегося Косолапа.

– Спасибо, – Гермиона сразу избавила Джинни от кота. – Пошли, давайте найдём карету, пока места ещё есть...

– Но Свина-то нет! – воскликнул Рон, но Гермиона уже направилась к ближайшей свободной карете.

Гарри остался с Роном. Их всё время захлёстывал людской водоворот.

– Кто это, как думаешь? – спросил он Рона, кивнув на вселяющих ужас лошадей.

– Ты о ком?

– О лошадях...

Тут появилась Луна, неся клетку с Свинстуном; совёнок по своему обыкновению взволнованно верещал.

– Вот вы где, – обрадовалась она. – Он просто прелесть, правда?

– Ээ... да... точно, – мрачно ответил Рон. – Ну, давайте, пошли уже... ты чего спрашивал, Гарри?

– Я тебя спрашивал, что это за лошади? – повторил Гарри, когда они вместе с Роном и Луной подошли к карете, где сидели Гермиона и Джинни.

– Какие лошади?

– Да лошади, которые везут кареты! – нетерпеливо воскликнул Гарри.

В конце концов, они стояли всего в трех футах от ближайших, и те смотрели на них своими белыми глазами. Но Рон озадаченно посмотрел на Гарри.

– Ты вообще, о чём говоришь-то?

– Я говорю о... да посмотри же!

Он схватил Рона за руку и повернул так, чтобы тот оказался лицом к лицу с крылатой лошастью. Рон несколько секунд глядел вперёд, а потом повернулся к Гарри.

– И куда я должен смотреть?

– На... туда, между оглоблями! Они впряжены в кареты! Они прямо перед тобой...

Но поскольку с лица Рона не сходило недоумённое выражение, у Гарри мелькнула неожиданная догадка.

– Ты что... ты что, не видишь их?

– Кого «их»?

– Ты что, не видишь, кто возит кареты?

Рон повернулся к нему с выражением беспокойства на лице.

– Ты себя нормально чувствуешь, Гарри?

– Я... да...

Гарри был в крайнем недоумении. Лошадь стояла прямо перед ними, блестя глазом в тусклом свете, падающем из окон станции. В холодном ночном воздухе было видно, как из её ноздрей поднимается пар. Если Рон не притворялся... а это была бы слишком дурацкая шутка... значит Рон её просто не видел.

– Ну, мы будем заходить-то? – неуверенно спросил Рон, с тревогой глядя на Гарри.

– Да... – пробормотал Гарри. – Да, идём...

– Всё в порядке, – раздался мечтательный голос за спиной у Гарри, когда Рон исчез в темноте кареты. – Ты не сошёл с ума, я тоже могу их видеть.

– Ты можешь?.. – растерянно произнёс Гарри, поворачиваясь к Луне.

И увидел в её широко раскрытых серебристых глазах отражение лошадей с крыльями летучих мышей.

– О, да, – протянула Луна. – Я могла видеть их с самого первого дня. Они всегда возили кареты. Не переживай. Ты такой же нормальный, как и я.

Еле заметно улыбнувшись, она следом за Роном поднялась в душную карету, сбитый с толку Гарри последовал за ней.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НОВАЯ ПЕСНЯ СОРТИРОВОЧНОЙ ШЛЯПЫ

О том, что у него с Луной была одна и та же галлюцинация, если это была именно она, Гарри никому рассказывать не хотел, поэтому, не говоря больше ни слова о лошадях, залез в карету и захлопнул за собой дверь. Но и отвести глаз от их силуэтов, маячивших за окном, тоже не мог.

– Все видели эту тётку Граббли-Планк? – спросила Джинни. – Что она опять тут делает? Не мог же Хагрид уволиться?

– По мне лучше бы уволился, – отозвалась Луна. – Учитель он неважный, да?

– Ты что, он замечательный! – хором возмутились Гарри, Рон и Джинни.

Гарри многозначительно взглянул на Гермину. Она прокашлялась и быстро добавила:

– Ээ... да... он прекрасный учитель.

– Ну, а у нас в Рэйвенкло думают, что он просто шут, – неугомонно возразила Луна.

– Значит у вас там дурацкое чувство юмора, – отрезал Рон.

Колёса под ними скрипнули, карета тронулась.

Похоже, Луну грубость Рона ничуть не задела, напротив – она время от времени бесхитростно поглядывала на него так, словно он был посредственной телевизионной передачей.

Громыхая и раскачиваясь, кареты одна за другой катились по дороге. Когда они проехали на территорию школы, между высокими каменными колоннами школьных ворот, увенчанными крылатыми вепрями, Гарри подался вперёд, пытаясь разглядеть какие-нибудь огоньки в хижине Хагрида у Запретного Леса, но в окрестностях царил непроглядная темень. Только надвигающаяся громада замка Хогвартс, вздымаясь бесчисленными башенками, густо чернела на фоне более светлого ночного неба, то тут, то там подсвечиваясь яркими огнями окон.

У каменных ступеней, ведущих к парадным дубовым дверям, кареты, звякнув, остановились, и Гарри первым выскочил наружу. Он опять повернулся, высматривая зажжённые окна на фоне леса, но никаких признаков жизни в районе Хагридовой хижины совершенно определённо не было. Неохотно, надеясь, что дурман уже развеялся, Гарри взглянул назад, на странных скелетоподобных существ, но те смирно стояли в стылом ночном воздухе, поблёскивая белыми глазами.

Прежде Гарри уже доводилось видеть кое-что, чего не мог видеть Рон, но там было всего лишь отражение в зеркале, куда более иллюзорное, чем сотня этих существ, материальных настолько, чтобы тянуть за собой вереницу карет. Если верить Луне, эти твари существовали всегда, но оставались невидимыми. Тогда почему же Гарри смог увидеть их, и почему их не увидел Рон?

– Ты идёшь, или как? – спросил за его спиной Рон.

– А... да, да, – спохватился Гарри, и они влились в толпу, спешившую по каменным ступеням в замок.

Вестибюль сиял факелами и оглашался эхом шагов учеников, топавших по вымощенному каменными плитами полу к двустворчатым дубовым дверям в Большой Зал, на банкет в честь начала учебного года.

В Большом Зале ученики рассаживались за четырьмя длинными столами Домов, стоявшими под беззвёздным чёрным потолком, который в точности копировал небо, видимое через высокие окна. Над столами в воздухе парили свечи, освещая плывущих по Залу серебристых призраков и оживлённые лица учеников, которые нетерпеливо обменивались летними новостями, громко здоровались с приятелями из других Домов, оценивающе разглядывали друг у друга новые мантии и стрижки.

Гарри опять обратил внимание, что, стоит ему пройти мимо, как все тут же наклоняются друг к другу и начинают шептаться. Он стиснул зубы и попробовал вести себя, как ни в чём не бывало.

Луна уже отправилась к столу Рэйвенкло.

Как только ребята подошли к гриффиндорскому столу, Джинни окликнули её друзья-четверокурсники, и она села с ними. Гарри, Рон, Гермиона и Невилл заняли места рядом между торчащим из стола Почти Безголовым Ником, гриффиндорским привидением, и Парвати Патил с Лавандой Браун, которые поздоровались с Гарри преувеличенно мило и любезно. Это навело его на мысль, что девочки только что прекратили сплетничать именно о нём. Однако тут же нашлись гораздо более веские причины для беспокойства: поверх голов Гарри бросил взгляд на стол преподавателей у фронтальной стены Зала:

– Его и там нет.

Рон с Гермионой тоже внимательно осмотрели стол преподавателей, хотя в этом не было необходимости: рост Хагрида позволял немедленно обнаружить его в любой толпе.

– Его не могли уволить, – беспомощно произнёс Рон.

– Конечно нет, – твёрдо отозвался Гарри.

– Вы же не думаете, что... с ним что-то *случилось*? – с тревогой спросила Гермиона.

– Нет, – быстро сказал Гарри.

– Тогда где же он?

Все замолчали, потом Гарри очень тихо, чтобы не услышали Невилл, Парвати и Лаванда, прошептал:

– Может быть, он ещё не вернулся. Вы же знаете, у него было задание, которое ему Дамблдор на лето поручал.

– Да... да, так оно и есть, – уже с большей уверенностью поддержал Рон.

Но Гермиона, покусывая губу, продолжала взглядывать на стол преподавателей, словно желая найти там окончательное объяснение отсутствию Хагрида.

– А *это* кто? – вдруг спросила она, показывая пальцем в середину преподавательского стола.

Гарри проследил направление её руки. Сначала его взгляд упал на профессора Дамблдора, восседавшего в центре длинного преподавательского стола на золотом кресле с

высокой спинкой. Он был облачён в тёмно-фиолетовую мантию, усеянную серебристыми звёздами, и в такую же шляпу.

Дамблдор наклонился к сидевшей рядом с ним женщине, которая что-то говорила ему на ухо. Гарри подумал, что она выглядит как старая дева: приземистая, с короткими, блёкло-каштановыми кудельками, повязанными жуткой розовой ленточкой, в тон пушистой розовой кофточке, надетой поверх мантии. Но когда она чуть повернула голову, чтобы отпить из кубка, Гарри с ужасом узнал это бледное жабье лицо и отягчённые мешками глаза навывкате.

– Это... это та тётка, Амбридж!

– Кто? – изумилась Гермиона.

– Она была на разбирательстве моего дела, она работает на Фаджа!

– Славная кофточка, – ухмыльнулся Рон.

– Она работает на Фаджа! – нахмурившись, повторила Гермиона. – Так что же тогда она делает здесь?

– Понятия не имею...

Гермиона пристально взглянула на преподавательский стол, и глаза у неё сузились.

– Нет... – прошептала она. – Конечно, нет...

Гарри не понял, что она имеет в виду, но переспрашивать не стал, его внимание привлекла профессор Граббл-Планк – она в этот момент появилась за столом преподавателей и заняла место в торце стола, которое обычно предназначалось для Хагрида. Это означало, что первокурсники уже переправились через озеро и добрались до замка, и, в самом деле, спустя несколько секунд отворились двери, ведущие в вестибюль. Появилась длинная колонна испуганных первокурсников, во главе с профессором МакГонаголл, которая несла табурет с лежавшей на нём старой магической шляпой, многожды залатанной, заштопанной, с широкой дырой у потёртых полей.

Гул голосов в Большом Зале стих. Первогодки выстроились в ряд перед столом преподавателей, лицом ко всем прочим ученикам, профессор МакГонаголл аккуратно поставила табурет перед ними, а затем встала за их спинами.

В полумраке лица первоодков ярко выделялись своей бледностью. В самом центре стоял дрожащий маленький мальчик. Внезапно у Гарри промелькнуло воспоминание о том, как напуган был он сам, когда стоял там, в ожидании неведомого испытания, которое должно было определить его принадлежность к какому-либо Дому.

Вся школа ждала, затаив дыхание. И вот дыра у полей шляпы широко, словно рот, раскрылась, и Сортировочная Шляпа запела.⁹⁸

Давным-давно, в те времена,
Когда была я новой,
А благородный Хогвартс наш

⁹⁸ 1 Текст песни Шляпы написан в стиле шотландской баллады

Был только лишь основан,

Все основатели его
В согласьи пребывали
И что могло б их разделить —
Себе не представляли.

Я помню Хогвартс с тех времён,
Как четверо друзей
Решили школу основать,
И обучать детей.

«Мы вместе школу создадим,
Чтоб магии учить!»
Тогда казалось им самим,
Что их не разлучить.

И Слизерин, и Гриффиндор,
И Хаффлпафф, и Рэйвенкло...
Как дружбе их пришёл конец,
И что произошло?

Ну что ж, я видела сама
Печальный этот спор,
И как свидетель той поры,
Веду свой разговор.

Всё началось из-за того,
Что не смогли решить —
Каких детей, с какой судьбой,
Им в школу пригласить.

«Лишь тот учиться может здесь»
Промолвил Слизерин, —
«Кто род магический блюдёт.
И только он один».

«Лишь только те, кто быстр умом»
Сказала Рэйвенкло, —
«Должны входить в наш новый Дом,
Чтобы учиться в нём».

«Лишь для отважных путь открыт»
Отрезал Гриффиндор, –
«Для храбрецов лишь место есть,
И кончим этот спор!»

Не согласилась Хаффлапфф,
Вступая в разговор, –
«Для всех открыт наш новый Дом,
Всё остальное вздор!»

Раздоров тех итог простой,
И каждый из друзей
В свой Дом того лишь брал учить,
Кто был ему милей.

Так в Слизерин попали те,
Кто кровью рода чист,
А в Рэйвенкло попали те,
Кто знаниями быстр.

У Гриффиндора храбрецов
Решили принимать,
А Хаффлапфф всех приняла
И стала обучать.

В попытке дружбу сохранить,
Решили споры тем,
Что все Дома учить должны,
Как им удобней всем.

Не долог счёт тех мирных лет,
Что добрый Хогвартс знал.
Ошибок и сомнений гнёт
Несчастья порождал.

И знаний груз, что каждый Дом
Ученикам давал,
Неистойой вражды меж них
Причиной главной стал.

И с Домом Дом войну вели,
В попытках первым быть,
И жизнь, и дружбу, и любовь
Старались погубить.

Казалось всем, что в той войне
Уж Хогвартс не спасти,
Напасти, беды этих дней
Могли лишь страх нести.

В дуэлях, схватках и борьбе
Текли несчастья дни.
И старый Слизерин решил,
Что должен он уйти.

Разлука навсегда внесла
Печаль в сердца троих,
Былого счастья след простыл,
Хотя дух распрей стих.

Предназначение Шляпы тут
Известно всякий раз:
По четырём Домам сейчас
Распределю я вас.

Но перед тем как рассказать,
Куда направлю вас,
Вы старой Шляпы, знавшей зло,
Послушайте наказ.

Мне суждено вас разделять
Подряд который год,
И в старой Шляпе страх живёт –
Каков всему исход?

Опять смертельный, страшный враг
За стенами стоит,
Но тот, кто внемлет старине,
Разгрома избежит.

В словах моих ищите путь,
Что к дружбе приведёт,
Единство в школе – наш успех,
Тогда наш враг падёт.

Я лишь хотела дать совет,
Хотя мой смысл другой...
Пусть церемония пойдёт
Своею чередой!

Шляпа опять замерла. Раздались громкие аплодисменты, но впервые на памяти Гарри они сопровождались шепотками и ворчанием. Все в Большом Зале переговаривались, и Гарри, хлопая вместе со всеми, прекрасно понимал, о чём идёт речь.

– Что-то она разошлась в этом году, – поднял брови Рон.

– Да уж, точно, – согласился Гарри.

Обычно Сортировочная Шляпа ограничивалась описанием качеств, требуемых для каждого из четырёх Домов Хогвартса, и своей роли в распределении. Гарри не припоминал, чтобы она когда-нибудь пыталась выступить школьным советчиком.

– Интересно, раньше она делала такие предостережения? – с лёгким беспокойством спросила Гермиона.

– Да, да! – с осведомлённым видом нагнулся к ней Почти Безголовый Ник прямо сквозь Невилла. (Невилл вздрогнул: когда сквозь тебя движется призрак – приятного мало). – Шляпа считает делом чести предупредить школу всегда, когда чувствует...

Но тут профессор МакГонаголл, готовясь начать оглашение списка фамилий первоодков, бросила грозный взгляд на перешёптывающихся. Шёпот в зале мгновенно стих, Почти Безголовый Ник прижал прозрачный палец к губам, на полуслове умолк и опять чопорно выпрямился. Нахмурившись и ещё раз окинув взглядом столы всех четырёх Домов, профессор МакГонаголл опустила глаза к длинному свитку пергамента и объявила первое имя:

– Аберкромби, Эван.⁹⁹

Тот перепуганный мальчик, которого Гарри заметил вначале, бросился вперёд и сунул голову в Шляпу. Только благодаря его торчащим ушам, Шляпа не спустилась ему на плечи.

Шляпа задумалась на мгновение, а потом дыра у поляй открылась вновь и провозгласила:

– *Гриффиндор!*

Вместе с другими гриффиндорцами Гарри захлопал, Эван Аберкромби подошёл к их столу и сел с таким видом, словно был готов провалиться сквозь землю, причём навсегда.

Длинная шеренга первоодков постепенно укорачивалась. В паузах между фамилиями и приговором Шляпы Гарри слышал, как у Рона громко бурчит в животе. Наконец «Целлер,

⁹⁹ 2 Abercrombie Euan

Роза»¹⁰⁰ была определена в Хаффлапафф, профессор МакГонаголл взяла табурет со шляпой и унесла. Профессор Дамблдор встал.

Несмотря на свои недавние обиды на директора, Гарри отчасти успокоился при виде стоявшего здесь, перед всем залом Дамблдора. Кроме отсутствия Хагрида и присутствия тех драконоподобных лошадей, долгожданное возвращение в Хогвартс сопровождалось и прочими неожиданностями, словно в знакомой песне прозвучали фальшивые ноты. Но, по крайней мере, одно осталось неизменным: директор школы, который стоя приветствует всех перед пиром в честь начала учебного года.

– Всем новичкам, – громким голосом начал Дамблдор, взмахнув рукой и сияюще улыбаясь, – добро пожаловать! Всем «бывалым» – с возвращением! Пришло время сказать речь, но я не стану этого делать. Пируйте!

Раздался одобрительный смех и взрыв аплодисментов, Дамблдор сел и аккуратно перекинул длинную бороду через плечо, чтобы она не попадала в тарелку, а в это время из ниоткуда появились различные яства, и все пять длинных столов уже ломились от мясных и овощных блюд, и пирогов, и хлебов, и соусов, и графинов с тыквенным соком.

– Великолепно! – плотоядно застонал Рон, схватил ближайшее блюдо с отбивными и принялся накладывать их себе на тарелку, под тоскливые взгляды Почти Безголового Ника.

– О чём ты начал говорить перед распределением? – спросила Гермиона у призрака. – Насчёт предупреждений Шляпы?

– О, да, – судя по всему Ник обрадовался поводу отвернуться от созерцания Рона, который теперь с просто неприличным энтузиазмом поглощал жареный картофель, – да, слыхивал я, что Шляпа и раньше давала предупреждения, в те времена, когда школе грозила серьёзная опасность. Правда, совет всегда был один и тот же: держитесь вместе, сплачивайтесь крепче.

– А куа хахе ать о коле огит аашноть? – раздался голос Рона.

Рот у него был забит битком, и Гарри решил, что издать хоть какие-нибудь звуки в таком состоянии – уже подвиг.

Гермиона с отвращением посмотрела на Рона.

– Прошу прощения? – любезно переспросил Почти Безголовый Ник.

Рон сделал чудовищный глоток и пояснил:

– А откуда Шляпе знать, что школе грозит опасность?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Почти Безголовый Ник. – Но она обитает в кабинете Дамблдора, поэтому рискну предположить, что черпает новости оттуда.

– И предполагается, что все Дома должны между собой дружить? – Гарри взглянул на слизеринский стол, где заправлял Дрэйко Малфой. – Ага, разбежались...

– Ну что ж, теперь вам придётся менять точку зрения, – с упрёком проговорил Почти Безголовый Ник. – Мирное сотрудничество – вот ключ к успеху. Мы, привидения, хотя и принадлежим к разным Домам, но поддерживаем между собой дружеские отношения.

Несмотря на соперничество между Гриффиндором и Слизерином, мне никогда не приходило в голову искать ссоры с Кровавым Бароном.

– Это потому, что ты его боишься, – заметил Рон.

Почти Безголовый Ник был оскорблён до глубины души.

– Боюсь? Никто никогда не обвинял сэра Николаса де Мимси Порпингтона в трусости! В моих жилах течёт благородная кровь...

– Какая кровь? – поинтересовался Рон. – Ты разве ещё не того?..

– Это просто фигура речи! – возмутился Почти Безголовый Ник, придя в такое раздражение, что его голова зловеще закачалась на почти перерубленной шее. – Я полагаю, что у меня ещё осталась возможность получать удовольствие от беседы, используя те слова, которые мне близки, пусть даже плотские радости мне уже недоступны! А к ученикам, которые потешаются над моей смертью, я давным-давно привык, уверяю тебя!

– Ник, он вовсе не думал смеяться над тобой! – попыталась сгладить ситуацию Гермиона, бросив на Рона разъярённый взгляд.

К несчастью рот Рона был опять забит под завязку, и всё, что он мог издать, звучало так:

– А их ахо э ахат еве.

Что Ник, по всей вероятности, не счёл извинением, адекватным оскорблению. Поднявшись в воздух, он поправил свою шляпу с пером и улетел к другому концу стола, где присел между братьями Криви – Колином и Деннисом.

– Отлично, Рон! – воскликнула Гермиона.

– Ну что? – негодуя возразил Рон, наконец, проглотив пищу. – Нельзя простой вопрос задать, что ли?

– Да ну тебя, – раздражённо ответила Гермиона, и весь остаток ужина они сердито дулись друг на друга.

Гарри уже настолько привык к их ссорам, что даже не сделал попытки их помирить; он решил, что плодотворнее будет провести время в компании с бифштексом и пирогом с почками и пригласить большую тарелку своего любимого пирога с патокой.

Когда ученики доели, и уровень шума в зале опять пополз вверх, Дамблдор вновь поднялся. Разговоры тут же стихли, и все повернулись к директору школы. Гарри охватило чувство блаженной сонливости. Где-то там, наверху, его ждала такая тёпленькая и мягкая, закрытая пологом кровать...

– Ну вот, пока мы все перевариваем очередной великолепный ужин, хочу обратить ваше внимание на традиционные объявления, – проговорил Дамблдор. – Первокурсники должны знать, что лес в окрестностях школы для учеников закрыт... об этом следует помнить и некоторым старшекурсникам...

Гарри, Рон и Гермиона весело переглянулись.

– ...Мистер Филч, школьный смотритель, просил меня... как он сказал «в четырёста шестьдесят второй раз» напомнить всем вам, что в перерывах между занятиями, в коридорах пользоваться магией запрещается, а также передал множество других указаний, с полным списком которых вы сможете познакомиться на двери кабинета мистера Филча. В этом году в штате преподавателей две замены. Мы рады, что к нам вернулась профессор Граббл-Планк,

которая теперь будет вести уход за магическими существами, а кроме того, я с удовольствием представляю вам нового преподавателя по защите от Тёмных искусств – профессора Амбридж.

Раздались жидкие хлопки, а Рон, Гермiona и Гарри обменялись испуганными взглядами: Дамблдор ни слова не сказал о том, как долго будет преподавать Граббли-Планк.

Дамблдор продолжал:

– ...Отборочные тренировки квиддичных команд будут проходить...

Тут он умолк и вопросительно взглянул на профессора Амбридж. Поскольку, встав, она не сделалась намного выше ростом, чем была сидя, то почти никто не понял, по какой причине Дамблдор перестал говорить. Но профессор Амбридж откашлялась «кхм, кхм!», после чего стало ясно, что она действительно поднялась, чтобы произнести речь.

Пробыв в замешательстве пару секунд, Дамблдор решительно сел и принялся внимательно смотреть на профессора Амбридж с таким видом, словно всегда мечтал послушать, что она скажет. Прочие преподаватели не столь умело скрывали своё удивление. Брови профессора Спраут исчезли в непослушных волосах, губы у профессора МакГонаголл стали такими тонкими, каких Гарри у неё ещё никогда не видел. Никто из преподавателей прежде не прерывал Дамблдора. На лицах многих учеников появилась усмешка: очевидно, эта дама не знакома с хогвартскими порядками.

– Благодарю вас, директор, – жеманничая, проговорила профессор Амбридж, – за ваши добрые слова.

Голос у неё был тонкий, надтреснутый и какой-то девчачий, и Гарри ощутил прилив необъяснимой неприязни: он ненавидел в ней всё, начиная с дурацкого голоса, заканчивая пушистой розовой кофточкой.

Профессор Амбридж ещё раз откашлялась («кхм, кхм») и продолжила:

– Не скрою, как же чудесно вернуться в Хогвартс! – она улыбнулась, демонстрируя очень острые зубы. – И как же приятно видеть эти счастливые личики, обращённые ко мне!

Гарри посмотрел по сторонам. Ни одно лицо в поле его зрения счастливым не выглядело. Напротив, от подобного, словно к пятилетним детям, обращения, лица у всех вытянулись.

– Я с нетерпением жду возможности поближе познакомиться со всеми вами, и уверена, что мы станем хорошими друзьями!

После этих слов все в зале начали переглядываться, а некоторые с трудом удерживались от смеха.

– Я стану её подружкой, только если мне не придётся носить ту кофточку, – шепнула Парвати Лаванде, и обе захихикали.

Профессор Амбридж опять откашлялась («кхм, кхм») и теперь придыхания в её голосе поубавилось. Он звучал более деловито, и в нём появились скучные нотки заученного наизусть текста.

– Министерство магии всегда полагало, что образование молодых ведьм и колдунов – это вопрос первостепенной важности. Тот редкий дар, с которым вы появились на свет, не принесёт пользы, если не будет возвращён и отточен бережным обучением. Уникальные

стародавние навыки магического сообщества должны быть переданы следующим поколениям, чтобы мы рано или поздно не утратили их. Обрётённые сокровища магических познаний, накопленные нашими предками, должны храниться, пополняться и совершенствоваться теми, кто посвятил себя благородной профессии преподавателя.

Тут профессор Амбридж сделала паузу и слегка поклонилась своим коллегам, из которых ни один не поклонился ей в ответ. Тёмные брови профессора МакГонаггалл сошлись так, что она теперь решительно напоминала ястреба, и Гарри заметил, каким многозначительным взглядом она обменялась с профессором Спраут, когда Амбридж издала очередное «кхм, кхм» и продолжила речь.

— Каждый директор и директриса Хогвартса вносили что-нибудь новое в тяжёлую миссию управления этой прославленной школой, как и должно быть, потому что без прогресса наступит застой и распад. Тем не менее, прогресс во имя прогресса обречён, потому что зачастую испытанные и проверенные традиции не требуют вмешательства. Баланс между старым и новым, между постоянством и переменами, между традициями и новшествами...

Внимание Гарри стало угасать, словно рассудок уже засыпал и давал осечку. Тишина, наступавшая в Зале всегда, когда говорил Дамблдор, сейчас была нарушена: ученики принялись шептаться и хихикать. За столом Рэйвенкло Чоу Чанг оживлённо болтала с подружками. Сидящая неподалёку от Чоу Луна Лавгуд опять достала «Придиру». Только Эрни Макмиллан за столом Хаффлапфа, один из немногих, не сводил глаз с профессора Амбридж, но глаза у него были такие пустые, что Гарри не сомневался: Эрни лишь притворяется, что слушает, чтобы соответствовать значку prefecta, блестящему на его груди.

По всей вероятности равнодушная аудитория профессор Амбридж не замечала. У Гарри сложилось впечатление, что даже если перед её носом свершится революция, она всё равно будет твердить свою речь. Однако преподаватели слушали её внимательно, а Гермiona даже так, словно впитывала каждое сказанное Амбридж слово, хотя, судя по выражению лица, слова были не в её вкусе.

— ...Потому что некоторые перемены наступают к лучшему, но другие, с течением времени, будут признаны ошибочными. Вместе с тем, некоторые прежние традиции сохраняются, и заслуженно, тогда как другие, выпавшие из моды и устаревшие, должны быть забыты. Давайте устремимся вперёд, в новую эру открытости, эффективности и ответственности, сохраняя то, что нужно сохранить, совершенствуя то, что должно быть усовершенствовано, и избавляясь от всего того, что практика велит нам запретить.

Она села. Дамблдор захолопал. Преподаватели последовали его примеру, но Гарри заметил, что некоторые хлопнули лишь пару раз, не больше. Некоторые ученики тоже присоединились к аплодисментам, но большинство было захвачено врасплох концом речи, поскольку услышало из неё очень немногое, и прежде чем они сообразили должным образом поаплодировать, Дамблдор опять встал.

– Большое спасибо профессору Амбридж, которая так просветила нас,¹⁰¹ – он поклонился ей. – А теперь, как я и сказал, тренировки по квиддичу будут проходить...

– Да уж, это точно, просветила... – шёпотом сказала Гермиона.

– Тебе что, понравилось всё это? – тихо спросил Рон, переводя на Гермиону остекленевший взор. – Это была самая занудная речь, которую я когда-нибудь слышал, а я рос с Пёрси.

– Я сказала «просветила», но не сказала, что понравилось, – ответил Гермиона. – Это многое объясняет.

– Объясняет что? – удивился Гарри. – По мне это просто пустой треп.

– В этом трёпе скрыта очень важная информация, – уверенно заявила Гермиона.

– Ты о чём? – рассеянно поинтересовался Рон.

– А как насчёт «прогресс во имя прогресса обречён»? Как насчёт «избавляясь от всего того, что практика велит запретить»?

– Да о чём речь-то? – нетерпеливо повторил Рон.

– А я вам скажу, о чём речь, – сквозь зубы процедила Гермиона. – Речь о том, что Министерство вмешивается в дела Хогвартса.

Со всех сторон поднялся гул и стук, Дамблдор только что объявил окончание пира, все стали вставать, собираясь уходить. Гермиона взволнованно вскочила.

– Рон, мы же должны показывать первогодкам, куда идти!

– О, точно, – Рон, похоже, забыл об этом напрочь. – Эй... эй, вы... малявки!

– Рон!

– Да ладно, они ведь и вправду мелкие...

– Я понимаю, но ты не должен называть их малявками!.. Первокурсники! – командным голосом объявила Гермиона на весь стол. – Пожалуйста, подходите сюда!

Группка новичков застенчиво пошла между гриффиндорским и хаффлаффским столами, каждый пытался забиться в серединку. Они и в самом деле выглядели совсем маленькими. Гарри был уверен, что он, попав сюда, таким мелким не казался. Он улыбнулся им. Белобрысый мальчик рядом с Эваном Аберкромби окаменел, а потом подтолкнул Эвана и что-то шепнул ему на ухо. Эван Аберкромби точно так же испугался и бросил на Гарри такой затравленный взгляд, что улыбка у Гарри стекла по лицу, как смердосок.

– Увидимся позже, – сухо сказал Гарри Рону и Гермионе и пошёл через Большой Зал, пытаясь всячески игнорировать окружавшие его шепотки, взгляды и тыкания пальцами.

Не глядя по сторонам, он пробрался через толпу в вестибюле, потом взбежал по мраморной лестнице, несколько раз срезал путь по тайным проходам, и вскоре основная масса людей осталась вдалеке.

¹⁰¹ 4 в оригинале фраза Дамблдора звучит так: "Thank you very much, Professor Umbridge, that was most illuminating". Обыгрывается фамилия Амбридж, которая включает слово «umbra» – тень, призрак; и, вероятно, Дамблдор иронизирует по поводу термина «иллюминаты» – «просветленные», которым назывались посвященные в высшие ступени магии.

Глупо было ждать чего-то другого, сердито думал он, шагая по пустынным коридорам верхних этажей. Ещё два месяца назад, когда он появился из Тримагического лабиринта с телом своего соученика, утверждая, что видел, как Лорд Волдеморт обрёл прежнее могущество, – уже тогда на него смотрели именно так. Времени на объяснения не оставалось, потому что всем пора была разъезжаться по домам... хотя он был готов перед всей школой в подробностях рассказать об ужасных событиях на кладбище.

Гарри дошёл до конца коридора, ведущего в гриффиндорскую гостиную, остановился перед портретом Полной Леди и тут понял, что не знает нового пароля.

– Эээ... – замялся он, глядя на Полную Леди, которая разглаживала складочки своего атласного, розового платья и испытующе смотрела на него.

– Без пароля хода нет, – надменно произнесла она.

– Гарри, я знаю пароль!

Кто-то бежал по коридору, Гарри обернулся и увидел, что к нему трусцой, пытаясь, подбегает Невилл.

– Ты представляешь, какой сейчас пароль! На этот-то раз я его точно запомню... – он взмахнул чахлым маленьким кактусом, который демонстрировал в поезде, – Мимбулус мимблтония!

– Верно, – проговорила Полная Леди, её портрет распахнулся словно дверь, открывая круглое отверстие в стене, в которое Гарри с Невилом и забрались.

Гриффиндорская гостиная выглядела даже приветливее, чем обычно: уютная круглая комната, уставленная обветшалыми мягкими креслами и колченогими старинными столиками. В камине весело потрескивал огонь, и у него грели руки несколько человек, перед тем, как разойтись по своим спальням. В противоположном углу комнаты Фред и Джордж Уизли что-то прикрепляли к доске объявлений. Гарри пожелал им спокойной ночи и сразу направился к двери, ведущей в спальни мальчиков. Сейчас у него не было никакого настроения общаться. Невилл последовал за ним.

Дин Томас и Шеймас¹⁰² Финниган пришли в спальню раньше и сейчас заклеивали стены у своих кроватей эмблемами и фотографиями. Когда Гарри толкнул дверь, они сразу повернулись, но, увидев его, на мгновение замерли. Гарри подумал, то ли они разговаривали о нём, то ли у него начинается паранойя.

– Привет, – поздоровался он, подошёл к своему сундуку и открыл его.

– Привет, Гарри, – ответил Дин, надевая пижаму в цветах «Уэст Хэма». – Как провёл лето?

– Неплохо, – буркнул Гарри, потому что подробный рассказ о каникулах занял бы целую ночь, а к этому он был не готов. – А ты?

– О, здорово, – хихикнул Дин. – Во всяком случае, лучше, чем Шеймас, он мне только что рассказывал о себе.

– А что случилось, Шеймас? – поинтересовался Невилл, бережно устанавливая мимбулус мимблтонию на прикроватный столик.

¹⁰² 5 Seamus – Шеймас, так произносится это ирландское имя

Шеймас ответил не сразу, делая вид, что страшно занят закреплением на стене эмблемы квиддичной команды «Кенмар Кестрелс». Потом пояснил, не поворачиваясь к Гарри:

– Моя мама не хотела, чтобы я возвращался.

– Что? – переспросил Гарри, перестав раздеваться.

– Она не хотела, чтобы я возвращался в Хогвартс.

Шеймас отошёл от эмблемы и, по-прежнему не глядя на Гарри, достал свою пижаму из сундука.

– А... почему? – удивился Гарри.

Он знал, что мама Шеймаса – ведьма, и не мог понять, с какой стати она ведёт себя подобно Дёрзли.

Шеймас ответил только тогда, когда застегнул пижаму.

– Ну, в общем, – сдержанно произнёс он, – думаю... из-за тебя.

– В каком смысле? – быстро переспросил Гарри.

Сердце у него бешено заколотилось, в глазах потемнело.

– Короче, – опять протянул Шеймас, всё ещё избегая взгляда Гарри, – она... ээ... ладно, это не только из-за тебя, но ещё из-за Дамблдора...

– Она верит «Ежедневному пророку»? – тихо спросил Гарри. – Думает, что я врун, а Дамблдор старый дурак?

Шеймас взглянул на него:

– Да... типа того.

Гарри промолчал. Бросил палочку на прикроватный столик, стащил с себя одежду, в сердцах швырнул в сундук и натянул пижаму. От всего этого ему стало так противно, противно быть тем, на кого вечно пялятся и кого вечно обсуждают. Хоть бы один из них знал, хоть бы один имел понятие, что значит – оказаться на его месте... Миссис Финниган понятия не имеет, дура, – злобно подумал он.

Гарри залез в кровать и принялся тщательно задёргивать полог, но не успел задернуть до конца, как Шеймас спросил:

– Слушай... а что было-то *на самом деле* той ночью... ну ты понял... с Седриком Диггори и всем прочим?

Голос у Шеймаса был взволнованный и напряжённый. Дин, который склонился над сундуком, разыскивая тапки, замер, и Гарри понял, что тот тоже внимательно слушает.

– А зачем ты спрашиваешь? – взвился Гарри. – Ты почитай «Ежедневный пророк», как твоя мамочка! Вот там тебе и расскажут всё, что тебе так хочется знать!

– Не наезжай на мою мать! – повысил голос Шеймас.

– Я буду наезжать на любого, кто назовёт меня лгуном! – отрезал Гарри.

– Не разговаривай со мной таким тоном!

– Каким хочешь, таким и буду разговаривать! – Гарри разозлился настолько, что схватил с прикроватного столика свою палочку. – Не нравится тебе спать со мной в одной комнате, сходи, попроси МакГонаголл, может тебя переселят... и мамочка твоя ныть перестанет...

– Оставь в покое мою мать, Поттер!

– Что случилось?

В дверях появился Рон. Широко открытыми глазами он смотрел то на Гарри, стоявшего на коленях на кровати, с палочкой, направленной на Шеймаса, то на Шеймаса, который замахивался кулаком на Гарри.

– Он наезжает на мою мать! – завопил Шеймас.

– Что? – переспросил Рон. – Да ты что, Гарри бы и в голову... мы же видели твою мать, она нам понравилась...

– Это было до того, как она стала верить каждому слову, что пишет обо мне этот вонючий «Ежедневный пророк»! – заорал Гарри.

– О... – протянул Рон, на его веснушчатом лице отразилось понимание. – О... понятно.

– А знаете что? – возбужденно воскликнул Шеймас, бросив на Гарри ядовитый взгляд. – Он прав, я в самом деле не хочу больше жить с ним в одной комнате, он тронулся!

– Это чересчур, Шеймас, – заметил Рон, у которого уши уже запылали, что всегда было плохим признаком.

– Чересчур, да? – заорал Шеймас, который в отличие от Рона побледнел. – Ты веришь всему бреду, который он несёт о Сам-Знаешь-Ком, ты что, считаешь, он говорит правду?

– Да, я считаю, он говорит правду, – сердито отрезал Рон.

– Тогда ты тоже ненормальный, – с отвращением бросил Шеймас.

– Да? Прекрасно, но к несчастью для тебя, старик, я ещё и префект! – ткнул себя пальцем в грудь Рон. – Так что, если не хочешь получить взыскание, закрой свой рот!

Шеймас на несколько секунд замер, словно взвешивая, стоит ли расплачиваться взысканием за то, чтобы сказать всё, что думает, но потом с презрительным фырканьем развернулся, запрыгнул в кровать и с такой силой дёрнул полог, что занавеси оторвались и пыльной грудой свалились на пол. Рон с гримасой отвращения взглянул на Шеймаса, а потом перевёл взгляд на Дина с Невиллом.

– У кого-нибудь ещё проблемы с родителями из-за Гарри? – с нажимом спросил он.

– Мои родители маглы, приятель, – пожал плечами Дин. – Они и знать не знают про смерти в Хогвартсе, потому что я не такой дурак, чтобы рассказывать им об этом.

– Ты не знаешь мою мать, она из любого вытащит всё, что угодно! – огрызнулся на него Шеймас. – Да притом твои родители не получают «Ежедневный пророк». Они не знакомы с нашим директором, которого выперли из Визенгамота и Международной конфедерации колдунов за то, что у него шарики за ролики закатились...

– Моя бабушка сказала, что это всё ерунда, – подал голос Невилл. – Она сказала, что это у «Ежедневного пророка» крыша поехала, а не у Дамблдора. Она отказалась от подписки на него. И мы верим Гарри, – бесхитростно добавил он.

Он залез в кровать и натянул до подбородка одеяло, круглыми глазами глядя на Шеймаса:

– Моя бабушка всегда говорила, что Сам-Знаешь-Кто вернётся рано или поздно. Она говорит, если Дамблдор сказал, что тот вернулся, значит, он и правда вернулся.

Гарри ощутил прилив благодарности к Невиллу.

Все замолчали. Шеймас вынул палочку, восстановил полог на кровати и скрылся за ним. Дин лег в кровать, поворочался и затих. Невилл, которому добавить было нечего, с нежностью разглядывал свой кактус, залитый лунным светом.

Рон начал бродить вокруг своей кровати, разбирая вещи, Гарри откинулся на подушки. Спор с Шеймасом его очень задел, потому что Шеймас ему всегда нравился. Как много ещё народу считает, что он лжёт или сошёл с ума?

Неужели Дамблдор тоже так промучился всё лето, когда его сначала из Визенгамота, а потом из Международной конфедерации колдунов исключили? Может быть именно злость на Гарри несколько месяцев удерживала Дамблдора от общения? Ведь в этом деле они на одной стороне, Дамблдор верил Гарри, объяснил сначала всей школе его версию событий, а потом и всему магическому сообществу. Любой, кто считал Гарри лгуном, должен был так и про Дамблдора подумать, или подумать, что Дамблдора одурачили...

Наступит время, и все поймут, что мы правы, печально подумал Гарри, когда Рон уже залез в кровать и потушил последнюю свечу в спальне. Но сколько же ещё таких скандалов, как с Шеймасом, придётся вынести, прежде чем это время придёт.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПРОФЕССОР АМБРИДЖ

На следующее утро Гарри не успел и носки натянуть, а Шеймас уже быстро-быстро оделся и выскочил из спальни.

Когда за дверью скрылся подол его мантии, Гарри громко спросил вслед:

– Он что, думает, что психом станет, если слишком долго в моей компании пробудет?

– Гарри, не переживай, – пробормотал Дин, цепляя на плечо школьную сумку, – Он просто...

Вероятно, объяснить мотивы Шеймаса Дин не смог и после неловкого молчания тоже вышел за ним следом.

Невилл и Рон пожали плечами с видом, что это его личные трудности, но Гарри легче не стало. Сколько ещё таких выходов придётся вытерпеть?

Пять минут спустя, по дороге на завтрак, в гостиной их нагнала Гермиона:

– Что-то случилось? Вид у вас совершенно... о, ради всего святого!

Она уставилась на доску объявлений в гостиной, где висел большой свеженький плакат.

«ГРУДЫ ГАЛЛЕОНОВ!

Ваши карманные расходы опережают доходы?

Хотите заработать немного золота?

Свяжитесь с Фредом и Джорджем Уизли в гриффиндорской гостиной,

чтобы получить несложную, временную, почти безвредную работу.

(Извиняемся, но работа – на ваш собственный страх и риск)».

– Это уже переходит все границы, – мрачно заключила Гермиона, срывая объявление, которое Фред и Джордж прикрепили поверх уведомления о дате первого выходного в Хогсмиде, предстоящего им в октябре. – Рон, мы должны поговорить с ними.

Рон заметно обеспокоился:

– Зачем?

– Потому что мы префекты! – воскликнула Гермиона, когда они вылезли из прохода за портретом. – Нам положено такие вещи пресекать!

Рон промолчал. По его мрачному виду Гарри понял, что перспектива мешать Фреду и Джорджу заниматься любимым делом ему отнюдь не улыбается.

– Ну, так что случилось, Гарри? – продолжила Гермиона, когда они стали спускаться по лестнице, вдоль которой висели портреты ведьм и колдунов прежних времён, занятых болтовнёй и не обращавших на них никакого внимания. – Похоже, ты на что-то страшно злишься.

– Шеймас считает, что насчёт Сама-Знаешь-Кого Гарри всё наврал, – коротко пояснил Рон, потому что Гарри промолчал.

Гермиона, вместо того чтобы возмутиться, как Гарри ожидал, только вздохнула и уныло добавила:

– Да, и Лаванда думает так же.

– Ты что, миленько обсудила с ней, правда ли я врун и самовлюблённый кретин? – возмутился Гарри.

– Нет, – хладнокровно возразила Гермиона. – Как ни странно, я сказала, чтобы она попридержала свой длинный грязный язык насчёт тебя. Было бы лучше, Гарри, если бы ты перестал затыкать нам рот, потому что, может, ты и не заметил, но мы с Роном на твоей стороне.

Наступила пауза.

– Извини, – выдавил Гарри.

– Ничего страшного, – с чувством собственного достоинства ответила Гермиона, а затем покачала головой и добавила: – Разве вы не помните, что сказал Дамблдор на прощальном пиру в честь окончания учебного года?

Гарри с Роном недоумённо посмотрели на неё, и она пояснила:

– Сами-Знаете-О-Ком. Он сказал, что тот «одарён выдающейся способностью сеять раздор и вражду. Бороться с этим мы сможем, лишь создавая не менее прочные узы дружбы и доверия...»

– Ты помнишь такие подробности? – с восхищением взглянул на неё Рон.

– Я внимательно слушаю, Рон, – поучительным тоном ответила Гермиона.

– Ну, я тоже, но я бы не смог слово в слово повторить...

– Дело в том, – с нажимом продолжила Гермиона, – что всё происходит именно так, как говорил Дамблдор. Сами-Знаете-Кто вернулся только два месяца назад, а мы уже начали ссориться даже друг с другом. И Шляпа о том же предупреждала: держитесь вместе, стремитесь к единству...

– А Гарри как раз вчера вечером по этому поводу удивлялся, – парировал Рон. – Если слушать Шляпу, мы должны любезничать со слизеринцами, ага, сейчас, *разбежались*.

– Ладно, но, по-моему, очень жаль, что к единству между Домами мы и шага не делаем, – раздражённо заключила Гермиона.

Они дошли до мраморной лестницы. Через вестибюль проходила группа четверокурсников из Рэйвенкло, при виде Гарри они сбились в кучку, точно боясь, как бы он не напал отставших.

– Да, мы всенепременно обязаны подружиться с такими вот людьми, – саркастически заметил Гарри.

Вслед за рэйвенкловцами ребята направились в Большой Зал и ещё с порога инстинктивно взглянули на стол преподавателей. Профессор Граббл-Планк болтала с профессором Синистрой, преподавателем астрономии, а Хагрид по-прежнему блистал своим

отсутствием. Заколдованный потолок над головами копировал Гаррино настроение: он был печально и пасмурно серым.

– Дамблдор и словом не обмолвился, как долго пробудет эта Граббл-Планкиха, – буркнул Гарри, подходя к гриффиндорскому столу.

– А может быть... – глубокомысленно начала Гермиона.

– Что? – хором воскликнули Гарри с Роном.

– Ну... может быть, он не хотел привлекать внимание к отсутствию Хагрида?

– Что значит «не хотел привлекать внимание»? – насмешливо переспросил Рон. – Можно подумать, его отсутствие можно не заметить.

Но прежде чем Гермиона успела пояснить, к Гарри подошла высокая темнокожая девочка с длинными чёрными волосами, заплетёнными в косички.

– Привет, Анджелина.

– Привет, – оживлённо начала она. – Как прошло лето? – и, не дожидаясь ответа, добавила: – Слушай, меня назначили капитаном гриффиндорской квиддичной команды.

– Здорово, – улыбнулся ей Гарри; он сразу подумал, что предматчевые наставления Анджелины не будут такими многословными, как были при Оливере Вуде, но это только к лучшему.

– Да, в общем, Оливер ушёл, и теперь нам нужен новый вратарь. Отборочная тренировка будет в пятницу, в пять вечера, и я бы хотела всю команду видеть, ладно? Заодно и посмотрим, как новичок с нами сыграется.

– Ладно, – кивнул Гарри.

Анджелина улыбнулась ему в ответ и ушла.

– Я и забыла, что Вуд уже закончил школу, – задумчиво сказала Гермиона, садясь рядом с Роном и беря тарелку с тостами. – Наверное, команде первое время придётся несладко?

– Наверно, – Гарри сел напротив. – Он был хорошим вратарём.

– А всё-таки свежая кровь не помешает, разве нет? – взглянул на него Рон.

Тут в верхние окна Зала, с хлопанием и свистом, влетели сотни сов. Они то тут, то там заходили на посадку, неся своим хозяевам письма и посылки, и забрызгивали завтракающих каплями воды: очевидно на улице шёл проливной дождь. Хэдвиг не появилась, но Гарри даже не удивился: единственным корреспондентом у него был Сириус, а едва ли за прошедшие сутки у Сириуса появятся какие-нибудь новости. Гермионе пришлось срочно отставить в сторону свой апельсиновый сок, чтобы освободить место большой и мокрой сове сипухе, которая принесла в клюве промокший «Ежедневный пророк». Гермиона опустила в кожаный мешочек на ноге совы один нат, и сова улетела.

– Зачем ты по-прежнему его получаешь? – раздражённо спросил Гарри, вспомнив о Шеймase. – Меня не волнует эта... помойка.

– Лучше быть в курсе того, что говорят враги, – хмуро ответила Гермиона, развернула газету и погрузилась в неё с головой.

Когда Гарри с Роном закончили завтракать, она свернула газету, положила под свою тарелку и коротко констатировала:

– Ничего. Ни о тебе, ни о Дамблдоре, ни о чём ещё – ничего.

К столу подошла профессор МакГонаголл и раздала расписания.

– Вы посмотрите, что сегодня! – простонал Рон. – История магии, спаренные зелья, прорицание и ещё спаренная защита от Тёмных искусств... Биннс, Снейп, Трелони, и эта Амбриджиха, и все в один день! Хоть бы Фред и Джордж побыстрее закончили Прелести Прогульщика...

– Меня обманывает слух? – раздался голос Фреда.

Он и Джордж присели на скамью рядом с Гарри.

– Неужто хогвартские префекты в самом деле мечтают прогулять уроки?

– Ты посмотри, что у нас сегодня, – мрачно сказал Рон и ткнул под нос Фреду расписание. – Это самый гнусный понедельник в моей жизни.

– Ясное дело, братишка, – протянул Фред, изучая расписание. – Могу по дешёвке предложить Носокровную Нугу, если хочешь.

– Почему это по дешёвке? – с подозрением поинтересовался Рон.

– Потому что кровь будет идти, пока вся не закончится, у нас ещё нет противоядия, – пояснил Джордж, отправляя в рот ломтик копчёной селедки.

– Да ну тебя, – Рон с угрюмым видом забрал у него расписание. – Пожалуй, я лучше на занятия пойду.

– Кстати, насчёт ваших Прелестей Прогульщика, – Гермиона посмотрела на Фреда с Джорджем. – Свои объявления насчёт испытателей на гриффиндорской доске объявлений не развешивайте.

– Кто это сказал? – спросил Джордж, всем своим видом выражая удивление.

– Я сказала, – ответила Гермиона. – И Рон.

– Я здесь ни при чём, – торопливо пояснил Рон.

Гермиона воззрилась на него. Фред и Джордж хихикнули.

– Скоро по-другому запоёшь, Гермиона, – заметил Фред, щедро намазывая маслом булочку. – Пятый курс начинается, скоро сама попросишь нашу Прелесть.

– И с какой это стати на пятом курсе я захочу Прелестей Прогульщика? – поинтересовалась Гермиона.

– Пятый курс – курс СОВ.¹⁰³

– Ну?

– Ну и экзамены у вас начнутся, понимаешь? Так нагрузят, что мало не покажется, – мстительно пояснил Фред.

– У половины нашего курса к СОВам началось лёгкое нервное расстройство, – с удовольствием добавил Джордж, – слёзы, истерики... У Патриции Симпсон до обмороков дело доходило...

– А Кеннет Таулер взбесился, помнишь? – напомнил Фред.

– Ну, это потому, что ты ему пижаму порошком Паралука¹⁰⁴ посыпал, – заметил Джордж.

¹⁰³ 1 СОВ ы: Ступени Обычного Волшебства; в оригинале O.W.L.: Ordinary Wizarding Level

¹⁰⁴ 2 Bulbadox powder (лат. bulbus – луковица; бульбарный паралич (лат. bulbus cerebri – старинное название продолговатого мозга) периферический паралич, с расстройствами функций речи и слуха)

– Ах, да, – усмехнулся Фред, – я и забыл... иногда всего и не упомнишь, да?

– В любом случае, пятый курс – это кошмар, – заключил Джордж. – Если, конечно, результаты экзаменов вас волнуют. Мы с Фредом как-то умудрились выжить.

– Ага... по три СОВы на каждого получили? – спросил Рон.

– Ну да, – беззаботно ответил Фред. – Но мы считаем, что наше будущее лежит за пределами сферы академических достижений.

– Мы серьёзно обсуждали вопрос, стоит ли нам возвращаться сюда на седьмой курс, – оживлённо добавил Джордж. – Особенно после того, как...

Он осёкся под взглядом Гарри, который уже понял, что Джордж сейчас начнёт говорить про подаренный им приз Тримагического Турнира.

– ...После того, как уже сдали СОВ, – торопливо поправился Джордж. – В том смысле, что нужны ли нам ещё и КРОТы?¹⁰⁵ Но подумали, а не запишет ли нас мама за досрочное окончание школы в список величайших придурков мира, наравне со сбежавшим Пёрси.

– Но мы не собираемся весь наш последний год здесь тратить время попусту, – Фред с нежностью обвёл глазами Большой Зал. – Используем его на то, чтобы провести небольшое маркетинговое исследование: нужно точно узнать, чего средний хогвартский ученик ждёт от потешной лавки, результаты исследования тщательно просчитать, а потом уже производить товары в соответствии со спросом.

– Но где вы собираетесь достать денег, чтобы начать дело? – скептически спросила Гермиона. – Вам же понадобятся компоненты, сырьё... и помещение, наверное...

Гарри не поднимал глаза на близнецов. Он так покраснел, что специально уронил вилку и нырнул за ней под стол. И услышал, как сверху Фред изрёк:

– Не спрашивь – не соврём, Гермиона. Пошли, Джордж, если мы придём пораньше, то может ещё успеем до гербологии продать парочку Ушлых Ушей.

Когда Гарри вылез из-под стола, то увидел, как Фред и Джордж уходят с кучей тостов в руках.

– Что это значит? – Гермиона недоумённо перевела глаза с Рона на Гарри, – «Не спрашивь...» Значит, у них уже есть деньги на потешную лавку?

– Знаешь, я уже тоже над этим голову ломал, – нахмурился Рон. – Они летом купили мне новую парадную мантию, и я так и не понял, откуда у них галлеоны...

Гарри решил, что пора выводить беседу из опасного русла.

– Как думаете, этот год и правда будет таким тяжёлым? Из-за экзаменов?

– О, да, – подтвердил Рон. – Свихнёшься, небось. СОВы – это очень важно, они влияют на работу, которую выберешь, и на всякое прочее. Билл сказал, что в конце этого курса у нас будет консультация по профорientации. А ещё можно будет выбирать КРОТов, которые будешь сдавать в следующем году.

¹⁰⁵ 3 КРОТ: Колдовские Реально Опустошающие Тесты; в оригинале N.E.W.T.s: Nastily Exhausting Wizards Tests (newt - тритон)

– А вы уже знаете, чем хотите заниматься после Хогвартса? – спросил друзей Гарри некоторое время спустя, когда они вышли из Большого Зала и направились в класс истории магии.

– Не совсем... – медленно ответил Рон, – разве если... ну...

Он ступсывался.

– Что? – побудительно взглянул на него Гарри.

– Было бы неплохо аврором стать, – выдал Рон.

– Ага, точно, – с жаром поддержал его Гарри.

– И это, прикинь, самая элита, – добавил Рон. – Нужно быть очень способным. А ты, Гермиона, чего хочешь?

– Я не знаю, – откровенно сказала она. – Хотела бы заниматься чем-нибудь действительно стоящим...

– Аврор – это стоящее дело! – безапелляционно заявил Гарри.

– Да, но это не единственное стоящее занятие, – задумчиво произнесла Гермиона. – В смысле, вот если бы я смогла и дальше заниматься РВОТЭ...

Гарри и Рон старательно избегали смотреть друг на друга.

По общему мнению, история магии была самым скучным предметом, когда-либо изобретённым магическим родом. Их преподаватель профессор Биннс, призрак, обладал сильным занудным голосом, который почти гарантированно наводил стойкую дремоту за десять минут, а в тёплую погоду – даже за пять. Манеру ведения урока он никогда не менял, не делая пауз, начитывал лекции, которые ученики пытались записывать, но чаще сонно хлопали глазами. До сих пор Гарри и Рон выходили из затруднительного положения, переписывая конспекты Гермионы по этому уроку перед экзаменами: только Гермиона обладала способностью сопротивляться усыпляющей власти голоса Биннса.

Сегодня полтора часа занудства было посвящено теме войны великанов. Гарри прослушал только первые десять минут, за которые смутно понял, что в изложении другого преподавателя эта тема могла бы стать капельку поинтереснее, а потом рассудок его выключился, и оставшиеся час с двадцатью минутами он играл с Роном в «виселицу» на краешке пергамента, а Гермиона время от времени искоса злобно посматривала на них.

– Интересно, что будет, – холодно спросила она, когда все вышли на перерыв из класса (а Биннс выплыл прямо сквозь классную доску), – если в этом году я не дам вам конспекты?

– Мы завалим СОВ, – откликнулся Рон, – и это будет только на твоей совести, Гермиона.

– Я думаю, вы бы это заслужили, – отрезала она. – Вы ведь даже не пытаетесь его послушать?

– Мы пытаемся, – честно ответил Рон. – У нас просто нет твоих умственных способностей, твоей памяти, твоей концентрации... Ты просто талантливее нас... Я тебе не надоел?

– Ох, отвяжись, – бросила Гермиона, но вид у неё стал более умиротворённый, и она зашагала на улицу, в мокрый внутренний дворик.

Шёл мелкий-мелкий морозящий дождик, все ученики толклись под карнизами по периметру дворика, и их силуэты казались размытыми по краям. Гарри, Рон и Гермиона выбрали уединённый угол под балконом, с которого текли струи воды, подняли воротники, спасаясь от холодного сентябрьского воздуха, и стали рассуждать о том, чего ждать от Снейпа на первом уроке. Пришли к выводу, что, наверняка, он устроит нечто чрезвычайно сложное, чтобы заставить их врасплох после двухмесячных каникул. И тут через двор к ним направилась чья-то фигура.

— Гарри, привет!

Это оказалась Чоу Чанг и, что самое главное, она опять была одна. Необычным этот факт был потому, что всегда её окружала толпа хихикающих девочек; Гарри ещё не забыл, каких трудов ему стоило в прошлом году заставить её в одиночестве, чтобы пригласить на Йольский бал.

— Привет, — ответил Гарри, чувствуя, что краснеет. — *«Ну, хорошо, что хоть смердосоком не обливаюсь на этот раз»*, — подумал он.

По всей вероятности Чоу пришло в голову то же самое:

— Ты потом отчистился от той гадости?

— Да, — Гарри попытался усмехнуться, будто воспоминание об их последней встрече было забавным, а вовсе не унижительным. — Ну, как ты... ээ... хорошо провела лето?

Едва он задал вопрос, как тут же прикусил язык — Седрик был другом Чоу, и воспоминания о его смерти, скорее всего, отравили ей все каникулы так же, как и Гарри. Лицо у неё застыло, но потом она ответила:

— О, знаешь, прекрасно...

— Это у тебя эмблема «Торнадо»? — внезапно спросил Рон, указав на мантию Чоу, где был приколот небесно-голубой значок, украшенный золотой сдвоенной буквой «Т». — Ты за них болеешь, что ли?

— Да, за них, — кивнула Чоу.

— Всегда или только с тех пор, как они начали побеждать в кубках лиги? — поинтересовался Рон таким тоном, который Гарри показался излишне осуждающим.

— Я за них болею с тех пор, как мне исполнилось шесть лет, — хладнокровно ответила Чоу. — Ладно... увидимся, Гарри.

Она отошла. Гермиона подождала, пока Чоу выйдет на середину двора, а потом повернулась к Рону:

— Ты такой бестактный!

— А что? Я просто спросил её...

— Не понял, что она хотела поговорить с Гарри наедине?

— Да ну? Она вроде не собиралась, и я ей не мешал...

— А зачем нужно было приставать к ней с разговорами о квиддиче?

— Приставать? Я не приставал к ней, я просто...

— Кого *волнует*, болеет она за «Торнадо» или нет?

— Ох, да ну тебя, половина народу, которые носят такие значки, купили их только в этом сезоне...

– Да *какая* разница!

– Значит они не настоящие фанаты, а просто примазываются...

– Уже звонок, – флегматично заметил Гарри, потому что Рон с Гермионой препирались слишком громко и звонка не слышали.

Они не прекращали спорить всю дорогу до подземелья Снейпа, и у Гарри появилась масса времени поразмышлять о том, что между Невиллом и Роном ему посчастливилось улучшить пару минут общения с Чоу, о которых можно вспоминать без желания провалиться сквозь землю.

Когда они уже встали в хвост очереди, выстроившейся под дверью класса Снейпа, Гарри пришёл к выводу, что Чоу хотела подойти и поговорить именно с ним. Она была подружкой Седрика, она запросто могла возненавидеть Гарри за то, что тот вышел живым из Тримагического лабиринта, а Седрик умер, но всё-таки она разговаривала с ним очень дружелюбно, не так, как разговаривают с вруном или ненормальным, или с мерзавцем, виновным в смерти Седрика... Да, она определённо хотела подойти и поговорить с ним, и это уже второй раз за два дня... От этой мысли настроение у Гарри поднялось. Даже злое скрип открывшейся двери в Снейпово подземелье не отравил переполнявшую его надежду. Вслед за Роном и Гермионой Гарри вошёл в класс и вместе с ними направился на привычные места в последнем ряду. Сев посередине, на фырканы и сопение с обеих сторон он и ухом не повёл.

– Успокаивайтесь, – бесстрастно произнёс Снейп, закрывая за собой дверь.

Никакой необходимости призывать к порядку не было: как только раздался стук захлопнувшейся двери, все тут же съёжились, и всякое шевеление прекратилось. Одного лишь присутствия Снейпа обычно бывало достаточно, чтобы обеспечить тишину в классе.

Снейп стремительно прошёл к своему столу, обернулся и пристальным взглядом обвёл класс.

– Прежде чем мы начнём сегодняшний урок, – начал он, – считаю уместным напомнить, что в июне вам предстоит важный экзамен, в процессе которого следует доказать, насколько вы сведущи в составлении и использовании магических зелий. Я полагаю, что даже те слабоумные, которые в этом классе, несомненно, есть, натянут на удовлетворительную оценку по СОВе, или же им придётся столкнуться с моим... неудовольствием.

Тут его пристальный взгляд задержался на Невилле. Невилл сглотнул.

– Разумеется, после этого года многие из вас перестанут у меня учиться, – продолжил Снейп. – В свой класс зелий на КРОТов я возьму только самых лучших. Таким образом, с прочими, безусловно, придётся распрощаться.

Глаза его остановились на Гарри, и губы изогнулись. Гарри встретил его взгляд с чувством мрачного удовлетворения от мысли, что после пятого курса сможет порвать с зельями раз и навсегда.

– Но у нас ещё год до этого сладостного момента расставания, – вкрадчиво добавил Снейп, – поэтому, планируете вы стремиться к КРОТам или нет, я всем рекомендую сосредоточить усилия для поддержания достойного уровня знаний, которого я обоснованно

ожидаю от своих учеников при сдаче СОВ. Сегодня мы будем смешивать зелье, которое часто встречается на Ступени Обычного Волшебства: это Глоток Покоя,¹⁰⁶ зелье для уменьшения тревоги и снятия возбуждения. Будьте внимательны: если вы чересчур небрежно отмерите ингредиенты, выпивший зелье погрузится в глубокий, не исключено, что и вечный сон, поэтому вам придётся внимательно следить за тем, что вы делаете.

Гермиона, сидевшая слева от Гарри, напряжённо слушала, выражение её лица свидетельствовало об исключительном внимании.

– Ингредиенты и процедура... – Снейп взмахнул палочкой, – ...на доске... – (они там тут же появились). – ...Всё, что вам потребуется, вы найдёте... – он ещё раз взмахнул палочкой, – ...в шкафу хранилища... – (дверь упомянутого шкафа распахнулась). – ...У вас есть полтора часа... начинайте.

Как Гарри, Рон и Гермиона и предсказывали, Снейп предложил едва ли не самое сложное, кропотливое в изготовлении зелье. Ингредиенты следовало добавлять в котёл в строгом порядке и точных количествах; зелье полагалось перемешивать строго через определённые промежутки времени, сначала по часовой стрелке, потом против часовой стрелки; температуру нагревания, при которой кипело содержимое котла, перед добавлением заключительного ингредиента нужно было понижать до нужного уровня в течение установленного времени.

За десять минут до конца урока Снейп обозначил:

– Сейчас над вашим зельем должен появиться лёгкий серебристый пар.

Гарри весь взмок и в отчаянии оглядел подземелье. Его котёл испускал клубы тёмно-серого пара, котёл Рона плевался зелёными искрами. Шеймас лихорадочно тыкал кончиком палочки в вырывающиеся языки пламени под своим котлом. Но поверхность Гермиониного зелья периодически подёргивалась серебристым парком, Снейп подлетел и хищно сунул туда нос без единого комментария, что означало у него отсутствие критических замечаний.

Однако у котла Гарри Снейп задержался и заглянул туда со всеяющей ужас усмешкой:

– Поттер, что здесь предполагалось быть?

Слизерницы по всему классу напряжённо подались вперёд: они обожали слушать Снейповы колкости в адрес Гарри.

– Глоток Покоя, – напряжённо пояснил Гарри.

– Скажите, Поттер, – вкрадчиво произнёс Снейп, – вы умеете читать?

Дрэйко Малфой заржал.

– Да, умею, – пальцы Гарри крепко сжали палочку.

– Прочтите мне третью строчку инструкции, Поттер.

Гарри бросил взгляд на классную доску: из-за разноцветного дыма, заполнившего подземелье, инструкцию теперь было сложно разобрать.

– Добавить растолчённый лунный камень, три раза перемешать против часовой стрелки, дать покипеть семь минут, потом добавить две капли сиропа чемерицы.

Гарри похолодел. Он не добавил сироп чемерицы, а после того, как прокипятил семь минут зелье, сразу перешёл к четвёртому пункту инструкции.

– Вы всё сделали по третьему пункту, Поттер?

– Нет, – очень тихо ответил Гарри.

– Прошу прощения?

– Нет, – чуть громче повторил Гарри. – Я забыл чемерицу.

– Я знаю, что вы забыли чемерицу, Поттер. Это означает, что ваше варево полностью бесполезно. *Evanesco*.

Содержимое котла исчезло, Гарри остался стоять возле пустого котла, как дурак.

– Те, кто *смог* прочесть инструкцию, налейте дозу вашего зелья в колбу, чётко подпишите свою фамилию и поставьте на мой стол для проверки, – сказал Снейп. – Задание на дом: двенадцать дюймов пергамента о свойствах лунного камня и его использовании в зельеварении. Сдать в четверг.

Все вокруг Гарри принялись наполнять колбы, а он в бешенстве собирал свои вещи. Результат его работы был ничуть не хуже, чем у Рона, чьё зелье сейчас отвратительно воняло тухлыми яйцами, или у Невилла, у которого зелье достигло консистенции хорошо взявшего цемента, и Невилл теперь выдавливал его из котла, но именно он, Гарри, сегодня получит за работу в классе самый низший балл. Гарри сунул палочку в сумку и плюхнулся на скамью, следя за тем, как все строем подходят к столу Снейпа с наполненными и закупоренными колбами. Когда, наконец, прозвенел звонок, Гарри первым вылетел из подземелья, Рон с Гермионой догнали его только в Большом Зале, где он уже начал обедать. С утра потолок приобрёл ещё более печальный оттенок серого. В высокие окна хлестал дождь.

– Это совершенно несправедливо, – попыталась утешить его Гермиона, присаживаясь рядом и накладывая себе картофельную запеканку, – твоё зелье было ничуть не хуже, чем у Гойла: когда он заполнял свою колбу, та разлетелась вдребезги, и у него мантия загорелась.

– Ага, конечно, – Гарри негодуя хмурился в тарелку, – а с каких это пор Снейп стал относиться ко мне справедливо?

Друзья промолчали, потому что всем троиц было доподлинно известно, что взаимная вражда Гарри со Снейпом неизменна ещё с момента поступления Гарри в Хогвартс.

– Я вообще-то надеялась, что в этом году он чуть поприятнее будет, – разочарованно заметила Гермиона. – Я думала... ну, понимаете... – она предусмотрительно огляделась по сторонам: рядом с ними по полдюжины мест пустовало, и мимо стола никто не проходил, – ...теперь он в Ордене, ну и...

– Змея меняет шкуру, да только пятна не отмываются,¹⁰⁷ – глубокомысленно заметил Рон. – Я всегда думал, что Дамблдор с ума сошёл, если Снейпу доверяет. Где доказательства, что он и вправду перестал работать на Сами-Знаете-Кого?

¹⁰⁷ 5 в оригинале Рон говорит: "Poisonous toadstools don't change their spots" – это перефразировка поговорки "Leopards do not change their spots", которая означает то же, что и русская "Змея меняет шкуру, да не меняет натуру"

– Я считаю, что Дамблдор наверняка получил массу доказательств, даже если он не ставит в известность тебя, Рон, – отрезала Гермиона.

– Да заткнитесь вы, оба, – устало воскликнул Гарри, в тот момент, когда Рон уже открыл рот, чтобы возразить.

Рон и Гермиона застыли на полуслове, оба с оскорблённым и рассерженным видом.

– Может хватит уже? – продолжал Гарри. – Вы постоянно цепляетесь друг к другу, меня уже тошнит от этого.

И бросив картофельную запеканку, он нацепил на плечо сумку и ушёл.

Перешагивая через две ступеньки, Гарри поднимался по мраморной лестнице, навстречу многочисленным ученикам, спешащим на обед. Неожиданная вспышка гнева всё ещё не угасла, и воспоминание о возмущённых лицах Рона и Гермионы доставляло ему мрачное удовлетворение. *«Так им и надо, – думал он, – ну почему они не могут угомониться... спорят вечно... свихнуться можно...»*

Он добрался до лестничной площадки, где висела большая картина с изображением рыцаря сэра Кэдогана. Сэр Кэдоган выхватил меч и свирепо замахнулся на Гарри, но Гарри никак не прореагировал.

– Вернись, жалкий пёс! Немедленно остановись и сражайся! – приглушённо вопил сэр Кэдоган из-под забрала.

Но Гарри прошёл мимо, и тогда сэр Кэдоган попытался перебежать за ним на соседнюю картину, но ему помешал её обитатель, огромный и лютый с виду волкодав.

Оставшееся время от обеда Гарри провёл в одиночестве, сидя под люком, ведущим на вершину Северной Башни. Поэтому, когда прозвенел звонок, он первым поднялся по серебряной лестнице в класс Сибиблы Трелони.

После зелий, прорицание было для Гарри самым нелюбимым уроком, главным образом из-за привычки профессора Трелони с периодичностью в несколько занятий предсказывать Гарри преждевременную смерть. Эта худая дама, плотно закутанная в шали и сверкающая рядами бус, из-за своих очков, которые сильно увеличивали ей глаза, всегда напоминала ему какое-то насекомое. Когда Гарри вошёл в комнату, она занималась тем, что раскладывала на узенькие столики книги в потёртых кожаных обложках, но свет от замотанных шалами ламп, которые чадили тошнотворными благовониями, был таким слабым, что она даже не заметила, как Гарри пристроился в тени. Одноклассники подтянулись минут через пять. Рон появился в отверстии люка, внимательно осмотрелся, нашёл Гарри и направился прямо к нему, точнее, так прямо, как мог, поскольку пришлось лавировать между столиками, стульями и мягкими пуфиками.

– Мы с Гермионой перестали спорить, – объявил он, усаживаясь рядом с Гарри.

– Чудно, – буркнул Гарри.

– Но Гермиона сказала, что было бы неплохо, если бы ты прекратил срывать на нас злость, – добавил Рон.

– Я... не...

– Я только передаю, что слышал, – перебил Рон. – Хотя мне кажется, она права. Мы не виноваты в том, что Шеймас и Снейп так себя ведут с тобой.

– Я никогда не говорил...

– Добрый день, – раздался как обычно мечтательный и отстранённый голос профессора Трелони, и Гарри замолчал, опять испытывая раздражение и чувство вины. – Добро пожаловать на прорицания снова. Разумеется, я очень внимательно следила за вашими судьбами, пока вы были на каникулах, и я удовлетворена, что вы в целости и сохранности вернулись в Хогвартс... как я и предполагала. На своих столах вы найдёте экземпляры книги «Оракул Снов» Иниго Имаго.¹⁰⁸ Интерпретация снов – самый важный элемент предсказания будущего и, вполне вероятно, один из вопросов на СОВах. Нет-нет, конечно я верю, что когда речь идёт о священном искусстве прорицания, удачные или неудачные результаты экзамена имеют самое ничтожное значение. Если у вас есть Третий Глаз, то аттестаты и отметки значат очень мало. Однако если директор хочет проводить экзамен, то...

Её голос деликатно сошёл на нет, не оставляя никому сомнений в том, что профессор Трелони считает свой предмет превыше таких убогих материй, как экзамены.

– Откройте, пожалуйста, вступление и прочтите, что Имаго говорит о сущности интерпретации снов. Потом разделитесь на пары. Воспользуйтесь «Оракулом Снов», чтобы истолковать друг другу самые последние сны. Приступайте.

Положительное качество этого урока состояло в том, что он был не спаренным. К тому времени, как класс закончил читать, для интерпретации сна оставалось всего десять минут до конца урока. Рядом с Гарри и Роном за столом сидел Дин в паре с Невиллом, который тут же принялся многословно растолковывать кошмар с участием гигантских ножниц, одетых в лучшую шляпу его бабушки. Гарри с Роном хмуро посмотрели друг на друга.

– Я никогда не запоминаю свои сны, – начал Рон, – давай ты.

– Вспомни хотя бы один, – раздражённо ответил Гарри.

Он не собирался ни с кем делиться своими снами. Он прекрасно знал, что означает тот регулярный кошмар с кладбищем, и чтобы объяснить его, не нужен был ни Рон, ни профессор Трелони, ни дурацкий «Оракул Снов».

– Ладно, прошлую ночь мне снилось, что я играю в квиддич, – скорчив гримасу, свидетельствующую о напряжённой работе мысли, вспомнил Рон. – Ну и что это значит?

– Наверное то, что тебя скоро сожрёт гигантская пастила или ещё что-то в этом роде, – буркнул Гарри, без всякого интереса листая страницы «Оракула Снов».

Сверять обрывки снов с «Оракулом» было ужасно нудно, и оттого, что профессор Трелони задала им в качестве домашней работы целый месяц вести дневник снов, Гарри в восторг не пришёл. Как только прозвенел звонок, Гарри с Роном в первых рядах уже спускались по лесенке вниз. Рон громко возмущался:

– Ты понимаешь, сколько у нас уже домашних заданий? Биннс задал нам реферат о войнах великанов в полтора фута длиной, Снейпу нужен фут про использование лунных камней, а теперь ещё и дневник снов за месяц – от Трелони! Фред с Джорджем про год СОВ не соврали, да? Хотя бы Амбриджиха ничего не задала...

108 6 "The Dream Oracle" by Inigo Imago

Войдя в класс защиты от Тёмных искусств, они обнаружили, что профессор Амбридж уже сидит за столом, одетая в ту же, что и прошлым вечером, пушистую розовую кофточку и с чёрным бархатным бантом на голове. Этот бант опять навязчиво напомнил Гарри огромную муху, которая неосмотрительно взгромоздилась на макушке ещё более крупной жабы.

Входя в класс, все замолкали. Пока ещё профессор Амбридж была тёмной лошадкой, и никто не знал, насколько требовательной к дисциплине она может быть.

– Ну, добрый день! – произнесла она, когда, наконец, все сели.

Несколько человек пробормотали «добрый день» в ответ.

– Ну-ну, – протянула профессор Амбридж. – Вот *так* теперь не пройдёт. Я бы хотела услышать в ответ «Добрый день, профессор Амбридж». Хором, пожалуйста. Добрый день, класс!

– Добрый день, профессор Амбридж, – монотонно прозвучало в ответ.

– Ну вот, – умилилась профессор Амбридж. – Ведь ничего сложного, правда? Пожалуйста, палочки долой, приготовим перья.

Большинство класса обменялись унылыми взглядами: приказ «палочки долой» никогда раньше интересного урока не предвещал. Гарри сунул палочку обратно в сумку, достал перо, чернила и пергамент. Профессор Амбридж открыла свою сумочку, выудила собственную палочку, которая оказалась необычно короткой, и резко взмахнула ею в направлении классной доски. На доске тут же появились слова:

«Защита от Тёмных искусств

Возврат к основным принципам».

– Вот так лучше. Ваше обучение по этому предмету проходило в значительной мере хаотично и фрагментарно, не так ли? – констатировала профессор Амбридж, со сведёнными перед собой в замок ручками поворачиваясь к классу лицом. – Постоянная смена учителей, многие из которых, кажется, не придерживались утверждённого Министерством учебного плана, к сожалению закончилась тем, что вы оказались гораздо ниже того уровня, который мы ожидали увидеть в год сдачи СОВ. Тем не менее, хочу вас порадовать: эти неприятности мы преодолеем. В этом году мы будем следовать тщательно проработанным, сосредоточенным на теории и утверждённым Министерством курсом по оборонительной магии. Запишите, пожалуйста, следующее.

Она ещё раз стукнула палочкой по доске, первая надпись исчезла, а взамен появилась следующая: «Цели Курса»

«1. Понимание принципов, лежащих в основе оборонительной магии.

2. Умение оценивать ситуации, в которых оборонительная магия может быть использована законно.

3. Позиционирование использования оборонительной магии в контексте практического употребления.»

В течение нескольких минут в классе раздавался только скрип перьев по пергаменту. Когда все списали три цели курса профессора Амбридж, она задала вопрос:

– У всех есть экземпляр «Теории магической обороны» Уилберта Слинкхарда?

По классу пронёсся понурый утвердительный ропот.

– Попробую ещё раз, – сказала профессор Амбридж. – Сейчас я задаю вопрос и жду от вас ответ «Да, профессор Амбридж» или «Нет, профессор Амбридж». Итак: у всех ли есть экземпляр «Теории магической обороны» Уилберта Слинкхарда?

– Да, профессор Амбридж, – прогудел класс.

– Прекрасно, – заключила профессор Амбридж. – Я бы хотела, чтобы вы открыли страницу пять и прочли «Главу первую. Основы для начинающих». Обсуждать нет необходимости.

Профессор Амбридж отошла от доски и осела на стул за учительским столом, внимательно наблюдая за всеми тяжёлым жабьим взглядом. Гарри открыл пятую страницу «Теории магической обороны» и приступил к чтению.

Текст оказался безнадёжно унылым, таким же скучным, как выслушивание профессора Биннса. Гарри чувствовал, что его мысли разбегаются, одну и ту же строчку он читал по несколько раз, понимая только первые слова. Минуту несколько минут тишины. Сидящий рядом Рон, с отсутствующим видом крутил в пальцах перо, уставившись на одно и то же место на странице. Гарри взглянул в другую сторону, и от удивления у него прошёл ступор. Гермиона даже не открыла учебник «Теория магической обороны». Она неотрывно смотрела на профессора Амбридж и тянула вверх руку.

Гарри не мог припомнить, чтобы Гермиона когда-нибудь игнорировала задание читать, да даже просто сопротивлялась искушению открыть книгу, лежащую перед её носом. Он вопросительно посмотрел на неё, но она только чуть покачала головой, чтобы дать понять, что не станет отвечать на его вопросы, и продолжала пристально смотреть на профессора Амбридж, которая непоколебимо глядела в другом направлении.

Прошло ещё несколько минут, и теперь уже не один Гарри следил за Гермионой. Глава, которую следовало читать, оказалась такой нудной, что всё больше и больше пар глаз вместо того, чтобы пробиваться сквозь «Основы для начинающих», предпочитали наблюдать, как Гермиона молча пытается привлечь внимание профессора Амбридж.

Когда уже большая половина класса устала не в книгу, а на Гермину, профессор Амбридж, видимо, решила далее ситуацию не игнорировать.

– Вы что-то хотели спросить по поводу главы, моя дорогая? – спросила она Гермину с таким видом, словно только что её заметила.

– Нет, не по поводу главы, – ответила Гермиона.

– Хорошо, но мы сейчас читаем, – произнесла профессор Амбридж, демонстрируя мелкие острые зубки. – Если у вас другие вопросы, то мы сможем обсудить их в конце урока.

– У меня вопрос насчёт целей вашего курса, – сказала Гермиона.

Профессор Амбридж подняла брови:

– Как вас зовут?

– Гермиона Грейнджер.

– Прекрасно, мисс Грейнджер. Я полагаю, что цели курса станут предельно ясны, если вы внимательно прочтаете о них, – стойко сладким голосом пояснила профессор Амбридж.

– Нет, не станут, – напрямик заявила Гермиона. – Там ничего не написано о *применении* оборонительных заклинаний.

Наступила краткая пауза, во время которой большинство учеников повернули к доске головы и, хмуря лбы, принялись изучать всё ещё написанные там три цели курса.

– *Применение* оборонительных заклинаний? – с коротким смешком повторила профессор Амбридж. – Почему-то я не могу представить себе никакой ситуации, возникшей на моём уроке, когда бы вам, мисс Грейнджер, потребовалось применять оборонительное заклинание. Вы ведь не предполагаете, что на вас нападут во время урока?

– Мы не будем пользоваться магией? – громко воскликнул Рон.

– Когда ученики на моём уроке хотят говорить, они поднимают руки, мистер..?

– Уизли, – Рон поднял руку.

Профессор Амбридж, улыбнувшись ещё шире, отвернулась от него. Гарри и Гермиона немедленно тоже подняли руки. Выпученные глаза профессора Амбридж на мгновение задержались на Гарри, а потом она обратилась к Гермионе:

– Да, мисс Грейнджер? Вы хотите ещё что-нибудь спросить?

– Да, – ответила Гермиона. – Разве главная цель курса защиты от Тёмных искусств – это не применение оборонительных заклинаний на практике?

– Вы уполномоченный Министерством эксперт по педагогике, да, мисс Грейнджер? – с деланной любезностью поинтересовалась профессор Амбридж.

– Нет, но...

– Замечательно, тогда боюсь, вы не компетентны в том, чтобы определять какова «главная цель» любого курса. Нашу новую учебную программу разработали колдуны значительно старше вас и намного умнее, чем вы. Об оборонительных заклинаниях вы узнаете с помощью надёжных и безопасных методов...

– Зачем это нужно? – громко спросил Гарри. – Если на нас нападут, то это нам не...

– *Руку*, мистер Поттер! – квакнула профессор Амбридж.

Гарри выбросил вверх кулак. Тут же профессор Амбридж вновь отвернулась от него, но теперь уже и другие в классе тоже поднимали руки.

– А вас как зовут? – обратилась она к Дину.

– Дин Томас.

– Ну, мистер Томас?

– Ну, я хотел сказать то же, что и Гарри, – начал Дин. – Если на нас нападут, то всё это нам не поможет.

– Я повторяю, – профессор Амбридж гаденько улыбнулась Дину. – Вы предполагаете, что на вас нападут во время моего урока?

– Нет, но...

Профессор Амбридж обстоятельно повернулась к нему:

– Я не стану критиковать методы, которыми пользуются в этой школе, – при этом её широкий рот растянулся ещё шире в жалкое подобие улыбки. – Но вас доверили очень

безответственным колдунам, действительно безответственным... если не сказать больше... — тут она противно хихикнула: — ...в высшей степени опасным полулюдям.

— Если вы говорите о профессоре Люпине, — в сердцах воскликнул Дин, — то он был самым лучшим среди всех...

— *Руку*, мистер Томас! Как я уже сказала, вас познакомили со сложными заклинаниями, вашей возрастной группе не подобающими, и более того, с потенциально смертельными заклинаниями. Вас напугали, убедив, что вам придётся чуть ли не каждый день подвергаться нападению Тёмных сил...

— Нет, нас никто не пугал, — возразила Гермиона, — мы просто...

— *Не вижу вашу руку, мисс Грейнджер!*

Гермиона подняла руку. Профессор Амбридж тут же отвернулась в другую сторону.

— Насколько я понимаю, мой предшественник не просто демонстрировал вам запрещённые проклятия, но даже применял их к вам самим.

— Ну так он же маньяком оказался! — вспыхнул Дин. — Но, между прочим, мы многому научились.

— *Вы не подняли руку, мистер Томас!* — заголосила профессор Амбридж. — И вот теперь, по мнению Министерства, теоретических познаний будет более чем достаточно, чтобы принять у вас экзамен, а это именно то, для чего, в конце концов, предназначена школа! Как вас зовут? — захлебнулась она, уставившись на Парвати, которая только что подняла руку.

— Парвати Патил... а разве в СОВах по защите от Тёмных искусств нет практических вопросов? Как мы сможем показать, что действительно умеем делать контрпроклятия и всё прочее?

— Если вы будете в совершенстве знать теорию, то не вижу причины, почему бы вам не выполнить заклинания в тщательно контролируемых условиях, при которых будет проходить экзамен, — уклончиво ответила профессор Амбридж.

— Ни разу не попробовав на практике? — недоверчиво воскликнула Парвати. — Вы хотите сказать, что на экзамене нам придётся пользоваться заклинаниями впервые?

— Я повторяю, если вы будете в совершенстве знать теорию...

— Да к чему теория, если мы живём в реальном мире? — взорвался Гарри, опять взметая вверх кулак.

Профессор Амбридж смирив его взглядом и тихо изрекла:

— Это школа, мистер Поттер, а не реальный мир.

— Так значит, мы не будем готовы к тому, что нас там ждёт?

— Там вас ничего не ждёт, мистер Поттер.

— Ах, так вот? — бешенство Гарри, которое весь день переполняло его, сейчас, похоже, нашло выход.

— Кто, по-вашему, собирается нападать на таких детей, как вы? — до предела приторным голосом спросила профессор Амбридж.

— Хмм, нужно подумать... — Гарри сделал вид, что размышляет. — Может быть... *Лорд Волдеморт?*

Рон поперхнулся. Лаванда Браун сдавленно вскрикнула. Невилл сполз под стол. Но профессор Амбридж не дрогнула. Она уставилась на Гарри с выражением мрачного удовлетворения на лице.

– Десять баллов с Гриффиндора, мистер Поттер.

В классе наступила гробовая тишина. Все смотрели то на Амбридж, то на Гарри.

– А вот теперь позвольте мне кое-что прояснить.

Профессор Амбридж встала и, опершись на стол короткопалыми ручками, подалась вперёд:

– Вы заявляете, что некий Тёмный колдун восстал из мёртвых...

– Он и не умирал! – разгневанно воскликнул Гарри. – Но он вернулся, точно!

– Мистер Поттер... Ваш-Дом-уже-лишился-десяти-баллов-по-вашей-вине-не-усугубляйте-ситуацию, – на одном дыхании проговорила профессор Амбридж, не глядя на Гарри. – Как я уже говорила, вы заявляли, что некий Тёмный колдун опять появился, так вот – *это ложь*.

– Это НЕ ложь! – вскричал Гарри. – Я видел его, я с ним сражался!

– Взыскание, мистер Поттер! – торжествующе объявила профессор Амбридж, – Завтра днем. В пять часов. В моём кабинете. Я повторяю – *это ложь*. Министерство магии гарантирует, что никакая опасность со стороны какого бы то ни было Тёмного колдуна – вам не угрожает. Если вас, тем не менее, что-либо тревожит, зайдите ко мне во внеурочное время. Если вас кто-либо беспокоит слухами о возрождении Тёмных колдунов, я бы хотела знать об этом. Я готова вам помочь. Я ваш друг. А сейчас, прошу продолжить чтение. Страница пять. «Основы для начинающих».

Профессор Амбридж уселась за стол. Гарри, однако, остался стоять. Все уставились на него, Шеймас – заворожённо, но с испугом.

– Гарри, нет! – предупреждаяше зашептала Гермиона и потянула его за рукав.

Гарри выдернул руку и дрожащим голосом спросил:

– Значит, по-вашему, Седрик Дигтори погиб по своей воле?

Все дружно выдохнули. Никто в классе, кроме Рона и Гермионы, никогда не слышал от Гарри о том, что случилось в ту ночь, когда умер Седрик. Все жадно переводили взгляд с Гарри на профессора Амбридж, которая сейчас подняла глаза и в упор смотрела на Гарри уже даже без намека на фальшивую улыбку.

– Смерть Седрика Дигтори была трагическим несчастным случаем, – невозмутимо изрекла она.

Гарри трясло. Он почти ни с кем не обсуждал это раньше, а уж тем более перед лицом тридцати жадно внимающих одноклассников.

– Это было убийство. Его убил Волдеморт, и вы это знаете.

Профессор Амбридж остоленела. Сначала Гарри решил, что она начнёт на него орать, но она тишайшим, сладчайшим девчачьим голоском произнесла:

– Подойдите сюда, дорогой мистер Поттер.

Гарри ударом ноги отшвырнул стул в сторону, обошёл Рона и Гермиону и направился к преподавательскому столу. Он спиной ощущал, как весь класс затаил дыхание. Но сейчас он был настолько взбешён, что последствия его не волновали.

Профессор Амбридж вытащила из своей сумочки на стол небольшой пергаментный свиток розового цвета, развернула его, обмакнула перо в чернильницу и стала писать, сгорбившись над пергаментом так, чтобы Гарри не смог ничего увидеть.

Никто не произнёс ни слова. Спустя минуту или больше, она свернула пергамент и запечатала его своей палочкой: свиток превратился в сплошную трубочку, чтобы Гарри не смог его открыть.

– Дорогой мой, отнесите это профессору МакГонагалл, – она протянула Гарри записку.

Гарри взял свиток, развернулся кругом и не говоря ни слова, даже не оглянувшись на Рона или Гермиону, вышел из класса, хлопнув дверью.

Он стремительно пошёл по коридору, сжимая в руке записку для МакГонагалл, и повернув за угол, неожиданно столкнулся с полтергейстом Пивзом, наглейшим человеком, который сейчас парил в воздухе лежа на спине и жонглировал чернильницами.

– Вот идёт придурок Поттер! – захихикал Пивз, упустив пару чернильниц, которые упали на пол, вдребезги разбились и забрызгали стены чернилами.

Гарри, чертыхнувшись, отпрыгнул назад.

– Убирайся, Пивз.

– Ууух, смотри не вспотей, Поттер, – вопил Пивз, преследуя Гарри по коридору и выписывая вокруг него кренделя в воздухе. – Ну, что ещё случилось, расчудесный мой дружок? Опять голоса слышишь? Видения видишь? Языком... – Пивз издал неприличный звук, – ...болтаешь?

– Я сказал, оставь меня В ПОКОЕ! – заорал Гарри и бегом сбежал по ближайшей лестнице.

Но Пивз просто скатился следом за ним по лестничным перилам:

Всем тут давно известно, что у Потти мелкий петушок.

Всем хочется его жалеть, страдает он, пошёл слушок.

Но Пивзи знает лучше всех – совсем свихнулся наш дружок...

– ЗАТКНИСЬ!

Слева от Гарри открылась дверь, и из своего кабинета выглянула профессор МакГонагалл с хмурым и слегка встревоженным видом.

– С какой *статии* вы здесь так кричите, Поттер? – резко спросила она, Пивз тут же радостно захихикал и скрылся из виду. – Почему вы не на уроке?

– Меня послали к вам, – буркнул Гарри.

– Послали? Что значит послали?

Гарри протянул ей записку от профессора Амбридж. Профессор МакГонагалл взяла у него пергамент, нахмурилась, вскрыла свиток палочкой, развернула и начала читать. По мере

того, как она читала написанное Амбридж, глаза её за квадратными стёклами очков с каждой прочитанной строчкой становились всё уже и уже.

– Зайдите, Поттер.

Гарри проследовал за ней в кабинет. Дверь за ним сама собой закрылась.

– Ну? – оглядела его профессор МакГонаголл. – Это правда?

– Правда – что? – чуть агрессивнее, чем рассчитывал, переспросил Гарри. – Что, профессор? – добавил он, стараясь сделать вопрос повежливее.

– Правда, что вы кричали на профессора Амбридж?

– Да, – согласился Гарри.

– Вы назвали её лгуньей?

– Да.

– Вы сказали ей, что Тот, Кого Нельзя Называть, вернулся?

– Да.

Профессор МакГонаголл села за свой стол и пристально посмотрела на Гарри. Потом сказала:

– Берите печенье, Поттер.

– Что?

– Берите печенье, – нетерпеливо повторила она и показала на жестяную коробку в клеточку, которая стояла на вершине одной из груд бумаг, лежащих на столе. – И садитесь.

В предыдущий раз, когда Гарри ожидал, что профессор МакГонаголл прийдёт его, она вместо этого определила его в гриффиндорскую квиддичную команду. Он, так же, как и предыдущий раз, сбитый с толку и сконфуженный, сел напротив и взял имбирного тритона.

Профессор МакГонаголл отложила записку от профессора Амбридж и очень серьёзно взглянула на Гарри:

– Поттер, вы должны быть осторожны.

Гарри проглотил большой кусок имбирного тритона и уставился на неё. Тон её голоса был совершенно не таким, к которому он привык: не жёстким, строгим и отрывистым, а тихим, озабоченным и гораздо более человечным, чем обычно.

– Плохое поведение на уроке Долорес Амбридж могло обойтись вам гораздо дороже, чем взыскание и снятые с Дома баллы.

– В каком смы...?

– Поттер, призовите на помощь свой здравый смысл, – резко сказала профессор МакГонаголл, внезапно вернувшись к привычной манере разговора. – Вы знаете, откуда она, вы должны понимать, куда она докладывает.

Прозвенел звонок с урока. Сверху и из-за двери раздался топот сотен учеников.

Профессор МакГонаголл опять взглянула в записку от Амбридж.

– Она пишет здесь, что назначила вам взыскания в течение каждого дня на этой неделе, начиная с завтрашнего.

– Целую неделю? – в ужасе переспросил Гарри. – Но, профессор, вы не могли бы?..

– Нет, не могла бы, – категорично ответила профессор МакГонаголл.

– Но...

– Она ваш преподаватель и имеет право выносить взыскания. На первое вы пойдёте к ней кабинет завтра в пять вечера. Только помните: с Долорес Амбридж нужно держать ухо востро.

– Но я говорил правду! – возмущённо воскликнул Гарри. – Волдеморт вернулся, вы же это знаете, и профессор Дамблдор это знает...

– Во имя неба, Поттер! – оборвала его профессор МакГонаголл и поправила сбившиеся очки (когда Гарри упомянул Волдеморта, она ужасно вздрогнула). – Вы что, в самом деле думаете, что речь идёт о правде или лжи? Речь о том, чтобы прижать вас и заставить молчать!

Она вскочила, сверкая глазами и крепко сжав губы.

Гарри тоже встал.

– Возьмите ещё печенье, – раздражённо бросила профессор МакГонаголл и подтолкнула к Гарри коробку.

– Нет, спасибо, – сдержанно ответил Гарри.

– Не глупите, – отрезала она.

Гарри взял ещё одно печенье.

– Спасибо, – неохотно выдавил он.

– Вы что, Поттер, не слышали речь Долорес Амбридж на пиру в честь начала учебного года?

– Слышал, – начал Гарри, – она... она сказала, что прогресс нужно запретить или... ну, то есть... то есть, Министерство магии вмешивается в дела Хогвартса.

Профессор МакГонаголл на секунду прикрыла глаза, потом фыркнула, обошла стол, открыла дверь и жестом предложила ему выходить.

– Отрадно, что вы хотя бы слушаете Гермиону Грейнджер, – на прощание добавила она.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВЕЧЕРА У ДОЛОРЕС

Ужин в Большом Зале этим вечером стал для Гарри не из приятных. Слух о его перепалке с Амбридж распространился очень быстро даже по хогвартским меркам. Пока он ел, сидя посередине между Роном и Гермионой, со всех сторон слышал перешёптывания. Забавно, что никто из шептунов будто и не возражал, что Гарри сможет их услышать. Напротив, всё выглядело так, словно они рассчитывали, что он разозлится и опять начнёт кричать, а они смогут послушать всю историю из первых рук.

– Он сказал, что видел, как убили Седрика Диггори...

– Он гонит, что с Сам-Знаешь-Кем сражался...

– Иди ты...

– Кто думает, что он свистит?

– Точно свистит...

– Что до меня не доходит, – стиснул зубы Гарри, откладывая вилку с ножом (у него так дрожали руки, что он не мог держать приборы), – ...почему два месяца назад, когда Дамблдор рассказывал им, они поверили...

– Гарри, я не уверена, что они поверили, – мрачно заметила Гермиона. – Ох, давайте уйдём отсюда.

Она отшвырнула нож и вилку. Рон с тоской посмотрел на недоеденный яблочный пирог, но пошёл следом. Когда они выходили, на них смотрел весь Большой Зал.

– Ты хочешь сказать, что они Дамблдору не поверили? – спросил Гарри у Гермионы, когда они уже поднялись на второй этаж.

– Слушай, ты даже представить себе не можешь, как всё это выглядело тогда, – тихо ответила ему Гермиона. – Ты появился в центре поля, с телом Седрика в руках... а ведь никто из нас того, что случилось в лабиринте, не видел... нам только Дамблдор сказал, что Сам-Знаешь-Кто вернулся, убил Седрика и сражался с тобой.

– Так оно и есть! – воскликнул Гарри.

– Я знаю, что так и есть, Гарри, пожалуйста, перестань на меня набрасываться, – устало подтвердила Гермиона. – Но только перед тем, как до них дошло, они все уже разъехались по домам на лето, и два месяца провели там, читая про то, какой ты псих, и какой маразматик Дамблдор.

Пока они шли по пустынным коридорам назад, в гриффиндорскую башню, за окнами бился дождь. У Гарри было ощущение, словно первый день длился целую неделю, но перед тем, как лечь спать, нужно было сделать ещё кучу домашних заданий. Правый глаз пульсировал тянущей болью. Когда они зашли в коридор Полной Леди, он выглянул в темноту за вымытым дождём окном. В хижине Хагрида по-прежнему не было никакого света.

– Мимбулус мимблтония, – сказала Гермиона даже прежде, чем Полная Леди успела спросить.

Портрет распахнулся, открывая проход за собой, и ребята забрались внутрь.

Гостиная была почти пуста: все ещё были на ужине. Косолап поднял голову, соскочил с кресла и с громким мурлыканьем подбежал навстречу. Когда Гарри, Рон и Гермиона заняли три своих любимых кресла у камина, он запрыгнул к Гермионе на колени и свернулся, как пушистая рыжая подушка. Измученный и опустошённый, Гарри неотрывно смотрел на огонь.

— Как Дамблдор мог допустить, чтобы такое случилось? — внезапно воскликнула Гермиона.

Гарри и Рон от неожиданности подскочили, Косолап с оскорблённым видом слетел на пол. Гермиона с яростью шлёпнула по подлокотникам кресла так, что из дырочек даже посыпалась труха.

— Как он мог разрешить учить нас этой жуткой бабе? Тем более в год, когда у нас СОВЫ!

— Ну, в общем, у нас никогда классных преподавателей по защите от Тёмных искусств не было, — заметил Гарри. — Наверное, Хагрид правду сказал: никто на эту работу не хочет, все говорят, что она проклята.

— Да, но взять того, кто фактически не допускает нас до магии! Во что это играет Дамблдор?

— А она ещё пытается настроить всех для неё шпионить, — угрюмо добавил Рон. — Помните, как она сказала, что хочет, мол, чтоб мы пришли к ней и сообщили, если вдруг услышим, как кто-нибудь разговаривает о том, что Сами-Знаете-Кто вернулся?..

— Конечно, она же здесь, чтобы за нами всеми шпионить, это же очевидно! Зачем иначе Фадж её сюда отправил? — отрезала Гермиона.

— Не начинайте опять спорить, — устало бросил Гарри, едва Рон открыл рот, чтобы ответить. — Нельзя же только... ладно, давайте делать домашние задания, закончим с этим...

Они взяли в углу свои школьные сумки и опять вернулись в кресла у камина. С ужина уже начали возвращаться остальные. Гарри сидел, отвернувшись от входа за портретом, но спиной чувствовал, как на него смотрят.

— Сделаем сначала Снейпову ерунду? — Рон обмакнул перо в чернильницу, — *Свойства... лунного камня... и его использование... в зельеварении...*», — бормотал он, надписывая заголовок у пергамента. Потом подвёл итог: — Вот, — подчеркнул написанное и с надеждой воззрился на Гермиону: — Ну, так какие свойства у лунного камня и как его используют в зельеварении?

Но Гермиона даже не слушала: она краем глаза косилась в дальний угол гостиной, где Фред, Джордж и Ли Джордан сидели в центре кучки наивных первокурсников, которые жевали что-то, что из большого бумажного пакета доставал им Фред.

— Нет, мне очень жаль, но они слишком далеко зашли, — Гермиона вскочила с видом разъярённой фурии. — Рон, идём.

— Я... что? — переспросил Рон, пытаясь выиграть время. — Ну... слушай, Гермиона... мы же не можем отчитывать их за раздачу конфет.

— Ты прекрасно понимаешь, что это какая-нибудь Носокровная Нуга или... или Блевальные Пастилки, или...

— Обморочные Облатки, — тихо констатировал Гарри.

Один за другим, словно получив удар по голове невидимым молотком, первокурсники, вывалив языки, падали без сознания: некоторые соскальзывали на пол, некоторые, обмякнув, повисали на подлокотниках кресел. Почти все, наблюдавшие за этим, начали смеяться, но Гермiona расправила плечи и направилась прямо к Фреду с Джорджем, которые уже достали записные книжки и внимательно разглядывали потерявших сознание первоодок. Рон приподнялся в кресле, замер на мгновение, шепнул Гарри: «У неё всё под контролем», и рухнул обратно, съёжившись настолько, насколько позволило ему его долговязое телосложение.

– Хватит! – рявкнула Гермiona на Фреда с Джорджем.

Те с лёгким удивлением уставились на неё.

– Ага, ты права, – кивнул Джордж. – Такой дозировки, кажется, вполне достаточно.

– Я же сказала вам ещё утром, на учениках эту ерундовину испытывать нельзя!

– Мы им платим! – негодуяюще воскликнул Фред.

– Мне плевать, это может быть опасно!

– Ерунда, – парировал Фред.

– Гермiona, успокойся, с ними всё в порядке! – заверил её Ли и принялся, одному за другим, всовывать первокурсникам в открытые рты фиолетовые конфеты.

– Ну вот, смотри, они сейчас очнутся, – заметил Джордж.

В самом деле, первокурсники уже зашевелились. Некоторые были настолько шокированы, очнувшись на полу или повисшими в креслах, что Гарри был уверен: Фред с Джорджем даже не предупредили их о действии конфет.

– Всё в порядке? – заботливо спросил Джордж у маленькой темноволосой девочки, лежащей у его ног.

– Ка... кажется, да, – сбивчиво подтвердила та.

– Прекрасно, – с удовольствием заключил Фред.

Но в следующую секунду Гермiona выхватила у него из рук и записную книжку, и бумажный пакет с Обморочными Облатками.

– НИЧЕГО прекрасного!

– Да ты что, они же живы, разве нет? – гневно воскликнул Фред.

– Ну нельзя же так, а если кому-нибудь из них будет плохо?

– Да не будет им плохо, мы уже проверили всё на себе, теперь просто нужно посмотреть, как реагируют другие...

– Если вы не прекратите этим заниматься, я...

– Назначишь нам взыскание? – спросил Фред тоном «посмотрел-бы-я-как-ты-посмеешь».

– Заставишь нас нравоучения переписывать? – ухмыльнулся Джордж.

Все в гостиной захохотали. Гермiona выпрямилась в полный рост, глаза её сузились, а густые волосы, казалось, наэлектризовано потрескивали.

– Нет, – голос у неё дрожал от гнева. – Я просто напишу вашей маме.

– Только не это, – Джордж в ужасе отступил на шаг.

– Именно это, – мрачно подтвердила Гермiona. – Я не могу вам самим запретить жрать эту вашу мерзость, но давать её первокурсникам вы не будете!

Фреда с Джорджем как громом поразило. Ясно, что как бы ни увлечены они были, но такая угроза Гермионы припала им не по вкусу. Бросив на них последний грозный взгляд, Гермиона сунула Фреду в руки его записную книжку и пакет с Обморочными Облатками, и гордо проследовала к своему креслу у камина.

Рон уже съёжился настолько, что почти уткнулся носом в колени.

– Благодарю за поддержку, Рон, – едко бросила Гермиона.

– Ты и сама прекрасно справилась, – пробормотал Рон.

Гермиона несколько секунд испепеляла взглядом чистый лист пергамента, а потом резко заявила:

– Нет, всё бесполезно, сейчас я не могу сконцентрироваться. Я иду спать.

Она рывком открыла сумку. Гарри решил, что она хочет сложить книги, но вместо этого Гермиона извлекла два бесформенных вязаных предмета, аккуратно положила их на стол перед камином, прикрыла несколькими скомканными кусками пергамента, сверху добавила сломанное перо и отступила на шаг, любясь результатом.

– Что, ради Мерлина, ты делаешь? – Рон посмотрел на неё так, словно испугался за её рассудок.

– Это шапки для домовых эльфов, – оживлённо пояснила Гермиона, теперь уже складывая в сумку книги. – Я их за лето сделала. Без магии я неважная вязальщица, но теперь, когда вернулась в школу, смогу связать гораздо больше.

– Ты оставила шапки для домовых эльфов? – медленно начал Рон. – И прикрыла их мусором?

– Да, – вызывающе ответила Гермиона, забрасывая сумку на плечо.

– Но так не честно! – возмутился Рон. – Подсунув им шапки, ты хочешь их обмануть. Ты хочешь освободить их, а они, может, и не хотят освобождаться?

– Конечно, хотят! – Гермиона даже покраснела. – И не смей трогать эти шапки, Рон!

Она развернулась и ушла. Рон подождал, пока она не скрылась за дверью спальни для девочек, а потом убрал мусор с вязаных шапок.

– Должны же они хоть видеть, что будут брать, – твёрдо заявил он. – Ну ладно... – он свернул пергамент, на котором было написано название реферата для Снейпа. – ...Никакого смысла нет пробовать заканчивать сейчас. Без Гермионы я понятия не имею, что нужно делать с лунными камнями. Правильно?

Гарри кивнул, заметив, что боль в правом виске тут же усилилась. Он подумал о длинном реферате на тему войн великанов, и боль стала ещё сильнее. Прекрасно отдавая себе отчёт, что утром пожалеет о том, что с вечера не сделал задание, он всё равно сложил книги в сумку.

– Я тоже пошёл спать.

По пути в спальню он краем глаза заметил Шеймаса, но поворачиваться к нему не стал. Гарри даже показалось, что Шеймас открыл рот, чтобы сказать что-то, поэтому он ускорил шаг и, избегая лишних провокаций, нырнул в успокоительную тишь спиральной каменной лестницы.

* * *

Рассвет следующего дня был таким же свинцовым и дождливым, как и предыдущий.

Во время завтрака Хагрида за столом преподавателей по-прежнему не было.

– Хорошо хоть Снейпа сегодня нет, – встряхнулся Рон.

Гермиона широко зевнула и налила себе ещё кофе. Выглядела она отчего-то умиротворённой, а когда Рон спросил, по какому поводу она так счастлива, Гермиона пояснила:

– Шапки исчезли. Похоже, домовые эльфы всё-таки хотят быть свободными.

– Я бы на это не ставил, – колко заметил Рон. – Вряд ли они решили, что это одежда. На мой взгляд, оно мало похоже на шапки, скорее, на какие-то шерстяные мешки.

Гермиона всё утро с ним не разговаривала.

За спаренными чарами следовала спаренная трансфигурация. И профессор Флитвик, и профессор МакГонаголл посвятили первые пятнадцать минут своего урока, объясняя классу важность СОВ.

– Вы должны помнить, – пискнул крошечный профессор Флитвик, забираясь как обычно на стопку книг, чтобы его было видно из-за стола. – Что эти экзамены повлияют на ваше будущее на много лет вперёд! Если вы до сих пор серьёзно не размышляли над выбором профессии, то сейчас самое время это сделать. И в этой связи, боюсь, нам придётся работать ещё больше, чем раньше, чтобы вы наверняка смогли показать себя с лучшей стороны!

Потом они больше часа потратили на повторение Манящих чар, которые, по словам профессора Флитвика, ожидали их на СОВах, а в завершение урока он задал как никогда огромное количество чар на дом.

То же самое, если не хуже, произошло и на трансфигурации.

– Вы не сможете сдать на СОВ, – сурово сказала профессор МакГонаголл, – без должного прилежания, практики и упражнений. Но если будете трудиться усердно, я не вижу причин, по которым кто-либо в вашем классе не сдал бы на СОВ.

Невилл недоверчиво хмыкнул с унылым видом.

– Да, вы тоже, Лонгботтом, – подтвердила профессор МакГонаголл. – Нет ничего хуже, чем недостаток уверенности. Итак... сегодня мы начнём изучать Устраняющее заклинание.¹⁰⁹

Оно проще, чем Вызывающее заклинание,¹¹⁰ которое до КРОТов вы изучать не будете, но, тем не менее, Устраняющее заклинание – из разряда самых сложных искусств, владение которыми у вас будут проверять на СОВах.

Она оказалась права. Гарри обнаружил, что Устраняющее заклинание жутко сложное. К концу двойного урока ни ему, ни Рону так и не удалось устранить улиток, на которых они практиковались, хотя Рон с надеждой заметил, что ему показалось, будто его улитка слегка

¹⁰⁹ 2 Vanishing Spell

¹¹⁰ 3 Conjuring Spell

побледнела. Однако у Гермионы улитка устранилась уже с третьей попытки, что принесло ей награду в виде десяти баллов для Гриффиндора от профессора МакГонагалл. Гермионе единственной не задали ничего на дом, остальным же было велено тренироваться всю ночь, готовясь на завтра к новым покушениям на улиток.

Уже слегка паникуя от объёма полученных домашних заданий, Гарри и Рон провели обед в библиотеке, в поисках вариантов использования лунных камней в зельеварении. Гермиона, всё ещё злая на Рона за компрометацию её шапок, к ним присоединяться отказалась. К началу ухода за магическими существами голова у Гарри заболела опять.

На улице стало прохладно и ветрено, и когда они по отлогой лужайке шли к хижине Хагрида на опушку Запретного Леса, в лицо им начал брызгать редкий дождь. Профессор Граббли-Планк, дожидаясь учеников, стояла в десяти ярдах от Хагридовой двери, перед длинным столом на козлах, заваленным прутьями. Когда Гарри с Роном подходили к ней, сзади раздались взрывы хохота. Обернувшись, ребята обнаружили, что приближается Дрэйко Малфой в окружении своей обычной тесной слизеринской компании. Дрэйко явно только что отпустил какую-то остроту, потому что Крэбб, Гойл, Пэнси Паркинсон и остальные продолжали радостно хихикать пока не дошли до стола, и, судя по тому, как они всё время поглядывали на Гарри, Гарри без особого труда мог догадаться об объекте их насмешек.

– Все здесь? – рявкнула профессор Граббли-Планк, когда все слизеринцы и гриффиндорцы собрались. – Хватит болтать. Кто может сказать мне, как это называется?

Она показала на груду прутьев перед собой. Рука Гермионы взлетела в воздух. За её спиной Малфой зло передразнил Гермионины подпрыгивания вверх-вниз в желании ответить на вопрос. Пэнси Паркинсон взвизгнула от смеха, но смех тут же перешёл в вопль, потому что прутья на столе подскочили, и оказались маленькими, пиксиподобными созданиями из дерева, с узловатыми коричневыми ручками и ножками; каждая ручка заканчивалась двумя пальчиками-веточками, а на забавном, плоском, похожем на кору личике блестела пара карих жучиных глазок.

– О-ой! – воскликнули Парвати с Лавандой, ужасно возмутив Гарри.

Можно подумать, что Хагрид никогда не показывал им впечатляющих существ: по общему мнению червеплохи были скучноваты, но саламандры и гиппогрифы – очень даже интересны, хотя, пожалуй, взрывохвостые скруты¹¹¹ – даже слишком.

– Ну-ка, потише, девочки! – резко оборвала их профессор Граббли-Планк, разбрасывая похожую на неочищенный рис крупу между палочковыми существами, которые тут же набросились на еду. – Итак, знает ли кто-нибудь, как эти существа называются? Мисс Грейнджер?

– Ногомолы,¹¹² – ответила Гермиона. – Это стражи деревьев, обычно живут на деревьях, из которых делают волшебные палочки.

¹¹¹ 4 Blast-Ended Skrewt (blast – сильный порыв ветра; взрыв; screw – винт)

¹¹² 5 Bowtruckle (bow – поклон; подчиняться; truckle – раболепствовать, трусливо подчиняться. В славянской мифологии ему соответствует «пущевик»)

– Пять баллов Гриффиндору, – похвалила профессор Граббл-Планк. – Да, это ногомолы, и как мисс Грейнджер правильно отметила, живут они обычно на деревьях, древесина которых пригодна для изготовления палочек. Кто-нибудь знает, чем они питаются?

– Древесными вшами,¹¹³ – быстро сказала Гермиона, и тогда Гарри понял, почему то, что он принял за неочищенный рис, шевелилось. – А ещё яйцами фей, если могут их добыть.

– Молодец, ещё пять баллов. Итак, каждый раз, когда вам нужны листья или ветки с дерева, на котором живёт ногомол, разумней запастись древесными вшами, чтобы отвлечь его или расположить к себе. Ногомолы выглядят безобидно, но если сердятся, могут проткнуть человеку глаз своим пальцем, который, как вы видите, очень острый и рядом с глазным яблоком нежелательный. Ну, если вы подойдёте поближе, возьмёте несколько древесных вшей и ногомола... думаю одного на троих достаточно... то сможете изучить их поближе. К концу урока я хочу, чтобы каждый из вас сделал с него рисунок и пометил все части его тела.

Все хлынули к столу на козлах. Гарри специально остался сзади, вильнул и оказался бок о бок с профессором Граббл-Планк.

– А где Хагрид? – спросил он, пока все выбирали себе ногомолов.

– Не твоего ума дело, – огрызнулась профессор Граббл-Планк точно так же, как в прошлый раз, когда Хагрид не смог прийти на занятия.

С широкой ухмылкой на тонком лице Дрэйко Малфой перегнулся через Гарри и схватил самого крупного ногомола.

– Может быть, – вполголоса сказал он так, чтобы его мог слышать только Гарри, – этот здоровенный тупой чурбан раскололся?

– Может быть, с тобой это случится, если ты не заткнёшься, – уголком рта отрезал Гарри.

– Может, он впутался в *слишком* крупное дело, если ты просёк.

Малфой, ухмыльнулся Гарри через плечо и отошёл. Гарри внезапно стало нехорошо. Малфой что-то знает? Всё-таки его отец был Пожирателем Смерти, что если у него есть информация о судьбе Хагрида, которая ещё не попала в Орден? Гарри торопливо обошёл стол к Рону и Гермионе, которые уже присели на корточки поодаль и пытались убедить ногомола остаться стоять в полный рост, чтобы нарисовать его. Вытащив перо и пергамент, Гарри присел рядом с ними и шёпотом пересказал Малфоевы слова.

– Дамблдор знал бы, если бы с Хагридом что-то случилось, – сразу же ответила Гермиона. – Малфою только на руку, если мы будем волноваться, он сразу поймёт, что мы не в курсе того, что происходит. Нам нужно его игнорировать, Гарри. Сейчас, поддержи ногомола чуть-чуть, я только лицо его нарисую...

– Да, – раздался протяжный голос Малфоя со стороны самой близкой к ним группы, – отец совсем недавно разговаривал с министром, и, похоже на то, что Министерство в самом деле решило покончить с нестандартными методами обучения в этом заведении. Так что

¹¹³ 6 Woodlice (современное название «мокрицы»; в переводе намеренно использовано устаревшее)

пусть только этот слабоумный переросток опять сюда *сунется*, скорее всего, его прямиком отправят вещи собирать.

– УХ!

Гарри сжал ногомола так сильно, что чуть не раздавил, и тот в ответ нанёс ему такой сильный удар ручкой с острыми пальчиками, что у Гарри осталось две глубокие царапины. Гарри выронил ногомола. Крэбб и Гойл, которые до того веселились по поводу увольнения Хагрида, сейчас заржали ещё сильнее, видя, как ногомол, не разгибаясь, улепётывает в сторону леса. Маленький палочковый человечек вскоре скрылся среди корней деревьев. Когда по окрестностям эхом разнесся звонок, Гарри свернул испачканный кровью рисунок ногомола и отправился на гербологию с обёрнутой в Гермионин носовой платок рукой и с язвительным Малфоевым смехом в ушах.

– Если он ещё раз назовёт Хагрида слабоумным... – процедил сквозь зубы Гарри.

– Гарри, не связывайся с Малфоем, не забудь, он теперь префект, он может сильно усложнить тебе жизнь....

– Да ну, интересно знать, что это за сложная жизнь такая будет? – саркастически заметил Гарри.

Рон рассмеялся, но Гермиона нахмурилась. Втроём они брели по лужайке. Небо, кажется, ещё не решило, хочется ему дождя или нет.

– Я просто хочу, чтобы Хагрид побыстрее вернулся, вот и всё, – прошептал Гарри, когда они подходили к теплицам. – И *не говори*, что эта Граббли-Плантиха лучше преподаёт! – угрожающе добавил он.

– Я и не собиралась, – спокойно ответила Гермиона.

– Потому что она никогда такой же хорошей, как Хагрид не будет, – строго добавил Гарри, в полной уверенности, что сейчас получил образцовый урок ухода за магическими существами, и это его страшно раздражало.

Дверь ближайшей теплицы открылась, и оттуда вывалилась группа четверокурсников, в том числе и Джинни.

– Привет, – громко поздоровалась она, проходя мимо.

Несколько секунд спустя, следом за всеми, появилась Луна Лавгуд, с перепачканным в земле носом и связанными в узел на макушке волосами. При виде Гарри, её выпуклые глаза от волнения вылезли, наверное, до отказа, и она бросилась прямо к нему. Одноклассники Гарри заинтересованно оглянулись. Луна сделала глубокий вдох и, без всяких «здрасьте», выпалила:

– Я верю, что Тот, Кого Нельзя Называть, вернулся и верю, что ты сражался с ним и убежал от него.

– Ээ... ну да, – смутился Гарри.

У Луны вместо серёжек были какие-то оранжевые редиски, Парвати и Лаванда это, конечно, заметили, захихикали и стали показывать пальцами на её уши.

– Можете смеяться, – Луна повысила голос, очевидно полагая, что Парвати и Лаванда смеются над тем, что она сказала, а не над тем, что было на ней надето. – Но люди раньше считали, что вот пузырястого жучика¹¹⁴ и морщерогого храпстера¹¹⁵ не существует!

– Ну так ведь они правы? – нетерпеливо встряла Гермiona. – Никаких таких пузырястых жучиков и морщерогих храпстеров *нет и в помине*.

Луна бросила на неё испепеляющий взгляд и метнулась прочь, нервно тряся редисками. Теперь уже со смеху катались не только Парвати и Лаванда.

– Не могла бы ты не оскорблять единственного, кто мне верит? – поинтересовался Гарри у Гермiony, когда они направились в класс.

– Во имя неба, Гарри, ты заслуживаешь лучшего, – парировала Гермiona, – Джинни мне всё о ней рассказала: похоже, она будет верить только до тех пор, пока нет никаких доказательств. Чего ещё можно ждать от человека, чей папа рулит «Придирой».

Гарри вспомнил о злобещих крылатых конях, которых видел в ночь приезда, и то, как Луна сказала, что тоже видит их. Настроение у него слегка испортилось. Она врала? Но прежде, чем Гарри успел обдумать этот вопрос, к нему подошёл Эрни Макмиллан.

– Я хочу, чтоб ты знал, Поттер, – громко и уверенно заявил он. – Тебя не только чокнутые поддерживают. Лично я тебе на сто процентов верю. Моя семья всегда за Дамблдора горой стояла, и я тоже.

– Э-э... большое спасибо, Эрни, – озадаченно, но довольно поблагодарил Гарри.

Эрни, может быть, и высокопарно выражался в таких случаях, но Гарри глубоко тронула поддержка хоть от кого-то, у кого в ушах редиски не болтались. Слова Эрни бесповоротно стёрли улыбку с лица Лаванды Браун, а когда Гарри повернулся, чтобы поговорить с Роном и Гермioniой, то заметил выражение лица Шеймаса – озадаченное и вызывающее.

Уже никого не удивило, когда профессор Спраут начала занятие с того, что прочла лекцию о важности СОВ. Гарри хотелось бы, чтобы преподаватели перестали, наконец, напоминать об экзаменах, потому что всякий раз при мысли о количестве заданных домашних заданий, от этих лекций у него начинался лёгкий мандраж, который перешёл в нервную дрожь, когда в конце урока профессор Спраут задала им ещё один реферат. Измученные и насквозь пропахшие драконьим навозом – любимым удобрением профессора Спраут – гриффиндорцы полтора часа спустя толпой вернулись в замок, уже почти и не болтая, потому что день выдался тяжёлым.

Поскольку Гарри был голоден, а в пять часов ему предстояло первое взыскание от Амбридж, он прямым ходом, не занося сумку в гриффиндорскую башню, отправился на ужин, чтобы успеть впихнуть в себя хоть что-нибудь перед тем, как узнать, что ему

¹¹⁴ 7 Blibbering Humdinger (blabber – болтун; blubber – пузырь, лишний жир; рыдать; hum – жужжание; ding – звенеть; назойливо или настойчиво повторять)

¹¹⁵ 8 Crumple-Horned Snorkack (crumple – комкать, мять; рухнуть; horned – рогатый; snore – храп)

приготовила Амбридж. Он только дошёл до входа в Большой Зал, как услышал громкий, сердитый оклик:

– Эй, Поттер!

– Что ещё? – устало пробормотал он, повернулся и столкнулся с возмущённой Анджелиной Джонсон.

– Я сейчас объясню тебе, *что ещё!* – воскликнула она, подскочила и больно ткнула Гарри пальцем в грудь. – Как же это ты устроил себе взыскание на пять вечера в пятницу?

– Что? – растерялся Гарри. – Почему... ах, да, проверка вратаря!

– Он только вспомнил! – взвилась Анджелина. – Я что, не говорила тебе, что хотела провести проверку с командой *в полном составе* и подобрать кого-нибудь, кто сыграется с *каждым!* Я что, не сказала тебе, что специально заказала квиддичное поле? А теперь ты решил там не появляться!

– Ничего подобного! – обиделся Гарри на несправедливость упрёка. – Я получил взыскание от этой Амбриджихи только за то, что сказал ей правду о «Сама-Знаешь-Ком»!

– Ладно, выход один – идти тебе прямо к ней и просить, чтобы она в пятницу тебя отпустила, – бодро воскликнула Анджелина. – И мне плевать, как ты это сделаешь. Ну, скажи ей, если хочешь, что Сам-Знаешь-Кто – плод твоего воображения, *главное, чтобы ты пришёл!*

Она резко развернулась и унеслась.

– Знаете что? – буркнул Гарри Рону и Гермионе, на пороге Большого Зала. – По-моему не мешает проверить списки «Паддлмир Юнайтед»¹¹⁶: не убили ли часом Оливера Вуда в прошлом сезоне, потому что, похоже, в Анджелину вселился его дух.

Когда троица уселась за гриффиндорский стол, Рон поинтересовался:

– А какие шансы на то, что Амбридж в пятницу тебя отпустит?

– Меньше нуля, – утрюмо буркнул Гарри, наваливая котлеты из ягнёнка себе в тарелку и начиная есть. – Но попробовать-то не мешает, да? Предложу ей взамен ещё два взыскания отработать или ещё не знаю чего... – он проглотил полный рот картошки и добавил: – Надеюсь, сегодня вечером она меня слишком долго не задержит. Вы ж сами знаете, нам ещё нужно три реферата написать, потренироваться с Устраняющими заклинаниями для МакГонаголл, проработать контрзаклятие для Флитвика, закончить рисовать ногомола и начать дурацкий дневник снов для Трелони!

Рон застонал и почему-то уставился в потолок.

– Кажется, ещё и дождь собирается...

– Какое отношение это имеет к нашим домашним заданиям? – вздёрнула брови Гермиона.

– Никакого, – ответил Рон, и у него покраснели уши.

Без пяти пять Гарри попрощался с друзьями и направился в кабинет Амбридж на четвёртый этаж.

Постучав в дверь, он услышал приторный голосок:

¹¹⁶ 9 Puddlemere United (puddle – лужа; валяться в грязи; mere – озеро; болото, топь)

– Войдите.

Гарри осторожно вошёл и осмотрелся.

Кабинет был знаком ему ещё по трём предыдущим его владельцам.

Когда тут обитал Гилдерой Локхарт, кабинет был завешен Локхартowymi сияющими портретами. Попав сюда во времена Люпина, наверняка можно было встретить какое-нибудь милое создание из разряда Тёмных существ – в клетке или в аквариуме. В эпоху лжеМуди здесь было полно разнообразных приспособлений и артефактов для рассекречивания и обнаружения скрытой угрозы.

Теперь всё изменилось до неузнаваемости. Все горизонтальные поверхности покрывали кружевные салфеточки и скатерочки. Стояло несколько вазочек с засушенными цветами, каждая на отдельной салфеточке, а одна из стен увешана коллекцией декоративных тарелочек с огромными яркими котятами с разнообразными бантиками на шеях. Они были такими мерзкими, что Гарри остоленело разглядывать их до тех пор, пока профессор Амбридж его не окликнула.

– Добрый вечер, мистер Поттер.

Гарри замер и оглянулся по сторонам. Сначала он её даже не заметил, потому что на ней была мантия в жутких розочках, которые полностью сливались с расцветкой скатерти на столе за её спиной.

– Добрый вечер, профессор Амбридж, – натянуто поздоровался Гарри.

– Ну, присаживайтесь.

Она показала стул с прямой спинкой, стоящий у небольшого, покрытого кружавчиками столика. На столе Гарри дожидался чистый пергаментный свиток.

– Ээ... – не трогаясь с места, замялся Гарри. – Профессор Амбридж... Аа... пока мы не начали, я... я хотел попросить вас... пожалуйста...

Её выпуклые глаза сузились.

– Да, что?

– Ну, я... я член квиддичной команды Гриффиндора. И я собирался на тренировку в пять вечера в пятницу, на отбор нового вратаря... и я... я хотел спросить, можно мне пропустить отработку взыскания в тот вечер и... и отработать в другой вечер... вместо пятницы?..

Ещё до того, как закончил, Гарри понял, что всё бессмысленно.

– О, нет, – Амбридж ослабилась так, как будто только что проглотила особенно жирную муху. – Нет, нет, нет. Это вам наказание за вредную пропаганду, за гадкие популистские истории, мистер Поттер, а наказание, разумеется, никак не может приспособливаться к удобствам преступника. Нет, вы придёте сюда и завтра в пять часов, и послезавтра, и в пятницу, и будете отрабатывать взыскание согласно плану. Я думаю, что только к лучшему, если вы пропустите мероприятие, которое для вас действительно важно. Это только подкрепит урок, который я хочу вам преподать.

У Гарри кровь прилила к голове, и в ушах зашумело. Так значит, он рассказывает «гадкие популистские истории»?

Амбридж, чуть наклонив набок голову, следила за ним и улыбалась так широко, как будто точно знала, какие мысли крутятся у Гарри в голове, и хотела посмотреть, не начнёт ли он снова кричать. Невероятным усилием воли Гарри отвёл от неё взгляд, опустил сумку рядом со стулом с прямой спинкой и сел.

— Ну вот, — приторно продолжила Амбридж. — У нас уже получается справляться с нашим характером, да? А теперь вам, мистер Поттер, придётся пописать для меня буковки. Нет, нет, не своим пером, — квакнула она, когда Гарри наклонился открыть сумку. — Вы будете пользоваться одним из моих, в некотором роде особенных перьев. Пожалуйста.

Она вручила Гарри длинное, тонкое чёрное перо с необыкновенно острым концом.

— Я хочу, чтобы вы написали *«Я не должен врать»*, — ласково прогнусавила она.

— Сколько раз? — спросил Гарри с убедительной имитацией любезности.

— О, столько, сколько нужно будет, чтобы надпись *закрепилась*, — приторно умилилась Амбридж. — Начинайте.

Она отошла к своему столу, уселась и склонилась над охапкой каких-то пергаментов, судя по всему с рефератами, сданными на проверку. Гарри взял острое чёрное перо и понял, что чего-то не хватает.

— Вы мне не дали никаких чернил, — удивился он.

— О, вам не понадобятся чернила, — откликнулась Амбридж с гадким многозначительным смешком.

Гарри коснулся пером пергамента и вывел: *«Я не должен врать»*.

И вскрикнул от боли. На пергаменте появились слова, написанные ярко-красными чернилами. И в то же самое время, эти слова появились на тыльной стороне его правой ладони, словно скальпелем вырезанные на коже... и пока он ошарашенно не мог отвести глаз от ярких разрезов, они на его глазах затянулись, кожа в том месте опять стала целой, только чуть покраснела.

Гарри взглянул на Амбридж. Она следила за ним и широко, пожабьи, улыбалась.

— Да?

— Ничего, — тихо сказал Гарри.

Он перевёл глаза на пергамент, опять коснулся его пером, написал *«Я не должен врать»*, и тут же кисть руки второй раз обожгла острая боль. На коже опять появились вырезанные слова, ещё немного спустя раны зажили.

И началось. Вновь и вновь Гарри писал слова на пергаменте тем, что как он вскоре понял, было не чернилами, а его собственной кровью. И снова, и снова буквы взрезали кожу на тыльной стороне его ладони, затягивались, и опять появлялись, как только он начинал писать.

За окном Амбридж стемнело. Гарри даже не спрашивал, когда ему разрешат остановиться. Он даже не смотрел на часы. Он знал, что она следит за любым проявлением слабости с его стороны, и не собирался демонстрировать её, даже если бы пришлось сидеть тут всю ночь, вспарывая этим пером собственную руку...

Кажется, прошло уже много часов, когда Амбридж, наконец, сказала:

– Подойдите сюда.

Гарри встал. Рука мучительно болела. Когда он взглянул на руку, то обнаружил, что глубокие раны зажили, но кожа на месте букв была содрана.

– Руку, – квакнула Амбридж.

Гарри протянул руку. Она вцепилась в неё своими толстыми коротенькими пальцами, увешанными множеством старинных уродливых колец, и Гарри с трудом подавил содрогание.

– Так, так, мне кажется, эффект был недостаточным, – ослабившись, протянула она. – Ну что же, завтра вечером попробуем продолжить, да? Вы можете идти.

Гарри молча вышел из кабинета. Школа была абсолютно пустынна, должно быть уже перевалило за полночь. Он медленно прошёл по коридору, а когда завернул за угол и решил, что Амбридж его уже не услышит, бросился бежать.

* * *

У Гарри не было времени ни поупражняться с Устраняющими заклинаниями, ни хоть один сон в дневник снов записать, ни рисунок ногомола закончить; он даже реферат не написал. На следующее утро он пропустил завтрак, сел в гостиной, чтобы написать пару выдуманных снов на прорицания, которые шли первым уроком, и очень удивился, когда к нему присоединился всклокоченный Рон.

– Почему ты вчера вечером задание не сделал? – поинтересовался Гарри, глядя, как Рон рассеянно оглядывает гостиную в поисках вдохновения.

Рон, который вчера, когда Гарри вернулся в спальню, спал мёртвым сном, сейчас пробормотал что-то о «других важных делах», согнулся над пергаментом и наспех нацарапал пару слов.

– Так сойдёт, – он захлопнул дневник. – Я написал, что мне снилось, будто я покупаю новые ботинки – надеюсь, она не сделает из этого ничего сверхъестественного?

И они вместе заторопились в Северную Башню.

– Ну, как тебе взыскание с Амбридж? Что она заставила тебя делать?

Гарри на долю секунды колебался, но затем лаконично ответил:

– Писать.

– Ну не так уж плохо, ага? – обрадовался Рон.

– Нет, – коротко сказал Гарри.

– Ээ... я забыл... она в пятницу тебя отпускает?

– Нет, – тот же ответ.

Рон сочувственно хмыкнул.

Для Гарри начался ещё один скверный день. На трансфигурации, ни разу не поупражнявшись с Устраняющим заклинанием, он стал одним из худших. Обеденное время пришлось потратить на то, чтобы закончить рисунок ногомола, а профессора МакГонаггал, Граббл-Планк и Синистра задали им на дом ещё больше, и у Гарри, из-за второго взыскания у Амбридж, не осталось никаких шансов на выполнение домашней работы. В довершение всего перед ужином его опять нашла Анджелина Джонсон и, узнав, что в

пятницу он не сможет прийти на тренировку с новым вратарём, сказала, что не в восторге от его отношения, и что предпочла бы видеть в команде таких игроков, которые уделяют тренировкам больше времени, чем прочим своим делам.

– Да у меня взыскание! – заорал ей вслед Гарри. – Ты что, думаешь, я хочу торчать в кабинете с этой старой жабой, вместо того, чтобы в квиддич играть?

– Хорошо хоть, что просто писать нужно, – попыталась утешить его Гермиона, когда Гарри рухнул на скамью и уставился на бифштекс и пирог с почками, которые не лезли в горло. – Это не такое уж ужасное наказание...

Гарри открыл рот, но потом закрыл и молча кивнул. Он даже не знал, почему не рассказывает Рону и Гермионе о том, что произошло в кабинете Амбридж: скорее всего, просто не хочется видеть их испуганные лица – от этого происходящее стало бы ещё хуже и, поэтому, переносить всё стало бы сложнее. А ещё он подсознательно чувствовал, что между ним и Амбридж – личные счёты, и приносить ей удовлетворение тем, что станет жаловаться, Гарри не собирался.

– Не могу поверить, как много у нас домашних заданий, – тоскливо протянул Рон.

– Ну а почему ты ничего вчера вечером не сделал? – поинтересовалась у него Гермиона. – Где ты вообще был?

– Я... я гулял, представь себе, – уклончиво ответил Рон.

У Гарри сложилось впечатление, что не он один сейчас скрывается.

* * *

Второе взыскание было ничуть не легче предыдущего. Кожа на руке Гарри теперь воспалилась быстрее, вскоре уже горела и очень покраснела. Гарри решил, что скоро раны не будут заживать так быстро. Скоро на руке начнут оставаться шрамы, и тогда, может быть, Амбридж успокоится. Ничем показывать то, что ему больно, он себе не позволял, и за весь вечер – а ушёл он опять в полночь – он сказал только «добрый вечер» и «спокойной ночи».

Но теперь ситуация с домашними заданиями стала угрожающей и, вернувшись в гриффиндорскую гостиную он не пошёл спать, хотя устал смертельно, а открыл книги и начал писать реферат для Снейпа про лунные камни. К тому времени, как он закончил, была уже половина третьего. Гарри понимал, что написал ужасно, но выхода не было: если ему нечего будет сдать, то он получит взыскание ещё и от Снейпа. Затем он наспех ответил на вопросы задания профессора МакГонаголл, подправил пару штрихов на полотне под названием «Ногомол» для профессора Граббл-Планк, дополз до кровати, рухнул, даже не раздеваясь, и тут же заснул.

* * *

Четверг прошёл в полубреду от усталости. Рон тоже выглядел очень сонным, хотя непонятно – с чего. Третье взыскание прошло так же, как и два предыдущих, за исключением того, что два часа спустя буквы «Я не должен врать» уже не затягивались, а всё время кровоточили. Гарри прекратил писать, профессор Амбридж подняла голову:

– А! – коротко квакнула она и поднялась из-за стола взглянуть на его руку. – Прекрасно. Вот это послужит вам напоминанием, неправда ли? Сегодня вы уже можете идти.

– Завтра я ещё должен приходить? – сдержанно спросил Гарри, левой рукой поднимая сумку и держа ноющую правую на весу.

– О, да, – шире прежнего ослабилась Амбридж, – да, думаю, завтра вечером мы ещё поработаем и сможем выгравировать надпись поглубже.

Гарри раньше и подумать не мог, что появится преподаватель, которого он станет ненавидеть больше, чем Снейпа, но когда возвращался в гриффиндорскую башню, то пришлось признать, что у Снейпа появился достойный соперник. «Она – сволочь, – твердил Гарри, взбираясь на седьмой этаж. – Чокнутая, бешеная, старая сволочь...»

– Рон?

Гарри поднялся наверх, повернул за угол и чуть не столкнулся с Роном, который с метлой в руке прятался за статуей Хилого Лэхла. ¹¹⁷ Когда Рон увидел Гарри, то от неожиданности подпрыгнул и попробовал спрятать за спиной свой новенький «Чистомёт».

– Ты что здесь делаешь?

– Ээ... ничего.... А *ты* что здесь делаешь?

– Да ты что, мне-то можешь сказать! – нахмурился Гарри. – От кого ты тут прячешься?

– Я... ну, если тебе так надо... от Фреда с Джорджем, – буркнул Рон. – Они только что проходили тут с кучей первокурсников. Держу пари, они опять свои штучки на мелких проверяют. В гостиной-то заниматься этим не могут, из-за Гермiony...

Всё прозвучало сбивчиво и очень быстро.

– Но метла тебе для чего, ты что, летал? – удивился Гарри.

– Я... ну ладно, ладно... ладно, я скажу тебе, но только не смейся, хорошо? – с каждой секундой всё больше краснея, начал оправдываться Рон. – Я... я хотел попробовать на гриффиндорского вратаря, метла приличная у меня теперь есть... Вот. Ну, давай. Смейся.

– Не буду смеяться, – возразил Гарри. Рон непонимающе сморгнул. – Да это блестящая идея! Это просто классно будет, если тебя в команду возьмут! А я никогда не видел, как ты за вратаря играешь, у тебя хорошо получается?

– Неплохо, – облегчённо вздохнул Рон после такой реакции Гарри. – Чарли, Фред и Джордж, когда на каникулах тренировались, всегда ставили меня на кольца.

– Так ты сегодня тренировался?

– Каждый вечер тренируюсь, начиная со вторника... только, правда, сам с собой. Пробовал заколдовать квоффлы, чтобы они ко мне летели, но не получилось, не знаю, как это сделать, – Рон завёлся и стал нервничать. – Фред и Джордж меня засмеют, когда я на тренировку приду. Они меня всё время человеком второго сорта считают, с тех пор, как меня префектом назначили.

– Жаль, что я не смогу прийти, – с горечью сказал Гарри, когда они направились в гриффиндорскую гостиную.

¹¹⁷ 10 Lachlan the Lanky (Thomas MacLachlan (1829–1900) – Томас Маклэхлен, один из первопроходцев Трансвааля. Носил кличку «Lanky Scotsman»; lanky – тощий)

– Да, мне тоже жаль, что тебя не будет... Гарри, что это у тебя с рукой?

Гарри только что почесал нос свободной правой рукой и тотчас попытался спрятать руку за спину, но с таким же впечатляющим успехом, как и Рон прятал метлу.

– Это... просто царапина... это ничего... это...

Но Рон схватил Гарри за локоть и повернул ему руку тыльной стороной вверх. Наступила долгая пауза, во время которой Рон молча смотрел на слова, вырезанные у Гарри на коже. Потом он побледнел и выпустил его руку.

– Мне казалось, ты говорил, что она тебя заставляла писать?..

Гарри замешкался, но потом решил, что Рон был честен с ним, и поэтому рассказал всё про часы, проведённые в кабинете Амбридж.

– Старая карга! – возмутился Рон громким шёпотом, потому что они уже остановились перед Полной Леди, которая мирно дремала, свесив голову на картинную раму. – Да она больная! Иди и расскажи МакГонаголл!

– Нет, – сразу отрезал Гарри. – Признаваться, как мне плохо, не буду – я ей такого удовольствия не доставляю, она только этого и ждёт.

– *Этого и ждёт?* Нельзя позволять ей и дальше над тобой измываться!

– Я не знаю, что против неё может сделать МакГонаголл, – добавил Гарри.

– К Дамблдору иди, расскажи Дамблдору!

– Нет, – категорически отказался Гарри.

– Почему нет?

– У него и так проблем хватает, – ответил Гарри, хотя на самом деле причина была в другом.

Он не хотел идти за помощью к Дамблдору, потому что Дамблдор с июня ни разу не заговорил с ним.

– Ладно, я думаю, тебе нужно... – начал Рон.

Но тут Полная Леди, которая до сих пор сонно взирала на них, вдруг возмутилась:

– Вы собираетесь говорить пароль, или мне придётся всю ночь бодрствовать, дожидаясь, пока вы беседу закончите?

* * *

Пятничный рассвет был таким же угрюмым и мокрым, как и в предыдущие дни. Хотя Гарри и посмотрел машинально на стол преподавателей, как только зашёл в Большой Зал, но сделал это уже без всякой надежды увидеть там Хагрида. И поэтому сразу переключился на решение более насущных проблем вроде необъятной груды несделанных домашних заданий и перспективы ещё одного взыскания с Амбридж.

Сегодня Гарри поддерживали только две мысли. Первая – это то, что скоро выходные, а вторая – несмотря на то, что заключительное кошмарное взыскание от Амбридж неизбежно, но, может быть, ему повезёт, и из её окна удастся увидеть, как тренируется Рон. Эти лучики света были весьма слабыми, но Гарри был благодарен за то, что они могут хоть немного рассеять окружающую его тьму: ещё никогда такой дрянной первой недели в Хогвартсе ему не выпадало.

В пять часов вечера Гарри постучал в дверь кабинета профессора Амбридж для последней, как он искренне надеялся, встречи здесь, и дождался приглашения. На покрытом кружавчиками столе лежал, поджидая Гарри, чистый пергамент, рядом – острое чёрное перо.

– Вы знаете, что нужно делать, мистер Поттер, – приторно осклабилась Амбридж.

Гарри взял перо и взглянул в окно. Если только подвинуть стул на дюйм-два вправо... Под предлогом того, что нужно сесть ближе к столу, Гарри подвинулся. Теперь у него перед глазами была панорама гриффиндорской квиддичной команды, вверх и вниз летающей над полем. У подножия трёх высоких стоек ворот стояло ещё с полдюжины чёрных фигурок, видимо, в ожидании своей очереди попробоваться на вратаря. Кто из них Рон – на таком расстоянии определить было невозможно.

«Я не должен врать», – написал Гарри. Раны на его правой руке открылись и начали кровоточить.

«Я не должен врать». Рана стала глубже, воспалилась и заболела.

«Я не должен врать». Кровь потекла к запястью.

Гарри бросил взгляд в окно. Кто бы ни защищал сейчас ворота, он делал это просто отвратительно. Кэти Белл дважды за те несколько секунд, что Гарри осмелился следить, забросила мяч. Надеясь, что вратарём был не Рон, Гарри опустил глаза на блестящий от крови пергамент.

«Я не должен врать».

«Я не должен врать».

Гарри пользовался любой возможностью, чтобы взглянуть в окно – когда слышал скрип пера Амбридж или как она открывает ящик стола. Третий претендент играл довольно неплохо, четвёртый просто ужасно, пятый прекрасно уворачивался от бладжера, но потом пропустил лёгкий мяч. Темнело, и Гарри опасался, что шестого и седьмого уже не увидит.

«Я не должен врать».

«Я не должен врать».

Пергамент был весь забрызган кровью, тыльная сторона ладони уже горела от боли.

Когда Гарри взглянул в следующий раз, за окном совсем стемнело, и квиддичного поля уже не было видно.

– Ну, не посмотреть ли нам, как там ваша надпись? – полчаса спустя умильно спросила Амбридж.

Она подошла к Гарри и протянула к нему свои коротенькие окольцованные пальцы. Но как только цапнула его руку, разглядывая вырезанную на коже надпись, Гарри пронзила боль, но не в тыльной стороне ладони, а в шраме на лбу. И в то же самое время внутри у него всё перевернулось от какого-то очень необычного ощущения.

Он выдернул руку и вскочил, ошеломлённо глядя на Амбридж. Растянув в улыбке широкий вялый рот, Амбридж взглянула на него и тихо спросила:

– Болит ведь, да?

Гарри ничего не ответил. Сердце его бешено колотилось. Она спрашивала про руку или поняла, что он почувствовал во лбу?

– Ну что ж, полагаю, что цели своей я достигла, мистер Поттер. Вы можете быть свободны.

Гарри схватил школьную сумку и пулей выскочил из комнаты.

«Успокойся, – шептал он сам себе, взлетая по ступенькам. – Успокойся, успокойся, совсем не обязательно это означает то, что ты себе придумываешь...»

– Мимбулус мимблтония! – выдохнул он Полной Леди.

Проход открылся.

Гарри встретили бурными восклицаниями. Рон с сияющим лицом бросился навстречу, размахивая рукой и расплёскивая сливочное пиво из кубка.

– Гарри, у меня получилось, я прошёл, я вратарь!

– Что? Здорово! – Гарри попробовал искренне улыбнуться, но сердце у него бешено колотилось, рука пульсировала и кровоточила.

– Держи сливочное пиво, – Рон сунул ему бутылку. – Я не могу в это поверить!..А где Гермiona?

– Вон она, – Фред, тоже со сливочным пивом в руках, кивнул на кресло у камина.

Там спала Гермiona. Кубок со сливочным пивом в её руке предательски наклонился.

– Она так обрадовалась, когда я ей рассказал... – Рон отвёл глаза.

– Пусть поспит, – поспешно встрял Джордж.

Гарри тут же заметил, что у нескольких из присутствующих первокурсников не так давно явно шла кровь из носу.

– Рон, иди сюда, давай посмотрим, подойдёт ли тебе старая форма Оливера, – позвала его Кэти Белл. – Его имя мы можем убрать, а вместо этого прикрепить твоё...

Рон отошёл, а к Гарри быстро подошла Анджелина.

– Извини, Поттер, я с тобой резковата была, – без всякой подготовки начала она. – Знаешь, командовать – дело напряжённое, иногда я становлюсь похожей на Вуда.

Бросив взгляд на Рона поверх кубка со сливочным пивом, Анджелина слегка нахмурилась:

– Слушай, он твой друг, конечно, но он не чемпион, – откровенно продолжила она. – Пожалуй, чуть-чуть потренироваться ему не помешает. Хотя он из семьи классных квиддичных игроков. Надеюсь только на то, что у него есть скрытые резервы. Вики Фробиншер и Джеффри Хупер получше летали, но Хупер такой нытик, вечно то одно, то другое ему не так, а Вики слишком уж занята. Она сама призналась, что если тренировки совпадут у неё с занятиями в Клубе чар, то чары для неё важнее будут. В общем, завтра у нас тренировка, в два часа, так что ты уж приди. И будь другом, помогай Рону сколько сможешь, ладно?

Гарри кивнул, Анджелина отошла к Алисии Спиннет. Гарри пошёл и присел рядом с Гермioniой. Как только он поставил сумку, Гермiona тут же проснулась.

– Ой, Гарри, это ты... знаешь уже насчёт Рона? – запletaющимся языком начала она. – Я так ужа-а-асно устала, – она зевнула. – До часу ночи сидела и делала папки. Они разлетаются мигом!

Гарри оглянулся по сторонам и обнаружил, что во всех углах комнаты, куда могут добраться неосторожные эльфы, их поджидают замаскированные шапки.

– Здорово, – рассеянно протянул Гарри.

Никому не рассказывать о том, что произошло, было уже невыносимо.

– Гермиона, слушай, я только что из кабинета Амбридж. Когда она ко мне прикоснулась, я...

Гермиона внимательно выслушала. Когда Гарри закончил, она задумчиво спросила:

– Думаешь, Сам-Знаешь-Кто держит её под контролем, как Квиррелла?

– Ну, – понизил голос Гарри, – вполне вероятно ведь?

– Пожалуй, – согласилась Гермиона, хотя в голосе у неё уверенности не было. – Но не думаю, что он может *контролировать* её таким же способом, как и Квиррелла. Я имею в виду, он теперь живой, как положено, то есть тело у него есть и вселяться в чужое ему не нужно. Он может держать её под проклятием Имперіус...

Гарри отвлёкся на то, как Фред, Джордж и Ли Джордан жонглируют пустыми бутылками от сливочного пива. И тут Гермиона сказала:

– Но в прошлом-то году шрам у тебя болел, даже если никто к тебе не прикасался. Тебе ведь Дамблдор говорил, что это связано с настроением Сам-Знаешь-Кого? Я хочу сказать, может Амбридж вообще не при чём, может просто по времени совпало?

– Она сволочь, – передёрнулся Гарри. – Ненормальная.

– Да, она кошмарная, точно, но... Гарри, мне кажется, ты должен Дамблдору рассказать про то, что у тебя шрам болит.

Второй раз за пару дней Гарри получил совет сходить к Дамблдору и Гермионе он ответил так же, как и Рону:

– Не хочу ему надоедать. Он так же, как и ты скажет, что всё это ерунда. Шрам всё лето болел, сегодня вечером просто чуть сильнее, вот и всё...

– Гарри, я уверена, Дамблдор *хотел бы*, чтобы ты ему с этим надоедал...

– Ага, – вспыхнул Гарри, не успев себя проконтролировать. – Конечно, Дамблдора только шрам волнует, а на меня ему плевать!

– Не говори так, это неправда!

– Я, пожалуй, напишу Сириусу и спрошу, что он думает...

– Гарри, нельзя об этом в письме писать! – встревоженно воскликнула Гермиона. – Ты что, не помнишь, как Муди сказал нам с письмами быть поосторожнее! Никакой гарантии нет, что сов больше не перехватывают!

– Ладно, ладно, не буду! – раздражённо согласился Гарри и встал. – Я спать иду. Скажешь Рону, ладно?

– Нет уж, – облегчённо вздохнула Гермиона. – Если ты уходишь, я тоже могу уйти, это уже не будет невежливо. Я ужасно устала, и хочу ещё завтра шапками заняться. Слушай, если хочешь, помоги мне, это очень интересно, у меня уже лучше получается, я научилась делать узоры, кисточки и всякое прочее...

Гарри внимательно посмотрел на Гермиону: у неё было такое ликующее лицо. Только поэтому он попробовал вежливо избежать предложения:

— Ну-у... нет, наверное, спасибо, — протянул он. — Э-э... завтра не получится. У меня ещё куча домашних заданий...

И, попрощавшись с разочарованной Гермионой, побрёл к лестнице в спальню мальчиков.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПЁРСИ И БРОДЯГА¹¹⁸

На следующее утро Гарри проснулся раньше всех. Какое-то время он наблюдал за хороводом пылинок в луче солнечного света, проникшего сквозь щель полога, и наслаждался сознанием того, что сегодня – суббота. Казалось, первая неделя семестра тянулась вечно, словно один бесконечный урок истории магии.

Судя по сонной тишине и яркому, бодрящему солнечному лучику, рассвело совсем недавно. Гарри откинул полог, окружавший кровать, встал и начал одеваться. Тишину нарушало только отдалённое щебетание птиц и ровное, глубокое сопение его гриффиндорских соседей по спальне. Тихо открыв сумку, Гарри вытащил пергамент и перо, и спустился из спальни в гостиную.

Там он сразу направился к своему любимому ветхому мягкому креслу у теперь уже потухшего камина, с комфортом устроился, развернул пергамент и оглядел комнату. Мятые обрывки пергамента, использованные плюй-камни, пустые ёмкости от компонентов зелий и конфетные фантики, которые обычно к концу каждого дня усеивали пол гостиной, исчезли вместе с Гермониными шапками для эльфов. Ужаснувшись тому, сколько уже эльфов освободилось по своей или против своей воли, Гарри открыл чернильницу, обмакнул туда перо и, не касаясь им гладкой желтоватой поверхности пергамента, крепко задумался... и с минуту или больше взирал в пустой камин, совершенно не представляя, с чего начать.

Теперь ему стало понятно, как сложно было летом Рону и Гермионе писать ему письма. Каким образом рассказать Сириусу все события прошлой недели и задать все мучившие его вопросы, не предоставив потенциальным соглядатаям слишком много нежелательной информации?

Гарри ещё посидел неподвижно, созерцая камин, а потом, наконец, принял решение. Опять обмакнул перо в чернильницу и решительно прикоснулся к пергаменту.

«Дорогой Шмыгалз,

Надеюсь, что у тебя всё хорошо, а у меня первая неделя прошла ужасно, и сейчас я очень рад, что, наконец, начались выходные.

У нас новый преподаватель по защите от Тёмных искусств – профессор Амбридж. Она примерно такая же милая, как твоя мама. Я пишу тебе, потому что вчера вечером я отрабатывал взыскание с Амбридж, и со мной опять случилось то же, о чём я писал тебе прошлым летом.

Мы очень скучаем без нашего самого большого друга и надеемся, что он скоро вернётся.

Пожалуйста, напиши мне побыстрее.

¹¹⁸ 1 Padfoot (pad – в данном случае подушечки на лапах животного, след от них; идти по следу; foot – лапа; походка; преследовать).

Подробнее о кличках Мародёров см. Приложение III.

*Всего хорошего,
Гарри».*

Гарри несколько раз перечёл написанное, пытаясь представить текст с точки зрения постороннего. Ему показалось, что попади это письмо в чужие руки, никто всё равно не сможет понять, ни к кому он обращается, ни о чём пишет. Только бы Сириус разгадал намёк на Хагрида, да сообщил, когда тот сможет вернуться. Задавать прямой вопрос Гарри на всякий случай не стал – вдруг тем самым привлечёт излишнее внимание к делам, которыми занимается Хагрид за стенами Хогвартса.

На первый взгляд письмо вышло коротким, но чтобы сочинить его ушло много времени: пока Гарри писал, солнечные лучи уже доползли до середины комнаты, а сверху, из спален, уже доносился шум шагов. Тщательно запечатав пергамент, Гарри пролез в проход за портретом и направился в совятню.

– Я бы на твоём месте этой дорогой *не ходил*, – когда Гарри дошёл до первого поворота, перед ним из стены неожиданно выплыл Почти Безголовый Ник. – Пивз задумал подшутить над тем, кто пойдёт мимо бюста Парацельса в середине коридора.

– А шутка в том, что Парацельс свалится на голову тому, кто там пройдёт? – поинтересовался Гарри.

– Как ни странно – *да*, – скучающе подтвердил Почти Безголовый Ник. – В число добродетелей Пивза никогда не входила утончённость. Но я удаляюсь, попробую найти Кровавого Барона... он сможет положить этому конец... До встречи, Гарри.

– Ага, до скорого, – Гарри вместо того, чтобы пойти направо, повернул налево, выбирая более длинную, но безопасную дорогу к совятне.

Когда он миновал окно, через которое виднелось чистое голубое небо, жизнь заиграла перед ним в розовых красках – сегодня будет тренировка, наконец-то он опять вернётся в квиддич.

Что-то коснулось его щиколотки. Глянув вниз, Гарри обнаружил, что мимо проскользнула костлявая серая кошка смотрителя. Её жёлтые глаза-плошки мазнули по Гарри на какой-то миг, а затем она исчезла за статуей Унылого Уилфрида.¹¹⁹

– Я ничего плохого не делаю, – сказал ей вслед Гарри.

Кошка определённо вознамерилась донести своему хозяину, но с какой стати – Гарри не мог понять: он имел полное право ходить в совятню субботним утром.

Солнце уже высоко поднялось по небосклону и, когда Гарри вошёл в совятню, брызнуло ему в глаза, проникая через незастеклённые окна. Прозрачные полотна солнечных лучей пересекали круглое помещение, где на стропилах сидели сотни сов, потревоженных утренним светом. Некоторые, очевидно, только-только вернулись с охоты. Пока Гарри, вытянув шею, ходил в поисках Хэдвика, на покрытом соломой полу под его ногами похрустывали косточки мелких зверьков.

– Вот ты где, – воскликнул он, заметив свою сову почти на самом верху, у сводчатого потолка. – Давай сюда, у меня есть для тебя письмо.

¹¹⁹ 2 Wilfred the Wistful

Хэдви́г тихо ухнула, расправила широкие белые крылья и спланировала на его плечо.

– Да, конечно, здесь написано «Шмыгалзу», – засовывая письмо ей в клюв, Гарри, сам толком не зная почему, говорил шёпотом, – но на самом деле оно для Сириуса, ясно?

Хэдви́г прикрыла янтарные глаза, и Гарри догадался: это означает, что она поняла.

– Тогда удачного полёта тебе, – он поднёс сову к одному из окон, и, оттолкнувшись от его руки, Хэдви́г взмыла в ослепительно яркое небо.

Гарри следил за ней, пока она не превратилась в крошечное тёмное пятнышко и не исчезла, затем перевёл взгляд на хижину Хагрида, которая из этого окна была видна как на ладони, и, несомненно, по-прежнему необитаема: дым из трубы не идёт, занавески задёрнуты.

Верхушки деревьев в Запретном Лесу качал лёгкий ветерок. Гарри смотрел на них, наслаждаясь свежим воздухом и думая про предстоящий квиддич... как вдруг увидел... Огромная, похожая на ящера крылатая лошадь – такая же, как те, что везли хогвартские кареты – махая кожистыми чёрными крыльями, словно птеродактиль, поднялась над деревьями. Будто гротескная гигантская птица, она описала в воздухе широкий круг, а потом вновь скрылась в лесу. Всё произошло так быстро, что если бы не сердце, которое бешено заколотилось в груди, Гарри не поверил бы своим глазам.

За его спиной открылась дверь совятни. Гарри подскочил от неожиданности, резко повернулся и увидел входящую с письмом и посылкой в руках Чоу Чанг.

– Привет, – машинально поздоровался он.

– О... привет, – запыхавшись, ответила Чоу. – Я не думала, что кого-нибудь встречу здесь в такую рань. Только пару минут назад вспомнила, что у моей мамы сегодня день рождения.

Она помахала посылкой.

– Ясно, – сказал Гарри.

Похоже, его заклонило. Ему хотелось сказать что-нибудь интересное и смешное, но в голове всё ещё крутилась эта жуткая крылатая лошадь.

– Хорошая погода, – взмахнул он рукой в сторону окна.

И от неловкости сник. Погода. Он говорит о *погоде*...

– Ага, – подтвердила Чоу, оглядываясь в поисках подходящей совы, – для квиддича подходящая. Я всю неделю выбраться не могла, а ты?

– Я тоже, – ответил Гарри.

Чоу выбрала одну из школьных совсипух и поманила её к себе. Сова села ей на руку и протянула лапку так, чтобы Чоу смогла прикрепить посылку.

– Слушай, а у Гриффиндора уже есть новый вратарь? – поинтересовалась Чоу.

– Да, – сказал Гарри, – мой приятель Рон Уизли. Помнишь его?

– Торнадоненавистник? – достаточно хладнокровно уточнила Чоу. – Хорошо играет?

– Угу, – кивнул Гарри, – вроде бы, да. Я не видел его на отборочной тренировке, у меня взыскания были.

Чоу, прекратив привязывать посылку к совиной лапе, подняла на него глаза.

– Эта Амбриджиха такая мерзкая, – тихо сказала она. – Назначить тебе взыскание только потому, что ты рассказал правду о том, как... как... как он умер. Эту историю уже вся школа знает, все слышали. Ты вёл себя с ней очень смело.

Гарри тут же воспрял духом вновь, да так быстро, что ему показалось, будто он даже воспарил на пару дюймов над загаженным птицами полом. Какие к чёрту дурацкие летающие лошади: Чоу считает, что он очень смелый! На секунду Гарри пришла в голову мысль помочь Чоу привязать посылку к сове и как бы случайно продемонстрировать порезы на руке... но тут дверь совятни опять открылась, и пальная мысль улетучилась.

В совятню, тяжело дыша, ввалился смотритель Филч. На его впалых, воспалённых скулах горели пурпурные пятна, щёки дрожали, редкие седые волосы растрепались – он явно добирался сюда бегом. За ним следом появилась Миссис Норрис, взглянула на сов наверху и плотоядно мяукнула. Вверху захлопали крылья, одна крупная коричневая сова угрожающе щёлкнула клювом.

– Ага! – воскликнул Филч, подступая к Гарри, и его обвисшие щёки от гнева затряслись. – Мне доложили, что ты собираешься большую партию навозных бомб заказать!

Гарри скрестил руки на груди и посмотрел на школьного смотрителя.

– Кто вам сказал, что я заказываю навозные бомбы?

Чоу, нахмурившись, переводила взгляд с Гарри на Филча. Сова-сипуха у неё на руке устала сидеть на одной лапе и недовольно ухнула, но Чоу не обратила на это внимания.

– У меня есть источники, – самодовольно прошипел Филч. – Давай мне сюда то, что ты посылать собрался.

Порадовавшись тому, что не терял времени даром, Гарри отрезал:

– Не могу, я уже отправил.

– *Отправил?* – воскликнул Филч, и лицо его перекосилось от злости.

– Отправил, – спокойно подтвердил Гарри.

Филч в ярости открыл рот, застыл на несколько секунд, а потом окинул взглядом мантию Гарри.

– Откуда мне знать, что ты не сунул его в карман?

– Потому что...

– Я видела, что он отправил письмо, – гневно вмешалась Чоу.

– Видела?.. – накинута на неё Филч.

– Да, именно. Я видела, – громко повторила Чоу.

Филч молча уставился на Чоу, она ответила ему взглядом в упор, и через несколько секунд смотритель резко развернулся и пошаркал к двери. Взявшись рукой за дверную ручку, он остановился и оглянулся на Гарри.

– Ну, если я только пронюхаю про навозные бомбы...

Он проковылял на лестницу. Миссис Норрис бросила последний жадный взгляд на сов и последовала за ним.

Гарри и Чоу переглянулись.

– Спасибо, – поблагодарил Гарри.

– Не за что, – чуть покраснев, ответила Чоу и, наконец, закончила привязывать посылку к лапе совы. – Ты же не заказывал навозные бомбы?

– Нет, – коротко ответил Гарри.

– Интересно, а почему он решил, что ты это делаешь? – спросила Чоу, поднося сову к окну.

Гарри пожал плечами. Он не меньше Чоу был удивлён, но почему-то сейчас разгадка его не волновала.

Из советни они вышли вместе. Когда дошли до коридора, который вёл в западное крыло замка, Чоу сказала:

– Мне сюда. Ладно, я... ну, до встречи, Гарри.

– Ага... до встречи.

Чоу улыбнулась ему и ушла. Гарри, внутренне ликуя, пошёл дальше. Ему удалось поговорить с ней и не оконфузиться. «...Ты вёл себя с ней очень смело...» Чоу назвала его смелым... и она не возненавидела его за то, что он выжил...

Конечно, она предпочитала Седрика... но кто знает – пригласи Гарри её на Бал раньше, чем Седрик, всё могло бы повернуться иначе... кажется, она искренне сожалела, когда отказывала ему...

– Доброе утро, – Гарри громко поздоровался с Роном и Гермионой и сел рядом с ними за гриффиндорский стол в Большом Зале.

– С чего это ты такой довольный? – взглянув на него, удивился Рон.

– А-а... а квиддич скоро, – воодушевлённо пояснил Гарри, подтягивая к себе огромное блюдо яичницы с беконом.

– А... ну да... – протянул Рон.

Он отложил надкушенный тост, сделал большой глоток тыквенного сока, а потом сказал:

– Слушай... может выйдешь со мной чуть пораньше? Просто чтобы... ээ... попрактиковаться чуть-чуть, перед тренировкой, а? Мне бы немного руку набить.

– Да, конечно, – кивнул Гарри.

– Знаете что, по-моему, этого делать не стоит, – настоятельно вклинилась Гермиона. – Вам обоим ещё кучу домашних заданий нужно...

Продолжить ей помешало прибытие ежедневной утренней почты: в опасной близости от сахарницы приземлилась клекочущая сова с «Ежедневным пророком» в клюве и протянула лапку к Гермионе. Гермиона опустила один нат в кожаный мешочек, взяла газету и, когда сова улетела, критическим взглядом окинула первую полосу.

– Есть что-нибудь интересное? – живо полюбопытствовал Рон.

Гарри усмехнулся, понимая, как Рону хочется отвлечь Гермиону от темы домашних заданий.

– Нет, – вздохнула она. – Обсуждают только женитьбу басиста «Станных сестричек».

¹²⁰

Гермиона развернула газету и углубилась в чтение. Гарри увлёкся новой порцией яичницы с беконом. Рон с лёгкой озабоченностью возвёл глаза к верхним окнам Зала.

– Подождите-ка... – вдруг воскликнула Гермиона. – О, нет... Сириус!

– Что случилось? – Гарри рванул к себе газету так резко, что одна половина осталась у Гермионы, а у него в руках оказалась вторая.

– «Министерство магии получило конфиденциальную информацию из достоверных источников о том, что печально известный серийный маньяк Сириус Блэк» ...ля-ля-ля... «в настоящее время находится в Лондоне»! – трагическим шёпотом прочла Гермиона написанное на её половине.

– Держу пари на что угодно, это Люциус Малфой, – взбешённо, но тихо заявил Гарри. – Он узнал Сириуса на вокзале...

– Как? – встревоженно воскликнул Рон. – Ты не говорил...

– Тссс! – зашипели на него оба.

– «...Министерство предупреждает магическое сообщество, что Сириус Блэк чрезвычайно опасен... убил тринадцать человек... сбежал из Азкабана...» И дальше их обычный вздор, – закончила Гермиона, откладывая свою половину газеты, и с испугом посмотрела на Гарри и Рона. – Ну вот, теперь он и правда больше не сможет выходить из дому... – прошептала она. – Дамблдор его предупреждал.

Гарри хмуро просмотрел тот кусок «Пророка», который он оторвал. Основная часть материалов была посвящена рекламе магазина «Мантии от Мадам Малкин – на Все Случаи Жизни», где по всей вероятности начинались скидки.

– Оп-па! – удивился он и расправил газету перед Гермионой и Роном. – Смотрите!

– Мне вполне хватает тех мантий, что у меня есть, – заметил Рон.

– Да нет же, сюда смотри... вот эту маленькую заметку...

Рон и Гермиона нагнулись поближе, чтобы прочесть – заметка была крошечная, всего в дюйм, и размещалась в самом низу колонки. Озаглавлена она была так:

«ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В МИНИСТЕРСТВЕ

Стёрджис Подмор, 38 лет, проживающий в доме номер 2 по Лабарнам Гарденс в Клэпхеме, предстал перед Визенгамотом по обвинению в злоупотреблении служебным положением и попытке совершить кражу в Министерстве Магии 31 августа сего года.

Подмор был задержан в Министерстве магии сотрудником магической охраны Эриком Манчем, который в час ночи застал Подмора при попытке взломать сверхсекретную дверь. Подмор отказался давать показания в свою защиту, был признан виновным по обоим пунктам обвинения и приговорён к шести месяцам пребывания в Азкабана.»

– Стёрджис Подмор? – протянул Рон. – Это тот парень с кошной волос на голове? Он же из Ор...

– Рон! Тссс! – шикнула Гермиона, испуганно оглянувшись по сторонам.

– Шесть месяцев в Азкабана! – шокировано прошептал Гарри. – Только за то, что пытался открыть дверь!

– Не будь дураком, это наверняка не простая дверь. Что же, по-твоему, он делал в Министерстве магии в час ночи?

– Думаешь, он какое-то задание Ордена выполнял? – пробормотал Рон.

– Пстой-ка... – медленно начал Гарри, – Стёрджис, кажется, должен был прийти нас провожать, помните?

Друзья посмотрели на него.

– Кажется, он должен был нас охранять, когда мы на Кингс-Кросс уезжали, да? А Муди ещё злился, что тот не пришёл. Так может быть, он не на Орден работал?

– Может, никто не предполагал, что он попадётся, – предположила Гермиона.

– Это, наверно, провокация! – взволнованно воскликнул Рон. – Нет... слушайте! – завидя угрожающее выражение Гермиониного лица, он тут же понизил голос: – Министерство заподозрило его в том, что он на стороне Дамблдора и... ну не знаю... его заманили в Министерство, а он вовсе и не собирался никакую дверь открывать! Может быть, его просто подставили, чтобы арестовать!

Гарри и Гермиона задумались. Гарри решил, что доводы притянуты за уши, однако на Гермиону сказанное Роном, похоже, произвело впечатление.

– Знаешь, не удивляюсь, если всё так и было.

Она задумчиво стала сворачивать свою половину газеты. Когда Гарри отложил нож с вилкой, Гермиона, видимо, приняла какое-то решение.

– Ладно, вот что я думаю, для начала нам пора заняться рефератом для Спраут о самоудобряющихся кустах, и, если всё получится, то после обеда приступим к заклинанию Оживления Предметов¹²¹ для МакГонаголл...

Гарри ощутил лёгкий приступ вины при мысли о куче домашних заданий, которая ждёт его наверху, но небо было таким ясным и таким призывно синим, а он уже целую неделю не сидел на метле...

– Мы ведь сможем этим и вечером позаниматься, – заметил Рон, когда они с Гарри уже спускались по отлогой лужайке к квиддичному полю с метлами на плечах и с ещё звенящими в ушах страшными пророчествами Гермионы о том, что они провалятся по всем СОВам. – К тому же у нас впереди весь завтрашний день. А она чересчур помешана на работе, это её проблемы... – он замолчал, потом продолжил уже более озабоченным тоном: – Как думаешь, она всерьёз говорила, что не даст нам списать?

– Похоже на то, – предположил Гарри. – Но тренировки – это тоже важно, если мы хотим остаться в квиддичной команде, нужно тренироваться...

– Да, ты прав, – твёрдо согласился Рон. – У нас ещё полно времени, чтобы всё сделать...

Когда они подошли к квиддичному полю, Гарри взглянул направо, туда, где мрачно качались деревья Запретного Леса. В небе над ними не было никакого движения, только несколько сов кружились вдали, у башни совытни. Причин для беспокойства не было: да и что ему может сделать летающая лошадь, – и Гарри тут же забыл про неё.

В раздевалке ребята взяли мячи из шкафа и приступили к делу. Рон охранял тройку ворот-колец на высоких стойках, Гарри выполнял роль гончего и старался забросить Рону квоффл. Рон отразил три четверти бросков и, в конце концов, стал играть заметно лучше –

¹²¹ 6 Inanimatus Conjurus Spell

по мнению Гарри для начала очень даже неплохо. Через пару часов они вернулись в замок на обед, на протяжении которого Гермиона недвусмысленно давала понять, насколько безответственными их считает, а потом вернулись на квиддичное поле для настоящей тренировки. Все члены команды, включая Анджелину, уже собрались.

– Ну что, Рон? – подмигнул ему Джордж.

– Нормально, – буркнул Рон.

Чем ближе шло дело к игре, тем тише и тише он становился.

– Готов к бою, префектик? – со злорадной ухмылкой спросил Фред, натянув квиддичную форму и выпростав взъерошенную голову.

– Заткнись, – с каменным лицом бросил Рон, впервые надевая форму.

Форма Оливера Вуда, который был пошире Рона в плечах, пришлась Рону впору.

– Ну что, ребята, – из комнаты капитанов вышла уже переодетая Анджелина, – пошли. Алисия и Фред, захватите корзину с мячами. Да, и там у нас есть несколько зрителей, мне бы хотелось, чтобы вы не обращали на них внимания, ладно?

Притворная небрежность её голоса подсказала Гарри, кто эти незваные зрители. Догадка превратилась в уверенность, когда они дружно вышли из раздевалки на залитое ярким солнцем поле и встретили бурю насмешек и освистываний от слизеринской квиддичной команды и примазавшихся к ним, которые рассредоточились на пустых трибунах, и теперь по всему стадиону разносилось эхо их громких голосов.

– Что это там Уизли собрался оседлать? – насмешливо прокричал Малфой. – Признавайтесь, кто наложил чары левитации на такое трухлявое брёвнышко?

Крэбб, Гойл и Пэнси Паркинсон загоготали и завизжали со смеху. Рон сел на метлу и оттолкнулся от земли. Гарри полетел следом за ним, подметив, как покраснели у Рона уши.

– Наплюй на них, – нагнав Рона, посоветовал он. – Посмотрим, как они будут смеяться, когда мы начнём играть...

– Вот такое настроение мне и нравится, Гарри, – одобрительно крикнула Анджелина, облетев их с квоффлом в руках и зависнув в воздухе перед командой. – Так, начнём с бросков для разминки, всей командой...

– Эй, Джонсон, что вообще за причёска у тебя? – крикнула снизу Пэнси Паркинсон. – И зачем это люди ходят в таком виде, будто у них из головы червяки вылезают?

Анджелина убрала от лица длинные, заплетённые в косички волосы и спокойно продолжила:

– Так, рассредоточились, покажем им, на что мы способны...

Гарри отделился от команды и отлетел на дальнюю сторону поля. Рон занял место у колец напротив. Анджелина одной рукой перебросила квоффл Фреду, тот отдал пас Джорджу, Джордж перепасовал Гарри. Гарри сделал бросок Рону, и Рон пропустил мяч.

Слизеринцы во главе с Малфоем завопили и заржали. Рон спикировал к земле, чтобы поймать квоффл, пока тот ещё не упал. На обратном пути он неаккуратно вышел из пике, чуть не соскользнул с метлы и, покраснев, поднялся в воздух. Гарри заметил, как Фред и Джордж переглянулись, но к удивлению и облегчению Гарри не сказали ни слова.

– Пасуй, Рон, – словно ничего и не произошло, крикнула Анджелина.

Рон бросил квоффл Алисии, она отдала пас Гарри, тот – Джорджу...

– Эй, Поттер, как твой шрам поживает? – крикнул Малфой. – Тебе прилечь не надо? Ты уже целую неделю в больничном крыле не был, это для тебя рекорд, да?

Джордж отдал пас Анджелине, та с вывертом перепасовала Гарри, чего он не ожидал, но самыми кончиками пальцев успел ухватить мяч и сразу бросил его Рону. Рон рванулся, но промахнулся на несколько дюймов.

– Рон, соберись, – раздражённо бросила Анджелина вслед Рону, опять метнувшись к земле вдогонку за квоффлом. – Будь повнимательнее.

Когда Рон поднялся в воздух, сложно было сказать, что краснее – его лицо или квоффл. Малфой и прочие члены слизеринской команды подвывали от смеха.

С третьей попытки Рон поймал квоффл. Должно быть, от облегчения он с такой силой сделал пас, что мяч не удержался в протянутых руках Кэти и сильно ударил её в лицо.

– Извини! – простонал Рон и бросился вперёд, чтобы убедиться, в порядке ли Кэти.

– Вернись на место, с ней всё в порядке! – рявкнула Анджелина. – Только запомни, что когда отдаёшь пас товарищу по команде, с метлы его сбивать не нужно! Для этого у нас есть бладжеры!

У Кэти из носу шла кровь. Слизеринцы внизу топали ногами и насмешничали. К Кэти подлетели Фред и Джордж.

– На, держи вот это, – Фред достал из кармана что-то маленькое и фиолетовое и передал Кэти: – Это сразу поможет.

– Ладно, – крикнула Анджелина. – Фред и Джордж, возьмите биты и бладжер. Рон, давай к кольцам. Гарри, когда я тебе скажу, выпустишь снитч. Играем, само собой, в Роновы кольца.

Гарри спикировал за снитчем вслед за близнецами.

– Это не Рон, это просто какая-то катастрофа, – буркнул Джордж, когда они втроем приземлились у корзины с мячами и стали доставать бладжеры и снитч.

– Он просто волнуется, – сказал Гарри. – Когда мы утром с ним тренировались, всё было прекрасно.

– Ну, в общем, я и не предполагал, что он сразу же станет асом, – мрачно заметил Фред.

Они поднялись в воздух. Когда Анджелина свистнула в свисток, Гарри выпустил снитч, а Фред с Джоржем отпустили бладжеры. После этого Гарри только догадывался о том, что происходило на поле. Именно умение поймать крошечный порхающий золотой шарик приносило сто пятьдесят очков команде искателя, а оно требовало огромной скорости и мастерства. Гарри разгонялся, крутился туда-сюда, лавировал между гончими, в лицо ему бил тёплый осенний воздух, в ушах звучали отдалённые выкрики слизеринцев, сливаясь в громкий бессмысленный вопль... но очень скоро его остановил новый свисток.

– Стоп... стоп... СТОП! – кричала Анджелина. – Рон... ты не прикрываешь среднее кольцо!

Гарри взглянул на Рона, тот летал у левого кольца, оставив без всякой защиты другие два.

– Ой... извиняюсь...

– Всё время летай вокруг и следи за гончими! – крикнула Анджелина. – Или будь у центрального, пока не нужно защищать кольца, или летай перед ними всеми, но не порхай неизвестно где, потому что ты пропустил уже три гола!

– Извините... – повторил Рон. Его лицо на фоне ярко-голубого неба горело как красный маяк.

– Кэти, ты что, не можешь кровь из носа остановить никак?

– Только хуже и хуже становится! – хрипло крикнула Кэти, пробуя вытереть кровь рукавом.

Гарри оглянулся на Фреда и увидел, что тот озабоченно шарит по карманам. Потом он заметил, как Фред вынул что-то фиолетовое, пару секунд разглядывал и с ужасом перевёл взгляд на Кэти.

– Ладно, поехали дальше, – крикнула Анджелина.

На слизеринцев, которые теперь стали скандировать: «Гриффиндорцы продули, гриффиндорцы продули», она внимания не обращала, но на метле сидела уже как-то напряженно.

В этот раз они летали всего минуты три, и опять раздался свисток Анджелины. Гарри как раз заметил снитч, который кружился у стоек противоположных колец, но пришлось резко остановиться, и он очень расстроился.

– Что там? – нетерпеливо крикнул он Алисии, которая была ближе всех.

– Кэти, – коротко пояснила та.

Гарри развернулся и увидел что Анджелина, Фред и Джордж со всей скоростью летят к Кэти. Гарри и Алисия тоже повернули туда. Стало ясно, что Анджелина остановила игру как раз вовремя: Кэти была бледной как мел и вся в крови.

– Ей нужно в больничное крыло, – решила Анджелина.

– Мы её проводим, – вызвался Фред. – Кажется она... ээ... по ошибке проглотила Дырволдырное Драже...¹²²

Когда Фред с Джорджем полетели к замку, придерживая Кэти с обеих сторон, Анджелина хмуро бросила:

– Ну, без загонщиков и гончего продолжать нет смысла. Пошли отсюда, переодеваться будем.

Пока они добирались до раздевалки, слизеринцы продолжали скандировать.

– Ну, как прошла тренировка? – весьма холодно поинтересовалась Гермиона полчаса спустя, когда Гарри с Роном через проход за портретом залезли в гриффиндорскую гостиную.

– Всё... – начал Гарри.

– Паршиво, – глухо закончил Рон, плюхаясь в кресло рядом с Гермионой.

Гермиона оглянула Рона, и голос у неё немного потеплел.

– Ну ладно, ты же в первый раз, – принялась она утешать. – Нужно время...

– Кто сказал, что паршиво было из-за меня? – взвился Рон.

– Никто, – озадаченно осеклась Гермиона. – Я подумала...

– Ты подумала, что я совсем конченный?

– Нет, конечно, ничего подобного! Слушай, ты сказал, что всё было паршиво и я просто...

– Всё, я пошёл домашними заданиями заниматься, – сердито буркнул Рон, протопал к лестнице в спальни мальчиков и исчез из виду.

Гермиона повернулась к Гарри.

– Он паршиво играл?

– Нет, – деликатно ответил Гарри.

Гермиона подняла брови.

– Ну, в общем, я думаю, он мог бы и получше сыграть, – пробормотал Гарри. – Но это и правда была только первая тренировка...

Этим вечером ни Гарри, ни Рон особых успехов в домашней работе не добились. Гарри понимал, что Рон слишком озабочен тем, как скверно он тренировался, да и у самого Гарри припевка «Гриффиндорцы продули» никак не выходила из головы.

Всё воскресенье ребята провели в гостиной, погружившись в книги. Кроме них в гостиной скоро никого не осталось – день выдался ясным и солнечным, и большинство гриффиндорцев проводили его на улице, наслаждаясь возможно последней в этом году хорошей погодой. К вечеру Гарри уже подташнивало.

– Знаешь, надо бы нам стараться делать побольше домашних заданий на неделе, – буркнул он Рону, когда они, наконец, закончили длинный реферат про заклинание Оживления Предметов по заданию профессора МакГонаголл и уныло взялись за такой же длинный и сложный – про многочисленные луны Юпитера для профессора Синистры.

– Угу, – согласился Рон, потирая покрасневшие глаза, и выбросил в камин по соседству пятый по счёту испорченный кусок пергамента. – Слушай... может, попросим у Гермионы поглядеть, как у неё вышло?

Гарри оглянулся: Гермиона сидела с Косолапом на коленях и весело болтала с Джинни. Перед ней сами по себе мелькали вязальные спицы: теперь она вязала для эльфов пару бесформенных носков.

– Нет, – вяло покачал он головой. – Сам знаешь, она нам не разрешит.

Занимались они, пока за окнами совсем не стемнело. Народ в гостиной постепенно рассасывался. В половине двенадцатого Гермиона, зевая, подошла к ним.

– Уже закончили?

– Нет, – коротко ответил Рон.

– Самый большой спутник Юпитера не Каллисто, а Ганимед, – заметила Гермиона, показав через плечо Рона строчку в его реферате по астрономии. – А вулканы на Ио.

– Спасибо, – буркнул Рон, вычёркивая неверные строчки.

– Извини, я просто...

– Ага, ну если ты просто покритиковать решила...

– Рон...

– Гермиона, ладно, у меня нет времени слушать проповеди, я уже сыт этим по горло...

– Я не... Смотрите!

Гермиона показала на ближайшее окно. Гарри и Рон обернулись. На подоконнике, сидела красивая ушастая сова и пристально рассматривала комнату.

– Это... это не Гермес ли? – удивлённо воскликнула Гермиона.

– Ничего себе, точно он! – тихо подтвердил Рон, бросил перо и встал. – С чего это Пёрси мне пишет?

Он подошёл к окну и открыл створки. Гермес влетел внутрь, приземлился на Ронов реферат и протянул лапу, на которой висело письмо. Рон снял письмо, и сова тут же улетела, размазав чернила по рисунку луны Ио.

– Точно, это почерк Пёрси, – Рон опустился в кресло и уставился на строчки на свитке: «Рональду Уизли, Дом Гриффиндор, Хогвартс». Он поднял на друзей глаза: – Что бы это значило?

– Открывай! – нетерпеливо воскликнула Гермиона.

Гарри кивнул.

Рон развернул свиток и начал читать. Чем ниже по пергаменту передвигался взгляд, тем мрачнее становилось лицо. К концу его лицо приняло выражение крайнего отвращения. Он подтолкнул письмо Гарри и Гермионе, те нагнулись и вместе прочли:

«Дорогой Рон,

Я только что узнал (не от кого-нибудь, а от самого министра магии, которому рассказала ваш новый преподаватель профессор Амбридж), что ты стал хогвартским префектом.

Эти новости меня приятно удивили, и я обязан, прежде всего, принести тебе свои поздравления. Должен признать, я всегда боялся, что ты выберёшь так называемый путь «Фреда и Джорджа», вместо того, чтобы брать пример с меня. Поэтому можешь себе представить мои чувства, когда я узнал, что ты перестал лезть на рожон и решил взять на себя такую, в некотором роде, ответственность.

Но я не просто поздравить тебя хочу, Рон, я хочу дать тебе маленький совет, поэтому и посылаю сову вечером, а не обычной утренней почтой. Хотелось бы надеяться, что ты сможешь прочесть письмо вдали от любопытных глаз и избежать щекотливых вопросов.

Из слов министра о твоём назначении префектом, я смог понять, что ты по-прежнему общаешься с Гарри Поттером. Рон, должен тебе сказать – ничто не может грозить тебе потерей значка больше, чем продолжение тесной дружбы с этим мальчиком. Я несколько не сомневаюсь, такому повороту ты удивишься – скажешь, что Поттер всегда был у Дамблдора любимчиком, но я считаю своим долгом предупредить тебя: скорее всего, Дамблдору недолго осталось руководить «Хогвартсом», а у предусмотрительных людей другое – и, возможно, более правильное – мнение о поведении Поттера. Я не стану распространяться дальше, но если ты читаешь «Ежедневный пророк», то завтра ты поймёшь, откуда дует ветер, а заодно и про твоего покорного слугу считаешь!

Серьёзно, Рон, ты ведь не хочешь запачкаться так же, как Поттер, это всё может пойти во вред тебе, я имею в виду и жизнь после окончания школы. Поскольку наш отец

сопровождал Поттера на суд, ты наверняка должен знать, что летом этого мальчика вызывали на дисциплинарное слушание в присутствии всего Визенгамота, и там он показал себя не с лучшей стороны. На мой взгляд, повезло ему только благодаря простым формальностям, а те, с кем я общался на этот счёт, по-прежнему убеждены в его виновности.

Возможно, ты боишься разорвать отношения с Поттером — насколько я знаю, он бывает неуравновешенным и, кто знает, даже может применить силу — но если тебя беспокоит это, или ещё что-нибудь в поведении Поттера, я призываю тебя поговорить с Долорес Амбридж, женщиной, несомненно, очаровательной, которая, как мне известно, будет совершенно счастлива тебе помочь.

Дальше я перехожу к следующему совету. Как я уже намекал выше, власти Дамблдора в «Хогвартсе» скоро может прийти конец, поэтому, ты, Рон, должен быть предан не ему, но школе и Министерству. Я с сожалением узнал, что до сих пор персонал школы сотрудничает с профессором Амбридж совсем вяло, хотя она стремится провести в стенах «Хогвартса» необходимые перемены, которых так жаждет наше Министерство (но со следующей недели ей станет проще — опять же, читай завтра «Ежедневный пророк»!) Я могу сказать только, что ученик, который сейчас выкажет желание помочь профессору Амбридж, через пару лет имеет все шансы добиться поста старосты школы!

Мне очень жаль, что летом я не смог видаться с тобой часто. Мне очень тяжело критиковать наших родителей, но, боюсь, пока они связаны с этой шайкой Дамблдора, я с ними под одной крышей жить не смогу. (Если будешь писать маме, то можешь ей передать, что некого Стёрджиса Подмора — большого друга Дамблдора — недавно отправили в Азкабан за злоупотребление служебным положением в Министерстве. Быть может, это откроет родителям глаза на истинное лицо тех мелких уголовников, с которыми они теперь яхшуются.) Я считаю, мне крайне повезло, что я смог избежать позорного клейма за связь с такими людьми — министр был более чем добр ко мне — и я очень рассчитываю, что ты, Рон, не позволишь семейным узам затмить тебе глаза на заблуждения наших родителей, на истинный характер их убеждений и поступков. Я искренне надеюсь, что со временем они поймут, как ошибались, и когда этот день придёт, я, само собой разумеется, приму все их извинения.

Пожалуйста, обдумай мои слова как следует, в особенности насчёт Гарри Поттера, и ещё раз прими мои поздравления в назначении тебя префектом.

Твой брат

Пёрси».

Гарри поднял на Рона глаза:

— Ну... — начал он, пытаясь сделать вид, что счёл написанное шуткой, — если ты хочешь... ээ... как там? — он сверился с письмом Пёрси. — Ах, да... «*разорвать отношения*» со мной, то я обещаю силу не применять.

— Дай сюда, — Рон протянул руку. — Он... — отрывисто продолжил он, разрывая письмо Пёрси пополам. — Самый известный... — он порвал куски ещё напололам. — В мире... — и ещё раз, уже на мелкие кусочки. — Гад! — и бросил обрывки в камин. — Ну, давай дальше, а то мы

закончим только к рассвету, – бодро обратился он к Гарри, придвигая к нему реферат для профессора Синистры.

Гермиона взглянула на Рона со странным выражением лица.

– Дай мне их сюда, – резко бросила она.

– Чего? – удивился Рон.

– Дай мне сюда, я их посмотрю и исправлю, – пояснила она.

– Ты что, серьёзно? О, Гермиона, ты просто наша спасительница, – воскликнул Рон. – Ну что тебе сказать..?

– Можем сказать: «Обещаем, что больше никогда не будем откладывать нашу домашнюю работу на последний момент», – Гермиона протянула обе руки за рефератами и не удержалась от улыбки.

– Гермиона, огромное спасибо тебе, – устало произнёс Гарри, передал ей свой реферат, откинулся в кресле и потёр глаза.

Было уже за полночь, и в гостиной не осталось никого кроме них троих и Косолапа. Тишину нарушал только скрип пера Гермионы то здесь, то там исправляющей рефераты, и шелест страниц разложенных на столе справочников, когда она заглядывала туда сверяться. Гарри был просто без сил. Вдобавок его снедала непонятная, болезненная пустота, которая не имела отношения к усталости и даже к письму, которое уже обуглилось в пламени камина.

Он понимал, что половина Хогвартса считает его странным, даже ненормальным; он знал, что «Ежедневный пророк» несколько месяцев распространяет ложь на его счёт, но когда прочёл письмо Пёрси, когда узнал, что Пёрси советует Рону расстаться с ним и даже доносить на него Амбридж, всё происходящее стало как никогда реальным. Гарри был знаком с Пёрси четыре года, жил в его доме на каникулах, делил с ним палатку во время Мирового турнира по квиддичу, даже удостоился его высокой оценки за второе задание Тримагического Турнира в прошлом году, но всё-таки теперь Пёрси считал его неуравновешенным и способным на насилие.

В приливе симпатии к своему крёстному Гарри подумал, что Сириус, возможно, единственный из всех, кого он знает, в состоянии понять, каково приходится сейчас Гарри, потому что Сириус оказался в той же самой ситуации. Почти все в магическом мире считают Сириуса опасным убийцей и рьяным сторонником Волдеморта, и с этим Сириусу приходится жить целых четырнадцать лет...

Гарри заморгал. Только что ему почудилось в пламени то, чего там быть не может. Там что-то возникло и тут же исчезло. Нет... не может быть... должно быть ему показалось, потому что он думал о Сириусе...

– На, перепиши это, – Гермиона передала Рону его реферат и лист, покрытый своими пометками к нему. – И добавь то заключение, которое я для тебя написала.

– Гермиона, ты, правда, самый замечательный человек, которого я когда-нибудь встречал в жизни, – слабо протянул Рон. – И если я вдруг опять буду тебе грубить...

– Я пойму, что с тобой уже всё в порядке, – закончила Гермиона. – Гарри, у тебя всё нормально кроме этой приписки в конце. Ты, наверное, ослышался, профессор Синистра говорила, что Европу покрывает лёд, а не мёд... Гарри?

Гарри соскользнул с кресла на изношенный, с подпалинами, коврик у камина и теперь, стоя на коленях, пристально вглядывался в огонь.

– Гарри... эй? – удивился Рон. – Ты что там делаешь?

– Я только что видел в огне голову Сириуса, – пояснил Гарри.

Он говорил довольно невозмутимо: в конце концов, он уже видел в этом камине голову Сириуса в прошлом году и общался с ним таким же образом, но сейчас он просто не был уверен, что глаза не обманывают его... видение исчезло слишком быстро...

– Голову Сириуса? – повторила Гермиона. – Ты хочешь сказать, так же, как он разговаривал с тобой во время Тримагического Турнира? Но сейчас он не стал бы так поступать, это слишком... Сириус!

Она задохнулась и уставилась в камин. Рон опустил перо. В центре пляшущих языков пламени появилась голова Сириуса, на усмехающееся лицо падали пряди длинных чёрных волос.

– Я уж решил, что ты отправишься спать до того, как все разойдутся, – проговорил он. – Я каждый час проверял.

– Ты каждый час появлялся здесь, в огне? – переспросил Гарри, которого уже разбирал смех.

– Только на пару секунд, чтобы проверить, чист ли берег.

– А если бы тебя заметили? – с тревогой воскликнула Гермиона.

– Пожалуй, одна девчушка... на вид – первокурсница... заметила меня мельком... Но не волнуйся, – поспешно уточнил Сириус, увидев, как Гермиона прижала руку ко рту, – как только она оглянулась, я уже исчез. Держу пари, она решила, что я – какое-то причудливое полено или ещё что...

– Но Сириус, это же так рискованно... – начала Гермиона.

– Ты говоришь, как Молли, – поморщился Сириус. – У меня был единственный способ ответить на письмо Гарри и не пользоваться шифром... шифры можно разгадать.

При упоминании о письме, Гермиона и Рон тут же повернулись к Гарри.

– Ты не говорил, что писал Сириусу! – упрекнула его Гермиона.

– Я забыл, – ответил Гарри, что было совершеннейшей правдой: встреча с Чоу в советне полностью вытеснила из памяти всё остальное. – Не смотри на меня так, Гермиона, из этого письма никто, даже если и захочет, не сможет извлечь никакой секретной информации, да, Сириус?

– Всё было вполне разумно, – улыбнулся Сириус. – Но, на всякий случай нужно поторапливаться, нам могут помешать... итак, твой шрам.

– А что со?.. – начал Рон.

Но Гермиона тут же прервала его:

– Позже поговорим. Продолжай, Сириус.

– Я понимаю, когда он болит, приятного мало, но мы считаем, что особых причин для беспокойства нет. В прошлом году он тоже болел, не так ли?

– Да, и Дамблдор объяснял, что это происходит всегда, когда Волдеморт сильно волнуется, – пояснил Гарри, как обычно проигнорировав вздрагивания Рона и Гермионы. – Наверное, тем вечером, когда у меня было взыскание, он просто разозлился сильно, или я не знаю что...

– Логично, сейчас он вернулся, и это должно происходить чаще, – согласился Сириус.

– Так по-твоему то, что Амбридж ко мне прикоснулась, когда у меня взыскание было, и боль в шраме между собой не связаны? – спросил Гарри.

– Сомневаюсь, – ответил Сириус. – Я знаю её репутацию, уверен, что она не Пожиратель Смерти...

– Она для этого вполне мерзкая, – упрямо заметил Гарри, а Рон с Гермионой энергично согласно кивали.

– Да, но мир не делится на хороших людей и Пожирателей Смерти, – криво усмехнулся Сириус. – Я знаю, что она скверная штучка, хотя... слышал бы ты, как о ней отзывается Римус.

– Люпин её знает? – быстро спросил Гарри, вспомнив комментарии Амбридж насчёт полулюдей на первом уроке.

– Нет, – возразил Сириус, – но она два года назад протолкнула небольшой закончик против оборотней, согласно которому устроиться на работу ему стало практически невозможно.

Гарри вспомнил, как бедно выглядел Люпин в последнее время, и его неприязнь к Амбридж стала ещё сильнее.

– А что она имеет против оборотней? – сердито спросила Гермиона.

– Я полагаю, она их боится, – Сириус позабавленно усмехнулся её негодованию. – Не нравятся ей, должно быть, полулюди; в прошлом году затеяла очередную кампанию за то, чтобы загнать русалов в резервацию и заклеить их. Представляешь, впустую тратить своё время и силы на то, чтобы досаждать русалам, когда маленькие оборвыши вроде Кричера ведут беспутный образ жизни...

Рон расхохотался, но Гермиона обиделась.

– Сириус! – укоризненно воскликнула она. – Вот правда, если бы ты уделил Кричеру хоть немного внимания, я уверена, он бы ответил тебе тем же. В конце концов, ты единственный член семьи, который может освободить его, а профессор Дамблдор говорил...

– Так что насчёт уроков Амбридж? – перебил её Сириус. – Она учит вас убивать всех полулюдей?

– Нет, – пояснил Гарри, игнорируя оскорблённый взгляд Гермионы, которой помешали защищать Кричера. – Она вообще не позволяет нам пользоваться магией!

– Мы занимаемся только тем, что читаем дурацкий учебник, – добавил Рон.

– Ах, вот как, ну, это вполне логично, – кивнул Сириус. – Согласно нашим источникам в Министерстве, Фаджу очень не хочется, чтобы вы научились сражаться.

– *Научились фразаться!* – недоверчиво повторил Гарри. – Чем он думает мы тут занимаемся, формируем какую-то магическую армию?

– Именно так он и думает, – подтвердил Сириус. – Или, точнее, он боится, что Дамблдор создаст собственную, персональную армию, с которой сможет захватить Министерство магии.

Наступила пауза. Затем Рон произнёс:

– Это самая бредовая идея из всех, что я слышал, включая рассказы Луны Лавгуд.

– Так значит, нам мешают учиться защите от Тёмных искусств потому, что Фадж боится, что мы сможем использовать заклинания против Министерства? – разъярённо воскликнула Гермиона.

– В точку, – кивнул Сириус. – Фадж считает, что Дамблдор в погоне за властью не остановится ни перед чем. Он сейчас по отношению к Дамблдору просто параноик. Что Дамблдора не арестовали по какому-нибудь сфабрикованному обвинению, это только вопрос времени.

Его замечание напомнило Гарри о письме Пёрси.

– Ты не знаешь, завтра в «Ежедневном пророке» насчёт Дамблдора будет что-нибудь? Брат Рона Пёрси считает, что что-то будет...

– Не знаю, – покачал головой Сириус. – Я все выходные не видел никого из Ордена, все заняты. Здесь сейчас только я и Кричер.

В голосе Сириуса явно проскользнула горечь.

– Значит, и насчёт Хагрида у тебя тоже нет новостей?

– А!.. – вспомнил Сириус. – Ему пора бы уже вернуться, никто не знает, что с ним случилось, – завидя их испуганные лица, он сразу добавил: – Но Дамблдор не волнуется, так что вам троим тоже не стоит заводитьсь. Уверен, с Хагридом всё в порядке.

– Но если он уже должен был вернуться... – тихим несчастным голосом начала Гермиона.

– С ним была Мадам Максим, мы связывались с ней, она сказала, что по дороге домой они разделились, но нет никаких оснований предполагать, что он ранен или, точнее, никаких оснований опасаться, что с ним что-то случилось.

Гарри, Рон и Гермиона, не убеждённые этими словами, тревожно переглянулись.

– Только не задавайте слишком много вопросов насчёт Хагрида, – торопливо добавил Сириус. – Этим только привлечёте излишнее внимание к тому факту, что он не вернулся, а я знаю, что Дамблдор этого не хочет. Хагрид крепкий, с ним всё будет в порядке, – и поскольку ребята всё равно не успокоились, Сириус продолжил: – У вас следующий выходной в Хогсмиде, так? Мне показалось, что с собачьей маскировкой на вокзале всё прошло гладко? Я бы мог...

– НЕТ! – в один голос, громко запротестовали Гарри с Гермионой.

– Сириус, ты разве не читал «Ежедневный пророк»? – с тревогой спросила Гермиона.

– Ах, это... – усмехнулся Сириус. – Предположения о том, где я, они строят часто, но ни разу не догадались...

– Да, но нам кажется, что на этот раз всё-таки догадались, – возразил Гарри. – Нам кое-что в поезде сказал Дрэйко Малфой, и мы думаем, ему известно, что это был ты. А ещё его отец был на вокзале... Сириус, ты же знаешь Люциуса Малфоя... не приходи сюда, что бы ни случилось. Если Малфой опять тебя узнает...

– Хорошо, хорошо, я всё понял, – раздражённо оборвал его Сириус. – Это был просто вариант – на тот случай, если ты захочешь встретиться.

– Я очень хочу, но только я не хочу, чтобы тебя опять отправили в Азкабан! – воскликнул Гарри.

Наступила пауза. Сириус молча смотрел из пламени на Гарри, глаза у него были запавшими, между бровей залегла складка.

– Ты меньше похож на своего отца, чем я думал, – наконец заключил он весьма прохладным тоном. – Для Джеймса риск был развлечением.

– Ну послушай...

– Всё, мне пора, я слышу, что Кричер спускается по лестнице, – отрезал Сириус, но Гарри был уверен, что он лжёт. – В таком случае я напишу тебе, когда ещё смогу появиться в камине, договорились? Если, конечно, такой риск для тебя приемлем?

Раздался тихий *хлопок*, и в том месте, где была голова Сириуса, опять взвились языки пламени.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВНЫЙ ДОЗНАВАТЕЛЬ «ХОГВАРТСА»¹²³

На следующее утро ребята планировали методично прошерстить Гермионин «Ежедневный пророк» в поисках статьи, которую Пёрси упомянул в своём письме. Но не успела ещё почтовая сова взлететь с кувшина с молоком, как Гермиона, поперхнувшись, уже расправила газету и показала большую фотографию Долорес Амбридж, которая, помаргивая, широко улыбалась им под заголовком:

**«МИНИСТЕРСТВО ПРИСТУПАЕТ К РЕФОРМЕ
ОБРАЗОВАНИЯ
НАЗНАЧЕНИЕ ДОЛОРЕС АМБРИДЖ
ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ ГЛАВНЫЙ ДОЗНАВАТЕЛЬ»**

– Амбридж – «Главный Дознаватель»? – хмуро переспросил Гарри, и из его пальцев выпал надкушенный тост. – Что *это* значит?

Гермиона вслух прочла:

«Принятый вчера вечером новый законопроект стал неожиданным шагом, дающим Министерству магии право на беспрецедентный контроль над школой колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс».

«Обеспокоенность министра в отношении порядков в «Хогвартсе» возростала день ото дня, – заявил младший помощник министра Пёрси Уизли. – Министр принял меры в ответ на обращения взволнованных родителей, у которых складывалось впечатление, что школа может пойти по такому пути, который им представляется неприемлемым».

Уже не первый раз за последние несколько недель министр Корнелиус Фадж вводит новые законы, направленные на реформирование магической школы. Декрет об Образовании № 22, принятый 30-го августа, предписывает в случае, когда действующий директор школы не в состоянии выставить кандидата на пост преподавателя, передавать вакансию человеку, назначаемому Министерством.

«Таким образом, Долорес Амбридж получила назначение в штат преподавателей «Хогвартса», – заявил вчера вечером мистер Уизли. – Поскольку Дамблдор никого не предложил, то министр назначил Амбридж и, разумеется, она немедленно добилась успеха...»

– Она добилась ЧЕГО? – громко переспросил Гарри.

– Подожди, это ещё не всё, – мрачно бросила Гермиона.

«...Немедленно добилась успеха, полностью преобразовав преподавание защиты от Тёмных искусств и обеспечив министру обратную связь в вопросе о том, что же действительно происходит в «Хогвартсе».

Именно эту её последнюю функцию Министерство отныне легализовало, приняв Декрет

¹²³ 1 в оригинале глава называется "The Hogwarts High Inquisitor" (inquisitor – лицо, проводящее следствие; дознаватель, в отличие от следователя, это гражданское лицо, уполномоченное государственными органами)

об Образовании № 23, который учреждает новую должность Главного Дознателя «Хогвартса».

«Эта новая, увлекательная фаза плана министра направлена на то, чтобы бороться с так называемым «падением уровня образования» в «Хогвартсе», — сказал Уизли. — Главный Дознатель получил полномочия проинспектировать своих коллег-преподавателей и убедиться, что они соответствуют стандартам. Профессору Амбридж эта должность была предложена в дополнение к её непосредственным обязанностям преподавателя, и мы рады сообщить, что она дала согласие».

Новые инициативы Министерства получили восторженную поддержку со стороны родителей хогвартских учеников.

«Я с чувством глубокого удовлетворения узнал, что действия Дамблдора впредь будут подвергаться справедливой и объективной оценке, — заявил 41-летний мистер Люциус Малфой, с которым мы встречались вчера вечером в его особняке в Уилтшире. — У многих из нас, кто искренне озабочен судьбами своих детей, некоторые эксцентричные решения Дамблдора давным давно вызывали беспокойство. Отрадно сознавать, что теперь Министерство контролирует ситуацию».

В числе этих «эксцентричных решений», несомненно, спорные назначения на должность преподавателей, о которых наша газета уже писала, в частности приём на работу оборотня Римуса Люпина, полувеликана Рубеуса Хагрида и умалишенного экс-авроа «Безумного Глаза» Муди.

Циркулируют многочисленные слухи о том, что Альбус Дамблдор, бывший некогда Верховным Главой Международной конфедерации колдунов и Главным Чародеем Визенгамота, более не справляется с возложенным на него руководством престижной школой «Хогвартс».

«Я расцениваю назначение Дознателя как первый шаг к обеспечению того, чтобы «Хогвартс» возглавил человек, которому мы сможем полностью доверять», — заявил прошлым вечером наш источник в Министерстве.

Старейшины Визенгамота Гризелда Марфчбэнкс и Тибериус Огден в знак протеста против введения должности Дознателя «Хогвартса» вышли в отставку.

«Хогвартс» — это школа, а не филиал кабинета Корнелиуса Фаджа, — заявила мадам Марфчбэнкс. — Налицо очередная отвратительная попытка дискредитировать Альбуса Дамблдора».

(Для полноты картины на странице 17 читайте о предположительной связи мадам Марфчбэнкс с подрывными группировками гоблинов.)»

Гермиона закончила читать и взглянула на друзей, сидевших напротив.

— Ну вот, теперь понятно, куда мы с Амбридж вяпались! Фадж издал этот «Декрет об Образовании» и натравил её на нас! А теперь у неё ко всему прочему есть полномочия инспектировать других преподавателей! — Гермиона задохнулась от возмущения и сверкнула глазами: — В голове не укладывается. Возмутительно!

— Да уж... — кивнул Гарри.

Он сжал в кулак правую руку, лежавшую на столе, опустил глаза и увидел на коже бледный контур слов, которые Амбридж заставила его вырезать.

И тут Рон прыснул.

– Ты что? – дружно уставились на него Гарри с Гермионой.

– Не могу дождаться, когда она начнёт инспектировать МакГонаголл, – весело пояснил Рон. – Амбридж ещё не знает, что её ждёт.

– Ладно, пойдём, – вскочила Гермиона. – Нужно поторапливаться, если она будет инспектировать урок Биннса, то лучше не опаздывать...

Но профессор Амбридж на урок по истории магии не явилась, и он прошёл так же скучно, как и в прошлый понедельник. Не было её и в подземелье Снейпа, куда ребята пришли на спаренные зелья, и где реферат Гарри о лунном камне вернулся к нему с небрежно надписанной в верхнем углу крупной, резкой чёрной литерой «У».

– Я поставил вам те оценки, которые вы получили бы, представив эту работу на СОВу, – с надменной усмешкой Снейп прошёлся между рядами и раздал домашние работы. – Даю вам возможность составить представление о том, что ожидает вас на экзамене.

Он подошёл к своему столу и резко развернулся.

– Уровень знаний по результатам этой работы в подавляющем большинстве – плачевный. Большинство из вас экзамен бы провалило. Я рассчитываю встретить гораздо большее усердие по отношению к реферату этой недели на тему различных видов противоядий к ядам животного происхождения, в противном случае буду вынужден назначать взыскания тем болванам, которые получают «У».

Малфой фыркнул и громко шепнул:

– А кто-то получил «У»? Ха!

Снейп только высокомерно усмехнулся.

Гарри заметил, что Гермиона искоса высматривает, какая оценка стоит у него, и моментально сунул свой реферат подальше в сумку, не имея ни малейшего желания делать эту информацию всеобщим достоянием.

Настроившись не дать Снейпу повода испортить ему очередное занятие, Гарри, перед тем, как начать работать, по крайней мере раза три прочёл каждую строчку написанной на доске инструкции. У его Стимулирующей Суспензии, конечно, не было того светло-бирюзового оттенка, что у зелья Гермионы, но, во всяком случае, она была синяя, а не розовая – как у Невилла. И в конце урока Гарри поставил колбу с суспензией на стол Снейпа со смешанным чувством вызова и облегчения.

– Ну, всё прошло не так плохо, как на прошлой неделе, да? – спросила Гермиона, когда они уже поднялись из подземелья и направлялись через вестибюль на обед. – И домашнее задание не такое уж жуткое?

Поскольку ни Рон, ни Гарри её не поддержали, Гермиона с нажимом продолжила:

– Я имела в виду, раз он оценивает по меркам СОВ, то высокой оценки ждать не приходится, но и посредственные оценки в таком случае тоже сойдут, разве нет?

Гарри неопределённо хмыкнул.

– Конечно, до экзаменов ещё много чего произойдёт, у нас будет куча времени исправить, но эти сегодняшние оценки – уже какой-никакой начальный уровень, да? – твердила Гермиона. – То есть, если от него отталкиваться...

Они уселись за гриффиндорский стол.

– Ну, если бы я получила «О», я бы, конечно, обалдела...

– Гермиона, – категорично прервал её Рон. – Если тебе интересно, что мы получили, то просто спроси.

– Я не... я не про то... ладно, может, вы мне скажете...

– Я получил «С», – сказал Рон, зачерпывая суп. – Ты довольна?

– Ну и ладно, нечего стыдиться, – бросил Фред, который как раз подошёл к столу вместе с Джорджем и Ли Джорданом и теперь усаживался рядом с Гарри. – Нет ничего плохого в славной крепкой «С».

– Но, – удивилась Гермиона, – это же не значит...

– Ага, «Слабо», – подтвердил Ли Джордан. – Но ведь всё равно лучше, чем «У»? «Ужасно»?

Гарри, почувствовал, как к лицу прилила кровь, и деланно подавился булочкой. Когда выпрямился, то с сожалением обнаружил, что Гермиона всё ещё полным ходом обсуждает оценки по СОВам.

– Так «О» – это высшая оценка «Отлично», – говорила она, – а потом идёт «П»...

– Нет, «В», – поправил её Джордж, – «В» значит «Выше ожидаемого». Я всегда считал, что мы с Фредом могли бы получить «В» по всем предметам только за то, что раз уж мы явились на экзамен – это уже выше ожидаемого.

Все, кроме Гермионы, рассмеялись. Гермиона продолжала копать:

– Значит, после «В» идёт «П», то есть «Приемлемо», и это последняя оценка, с которой можно сдать экзамен, да?

– Ага, – кивнул Фред, макнул булочку в суп, отправил её целиком в рот и начал жевать.

– А потом идёт «С», которое «Слабо», – Рон потряс в воздухе сжатыми руками, словно поздравляя себя, – и «У», которое «Ужасно».

– А ещё «Т», – напомнил ему Джордж.

– «Т»? – страшно удивилась Гермиона. – Есть ещё что-то ниже, чем «У»? А что тогда это значит?

– «Троль», – быстро пояснил Джордж.

Гарри опять рассмеялся, хотя не был уверен, что Джордж пошутил. Он представил себе, какотреагирует Гермиона, если он получит по всем СОВам «Т» и немедленно решил впредь заниматься больше.

– Ребята, а у вас уже был урок с инспекцией? – поинтересовался Фред.

– Нет. А у вас? – тут же поинтересовалась Гермиона.

– Да, вот прямо перед обедом, – подтвердил Джордж. – Чары.

– Ну и как это было? – хором спросили Гарри с Гермионой.

Фред пожал плечами:

– Не так уж плохо. Амбридж просто сидела в углу и делала пометки себе в книжечку. Вы же знаете Флитвика, он обращался с ней как с гостем, будто она ему совсем не мешает. Она много не говорила. Задала Алисии пару вопросов, типа – как обычно проходят уроки, Алисия ответила, что всегда очень классно, вот и всё.

– Я никогда не видел, чтобы старина Флитвик кому-нибудь оценки занижал, – добавил Джордж. – Обычно все его экзамен сдают нормально.

– А что у вас после обеда будет? – спросил Фред у Гарри.

– Трелони...

– Вот она-то уж точно «Т».

– ...И Амбридж такая же.

– Ладно, будь пай-мальчиком и сегодня с Амбридж попридержи себя в руках, – попросил Джордж. – Если ты ещё одну тренировку по квиддичу пропустишь, Анджелина свихнётся.

Но Гарри не пришлось ждать защиты от Тёмных искусств, чтобы встретиться с профессором Амбридж. Когда, усевшись в дальний угол полутёмного класса прорицаний, он достал свой дневник снов, Рон ткнул его в бок. Гарри оглянулся и увидел, что в люке в полу появилась профессор Амбридж. Весь класс, который только что оживлённо болтал, тут же затих. Резкое падение уровня шума заставило профессора Трелони, которая, порхая, раздавала экземпляры «Оракула Снов», обернуться.

– Добрый день, профессор Трелони, – широко улыбнулась профессор Амбридж, – я надеюсь, вы получили мою записку? О времени и дате инспектирования вашего урока?

Профессор Трелони отрывисто кивнула и, с недовольным видом отвернувшись от профессора Амбридж, возобновила раздачу книг. Продолжая улыбаться, профессор Амбридж зацепила спинку ближайшего кресла и подтянула его к передней части класса так, чтобы поставить в нескольких дюймах позади стула профессора Трелони. Потом села, достала из своей цветастой сумки книжечку и выжидательно осмотрелась, ожидая начала урока.

Профессор Трелони слегка подрагивающими руками туго замоталась в свои шали и взглянула на класс через очки, очень увеличивающие глаза.

– Сегодня мы продолжим изучать наши пророческие сны, – произнесла она, отважно пытаясь сохранить свои обычные мистические интонации, хотя голос у неё слегка дрожал. – Разделитесь, пожалуйста, на пары и с помощью Оракула объясните друг другу свои самые последние сны.

Она направилась было к своему стулу, но завидя, что прямо рядом с ним сидит профессор Амбридж, тут же свернула к Парвати и Лаванде, которые уже погрузились в обсуждение самого свежего сна Парвати.

Гарри открыл «Оракул Снов» и стал тайком следить за Амбридж. Та уже вписывала что-то в свою книжечку. Несколько минут спустя она встала и принялась расхаживать следом за Трелони, слушая её разговоры с учениками, и то и дело задавала вопросы. Гарри быстро уткнулся в книгу.

– Быстрее придумывай сон, – шепнул он Рону. – Вдруг эта старая жаба к нам подойдёт.

– Я в прошлый раз придумывал, – возразил Рон. – Теперь твоя очередь, ты мне рассказывай.

– Ох, да я не знаю, – в отчаянии прошептал Гарри, потому что не мог вспомнить ни одного сна за последние несколько дней. – Скажем так, мне приснилось, что я... что я утопил Снейпа в своём котле. Ага, вот так...

Рон открыл «Оракул Снов» и фыркнул.

– Ну ладно, теперь нам нужно сложить твой возраст, дату, когда тебе снился сон, и число букв в названии сна... что будем прибавлять – «утопить», «котёл» или «Снейп»?

– Не важно, бери любое, – бросив взгляд через плечо, прошептал Гарри.

Теперь профессор Амбридж стояла рядом с профессором Трелони и что-то записывала, а преподаватель прорицания расспрашивала Невилла о его дневнике снов.

– В какую ночь тебе это снилось? – спросил Рон, погрузившись в расчёты.

– Да я не знаю, ну вчера ночью, всё равно, когда тебе удобнее, – шепнул ему Гарри, пытаясь подслушать, что Амбридж говорит профессору Трелони.

Они обе стояли уже недалеко от них с Роном, у соседнего столика. Профессор Амбридж опять что-то записывала в книжечку, а профессор Трелони при этом выглядела очень расстроенной.

– Значит так, – глядя на Трелони, говорила Амбридж. – Как долго вы на этой должности, только точно?

Профессор Трелони нахмурилась, ссутулилась и скрестила руки на груди, словно желая как можно лучше защититься от бесцеремонной инспекции. Спустя некоторое время, видимо решив, что вопрос не настолько оскорбителен, чтобы его можно было проигнорировать, она выдала глубоко обиженным тоном:

– Почти шестнадцать лет.

– Срок немалый, – профессор Амбридж пометила в книжечке. – Вас назначил профессор Дамблдор, так?

– Верно, – коротко кивнула профессор Трелони.

Профессор Амбридж сделала ещё пометку.

– И вы прапраправнучка знаменитой Пророчицы Кассандры Трелони?

– Да, – профессор Трелони подняла голову чуть повыше.

Ещё одна пометка в книжечку.

– Кажется... поправьте меня, если я ошибаюсь... в вашей семье у вас первой, после Кассандры, есть внутреннее зрение?

– Такое свойство часто повторяется через... э-э... три поколения, – выговорила профессор Трелони.

Жабья улыбка профессора Амбридж растянулась ещё шире.

– Конечно, – приторно согласилась она, сделав ещё одну пометку. – А может быть, вы тогда и мне что-нибудь предскажете? – осведомилась она, всё ещё улыбаясь.

Профессор Трелони напряглась, словно не веря собственным ушам.

– Я вас не понимаю, – выдала она, судорожно сжимая шаль вокруг своей тонкой шеи.

– Мне бы хотелось, чтобы вы сделали мне предсказание, – отчётливо повторила профессор Амбридж.

Теперь уже Рон и Гарри были не единственными, кто тайком подслушивал и подглядывал поверх учебников. Профессор Трелони выпрямилась в полный рост, звеня бусами и браслетами, и на неё заворожённо уставились почти все.

– Третьим Глазом нельзя *Увидеть* по принуждению! – возмущённым тоном заявила она.

– Я заметила, – ласково согласилась профессор Амбридж и сделала в книжечку ещё одну пометку.

– Я... но... но... сейчас! – внезапно передумала профессор Трелони, пытаясь придать голосу обычную отстранённость, но мистический эффект слегка нарушался, потому что голос от гнева дрожал: – Мне... мне кажется, я *действительно* кое-что вижу... это касается *вас* ... почему-то я чувствую что-то ... что-то *тёмное* ... какую-то смертельную угрозу...

Профессор Трелони трясущимся пальцем показала на профессора Амбридж, та подняла брови, но продолжала любезно улыбаться.

– Я боюсь... боюсь, что вам грозит смертельная опасность! – драматично закончила профессор Трелони.

Наступила пауза. Профессор Амбридж меряла взглядом профессора Трелони.

– Хорошо, – наконец медленно сказала она и сделала ещё одну пометку в книжечку. – Ну, если это самое большее, на что вы способны...

Она отвернулась. Профессор Трелони приросла к полу, грудь её бурно вздымалась. Гарри взглянул на Рона и понял, что Рон думает то же, что и он: оба доподлинно знали, что профессор Трелони – старая шарлатанка, но с другой стороны так ненавидели Амбридж, что сейчас встали на сторону Трелони... до тех пор, пока несколько секунд спустя она не набросилась на них.

– Ну? – с нехарактерным для неё оживлением, она щёлкнула длинными пальцами прямо перед носом у Гарри. – Для начала позвольте взглянуть, как поживают ваши дневники снов.

И после того, как она в полный голос объяснила его сны (все они, даже тот, в котором шла речь о поедании овсянки, уверенно предвещали скорую и мучительную смерть), Гарри уже сочувствовал ей в гораздо меньшей степени. Всё это время профессор Амбридж стояла в отдалении, заноса пометки в свою книжечку, а когда прозвенел звонок, первой спустилась по серебряной лестнице. Десять минут спустя, когда ребята добрались до класса защиты от Тёмных искусств, она уже дожидалась там.

Когда они вошли, Амбридж мурлыкала себе под нос и улыбалась. Доставая из сумок «Теорию магической обороны», Гарри и Рон быстро пересказали Гермионе, которая ходила на арифмантику, в подробностях произошедшее на прорицании, но прежде, чем Гермиона успела спросить ещё что-нибудь, профессор Амбридж призвала к порядку, и наступила тишина.

– Палочки долой, – по-прежнему улыбаясь, распорядилась она, и те, кто уже с надеждой вынул палочки, теперь печально убрали их обратно. – Итак, на прошлом уроке мы закончили

Главу первую, а теперь я предлагаю вам открыть страницу девятнадцать и изучить «Главу вторую. Общие принципы обороны и их происхождение». Обсуждать нет необходимости.

Улыбаясь неизменной широкой самодовольной ухмылкой, она уселась за стол. По классу пронёсся еле слышный вздох, и все открыли девятнадцатую страницу. Гарри меланхолично задумался, достаточно ли в книге глав, чтобы занять ими все уроки в этом году, и уже собрался было проверить оглавление, когда заметил, что Гермиона опять подняла руку.

Профессор Амбридж тоже заметила и, более того, она, казалось, выработала новую стратегию как раз на этот случай. Вместо того чтобы сделать вид, что не замечает Гермиону, она встала, подошла к первому ряду, наклонилась к Гермионе нос к носу и прошептала так, чтобы остальные в классе не могли слышать.

– Что на этот раз, мисс Грейнджер?

– Я уже читала вторую главу, – пояснила Гермиона.

– Хорошо, тогда переходите к Главе третьей.

– Я её тоже прочла. Я прочла всю книгу.

Профессор Амбридж захлопала глазками, но быстро взяла себя в руки.

– Прекрасно, тогда вы сможете сказать мне, что сказано у Слинкхарда в пятнадцатой главе о противосглазах.

– Там сказано, что противослазы – это неправильное название, – быстро ответила Гермиона. – Слинкхард говорит, что «противосглазами» люди называют сглазы, когда хотят, чтобы они звучали более приемлемо.

Профессор Амбридж подняла брови, и Гарри понял, что, помимо своей воли, она впечатлена.

– Но я с этим не согласна, – продолжила Гермиона.

Брови профессора Амбридж взлетели выше, а пристальный взгляд стал значительно холоднее.

– Вы не согласны? – уточнила она.

– Да, не согласна, – повторила Гермиона, которая в отличие от Амбридж не шептала, а говорила звонко и отчётливо, привлекая внимание всего класса. – Мистеру Слинкхарду сглазы не нравятся, так? Но я считаю, что когда их используют для обороны, они могут стать очень полезными.

– О, вы так полагаете? – профессор Амбридж забыла, что нужно шептать и выпрямилась. – Но, боюсь, мнение мистера Слинкхарда в этом классе гораздо важнее, чем ваше, мисс Грейнджер.

– Но... – начала Гермиона.

– Достаточно, – заявила профессор Амбридж.

Она возвратилась к своему столу и повернулась к классу. Всё её напускное оживление, которое она демонстрировала в начале урока, сейчас прошло.

– Мисс Грейнджер, я собираюсь снять пять баллов с Дома Гриффиндор.

Раздалось негодующее перешёптывание.

– За что? – сердито воскликнул Гарри.

– Не вмешивайся! – быстро шепнула ему Гермиона.

– За срыв моего урока бессмысленными пререканиями, – вкрадчиво пояснила профессор Амбридж. – Я призвана вести урок с использованием одобренного Министерством метода, который не подразумевает выслушивания мнений учеников по вопросам, в которых они смыслят очень мало. Вероятно, ваши предыдущие преподаватели этого предмета позволяли вам большую вольность, но ни один из них... возможно, за исключением профессора Квиррелла, который, по крайней мере, ограничивался темами, соответствующими возрасту... проверку Министерства не прошёл бы.

– Ага, Квиррелл был гениальным педагогом, – громко фыркнул Гарри. – У него только один маленький недостаток был – Волдеморт в затылке застрял.

Тишина, последовавшая за этим заявлением, была одной из самых оглушительных, которую Гарри когда-либо доводилось слышать. А затем...

– Думаю, ещё одна неделя взысканий пойдёт вам на пользу, мистер Поттер, – вкрадчиво произнесла Амбридж.

* * *

Разрезы на руке у Гарри только успели зажить, но на следующее утро уже вновь кровоточили. Вечером, во время взыскания, Гарри не жаловался: он твёрдо решил не доставлять Амбридж такого удовольствия. Вновь и вновь он писал «*Я не должен врать*» и, хотя с каждой строчкой рана становилась всё глубже, с губ его не сорвалось ни звука.

Как и предсказывал Джордж, худшим приложением ко второй недели взысканий стала реакция Анджелины. Во вторник Гарри только появился на завтрак, как Анджелина тут же подловила его и стала так громко возмущаться, что с помоста, где стоял стол преподавателей, к ним тут же камнем спикировала профессор МакГонаголл:

– Мисс Джонсон, да как вы *смеете* устраивать в Большом Зале такой скандал! Пять баллов с Гриффиндора!

– Но, профессор... он *опять* умудрился вляпаться во взыскание...

– Что это значит, Поттер? – профессор МакГонаголл резко повернулась к Гарри. – Взыскание? От кого?

– От профессора Амбридж, – пробормотал Гарри, не глядя в глаза-бусинки МакГонаголл за квадратной оправой очков.

– Вы хотите сказать, – она понизила голос, чтобы их не могла услышать кучка любопытных рэйвенкловцев за её спиной, – что, несмотря на предостережение, которое я вам вынесла в прошлый понедельник, вы опять на уроке Амбридж решили показать свой характер?

– Да, – тихо ответил Гарри, обращаясь к полу.

– Поттер, да образумьтесь же! Вас ждут серьёзные неприятности! Ещё пять баллов с Гриффиндора!

– Но... как же?.. Профессор, нет! – от такой несправедливости Гарри вспыхнул. – Меня и так *эта* наказывает, почему ещё и вы с меня баллы снимаете?

– Потому что, судя по всему, взыскания никакого эффекта на вас вообще не производят! – едко бросила профессор МакГонаголл. – И слушать больше ничего не хочу! А

что касается вас, мисс Джонсон, либо вы оставите свои вопли для квиддичного поля, либо рискуете в скором времени лишиться капитанского звания!

Профессор МакГонаголл широко запагала к преподавательскому столу. Анджелина бросила на Гарри взгляд полный глубочайшего презрения и удалилась прочь. Гарри в бешенстве рухнул рядом с Роном.

– Я каждый вечер себе руку шинкую, а она ещё баллы за это с Гриффиндора снимает! Ну разве это честно?

– Я понимаю, приятель, – сочувственно кивнул Рон, накладывая Гарри бекон на тарелку. – Она явно погорячилась.

Гермиона никак не отреагировала, молча шурша страницами «Ежедневного пророка».

– Ты что, считаешь, что МакГонаголл права? – сердито спросил Гарри у Корнелиуса Фаджа, который закрывал Гермионино лицо.

Фадж на первой полосе, бурно жестикулируя, и явно толкая какую-то речь, голосом Гермионы сказал:

– Я бы предпочла, чтобы она баллы с тебя не снимала, но я считаю, она права, когда тебя предупреждает, что в присутствии Амбридж нужно сохранять хладнокровие.

Гарри не разговаривал с Гермионой все чары, но когда они пришли на трансфигурацию, о своей обиде на неё тут же забыл. Профессор Амбридж и её книжица сидели в углу, и это зрелище тут же стёрло из памяти Гарри воспоминание о завтраке.

– Классно, – шепнул ему Рон, когда они сели на свои места. – Сейчас посмотрим, как Амбридж получит по заслугам.

Профессор МакГонаголл зашла в класс, ничем не обнаруживая, что увидела там профессора Амбридж.

– Начнём, – сказала она, и тут же воцарилась тишина. – Мистер Финниган, будьте любезны, подойдите сюда и раздайте домашние работы... Мисс Браун, пожалуйста, возьмите коробку с мышами... не глушите, детка, они вам ничего не сделают... и раздайте их каждому...

– Кхм, кхм, – профессор Амбридж опять воспользовалась тем же дурацким покашливанием, которым прервала Дамблдора во время пира по случаю начала учебного года.

Профессор МакГонаголл не обратила на неё никакого внимания. Шеймас положил перед Гарри его реферат. Гарри, не глядя на Шеймаса, взял работу и с облегчением обнаружил, что получил «П».

– Сядьте ровно и внимательно слушайте... Дин Томас, если вы будет так обращаться с мышью, мне придётся наложить на вас взыскание... большинство успешно справилось с устранением улитки, и даже те, у кого остались кусочки раковины, суть заклинания уже прочувствовали. Сегодня мы будем...

– Кхм, кхм, – раздалось от профессора Амбридж.

– Да? – профессор МакГонаголл обернулась, брови её сошлись так близко друг к другу, что соединились в одну длинную, суровую линию.

– Я только хотела полюбопытствовать, профессор, получили ли вы мою записку о дате и времени моей инспек...

– Разумеется, я её получила, иначе поинтересовалась бы у вас, что вы делаете в моём классе, – профессор МакГонаголл непреклонно повернулась к профессору Амбридж спиной. Почти все в классе обменялись ликующими взглядами. – Как я сказала: сегодня мы займёмся более сложным Устранением мышпей. Итак, Устраняющее заклинание...

– *Кхм, кхм.*

– Интересно, – профессор МакГонаголл взглянула на профессора Амбридж с холодной яростью, – как вы рассчитываете составить представление о моих методах преподавания, если всё время меня прерываете? Видите ли, я вообще никому не позволяю разговаривать тогда, когда говорю сама.

Вид у профессора Амбридж стал такой, словно ей только что влепили пощёчину. Она ничего не сказала, но расправила пергаментные листочки в своей книжечке и принялась яростно записывать.

С высшей степени беззаботным видом профессор МакГонаголл опять обратилась к классу:

– Как я уже говорила, Устраняющее заклинание тем сложнее применять, чем сложнее устраняемое животное. Улитка, как беспозвоночное, особого труда не представляет, но мышпь, как млекопитающее, вызовет неизмеримо большие затруднения. Посему такой магией не следует заниматься с мыслями об ужине. Итак, формула заклинания вам известна, позвольте взглянуть, на что вы способны...

– И она ещё меня поучает сохранять хладнокровие с Амбридж! – выдохнул Гарри Рону, но теперь с усмешкой: его гнев на профессора МакГонаголл уже улетучился.

Профессор Амбридж за профессором МакГонаголл по пятам, как за профессором Трелони, по классу не ходила: должно быть поняла, что профессор МакГонаголл ей этого не позволит. Но, сидя в углу, беспрерывно писала, а когда профессор МакГонаголл по окончании занятия распорядилась собирать вещи, Амбридж встала с мрачным выражением лица.

– Неплохо для начала, – отметил Рон, берясь за длинный извивающийся мышинный хвост и опуская его в коробку, с которой всех обходила Лаванда.

Когда ребята гуськом направились к выходу из класса, Гарри заметил, что профессор Амбридж подошла к преподавательскому столу. Он толкнул Рона, тот в свою очередь толкнул Гермиону, и троица замешкалась, чтобы подслушать.

– Как долго вы преподаёте в Хогвартсе? – спросила профессор Амбридж.

– В декабре будет тридцать девять лет, – отрывисто бросила профессор МакГонаголл, защелкивая замок сумочки.

Профессор Амбридж сделала пометку.

– Очень хорошо, – сказала она. – Результаты инспекции вы получите через десять дней.

– Жду с нетерпением, – хладнокровно и безразлично отрезала профессор МакГонаголл и запахала к двери. – А вы поторапливайтесь, – добавила она, проходя мимо Гарри, Рона и Гермионы.

Гарри не удержался и еле заметно улыбнулся ей, и мог бы поклясться, что она ему ответила тем же.

Гарри рассчитывал, что теперь увидит Амбридж только во время вечернего взыскания, но ошибся. Когда они спустились по поляне к Запретному Лесу на урок ухода за магическими существами, то обнаружили, что Амбридж и её книжечка ждут их рядом с профессором Граббלי-Планк.

Когда они подошли к столу на козлах, на котором кучка пленённых ногомолов, как ожившие пруттики, ползала среди древесных вшей, Гарри услышал, как она спросила:

– Насколько мне известно, обычно этот урок ведёте не вы?

– Совершенно верно, – профессор Граббли-Планк заложила руки за спину и перекачивалась с пятки на носок. – Я заменяю профессора Хагрида.

Гарри тайком переглянулся с Роном и Гермионой. Малфой перешёптывался с Крэббом и Гойлом: он-то, конечно, не упустит возможности посплетничать о Хагриде с представителем Министерства.

– Хм-м, – профессор Амбридж понизила голос, но Гарри всё равно было неплохо слышно, – вот что интересно... Директор проявляет какое-то странное упорство, когда речь заходит об этой теме... Может быть, *вы* мне расскажете, в чём причина столь длительного отсутствия профессора Хагрида?

Гарри заметил, что Малфой жадно поднял глаза и внимательно следит за Амбридж и Граббли-Планк.

– Жаль, не смогу вам помочь, – беспечно ответила профессор Граббли-Планк, – мне известно об этом не больше вашего. Я получила сову от Дамблдора с предложением несколько недель посвятить преподаванию. Я предложение приняла. Вот и всё, что я знаю. Ну... я начну тогда?

– Да, начинайте, пожалуйста, – Амбридж сделала пометку в книжечке.

На этом уроке Амбридж вела себя по-другому – разгуливала между учениками и расспрашивала их о магических существах. Почти все отвечали вполне сносно, и у Гарри поднялось настроение: по крайней мере, класс Хагрида не подвёл.

– Подведём итог, – профессор Амбридж вернулась к профессору Граббли-Планк после продолжительного допроса Дина Томаса. – Как вы полагаете, как временный член педагогического коллектива... скажем так, как сторонний наблюдатель, что вы думаете... как вы находите Хогвартс? Каковы ваши ощущения, вы получаете достаточную поддержку от школьной администрации?

– Ох, да, Дамблдор просто замечательный, – искренне восхитилась профессор Граббли-Планк. – Я от души рада, как всё обернулось, просто от души.

С вежливо-скептическим видом Амбридж сделала в книжечке крошечную пометку и продолжила:

– И как вы планируете проводить занятия в этом году... если, разумеется, профессор Хагрид не вернётся?

– О, познакомлю их с существами, которые чаще всего встречаются на СОВАх, – пояснила профессор Граббלי-Планк. – Знаете ли, осталось-то совсем немного – они уже изучали единорогов и вонюхлеров,¹²⁴ думаю, что мы захватим ещё порлоков¹²⁵ и книзлей,¹²⁶ уверена, что распознавать хряпов¹²⁷ и свилей¹²⁸ они уже умеют...

– Хорошо, похоже, *вы*, во всяком случае, знаете, что делать, – профессор Амбридж поставила в книжечке жирную галочку.

Гарри не понравилось, с каким нажимом Амбридж произнесла слово «вы», а ещё меньше то, что она обратилась со следующим вопросом к Гойлу.

– Итак, я слышала, что у кого-то на этом уроке были травмы?

– У меня. Меня поранил гиппогриф.

– Гиппогриф? – повторила профессор Амбридж и принялась быстро-быстро записывать.

– Только потому, что он придурок и не слушал, что ему Хагрид сказал делать, – рассерженно встрял Гарри.

И Рон, и Гермиона охнули. Профессор Амбридж медленно повернула голову в направлении Гарри:

– Ещё одно вечернее взыскание, пожалуй, – вкрадчиво сказала она, – Ладно, благодарю вас, профессор Граббли-Планк, видимо, больше мне здесь делать нечего. Результаты инспекции вы получите через десять дней.

– Чудненько, – кивнула профессор Граббли-Планк.

Профессор Амбридж отправилась через поляну назад, к замку.

* * *

Когда Гарри вышел из кабинета Амбридж, близилась полночь. Рука кровоточила так сильно, что кровь пропитала шарф, которым он обвязал кисть. Он думал, что когда вернётся,

¹²⁴ 5 Niffler (существо, покрытое густым чёрным мехом, используется гоблинами для поисков сокровищ; niff – /сленг/ неприятный или противный запах, вонь, вонища; sniff – нюхать)

¹²⁵ 6 Porlock (существо до 60 см ростом, ноги с раздвоенными копытами, четырёхпалые руки, покрыт густым мехом, питается травой, стережет лошадей. В славянской мифологии ему соответствует «вазила». Город в Сомерсете; кличкой «Порлок» пользовался приспешник Мориарти, подкупленный Шерлоком Холмсом)

¹²⁶ 7 Kneazle (существо, похожее на кошку с пятнистой шерстью, но крупнее; агрессивен, умен, независим; knee – согнуть колени)

¹²⁷ 8 Scup (существо, похожее на джек-рассел-терьера, но с раздвоенным хвостом; агрессивен по отношению к магглам; scup – на кентском диалекте "раздражительный")

¹²⁸ 9 Knarl (существо, похожее на ежа; портит огороды, если подозревает, что его хотят заманить в ловушку; knarl – нарост на дереве, свиль. В славянской мифологии ему соответствует «лесавка»)

гостиная будет пуста, но там сидели, дожидаясь его, Рон и Гермиона. Гарри, увидев их, обрадовался, тем более что Гермиона была настроена сочувствовать, а не критиковать.

– Держи, – озабоченно сказала она, протягивая Гарри небольшой кубок с жёлтой жидкостью. – Сунь туда руку, это вытяжка из засоленных щупальцев мирохлюпа¹²⁹, должно помочь.

Гарри опустил кровоточащую, ноющую руку в кубок, и стало значительно легче. Косолап, громко мурлыча, потёрся о его ноги, затем вспрыгнул Гарри на колени и улёгся там.

– Спасибо, – признательно поблагодарил Гарри Гермиону и левой рукой почесал Косолапа за ухом.

– Всё-таки мне кажется, ты должен на неё пожаловаться, – тихо сказал Рон.

– Нет, – категорично отрезал Гарри.

– Если бы МакГонаголл узнала, у неё бы крыша поехала...

– Не сомневаюсь, – вяло согласился Гарри. – Но как думаешь, сколько времени нужно Амбридж, чтобы подготовить новый декрет, по которому каждого жалобщика на Главного Дознавателя сразу выпрут?

Рон открыл было рот, чтобы парировать, но ничего не придумал, поэтому расстроено закрыл опять.

– Она жуткая баба, – тихо сказала Гермиона. – Жуткая. Знаешь, я прямо перед твоим приходом говорила Рону... нам нужно что-то предпринять.

– Я предложил её отравить, – мрачно заметил Рон.

– Нет... я о другом... о том, что преподаватель из неё просто никудышний, и мы от неё никогда никакой защите не научимся, – пояснила Гермиона.

– А что поделаешь? – зевнул Рон. – Поздняя метаться. Она устроилась на работу, никуда не денется. Её же Фадж сюда сунул.

– Пусть так, – осторожно продолжала Гермиона. – Знаете, я сегодня подумала... – она сначала опасливо взглянула на Гарри, потом закончила: – Я подумала, что, пожалуй, пришло время нам самим... самим этим заняться.

– Чем именно? – подозрительно спросил Гарри, всё ещё макая руку в вытяжку из щупальцев мирохлюпа.

– Ну... самим заняться защитой от Тёмных искусств, – объяснила Гермиона.

– Иди ты, – простонал Рон. – Ты хочешь ещё внеклассный кружок организовать? Ты представляешь себе, как мы с Гарри уже закопались с домашними заданиями, а ещё только вторая неделя идёт!

– Но это же гораздо важнее домашних заданий! – воскликнула Гермиона.

Гарри с Роном уставились на неё.

¹²⁹ 10 Murtlap (существо, похожее на крысу, живущее на побережье Англии; щупальце на его спине, как у актинии, используется для повышения иммунитета к магическим воздействиям; исп. Murta – мирт, кустарник, получивший своё название от древнегреч. «бальзам», миро; lap – пола, фалда, плескаться, лакать)
/Все существа из книги Дж. К.Роллинг «Мифические Звери и где их искать» («Fantastic Beasts and Where to Find Them»)/

– Я и не знал, что в мире есть хоть что-нибудь важнее домашних заданий! – фыркнул Рон.

– Не будь дураком, конечно, есть, – отмахнулась Гермиона, и Гарри с нарастающим опасением отметил, что лицо её загорелось таким энтузиазмом, какой раньше обычно вызывало только РВОТЭ. – Я говорю про подготовку к тому, что ждёт нас в будущем, о чём Гарри сказал ещё на первом уроке Амбридж. Я говорю про то, что нам и правда нужно уметь себя защищать. А если мы за целый год ничему не научимся...

– Мы не можем этим сами заниматься, – уныло сказал Рон. – Ну, в общем, мы, конечно, можем пойти в библиотеку, заклинания там всякие посмотреть, потренироваться с ними, наверное...

– Нет, не то, мы уже прошли ту ступень, когда только по книгам можно заниматься, – перебила его Гермиона. – Нам нужен учитель, настоящий, который нас научит, как пользоваться заклинаниями и, если что, нас поправит.

– Если ты про Люпина... – начал Гарри.

– Да нет же, я не про Люпина, – пожала плечами Гермиона. – Он слишком занят в Ордене, и вообще, если мы его только во время выходных в Хогсмиде сможем видеть, этого будет недостаточно.

– Так про кого тогда? – нахмурился Гарри.

Гермиона глубоко вздохнула:

– Разве не понятно? Я говорю про *тебя*, Гарри.

Наступила тишина. В окно за спиной Рона ворвался ночной ветерок и загасил пламя камина.

– Про меня? – повторил Гарри.

– Я говорю про то, что защиту от Тёмных искусств можешь вести *ты*.

Гарри уставился на Гермиону. Потом повернулся к Рону, уже готовясь обменяться с ним теми возмущёнными взглядами, которыми они обычно реагируют на такие нелепые прожекты Гермионы, как РВОТЭ, но с ужасом обнаружил, что Рон не возмущается.

Рон только слегка нахмурился, очевидно, прикидывая всё в уме, а потом сказал:

– Это мысль.

– Где тут мысль? – переспросил Гарри.

– Насчёт тебя, – пояснил Рон, – Ты будешь нас учить, это хорошая мысль.

– Но...

Гарри усмехнулся, теперь убеждённый, что они его просто дурачат.

– Но я же не преподаватель, я не могу...

– Гарри, в защите от Тёмных искусств лучше тебя никого нет, – воскликнула Гермиона.

– Меня? – Гарри усмехнулся ещё шире. – Не может быть, ты же лучше меня по всем контрольным...

– Вовсе нет, – спокойно ответила Гермиона. – На третьем курсе ты был лучше меня, – а тогда был единственный год, когда у нас был преподаватель, который действительно знал своё дело. Но я не говорю про результаты проверок, Гарри. Ты вспомни, что ты *сделал*!

– Ты о чём?

– Знаешь, я не уверен, что хочу, чтобы этот придурок меня учил, – ухмыльнулся Рон, обращаясь к Гермионе, а потом повернулся к Гарри: – Ну, давай подумаем... – начал он, скорчив мину задумчивого Гойла, – ммм... на первом курсе ты спас Философский Камень от Сам-Знаешь-Кого.

– Но мне просто повезло, – возразил Гарри. – Это не мои заслуги...

– На втором курсе, – продолжил Рон, – ты прикончил василиска и разделался с Риддлом.

– Ага, только если бы Фокс не прилетел, я бы...

– На третьем курсе, – перебил его Рон, – ты справился с сотней дементоров сразу...

– Ты же знаешь, это была счастливая случайность, если бы не было времеворота...

– А в прошлом году, – громко продолжал Рон, – ты отбился от Сам-Знаешь-Кого *ещё раз...*

– Послушайте меня! – раздражённо воскликнул Гарри, потому что теперь ухмылялись и Рон, и Гермиона. – Вот только меня послушайте, ладно? Ты всё очень складно рассказываешь, но всё это было делом случая... я и половины того, что делал, не понимал, я вообще ничего не планировал, я просто делал то, что приходит в голову, и почти всегда мне помогали...

Рон и Гермиона по-прежнему улыбались, и Гарри почувствовал, что выходит из себя: он даже не понимал, отчего так злится.

– Нечего тут сидеть и ухмыляться, как будто вы лучше знаете, где я был, и что я делал! – с горячностью продолжал он. – Я-то знаю, чего всё это стоит, ясно? Я из всего этого выбрался не потому, что так замечательно знаю защиту от Тёмных искусств, а потому, что помощь пришла в нужное время, и просто потому, что мне повезло... но я тыкался, как слепой котёнок, я делал всё наугад... ХВАТИТ РЖАТЬ!

Кубок с вытяжкой мирохлюпа упал на пол и разбился. Гарри осознал, что стоит, хотя не мог вспомнить, когда вскочил. Косолап забился под диван. Улыбки с лиц Рона и Гермионы стёрлись.

– *Вы даже представить себе не можете, что это такое!* Вы... ни ты и ни ты... с таким даже не сталкивались! Думаете, можно заучить кучу заклинаний и бросать их в него, как ни в чём не бывало, как на уроке, и всё? Вообразите себе, когда постоянно знаешь, что между тобой и смертью уже ничего нет, и если вдруг мозги откажут или кишка тонка... Когда за миллисекунду соображаешь, что ты или труп, или будешь от боли корчиться, или твои друзья умрут!.. Нас на уроках никогда не учили, как бывает на самом деле, как надо вести себя!.. А вы, двое, сидите тут и делаете вид, будто я просто смущённый мальчик, поэтому и стою перед вами, живой, а вот Диггори был дурак и поэтому всё испортил... Да вы даже не понимаете, что я запросто мог оказаться на его месте, если бы только не был нужен Волдеморту!..

– Да мы ничего такого не говорили, приятель... – ошеломлённо выдавил Рон. – Мы и про Диггори ничего не думали говорить... ты нас неправильно понял...

Он беспомощно оглянулся на сидевшую с несчастным лицом Гермиону.

– Гарри, – робко произнесла она, – ну разве ты не понимаешь? Вот... поэтому ты нам и нужен... нам нужно знать, что это такое на с-самом деле... с ним встретиться... встретиться с В-волдемортом.

Гермиона впервые произнесла имя Волдеморта, и этот факт успокоил Гарри больше, чем что-либо ещё. Всё ещё тяжело дыша, он опустился в кресло и понял, что рука у него опять ужасно болит. Жалко, что он разбил кубок с эссенцией мирохлюпа.

– Ну... ты подумай об этом, – тихо предложила Гермиона, – пожалуйста, ладно?

Гарри теперь не знал, что и сказать. За вспышку гнева уже стало стыдно. Он просто кивнул, слабо представляя, на что соглашается.

Гермиона встала.

– Ладно, я пошла спать, – произнесла она как можно более естественно. – Ээ... спокойной ночи.

Рон тоже встал.

– Идёшь? – неловко спросил он Гарри.

– Да, – кивнул тот, – я... чуть попозже. Только уберу здесь.

Он показал на осколки кубка на полу. Рон кивнул и ушёл.

– *Reparo*, – шепнул Гарри, наставив палочку на фарфоровые осколки.

Они слетелись вместе, и кубок стал как новенький, но эссенция мирохлюпа в нём не появилась.

Гарри внезапно почувствовал такую усталость, ему так захотелось опуститься в кресло и заснуть прямо здесь, но вместо этого он вынудил себя встать и отправиться за Роном.

Ночью его снова мучили сны о длинных коридорах и запертых дверях, а на завтра он опять проснулся от боли в шраме.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В «КАБАНЬЕЙ ГОЛОВЕ»¹³⁰

Предложив однажды, Гермиона потом целых две недели ни словом не обмолвилась с Гарри насчёт занятий по защите от Тёмных искусств. Взыскания с Амбридж у Гарри наконец закончились (но слова впечатались в кожу так, что вряд ли когда-нибудь сойдут окончательно); у Рона прошли ещё четыре тренировки по квиддичу, и на последних двух он уже не получал нагоняй; всем троим удалось устранить мышей на трансфигурации (Гермиона даже перешла к устранению котят) – и только ветреным и непогожим вечером на исходе сентября, когда они сидели в библиотеке, подыскивая компоненты зелья для Снейпа, разговор опять вернулся к прежней теме.

– Гарри, а вот интересно, – внезапно начала Гермиона, – ты насчёт защиты от Тёмных искусств ещё размышлял?

– Естественно, – угрюмо буркнул Гарри, – с этой ведьмой по защите и захочешь, не забудешь...

– Нет, я про ту идею, которая была у нас с Роном...

Рон вскинулся и угрожающе взглянул на Гермиону. Гермиона скорчила ему недовольную мину:

– Ладно-ладно, это была моя идея... Гарри, ты думал о том, чтобы нас учить?

Гарри не стал отвечать сразу. Он сделал вид, что зачитался «Персидскими Противоядиями», потому что рассказывать всё, что пришло в голову, ему не хотелось.

А за эти две недели в голову приходило многое. Иногда предложение Гермионы представлялось, как он ей и сказал тогда – безумной идеей, но иногда Гарри ловил себя на том, что вспоминает заклинания, которые больше всего помогли ему в разных стычках с Тёмными существами и Пожирателями Смерти... по сути, ловил себя на том, что подсознательно планирует занятия...

– Ну хорошо, – неторопливо отозвался он, когда изображать увлечённость «Персидскими Противоядиями» стало уже невозможно, – да, я... кое о чём я подумал.

– Ну и? – нетерпеливо спросила Гермиона.

– Я не знаю, – Гарри решил потянуть время и взглянул на Рона.

– Мне с самого начала показалось, что это стоящая затея, – по всей видимости, поняв, что пока Гарри кричать не собирается, Рон решил принять более активное участие в разговоре.

Гарри неловко поёрзал на стуле.

– Вы вообще-то слышали, как я говорил, что считаю многое делом случая?

¹³⁰ 1 в оригинале глава называется “In the Hog’s Head”; составная часть “hog”, что означает “кабан”, “хряк”, но и “молодой барашек”, входит и в название Hogwarts (“hog-ward” – “свинопас”), и в Hogsmeade (“mead” – “луг”); распространенное название пабов в различных районах Великобритании

– Да, Гарри, слышали, – мягко подтвердила Гермиона. – Но всё-таки какой смысл притворяться, что в защите от Тёмных искусств ты ничего не смыслишь, это ведь – не так. В прошлом году только ты смог сбросить с себя проклятие Империи, ты умеешь вызывать Патронуса, ты столько всего умеешь делать, чего и совершеннолетние колдуны не могут, Виктор всегда говорил...

Рон так резко обернулся к ней, что чуть не свернул себе голову. Потирая шею, он буркнул:

– Ну? И что сказал Викки?

– Но-но, – процедила Гермиона. – Он говорил, что Гарри знает такие вещи, которые даже ему неизвестны, а ведь он тогда Дурмстранг заканчивал.

Рон с подозрением посмотрел на Гермиону:

– Ты что, всё ещё с ним общаешься?

– А что если и так? – не моргнув глазом, ответила Гермиона, хотя при этом слегка покраснела. – Могу же я иметь друга по переписке, если я и...

– Ему не только переписка нужна, – Рон заговорил уже в обвинительном тоне.

Гермиона поджала губы, покачала головой и, отвернувшись от Рона, который продолжал испепелять её взглядом, обратилась к Гарри:

– Ну ладно, так что ты решил? Будешь нас учить?

– Только тебя и Рона, да?

– Вот, – Гермиона опять вошла в раж. – Вот... сейчас, только не заводись опять, Гарри, пожалуйста... но, по-моему, ты должен учить каждого, кто захочет учиться. Суть ведь в том, что мы обсуждали нашу защиту против В-волдеморта... О, Рон, не нужно таких душераздирающих взглядов... Мне кажется, будет несправедливо, если мы не дадим другим шанса.

Гарри задумался на мгновение, потом пожал плечами:

– Ну да, только я сомневаюсь, что кто-нибудь ещё кроме вас двоих захочет у меня учиться. Я ведь псих, помнишь?

– Ты, наверное, удивишься, сколько народу готовы послушать, что ты им расскажешь, – серьёзно ответила Гермиона. – Знаешь что... – она наклонилась поближе к Гарри. Рон, который всё ещё глядел на неё исподлобья, тоже подался вперёд. – Первые выходные дни в октябре у нас – в Хогсмиде, да? Как смотришь на то, если мы предложим всем, кому интересно, встретиться с нами в деревне и там всё обсудить?

– А почему это нельзя сделать в школе? – поинтересовался Рон.

– Потому что, – Гермиона вернулась к схеме китайской кусачей капусты,¹³¹ которую до этого начала перерисовывать, – не думаю, что Амбридж обрадуется, если узнает, что мы затеяли.

¹³¹ 2 Chinese Chomping Cabbage (chomping caterpillar – это гусеницы бабочки-капустницы; очевидно Гермиона изучала некий гибрид капусты с её вредителем)

* * *

Гарри ждал выходных в Хогсмиде с нетерпением, но его беспокоило одно обстоятельство. С тех пор, как Сириус в начале сентября появился в камине, он больше не давал о себе знать. Гарри понимал, что Сириус на них разозлился, когда услышал, что они не хотят его видеть... но всё-таки время от времени переживал, что Сириус может плюнуть на всё и явиться в Хогсмид. И что прикажете делать, если на хогсмидской улице к ним подбежит огромный чёрный пёс, а тем более, если это произойдёт на глазах у Дрэйко Малфоя?

— Ну нельзя же его осуждать за то, что он хочет прогуляться? — заметил Рон, когда Гарри поделился опасениями с ним и с Гермионой. — Он ведь больше двух лет провёл в бегах, тоже мало радости, само собой, но он хоть свободным был! А теперь сидит взаперти с этим жутким эльфом.

Гермиона метнула на Рона гневный взгляд, но больше никак на пассаж о Кричере не отреагировала.

— Проблема в том, — обратилась она к Гарри, — что пока В-волдеморт... ох, ради всего святого, Рон... не объявится, Сириусу придётся скрываться, так? Я имею в виду, что министерские болваны не оправдают Сириуса до тех пор, пока не согласятся, что Дамблдор всё время говорил правду. И только когда эти идиоты начнут ловить настоящих Пожирателей Смерти, тогда и станет ясно, что Сириус не из их числа... то есть, во всяком случае, Метки у него на руке нет.

— Не думаю, что Сириус свалит такого дурака и заявится, — бодро решил Рон. — Дамблдор тогда взбесится, а Сириус Дамблдора слушается, пусть даже без всякого удовольствия.

Но Гарри это не успокоило, поэтому Гермиона добавила:

— Слушай, мы с Роном поговорили с теми, кто, как нам кажется, хотел бы поучиться настоящей защите от Тёмных искусств, и, пожалуй, есть парочка ребят, которых это заинтересовало. Мы договорились встретиться с ними в Хогсмиде.

— Ладно, — машинально согласился Гарри, всё ещё думая о Сириусе.

— Гарри, не переживай так, — спокойно заметила Гермиона. — У тебя и без Сириуса дел полно.

Конечно, она была права, Гарри по-прежнему был завален домашними заданиями, хотя сейчас, когда каждый вечер не тратился на разыскания у Амбридж, стало значительно легче. Рон по учебе отставал даже сильнее, чем Гарри, потому что кроме общих для обоих квиддичных тренировок дважды в неделю, Рон ещё выполнял обязанности префекта. Хотя Гермиона, у которой занятий было больше, чем у кого бы то ни было, не только успевала делать домашние задания, но ещё находила время, чтобы вязать одежду для эльфов. Гарри пришлось признать, что она совершенствуется: теперь разница между шапками и носками была заметна почти всегда.

Утро в день похода в Хогсмид выдалось ясным, но ветреным. После завтрака все встали в очередь к Филчу, который сверял фамилии с длинным списком учеников, получивших от

родителей или опекунов разрешение на посещение деревни. Гарри почувствовал лёгкий укол совести, вспомнив, что если бы не Сириус, он вообще не смог бы туда пойти.

Когда Гарри подошёл к Филчу, школьный смотритель шумно потянул носом воздух, словно пытаясь уловить от него какой-нибудь запах. Потом, играя желваками, коротко кивнул, и Гарри спустился по каменным ступеням навстречу прохладному солнечному дню.

– Э-э... зачем Филч тебя нюхал? – поинтересовался Рон, когда они втроём с Гермионой бодро шагали по широкой дороге к воротам.

– Наверное, вынюхивал запах навозных бомб, – коротко усмехнулся Гарри. – Я забыл вам рассказать...

И он изложил друзьям историю отправки своего письма Сириусу с последующим появлением Филча, который требовал показать письмо. К лёгкому удивлению Гарри Гермиона этой историей очень заинтересовалась, гораздо сильнее, чем она интересовала самого Гарри.

– Он говорил, что ему донесли, будто ты собираешься заказывать навозные бомбы? Но кто ему сказал?

– Понятия не имею, – пожал плечами Гарри. – Может, Малфой решил так пошутить.

Они прошли между высокими каменными столбами, увенчанными крылатыми вепрями, и повернули налево, на дорогу, ведущую в деревню. Ветер бросал им волосы в лицо.

– Малфой? – скептически повторила Гермиона. – Ну... да... возможно...

И вплоть до окраины Хогсмида погрузилась в глубокую задумчивость.

– Ну, так куда мы идём? – поинтересовался Гарри. – В «Три метлы»?

– О... нет, – встряхнулась Гермиона, – нет, там всегда народу полно и слишком шумно. Я договорилась встретиться в «Кабаньей голове», знаешь, это другой паб, он не на главной дороге находится. Заведеньице это... ну... *сомнительное* ... но обычно там учеников не бывает, так что нас никто не подслушает.

Они миновали магазин «Магических Розыгрышей Зонко», что на главной улице, и не удивились, заметив там Фреда, Джорджа и Ли Джордана; прошли мимо почты, откуда периодически вылетали совы, и поднялись по боковой улочке к маленькой гостинице. Над дверью на ржавом крюке висела разбитая деревянная вывеска, на которой была изображена отрубленная голова дикого кабана, истекающая кровью на белую скатерть. Когда они подошли поближе, вывеска на ветру заскрипела. Перед дверью ребята в нерешительности остановились.

– Ну ладно, пошли, – нервно вздохнула Гермиона.

Гарри вошёл первым.

Интерьер заведения разительно отличался от «Трёх метел», где всегда было светло, тепло и уютно. «Кабанья голова» представляла собой одну маленькую, тёмную и очень грязную комнатку, в которой чем-то сильно пахло, похоже, что козами. Окна в эркере так закоптились, что дневной свет в помещение практически не попадал, и вместо него комнату освещали свечные огарки, стоявшие на грубых деревянных столах. Пол на первый взгляд был земляной, но когда Гарри прошёлся по нему, то понял, что под вековой грязью некогда был камень.

Гарри вспомнился Хагрид, упоминавший этот паб, когда они ещё учились на первом курсе: «Дык в «Кабаньей голове» много всякого странного народу ошивается», говорил он, объясняя, как выиграл там яйцо дракона у незнакомца в капюшоне. Тогда Гарри удивился, почему Хагриду не показалось подозрительным, что незнакомец в течение всей встречи скрывал лицо, но теперь он увидел, что прятать лицо в «Кабаньей голове» было в некотором роде модным. У бара сидел человек, вся голова которого была обмотана грязными серыми бинтами, при этом он умудрялся через разрез на уровне рта вливать в себя стакан за стаканом чего-то дымящегося и периодически вспыхивающего; за столом у одного из окон расселись двое в капюшонах – если бы они не разговаривали с сильным йоркширским акцентом, Гарри принял бы их за дементоров; а в тёмном углу у камина пристроилась ведьма под густой чёрной вуалью, которая ниспадала ей до самых ног. Выделялся лишь кончик её носа, да и то потому, что он выступал под вуалью.

– Что ты об этом думаешь, Гермiona? – шепнул Гарри, когда они подошли к барной стойке, и глазами показал на плотно завуалированную ведьму. – Тебе не кажется, что внутри может быть Амбридж?

Гермиона оценивающе взглянула на личность под вуалью.

– Амбридж ниже ростом, чем та женщина, – тихо ответила она. – Да и вообще, даже если Амбридж здесь и появится, она ничего не сможет нам сделать. Гарри, я не раз и не два изучила школьные правила. Ничего противоправного мы не делаем: я напрямик спросила профессора Флитвика, разрешено ли ученикам посещать «Кабанью голову», и он сказал, что да, но настоятельно посоветовал мне брать с собой собственные стаканы. А ещё я посмотрела всё насчёт кружков по интересам и для выполнения домашних заданий – это точно разрешено. Только не думаю, что стоит *афишировать*, чем мы занимаемся.

– Само собой, – коротко кивнул Гарри. – Тем более, если собираемся совсем не домашними заданиями заниматься, да?

К ним из задней комнаты бочком вылез бармен – на вид старый брюзга, с кошной длинных седых волос и бородой. Он был высоким и худым, и кого-то смутно напоминал.

– Чего? – промычал бармен.

– Три сливочных пива, пожалуйста, – заказала Гермiona.

Старик нагнулся под прилавок и вытащил три очень пыльных и ужасно грязных бутылки, которые со стуком поставил на стойку.

– Шесть сиклей, – буркнул он.

– Я заплачу, – быстро сказал Гарри и достал серебряные монетки.

Глаза бармена обшарили Гарри, на долю секунды задержавшись на шраме. Потом он отвернулся и положил его деньги в старинный деревянный кассовый аппарат – оттуда за ними выскользнул и сам собой открылся ящик. Гарри, Рон и Гермiona отошли к самому дальнему от барной стойки столу, сели и стали осматриваться. Человек в грязных серых бинтах костяшками пальцев постучал по стойке и получил от бармена очередной дымящийся стакан.

– Ты знаешь, что это? – шепнул Рон, увлечённо глядя на стойку бара. – Мы могли бы тут заказать себе всё, что угодно. Держу пари, этот тип продаст нам всё, что захочешь, ему наплевать. Я всегда хотел попробовать огневиски...

– Рон, ты *префект*! – возмутилась Гермиона.

– Ох, – у Рона с лица сползла улыбка, – точно...

– Так кто должен прийти на встречу? – спросил Гарри, с трудом отвернул ржавую пробку от сливочного пива и сделал глоток.

– Только пара человек, – повторила Гермиона, сверилась с часами и с тревогой взглянула на дверь: – Я им говорила где-то в это время приходить, наверняка, все знают, где... о, смотри, вот и они, похоже.

Дверь паба отворилась. На несколько секунд помещение залил поток солнечного света пополам с взметнувшейся пылью, и тут же исчез, перекрытый толпой входящих.

Сначала появился Невилл с Дином и Лавандой, следом Парвати и Падма Патил, потом (тут у Гарри ёкнуло сердце) Чоу с одной из своих вечно хихикающих подружек, затем (одна и с таким рассеянным видом, словно попала сюда случайно) Луна Лавгуд, дальше Кэти Белл, Алисия Спиннет и Анджелина Джонсон, Колин и Деннис Криви, Эрни Макмиллан, Джастин Финч-Флетчли, Ханна Эббот, девочка из Хаффлапфа, имя которой Гарри не знал, с длинной косой до пояса. Трёх мальчиков из Рэйвенкло, которые появились после, Гарри почти наверняка был уверен, – звали Энтони Гольдштейн, Майкл Корнер и Тэрри Бут. Потом зашла Джинни в сопровождении высокого худощавого курносого мальчика со светлыми волосами, который, насколько Гарри помнил, был членом квиддичной команды Хаффлапфа, и, в заключение, Фред и Джордж Уизли вместе со своим приятелем Ли Джорданом – все трое несли большие бумажные пакеты, набитые покупками из магазина Зонко.

– Пара человек? – охрипшим голосом спросил Гарри у Гермионы. – *Пара человек?*

– Да, ну, в общем, идея оказалась очень популярной, – со счастливым выражением лица кивнула Гермиона. – Рон, ты не мог бы ещё стульев поставить?

Бармен, занятый протиранием стакана такой грязной тряпкой, словно её никогда не стирали, застыл. Должно быть, ему никогда не приходилось видеть свой паб таким полным.

– Привет, – Фред сразу же подошёл к барной стойке и быстро пересчитал спутников. – Нам нужно... двадцать пять бутылок сливочного пива, пожалуйста.

Бармен на мгновение смерил его взглядом, потом раздражённо бросил тряпку, словно его прервали в очень ответственный момент, и принялся извлекать из-под стойки пыльные бутылки сливочного пива.

– Ну, поехали, – Фред принялся раздавать бутылки. – Давайте скидывайтесь, у меня на всё это денег не хватит...

Гарри ошеломлённо смотрел, как оживлённо болтающая толпа разобрала у Фреда бутылки и принялась шарить по карманам в поисках монет. У него в голове не укладывалось, что на встречу с ним явилось столько народу, а потом вдруг пронзила ужасная мысль, что они будут ждать от него какой-то речи, и он резко повернулся к Гермионе:

– Что ты им всем сказала? – горячо шепнул он. – На что они рассчитывают?

– Я же тебе говорила, они просто хотят послушать то, что ты сочтёшь нужным рассказать, – успокоила его Гермiona, но Гарри продолжал смотреть на неё с таким бешенством, что Гермiona тут же добавила: – Пока тебе ничего делать не нужно, я сама сначала поговорю с ними.

– Привет, Гарри, – напротив уселся сияющий Невилл.

Гарри попробовал ему улыбнуться, но сказать не смог ничего – во рту пересохло. Чоу молча улыбнулась Гарри и села справа от Рона. Её подруга, рыжеватая блондинка с вьющимися волосами, поджав губы, одарила Гарри таким неодобрительным взглядом, что сразу стало ясно – будь её воля, ноги бы её здесь не было.

По двое и по трое вновь прибывшие расселись вокруг Гарри, Рона и Гермiony, одни – волнуясь, другие – с любопытством, а Луна Лавгуд – с мечтательным, отстранённым видом. Когда все устроились, болтовня стихла. Все взгляды были прикованы к Гарри.

– Э-э... – начала Гермiona слегка срывающимся от волнения голосом. – Ладно... ну... привет.

Теперь все сосредоточили внимание на ней, хотя на Гарри время от времени регулярно посматривали.

– Ладно... так... сначала – что к чему. Так... значит, у Гарри родилась идея... – (Гарри одарил её выразительным взглядом), – ...вернее, да, идея родилась у меня... что было бы неплохо, если бы все, кто хочет научиться защите от Тёмных искусств... я имею в виду действительно научиться, а не заниматься, ну вы понимаете, той ерундой, которую ведёт Амбридж... – (голос Гермiony внезапно стал более уверенным и громким), – ...потому что её занятия защитой от Тёмных искусств вообще нельзя назвать... – («Точно, точно», – воскликнул Энтони Гольдштейн, и Гермiona приободрилась). – Значит, я думаю, что только к лучшему, если мы возьмём дело в свои руки.

Она сделала паузу, искоса взглянула на Гарри, затем продолжила:

– И вот поэтому я хочу научиться защищаться не только в теории, но и на практике выполнять разные заклинания.

– Держу пари, кроме всего прочего ты хочешь сдать на СОВу по защите от Тёмных искусств? – испытующе посмотрел на неё Майкл Корнер.

– Естественно хочу, – тут же парировала Гермiona. – Но гораздо больше я хочу по-настоящему научиться защищаться, потому что... потому что... – она глубоко вздохнула и закончила: – ...потому что Лорд Волдеморт вернулся.

Реакция последовала незамедлительно и была вполне предсказуема. Подруга Чоу вскрикнула и вылила на себя сливочное пиво, Тэрри Бут непроизвольно конвульсивно дернулся, Падма Патил затрепетала, а Невилл взвизгнул и сделал вид, что закашлялся. Но все по-прежнему упорно не сводили глаз с Гарри.

– Ладно... значит, план вот такой, – вздохнула Гермiona. – Если вы хотите к нам присоединиться, мы должны решить, как будем...

– Какие доказательства, что Сами-Знаете-Кто вернулся?.. – довольно агрессивным тоном спросил блондинистый член квиддичной команды Хаффлапфа.

– Ну, Дамблдор верит, что... – начала Гермiona.

– Хочешь сказать, Дамблдор верит ему? – белобрысый мальчик кивнул на Гарри.

– Ты кто? – грубовато спросил его Рон.

– Захария Смит, – ответил тот. – Мне кажется, мы имеем право знать наверняка, с какой стати он утверждает, что Сами-Знаете-Кто...

– Слушай, – быстро прервала его Гермиона, – мы вообще-то здесь не для этого собрались...

– Гермиона, всё в порядке, – произнёс Гарри.

Он вдруг осознал, почему собралось так много людей. И ему показалось, что Гермиона тоже должна это понимать. Часть из них, а возможно и большинство, пришли в надежде услышать историю Гарри из первых рук.

– Почему я утверждаю, что Сами-Знаете-Кто вернулся? – повторил он, глядя в упор на Захарию Смита. – Я видел его. Но Дамблдор уже всей школе рассказывал, что в прошлом году произошло, и если ты ему не поверил, то не поверишь и мне, так что я не собираюсь впустую тратить время и пытаться убедить каждого.

На то время, что Гарри говорил, все задержали дыхание. Гарри показалось, что даже бармен прислушивается. Он всё ещё тёр грязной тряпкой один и тот же стакан, пачкая его всё больше и больше.

Захария бесцеремонно заявил:

– В прошлом году Дамблдор только и рассказал нам, что Сами-Знаете-Кто убил Седрика Диггори, и что ты вернул тело Диггори в Хогвартс. Он никаких подробностей не сообщал, не рассказал, как именно убили Диггори, а я думаю, что все хотели бы знать...

– Если вы пришли, чтобы разузнать, как это выглядит, когда Волдеморт кого-нибудь убивает, то я тут вам не помощник, – отрезал Гарри.

Очень сдержанный в последние дни, сейчас Гарри опять начал злиться. Он не сводил глаз с враждебно настроенного Захарии Смита и решительно настроился не смотреть на Чоу.

– Я не хочу говорить о Седрике Диггори, ясно? Так что, если вы явились сюда за этим, можете убираться.

Гарри сердито взглянул на Гермиону. Во всём виновата она, это ей вздумалось выставить его напоказ, как какого-то ненормального, и, конечно, все они пришли только за тем, чтобы услышать его безумную историю. Но никто не тронулся с места, в том числе и Захария Смит, который по-прежнему буравил Гарри взглядом.

– Так... – начала Гермиона вновь слегка срывающимся голосом. – Так... Вот я сказала уже... если вы хотите поучиться защищаться, тогда нам нужно договориться, каким образом мы будем это делать, как часто собираться и где...

– Это правда, – глядя на Гарри, прервала Гермиону девочка с косой до пояса, – что ты можешь сделать Патронуса?

Все заинтересованно зашумели.

– Да, – настороженно подтвердил Гарри.

– Материального Патронуса?

Эта фраза Гарри что-то напомнила.

– Э-э... ты случайно не знакома с мадам Боунс? – поинтересовался он.

Девочка улыбнулась:

– Это моя тётя, – подтвердила она. – Я Сьюзен Боунс. Она мне рассказала о слушании твоего дела. Так это правда? Ты правда делаешь оленя-Патронуса?

– Да, – кивнул Гарри.

– Ничего себе, Гарри! – поражённо воскликнул Ли Джордан. – Я и знать не знал об этом!

– Мама велела Рону об этом не распространяться, – Фред усмехнулся Гарри. – Она сказала, что ты и так к себе слишком много внимания привлекаешь.

– Она не ошиблась, – пробормотал Гарри, и близнецы рассмеялись.

Одинокое сидящая ведьма под вуалью чуть шевельнулась.

– И ты убил василиска тем мечом из кабинета Дамблдора? – поинтересовался Терри Бут. – Мне рассказал про это один портрет, когда я в прошлом году был в кабинете...

– Ну... да, убил, да, – подтвердил Гарри.

Джастин Финч-Флетчли присвистнул, братья Криви с благоговейным страхом переглянулись, а Лаванда Браун тихо прошептала:

– Вот это да!

Гарри бросило в жар, он по-прежнему старался не смотреть в сторону Чоу.

– А когда мы учились на первом курсе, – во всеуслышанье заявил Невилл, – он спас этот... Филологичный Камень...

– Философский, – прошипела Гермиона.

– Да, точно... от Сами-Знаете-Кого, – закончил Невилл.

Глаза у Ханны Эббот стали круглыми, как галлеоны.

– И, кроме того, не забывайте, – раздался голос Чоу (глаза Гарри метнулись к ней, она улыбнулась ему, внутри у Гарри всё перевернулось), – про все задания, которые ему пришлось в прошлом году пройти на Тримагическом Турнире: и драконы, и русалы, и акромантула, и прочее...

За столом пронёсся гул одобрения. Гарри сжал зубы, чтобы не демонстрировать излишне самодовольного лица. Оттого, что Чоу сейчас его похвалила, ему стало намного сложнее говорить о том, о чём он твёрдо решил всем рассказать.

– Слушайте, – начал он, и все тут же притихли, – мне... в общем, не хочу, чтобы это выглядело, будто я скромничаю или ещё чего, но... мне со всеми этими делами много помогали...

– Но с драконом-то тебе не помогали, – тут же возразил Майкл Корнер. – Летал ты тогда мастерски...

– Ну да... – кивнул Гарри, понимая, что отрицать будет невежливо.

– И от дементоров избавиться этим летом тебе тоже никто не помогал, – добавила Сьюзен Боунс.

– Никто, – подтвердил Гарри. – Нет, ладно, конечно что-то я делал сам, но по сути, я уже пытался объяснить...

– Ты что, как крыса в нору прячешься, чтобы ничего нам не показывать? – усмехнулся Захария Смит.

– Слушай, ты, – воскликнул Рон, ещё до того, как Гарри успел среагировать. – Почему бы тебе не заткнуться?

Возможно, Рона очень задело слово «Нора».¹³² Во всяком случае, теперь он смотрел на Захарию так, словно только и мечтал надавать ему по физиономии. Захария вспыхнул:

– Ну ладно, мы все сюда пришли, чтобы у него учиться, а он теперь говорит, что ничего вообще делать не умеет.

– Он говорил совсем о другом, – зарычал Фред.

– Можем тебе уши прочистить, не желаешь? – поинтересовался Джордж и вытащил из одного из пакетов магазина «Зонко» длинный, убийственного вида металлический инструмент.

– Или любую другую часть твоего тела, нам без разницы, смотря куда воткнём, – добавил Фред.

– Так, хорошо, – поспешно заговорила Гермиона, – давайте дальше... в общем, мы договорились, что хотим брать уроки у Гарри?

Раздался одобрительный гул. Захария скрестил руки на груди, но промолчал, – по всей вероятности слишком увлёкся наблюдением за инструментом в руках Фреда.

– Ну вот, – Гермиона вздохнула с облегчением оттого, что хоть в чём-то наступило согласие. – Ладно, тогда вопрос следующий: как часто мы будем заниматься? Мне кажется, реже, чем раз в неделю и смысла не имеет...

– Подожди, – остановила её Анджелина. – Сначала нужно договориться, чтобы время встречи не пересекалось с нашими тренировками по квиддичу.

– Да, – кивнула Чоу, – и с нашими.

– И с нашими, – буркнул Захария Смит.

– Я уверена, что какой-нибудь вечер, который всех устроит, мы подберём, – с лёгким нетерпением заметила Гермиона. – Но, знаете ли, всё это очень важно, ведь речь идёт о том, чтобы научиться защищаться от в-волдемортовских Пожирателей Смерти...

– Верно говоришь! – пробасил Эрни Макмиллан (Гарри рассчитывал, что он заговорит раньше). – Лично я считаю, что это архиважно, может быть даже важнее всего, чем мы на этом курсе будем заниматься, важнее даже СОВ!

Он выразительно обвёл всех глазами, словно ожидая, что кто-нибудь начнет кричать: «Ни в коем случае!». Но поскольку никто возражать не стал, то Эрни продолжил:

– Лично я в крайнем недоумении, отчего Министерство в такой критический период подсунуло нам такого бесполезного преподавателя. Они отказываются признавать возвращение Сами-Знаете-Кого, и к тому же дают нам такого преподавателя, который из кожи вон лезет, чтобы помешать нам научиться защитным заклинаниям...

– Мы считаем, что Амбридж потому не хочет нас учить защите от Тёмных искусств, – тут же объяснила Гермиона, – что у неё есть какой-то... какой-то бзик, мол, Дамблдор может

¹³² 3 в оригинале Рона и его братьев задело слово *weasel* (*проньера*), очевидно, по созвучию с их фамилией *Weasley*, в переводе Смит упоминает «нору» – так называется дом, где живут Уизли

использовать учеников школы в качестве своего рода личной армии. Она думает, что Дамблдор может натравить нас на Министерство.

Шокированы этим были почти все, кроме Луны Лавгуд.

– О, да, звучит вполне правдоподобно, – пропела она. – В конце концов, у Корнелиуса Фаджа ведь есть своя личная армия.

– Что? – Гарри был совершенно поражён таким неожиданным известием.

– Да, у него есть армия гелиопатов,¹³³ – торжественно произнесла Луна.

– Да нет у него ничего, – фыркнула Гермиона.

– Нет, есть, – упорствовала Луна.

– Кто такие гелиопаты? – растерянно спросил Невилл.

– Это духи огня... – выпуклые глаза Луны вылезли ещё больше, отчего она стала казаться ещё безумнее, чем обычно. – Огромного роста существа, огненные, которые скачут по земле, сжигая всё на своём пути...

– Невилл, их не существует, – скривилась Гермиона.

– Нет, они существуют! – рассердилась Луна.

– Мне жаль, но доказательств нет, – отрезала Гермиона.

– Зато есть масса свидетелей. Просто ты очень ограниченная, и тебе нужно всё сунуть под нос, чтобы ты...

– Кхм, кхм, – раздалось от Джинни, но настолько похоже на профессора Амбридж, что все стали озираться, а потом рассмеялись. – Кажется, мы собирались решить, как часто будем встречаться и проводить уроки по защите?

– Да, конечно, – тут же спохватилась Гермиона, – ты права, Джинни.

– Ну, раз в неделю было бы неплохо, – отозвался Ли Джордан.

– Только... – начала Анджелина.

– Да, да, с тренировками по квиддичу понятно! – взвинченно прервала Гермиона. – Давайте решим вот ещё что: где мы будем встречаться...

Этот вопрос вызвал гораздо большие затруднения, поэтому все замолчали.

Спустя несколько секунд Кэти Белл предположила:

– Может в библиотеке?

– Сомневаюсь, что мадам Пинс будет вне себя от счастья, когда мы начнём в библиотеке наводить порчу, – отозвался Гарри.

– Может в каком-нибудь пустом классе? – предложил Дин.

– Ага, – встрял Рон. – МакГонаголл могла бы нам разрешить пользоваться её классом, так было, когда Гарри тренировался к Тримагическому Турниру.

Но Гарри почти не сомневался, что на сей раз МакГонаголл не будет столь благосклонна. Хотя Гермиона и говорила, что кружки и группы для домашних работ разрешены, но Гарри отлично представлял себе, что их занятия выходят далеко за рамки разрешённых.

¹³³ 4 Heliopaths (от греч. helio- «солнце» + – path "эмоция, излучение"; очевидно "Солнцедышащие")

– Ладно, ну мы, в общем, сами попробуем что-нибудь подыскать, – решила Гермiona. – И каждому пришлём записку со временем и местом первой встречи.

Она порылась в сумке, достала перо и пергамент, а потом замешкалась, словно не решаясь продолжать.

– Мне... мне кажется, что каждый должен поставить свою подпись, просто чтобы мы знали, кто был. А ещё думаю... – Гермiona глубоко вздохнула, – ...пусть это обозначает, что мы обязуемся не болтать о том, чем занимаемся. Так что, если вы подписываетесь, значит, согласны не рассказывать Амбридж или кому бы то ни было о том, что мы здесь решили.

Фред с готовностью потянулся за пергаментом и поставил свою подпись, но Гарри сразу обратил внимание, что некоторые особой радости от перспективы вносить свои имена в список не выказали.

– Э-э... – медленно начал Захария, не притрагиваясь к пергаменту, который ему подтолкнул Джордж. – Ну... пожалуй, Эрни мне скажет, когда будет встреча.

Однако Эрни тоже замешкался с подписью. Гермiona удивлённо посмотрела на него.

– Я... ну мы же *префекты*, понимаешь, – внезапно с жаром принялся объяснять Эрни, – и если этот список найдут... в общем, я хочу сказать... ну ты сама сказала уже, если его найдёт Амбридж...

– Ты только что сам говорил, что этот кружок самый важный из всего, чем ты собираешься на этом курсе заниматься, – напомнил ему Гарри.

– Да, я... – смутился Эрни. – Я так и думаю, но только...

– Эрни, ты что, думаешь, я брошу этот список где попало? – возмутилась Гермiona.

– Нет. Конечно, не думаю... – Эрни слегка успокоился. – Я... я подпишу, конечно.

Кроме Эрни больше никто не возражал, хотя Гарри заметил, какой укоризненный взгляд бросила на Чоу её подруга, перед тем, как подписаться. Когда последний – Захария – поставил свою подпись, Гермiona взяла пергамент и аккуратно положила его в сумку. Всё выглядело так, словно они все только что заключили какой-то договор.

– Ладно, время не ждёт, – оживлённо воскликнул Фред и вскочил. – Нам с Джорджем и Ли нужно ещё некоторые деликатные покупки сделать, увидимся позже.

Остальные тоже стали по двое и по трое расходиться.

Перед уходом Чоу надолго увлеклась закрыванием замка своей сумки, её длинные тёмные волосы качнулись вперёд и закрыли лицо, но подруга стояла рядом, скрестив на груди руки, и цокала языком, поэтому у Чоу выхода не было и пришлось встать. Когда подруга уже выводила Чоу за дверь, та обернулась и помахала Гарри на прощание.

– Ну вот, по-моему, всё прошло неплохо, – радостно заключила Гермiona, когда они втроём, спустя некоторое время, вышли из «Кабаньей головы» на яркий солнечный свет.

Гарри и Рон держали в руках бутылки сливочного пива.

– Этот Захария мерзкий тип, – буркнул Рон, завидя вдали силуэт уходящего Смита.

– Мне он тоже ужасно не нравится, – призналась Гермiona. – Но он подслушал, как я разговаривала с Эрни и Ханной за хаффлапфским столом, и вроде так заинтересовался,

мне и ответить ему было нечего... Но чем больше людей, тем лучше... вот Майкл Корнер со своими приятелями не пришёл бы, если бы с Джинни не встречался...

Рон, который как раз допивал последние капли из бутылки сливочного пива, подавился и прыснул сливочным пивом прямо на себя.

– ЧТО? – с оскорблённым видом фыркнул он, уши его при этом напоминали ломтики сырой говядины. – Она встречается?.. Моя сестра встречается?.. Ты хочешь сказать, с этим Майклом Корнером?

– Ну да, я так думаю, поэтому он с приятелями и пришёл... наверное, они так и так заинтересовались бы уроками защиты, но если бы Джинни не сказала Майклу, что намечается встреча...

– Когда... когда это началось?..

– Началось на Йольском балу, а потом уже в конце прошлого года начали серьёзно встречаться, – сдержанно объяснила Гермиона.

Они уже дошли до Центральной улицы, и Гермиона задержалась у «Лавки перьев Скривеншафта»,¹³⁴ где на витрине была выставлена богатая коллекция фазаньих перьев.

– Хм-м... мне нужно зайти за новым пером.

Она завернула в магазин. Гарри и Рон последовали за ней.

– А кто из них Майкл Корнер, – настойчиво потребовал ответа Рон.

– Тёмненький, – пояснила Гермиона.

– Мне он не понравился, – сразу же заявил Рон.

– Ну надо же, – себе под нос буркнула Гермиона.

– Но... – Рон неотступно следовал за Гермионой вдоль прилавка с перьями в медных горшках. – Я-то думал, Джинни сохнет по Гарри!

Гермиона с жалостью посмотрела на него и покачала головой:

– Джинни *раньше* по нему сохла, но уже давно плюнула. Нет, это не означает, конечно, что ты ей не нравишься, – вежливо добавила она, обращаясь к Гарри и в то же время изучая длинное, чёрное с золотом перо.

Гарри, поглощённый сейчас только мыслями о прощальном жесте Чоу, в отличие от Рона, который от негодования даже затрясся, не находил предмет разговора столь же увлекательным, но до него дошло то, чего он раньше и не замечал.

– Она поэтому так выделяется? – спросил он у Гермионы. – Раньше никогда передо мной так не выделялась.

– Ну да, – кивнула Гермиона. – Ага, вот, наверное, это я и возьму...

Она подошла к прилавку и заплатила пятнадцать сиклей и два ната. Рон неотступно торчал у неё за спиной. Гермиона шагнула назад и наступила Рону на ноги:

¹³⁴ 5 Scrivenshaft's Quill Shop (scrivener – писец; shaft – древко копья; стрела, дротик; можно сказать "Лавка Перьев Борзописта")

– Рон, – она принялась строго отчитывать его, – вот поэтому-то Джинни ничего тебе не рассказывала о том, что встречается с Майклом. Она так и знала, что ты будешь вне себя. Так что, ради всего святого, хватит *занудствовать*.

– Ты о чём? Кто чего плохого сказал? И вообще, я не занудствую... – Рон продолжал бубнить себе под нос всю дорогу, пока они шли по улице.

Пока Рон безостановочно бормотал под нос проклятия в адрес Майкла Корнера, Гермиона искоса взглянула на Гарри и тихо спросила:

– Вот к разговору о Майкле и Джинни... а как у тебя с Чоу?

– Ты о чём? – быстро переспросил Гарри.

Ему показалось, словно вся кровь прихлынула к лицу, а потом вдруг ледяными иглами пронзило страшное подозрение: неужели по нему всё настолько заметно?

– Да ладно тебе, – усмехнулась Гермиона. – Она же с тебя глаз не сводит, разве нет?

Гарри никогда раньше не замечал, до чего же красива деревня Хогсמיד.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ДЕКРЕТ ОБ ОБРАЗОВАНИИ № 24

Остаток субботы и воскресенье Гарри был гораздо счастливее, чем за весь прошедший учебный месяц. Большую часть воскресенья они с Роном опять посвятили домашним заданиям и навёрстыванию упущенного и, поскольку для последних погожих осенних дней это занятие едва ли можно было считать развлечением, вместо того чтобы корпеть в гостиной, они взяли учебники и, отправившись на берег озера, расположились в тени большого бука. Гермиона, которая, естественно, все задания сделала вовремя, прихватила с собой на улицу мотки шерсти, заколдовала вязальные спицы, и теперь они звенели и поблёскивали в воздухе рядом с ней, умножая количество папок и шарфов.

Сознание того, что они затеяли восстание против Амбриджа и Министерства, и что ключевой фигурой движения сопротивления был он сам, приносило Гарри огромное удовлетворение. Он вновь и вновь прокручивал в памяти субботние события: какая куча народу пришла к нему учиться защите от Тёмных искусств... как все они смотрели на него, когда слушали о его подвигах... как *Чоу* похвалила его действия на Тримагическом Турнире... Все, кто был на встрече, не считали его ни вруном, ни помешанным, а наоборот – восхищались им и поддерживали его, и мысли об этом продлили радость Гарри до утра понедельника, даже несмотря на неминуемую перспективу самых нелюбимых им уроков.

Гарри и Рон спускались из спальни, обсуждая на ходу идею Анджелины: сегодня вечером на тренировке по квиддичу внедрить новый манёвр под названием «Бочка с захватом ленивца»,¹³⁵ – и только дойдя до середины залитой солнцем гостиной, заметили в комнате кое-что новенькое, что уже привлекло к себе внимание небольшой группы людей.

На гриффиндорской доске объявлений красовалось воззвание такого гигантского размера, что закрыло собой всё, вывешенное раньше: и списки подержанных справочников заклинаний на продажу, и стандартные памятки Аргуса Филча о школьных правилах, и расписание тренировок квиддичной команды, и предложения об обмене карточками шоколадных лягушек, и последнюю рекламу близнецов Уизли, обращённую к испытателям, и даты выходных в Хогсмиде, и извещения о пропажах и находках. Новое объявление было написано крупным чёрным шрифтом и снабжено внизу весьма официальной на вид печатью, соседствующей с аккуратной витиеватой подписью.

«ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ГЛАВНОГО ДОЗНАВАТЕЛЯ «ХОГВАРТСА»

Все ученические организации, общества, команды, кружки и клубы с сего дня расформированы.

Под организацией, обществом, командой, кружком или клубом подразумеваются регулярные встречи трёх или более учеников.

Разрешение на возобновление деятельности можно получить у Главного Дознателя (профессора Амбридж).

Без уведомления и санкции Главного Дознателя ни одна организация, общество, команда, кружок или клуб существовать не могут.

Любой ученик, замеченный в создании, либо принадлежности к какой-либо организации, обществу, команде, кружку или клубу, не получившим санкции Главного Дознателя, подлежит отчислению из школы.

Вышеупомянутое решение принято в соответствии с Декретом об Образовании № 24.

Подпись: Долорес Джейн Амбридж, Главный Дознатель.»

Гарри и Рон читали объявление поверх голов кучки взволнованных второкурсников.

– Значит, клуб плюй-камней закроют? – спросил один из них у приятеля.

– Думаю, с клубом плюй-камней всё будет нормально, – мрачно заметил Рон.

Второкурсник шарахнулся в сторону, и вся их компания тут же срочно ретировалась.

– А вот нам, пожалуй, это не светит, как считаешь? – добавил Рон, обращаясь к Гарри.

Гарри ещё раз перечёл объявление. Радость, заполнявшая его ещё с субботы, испарилась. Он закипел от гнева, и руки сами сжались в кулаки.

– Это не совпадение. Она знает.

– Не может быть, – оторопел Рон.

– В том пабе нас кто-то подслушал. Как ни крути, но факт – откуда нам знать, кому из собравшихся можно доверять... вообще-то любой мог побежать и настучать Амбридж...

А он-то думал, что ему поверили, даже решил, что им восхищаются...

– Захария Смит! – Рон стукнул кулаком себе по ладони. – Или... мне кажется, ещё у Майкла Корнера был очень подозрительный вид...

– Интересно, Гермiona это уже видела? – Гарри оглянулся на дверь, ведущую в спальни девочек.

– Пошли, расскажем ей! – предложил Рон.

И тут же решительно бросился открывать дверь на спиральную лестницу.

Он дошёл до шестой ступеньки, когда раздался громкий, пронзительный, словно сирена, вой, и ступени лестницы тут же исчезли, превратив её в длинную, гладкую, спиральную каменную горку. Какое-то время Рон ещё продолжал бежать, судорожно размахивая руками, как ветряная мельница, а потом свалился назад и кувырком скатился по новообразованной горке прямо к ногам Гарри.

– Э... похоже, нам в спальни девочек нельзя, – стараясь не расхохотаться, Гарри принялся помогать Рону вставать.

С радостными возгласами по каменной горке скатились две четверокурсницы.

– Ой, а кто это пробовал наверх попасть? – весело захихикали они, вскакивая на ноги и глаза на Гарри с Роном.

– Я, – буркнул всё ещё взъерошенный Рон. – Что делается-то? Это несправедливо! – он апеллировал к Гарри, потому что девочки, заливаясь хохотом, забирались в проход за портретом. – Гермионе можно к нам в спальню, а почему это нам нельзя?..

– Да, порядки старомодные, – согласилась Гермиона, которая в этот момент как раз аккуратно соскользнула на ковёр перед ребятами и сразу встала. – Но как гласит «История Хогвартса», основатели считали, что девочкам можно доверять больше, чем мальчикам. А вообще, что тебе там было нужно?

– На тебя посмотреть... Ты взгляни на это! – Рон тут же потащил Гермиону к доске объявлений.

Гермиона быстро пробежала глазами текст, и выражение её лица стало каменным.

– Ей, наверное, кто-то разболтал! – возмущённо воскликнул Рон.

– Нет, никто этого сделать не мог, – тихо ответила ему Гермиона.

– Ты такая наивная, – протянул Рон. – Думаешь, раз сама такая честная-благородная...

– Да нет, никто не мог сделать этого, потому что я наложила сглаз на тот пергамент, где мы расписывались, – хмуро пояснила Гермиона. – Поверь мне, если кто-нибудь побежит докладывать Амбридж, то мы точно узнаем – кто это сделал, а этот человек сильно пожалеет.

– А что с ним случится-то? – нетерпеливо потребовал ответа Рон.

– Ну, скажем так, – пояснила Гермиона, – по сравнению с этим прыщи Элоизы Миджон покажутся милыми веснушками. Пойдём, на завтрак пора, посмотрим, что остальные думают... интересно, в других Домах такое объявление тоже повесили?

Ещё с порога Большого Зала сразу стало ясно, что объявление Амбридж появилось не только в гриффиндорской башне. В Зале наблюдалось необычное оживление и повышенная активность – ученики сновали от стола к столу и бурно обсуждали прочитанное. Троица друзей только успела занять свои места за столом, как к ним тут же подсели Невилл, Дин, Фред, Джордж и Джинни.

– Ну, вы видели?

– Как думаете, она знает?

– Что делать будем?

И все смотрели на Гарри. Гарри оглянулся, чтобы убедиться, что вокруг нет никого из преподавателей.

– В любом случае будем делать то, что решили, – вполголоса ответил он.

– Я знал, что ты так скажешь, – просияв, Джордж хлопнул Гарри по плечу.

– А prefectы с нами? – Фред с насмешкой взглянул на Рона и Гермиону.

– Разумеется, – холодно ответила Гермиона.

– Сюда идут Эрни и Ханна Эббот, – Рон оглянулся через плечо. – И ещё эти типы из Рэйвенкло со Смитом... вроде у всех с прыщами в норме.

Гермиона всполошилась:

– При чём тут прыщи? Этим идиотам сейчас нельзя сюда подходить, это сразу будет подозрительно выглядеть... Садитесь! – беззвучно просигналила она Эрни и Ханне и принялась отчаянно жестикулировать, призывая их вернуться за стол Хаффлапфа: – Потом! Поговорим... об этом... *потом!*

– Сейчас объясню Майклу, – Джинни нетерпеливо развернулась на скамье, – вот дурень, в самом деле...

Она торопливо направилась к столу Рэйвенкло. Гарри посмотрел ей вслед. Неподалёку сидела Чоу, разговаривая со своей кудрявой подружкой, с которой приходила в «Кабанью голову». Не испугает ли её ещё больше объявление Амбридж?

Но в полной мере последствия объявления ребята ощутили только когда уже вышли из Большого Зала на урок истории магии.

– Гарри! *Рон!*

К ним, с совершенно убитым видом, мчалась Анджелина.

– Всё в порядке, – тихо сказал ей Гарри, едва она подошла поближе, чтобы его услышать. – Ничего не отменяется...

– Да ты понимаешь, что это касается и квиддича? – воскликнула Анджелина, – Нам придётся идти к ней и выпрашивать это разрешение на возобновление деятельности квиддичной команды!

– *Что?* – оторопел Гарри.

– Ничего себе... – потрясённо открыл рот Рон.

– Вы объявление читали, там и про команды написано! Послушай, Гарри... последний раз повторяю... пожалуйста, *пожалуйста*, больше не выделяйся перед Амбридж, или она вообще не разрешит нам играть!

– Ладно, ладно, – согласился Гарри, видя, что Анджелина уже на грани истерики. – Не переживай, я буду вести себя хорошо...

– Держу пари, что Амбридж будет на истории магии, – мрачно заметил Рон, когда они подходили к кабинету. – Биннса она ещё не инспектировала... на что угодно спорю, она туда заявится...

Но Рон ошибся: когда они зашли в кабинет, то единственным преподавателем там был профессор Биннс, как обычно витавший в дюйме или чуть выше над стулом, намереваясь продолжать своё занудное бубнение о войнах великанов. Сегодня Гарри даже не пытался его слушать, он машинально чертил закорючки на пергаменте и игнорировал беспрестанные гневные взгляды Гермионы и её тычки в бок, до тех пор, пока один, крайне чувствительный тычок, его не возмутил.

– Ну что?

Гермиона показала ему на окно. Гарри оглянулся. Снаружи на узком подоконнике с привязанным к лапе письмом сидела Хэвиг и высматривала его через мутное стекло. Гарри удивился – ведь они только что с завтрака, с какой стати Хэвиг не принесла письмо как обычно? На Хэвиг уже стали показывать пальцами его одноклассники.

Он услышал, как Лаванда шепнула Парвати:

– О, как мне всегда нравилась эта сова, она такая красивая.

Гарри взглянул на профессора Биннса – тот продолжал начитывать лекцию, явно не замечая, что интерес аудитории к нему стал ещё меньше, чем обычно. Тихо соскользнув со стула, Гарри присел, быстро пробрался за партами к окну, отодвинул щеколду и очень медленно приоткрыл раму.

Он ждал, что Хэвиг протянет ему лапу, чтобы можно было снять письмо, а потом улетит в совиатню, но как только окно открылось достаточно широко, Хэвиг вдруг с печальным уханьем выпрыгнула внутрь. Гарри обеспокоенно взглянул на профессора Биннса, закрыл окно, опять пригнулся и, с Хэвиг на плече, быстро прокрался обратно на своё место. Сел, пересадил Хэвиг себе на колени и попробовал снять привязанное к её лапе письмо.

Но как только начал снимать, понял, что перья у Хэвиг как-то необычно взъерошены: некоторые завернулись не в ту сторону, а одно из крыльев – согнуто под странным углом.

– Она ранена! – зашептал Гарри и низко наклонился к Хэвиг.

Гермиона и Рон тоже пригнулись – Гермиона даже отложила перо.

– Смотри... вон... у неё... что-то... с крылом... не в порядке...

Когда Гарри попробовал тронуть крыло, Хэвиг вздрогнула, подпрыгнула, перья у неё встали торчком, и она с укоризной взглянула на Гарри.

– Профессор Биннс, – громко воскликнул Гарри, и тут же весь класс повернулся к нему. – Я себя плохо чувствую.

Профессор Биннс поднял глаза от своих записей и сразу, по обыкновению, впал в изумление о того, что перед ним полная учеников классная комната.

– Плохо чувствуете? – растерянно переспросил он.

– Совсем плохо, – решительно повторил Гарри и встал, пряча Хэвиг за спиной. – По-моему, мне нужно в больничное крыло.

– Да, – согласился профессор Биннс, очевидно напрочь сбитый с толку, – да... да, в больничное крыло... хорошо, ступайте, Пёркинс...

Выйдя из класса, Гарри сразу пересадил Хэвиг себе на плечо и быстро направился по коридору, замедлив шаг только тогда, когда дверь кабинета Биннса осталась далеко позади. Первым делом, в качестве врача для Хэвиг, ему, конечно, пришёл в голову Хагрид, но, поскольку Гарри понятия не имел, где он, то единственным выходом представлялось найти профессора Граббл-Планк в расчёте на то, что она сможет помочь.

Гарри глянул в окно на пасмурные и непогожие окрестности замка. У хижины Хагрида признаков пребывания профессора Граббл-Планк не было: если у неё нет урока, то, должно быть, она в комнате преподавателей. Гарри направился вниз по лестнице, Хэвиг, качнувшись на его плече, жалобно хнула.

Дверь в комнату преподавателей охраняли две каменные горгульи. Когда Гарри подошёл поближе, одна из них каркнула:

– Сынок, ты должен быть на уроке.

– У меня неотложное дело, – коротко ответил ей Гарри.

– О-ох, *неотложное*, да? – пронзительно переспросила вторая горгулья. – Да уж, поставил ты нас на место, нечего сказать.

Гарри постучал. Послышались шаги, затем дверь распахнулась, и он оказался лицом к лицу с профессором МакГонаголл.

– Вам что, опять вынесли взывание! – тут же воскликнула она, и квадратные стекла её очков грозно сверкнули.

– Нет-нет, профессор! – торопливо возразил Гарри.

– Тогда почему вы не на уроке?

– У него *неотложное дело*, видишь ли, – передразнила вторая горгулья.

– Я ищу профессора Граббли-Планк, – пояснил Гарри. – Это моя сова, она ранена.

– Сова ранена, говоришь?

За спиной профессора МакГонаголл появилась профессор Граббли-Планк, держа в руках выпуск «Ежедневного пророка» и затягиваясь трубкой.

– Да, – подтвердил Гарри, аккуратно снимая Хэдвиг с плеча, – она появилась позже всех почтовых сов, и крыло у неё как-то странно выглядит, посмотрите...

Профессор Граббли-Планк крепко зажала зубами трубку и взяла Хэдвиг у Гарри. Профессор МакГонаголл молча наблюдала за ними.

– Хм-м... – промычала профессор Граббли-Планк и стала объяснять, при этом трубка у неё в зубах задёргалась: – Похоже, что на неё кто-то напал. Пока только не пойму, кто. Иногда на птиц охотятся тэстралы, но хогвартских тэстралов Хагрид хорошо выдрессировал, чтобы сов не трогали.

Гарри и знать не знал, кто такие тэстралы, – сейчас его волновало только здоровье Хэдвиг. Однако профессор МакГонаголл пристально посмотрела на Гарри и поинтересовалась:

– Вам известно, откуда прибыла эта сова, Поттер?

– А-а... – замешкался Гарри, – из Лондона, наверное.

Он мельком глянул на неё и по тому, как её брови сошлись к переносице, понял, что она догадалась: «Лондон» – это «дом двенадцать на площади Гриммолд».

Профессор Граббли-Планк вытащила из внутреннего кармана монокль, вставила себе в глаз и стала пристально изучать крыло Хэдвиг.

– Пожалуй, я с этим разберусь, Поттер, только оставьте мне её на пару дней, – пробормотала она. – Но, в любом случае, ещё несколько дней ей нельзя будет летать далеко.

– О... ясно... спасибо, – поблагодарил Гарри.

В этот момент раздался звонок на перемену.

– Не за что, – сухо бросила профессор Граббли-Планк и повернулась назад, в комнату преподавателей.

– Секундочку, Вильгельмина! – окликнула её профессор МакГонаголл. – Письмо Поттера!

– Ой, точно! – воскликнул Гарри, уже успев забыть про свиток, привязанный к лапе Хэдвиг.

Профессор Граббл-Планк отдала его Гарри и скрылась в комнате преподавателей, унося в руках Хэдвиг, которая так смотрела на Гарри, словно не могла поверить, что он отдаёт её в чужие руки. С лёгким чувством вины Гарри повернулся уходить, но профессор МакГонаголл его окликнула:

– Поттер!

– Да, профессор?

Она окинула взглядом коридор в обе стороны – и там, и тут уже показались ученики.

– Имейте в виду, – быстро и тихо произнесла она, показывая взглядом на свиток в руке Гарри, – хогвартские каналы связи могут просматриваться, ясно?

– Я... – начал Гарри, но к нему уже подступал вал учеников, прокатывающийся по коридору.

Профессор МакГонаголл коротко кивнула и отступила в комнату преподавателей, а Гарри волной толпы понесло во внутренний двор. Там он обнаружил, что Рон и Гермиона, подняв против ветра воротники, уже стоят в укромном углу. Гарри разорвал свиток и на ходу прочёл семь слов, написанных почерком Сириуса:

Сегодня, время то же, место то же.

– С Хэдвиг всё в порядке? – с тревогой спросила Гермиона, как только Гарри подошёл поближе.

– Куда ты её дел? – поинтересовался Рон.

– Отдал Граббл-Планк, – коротко пояснил Гарри. – Ещё я МакГонаголл встретил... слушайте...

И Гарри передал друзьям то, что ему сказала профессор МакГонаголл. К его изумлению, ни один не удивился. Напротив, они многозначительно переглянулись.

– В чём дело? – Гарри переводил глаза с Рона на Гермиону и обратно.

– Да, в общем, я только что говорила Рону... Может, Хэдвиг кто-то пытался перехватить? Она ведь никогда раньше в полётах ран не получала, да?

– Письмо-то чьё? – Рон взял у Гарри записку.

– Шмыгалза, – кратко ответил Гарри.

– «*Время то же, место то же*»? Он камин в гостиной имеет в виду?

– Наверняка, – Гермиона тоже перечла записку и озабоченно посмотрела на друзей: – Надеюсь, что больше никто этого не прочёл...

– Но ведь оно было запечатано, – произнёс Гарри, пытаясь убедить скорее себя, чем Гермиону. – И всё равно никто ничего не понял бы, они же не знают, где мы с ним в прошлый раз разговаривали, да?

– Не уверена, – обеспокоено заметила Гермиона и, после того, как раздался ещё один звонок, забросила сумку на плечо: – Повторно запечатать свиток магией вовсе несложно... а

если кто-нибудь следит за каминной сетью... но я ума не приложу, как *безопасно* предупредить его, чтобы он не появлялся!

Погрузившись в раздумья, троица брела по каменным ступеням вниз, в подземелье на зелья, а когда они уже спустились, из задумчивости их вывел голос Дрэйко Малфоя, который стоял у двери в класс Снейпа, размахивал пергаментом официального вида и преувеличенно громко разговаривал так, что они могли слышать каждое его слово.

– Да, Амбридж выдала разрешение слизеринской квиддичной команде продолжать тренировки хоть сейчас, я её сегодня утром об этом первым делом спросил. Ну, всё само собой получилось, я думаю, она прекрасно знакома с моим отцом, он же в Министерстве, как у себя дома... вот интересно, а гриффиндорцам разрешат играть или нет?

– Не дёргайтесь, – умоляюще прошептала Гермиона Гарри и Рону, которые, завидев Малфоя, уже сжали кулаки и челюсти. – Он этого и добивается.

– Я так считаю, – серые глаза Малфоя со злорадством скользнули по Гарри и Рону, и голос стал ещё громче: – раз дело в том, чтобы надавить на Министерство, то шансов у них нет... как сказал мой отец, в Министерстве давным-давно ищут повод уволить Артура Уизли... а насчёт Поттера... отец сказал, что Министерство его сцапает, это только вопрос времени... засадят в святого Мунго, там есть специальная палата для таких, которым магией крышу снесло.

Малфой сделал гримасу, отвесив нижнюю челюсть и закатив глаза. Крэбб с Гойлом, как обычно расхрюкались от смеха, а Пэнси Паркинсон истерично захихикала.

И в этот момент Гарри в плечо что-то врезалось и отшвырнуло в сторону. Секундой позже он понял, что мимо него, держа курс прямо на Малфоя, только что пронёсся Невилл.

– Невилл, нет!

Гарри бросился вперёд и схватил Невилла за шиворот: Невилл принялся отчаянно вырываться и махать кулаками, пытаясь дотянуться до совершенно остолебневшего Малфоя.

– Помоги мне! – крикнул Гарри Рону, пытаясь обхватить Невилла за шею и оттащить подальше от слизеринцев.

Крэбб и Гойл уже сжали кулаки и грудью прикрыли Малфоя, готовясь к драке. Рон схватил Невилла за руки, и вместе с Гарри им удалось уволочь того назад, в стан гриффиндорцев. Лицо Невилла пылало; из-за того, что Гарри держал его за шею, членораздельно говорить он не мог, и разобрать можно было лишь отдельные слова:

– Не... смешно... не... смей... Мунго... покажу... ему...

В этот момент дверь в подземелье распахнулась, и оттуда появился Снейп. Его чёрные глаза скользнули по строю гриффиндорцев, туда, где Гарри и Рон боролись с Невиллом.

– Поттер, Уизли, Лонгботтом – это драка? – с ледяным презрением осведомился Снейп. – Десять баллов с Гриффиндора. Поттер, отпустите Лонгботтома или заработаете взыскание. Заходите. Все.

Гарри выпустил Невилла, и тот, задыхаясь, впился в него взглядом.

– Я должен был тебя остановить, – тяжело дыша, пояснил Гарри и подобрал сумку, – Крэбб и Гойл из тебя лепёшку бы сделали.

Невилл ничего не сказал, только схватил свою сумку и пошёл в подземелье.

– Да что случилось, ради Мерлина, – тихонько спросил Рон, когда они отправились за Невиллом, – с *чего* это он?

Гарри ничего не ответил. Ему было доподлинно известно, почему разговор о людях, помещённых в больницу святого Мунго из-за магического вреда, причинённого их рассудку, так вывел Невилла из себя, но он поклялся Дамблдору никому не рассказывать тайну Невилла. Пусть даже тот и не знает, что Гарри всё известно.

Гарри, Рон и Гермиона заняли свои обычные места в заднем ряду, вытащили пергаменты, перья и учебники «Тысяча магических растений и грибов». Все вокруг шептались о том, что произошло с Невиллом, но как только по подземелью эхом прокатился звук захлопнутой Снейпом двери, все тут же стихли.

– Обратите внимание, – раздался низкий, насмешливый голос Снейпа, – сегодня у нас гость.

Он жестом показал в тёмный угол подземелья, и Гарри увидел, что там сидит профессор Амбридж с книжечкой на коленях. Гарри искоса взглянул на Рона и Гермиону и поднял брови. Снейп и Амбридж – этих двух преподавателей Гарри больше всего ненавидел. Сложно сказать, кому из них он сейчас желал одержать победу.

– Сегодня продолжим работать над Стимулирующей Суспензией.¹³⁶ Ваши составы остались с прошлого занятия, если всё было сделано правильно, то за выходные они должны были созреть... Инструкции... – Снейп вновь взмахнул палочкой, – ...на доске. Приступайте.

Первую половину урока профессор Амбридж сидела в своём углу и делала пометки. Гарри очень интересовало, какие у неё будут вопросы к Снейпу, интересовало настолько, что он опять занимался своим зельем спустя рукава.

– Гарри, кровь саламандры! – пикнула Гермиона, схватив его за запястье, чтобы в третий раз помешать ему добавить в зелье неверный компонент. – Гранатовый сок не надо!

– Точно, – рассеянно согласился Гарри и поставил бутылку, продолжая следить за тем, что происходит в углу.

Амбридж встала и прошла между рядами столов к Снейпу, который в этот момент склонялся над котлом Дина Томаса.

– Вот... – тихо отметил Гарри.

– Ну, хорошо, кажется, ученики для своего уровня подготовлены должным образом, – бойко обратилась Амбридж к спине Снейпа. – Хотя я не уверена, целесообразно ли обучать их готовить такое зелье, как Стимулирующая Суспензия. Думаю, Министерство предпочтёт изъять его из программы.

Снейп медленно выпрямился, обернулся и посмотрел на неё.

– Значит так... как долго вы преподаёте в Хогвартсе? – спросила Амбридж и взяла перо наизготовку.

– Четырнадцать лет, – с непостижимым выражением лица ответил Снейп.

Гарри, внимательнейшим образом следя за ним, добавил в своё зелье несколько капель – зелье зашипело и из бирюзового стало оранжевым.

– Сначала вы подавали заявление на пост преподавателя защиты от Тёмных искусств, верно? – поинтересовалась Амбридж у Снейпа.

– Да, – ровно подтвердил Снейп.

– Но неудачно?

Губы Снейпа изогнулись.

– Очевидно так.

Профессор Амбридж нацарапала в книжечку.

– И с тех пор, как вы поступили на работу в школу, вы регулярно подаёте заявление на пост преподавателя защиты от Тёмных искусств, верно?

– Да, – с каменным лицом подтвердил Снейп.

Вид у него был в высшей степени раздражённый.

– Вы не знаете, почему Дамблдор регулярно отказывается назначить вас на этот пост? – задала вопрос Амбридж.

– Советую спросить у него, – отрезал Снейп.

– О, я так и сделаю, – приторно улыбнулась Амбридж.

– Полагаю, это важно? – тёмные глаза Снейпа сузились.

– О, да, – пояснила профессор Амбридж, – да, Министерство желает иметь полное представление о... ээ... биографических данных преподавателей.

Она отвернулась, направилась к Пэнси Паркинсон и принялась расспрашивать её о занятиях. Снейп оглянулся на Гарри, и на мгновение их взгляды встретились. Гарри торопливо опустил глаза на своё зелье, которое уже застывало странными сгустками и испускало неприятный запах паленой резины.

– Следовательно, опять никаких оценок, – издевательски отметил Снейп, мановением палочки опорожнив котёл Гарри. – К следующему уроку напишете мне реферат о том, как правильно следует готовить это зелье, с указанием того, как и почему вы ошиблись, вам ясно?

– Да, – кивнул взбешённый Гарри.

Снейп уже дал задание на дом, а вечером будет тренировка по квиддичу, значит, опять предстоят бессонные ночи. Гарри не верилось, что утром он проснулся с ощущением такого безоблачного счастья. Теперь ему отчаянно хотелось одного – чтобы этот день поскорее закончился.

– Я, пожалуй, прогуляю прорицание, – после обеда хмуро бросил он друзьям, стоя с ними во внутреннем дворе, на ветру, трепавшем полы их одежда и поля шляп. – Лучше прикинусь больным и вместо прорицания напишу реферат для Снейпа, тогда не придётся заниматься этим полночи.

– Нельзя прогуливать прорицание, – строго заметила Гермиона.

– Да кто бы говорил, ты сама отказалась от прорицания и Трелони терпеть не можешь! – с негодованием воскликнул Рон.

– Я *могу* терпеть Трелони, – надменно возразила Гермiona. – Просто я считаю, что она совершенно безобразный преподаватель и на самом деле старая мошенница. Но Гарри уже пропустил историю магии и не думаю, что ему нужно пропускать сегодня что-нибудь ещё!

Её слова были слишком справедливы, чтобы ими пренебречь, поэтому полчаса спустя Гарри, злой на весь мир, сидел в жаркой, перенасыщенной благовониями атмосфере классной комнаты прорицаний. Вдобавок ко всему профессор Трелони опять раздавала «Оракул Снов». Гарри подумал, что наверняка было бы полезнее сделать реферат, которым општрафовал его Снейп, чем сидеть тут и искать смысл по большей части выдуманных снов.

Но, похоже, на прорицании не он один был вне себя. Профессор Трелони, поджав губы, хлопнула «Оракул» на стол между Гарри и Роном, с гордым видом отошла, затем швырнула следующий «Оракул» Шеймасу и Дину, едва не угодив Шеймасу в голову, и в заключение так сильно ткнула Невилла «Оракулом» в грудь, что тот съехал с пюфика.

– Давайте, начинайте! – громко, пронзительным и слегка истеричным голосом распорядилась профессор Трелони. – Вы знаете, что делать! Или я такой никудышный преподаватель, что вы даже не научились открывать учебник?

Все с недоумением воззрились на неё, потом друг на друга. Но Гарри догадался – в чём дело. Когда профессор Трелони, со слезами на глазах, бросилась к своему преподавательскому креслу с высокой спинкой, он наклонился к Рону и шепнул:

– Похоже, она получила результаты инспекции.

– Профессор? – сочувственно начала Парвати Патил (они с Лавандой всегда восторгались профессором Трелони). – Профессор, что-нибудь... ээ... случилось?

– Случилось! – дрожащим от волнения голосом вскричала профессор Трелони. – Ничего страшного! Меня всего лишь оскорбили... гнусные инсинуации... предъявили мне необоснованные обвинения... но нет, ничего же не случилось, ничего страшного!

Она судорожно вздохнула и посмотрела поверх голов вдаль, из-под стёкол её очков потекли горькие слёзы.

– Я и не говорю, – задохнулась она, – про шестнадцать лет, отданных работе... очевидно, это прошло незамеченным... но я не обижаюсь, нет, совсем не обижаюсь!

– Профессор, но кто вас обидел? – робко спросила Парвати.

– Система, – дрогнувшим голосом, драматично и таинственно ответила профессор Трелони. – Да, их глаза слишком затуманены мирской суетой, чтобы Видеть так, как я Вижу, Знать то, что я Знаю... конечно, нас, Пророчиц, всегда боялись, нас всегда преследовали... такова... увы... наша судьба.

Она сглотнула, прижала конец шали к мокрым щекам, а потом вынула из рукава маленький вышитый носовой платочек и трубно высморкалась с таким же неприличным звуком, какой производит Пивз.

Рон фыркнул. Лаванда одарила его крайне неодобрительным взглядом.

– Профессор, – опять начала Парвати, – вы имеете в виду... ну... профессора Амбридж?

– Не говорите мне об этой женщине! – воскликнула профессор Трелони, вскакивая на ноги, звеня бусами и сверкая очками. – Будьте так любезны, продолжайте работать!

И остаток урока она провела, разгуливая между столиками, всё ещё роняя слёзы из-под очков, и сбивчиво шепча что-то, похожее на угрозы.

— ...Вот возьму и уйду по собственному желанию... какое оскорбление... испытательный срок... посмотрим-посмотрим... как она смеет...

— У тебя с Амбридж есть кое-что общее, — вполголоса заметил Гермионе Гарри, когда они встретились на защите от Тёмных искусств. — Она тоже явно считает Трелони старой мошенницей... Похоже, Амбридж назначила ей испытательный срок.

Только он успел это сказать, как в класс вошла профессор Амбридж, с крайне самодовольным выражением лица под чёрным бархатным бантиком.

— Добрый день, класс.

— Добрый день, профессор Амбридж, — монотонно протянули все.

— Пожалуйста, палочки долой.

На сей раз никакого движения в классе не последовало: палочки вынимать никто и не трудился.

— Пожалуйста, откройте страницу тридцать четыре «Теории магической обороны» и читайте третью главу, под названием «Прецеденты непротивления магическому нападению». Обсуждать...

— ...Нет необходимости, — одновременно выдохнули Гарри, Рон и Гермиона.

* * *

— Тренировки по квиддичу не будет, — глухо сказала Анджелина, когда Гарри, Рон и Гермиона после ужина вернулись в гостиную.

— Но я держал себя в руках! — испуганно заявил Гарри. — Я ничего ей не говорил, Анджелина, клянусь, я...

— Я знаю, знаю, — несчастным голосом остановила его Анджелина, — просто она ответила, что ей нужно какое-то время, чтобы принять решение.

— Принять решение о чём? — возмутился Рон. — Слизеринцам она разрешила, а почему нам — нет?

Гарри представлял себе, насколько нравится Амбридж держать гриффиндорскую квиддичную команду в угрожающе подвешенном состоянии, и прекрасно понимал, что она так сразу не откажется от подобного оружия.

— Ну и ладно, — заявила Гермиона, — во всём есть свои положительные стороны. По крайней мере, теперь у тебя будет время написать реферат для Снейпа!

— Это что, положительная сторона? — огрызнулся Гарри, а Рон скептически взглянул на Гермиону. — Никакого квиддича и дополнительные зелья?

Гарри плюхнулся в кресло, с неохотой вытащил из сумки реферат по зельям и принялся за работу. Никак не удавалось толком собраться с мыслями. Он знал, что Сириус появится в камине значительно позже, но всё равно не мог удержаться, чтобы на всякий случай не поглядывать в огонь каждые несколько минут. Кроме того, вокруг поднялся невероятный шум: появились Фред и Джордж, чья работа над Прелестями Прогульщика, наконец,

подошла к концу, и устроили шоу с демонстрацией возможностей товара перед бурно ликующей и скандирующей публикой.

Сначала Фред откусывал кусочек от оранжевого конца, потом театрально блевал в стоящее перед ним ведро. Затем кусал от фиолетового конца, и рвота тут же прекращалась. Ли Джордан, который ассистировал на шоу, периодически лениво устранял рвоту тем же самым Устраняющим заклинанием, которое Снейп применял для зелий Гарри.

Среди регулярно повторяющихся звуков блевания, криков восторга и возгласов Фреда и Джорджа, которые принимали предварительные заказы от публики, Гарри было ужасно сложно сосредоточиться на верном методе для Стимулирующей Суспензии. От Гермионы толку было мало – вопли и шум, с которым блевотина Фреда и Джорджа падала на дно ведра, всякий раз сопровождало её громкое и неодобрительное фырканье, что Гарри находил ещё более отвлекающим.

– Ну просто пойди и останови их! – раздражённо бросил он, после того как в четвёртый раз вычеркнул неверный вес растолчённого когтя грифона.

– Я не могу, формально они не делают ничего плохого, – сквозь зубы процедила Гермиона. – У них есть полное право самим жрать свою мерзость, и я не смогла найти правило, где говорилось бы, что другие идиоты не имеют права у них её купить, пока не доказано, что их изобретение опасно, а это ещё не очевидно.

Она, Гарри и Рон проследили за тем, как Джорджа в очередной раз вытошнило в ведро, затем он проглотил остаток своего изобретения и выпрямился, подняв вверх руки и принимая аплодисменты.

– Знаете, я вот не могу понять, почему Фред и Джордж получили только по три СОВы, – заметил Гарри, следя за тем, как Фред, Джордж и Ли собирают деньги у впечатлённой публики. – Они ведь очень хорошо во всём разбираются.

– О, как на публику работать – в этом они разбираются, но только кому это надо? – пренебрежительно бросила Гермиона.

– Кому надо? – напряжённым голосом отозвался Рон. – Гермиона, они заработали уже почти двадцать шесть галлеонов.

Немало времени прошло, прежде чем публика близнецов Уизли разошлась, потом они с Ли ещё дольше сидели и подсчитывали выручку, так что только за полночь в гостиной не осталось никого, кроме Гарри, Рона и Гермионы. Напоследок, перед тем как закрыть за собой дверь, ведущую к спальням мальчиков, Фред, чтобы позлить Гермиону, потряс коробкой с галлеонами. Реферат по зельям у Гарри почти не двинулся с места, и он решил пока отложить писанину. Когда стал убирать книги, задремавший в кресле Рон забормотал, проснулся, мутно уставился в камин и тут же воскликнул:

– Сириус!

Гарри резко обернулся. В пламени камина опять маячила голова Сириуса в обрамлении чёрных спутанных волос.

– Привет, – усмехнулся Сириус.

– Привет, – хором отозвались трое друзей и опустились на колени на коврик перед камином.

Косолап громко замурлыкал, подошёл к камину и, несмотря на жар, стал тянуть мордочку как можно ближе к лицу Сириуса.

– Как дела? – поинтересовался Сириус.

– Не важно, – отозвался Гарри, пока Гермиона оттаскивала Косолапа, чтобы тот не подпалил себе усы. – Министерство издало очередной декрет, по которому запретили нашу квиддичную команду...

– Или тайное общество защиты от Тёмных искусств? – уточнил Сириус.

Повисла небольшая пауза.

– Как ты узнал? – изумился Гарри.

– Вам следует тщательнее выбирать места для встречи, – неприкрыто развеселился Сириус. – Это я про «Кабанью голову».

– Ну уж там получше, чем в «Трёх мётлах»! – парировала Гермиона. – В «Трёх мётлах» всегда столько народу...

– Значит, подслушать вас было бы труднее, – заметил Сириус. – Тебя ещё учить и учить, Гермиона.

– А кто нас подслушал? – тут же спросил Гарри.

– Мундунгус, конечно, – Сириус увидел, какое озадаченное выражение появилось на лицах ребят, и рассмеялся: – Он был ведьмой под вуалью.

– Это был Мундунгус? – ошеломлённо повторил Гарри. – А что он делал в «Кабаньей голове»?

– Как ты думаешь, что он там делал? – нетерпеливо бросил Сириус. – Конечно, за тобой следил.

– За мной всё ещё следят? – рассерженно буркнул Гарри.

– Хм, ещё бы, – фыркнул Сириус, – как не следить, если стоит тебе выйти из школы, и ты первым делом создаёшь партизанскую группировку.

Но вид у Сириуса был вовсе не рассерженный и даже не встревоженный. Напротив, он явно гордился Гарри.

– А почему Гнус от нас прятался? – разочарованно протянул Рон. – Неплохо было бы с ним и повидаться.

– Ему ещё двадцать лет назад запретили появляться в «Кабаньей голове», – пояснил Сириус, – а у тамошнего бармена хорошая память. Когда Стёрджиса арестовали, мы остались без запасного плаща-невидимки Муди, так что Гнус в последнее время часто переодевается в ведьму... во всяком случае... ах, да, Рон, я же поклялся твоей матери первым делом передать тебе от неё ценные указания.

– Ой, да? – опасливо замаялся Рон.

– Она сказала, что не может быть и речи, чтобы ты вступал в нелегальное тайное общество защиты от Тёмных искусств. Сказала, что тебя наверняка исключат и на твоём будущем можно будет поставить крест. Сказала, что у тебя впереди ещё масса времени, чтобы научиться защищаться, а пока ты для этого ещё слишком маленький. Ещё она сказала... – тут

Сириус перевёл взгляд на Гарри и Гермиону, — ...что советует вам это дело бросить, хотя согласилась, что никаких прав указывать вам у неё нет, но просила напомнить, что желает вам только добра. Она бы всё это написала, но если бы сову перехватили, то у вас возникли бы серьёзные проблемы, а сама она сказать этого не может, потому что сегодня дежурит.

— Дежурит где? — тут же переспросил Рон.

— Тебя не касается, это просто задание Ордена, — отрезал Сириус. — Поэтому на меня возложили функции совы, и ты подтверди, что я всё передал, поскольку не думаю, что мне она поверит на слово.

Вновь наступило молчание, Косолап, мяукая, пытался дотянуться лапой до головы Сириуса, а Рон ковырял дырочку в коврике.

— Так ты хочешь мне сказать, что я не должен вступать в общество защиты? — наконец выдал он.

— Я? Разумеется, нет! — искренне изумился Сириус. — Мне кажется, эта идея просто превосходна!

— Правда? — окрылённо воскликнул Гарри.

— Конечно, правда! — усмехнулся Сириус. — Ты что же, думаешь, мы с твоим отцом смирились бы и стали слушаться такую старую каргу, как эта Амбридж?

— Но... последнее время ты мне только и твердишь быть осторожным и не рисковать...

— Гарри, в прошлом году все факты говорили о том, что кто-то охотится на тебя в Хогвартсе! — нетерпеливо пояснил Сириус. — А в этом году нам известно, что кто-то вне Хогвартса пытается убить нас всех, так что научиться должным образом защищаться — это великолепная идея!

— А если нас и правда исключат? — лукаво спросила Гермиона.

— Гермиона, да это же твоя идея-то! — воззрился на неё Гарри.

— Я помню, помню. Просто хотелось узнать, что думает Сириус, — пожала плечами Гермиона.

— Хм... лучше уметь защищаться в изгнании, чем покорно сидеть под замком в школе, — заметил Сириус.

— Верно, верно! — с энтузиазмом поддержали его Гарри с Роном.

— Итак, — кивнул Сириус, — какие у вас планы? Где вы собираетесь?

— Вот в этом-то сейчас и проблема, — начал Гарри, — понятия не имею, куда бы податься...

— Может быть в Визжащую Хижину?¹³⁷ — предложил Сириус.

— О, а это мысль! — воодушевился Рон.

Но Гермиона скептически фыркнула, и все, включая голову Сириуса в пламени, повернулись к ней.

— Сириус, но вас-то, когда вы в школе учились и в Визжащей Хижине встречались, было всего четверо, — пожала плечами Гермиона. — И все вы умели в животных превращаться, и, даже, наверное, могли бы, если бы захотели, поместиться под одним плащом-невидимкой. А

137 3 Shrieking Shack

нас двадцать восемь, из них ни одного анимага, поэтому нам не то, что плащ-невидимка нужен, а целый шатёр-невидимка...

– Н-да, верно, – нахмурился Сириус. – Ну, не сомневаюсь, вы что-нибудь придумаете. Мне помнится, был довольно просторный потайной проход за тем большим зеркалом, что на пятом этаже, места для упражнений в заклинаниях там вполне достаточно.

– Фред и Джордж мне говорили, что этот проход заблокирован, – покачал головой Гарри. – Обвалился или ещё что-то.

– Вот как... – нахмурился Сириус. – Ладно, я подумаю, потом вернёмся к...

Он замолчал. Внезапно его лицо напряглось, по нему скользнула тень тревоги. Голова повернулась вбок, словно он разглядывал прочную каменную кладку камина.

– Сириус? – с тревогой окликнул его Гарри.

Но тот исчез. Гарри изумлённо посмотрел на пламя, а потом повернулся к друзьям.

– Что это с ним?..

Вдруг Гермiona сдавленно вскрикнула и вскочила на ноги, не сводя глаз с камина.

В огне появилась рука, и словно что-то принялась там нащупывать – короткопалая, толстенькая рука, увешанная старинными уродливыми кольцами.

Трое друзей бросились наутёк. У двери в спальню мальчиков Гарри оглянулся. Рука Амбридж всё ещё шарилась в огне, будто знала наверняка, где именно были волосы Сириуса лишь пару секунд назад, и намеревалась в них вцепиться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ДАМБЛДОРОВА АРМИЯ

– Гарри, Амбридж читала твои письма. Другого объяснения нет.

– Думаешь, это Амбридж напала на Хэдвиг? – в бешенстве прошипел Гарри.

– Я в этом практически уверена, – решительно кивнула Гермиона. – Следи за своей лягушкой, она удирает.

Гарри направил палочку на лягушку-быка, которая воодушевлённо скакала к противоположному концу стола:

– *Accio!* – и та вновь уныло вернулась в его руку.

Чары как нельзя лучше подходили для проведения секретных переговоров: обычно там кипела такая бурная деятельность, что опасность быть подслушанными практически исключалась. Сегодня, среди кваканья лягушек-быков, карканья воронов и под грохот проливного дождя за окнами класса, на перешёптывания троицы друзей, взволнованных тем, что Амбридж едва не поймала Сириуса, – никто не обращал внимания.

– У меня были подозрения ещё с тех пор, как Филч тебя обвинил в попытке заказа навозных бомб, потому что всё это выглядело очень уж глупым враньём, – шепнула Гермиона. – Я вот что подумала: если бы твоё письмо прочли, то сразу стало бы ясно, что ты ничего *не заказывал*, значит, и проблем никаких у тебя не возникло бы – шутка какая-то нелепая, да? Но, может быть, кто-то просто искал предлог, чтобы прочесть то, что ты написал? Если так, то для Амбридж это идеальный способ – навести Филча на след, дожидаться, пока он сделает всю грязную работу и заполучит письмо, а потом или это письмо у него украсть, или официально потребовать его посмотреть... не думаю, что Филч стал бы возражать, за права учеников он никогда не ратовал. Гарри, ты раздавишь свою лягушку.

Гарри взглянул на лягушку: оказывается, он так крепко её сжимал, что у той вылезли глаза. Он поспешно опустил лягушку на стол.

– Вчера вечером мы едва-едва не попались, – продолжала Гермиона. – Мне вот интересно, Амбридж-то понимает, что чуть не поймала нас? *Silencio*.

Лягушка, на которой Гермиона практиковалась в чарах Безмолвия,¹³⁸ резко смолкла на полукваке и укоризненно уставилась на Гермиону.

– Если бы она вчера поймала Шмыгалза...

– ...То сегодня он был бы уже в Азкабане.

Гарри непроизвольно вздрогнул, палочка в его руке дёрнулась, лягушка раздулась как зелёный воздушный шарик и начала тоненько свистеть.

– *Silencio!* – торопливо воскликнула Гермиона, ткнув палочкой в Гаррину лягушку, после чего та медленно сдулась. – Ладно, главное чтобы он больше так не делал. Только не знаю, как можно сообщить ему. Отправить ему сову мы не сможем.

– Сомневаюсь я, что он опять будет рисковать, – заметил Рон. – Он же не дурак, понимает, что она его чуть не сцапала. *Silencio*.

Крупный противный ворон перед Роном иронично каркнул.

– *Silencio. SILENCIO!*

Ворон закаркал ещё громче.

– Это всё твоя манера махать палочкой, – критически взглянула Гермиона на Рона. – Широко размахивать не нужно, нужно сделать короткий *тычок*.

– С воронами труднее, чем с лягушками, – процедил Рон.

– Чудно, давай поменяемся! – воскликнула Гермиона, схватила ворона и сунула Рону в обмен свою здоровенную лягушку. – *Silencio!*

Ворон продолжал открывать-закрывать острый клюв, но без единого звука.

– Превосходно, мисс Грейнджер! – раздался писклявый голосок профессора Флитвика так неожиданно, что трое друзей вздрогнули. – А теперь позвольте взглянуть, что умеете вы, мистер Уизли.

– Чего?.. Ой, да, – совершенно смешался Рон. – Ээ... *Silencio!*

Он так ткнул в лягушку, что чуть не выколол ей глаз. Лягушка оглушительно квакнула и спрыгнула со стола.

Как и следовало ожидать, Гарри и Рону задали на дом дополнительные упражнения в чарах Безмолвия.

Из-за ливня всем разрешили в перерыве между занятиями на улицу не выходить. Друзья приютились в шумном и битком забитом классе на втором этаже, где вокруг люстры плавно парил Пивз, время от времени выдувая кому-нибудь на голову чернильный шарик. Как только ребята сели, к ним тут же, протиснувшись через толпу болтающих учеников, подошла Анджелина.

– Я получила разрешение! – заявила она. – На восстановление квиддичной команды!

– *Отлично!* – хором воскликнули Гарри с Роном.

– Ага, – просияла Анджелина, – я сходила к МакГонаголл, а она, *по-моему*, обратилась с этим к Дамблдору. Во всяком случае, Амбридж пришлось уступить. Ха! Так что сегодня в семь вечера жду вас на поле, договорились? Потому что времени потрачено много, надо наверстать. Вы понимаете, что до первого матча осталось всего три недели?

Анджелина ввинтилась в толпу, чудом увернувшись от чернильного шарика Пивза, который вместо неё попал в стоящего рядом первокурсника, и исчезла из виду.

Когда Рон выглянул в мутное от проливного дождя окно, улыбка его слегка померкла.

– Будем надеяться, что прояснится. Что с тобой, Гермиона?

Гермиона невидящим взором тоже глядела в сторону окна. Вид у нее был рассеянный и хмурый.

– Да так, подумалось... – насупленно бросила она, не сводя глаз с мокрого стекла.

– О Сири... Шмыгалзе? – поинтересовался Гарри.

– Нет... не совсем... – медленно ответила Гермиона, – скорее... вот о чём... я вот не знаю, правильно ли мы поступаем... да... или нет?

Гарри с Роном переглянулись.

– Ну, вот и прояснилось, – заметил Рон, – если б ты нормально не объяснила, было бы очень досадно.

Гермиона посмотрела на него так, словно только что заметила.

– Я просто размышляла, – уже решительнее проговорила она, – правильно ли мы поступаем, затеяв эту команду по защите от Тёмных искусств.

– Что? – одновременно поразились Гарри и Рон.

– Гермиона, начнём с того, что это была твоя идея! – негодуя воскликнул Рон.

– Знаю, – Гермиона сжала руки, переплетя пальцы в замок. – Но после разговора с Шмыгалзом...

– Но он только «за», – перебил её Гарри.

– Да, – Гермиона опять воззрилась в окно. – Да, вот как раз это меня и заставило задуматься, может быть, идея не такая уж правильная...

Над ними завис Пивз с плевательной трубочкой наизготовку. Все трое машинально вскинули сумки, защищая головы, пока тот не убрался прочь.

– Давай поговорим откровенно, – раздражённо начал Гарри, бросив сумку на пол. – Раз Сириус с нами согласился, то теперь тебе кажется, что нам лучше не продолжать?

Вид у Гермионы стал напряжённым и растерянным. Она опустила глаза и спросила:

– Ты, в самом деле, полагаешься на его здравомыслие?

– Разумеется! – не задумываясь, воскликнул Гарри. – Он всегда давал нам дельные советы!

Мимо них просвистел чернильный шарик и угодил Кэти Белл точно в ухо. Гермиона сначала молча понаблюдала за тем, как Кэти вскочила на ноги и принялась бросать в Пивза учебники, и только потом заговорила вновь так, словно очень тщательно подбирала слова:

– Тебе не кажется, что он стал... слегка... безрассудным... с тех пор, как посидел взаперти на площади Гриммода? Тебе не кажется, что он... как бы... живёт нашей жизнью?

– Что значит, «живёт нашей жизнью»? – удивился Гарри.

– То, что... ну, думаю, что ему самому хотелось бы организовать тайное общество прямо под носом у Министерства... мне кажется, что из-за своей беспомощности он очень переживает... поэтому мне кажется, что ему очень хочется... нас спровоцировать.

Рон был совершенно сбит с толку.

– Да, Сириус прав, – протянул он, – ты говоришь прямо, как моя мать.

Гермиона закусила губу, но ничего не ответила. Звонок прозвенел в тот момент, когда Пивз налетел на Кэти и вылил ей на голову целую чернильницу.

* * *

На улице не распогодилось, и когда на исходе дня, в семь вечера, Гарри с Роном, поскальзываясь на мокрой траве, добирались на тренировку к квиддичному полю, они промокли в считанные минуты. Небо затягивали чёрные грозовые тучи и, очутившись в тёплой светлой раздевалке, ребята вздохнули от пусть временного, но облегчения. Там уже сидели Фред с Джорджем и обсуждали – не воспользоваться ли им одной из Прелестей Прогульщика, чтобы отвертеться от полётов.

– ...Держу пари, она обо всём догадается, – вполголоса бросил Фред, – мне не стоило вчера предлагать ей купить Блевальные Пастилки.

– Можем попробовать АжеЛихорадку,¹³⁹ – шепнул Джордж. – Их ещё никто не видел...

Под завывания ветра на улице и усилившийся грохот дождя по крыше Рон с надеждой поинтересовался:

– А поможет?

– Ещё как, – кивнул Фред. – Температура сразу поднимется.

– Только здоровенные прыщи с гноем пойдут, – добавил Джордж, – пока у нас не получилось без них.

– Я никаких прыщей не вижу, – уставился на близнецов Рон.

– Да и немудрено, – мрачно буркнул Фред. – Они в таком месте, которое обычно на публике не демонстрируют.

– Но очень больно на метле сидеть...

– Всем внимание, – из капитанской комнаты появилась громогласная Анджелина. – Я понимаю, что погода не идеальная, но вполне вероятно, что со Слизерином мы будем играть в таких же условиях, так что нам представляется удобный случай посмотреть, как мы с этим справимся. Гарри, когда мы играли с Хаффлаффом в ту бурю, ты вроде бы что-то делал со своими очками, чтобы их дождём не заливало?

– Это не я, а Гермiona, – пояснил Гарри, достал палочку и коснулся стёкол: – *Impervius!*

– Думаю, нам всем нужно сделать то же самое, – заметила Анджелина. – Если бы удалось сделать так, чтобы дождь не заливал лицо, то видимость на поле была бы намного лучше... давайте все вместе... *Impervius!* Прекрасно. Ну, пошли.

Спрятав палочки обратно во внутренние карманы мантий, члены команды взяли свои метлы и поплелись из раздевалки вслед за Анджелиной.

Хлюпая по сочной грязи, они добрались до центра поля. Даже с Водоотталкивающими чарами¹⁴⁰ видно было очень плохо: быстро темнело, а дождь лил стенами.

– Приготовились, по моему свистку! – крикнула Анджелина.

Разбрызгивая грязь во все стороны, Гарри оттолкнулся от земли и взмыл вверх, борясь с ветром, сбивающим с курса.

Непонятно, как при такой погоде удастся разглядеть снитч. Он и бладжер-то, который летал вокруг, заметил с трудом – минуту спустя после начала тренировки тот едва не сбросил Гарри с метлы, пришлось воспользоваться «Бочкой с захватом ленивца». К сожалению, Анджелина этого не заметила. На самом деле она и не могла ничего заметить, даже если бы захотела: ни один из них и понятия не имел, чем занимаются другие. Ветер крепчал. Даже издали до Гарри доносился мерный гул дождя, барабанищего по поверхности озера.

Анджелина заставила их почти час летать в таких условиях, пока не сдалась окончательно. Когда она вела свою промокшую и злоую команду в раздевалку, то всё ещё

¹³⁹ 2 Fever Fudge

¹⁴⁰ 3 Impervius Charm

пыталась настаивать, что тренировка не прошла даром, хотя в её голосе не было и следа уверенности. Особенно злыми выглядели Фред с Джорджем – бредя на полусогнутых, они морщились при каждом шаге. Вытирая полотенцем волосы, Гарри услышал, как близнецы тихо причитают.

– Мне кажется, у меня несколько штук лопнуло, – глухо буркнул Фред.

– А у меня нет, – процедил сквозь зубы Джордж, – мои только надулись... как я не знаю что...

– АЙ! – вскрикнул Гарри.

Он прижал полотенце к лицу, от боли даже глаза закатились. Шрам на лбу заболел так сильно, как не болел уже очень давно.

– Что случилось? – раздалось одновременно несколько голосов.

Гарри вынырнул из-под полотенца: без очков вся раздевалка казалась как в тумане, но понятно было, что все лица обращены к нему.

– Ничего, – пробормотал он, – я просто ткнул себя пальцем в глаз, вот и всё.

Он лишь многозначительно взглянул на Рона, и они стали дожидаться, пока остальные члены команды, закутавшись в плащи и натянув на уши шляпы, не выйдут за порог.

Как только за дверью исчезла последняя – Алисия, Рон тут же спросил:

– Что случилось-то? Шрам?

Гарри кивнул.

– Но... – Рон с испуганным видом шагнул к окну и стал всматриваться в дождь, – он... его же сейчас здесь нет, а?

– Нет, – пробормотал Гарри, опускаясь на скамью и потирая лоб, – скорее всего, он за многие мили отсюда. Болело потому, что... он... разозлился.

Слова вылетели сами, голос звучал словно издали, как чужой... но Гарри ничуть не сомневался, что сказанное – правда. Почему это правда, Гарри не знал, но одно знал наверняка: Волдеморт – не важно, где он и что делает – в ярости.

– Ты что, его видел? – в ужасе спросил Рон. – Ты... у тебя видение было, или что?

Гарри по-прежнему сидел молча, глядя в пол и пытаясь прийти в себя – душой и телом – после приступа.

Какой-то беспорядочный клубок призрачных образов, унылый ропот голосов...

– Он хочет что-то сделать, и его раздражает промедление, – произнёс Гарри.

Услышав вылетевшие у него слова, он вновь удивился и вновь был уверен, что слова эти – правда.

– Но... откуда ты знаешь? – поразился Рон.

Гарри покачал головой и крепко прижал ладони к глазам. В глазах замелькали звёздочки. Он почувствовал, что Рон присел на скамью рядом и смотрит на него.

– Это было так же, как в прошлый раз? – тихо спросил Рон. – Когда у тебя болел шрам в кабинете Амбриджа? Сам-Знаешь-Кто залился?

Гарри покачал головой.

– А как?

Гарри мысленно вернулся в прошлое. Он смотрел Амбридж в лицо... шрам заболел... и в животе возникло это странное чувство... оно становилось всё ярче... чувство *счастья* ... ну конечно, тогда он просто его не опознал, потому что сам ощущал себя таким несчастным...

– В прошлый раз это произошло, потому что он радовался, – решил Гарри. – Ещё как радовался. Ждал... чего-то хорошего, что должно произойти. А в ночь перед тем, как мы вернулись в Хогвартс... – Гарри мысленно обратился к той ночи на площади Гриммода в их с Роном спальне, когда шрам сильно заболел. – ...В ту ночь он был взбешён...

Гарри взглянул на разинувшего рот Рона.

– Ну, приятель, ты бы мог замечать Трелони, – полузадушенно выдавил Рон.

– Я же не будущее предсказываю, – отмахнулся Гарри.

– Нет, ты знаешь, что ты делаешь-то? – одновременно испуганно и восторженно воскликнул Рон. – Гарри, *ты же читаешь мысли Сам-Знаешь-Кого!*

– Нет, – покачал головой Гарри, – скорее это... это его эмоции, пожалуй. Кажется, я ощущаю только резкую смену его настроения. Дамблдор об этом упоминал ещё в прошлом году. Тогда он сказал, что я могу чувствовать или когда Волдеморт рядом, или когда он в ярости. Ну вот, а теперь я ещё чувствую, когда он радуется...

Наступила пауза. Снаружи бился ветер с дождём.

– Ты должен об этом кому-нибудь рассказать, – наконец прервал молчание Рон.

– Я говорил насчёт прошлого раза Сириусу.

– Да, а теперь нужно и про этот раз сказать!

– Невозможно, – мрачно заметил Гарри. – Ведь Амбридж следит и за совами, и за каминами, забыл?

– Ладно, тогда скажи Дамблдору.

– Я же тебе сказал, он всё знает, – коротко бросил Гарри, встал, снял свой плащ с вешалки и завернулся в него. – Не вижу смысла говорить об этом ему ещё раз.

Рон принялся застёгивать свой плащ, задумчиво глядя на Гарри.

– Дамблдору надо бы знать, – повторил он.

Гарри только пожал плечами.

– Пошли... нам ещё чарами Безмолвия нужно заниматься.

По грязному отлогому склону, поскользываясь и спотыкаясь в темноте, они молча и быстро направились в замок. Гарри мучительно размышлял. Чего же именно так хотелось и не удавалось сразу заполучить Волдеморту?

...У него есть другие задачи... задачи, которые можно решить только при условии строгой секретности... То, что он может получить только хитростью... В некотором роде – оружие... Которого в прошлый раз у него не было.

Эти слова Гарри не вспоминал давным-давно: слишком озабочен он был тем, что происходило в Хогвартсе, слишком занят непрерывными схватками с Амбридж, глобальной несправедливостью министерского вмешательства... Но вот сейчас слова опять пришли на ум, и он задумался... Ярость Волдеморта могла быть вызвана тем, что он не смог заполучить

оружие, как ни стремился к этому. Это Орден остановил его, помешал ему захватить оружие? Где оно хранится? Кто владеет им?

– Мимбулус мимблатония, – произнёс голос Рона, и Гарри пришёл в себя как раз тогда, когда уже нужно было залезать в проход за портретом, ведущий в гостиную.

Как выяснилось, Гермиона легла спать рано, оставив в кресле свернувшегося клубком Косолапа, а на столе у камина – кучку кривовато связанных шапок для эльфов. Гарри даже обрадовался, что Гермионы нет, потому что обсуждать свои проблемы со шрамом и выслушивать её настояния отправиться к Дамблдору ему не очень хотелось. Рон продолжал с тревогой поглядывать на него, но Гарри вытащил учебники по чарам и приступил к завершению своего реферата, правда, сосредоточенность он только изображал, и к тому времени, как Рон сообщил, что отправляется спать, Гарри не написал и пары строчек.

Подошла и минула полночь, а Гарри всё читал и перечитывал отрывок, посвящённый использованию ложечницы, любистока и чихотной гулявицы, и не понимал ни слова.

«Эти растения весьма влияют на воспаления мозга и посему часто используются для Глотков Путаницы и Дурмана, коими колдун желает сотворить состояние вспыльчивости и безрассудства...»

...Гермиона сказала, что Сириус, с тех пор, как посидел взаперти на площади Гриммода, стал безрассудным...

«...весьма влияют на воспаления мозга и посему часто используются...»

...«Ежедневный пророк» решил бы, что у него воспаление мозга, если бы прознал, что он ощущает настроение Волдеморта...

«...посему часто используются для Глотков Путаницы и Дурмана...»

...Путаница – хорошее слово: откуда ему известно, что чувствует Волдеморт? Что за сверхъестественная связь между ними, которую даже Дамблдор не может внятно объяснить?

«...коими колдун желает...»

...Как же хочется поспать...

«...сотворить состояние вспыльчивости...»

...Так тепло и удобно здесь, в кресле перед камином, под монотонный шум дождя за окнами, под мурлыканье Косолапа, треск пылающих поленьев...

Книга выскользнула из ослабевших пальцев и с приглушённым стуком шлёпнулась на ковер. Голова Гарри запрокинулась...

Он опять шёл по коридору без окон, и шаги его эхом отзывались в тишине. Чем ближе была дверь в конце коридора, тем сильнее и громче стучало сердце... если бы он только смог открыть её... войти внутрь...

Гарри протянул руку... кончики пальцев уже в дюйме от двери...

– Гарри Поттер, сэр!

Гарри тут же очнулся. В гостиной все свечи погасли, а рядом с ним что-то шевелится.

– То тут? – Гарри выпрямился в кресле.

Камин почти догорел, вокруг было очень темно.

– У Дobbи ваша сова, сэр! – раздался скрипучий голос.

– Добби? – хрипло уточнил Гарри, вглядываясь в темноту, в ту сторону, откуда раздавался голос.

У столика, на котором Гермиона оставила полдюжины своих вязаных шапок, стоял Добби, домовый эльф. Его большие остrokонечные уши прижимала едва ли не полная коллекция когда-либо связанных Гермионой шапок: шапки были водружены одна на другую, и от этого голова Добби словно вытянулась вверх на два или три фута, а на самом верхнем помпоне сидела безмятежно ухающая и явно здоровая Хэвиг.

– Добби вызвался вернуть сову Гарри Поттера, – глядя с очевидным обожанием, скрипуче проговорил эльф. – Профессор Граббл-Планк говорит, что теперь с ней всё в порядке, сэр, – он отвесил глубокий поклон, и носом, похожим на карандаш, ткнулся в изношенный коврик.

Хэвиг возмущённо ухнула и перепорхнула на ручку кресла к Гарри.

– Добби, спасибо! – Гарри погладил голову Хэвиг и крепко зажмурился, пытаясь избавиться от призрачного образа двери из своего сна... очень зримого образа.

Посмотрев на Добби повнимательнее, Гарри обнаружил, что эльф в добавок надел и несколько шарфов, и огромное количество носков, поэтому ноги его по сравнению с телом казались великанскими.

– Хм... ты забирал *всю* одежду, что оставляла Гермиона?

– О, нет, сэр, – радостно ответил эльф, – Добби брал кое-что и для Винки, сэр.

– Да, а как там Винки? – поинтересовался Гарри.

Уши Добби слегка приувыли.

– Винки всё пьёт и пьёт, сэр, – печально ответил эльф, и его круглые, огромные, как теннисные мячи, зелёные глаза погрузнели. – Да и одежда её не интересует, Гарри Поттер. И других домовых эльфов тоже. Никто больше не будет убираться в гриффиндорской башне, сэр, обиделись они на все эти шапки и носки повсюду. Добби теперь сам всё убирает, сэр, но Добби не возражает, сэр, потому что он всегда надеется встретить Гарри Поттера, а сегодня вечером, сэр, желание Добби исполнилось! – эльф опять отвесил глубокий поклон. – Но у Гарри Поттера невесёлый вид, – выпрямившись, продолжил Добби и робко взглянул на Гарри: – Добби слышал, как он во сне разговаривал. У Гарри Поттера дурные сны?

– Да так себе, – зевнул Гарри и потёр глаза руками, – бывало и похуже.

Эльф поглядел на Гарри своими большими круглыми глазами, а потом, повесив уши, очень серьёзно сказал:

– Добби хочется помочь Гарри Поттеру, потому что Гарри Поттер освободил Добби, и Добби теперь гораздо, гораздо счастливее.

Гарри улыбнулся.

– Ты не сможешь помочь мне, Добби, но спасибо за предложение.

Он нагнулся и подобрал свой учебник по зельям. Нужно бы закончить реферат на завтра. Гарри закрыл книгу, и тут свет от камина осветил тонкие белые шрамы на тыльной стороне его ладони – результат розысканий с Амбридж...

– Подожди-ка... кое-что ты можешь для меня сделать, Добби, – медленно начал Гарри.

Эльф, просияв, выкатил глаза:

– Скажите что, Гарри Поттер, сэр!

– Мне нужно найти такое место, где двадцать восемь человек смогут заниматься защитой от Тёмных искусств, и где никто из преподавателей их не застукает. А особенно... – Гарри сжал руку на книге, и шрамы резко бросились в глаза, – ...профессор Амбридж.

Он ожидал, что эльф перестанет улыбаться и повесит уши, ожидал услышать, что просьба невыполнима, или что тот попробует что-нибудь подыскать, но не уверен в успехе. Но никак не ждал, что Добби подскочит, бодро взмахнёт ушами и хлопнет в ладоши:

– Добби знает превосходное местечко, сэр! – радостно воскликнул эльф. – Добби слышал о нём от других домовых эльфов, когда ещё только приехал в Хогвартс, сэр. Мы называем её «Комната Так-и-Сяк» или «Насущная Комната»!¹⁴¹

– Почему так? – заинтересовался Гарри.

– Потому что в эту комнату может войти только тот, – серьёзно пояснил Добби, – у кого есть настоящая потребность в чём-то. Иногда эта комната есть, иногда её нет, но когда появляется, то всегда приспособлена к потребностям того, кто её ищет. Добби использует эту комнату, сэр, – эльф с виноватым видом понизил голос, – когда Винки слишком пьяная. Тогда Добби прячет её в Насущной Комнате и там находит противоядия от сливочного пива и хорошую кровать для эльфов, чтобы её там уложить, пусть она проспится, так вот, сэр... И Добби знает, что мистер Филч находил там дополнительные средства для уборки, когда ему не хватало, и, сэр...

– И если тебе вдруг понадобится уборная, – Гарри внезапно вспомнил, как говорил Дамблдор на Йольском балу в прошлое Рождество, – то там будет полно ночных горшков, да?

– Добби думает, что да, сэр, – утвердительно кивнул эльф. – Это самая удивительная комната, сэр.

– А многие знают о ней? – Гарри выпрямился в кресле.

– Очень немногие, сэр. Обычно люди натываются на неё, когда им что-то нужно, сэр, но никогда не находят её опять, поэтому и не знают, что там всегда всё наготове, сэр.

– Это звучит неплохо, – у Гарри заколотилось сердце. – Да это просто шикарно звучит, Добби! Когда ты сможешь показать мне, где она?

– В любое время, Гарри Поттер, сэр, – от Гарриного энтузиазма Добби пришёл в восхищение. – Мы можем и сейчас туда пойти, если вам угодно!

В первую секунду Гарри решил было пойти с Добби. Он уже вскочил, чтобы отправиться наверх за плащом-невидимкой, но тут, уже не в первый раз, внутренний голос, очень похожий на голос Гермионы, шепнул ему: *«Безрассудно»*. Всё-таки было уже очень поздно, он устал и нужно ещё закончить реферат для Снейпа.

– Не сегодня, Добби, – уныло отказался Гарри, опускаясь в кресло, – Это слишком важно... не хочу всё испортить, нужно всё тщательно обдумать. Слушай, ты можешь мне только объяснить подробно, где эта Насущная Комната и как туда войти?

¹⁴¹ 4 Come and Go Room or Room of Requirement

* * *

На спаренную гербологию ребята шлёпали по раскисшему склону, мантии у них взлетали и обвивались вокруг ног, а в оранжерее, из-за стука тяжёлых как градины капель дождя по крыше, слова профессора Спраут с трудом можно было разобрать. Послеобеденный урок по уходу за магическими существами из-за бури пришлось перенести в свободную классную комнату на первом этаже и, ко всеобщему превеликому облегчению, за обедом Анджелина оповестила свою команду, что тренировка по квиддичу отменяется.

– Вот и замечательно, – тихо ответил ей Гарри, – потому что для первого занятия по защите от Тёмных искусств мы кое-что подыскали. Так что вечером, в восемь часов, на восьмом этаже, напротив гобелена Балбеса Барнабаса,¹⁴² которого тролли лупят дубинками. Можешь передать Кэти и Алисии?

Анджелина слегка озадачилась, но пообещала передать. Гарри с вождением набросился на сосиски и пюре. Когда он поднял глаза, чтобы взять тыквенный сок, то встретился взглядом с Гермией.

– Что? – хрипло поинтересовался он.

– Ну... просто планы у Добби не всегда безопасные. Помнишь, как из-за него ты остался без костей в руке?

– Эта комната не выдумка Добби: о ней знает Дамблдор, точнее, он упоминал мне о ней на Йольском балу.

У Гермией прояснилось лицо.

– Дамблдор тебе о ней рассказывал?

– Просто между делом, – пожал плечами Гарри.

– О, ну тогда ещё ничего, – оживилась Гермия, и больше никаких возражений с её стороны не было.

Втроём с Роном они большую часть дня потратили на поиск тех, кто в «Кабаньей голове» внёс свои имена в список, чтобы объяснить им, где состоится вечерняя встреча. К некоторому разочарованию Гарри, Джинни успела найти Чоу Чанг и её подружку раньше, но как бы то ни было, к концу ужина Гарри был уверен, что известие сообщили каждому из двадцати пяти, с кем вместе они были в «Кабаньей голове».

В половине восьмого Гарри, Рон и Гермия вышли из гриффиндорской гостиной. Гарри сжимал в руке кусок древнего пергамента. Пятикурсникам разрешалось ходить по коридорам до девяти вечера, но тем не менее, пробираясь на восьмой этаж, все трое нервно озирались по сторонам.

– Обождите, – предупредил Гарри, развернул пергамент на последней ступеньке, коснулся его палочкой и прошептал: – *Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего.*

142 5 Barnabas the Barmy

На чистом пергаменте появилась карта Хогвартса. По ней перемещались крохотные чёрные точки, подписанные разными именами, показывая, где находится тот или иной человек.

– Филч на третьем этаже, – шепнул Гарри, поднося карту поближе к глазам, – а Миссис Норрис ходит по пятому.

– А где Амбридж? – с опаской спросила Гермиона.

– В своём кабинете, – показал Гарри. – Ладно, пошли.

Они быстро прошли по коридору к тому месту, которое описал Добби в разговоре с Гарри, к сплошной стене, напротив которой висел огромный гобелен, изображавший Балбеса Барнабаса в наивных попытках обучить троллей балету.

– Ну вот, – тихо констатировал Гарри, и побитый молью тролль временно прекратил безжалостное избиение дубинкой незадачливого учителя балета, чтобы понаблюдать за происходящим. – Добби сказал, что нужно пройти мимо этой стены три раза и настойчиво думать о том, в чём есть потребность.

Они пошли сначала в одну сторону, как только сплошная стена закончилась, у окна, резко развернулись и направились в противоположную сторону – до вазы в человеческий рост. Рон от напряжения вытаращил глаза, Гермиона всё время что-то нашёптывала, а Гарри, сжав кулаки, смотрел перед собой.

«Нам нужно где-нибудь учиться сражаться... – думал он. – Только пусть у нас будет место для занятий... где-нибудь, где нас никто не найдёт...»

– Гарри! – внезапно воскликнула Гермиона после того, как они повернули в третий раз.

В стене появилась гладко отполированная дверь. Рон с опаской уставился на неё. Гарри протянул руку, взялся за медную ручку, потянул, открыл дверь и вступил в просторный зал, залитый колеблющимся светом факелов, таких же, которые освещали подземелья восемью этажами ниже.

У стен высились деревянные книжные шкафы, вместо стульев на полу лежали большие шёлковые подушки. В дальнем конце зала ряды полок были уставлены инструментами: всяческими хитроскопами, сенсорами секретности и стояло большое, треснутое Зерцало Напастей,¹⁴³ – именно оно в прошлом году висело в кабинете лжеМуди.

Подпиная ногой одну из подушек, Рон с энтузиазмом воскликнул:

– Пригодятся, когда займёмся Оглушающим заклинанием!¹⁴⁴

– Только посмотрите, какие здесь книги! – взволнованно прошептала Гермиона, проводя пальцами по корешкам массивных фолиантов в кожаных переплётах, – «Компендиум распространённых проклятий и противодействий»... «Обманник Тёмных искусств»... «Свод заклинаний самозащиты»... ого...¹⁴⁵

¹⁴³ 6 Sneakoscopes, Secrecy Sensors, Foe-Glass

¹⁴⁴ Stunning

¹⁴⁵ "Compendium of Common Curses and their Counter-Actions", "The Dark Arts Outsmarted", "Self-Defensive Spellwork"

С лицом, пылающим румянцем, она оглянулась на Гарри, и тот понял, что наличие сотен фолиантов, наконец, убедило Гермиону, что они на правильном пути.

– Гарри, как замечательно, здесь есть всё, что нам нужно!

Без лишних проволочек Гермиона вытащила с полки «Сглаз на дурной глаз»,¹⁴⁶ присела на ближайшую подушку и погрузилась в чтение.

Раздался осторожный стук в дверь. Гарри оглянулся. Появились Джинни, Лаванда, Парвати и Дин.

– Ух ты, – протянул Дин, увлечённо оглядываясь по сторонам, – а что здесь такое?

Гарри принялся объяснять, но прежде, чем успел закончить, подоспели новые люди, и пришлось начать сначала. К восьми часам все подушки были заняты. Гарри подошёл к двери и повернул торчавший в замке ключ. Раздался приятный внушительный щелчок, все повернулись к Гарри и стихли. Гермиона заложила страницу «Сглаза на дурной глаз» и отложила фолиант в сторону.

– Значит так, – слегка нервничая, начал Гарри, – это помещение, которое мы подыскили для занятий и, как видите... ээ... оно очень даже неплохое.

– Оно просто сказочное! – воскликнула Чоу, и с разных сторон донеслось одобрительное перешёптывание.

– Странное оно, – нахмурившись, оглянулся Фред. – Мы тут однажды прятались от Филча, помнишь, Джордж? Но тогда это была просто кладовка для метел.

– Эй, Гарри, а это что за штуки? – с дальнего конца зала выкрикнул Дин, указывая на хитроскопы и Зерцало Напастей.

– Распознаватели Тёмной магии, – пояснил Гарри и, переступая между подушками, подошёл ближе. – В основном, все они показывают, когда рядом Тёмные колдуны или враги, но слишком полагаться на них нельзя, их можно и одурачить...

Несколько секунд Гарри внимательно вглядывался в треснутое Зерцало Напастей: в глубине двигались тёмные фигуры, но все были ему незнакомы. Он повернулся к зеркалу спиной.

– Я тут подумал о том, чем мы должны заняться в первую очередь, и... нуу... – Гарри заметил поднятую руку, – Гермиона, что?

– Мне кажется, нам нужно выбрать главного, – откликнулась Гермиона.

– Гарри главный, – тут же сказала Чоу, глядя на Гермиону так, словно та была не в своём уме.

У Гарри ёкнуло сердце.

– Да, но, по-моему, нужно проголосовать за него как полагается, – невозмутимо продолжила Гермиона. – Так все формальности будут соблюдены, и у него будут все полномочия. Итак, кто считает, что главным среди нас должен быть Гарри?

Руки подняли все, включая Захарию Смита, хотя тот проголосовал без всякого энтузиазма.

– Ээ... спасибо большое, – Гарри почувствовал, что у него запылали щёки. – Гермиона, ну *что* ещё?

– Ещё я думаю, нам нужно выбрать себе название, – громко предложила она, не опуская руку, – это будет поддерживать в нас товарищеский дух и единство, как вы считаете?

– Можем назваться «Ассоциацией АнтиАмбридж»,¹⁴⁷ – блаженствуя, предложила Анджелина.

– Или «Фракцией Одурачивания Министерства Магии»,¹⁴⁸ – высказался Фред.

– По-моему, – нахмурилась на него Гермиона, – лучше назваться так, чтобы кто попало не догадался, что мы собой представляем, а мы могли бы спокойно пользоваться этим названием не только на собраниях.

– «Добровольческая Армия»?¹⁴⁹ – предположила Чоу. – Сокращённо «ДА», и никто не поймёт, о чём идёт речь.

– «ДА» – это хорошо, – согласилась Джинни, – только давайте назовёмся «Дамблдоровой Армией», потому что для Министерства это самый страшный ночной кошмар, как вам?

Предложение вызвало взрыв смеха и одобрительные возгласы.

– Все за «ДА»? – важно осведомилась Гермиона и на коленях привстала на подушке, чтобы подсчитать голоса. – Большинство. Предложение принято!

Она прикрепила лист пергамента со списком на стену и написала сверху большими буквами:

«ДАМБЛДОРОВА АРМИЯ»

– Ну ладно, – кивнул Гарри, когда Гермиона опять села, – начнём заниматься? Пожалуй, начать лучше с *Экспеллиармус*, как вы знаете, это Разоружающие чары. Я в курсе, что они довольно простые, но мне они очень пригодились...

– О, я тебя *умоляю*, – протянул Захария Смит, закатил глаза и сложил на груди ладони: – Вот уж не думаю, что *Экспеллиармус* нам поможет против Сами-Знаете-Кого.

– Именно им я против него и воспользовался, – спокойно ответил Гарри. – В июне это спасло мне жизнь.

У Смита отвисла челюсть. В комнате воцарилась полная тишина.

– Но если тебе кажется, что для тебя это слишком просто, можешь уйти, – предложил Гарри.

Смит не тронулся с места. Все остальные тоже.

– Вот и хорошо, – под этими взглядами во рту у Гарри пересохло, – предлагаю разбиться на пары и начать тренировку.

¹⁴⁷ Anti-Umbridge League

¹⁴⁸ Ministry of Magic are Morons Group

¹⁴⁹ Defence Association (так в оригинале – этимология: *Ulster Defence Association* ; при переводе использовано название другой ирландской террористической группировки *Ulster Volunteer Force*)

Раздавать приказы было очень странно, но не менее странно – видеть, как их исполняют. Все тут же встали и разбились по двое. Естественно, без пары остался Невилл.

– Будешь со мной заниматься, – сказал ему Гарри. – Итак, на счёт «три». Раз, два, три...

В зале тут же раздались выкрики «Expelliarmus!». Палочки разлетелись во все стороны, срикошетившие заклинания полетели в книги, сбрасывая их на пол. Гарри оказался куда проворнее Невилла, и палочка того вырвалась из руки, ударившись в потолок, рассыпала сноп искр и с грохотом приземлилась высоко на книжную полку, откуда Гарри достал её Манящими чарами. Оглянувшись по сторонам, он решил, что поступил правильно, предложив для начала заняться основами: заклинания мало кому удавались, кто-то вообще не смог разоружить противника, лишь заставил отступить на пару шагов, а то и просто вздрогнуть от слабого заклинания, просвистевшего мимо.

– *Expelliarmus!* – закричал Невилл, и у Гарри, пойманного врасплох, палочка улетела прочь.

– У МЕНЯ ПОЛУЧИЛОСЬ! – радостно заорал Невилл. – У меня раньше никогда не получалось... У МЕНЯ ПОЛУЧИЛОСЬ!

– Прекрасно! – ободряюще кивнул Гарри, решив не объяснять Невиллу, что в реальном бою противник вряд ли станет смотреть в противоположном направлении и держать палочку на отлёте. – Невилл, слушай, может, ты пару минут позанимаешься по очереди с Роном и Гермионой, чтобы я мог походить тут и посмотреть, как дела у остальных?

Гарри прошёл в центр комнаты. С Захарией Смитом что-то явно было не в порядке. Всякий раз, когда он открывал рот чтобы разоружить Энтони Голдштейна, его собственная палочка вылетала у него из рук, хотя Энтони при этом не произносил ни звука. Долго думать Гарри не пришлось: в нескольких футах за спиной у Смита стояли Фред и Джордж и по очереди направляли палочки тому в спину.

– Гарри, извини, – торопливо оправился Джордж, когда встретился с Гарри глазами, – удержаться было невозможно.

Гарри перешёл к другим парам, пытаясь исправлять тех, кто неправильно пользовался заклинанием. Джинни соревновалась с Майклом Корнером – заклинание она выполняла очень хорошо, а Майкл либо очень плохо, либо просто не хотел её огорчать. Эрни Макмиллан делал чересчур показушный замах, давая время партнеру пробить его защиту. Братья Криви выполняли всё с энтузиазмом, но хаотично, и в основном по их вине с книжных полок слетали книги. Луна Лавгуд, по своему обыкновению, то и дело сбивалась, иногда ей удавалось выбить палочку из рук Джастина Финч-Флетчли, а иногда только взъерошить ему волосы.

– Ладно, стоп! – крикнул Гарри. – *Смон!* СТОП!

«Мне нужен свисток», – подумал он и тут же увидел, что на ближайшей к нему книжной полке лежит свисток.

Он взял свисток и громко свистнул. Все опустили палочки.

– Всё неплохо, – заключил Гарри, – но определённо может быть и лучше, – при этих словах Захария Смит бросил на него яростный взгляд. – Попробуйте ещё раз.

Гарри опять принялся обходить комнату, останавливаясь то здесь, то там, и раздавая указания. Постепенно у всех стало получаться лучше.

Мимо Чоу и её подружки Гарри старался не проходить, но, сделав уже второй обход, почувствовал, что больше игнорировать их нельзя.

– О, нет! – подчеркнуто громко воскликнула Чоу, завидя его. – *Expelliarmious!* То есть, *Expellimellius!* Я... ой, извини, Мариэтта!

У её кудрявой темноволосой подружки загорелся рукав. Мариэтта потушила его своей палочкой и уставилась на Гарри так, словно в поджоге был виноват он.

– Я из-за тебя волнуюсь, до этого у меня всё хорошо получалось! – с сожалением протянула Чоу Гарри.

– Всё нормально, – солгал Гарри, но когда Чоу неподдельно удивилась, исправился: – Нет, ну сейчас было неважненько, но я знаю, что у тебя хорошо получается, я видел издали.

Чоу рассмеялась. Её подруга Мариэтта с неприязнью взглянула на них и отвернулась.

– Не обращай на неё внимания, – шепнула Чоу. – Она вообще не хотела сюда приходить, но я попросила – ради меня. Её родители категорически запретили ей мешать Амбридж. Понимаешь, у неё мама в Министерстве работает.

– А твои родители? – спросил Гарри.

– Ну, мне мои тоже запретили выступать против Амбридж, – гордо заявила Чоу, – но зря они надеются, что я не стану бороться с Сам-Знаешь-Кем после того, что случилось с Седриком...

Смутившись, она замолчала и наступила неловкая пауза. Мимо уха Гарри просвистела палочка Терри Бута и попала по носу Алисии Спиннет.

– А вот мой папа всегда одобряет все выступления против Министерства, – раздался за спиной у Гарри гордый голос Луны Лавгуд.

Очевидно, пока Джастин Финч-Флетчли пытался выпутаться из своей мантии, взлетевшей ему на голову, Луна подслушивала их разговор.

– Папа всегда говорит, что не верит ни единому слову Фаджа. Подумать только, сколько гоблинов убили по приказу Фаджа! Ему в департаменте Тайн готовят жуткие яды, которые он тайком скармливает всем, кто с ним не согласен, точно! А ещё этот его Кошмеватый Раносек...¹⁵⁰

– Никаких вопросов не задавай, – шепнул Гарри Чоу, едва та, недоумевая, открыла рот.

Чоу хихикнула.

– Эй, Гарри, – окликнула его Гермиона из противоположного конца комнаты, – ты за временем следишь?

Гарри взглянул на часы и с ужасом обнаружил, что уже десять минут десятого, а значит им немедленно нужно разбежаться по гостиным, иначе они рискуют попасться Филчу и

¹⁵⁰ Umgubular Slashkilter (slash – прорезь; рана, порез; вырубка (леса); kilter – исправность, порядок; kilt – килт)

заработать наказания за нарушение распорядка. Он дунул в свисток, все тут же прекратили орать «Expelliarmus» и на пол рухнули последние палочки.

– Неплохо, всё было неплохо, – заторопился Гарри, – но мы выбились из графика, нам пора расходиться. Здесь же, в это же время, на следующей неделе?

– Раньше! – нетерпеливо выкрикнул Дин Томас, и многие согласно закивали.

Но Анджелина тут же запротестовала:

– На носу открытие квиддичного сезона, нам и на тренировки нужно время!

– Тогда в следующую среду, вечером, – согласился Гарри. – Потом и договоримся о дополнительных встречах. Пошли, нам нужно спешить.

Он опять вытащил Карту Мародёра и тщательно изучил, нет ли на восьмом этаже преподавателей. Потом стал отправлять всех группами по трое и по четыре человека, с тревогой следя за их крошечными точками до тех пор, пока они благополучно не достигали спален: хаффлапфцы шли по подземному коридору, который вёл к кухням, рэйвенкловцы – в башню в западную часть замка, а гриффиндорцы – по коридору к портрету Полной Леди.

Когда, наконец, в зале остались только они трое, Гермиона выпалила:

– Гарри, всё прошло очень-очень здорово!

– Ага, точно! – с энтузиазмом подтвердил Рон, когда они уже вышли за дверь и смотрели, как дверь исчезает, сливаясь с камнем. – Гарри, ты видел, как я Гермиону разоружил?

– Только один раз, – уязвлённо заявила Гермиона. – У меня гораздо чаще получалось, чем у тебя...

– Ну уж не один раз, точно, по крайней мере раза три...

– Ага, если считать тот раз, когда ты в своих ногах запутался, упал и выбил палочку у меня из рук...

Они так и спорили всю дорогу до гостиной, но Гарри их не слушал. Одним глазом он поглядывал на Карту Мародёра, но всё время думал только о том, как Чоу сказала, что из-за него она волнуется.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЛЕВ И ЗМЕЙ

Следующие две недели душу Гарри грела тайна, словно талисман она хранила его на уроках Амбридж, и даже давала ему возможность вежливо улыбаться, глядя той в её гадкие выпученные глазки. Вместе с ДА Гарри нарушал порядки Амбридж прямо у неё под носом – занимался тем, чего Амбридж и Министерство боялись больше всего на свете, и, всякий раз на её уроках делая вид, что читает учебник Уилберта Слинкхарда, он развлекал себя приятными воспоминаниями о последних встречах, припоминая, как Невилл умудрился Разоружить Гермиону, как Колин Криви после трёх дней упорных занятий справился с Непролазным сглазом,¹⁵¹ как Парвати Патил произвела такое мощное Сокращательное проклятие,¹⁵² что развеяла по ветру стол, на котором лежали хитроскопы.

Точное расписание вечерних собраний составить не удавалось, потому что приходилось приспособливаться к квиддичным тренировкам трёх разных команд, которые часто переносили из-за плохой погоды, но Гарри об этом ничуть не сожалел – интуиция подсказывала ему, что только к лучшему, если собрания будут заранее не запланированными. Если за ними кто-нибудь следит, будет сложно уловить закономерность встреч.

Вскоре Гермиона придумала очень хитрый способ сообщать всем заговорщикам время и дату очередного собрания на случай внезапных изменений, чтобы не вызывать подозрений, если вдруг ученики разных Домов начнут слишком часто курсировать по Большому Залу и друг с другом переговариваться. Каждому из членов ДА она вручила фальшивый галлеон (когда Рон увидел корзину с монетами, он пришёл в сильное возбуждение, поскольку решил, что Гермиона и в самом деле раздаёт деньги).

– Видите цифры на ребре монеты? – в заключение четвёртого собрания принялась объяснять Гермиона, взяв для образца один галлеон. В свете факелов монета роскошно блеснула жёлтым. – На настоящих галлеонах здесь просто серийный номер того гоблина, что отлил монету. А на этих фальшивых монетах цифры будут меняться и показывать дату и время следующего собрания. Если время изменится, то монеты станут горячими, и если вы будете носить её в кармане, то почувствуете. Каждый возьмёт по одной и, когда Гарри определит время, то на своей монете он эти цифры заменит, а на ваши монеты они скопируются сами, потому что я наложила на них Протеевы чары.¹⁵³

¹⁵¹ 1 Impediment Jinx (impediment – преграда)

¹⁵² 2 Reductor Curse (reductio лат. – возвращение, приведение обратно; сведение более сложного к простому)

¹⁵³ 3 Protean Charm (protean – подобный Протею; изменчивый)

После слов Гермионы наступила полная тишина. Гермиона смущённо обвела всех взглядом.

– Ну, в общем... мне казалось, что это удачная идея, – растерянно сказала она, – Даже если Амбридж попросит нас вывернуть карманы, то ведь нет ничего подозрительного в том, что там у нас галлеон? Но... ладно, если вы не хотите ими пользоваться...

– Ты умеешь накладывать Протеевы чары? – поразился Тэрри Бут.

– Да, – кивнула Гермиона.

– Но это... это ведь уровень КРОТов, – выдавил он.

– О... ну да... – со скромным видом согласилась Гермиона, – ну да... вроде бы, да.

– А что же ты не в Рэйвенкло? – с плохо скрываемым изумлением спросил у неё Тэрри напрямик, – раз ты такая умная.

– Ну, Сортировочная Шляпа на церемонии чуть было не отправила меня в Рэйвенкло, – призналась Гермиона, – но, в конце концов, решила в пользу Гриффиндора. Значит, как я понимаю, галлеонами мы пользуемся?

Раздались одобрительные возгласы, и все потянулись к её корзине разбирать монеты. Гарри искоса взглянул на Гермиону.

– Знаешь, что это мне напоминает?

– Нет, а что?

– Метки Пожирателей Смерти. Волдеморт прикасается к метке у одного, и у всех метки начинают жечь, так они узнают, что он их зовёт.

– Ну... да, – шепнула Гермиона. – Этот способ меня и натолкнул на мысль... но, заметь, я же решила время на железках проставлять, а не на их коже.

– Угу... твой вариант мне больше нравится, – ухмыльнулся Гарри и сунул в карман свой галлеон. – Пожалуй, единственный минус в том, что вдруг кто-нибудь случайно им расплатится.

– Вряд ли, – тяжело вздохнул Рон, изучая свой фальшивый галлеон, – настоящих у меня всё равно нет, так что не перепутаю.

Приближался первый матч квиддичного сезона – Гриффиндор против Слизерина, Анджелина настояла на почти ежедневных тренировках, и собрания ДА временно откладывались. А то обстоятельство, что квиддичный кубок уже давно не разыгрывался, значительно подогревало интерес к предстоящей игре. Рэйвенкловцы и хаффлаффцы живо интересовались результатом, потому что в этом сезоне им ещё предстояло встретиться с обеими командами, за своих болели и главы Домов соперничающих команд, хоть и пытались благопристойно замаскировать это любовью к спорту вообще. Как жаждал проигрыша Слизерина профессор МакГонаголл, Гарри осознал, когда за неделю до матча она даже не стала задавать им задание на дом.

– Полагаю, вы сейчас и так слишком заняты, – покровительственно заметила она.

Все даже ушам своим не поверили, пока она не взглянула на Гарри и Рона в упор и не пояснила:

– Мальчики, я привыкла видеть квиддичный кубок в своём кабинете и у меня нет ни малейшего желания отдавать его в руки профессору Снейпу, так что воспользуйтесь дополнительным временем для тренировок, ясно?

Снейп был не менее предвзятым: он так часто оформлял заявки на квиддичное поле для тренировки слизеринцев, что у гриффиндорцев появились проблемы с тем, как туда попасть. Кроме того, он оставался глух к жалобам на то, что слизеринцы вне уроков пытаются накладывать заклятия на гриффиндорских игроков. Когда Алисия Спиннет очутилась в больничном крыле из-за того, что брови её так быстро разрастались, что мешали смотреть и даже лезли в рот, – Снейп отрезал, что по всей вероятности она применяла к себе Густовласые чары,¹⁵⁴ и отказался выслушать четырнадцать свидетелей, которые твердили ему, как видели слизеринского вратаря Майлза Блетчли, колдовавшего за спиной Алисии, пока та сидела в библиотеке.

Гарри к шансам Гриффиндора на победу относился с оптимизмом: в конце концов, никогда раньше команде Малфоя они не проигрывали. Конечно, пока ещё Рон уровня Вуда не достиг, но тренировался очень много. Его самым слабым местом была тенденция терять веру в себя после какой-нибудь грубой промашки: пропустив мяч, Рон начинал волноваться и делал ошибку за ошибкой. Но, с другой стороны, Гарри был свидетелем, как поистине эффектно Рон отражал нападения, когда был в форме: во время одной незабываемой тренировки Рон повис на метле на одной руке и так отбил ногой квоффл от колец, что тот пролетел через всё поле и угодил в центральное кольцо на противоположной стороне. Вся команда сочла, что такая защита ворот сравнима лишь с последней игрой вратаря ирландской сборной Барри Райана против польского супергончег Ладислава Замойски. Даже Фред сказал, что они с Джорджем могут Роном гордиться и всерьёз подумывают признать, что Рон приходится им родственником, каковой факт, по их уверениям, в течение четырёх лет они пытались отрицать.

Гарри заботило лишь одно: как близко к сердцу примет Рон уловки слизеринской команды сбить его с толку ещё на подходе к полю. Сам Гарри уже больше четырёх лет сносил их колкости вроде шепотков: «Эй, Потёртый, я слышал, как Уоррингтон поклялся в субботу сбить тебя с метлы» – такое его в ужас не приводило, а просто смешило.

– У Уоррингтона напроць сбит прицел, так что я буду больше переживать, если он станет метить в кого-нибудь неподалёку, – парировал он, смеша Рона и Гермиону и стирая улыбочку с лица Пэнси Паркинсон.

Но Рон такой целенаправленной кампании травли, насмешек и оскорблений никогда не подвергался. Поэтому, когда какие-то верзилы-слизеринцы с седьмого курса, проходя мимо в коридоре, шепнули Рону:

– Ты себе уже койку в больничном крыле заказал, а, Уизли?

Рон вместо того, чтобы рассмеяться, побледнел и заморгал.

А когда Дрэйко Малфой передразнивал, как Рон пропускает квоффл (а кривлялся Малфой всякий раз, как только оказывался в пределах Роновой видимости), уши Рона заливались ярко-алым цветом, а руки начинали трястись так, что из них всё валилось.

По завываниям порывистых ветров и уровню проливных дождей октябрь превзошёл сам себя. Затем подступил студёный ноябрь с крепкими утренними заморозками, ледяным дыханием обжигавший незащищённые руки и лица. Небеса на потолке Большого Зала стали бледными, жемчужно-серого оттенка, горы вокруг Хогвартса покрылись снегом, а температура в замке настолько упала, что многие в коридорах между уроками надевали плотные защитные перчатки из драконьей кожи.

В день матча утро выдалось безоблачным и холодным. Проснувшись, Гарри обнаружил, что Рон с ничего не выражающим взглядом напряжённо сидит на кровати, обхватив колени руками.

– С тобой всё нормально? – шепнул Гарри.

Рон молча кивнул. Гарри невольно вспомнил тот случай, когда Рон ненароком наложил на себя Слизнетворные чары:¹⁵⁵ тогда он был таким же бледным и потным и точно так же старался не открывать рот.

– Тебе просто нужно позавтракать, – подбодрил его Гарри. – Пойдём.

Когда они спустились на завтрак, в Большом Зале было уже не протолкнуться, состояние у всех было взвинченное, и разговоры шли на повышенных тонах. Когда друзья проходили мимо слизеринского стола, там началось оживление. Краем глаза Гарри отметил, что в дополнение к обычным зелёным с серебром шарфам и шляпам у всех висели серебряные значки в виде корон. Почему-то многие слизеринцы замахали Рону и громко засмеялись. По пути Гарри попробовал разглядеть, что же написано на значках, но его больше заботило, как побыстрее провести Рона мимо слизеринского стола, поэтому прочесть надписи он не успел.

За гриффиндорским столом, расцвеченным красно-золотыми одеждами, их ждал восторженный приём, но здравицы в их честь вместо того, чтобы поднимать боевой дух Рона, угнетали того до невозможности. Рон рухнул на скамью с краю с таким видом, словно ему предстояла последняя трапеза перед казнью.

– Наверное, я псих, раз пошёл на это, – шипло прошептал он. – *Псих*.

– Не валяй дурака, – твёрдо ответил Гарри, всучивая Рону овсяные хлопья. – У тебя всё будет хорошо. Нервничать это нормально.

– Я ничтожество, – прохрипел Рон, – полное. Не смогу играть, хоть убей. Ну что я себе думал?

– Возьми себя в руки, – строго приказал Гарри. – Вспомни, как лихо ты недавно отбил мяч, даже Фред и Джордж сказали, что это было шикарно.

Рон измученно взглянул на Гарри.

¹⁵⁵ в оригинале название французского города Dijon Хагрид произносит как Dee-John – "Проклятый Джон"

– Это была дурацкая случайность, – прошептал он с несчастным видом, – я сорвался с метлы, а никто из вас этого не видел. А когда пытался обратно взлезть, случайно пнул квоффл.

– Ладно, – Гарри быстро оправился от неприятной неожиданности, – вот ещё парочка таких несчастных случаев, и игра у нас в кармане, договорились?

Гермиона и Джинни, в красных с золотом шарфах, перчатках и с розетками, присели напротив.

– Ну, как чувствуешь себя? – поинтересовалась Джинни у Рона, который уставился в тарелку с молоком, куда так и не насыпал хлопьев, словно всерьёз намеревался там утопиться.

– Он просто нервничает, – пояснил Гарри.

– Это хорошо, это хороший признак, я всегда считала, что если совсем не нервничать, то экзамен удачно не сдашь, – искренне заявила Гермиона.

– Привет, – раздался за их спинами мечтательный рассеянный голос.

Гарри оглянулся – от стола Рэйвенкло подходила Луна Лавгуд. Посмотреть на неё обернулись почти все, а кое-кто уже показывал пальцем и смеялся в открытую: Луна умудрилась соорудить шляпу в виде головы льва в натуральную величину и чудом водрузила её себе на голову.

– Я болею за Гриффиндор, – Луна зачем-то показала пальцем на свою шляпу: – Смотрите, что она умеет...

Она достала палочку и дотронулась до шляпы. Шляпа широко разинула пасть и очень правдоподобно зарычала так, что все окружающие шарахнулись.

– Здорово, да? – жизнерадостно поинтересовалась Луна. – Я ещё хотела, чтобы она жевала змея, ну, как символ Слизерина, но у меня времени не хватило. В общем... желаю удачи, Рональд!

И Луна отчалила. Не успели ребята оправиться от шока, вызванного Луниной шляпой, как к ним подскочила Анджелина в сопровождение Кэти и Алисии, брови которой, благодаря стараниям мадам Помфри, уже благополучно вернули себе прежнюю длину.

– Когда вы будете готовы, – начала Анджелина, – то сразу отправляемся прямо к полю, проверим обстановку и будем переодеваться.

– Мы скоро придём, – заверил её Гарри, – Рон только начал завтракать.

Но через десять минут стало ясно, что Рон пищу принимать не в состоянии, и Гарри решил, что будет лучше отвести его в раздевалку. Как только они встали из-за стола, Гермиона тут же тоже вскочила и, взяв Гарри под руку, оттащила в сторону.

– Не давай Рону смотреть на слизеринские значки, – быстро шепнула она.

Гарри вопросительно взглянул на неё, но она предостерегающе замотала головой: к ним с потерянными и отчаявшимися видом брёл Рон.

– Рон, удачи тебе, – Гермиона встала на цыпочки и чмокнула его в щёку. – И тебе, Гарри...

Когда они пошли через Большой Зал, Рон слегка пришёл в себя. Он с озадаченным видом потрогал щёку, куда его поцеловала Гермиона, словно не в силах поверить тому, что только что произошло. Он-то был слишком занят, чтобы оглядываться по сторонам, но когда

они проходили мимо слизеринского стола, Гарри с любопытством взглянул на значки, напоминающие короны, и на этот раз разобрал слова, которые были там выгравированы:

«Уизли — наш бог»

С неприятным предчувствием беды он потянул Рона в коридор, вниз по каменным ступеням навстречу уличной стуже.

Пока они спускались по отлогому склону к стадиону, под ногами хрустела подмёрзшая трава. Ветра не было совсем, небо было затянуто жемчужно-белой пеленой, а это означало, что видимость будет хорошей, и солнце не будет слепить глаза. По дороге Гарри обращал внимание Рона на такие благоприятные факторы, но не был уверен, что Рон его слышит.

Когда они вошли в раздевалку, Анджелина, уже переодетая, разговаривала с остальными членами команды. Гарри и Рон натянули формы (Рон несколько минут пытался надеть её задом наперёд, пока Алисия не сжалась и не подошла ему помочь), потом сели и стали слушать наставления перед матчем, а шум голосов снаружи становился всё громче и громче, потому что на поле стали прибывать зрители из замка.

— Так вот, я только что узнала окончательный состав Слизерина, — Анджелина сверилась с пергаментом: — загонщики прошлого сезона Деррик и Боул ушли, но, похоже, Монтегю заменил их обычными гориллами, которые летать не умеют. Этих типов зовут Крэбб и Гойл, я мало что о них знаю...

— Мы знаем, — хором заявили Гарри с Роном.

— В общем, по ним не заметно, что они смогут отличить один конец метлы от другого, — Анджелина сунула пергамент в карман. — Но я всегда удивлялась, как Деррик и Боул могут найти дорогу к полю без посторонней помощи.

— Крэбб с Гойлом с того же дерева слезли, — заверил её Гарри.

Сверху доносился топот шагов зрителей, которые рассаживались на скамейки трибун. Некоторые пели, но слов Гарри разобрать не мог. Он начал нервничать, хотя понимал, что его дрожь ни в какое сравнение не идёт с паникой Рона: тот опять сидел как изваяние с мертвенно-бледным лицом, стиснув зубы и глядя перед собой в одну точку.

Анджелина посмотрела на часы:

— Пора, — чуть слышно произнесла она. — Поехали... удачи.

Все члены команды встали, разобрали мётлы и друг за другом стали выходить из раздевалки на дневной свет. Навстречу им понёсся приветственный рёв, сквозь который Гарри всё ещё разбирал пение, заглушаемое свистом и криками.

Слизеринская команда уже ждала на поле. У всех игроков тоже висели значки-короны. Новый капитан Монтегю был сложен так же, как и Дадли Дёрзли: его массивные ручки напоминали обросшие волосами окорока. Позади него тёрлись Крэбб с Гойлом, почти таких же габаритов, придурковато щурясь на дневном свету и помахивая новенькими битами. Чуть поодаль стоял Малфой, в его белокурых волосах отражался солнечный свет. Поймав взгляд Гарри, он ухмыльнулся и ткнул пальцем в прицепленный на груди значок-корону.

— Капитаны, пожмите друг другу руки, — скомандовала судья мадам Хуч.

Анджелина и Монтегю подошли друг к другу. Гарри показалось, что Монтегю решил сломать Анджелине пальцы, но та не дрогнула.

– Садитесь на мётлы...

Мадам Хуч сунула свисток в рот и дунула.

Мячи вырвались на свободу, и четырнадцать игроков взмыли в небо. Краем глаза Гарри заметил, как Рон стрелой полетел к воротам. Увернувшись от блаждера, Гарри круто забрал вверх и стал описывать широкие круги над полем, внимательно оглядываясь по сторонам в поисках золотых бликов. У противоположных трибун то же самое делал Малфой.

– И вот Джонсон... Джонсон с квоффлом, ну как же играет эта девушка! Я четыре года твержу ей об этом, но она не обращает на меня никакого внимания...

– ДЖОРДАН! – рявкнула профессор МакГонаголл.

– Просто для красного словца, профессор, небольшой оживляж, вот и всё... и вот она уворачивается от Уоррингтона, обходит Монтегю, и... оля-ля... получает удар сзади бладжером от Крэбба... Монтегю ловит квоффл, Монтегю берёт курс на противоположную половину поля и... впечатляющий удар бладжером от Джорджа Уизли, бладжер попадает в голову Монтегю, тот упускает квоффл, квоффл ловит Кэти Белл. Кэти Белл, Гриффиндор, делает пас назад Алисии Спиннет и Спиннет сразу набирает скорость...

Комментарий Ли Джордана разносился над стадионом, и Гарри напряжённо прислушивался к нему сквозь свистящий в ушах ветер, гудки, свист и пение публики.

– ...Обходит Уоррингтона, уворачивается от блаждера... напряжённая ситуация... и публика на трибунах наслаждается моментом, только послушайте их, что там они поют?

Тут Ли, прислушиваясь, сделал паузу, и со стороны расцвеченных зелёным и серебряным слизеринских трибун громко и отчётливо донеслась речёвка:

Уизли полный дурачок,
На кольцах спит он как сурок,
И Слизерин поёт стишок:
Уизли – наш бог.

Воняет Уизли как горшок,
Ни разу квоффл поймать не мог.
Весь Слизерин трубит в рожок:
Уизли – наш бог.

– ...И Алисия отдаёт пас назад Анджелине! – заорал Ли.

Гарри понял, что Ли пытается заглушить слова речёвки, сам он от услышанного вскипел и заложил крутой вираж.

– Вот Анджелина рвётся вперёд... Ну, давай же, Анджелина... похоже она направляется прямо на вратаря и будет делать бросок!.. ОНА БРОСАЕТ... ОНА... ааа...

Блетчли, вратарь Слизерина, поймал мяч. Он бросил квоффл Уоррингтону, тот рванул с ним прочь, виляя между Алисией и Кэти, и по мере того, как он подлетал всё ближе и ближе к Рону, речёвка снизу становилась всё громче и громче.

Уизли – наш бог.
Уизли – наш бог.
Ни разу квоффл поймать не мог
Уизли – наш бог.

Гарри не сдержался – забыв про поиск снитча, он развернулся, чтобы посмотреть на Рона: его одинокая фигурка металась у трёх колец в дальнем конце поля, в то время как навстречу ей мчался массивный Уоррингтон.

– ...И вот квоффл у Уоррингтона, Уоррингтон стремится вперёд, он ушёл от бладжера и выходит один на один с вратарём...

Снизу, с трибун Слизера нарастал рёв:

Уизли полный дурачок,
На кольцах спит он как сурок...

– ...И вот оно... первая проверка нового гриффиндорского вратаря Уизли, брата загонщиков Фреда и Джорджа, перспективного, талантливого новичка в команде... давай, Рон!

Но со стороны Слизера донёлся вопль восторга: Рон, сбитый с толку, спикировал с широко расставленными руками, и квоффл пролетел между ними точно в центральное кольцо.

– Слизерин выходит вперёд! – среди аплодисментов и улюлюканья снизу донёлся голос Ли. – Итак, десять-ноль в пользу Слизера... не повезло Рону.

Слизеринцы запели ещё громче:

ВОНЯЕТ УИЗЛИ КАК ГОРШОК
НИ РАЗУ КВОФФЛ ПОЙМАТЬ НЕ МОГ...

– ...И Гриффиндор отходит на позиции, вот подаёт Кэти Белл... – героически вопил Ли, но пение стало таким оглушительным, что он едва ли слышал сам себя.

ВЕСЬ СЛИЗЕРИН ТРУБИТ В РОЖОК:
УИЗЛИ – НАШ БОГ...

– Гарри, ТЫ ЧЕМ ЗАНИМАЕШЬСЯ? – заорала Анджелина, пролетая мимо следом за Кэти. – ДАВАЙ ШЕВЕЛИСЬ!

Гарри осознал, что уже больше минуты неподвижно висит в воздухе, следя за ходом игры и забыв о поисках снитча. Он припёр в ужас, спикировал ниже и вновь стал кружить над полем, озираясь вокруг и пробуя не обращать внимания на рёв, заполняющий стадион:

УИЗЛИ – НАШ БОГ,

УИЗЛИ – НАШ БОГ...

Нигде не было и следа снитча. Малфой тоже описывал круги над стадионом. Направляясь в противоположных направлениях, они встретились у центральной линии поля, и Гарри услышал, как Малфой громко распевает:

ВОНЯЕТ УИЗЛИ КАК ГОРШОК...

– ...И вот опять Уоррингтон, – кричал Ли, – ...он отдаёт пас Пьюси, Пьюси обходит Спиннет, давай, Анджелина, ты можешь задержать его... нет, видимо не можешь... но какой великолепный бладжер от Фреда Уизли, я хотел сказать от Джорджа Уизли, о, да какая разница, в общем от одного из них, и Уоррингтон теряет квоффл, а Кэти Белл... ээ... тоже теряет его... теперь квоффл у Монтегю, капитан Слизерина Монтегю владеет квоффлом и идёт в атаку, ну же, Гриффиндор, блокируйте его!

Гарри стремительно полетел в противоположный конец стадиона, за кольца Слизерина, не желая видеть того, что будет происходить у колец Рона. Пролетая мимо слизеринского вратаря, он услышал, как Блетчли вторит толпе внизу:

УИЗЛИ ПОЛНЫЙ ДУРАЧОК...

– ...Пьюси опять обходит Алисию и рвётся к кольцам, останови его, Рон!

Гарри даже не пришлось смотреть, что произошло, потому что с гриффиндорских трибун раздался страшный стон, а со стороны слизеринских – аплодисменты и новый взрыв ликования. Бросив взгляд вниз, Гарри увидел, как Пэнси Паркинсон с лицом мопса стоит у ограждения трибуны и дирижирует слизеринскими болельщиками. Те орали:

И СЛИЗЕРИН ПОЁТ СТИШОК УИЗЛИ – НАШ БОГ.

Счёт «двадцать-ноль» – ещё не конец, у Гриффиндора ещё есть время отыграться или поймать снитч. Несколько голов, и они, как обычно, выйдут вперёд, – заверил себя Гарри и метнулся между игроками вдогонку за чем-то блестящим, но это оказался лишь браслет часов Монтегю.

Однако Рон пропустил ещё два гола. Желание Гарри отыскать снитч уже граничило с паникой. Только бы поскорее найти его и срочно закончить эту игру.

– ...Вот Кэти Белл из Гриффиндора обходит Пьюси, подныривает под Монтегю, прекрасный манёвр, Кэти, она отдаёт пас Джонсон, Анджелина Джонсон с квоффлом, она проходит Уоррингтона... приближается к кольцам, ну, давай, Анджелина... ГРИФФИНОР ЗАБИВАЕТ ГОЛ! Сорок-десять в пользу Слизерина и квоффл у Пьюси...

Среди восторгов гриффиндорцев Гарри различил рык нелепой шляпы-льва Луны и приободрился: только тридцать очков, всего ничего, и можно будет отыграться. Гарри

увернулся от блаждера, который метнул в него Крэбб, и вновь начал отчаянно высматривать снитч на поле, одним глазом посматривая на Малфоя, на случай если окажется, что тот его уже обнаружил, но Малфой точно так же, как и Гарри, пока безрезультатно кружил над стадионом...

— ...Пьюси пасует Уоррингтону, Уоррингтон Монтегю, Монтегю отдаёт назад Пьюси, Джонсон делает перехват, квоффл у Джонсон, Джонсон отдаёт пас Белл, замечательно... я хотел сказать, ужасно... бладжер Гойла из Слизерина попадает в Белл... мяч опять у Пьюси...

ВОНЯЕТ УИЗЛИ КАК ГОРШОК
НИ РАЗУ КВОФФА ПОЙМАТЬ НЕ МОГ
ВЕСЬ СЛИЗЕРИН ТРУБИТ В РОЖОК...

И вдруг Гарри увидел: крошечный золотой снитч трепетал крылышками всего в футах от земли на слизеринской половине поля.

Гарри спикировал...

В ту же секунду мимо него зелёным с серебром пятном, прижавшись всем телом к метле, пронёсся вниз Малфой...

Снитч обогнул опору одного из колец и стремительно направлялся к противоположной стороне поля — такая смена траектории была на руку Малфоем, который теперь оказался ближе. Гарри круто развернул свой «Всполох» и они с Малфоем помчались голова к голове.

В нескольких футах от земли Гарри оторвал от метлы правую руку, стал тянуться за снитчем... справа от него протянулась рука Малфоя, уже нацупывая...

Через две отчаянных, пронизанных ветром и перехватывающих дыхание секунды всё закончилось — пальцы Гарри сомкнулись вокруг крошечного, вырывающегося шарика... ногти Малфоя в отчаянии царапнули тыльную сторону Гарриной руки... Сжимая в руке трепыхавшийся снитч, Гарри направил метлу вверх, и гриффиндорские болельщики взорвались громом аплодисментов...

Спасены, и не важно, что Рон пропустил голы, раз Гриффиндор победил, то об этом никто и не вспомнит...

БУХ.

Бладжер угодил Гарри прямо в поясницу и выбил с метлы. К счастью, всё произошло в пяти-шести футах от земли — так низко пришлось спикировать за снитчем, — но всё равно, когда Гарри рухнул навзничь на промёрзшее поле, от боли перехватило дыхание. Он разобрал пронзительный свист мадам Хуч, шум с трибун, состоящий из гудков, возгласов досады, насмешек, потом топот и отчаянный призыв Анджелины:

— Всё нормально?

— Конечно, — мрачно ответил Гарри, берясь за её протянутую руку и позволив поднять себя на ноги.

Мадам Хуч полетела к одному из слизеринских игроков, но отсюда не было видно — к кому.

– Это тот гад Крэбб! – разгневанно воскликнула Анджелина. – Это он, как увидел, что ты поймал снитч, залепил в тебя бладжером... но мы выиграли, Гарри, мы выиграли!

Гарри услышал, как кто-то фыркнул у него за спиной – он обернулся, всё ещё сжимая снитч в кулаке: рядом приземлился Дрэйко Малфой. Бледный от бешенства, Дрэйко всё равно съязвил:

– Спас шкуру Уизли, да? – бросил он Гарри. – В жизни не видел такого бездарного вратаря... да ещё *воняет как горшок* ... Слышал мои стихи, Поттер?

Гарри промолчал. Отвернувшись, он увидел, что все остальные члены его команды один за другим приземляются, воняют от восторга и потрясают кулаками в воздухе – все, кроме Рона, который слез с метлы у стоек колец и в одиночку понуро поплёлся в раздевалку.

– Мы хотели написать ещё пару куплетиков! – крикнул Малфой, когда Кэти и Алисия обняли Гарри. – Но не смогли рифму подобрать к словам «толстая» и «жуткая»... хотели о его мамочке ещё спеть...

– Что, продул, теперь локти кусаешь? – Анджелина с отвращением взглянула на Малфоя.

– ...А ещё «лопух никчёмный», это про его папашу, если кто не понял...

Поняли Фред и Джордж. Застыв на полдороги с протянутыми к Гарри руками для рукопожатия, они повернулись к Малфою.

– Оставьте его! – Анджелина тут же вцепилась в руку Фреда. – Да плюнь на него, Фред, пусть верещит, он проиграл, а теперь бесится, выскочка убогий...

– ...А тебе же нравятся Уизли, да, Поттер? – презрительно усмехнулся Малфой. – Ты у них каникулы проводишь, да? Представить не могу, как ты в такое дерьмо вляпался, наверное, твои магглы тебя так достали, что и вонища в сарае Уизли сойдёт...

Гарри быстро схватил Джорджа. Чтобы не дать Фреду прыгнуть на откровенно издевающегося Малфоя, понадобились совместные усилия Анджелины, Алисии и Кэти. Гарри оглянулся в поисках мадам Хуч, но она всё ещё отчитывала Крэбба за то, что тот вне игры отбил бладжер.

– Или может, – Малфой отошёл немного и бросил на Гарри злобный взгляд, – ты припоминаешь, как воняло в доме твоей мамаша, а, Поттер, и свинарник Уизли тебе это напоминает?..

Гарри не заметил, как выпустил Джорджа, только понял, что секунду спустя они уже рванули к Малфою. Гарри совсем забыл, что на них смотрят все преподаватели: единственное, чего он жаждал – врезать Малфою как можно сильнее. Не тратя время на то, чтобы выгащить палочку, он просто размахнулся и всадил кулаком со снитчем Малфою прямо в живот.

– Гарри! ГАРРИ! ДЖОРДЖ! НЕТ!

Гарри слышал пронзительные крики девочек, вопли Малфоя, захлёбывающуюся брань Джорджа и рёв трибун вокруг, но это его не заботило. Он избивал Малфоя куда придётся, не отдавая себе отчёта в том, что делает, пока кто-то рядом не воскликнул «*Impedimenta!*» и мощное заклинание не свалило его с ног.

– Да что же вы творите? – заорала мадам Хуч, как только Гарри вскочил на ноги.

Похоже, именно она бросила Непролазный сглаз – в одной руке у неё был свисток, а в другой палочка, метла её валялась в нескольких футах позади. Малфой со стонами и соплями скрючился на земле, из носу у него текла кровь, у Джорджа распухла губа, Фреда всё ещё силком держали трое гончих, а на заднем плане похихикивал Крэбб.

– В жизни такого хулиганства не видела... отправляйтесь в замок, оба, прямо к главе вашего Дома! Живо! Сейчас же!

Гарри и Джордж круто развернулись и направились с поля, оба тяжело дыша и не произнося ни слова. Вой и улюлюканье с трибун становились всё тише и тише, и только когда они вошли в вестибюль, где не слышно было ничего кроме звука их собственных шагов, Гарри почувствовал, что в его правой руке, которую он распахнул об челюсть Малфоя, что-то бьётся. Опустив глаза, он увидел, что между пальцами торчат серебряные крылышки рвущегося на свободу снитча.

Они как раз подошли к двери кабинета профессора МакГонаголл, когда сзади раздались её шаги. Мертвенно-бледная, профессор МакГонаголл нагнала их и рывком сорвала с себя гриффиндорский шарф.

– Вперёд! – рявкнула она, указав на дверь.

Гарри и Джордж вошли. Профессор МакГонаголл обогнула свой стол, развернулась и, дрожа от бешенства, швырнула гриффиндорский шарф на пол.

– Ну-у? – начала она. – Никогда такого отвратительного зрелища не видела. Двое на одного! В чём дело?!

– Малфой нас спровоцировал, – натянуто начал Гарри.

– Спровоцировал? – закричала профессор МакГонаголл и стукнула кулаком по столу так, что её жестяная коробка в шотландскую клетку с грохотом покатилась на пол, раскрылась и усыпала всё вокруг имбирными тритонами. – Да ведь он же проиграл! Конечно, он захотел вас спровоцировать! Но что такого, скажите на милость, он мог сказать, что бы оправдало ваше...

– Он моих родителей оскорбил, – огрызнулся Джордж. – И мать Гарри.

– Но вместо того, чтобы дождаться мадам Хуч и разобраться, вы оба решили устроить магловскую дуэль, да? – взвилась профессор МакГонаголл. – Да что вы себе думали?..

– Кхм, кхм.

Гарри и Джордж разом обернулись. В дверях стояла Долорес Амбридж, наряжённая в зелёный твидовый плащ, который ещё больше увеличивал её сходство с гигантской жабой, и мерзко, слащаво, угрожающе улыбалась таким манером, который Гарри уже привык связывать с неминуемым наказанием.

– Могу я помочь, профессор МакГонаголл? – своим самым ядовитейше-сладким голоском поинтересовалась профессор Амбридж.

К лицу профессора МакГонаголл прихлынула кровь.

– Помочь? – натянуто повторила она. – Как вы предполагаете помочь?

Профессор Амбридж шагнула в кабинет, по-прежнему слащаво улыбаясь.

– Я всего лишь подумала, что вам не помешала бы помощь человека, наделённого некоторыми дополнительными полномочиями.

Если бы сейчас из ноздрей профессора МакГонаголл полыхнуло пламя, Гарри не удивился бы.

– Вы неправильно подумали, – она повернулась к Амбридж спиной. – Значит так, вы оба, слушайте меня внимательно. Мне безразлично, каким образом Малfoy вас провоцировал, мне безразлично, оскорблял ли он пусть даже каждого члена ваших семей, но ваше поведение было отвратительным, и каждый из вас получает по неделе взысканий! И не нужно так смотреть на меня, Поттер, вы этого заслуживаете! И если один из вас, когда-либо...

– Кхм, кхм.

Профессор МакГонаголл прикрыла глаза, словно молясь о ниспослании ей терпения, а потом опять повернулась к профессору Амбридж.

– Да?

– Я полагаю, они заслуживают гораздо большего, чем взыскание, – ещё шире улыбнулась Амбридж.

Глаза профессора МакГонаголл широко раскрылись.

– Но, к сожалению, Долорес, – она попыталась улыбнуться в ответ, но с такой гримасой, словно у неё свело судорогой челюсти, – в данном случае будет так, как полагаю я, потому что они в моём Доме.

– Замечательно. *А теперь*, Минерва, – Амбридж растянула губы в улыбке, – вы поймёте, что всё-таки будет *именно так*, как полагаю я. Ну, где же оно? Корнелиус только что прислал... Я хотела сказать... – роясь в сумочке, она притворно хихикнула, – *министр* только что прислал... ах, вот...

Она вытащила пергамент, развернула и перед тем, как зачитать, нарочито прокашлялась:

– Кхм, кхм... «Декрет об Образовании номер двадцать пять».

– Только не это! – негодуя воскликнула профессор МакГонаголл.

– Ну вот, – по-прежнему улыбаясь, продолжила Амбридж, – а ведь именно вы, Минерва, навели меня на мысль о том, что нам *необходимы* дальнейшие коррективы... Припоминаете, как вы проигнорировали меня, когда я протестовала против воссоздания гриффиндорской квиддичной команды? Как вы обратились с этим к Дамблдору, и он настоял, чтобы команде разрешили играть? Но так просто я бы этого не оставила. И сразу обратилась к министру, он полностью согласился со мной в том, что Главный Дознаватель должен обладать полномочиями лишать воспитанников привилегий, иначе у него – то есть у меня – полномочий будет меньше, чем у обычных преподавателей! Теперь понимаете, Минерва, как я была права, пытаясь препятствовать воссозданию гриффиндорской команды? Выходки просто *отвратительные* ... так вот, я хотела зачитать нашу поправочку... кхм, кхм ... «Впредь Главный Дознаватель получает исключительные полномочия над всеми взысканиями, санкциями, лишением привилегий по отношению ко всем ученикам Хогвартса и полномочия изменять таковые взыскания, санкции и лишения привилегий, даже наложенные другими членами персонала. Подписано: Корнелиус Фадж, министр магии, кавалер Ордена Мерлина первого класса, и так далее, и так далее...»

Не прекращая растягивать рот в улыбке, она свернула пергамент и сунула его в сумочку.

– Значит так... Теперь я, несомненно, обязана запретить этим двоим играть в квиддич навсегда, – она перевела глаза с Гарри на Джорджа и обратно.

Гарри почувствовал, как отчаянно забился в его руке снитч.

– Запретить нам? – повторил он, и ему показалось, что голос его звучит словно издалека. – Играть... навсегда?

– Да, мистер Поттер, я считаю, что бессрочный запрет станет выходом из создавшейся ситуации, – при взгляде на Гарри, тщетно пытающегося осознать услышанное, улыбка Амбридж стала ещё шире. – Для вас и мистера Уизли. И я считаю, что в целях безопасности и близнец этого молодого человека тоже должен быть отстранён, потому что если бы другие члены команды не остановили его, не сомневаюсь, он тоже набросился бы на юного мистера Малфоя. Я собираюсь конфисковать у них метлы, разумеется, они будут в сохранности в моём кабинете, конфисковать за тем, чтобы быть уверенной, что мой запрет не будет нарушен никоим образом. Но я не самодур, профессор МакГонаголл, – она повернулась к профессору МакГонаголл, которая смотрела на неё недвижимо, словно ледяная статуя, – прочие члены команды могут продолжать играть, никаких признаков насилия с их стороны я не видела. Ну... приятного вам дня.

И с высшей степени удовлетворённым видом Амбридж удалилась из кабинета, где воцарилась гробовая тишина.

* * *

– Запретить, – упавшим голосом повторила Анджелина в гостиной вечером того же дня. – *Запретить*. Ни искателя, ни загонщиков... и что же, интересно, нам делать?

О сегодняшней победе не было и речи. Куда бы Гарри ни взглянул, всюду он наткнулся на печальные и рассерженные лица: вся команда уныло сидела у камина, вся, кроме Рона, которого после окончания матча никто не видел.

– Это же так несправедливо, – в оцепенении проговорила Алисия. – Вот как насчёт Крэбба с бладжером, который он запустил в Гарри после свистка? *Ему* она запретила?

– Нет, – удручённо ответила Джинни; они с Гермионой сидели по обе стороны от Гарри. – Ему всего-навсего задали нотацию писать, я слышала, как Монтегю за ужином над этим потешался.

– А Фреду запретила, хотя он вообще ничего не сделал! – Анджелина зло хлопнула себя кулаком по колену.

– Это не моя заслуга, что я ничего не сделал, – со злобещим лицом произнёс Фред. – Я бы этого маленького засранца в порошок стёр, если бы вы трое меня не держали.

Гарри горько смотрел в тёмное окно. Пошёл снег. Снитч, который он поймал днём, сейчас наматывал крути по гостиной, все машинально следили за ним, а Косолап прыгал с кресла на кресло, пытаясь его поймать.

– Я пошла спать, – Анджелина медленно поднялась на ноги. – Может, это всё просто дурной сон... может, завтра я проснусь и пойму, что мы вовсе и не играли...

Вскоре за ней последовали Алисия и Кэти. После них в спальню отправились Фред с Джорджем, бросив на прощанье хмурые взгляды, а потом ушла и Джинни. У камина остались сидеть только Гарри и Гермиона.

– Ты Рона видел? – тихо спросила Гермиона.

Гарри отрицательно покачал головой.

– Похоже, он нас избегает, – заметила Гермиона. – Как думаешь, где он?..

Но в тот же самый момент сзади них раздался скрип, Полная Леди отодвинулась, и в проход за портретом пролез Рон.

Он был бледным как полотно, волосы были запорошены снегом. Завидев Гарри и Гермиону, он встал как вкопанный.

– Ты где был? – взволнованно спросила Гермиона и вскочила на ноги.

– Гулял, – пробормотал Рон.

На нём всё ещё была квиддичная форма.

– Ты же замёрз, – всполошилась Гермиона. – Иди сюда и садись!

Рон подошёл к камину и, не глядя на Гарри, опустился в самое дальнее от него кресло. Над их головами порхал похищенный снитч.

– Извини, – прошептал Рон, глядя в пол.

– За что? – удивился Гарри.

– За то, что я думал, что могу играть в квиддич, – пояснил Рон. – Завтра первым делом пойду отказываться от членства в команде.

– Если ты откажешься, – раздражённо бросил Гарри, – то в команде останется только три игрока, – увидев, как озадачился Рон, он добавил: – Мне запретили навсегда. И Фреду с Джорджем тоже.

– Ка-ак? – ошалел Рон.

Гермиона поведала ему историю с начала до конца – Гарри не в состоянии был повторять. К концу её рассказа вид у Рона стал просто убитым.

– Это всё из-за меня...

– Ты же не *заставлял* меня бить Малфоя, – сердито заметил Гарри.

– ...Если бы я так плохо не играл в квиддич...

– ...Это здесь ни при чём.

– ...Меня эта речёвка добила...

– ...Это кого хочешь добило бы.

Гермиона встала и подошла к окну, подальше от спора, наблюдая, как за стеклом кружится снег.

– Слушай, кончай уже, ладно! – вспыхнул Гарри. – И так плохо, так ещё ты тут ноешь!

Рон промолчал, не сводя затравленного взгляда с мокрых пол своей мантии. А потом уныло сказал:

– Мне никогда в жизни так плохо не было.

– Добро пожаловать в клуб, – горько бросил Гарри.

– Слушайте, – дрогнувшим голосом позвала Гермиона. – Кажется, у меня есть кое-что, что вас обоих развеселит.

– Да ну? – скептически отозвался Гарри.

– Точно, – Гермиона отвернулась от чёрного как смоль, со снежными крапинками окна и на лице у неё заиграла улыбка: – Хагрид вернулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

РАССКАЗ ХАГРИДА

Гарри рванул в спальню мальчиков, чтобы взять из сундука плащ-невидимку и Карту Мародёра: он обернулся так быстро, что они с Роном не меньше пяти минут сидели как на иголках, пока Гермиона не вылетела из спальни девочек в шарфе, перчатках и одной из своих кособоких эльфовых шапок.

Рон нетерпеливо поцокал языком.

– Но ведь там же холодно! – в оправдание воскликнула Гермиона.

Ребята пробрались в проход за портретом и поспешно накрылись плащом – Рон так вырос, что ему пришлось пригнуться, чтобы спрятать ноги – после чего, передвигаясь медленно и осторожно, они спустились по многочисленным лестницам, периодически останавливаясь, чтобы свериться с Картой: нет ли поблизости Филча или Миссис Норрис. Всё складывалось благополучно, по дороге им встретился только Почти Безголовый Ник, который скользнул мимо, меланхолично бубня что-то ужасно напоминавшее «Уизли – наш бог». Они прокрались через вестибюль и оказались в тихом, заснеженном дворе. Гарри с замиранием сердца увидел вдали маленькие золотистые квадратiki света и струйку дыма, выходящую из дымохода хижины Хагрида. Он припустил вперёд, и двум другим пришлось, толкаясь, болтаться следом. Они суетливо прохрустели по плотному снегу и, наконец, добрались до грубо сколоченной входной двери. Гарри выпростал руку и три раза стукнул кулаком, тут же внутри залилась лаем собака.

– Хагрид, это мы! – позвал Гарри через замочную скважину.

– Дык понял уже! – раздался грубоватый голос.

Ребята под плащом, просияв, переглянулись: по голосу Хагрида было ясно, что он рад.

– Ну я тока три секунды, как приехал... отвали, Клык... да *отвали*, сонная псина...

Отодвинулся засов, дверь, скрипнув, отворилась, и в проёме показалась голова Хагрида.

Гермиона вскрикнула.

– Ну, Мерлин в бороду, ша! – поспешно шикнул Хагрид, таращась поверх их голов. – Вы никак под тем плащом, ага? Ну, заходите, заходите!

– Ой, какой ужас! – выдохнула Гермиона, как только они втроём протиснулись мимо Хагрида в хижину и стащили плащ, чтобы он мог их видеть. – Я прямо... ох, Хагрид!

– Да ничё, ничё! – Хагрид торопливо отнекивался, закрывая за ними дверь и быстро задёргивая все занавески, но Гермиона не спускала с него испуганного взгляда.

В волосах Хагрида запутались сгустки запёкшейся крови, левый глаз заплаыл и превратился в узкую щёлочку в центре густо-фиолетового синяка. На лице и руках – куча царапин, некоторые до сих пор кровоточили, а двигался он с такой осторожностью, что Гарри волей-неволей заподозрил сломанные рёбра. Несомненно, Хагрид приехал только что: его плотный чёрный дорожный плащ висел на спинке стула, а у стены рядом с дверью стоял рюкзак, такой огромный, что в него поместилось бы несколько маленьких детей. Хагрид,

который и сам был вдвое крупнее обычного человека, подхромал к очагу и поставил на огонь медный чайник.

Клык скакал вокруг, пытаясь облизнуть ребятам лица.

– Что с тобой произошло-то? – потребовал ответа Гарри.

– Ну сказал же, ничё, – твёрдо отрезал Хагрид. – Чайку будете?

– Да брось, – воскликнул Рон, – видок у тебя что надо!

– Я ж сказал, всё путём, – Хагрид выпрямился и с сияющим видом повернулся к ним, но тут же поморщился. – Эка я рад вас троих видеть опять... как лето провели, а?

– Хагрид, да на тебя же напали! – возмутился Рон.

– Ну дык последний раз говорю, ничё! – непреклонно обрубил Хагрид.

– Ты бы сказал, мол, ничего-ничего, если бы кто-нибудь из нас появился с фунтом фарша вместо лица? – настойчиво продолжил Рон.

– Хагрид, тебе нужно к мадам Помфри, – озабоченно сказала Гермиона, – некоторые царапины совсем неважно выглядят.

– Сам разберусь, лады? – с нажимом заявил Хагрид.

Он подошёл к огромному, грубо сколоченному столу, стоявшему в центре хижины, и сдёрнул с него лежавшее там кухонное полотенце. Под полотенцем обнаружился кусок сырого мяса, кровавый с зеленоватым отливом, величиной чуть побольше среднего размера автомобильной покрышки.

– Хагрид, ты же есть его не будешь? – Рон подался поближе. – Выглядит оно премерзко.

– Эт оно только с виду так. Эт мясо дракона, – пояснил Хагрид, – а кушать его я и не думал.

Он взял мясо и приплёпнул его на левую половину лица. На бороду ему потекла зеленоватая кровь, и Хагрид удовлетворённо замычал:

– Вот так оно лучше. Жжётся, но, вишь, помогает.

– Ну, ты собираешься рассказывать, что с тобой приключилось? – поинтересовался Гарри.

– Гарри, не могу я. Тайна это большая. Да провалиться мне на месте, ежели расскажу.

– Хагрид, тебя великаны избили? – тихо спросила Гермиона.

Хагрид выронил драконье мясо, и оно с хлопаньем поползло ему на грудь.

– Великаны? – повторил Хагрид, словив мясо прежде, чем оно достигло живота. – Кто чего ляпнул про великанов? Кто сболтнул? Кто сказанул, что я... ляпнул, где я был... э?

– Мы догадались, – сконфуженно пояснила Гермиона.

– Ох, как эт догадались-то, как? – Хагрид сурово посмотрел на неё тем глазом, который не был прикрыт мясным пластом.

– Ну, это в общем-то... само собой разумеется, – ответил Рон.

Гарри кивнул.

Хагрид смерил их взглядом, потом фыркнул, бросил кусок мяса на стол и шагнул к засвистевшему чайнику.

– Никогда не видал таких детишек как вы трое, вот уж лезут не в своё дело, – ворчал он, плеская кипятком по трём ведёрным кружкам. – Эт я не хвалю вас, и не мечтайте. Носы у кого-то слишком длинные. Чересчур.

Но борода его подрагивала.

– Значит, ты должен был разыскать великанов? – хмыкнул Гарри, садясь за стол.

Хагрид поставил перед каждым из ребят по кружке чая, опять взял мясо и прищёпнул его к лицу.

– Ну, лады, – буркнул он, – а то.

– И ты их нашёл? – сдавленно спросила Гермиона.

– Дык найти-то их несложно, чего уж тут, – пожал плечами Хагрид. – Они ж большие, знамо дело.

– А они где? – осведомился Рон.

– В горах, – неопределённо ответил Хагрид.

– Ну а почему маглы их не находят?..

– Находят, – угрюмо буркнул Хагрид. – Потом говорят, что, мол, помер альпинистушка от несчастного случая в горах, слышали?

Он пододвинул кусок мяса так, чтобы тот прикрыл самые впечатляющие синяки.

– Хагрид, ну давай, рассказывай, что с тобой стряслось! – воскликнул Рон. – Расскажешь нам про то, как дрался с великанами, тогда Гарри расскажет тебе, как на него напали дементоры...

Хагрид одновременно фыркнул в кружку и уронил мясо: на стол брызнула волна слюны, чая и драконьей крови, потому что Хагрид поперхнулся и закашлялся, а пласт мяса с мягким «плюх» сполз на пол.

– Да ты об чём, как эт дементоры напали? – загрохотал Хагрид.

– Ты что, не знал? – широко раскрыла глаза Гермиона.

– Да ить я уехал и ничегошеньки не знаю, чего опосля случилось. Ну шибко секретное задание было, не хотел я, чтоб совы за мной шлындрали... дементоры треклятые! Неужто, правда?

– Ещё бы, они заявили в Литтл-Уингинг и напали на меня и моего кузена, а потом Министерство магии меня исключило из школы...

– ЧЕГО?

– ...И мне пришлось разбираться в суде и вообще, но ты сначала нам про великанов расскажи.

– Тебя из школы исключили?

– Расскажи нам, что было с тобой, и я расскажу, что со мной произошло.

Хагрид впери в Гарри единственный глаз. Гарри с невинным выражением лица ответил ему взглядом в упор.

– Ох, ну лады, – согласился Хагрид.

Он наклонился и вытащил пласт драконьего мяса из пасти Клыка.

– Ой, Хагрид, не нужно так делать, это... негигиенично... – начала Гермиона, но Хагрид уже опять прищёпнул мясо к заплывшему глазу.

Затем он отхлебнул из кружки изрядный глоток чаю и сказал:

– Ну, значит, двинули мы туда сразу, как учебный год закончился...

– То есть, мадам Максим с тобой ходила? – уточнила Гермиона.

– Знамо дело, – кивнул Хагрид и те немногие дюймы его лица, которые не были закрыты бородой или зелёным оковалком, просветлели. – Мы, значит, в паре были. И я вам скажу, она трудностей не боится, Олимпия-то. Знамо она изячная такая, приличная женщина, а я смекаю, куда мы двигаем, и всё диву давался, ну как же она карабкается на те валуны и спит-то в пещерах, и ни словечком не пожаловалась.

– А вы знали, куда идти? – переспросил Гарри. – Вы знали, где великаны?

– Ну дык Дамблдор знал, он нам и сказал, – пояснил Хагрид.

– Они прячутся? – уточнил Рон. – Это тайна, где они живут?

– Да нет вообще-то, – Хагрид покачал косматой головой, – просто колдунам начхать, где они живут, лишь бы подальше. Да и добраться до них очень уж тяжело, ну уж людям-то точно, вот нам и нужны были инструкции от Дамблдора. Мы туда, почитай, целый месяц добирались...

– Месяц? – Рон повторил так, словно никогда не слышал о поездках, которые длятся такой абсурдно долгий срок. – Но... почему вы просто-напросто портключом не воспользовались, или ещё как?

Хагрид взглянул на Рона здоровым глазом, с выражением, странно напоминавшим соболезнование.

– Дык за нами следили, Рон, – мрачно объяснил он.

– В каком смысле?

– Чего тут не понять-то, – отозвался Хагрид, – Министерство за Дамблдором-то присматривает, ну и за всеми, кто, по-ихнему, с ним заодно...

– Мы знаем об этом, – перебил его Гарри, желая побыстрее послушать продолжение Хагридовой истории, – мы знаем, что Министерство следит за Дамблдором...

– Так значит, вы, пока туда добирались, не могли пользоваться магией? – ошеломлённо переспросил Рон. – Вам пришлось вести себя по-магловски *всё время*?

– Ну не всё время, – уклончиво ответил Хагрид, – поосторожничать пришлось, потому как мы с Олимпией чуток приметные...

Рон издал сдавленное мычание, нечто среднее между фырканием и всхрапом, и поспешно отхлебнул большой глоток чаю.

– ...И следить за нами много ума не надо. Так вот мы прикинулись, что, значит, вместе в отпуск едем, порешили, значит, курс держать во Францию, туда, где школа у Олимпии, потому как знали, кто-нить из Министерства у нас на хвосте, знамо дело, висит. Ну, двигаться нам надобно было медленно, потому как магией-то мне вовсе пользоваться нельзя, а мы уж в понятках были, что Министерству только дай повод, и сразу сцапают. Но мы таки в дураках их оставили, промеж пальцев нырнули аккуратно у Диджона...

¹⁵⁶ в оригинале название французского города Dijon Хагрид произносит как Dee-John – "Проклятый Джон"

– О-о, Дижон? – взволнованно откликнулась Гермiona. – Я там была на каникулах, а ты видел..?

Заметив выражение лица Рона, она тут же притихла.

– И потом уж нам маленько поколдовать довелось, в общем, неплохая вышла поездочка. На польской границе от пары дурных троллей бегали, и чуток я поссорился с вампиром в одном пабе в Минске, а в остальном всё гладенько прошло. А когда до места добрались, полезли в горы, стали примечать следы ихние...¹⁵⁷ Когда к ним подобрались, там мы, значит, колдовать-то и перестали. Потому как не любят они колдунов, а нам не с руки было чересчур рано их беспокоить, да и Дамблдор нас настропалил, что, мол, Сами-Знаете-Кто с великанами-то мог сговориться. Сказал нам, что у того шансов может поболее будет, если он своего посыльного к ним уже отправил. Велел нам, как мы поближе подойдём, очень осторожничать, не ровен час и Пожиратели Смерти рядышком.

Хагрид замолчал и припал к чашке с чаем.

– Продолжай! – нетерпеливо попросил Гарри.

– Нашли мы их, – сухо продолжил Хагрид. – Вот одной ночью прошли перевал, глядь, а они внизу, в долине. Костерки у них там, и тени двигаются... будто какие валуны ходят.

– А какого они роста-то? – обмер Рон.

– Футов каких двадцать, – обронил Хагрид, – те, что побольше, может и все двадцать пять будут.

– А много их там? – осведомился Гарри.

– Я насчитал семь или восемь десятков.

– И всё? – удивилась Гермiona.

– Эге, – печально подтвердил Хагрид, – восемь десятков их и осталось, а раньше-то по всему миру, почитай, сотня разных кланов... Но повымерли все со временем. Некоторых, знамо дело, колдуны поубивали, но в основном сами друг дружку порешили, а сейчас вот ещё быстрее мрут. Не могут они всей кучей-то жить. Дамблдор говорил, мол, мы во всём виноваты, колдуны, значит, заставили их так далеко уйти от нас, и выбора никакого у них не было, пришлось кучковаться вместе, чтобы защищаться, значит.

– Ну, – заёрзал Гарри, – ну, увидел ты их, и что потом?

– Дык до утра мы и ждали, не стали по темноте к ним ходить, чтоб, значит, лиха не будить, – объяснил Хагрид. – Они часика в три спать улеглись, прямо там, где и сидели. А мы спать не решились. Потому как боялись, вдруг какой проснётся и в нашу сторону двинет, а ещё храпели они невозможно. От этого храпа даже обвал поутру случился. Ну а как рассвело, тут мы и спустились – на встречу.

– Просто так, что ли? – с благоговейным ужасом спросил Рон. – Вы просто пошли прямо в лагерь великанов?

¹⁵⁷ затруднительно утверждать, куда именно направлялся Хагрид, но недалеко от Нижнего Новгорода есть населенный пункт под названием Городец, рядом с которым якобы находили кости великанов и по преданиям жили великаны – «паны». Место это носит название Пановы горы. В Эстонии есть замок Karkus (и одноименный город), вблизи которого по преданию жил великан.

– Ну дык Дамблдор нам объяснил, что делать надо, – ответил Хагрид. – Принести, значит, дары Гаргу, уважение ему выказать, и всякое такое.

– Принести дары *каму*? – переспросил Рон.

– Ох, Гарг это вождь по-ихнему.¹⁵⁸

– А откуда вы узнали, кто из них Гарг? – удивился Рон.

Хагрид довольно хмыкнул.

– Невелика задача, – пояснил он. – Он там самый большой, самый страшный и самый ленивый. Сидит, значит, и ждёт, пока прочие ему покушать принесут. Коз дохлых или ещё чего. Звали его – Каркус.¹⁵⁹ Я прикинул, росту в нём двадцать два или двадцать три фута, а весу как у двух здоровенных слонов. И кожа, как у носорога.

– И вы прямо к нему и пошли? – затаив дыхание, спросила Гермиона.

– Ну... *лезли* к нему, в долину, где он лежал. Там ложбинка такая, вокруг четыре здоровенные скалы, а посередине горное озеро, вот Каркус там и лежал и ревел на других, чтобы, значит, его и его жену кормили. Мы с Олимпией с горочки-то спустились...

– Но как же они вас не схватили и не убили сразу, как увидели? – недоверчиво перебил его Рон.

– Дык кому-то из них такое, небось, в голову приходило, – пожал плечами Хагрид. – Но мы всё делали так, как Дамблдор велел, мол, держать дары повыше над головой, только на Гарга и смотреть, а на других нет. Вот так, значит, мы и сделали. Остальные спокойненько смотрели, как мы двигаем прямо к ногам Каркуса, кланяемся и перед ним подарок укладываем.

– А что ты ему принёс? – нетерпеливо спросил Рон. – Еду?

– Не-ет, еду он, голубчик, себе сам заполучит, сколько влезет, – покачал головой Хагрид. – Мы ему магию принесли. Великанам магия нравится, только если мы её супротив них не используем. В общем, в первый день подарили мы ему ветвь Губрейтианова огня.¹⁶⁰

– Ого! – негромко восхитилась Гермиона.

Но Гарри и Рон озадаченно нахмурились.

– Ветвь чего?..

– Вечного огня, – раздражённо пояснила Гермиона. – Сами должны знать. Профессор Флитвик уже, по крайней мере дважды, рассказывал о нём на занятиях.

– Ладно, ладно, – быстро вмешался Хагрид, не давая Рону огрызнуться, – Дамблдор заколдовал эту ветвь так, чтобы горела она вечно, а такое не всякий колдун сделать может... и вот лежу я в снегу у ног этого Каркуса и говорю ему: «Альбус Дамблдор шлёт Гаргу великанов низкий поклон и подарок».

– И что тебе отвечает Каркус? – раскрыл рот Гарри.

– А ничего. Он английского-то не знает.

¹⁵⁸ Gurg ("garg" – (gaelic) «могучий», «жестокий», "свирепый")

¹⁵⁹ Karkus (carcass – туша; car (gaelic) – кривой; cus (gaelic) – непомерно)

¹⁶⁰ Gubraithian fire (gu brath (gaelic) – вечно)

– Шутишь!

– Серьёзно, – невозмутимо ответил Хагрид. – Дамблдор нам наперёд сказал, что так может быть. Каркус кой-чего понял и парочку великанов, которые наш язык-то знают, кликнул, они и перевели.

– А ему подарок понравился? – заинтересовался Рон.

– Ну дык, прямо буря началась, когда они поняли, что к чему, – кивнул Хагрид и перевернул ломоть драконьего мяса, чтобы прижать к заплывшему глазу более холодной стороной. – Шибко понравился. Тогда я и говорю: «Альбус Дамблдор просит, чтобы Гарг с его посланником завтра потолковал, когда посланник с другим подарком вернётся».

– А почему вы не могли поговорить с ним в тот же день? – удивилась Гермиона.

– Дамблдор настаивал, что торопиться не надо, – пояснил Хагрид. – Пусть, значит, они посмотрят, что мы своё слово держим. Мол, *«вернёмся на завтра с другим подарком»*, а когда мы и вправду с другим подарком вернёмся, тут они и впечатлятся, ясно? Надо им время дать, пусть подарок-то проверят, налюбуются, ещё захотят. Да по любому, таким великанам, как этот Каркус, чересчур много говорить не надо. Они, чтоб не напрягаться, убьют, и все дела. Так что мы поклонились и утопали, подыскали славную пещерку, ночку пересидели, а наутро вернулись. И тут уж Каркус сидел, как на иголках, и ждал нас.

– И вы с ним поговорили?

– Ну знамо дело. Перво-наперво подарили ему славный боевой шлем, гоблинской работы, несокрушимый вроде как... а потом сели и поболтали.

– А что он сказал?

– Не больно много, – ответил Хагрид. – Слушал больше. Но это хорошо. Про Дамблдора послушал, про то, как тот выступает супротив убийства последних великанов в Британии. Вроде даже Каркусу шибко интересно было, о чём Дамблдор говорит. Другие, в особенности те, кто хоть немного по-английски понимает, тоже собрались послушать. Мы, когда уходили-то, чаяли, всё сладится. Пообещали наутро вернуться с новым подарком... А ночью всё пошло наперекосяк.

– В каком смысле? – поразился Рон.

– Дык говорю же, не могут великаны вместе жить, – покачал головой Хагрид. – Такими кучами-то не могут. С собой совладать не могут, вот и убивают друг дружку то и дело. Мужчины меж собой бьются, женщины меж собой; те, которые прежде из разных кланов были, друг на друга идут, а ещё и по мелочи – за еду, да за тёплое местечко у огня. Нет, чтоб подумать, что скоро всей их расе конец придёт, да бросить это грязное дело... – Хагрид тяжело вздохнул. – Вот этой ночью каша и заварилась, видели мы из своей пещерки, смотрели вниз, в долину. До утра бились, шум стоял – не приведи Мерлин. А как солнце встало, снег уже весь в кровищи, а голова евойная на дне озера.

– Чья голова? – поперхнулась Гермиона.

– Каркуса, – печально пояснил Хагрид. – Тут же новый Гарг объявился, Голгомаф.¹⁶¹ – Хагрид опять глубоко вздохнул. – Мы, знамо дело, не шибко верили, что после двух дней

¹⁶¹ Golgomath (Golgotha (ид.) – место смерти; math (ид.) – мужчина; м.б. параллель с Goliath – Голиаф)

дружбы с одним Гаргом, доведётся подружиться с новым, и сдавалось нам, что Голгомаф нас и слушать не станет, но порешили рискнуть.

– Вы пошли с ним на переговоры? – скептически спросил Рон. – После того, как увидели, что он оторвал голову другому великану?

– Знамо дело, пошли, – пожал плечами Хагрид. – Не для того мы столько топали туда, чтоб через два дня всё бросить! Вот и пошли к нему с тем подарком, который для Каркуса был. По правде сказать, я и рта не успел открыть, а уж понял, что всё пропало. Сидит он там, значит, косится на нас. Здоровенный, каких мало. Волосы чёрные, зубы кривые, на шее бусы из костей. Вроде как из человеческих. Подхожу я, значит, подаю ему большой рулон драконьей кожи и говорю: «Подарок Гаргу великанов...», а дальше понимаю, что вишу в воздухе вверх тормашками, а за ноги меня держат двое его дружков.

Гермиона в ужасе прижала ладонь ко рту.

– Как же ты выбрался? – поразился Гарри.

– Дык не выбрался бы, ежели б не Олимпия, – ответил Хагрид. – Она палочку-то вытащила и по-быстрому пару таких заклинаний сказала, которых я и знать не знаю. Шибко странные. Тем, которые меня держали, прямо в глаза проклятиями Конджанктивайтус¹⁶² врезала, тут они меня и уронили. Но мы попали в переделку, потому как магию против них использовали, а за это великаны колдунов люто ненавидят. Дали мы дёру и поняли, что больше нам попасть в их лагерь – шансов нету.

– Ничего себе, – тихо протянул Рон.

– А что же ты так долго домой добирался, если вы были там всего три дня? – удивилась Гермиона.

– Дык мы ведь после этих трёх дней-то не ушли! – оскорбился Хагрид. – Дамблдор ведь на нас надеялся.

– Но ты же сам сказал только что, что у вас не осталось никаких шансов!

– Ну, днём мы туда ходить не могли, знамо дело. Мы просто это... тактику сменили. Пару дней таились в пещере и подглядывали. Сказать по правде, ничего доброго не увидели.

– Он оторвал ещё несколько голов? – с отвращением спросила Гермиона.

– Нет, – качнул головой Хагрид, – если б так.

– В смысле?

– В смысле скоро мы поняли, что он не супротив всех колдунов, а только супротив нас.

– Пожиратели Смерти? – догадался Гарри.

– Угу, – мрачно буркнул Хагрид. – Каждый день по несколько штук объявлялось, с дарами Гаргу, и он их вверх тормашками не подвешивал.

– Откуда ты знаешь, что это были Пожиратели Смерти? – спросил Рон.

– Оттуда, что одного из них я признал, – проворчал Хагрид. – Макнейра припоминаете? Гада этого, которого присылали Брыкляова порешить? Маньяк он. Убивать любит не меньше Голгомафа, понятно, с чего они так сговорились.

– Значит, Макнейр уговорил великанов присоединиться к Сам-Знаешь-Кому? – в отчаянии воскликнула Гермiona.

– Придержи гиппогрифов, я ещё рассказывать не закончил! – негодуя заявил Хагрид, который поначалу не желал говорить ребятам ни слова, а теперь, похоже, вошёл во вкус. – Мы с Олимпией всё обмозговали и порешили, ежели у Гарга Сами-Знаете-Кто вроде как в фаворе, так не факт, что оно всем надо. Придумали мы с другими поговорить, кому не хочется Голгомафа за Гарга иметь.

– А откуда вам было знать, с кем конкретно нужно вступать в переговоры? – спросил Рон.

– Дык с теми, кого до полусмерти избили, – терпеливо пояснил Хагрид. – Им, значит, теперь главное было Голгомафу не попадаться, вот они и отсиживались, как и мы, по пещерам вокруг ущелья. И мы порешили, что ночью пошарим туда-сюда по пещерам и поглядим, вдруг получится кой-кого подговорить.

– Вы пошли шарить по тёмным пещерам и искать великанов? – в голосе Рона прозвучало уважение пополам с испугом.

– Да нас особо великаны не волновали, – объяснил Хагрид. – Мы поболее того Пожирателей Смерти боялись. Дамблдор перед отъездом нам велел с ними не связываться, держаться от них подальше, плохо то, что они знали, что мы где-то рядышком, Голгомаф-то, знамо дело, им про нас рассказал. Вот по ночам, пока великаны спали, мы по пещерам тыркались, а Макнейр с дружкой лазил по горам и нас выискивал. Я, по правде сказать, Олимпию еле сдержал, чтоб, значит, она на них не кинулась, – Хагрид слегка усмехнулся в густую бороду. – Она страх как хотела задать им... она, как заведётся, Олимпия-то, ну прямо я не знаю... как огонь... видать, это у неё французская кровь...

Хагрид сентиментально прослезился и устался в камин. Гарри дал ему полминуты передышки, а потом громко кашлянул.

– Ну, так что дальше-то? Всё-таки получилось у вас к другим великанам подобраться?

– Чего? А... ага, получилось. Три ночи спустя после того, как Каркуса убили, ползаем мы по пещерам, значит, за валунами хоронимся, чтоб Пожирателям Смерти на глаза не попадаться. Несколько пещер обшарили и ничего, а в шестой, вроде, по счёту, троих великанов мы и нашли.

– Пещера, наверное, тесная? – уточнил Рон.

– Ну уж книзлем там не поскачешь, знамо дело, – согласился Хагрид.

– А как же они на вас не накнулись, как только увидели? – ужаснулась Гермiona.

– Может и накнулись бы, коли смогли, – объяснил Хагрид, – но больно побитые они были, все трое, Голгомафова шайка-то их до бесчувствия избила; они очнулись, отползли маленько и схоронились куда пришлось. В общем, один среди них чуток по-английски понимал и другим переводил. То, что мы говорили, им вроде по душе пришлось. Ну мы дальше двинули, раненных искать... вроде шестерых или семерых мы уболтали, и всё.

– Шестерых или семерых? – с воодушевлением воскликнул Рон. – Не так уж плохо... они сюда придут и будут бороться против Сам-Знаешь-Кого вместе с нами?

Но Гермiona тут же уточнила:

– Хагрид, что значит «и всё»?

Хагрид печально посмотрел на неё.

– Шайка Голгомафа облаву в пещерах устроила. Которые выжили, больше не захотели с нами связываться.

– Значит... значит, никого из великанов не будет? – с разочарованным видом протянул Рон.

– Не-а, – Хагрид глубоко вздохнул, перевернул ломоть мяса и холодной стороной прижал к лицу. – Но дело-то своё мы сделали, мы им послание Дамблдора передали, кое-кто послушал, кое-кто запомнит. Авось они не захотят с Голгомафом дружбу водить, уйдут с гор, тогда, может, вспомнят Дамблдорову доброту... может, тогда и придут.

Окно уже залепило снегом. Гарри почувствовал, что мантия на коленях промокла: Клык положил туда голову и пускал слюни.

Через некоторое время Гермиона тихо окликнула:

– Хагрид?

– М-м?

– Ты это... что-нибудь... ты слышал что-нибудь о твоей... твоей... матери, пока был там?

Целым глазом Хагрид уставился на неё, и Гермиона слегка струхнула.

– Извини... я... я забыла...

– Умерла, – буркнул Хагрид. – Давно умерла. Мне рассказали.

– Ой... я... извини, пожалуйста, – жалобно произнесла Гермиона.

Хагрид пожал плечиками и коротко ответил:

– Ничё. Я её почти не помню. Неважная мать была.

Они опять помолчали. Гермиона беспокойно взглянула на Гарри с Роном, явно побуждая их заговорить.

– Хагрид, но ты же так и не объяснил, почему ты в таком виде? – Рон взмахнул рукой, показывая на окровавленное лицо Хагрида.

– И почему тебя так долго не было, – продолжил Гарри. – Сириус говорил, что мадам Максим давным-давно вернулась...

– Кто это тебя так? – добавил Рон.

– Да никто! – твёрдо возразил Хагрид. – Я...

Дальнейшее потонуло в оглушительном стуке в дверь. Гермиона от неожиданности уронила кружку, та упала на пол и разбилась, Клык заскулил. Все четверо уставились в маленькое окошко у двери. За тонкой занавеской шевелилась низенькая, коренастая тень.

– Это *она*! – прошептал Рон.

– Давайте сюда! – Гарри поспешно схватил плащ-невидимку, накрыл себя с Гермионой, Рон рванул вокруг стола и тоже нырнул под плащ.

Прижавшись друг к другу, они попятились в угол. Клык зашёлся лаем под дверью. Хагрид совершенно оторопел.

– Хагрид, спрячь наши кружки!

Хагрид схватил кружки Рона и Гарри и сунул их в корзину Клыка под подстилку. Затем ногой оттолкнул с дороги Клыка, и распахнул дверь.

На пороге стояла профессор Амбридж в зелёном твидовом плаще и такой же шапке с ушками. Поскольку Хагриду она едва доставала до пояса, то ей пришлось, поджав губы, отклониться назад, чтобы увидеть его лицо.

– Ну-с, – протяжно начала она так громко, словно разговаривала с глухим. – Вы Хагрид, да?

Не дожидаясь ответа, она шагнула внутрь и принялась шарить выпученными глазками по комнате.

– Пошёл отсюда, – бросила она Клыку, который прыгал вокруг и пытался лизнуть её в лицо, и стала отмахиваться от него сумочкой.

– Э-э... не хочу выглядеть невежей, – уставился на неё Хагрид, – но, враг меня забери, кто вы такая?

– Меня зовут Долорес Амбридж.

Она по-прежнему осматривала хижину, и уже дважды задержалась взглядом в том углу, где стиснутый Роном и Гермионой стоял Гарри.

– Долорес Амбридж? – совершенно сбитый с толку повторил Хагрид. – Сдавалось мне, что вы вроде как в Министерстве... это не вы с Фаджем-то работаете?

– Да, я была старшим заместителем министра, – кивнула Амбридж и принялась расхаживать по хижине, тщательнейшим образом разглядывая всё: от рюкзака у стены до брошенного дорожного плаща. – Теперь я преподаватель защиты от Тёмных искусств...

– Лихая вы, – отметил Хагрид, – на эту работёнку мало желающих найдётся.

– ...И Главный Дознаватель Хогвартса, – закончила Амбридж, ничем не показывая, что расслышала слова Хагрида.

– Это ещё чего? – нахмурился Хагрид.

– Как раз этот вопрос я и собиралась задать вам, – Амбридж показала на фарфоровые осколки на полу, которые прежде были кружкой Гермионы.

– Ох, – Хагрид метнул совершенно растерянный взгляд в тот угол, где стояли невидимые ребята, – ох, это... это Клык. Разбил кружку. Вот теперь, значит, из такой пью.

Хагрид, одной рукой показав на свою кружку, другой по-прежнему прижимал к глазу ломоть драконьего мяса. Амбридж остановилась напротив и принялась внимательно изучать его с ног до головы.

– Я слышала голоса, – спокойно заметила она.

– Эт я с Клыком разговаривал, – твёрдо ответил Хагрид.

– И он вам отвечал?

– Ну... вроде того, – смешался Хагрид, – я иногда и сам думаю, что больно Клык на человека похож...

– От дверей замка к вашей хижине ведут следы трёх человек, – вкрадчиво произнесла Амбридж.

Гермиона ахнула. Гарри зажал ей рот рукой. К счастью вокруг Амбридж крутился Клык и фыркал так громко, что та, похоже, ничего не слышала.

– Дык я только вернулся, – Хагрид махнул огромной рукой в сторону рюкзака. – Может, кто приходил сюда раньше, а меня и не застал.

– Следов в обратную сторону нет.

– Ну... почём мне знать... – Хагрид нервно потеребил бороду и покосился в тот угол, где стояли ребята, словно прося о помощи.

Амбридж развернулась кругом и принялась быстро ходить по хижине, осматривая все углы. Она нагнулась и заглянула под кровать. Она открыла Хагридовы шкафы. Она прошла всего в двух дюймах от того места, где, прижавшись к стене, стояли Гарри, Рон и Гермиона: Гарри даже втянул живот, когда она проходила мимо. После тщательного осмотра огромного котла Хагрида, который тот использовал в кулинарных целях, она опять повернулась к Хагриду и спросила:

– Что с вами произошло? Откуда у вас такие раны?

Хагрид поспешно убрал драконье мясо от лица, что, по мнению Гарри, было ошибкой, потому что теперь стал очевиден не только густо-фиолетовый синяк вокруг глаза, но и потеки свежей и запёкшейся крови.

– Э-э... я... эт я нечаянно, – сбивчиво пояснил он.

– Как это нечаянно?

– Я... я упал.

– Вы упали, – холодно повторила Амбридж.

– Ага, точно. С метлы моего приятеля, да. Летать-то я не могу. Ну вы на меня-то поглядите, сумлеваюсь я, что сыщется метла, чтоб меня выдержать. У меня приятель один, так он заводчик абраксанских лошадей, может видали, они большие такие твари-то, с крыльями, знамо дело, вот я на одной маленько и покатался, и это...

– Где вы были? – Амбридж хладнокровно прервала Хагридовы излияния.

– Где я?..

– Был, да, – закончила Амбридж. – Семестр начался два месяца назад. Ваш предмет пришлось поручить другому преподавателю. Никто из ваших коллег не смог мне вразумительно объяснить, где вы. Никакого адреса вы не оставили. Где вы были?

Хагрид уставился на Амбридж приоткрытым глазом, и наступила тишина. Гарри даже расслышал как бешено крутятся Хагридовы мысли.

– Я... я уезжал здоровышко поправить, – выдавил он.

– Поправить здоровышко, – повторила профессор Амбридж. Глаза её шарили по побледневшему, опухшему лицу Хагрида. Драконья кровь медленно и беззвучно капала Хагриду на жилетку. – Я вижу.

– Ага, – подтвердил Хагрид. – Чуток... свежего воздуху, вот оно как.

– Да, у лесника со свежим воздухом большая проблема, – приторно согласилась Амбридж.

Небольшой участок лица Хагрида, не изукрашенный чёрным или фиолетовым, порозовел.

– Ну... обстановочку сменить...

– На горный пейзаж? – моментально уточнила Амбридж.

«Она *знает*», – мелькнула у Гарри отчаянная мысль.

– Горы? – повторил Хагрид, срочно подыскивая ответ. – Да нет, по мне лучше юг Франции. Солнца чуток и... и море.

– Неужели? – удивилась Амбридж. – А вы не слишком загорели.

– Ну... дык... кожа нежная, – Хагрид попытался заискивающе улыбнуться.

Гарри заметил, что у него выбиты два зуба. Амбридж смерила Хагрида ледяным взглядом, и улыбка у него растаяла. Затем она поддёрнула сумочку повыше на локоток и заявила:

– Мне придётся сообщить министру о вашем опоздании.

– Ладно, – кивнул Хагрид.

– Ставлю вас в известность, что у меня, как у Главного Дознателя, есть прискорбная, но необходимая обязанность – инспектировать коллег. Так что, полагаю, скоро мы встретимся снова.

Она резко развернулась и направилась к двери.

– Вы нас инспектируете? – растерянно повторил Хагрид ей вдогонку.

– О, да, – взявшись рукой за дверную ручку и оглянувшись, спокойно подтвердила Амбридж. – Министерство решило избавиться от преподавателей, которые не отвечают предъявленным требованиям. Спокойной ночи, Хагрид.

Она вышла и захлопнула за собой дверь. Гарри принялся стаскивать плащ-невидимку, но Гермиона схватила его за руку.

– Стой, – шепнула она ему в ухо. – Может, она ещё не ушла.

Хагрид, похоже, подумал то же самое: он прохромал к окну и чуть-чуть отдёрнул занавеску.

– Обратно пошла, в замок, – тихо констатировал он. – Во те на... народ она инспектирует...

– Ага, – подтвердил Гарри, снимая плащ, – Трелони уже проверяла...

– Э-э... Хагрид, а чем ты собираешься заниматься с нами на занятиях? – поинтересовалась Гермиона.

– Не переживай, у меня много чего припасено для уроков, – с энтузиазмом отозвался Хагрид, подцепил со стола драконье мясо и опять прищёпнул его к глазу. – Есть у меня на примете парочка тварей, специально на год СОВ приберёт, шибко они занимательные, вот увидите.

– Хм... в каком смысле «занимательные»? – напряжённо спросила Гермиона.

– Не скажу, – радостно отмахнулся Хагрид, – не хочу сюрприз портить.

– Хагрид, послушай, – без околечностей заявила Гермиона, – профессор Амбридж будет не в восторге, если ты на занятия притащишь что-нибудь опасное.

– Опасное? – искренне удивился Хагрид. – Не дури, не дам я вам ничего опасного! Ну ладно, в общем они сами меру знают...

– Хагрид, ты должен пройти эту проверку Амбридж и будет куда лучше, если она увидит, как ты учишь нас ухаживать за порлоками или различать свилей и ежей, и прочей ерунде! – горячо воскликнула Гермиона.

– Гермиона, дык эт не шибко интересно, – возразил Хагрид. – Моя задумка куда как лучше. Я их много лет выращивал, у меня, почитай, единственного во всей стране, есть стадо прирученных.

– Хагрид... пожалуйста... – с неподдельным отчаянием протянула Гермиона. – Амбридж ищет любой предлог, чтобы избавиться от преподавателей, которых подозревает в близости к Дамблдору. Ну, я тебя прошу, Хагрид, учи нас чему-нибудь скучному, в рамках наших СОВ.

Но Хагрид только протяжно зевнул и тоскливо покосился одним глазом в угол, где стояла огромная кровать.

– Знаете чего, денёк был длинный, час уже поздний, – он ласково похлопал Гермиону по плечу, отчего колени у неё подогнулись, и она с глухим стуком бухнулась на пол. – Ох... не сердчай... – Хагрид поймал Гермиону за шиворот и приподнял. – Вы за меня не переживайте, ладно, я вам обещаю, теперича я вернулся, и на ваших уроках будет всякая полезная всячина... а сейчас лучше бы вам воротиться в замок и не забудьте следы за собой замести!

– Не знаю я, дошло до него или нет, – сокрушался Рон спустя некоторое время, когда они, убедившись, что путь свободен, уже возвращались в замок по глубокому снегу, не оставляя за собой ни следа благодаря тому, что Гермиона по ходу пользовалась Стирательными чарами.

– Значит, завтра я вернусь опять, – решительно заявила Гермиона. – Если смогу, составлю для него план занятий. Мне наплевать, если она выпвырнет Трелони, но с Хагридом у неё это не пройдёт!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАЗАМИ ЗМЕИ

Воскресным утром, по сугробам высотой в два фута, Гермиона побрела к Хагриду. Гарри и Рону так хотелось составить ей компанию, но их вновь завалило по уши домашними заданиями, поэтому пришлось остаться в гостиной и при этом пытаться не обращать внимания на доносившиеся снаружи вопли восторга учеников, которые катались на санках, на коньках по замёрзшему озеру и, что хуже всего, на заколдованные снежки, нацеленные в окна гриффиндорской башни и с тяжёлым шмяканьем попадавшие в стёкла.

– Ах, так! – потеряв терпение, разбушевался Рон и высунул голову на улицу: – Я префект и если ещё хоть один снежок попадёт в это окно... УХ!

С залепленным снегом лицом он тут же отпрянул.

– Это Фред с Джорджем, – захлопнув окно, горестно констатировал он. – Гады...

Гермиона вернулась от Хагрида прямо перед обедом, слегка поёживаясь, в мокрой до колен мантии.

– Ну? – спросил Рон, поднимая голову ей навстречу. – Составила Хагриду учебные планы?

– Попробовала кое-что, – вяло ответила Гермиона, опускаясь в кресло рядом с Гарри. Она вытащила палочку, изобразила в воздухе замысловатую фигуру, – после чего из кончика палочки подул тёплый воздух, – и направила поток себе на мантию: одежда стала высыхать, и от неё повалил пар. – Когда я пришла, его там вообще не было, пришлось с полчаса стучаться. А потом он появился из лесу и хромотал при этом...

Гарри застонал. В Запретном Лесу полным-полно разных тварей, из-за которых Хагрида выпрут в два счёта.

– Чем он там занимался? Он сказал?

– Нет, – с сожалением ответила Гермиона. – Сказал только, что хочет сделать сюрприз. Я попыталась ему объяснить про Амбридж, но он так и не понял. Всё говорил, что никто в здравом уме не предпочтёт изучать свилей вместо химер... ох, по-моему, химеры у него нет, – добавила она, увидев, как вытянулись лица у Гарри и Рона, – он сам сказал, что их яйца очень сложно достать, а так был бы не прочь. Даже не знаю, сколько раз я ему доказывала, что для него же лучше придерживаться учебного плана Граббл-Планк, но, честно говоря, не уверена, что он услышал хоть половину сказанного мной. Знаете, у него очень странное настроение. И откуда у него такие раны, он так и не признается.

На следующий день за завтраком возвращение Хагрида за стол преподавателей поголовным восторгом всех учеников не сопровождалось. Некоторые вроде Фреда, Джорджа и Ли с радостными возгласами побежали по проходу между гриффиндорским и хаффлапфским столами, чтобы позвать Хагридову могучую руку, но другие, в частности Парвати и Лаванда, обменялись мрачными взглядами и покачали головами. Гарри понимал, что многие предпочитали занятия профессора Граббл-Планк, и, что хуже всего, – у них

были на то веские основания: представление Граббл-Планк об интересных занятиях не подразумевало риска остаться без головы.

Во вторник, потеплее закутавшись от холода, Гарри, Рон и Гермиона отправились к Хагриду, томимые мрачными предчувствиями. Гарри переживал не только о том, чему соберётся учить их Хагрид, но и как при этом поведут себя все остальные, а особенно Малфой со своей свитой, если за ними будет следить Амбридж.

Но когда они пробрались через сугробы к Хагриду, ожидавшему их на опушке леса, Главного Дознателя нигде не было видно. Вид у Хагрида был не слишком обнадеживающий: синяки, фиолетовые в субботу ночью, теперь приобрели зеленовато-жёлтый окрас, а некоторые царапины, похоже, всё ещё кровоточили. Гарри недоумевал: может на Хагрида напало какое-то существо, чей яд не давал ранам затягиваться? В довершение зловещей картины на плече Хагрид висел нечто, напоминавшее половину коровьей туши.

– Сегодня тут поработаем! – радостно оповестил Хагрид приближающихся учеников, мотнув головой в сторону тёмных зарослей за спиной. – Они пока прячутся маленько! Да и в темноте им сподручнее.

– Кому это в темноте сподручнее? – услышал Гарри слова Малфоя, с лёгким испугом брошенные Крэббу и Гойлу. – О ком это он, кому в темноте сподручнее... вы слышали?

Гарри вспомнил тот единственный до сих пор случай, когда Малфой ходил в Запретный Лес: в тот раз он особой отваги не проявил. Гарри улыбнулся про себя – после квиддичного матча его радовало всё, что огорчало Малфоя.

– Готовы? – бодро спросил Хагрид, оглядывая класс. – Ладненько, для пятого курса я припас экскурсию в лес. Поглядим мы, значит, на этих животных в естественной среде обитания. Тех, которых изучать будем, – они нынче очень редкие, – я, почитай, один во всей стране ухитрился их выдрессировать.

– А вы уверены, что они дрессированные? – уточнил Малфой; паника в его голосе звучала уже явственнее. – А то ведь вы не первый раз на урок диких тварей приносите, да?

Слизеринцы согласно забубнили, некоторые из гриффиндорцев, по всей видимости, тоже поддерживали Малфоя.

– Дык, дрессированные, – нахмурился Хагрид и подкинул повыше на плече коровью тушу.

– А что тогда с вашим лицом? – поинтересовался Малфой.

– Не твоего ума дело! – рассердился Хагрид. – Ну, ежели закончили дурные вопросы задавать, пошли все за мной!

Он развернулся и уверенно зашагал в Лес. Особого энтузиазма следовать за ним ни у кого не возникло. Гарри взглянул на друзей, Гермиона вздохнула, но кивнула, и они втроём направились следом за Хагридом, а за ними и все остальные.

Шли они минут десять, пока не оказались в такой части Леса, где деревья стояли вплотную, даже снега под ними не было, и царил полумрак. Хагрид крикнул, свалил

половину коровьей туши на землю, отступил на шаг и повернулся к классу – класс следовал за ним, перебегая от дерева к дереву, нервно озираясь и в любой момент ожидая нападения.

– Кружком вставайте, кружком, – позвал Хагрид. – Теперь, значит, их запах мяса притягивать станет, но всё ж я их позову, потому как ежели они будут знать, что это я, может спокойней будет.

Он отвернулся, помотал косматой головой, стряхивая волосы с лица, и издал странный, пронзительный клич, который, словно вскрик чудовищной птицы, эхом разнёсся по тёмным зарослям. Никто не рассмеялся – все были так испуганы, что не произнесли ни звука.

Хагрид повторил пронзительный клич ещё раз. Прошла минута, в течение которой все лихорадочно оглядывались, высматривая в чаще первые признаки появления кого бы то ни было. Затем, когда Хагрид в третий раз откинул назад волосы и набрал воздуха в могучую грудь, Гарри подтолкнул Рона локтем и указал во тьму между двумя искривлёнными тисовыми деревьями.

Из мрака сначала возникла – всё ближе и ближе – пара блестящих белых глаз, мгновение спустя показалась драконья морда, шея и костлявый круп огромной, чёрной, крылатой лошади. Существо, помахивая длинным чёрным хвостом, несколько секунд рассматривало детей, а потом наклонило голову и принялось острыми клыками рвать плоть коровьей туши.

Гарри почувствовал невероятное облегчение. Наконец появилось доказательство того, что эти существа не привиделись ему, что они – реальны: ведь о них знает и Хагрид. Он нетерпеливо взглянул на Рона, но Рон по-прежнему смотрел в чащу и несколько секунд спустя шепнул:

– Почему Хагрид больше не зовёт?

У большинства присутствующих выражение на лицах было такое же смутенное и нервно-выжидающее, как и у Рона, – они все так же старательно оглядывались куда угодно, но только не на лошадь, которая стояла прямо перед ними. Судя по всему, видеть её могли только двое: стоявший прямо за спиной Гойла жилистый слизеринец, с нескрываемым отвращением наблюдавший за жующей лошадью и Невилл, глаза которого были прикованы к свистящим взмахам длинного чёрного хвоста.

– Ага, вот ещё один! – гордо отметил Хагрид, когда из тёмной чащи возникла вторая вороная лошадь, плотнее прижала к телу кожистые крылья и, опустив голову, принялась пожирать мясо. – Ну... поднимайте руки, кто их видит?

Безумно довольный тому, что к разгадке тайны этих лошадей осталось сделать последний шаг, Гарри поднял руку. Хагрид кивнул ему.

– Ну дык... знал я, что ты-то сможешь, Гарри, – серьёзно отозвался он. – И ты, Невилл, тоже, ага?..

– Прощу прощения, – издевательским тоном начал Малфой, – но что именно предполагалось, мы должны тут увидеть?

Вместо ответа Хагрид указал на лежащую на земле коровью тушу. Все обратили взоры на неё и несколько секунд смотрели, а потом от удивления открыли рты, а Парвати взвизгнула. Гарри понял – отчего: куски плоти отрывались от костей и бесследно исчезали, такое зрелище, в самом деле, должно было показаться совершенно невероятным.

– Что происходит? – испуганно воскликнула Парвати, отступая к ближайшему дереву. – Кто это ест?

– Тестралы,¹⁶³ – гордо пояснил Хагрид.

За плечом у Гарри Гермиона тихо и понимающе отметила:

– О-о!

– У Хогвартса их здесь целый табун. Ну, кто знает?..

– Но это же очень-очень плохая примета! – с ужасом прервала его Парвати. – Ведь они же, вроде бы, приносят страшные несчастья тем, кто их видит. Мне профессор Трелони когда-то говорила...

– Нет, нет, – рассмеялся Хагрид, – это просто суеверие, никакая они не плохая примета, они страсть какие умные и полезные! Знамо дело, работы у них здесь немного, в основном кареты школьные возят, ну и Дамблдора иногда, если ему куда далеко ехать надо, а аппарировать не хочет... э, вона ещё парочка, гляньте...

Ещё две лошади бесшумно появились из-за деревьев, одна из них прошла очень близко к Парвати, и та задрожала, вжалась спиной в дерево и забормотала:

– Мне кажется, я чувствую что-то, мне кажется оно где-то рядом!

– Не переживай, оно тебе ничего не сделает, – терпеливо пояснил Хагрид. – Ну, дык, кто скажет-то мне, отчего некоторые видят их, а некоторые – нет?

Гермиона подняла руку.

– Ну, давай, – просиял Хагрид.

– Тестралов могут видеть только те, – объяснила Гермиона, – только те, кто видел смерть.

– Воистину так, – торжественно заключил Хагрид. – Десять баллов Гриффиндору. Ну вот, тестралы...

– Кхм, кхм.

Явилась профессор Амбридж.

Она стояла в нескольких шагах от Гарри, облачённая в тот же зелёный плащ и шляпку и с книжечкой наготове. Слышать притворный кашель Амбридж Хагриду раньше не доводилось, и сейчас он озабоченно воззрился на ближайшего тестрала, по всей вероятности решив, что этот звук произвёл он.

– Кхм, кхм.

– Ох, день добренький, – заулыбался Хагрид, определив источник звука.

– Вы получили мою записку, которую я утром направила в вашу хижину? – осведомилась Амбридж тем же громким и размеренным голосом, каким разговаривала с Хагридом в прошлый раз, и таким манером, словно обращалась к иностранцу, причём очень заторможенному. – Я сообщала вам, что приду инспектировать ваш урок.

– Ну да, – сообразил Хагрид. – Хорошо, что вы не заплутали! Ну вот... можете посмотреть... или не можете? В общем, нынче мы тестралов изучаем...

¹⁶³ Thestral (thester – /англ. устар./ dark – тёмный, мрачный, тайный, невидимый)

– Прошу прощения? – громко осведомилась Амбридж, поднеся руку к уху и нахмурившись. – Что вы сказали?

Хагрид слегка ступсевался.

– Э-э... Тестралы! – оглушительно повторил он. – Большие такие... с крыльями... лошади, понимаете!

Для наглядности, он замахал огромными ручищами, словно крыльями. Профессор Амбридж взглянула на него с недоумением и принялась записывать в книжечку, приговаривая:

– *«Пользуется... примитивным... языком... жестов».*

– Ну... вот... – Хагрид суетливо повернулся к ученикам. – Э-э... о чём я говорил-то?

– *«Видимо... обладает... слабой... неустойчивой... памятью»*, – пробормотала Амбридж так громко, чтобы всем было слышно.

Дрэйко Малфой расцвёл, словно неожиданно-негаданно наступило Рождество, а Гермиона вспыхнула от сдерживаемого гнева.

– Вот... да, – Хагрид бросил тревожный взгляд на книжечку Амбридж, но отважно двинулся дальше. – Да, я, значит, хотел вам рассказать, как мы завели такой табун. Всё началось с одного самца и пяти самок. Этот вот, – он погладил ту лошадь, что появилась первой, – это Тенебрус,¹⁶⁴ любимчик мой, он первый в Лесу родился...

– Вам известно, – громко прервала его Амбридж, – что Министерство магии причислило тестралов к классу «опасных существ»?

Сердце Гарри ухнуло вниз, но Хагрид лишь ухмыльнулся.

– Разве ж тестралы опасные! Ну, знамо дело, могут и куснуть чуток, ежели их разозлить...

– *«Демонстрирует... признаки... удовольствия... когда... речь... заходит... о... насилии»*, – забормотала Амбридж, опять царапая в книжечке.

– Да вы чего! – с легким беспокойством возразил Хагрид. – Это ж ведь и собаку ежели дразнить, она кусаться будет... а про тестралов дурная слава потому как только через смерть они... люди-то ведь и думают, что они вроде дурного знака. Тут просто путаница!

Амбридж ничего не ответила, написав заключительную строчку, она подняла на Хагрида глаза и очень громко, размеренно произнесла:

– Пожалуйста, продолжайте вести урок. Я пойду, – она пальцами изобразила шаги (Малфой и Пэнси Паркинсон беззвучно согнулись от хохота), – к ученикам, – (она потыкала пальцами в некоторых), – и поспрашиваю их, – она показала пальцем на рот, имитируя разговор.

Хагрид совершенно раздавленно уставился на неё, недоумевая, отчего она считает, будто он не понимает нормального английского языка. У Гермионы на глаза навернулись слёзы.

– Карга, карга проклятая! – зашипела она, когда Амбридж направилась к Пэнси Паркинсон. – Знаю я, что ты задумала, мерзкая пакостная дура...

¹⁶⁴ Tenebrus – tenebrous (устар.) тёмный, сумрачный

– Ну... вот... – Хагрид прикладывал все силы к тому, чтобы вернуть урок в нормальное русло, – ...вот, тестралы. Да. Много чего хорошего о них...

– Как вам кажется, – звонко поинтересовалась профессор Амбридж у Пэнси Паркинсон, – профессор Хагрид понятно объясняет?

У Пэнси, как и у Гермионы, на глазах тоже были слёзы, но слёзы от смеха, и оттого, что она пыталась сдержать хихиканье, ответ её прозвучал совершенно невразумительно:

– Нет... потому что... ну, это... как будто мычит всё время...

Амбридж царапнула в книжечку. Неповреждённые участки Хагридова лица покраснели, но он попытался вести себя так, словно ответа Пэнси не слышал.

– Ну... вот... много чего хорошего о тестралах сказать можно. Ежели уж их приручить, как этот табун, то с ними не пропадёшь. А уж как на местности разбираются, только скажи им, куда тебе надо...

– Разумеется, если они тебя поймут, – громко встрял Малфой, и у Пэнси Паркинсон опять начался приступ неукротимого смеха.

Профессор Амбридж снисходительно улыбнулась им и повернулась к Невиллу:

– Логботтом, вы можете видеть тестралов?

Невилл кивнул.

– Чью смерть вы видели? – равнодушным тоном поинтересовалась она.

– Моего... моего дедушки, – выдавил Невилл.

– Ну и как вам они? – Амбридж коротенькой ручкой махнула в сторону лошадей, к этому времени благополучно обглодавших тушу до костей.

– А... – замялся Невилл, напряженно глядя на Хагрида. – Ну, они... э-э... ничего...

– *«Ученики... слишком... напуганы... чтобы... признать... в... своих... страхах...»* – забормотала Амбридж, делая очередную пометку в книжечке.

– Нет! – возмутился Невилл. – Нет, я их не боюсь!

– Всё в порядке, – Амбридж погладила Невилла по плечу, изображая понимающую улыбку, на взгляд Гарри больше напоминавшую плотоядную. – Ну, Хагрид, – развернувшись к леснику, она опять заговорила так же громко и размеренно, – полагаю, я увидела достаточно, чтобы сделать выводы. Вы получите... – (она сделала жест, словно берёт что-то из воздуха), – ...результаты проверки... – (она ткнула пальцем в книжечку), – ...через десять дней.

Она показала десять коротеньких пальцев, затем заулыбалась ещё шире, в своей зелёной шляпке больше, чем обычно напоминая жабу, и быстро направилась прочь, оставив Малфоя и Пэнси Паркинсон биться в припадке смеха, Гермиону дрожать от бешенства, а Невилла – в крайнем смятении и расстройстве.

– Она ненормальная, лживая, бесчестная старая кикимора! – бушевала Гермиона полчаса спустя, когда ребята пробирались ими же протоптанными в снегу тропами обратно в замок. – Вам ясно, куда она клонит? Это всё её затеи насчёт полулюдей... считает Хагрида троллем тупоумным, раз у него мать была из великанов... и вообще, какая несправедливость, ведь урок и в самом деле был очень даже ничего... в смысле, ну были бы там какие-нибудь

взрывохвостые скруты, но ведь тестралы, это же так здорово... нет, в самом деле, Хагрид просто молодец!

– Амбридж говорила, что они опасные, – напомнил Рон.

– Ну да, но Хагрид же сказал, что они сами меру знают, – непреклонно возразила Гермиона, – а вот преподаватель вроде Граббл-Планк, нам бы, небось, до КРОТов их показывать не стала, а они же такие интересные, да? Вот даже потому, что кто-то их может видеть, а кто-то нет! Хотела бы я их увидеть...

– В самом деле? – себе под нос поинтересовался Гарри.

Гермиона в ужасе осеклась.

– Ох, Гарри... прости... нет, конечно... я такую глупость сморозила...

– Да ладно, – поспешно отозвался Гарри, – не бери в голову.

– Я вообще удивился, что их могут видеть *столько* народу, – заметил Рон. – Трое...

– Точно, Уизли, мы просто обалдели, – раздался злорадный голос. Прямо за спинами ребят, неслышно ступая по снегу, возникли Малfoy, Крэбб и Гойл. – Небось, рассчитываешь получше видеть квоффл, если помотришь, как кто-нибудь коньки отбросит?

Трое слизеринцев во всё горло расхохотались, столкнули с тропинки гриффиндорцев и припустили в замок, во весь голос распевая «Уизли – наш бог».

У Рона заалели уши.

– Не обращай внимания, просто не обращай внимания, – принялась заклинять его Гермиона, затем достала палочку и новым потоком горячего воздуха взялась топить девственный снег, прокладывая кратчайший путь к теплицам.

* * *

Подошёл декабрь и принёс с собой ещё больше снега и целую лавину домашних заданий для пятикурсников. Обязанности префектов у Рона и Гермионы, в связи с приближением Рождества, тоже усложнились. Их назначили следить за праздничным украшением замка («Попробовал бы ты повесить гирлянду, на другом конце которой болтается Пивз и пытается тебя ею задушить», – жаловался Рон), присматривать за первокурсниками и второкурсниками, которые из-за сильных холодов в перерывах на улицу не выходили («Ну до чего наглые сопляки, слушай, мы такими хулиганами даже в первый год не были», – комментировал Рон) и дежурить в коридорах по очереди с Филчем, который был убеждён, что предпраздничное настроение может вылиться в разгул магических дуэлей («У него точно вместо мозгов опилки», – возмущался Рон). Они были настолько загружены, что Гермиона даже прекратила вязать шапки для эльфов и страшно переживала, что последние три закончить не успела.

– И эти несчастные эльфы, которых я пока не освободила, теперь будут вынуждены провести здесь Рождество, а всё потому, что не хватило шапок!

Гарри совесть не позволяла объяснить ей, что всё связанное забирали Добби, и он пониже склонялся над рефератом по истории магии. Вот о Рождестве думать точно не хотелось. Впервые за время учёбы в Хогвартсе, ему хотелось на каникулы уехать отсюда. Помимо запрета играть в квиддич и тревог о результатах инспекции Хагрида, сейчас его

снедало чувство обиды. Единственным светлым пятном были занятия ДА, но и те на каникулы прекратятся, потому что почти все участники разъедутся по домам. Гермiona собиралась с родителями кататься на лыжах, этот факт чрезвычайно забавлял Рона, который прежде никогда не слышал о том, что маглы привязывают себе к ногам узкие доски и на них катаются с гор. Рон собирался домой в Нору. Гарри несколько дней кряду завидовал, пока однажды, в ответ на его вопрос, как Рон намеревается добираться домой на Рождество, тот не удивился:

– Но тебя это тоже касается! Разве я не сказал? Мама давным-давно написала мне и поручила тебя пригласить!

Гермiona закатила глаза, а настроение Гарри тут же улучшилось: перспектива Рождества в Норе была действительно радужной, хотя слегка омрачалась чувством вины за то, что он не сможет провести каникулы с Сириусом. Вряд ли удастся убедить миссис Уизли пригласить крёстного к празднику. Тем более, что Дамблдор едва ли позволит Сириусу покинуть площадь Гриммода, но Гарри всё равно переживал, что миссис Уизли не захочет видеть Сириуса: слишком уж часто они цапались. С той последней встречи посредством камина, Сириус больше ни разу не появлялся и, хотя Гарри прекрасно понимал, что Амбридж всегда начеку и встречаться слишком неблагоприятно, приходилось периодически гнать от себя мысли о Сириусе, который, небось, в одиночестве сидит в дряхлом отчем доме и на пару с Кричером дёргает верёвочку одной-единственной хлопушки.

На последнее перед каникулами занятие ДА Гарри пришёл в Насущную Комнату загодя и тому очень обрадовался: когда вспыхнули факелы, он обнаружил, что украшение покоев к Рождеству взял на себя Добби. То, что это сделал именно эльф, не вызвало никакого сомнения, иначе кому бы ещё в голову пришло развесить под потолком сотню золотых шаров с портретами Гарри и надписями: «ГАРРИ, ГАРРИ ЯСНО, ЧТОБЫ НЕ ПОГАСЛО!»¹⁶⁵

Гарри как раз заканчивал снимать последние шары, когда дверь, скрипнув, отворилась, и появилась, по обыкновению вся в мечтах, Луна Лавгуд.

– Привет, – рассеянно поздоровалась она, оглядывая остатки праздничного убранства. – Красиво. Это ты их повесил?

– Нет, – отмахнулся Гарри. – Это Добби, домовый эльф.

– Омела, – мечтательно протянула Луна, показывая на пышную гроздь белых ягод, как раз над головой Гарри.¹⁶⁶

Гарри тут же отшатнулся.

– Правильно, – совершенно серьёзно одобрила Луна. – Там часто водятся нарглы.

¹⁶⁵ в оригинале Добби написал: 'HAVE A VERY HARRY CHRISTMAS!'

¹⁶⁶ старинный английский обычай – целоваться под омелой. Если девушка стоит под омелой, она не вправе никому отказать в поцелуе. Юноши имели право сорвать с ветви одну ягодку за каждый сорванный ими поцелуй.

От необходимости выяснять, кто такие «нарклы» Гарри избавило появление Анджелины, Кэти и Алисии. Все трое запыхались и стучали зубами от холода.

– Ну вот, – Анджелина устало стащила плащ и бросила его в угол, – наконец-то мы тебя заменили.

– Заменяли меня? – растерялся Гарри.

– И тебя, и Фреда, и Джорджа, – буркнула Анджелина. – Мы нашли другого искателя!

– Кого? – моментально уточнил Гарри.

– Джинни Уизли, – ответила Кэти.

Гарри ошеломлённо застыл.

– Да, я понимаю, – Анджелина достала палочку и принялась разминать руку, – но она и в самом деле очень даже ничего. С тобой не сравнить, конечно, – бросила она на Гарри сердитый взгляд, – но раз тебя всё равно не будет...

Гарри проглотил резкий ответ, который чуть не сорвался с губ: неужели можно подумать, будто он сам в сто раз сильнее, чем она, не жалеет об исключении из команды?

– А кого на загонщиков? – спросил он как можно спокойнее.

– Эндрю Кёрка, – с энтузиазмом пояснила Алисия, – и Джека Слопера. Ни один звёзд с неба не хватает, но по сравнению с другими идиотами, которых перепробовали...

Появление Рона, Гермионы и Невилла положило конец этому неприятному обсуждению, а ещё через пять минут комната уже была полна настолько, чтобы окончательно спасти Гарри от обжигающих, полных упрёков взглядов Анджелины.

– Ну, ладно, – начал он, призывая всех к порядку. – Думаю, сегодня нам нужно просто повторить пройденное, потому что у нас последняя встреча перед каникулами и нет никакого смысла начинать изучать что-нибудь новое перед трёхнедельным перерывом...

– Ничего нового не будет? – зло буркнул Захария Смит достаточно громко, чтобы всем было слышно. – Знал бы я, так и не приходил бы.

– Нам всем чертовски жаль, что Гарри тебя не предупредил, – на повышенных тонах отозвался Фред.

По залу пронеслись смешки. Гарри заметил, что Чоу смеётся, и внутри у него знакомо ёкнуло, словно он шагнул в пустоту.

– ...Можем позаниматься парами, – спохватился он. – Начнём с Непролазного сглаза, десять минут на него, а потом можно будет достать подушки и опять заняться Оглушателями.

Все послушно разбились на пары, Гарри, как обычно, достался Невилл. Вскоре зал наполнился периодическими выкриками «*Impedimenta!*» Подвергшиеся нападению застывали на одну-две минуты, в течение которых их партнёры глазели на окружающие пары, затем размораживались и в свою очередь наносили удар.

Невилла словно подменили. Спустя несколько минут, очнувшись в третий раз подряд, Гарри попросил Невилла опять присоединиться к Рону и Гермионе, а сам направился по залу, наблюдая за остальными. Когда он прошёл мимо Чоу, та улыбнулась ему, и Гарри пришлось бороться с искушением ходить вокруг неё кругами.

После десяти минут занятий Непролазным взглядом, весь пол устлали подушками и принялись упражняться в Оглушающих заклинаниях. Для всех одновременно места оказалось недостаточно, поэтому тренировались по очереди: одни занимались, другие смотрели.

Гарри следил за ребятами, и его переполняла гордость. Правда Невилл Поразил Падму Патил, а не Дина, в которого целился, но и это – уже шаг вперёд, да и остальные делали огромные успехи.

На исходе часа Гарри объявил окончание тренировки.

– Вы настоящие молодцы, – лучезарно прокомментировал он. – Когда вернётесь с каникул, можем заняться чем-нибудь посерьёзнее... может даже Патронусами.

Все взволнованно зашептались. Затем стали как обычно по двое, по трое расходиться, перед уходом желая Гарри счастливого Рождества. В приподнятом настроении Гарри с помощью Рона и Гермионы сгрёб подушки и аккуратно сложил их. Рон и Гермиона уже вышли, а Гарри чуть замешкался, потому что Чоу всё никак не уходила, и он надеялся на поздравление к Рождеству и от неё.

– Нет, ты иди, – услышал Гарри, как Чоу говорит своей подруге Мариэтте, и сердце у него комом застряло в горле.

Он сделал вид, что поправляет кучу подушек. Удостоверился, что они остались наедине, и стал ждать, когда же она заговорит. Но вместо этого услышал громкое всхлипывание.

Повернувшись, Гарри обнаружил, что Чоу вся в слезах стоит в центре комнаты.

– Что?..

Гарри замялся. Чоу просто стояла и тихо плакала.

– Что случилось? – выдавил Гарри банальный вопрос.

Она покачала головой, рукавом вытерла слёзы и хрипло ответила:

– Я... извини... я подумала... просто... пока всем этим занимались... от этого... мне просто интересно... если бы *он* знал всё это... он мог бы остаться в живых.

Сердце Гарри минуло своё обычное место и ухнуло вниз. Этого следовало ждать. Ей хотелось разговаривать о Седрике.

– Он всё это знал, – вяло объяснил Гарри. – Во всём этом он хорошо разбирался, иначе не смог бы дойти и до середины лабиринта. Но если Волдеморт в самом деле задумал тебя убить, шансов не останется.

При упоминании Волдеморта Чоу судорожно всхлипнула, но не отвела от Гарри взгляда.

– Ты выжил, хотя тогда был ещё младенцем, – тихо произнесла она.

– В общем-то, да, – устало согласился Гарри и направился к двери, – не знаю, почему, и никто не знает, так что тут нечем гордиться.

– Не уходи! – воскликнула Чоу, похоже, опять сквозь слёзы. – Извини, я совсем не хотела вспоминать всё это снова... не знаю, почему...

Она опять всхлипнула. Даже с красными и опухшими глазами она всё равно была очень красивой. Гарри был совершенно раздавлен. Сейчас его бы вполне устроило простое пожелание счастливого Рождества.

– Я понимаю, что для тебя всё это ужасно, – она опять вытерла слёзы рукавом. – Я тут вспоминаю Седрика, а ты видел, как он умер... наверное, ты просто хочешь обо всём забыть?

Гарри ничего не ответил: она очень верно всё обозначила, но соглашаться он счёл жестоким.

– Ты... п-правда замечательный учитель, знаешь, – сквозь слёзы улыбнулась Чоу. – Прежде у меня никогда не получалось никого Оглушать.

– Спасибо, – неловко поблагодарил Гарри.

Секунды текли и текли, а они всё смотрели друг на друга. Гарри охватило жгучее желание сбежать из зала, и при этом не было сил даже сделать шаг.

– Омела, – тихо проговорила Чоу, показывая на потолок над его головой.

– Да, – кивнул Гарри. Во рту у него пересохло. – Наверное, там полно нарглов.

– Каких нарглов?

– Понятия не имею, – ответил Гарри. Чоу шагнула ближе. Мозг Гарри словно поразило ступором. – Нужно спросить у Психуны. В смысле, у Луны.

Чоу потешно фыркнула полурыданием, полусмешком. Теперь она стояла ещё ближе. Гарри мог бы, пожалуй, посчитать веснушки у неё на носу.

– Гарри, ты мне так нравишься...

Гарри перестал сообщать. По телу прокатился трепет, парализуя руки, ноги, волю.

Она стояла слишком близко. Он мог разглядеть каждую слезинку, повисшую на её ресницах.

* * *

Гарри вернулся в гостиную полчаса спустя и обнаружил на излюбленных местах у камина Рона и Гермиону; кроме них уже почти никого не осталось, все разошлись спать. Гермиона писала какое-то длинное-предлинное письмо, уже исписала половину пергаментного свитка, и он свисал со стола. Рон лежал на коврике, пытаясь завершить домашнее задание по трансфигурации.

Гарри рухнул в кресло рядом с Гермионой.

– Ты где застрял? – поинтересовался Рон.

Гарри ничего не ответил. У него был шок. Одна его половина хотела поведать Рону и Гермионе то, что с ним только что случилось, но другая требовала унести эту тайну с собой в могилу.

– Гарри, с тобой всё в порядке? – Гермиона взглянула на него поверх вершинки пера.

Гарри нерешительно пожал плечами. Откровенно говоря, он и сам не знал, всё ли с ним в порядке.

– Что произошло? – Рон приподнялся на локтях, чтобы разглядеть его получше. – Что случилось-то?

Гарри абсолютно не представлял, с какой стороны подойти к объяснениям, и, кроме того, сомневался, хочется ли ему в них вдаваться. И в тот момент, когда он уже решил ничего не объяснять, Гермиона взяла дело в свои руки.

– Из-за Чоу? – деловито спросила она. – Она тебя после занятия подловила?

Опешив, Гарри кивнул. Рон захихикал в кулак, но тут же под взглядом Гермионы стих.

– Ну... э-э... и чего она хотела? – как бы между делом спросил он.

– Она... – хрипло выдавил Гарри, затем откашлялся и попробовал сначала. – Она... э-э...

– Вы целовались? – оживилась Гермиона.

Рон так быстро сел, что его чернильница полетела прочь. Не обратив на это ни малейшего внимания, он впился глазами в Гарри:

– Да ну?

Гарри перевёл взгляд с лица Рона, на котором смешивались веселье и любопытство, на сдвинутые брови Гермионы и кивнул.

– ХА!

Рон торжествующе выбросил вверх руку и разразился таким надрывным смехом, что несколько робких второкурсников у окна даже подскочили. Гарри посмотрел, как Рон катается по коврику, и помимо своей воли заулыбался.

Гермиона с видом глубокого отвращения взглянула на Рона и вернулась к своему письму.

– Ну? – Рон наконец поднял на Гарри глаза. – Ну, как это было-то?

Гарри сначала напряженно задумался.

– Мокро, – откровенно признался он.

Рон издал странный звук, нечто среднее между ликованием и досадой.

– Потому что она плакала, – через силу закончил Гарри.

– Ой, – улыбка с лица Рона слегка сползла. – Ты так плохо целуешься?

– Кто его знает, – Гарри в таком аспекте проблему не рассматривал и тут же несколько разволновался. – Может и так.

– Конечно, нет, – рассеянно бросила Гермиона, не отрываясь от письма.

– Откуда ты знаешь? – без обиняков потребовал ответа Рон.

– Потому что Чоу сейчас то и дело плачет, – пожала плечами Гермиона. – Она этим занимается и за едой, и в туалете, где ни попадая.

– Ты как считаешь, невинный поцелуй её развеселит? – ухмыльнулся Рон.

– Рон, – с достоинством начала Гермиона, макая перо в чернильницу, – ты самая толстокожая свинья, которую я имела несчастье встретить на своём жизненном пути.

– С какой это стати? – негодуя возмутился Рон. – Да кто вообще плачет-то, когда его целуют?

– Да, – в лёгком отчаянии подтвердил Гарри. – Кто?

Гермиона посмотрела на обоих с толикой сожаления.

– Неужели вы не понимаете, каково сейчас Чоу? – спросила она.

– Нет, – хором ответили Гарри с Роном.

Гермиона вздохнула и отложила перо.

– Ну ладно, в общем, конечно из-за смерти Седрика ей очень тоскливо. Потом, я предполагаю, она запуталась, потому что раньше ей нравился Седрик, а теперь Гарри и она не может разобраться, кто нравится сильнее. Плюс к этому она наверняка чувствует себя

виноватой, что целовалась с Гарри, и думает, что это – оскорбление памяти Седрика, а ещё переживает, что о ней люди скажут, если она начнёт с Гарри встречаться. Скорее всего, она не может разобраться в своих чувствах к Гарри ещё и потому, что именно он был с Седриком, когда Седрик погиб, и вот поэтому для неё всё – страшно запутано и мучительно. Ах, да, ещё она переживает, что её исключат из квиддичной команды Рэйвенкло за то, что она плохо летала.

Окончание монолога сопровождалось ошеломлённой тишиной, затем Рон выдавил:

– Никто не может чувствовать столько всего сразу, так и свихнуться можно.

– Не стоит думать, что если у тебя набор эмоций как у чайной ложки, то и у всех окружающих он точно такой же, – отрезала Гермиона и раздражённо взялась за перо вновь.

– Она сама начала, – заявил Гарри. – Я вообще не при чём... она вроде только подошла ко мне... а потом сразу у уже весь в её слезах... я не знал, что и поделать...

– Не переживай, приятель, – с заботливым участием встрепенулся Рон.

– Тебе просто нужно было вести себя с ней тактично, – с беспокойством подняла на него глаза Гермиона. – Надеюсь, ты так и поступил?

– Ну да, – Гарри с ужасом почувствовал, что покраснел, – я вроде бы... ну поддержал её немного.

У Гермионы стало такое лицо, словно она с трудом сдерживается, чтобы не закатить глаза.

– Ладно, наверное, могло быть и хуже. Ты собираешься с ней опять встретиться?

– Ну да, а как же? – удивился Гарри. – У нас же будут ещё занятия ДА, так?

– Ты же понимаешь – о чём я, – нетерпеливо изрекла Гермиона.

Гарри промолчал. Слова Гермионы открыли перед ним целую бездну устрашающих возможностей. Он попробовал представить себе, как встречается с Чоу – где-нибудь в Хогсмиде, например, – и проводит там с ней несколько часов кряду. Конечно, она рассчитывает, что он пригласит её на свидание, после того, что случилось... от этой мысли ему стало не по себе.

– Ну, ладно, – сдержанно заключила Гермиона, вновь берясь за письмо, – тебе ещё представится масса случаев предложить ей встретиться.

– А если он не хочет ей предлагать? – осведомился Рон, следя за Гарри с необычайно проницательным выражением лица.

– Не будь дураком, – рассеянно ответила Гермиона, – она Гарри нравится уже давным-давно, да, Гарри?

Гарри ничего не ответил. Да, Чоу ему нравилась давным-давно, но сколько бы он ни представлял себя с ней, в этих сценах Чоу всегда наслаждалась его обществом, но уж никак не рыдала без удержу у него на плече.

– А кому это ты там пишешь такой роман? – заинтересовался Рон и попробовал заглянуть в пергамент Гермионы, который уже волочился по полу.

Гермиона подтянула свиток, не давая ему возможности прочесть.

– Виктору.

– *Краму?!*

– Много у нас других Викторов?

Рон промолчал, но вид у него стал сердитый. Двадцать минут они просидели молча: Рон заканчивал реферат по трансфигурации, то и дело черкая там и раздражённо фыркая, Гермиона за это время исписала пергамент до конца, затем скатала его в трубочку и запечатала, а Гарри пристально смотрел в камин, желая больше всего на свете, чтобы там появилась голова Сириуса и дала ему парочку советов, как вести себя с девочками. Но огонь всё затухал, пока раскалённые угли не истлели и не рассыпались в золу, и тогда Гарри оглянулся по сторонам и обнаружил, что они опять остались в гостинной одни.

– Спокойной ночи, – широко зевнула Гермиона и отправилась вверх по лестнице в спальню девочек.

– Чего она нашла в этом Краме? – возмущался Рон, когда они с Гарри поднимались в свою спальню.

– Ну, – начал рассуждать Гарри, – я так думаю, он старше, так... потом он квиддичный игрок в команде международной лиги...

– Ага, но при всём при этом, – раздражённо буркнул Рон, – он, по-моему, занудный придурок, разве нет?

– Угу, занудный слегка, – согласился Гарри, мысли которого по-прежнему занимала Чоу.

Они молча разделись и натянули пижамы, Дин, Шеймас и Невилл уже спали. Гарри положил очки на ночной столик, залез в кровать, но полог не задёрнул, а вместо этого стал смотреть в окно рядом с кроватью Невилла – на клочок усыпанного звёздами неба. Мог ли он подумать вчера вечером, что сутки спустя будет целоваться с Чоу Чанг...

– Спокойной ночи, – где-то в стороне буркнул Рон.

– Спокойной ночи, – отозвался Гарри.

Может быть, в следующий раз... если случится этот следующий раз... она будет чуть повеселее. Нужно всё-таки предложить ей встретиться, наверное, она на это рассчитывала и теперь на него рассердилась... а может быть она сейчас лежит в кровати и до сих пор плачет из-за Седрика? Гарри не знал, что и подумать. Объяснения Гермионы всё не упростили, а наоборот, усложнили.

«Лучше бы нас тут вот чему учили, – размышлял Гарри, переворачиваясь на бок, – учили, как работают мозги у девочек... уж во всяком случае, куда больше пользы было бы, чем от этих профицаний...»

Невилл засопел во сне. Где-то в ночи ухнула сова.

Гарри снилось, что он опять в зале ДА. Чоу обвиняет его в том, что он обманом соблазнил её прийти, говорит, что он пообещал ей сто пятьдесят карточек из шоколадных лягушек, если она придёт. Гарри протестует... Чоу кричит: *«Седрик дал мне кучу карточек из шоколадных лягушек, на, смотри!»* Достает из кармана горсть карточек, подбрасывает их в воздух. Затем превращается в Гермиону и заявляет: *«Слушай, Гарри, ты же в самом деле приглашал её...»*

по-моему ты должен дать ей что-нибудь взамен... как насчёт твоего «Всполоха»? Гарри возражает, что не может отдать Чоу свой «Всполох», потому что его забрала Амбридж, и вообще всё это просто смешно, потому что он пришёл в зал ДА только затем, чтобы повесить несколько ёлочных игрушек в виде головы Добби...

И тут сон сменяется другим...

Тело его становится гладким, гибким, сильным. Он проскальзывает по тёмному, холодному каменному полу между блестящих металлических прутьев... движется ползком... вокруг темно, но, несмотря на это, он видит окружающие его предметы в странных, переливающихся красках... поворачивает голову... с первого взгляда коридор кажется пустым... но... впереди на полу, свесив на грудь голову, сидит человек, силуэт его высвечивается в темноте...

Гарри высовывает язык... и ощущает в воздухе запах человека... человек жив, но спит... спит, сидя перед дверью в конце коридора...

Гарри страстно хочется укусить человека... но нужно совладать с собой... предстоит гораздо более важное дело...

Вдруг человек шевелится... вскакивает, к его ногам падает серебристый плащ, и Гарри видит, что расплывчатый, дрожащий силуэт человека уже навис над ним, видит, как тот выхватывает из-за пояса палочку... и у Гарри не остаётся выбора... высоко взметнувшись над полом, он наносит удар, второй, третий, глубоко погружая в плоть человека клыки, чувствует, как под напором челюстей ломаются рёбра, ощущает жаркий фонтан крови...

От боли человек кричит... потом стихает... тяжело сползает по стене... кровь хлещет на пол...

Невыносимо болит голова... так, словно сейчас разорвётся...

— Гарри! ГАРРИ!

Гарри открыл глаза. Всё тело было покрыто ледяным потом, простыни на кровати сбились и запеленали его, словно смирительная рубашка; казалось, будто ко лбу приложили раскалённую добела кочергу.

— *Гарри!*

Над ним стоял жутко перепуганный Рон. А в ногах кровати были ещё люди. Гарри сжал голову руками, боль его просто ослепила... Он перекатился на бок к краю кровати, и его вырвало.

— Да он совсем плох, — раздался испуганный голос. — Может позвать кого-нибудь?

— Гарри! *Гарри!*

Нужно сказать Рону, нужно сказать, это очень важно... жадно хватая ртом воздух, Гарри приподнялся на локтях, умоляя себя только не стошнить опять, от боли темнело в глазах.

— Твой папа, — в груди заломило, он задохнулся, — твой папа... на него напали...

— Что? — оторопел Рон.

— Папа твой! Его укусили, без дураков, там крови полно...

— Я пойду приведу кого-нибудь, — проговорил тот же испуганный голос, и Гарри услышал удаляющийся из спальни топот.

– Гарри, дружище, – неуверенно начал Рон, – ты... тебе просто приснилось...

– Нет! – порывисто воскликнул Гарри. Позарез нужно, чтобы Рон понял. – Это не сон... это не просто сон... я там был, я видел это... это я сделал...

Гарри расслышал, как Шеймас и Дин стали перешёптываться, но сейчас ему было всё равно. Головная боль немного отступила, но он по-прежнему был весь в поту и лихорадочно дрожал. Его снова вырвало, Рон отскочил в сторону.

– Гарри, тебе нездоровится, – неуверенно проговорил он. – Невилл пошёл кого-нибудь позвать.

– Всё нормально! – не в силах справиться с дрожью, Гарри задохнулся и вытер полый пижамы рот: – Со мной всё нормально, а с твоим папой – нет, вот что страшно... нужно узнать, где он... из него кровь хлещет... я его... его укусила огромная змея.

Гарри попробовал встать с кровати, но Рон уложил его обратно, Дин и Шеймас всё ещё перешёптывались где-то рядом. Гарри не знал – минута прошла или десять, он просто застыл, содрогаясь и ощущая, что боль в шраме мало-помалу стихает... затем донеслись торопливые шаги вверх по лестнице, и он опять услышал голос Невилла.

– Сюда, профессор.

В спальню ворвалась профессор МакГонаголл, в клетчатом халате и со съехавшими набок очками на костлявом носу.

– Что случилось, Поттер? Где у тебя болит?

Никогда ещё Гарри не был так рад её видеть, но сейчас ему нужно поговорить с членом Ордена Феникса, а не с тем, кто будет дрожать над ним и потчевать глупыми микстурами.

– Это с папой Рона случилось, – объяснил Гарри и снова сел. – На него напала змея, это правда, я видел, что произошло.

– Что значит, ты видел? – профессор МакГонаголл насушила чёрные брови.

– Не знаю... я заснул и оказался там...

– Ты хочешь сказать, тебе это приснилось?

– Нет! – возмутился Гарри: «Неужели никто так и не поймёт?» – Сначала мне снилось совершенно другое, глупость какая-то... а потом всё, раз, и прекратилось! И стало реальным, на самом деле. Мистер Уизли спал на полу, на него напала огромная змея, кровь хлынула, он упал, нужно выяснить, где он...

Словно остоленев от ужаса, профессор МакГонаголл уставилась на него через перекошенные очки.

– Я не вру и я не сошёл с ума! – Гарри сорвался на крик. – Я объясняю вам, я видел, что произошло...

– Поттер, я верю, – коротко отрезала профессор МакГонаголл. – Надевайте халат, идём к директору школы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

БОЛЬНИЦА МАГИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ И ТРАВМ СВ. МҮНГО

Для Гарри стало таким облегчением то, что МакГонаголл восприняла его всерьёз, что он, ни секунды не колеблясь, вскочил с кровати, накинул халат и надел очки.

– Уизли, вам тоже следует пойти, – решила профессор МакГонаголл.

Ребята вышли из спальни следом за профессором МакГонаголл мимо притихших Невилла, Дина и Шеймаса, спустились по спиральной лестнице в гостиную, выбрались через отверстие за портретом Полной Леди и направились по залитому лунным светом коридору. Гарри был близок к панике – ему хотелось бежать, кричать Дамблдору: они так неспешно двигаются, а мистер Уизли истекает кровью, вдруг эти зубы (Гарри усиленно старался не называть их про себя «мои зубы») были ядовиты?

Они обогнали миссис Норрис, та уставилась на них своими глазами-фонарями и тихо зашипела, но профессор МакГонаголл прикрикнула на неё: «Брысь!», и миссис Норрис растворилась во тьме, а несколько минут спустя они уже стояли у каменной горгульи, охранявшей вход в кабинет Дамблдора.

– Зашипенные крутопчёлы,¹⁶⁷ – сказала профессор МакГонаголл.

Горгулья ожила и отскочила в сторону, стена за ней раскололась надвое и явила глазам винтовую каменную лестницу в непрерывном движении вверх, словно спиральный эскалатор. Все трое ступили на движущуюся лестницу, стена за ними с глухим стуком сомкнулась, они, кружась, поднялись и оказались перед гладко отполированной дубовой дверью с медным дверным молоточком в форме грифона.

Хотя было уже глубоко полночь, но из-за двери доносились голоса, точнее даже оживлённая беседа. Казалось, Дамблдор принимает у себя, по меньшей мере, дюжину гостей.

Профессор МакГонаголл трижды стукнула дверным молоточком-грифоном, и голоса тут же стихли, будто их кто-то выключил. Дверь сама собой открылась, и профессор МакГонаголл ввела Гарри и Рона внутрь.

В комнате царил полумрак, причудливые серебряные приборы на столах не стрекотали и не пускали клубы дыма, как обычно, а застыли неподвижно, обитатели портретов прежних директоров и директрис школы, которыми были увешаны все стены, преклонили головы на рамы. За дверью, сунув голову под крыло, дремала на жёрдочке величественная багряно-золотая птица размером с лебедя.

– О, вот и вы, профессор МакГонаголл... и... *ах*...

Сидевший за своим столом, в кресле с высокой спинкой, Дамблдор подался вперёд – в островок света от свечи, падавшего на документы, лежавшие перед ним. На директоре был

¹⁶⁷ Fizzing Whizzbee

роскошно вышитый фиолетовый с золотом халат поверх белоснежной ночной сорочки, но выглядел Дамблдор совершенно бодрым, и внимательно посмотрел на профессора МакГонаголла сияющими синими глазами.

– Профессор Дамблдор, у Поттера было... скажем так, ночной кошмар, – начала профессор МакГонаголл. – Он утверждает...

– Это был не ночной кошмар, – быстро встрял Гарри.

Профессор МакГонаголл, слегка нахмурившись, взглянула на Гарри.

– Прекрасно, Поттер, тогда расскажите всё директору сами.

– Я... ну да, я *спал*, – признал Гарри и, несмотря на страх и отчаянное желание объяснить Дамблдору, его слегка передёрнуло от того, что директор смотрел не на него, а изучал собственные сплетённые пальцы. – Но это был не просто сон... это было наяву... я видел, что произошло... – он перевёл дыхание, – на папу Рона, мистера Уизли, напала гигантская змея.

Слова эхом разносились по комнате и, когда он закончил, показались слегка странными и, даже, смешными. Наступила пауза, Дамблдор откинулся назад и задумчиво воззрился в потолок. Рон, побледневший и напуганный, переводил взгляд с Гарри на Дамблдора.

– Каким образом вы всё это видели? – ровно спросил Дамблдор, по-прежнему не глядя на Гарри.

– Ну... я не знаю, – с некоторым раздражением отозвался Гарри: «какое это имеет значение?» – наверное образы в голове...

– Вы меня неверно поняли, – так же ровно уточнил Дамблдор, – я имею в виду... вы можете вспомнить... э-э... откуда вы смотрели, где вы находились в момент нападения? Может быть, вы стояли рядом с жертвой или же видели эту сцену сверху?

Вопрос был таким проницательным, что Гарри оторопел: можно подумать, будто Дамблдор всё знает...

– Я был змеёй, – выдавил он. – Я видел всё с точки зрения змеи.

Все на мгновение смолкли, а затем Дамблдор, теперь глядя на Рона, стоявшего с тем же мертвенно-бледным лицом, задал следующий вопрос, уже более резко:

– Артур сильно ранен?

– Да, – решительно подтвердил Гарри: «почему все такие заторможенные, неужели они не понимают, насколько сильно истекает кровью человек, раненный такими клыками? И почему Дамблдор не соизволит взглянуть на него?»

Тут Дамблдор встал так стремительно, что Гарри даже вздрогнул, и решительно обратился к одному из старых портретов, висевших под самым потолком:

– Эввар!¹⁶⁸ Дилис, и вы тоже!¹⁶⁹

¹⁶⁸ Everard – французское произношение «Эввар»; Everard или Ebrard des Barres – магистр тамплиеров времен Второго крестового похода; о том, что он скорее всего послужил прототипом говорит специфическая прическа, характерная для той эпохи.

¹⁶⁹ Dilys Derwent (Dilys Awards – премия, присуждаемая независимой Ассоциацией торговли

Колдун с землистым лицом и короткой чёрной чёлкой и престарелая ведьма на соседнем с ним полотне, с длинными седыми локонами, тут же открыли глаза, несмотря на то, что секунду назад, казалось, видели десятый сон.

– Вы слышали? – поинтересовался Дамблдор.

Колдун кивнул, ведьма откликнулась:

– Разумеется.

– У мужчины рыжие волосы и очки, – произнёс Дамблдор. – Эврар, вы должны объявить тревогу и убедиться, что его найдут те, кому следует...

Оба кивнули и удалились за свои рамы, но вместо того, чтобы появиться в соседних картинах (как это обычно бывает в Хогвартсе), оба исчезли из виду. Теперь в одной раме остался только тёмный занавес фона, а в другой – красивое кожаное кресло. Гарри заметил, что портреты многих других директоров и директрис школы, продолжая очень правдоподобно храпеть и пускать слюни, тайком поглядывают на него из-под ресниц, и неожиданно догадался, кто же тут разговаривал перед их приходом.

– Эврар и Дилис одни из самых знаменитых глав Хогвартса, – пояснил Дамблдор, проходя мимо Гарри, Рона и профессора МакГонагалл и направляясь к величественной птице, спящей у двери на жёрдочке. – Они настолько прославлены, что и в других важных магических учреждениях висят их портреты. А поскольку они вольны гулять с одного своего портрета на другой, они смогут рассказать нам, что происходит где-нибудь ещё...

– Но мистер Уизли может быть где угодно! – воскликнул Гарри.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил Дамблдор так, словно Гарри ничего не сказал. – Эврара и Дилис несколько минут не будет. Профессор МакГонагалл, не затруднит ли вас придвинуть дополнительные кресла...

Профессор МакГонагалл достала из кармана халата палочку, взмахнула, и из ниоткуда возникли три деревянных полукресла с прямыми спинками, значительно отличающиеся от тех удобных ситцевых кресел, которые наколдовал Дамблдор во время слушания дела Гарри. Гарри сел, посматривая на Дамблдора через плечо. Директор одним пальцем погладил золотисто оперённую голову Фокса. Феникс тут же проснулся. Он вытянул вверх изящную шею и блестящими тёмными глазами глянул на Дамблдора.

– Нам понадобится подавать сигнал, – очень тихо произнёс Дамблдор птице.

Вспыхнуло пламя, и феникс исчез.

Затем Дамблдор склонился над одним из хрупких серебряных приборов, чьего предназначения Гарри никогда не знал, перенёс на свой стол, сел перед ним и легко прикоснулся к прибору кончиком волшебной палочки.

Прибор, звякнув, ожил, и немедленно раздался ритмичный перезвон. Из крошечной серебряной трубочки наверху за клубился бледно-зелёный дымок. Дамблдор внимательно разглядывал дым и хмурился. Несколько секунд спустя небольшие клубы дыма превратились в ровную струю, которая становилась всё гуще, извивалась в воздухе... и превратилась в

голову змея с разинутой пастью. Гарри забеспокоился, подтвердит ли прибор его рассказ: он в нетерпении взглянул на Дамблдора, ожидая признания своей правоты, но Дамблдор не поднимал глаз.

– Конечно, конечно, – пробормотал Дамблдор, должно быть сам себе, без малейшего признака удивления продолжая следить за струёй дыма. – А по сути разделились?

Этот вопрос был непонятен Гарри ни с какой стороны. Неожиданно дымный змей раздвоился, и в полутьме, свиваясь в кольца, образовались две змеи. С видом мрачного удовлетворения Дамблдор ещё раз коснулся палочкой прибора, перезвон стал медленнее и совсем стих, дымовые змеи побледнели, растаяли туманом и исчезли.

Дамблдор отнёс прибор обратно на высокий столик. Гарри увидел, что многие директора школы следят за ним со своих портретов, но, как только понимают, что Гарри это заметил, они тут же вновь впадают в притворную спячку. Захотелось было спросить, зачем нужен этот странный серебряный прибор, но прежде чем Гарри успел открыть рот, из-под самого потолка, справа от них донёсся оклик: колдун по имени Эввар, слегка запыхавшись, опять появился на своём портрете.

– Дамблдор!

– Какие новости? – тотчас же осведомился у него Дамблдор.

– Я звал до тех пор, пока не пришли, – колдун вытер лоб занавесью, висевшей за его спиной, – сказал, что слышал, как кто-то направился вниз... они ещё сомневались, верить мне или нет, но всё-таки спустились проверить... вы же знаете, там портретов вообще нет, следить неоткуда. В общем, пару минут спустя его принесли. Выглядит он неважно, весь в крови; когда они ушли, я сбегал на портрет Эльфриды Крагг,¹⁷⁰ чтобы лучше рассмотреть...

Рон судорожно дёрнулся.

– Хорошо, – заметил Дамблдор, – надеюсь, Дилис увидит, когда он появится, тогда...

В этот момент на своей картине появилась ведьма с седыми локонами; кашляя, присела в кресло и сообщила:

– Дамблдор, да, его привезли в больницу святого Мунго... несли мимо моего портрета... он совсем плох...

– Благодарю вас, – кивнул Дамблдор и повернулся к профессору МакГонаголл: – Минерва, мне нужно, чтобы вы сходили и разбудили остальных детей Уизли.

– Конечно...

Профессор МакГонаголл встала и поспешно направилась к двери. Гарри искоса взглянул на Рона, тот выглядел ужасно.

– А, Дамблдор... что насчёт Молли? – профессор МакГонаголл остановилась в дверях.

– Этим займётся Фокс, когда закончит следить за всеми, кто на подступах, – ответил Дамблдор. – Но возможно Молли уже в курсе... у неё прекрасные часы...

¹⁷⁰ Elfrida Cragg (возможно это опечатка, потому что в «Квиддич сквозь века» упоминается Elfrida Clagg, глава Магического Собрании /Wizard's Council/ в конце 14-го века)

Гарри понял, какие часы имеет в виду Дамблдор — эти часы показывали не время, а местонахождение и состояние всех членов семьи Уизли, — и с замиранием сердца подумал, что стрелка мистера Уизли сейчас, должно быть, указывает на «*смертельную опасность*». Но ведь уже очень поздно. Миссис Уизли, наверное, спит, и не смотрит на часы. Гарри похолодел, когда вспомнил боггарта миссис Уизли, который обернулся трупом мистера Уизли, вспомнил перекошенные очки, потеки крови на лице... но мистер Уизли не умрёт... не может этого быть...

Дамблдор уже копался в серванте за спинами Гарри и Рона. Он извлёк оттуда старый закопчённый чайник, принёс и аккуратно поставил на стол. Поднял палочку и шепнул: «*Portus!*» Чайник задрожал и вспыхнул загадочным, синим пламенем, когда он совсем почернел, вибрация прекратилась.

Дамблдор перешёл к другому портрету, на сей раз — к пронизательного вида колдуну с острой бородкой, одетому в зелёные с серебром цвета Слизерина, который, похоже, спал так крепко, что голоса Дамблдора, пытающегося его разбудить, не слышал.

— Финеас. *Финеас*.

Обитатели портретов, которыми был увешан кабинет, больше не притворялись спящими, они высунулись из рам, чтобы получше видеть происходящее. Но поскольку колдун пронизательной наружности продолжал делать вид, что спит, то к Дамблдору присоединились и портреты:

— Финеас! Финеас! ФИНЕАС!

Дальше притворяться он уже не мог, поэтому театрально вздрогнул и широко открыл глаза.

— Меня кто-то звал?

— Финеас, мне нужно, чтобы вы ещё раз навестили свой второй портрет, — сказал Дамблдор. — У меня ещё одно сообщение.

— Навещать второй портрет? — прогнусавил Финеас и притворно протяжно зевнул (при этом он обвёл глазами комнату и остановился на Гарри). — О, Дамблдор, нет, я так устал нынче.

Голос Финеаса показался Гарри смутно знакомым, но где он мог его слышать? Прежде, чем он успел вспомнить, окружающие портреты бурно запротестовали:

— Это неподчинение, сэр! — размахивая кулаками, заревел тучный колдун с красным носом. — Обязанностями пренебрегаете!

— Наш почётный долг — оказывать содействие действующему директору школы Хогвартс! — крикнул субтильный пожилой колдун, в котором Гарри опознал предшественника Дамблдора, профессора Армандо Диппета. — Позор вам, Финеас!

— Дамблдор, может мне его уговорить? — предложила ведьма с глазами-буравчиками и взяла на изготовку необычно толстую волшебную палочку, больше похожую на берёзовую розгу.

– Ну, *ладно-ладно*, – опасливо глядя на палочку, протянул колдун по имени Финеас, – а ведь он уже вполне мог уничтожить и мой портрет так же, как и большинство портретов прочих членов семьи...

– Сириус и не знает, как уничтожить ваш портрет, – отозвался Дамблдор, и Гарри тут же вспомнил, где он слышал голос Финеаса прежде: голос исходил из пустой на первый взгляд рамы в спальне на площади Гриммолд. – Вам следует передать ему, что Артур Уизли серьёзно ранен, и скоро у него в доме появятся жена и дети Уизли и Гарри Поттер. Вам понятно?

– Артур Уизли ранен, пожалуют его жена, дети и Гарри Поттер, – скучающим тоном повторил Финеас. – Да, да... превосходно...

Он скрылся за картинной рамой, и в тот же момент дверь опять открылась. Профессор МакГонаголл ввела Фреда, Джорджа и Джинни, все трое были в пижамах, и вид у всех троих был ошеломлённый и растерянный.

– Гарри... что случилось? – испуганно спросила Джинни. – Профессор МакГонаголл говорит, ты видел, что папа ранен...

– Ваш отец пострадал, когда выполнял задание Ордена Феникса, – уточнил Дамблдор прежде, чем Гарри успел что-либо сказать. – Сейчас он в больнице магических болезней и травм имени святого Мунго. Я отправляю вас назад, в дом Сириуса, оттуда попасть в больницу будет удобнее, чем из Норы. Со своей матерью вы встретитесь там.

– А как нам туда добираться? – растерянно спросил Фред. – С летучим порошком?

– Нет, – ответил Дамблдор. – Пользоваться летучим порошком сейчас небезопасно, за сетью следят. Возьмёте портключ, – он показал на старый чайник, невинно стоявший на столе. – Только дождёмся возвращения Финеаса Найджеллуса с подтверждением... перед тем, как отправить вас, я хочу быть уверен, что путь свободен...

В этот миг в самом центре кабинета полыхнул огонь, потух, и вниз плавно полетело одинокое золотое перо.

– Это сигнал от Фокса, – Дамблдор подхватил перо на лету, – ну надо же было профессору Амбридж прознать, что вас нет в спальнях... Минерва, пойдите, отвлеките её... придумайте что-нибудь...

Мелькнув шотландскими клетками, профессор МакГонаголл вышла.

– Он сказал, что будет в восторге, – раздался скучающий голос за спиной Дамблдора: на фоне своего слизеринского занавеса вновь появился колдун по имени Финеас. – По части гостей вкус у моего праправнука всегда был странный.

– Так, подходите сюда, – позвал Дамблдор Гарри и всех Уизли. – И побыстрее, пока к нам не присоединился ещё кто-нибудь.

Все вместе с Гарри собрались вокруг стола Дамблдора.

– Вы пользовались портключом раньше? – уточнил Дамблдор, все кивнули и протянули руки, готовясь коснуться какой-либо части закопчённого чайника. – Отлично. На счёт «три», ну... раз... два...

Всё произошло в долю секунды: за мгновение перед тем, как Дамблдор сказал «три», Гарри взглянул на него — они стояли очень близко друг к другу — и пристальный взгляд ярко-синих глаз Дамблдора скользнул от портключика к лицу Гарри.

И моментально шрам Гарри обжигающе вспыхнул, словно лопнула кожа на незажившей ране и — неожиданно-негаданно, но с чудовищной силой — внутри Гарри полыхнула такая жгучая ненависть, которой прежде он никогда не испытывал, и все его чувства поглотило одно желание: вонзить... всадить... вогнать до упора зубы в этого человека напротив...

— ...Три.

Гарри почувствовал мощный рывок за самое нутро, земля ушла из-под ног, рука прилипла к чайнику, и вместе со всеми вслед за чайником, в толчее, он понёсся куда-то всё быстрее и быстрее, в водовороте красок и порывах ветра... до тех пор, пока ноги не врезались в землю так сильно, что подогнулись колени, чайник загрохотал по полу, а чей-то голос рядом сказал:

— Вернулись, ублюдки мерзкого отступника. Это правда, что их отец помирает?

— ВОИ! — зарычал второй голос.

Гарри с трудом поднялся на ноги и огляделся по сторонам: они оказались в мрачном подвале, на кухне дома двенадцать на площади Гриммода. Единственными источниками света были камин и одинокая угасающая свеча, освещавшая остатки отшельнического ужина. Кричер подтянул набедренную повязку, бросил на всех злобный взгляд и скрылся за дверью, ведущей в холл, Сириус с озабоченным видом бросился к ребятам. Он был небрит и, судя по одежде, спать не собирался, от него слегка пахло так же, как от Мундунгуса — перегаром.

— Что случилось? — он протянул руку, помогая Джинни встать. — Финneas Найджеллус сказал, что Артур тяжело ранен...

— Спроси у Гарри, — предложил Фред.

— Ага, я бы и сам не прочь послушать, — поддакнул Джордж.

Близнецы и Джинни уставились на Гарри. За дверью на лестнице шаги Кричера замерли.

— Это был... — начал Гарри; но рассказывать им оказалось ещё сложнее, чем МакГонаголл и Дамблдору. — У меня было... ну, скажем... видение...

И он поведал всё произошедшее, правда, изменил рассказ так, чтобы всё выглядело, словно он видел нападение змеи не её глазами, а со стороны. Рон, по-прежнему белый как мел, искоса взглянул на него, но не произнёс ни слова. Когда Гарри закончил, Фред, Джордж и Джинни некоторое время не сводили с него глаз. Гарри почудился в их взглядах оттенок осуждения — хотя он не мог поручиться, что не ошибся. Ну вот, пусть уж лучше осуждают его за то, что он стал свидетелем нападения, и хорошо, что он не сказал им, как видел всё змеиным зрением.

— Мама здесь? — Фред повернулся к Сириусу.

— По всей вероятности она даже не в курсе, что произошло, — ответил Сириус. — Прежде всего нужно было вытащить вас, пока не вмешалась Амбридж. Я полагаю, сейчас Дамблдор сообщит Молли.

– Нам нужно в больницу святого Мунго, – торопливо сказала Джинни. Она окинула взглядом братьев, те по-прежнему, естественно, были в пижамах. – Сириус, ты можешь дать нам плащи или ещё что-нибудь?

– Спокойно, сейчас в больнице вам показываться нельзя! – отрезал Сириус.

– Если хочется, очень даже можно, – упрямо возразил Фред. – Он наш папа!

– И как вы собираетесь объяснять, откуда вам известно про нападение на Артура, если больница даже жену пока не поставила в известность?

– Какая разница? – пылко запротестовал Джордж.

– Большая! Не следует привлекать внимание к тому факту, что у Гарри случаются видения о происходящем за сотни миль от него! – разгневался Сириус. – Представьте себе, как с такой информацией поступит Министерство?

Судя по виду Фреда и Джорджа, поступки Министерства волновали их меньше всего. Рон, неизменно бледный как полотно, хранил молчание.

Джинни предложила:

– А может, нам ещё кто-нибудь рассказал... может, мы от кого другого услышали, не от Гарри.

– Например – кто? – скептически поинтересовался Сириус. – Послушайте, ваш папа был ранен, когда выполнял задание Ордена, при весьма подозрительных обстоятельствах, и не хватало ещё его детей, которые вдруг ни с того ни с сего в тот же миг узнали о случившемся. Вы можете серьёзно навредить Ордену...

– Да плевать нам на этот дурацкий Орден! – взбеленился Фред.

– Речь о том, что наш папа умирает! – вскричал Джордж.

– Ваш отец знал, на что идёт, и за вред Ордену он вам спасибо не скажет! – с такой же яростью воскликнул Сириус. – Вот почему... вот поэтому вы не члены Ордена... вам не понять... есть вещи, за которые стоит умереть!

– Легко тебе сидеть тут и рассуждать! – заорал Фред. – Что-то я не вижу, чтобы ты своей шеей рисковал!

Сириус побледнел как мертвец. Казалось, что ему безумно хочется ударить Фреда, но ответил он совершенно хладнокровно:

– Я понимаю, что это нелегко, но мы приняли решение действовать так, словно нам пока ничего неизвестно. Мы останемся здесь по крайней мере до тех пор, пока не получим известие от вашей матери, ясно?

Воинственный пыл Фреда и Джорджа это не умерило. Но Джинни шагнула к ближайшему стулу и села. Гарри взглянул на Рона, тот странно отреагировал – то ли поклонился, то ли пожал плечами – и тоже сел. Близнецы ещё некоторое время мерили Сириуса взглядами, но потом всё же усадились по обе стороны от Джинни.

– Вот это правильно, – одобрительно кивнул Сириус, – ну, давайте мы... давайте выпьем, пока ждём. *Ассю, сливочное пиво!*

При этих словах он взмахнул палочкой, и из кладовой вылетело полдюжины бутылок, они скользнули по столу, раздвигая остатки трапезы Сириуса, и замерли точно перед всеми

пестерыми. Пили все молча, тишину нарушал только треск в кухонном камине и негромкий стук, с которым бутылки ставили на стол.

Гарри пил только затем, чтобы хоть чем-то занять руки. Его снедало жгучее, отвратительное чувство вины. Если бы не он, они все здесь не сидели бы, а спали бы себе спокойно в своих кроватях. Ничего утешительного в том, что он сам поднял тревогу, Гарри тоже не находил – и в этом не было бы никакой необходимости, если бы он прежде сам не напал на мистера Уизли.

«Не валяй дурака, у тебя нет клыков, – сказал себе Гарри, пытаясь сохранять спокойствие, хотя рука его на бутылке сливочного пива дрожала, – ты лежал в кровати, и ни на кого ты не нападал...»

А что же тогда произошло в кабинете Дамблдора? – спросил он себя. – Мне показалось, что я и на Дамблдора хочу наброситься...»

Он опустил бутылку на стол чуть резче, чем следовало, и сливочное пиво выплеснулось. Никто не обратил внимания. И вдруг в воздухе вспыхнуло пламя, освещая грязные тарелки на столе, все вскрикнули от неожиданности, а на стол с глухим стуком упал пергаментный свиток и золотое перо из хвоста феникса.

– Фокс! – воскликнул Сириус и подхватил пергамент. – Это не от Дамблдора... должно быть это послание от вашей матери... вот...

Он сунул письмо в руки Джорджа, тот распечатал и вслух прочёл: *«Папа пока жив. Я сейчас же отправляюсь в больницу святого Мунго. Ничего не предпринимайте. Как только смогу, фразу отправлю вам сообщение. Мама.»*

Джордж оглядел сидевших за столом.

– Пока жив... – медленно повторил он. – Но это значит...

Ему не нужно было заканчивать фразу. Гарри и сам понял, что мистер Уизли при смерти. По-прежнему страшно бледный, Рон уставился на обратную сторону материнского письма, словно ища там слова утешения. Фред вытащил пергамент из рук Джорджа, прочёл про себя, а потом взглянул на Гарри, тот почувствовал, что рука его на бутылке сливочного пива вновь задрожала, и сжал бутылку покрепче, чтобы унять дрожь.

Более долгой ночи, чем эта, Гарри не помнил за всю свою жизнь. Один раз Сириус предложил отправиться спать, но без всякой надежды на понимание, и в ответ ему были только раздражённые взгляды всех Уизли. За столом сидели молча, следили за фитильком свечи, который всё ниже и ниже опускался в расплавленный воск, время от времени подносили к губам бутылку и заговаривали лишь для того, чтобы узнать время или вслух задуматься о том, что же происходит, – но тут же заверяли друг друга, что, будь новости плохими, они узнали бы их сразу, потому что миссис Уизли, должно быть, давным-давно уже в больнице.

Фред задремал, склонив голову на плечо. Джинни словно кошка свернулась на стуле, но глаза её были открыты, Гарри видел в них отблески пламени камина. Рон сидел, уткнувшись головой в руки, бодрствовал он или спал, сказать было сложно. Гарри и Сириус, невольные свидетели горя этой семьи, всё время посматривали друг на друга и ждали... ждали...

В десять минут шестого по часам Рона дверь кухни распахнулась и появилась миссис Уизли. Она была до крайности бледна, но когда все вскинули к ней головы, а Фред, Рон и Гарри даже привскочили с мест, миссис Уизли слабо улыбнулась.

— С ним всё будет в порядке, — прерывающимся от усталости голосом пояснила она. — Он спит. Нам всем можно будет попозже его проводить. Сейчас с ним Билл, он с утра не пойдёт на работу.

Фред рухнул на стул и прижал ладони к лицу. Джордж и Джинни вскочили, подбежали к матери и обняли её. Рон надтреснуто рассмеялся и залпом выпил остатки сливочного пива.

— Завтрак! — облегчённо воскликнул Сириус и встал. — Где этот проклятый домовый эльф? Кричер! КРИЧЕР!

Но Кричер не объявлялся.

— Да пропади он пропадом, — буркнул Сириус и стал считать присутствующих. — Так, завтракаем мы... сейчас посмотрим... всемером... яйца с беконом, пожалуй, и много чая, и тосты...

Гарри бросился к очагу, на помощь. Мешать торжеству семьи Уизли ему не хотелось, и ужасала перспектива того, что миссис Уизли попросит пересказать видение. Однако едва успел достать из буфета тарелки, как миссис Уизли забрала их у него и заключила его в объятия.

— Не представляю, что было бы, если бы не ты, Гарри, — сдавленно прошептала она. — Наверное, Артура нашли бы очень нескоро, а то и вообще слишком поздно, а благодаря тебе он жив, Дамблдор сможет придумать для него какое-нибудь удачное оправдание, объяснить, как он там оказался, ты ведь даже не представляешь, какие у него могли быть неприятности, вон бедняжка Стёрджис...

Гарри с трудом выдержал эти восхваления, к счастью миссис Уизли вскоре выпустила его и принялась благодарить Сириуса за проявленную ночью заботу о детях. Сириус заверил, что был бесконечно счастлив оказаться полезным и высказал надежду, что все они останутся здесь, пока мистер Уизли в больнице.

— Ах, Сириус, я так признательна... сказали, что он там пробудет ещё какое-то время, и было бы так замечательно жить к нему поближе... конечно, ещё бы и на Рождество...

— Лучше не придумаешь! — так искренне согласился Сириус, что миссис Уизли просияла от счастья, повязала фартук и принялась помогать готовить завтрак.

— Сириус, — не в силах терпеть больше, шепнул Гарри, — можно тебя на пару слов? Э-э... прямо сейчас?

Он направился в тёмную кладовку, Сириус последовал за ним. Гарри с ходу поведал крёстному во всех подробностях своё видение, в том числе и то, что сам он был змеей, которая набросилась на мистера Уизли.

Когда он остановился, чтобы перевести дух, Сириус спросил:

— Дамблдору ты об этом рассказал?

– Да-да, – горячо закивал Гарри, – но он не объяснил мне, что всё это значит. Ну, он мне вообще ничего не сказал.

– Не сомневаюсь, было бы о чём волноваться, сказал бы, – уверенно ответил Сириус.

– Но это ещё не всё, – Гарри понизил голос почти до шёпота, – Сириус, я... мне кажется, я схожу с ума. Когда я был в кабинете Дамблдора, прямо перед тем, как мы дотронулись до портключача... на несколько секунд мне показалось, что я – змея, я *мыслил* как змея... когда я посмотрел на Дамблдора, у меня шрам жутко заболел... Сириус, я хотел на него наброситься!

Гарри видел лишь узкую полоску лица Сириуса, остальное скрывал полумрак.

– Пожалуй, это просто следствие твоего видения, вот и всё. Ты просто помнил сон, ну, или что это было, и...

– Нет, это было по-другому, – Гарри покачал головой, – из меня как будто что-то лезло наружу, как будто *змея* была внутри.

– Тебе нужно поспать, – твёрдо решил Сириус. – Позавтракаешь, потом пойдёшь наверх и ляжешь спать, а после обеда съездишь вместе со всеми провести Артура. Гарри, у тебя шок, ты обвиняешь себя в том, чему был только свидетелем, и это счастье, что ты им *был*, иначе Артур мог умереть. Прекрати переживать.

Сириус похлопал Гарри по плечу и вышел из кладовки, оставив его одного в темноте.

* * *

Все кроме Гарри до обеда проспали. Гарри тоже пошёл в спальню, которую они с Роном делили минувшим летом, но если Рон залез в постель и через несколько минут уже спал, то Гарри, не раздеваясь, в намеренно неудобной позе скрючился у холодных металлических прутьев спинки кровати и решил не спать, боясь во сне вновь обернуться змеей, и, проснувшись, обнаружить, что напал на Рона, или того хуже – ползает по дому от одного к другому...

Когда Рон проснулся, Гарри сделал вид, что тоже сладко потягивается ото сна. Пока они обедали, из Хогвартса доставили их сундуки, чтобы можно было переодеться в магловскую одежду для путешествия в больницу святого Мунго. Для всех, кроме Гарри, перемена мантий на джинсы и рубашки-поло стала событием радостным и достойным обсуждения. Когда появились Тонкс и Безумный Глаз, чтобы охранять их во время поездки по Лондону, их встретил горячий приём, все дружно смеялись по поводу котелка Безумного Глаза, надетого набекрень, чтобы скрыть магический глаз, и искренне заверяли его, что Тонкс, со своими нынешними короткими ярко-розовыми волосами, в метро будет привлекать к себе гораздо меньше внимания.

171

171 в популярном британском телесериале «Мстители» (Avengers) конца 60-х, и снятом позже одноимённом американском римейке, действовала пара агентов некоего Министерства, расположенного под землёй – мужчина носил котелок, а женщина всё время меняла внешность

Тонкс живо заинтересовалась видением Гарри о нападении на мистера Уизли, но Гарри никакого желания обсуждать это не проявил.

Поезд грохотал в центр города; Тонкс села рядом с Гарри.

– У тебя в родне каких-нибудь *профок* не было, а? – полюбопытствовала она.

– Нет, – Гарри вспомнил профессора Трелони и даже обиделся.

– Нет, – задумчиво повторила Тонкс, – нет, я бы настоящим пророчеством это не назвала... По-моему, ты не будущее видел, ты видел настоящее... странно, да? Но всё равно – стоящее дело...

Гарри ничего не ответил, к счастью на следующей остановке им нужно было выходить, станция находилась в самом центре Лондона, и в суматохе на выходе из вагона он пропустил вперёд себя Тонкс, а следом и Фреда с Джорджем. Все направились за Тонкс на эскалатор, Муди надвинул поглубже котелок, напряжённо сунул руку за борт плаща, сжимая там палочку, и с глухим стуком припадая на одну ногу, замыкал шествие. Гарри спиной ощущал, как пристально следит за ним замаскированный глаз. Пытаясь избежать дальнейших расспросов насчёт сна, Гарри стал спрашивать у Безумного Глаза, где скрывается больница святого Мунго.

– Недалеко отсюда, – рыкнул Безумный Глаз, когда они, вдыхая зимнюю свежесть, шагали по широкой улице, полной магазинов и запруженной предрождественскими покупателями.

Он подтолкнул Гарри чуть вперёд себя и хромал следом за ним вплотную; Гарри понимал, что глаз под надвинутым котелком сейчас вращается во все стороны.

– Найти подходящее место для больницы было непросто. В Косом переулке такого большого пространства не нашлось, а прятать больницу под землю, как Министерство – вредно для здоровья. В конце концов, решили устроить её здесь. С тем расчётом, что больные колдуны смогут легко затеряться в толпе.

Он ухватил Гарри за плечо, чтобы их не разделило стадо покупателей явно вознамерившихся взять штурмом ближайший магазин набитый электрическими штучками.

– Нам сюда, – спустя мгновение распорядился Муди.

Они оказались у большого, старомодного многоэтажного магазина из красного кирпича под названием «Экзорцист & Лозоход Лтд».¹⁷² Выглядело строение убого и жалко, в витринах стояла кучка несуразных щербатых манекенов в париках набекрень, демонстрирующих моды по меньшей мере десятилетней давности. Пыльные двери были сплошь заклеены объявлениями: «Закрето на реконструкцию». Гарри отчётливо расслышал, как дородная женщина, нагруженная пластиковыми пакетами, проходя мимо, сказала спутнице: «*Вечно* здесь закрыто...»

– Ну вот, – Тонкс подозвала всех к витрине, в которой стоял особенно уродливый женский манекен. Фальшивые ресницы у него висели вкривь и вкось, а наряжен он был в нейлоновый зелёный сарафан. – Все готовы?

¹⁷² "Purge & Dowse Ltd"

Сгрудясь вокруг Тонкс, все закивали. Муди подтолкнул Гарри вперёд очередным тычком между лопаток, и Тонкс, глядя на безобразный манекен, наклонилась к стеклу вплотную, так, что оно запотело от её дыхания, и прошептала:

– Приветик. Мы пришли провести Артура Уизли.

Гарри подумал, что со стороны Тонкс слишком наивно полагать, будто манекен услышит её шёпот на фоне царившего за их спинами грохота автобусов и гула улицы, запруженной покупателями. Потом он напомнил себе, что манекены вообще ничего не слышат. А в следующую секунду уже открыл от изумления рот, потому что манекен еле заметно кивнул и поманил шарнирным пальцем. Тонкс схватила Джинни и миссис Уизли под руки, они вступили прямо сквозь стекло и исчезли.

За ними вошли Фред, Джордж и Рон. Гарри оглянулся на толпу прохожих: кажется, такие уродливые витрины, как в «Экзорцист & Лозоход Лтд», никто и взглядом не удостоивал, при этом ни одна живая душа не заметила, как только что, у всех на виду, бесследно исчезли шесть человек.

– Вперёд, – рявкнул Муди, опять подтолкнул Гарри в спину, и они вместе шагнули вперёд сквозь нечто похожее на пелену холодной воды, которая с той стороны оказалась совершенно тёплой и сухой.

Внутри не было ни следа уродливого манекена, ни даже места, где он стоял. Они оказались в каком-то переполненном приёмном покое, где на шатких деревянных стульях сидели ведьмы и колдуны: некоторые с виду вполне нормальные и листают старые номера «Намедни с ведьмой»,¹⁷³ а некоторые – чудовищно обезображены всякими слоновьими хоботами или дополнительными руками, растущими из груди. В комнате было не тише, чем на улице снаружи, многие пациенты издавали необычные звуки: в середине первого ряда вспотевшая ведьма, энергично обмахиваясь экземпляром «Ежедневного пророка», непрерывно выпускала пронзительный свист, и изо рта у неё начинал идти пар, а в уголке неопрятного вида чародей при каждом движении тренькал, как звонок, и от каждого звяканья голова у него начинала так сильно вибрировать, что ему приходилось хватать себя за уши, чтобы остановиться.

Вдоль рядов вперёд-назад ходили ведьмы и колдуны в ярко-зелёных мантиях, задавая вопросы и, на манер Амбридж, делая пометки в книжечках. Гарри обратил внимание на эмблему, вышитую у них на груди: перекрещённые волшебная палочка и кость.

– Это врачи? – тихо спросил он у Рона.

– Врачи? – удивился Рон. – Эти шальные магглы, которые режут людей? Не-а, это целители.

– Сюда идите! – позвала миссис Уизли, заглушая звяканье чародея в углу.

Ребята подошли к ней и встали в очередь к пышнотелой светловолосой ведьме, восседавшей за столом с табличкой «Информация». Стена за спиной ведьмы была увешана разнообразными объявлениями и лозунгами вроде: «ЧИСТОТА В КОТАЕ – ЗАЛОГ

¹⁷³ "Witch Weekly"

ЗДОРОВЬЯ НА МЕТЛЕ» и «ОТ ПРОТИВОЯДИЯ ДО ЯДА ОДИН ШАГ – ОПЫТНЫЙ ЦЕЛИТЕЛЬ ПОМОЖЕТ ТЕБЕ ЕГО НЕ СДЕЛАТЬ».¹⁷⁴ Там же висел большой портрет ведьмы с длинными седыми бублями, подписанный:

«Дилис Дёрвонт

Целительница больницы св. Мунго, 1722–1741

Директор школы колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс», 1741–1768»

Дилис вглядывалась в сторону сгрудившихся Уизли, словно пересчитывая их по головам; встретившись взглядом с Гарри, незаметно подмигнула, удалилась за раму портрета и исчезла.

Тем временем, стоявший первым в очереди молодой колдун пританцовывал какую-то странную джигу на месте и, чередуя рассказ страдальческими повизгиваниями, пытался объяснить свои проблемы сидящей за столом ведьме:

– Эти... ох... ботинки дал мне мой брат... ой... они кусают мне... УХ... ноги... посмотрите, они, наверное... УЙ... прокляты, я не могу... У-УЙ... снять их!

Он скакал с ноги на ногу так, будто танцевал на раскалённых углях.

– Надеюсь, ботинки не мешают вам читать? – блондинистая ведьма раздражённо показала на большое табло слева от стола. – Вам нужно во «Заклинательные Повреждения», на пятый этаж. В соответствии с поэтажным описанием. Следующий!

Когда колдун, прихрамывая и подскакивая, отошёл, все Уизли продвинулись на пару шагов, и Гарри прочёл поэтажное описание:

РУКОТВОРНЫЕ НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИПервый этаж

Взрывы котлов, отдача при использовании волшебных палочек, метлоаварии и т. д.

ТРАВМЫ, ПРИЧИНЁННЫЕ МАГИЧЕСКИМИ СУЩЕСТВАМИВторой этаж

Укусы, ужаливания, ожоги, застрявшие иглы и т. д.

МАГИЧЕСКИЕ ВИРУСНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯТретий этаж

Инфекционные болезни, в т. ч. драконянка, полный изнурыз, золотуха-запутуха и т. д.

ОТРАВЛЕНИЯ ЗЕЛЬЯМИ И ТРАВАМИЧетвёртый этаж

Сыть, рвота, смехонедержание и т. д.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯПятый этаж

Неснимаемые сглазы, порча, некорректно наложенные чары и т. д.

КАФЕ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ / МАГАЗИН ПРИ БОЛЬНИЦЕШестой этаж

¹⁷⁴ A CLEAN CAULDRON KEEPS POTIONS FROM BECOMING POISONS and ANTIDOTES ARE ANTI-DON'TS UNLESS APPROVED BY A QUALIFIED HEALER

«ЕСЛИ ВЫ НЕ ОПРЕДЕЛИЛИСЬ, КУДА ИДТИ, НЕ В СОСТОЯНИИ НОРМАЛЬНО РАЗГОВАРИВАТЬ ИЛИ НЕ МОЖЕТЕ ВСПОМНИТЬ, ЗАЧЕМ ВЫ СЮДА ПРИШЛИ, НАШИ ЗАДРАВВЕДЬМЫ¹⁷⁵ ВСЕГДА РАДЫ ВАМ ПОМОЧЬ.»

Теперь первым в очереди оказался сгорбленный старичок-колдун со слуховой трубкой:

– Мне тут нужно провести Бродерика Боуда! – просипел он.

– Пятьдесят девятая палата, но, боюсь, вы зря потратите время, – лениво ответила ведьма. – Он совсем плох на голову, знаете ли, по-прежнему считает, что он – заварочный чайник. Следующий!

Встревоженный колдун крепко придерживал за лодыжку свою малютку-дочь, которая порхала над его головой на огромных оперённых крыльях, растущих прямо сквозь спинку детского комбинезончика.

– Пятый этаж, – без лишних вопросов, бросила ведьма, и мужчина вместе с дочерью, напоминающей затейливый воздушный шарик, скрылся за двойными дверями по соседству со столом. – Следующий!

К столу подошла миссис Уизли.

– Добрый день, – начала она, – моего мужа, Артура Уизли, сегодня утром должны были перевести в какую-то другую палату, вы не подскажете...

– Артур Уизли? – ведьма проследила пальцем по лежавшему перед ней длинному списку. – Да, второй этаж, вторая дверь справа, палата имени Дая Ллевеллина.

– Спасибо, – поблагодарила миссис Уизли. – Ну, идём.

Все устремились следом за ней через двустворчатые двери по узкому коридору, увешанному множеством портретов известных целителей и освещённому хрустальными стосвечовыми шарами, которые плавали под потолком словно гигантские мыльные пузыри. Они проходили мимо дверей, через которые туда-сюда сновали многочисленные ведьмы и колдуны в ярко-зелёных мантиях, из какой-то двери в коридор распространялся жёлтый газ с отвратительным запахом, и время от времени доносились отдалённые подвывания. Поднялись по лестнице и вошли в отделение «Травм, причинённых магическими существами», на второй двери справа висело название: *«Палата имени Дая Ллевеллина «Опасного»: Тяжёлые укусы»*. Ниже на медном крючке болталась написанная от руки табличка: *«Лечащий целитель: Гиппократ Сметуик. Целитель-практикант: Август Пау»*.¹⁷⁶

¹⁷⁵ Welcomewitch

¹⁷⁶ "Dangerous" Dai Llewellyn Ward – в Англии больничные палаты могут называться в честь знаменитых людей. Произносится как "Dangerous die leveling Ward" что означает приблизительно "Палата стабилизации при смертельной угрозе". (Llewellyn – валлийское имя, в переводе дано в валлийском произношении; Dai – Давид в валлийском произношении) Healer-in-Charge: Hippocrates Smethwyck (Сметуик – город в Великобритании) Trainee Healer: Augustus Pye (Henry James Pye – англ. поэт 18 в., автор патриотических поэм)

– Молли, мы снаружи подождём, – сказала Тонкс. – Артуру слишком много посетителей ни к чему... лучше пусть сначала семья.

Муди одобрительно промычал и прислонился спиной к стене, зыркая магическим глазом во все стороны. Гарри тоже отошёл назад, но миссис Уизли потянулась за ним и подтолкнула к двери:

– Не выдумывай, Гарри, Артур хочет тебя поблагодарить.

Палата была небольшая и довольно тёмная, потому что единственное узкое окно в стене напротив входа располагалось довольно высоко. Поярче светили хрустальные шары, сосредоточенные в центре потолка. Обшитые дубовыми панелями стены украшал портрет мага с некоторой червоточинкой в лице, подписанный: *«Уркхарт Ракаффу, 1612–1697, создатель Кишковыматывающего проклятия»*.¹⁷⁷

Пациентов было всего трое. Кровать мистера Уизли стояла в дальнем конце палаты, около крошечного окна. Гарри с радостью и облегчением увидел, что мистер Уизли полулежит на подушках и при свете единственного солнечного луча, падающего на кровать, читает «Ежедневный пророк». Он поднял голову, узнав посетителей, просиял и бросил газету:

– Здравствуйте! Молли, Билл только-только ушёл, ему на работу нужно было вернуться, но сказал, что попозже к вам заглянет.

– Ну как ты, Артур? – миссис Уизли с беспокойством глянула на мужа и наклонилась поцеловать его в щёку. – Ты всё такой же бледный.

– Я себя совершенно замечательно чувствую, – оживлённо ответил мистер Уизли и потянулся здоровой рукой обнять Джинни. – Я готов уйти домой, только бы повязки сняли.

– Папа, а почему их не снимают? – спросил Фред.

– Ну, каждый раз, как пробуют, сразу жуткое кровотечение начинается, – бодрым голосом ответил мистер Уизли, дотянулся до палочки, которая лежала на прикроватной тумбочке, взмахнул, и у кровати появилось шесть дополнительных стульев, чтобы все могли сесть. – Кажется, в зубах этой змеи была какая-то редкая разновидность яда, от которого раны не затягиваются. Говорят, противоядие обязательно найдётся, бывали случаи и гораздо тяжелее, чем со мной, а пока мне просто нужно каждый час пить Кроветворное зелье. А вот соседа моего, беднягу, – он понизил голос и кивнул на противоположную кровать, где, уставившись в потолок, лежал бледный измождённый мужчина, – укусил *оборотень*. Уже ничего не поможет.

– Оборотень? – с тревогой повторила миссис Уизли. – Ничего, что он лежит в общей палате? Разве он не в отдельной должен быть?

– До полнолуния ещё две недели, – вполголоса напомнил ей мистер Уизли. – Знаешь, целители сегодня утром с ним беседовали, пробовали его убедить, что он сможет вести практически обычный образ жизни. Я ему рассказал... имён не называл, конечно... сказал,

¹⁷⁷ Urquhart Rackharrow, Inventor of the Entrail-expelling Curse (rack – дыба; перен.: мучение; пытаться, мучить; arrow – стрела)

что лично знаком с оборотнем, очень достойным человеком, который с этим состоянием довольно легко справляется.

– Ну и что он ответил? – поинтересовался Джордж.

– Сказал, что если я не замолчу, он и меня укусит, – печально покачал головой мистер Уизли. – А вот *та* женщина, – он кивнул на вторую занятую кровать справа от входа, – не говорит целителям, кто её укусил, поэтому мы решили, что, наверное, у неё содержалось что-то незаконное. Уж не знаю что, но оно отхватило ей здоровенный кусок ноги, а когда ей перевязку делают, запах *очень противный*.

– Папа, ну так ты скажешь нам, что случилось-то? – Фред пододвинул стул поближе к кровати.

– Но вы ведь и так знаете? – мистер Уизли многозначительно улыбнулся Гарри. – Всё проще простого... день был тяжёлый, я с ног валялся, кто-то ко мне подобрался и укусил.

– В «Пророке» написали, что на тебя напали? – Фред показал на газету, отложенную мистером Уизли.

– Нет, конечно нет, – с некоторой горечью возразил мистер Уизли. – Министерство ведь не захочет, чтобы все подряд знали, что здоровенный поганый змей полез...

– Артур! – остановила его миссис Уизли.

– ...Полез... э-э... на меня, – поспешно исправился мистер Уизли, хотя Гарри был совершенно убеждён, что он хотел сказать нечто совсем другое.

– Папа, так где всё это с тобой произошло? – задал вопрос Джордж.

– Не важно, не важно, – мистер Уизли натянуто улыбнулся.

Он взял «Ежедневный пророк», встряхнул его и заметил:

– Когда вы пришли, я как раз читал об аресте Уилли Уиддершинса.¹⁷⁸ Вот знаете, оказалось, что заварушки с извержениями в туалетах летом устраивал этот самый Уилли. Один его наговор с такой отдачей сработал, что туалет взорвался, а его нашли без сознания, с ног до головы в...

– Когда ты говорил, что ходил «на дежурство», – вполголоса прервал его Фред, – что ты там делал?

– Ты же слышишь, о чём отец говорит, – зашипела миссис Уизли, – о другом мы здесь разговаривать не будем! Артур, что там с Уилли Уиддершинсом?

– Ну, уж не знаю, как, но от туалетных обвинений он отмылся, – мрачно продолжил мистер Уизли. – Должно быть, кому-то дал на лапу...

– Ты там что-то охранял, да? – негромко встрял Джордж. – Оружие? Которое Сам-Знаешь-Кому нужно?

– Джордж, тише! – оборвала его миссис Уизли.

– Ну так вот, – повысил голос мистер Уизли, – а сейчас Уилли поймали на продаже маглам кусачих дверных ручек, по-моему в этот раз выкрутиться ему не удастся, потому что в

¹⁷⁸ Willy Widdershins (widdershins – невезучий; 'против солнца', 'против часовой стрелки'; по всей вероятности это тот самый Уилл, с которым имел дела Мундунгус Флетчер)

статье написано, что двое магглов остались без пальцев и теперь лежат в святом Мунго для срочного отращивания костей и модификации памяти. Ну, подумать только, магглы в больнице святого Мунго! Интересно, в какой они палате? — он с энтузиазмом огляделся по сторонам, словно ожидая увидеть указатель.

— Гарри, кажется, ты говорил, что у Сам-Знаешь-Кого была змея? — поинтересовался Фред, следя за отцовской реакцией. — Здоровенная такая? Ты её в ту ночь, когда он возродился, видел, да?

— Всё, хватит! — раздражённо заявила миссис Уизли. — Артур, там за дверью Безумный Глаз и Тонкс хотят зайти тебя проведать. А вы, — добавила она детям и Гарри, — снаружи подождёте. Потом можете зайти и попрощаться. Идите.

Ребята дружно направились в коридор. Безумный Глаз и Тонкс зашли в палату и закрыли за собой дверь. Фред скептически посмотрел им вслед.

— Ладно-ладно, — холодно протянул он, роясь в карманах, — пусть так. Ну и не рассказывайте нам ничего.

— Не это ищешь? — Джордж протянул ему какой-то моток верёвки телесного цвета.

— Мои мысли читаешь, — усмехнулся Фред. — Ну-ка, посмотрим, наложил ли святой Мунго у себя на двери чары Невозмутимости?..

Они с Джорджем распутали моток и отделили друг от друга пять Ушлых Ушей. Затем стали их раздавать. Гарри замешкался брать или не брать.

— Гарри, ты что, давай, бери! Ты спас папе жизнь. Если у кого и есть право подслушивать, так именно у тебя!

Невольно улыбнувшись, Гарри взялся за конец шнурка, данного близнецами, и вставил себе в ухо.

— Ну, поехали! — шепнул Фред.

Телесные шнурки как длинные худосочные червяки зазмеились и заползли под дверь. Сначала Гарри ничего не слышал, а потом вздрогнул, потому что шёпот Тонкс стал различим так явственно, словно она стояла совсем рядом.

— ...Они всё обыскали, но нигде змею не нашли. Как будто после того, как она на тебя напала, Артур, она тут же исчезла... но ведь Сами-Знаете-Кто не рассчитывал, что она сможет внутрь попасть?

— Предполагаю, он послал её на разведку, — рыкнул Муди. — Конечно, сейчас ему рассчитывать не на что. Думаю, он пытается поточнее понять, с чем имеет дело, если бы Артура там не было, у твари было бы гораздо больше времени осмотреться. А Поттер сказал, что видел, как всё произошло?

— Да, — подтвердила миссис Уизли. Голос её звучал слегка натянуто. — Знаете, по-моему Дамблдор чуть ли не ждал, что Гарри что-то в этом роде увидит.

— Ну да, ну да, — согласился Муди, — кто же не знает, что с этим парнишкой Поттером не всё так просто.

— Когда я сегодня утром с Дамблдором разговаривала, мне показалось, что он за Гарри волнуется, — шепнула миссис Уизли.

— Ещё бы ему не волноваться, — рыкнул Муди. — Парень видит всё глазами змеи Сами-Знаете-Кого. Само собой, Поттер не понимает, что это значит, но если Сами-Знаете-Кто им завладеет...

Гарри выдернул Ушное Ухо, сердце его заколотилось, в лицо хлынула кровь. Он взглянул на остальных. Вытаращив глаза и застыв от ужаса, со шнурками из ушей, все они смотрели на него.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

РОЖДЕСТВО В ИЗОЛЯТОРЕ

Так вот почему Дамблдор не хочет смотреть Гарри в глаза? Ждёт, что оттуда на него взглянет Волдеморт? Может быть, боится, что их зелёный цвет внезапно станет красным, зрачки по-кошачьи вытянутся? Гарри вспомнил, как некогда из затылка профессора Квиррелла выдавилось змеинное лицо Волдеморта, и провёл рукой по собственному затылку, ужасаясь тому, каково это – когда из твоего черепа наружу рвётся Волдеморт.

Гарри стало гадко и противно от самого себя, словно он был разносчиком смертельного вируса и не достоин ехать в метро из больницы вместе с чистыми невинными людьми, души и тела которых свободны от болезни под названием «Волдеморт»... теперь он знал, что не просто видел змею, он *был* ею...

И тут его потрясла кошмарная мысль, из глубин памяти наружу всплыло воспоминание, от которого внутри всё свилось тутими змеиными кольцами.

«А что ему нужно такое, помимо сторонников?»

«То, что он может получить только хитростью... В некотором роде – оружие.

Которого в прошлый раз у него не было.»

Это оружие – *я сам*, понял Гарри, и словно в венах его запульсировал яд, холодея кровь, покрывая липкой испариной, бросая в дрожь в такт вагону метро, несущемуся во тьму тоннелей. Именно меня пытается использовать Волдеморт, вот почему, где бы я ни был, меня окружают охранники, не меня нужно защищать, а окружающих, но только это не помогло, в Хогвартсе постоянно следить за мной нельзя... *я в самом деле* вчера ночью набросился на мистера Уизли, это был я. Меня заставил сделать это Волдеморт, он и прямо сейчас может быть внутри меня, может подслушивать мои мысли...

– Гарри, милый, с тобой всё в порядке? – шёпотом спросила миссис Уизли, для этого перегнувшись через Джинни, потому что поезд с грохотом нёсся по тёмным перегонам. – Ты неважно выглядишь. Тебе нехорошо?

Все посмотрели на него. Гарри ожесточённо замотал головой и уставился на рекламу страхования жилья.

– Гарри, милый, ты *уверен*, что всё в порядке? – взволнованно повторила вопрос миссис Уизли, когда они уже шли мимо запущенного островка травы в центре площади Гриммолд. – Ты такой бледный... Ты сегодня утром поспал, точно? Сейчас же пойдёшь наверх спать и перед ужином пару часов вздремнёшь, ладно?

Гарри кивнул: что и требовалось, вот и готово оправдание, чтобы ни с кем не разговаривать, поэтому, как только миссис Уизли открыла дверь, он тут же направился мимо подставки для зонтиков в виде ноги тролля, вверх по лестнице, прямо в их с Роном спальню.

Там он принялся шагать туда-сюда, мимо двух кроватей и пустой картинной рамы Финеаса Найджеллуса, раздираемый сомнениями и как никогда ужасными догадками.

Как он стал змеей? Может быть он анимаг... нет, не может быть, он бы знал об этом... может быть Волдеморт – анимаг... «Да, – решил Гарри, – это больше похоже на правду, тот, конечно, *мог бы* превратиться в змею... и когда он завладевает мной, тогда мы трансформируемся... но это не объясняет, как я за несколько минут добрался до Лондона и вернулся в кровать... но если Волдеморт самый могущественный в мире колдун после Дамблдора, то, должно быть, так перемещать людей для него не проблема».

Потом ему внезапно пришла в голову жуткая мысль: *«Но это безумие – если Волдеморт может завладеть мной, то я в любой момент могу проложить ему дорожку в Штаб Ордена Феникса! Он узнает, кто в Ордене и где Сириус... а я слышал столько всего, чего не должен был, всё то, что Сириус рассказывал мне в первую ночь здесь...»*

Выход только один – нужно сейчас же покинуть площадь Гриммода. Он проведёт Рождество в Хогвартсе, в одиночестве, во всяком случае, на каникулах все остальные будут в безопасности... но нет, этого делать нельзя, в Хогвартсе полно людей, которым тоже, в случае чего, угрожают раны или увечья. Что если следующим станет Шеймас, или Динн, или Невилл? Гарри застыл на месте и уставился на пустую картинную раму Финеаса Найджеллуса. Сердце налилось свинцовой тяжестью. Никакой альтернативы нет: чтобы окончательно порвать со всеми прочими колдунами – перед ним одна дорога, на Бирючинный проезд.

Ладно, если придётся поступить так, подумал Гарри, то какой смысл тут разгуливать. Из всех сил стараясь не представлять, как отреагируют Дёрзли, когда он объявится у них на полгода раньше срока, Гарри шагнул к сундуку, захлопнул крышку, запер и машинально огляделся в поисках Хэдвиг, а потом вспомнил, что она в Хогвартсе – тем лучше, не придётся нести ещё и её клетку – затем взялся за сундук, потащил его и на полпути к двери услышал коварный голос:

– Убегаешь, да?

Гарри оглянулся. На холсте своего портрета объявился Финеас Найджеллус и, насмешливо глядя на Гарри, облокотился о картинную раму.

– Нет, не убегаю, – отрезал Гарри и подтащил сундук ещё на пару шагов вперёд.

– А мне-то казалось, – продолжил Финеас Найджеллус, поглаживая острую бородку, – что гриффиндорец должен быть *смелым*! Но, судя по всему, в Слизерине ты бы чувствовал себя как дома. Мы, слизеринцы – тоже смелые, но не глупые. Вот будь у нас выбор, и мы первым делом станем спасать собственную шкуру.

– Я спасаю не свою шкуру, – бросил Гарри и по изъеденному молью, скомканному ковру подтащил сундук к самой двери.

– О, я *вижу*, – съязвил Финеас Найджеллус, по-прежнему оглаживая бородку, – это не малодушное бегство, нет, ты человек благородный...

Гарри никак не отреагировал. Его рука уже легла на дверную ручку, когда Финеас Найджеллус лениво процедил:

– У меня для тебя послание от Альбуса Дамблдора.

Гарри немного повернулся.

– Какое послание?

– «Оставайся на месте».

– Я и не двигаюсь! – воскликнул Гарри, всё ещё держась за дверную ручку. – Так что за послание?

– Я только что тебе его передал, болван, – вкрадчиво пояснил Финеас Найджеллус. – Дамблдор сказал: *«Оставайся на месте»*.

– Зачем? – раздражённо спросил Гарри, отпуская сундук. – Зачем ему нужно, чтобы я остался? Что ещё он сказал?

– Больше ничего, – Финеас Найджеллус повёл тонкой чёрной бровью, словно сочтя Гарри наглечом.

Гарри взвился, словно змея из высокой травы. Он измучился, он был совершенно сбит с толку, за последние двенадцать часов он испытывал ужас, облегчение и снова ужас, а Дамблдор по-прежнему не хочет с ним разговаривать!

– Вот так вот, да? – воскликнул он. – *«Оставайся на месте»*? Когда на меня дементоры напали, мне тоже ничего, кроме этого, не говорили! Просто замри, Гарричка, пока взрослые всё уладят! Мы не собираемся утруждать себя какими-то объяснениями, потому что твои убогие мозги с ними всё равно не справятся!

– Да будет тебе известно, – принялся перекрикивать Гарри Финеас Найджеллус: – вот за что я *терпеть не мог* преподавание! Юнцы так чертовски уверены в своей вечной правоте! Тебе не приходило в голову, мой жалкий, кичливый зазнайка, что есть веские причины тому, что директор школы «Хогвартс» не посвящает тебя во все мельчайшие подробности своих планов? Ты никогда не задумывался перед тем, как встать в позу, что следование указаниям Дамблдора тебе никогда не причиняло никакого вреда? Нет! Нет, как и все юнцы, ты абсолютно уверен, что мозги и чувства есть только у тебя, только один ты чувствуешь опасность, только один ты разбираешься в планах Тёмного Лорда!..

– У него какие-то планы на меня, да? – моментально перебил его Гарри.

– Разве я так сказал? – не спеша разгладив складки шёлковых перчаток, возразил Финеас Найджеллус. – Надеюсь, ты меня простишь, но у меня есть более приятные занятия, чем выслушивать подростковое нытьё... Всего наилучшего.

Финеас Найджеллус шагнул за картинную раму и исчез.

– Ну и проваливайте! – заорал Гарри, обращаясь к пустой раме. – И передайте Дамблдору ба-альшее спасибо!

Чистый холст молчал. Гарри, кипя от возмущения, подтащил сундук обратно к изножью кровати, рухнул лицом вниз на побитое молью покрывало и зажмурился, всё тело у него ныло и ломало.

Ощущение было такое, словно он проделал долгий-долгий путь... даже не верилось, что меньше суток назад под омелой к нему подошла Чоу Чанг... он так устал... и так боялся заснуть... и неизвестно, насколько ещё хватит сил бороться с усталостью... Дамблдор сказал ему остаться... это значит, что можно поспать... но страшно... вдруг это опять случится?

Гарри провалился в забытьё...

Такое впечатление, что фильм в голове только этого и ждал. Гарри отправился по пустынному коридору к незатейливой чёрной двери, вдоль стен грубого камня, факелов, мимо каменных ступеней лестничного пролёта слева, ведущего куда-то вниз...

Он добрался до чёрной двери, но не смог её открыть... стоял и *рассматривал* её, отчаянно желая войти... словно там было то, чего хотелось больше всего на свете... предел мечтаний... если бы только шрам перестал ныть... тогда удалось бы всё получше обдумать...

— Гарри, — издали донёсся голос Рона, — мама сказала, что ужин готов, но если ты хочешь ещё полежать, она тебе что-нибудь оставит.

Гарри открыл глаза, но Рон уже вышел из спальни.

«Он не хочет оставаться со мной наедине, — мелькнула мысль, — не хочет после всего того, что слышал от Муди».

Теперь, когда всем известно, что именно таится в нём, от него, наверное, будут держаться подальше.

Не стоит спускаться на ужин, незачем им навязываться. Гарри перевернулся на другой бок и спустя некоторое время вновь погрузился в сон. Спал он долго, проснулся уже на рассвете от острого голода и храпа Рона по соседству. Оглянув комнату, Гарри обнаружил, что на холсте опять стоит тёмный силуэт Финеаса Найджеллуса, и тогда ему пришло в голову, что Дамблдор, должно быть, отправил Финеаса Найджеллуса следить, как бы Гарри опять на кого-нибудь не набросился.

Чувство отвращения к себе усилилось. Гарри пожалел, что послушался Дамблдора... Если теперь на площади Гриммолд ему уготована именно такая жизнь, то уж лучше бы отправиться на Бирючинный проезд.

* * *

На следующее утро все принялись украшать дом к Рождеству. Гарри и не помнил Сириуса в таком прекрасном расположении духа, тот даже напевал рождественские песенки и явно предвкушал предстоящий праздник в компании. Голос его сейчас доносился с нижнего этажа в ту холодную гостиную, где в одиночестве, с чувством болезненного удовлетворения от того, что всем предоставлена возможность посплетничать о нём беспрепятственно, чем они наверняка воспользуются, сидел Гарри и глядел на белевшее за окнами небо, грозившее вот-вот просыпаться снегом. Услышав, как миссис Уизли снизу негромко зовёт его обедать, Гарри поднялся этажом выше и сделал вид, что не слышал.

Около шести вечера раздался дверной звонок, миссис Блэк вновь начала голосить. Предположив, что со звонком появился Мундунгус или ещё кто-нибудь из Ордена Феникса, Гарри устроился поудобнее у стены в комнате Брыклиова, где прятался, и сосредоточился, пытаясь подавить чувство голода, которое возникло, пока он кормил гиппогрифа дохлыми крысами. Поэтому, когда несколько минут спустя раздался громкий стук в дверь, даже вздрогнул от неожиданности.

— Я знаю, что ты там, — донёсся голос Гермiony, — Выйди, пожалуйста! Я хочу с тобой поговорить.

– Что ты здесь делаешь? – распахнув дверь, удивлённо воскликнул Гарри, а Брыклов снова принялся скрести усыпанный соломой пол в поисках каких-нибудь завалившихся крысиных остатков. – Ты же вроде бы уехала с родителями кататься на лыжах?

– Ну, честно говоря, лыжи это *абсолютно* не моё, – объяснила Гермиона. – Так что я приехала на Рождество сюда, – на её волосах лежали снежинки, а лицо от мороза разругалось. – Но только Рону не говори. Он опять издевается, и я ему сказала, что лыжи – это так здорово. Мама с папой немного расстроились, но я им объяснила, что все, кто серьёзно относится к экзаменам, остаются позаниматься в Хогвартсе. Им хочется, чтобы у меня всё было гладко, поэтому они возражать не стали. Слушай, – живо продолжила она, – а может пойдём в вашу комнату, мама Рона там камин растопила и сэндвичей принесла.

Гарри поплёлся следом за ней на третий этаж. Войдя в спальню, он даже удивился, когда увидел, что там, сидя на Роновой кровати, их поджидают Рон и Джинни.

– Я приехала «Ночным рыцарем»,¹⁷⁹ – беззаботно пояснила Гермиона, прежде чем Гарри нашёлся, что сказать, и сняла куртку. – Дамблдор ещё утром первым делом рассказал мне, что произошло, но отъезд пришлось отложить до официального окончания семестра. Амбридж уже вне себя от того, что ваша компания исчезла прямо у неё из-под носа, хотя Дамблдор ей объяснял, что мистер Уизли попал в больницу святого Мунго, и он всем вам выдал разрешение его проводить. Ну... – она присела рядом с Джинни, и все трое вместе с Роном воззрились на Гарри, – ...и как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно... – натянуто ответил Гарри.

– Гарри, ой, только не ври, – недоверчиво отозвалась Гермиона. – Рон с Джинни говорят, что с тех пор, как вы вернулись из святого Мунго, ты носу не кажешься.

– Они так говорят, да? – Гарри сверкнул глазами на Рона и Джинни.

Рон опустил глаза, но Джинни не ступевалась.

– Конечно не кажешься! – подтвердила она. – Ты на нас даже внимания не обращаешь!

– Это вы все на меня внимания не обращаете! – вспыхнул Гарри.

– Может, вы обращаете внимание друг на друга по очереди и никак не совпадаете? – с иронией предположила Гермиона.

– Ну очень смешно, – отрезал Гарри и отвернулся.

– Гарри, хватит страдать, что тебя никто не понимает, – резко бросила Гермиона. – Мне тут рассказали, что вы вчера вечером Ушлыми Ушами подслушали...

– Да? – Гарри сунул руки в карманы, уставился в окно, за которым стеной повалил снег, и зло уточнил: – Теперь только обо мне и речь? Ладно, придётся привыкать.

– Гарри, мы хотели с тобой поговорить, – запротестовала Джинни, – но с тех пор, как мы вернулись, тебя и не видать...

– Мне не хотелось ни с кем разговаривать, – накаляясь всё больше и больше, процедил Гарри.

¹⁷⁹ Knight Bus (knight – шахматный конь, рыцарь, кавалер, всадник; вероятно автобус назван так, потому что двигается рывками; Night bus – ночной рейсовый автобус)

– Ну, знаешь, с твоей стороны это не слишком умно, – рассердилась Джинни, – кроме меня больше никто не оказывался во власти Сам-Знаешь-Кого, и я могла бы тебе рассказать, что это такое.

Эти слова так поразили Гарри, что он просто ошеломлен. Потом обернулся кругом.

– Я забыл, – выдавил он.

– Везёт тебе, – холодно отметила Джинни.

– Извини, – искренне признался Гарри. – Значит... значит ты считаешь, что он мною завладел?

– Ну ты можешь вспомнить всё-всё, что было? – спросила Джинни. – Может, есть большие провалы в памяти, когда не помнишь, что делал?

Гарри напряг память.

– Нет, – решил он.

– Значит, тебя Сам-Знаешь-Кто никогда не подчинял, – заключила Джинни. – Когда это происходило со мной, я помногу часов подряд не помнила, чем занималась. Могла где-нибудь очнуться и понятия не имела, как там оказалась.

Гарри боялся в это поверить, но вопреки всему в нём вспыхнула надежда.

– А этот сон про твоего папу и змею...

– Гарри, у тебя и раньше бывали такие сны, – запротестовала Гермиона. – В прошлом году ты тоже временами видел, что делает Волдеморт.

– В этот раз было иначе, – покачал головой Гарри, – я был *внутри* этой змеи. Как будто я *сам* был змеей... а что, если Волдеморт каким-то образом переместил меня в Лондон?..

– Когда-нибудь, – окончательно вышла из себя Гермиона, – ты прочтёшь «Историю Хогвартса» и тогда, может быть, до тебя дойдёт, что в Хогвартсе нельзя ни аппарировать, ни дезаппарировать. Гарри, даже Волдеморт не смог бы заставить тебя из спальни улететь.

– Ты всё время был в кровати, приятель, – встрял Рон, – пока мы тебя не разбудили, я не меньше минуты смотрел, как ты мечешься во сне.

Гарри опять принялся мерить шагами комнату и рассуждать. Всё сказанное – не просто слова утешения, это соответствует действительности... он машинально взял с тарелки на кровати сэндвич и с жадностью набил им рот.

«Если так, то я – не *оружие*», – решил Гарри. Сердце его переполняла радость и облегчение, а когда он услышал за дверью тяжёлую поступь Сириуса, который направлялся в комнату Брыкляева, во весь голос распевая: «Гиппогрифу нравится наше торжество, весело, весело нам на Рождество...», ¹⁸⁰ Гарри захотелось присоединиться к общему празднеству.

¹⁸⁰ в оригинале Сириус поёт: 'God Rest Ye, Merry Hippogriffs' – перефразировав рождественскую песню 'God Rest Ye, Merry Gentlemen'

* * *

Да как же ему только в голову могла прийти мысль вернуться на Бирючинный проезд в Рождество! Радость Сириуса от того, что дом вновь полон, да к тому же и Гарри вернулся, — оказалась заразительной. Сириус уже не был тем неприветливым хозяином, каким предстал летом, сейчас он был поглощён тем, чтобы все гости получили максимум удовольствия и не сожалели об отъезде из Хогвартса, и вместе со всеми неумоимо занимался подготовкой к Рождеству, убирая и украшая дом так, что к ночи сочельника тот преобразился до неузнаваемости. На потускневших канделябрах теперь висела не паутина, а гирлянды из падубы и золотых и серебряных лент, на истёртых коврах блестели сугробы волшебного снега, а генеалогическое древо семьи Сириуса скрыла из виду принесённая Мундунгусом большая рождественская ёлка, украшенная живыми феями, и даже чучела эльфовых голов на стене холла нарядили в шапки и бороды Санта-Клауса.

Рождественским утром Гарри проснулся и обнаружил, что на кровати в ногах лежит груда подарков, а Рон уже распотрошил половину своей, ещё более внушительной.

— В этом году богатая добыча, — сквозь бумажный ворох донёсся до Гарри его голос. — Спасибо тебе за компас на метлу, он такой шикарный, куда там Гермионе, она мне подарила «Дневник добрых дел» ...

Гарри порылся в подарках и обнаружил тот, который был подписан от имени Гермионы. Ему Гермиона тоже подарила книгу, похожую на ежедневник, с той только разницей, что всякий раз, когда Гарри перелистывал страницу, книга сообщала что-нибудь вроде: *«Не откладывай на завтра то, что вчера отложил на сегодня»*.

От Сириуса и Люпина Гарри получил в подарок серию потрясающих книг под названием «Практическая оборонительная магия и её использование против Тёмных искусств», снабжённых прекрасными движущимися иллюстрациями для всех описанных там противопорч и антисглазов. Гарри жадно пролистал первый том и убедился, что на занятиях ДА эти книги будут просто незаменимы. Хагрид прислал клыкастый бумажник из бурого меха — клыки по всей вероятности предназначались для защиты содержимого от воров, но к несчастью Гарри не смог положить внутрь ни монеты без риска лишиться пальцев. Тонкс подарила маленькую действующую модель «Всполоха», которую Гарри запустил летать по комнате, тоскуя о своей полноразмерной версии; Рон подарил огромную коробку всевкусных бобов, мистер и миссис Уизли — традиционный свитер ручной вязки и несколько пирогов с мясной начинкой, а Добби — совершенно отвратный рисунок, который, как Гарри предположил, эльф нарисовал собственноручно. Гарри как раз перевернул рисунок вверх ногами, чтобы посмотреть, не будет ли лучше так, и тут с громким *треском* в изножье кровати аппарировали Фред с Джорджем.

— С Рождеством! — поздравил Джордж. — Вниз пока не спускайтесь.

— А почему? — удивился Рон.

— Мама опять плачет, — уныло пояснил Фред, — Пёрси прислал назад свой рождественский свитер.

– И не написал ни строчки, – добавил Джордж. – Даже не спросил, как папа, и проведать не захотел.

– Мы попробовали её успокоить, – буркнул Фред, пододвигаясь поближе, чтобы рассмотреть портрет Гарри, – сказали ей, что Пёрси просто здоровенный кусок крысиного дерьма.

– Не помогло, – признался Джордж и куснул шоколадную лягушку. – Теперь Люпин этим занимается. Так что пусть уж лучше он до завтрака поднимет ей настроение.

– А что это вообще-то должно означать? – Фред с подозрением взглянул на творение Добби. – Похоже на гиббона с фингалами.

– Это же Гарри! – воскликнул Джордж и ткнул пальцем в обратную сторону рисунка. – Так подписано на обороте!

– Изумительное сходство, – фыркнул Фред.

Гарри швырнул в него своим новеньким дневником, тот попал в стену, упал на пол и жизнерадостно провозгласил: *«Расставил точки над «ё», гуляй смело!»*

Ребята встали и оделись. Слышно было, как обитатели дома поздравляют друг друга с Рождеством. По дороге на завтрак им попала Гермиона.

– Гарри, спасибо за книгу! – оживлённо воскликнула она. – Мне так давно нужна была эта «Современная теория нумерологии»!¹⁸¹ Рон, духи – просто класс!

– Не за что, – буркнул Рон. – А это ещё кому? – добавил он, кивая на аккуратно завернутый подарок в руках у Гермионы.

– Кричеру, – радостно пояснила Гермиона.

– Только не одежду! – всполошился Рон. – Помнишь, что Сириус говорил: Кричер слишком много знает, его нельзя освобождать!

– Это не одежда, – заверила Гермиона, – хотя, будь моя воля, я бы, конечно, подарила ему что-нибудь из одежды вместо той грязной старой тряпки. Нет, здесь лоскутное стёганое одеяло, я подумала, оно украсит его спальню...

– Какую спальню? – поразился Гарри, но шёпотом, потому что они как раз проходили мимо портрета матери Сириуса.

– Ну, Сириус называет это не совсем спальней, скорее – берлогой, – призналась Гермиона, – кажется, он спит под паровым котлом в кухонном чулане.

Спустившись в подвал, ребята застали там только миссис Уизли, стоявшую у печи. Она пожелала им счастливого Рождества таким голосом, словно подхватила жестокий насморк, и все отвели глаза.

– Ну, здесь, что ли, спальня Кричера? – Рон направился к обшарпанной двери в углу напротив кладовки.

Гарри никогда не видел эту дверь открытой.

– Да, – кивнула Гермиона и нервно добавила: – Э-э... по-моему нужно постучать.

¹⁸¹ New Theory of Numerology

Рон постучал в дверь костяшками пальцев, но никакого ответа не последовало.

– Небось, наверху шляется, – заключил Рон и без лишних проволочек дернул дверь на себя. – *Ф-ффу!*

Гарри заглянул внутрь. Большую часть чулана занимал громадный старинный котёл, а у его подножья, в закутке под трубами, Кричер и соорудил себе нечто вроде гнезда. На полу валялась куча разных тряпок и старых вонючих одеял, вмятина в центре которой указывала на место, где еженощно сворачивается спать Кричер. То здесь, то там в числе прочего барахла попадались чёрствые хлебные корки и заплесневелые скрюченные ломтики сыра. В дальнем углу блестели маленькие вещицы и монеты, которые, как предположил Гарри, Кричер, словно сорока, спас от произведённой Сириусом зачистки дома. Кричеру даже удалось прибрать к рукам оправленные в серебро семейные фотографии, которые Сириус летом отправил в помойку. Несмотря на разбитые стёкла, с них надменно смотрели на Гарри чёрно-белые человечки, в том числе и... тут у него перехватило дыхание – взглянула и темноволосая женщина с тяжёлыми веками, суд над которой он видел в ситодуме Дамблдора: Беллатрикс Лестрэндж. Судя по всему, её фотография была у Кричера любимой – её он поставил впереди всех и неумело починил стекло чаролентой.

– Пожалуй, я просто оставляю ему подарок здесь, – решила Гермиона, аккуратно положила свёрток в центр примятых тряпок и одеял и тихо прикрыла дверь. – Потом найдёт, это будет очень кстати.

– Вот что мне пришло в голову, – в тот момент, когда ребята закрывали дверь чулана, из кладовки появился Сириус с большой индейкой в руках, – давно ли кто-нибудь из вас видел Кричера?

– С той ночи, что мы сюда вернулись, я не видел, – ответил Гарри, – ты тогда выпнул его из кухни.

– Да-да... – нахмурился Сириус. – Похоже, и я с тех пор его не видел... видимо, где-то наверху засел...

– Он же уйти не мог, да? – уточнил Гарри. – В смысле, когда ты сказал ему «вон», может он решил, что ты предлагаешь совсем убраться из дома?

– Нет, нет, домовые эльфы не могут уйти, пока им не подарят одежду. Они привязаны к родовому дому, – ответил Сириус.

– Но ведь могут выйти из него, если захотят, – возразил Гарри. – Добби же уходил, два года назад он вышел из дома Малфоев, чтобы меня предупредить. Потом ему пришлось себя наказывать, но всё-таки выходить – оказалось в его власти.

Сириус замешкался на мгновение, но затем решил:

– Ладно, поищу его попозже, скорее всего, найду где-нибудь наверху в рыданиях над ветхими матушкиными панталонами. Конечно, он мог залезть в сушилку и там скончаться... но нет, не льщу себя такой надеждой.

Фред, Джордж и Рон расхохотались, а Гермиона метнула укоризненный взгляд.

Сразу после рождественского обеда все Уизли, Гарри и Гермиона под конвоем Безумного Глаза и Люпина намеревались вновь провести мистера Уизли. К

рождественскому пудингу и бисквиту подоспел Мундунгус, умудрившись по такому поводу «позаймствовать» автомобиль – под тем предлогом, что в Рождество подземка не работает. Автомобиль, который, по мнению Гарри, скорее всего был взят без согласия владельца, увеличили таким же заклинанием, которое когда-то применяли для Уизлийского старенького форда «Англия». Несмотря на то, что внешне он остался прежних размеров, теперь в нём вполне комфортно разместились десять человек, не считая Мундунгуса за рулём. Миссис Уизли замешкалась перед тем, как сесть – Гарри догадался, что осуждение Мундунгуса боролось в ней с неприязнью к поездкам без магии – но, наконец, стылая погода и уговоры детей возобладали, и она благосклонно уселась на заднем сиденье между Фредом и Биллом.

На дорогах машин почти не было, и поездка в больницу Святого Мунго заняла совсем немного времени. По безлюдной на этот раз улице в больницу просачивались редкие ведьмы и колдуны. Гарри и все остальные вышли из автомобиля, Мундунгус отогнал его на угол и остался ждать их. Как бы невзначай прогуливаясь мимо витрины, где стоял манекен в зелёном нейлоне, все, один за другим, шагали сквозь стекло.

Приёмный покой приобрёл располагающе праздничный вид: освещающие больницу хрустальные шары раскрасили красным и золотым так, что они превратились в громадные светящиеся ёлочные игрушки, дверные проёмы увесили ветвями падуба, а во всех углах засверкали блестящие белые рождественские ёлки, покрытые магическим снегом и сосульками и увенчанные горящими золотыми звёздами. Сегодня было не так много народу, как в прошлый раз, правда, на поддороги Гарри столкнулся с ведьмой, в левой ноздре которой застрял небольшой мандарин.¹⁸²

– Семейные проблемы, да? – деланно улыбнулась ей блондинистая ведьма за столом. – За сегодня вы уже третья... «Заклинательные повреждения», пятый этаж.

Мистера Уизли они обнаружили сидевшим в кровати с подносом на коленях, где лежали послеобеденные остатки индейки, и с несколько оробевшим выражением лица.

– Артур, у тебя всё в порядке? – уточнила миссис Уизли, когда все уже поздравили мистера Уизли и вручили ему подарки.

– Всё отлично, отлично, – с преувеличенным воодушевлением отозвался мистер Уизли. – Вы... э-э... с целителем Сметуиком не встречались, да?

– Нет, – с подозрением ответила миссис Уизли, – а что?

– Ничего, ничего, – беззаботно заверил её мистер Уизли и принялся разворачивать многочисленные подарки. – Ну, как дела? Какие подарки к Рождеству получили? О, Гарри, это просто замечательно! – мистер Уизли как раз открыл подаренные Гарри моток тонкой проволоки и отвёртки.

По всей вероятности ответ мистера Уизли миссис Уизли не вполне удовлетворил. Когда он нагнулся, чтобы пожать Гарри руку, она заглянула мужу в вырез ночной рубашки на марлевую повязку.

¹⁸² в оригинале satsuma – японский мандарин; в американской версии ГПиОФ – грецкий орех

– Артур, – в её голосе прозвучал металлический щелчок мышеловки, – тебе сменили повязку. Артур, почему повязку тебе сменили на день раньше? Мне сказали, что до завтра нужды в этом не будет.

– А? – с испуганным видом мистер Уизли подтянул покрывало повыше на грудь. – Нет, нет... всё в порядке... это... я...

Под пронизывающим взглядом миссис Уизли он съёжился.

– Ну... только не переживай, Молли, но у Августа Паи появилась одна идея... он целитель-практикант, знаешь, славный паренёк и очень интересуется... ну как это... нетрадиционной медициной... по-моему, некоторые старинные маггловские методы лечения... ну, Молли, это называется «швы», и они очень хорошо помогают при... при маггловских ранах...

Миссис Уизли издала угрожающий звук, нечто среднее между взвизгом и рыком. Люпин отошёл подальше от кровати в сторону оборотня, у которого не было посетителей, и который тоскливо поглядывал на толпу вокруг мистера Уизли, Билл пробормотал что-то о желании выпить чашечку чаю, а Фред и Джордж, ухмыльнувшись, подскочили составить ему компанию.

– Ты хочешь сказать мне, – всё громче и громче с каждым словом заводилась миссис Уизли, не обращая внимания, что семья и друзья спасаются бегством, – что ты впутался в маггловское лечение?

– Я не впутывался, Молли, дорогая, – умоляюще пролепетал мистер Уизли, – просто... просто мы с Паи решили попробовать... вот и всё, тем более... ну, с такими специфическими разновидностями ран, кажется, это не сработало так, как мы рассчитывали...

– В каком смысле?

– Ну... ну, я не знаю, ты представляешь, что такое... что такое швы?

– Это вроде как кожу себе пытаются зашивать? – невесело фыркнула миссис Уизли. – Но даже ты, Артур, не *настолько* же глуп...

– Я тоже не откажусь от чашки чаю, – вскочил на ноги Гарри.

Гермиона, Рон и Джинни метнулись к двери следом за ним. Когда дверь за ними закрывалась, донёсся вопль миссис Уизли:

– ТЫ ЧТО, ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ – ЭТО БЫЛА ОБЩАЯ ИДЕЯ?

– Папа в своём репертуаре, – покачала головой Джинни, когда все четверо оказались в коридоре. – Швы... ну надо же...

– Ну, знаешь, на немагических ранах они и вправду хорошо помогают, – объективно рассудила Гермиона. – Возможно, швы растворяются от яда этой змеи или ещё что. Интересно, а где здесь кафе?

– На шестом этаже, – вспомнил Гарри надпись над столом здравдeвды.

Они прошли по коридору, вышли в двустворчатые двери и обнаружили шаткую лестницу, ведущую вдоль портретов многочисленных целителей с безжалостными физиономиями. Пока ребята поднимались, целители зывали к ним отовсюду, ставя

эксцентричные диагнозы и предлагая омерзительные методы лечения. Рон крепко обиделся, когда один средневековый колдун выкрикнул вслед, что у него определённо запущенный случай брызгнойки.¹⁸³

– Ну и что бы это значило? – сердито спросил Рон, потому что целитель преследовал его уже по шести портретам, расталкивая их обитателей.

– Это мучительнейший кожный недуг, о, юноша, который сделает тебя рябым и обезобразит ещё больше, чем сейчас...

– Ну-ну, ты кого это безобразным назвал! – у Рона покраснели уши.

– ...Единственный способ лечения состоит в том, чтобы взять печень жабы, плотно примотать её к горлу и голым отстоять полнолуние в бочке с глазами угрей...

– Нет у меня никакой брызгнойки!

– Но эти уродливые пятна на твоём лице, о, юноша...

– Это веснушки! – в бешенстве заорал Рон. – Пошёл ты на свою картину и отстань от меня!

Он повернулся к остальным, но все старательно сохраняли серьёзный вид.

– Какой это этаж?

– По-моему, шестой, – ответила Гермиона.

– Не-а, пятый, – уточнил Гарри, – ещё один...

Но, поднявшись на лестничную площадку, он замер как вкопанный и уставился в маленькое окошко двустворчатых дверей, которые знаменовали начало коридора под названием «ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ». Оттуда, прижав нос к стеклу, на них смотрел мужчина. У него были белокурые выющиеся волосы, ярко-голубые глаза и блуждающая улыбка до ушей, обнажавшая ослепительной белизны зубы.

– Вот-те на! – обомлел Рон и тоже уставился на мужчину.

– Боже мой, – судорожно выдохнула Гермиона. – Профессор Локхарт!

Их бывший преподаватель защиты от Тёмных искусств толчком распахнул двери и предстал перед ними, облачённый в длинный лиловый халат.

– Ну, я вас приветствую! – воскликнул он. – Сдаётся мне, вам нужен мой автограф?

– Почти не изменился, да? – шепнул Гарри Джинни, та прыснула.

– Э-э... как ваши дела, профессор? – с налётом вины поинтересовался Рон.

Именно неисправная палочка Рона некогда так сильно повредила память профессору Локхарту, что он прямиком угодил в больницу святого Мунго, правда случилось это тогда, когда Локхарт пытался стереть воспоминания Гарри и Рона, так что сочувствие Гарри было весьма сдержанным.

– Спасибо, всё просто замечательно! – оживлённо засуетился Локхарт и вытащил из кармана слегка потрёпанное павлинье перо. – Ну вот, так сколько же автографов вам нужно? Представьте себе, теперь я могу писать слитно!

¹⁸³ spattergroit (spatter – брызги; усеивать; groat – зерна овса)

– Э-э... нам пока ничего не нужно, спасибо, – выдал Рон и удивлённо воззрился на заинтересовавшегося Гарри:

– Профессор, вам можно гулять по коридорам? Разве вам не нужно быть в палате?

Улыбка с лица Локхарта медленно сползла. Несколько мгновений он пристально разглядывал Гарри, а потом спросил:

– Мы знакомы?

– А-а... ну да, знакомы, – нашёлся Гарри. – Вы у нас преподавали в Хогвартсе, помните?

– Преподавал? – с лёгким беспокойством повторил Локхарт. – Я? Правда?

И тут улыбка на его лице с пугающей скоростью расцвела вновь.

– Надеюсь, я дал вам исчерпывающие познания? Ну, так что насчёт автографов? Можете просить хоть целую дюжину, раздавайте их своим приятелям и никого не пропускайте!

Но в этот момент из двери в противоположном конце коридора показалась голова, и донёсся оклик:

– Гилдерой, ах ты шалун, куда же ты убежал?

Торопливо пройдя по коридору, на лестницу вышла по-матерински ласковая целительница с веночком из ёлочной мишуры в волосах и дружелюбно улыбнулась ребятам.

– Ах, Гилдерой, у тебя посетители! Как *здорово*, да ещё в Рождество! Вы знаете, у него *никогда* не бывает посетителей, бедный ягнёночек, а я никак не могу понять – почему, он ведь такой славный, правда?

– А у нас тут автографы! – ослепительно улыбнулся Гилдерой целительнице. – Им нужна целая куча и никаких возражений не принимают! Надеюсь, у нас хватит фотографий для всех!

– Ну только послушайте его, – целительница взяла Локхарта за руку и ласково улыбнулась так, словно речь шла о не по годам развитом двухлетнем ребёнке, – несколько лет назад он был знаменитостью, мы так надеемся, что это пристрастие давать автографы – знак того, что к нему возвращается память. Вы зайдёте сюда? Он ведь в изоляторе, выскочил должно быть, когда я принесла рождественские подарки, обычно дверь держат закрытой... нет-нет, он не опасный! Но, – она перешла на шёпот, – это ради его же блага, он опасен сам для себя... видите, не знает – кто он, выходит погулять и не помнит, как вернуться... как хорошо, что вы пришли его проведать.

– Э-э... – Рон неловко взмахнул рукой в сторону верхнего этажа, – вообще-то мы просто... ну-у...

Но целительница улыбалась им с такой надеждой, что слова Рона «шли попить чаю» умерли, не родившись. Ребята беспомощно переглянулись и последовали по коридору за Локхартом и его целительницей.

– Только давайте по-быстрому, – тихо предложил Рон.

Целительница направила палочку на дверь палаты имени Януса Тугодума¹⁸⁴ и шепнула: «*Alohomora*». Дверь открылась, она зашла первой, крепко держа Гилдероя за руку, и усадила его в кресло у кровати.

— Это палата наших постоянных пациентов, — негромко пояснила она ребятам, — с неизлечимыми заклинательными повреждениями, понимаете? Конечно, с помощью интенсивного лечения зельями и заклинаниями, и не без толики счастливого случая, кое-каких улучшений добиться можно. У Гилдероя, вот, и в самом деле проблески рассудка стали появляться, а у мистера Боуда несомненный прогресс наблюдается, кажется, у него восстановилась речь, хотя ни на одном из знакомых нам языков он не говорит. Ладно, мне нужно закончить раздавать рождественские подарки, я вас оставляю, поболтайте немножко.

Гарри огляделся вокруг. Без всяких сомнений, палата давно стала для своих обитателей родным домом. Всяких личных вещей вокруг кроватей было куда больше, чем в палате мистера Уизли, стена над кроватью Гилдероя, например, была обклеена его собственными портретами, которые с белозубыми улыбками приветливо махали посетителям. На многих портретах красовалась его подпись, сделанная корявым детским почерком. Как только целительница усадила Гилдероя в кресло, он тут же подтянул к себе стопку новых фотографий, схватил перо и лихорадочно принялся их подписывать.

— Можете разложить их по конвертам, — подписанные фотографии он стал бросать Джинни на колени. — Знаете, обо мне не забывают, нет, я получаю массу писем от поклонников... Глэдис Гаджон¹⁸⁵ пишет *каждую неделю* ... хотел бы я знать *почему* ... — он со слегка озадаченным видом сделал паузу, а потом с новым приливом сил вернулся к подписыванию фотографий. — Я склонен думать, что тому причиной моя недурная наружность...

На кровати напротив покоился колдун с землистого цвета лицом, который скорбно таращил глаза в потолок, что-то мычал себе под нос и выглядел совершенно не от мира сего. Через две кровати от него лежала женщина, чья голова была полностью покрыта шерстью; Гарри вспомнил, что нечто похожее произошло с Гермионой, когда они учились на втором курсе, но, счастью для неё, оказалось излечимо. Две кровати в дальнем конце палаты отгораживала занавеска в цветочек, предоставляя их обитателям и посетителям иллюзию уединённости.

— Вот это тебе, Агнес, — громко сказала целительница, обращаясь к женщине с меховым лицом, и вручила ей небольшую пачку рождественских подарков. — Видишь, не забывают тебя. А сын твой прислал сову, что сегодня вечером тебя навестит, вот замечательно, правда?

Агнес в ответ громко залаяла.

— Бродерик, вы только посмотрите, вам прислали цветочек в горшке и этот миленький календарь с самыми разными гиппогрифами на каждый месяц, вот вам будет и повеселее, да? — хлопотала целительница вокруг мычавшего мужчины, ставя весьма мерзкого вида

¹⁸⁴ Janus Thickey (Янус в римской мифологии божество дверей)

¹⁸⁵ Gladys Gudgeon (gudgeon – пескарь; простофиля)

растение с длинными, покачивавшимися усиками на прикроватную тумбочку и с помощью палочки закрепляя на стене календарь. – И... ах, миссис Лонгботтом, вы уже уходите?

Гарри невольно обернулся. У кроватей в конце палаты распахнулись занавески, и оттуда по проходу направлялись к дверям двое: внушительного вида старая ведьма в длинном зелёном платье, отделанном траченным молю лисьим мехом, и в остроконечной шляпе, украшенной без всяких сомнений чучелом грифа, а следом за ней, с совершенно убитым видом, – *Невилл*.

Внезапно Гарри понял, кто эти люди на последних кроватях. Он судорожно огляделся по сторонам, желая чем-нибудь отвлечь остальных, чтобы Невилл смог незамеченно и без лишних вопросов уйти, но Рон тоже среагировал на имя «Лонгботтом» и, прежде чем Гарри успел остановить его, уже окликнул:

– *Невилл!*

Невилл дёрнулся и съёжился, как будто над ухом у него просвистела пуля.

– Невилл, это мы! – громко воскликнул Рон и вскочил. – Ты видел?.. Здесь Локхарт! А ты кого навещал?

– Невилл, детка, это твои друзья? – надвигаясь на ребят, милостиво спросила бабушка Невила.

По Невиллу было ясно, что он готов оказаться где угодно, но только не здесь. Он старательно прятал глаза, а круглое лицо его медленно заливал тёмно-багровый румянец.

– Ах, да, – бабушка Невила рассмотрела Гарри вплотную, а потом вытянула к нему для приветствия ссохшуюся железную длань. – Да, да, конечно, я знаю, кто ты. Невилл отзывается о тебе в высшей степени лестно.

– Э-э... спасибо, – пожимая протянутую руку, выдавил Гарри.

Невилл не поднимал глаз, цвет его лица становился всё насыщеннее.

– А вы двое, несомненно, Уизли, – продолжала миссис Лонгботтом, по-королевски простирая руку по очереди к Рону и Джинни. – Да, я знаю ваших родителей... не слишком близко, конечно... но милые люди, милые... а ты, должно быть, Гермиона Грейнджер?

Оторопев сначала от того, что миссис Лонгботтом знает её имя, Гермиона опомнилась и обменялась с ней рукопожатием.

– Да, Невилл мне всё о вас рассказал. Вы не раз помогали ему выбраться из трудных ситуаций, не так ли? Он хороший мальчик, – добавила миссис Лонгботтом, с высоты своего роста, поверх костявого носа оценивающим и строгим взглядом окидывая Невила, – но боюсь, до своего отца ему далеко, – она мотнула головой в сторону двух кроватей в конце палаты так, что чучело грифа на её шляпе опасно закачалось.

– Что? – оторопел Рон. (Гарри хотел наступить Рону на ногу, но, будучи в джинсах, сделать это незаметно представлялось гораздо сложнее, нежели в мантии.) – Невилл, там что, твой *papa*?

– Как же так? – резко осведомилась миссис Лонгботтом. – Невилл, ты что же, не рассказывал друзьям про своих родителей?

Невилл глубоко вздохнул, поднял к потолку глаза и отрицательно покачал головой. Гарри ни разу ещё не доводилось испытывать такую жалость к кому бы то ни было, но ему не приходило в голову, каким образом в этой ситуации Невиллу можно помочь.

– Но ведь здесь нечего стыдиться! – разгневанно произнесла миссис Лонгботтом. – Ты должен *гордиться*, Невилл, *гордиться*! Помни, они пожертвовали своим здоровьем и разумом не за тем, чтобы их стыдился собственный сын!

– Я не стыжусь, – еле слышно выдавил Невилл, по-прежнему смотря куда угодно, но только не на Гарри и остальных.

Рон уже привставал на цыпочки и пытался разглядеть лежавших на последних двух кроватях.

– Странная же у тебя манера это показывать! – заявила миссис Лонгботтом. – Моего сына и его жену, – тут она надменно повернулась к Гарри, Рону, Гермионе и Джинни, – приспешники Сами-Знаете-Кого пытками довели до безумия...

Гермиона и Джинни прижали ладони ко рту. Рон прекратил вытягивать шею в попытках разглядеть родителей Невилла и обмер.

– Они были аврорами, да будет вам известно, и очень уважаемыми людьми в магическом мире, – продолжала миссис Лонгботтом. – Они оба были очень талантливыми. Я... да, Элис, милая, что случилось?

В палату, в ночной рубашке медленно выбралась мать Невилла. Того счастливого круглощёкого лица, которое видел Гарри на старой фотографии Муди, где был запечатлён первый состав Ордена Феникса, уже не было и в помине. Теперь лицо её стало худым и измученным, глаза казались огромными, волосы поседели и торчали безжизненными клоچьями. Говорить она не хотела, или не могла, и просто робко шагнула к Невиллу, сжимая что-то в протянутой руке.

– Ещё? – устало протянула миссис Лонгботтом. – Замечательно, Элис, милая, замечательно... Невилл, неважно что там, возьми у неё это.

Но Невилл и так уже протягивал руку, а мать вложила ему в ладонь пустую обёртку от Лучшей надувательной резинки Друбл.¹⁸⁶

– Прекрасно, милая, – притворно радостным голосом поощрила её бабушка Невилла и погладила по плечу.

А Невилл тихо пробормотал:

– Спасибо, мама...

Его мать, отвернувшись, заковыляла прочь, бормоча что-то себе под нос. Невилл вызывающе посмотрел на ребят, не осмелится ли кто засмеяться, но Гарри показалось, что ни разу в жизни он не видел ничего менее смешного.

– Ладно, пора нам возвращаться домой, – вздохнула миссис Лонгботтом, натягивая длинные зелёные перчатки. – Очень приятно было встретиться со всеми вами. Невилл, положи этот фантик в мусорное ведро, наверное, она надавала тебе разных бумажек уже достаточно, чтобы оклеить всю спальню.

Но когда они выходили, Гарри совершенно отчётливо увидел, как Невилл опустил конфетную обёртку себе в карман.

Дверь за ними закрылась.

— Я даже понятия не имела, — с глазами, полными слёз, выдавила Гермиона.

— И я тоже, — охрипшим голосом признался Рон.

— И я, — прошептала Джинни.

Все трое посмотрели на Гарри.

— Я знал, — угрюмо ответил он. — Мне Дамблдор рассказал, но я пообещал, что никому не скажу... Вот за это Беллатрикс Лестрэндж отправили в Азкабан, за применение проклятия Крусиатус к родителям Невилла до тех пор, пока они не сошли с ума.

— Это сделала Беллатрикс Лестрэндж? — испуганно прошептала Гермиона. — Это та женщина, чью фотографию держит Кричер в своей берлоге?

Повисла длинная пауза, которую прервал капризный голос Локхарта.

— Ну, посмотрите, не зря же я учился слитно писать!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ОККЛЮМЕНЦИЯ¹⁸⁷

Как выяснилось, Кричер прятался на чердаке. Сириус рассказал, что нашёл его там, в клубах пыли, должно быть, он выискивал реликвии семьи Блэков, чтобы утащить их в свой чулан. Сириуса эта версия вполне удовлетворила, но Гарри забеспокоился. По возвращении Кричер пребывал в гораздо лучшем расположении духа, стал меньше бурчать и послушнее, чем раньше, выполнял приказы, но пару раз Гарри обратил внимание, как Кричер жадно пожирает его глазами и всякий раз, едва поняв, что Гарри это заметил, моментально отводит взгляд.

Гарри не стал ничего говорить Сириусу о своих смутных подозрениях – теперь, когда Рождество осталось позади, жизнерадостность Сириуса быстро сходила на нет. Приближалось время отъезда ребят в Хогвартс, и Сириус всё больше и больше, по выражению миссис Уизли, «впадал в депрессию», в эти периоды он становился замкнутым и раздражительным, часто подолгу запираясь в комнате с Брыклявом. Его уныние распространялось по дому как ядовитый газ, проникало во все щели и рано или поздно им заразились все.

Опять оставлять Сириуса один на один с Кричером Гарри не хотелось, в сущности, впервые в жизни он не стремился вернуться в Хогвартс. Возвращение в школу означает вновь оказаться во власти Амбридж, которая за время их отсутствия, наверняка умудрилась издать ещё дюжину декретов, квиддича теперь, когда его отлучили от метлы, всё равно не предвидится, да и гора домашних заданий, скорее всего, вырастет, потому что дело идёт к экзаменам, а Дамблдор не стал ближе ни на йоту. На самом деле, если бы не ДА, подумал Гарри, он, может статься, даже попросил бы у Сириуса разрешения бросить Хогвартс и остаться на площади Гриммолд.

А в самый последний день каникул произошло то, от чего возвращение в школу теперь приводило Гарри просто таки в ужас.

– Гарри, милый, – в спальню, где Гарри с Роном, под наблюдением Гермионы, Джинни и Косолапа, играли в магические шахматы, заглянула миссис Уизли: – Ты не мог бы спуститься на кухню? С тобой хочет побеседовать профессор Снейп.

О чём она говорит, до Гарри сразу не дошло – его ладья вступила в жестокую битву с пешкой Рона, и он с азартом её подзуживал:

– Мочи её, *мочи*, идиотка, это всего лишь пешка! Миссис Уизли, извините, что вы сказали?

– Профессор Снейп, милый. В кухне. Хочет побеседовать.

¹⁸⁷ Occlumency; состоит из латинских слов: *occlusio* (ср. – век.) – запирание, скрывание & *mens, mentis* – настроение, рассудок, ум, разум. У англоязычного читателя, по всей вероятности, будет возникать аллюзия со словом *occlude* – преграждать, закрывать, утаивать.

Гарри остолбенел. Обвёл глазами остальных, те ответили ему изумлёнными взглядами. Косолап, которого Гермиона уже четверть часа с трудом удерживала на руках, ликующе налетел на доску, и шахматные фигуры, отчаянно визжа, понеслись в укрытие.

– Снейп? – растерянно повторил Гарри.

– *Профессор* Снейп, милый, – поправила его миссис Уизли. – Ну, давай побыстрее, он сказал, что у него мало времени.

– Чего ему надо от тебя? – ошеломлённо выпалил Рон, как только миссис Уизли вышла. – Ты ведь ничего не натворил?

– Нет, конечно! – с негодованием воскликнул Гарри, мучительно пытаясь сообразить, что такого он мог сделать, что вынудило бы Снейпа настигнуть его даже на площади Гриммолд. – «Может быть, за последнее домашнее задание схлопотал «Т»?»

Пару минут спустя он уже распахнул дверь в кухню и обнаружил, что за длинным кухонным столом, уставившись в противоположные стороны, сидят Сириус и Снейп. Взаимная неприязнь вязко зависла в тишине. На столе перед Сириусом лежало распечатанное письмо.

– А-а... – обозначил своё присутствие Гарри.

Снейп, из-под завесы чёрных, сальных волос, взглянул в сторону Гарри.

– Сядьте, Поттер.

– Знаете ли, Снейп, – громко произнёс Сириус, на задних ножках стула немного откинувшись назад и обращаясь к потолку, – пожалуй, я предпочёл бы, чтобы вы здесь не распоряжались. Видите ли, это мой дом.

К мертвенно-бледному лицу Снейпа угрожающе прихлынула кровь. Гарри опустился на стул рядом с Сириусом и оказался лицом к лицу со Снейпом.

– Поттер, я рассчитывал пообщаться с вами наедине, – губы Снейпа исказила знакомая усмешка, – но Блэк...

– Я его крёстный отец, – на повышенных тонах заявил Сириус.

– А я здесь по поручению Дамблдора, – парировал Снейп, чей голос, напротив, становился всё тише и язвительнее, – но вы, Блэк, останьтесь, пожалуйста, я понимаю, как вам приятно... принять участие...

– Это что за намёк? – Сириус отпустил стул, и тот с грохотом встал на все четыре ножки.

– Я ничуть не сомневаюсь, что вы, должно быть... ах... расстроены тем обстоятельством, что не в состоянии принести ни малейшей пользы... – Снейп подчеркнул последнее слово: – ...Ордену.

Теперь вспыхнул Сириус. Снейп повернулся к Гарри, и его губы торжествующе дрогнули:

– Поттер, директор направил меня передать вам своё пожелание – в этом семестре изучать окклюменцию.

– Что изучать? – растерянно переспросил Гарри.

Насмешка Снейпа стала явственнее:

– Окклюменцию, Поттер. Магическую защиту разума от внешних вторжений. Это малоизученная, но в высшей степени полезная область магии.

Сердце Гарри бешено заколотилось. Защита от внешних вторжений? Но ведь уже решили, что никто им не завладевал...

– Зачем мне изучать окклю... это самое? – выпалил он.

– Затем, что директор счёл это целесообразным, – вкрадчиво ответил Снейп. – Раз в неделю у вас будет индивидуальное занятие, но о том, чем станете заниматься, никому рассказывать не будете, особенно Долорес Амбридж. Вам ясно?

– Да, – кивнул Гарри, – а кто будет меня учить?

Снейп поднял бровь.

– Я.

У Гарри перед глазами всё поплыло.

Дополнительные занятия со Снейпом... ну за что ему такое?! Он поспешно обернулся к Сириусу, ища поддержки.

– Почему Гарри не может учить Дамблдор? – требовательно спросил Сириус. – Почему именно ты?

– Я полагаю потому, что директор школы обладает привилегией самые неприятные дела поручать кому-либо другому, – вкрадчиво пояснил Снейп. – Уверяю вас, я на эту работу не напрашивался, – он поднялся на ноги. – Поттер, жду вас в шесть вечера в понедельник. В моём кабинете. Если кто-нибудь спросит – вы посещаете занятия по зельям для отстающих. Никто из тех, кто видел вас на моих занятиях, не станет отрицать, что вы в них нуждаетесь.

Он развернулся уходить, чёрный дорожный плащ взметнулся за его спиной.

– Секундочку, – Сириус выпрямился на стуле.

Снейп с насмешливым выражением лица повернулся к нему.

– Я в некотором роде тороплюсь, Блэк. В отличие от вас, я не располагаю неограниченным досугом.

– Тогда сразу к делу, – Сириус встал. Он был повыше Снейпа, и тот, как заметил Гарри, в кармане плаща сжал в кулаке ручку палочки – Гарри не сомневался, что именно её. – Если услышу, что ты пользуешься этими занятиями окклюменцией, чтобы портить Гарри жизнь, тебе придётся иметь дело со мной.

– Как трогательно, – насмешливо улыбнулся Снейп. – Вы замечали, разумеется, как Поттер похож на своего отца?

– Да, замечал, – заносчиво подтвердил Сириус.

– Прекрасно, значит должны понимать, что он самонадеянный настолько, что критикой его не проймёшь, – вкрадчиво закончил Снейп.

Сириус резко отшвырнул стул и направился вокруг стола к Снейпу, на ходу вытаскивая палочку. Снейп выхватил свою. Они замерли друг перед другом, Сириус – побледнев от бешенства, Снейп – расчётливо и быстро переводя взгляд с кончика волшебной палочки Сириуса на его лицо.

– Сириус! – не сдержался Гарри, но Сириус его словно и не слышал.

– Предупреждаю тебя, Соплеус,¹⁸⁸ – лицо Сириуса застыло в фуге от лица Снейпа, – мне плевать, пусть Дамблдор считает, что ты исправился, но мне-то лучше знать...

– О, ну так почему бы тебе не рассказать ему, что ты знаешь? – зашипел Снейп. – Или боишься, что он не воспримет всерьёз слова человека, который уже полгода жирует в материнском доме?

– Расскажи мне, как поживает Люциус Малфой, а? Наверное, рад безумно, что его шавка работает в Хогвартсе?

– Побеседуем о собаках... – медленно прошелестел Снейп, – ...тебе известно, что Люциус Малфой узнал тебя, когда ты в последний раз рискнул высунуть наружу нос? Какая блестящая мысль, Блэк, засветиться на вокзальном перроне, в таком безопасном месте... получил железную отмазку больше не вылезать из своей конуры, так?

Сириус поднял палочку.

– НЕТ! – заорал Гарри и бросился прямо через стол, пытаясь им помешать. – Сириус, не надо!

– Ты меня трусом назвал? – рявкнул Сириус и попробовал отодвинуть Гарри в сторону, но Гарри не стронулся с места.

– Ты не ошибся... – прошипел Снейп.

– Гарри... прочь... с дороги! – зарычал Сириус, отталкивая крестника свободной рукой.

Дверь кухни распахнулась, и ввалились Уизли в полном составе плюс Гермиона, со счастливым видом толпясь вокруг гордо выпагивающего мистера Уизли в плаще поверх полосатой пижамы.

– Я здоров! – громко провозгласил он на всю кухню. – Абсолютно здоров!

И он, и все прочие Уизли остолбенели на пороге, и ошеломлённо уставились на открывшуюся их глазам сцену, которая застыла в самом разгаре: Сириус и Снейп, с палочками наизготовку, повернулись к дверям, а между ними, с расставленными руками, пробуя удержать соперников, замер Гарри.

– Борода Мерлина, – протянул мистер Уизли, и с лица его сползла улыбка, – что здесь происходит?

И Сириус, и Снейп опустили палочки. Гарри переводил взгляд с одного на другого. У обоих был до предела оскорблённый вид, но, судя по всему, неожиданное появление такого большого количества свидетелей привело их в чувство. Снейп сунул палочку в карман, резко развернулся и, не говоря ни слова, быстро прошёл мимо Уизли к двери. Перед выходом он оглянулся:

– Поттер, в шесть вечера, в понедельник.

И скрылся. Сириус, держа палочку на отлёте, сверкнул глазами ему вслед.

– Да что произошло? – вновь спросил мистер Уизли.

¹⁸⁸ Snivellus; snivel – хныкать, распускать сопли; в оригинале кличка созвучна с именем и названием Дома

– Ничего, Артур, – задыхаясь, словно после длительной пробежки, отрезал Сириус. – Совершенно невинная, дружеская беседа двух старинных школьных приятелей, – с неимоверным усилием он улыбнулся. – Ну... так ты поправился? Отличные новости, в самом деле отличные.

– Ещё бы! – хмыкнула миссис Уизли, подводя мужа к стулу. – В конце концов, целитель Сметуик занялся магией, нашёл противоядие ко всей пакости, что была в зубах у этой змеи, а Артур получил хороший урок о том, как связываться с магловской медициной, *правда*, дорогой? – с нажимом закончила она.

– Да, Молли, правда, – кротко согласился мистер Уизли.

Возвращение мистера Уизли предполагало радостный ужин. Гарри замечал, что Сириус пытается этому настроению соответствовать, но когда крёстный не принуждал себя громко смеяться шуткам Фреда и Джорджа или не занимался угощением гостей, лицо его вновь обретало угрюмое, задумчивое выражение. От Гарри его отделяли Мундунгус и Безумный Глаз, заглянувшие принести поздравления мистеру Уизли. Гарри хотелось поговорить с Сириусом, посоветовать ему не обращать внимания на слова Снейпа, сказать, что Снейп намеренно пытался его уесть, а все прочие и думать не думают, что Сириус – трус только потому, что он выполняет распоряжение Дамблдора: не покидать площадь Гриммолд. Но возможности поговорить не представлялось и, не сводя глаз с раздражённого Сириуса, Гарри периодически спрашивал себя: решится ли он заговорить на эту тему, даже если подвернётся удобный случай. Зато он вполголоса рассказал Рону и Гермионе о том, что ему придётся заниматься со Снейпом окклюменцией.

– Дамблдор хочет, чтобы тебе перестал сниться Волдеморт, – тут же решила Гермиона. – Ну и замечательно, ты же не станешь жалеть о том, что тебе не будут сниться такие сны?

– Дополнительные занятия со Снейпом? – ужаснулся Рон. – По мне лучше уж ночные кошмары!

На завтра им предстояло возвращаться в Хогвартс на «Ночном рыцаре», опять под конвоем Тонкс и Люпина, которые, когда Гарри, Рон и Гермиона с утра спустились на кухню, уже завтракали там. Распахнув дверь, Гарри понял, что взрослые на полуслове прервали какие-то секретные переговоры – они быстро обернулись и сразу же замолчали.

По случаю холодного, промозглого январского утра, после завтрака на скорую руку, все натянули куртки и намотали шарфы. У Гарри внутри всё сжалось: прощаться с Сириусом ему не хотелось. Расставание вызывало у него нехорошие предчувствия – неизвестно, когда доведётся встретиться вновь, а Гарри считал себя обязанным поговорить с Сириусом, не дать ему совершить ошибку – страшно, если обвинение в трусости от Снейпа может так сильно задеть Сириуса, что он решится на какую-нибудь опрометчивую вылазку с площади Гриммолд. Но ещё до того, как Гарри придумал, что же ему сказать, Сириус сам подозвал его.

– Я хочу, чтобы ты взял это с собой, – тихо сказал он и сунул Гарри небрежно упакованный свёрток, размером с книгу небольшого формата.

– А что это? – удивился Гарри.

– Это чтобы дать мне знать, если у тебя начнутся проблемы со Снейпом. Нет, сейчас не открывай! – Сириус осторожно оглянулся на миссис Уизли, которая пыталась уговорить близнецов надеть вязанные рукавицы. – Вряд ли Молли это понравится... но я хочу, чтобы ты воспользовался этим, если я тебе понадобится, договорились?

– Ладно, – Гарри убрал свёрток во внутренний карман куртки в полной уверенности, что никогда им не воспользуется, что бы ни случилось.

Уж кто-кто, но он, Гарри, не станет выманывать Сириуса из укрытия, как бы подло не обращался с ним Снейп на предстоящих занятиях по окклюменции.

– Ну, идём, – Сириус хлопнул Гарри по плечу, хмуро улыбнулся и, прежде чем Гарри успел что-либо добавить, они уже поднялись вверх и в гуще Уизли остановились перед запертой на все замки и цепочки входной дверью.

– Гарри, до свидания, береги себя, – обняла его миссис Уизли.

– До встречи, Гарри, последи вместо меня за змеями! – без всяких задних мыслей пожелал ему мистер Уизли и потряс руку.

– Ага, ладно, – растерянно согласился Гарри.

У него оставалась последняя возможность посоветовать Сириусу быть осторожнее: он повернулся, посмотрел крёстному в лицо, уже открыл рот, чтобы сказать, но прежде, чем успел произнести хоть слово, Сириус уже коротко обнял его одной рукой и хрипло произнёс:

– О себе позаботься, Гарри.

В следующее мгновение Гарри уже почувствовал, что его вынесло в морозный зимний воздух, и Тонкс (сегодня неузнаваемо преобразившись в высокую, простоватую женщину с русыми волосами) сводит его по лестнице вниз.

Дверь дома номер двенадцать за их спинами захлопнулась. Все, следом за Люпином, стали спускаться. Ступив на тротуар, Гарри оглянулся. Дом номер двенадцать быстро уменьшался, соседние дома смыкались, скрывая его из виду. Мгновение спустя дом исчез.

– Давай, чем быстрее мы попадём в автобус, тем лучше, – раздался голос Тонкс, и Гарри отметил, каким нервным взглядом она окинула площадь.

Люпин резко вскинул правую руку.

БАМС.

Из ниоткуда перед ними возник ярко-фиолетовый трёхэтажный автобус, чудом увернувшись от отпрянувшего с дороги ближайшего фонарного столба.

На тротуар прыгнул худой прыщавый юноша в фиолетовой униформе и объявил:

– Добро пожаловать в...

– Да, да, знаем, спасибо, – поспешно оборвала его Тонкс, – залезайте, ну же...

Она подтолкнула Гарри вперёд мимо кондуктора, который, когда Гарри проходил мимо, выпустил глаза:

– Э-э... да это 'Арри!..

– Если брякнешь его фамилию, я на тебя проклятие Забвения наложу, – угрожающе прошипела ему Тонкс, следом проталкивая внутрь Джинни и Гермиону.

– Я всегда мечтал проехаться на этой штуке, – восторженно объявил Рон, присоединившись к Гарри в салоне и оглядываясь по сторонам.

В прошлый раз Гарри ехал на «Ночном рыцаре» ночью, и все его три этажа были уставлены латунными кроватями. Нынешним утром повсюду, сбиваясь к окнам, хаотично громоздились разномастные стулья. Судя по всему, когда автобус резко затормозил на площади Гриммода, часть стульев упала, несколько ведьм и колдунов, ругаясь, поднимались на ноги, из чьей-то обронённой сумки по всему полу рассыпалась несимпатичная мешанина лягушачьей икры, тараканов и заварного крема.

– Похоже, придётся разделиться, – бодро заметила Тонкс, оглянувшись в поисках свободных мест. – Фред, Джордж и Джинни, вы бы сели сзади... С вами Римус побудет.

Она вместе с Гарри, Роном и Гермионой поднялась на самый верхний этаж, где в начале автобуса и в конце оставалось по паре незанятых стульев. За Гарри и Роном с горящими глазами следовал кондуктор Стэн Шанпайк. Пока Гарри проходил мимо сидящих, головы их выворачивались ему вслед, как только он сел, головы тут же вернулись в исходное положение.

Когда Гарри и Рон заплатили Стэну по одиннадцать сиклей, автобус, угрожающе раскачиваясь, тронулся в путь. Он прогремел по площади Гриммода, виляя туда-сюда по мостовой, затем, с очередным оглушительным БАМСом, всех отбросило назад: стул Рона повалился в сторону, Свинстун, располагавшийся на Роновых коленях, вырвался из клетки и, ополоумевше щебеча, запорхал по автобусу вперёд, где, наконец, приземлился на плечо Гермионы. Гарри, ухватившись за стойку канделябра и чудом избежав падения, приник к окну: в этот раз они притормаживали где-то на автостраде.

– Бирмингем проезжаем, – радостно пояснил Стэн в ответ на невысказанный Гарри вопрос, в то время как Рон всё ещё пытался подняться. – Ты как поживаешь-то, а, 'Арри? Про тебя в газетах за лето много чего было, но как-то оно всё не фонтан. Я Эрни-то сказал, ну, сказал я ему, что, значит, «на психа-то он не похож был, когда мы его видели, кто б мог подумать?»

Он отдал мальчикам билеты, но продолжал с восторгом глазеть на Гарри. По всей вероятности Стэна ничуть не заботило – псих человек или нет, если при этом он настолько популярен, что о нём пишут в газетах. «Ночной рыцарь», опасно раскачиваясь, обогнал по обочине череду машин. Глянув вперёд по салону автобуса, Гарри заметил, что Гермиона закрыла руками лицо, а Свинстун радостно болтается у неё на плече.

БАМС.

Стулья опять поехали назад, «Ночной рыцарь» скакнул с бирмингемской автострады на спокойную просёлочную дорогу, сплошь состоящую из крутых поворотов. Когда они вылетали на обочины, живые изгороди шарахались во все стороны. Потом они оказались на главной улице в центре оживлённого городка, затем на эстакаде, проложенной меж высоких холмов, после – на продуваемом всеми ветрами шоссе среди многоэтажек спального района, и всякий раз со звучным БАМС.

– Я передумал, – пробурчал Рон, в шестой раз поднимаясь с пола, – никогда в жизни не хочу больше ездить на этой штуковине.

– Слышите, следующая остановка – ‘Огвартс, – громко объявил Стэн и, пошатываясь, подошёл ближе. – Там одна дамочка впереди, которая с вами села, нам чуток сверху дала, чтобы ваша очередь побыстрее наступила. Мы только мадам Марш сначала высадим... – снизу раздался характерный при блевании звук, а следом и отталкивающий плеск на пол, – ...да, неважненько она себя чувствует...

Через несколько минут «Ночной рыцарь» с визгом затормозил у маленького паба, съёжившегося, чтобы уйти от столкновения. Было слышно, как Стэн выводит из автобуса несчастную мадам Марш, и как облегчённо перешёптываются её соседи по второму этажу. Автобус тронулся, набрал скорость, и опять...

БАМС.

Они уже колесили по заснеженному Хогсмиду. На боковой улочке Гарри мельком увидел «Кабанью голову», на зимнем ветру поскрипывала вывеска с отрубленной головой хряка. Переднее окно автобуса заваливало хлопьями снега. И вот, наконец, остановка перед хогвартскими воротами.

Люпин и Тонкс помогли ребятам вытащить из автобуса багаж, потом вышли попрощаться. Гарри окинул взглядом три этажа «Ночного рыцаря» и увидел, что все пассажиры с любопытством прилипли к окнам.

– Как только попадёте на территорию Хогвартса, будете в безопасности, – Тонкс настороженно оглядела пустынную дорогу. – Ну, учитесь хорошо, ладно?

– Берегите себя, – Люпин пожал руки всем, дошла очередь до Гарри: – Послушай-ка... – пока все остальные напоследок прощались с Тонкс, он шёпотом обратился к нему, – ...я знаю, что Снейп тебе не нравится, но он превосходный окклюменс, и мы все... в том числе и Сириус... хотим, чтобы ты научился защищаться, так что занимайся побольше, договорились?

– Ладно, договорились, – выдавил Гарри, глянув в преждевременно состарившееся лицо Люпина. – Ну, до свидания.

Потащив за собой сундуки, ребята вшестером побрели по скользкой дороге к замку. Гермиона уже принялась строить планы, как до сна свяжет несколько шапок для эльфов. У дубовых дверей парадного входа Гарри оглянулся: «Ночной рыцарь» уже исчез, и, при мысли о том, что ждёт его завтрашним вечером, Гарри в глубине души даже пожалел, что не остался на его борту.

* * *

Большую часть следующего дня Гарри провёл в страхе перед грядущим вечером. Спаренные зелья с утра никоим образом опасения Гарри не развеяли, потому что Снейп был традиционно неприветлив. А ещё больше настроение Гарри упало из-за беспрерывных разговоров с участниками ДА, которые в перерывах с надеждой интересовались у него, состоится ли вечернее собрание.

– О том, когда будет очередное собрание, я сообщу вам так, как обычно, – без конца повторял Гарри, – но сегодня вечером не получится, мне нужно на... э-э... на занятия по зельям для отстающих.

– У тебя *занятия по зельям для отстающих*? – высокомерно поинтересовался Захария Смит, после обеда приперев Гарри к стенке в вестибюле. – О, господи, ты, наверное, совсем конченный. Обычно ведь Снейп дополнительных занятий не даёт?

Гаденько оживившись, Смит зашагал прочь, Рон злобно посмотрел ему вслед:

– Можно мне на него порчу наложить, а? Отсюда я ещё достану, – он поднял палочку и прицелился Смиту между лопаток.

– Перестань, – угрюмо остановил его Гарри. – По-моему, к такому выводу приходят все? Что я и в самом деле дур...

– Гарри, привет! – раздался голос за его спиной.

Гарри обернулся и обнаружил, что сзади стоит Чоу.

– О... – растерялся Гарри, сердце у него ёкнуло. – ...Привет.

– Гарри, мы будем в библиотеке, – Гермиона крепко ухватила Рона повыше локтя и потащила к мраморной лестнице.

– Хорошо Рождество провёл? – поинтересовалась Чоу.

– Ага, неплохо, – кивнул Гарри.

– А у меня всё так скромно было, – протянула Чоу. Почему-то она нервничала. – А-а... в следующем месяце опять будет поход в Хогсмид, ты объявление видел?

– Что? Ой, нет, я как приехал, на доску объявлений не заглядывал.

– Он будет на день святого Валентина...

– Ясно, – растерялся Гарри, недоумевая, к чему она клонит. – Ты, наверное, хочешь?..

– Только если ты сам этого хочешь, – горячо прервала его Чоу.

Гарри оторопел. Он собирался сказать: «наверное, хочешь узнать, когда следующее собрание ДА?», но реплика Чоу, судя по всему, никакого отношения к этому не имела.

– Я... э-э... – замялся он.

– О, если не хочешь, ничего страшного, – с убитым видом пролепетала Чоу. – Всё нормально. Ну... до встречи.

И она пошла прочь. Гарри неподвижно смотрел ей вслед и изо всех сил пытался сообразить. Как вдруг всё со щелчком встало по местам.

– Чоу! Эй... ЧОУ!

Он побежал за ней и перехватил на середине мраморной лестницы.

– А-а... ты хочешь пойти со мной в Хогсмид на день святого Валентина?

– Ох, да! – Чоу густо покраснела и просияла.

– Ладно... ну... договорились, значит, – нашёлся Гарри и, с чувством, что всё-таки день прожит не совсем зря, стремглав полетел в библиотеку, чтобы перед послеобеденными занятиями прихватить Рона и Гермиону.

Но к шести часам вечера даже восторг от такого удачного приглашения Чоу на свидание не мог развеять мрачные предчувствия, которые усугублялись с каждым шагом по направлению к кабинету Снейпа.

Подойдя к двери, Гарри замешкался, мечтая оказаться где угодно, но только не здесь, потом собрался с духом, постучал и вошёл.

В тёмном помещении рядами висели полки с сотнями стеклянных емкостей, где в разноцветных жидкостях застыли отталкивающие фрагменты животных и растений. В одном из углов располагался шкаф с компонентами зелий, в краже из которого Снейп некогда – и не без причины – обвинял Гарри. Но всё внимание Гарри сейчас было приковано к столу, где в круге света, отбрасываемого свечой, стояла неглубокая каменная чаша с резьбой в виде символов и рун. Чашу Гарри сразу узнал – это был ситодум Дамблдора. Он так удивился, к чему здесь эта чаша, что даже парохнулся в сторону, когда из темноты раздался бесстрастный голос Снейпа.

– Закройте за собой дверь, Поттер.

Гарри выполнил указание с ужасным чувством, словно собственноручно запер себя в тюрьму. Когда он вернулся обратно к столу, Снейп вышел на свет и молча указал на кресло напротив. Гарри сел, Снейп тоже сел, на его лице лежала неизгладимая печать неприязни, чёрные глаза холодно, не мигая, смотрели на Гарри.

– Итак, Поттер, причина того, что вы здесь, вам известна, – начал Снейп. – Директор поручил мне преподавать вам уроки окклюменции. Могу лишь рассчитывать на то, что к этому предмету вы окажетесь более способны, нежели к зельям.

– Ясно, – лаконично согласился Гарри.

– Поттер, пусть это и не обычное занятие, – глаза Снейпа нехорошо сузились, – но я, тем не менее, ваш преподаватель, и в этой связи вы по-прежнему будете называть меня «профессор» или «сэр».

– Хорошо... сэр, – выдавил Гарри.

Снейп ещё пару секунд не сводил с Гарри сузившихся глаз, а потом продолжил:

– Итак, окклюменция. Как я уже сказал вам на кухне вашего милейшего крёстного, эта сфера магии запечатывает разум от магического вторжения и воздействия.

– А почему профессор Дамблдор считает, что мне это необходимо, сэр? – Гарри посмотрел Снейпу прямо в глаза и мельком подумал, даст ли тот ответ.

Снейп смерил его взглядом и презрительно заметил:

– К настоящему времени даже вы, Поттер, могли бы уже сделать должные выводы. Тёмный Лорд чрезвычайно искусен в легилименции...¹⁸⁹

– В чём? В чём, сэр?

– В способности извлекать из разума другого человека эмоции и воспоминания.

– Он может читать мысли? – поспешно уточнил Гарри, утверждаясь в своих наихудших опасениях.

¹⁸⁹ Legilimency; (лат.)lego,legi – собирать, читать; limen – вход, дверь, граница; mentis – настроение, рассудок, ум, разум

– Вы не чувствуете тонкостей, Поттер, – тёмные глаза Снейпа сверкнули. – Не улавливаете мелких различий. Это один из тех дефектов, которые делают вас настолько скверным зельеваром.

Снейп на мгновение сделал паузу, по всей вероятности наслаждаясь удовольствием от унижения Гарри, затем продолжил:

– О «чтении мыслей» говорят только магглы. Разум – не книга, его нельзя при желании открыть и на досуге просматривать. Мысли не отпечатаны на внутренней поверхности черепной коробки и, вторгаясь в разум, их прочесть нельзя. Разум – это сложное и многомерное образование, Поттер... во всяком случае, таков он у большинства, – Снейп усмехнулся. – Но необходимо признать: тот, кому удалось овладеть искусством легилименции, способен, при определённых условиях, тщательно исследовать разум своей жертвы и безошибочно интерпретировать полученные результаты. Так Тёмный Лорд практически всегда знает, когда ему лгут. И только тем, кто овладел окклюменцией, удаётся скрыть свои эмоции и воспоминания, которые противоречат их собственной лжи, и, таким образом, в присутствии Тёмного Лорда они могут лгать, не опасаясь разоблачения.

Несмотря на объяснения Снейпа, легилименция для Гарри всё равно ассоциировалась с «чтением мыслей», а это ему пришлось совсем не по душе.

– Значит, он может знать всё, о чём мы прямо сейчас думаем? Да, сэр?

– Тёмный Лорд весьма далеко, а стены и территория Хогвартса охраняются многочисленными древними чарами и заклинаниями для того, чтобы обеспечить своим обитателям физическое и душевное здоровье, – отчеканил Снейп. – Поттер, для магии имеют значение время и пространство. В легилименции, как правило, необходим зрительный контакт.

– Хорошо, ну а тогда зачем мне изучать окклюменцию?

Снейп задумчиво взглянул на Гарри и длинным, тонким пальцем провёл по губам.

– Поттер, по всей видимости, общепринятые правила на вас не распространяются. То проклятие, которое не смогло вас убить, установило между вами и Тёмным Лордом некую связь. Есть основания предполагать, что когда ваш разум полностью расслаблен и уязвим – положим, когда вы спите, – вы разделяете мысли и эмоции с Тёмным Лордом. Директор счёл, что впредь это будет неразумно. И обратился ко мне с просьбой научить вас закрывать разум от Тёмного Лорда.

Сердце Гарри вновь бешено заколотилось. Всё как-то не складывалось.

– Но зачем профессору Дамблдору всё это прекращать? – выпалил он. – Мне-то, конечно, не слишком приятно, но ведь это полезно, разве нет? Ну, то есть... увидел же я, что на мистера Уизли напала змея, а если бы не увидел, то профессор Дамблдор его бы не спас! Сэр?!

Снейп несколько секунд пристально разглядывал Гарри, по-прежнему водя пальцем по губам. Когда он заговорил вновь, речь его звучала так медленно и размеренно, словно он взвешивал каждое слово.

– Вероятно, до недавнего времени Тёмный Лорд не подозревал о связи между собой и вами. То, что до сих пор вы испытывали его эмоции и разделяли его мысли, с его стороны было неосознанно. Но видение, которое случилось у вас незадолго до Рождества...

– Про змею и мистера Уизли?

– Не перебивайте меня, Поттер, – угрожающе процедил Снейп. – Как я уже сказал, то видение, которое случилось у вас незадолго до Рождества, означало такое мощное вторжение в мысли Тёмного Лорда...

– Я же видел всё изнутри змеи, а не из него!

– Разве я только что не сказал вам меня не перебивать, Поттер?

Но Гарри уже не думал о том, что Снейп рассержен: кажется, он наконец-то добрался до сути всего происходящего, – он всё ближе и ближе подвигался к краю кресла и неосознанно оказался на самом краешке, в таком напряжении, словно готов был взлететь.

– Как же я мог видеть глазами змеи, если я разделял мысли с Волдемортом?

– *Не произносите имя Тёмного Лорда!* – зашипел Снейп.

Повисло тяжелое молчание. Оба впивались глазами друг в друга поверх ситодума.

– Профессор Дамблдор произносит его имя, – тихо возразил Гарри.

– Дамблдор в высшей степени могущественный колдун, – глухо произнёс Снейп. – Если он не считает рискованным для себя произносить это имя... то всем остальным... – он неосознанно тронул руку повыше левого запястья, там, где, как Гарри знал, на его коже была выжжена Тёмная Метка.

– Я просто хочу понять... – снова начал Гарри, из вежливости сдерживаясь, – почему...

– Вам почудилось, будто вы вселились в змеиный разум потому, что в тот самый момент там был Тёмный Лорд, – с досадой бросил Снейп. – Это он тогда завладел змеей, поэтому и вам тоже приснилось, что вы – в её теле.

– А Вол... он... он понял, что я там был?

– Видимо, да, – холодно кивнул Снейп.

– Откуда вы знаете? – поспешно уточнил Гарри. – Профессор Дамблдор так предполагает, или?..

– Я велел вам, – Снейп выпрямился в кресле и сузил глаза, – обращаться ко мне «сэр».

– Да, сэр, – в нетерпении согласился Гарри, – но откуда вы знаете?..

– Достаточно того, что мы знаем, – властно отрезал Снейп. – Самое главное – теперь Тёмный Лорд понял, что у вас есть доступ к его мыслям и чувствам. И сделал вывод, что процесс может иметь и обратную сторону, иными словами, осознал, что теоретически он в состоянии в ответ получать доступ и к вашим мыслям и чувствам...

– И может меня подчинить? – оторопел Гарри и поспешно добавил: – Так, сэр?

– Может, – холодным и равнодушным тоном подтвердил Снейп. – Что возвращает нас к окклюменции.

Из одного из внутренних карманов мантии Снейп извлёк палочку, и Гарри напрягся, но Снейп лишь поднял её к виску и коснулся корней грязных волос. Когда он стал отводить палочку, к её кончику от виска потянулась какая-то серебристая субстанция, напоминавшая

плотную нить паутины, которая, после того как палочка отошла дальше, порвалась, плавно слетела в ситодум и закружилась в серебристо-белом водовороте не то газа, не то жидкости. Снейп ещё дважды подносил палочку к виску и опускал серебристую субстанцию в каменную чашу, а затем, не вдаваясь в объяснения, аккуратно поднял ситодум, поставил его подальше на полку и повернулся к Гарри, держа палочку наизготовку.

– Вставайте, Поттер, и вынимайте палочку.

Гарри, обмирая от волнения, поднялся на ноги.

Они стояли лицом к лицу, их разделял только письменный стол.

– Можете воспользоваться палочкой, чтобы попробовать меня разоружить или защищаться любым другим способом, который придёт вам в голову.

– А что вы собираетесь делать? – Гарри испуганно не сводил глаз с палочки Снейпа.

– Я собираюсь предпринять попытку вторжения в ваш разум, – вкрадчиво пояснил Снейп. – Посмотрим, как вы умеете сопротивляться. Мне говорили, что вы уже демонстрировали способность противостоять проклятию Импернус. Вы поймёте, что и сейчас от вас потребуются похожие усилия... а теперь соберитесь. *Legilimens!*

Снейп нанёс удар прежде, чем Гарри успел подготовиться, даже прежде, чем Гарри успел собрать силы к сопротивлению. Кабинет поплыл перед глазами и исчез, в сознании замелькал образ за образом, словно рапидные съёмки, ослепительные настолько, что больше ничего вокруг он уже не видел.

Ему пять лет, он смотрит, как Дадли едет на новеньком красном велосипеде, и сердце сжимается от зависти... ему девять, бульдог Злыдень загнал его на дерево, внизу, на лужайке, смеются Дёрзли ... он сидит под Сортировочной Шляпой, она сообщает, что лучше ему попасть в Слизерин... в больничном крыле лежит Гермiona, лицо её покрыто густой чёрной шерстью... у тёмного озера на него наступает сотня дементоров... под омелой к нему подходит Чоу Чанг...

Когда появилось воспоминание о Чоу, внутренний голос взбунтовался: *«Нет, за этим подглядывать нельзя, нельзя, это – личное...»*

Гарри почувствовал резкую боль в колене. Изображение кабинета Снейпа появилось вновь, и он осознал, что рухнул на пол, а коленом больно ударился о ножку Снейпова стола. Гарри поднял глаза на Снейпа – тот опустил палочку и тёр запястье. На запястье горел рубец, словно след от ожога.

– Вы осознанно воспользовались Жгучей порчей?¹⁹⁰ – хладнокровно поинтересовался он.

– Нет, – горько возразил Гарри, вставая на ноги.

– Я так и думал, – Снейп разглядывал его в упор. – Вы впустили меня слишком далеко. Потеряли над собой контроль.

– Вы видели всё, что видел я? – нерешительно спросил Гарри, опасаясь услышать ответ.

– Мельком, – Снейп изогнул губы. – Чья была собака?

¹⁹⁰ Stinging Hex

– Моей тётки Мардж, – отчаянно ненавидя Снейпа, пробормотал Гарри.

– Ладно, на первый раз не так плохо, как можно было предполагать, – Снейп вновь поднял палочку. – В конце концов, вы всё-таки смогли меня остановить, хотя и потратили впустую силы и время на крик. Не теряйте сосредоточенности. Сопровитесь усилием воли, и прибегать к палочке вам не придётся.

– Я пытаюсь, – вспыхнул Гарри, – но вы же не объясняете, как это делать!

– Забываетесь, Поттер, – угрожающе осадил его Снейп. – А теперь я хочу, чтобы вы закрыли глаза.

Перед тем, как подчиниться, Гарри бросил на Снейпа возмущённый взгляд. Ему совсем не нравилась перспектива, закрыв глаза, стоять лицом к лицу со Снейпом, у которого при себе есть палочка.

– Очистите разум, Поттер, – раздался холодный голос Снейпа. – Избавьтесь от всех эмоций...

Но ненависть к Снейпу снедала Гарри изнутри словно змеиный яд. Избавиться от этой ненависти? Лишиться такой опоры? Ну уж нет...

– Не то, Поттер, так не пойдёт... по такому случаю придётся вам себя укротить... Итак, сосредоточьтесь...

Гарри попробовал освободить разум, попробовал не думать, не вспоминать, не чувствовать...

– Попробуем ещё раз... на счёт три... один... два... три... *Legilimens!*

Перед ним возвышается огромный чёрный дракон... из зачарованного зеркала машут руками отец и мать... на земле лежит Седрик Диггори и смотрит на него пустыми глазами...

– НЕЕЕЕЕЕТ!

Гарри опять оказался на коленях, закрыв руками лицо – в черепе болело так, словно кто-то пытался вытащить оттуда мозг.

– Встать! – резко скомандовал Снейп. – Встать! Ты не стараешься, не прикладываешь усилий! Пускаешь меня к тем воспоминаниям, которых боишься, и даёшь мне оружие против себя!

Гарри опять поднялся, сердце колотилось так бешено, словно он на самом деле опять увидел мёртвого Седрика на кладбище. Снейп был бледнее обычного и злее, но со злостью Гарри это не шло ни в какое сравнение.

– Я... прикладываю... усилия... – стиснув зубы, прошептал Гарри.

– Я сказал – прочь эмоции!

– Да? Сейчас это проще сказать, чем сделать, – огрызнулся Гарри.

– В таком случае ты станешь лёгкой добычей для Тёмного Лорда! – безжалостно отрезал Снейп. – Чувства напоявляют только идиоты, которые не могут контролировать свои эмоции, барахтаются в прошлых терзаниях и в два счёта позволяют себя спровоцировать... одним словом, жалкие людишки... у таких нет никаких шансов выстоять против его власти! Проникнуть в твой разум, Поттер, ему будет проще простого!

– Я не жалкий... – вполголоса возразил Гарри: бешенство заполнило его до краев, ему казалось, вот-вот, и он бросится на Снейпа.

– Так докажи это! Владей собой! – яростно процедил Снейп. – Обуздай свою злость, укроти свой разум! Ещё раз! Давай, приготовься! *Legilimens!*

Он видит, как дядя Вернон заколачивает щель почтового ящика... по глади озера к нему на берег стекается сотня дементоров... он бежит с мистером Уизли по коридору без окон... они подбегают к простой чёрной двери в конце коридора... Гарри намеревается открыть её и зайти... но мистер Уизли уводит его налево, вниз по каменным ступеням...

– Я ПОНЯЛ! ПОНЯЛ!

Из рта Гарри вырвался торжествующий клоч, а сам он опять оказался в кабинете Снейпа на четвереньках, к тому же шрам снова неприятно пульсировал. С трудом встав на ноги, он обнаружил, что Снейп стоит с поднятой палочкой и внимательно смотрит на него. Словно на этот раз профессор снял заклинание даже прежде, чем Гарри начал сопротивляться.

– Поттер, что произошло? – глядя на Гарри в упор, спросил он.

– Я увидел... я вспомнил... – выдохнул Гарри, – ...я только что догадался...

– Догадался о чём? – резко уточнил Снейп.

Гарри объяснил не сразу: он тёр лоб и всё ещё упивался моментом просветления...

Много месяцев ему снился этот коридор без окон, ведущий к запертой двери, и он никак не мог понять, что же это за место. И, наконец, воскресив воспоминания, осознал, что всё это время ему снился коридор, по которому они с мистером Уизли бежали двенадцатого августа, когда торопились в министерские залы суда – этот коридор вёл в департамент Тайн, и именно там был мистер Уизли той ночью, когда на него напала змея Волдеморту.

Гарри поднял глаза на Снейпа.

– Что там, в департаменте Тайн?

– Что вы сказали? – еле слышно переспросил Снейп, и Гарри со скрытым удовлетворением понял, что Снейп растерялся.

– Я спросил, что там, в департаменте Тайн, сэр? – повторил Гарри.

– В связи с чем такой вопрос? – медленно уточнил Снейп.

– Потому что, – Гарри не сводил глаз с лица Снейпа, – этот коридор, который я сейчас видел... он так долго мне снился... а я только что понял, он ведёт в департамент Тайн... по-моему, Волдеморту там что-то нужно...

– Я велел вам не упоминать имя Тёмного Лорда!

Они пожирали друг друга глазами. Шрам у Гарри опять заболел, но он не обращал на это никакого внимания. Снейп явно вышел из себя, а когда вновь заговорил, его голос звучал так, словно он прилагает все силы к тому, чтобы казаться невозмутимым и безразличным.

– Поттер, мало ли что там может быть, в департаменте Тайн, даже если вы о чём-то догадываетесь, то к вам это не имеет ни малейшего отношения. Надеюсь, я понятно выразился?

– Да, – Гарри потер саднящий шрам, тот болел всё сильнее и сильнее.

– В среду, в это же время я жду вас здесь. Продолжим заниматься.

– Хорошо, – кивнул Гарри.

Ему отчаянно хотелось уйти из кабинета Снейпа и найти Рона и Гермиону.

– Каждый вечер перед сном вам следует освобождать разум от всех эмоций; там должно быть чисто, пусто и спокойно, вам ясно?

– Да, – слушая вполуха, кивнул Гарри.

– И, Поттер, имейте в виду... если вы не будете тренироваться, я об этом узнаю.

– Ладно, – пробормотал Гарри.

Он подобрал свою сумку, забросил её на плечо и рванул к выходу из кабинета. Открыв дверь, он оглянулся на Снейпа: Снейп стоял к Гарри спиной, кончиком палочки собирал в ситодуме собственные мысли и осторожно возвращал их обратно в голову. Не говоря ни слова, Гарри тщательно прикрыл за собой дверь; шрам у него по-прежнему болезненно пульсировал.

Рона и Гермиону Гарри нашёл в библиотеке – там они корпели над свеженькой кучей домашнего задания от Амбридж. Поодаль, уткнувшись в книги и судорожно скрипя перьями, в свете ламп над столами сидели остальные ученики, в основном пятикурсники, а небо за высокими, узкими стрельчатыми окнами всё темнело и темнело. Типшину нарушал только скрип одной из туфель мадам Пинс – библиотекарша с азартом рыскала по проходам и вставала над душой у тех, кто дотрагивался до её драгоценных книг.

Гарри трясло, шрам болел, не переставая, состояние было просто лихорадочное.

Сев напротив Рона и Гермионы, Гарри отметил в окне напротив своё отражение: мертвенно-бледное лицо и на нём ярче обычного – шрам.

– Ну как? – прошептала Гермиона, а потом спохватилась: – Гарри, с тобой всё порядке?

– Ага... нормально... да не знаю, – нетерпеливо отмахнулся Гарри, и опять вздрогнул от вспышки боли в шраме. – Слушайте... я кое о чём догадался...

И он поделился с друзьями всем увиденным и понятым только что.

– Значит... значит ты говоришь... – зашептал Рон, после того, как мадам Пинс тихо проскрипела мимо, – ...это оружие... штука, за которой Сам-Знаешь-Кто охотится... она в Министерстве магии?

– В департаменте Тайн, она должна быть там, – прошептал Гарри в ответ. – Я видел ту дверь, когда твой папа провожал меня до зала суда на слушание дела и именно её он охранял, когда его покусала змея.

Гермиона с облегчением вздохнула:

– Конечно.

– Что – конечно? – с нетерпением уточнил Рон.

– Рон, сам подумай... Стёрджис Подмор пытался проникнуть за какую-то дверь в Министерстве магии... для простого совпадения это чересчур!

– Зачем Стёрджису понадобилось взламывать эту дверь, он ведь на нашей стороне? – нахмурился Рон.

– Ну, этого я не знаю, – призналась Гермиона. – Странно как-то...

– Так что там, в департаменте Тайн? – спросил Гарри у Рона. – Твой папа когда-нибудь упоминал об этом?

– Я знаю, что людей, которые там работают, называют «Невыразимцы»,¹⁹¹ – поморщился Рон. – Потому что никто понятия не имеет, чем они там занимаются... место для хранения оружия очень уж странное.

– И вовсе не странное, а очень подходящее, – возразила Гермиона. – Наверное, это какая-то сверхсекретная разработка Министерства... Гарри, с тобой правда всё нормально?

Гарри в этот момент обеими руками так сильно тёр лоб, словно пытался его отутюжить.

– Да... нормально... – он опустил дрожащие руки, – ...просто дошло до меня... не очень мне нравится эта окклюменция.

– По-моему, кого угодно затрясёт, если на его разум начнут устраивать набег за набегом, – сочувственно пробормотала Гермиона. – Знаете что, давайте пойдём в гостиную, там нам будет поспокойнее.

Но гостиная, набитая до отказа, ходила ходуном и сотрясалась от смеха: Фред и Джордж демонстрировали последние новинки потешной лавки.

– Головоуборы!¹⁹² – провозглашал Джордж, а Фред тем временем размахивал перед учениками остроконечной шляпой, украшенной пухистым розовым пером. – По два галлеона за штуку, следите за Фредом, итак!

Фред, сияя, надел шляпу на голову. В первую секунду он просто приобрёл довольно глупый вид, но затем и шляпа, и голова – исчезли.

Нервные вскрики некоторых девочек потонули в общем хохоте.

– И оп-ля! – объявил Джордж, рука Фреда пошарила в кажущейся пустоте над плечами, а потом он взмахнул в воздухе шляпой с розовым плюмажем, и голова появилась вновь.

– Как эти шляпы действуют? – Гермиона забыла про домашние задания и внимательно следила за Фредом и Джорджем. – Я так думаю, наверное, там какое-то Заклинание Невидимости,¹⁹³ но придумано неплохо – раздвинуть границы невидимости за пределы заколдованного объекта... хотя, мне кажется, заклинание будет недолговечное...

Гарри ничего не ответил, ему стало совсем худо.

– Придётся мне сделать всё это завтра, – пробормотал он и засунул обратно в сумку книги, которые только что достал.

– Прекрасно, пометь себе в дневнике добрых дел! – поддержала его Гермиона. – Ничего не забудешь!

Гарри переглянулся с Роном, полез в сумку, вынул дневник и наугад открыл его.

¹⁹¹ Unspeakables

¹⁹² Headless Hats

¹⁹³ Invisibility Spell

– «*Не оставляй на потом, а то останешься с хвостом!*» – упрекнула его книжка, пока Гарри царапал там напоминание о домашнем задании для Амбридж.

Гермиона просияла.

– Пойду-ка я спать, – Гарри сунул дневник обратно в сумку и мысленно поставил себе на заметку при первой возможности бросить его в камин.

Он пересёк гостиную, увернулся от Джорджа, который пытался напаялить на него Головоубор и добрался до спокойной, прохладной лестницы, ведущей в спальни мальчиков. Ему было так же плохо, как и в ночь после видения про змею, но казалось, что стоит только лечь, и скоро всё пройдёт.

Он уже открыл дверь в спальню и зашёл, как боль в голове резанула так, словно ему вскрыли череп. Гарри забыл – и где он, и кто он, стоит или лежит.

В ушах зазвенел демонический хохот... давно уже он не был так счастлив... ликуя, восторгаясь, торжествуя победу... замечательное событие произошло, просто замечательное...

– Гарри? ГАРРИ!

Кто-то дал ему пощёчину. Безумный хохот смешался с возгласом боли. Ощущение счастья ушло, но хохот было не унять...

Гарри открыл глаза, и тут до него дошло, что этим неконтролируемым смехом заходится он сам. Смех стих, как только пришло осознание, Гарри, задыхаясь, лежал на полу, смотрел в потолок, а на лбу ужасно пульсировал шрам. Над ним, в крайнем волнении, склонился Рон.

– Что произошло? – поразился Рон.

– Я... не знаю... – Гарри, задыхаясь, сел. – Он так счастлив... так счастлив...

– Сам-Знаешь-Кто?

– Что-то хорошее произошло... – прошептал Гарри. Его трясло так же сильно, как после сцены нападения змеи на мистера Уизли, и было совсем плохо. – Произошло то, чего он ждал.

Слова возникли так же, как тогда, в раздевалке гриффиндорской команды, словно устами Гарри говорил кто-то другой, при этом Гарри был уверен, что слова – правда. Он попытался перевести дух, чтобы его не вырвало на Рона. Хорошо, что Дина и Шеймаса нет, и на этот раз они его не видят.

– Гермиона попросила меня сходить и проверить, как ты, – растерянно пояснил Рон, помогая Гарри встать. – Она сказала, что после того, как Снейп поиграл с твоим разумом, твоя защита ослабнет... не переживай, надеюсь, рано или поздно, будет польза... – доведя Гарри до кровати, он неуверенно взглянул на него.

Гарри безучастно кивнул и рухнул на подушки, от неоднократных за сегодняшний день падений на пол всё тело ныло, а боль в шраме так и не прошла. Он не мог удержаться от заключения, что первая попытка взять штурмом окклюменцию вместо того, чтобы укрепить защиту разума, только ослабила её, и мучился страшным вопросом – что же могло, четырнадцать лет спустя, так осчастливить Волдеморта.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

БУКАШКА НА БУЛАВКЕ

Сомнения Гарри разрешились уже утром следующего дня. Когда Гермионе пришёл «Ежедневный пророк», она развернула газету, глянула на первую полосу и взвизгнула так, что все, кто был по соседству, невольно повернулись к ней.

— Что? — в один голос воскликнули Гарри и Рон.

Вместо ответа Гермиона расстелила газету на столе перед ними и показала на десяток чёрно-белых фотографий, заполнивших всю первую полосу: девять портретов колдунов и на десятом — ведьма. Некоторые из сфотографированных молча скалили зубы, другие с наглым видом постукивали пальцами по рамке своих портретов. Подпись под каждым изображением включала фамилию и преступление, за которое тот был отправлен в Азкабан.

«*Антонин Долохов*», прочёл Гарри под издевательски ухмыльнувшимся ему колдуном с вытянутым, бледным, порочным лицом, «*осуждён за убийство с особой жестокостью Гидеона и Фабиана Прюэттов*».

«*Августус Руквуд*», гласило примечание к рябому мужчине с грязными волосами, который со скучающим видом прислонился к рамке своей фотографии, «*осуждён за выдачу секретов Министерства магии Тому, Кого Нельзя Называть*».

Но внимание Гарри привлекла фотография ведьмы. Как только он взглянул на газетную страницу, ему в глаза тут же бросилось её лицо. Длинные тёмные волосы ведьмы на этом снимке неряшливо топорщились, хотя Гарри доводилось видеть их блестящими, гладкими и густыми. С полной высокомерия презрительной улыбкой, играющей на тонких губах, она смотрела на него из-под тяжёлых век. Так же, как и у Сириуса, лицо её хранило следы незаурядной былой красоты, но Азкабан, должно быть, заметно сказался на её внешности.

«*Беллатрикс Лестрэндж, осуждена за пытки и непоправимый ущерб здоровью, причинённые Френку и Элис Лонгботтом*».

Гермиона подтолкнула Гарри локтем в бок и показала на заголовок над фотографиями, который Гарри пропустил, сосредоточившись на Беллатрикс.

«ГРУППОВОЙ ПОБЕГ ИЗ АЗКАБАНА МИНИСТЕРСТВО ОПАСАЕТСЯ, ЧТО БЛЭК СТАЛ ФЛАГМАНОМ БЫВШИХ ПОЖИРАТЕЛЕЙ СМЕРТИ»

— Блэк? — вслух возмутился Гарри. — Но?..

— *Тс-с!* — в панике зашипела на него Гермиона. — Не так громко... просто читай!

«*Вчера ночью Министерство магии заявило, что из Азкабана был совершён групповой побег.*

Министр магии Корнелиус Фадж дал интервью журналистам в своей личной канцелярии и подтвердил, что несколькими часами ранее десять заключённых строгого режима совершили побег, и маггловский премьер министр уже поставлен в известность об угрозе, которую представляют эти личности.

«К нашему глубочайшему сожалению мы оказались в той же ситуации, что и два с половиной года назад, когда сбежал убийца Сириус Блэк, — сказал вчера Фадж. — II нельзя отрицать потенциальную связь между этими двумя побегами. Такой неординарный побег предполагает содействие извне, и необходимо учесть, что Блэк, как первый, кому удалось сбежать из Азкабана, мог оказать своим последователям неоценимую помощь. Мы допускаем, что эти личности, в числе которых и кузина Блэка Беллатрикс Лестрэндж, сплотились вокруг Блэка, как вокруг своего предводителя. Однако мы делаем всё возможное, чтобы настигнуть преступников, и обращаемся к магическому сообществу с просьбой сохранять бдительность и осторожность. II ни в коем случае не вступать в контакты с этими личностями»»

— Вот так-то, Гарри, — с перепуганным лицом прошептал Рон. — Вот почему вчера вечером он так радовался.

— Поверить не могу, — опешил Гарри. — Неужели Фадж обвиняет в побеге Сириуса?

— А что, у него есть из чего выбирать? — с горечью заметила Гермиона. — Вряд ли он скажет: «Извините, ребята, Дамблдор предупреждал меня, что к этому идёт, азкабанская стража перешла на сторону Лорда Волдеморта»... Рон, хватит страдать... «а теперь и ближайшие сторонники Волдеморта сбежали». По-моему, он целых полгода потратил на то, чтобы всех убедить, какие вы с Дамблдором вруны!

Гермиона перевернула газетную страницу и принялась читать дальше, а Гарри огляделся по сторонам. Он никак не мог понять, почему же никто из соучеников не испугался, или уж, во всяком случае, почему никто не обсуждает жуткую новость с первой полосы, кроме тех, кто, как и Гермиона, ежедневно получает газету. Все остальные болтают о домашних заданиях, или о квиддиче, или кто знает ещё о какой ерунде, а за этими стенами гвардия Волдеморта пополнилась ещё десятью Пожирателями Смерти.

Гарри взглянул на стол преподавателей. Вот там-то всё было по-другому: Дамблдор и профессор МакГонаголл тихо переговаривались, не замечая ничего вокруг, вид у обоих был крайне озабоченный. Профессор Спраут опёрла «Пророк» о бутылку кетчупа и так увлечённо читала первую страницу, что даже не замечала, как с застывшей в воздухе ложки ей на колени мерно капает желток. Профессор Амбридж в дальнем конце стола в это время за обе щеки уписывала овсянку. Её жабыи глазки с набрякшими веками по такому случаю даже не шарили по залу в поисках хулиганов. Она жевала, хмурилась и беспрестанно бросала злобные взгляды вдоль стола, туда, где так сосредоточенно беседовали Дамблдор и МакГонаголл.

— О бо... — озадаченно начала Гермиона, не поднимая глаз от газеты.

— Что ещё? — моментально спросил Гарри; нервы у него сейчас были натянуты как струна.

— Да это... ужас какой-то, — с потрясённым видом отозвалась Гермиона.

Она перегнула газету на десятой странице и передала её Гарри и Рону.

«ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ СОТРУДНИКА МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

Больница имени святого Мунго обещает провести полное расследование инцидента, произошедшего вчера вечером: сотрудник Министерства магии Бродерик Боуд, 49-ти лет, был

найден мёртвым в своей постели, задушенный комнатным цветком. Целители, вызванные на место происшествия, не смогли вернуть пациента к жизни. За несколько недель до кончины мистер Боуд в результате несчастного случая на рабочем месте получил травму.

Лечащий целитель палаты мистера Боуда, Мириам Страут, в чью смену и произошёл этот инцидент, временно отстранена от работы, и получить от неё комментарии относительно вчерашнего оказалось невозможно, но колдун-представитель больницы сделал следующее заявление:

«Больница св. Мунго глубоко скорбит о кончине мистера Боуда, состояние которого стабильно улучшалось вплоть до этого трагического несчастного случая.

У нас ведётся строгий контроль за художественным оформлением, разрешённым в палатах, но, по всей вероятности, целитель Страут, будучи загружена работой в рождественский период, упустила из виду угрозу, которую представляло растение на прикроватной тумбочке мистера Боуда. В связи с улучшением речи и двигательных функций пациента, целитель Страут поощряла его заботиться о растении самостоятельно, не подозревая, что это отнюдь не безобидный цветочек, а постриженные дьявольские силки, которые задушили выздоравливавшего мистера Боуда, едва он к ним прикоснулся.

Больница св. Мунго пока не в состоянии объяснить наличие этого растения в палате и обращается ко всем колдунам и ведьмам с просьбой предоставить любые сведения на этот счёт».

— Боуд... — пробормотал Рон. — Боуд. Что-то знакомое...

— Мы видели его, — прошептала Гермиона. — В святом Мунго, помните? На кровати напротив Локхарта, он лежал там и смотрел в потолок. И мы видели, как появились дьявольские силки. Она... целительница... сказала, что это рождественский подарок.

Гарри ещё раз пробежал глазами заметку. К горлу комом поступил ужас.

— Как же мы не узнали эти дьявольские силки? Мы же видели их раньше... мы могли бы этому помешать.

— Да кому в голову могло прийти, что под видом цветочка в горшочке в больнице окажутся дьявольские силки? — с досадой бросил Рон. — Это не наша ошибка, виноват тот, кто послал это растение! Идиоты какие-то, почему они не проверили, что покупают?

— Да, хватит, Рон! — поморщилась Гермиона. — Сомневаюсь я, что кто-то мог посадить дьявольские силки в горшок и не представлять себе, что они полезут убивать любого, кто их тронет! Это... это убийство, изощрённое убийство, кстати... если растение послали анонимно, как смогут найти того, кто это сделал?

Гарри думал не о дьявольских силах. На память ему пришла поездка в лифте на девятый уровень Министерства в тот день, когда у него было разбирательство, и мужчину с землистым лицом, который вошёл в лифт на уровне Атриума.

— Я встречал Боуда раньше, — медленно начал он, — мы с твоим папой видели его в Министерстве.

У Рона вытянулось лицо.

— Да я же слышал, как папа дома о нём говорил! Он был Невыразимцем... он работал в департаменте Тайн!

Они растерянно переглянулись, потом Гермиона рванула к себе газету, свернула её, бросила взгляд на фотографии сбежавших Пожирателей Смерти на первой полосе и вскочила.

– Ты куда? – изумлённо спросил Рон.

– Отправить письмо, – Гермиона забросила сумку на плечо. – Я... не уверена, что стоит... но нужно попытаться... а сделать это могу только я.

– *Терпеть не могу*, когда она такая, – пробурчал Рон, когда они с Гарри встали из-за стола и тоже направились к выходу из Большого Зала, но помедленнее, чем Гермиона. – Можно подумать, это вопрос жизни и смерти? Рассказать нам, что она задумала на этот раз, нельзя? Каких-то десять лишних секунд... Хагрид, привет!

Хагрид остановился перед выходом в вестибюль и ждал, пока пройдёт толпа рэйвенкловцев. Он по-прежнему был весь в синяках, как и в тот день, когда вернулся из похода к великанам, а прямо на переносице у него краснела свежая царапина.

– Как жисть, ребятки? – Хагрид попробовал улыбнуться, но вышла только слабая страдальческая гримаса.

– А как у тебя, Хагрид? – в спину ему спросил Гарри, потому что Хагрид уже потопал за рэйвенкловцами.

– Дык всё путём, – с претензией на беззаботность ответил Хагрид; он взмахнул рукой и чуть не сбил с ног проходившую мимо профессора Вектор, перепугав её до полусмерти. – Дел вот только много, туда-сюда... к занятиям, значит, готовиться... у пары саламандр с линькой проблемы... а у меня испытательный срок, – пробормотал он.

– *У тебя испытательный срок?* – во весь голос переспросил Рон так, что окружающие принялись любопытно оглядываться. – Извини... я подумал... у тебя испытательный срок? – прошептал он.

– Ага, – кивнул Хагрид. – Сказать по правде, ничего другого-то я и не ждал. Ну да ладно, не берите в голову, просто инспекция не больно-то гладко прошла... такие дела, – он глубоко вздохнул. – Пойду-ка я лучше натру этих саламандр красным перцем погуще, а то скоро у них хвосты поотваливаются. Ну, Гарри... Рон, бывайте...

Он побрёл прочь, вышел через парадный вход в промозглый двор и стал спускаться по каменным ступеням. Гарри смотрел ему вслед и думал, сколько же ещё неприятностей придётся пережить.

* * *

Несколько дней спустя новость о том, что у Хагрида испытательный срок, облетела всю школу, но к возмущению Гарри этому никто, похоже, не огорчился: естественно, некоторые, в том числе, прежде всего Дрэйко Малфой, даже и обрадовались. А странная смерть неприметного служащего департамента Тайн как будто никого кроме Гарри, Рона и Гермионы не волновала или о ней просто никто не знал. Теперь в коридорах обсуждали только побег десятки Пожирателей Смерти, весть о котором, наконец, просочилась в школу от тех немногих, что прочли газету. Ходили слухи, что кое-кто из преступников добрался до

Хогсмиды, там намеревается укрыться в Визжащей Хижине и собирается оттуда прорваться в Хогвартс, как это некогда сделал Сириус Блэк.

Отпрыски магических семей выросли с именами этих Пожирателей Смерти на слуху, произносили их едва ли с меньшим страхом, чем имя Волдеморта: о преступлениях, совершённых ими во времена господства Волдемортовского террора, знал каждый. В числе учеников Хогвартса оказались родственники их жертв, и теперь, в лучах такой чудовищной славы, они поневоле становились объектом интереса окружающих: Сьюзен Боунс, чьи дядя, тётя и кузены погибли от руки одного из этих десяти преступников, на гербологии жалобно призналась, что хорошо понимает, каково приходится Гарри.

— Не представляю, как ты всё это выносишь... это же ужас, — напрямик заявила она, вывалив двойную порцию драконьего навоза в лоток с саженцами скрипоцапа,¹⁹⁴ от чего те принялись извиваться и пищать.

Шепотки и тыканья пальцами в адрес Гарри и, правда, резко возобновились, хотя ему показалось, что голоса шепчущихся звучат теперь несколько иначе — любопытно, а не враждебно. А пару раз он явственно услышал обрывки разговора, из которых следовало, что собеседников не устраивает версия «Пророка» насчёт причин и способа побега десяти Пожирателей Смерти из укрепленного Азкабана. В смятении и замешательстве эти скептики, судя по всему, вынуждены были принять иное предложенное им объяснение: то, которое ещё в прошлом году давали Гарри и Дамблдор.

Перемена настроения произошла не только у учеников. Теперь в коридорах зачастую можно было наткнуться на двух-трёх преподавателей, которые торопливо, неслышно перешёптывались, а стоило ученикам подойти ближе, тут же замолкали.

Однажды ребята обходили троицу профессоров — МакГонагалл, Флитвика и Спраут, которые собрались у кабинета чар.

— Конечно, ведь в преподавательской они больше не могут разговаривать в открытую, — вполголоса заметила Гермiona друзьям. — Не обсуждать же им при Амбридж.

— Думаешь, у них есть какие-нибудь новые сведения? — спросил Рон, озираясь на преподавателей через плечо.

— Даже если и так, нам узнать их не светит, — буркнул Гарри. — После этого декрета... какой там у него номер теперь?

На следующий день после известий о побеге из Азкабана на досках объявлений всех Домов появились свеженькие плакаты:

¹⁹⁴ Screechsnap

«ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ГЛАВНОГО ДОЗНАВАТЕЛЯ «ХОГВАРТСА»

Преподавателям отныне и впредь запрещается предоставлять ученикам какую бы то ни было информацию, не связанную непосредственно с предметом, за преподавание которого они получают жалование.

Вышеуказанное находится в соответствии с Декретом об Образовании № 26.

Подпись: Долорес Джейн Амбридж, Главный Дознаватель.»

Последний декрет стал среди учеников объектом множества шуток. Ли Джордан заметил Амбридж, что в соответствии с новыми правилами ей не разрешается отчитывать Фреда и Джорджа за игру в «Разрывной Щелчок»¹⁹⁵ на заднем ряду.

– Профессор, «Разрывной Щелчок» никакого отношения к защите от Тёмных искусств не имеет! Эта информация с вашим предметом не связана!

Когда Гарри в следующий раз встретил Ли, тыльная часть руки у того была вся в крови. Гарри порекомендовал ему эссенцию мирохлюпа.

Гарри рассчитывал, что побег из Азкабана хоть немного урезонит Амбридж, что её смутит подобная катастрофа, которая произошла прямо под носом её обожаемого Фаджа. Но, судя по всему, происшествие лишь распалило в ней остервенелое желание собственноручно регулировать все проявления хогвартской жизни. Похоже, в ближайших планах у неё стояло как минимум чьё-либо увольнение, и вопрос заключался только в том, кто станет первым – профессор Трелони или Хагрид.

Теперь все занятия по прорицаниям и уходу за магическими существами проходили в присутствии Амбридж и её книжечки. Она усаживалась в засаде у камина в пропахшей благовониями комнате башни, вмешивалась в лекции профессора Трелони, которые день ото дня становились всё истеричнее, с мудрёными вопросами об орнитомантии¹⁹⁶ и гептомологии,¹⁹⁷ настаивала на том, чтобы профессор Трелони заранее предсказывала ответы учеников, и требовала от неё, чтобы та демонстрировала своё искусство поочерёдно на хрустальном шаре, чанках и рунах. Гарри казалось, что профессор Трелони так долго не протянет. Иногда он встречал её в коридорах замка – что само по себе необычно, потому что она редко покидала свою башню – она что-то испуганно бормотала себе под нос, заламывала руки, испуганно озиралась и неизменно источала запах дешёвого хереса. Гарри

¹⁹⁵ Exploding Snap («snap» – детская карточная игра: игроки одновременно открывают карты, выигрывает тот, первым крикнет «Snap!» (Щёлк!), увидев две карты одинакового достоинства)

¹⁹⁶ ornithomancy – (от греч. 'ornis' – птица) гадание по крику и полету птиц

¹⁹⁷ heptomology – (правильнее «гептомантия», от греч. 'hepta' – семь) – подраздел нумерологии, гадание по числу 7, которое считалось самым мистическим из чисел

пожалел бы её, если бы так не переживал за Хагрида, но если уволят кого-то одного из них, то за кого болеть – вопрос решённый.

Но Гарри отдавал себе отчёт, что, к несчастью, дела у Хагрида идут не лучше, чем у Трелони. Хотя тот, вроде бы, следовал советам Гермiony и не показывал на занятиях ничего более страшного, чем хряп – существо, точь-в-точь похожее на джек-рассел-терьера, если бы не раздвоенный хвост – но, как и до Рождества, Хагрид был словно сам не свой. На занятиях он почему-то отвлекался и нервничал, забывал, что говорит, отвечал на вопросы невпопад и всё время с опаской поглядывал на Амбридж. С Гарри, Роном и Гермiony Хагрид держался всё сдержаннее и суше и категорически запретил приходить к нему в гости после наступления темноты.

– Если она вас подловит, то всем нам крышка, – строго пояснил он, и ребята, не желая подвергать риску его шансы остаться на работе, впредь по вечерам не спускались в его хижину.

У Гарри складывалось впечатление, что Амбридж целенаправленно лишает его всех радостей хогвартской жизни: визитов к Хагриду, писем от Сириуса, «Всполоха» и квиддича. Отомстить можно было только одним способом – с удвоенной силой заниматься в ДА.

Всех, даже Захарию Смита, известие о том, что на свободе оказались десять Пожирателей Смерти, побуждало заниматься как можно усерднее, – к радости Гарри, но самые большие успехи делал Невилл.

Побег кровных врагов удивительным, даже отчасти пугающим образом изменил Невилла. Он ни разу не упомянул о встрече с Гарри, Роном и Гермiony в изоляторе больницы святого Мунго и, следуя его примеру, они сами об этом не заговаривали. Но о факте побега Беллатрикс и её партнеров, Невилл тоже ни словом не обмолвился. На собраниях ДА Невилл почти всё время молчал, только упорно осваивал все порчи и контрпроклятия, которым учил их Гарри. Он сосредоточенно морщил круглое лицо, старался больше всех и ничем не выказывал огорчений ни от травм, ни от неудач. Такой стремительный прогресс даже тревожил, а когда Гарри учил ребят Щитовым чарам,¹⁹⁸ – с помощью которых слабые заклятия можно было отразить в нападавшего, – в овладении ими только Гермiona преуспела больше Невилла.

За такой прогресс в Оклюменции, как у Невилла в ДА, Гарри дорого бы отдал. Его занятия со Снейпом, которые так прискорбно начались, по ходу дела ничуть не наладились. Напротив, Гарри казалось, что от раза к разу у него получается всё хуже.

До того, как он стал изучать окклюменцию, шрам напоминал о себе лишь время от времени, чаще ночью, или после загадочных перепадов настроения Волдеморта. А теперь же шрам покалывал почти не переставая, Гарри испытывал приступы раздражения или весёлости, никак не вязавшиеся с происходящим с ним самим в это время, и всякий раз они сопровождалась особенно мучительными вспышками боли в шраме. Впечатление

¹⁹⁸ Shield Charm

складывалось такое, словно он мало-помалу превращается в некую антенну, настроенную на мельчайшие перепады настроения Волдеморта, это угнетало, и, без всяких сомнений, устойчивое повышение чувствительности началось после первого занятия окклюменцией со Снейпом. К тому же теперь спуск в коридор, ведущий в департамент Тайн, снился каждую ночь, и сны эти всегда заканчивались тем, что он в неизбывной тоске останавливался перед гладкой чёрной дверью.

— Может, это как болезнь какая-то, — встревоженно предположила Гермиона, когда Гарри, не выдержав, поделился с ней и с Роном. — Вроде лихорадки. Перед тем, как выздороветь, начинается ухудшение.

— Ухудшение начинается от занятий со Снейпом, — категорично заявил Гарри. — У меня уже сил нет оттого, что прам болит, и осточертело каждую ночь шаяться по этому коридору, — он с досадой потёр лоб. — Пусть бы эта дверь открылась, что ли, тошнит уже торчать там и пялиться на неё...

— Ничего удивительного, — резко оборвала его Гермиона. — Дамблдор не хочет, чтобы тебе вообще снился этот коридор, иначе не попросил бы Снейпа заниматься с тобой окклюменцией. Никуда не денешься, нужно на занятиях поактивнее заниматься.

— Да я занимаюсь! — уязвлённо воскликнул Гарри. — Тебе бы так... когда тебе в голову лезет Снейп... это... знаешь ли, радости мало!

— А может... — медленно начал Рон.

— Что может? — по-снейповски отрезала Гермиона.

— Может быть, Гарри не виноват, что не может закрыть разум, — угрюмо закончил Рон.

— В каком смысле? — удивилась Гермиона.

— Ну, может, Снейп на самом деле не пытается помочь Гарри...

Гарри и Гермиона воззрились на него. С мрачным и решительным видом Рон переводил глаза с одного на другую.

— Может... — опять повторил он вполголоса, — на самом деле он пытается приоткрыть разум Гарри пошире... дорожку протоптать для Сами-Знаете...

— Рон, заткнись, а! — вскипела Гермиона. — Сколько раз ты подозревал Снейпа и *хоть когда-нибудь* оказался прав? Дамблдор ему доверяет, он работает на Орден, и всё тут.

— Он бывший Пожиратель Смерти, — упрямо продолжил Рон. — И у нас никогда не было доказательств, что он *на самом деле* покончил с прошлым.

— Дамблдор ему доверяет, — повторила Гермиона. — А если мы не сможем доверять Дамблдору, то никому не сможем доверять.

* * *

По уши в заботах и хлопотах — пятикурсникам задавали такое невероятное количество домашних работ, что приходилось порой сидеть за полночь, да ещё тайные встречи ДА и регулярные занятия со Снейпом, — незаметно пролетел январь. Гарри обнаружил это лишь с приходом февраля, который принёс с собой дожди, потепление, и предстоящее — второе за год — посещение Хогсмидов. С тех пор, как Гарри договорился с Чоу о совместной прогулке в

деревню, не выдавалось и минутки свободной на беседу с ней, но день святого Валентина в её компании неожиданно-негаданно нагрянул на него со всей неизбежностью.

Утром четырнадцатого февраля одевался он особенно тщательно. На завтрак они с Роном пришли как раз к прибытию почтовых сов. Хэвиг не появилась – да Гарри и не ждал её – а вот Гермиона, когда они садились за стол, как раз забирала письмо из клюва незнакомой серой сипухи.

– Как кстати! Ну, если б я не получила ответ сегодня... – воскликнула она, нетерпеливо разорвала конверт и вынула небольшой листочек пергамента.

По мере того, как она быстро пробежала глазами письмо, лицо у неё всё отчётливее принимало выражение мрачного удовлетворения.

– Слушай, Гарри, – Гермиона оторвалась от письма, – вопрос жизни и смерти. Ты сможешь встретиться со мной в «Трёх мётлах» около полудня?

– Ну... не знаю я... – замялся Гарри. – Чоу наверное думает, что я с ней весь день проведу. Мы и не договаривались, куда пойдём.

– Ладно, раз так, прихвати её с собой, – наплась Гермиона. – Но ты придёшь?

– Ну... приду, а зачем?

– Нет времени объяснять, мне нужно срочно написать ответ.

Схватив в одну руку недоеденный тост, а в другую письмо, Гермиона пулей вылетела из Большого Зала.

– Ты пойдёшь? – спросил Гарри у Рона, но Рон в ответ с мрачным видом покачал головой.

– Я вообще в Хогсмид не иду: Анджелина хочет целый день тренироваться. Можно подумать, это поможет... Слабее команды, чем у нас, я ещё не встречал. На Слопера и Кёрка без слёз не взглянешь, они ещё хуже, чем я, – Рон тяжело вздохнул. – Не знаю, и почему Анджелина не отпускает меня из команды?

– Потому, что когда ты в форме, от тебя есть толк, вот поэтому и не отпускает, – раздражённо бросил Гарри.

Сам он отдал бы всё, что угодно, лишь бы сыграть в предстоящем матче с Хаффлапффом, поэтому сочувствовать тяжкой участи Рона совсем не получалось. Рон, должно быть, обратил внимание на тон Гарри, потому что больше о квиддиче ни словом не обмолвился, а после завтрака попрощался с прохладцей. Рон отбыл на квиддичные манёвры, а Гарри, сделав попытку пригладить волосы, глядя на своё отражение в чайной ложке, в одиночку направился в вестибюль на встречу с Чоу, страшась и недоумевая, о чём же, спрашивается, они станут разговаривать.

Чоу ожидала его чуть в стороне от дубовых парадных дверей – волосы у неё были забраны назад, в длинный хвост, и выглядела она так, что дух захватывало. По пути Гарри пришло в голову, что ноги у него слишком большого размера для его роста, а руки, даже подумать страшно, как нелепо, наверное, болтаются по бокам.

– Привет, – скованно поздоровалась Чоу.

– Привет, – сказал Гарри.

Они растерянно уставились друг на друга, потом Гарри опомнился:

– Ну... что... пойдём?

– Ой... да...

Встав в хвост очереди к Филчу за разрешением, они время от времени переглядывались и украдкой улыбались, но хранили молчание. Только когда вышли на улицу, Гарри полетчало – молча идти проще, чем неуклюже молчать, стоя бок о бок. День был холодный и ветреный. Когда они проходили мимо квиддичного стадиона, Гарри мельком увидел Рона и Джинни, пролетевших прямо над трибунами, и накатила жгучая досада, что его самого там с ними нет.

– Так сильно скучаешь, да? – раздался голос Чоу.

Гарри оглянулся и увидел, что Чоу смотрит на него.

– Ага, – вздохнул Гарри, – скучаю.

– Помнишь, как на третьем курсе мы в самый первый раз играли друг против друга? – спросила Чоу.

– Помню, – усмехнулся Гарри, – ты меня всё время подрезала.

– А Вуд тебе посоветовал не быть джентльменом, а сбросить меня с метлы, если представится случай, – погрузившись в воспоминания, заулыбалась Чоу. – Я слышала, его взяли в «Гордость Потри»¹⁹⁹

– Не-а, в «Паддлмир Юнайтед», я его видел в прошлом году на Чемпионате мира.

– Ну так мы же с тобой встречались тогда, помнишь? Мы же были в одном и том же палаточном городке. Здорово там было, да?

Целиком погрузившись в обсуждение Чемпионата мира по квиддичу, они миновали хогвартские ворота. Гарри даже не верилось, насколько просто разговаривать с Чоу – не сложнее, чем с Роном и Гермионой, но только он успел обрести уверенность и лёгкость, как их обогнала большая компания девочек из Слизерина, в том числе и Пэнси Паркинсон.

– Поттер и Чанг! – из хора едких смешков донёсся взвизг Пэнси. – Фу, Чанг, что у тебя за вкус, не ожидала такого! Диггори хоть на внешность был ничего!

Девочки прибавили шаг, подчёркнуто громко болтая, хохоча и демонстративно оглядываясь, и повергли Гарри и Чоу в сконфуженное молчание. Ничего квиддичного Гарри больше в голову не приходило, а Чоу пошла красными пятнами и теперь смотрела только под ноги.

– Ну... куда идём? – уже в Хогсмиде заговорил Гарри.

По Центральной улице туда-сюда толпами фланировали ученики и разглядывали витрины магазинчиков.

– Да... всё равно мне, – пожала плечами Чоу, – гм... можем просто по магазинам пройти, или как?

На пути попался «Дэрвиш и Бэнгс». В витрине висел большой плакат, на который гладела пара местных жителей. Когда Гарри с Чоу подошли, хогсмидцы отодвинулись, и Гарри оказался лицом к лицу с фотографиями десятки беглых Пожирателей Смерти. Плакат

¹⁹⁹ Pride of Portree (Гордость Потри; Потри – группа островов в Великобритании)

«Указом Министерства магии» обещал тысячу галлеонов любому магу за сведения, полезные в поимке любого из изображённых беглецов.

– Забавно, да, – вполголоса заметила Чоу, не сводя глаз с фотографий Пожирателей Смерти, – помнишь, когда сбегал Сириус Блэк, по всему Хогсмиду его высматривали толпы дементоров? А теперь где-то шляются десять Пожирателей Смерти, а дементоров нигде и в помине нет...

– Да... – Гарри усилием воли оторвался от лица Беллатрикс Лестрэндж и глянул по сторонам. – Да, непонятно как-то.

О том, что вокруг нет дементоров, Гарри не сожалел, но вдруг ему пришло в голову, что это совсем неспроста. Дементоры не только упустили Пожирателей Смерти, они даже и не собираются их искать... как будто и впрямь Министерству больше не подчиняются.

Десять беглых Пожирателей Смерти смотрели из всех витрин, мимо которых они с Чоу проходили. Когда они миновали «Лавку Скривеншафта», пошёл дождь, и крупные холодные капли падали Гарри за воротник и били в лицо.

– Гм... хочешь кофе попить? – неуверенно предложила Чоу, когда дождь усилился.

– Пожалуй, – кивнул Гарри и огляделся по сторонам, – а где?

– О, тут рядом есть очень неплохое местечко, ты бывал когда-нибудь у мадам Паддифут?²⁰⁰ – оживилась Чоу и боковой улочкой повела его в маленькое кафе, о существовании которого Гарри прежде не подозревал.

В заведении было тесно, душно и полным-полно оборочек и бантиков. У Гарри возникла неприятная ассоциация с кабинетом Амбридж.

– Оригинально, да? – умилилась Чоу.

– Э-э... угу, – солгал Гарри.

– Смотри, ко дню святого Валентина она здесь всё украсила! – Чоу показала на многочисленных золотых херувимчиков, которые зависли над каждым из небольших круглых столиков и время от времени обсыпали посетителей розовым конфетти.

– Угу...

Они сели за последний свободный столик у запотевшего окна. По соседству, в полутора футах, сидел капитан рэйвенкловской квиддичной команды Роджер Девис с красивой белокурой девочкой. Они держались за руки. Гарри стало неловко, а когда он осмотрелся по сторонам и обнаружил, что в кафе сидят только парочки и все держатся за руки, смутился ещё больше. Наверное, Чоу ждёт, что и он возьмёт её за руку.

– Ну, что закажете, мои золотые? – между их столиком и столом Роджера Девиса с большим трудом протиснулась мадам Паддифут, толстуха с отливающими как вороново крыло волосами, убранными в пучок.

– Два кофе, пожалуйста, – попросила Чоу.

Пока несли кофе, Роджер Девис, перегнувшись через сахарницу, принялся целоваться со своей подружкой. Гарри молился, чтобы они прекратили: он чувствовал, что Девис задаёт

²⁰⁰ Puddifoot

тон, и скоро Чоу станет ждать от него, Гарри, что он примет вызов. Поняв, что заливается краской, он попробовал смотреть в окно, но стекло запотело, и ничего снаружи не было видно. Чтобы оттянуть момент, когда придётся взглянуть на Чоу, Гарри сделал вид, что дотошно изучает побелку потолка, и получил горсть конфетти в лицо от их настольного херувима.

Пару мучительнейших минут спустя Чоу упомянула Амбридж. Гарри с облегчением уцепился за эту тему, и они провели несколько упоительных минут, предаваясь оскорблениям Амбридж, но тема была так подробно разработана на собраниях ДА, что надолго её не хватило. Вновь наступило молчание. Гарри явственно различал причмокивания, доносившиеся с соседнего столика, и отчаянно придумывал, о чём бы ещё поговорить.

– Э-э... слушай, ты не хочешь сходить со мной в «Три метлы» на ланч? Я там встречаюсь с Гермией Грейнджер.

Чоу вскинула брови.

– Ты встречаешься с Гермией Грейнджер? Сегодня?

– Ага. Она мне предложила, ну и я решил, что схожу. Хочешь пойти со мной? Она сказала, что если ты придёшь, то никаких проблем.

– О... ну... с её стороны это мило.

Но тон Чоу явно давал понять, что ничего милого с её точки зрения в этом нет. Напротив, голос её стал холодным, и она вдруг словно замкнулась в себе.

В течение последующих нескольких минут, прошедших в полном молчании, Гарри старательно пил кофе, чтобы побыстрее заказать ещё чашку. Роджер Девис и его подружка по соседству как будто приклеились друг к другу губами.

Ладонь Чоу лежала на столе рядом с чашкой, и Гарри ощущал всевозрастающую необходимость взять её за руку. «Ну, давай, – уговаривал он сам себя, а в груди бурлила паника пополам с волнением, – *просто протяни руку и схвати*». Удивительно, проще поймать в воздухе проворный снитч, чем протянуть руку на дюжину дюймов и прикоснуться к её руке...

Но в тот момент, как он занёс ладонь, Чоу убрала свою со стола. И принялась с отстранённым выражением лица следить за Роджером Девисом, целующимся с подружкой.

– Знаешь, он приглашал меня на свидание, – шёпотом поделилась она. – Пару недель назад. Роджер. А я ему отказала.

Чтобы оправдать свой стремительный выпад вперёд, Гарри пришлось схватить сахарницу, и теперь он соображал, зачем Чоу ему это рассказывает. Если сожалеет, что сама не сидит за соседним столом и не её так воодушевлённо целует Роджер Девис, то зачем согласилась идти на свидание с ним, с Гарри?

Он промолчал. Херувимчик бросил в них очередную горсть конфетти, попав в мутные остатки холодного кофе Гарри, который он как раз намеревался допить.

– В прошлом году я приходила сюда с Седриком, – сообщила Чоу.

То, что она сказала, до Гарри дошло лишь секунду спустя, и внутри всё застыло. Он поверить не мог, что Чоу хочет разговаривать о Седрике сейчас, когда вокруг целуются парочки, а над головами вьётся херувим.

Когда Чоу заговорила опять, голос её стал громче.

— Давно хотела у тебя спросить... Седрик говорил... вспоминал... меня, перед смертью?

Меньше всего на свете Гарри хотел касаться этой темы, а уж тем более обсуждать её с Чоу.

— Ну... нет... — замялся он. — В общем, у него... у него времени не было ничего сказать. Э-э... ну... а ты... ты на каникулах часто квиддич смотрела? Ты же за «Торнадо» болеешь, да?

Голос прозвучал фальшиво жизнерадостно. К своему ужасу Гарри обнаружил, что глаза Чоу вновь наполнились слезами, как это случилось на последнем перед Рождеством собрании ДА.

— Слушай, — в полном отчаянии Гарри наклонился вперёд, чтобы их никто не мог услышать, — давай сейчас не будем о Седрике... давай о чём-нибудь другом поговорим.

По всей вероятности он сказал что-то совсем не то.

— Я думала, — слёзы Чоу закапали на стол, — я думала, *ты* по... понимаешь! Мне *нужно* об этом поговорить! И тебе тоже... тебе нужно поговорить об этом! Ведь ты же ви... видел, как всё случилось?

Всё чудовищным образом шло наперекосяк. Девушка Роджера Девиса даже отклеилась, чтобы взглянуть на плачущую Чоу.

— Ну... разговаривал я об этом уже... — зашептал Гарри, — с Роном и Гермионой, но...

— Конечно, ты разговаривал с Гермионой Грейнджер! — противным голосом перебила его Чоу, по лицу её катились слёзы. Ещё несколько целующихся парочек разлепились посмотреть. — А со мной ты разговаривать не будешь! М-может лучше нам... нам счёт по-опросить, и ты пойдёшь уже и встретишься с Гермионой Г-грейнджер, раз ты так этого хочешь!

Она схватила кружевную салфеточку и прижала к мокрому от слёз лицу. Гарри смотрел на неё в полном недоумении.

— Чоу? — неуверенно окликнул он, мечтая теперь, чтобы Роджер опять занял свою подружку поцелуями, и она прекратила таращиться на него и Чоу.

— Давай, шагай! — Чоу всхлипнула в салфетку. — Я вообще не понимаю, зачем ты пригласил меня на свидание первой по очереди, если договаривался встречаться после меня ещё с кучей девочек... а после Гермионы сколько у тебя их ещё на сегодня?

— Да ничего подобного! — воскликнул Гарри.

Догадавшись, наконец, чем она настолько расстроена, он испытал такое облегчение, что даже рассмеялся, но слишком поздно сообразил, что это было ошибкой.

Чоу вскочила. Все в кафе притихли и теперь следили только за ними.

— Когда-нибудь ещё увидимся, Гарри, — драматично поставила точку Чоу, икнула, бросилась к двери, распахнула её рывком и выскочила под проливной дождь.

— Чоу! — вслед ей опомнился Гарри, но дверь, мелодично звякнув, уже захлопнулась за её спиной.

В кафе воцарилась гробовая тишина. Все взгляды были прикованы к Гарри. Он бросил на столик галлеон, вытряхнул из волос розовые конфетти и следом за Чоу вылетел за порог.

Дождь лил как из ведра, Чоу нигде не было видно. Гарри никак не мог понять, что же произошло, ведь полчаса назад у них всё было в порядке.

– Женщины! – сунув руки в карманы и шлёпая по лужам, ругался себе под нос Гарри. – Ну с чего вообще ей приспичило говорить о Седрике? Зачем вечно ворошить такие темы, от которых она потом превращается в садовую поливалку?

Гарри свернул направо, и после недолгой беготни по лужам оказался у дверей в «Три метлы». Рановато для встречи с Гермियोной, но вдруг найдётся кто-нибудь, с кем можно скоротать время. Гарри смахнул с глаз мокрые пряди волос и огляделся. В углу, в одиночестве, мрачнее тучи сидел Хагрид.

Гарри протиснулся между столами в набитом до отказа зале и подтащил поближе стул.

– Хагрид, привет!

Хагрид подскочил и уставился на Гарри так, словно увидел впервые. Гарри отметил, что на лице у Хагрида появилась пара свежих царапин и несколько новых кровоподтёков.

– А, это ты значит, – опомнился Хагрид, – как жизнь, Гарри?

– Нормально, – солгал Гарри, потому что рядом с таким побитым и несчастным Хагридом жаловаться и впрямь было не на что. – Э-э... а у тебя как?

– У меня? – поперхнулся Хагрид. – Ну славненько, Гарри, всё славненько.

Он устремил взгляд в недра своей оловянной пивной кружки размером с доброе ведро и вздохнул. Гарри не нашёлся, что ему сказать. Они немного помолчали. И вдруг Хагрид изрёк:

– В одной лодке мы – ты, да я, да мы с тобой, так, Гарри?

– Э-э... – замялся Гарри.

– Дык... говорил я уже... белые вороны мы, – глубокомысленно покивал Хагрид. – Сироты оба. Да... сиротинушки.

Он припал к кружке и сделал могучий глоток.

– Приличная семья это совсем другое дело, – объявил Хагрид. – Вот папаша мой был приличным. И твои мамка с папкой были приличными. Ежели б они не померли, жизнь совсем иначе повернулась бы, так?

– Ну... наверно, – из предосторожности согласился Гарри.

Хагрид, похоже, пребывал в каком-то очень непонятном настроении.

– Семья... – уныло продолжал Хагрид. – Как ни крути, а родная кровь завсегда важнее...

И он утёр проступившую под глазом кровь.

– Хагрид, – не выдержал Гарри, – откуда у тебя все эти раны?

– А? – вздрогнул Хагрид. – Какие раны?

– Вот все эти! – Гарри показал на Хагридово лицо.

– А-а... да чего там, синяки да шишки, – перевёл дух Хагрид. – Работа у меня такая, Гарри. Тяжёлая.

Одним глотком опустошив пивную кружку, он поставил её на стол и поднялся на ноги.

– Ну, ладно, Гарри, свидимся... бывай.

С пришибленным видом Хагрид грузно протопал к выходу и скрылся под проливным дождём. Гарри удручённо смотрел ему вслед. У Хагрида беда, он что-то скрывает, но помощь принимать отказывается наотрез. Что же случилось? Не успел он задуматься, как услышал чей-то оклик.

– Гарри! Гарри, иди сюда!

Из противоположного угла паба ему махала рукой Гермиона. Гарри встал и принялся продираться к ней через переполненный зал. Не доходя несколько столов, он заметил, что Гермиона не одна. А компанию ей – Гарри даже глазам своим не поверил – составляли два самых несовместимых с ней человека: Луна Лавгуд и никто иной, как Рита Скитер,²⁰¹ бывшая репортёрша из «Ежедневного пророка», одна из тех людей, кого Гермиона на дух не переносила.

– Как ты рано! – Гермиона подвинулась, освобождая Гарри место. – Я думала ты с Чоу, и появившись не раньше чем через час!

– Чоу? – тут же оживилась Рита и подалась вперёд, пожирая Гарри глазами. – Девушка? Она схватила сумочку крокодиловой кожи и принялась там рыться.

– Да хоть сто девушек, это не *ваше* дело, – остудила её пыл Гермиона. – Так что давайте, прячьте это подальше.

Рита как раз извлекала своё ядовито-зелёное перо. С таким видом, словно пришлось глотнуть смердосока, она защёлкнула замок сумочки.

Гарри сел.

– Что вы задумали? – он переводил глаза с Риты на Луну и потом на Гермиону.

– Юная мисс Совершенство как раз вводила меня в курс дела, – отозвалась Рита, изрядно приложившись к стакану. – Я надеюсь, мне можно с ним *поговорить*? – она бросила взгляд на Гермиону.

– Полагаю, можно, – холодно кивнула Гермиона.

Безработица Риту не красила. Некогда вычурно завитые волосы теперь висели отталкивающими лохмами. Красный лак с двухдюймовых ногтей облупился, а из оправы очков-бабочек потерялись несколько фальшивых бриллиантов. Рита ещё раз глотнула из стакана и вскользь спросила:

– Ну, как девушка, а, Гарри, хорошенькая?

– Ещё слово об амурных делах Гарри и, обещаю, наша сделка не состоится, – с раздражением отрезала Гермиона.

– Какая сделка? – Рита тыльной стороной руки вытерла рот. – Пока ещё речь о сделке не шла, мисс Ханжество, пока я только получила приглашение. Ох, придёт день... – она глубоко и судорожно вздохнула.

– Да, да, придёт день, и вы напишете обо мне и Гарри душераздирающие статьи, – равнодушно согласилась Гермиона. – Может на них кто-то и клюнет?

– Душераздирающие статьи о Гарри в этом году печатали и без моей помощи, – возразила Рита, бросила взгляд в его сторону поверх стакана, и громким шёпотом спросила: –

²⁰¹ Rita Skeeter (skeeter – москит)

Ну и как ты себя после них чувствовал, а, Гарри? Преданным? Одураченным? Непризнанным?

– Взбешённым, разумеется, – твёрдо и чётко ответила Гермиона. – От того, что сказал министру правду, а министр оказался таким придурком, что ему не поверил.

– Так ты в самом деле за это держишься, за возвращение Того, Кого Нельзя Называть? – Рита осушила стакан и вперила в Гарри испытующий взгляд, а пальцы её тем временем тоскливо сжимались на крокодиловой сумочке. – Поддерживаешь болтовню Дамблдора, который направо и налево твердил, что Сами-Знаете-Кто вернулся, и ты тому единственный свидетель?

– Я не единственный свидетель, – вскипел Гарри, – там была ещё чёртова дюжина Пожирателей Смерти! Имена нужны?

– Не откажусь... – забормотала Рита, опять роясь в сумочке и не спуская с Гарри глаз, словно приятнее зрелища ей в жизни не доводилось видеть. – ...Огромный жирный заголовок: «Поттер обвиняет...», ниже: «Гарри Поттер уличает Пожирателей Смерти, которые затаились среди нас». А ещё ниже твоя большая, красивая фотография: «Неугомонный подросток, выживший после нападения Сами-Знаете-Кого, пятнадцатилетний Гарри Поттер, вчера бросил вызов и обвинил видных и уважаемых членов магического сообщества в принадлежности к Пожирателям Смерти...»

Прытко Пишущее Перо²⁰² уже оказалось у неё в руке и даже на полпути ко рту, как вдруг лицо её утратило вдохновенное выражение.

– Так ведь, – она опустила перо и волком посмотрела на Гермиону, – юную мисс Совершенство такая статья не устроит?

– Дело в том, – любезно улыбнулась Гермиона, – что юную мисс Совершенство устроит именно такая статья.

Рита вытаращила глаза. Тоже самое сделал и Гарри. А Луна, напротив, меланхолично напевая под нос «Уизли – наш бог», размешивала содержимое своего бокала палочкой для коктейля, украшенной луковичкой.

– Тебя *устроит*, если я напишу репортаж о его рассказах про Того, Кого Нельзя Называть? – придушённо спросила Рита у Гермионы.

– Да, – кивнула Гермиона. – Правдивый. Только факты. Именно то, что расскажет Гарри. Он сообщит вам все подробности, назовёт имена пока неизвестных Пожирателей Смерти, опишет, как теперь выглядит Волдеморт... ой, держите себя в руках, – свысока добавила она, бросая через стол салфетку, потому что при слове «Волдеморт» Рита так шарахнулась, что опрокинула на себя полстакана огневиски.

Не сводя с Гермионы глаз, Рита промокнула борта забрызганного плаща. Потом откровенно призналась:

²⁰² Quick-Quotes Quill (перо, которое само писало за Риту перевёрнутые интервью; 'quick-quotes' – программа-генератор цитат)

– «Ежедневный пророк» это не напечатает. На всякий случай, если вы ещё не обратили внимания, его рассказам никто не верит. Все считают, что у него бред. Значит так, если мне можно писать статью только с такой точки зрения...

– Ещё одну про то, что Гарри тронулся, нам не надо! – сердито оборвала её Гермiona. – Хватит с нас такого, спасибо! Я хочу предоставить ему возможность сообщить правду!

– На подобную статью не будет спроса, – бесстрастно констатировала Рита.

– То есть «Пророк» не напечатает, потому что Фадж не позволит, – поморщилась Гермiona.

Рита вперила в Гермionу тяжёлый взгляд. Потом подалась вперёд через стол и деловито сообщила:

– Пусть так, да, «Пророк» в руках у Фаджа, но какая разница. Печатать статью, которая обеляет Гарри, они не будут. Читать такое никому не интересно. Это противоречит общественному мнению. Последний побег из Азкабана и так заставил людей понервничать. Никто не хочет верить, что Сами-Знаете-Кто вернулся.

– Значит «Ежедневный пророк» существует, чтобы сообщать людям то, что они хотят слышать? – язвительно поинтересовалась Гермiona.

Рита выпрямилась, вскинула брови и залпом прикончила стакан огневиски.

– «Пророк» существует затем, чтобы себя продать, глупенькая, – холодно пояснила она.

– Мой папа считает, что это мерзкая газетёнка, – неожиданно встряла Луна. Посасывая коктейльную луковичку, она таращила на Риту огромные, слегка безумные глаза навывкате. – Папа публикует серьёзные статьи о том, что, по его мнению, публика должна знать. А деньги его не волнуют.

Рита пренебрежительно взглянула на Луну.

– Твой отец, небось, выпускает какой-нибудь мелкий и скучный деревенский листок? – поинтересовалась она. – Может «Двадцать Пять Способов Затесаться в Магль» и даты распродаж в «Толкай и Улетай»?

– Нет, – Луна макнула луковичку в лакфиводу,²⁰³ – он издатель «Придиры».

Рита так громко фыркнула, что за соседними столиками начали оборачиваться.

– «Серьёзные статьи о том, что, по его мнению, публика должна знать», да? – скривилась она. – Такой газеткой только садик удобрять.

– Ну, тебе представляется почётная возможность её слегка облагородить, – живо среагировала Гермiona. – Луна сказала, что её отец будет рад взять интервью Гарри. Там его и опубликуют.

Рита вытаращила глаза на них обеих, а потом расхохоталась.

– «Придира»! – сквозь смех выдавила она. – Вы что, думаете, кто-нибудь отнесётся серьёзно к тому, что будет написано в «Придире»?

– Кто-нибудь и не отнесётся, – ровно ответила Гермiona. – Но в версии «Ежедневного пророка» о побеге из Азкабана слишком большие дыры. Я считаю, многим захочется получить более удачное объяснение тому, что произошло, и если появится альтернативная

²⁰³ Gillywater

версия, пусть даже в... — она краем глаза взглянула на Луну, — в... ну, в *нестандартном* журнале... Я думаю, они не откажутся эту версию прочитать.

Склонив набок голову и внимательно глядя на Гермioniу, Рита сначала помолчала.

— Ладно, допустим на мгновение, что я это сделала, — решила она. — Что я за это буду иметь?

— Я не уверена, что папа платит тем, кто пишет в журнал, — протянула Луна. — Люди пишут, потому что это почётно, и, само собой, чтобы увидеть в прессе свои имена.

У Риты Скитер стал такой вид, словно челюсти ей опять свело смердосоком.

— Я что, должна работать *бесплатно*?

— Ну да, — спокойно подтвердила Гермioniа, потягивая из стакана. — Или, как вы сами прекрасно понимаете, я сообщу властям, что вы незарегистрированный анимаг. Не сомневаюсь, «Пророк» заплатит вам кучу денег за репортаж о жизни в Азкабане непосредственно от обитателя.

Глядя на Риту можно было подумать, что больше всего сейчас ей хочется схватить бумажный зонтик из стакана Гермioniы и воткнуть ей его в нос.

— Похоже, выбора у меня нет, — голос у неё слегка дрогнул.

Она опять открыла сумочку крокодиловой кожи, вынула клочок пергамента и взялась за Прытко Пишущее Перо.

— Как папа обрадуется, — оживилась Луна.

У Риты заходили желваки на щеке.

— Гарри, ты готов? — повернулась к нему Гермioniа. — Готов сообщить публике правду?

— Пожалуй, — кивнул Гарри, глядя, как Рита занесла над пергаментом Прытко Пишущее Перо.

— Ну, Рита, тогда поехали, — безмятежно распорядилась Гермioniа, выуживая со дна стакана вишенку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

УВИДЕННОЕ И НЕПРЕДВИДЕННОЕ

Насчёт того, как скоро в «Придире» появится интервью Риты с Гарри, Луна ответила довольно расплывчато объяснила, что отец рассчитывает на потрясающую огромную статью про недавние наблюдения за морщерогими храпстерами, «...и, само собой, этот материал будет самым важным, так что с интервью придётся подождать до следующего выпуска».

Рассказывать о той ночи, когда возродился Волдеморт, Гарри оказалось не так-то просто. Рита вытягивала из него малейшие подробности и, отдавая себе отчёт, что ему представилась уникальная возможность поведать людям правду, Гарри выложил всё, что смог вспомнить. Как же люди отнесутся к его рассказу? Многие ли решат, что он совершенно невменяемый, особенно с учётом, что статья про него выйдет за компанию с полными бреднями о морщерогих храпстерах, — об всём этом можно было только гадать. Но побег Беллатрикс Лестрэндж и прочих Пожирателей Смерти вызывал у Гарри отчаянное желание предпринимать хоть *что-нибудь*, лишь бы не сидеть, сложа руки...

— Ума не приложу, как же к твоим откровениям отнесётся Амбридж, — с благоговейным страхом шепнул ему Дин за ужином в понедельник.

По другую руку от Дина сидел Шеймас и наворачивал гору пирожков с ветчиной и куриной грудкой, но Гарри был уверен, что он старательно прислушивается.

— Гарри, ты всё правильно сделал, — откликнулся сидевший напротив Невилл. Слегка поблуднев, Невилл тихо продолжил: — Наверное, было... нелегко было... обсуждать... всё это обсуждать, да?

— Ну да, — пробормотал Гарри, — но должны же люди знать, на что способен Волдеморт?

— Должны, правильно, — кивнул Невилл, — и его Пожиратели Смерти тоже... люди должны знать...

Невилл на полуслове прервался и вернулся к печёной картошке. Шеймас поднял глаза, но, встретив взгляд Гарри, тут же опять уткнулся в тарелку. Вскоре Дин, Шеймас и Невилл отправились в гостиную, а Гарри и Гермиона остались дожидаться Рона, который из-за квиддичной тренировки ужинать до сих пор не пришёл.

В Большом Зале появилась Чоу со своей подружкой Мариэттой. У Гарри противно засосало под ложечкой, но Чоу в сторону гриффиндорского стола даже не взглянула и села к нему спиной.

— Да, я же забыла тебя спросить! — оживилась Гермиона, оглянувшись на стол Рэйвенкло. — Что у тебя случилось на свидании с Чоу? Почему ты так рано пришёл?

— Э-э... ну, это... — замялся Гарри и, чтобы выиграть время, потянулся за блюдом с ревеневой крошкой для десерта, — ...полный провал, если уж на то пошло.

И начал рассказывать Гермионе, что произошло в заведении мадам Падифут.

— ...И потом, — спустя несколько минут с последними крошками десерта он подошёл к концу рассказа: — Она вскочила и говорит: «Когда-нибудь ещё увидимся, Гарри», и поминай,

как звали! – Гарри отложил ложку и взглянул на Гермиону: – Я не понял, в чём дело? Что стряслось-то?

Гермиона мельком оглянулась на затылок Чоу и вздохнула:

– Ох, Гарри, Гарри... Не сердись, но ты был слегка бестактным, – печально хмыкнула она.

– Бестактным, я? – возмутился Гарри. – Всё было гладко только в первую минуту, как мы туда зашли, а потом она стала мне рассказывать, что её Роджер Девис приглашал на свидание, и что обычно она в этой забегаловке тискалась с Седриком... как ты думаешь, каково мне было?

– Видишь ли, – начала Гермиона с таким ангельски терпеливым видом, словно объясняла, что один плюс один равно два какому-нибудь гиперактивному младенцу. – Не стоило в разгар свидания говорить ей, что собираешься встречаться со мной.

– Но, но... – сбился Гарри, – но... ты же сама мне предложила встретиться в полдень и взять её с собой, как я, по-твоему, должен был сделать это, не говоря ей ни слова?

– Нужно было сказать ей иначе, – тем же невыносимо терпеливым манером пояснила Гермиона. – Нужно было пожаловаться, что, мол, какая досада, но я *заставила* тебя пообещать явиться в эти «Три метлы», а идти тебе совершенно не хочется, а гораздо больше хочется провести весь день с ней, но, к сожалению, тебе всё-таки придется встретиться со мной, и не могла бы она согласиться, пожалуйста, составить тебе компанию, вдруг у вас получится уйти побыстрее. Может, неплохо было бы ещё добавить, какой уродиной ты меня считаешь, – поразмыслив, добавила Гермиона.

– Но я не считаю тебя уродиной, – ошарашенно возразил Гарри.

Гермиона прыснула.

– Да ты ещё хуже, чем Рон... ну, ладно, не хуже, – вздохнула она, когда в Большом Зале, хромя и хмурясь, появился Рон собственной персоной, забрызганный грязью с ног до головы. – Слушай... когда ты сказал, что собираешься встречаться со мной, ты обидел Чоу, и она попыталась заставить тебя ревновать. Таким способом она хотела проверить, насколько сильно тебе нравится.

Рон рухнул на скамью напротив и подтащил к себе все тарелки, до которых мог дотянуться.

– Так вот зачем всё это! – изумился Гарри. – Не проще было бы меня спросить, кто мне больше нравится – она или ты?

– Девочки таких вопросов обычно не задают, – заверила Гермиона.

– Ну и зря! – убеждённо заявил Гарри. – Я бы ей просто сказал, как она мне нравится, и не пришлось бы ей опять заводитьсь со смертью Седрика!

– Я же не говорю, что она поступила благоразумно, – согласилась Гермиона, когда к ним присоединилась Джинни, такая же грязная и хмурая, как Рон. – Я просто пытаюсь тебе втолковать, что она в это время чувствовала.

– Тебе нужно книгу писать, – нарезая картошку, посоветовал Рон Гермионе, – перевод всяких девчачьих выходок на понятный мальчикам язык.

– Точно, – с жаром согласился Гарри, поглядывая на стол Рэйвенкло.

Чоу как раз встала и, не глядя на него, отправилась к выходу из Большого Зала. Слегка уязвлённый, Гарри повернулся к Рону и Джинни:

– Ну, как тренировка?

– Кошмар, – угрюмо буркнул Рон.

– Да ладно тебе, – Гермиона взглянула на Джинни, – я уверена, что всё не так...

– Точно, – подтвердила Джинни. – Жуть. Анджелина к концу чуть не разревелась.

После ужина Рон и Джинни отправились в душ. Гарри и Гермиона вернулись в оживлённую гостиную к всегдашним грудам домашних заданий. Полчаса спустя, когда Гарри сражался с новой картой звёздного неба по астрономии, вернулись Фред и Джордж.

– Рона с Джинни здесь нет? – Фред подтянул кресло и огляделся по сторонам, а когда Гарри покачал головой, продолжил: – Отлично. Мы видели, как они тренировались. Их разгромят в пух и прах. Без нас они ничего не стоят, вообще.

– Да ладно, Джинни ещё ничего, – справедливо возразил Джордж, усаживаясь рядом с Фредом. – Я даже представить не могу, как у неё так лихо получается, мы ведь никогда не брали её с нами играть.

– Она с шести лет забиралась в ваш садовый сарайчик для метел и объезжала все ваши метлы, пока вы этого не видели, – донёсся голос Гермионы из-за шаткого штабеля учебников по древним рунам.

– Ого, – впечатлённо протянул Джордж. – Ну... тогда понятно.

– А Рон всё-таки отбивает мячи? – Гермиона выглянула поверх «Магических иероглифов и логограмм».

– Ну, может это сделать, если думает, что на него никто не смотрит, – Фред сделал круглые глаза. – Так что в субботу нам остаётся одно – попросить, чтобы, как только квоффл залетит на его половину поля, зрители дружно отвернулись и о чём-нибудь поговорили между собой.

Он вскочил, возбуждённо шагнул к окну и выглянул в окружающую темноту.

– Знаете, единственное, ради чего здесь стоило оставаться, это был квиддич.

Гермиона строго взглянула на него.

– У вас экзамены на носу!

– Я же тебе уже сказал, КРОТы нас не волнуют, – отозвался Фред. – С Прелестями мы уже закруглились, как справиться с теми фурункулами мы разобрались, всего пары капель эссенции мирохлюпа хватило, спасибо Ли.

Джордж протяжно зевнул и уныло уставился в затянутое облаками ночное небо.

– Даже не знаю, хочу ли я смотреть этот матч. Если Захария Смит нас обыграет, я покончу с собой.

– Лучше покончи с ним, – решительно возразил Фред.

– С этим квиддичем одни проблемы, – рассеяно высказалась Гермиона, опять склонившись над расшифровкой рун, – из-за него всё зло, и между Домами вражда.

Она оглянулась в поисках своего экземпляра «Силлабария Спеллмана» и тут обнаружила, что Фред, Джордж и Гарри втроём смотрят на неё со смесью неверия и отвращения.

– Ну да! – раздражённо повторила она. – Это же ведь просто игра!

– Гермiona, – покачал головой Гарри, – ты хорошо разбираешься в чувствах и прочей ерунде, но о квиддиче ты понятия не имеешь.

– Может и не имею, – мрачно согласилась Гермiona, возвращаясь к расшифровке, – но зато моё счастье не зависит от вратарских способностей Рона.

И хотя Гарри скорее спрыгнул бы с Астрономической Башни, чем признал правоту Гермiony, но следующей субботой, наблюдая за матчем, он отдал бы сколько угодно галлеонов, чтобы тоже не переживать из-за квиддича.

Самое лучшее, что можно было бы сказать об этом матче: он был коротким, гриффиндорским болельщикам пришлось пережить только двадцать две минуты мучений. Сложнее сказать, что было хуже всего: по мнению Гарри, шансы равно распределялись между четырнадцатым по счёту голом, забитым Рону, Слопером, промазавшим по бладжеру, но попавшим битой точно в челюсть Анджелине, и Кёрком, заоравшим и рухнувшим с метлы, когда перед ним с квоффлом в руках свечкой взмыл Захария Смит. Гриффиндор проиграл всего десять очков только чудом, потому что Джинни умудрилась схватить снитч прямо под носом хаффлпафского искателя Саммерби, и поэтому игра закончилась со счётом 240:230.

– Поймала ты мастерски, – заметил Гарри Джинни, когда они вернулись в гостиную, где царила атмосфера наимрачнейших похорон.

– Мне повезло, – пожала плечами Джинни. – Снитч летел не очень быстро, а у Саммерби насморк, он чихнул и закрыл глаза в самый неподходящий момент. В любом случае, когда ты вернёшься в команду...

– Джинни, мне запретили *навсегда*.

– Тебе запретили до тех пор, пока Амбридж в школе, – поправила его Джинни. – Это две большие разницы. Во всяком случае, если ты вернёшься, я буду пробоваться на гончего. В следующем году Анджелина и Алисия уйдут, а я всё-таки предпочитаю голы забивать, чем быть искателем.

Гарри взглянул на Рона – тот с бутылкой сливочного пива в руке скрючился в углу и неотрывно смотрел в колени.

– Анджелина так и не отпускает его, – словно в ответ на мысли Гарри сказала Джинни. – Говорит, что уверена, он ещё себя покажет.

Хотя такая вера Анджелины в Рона Гарри понравилась, но вместе с тем подумалось, что для блага Рона было бы лучше отпустить его из команды. С поля Рон ушёл под оглушительный рефрен «Уизли – наш бог», в исполнении ликующих слизеринцев, которые теперь в борьбе за квиддичный кубок стали фаворитами.

Подбрили Фред и Джордж.

– Даже духу не хватило над ним стебаться, – Фред оглянулся через плечо на скорчившегося Рона. – Помните... как он пропустил четырнадцатый...

Он отчаянно замолотил руками, словно барахтался в воде.

– ...Ладно, побережём это для вечеринок, ага?

Вскоре после этого Рон поплёлся спать. Перед тем, как пойти в спальню, Гарри выждал время из уважения к чувствам Рона, чтобы тот, если захочет, смог притвориться спящим. Когда Гарри, наконец, поднялся, Рон, как и следовало ожидать, ненатурально громко храпел.

В мыслях о матче Гарри лёг спать. Наблюдение с трибун разочаровало до невозможности. Манёвры Джинни весьма впечатляли, но Гарри подумал, что доведись ему самому играть, он поймал бы снитч раньше... в один момент снитч завис у лодыжки Кёрка и будь Джинни порасторопнее, она могла бы принести Гриффиндору победу.

Несколькими рядами ниже Гермионы и Гарри сидела Амбридж. Пару раз она враскоряку повернулась на него взглянуть, жабий рот при этом растягивался в гримасу, которая, как решил Гарри, должна была обозначать злорадную насмешку. Впотьмах, при этом воспоминании, Гарри бросило в жар от бешенства. Но спустя пару минут пришло в голову, что он, вообще-то, перед сном должен освобождать разум от всех эмоций, как беспрерывно поучал его Снейп в конце каждого занятия по окклюменции.

Гарри сосредоточился на одну-две секунды, но мысль о Снейпе в довершение всех воспоминаний об Амбридж, настолько усугубила его жгучую обиду, что вместо освобождения разума, Гарри до краёв затопила ненависть к этим двоим. Постепенно храп Рона стих и перешёл в глубокое ровное дыхание. Гарри, чтобы заснуть, понадобилось гораздо больше времени: тело устало, но голова успокоилась ещё нескоро.

Приснилось, что Невилл и профессор Спраут вальсируют в Насущной Комнате, а профессор МакГонаголл подыгрывает им на волейке. Гарри с удовольствием немного посмотрел на них, а потом решил пойти поискать других членов ДА.

Но когда вышел из зала, то очутился не перед гобеленом Балбеса Барнабаса, а у горящего факела, закреплённого в каменной кладке. Гарри медленно повернул голову влево. Там, в дальнем конце коридора без окон чернела гладкая дверь.

С нарастающим возбуждением Гарри пошёл к двери. Очень странное чувство не покидало его – на сей раз ему, наконец, повезёт и дверь удастся открыть... Вот он уже в нескольких шагах от двери и с замиранием сердца видит, что по правому краю пробивается полоска тусклого голубого света... дверь приоткрыта... он протягивает руку, чтобы распахнуть её настежь и...

Рон по-настоящему громко и раскатисто всхрапнул, и Гарри резко проснулся с протянутой вперёд рукой, в темноте, – открывая дверь, находящуюся в сотнях миль отсюда. Со смешанным чувством разочарования и вины он опустил руку. Он понимал, что эту дверь видеть нельзя, не положено, но так измучился от любопытства: «что же там, за ней?» что не мог сдержать досаду на Рона... если бы тот захрапел всего минутой позже...

* * *

Утром понедельника они вошли в Большой Зал на завтрак одновременно с появлением почтовых сов. Не одна Гермиона, сгорая от нетерпения, ждала «Ежедневный пророк», почти все жаждали свежих подробностей о беглых Пожирателях Смерти, которых, несмотря на многочисленные донесения очевидцев, так и не удалось поймать. Гермиона сунула почтовой сове один нат и поспешно развернула газету, а Гарри тем временем налил себе апельсиновый

сок: за весь год ему пришло только одно письмо, — и когда перед ним шумно приземлилась первая сова, он не сомневался, что она ошиблась адресом.

— Ты к кому? — удивился он, апатично отодвинул апельсиновый сок подальше от её клюва и подался вперёд рассмотреть имя и адрес получателя.

«Гарри Поттеру

Большой Зал

Школа «Хогвартс»»

Нахмурившись, Гарри протянул руку за письмом, но не успел взять, как рядом спланировали ещё три, четыре, пять сов и всеми правдами и неправдами, топчась масло и опрокидывая соль, принялись сражаться за то, чтобы первой вручить ему своё письмо.

— Это что за дела? — поразился Рон, а весь гриффиндорский стол любопытно вытянулся, и тут на первых сов приземлилось ещё семь штук, визжа, ухая и хлопая крыльями.

— Гарри! — захлебнулась Гермиона, запустила руки в кучу перьев и вытащила ушастую сову с длинным запечатанным рулончиком. — По-моему я знаю, что тут... открывай сначала это!

Гарри сорвал коричневую обёртку. Наружу выкатился туго свернутый экземпляр мартовского выпуска «Придиры». Гарри развернул журнал и обнаружил, что с обложки ему робко улыбается его собственная физиономия. Во всю ширь фотографии краснел огромный заголовок:

**«ПРИШЛО ВРЕМЯ СКАЗАТЬ ПРАВДУ:
О ТОМ КОГО НЕЛЬЗЯ НАЗЫВАТЬ
И О ТОЙ НОЧИ, КОГДА Я ВИДЕЛ ЕГО
ВОЗВРАЩЕНИЕ»**

— Нравится? — поинтересовалась Луна, которая уже прибилась к гриффиндорскому столу и втискивалась на скамью между Фредом и Роном. — Журнал вчера вышел, я попросила папу прислать тебе лишний экземпляр. А эти все, я так думаю, — она ткнула в сгрудившихся сов, которые по-прежнему мельтешили на столе перед Гарри, — с письмами от читателей.

— Я так и поняла, — с охотничьим азартом кивнула Гермиона. — Гарри, ты не против, если мы?..

— Берите на здоровье, — в лёгком ступоре предложил Гарри.

Рон и Гермиона в четыре руки принялись разрывать конверты.

— Вот это от типа, который решил, что у тебя не все дома, — глядя в письмо, прокомментировал Рон. — Ага, ясно...

— Эта дама советует тебе пройти полный курс заклинаний Шокотерапии в святом Мунго, — с разочарованным видом объявила Гермиона и слегка приуныла.

— А тут вроде неплохо, — раздумчиво начал Гарри, просматривая длинное письмо от ведьмы из Пейсли. — Ого, она пишет, что верит мне!

— Здесь один сомневается, — Фред с энтузиазмом включился в распечатывание писем, — пишет, что на психа ты не похож, но и верить, что Сам-Знаешь-Кто вернулся, ему не хочется, поэтому не знает, что и подумать. Ну надо же, сколько пергамента извёл...

– Гарри, вот ещё один, которого ты убедил! – возбуждённо воскликнула Гермиона. – *«Прочтя Вашу версию, я поневоле заключаю, что «Ежедневный пророк» очень несправедливо с Вами обошёлся... как ни прискорбно мне сознавать, что Тот, Кого Нельзя Называть, вернулся, но я вынужден признать, что Вы говорите правду...»* Как здорово!

– Ещё один считает, что ты врёшь, – Рон бросил через плечо скомканное письмо. – ...А тут одна пишет, что ты её переубедил, и теперь она считает тебя настоящим героем... даже фотографию свою вложила... ого!

– Что здесь происходит? – раздался фальшиво-добренский, девчачий голос.

Гарри с целой охапкой конвертов в руках поднял голову. За Фредом и Луной стояла профессор Амбридж, её выпученные жабы глазки шарили по мешанине сов и писем на столе перед Гарри. За её спиной Гарри заметил толпу учеников с жадными глазами.

– Мистер Поттер, откуда у вас столько писем? – медленно осведомилась Амбридж.

– Это что, уже преступление? – громко поинтересовался Фред. – Письма получать запрещено?

– Осторожнее, мистер Уизли, иначе мне придётся назначить вам взыскание, – заверила Амбридж. – Итак, мистер Поттер?

Гарри замешкался, но каким образом удастся сохранить всё в тайне – в голову ему не приходило: само собой, рано или поздно, экземпляр «Придиры» попадётся Амбридж.

– Мне пишут, потому что я давал интервью, – решился Гарри. – О том, что произошло со мной в июне прошлого года.

Он сказал и почему-то взглянул на стол преподавателей. И возникло престраннейшее чувство, что Дамблдор следил за ним ещё секунду назад, но когда Гарри посмотрел на него, тот уже, с виду увлечённо, переговаривался с профессором Флитвиком.

– Интервью? – визгливее и пронзительнее, чем обычно, повторила Амбридж. – Что значит интервью?

– Значит, что журналист задавал мне вопросы, а я на них отвечал, – пояснил Гарри. – Вот...

И он бросил перед ней экземпляр «Придиры». Амбридж схватила и вытаращилась на обложку. Её рыхлое бледное лицо пошло мерзкими багровыми пятнами.

– Когда вы это сделали? – дрогнувшим голосом спросила она.

– В прошлые выходные в Хогсмиде, – сказал Гарри.

Разъярённо сверкая глазками, Амбридж уставилась на него, журнал затрясся в коротеньких пальцах.

– Больше никаких походов в Хогсмид вам не будет, мистер Поттер... – просипела она. – Да как вы посмели... как вы могли... – она хватала воздух, как выловленная из воды рыба. – Я всё учу и учу вас не врать! Но видимо надпись так и не закрепилась! Пятьдесят баллов с Гриффиндора и ещё одна полная неделя взысканий!

Прижав «Придиру» к груди, она шапала прочь, все молча провожали её глазами.

Этим же утром по всей школе, в коридорах и классах, а не только на досках объявлений Домов, появились огромные плакаты.

«ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ГЛАВНОГО ДОЗНАВАТЕЛЯ «ХОГВАРТСА»

Каждый ученик, у которого будет обнаружен журнал «Придира», подлежит исключению.

Вышеуказанное находится в соответствии с Декретом об Образовании № 27.

Подпись: Долорес Джейн Амбридж, Главный Дознаватель.»

Отчего-то всякий раз, натываясь на очередной плакат, Гермиона расцветала от счастья.

– Чему же ты так радуешься? – удивился Гарри.

– Гарри, ты что, не понимаешь? – Гермиона перевела дыхание. – Подумать только, она умудрилась сделать именно так, чтобы все до единого в этой школе прочли твоё интервью: она запретила его читать!

Похоже, Гермиона оказалась абсолютно права. Хотя Гарри не увидел нигде и уголка «Придиры», но к концу учебного дня вся школа цитировала фрагменты из его интервью. О нём шептались и в переменах перед кабинетами, и во время обеда, и после занятий, Гермиона рассказала, что даже в женском туалете, куда она заскочила перед древними рунами, переговаривались об этом из кабинки в кабинку.

– Потом они меня заметили, они же знают, что мы с тобой знакомы, и просто замучили меня вопросами, – с сияющими глазами призналась Гермиона Гарри. – Мне кажется, они тебе поверили, правда-правда, наконец-то ты их всех убедил!

А тем временем профессор Амбридж шныряла по школе, наугад останавливала учеников и требовала вывернуть карманы и показать все книги: Гарри понял, что она ищет копии «Придиры», но ученики её опередили. Страницы с интервью Гарри были заколдованы так, чтобы либо выглядеть фрагментами учебников, на случай, если их захочет прочесть кто-нибудь посторонний, либо магическим образом становились чистыми листами, пока хозяин не захочет перечитать. Вскоре интервью прочли едва ли не все до единого.

Преподавателям, разумеется, в соответствии Декретом об образовании № 26, упоминать интервью запрещалось, но, тем не менее, они находили способы выразить своё отношение к произошедшему. Профессор Спраут добавила двадцать баллов Гриффиндору за то, что Гарри принёс ей лейку; восторженный профессор Флитвик в конце урока чар сунул Гарри коробочку пиццивших сахарных мышек, шепнул «Гс-с!» и быстренько отошёл; профессор Трелони на прорицании, разразившись истеричными рыданиями, провозгласила ошеломлённому классу и поджавшей губы Амбридж, что Гарри всё-таки ожидает *не* ранняя смерть, а почтенная старость, пост министра магии и двенадцать детей.

Но больше всего Гарри осчастливила Чоу, когда следующим днём догнала его по дороге на трансфигурацию. Не успел он ничего сообразить, как она взяла его за руку и шепнула на ухо: «Прости меня, правда, правда. Это интервью было таким смелым... я от него даже расплакалась».

Гарри посожалел, что Чоу опять нашла повод поплакать, но очень обрадовался, что они прервали молчанку, а ещё больше тому, что на прощание она быстро поцеловала его в щёку. И к удивлению Гарри, едва он подошёл к классу трансфигурации, его ждала ещё одна неожиданная радость: из толпы навстречу вышел Шеймас.

– Я просто хочу тебе сказать... – пробормотал Шеймас, глядя на Гарри куда-то в область левого колена, – ...я тебе верю. Я послал своей маме копию этого журнала.

Если для полного счастья Гарри чего-нибудь и не хватало, так это реакции Малфоя, Крэбба и Гойла. И тем же днём он увидел, как они, склонив друг к другу головы, сидят в библиотеке; с ними был ещё один мальчик, долговязый, Гермiona шепнула, что его зовут Теодор Нотт. Пока Гарри искал на полках книгу по Частичному Устранению, все четверо оглядывались на него: Гойл с угрожающим хрустом сжимал кулаки, а Малфой с неприкрытой мстительностью нащёпывал что-то Крэббу. Почему они вели себя так, Гарри было понятно без слов: всех их отцов он назвал в числе Пожирателей Смерти.

– Самая прелесть, – радостно зашептала Гермiona, когда те ушли из библиотеки, – что им и возразить-то нечего, нельзя же признаться, что они читали статью!

В довершение всего за ужином Луна сказала Гарри, что ни разу ещё выпуск «Придиры» не распродавался так быстро.

– Папа переиздаёт тираж! – возбуждённо выпучила глаза Луна. – Он и сам не может в такое поверить, говорит, что, похоже, твоё интервью заинтересовало людей гораздо больше, чем морщерогие храпстеры!

На этот вечер Гарри стал героем гриффиндорской гостиной. Плюнув на последствия, Фред и Джордж наложили на обложку «Придиры» Увеличительные чары, повесили её на стену, и теперь все прения шли под чутким присмотром гигантской головы Гарри, которая периодически громогласно изрекала что-нибудь вроде «МИНИСТЕРСТВО ОБАЛДЕЛО» или «ЗАКУСИ ДЕРЬМОМ, АМБРИДЖ». Гермiona ничего смешного в этом не нашла, сказала, что голова мешает сосредоточиться и, в конце концов, вышла из себя и засветло отправилась спать. Пару часов спустя Гарри пришлось согласиться, что плакат не так уж забавен, особенно когда Говорильные чары ослабли, и голова всё чаще и всё пронзительнее принялась выкрикивать бессвязные «ДЕРЬМО», «АМБРИДЖ» и прочее. У Гарри даже голова разболелась, и шрам опять начал противно пульсировать. Отказавшись в несчётный раз вспоминать своё интервью, под всеобщие возгласы разочарования сидящих вокруг, Гарри объявил, что ему во что бы то ни стало пора спать.

Когда он поднялся, спальня была ещё пуста. Гарри на секунду прижался лбом к холодному оконному стеклу рядом с кроватью – шраму стало полегче. Потом разделся и залез в постель, мечтая, чтобы голова перестала болеть. Вдобавок его слегка подташнивало. Он повернулся на бок, закрыл глаза и тут же заснул...

И очутился в тёмной, наглухо зашторенной комнате, освещённой единственным канделябром. Руками он стискивает спинку кресла перед собой. На тёмном бархате кресла,

бледные, словно много лет не видели дневного света, с длинными пальцами, руки напоминают больших белых пауков.

Перед креслом, в островке света, отбрасываемого свечами на пол, на коленях стоит мужчина в чёрной мантии.

– Должно быть, у меня скверные информаторы, – произносит Гарри надменно, ледяным, прерывающимся от ярости голосом.

– Повелитель, пощадите меня, умоляю, – хрипит стоящий на коленях мужчина.

В свете свечей поблёскивает его макушка. Кажется, он дрожит.

– Я не виню тебя, Руквуд, – холодно и жестоко отвечает Гарри.

Он отпускает спинку кресла, обходит его и приближается к скорчившемуся на полу мужчине, из темноты глядя на него сверху вниз, с высоты выше своего привычного роста.

– Руквуд, ты можешь поручиться за то, что говоришь? – спрашивает Гарри.

– Да, мой лорд, да... я же работал в департаменте после... после всего...

– Эйвери говорил мне, что у Боуд была возможность вынести *это* оттуда.

– Повелитель, Боуд ни за что не смог бы взять это... Боуд понимал, что не сможет... наверняка, поэтому он так отчаянно сопротивлялся проклятию Империи от Малфоя...

– Встань, Руквуд, – чуть слышно велит Гарри.

Коленопреклоненный мужчина так спешит выполнить приказ, что едва не падает. Лицо у него рябое, в свете свечей рельефно выделяются оспины. Он остаётся в полусогнутом положении, словно в лёгком поклоне, и снизу вверх затравленно поглядывает Гарри в лицо.

– Ты правильно сделал, что всё мне рассказал, – говорит Гарри. – Ну что ж... кажется, я впустую потратил многие месяцы... но всё равно... теперь начнём сначала. Прими признательность Лорда Волдеморта, Руквуд ...

– Мой лорд... да, мой лорд, – полузадушенно, срывающимся от облегчения голосом благодарит Руквуд.

– Мне понадобится твоя помощь. Мне понадобится любая информация, которую ты сможешь представить.

– Конечно, мой лорд, конечно... всё, что угодно...

– Прекрасно... можешь идти. Пришли мне Эйвери.

Руквуд поспешно пятится, кланяется и исчезает за дверью.

Оставшись один в полутёмной комнате, Гарри поворачивается к стене. Там, в тени висит надтреснутое, старинное зеркало. Гарри идёт к нему. Его отражение растёт и становится всё чётче и чётче... лицо блее череп... красные глаза с вытянутыми вертикальными зрачками...

– НEEEEEEEEЕТ!

– Что?! – раздался вопль поблизости.

Гарри отчаянно заметался, запутался в пологе кровати и свалился на пол. Несколько секунд он не мог понять, где находится, его не оставяло ощущение, что вот-вот перед ним вновь замаячит бледное, похожее на череп лицо, потом совсем рядом прозвучал голос Рона:

– Да прекрати брыкаться как псих, а то я не могу тебя отсюда вытащить!

Рон рванул полог в сторону и в лунном свете предстал перед лежащим навзничь Гарри. Шрам у Гарри полыхал от боли. Судя по всему, Рон как раз собирался спать – мантию он уже наполовину снял.

– Опять на кого-то напали? – Рон резко дёрнул Гарри вверх. – На папу? Та змея?

– Нет... всё нормально... – выдавил Гарри, лоб у него жгло огнём. – Ну... с Эйвери не нормально... у него проблемы... он дезинформировал *его*... И Волдеморт в бешенстве...

Гарри застонал, потер шрам и, дрожа, опустился на кровать.

– Но Руквуд будет ему помогать... и он опять выйдет на след...

– Ты о чём говоришь-то? – с испуганным видом спросил Рон. – Что всё это значит... ты сейчас видел Сам-Знаешь-Кого?

– Я был Сам-Знаешь-Кем, – опомнился Гарри и вытянул перед собой руки, разглядывая их в полутьме, чтобы убедиться, что они уже не мертвенно-белые и не с такими длинными пальцами. – Он встречался с Руквудом, помнишь, это один из Пожирателей Смерти, которые сбежали из Азкабана? Руквуд только что ему сказал, что Боуд не смог бы этого сделать.

– Чего сделать?

– Что-то взять... он сказал, что Боуд понимал, что не сможет это сделать... на Боуда проклятие Империи наложили... вроде он сказал, что это отец Малфоя сделал.

– Боуда заколдовали, чтобы что-то взять? – переспросил Рон. – Но... Гарри, значит речь идёт об...

– Оружии, – закончил за него Гарри. – Я понимаю.

Дверь спальни открылась, зашли Дин и Шеймас. Гарри залез на кровать с ногами. Не хотелось давать понять, что с ним не всё в порядке, потому что Шеймас только-только перестал считать его психом.

– Ты сказал, – зашептал Рон, нагнувшись поближе к Гарри и делая вид, что тянется за кувшином с водой на прикроватном столике, – что ты *был* Сам-Знаешь-Кем?

– Да, – тихо подтвердил Гарри.

Рон сделал чрезмерно большой глоток, Гарри увидел, как по его подбородку потекла вода и закапала на грудь.

– Гарри, – продолжил Рон, когда Дин и Шеймас, переодеваясь и болтая, подняли шум, – тебе нужно рассказать об этом...

– Я не буду никому говорить, – отрезал Гарри. – Если бы я владел окклюменцией, то ничего такого не увидел бы. Я, по идее, должен научиться таких вещей не допускать. Им этого хочется.

Под «ними» он подразумевал Дамблдора. Гарри улёгся, повернулся на бок, к Рону спиной, и спустя некоторое время услышал, как закрипели пружины матраца – Рон уже отошёл и тоже лёг. Шрам начал гореть, и, чтобы не застонать, Гарри вцепился зубами в подушку. Он чувствовал, что где-то сейчас подвергают экзекуции Эйвери.

* * *

На следующее утро Гарри и Рон дождались перемены, чтобы рассказать обо всём произошедшем Гермионе, – хотелось знать наверняка, что никто не сможет их подслушать.

Стоя в продуваемом всеми ветрами холодном внутреннем дворике, в своём обычном закутке, Гарри во всех подробностях поведал Гермионе всё, что мог вспомнить. Когда он закончил, Гермиона долго не произносила ни слова и с какой-то мучительной озабоченностью следила за безголовыми Фредом и Джоржем, которые на противоположной стороне двора торговали из-под полы своими магическими шляпами.

— Поэтому его и убили, — наконец пробормотала она и отвела взгляд от близнецов. — Когда Бод попытался украсть это оружие, с ним произошло что-то не то. Наверное, на оружие наложены какие-то защитные заклинания, чтобы не дать людям к нему прикоснуться. Вот поэтому он и попал в больницу святого Мунго, у него что-то с головой стряслось, и дар речи пропал. Помните, что про него говорила целительница? Что он поправляется. А они ведь не могли рисковать и дать ему поправиться, так? Вполне вероятно, что шок от прикосновения к оружию снял проклятие Импернус. Если бы он заговорил, смог бы объяснить, что с ним произошло, так? И все узнали бы, что его посылали украсть оружие. Само собой, Малфой ничего не стоило наложить на него проклятие. Даже из Министерства выходить не надо...

— Он там крутился даже в тот день, когда у меня было разбирательство, — вспомнил Гарри. — Он... подождите-ка... — Гарри запнулся. — Он в тот день был в департаменте Тайн! Твой папа сказал, что Малфой, наверное, хочет пролезть вниз и разузнать о моём деле, но что если...

— Стёрджис! — осенило Гермиону, она даже рот открыла.

— Что-что? — Рона это, похоже, сбило с толку.

— Стёрджис Подмор... — выдохнула Гермиона. — Его арестовали за попытку проникнуть за какую-то дверь! Наверное, Люциус Малфой и до него добрался! Держу пари, это было в тот день, когда ты его там встретил, Гарри. У Стёрджиса же был плащ-невидимка Муди, да? Он, скорее всего, стоял там под плащом и охранял дверь, а Малфой услышал какое-то движение... или просто догадался, что там кто-то есть... и на всякий случай бросил на возможного охранника проклятие Импернус... А потом, когда Стёрджису представился случай... наверное, когда пришла очередь дежурить в следующий раз... он попытался войти в департамент, чтобы украсть оружие для Волдеморта... Рон, не дёргайся... но его поймали и посадили в Азкабан...

Она уставилась на Гарри.

— А Руквуд рассказал Волдеморту, как заполучить оружие?

— Я всего разговора не слышал, но похоже на то, — подтвердил Гарри. — Руквуд там работал... может Волдеморту теперь пойдёт туда Руквуда?

Гермиона только кивнула, должно быть, продолжая нащупывать ниточку. Потом совершенно неожиданно воскликнула:

— Гарри, но ты вообще не должен был этого видеть!

— Чего? — озадаченно уточнил Гарри.

— Ты же должен уметь закрывать разум от таких вещей, — внезапно посуровев, напомнила Гермиона.

— Я знаю, что должен, — согласился Гарри, — но...

– Ладно, по-моему, нужно просто-напросто попробовать забыть всё, что ты увидел, – твёрдо заявила Гермиона. – А тебе теперь надо заниматься окклюменцией получше.

Гарри так разозлился на неё, что до вечера с ней не разговаривал, а денёк выдался хуже некуда. Если на переменах не обсуждали сбежавших Пожирателей Смерти, то потешались над жалкой игрой Гриффиндора в матче против Хаффлапфа. Слизеринцы распевали «Уизли – наш бог» так громко и беспрерывно, что к закату даже Филч взбесился и запретил им петь в коридорах.

Неделя шла, и лучше не становилось. Гарри получил по зельям ещё пару «С», места себе не находил от страха, что Хагрида уволят, и, вдобавок, ему беспрерывно снились сны, в которых он был Волдемортом, – хотя Рону и Гермионе он больше ничего не рассказывал, не желая получать от Гермионы очередной выговор. Как жаль, что нельзя обсудить всё с Сириусом, но об этом и речи быть не может, поэтому Гарри старался выбросить подобные мысли из головы.

К несчастью, теперь сознание было ему не подвластно.

– Встаньте, Поттер.

Несколько недель прошло после того сна о Руквуде, и сегодня Гарри опять стоял на коленях на полу кабинета Снейпа, пытаясь прочистить себе мозги. Только что ему пришлось опять, в который раз, ощутить массу детских переживаний, о которых он давно и думать забыл, – большинство касалось оскорблений от Дадли и его банды, нанесённых ему ещё во времена начальной школы.

– Последнее воспоминание относилось к чему? – осведомился Снейп.

– Я не знаю, – буркнул Гарри, устало поднимаясь на ноги.

Становилось всё сложнее и сложнее распутывать отдельные воспоминания в том клубке образов и звуков, которые вытаскивал наружу Снейп.

– Вы имеете в виду то, где мой кузен пытался напугать меня в туалете?

– Нет. Я имею в виду то, где в тёмной комнате на полу стоит на коленях мужчина... – вкрадчиво уточнил Снейп.

– Это... это ни к чему, – смешался Гарри.

Тёмные глаза Снейпа пронзали Гарри насквозь. Вспомнив, как Снейп говорил, что для легилименции чрезвычайно важен зрительный контакт, Гарри сморгнул и отвёл взгляд.

– Поттер, каким образом в вашей голове оказался этот мужчина и эта комната? – спросил Снейп.

– Это... – Гарри смотрел куда угодно, но только не на Снейпа, – ...это... просто сон, который мне как-то снился.

– Просто сон? – повторил Снейп.

Наступила пауза, в течение которой Гарри внимательно разглядывал крупную дохлую лягушку, болававшуюся в банке с фиолетовой жидкостью.

– Вам ведь известно, зачем мы здесь, неправда ли, Поттер? – глухо и с угрозой произнёс Снейп. – Вам ведь известно, зачем я так скучно провожу своё свободное время?

– Да, – натянуто подтвердил Гарри.

– Напомните мне, Поттер, зачем мы здесь.

– Чтобы научить меня окклюменции, – признался Гарри, теперь старательно изучая дохлого угря.

– Верно, Поттер. И даже если вы законченный болван... – Гарри с ненавистью глянул на Снейпа, – ...я смею рассчитывать, что за более чем два месяца занятий некоторые успехи вы могли бы сделать. Сколько ещё снов о Тёмном Лорде у вас было?

– Только этот, – солгал Гарри.

– По всей вероятности, – продолжал Снейп, тёмные, холодные глаза его немного сузились, – по всей вероятности вам просто нравятся эти видения и сны, Поттер? Может быть, они дают вам возможность ощутить себя исключительным... важным?

– Ничего подобного, – Гарри стиснул зубы и крепко сжал пальцы на рукоятке палочки.

– Хорошо, если так, Поттер, – ледяным тоном сказал Снейп. – Потому что никакой исключительности или важности вы собой не представляете, и вас не касается, о чём Тёмный Лорд разговаривает с Пожирателями Смерти.

– Ага... это же ваше дело, да? – колко заметил ему Гарри.

Он не хотел так говорить, само собой получилось. Они уставились друг на друга, Гарри решил, что зашёл слишком далеко. Но на лице Снейпа появилось странное, почти удовлетворённое выражение, и он ответил:

– Именно так, Поттер, – глаза его сверкнули. – Это моё дело. А теперь, если вы готовы, продолжим.

Он поднял палочку:

– Раз... два... три... *Legilimens!*

Сотня дементоров атакует Гарри на берегу озера... Гарри напряжённо морщится... они подходят всё ближе... видны тёмные провалы в их капюшонах... но кроме этого он видит и стоящего перед ним Снейпа, глаза его прикованы к лицу Гарри, он вполголоса что-то бормочет... почему-то Снейп становится всё чётче, а дементоры всё тускнеют и тускнеют...

Гарри поднял палочку:

– *Protego!*

Снейп покачнулся, его палочка взлетела вверх, в сторону от Гарри, и внезапно сознание Гарри заполнили чужие воспоминания: мужчина с ястребиным носом кричит на съёжившуюся женщину, а в уголке плачет темноволосый мальчик... в тёмной спальне в одиночестве сидит подросток с невытыми волосами и, направляя палочку в потолок, сбивает мух... девочка смеётся, глядя, как худой мальчишка пытается оседлать взбрыкивающую метлу...

– ХВАТИТ!

Гарри показалось, будто его сильно толкнуло в грудь, он отлетел на несколько шагов назад, ударился о полки на стенах кабинета и услышал, как сзади что-то треснуло. Снейп слегка пошатывался, лицо его стало белее мела.

У Гарри на спине промокла мантия. Одна из банок от удара лопнула, мерзкое законсервированное содержимое кружилось в вытекающем растворе.

– *Reparo*, – прошипел Снейп, и банка тут же запечаталась. – Ладно, Поттер... это уже заметный прогресс... – Переводя дыхание, Снейп поправил ситодум, в который перед началом занятия, как обычно, поместил свои мысли, словно проверяя, там ли они по-прежнему. – Не помню, чтобы говорил вам пользоваться Щитовыми чарами... но они, безусловно, годятся...

Гарри не произнёс ни слова, понимая: говорить что-нибудь рискованно. Он не сомневался, что вторгся прямо в воспоминания Снейпа, что видел воочию сцены из детства Снейпа. Присутствия духа его лишило сознание того, что маленький мальчик, который плакал, глядя на ругавшихся родителей, теперь с такой ненавистью в глазах стоит напротив.

– Попробуем ещё раз, – объявил Снейп.

Гарри в ужасе содрогнулся: сейчас его, как пить дать, настигнет расплата за произошедшее. Они вернулись в исходное положение по обе стороны стола, и на этот раз освободить разум оказалось намного труднее.

– Итак, на счёт три, – Снейп опять поднял палочку. – Раз... два...

У Гарри не осталось времени сконцентрироваться и попытаться выбросить из головы ненужные мысли, как Снейп уже крикнул:

– *Legilimens!*

Гарри бежит по коридору департамента Тайн, вдоль глухих каменных стен, мимо факелов... гладкая чёрная дверь всё ближе и ближе, он несётся так быстро, что вот-вот столкнётся с дверью, он уже в шаге от неё и снова перед ним щель, откуда льётся тусклый голубой свет...

Дверь распахивается! Наконец-то он попадает в круглую комнату с чёрными стенами и чёрным полом, освещённую синим огнём свечей, а вокруг полно других дверей... и нужно идти дальше... но какую дверь выбрать?..

– ПОТТЕР!

Гарри открыл глаза. Он лежал на спине и опять не мог вспомнить – почему. Запыхался так, словно в самом деле пробежал коридор Департамента Тайн, заскочил в чёрную дверь и оказался в круглой комнате.

– Объяснитесь! – с разгневанным видом бросил стоящий над ним Снейп.

– Я... не знаю, что это было, – искренне ответил Гарри и поднялся на ноги. Его трясло, от падения на затылке появилась шишка. – Раньше я такого никогда не видел. То есть, я же говорил вам, дверь мне снилась... но раньше никогда не открывалась...

– Вы недостаточно прилежны!

Почему-то Снейп выглядел ещё взбешённей, чем парой минут раньше, когда Гарри проник в его воспоминания.

– Поттер, вы лентяй и разгильдяй, ничего удивительного, что Тёмный Лорд...

– Сэр, вы не скажете мне, – опять вспыхнул Гарри, – почему вы называете Волдеморта Тёмным Лордом? Я сам слышал, только Пожиратели Смерти так к нему обращаются.

Снейп с рычанием оскалился... но вдруг, где-то снаружи, раздался женский крик.

Снейп вскинул голову и уставился в потолок.

– Это ещё что?.. – пробормотал он.

Гарри разобрал смутный шум откуда-то, похоже, из вестибюля. Снейп, нахмурившись, глянул на него:

– Поттер, по дороге сюда вы заметили что-нибудь необычное?

Гарри покачал головой. Где-то вверху вновь закричала женщина. Держа палочку наготове, Снейп стремительно вышел из кабинета. Гарри помедлил немного и направился следом.

Крики и в самом деле доносились из вестибюля, а пока Гарри бежал по каменным ступенькам из подземелья, становились всё громче и громче. Выскочив наверх, он обнаружил, что вестибюль полон народу, из Большого Зала, где продолжался ужин, все прибывали и прибывали ученики, интересуясь, что происходит. Остальные толпились на мраморной лестнице. Гарри протиснулся мимо кучки рослых слизеринцев и увидел, что все зрители образовали огромное кольцо, кто с шокированным видом, кто даже с испуганным. Как раз напротив Гарри, на противоположной стороне вестибюля стояла профессор МакГонаголл, с таким лицом, словно от открывшегося зрелища её слегка подташнивало.

В центре вестибюля, с палочкой в одной руке и пустой бутылкой из-под хереса в другой, совершенно обезумев, застыла профессор Трелони. Волосы у неё стояли дыбом, очки покосились так, что один глаз казался больше другого, бесчисленные шали и шарфы в беспорядке свисали с плеч, создавая впечатление, что профессор Трелони распоролась по швам. Рядом с ней на полу стояли два больших сундука, один вверх дном, словно его сбросили с лестницы сверху ей вслед. Профессор Трелони с нескрываемым ужасом глядела на то, что находилось у подножия лестницы, но на что именно, Гарри разобрать не мог.

– Нет! – кричала она. – НЕТ! Этого не может быть... нет... это невысказано!

– Вы не представляли себе, что будет именно так? – раздался резкий, девчачий, с жестокой насмешкой голос, Гарри подался вправо и понял, что Трелони пришла в ужас ни от чего иного, как от профессора Амбридж. – Вы даже не в состоянии предсказать погоду на завтра, не могли же вы не понять, что ваши жалкие представления на моих инспекциях и полное нежелание исправляться, неизбежно закончатся вашим увольнением?

– Вы не можете! – рыдала профессор Трелони, из-под огромных стёкол очков по её щекам текли слёзы. – Вы не можете меня уволить! Я тут уже шестнадцать лет! Хогвартс это мой дом!

– Был дом, – отрезала профессор Амбридж, и Гарри с отвращением увидел, каким удовольствием расплылось её жабье лицо, когда у профессора Трелони подкосились ноги, и она, неудержимо рыдая, опустилась на один из своих сундуков. – Был час назад, до тех пор, пока министр магии не подписал приказ о вашем увольнении. А теперь, будьте любезны, покиньте вестибюль. Вы ставите нас в неловкое положение.

Но сама она не сдвинулась с места и со злорадным наслаждением продолжала следить за тем, как профессор Трелони, сидя на сундуке, вздрагивая и подвывая, качалась вперёд-назад в приступе отчаяния. Слева от себя Гарри услышал приглушённый всхлип и обернулся. Лаванда и Парвати, обняв друг друга, беззвучно плакали. Потом раздался шаг. Профессор

МакГонаголл вышла из рядов зрителей, прошла прямо к профессору Трелони, сдержанно похлопала её по плечу и вытащила из кармана мантии необъятный носовой платок.

– Ну, ну, Сибилла... успокойтесь... вот, высморкайтесь... всё не так плохо, как вам сейчас кажется... уезжать из Хогвартса вам не придётся...

– Неужели, профессор МакГонаголл? – неумолимо вмешалась Амбридж и сделала пару шагов вперёд. – У вас есть полномочия так утверждать?..

– Они есть у меня, – раздался негромкий голос.

Парадные дубовые двери распахнулись. Ученики, стоявшие рядом с ними, шарахнулись в стороны, и на пороге вырос Дамблдор. Что он делал во дворе, Гарри понятия не имел, но в появлении директора в дверном проёме, на фоне загадочно туманной ночи, было нечто весьма впечатляющее. Оставив двери раскрытыми настежь, он прошествовал через круг зрителей и встал рядом с профессором МакГонаголл и сидевшей на сундуке, заплаканной и вздрагивающей Трелони.

– У вас, профессор Дамблдор? – с крайне неприятным смешком переспросила Амбридж. – Боюсь, вы не отдаёте себе отчёта в происходящем. У меня тут... – она вытащила из кармана мантии пергаментный свиток, – ...приказ об увольнении, подписанный мной и министром магии. В соответствии с Декретом об образовании номер двадцать три, Главный Дознаватель Хогвартса имеет право инспектировать, назначать испытательный срок и увольнять тех преподавателей, которых он... то есть я... не считает соответствующими требованиям Министерства магии. Я сочла, что профессор Трелони им не соответствует. И увольняю её.

К великому изумлению Гарри, Дамблдор по-прежнему улыбался. Он опустил глаза на профессора Трелони, безутешно рыдавшую и всхлипывавшую на своём сундуке, и сказал:

– Профессор Амбридж, вы, безусловно, правы. Как Главный Дознаватель вы имеете полное право увольнять моих преподавателей. Но не в вашей власти выгнать их из замка. Боюсь, – с учтивым полупоклоном добавил он, – что этим правом по-прежнему обладает директор школы, и в соответствии с моими пожеланиями профессор Трелони остаётся жить в Хогвартсе.

После чего профессор Трелони иступлённо хихикнула, но подавилась икотой.

– Нет... нет, Дамблдор, я у-ухожу! Я у-уюду... из... Хогвартса и поищу счастья на чужбине...

– Нет, – кратко возразил Дамблдор. – Сибилла, я прошу вас остаться.

Он выпрямился:

– Профессор МакГонаголл, не могли бы вы проводить Сибиллу обратно наверх?

– Разумеется, – кивнула МакГонаголл, – поднимайтесь, Сибилла...

Из толпы поспешно выбралась профессор Спраут и подхватила профессора Трелони под другую руку. Вместе с МакГонаголл они провели Трелони мимо Амбридж к мраморной лестнице. За ними устремился профессор Флитвик, подняв палочку, он пискнул: «*Locomotor, сундуки!*», багаж Трелони поднялся в воздух и полетел за хозяйкой по лестнице. Профессор Флитвик пошёл следом.

Профессор Амбридж стояла как вкопанная и таращилась на не прекращавшего доброжелательно улыбаться Дамблдора.

– А что... – прошипела она, и шёпот эхом разнёсся по вестибюлю, – ...что вы станете с ней делать, когда я назначу нового преподавателя прорицаний, и ему понадобятся её комнаты?

– О, это не проблема, – мило отозвался Дамблдор, – видите ли, я уже подыскал нового преподавателя прорицаний, и он предпочитает жить на первом этаже.

– Подыскали?.. – взвизгнула Амбридж. – Подыскали? Могу ли я напомнить вам, Дамблдор, что согласно Декрету об образовании номер двадцать два...

– Министерство имеет право назначить соответствующую кандидатуру, если... и только в том случае, если... директор школы сам сделать этого не в состоянии, – прервал её Дамблдор. – Рад сообщить, что в данном случае я оказался на высоте. Могу я представить вас?

Он повернулся к раскрытым парадным дверям, в которые вползал ночной туман. Гарри услышал цокот копыт. По вестибюлю пронёсся изумлённый шёпот, и те, кто стоял к дверям ближе всего, торопливо попятились, спеша и спотыкаясь, освобождая проход для гостя.

Из тумана возникло лицо, которое Гарри уже доводилось однажды видеть – мрачной и опасной ночью в Запретном Лесу: белоснежные волосы и удивительной голубизны глаза, голова и торс человека на пегом лошадином крупе.

– Это Фиренце, – жизнерадостно сообщил Дамблдор ошарашенной Амбридж. – Надеюсь, он вас не разочарует.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

КЕНТАВР И СТУКАЧ

– Небось, теперь ты, Гермiona, жалеешь, что бросила прорицание? – насмешливо спросила Парвати.

Дело происходило за завтраком, два дня спустя после увольнения профессора Трелони, и Парвати сейчас с помощью волшебной палочки подкручивала ресницы и, любуясь отражением в ложке, изучала полученный результат. Им предстоял первый урок с Фиренце.

– Совсе нет, – равнодушно пожала плечами Гермiona, не отрываясь от «Ежедневного пророка». – Мне вообще лошади никогда не нравились.

Она перелистнула газетную страницу и пробежала глазами заголовки.

– Он не лошадь, он – кентавр! – с возмущённым видом встряла Лаванда.

– Шикарный кентавр... – с придыханием добавила Парвати.

– В любом случае, ходит он на четырёх ногах, – процедила Гермiona. – А я-то думала, что увольнение Трелони вас расстроило?

– Конечно! – заверила её Лаванда. – Мы ходили к ней в кабинет, принесли ей букетик нарциссов, не тех, что библикают, не от Спраут, а нормальных.

– Ну и как она? – поинтересовался Гарри.

– Неважно, бедненькая она, – сочувственно ответила Лаванда. – Плакала и твердила, что лучше ей навсегда уехать из замка, чем оставаться здесь вместе с Амбридж. Можно её понять, Амбридж поступила с ней просто кошмарно, да?

– У меня такое чувство, что кошмары только начинаются, – мрачно заметила Гермiona.

– Да ну, – изумился Рон, за обе щеки уписывая яичницу с беконом, щедро наложенную в тарелку, – хуже, чем есть, она уже не может быть.

– Вот увидишь, она захочет отомстить Дамблдору за то, что он назначил нового преподавателя, у неё не спросясь, – Гермiona сложила газету. – Тем более какого-то нелюдя. Заметил, какой у неё был взгляд, когда она увидела Фиренце?

После завтрака Гермiona отправилась на урок арифмантики, а Гарри с Роном вышли в вестибюль и, вслед за Парвати и Лавандой, направились на прорицание.

– А что, мы разве не в Северную Башню идём? – с озадаченным видом спросил Рон, когда Парвати прошла мимо мраморной лестницы.

Парвати кинула на него через плечо презрительный взгляд.

– Ты что, думаешь, Фиренце залезет по той лесенке? Теперь будем заниматься в классе номер одиннадцать, вчера в расписании написали.

Классная комната номер одиннадцать находилась на первом этаже, в коридоре, ведущем от вестибюля в сторону, противоположную от Большого Зала. Гарри знал, что кабинеты там использовались очень редко, выглядели запущенно и напоминали скорее заброшенные кладовки. Но когда он, следом за Роном, вошёл внутрь, то оказался на лесной опушке и поэтому на мгновение оторопел:

– Как?..

Под ногами пружинил мох, вокруг возвышались деревья, их усеянные листьями ветви заслоняли потолок и окна, отчего в комнате играли неярко зелёные блики. Те ученики, что пришли раньше, с робким видом сидели прямо на земле, прислоняясь спинами к стволам деревьев или валунам, и обхватив руками – кто колени, кто плечи. В центре, на поляне стоял Фиренце.

– Гарри Поттер! – протягивая руку навстречу вошедшему Гарри, воскликнул кентавр.

– Э-э... здарсьте, – Гарри обменялся с кентавром рукопожатием, тот, без тени улыбки, пристально смотрел на него своими удивительно синими глазами. – Э-э... приятно видеть вас.

– Мне тоже, – кентавр склонил белокурую голову. – Нам предначертано было встретиться вновь.

Гарри обратил внимание, что на груди у Фиренце темнеет синяк, как след от копыта. Повернувшись кругом, чтобы сесть с остальными, Гарри увидел, с каким благоговейным трепетом они все на него смотрят, должно быть, их глубоко потрясло его знакомство с Фиренце, который, судя по всему, внушал им ужас.

Когда закрылась дверь, и последний ученик пристроился на пенёчке у корзины для бумаг, Фиренце жестом обвёл комнату.

– Профессор Дамблдор любезно предоставил нам этот класс, – начал Фиренце, когда все стихли, – как имитацию моей естественной среды обитания. Я предпочёл бы проводить ваши занятия в Запретном Лесу, который... до понедельника... был мне домом... но впредь это невозможно.

– Простите... э-э... сэр... – подняв руку, пискнула Парвати, – ... а почему нет? Мы же были там с Хагридом и не боялись!

– Дело не в вашей храбрости, – ответил Фиренце, – а в моём положении. Я не могу вернуться в Лес. Моё стадо изгнало меня.

– Стадо? – озадаченно повторила Лаванда, и Гарри понял, что в голову ей пришла аналогия с коровами. – Какое... ох! – лицо её осветилось пониманием. – Так вас много? – догадка её ошеломила.

– Хагрид вас, как тестралов, разводит? – опрометчиво ляпнул Дин.

Фиренце повернул к нему голову, очень медленно, и Дин, кажется, успел сообразить, что выдал нечто крайне оскорбительное.

– Я не то... я имел в виду... извините, – вконец смешавшись, еле слышно закончил он.

– Кентавры – не слуги, и не игрушки у людей, – ровно заметил Фиренце.

Наступила пауза, затем Парвати вновь подняла руку.

– Простите, сэр... а почему другие кентавры вас изгнали?

– Потому что я согласился работать у профессора Дамблдора, – пояснил Фиренце. – Они усмотрели в этом предательство наших устоев.

Гарри вспомнил, как почти четыре года назад кентавр Бейн напустился на Фиренце за то, что тот предложил свою спину Гарри, чтобы отвести его в безопасное место. Бейн назвал Фиренце «презренным мулом». Интересно, это Бейн лягнул Фиренце в грудь?

– Начнём, пожалуй, – произнёс Фиренце.

Кентавр взмахнул своим длинным белым, как у лошадей масти паломино, хвостом, поднял руку к лиственному шатру наверху, затем медленно опустил, после чего свет в комнате померк, а на потолке появились звёзды, словно теперь все оказались на опушке вечернего леса. Раздался дружный выдох, а Рон вслух брякнул: «Ничего себе!»

– Ложитесь на спины, – невозмутимым голосом предложил Фиренце, – и обратите взоры в небеса. Для тех, кто обладает зрением, там начертаны наши пути.

Гарри улёгся на спину и внимательно посмотрел вверх, в потолок. Сверху ему подмигнула красная звезда.

– Я знаю, что на астрономии вам сообщили названия планет и их спутников, – донёсся ровный голос Фиренце, – и вы отмечали на картах передвижение звёзд по небесному своду. Веками кентавры постигали тайны этого передвижения. Полученные знания учат нас, что, взглянув в небеса, можно заглянуть в грядущее...

– Профессор Трелони занималась с нами астрологией! – взволнованно перебила Парвати и, поскольку лежала на спине, вскинула руку перед собой, чтобы её было заметно. – Марс предвещает несчастные случаи, и ожоги, и всякое такое, когда находится в таком аспекте с Сатурном, как теперь... – она изобразила рукой перед собой прямой угол, – ... это значит, что нужно проявлять большую осторожность в обращении с горячими предметами...

– Всё это – людские выдумки, – невозмутимо оборвал её Фиренце.

Рука Парвати упала, как подкошенная.

– Банальные увечья, ничтожная человеческая суета, – Фиренце протопал копытами по мху на полу. – Для огромной вселенной они не более чем мышиная возня, и не подвержены влиянию планетарного движения.

– Профессор Трелони... – возмущённо и язвительно начала Парвати.

– ...Просто человек, – коротко закончил Фиренце. – И потому ограничена и скована предрассудками вашего рода.

Гарри приподнял голову, чтобы посмотреть на Парвати. Выглядела она до крайности оскорблённой, как и ещё несколько человек рядом с ней.

– Возможно, Сибилла Трелони и обладает Зрением, сие мне неизвестно, – продолжал Фиренце, и Гарри слышал, как он машет хвостом, проходя туда-сюда между ребятами, – но по большей части она тратит своё время на самодовольную людскую бессмыслицу под названием гадание. А я всё-таки призван сюда, чтобы поделиться с вами знанием кентавров, непредвзятым и беспристрастным. Мы наблюдаем в небесах за мощными приливами и отливами зла, за переменами, которые иногда находят там отражение. Порою десятилетие должно пройти, чтобы подтвердить правоту увиденного нами.

Фиренце показал на красное светило прямо над Гарри.

– Прошедшие десять лет всё указывало на то, что магический мир переживает не более чем краткое затишье между двумя войнами. Марс, призывающий войны, очень ярок, и сулит скорое возобновление битвы. Может быть, кентавры и попробуют предсказать точный срок, сжигая определённые травы и листья и следя за дымом и пламенем...

Такого необычного занятия у Гарри ещё не было. Полынь и кенаф и вправду жгли прямо на полу класса, и Фиренце велел им высматривать в едком дыму всякие силуэты и символы, но ничуть не удивился тому, что никто из учеников не смог увидеть ни одного из указанных им знамений, сказал лишь, что людям не дано преуспеть в этом, ибо кентаврам требуются годы и годы, чтобы обрести знание, а в заключение сообщил, что неразумно излишне полагаться на подобные предсказания, потому что даже кентавры порой толкуют их неверно. Фиренце не имел ничего общего ни с кем из преподавателей-людей, которые попадались Гарри раньше. Казалось, для него гораздо важнее не передать знания, а внушить ученикам, что никто, в том числе и кентавры, не застрахован от ошибок.

— А поконкретнее нельзя? — проворчал Рон, пока они тушили костёр из листьев кенафа. — В смысле, мог бы насчёт этой битвы, которая нам светит, чего-нибудь ещё добавить.

От звонка за дверью класса все вздрогнули, Гарри совершенно забыл, что сидят они в замке, ему казалось, что они и в самом деле в лесу. Ученики друг за другом покидали класс с несколько озадаченными лицами.

Гарри с Роном были уже на пороге, когда их окликнул Фиренце:

— А тебя, Гарри Поттер, я прошу задержаться.

Гарри обернулся. Кентавр сделал шаг ему навстречу. Рон замешкался.

— Ты можешь остаться, — сказал ему Фиренце, — но, будь любезен, прикрой дверь.

Рон поспешно повиновался.

— Гарри Поттер, вы с Хагридом друзья, не так ли? — поинтересовался кентавр.

— Да, — кивнул Гарри.

— Тогда передай ему от меня предостережение. Его усилия тщетны. Лучше ему будет отступить.

— Его усилия тщетны? — растерянно повторил Гарри.

— И лучше ему будет отступить, — кивнул Фиренце. — Я бы сам предостерёг Хагрида, но меня изгнали... теперь с моей стороны появляться в Лесу будет неблагоприятно... У Хагрида довольно неприятностей и без драки кентавров.

— Но... что Хагрид пытается сделать? — нервно осведомился Гарри.

Фиренце невозмутимо взглянул на него и добавил:

— Хагрид давно заслужил моё уважение за ту заботу, с которой относится ко всем обитателям Леса, а на днях он оказал мне большую услугу. Я не стану выдавать его секрет. Но его следует образумить. Его усилия тщетны. Передай ему это, Гарри Поттер. Удачного вам дня.

* * *

Счастье, наполнявшее Гарри после интервью в «Придире», давно улетучилось. Унылый март уже сменился изменчивым апрелем, а жизнь Гарри словно опять превратилась в одну длинную череду забот и проблем.

Амбридж непрерывно присутствовала на занятиях по уходу за магическими существами, поэтому передать Хагриду предостережение от Фиренце оказалось весьма непросто. В конце концов, Гарри ухитрился притвориться, что забыл свой учебник «Мифические бести и где их искать», и после занятия вернулся за ним. Когда он воспроизвёл слова Фиренце Хагриду, тот озадаченно уставился на Гарри заплывшими, окружёнными синяками глазами. Потом, видимо, взял себя в руки.

– Славный малый этот Фиренце, – пробурчал он, – да только не знает, что к чему. С усилиями всё путём.

– Хагрид, ты что затеял? – серьёзно спросил Гарри. – Тебе же нужно быть начеку, Амбридж уже уволила Трелони, а та, между прочим, только первая по списку. Один твой промах, и тебе тоже...

– В жизни есть вещи поважнее работы, – оборвал его Хагрид, хотя руки у него задрожали, и бадья, полная навоза свилей, с грохотом рухнула на пол. – Гарри, не переживай за меня, давай-ка шагай, вот и славно.

Гарри пришлось уйти, оставив Хагрида заниматься уборкой пола от навоза, но пока он брёл к замку, за Хагрида страшно переживал.

А СОВы, между тем, всё приближались и приближались, и об этом неустанно напоминали преподаватели и Гермiona. От нервного напряжения, кто больше, кто меньше, мучились все пятикурсники, но первой получила от мадам Помфри Глоток Покоя Ханна Эббот, после того, как на гербологии разрыдалась и заголосила, что слишком глупая, чтобы сдать экзамены, и лучше ей бросить школу.

Если бы не занятия ДА, Гарри считал бы себя совсем пропащим. Порой ему казалось, что он живёт только в те часы, которые проводит в Насущной Комнате: там он без устали работал, но получал огромное удовлетворение и сиял от гордости, глядя, какие успехи делают его соратники по ДА. К тому же, иногда он предвкушал реакцию Амбридж, когда все члены ДА получают на СОВАх по защите от Тёмных искусств «Отлично».

Они, наконец, приступили к долгожданным вызовам Патронусов, но Гарри непрерывно напоминал всем, что вызывать Патронуса в ярко освещённом зале, когда ничего не угрожает, совсем иное дело, нежели стоя лицом к лицу с такой тварью, как дементор.

– Ну, не будь таким занудой! – громко воскликнула Чоу на последнем занятии перед пасхой, следя за тем, как её Патронус в форме лебедя облетает Насущную Комнату. – Они такие милашки!

– Им не милашками нужно быть, им нужно тебя защищать, – терпеливо возразил Гарри. – Нам не помешал бы богарт или ещё что-нибудь в этом роде. Так я научился вызывать Патронуса – когда богарт притворялся дементором...

– Но это же так страшно! – ужаснулась Лаванда, из кончика палочки которой вылетали клубки серебристого дыма. – А я... никак... не могу... научиться! – рассерженно добавила она.

У Невилла тоже не ладилось. От напряжения он морщил лицо, но из кончика палочки вылетал только жидкий серебристый дымок.

– Тебе нужно думать о чём-нибудь счастливом, – напомнил ему Гарри.

– Я пытаюсь, – несчастным голосом заверил его Невилл; он так пыжился, что его круглое лицо от пота даже блестело.

– Гарри, по-моему, у меня получилось! – заорал Шеймас, который впервые пришёл на собрание ДА за компанию за Дином. – Смотри... ай... пропал... но точно это было что-то мохнатое, слышишь, Гарри!

Вокруг Гермионы резвился её Патронус – блестящая серебристая выдра.

– Они и в самом деле миленькие, да? – умильно глядя на Патронуса, проговорила Гермиона.

Дверь Насущной Комнаты открылась и закрылась. Гарри оглянулся, ища глазами того, кто вошёл, но никого не увидел. Спустя пару секунд до него дошло, что стоящие у дверей стихли. В следующий момент он почувствовал, словно что-то тянет его за одежду в районе колен. Гарри взглянул вниз и к своему превеликому удивлению обнаружил домового эльфа Добби, который глядел на него снизу вверх из-под восьми шерстяных шапок.

– Добби, привет! – удивился Гарри. – Что с тобой... что случилось?

Эльфа трясло, глаза его от ужаса стали ещё больше. Члены ДА, стоявшие рядом с Гарри, замолчали. Все в зале смотрели на Добби. Те несколько Патронусов, которых удалось вызвать, рассеялись серебристым туманом, и в зале стало словно темнее, чем обычно.

– Гарри Поттер, сэр... – проскулил эльф, дрожа всем телом. – Гарри Поттер, сэр... Добби пришёл, чтобы вас предупредить... но домовым эльфам велели молчать...

Он нагнул голову и метнулся к стене. Гарри, которому уже доводилось наблюдать, как Добби предпочитает себя наказывать, попытался остановить его, но Добби, закутанный в восемь Гермиониных шапок, просто отлетел от стены как мячик, и окружающие девочки от неожиданности и жалости взвизгнули.

– Добби, да что произошло? – Гарри схватил эльфа за маленькую ручку и оттащил подальше от всего того, обо что Добби мог бы удариться.

– Гарри Поттер... она... она...

Добби свободной рукой изо всех сил стукнул себя в нос. Гарри схватил его и за вторую руку.

– Кто «она», Добби?

Но тут же понял, о ком речь – действительно только единственная «она» могла вызвать у Добби такой ужас. Эльф искоса вытаращился на него и беззвучно забормотал.

– Амбридж? – похолодев, спросил Гарри.

Добби кивнул и попытался расшибить голову о его колени. Гарри отодвинул его на расстояние вытянутой руки.

– Что «Амбридж»? Добби... она же не узнала про это... про нас... про ДА?

На измученном лице эльфа ясно читался ответ. Поскольку Гарри крепко держал его за обе руки, эльф попытался пнуть себя и рухнул на пол.

– Она идёт сюда? – тихо уточнил Гарри.

Добби издал всхлип и босыми ногами заколотил по полу.

– Да, Гарри Поттер, да!

Гарри выпрямился и оглядел окружавших его, остолебневших от ужаса ребят, не сводивших глаз с бьющегося эльфа.

– ТАК ЧЕГО ЖЕ ВЫ ЖДЁТЕ? – заорал Гарри. – БЕЖИМ!

Все тут же бросились к выходу, в дверях образовалась куча-мала, потом кое-как разобрались, и Гарри уже слышал, как ребята несутся по коридорам, и надеялся только, что им хватит ума не бежать в спальни. До девяти часов оставалось всего десять минут, они смогут укрыться в библиотеке или советне, до которых всё-таки поближе...

– Гарри, шевелись! – выкрикнула Гермиона из центра людской свалки на выходе.

Гарри схватил на руки Добби, который всё ещё пытался себя изувечить, и бросился в хвост очереди.

– Добби... это... приказ... двигай обратно на кухню к другим эльфам, и если она тебя спросит, предупреждал ты меня или нет, ты должен врать! – выпалил Гарри. – И я тебе запрещаю себя наказывать! – добавил он, опуская эльфа на пол, потому что уже, наконец, выскочил за порог и захлопнул за собой дверь.

– Гарри Поттер, спасибо! – пропищал Добби и понёсся прочь.

Гарри посмотрел по сторонам: и слева, и справа по коридору он ещё успел заметить мелькнувшие пятки сворачивающих за угол учеников. Сам он бросился вправо, там была ванная мальчиков и можно будет прикинуться, что всё это время он был там, только бы успеть туда добежать...

– АААХ!

Что-то ткнулось ему в лодыжки, он совершил впечатляющий кульбит и по инерции прокатился на животе футов шесть. Сзади кто-то расхохотался. Гарри перекатился на спину и увидел, что в нише за уродливой вазой в форме дракона, стоит Малфой.

– Сглаз-подножка,²⁰⁴ Поттер! – крикнул Малфой. – Эй, профессор... ПРОФЕССОР! Я поймал одного!

Вдалеке из укрытия тут же показалась Амбридж, она спешила и задыхалась, но на губах её играла торжествующая ухмылка.

– Это он! – ликующе выпалила она, завидя на полу Гарри. – Отлично, Дрэйко, отлично, ох, превосходно... пятьдесят баллов Слизерину! Теперь я с ним разберусь... поднимайтесь, Поттер!

Гарри вскочил на ноги, пожирая глазами парочку напротив. Никогда ещё он не видел Амбридж такой счастливой. Она, как тисками, схватила его за руку и, широко осклабившись, повернулась к Малфою.

– Давай вперёд, Дрэйко, и погляди, может ещё кого найдёшь, – распорядилась Амбридж. – Скажи остальным, пусть посмотрят в библиотеке... тех, кто тяжело дышит... ванные проверьте, мисс Паркинсон может ванную девочек проверить... Шагай... А ты... – своим самым наинейнейшим, самым опасным голоском добавила она, как только Малфой ушёл, – ...вы, Поттер, отправитесь со мной в кабинет директора.

Спустя пару минут они уже стояли перед каменной горгульей. Гарри интересовало только одно – кого ещё поймали. Он подумал про Рона – миссис Уизли его убьёт, и про Гермionу – что с ней будет, если её исключат до того, как она успеет сдать СОВ. А у Шеймаса это было первое собрание... а Невилл такие успехи делал...

– Зашипенные крутопчѐлы,²⁰⁵ – пропела Амбридж.

Каменная горгулья отскочила в сторону, стена за ней разделилась надвое, раскрылась, и они стали подниматься на каменной самодвижущейся лестнице. Достигнув отполированной двери с молоточком в форме грифона, Амбридж даже не взяла за труд постучать, она шагнула внутрь, волоча Гарри за собой.

Кабинет был полон. Дамблдор, храня безмятежное выражение лица, сидел за столом, соединив перед собой концы длинных пальцев. Рядом с ним с прямой спиной стояла профессор МакГонаголл, лицо у неё буквально окаменело. У камина, судя по всему весьма довольный развитием ситуации, перекачивался с пятки на носок министр магии Корнелиус Фадж. По обе стороны от двери, словно стража, расположились Кингсли Шаклболт и ещё один колдун, чьего имени Гарри не знал. Жѐсткие волосы колдуна были коротко подстрижены, и вид у него был совершенно неприступный. У стены, с пером и объѐмистым свитком пергамента в руках наизготовку, взволнованно поблѣскивал очками силуэт веснушчатого Пѐрси Уизли.

Портреты прежних директоров и директрис школы сегодняшним вечером не притворялись спящими. Они, все до единого, сосредоточенно и внимательно, следили за происходящим внизу. Стоило Гарри появиться, как некоторые обитатели портретов тут же метнулись в соседние рамы и принялись оживлѐнно перешѐптываться с соседями.

Когда дверь за Гарри и Амбридж закрылась, Гарри высвободил руку. Корнелиус Фадж уставился на него с некоторого рода злорадным удовлетворением.

– Так, – пропыхтел он, – так, так, так...

Гарри в ответ метнул на него самый наглый взгляд, который только смог изобразить. Сердце у него бешено колотилось, но в голове на удивление оставалось чисто и спокойно.

– Он направлялся в гриффиндорскую башню, – заявила Амбридж. В её голосе звучало то же гадкое возбуждение и жестокое удовольствие, которое Гарри довелось услышать, когда она в вестибюле наблюдала за истерикой профессора Трелони. – Его подстерѐг юный Малфой.

– Неужели он самый? – с восторгом переспросил Фадж. – Я обязательно передам Люциусу. Так, Поттер... надеюсь, вы понимаете, почему вы здесь оказались?

Гарри уже совсем было собрался дерзко ответить «да», он уже открыл рот, и слово чуть-чуть не сорвалось с его губ, как заметил выражение лица Дамблдора. Дамблдор смотрел в сторону – глаза его были устремлены куда-то Гарри на плечо – но когда Гарри перевѐл на него взгляд, Дамблдор еле заметно покачал головой из стороны в сторону.

205 Fizzing Whizzbee

На полуслове Гарри прервался.

– Д-э... нет.

– Прошу прощения? – уточнил Фадж.

– Нет, – твёрдо повторил Гарри.

– Вы не понимаете, почему вы здесь?

– Нет, не понимаю, – отчеканил Гарри.

Фадж с недоверием перевёл глаза с Гарри на профессора Амбридж. Гарри воспользовался этим замешательством, чтобы бросить на Дамблдора украдкой ещё один взгляд – тот чуть-чуть наклонил голову и на мгновение прикрыл веки.

– Так значит, вы понятия не имеете, почему профессор Амбридж привела вас в этот кабинет? – дрогнувшим от явного сарказма голосом спросил Фадж. – И вы не в курсе, что нарушили некие школьные правила?

– Школьные правила? – переспросил Гарри. – Нет.

– Пусть указы Министерства, – раздражённо поправился Фадж.

– Насколько мне известно, нет, – вежливо ответил Гарри.

Сердце его по-прежнему билось учащённо. Разговаривать таким образом стоило уже лишь за тем, чтобы посмотреть, как у Фаджа к лицу приливает кровь, но Гарри ума не мог приложить, как ему удастся выкрутиться: если Амбридж кто-нибудь донёс про ДА и про то, что её возглавляет именно он, то можно тут же отправляться упаковывать сундук.

– Так значит, вы впервые слышите, – голос Фаджа от ярости стал хриплым, – что в стенах школы была зафиксирована незаконная ученическая организация?

– Впервые, – согласился Гарри, не очень убедительно изображая лицом невинное удивление.

– Министр, я полагаю, – льстиво встряла Амбридж, стоявшая рядом с Гарри, – что мы сможем добиться большего, если я приведу нашего осведомителя.

– Да, да, приведите, – кивнул Фадж и, когда Амбридж вышла, злобно взглянул на Дамблдора: – Ведь нет ничего лучше, чем хороший свидетель, лучше хорошего свидетеля ничего и быть не может, не так ли, Дамблдор?

– Вот именно, – кивнув, серьёзно подтвердил Дамблдор.

Прошло несколько минут, в течение которых все избегали смотреть друг на друга, и вот Гарри услышал, как за его спиной открылась дверь. Амбридж прошла мимо Гарри, придерживая за плечо кудрявую подружку Чоу Мариэтту, которая старательно прятала лицо в ладонях.

– Не бойся, милочка, бояться нечего, – ласково пропела Амбридж и похлопала Мариэтту по плечу, – теперь всё будет замечательно. Ты поступила совершенно верно, министр тобой очень доволен. Он передаст твоей матери, какая ты оказалась умничка. Министр, – добавила она, обращаясь к Фаджу, – мать Мариэтты мадам Эджкомб работает в департаменте Магического транспорта, в отделе Сетей летучего пороха. Помните, это она помогла нам проследить за каминами Хогвартса?

– Превосходно, превосходно! – оживился Фадж. – Какая преемственность, да? Ну, подойди сюда, милочка, посмотри на меня, не тушуйся, давай послушаем, что ты знаешь о... Захлебнитесь, горгульи!

Едва Мариэтта подняла голову, Фадж шарахнулся назад, чуть не угодив в камин. Выругавшись, он принялся топтать каблуком задымившуюся полу мантии. Мариэтта протяжно всхлипнула и натянула воротник мантии до ушей, но прежде все увидели, что её лицо обезображено густой чередой багровых гнойников, которые покрывали и нос, и щёки, и складывались в слово «СТУКАЧ».

– Ладно, милочка, плюнь на прыщи, – нетерпеливо окликнула Амбридж, – убери мантию ото рта и расскажи министру...

Но Мариэтта издала ещё один приглушённый всхлип и отчаянно затрясла головой.

– Ну, ладно, ладно, глупышка, *я сама* расскажу, – раздражённо объявила Амбридж. Она натянула на лицо дежурную слащавую улыбочку и отрапортовала: – Итак, министр, сегодня, сразу после ужина, мисс Эджкомб пришла ко мне в кабинет и рассказала, что у неё есть для меня кое-какая информация. Она сообщила, что если я поднимусь на восьмой этаж в потайную комнату иначе известную, как Насущную Комнату, я узнаю нечто важное для себя. Я расспросила её ещё немного, и она призналась, что там должно состояться некое собрание. К сожалению, в этот момент начала действовать порча, – она небрежным жестом ткнула в закрытое лицо Мариэтты, – после этого девчушка заметила своё отражение в зеркале, разнервничалась и больше ничего дельного мне не сказала.

– Теперь понятно, – Фадж уставился на Мариэтту взглядом, который, видимо, считал добрым и по-отечески нежным. – Деточка, с твоей стороны было очень смелым поступком – прийти и рассказать всё профессору Амбридж. Ты поступила совершенно правильно. А теперь расскажи мне, что произошло на этом собрании? Какова была его цель? Кто там присутствовал?

Но Мариэтта не произнесла ни слова, только снова затрясла головой и вытаращила испуганные глаза.

– А что, у нас нет антисглаза от этого? – раздражённо спросил Фадж у Амбридж, махнув в направлении лица Мариэтты. – Чтобы она могла свободно разговаривать?

– Пока мне не удалось подобрать, – с неохотой призналась Амбридж, и Гарри ощутил прилив гордости за ведьминские навыки Гермiony. – Но ничего страшного, если она не сможет говорить, я продолжу за неё. Припоминаете, министр, как в октябре я направила вам письмо, в котором сообщала, что Поттер встречался с большой группой учеников в «Кабаньей голове» в Хогсмиде...

– Какие у вас есть доказательства тому? – перебила её профессор МакГонаголл.

– Показания Уилли Уиддершинса, Минерва, который, случайно, в это же самое время находился в этом пабе. Он, правда, был забинтован с ног до головы, но слух его при этом не пострадал, – горделиво заявила Амбридж. – Он-то и услышал каждое сказанное Поттером слово, и тут же направился напрямиком ко мне в школу...

– Так вот *поэтому* его не осудили за ту выходку с извергающимися туалетами! – вскинула брови профессор МакГонаголл. – Какая любопытная особенность нашей системы правосудия!

– Коррупция налицо! – заревел портрет тучного красноногого колдуна со стены над столом Дамблдора. – В моё время, господа, Министерство не якшалось с мелким хулиганьём, даже и в помине такого не было!

– Благодарю вас, Фортескью,²⁰⁶ достаточно, – мягко прервал его Дамблдор.

– С этими учениками Поттер встречался затем, – продолжала профессор Амбридж, – чтобы убедить их вступить в тайное общество, целью которого является изучение заклинаний и проклятий, признанных по решению Министерства для школьников неприемлемыми...

– Боюсь, вот тут у вас промашка выйдет, Долорес, – негромко заметил Дамблдор и глянул на неё поверх очков-полумесяцев, висевших на кончике горбатого носа.

Гарри внимательно следил за Дамблдором. У него в голове не укладывалось, каким образом Дамблдор вытащит его из этой переделки: если Уилли Уиддершинс в самом деле подслушал всё, что он, Гарри, говорил в «Кабаньей голове», то деваться некуда.

– Ого! – возликовал Фадж и вновь принялся перекатываться с пятки на носок. – Давайте, давайте, послушаем очередную байку во спасение Поттера! Ну, Дамблдор, вперёд... Так значит, Уилли Уиддершинс наврал? Или в тот день в «Кабаньей голове» был близнец Поттера? Или, может, есть какое-нибудь простенькое объяснение вроде путешествия во времени, воскрешения из мёртвых или парочки дементоров-невидимок?

Пёрси Уизли покотился со смеху:

– Ой, господин министр, ну точно!

Гарри захотелось ему врезать. Но, к удивлению Гарри, Дамблдор тоже заулыбался.

– Корнелиус, не стану отрицать... я уверен, что и Гарри тоже не станет... ни того, что в тот день он был в «Кабаньей голове», ни того, что он пытался организовать компанию учеников заниматься защитой от Тёмных искусств. Я всего лишь отмечаю, что Долорес решительно заблуждается, когда утверждает, что та компания нарушала правила. Если вы помните, декрет Министерства, которым запрещались любые ученические организации, вышел спустя два дня после встречи в Хогсмиде, так что в «Кабаньей голове» Гарри никаких правил вообще не нарушал.

Пёрси изменился в лице, словно схлопотал пыльным мешком по уху. Фадж замер на полуслове, забыв закрыть рот.

Первой опомнилась Амбридж:

– Всё это замечательно, директор, – она приторно улыбнулась, – но с введения Декрета об образовании номер двадцать четыре прошло уже почти полгода. Если первая встреча и не была незаконной, то все последующие ими уже безусловно стали.

²⁰⁶ Fortescue – древний аристократический род из Девоншира, насчитывает множество представителей и упоминается с X века

– Верно, – Дамблдор с учтивой заинтересованностью посмотрел на Амбридж поверх сплетённых пальцев, – *стали бы*, если *бы* продолжались после вступления в силу декрета. У вас есть какие-нибудь доказательства, что эти встречи продолжались?

Пока Дамблдор говорил, Гарри услышал за спиной шорох, ему показалось, будто Кингсли что-то шепчет. Гарри мог бы поручиться, что почувствовал, словно рядом с ним пёрышком проскользнуло нечто, и повеяло холодком, но, опустив глаза, ничего не обнаружил.

– Доказательства? – с мерзкой жабьей улыбкой во всю ширь повторила Амбридж. – Дамблдор, вы прослушали? Как вы полагаете, зачем здесь мисс Эджкомб?

– Ах, так она поведает нам обо всех встречах за полгода? – Дамблдор вскинул брови. – У меня сложилось впечатление, что она докладывает только о сегодняшней.

– Мисс Эджкомб, – тотчас же окликнула её Амбридж, – милочка, расскажите нам, как долго продолжались эти встречи. Можете просто кивать или качать головой, уж от этого-то прыщей не прибавится. В течение полугода встречи происходили регулярно?

У Гарри сердце ушло в пятки. Вот оно, такие доказательства припрут их к стенке и никакой Дамблдор не поможет.

– Только покивай или покачай головой, милочка, – уговаривала её Амбридж, – ну, давай, давай, порча от этого опять не заработает.

Все присутствующие в кабинете неотрывно следили за головой Мариэтты. Между поднятым кверху воротником мантии и кудрявой чёлкой виднелись только её глаза. Может быть, тому виной была игра света от камина, но глаза у неё казались на удивление пустыми. А потом – к полному изумлению Гарри – Мариэтта отрицательно покачала головой.

Амбридж кинула быстрый взгляд на Фаджа, а потом опять на Мариэтту.

– Ты, дорогая, наверное, вопроса не поняла? Я спрашивала, ходила ли ты полгода на эти встречи? Ходила ведь, да?

Мариэтта опять покачала головой.

– Это твоё болтание головой что означает, милочка? – раздражённо уточнила Амбридж.

– По-моему совершенно понятно – что, – резко встряла профессор МакГонагалл. – Никаких тайных встреч за полгода не было. Так, мисс Эджкомб?

Мариэтта кивнула.

– Но сегодня вечером встреча была! – взвилась Амбридж. – Мисс Эджкомб, ведь была же встреча, вы же сами мне рассказали, была в Насущной Комнате! И Поттер всем заправляя, именно Поттер всё организовал, Поттер... *ты почему головой мотаешь, девочка?!*

– Ну, обычно, когда человек мотает головой, – холодно заметила МакГонагалл, – он тем самым хочет сказать «Нет». Так что, если конечно мисс Эджкомб не пользуется каким-то неизвестным доселе языком жестов...

Профессор Амбридж схватила Мариэтту, крутанула к себе лицом и принялась яростно трясти. Не прошло и секунды, как Дамблдор был уже на ногах с палочкой наизготовку; Кингсли подался вперёд, и Амбридж отскочила от Мариэтты, тряся в воздухе руками, как ошпаренная.

– Долорес, я не могу позволить вам заниматься рукоприкладством по отношению к моим ученикам, – у Дамблдора впервые стал разгневанный вид.

– Мадам Амбридж, вам нужно успокоиться, – низким голосом неторопливо заговорил Кингсли. – Неприятности вам больше не нужны.

– Нет, – Амбридж поперхнулась и уставилась на внушительную фигуру Кингсли. – То есть да... вы правы, Шаклболт... я... что-то я погорячилась...

Мариэтта стояла на том самом месте, где её оставила Амбридж. Казалось, что её не задел внезапный налёт Амбридж и не обрадовало избавление; она по-прежнему прижимала к лицу воротник мантии и смотрела прямо перед собой странно пустыми глазами.

Внезапно у Гарри возникли сильные подозрения насчёт шёпота Кингсли и того ощущения, которым этот шёпот сопровождался.

– Долорес, – начал Фадж, очевидно намереваясь разложить всё по полочкам, – сегодняшнее собрание состоялось, об этом нам доподлинно известно...

– Да, – Амбридж взяла себя в руки, – да... ну вот, я получила информацию от мисс Эджкомб, взяла с собой особо *благонадёжных* учеников и сразу отправилась на восьмой этаж, чтобы поймать с поличным всё это сборище. Но их, наверное, предупредили о том, что я приду, потому что к тому времени, как мы поднялись на восьмой этаж, все они уже разбегались в разные стороны. Рано радовались. У меня есть все фамилии, мисс Паркинсон по моему указанию сбегала в Насущную Комнату и посмотрела, не осталось ли там чего-нибудь. Нам нужны были доказательства и там-то мы их и обнаружили.

И к ужасу Гарри, Амбридж извлекла из кармана список фамилий, который висел на стене в Насущной Комнате, и вручила его Фаджу.

– Как только я увидела в списке фамилию Поттера, я тут же поняла, о чём идёт речь, – вполголоса пояснила Амбридж.

– Превосходно, – расплылся в улыбке Фадж, – превосходно, Долорес. И... разрази меня...

Он поднял глаза на Дамблдора, с опущенной палочкой стоявшего рядом с Мариэттой.

– Нет, ну, вы видели, как они себя называют? – протянул Фадж. – *Дамблдорова Армия!*

Дамблдор протянул руку и взял у Фаджа лист пергамента. Вчитался в название, давным-давно надписанное Гермियोной, и, кажется, оторопел на мгновение. Потом поднял глаза и улыбнулся.

– Ну вот, всё кончено, – легко произнёс он. – Корнелиус, вам угодно будет от меня письменное признание или достаточно устного заявления при свидетелях?

Гарри заметил, как МакГонаголл и Кингсли переглянулись. Лица обоих вытянулись от страха. Ни Гарри, ни тем более Фадж, не понимали, что происходит.

– Заявления? – протянул Фадж. – Что за... не понял?..

– «Дамблдорова Армия», Корнелиус, – не переставая улыбаться, повторил Дамблдор, и помахал перед лицом Фаджа списком фамилий. – Не «Армия Поттера», а «Дамблдорова Армия».

– Но... но...

Внезапно лицо Фаджа озарилось пониманием. Он испуганно попятился, взвизгнул и второй раз шарахнулся наружу из камина.

– Вы?... – прошептал он и опять принялся топтаться на тлеющих полах плаща.

– Именно так, – любезно подтвердил Дамблдор.

– Это затеяли вы?

– Я, – согласился Дамблдор.

– Это вы собрали учеников... собрали свою армию?

– Первое собрание должно было состояться сегодняшним вечером, – кивнул Дамблдор. – С единственной целью – выяснить, насколько ученики заинтересованы в том, чтобы меня поддерживать. Вижу, что приглашать мисс Эджкомб было явной ошибкой.

Мариэтта кивнула. Фадж уставился на Дамблдора, набрал воздуха в грудь и разразился воплями:

– Так значит, вы *действительно* готовили против меня заговор!

– Совершенно верно, – с готовностью согласился Дамблдор.

– НЕТ! – выкрикнул Гарри.

Кингсли метнул на него предостерегающий взгляд, МакГонаголл грозно расширила глаза, но Гарри внезапно понял намерения Дамблдора, и никак не мог этого допустить.

– Нет... Профессор Дамблдор!..

– Сохраняй спокойствие, Гарри, иначе, боюсь, тебе придётся покинуть мой кабинет, – спокойно произнёс Дамблдор.

– Да, Поттер, молчи! – рявкнул Фадж, не спускавший с Дамблдора взгляда, полного какого-то перепуганного восторга. – Так, так, так... я собирался сюда сегодня, намереваясь исключить Поттера, а вместо этого...

– Вместо этого вы намерены арестовать меня, – усмехнулся Дамблдор. – Всё равно, что найти галлеон взамен потерянного ната, верно?

– Уизли! – завопил Фадж, которого от восторга начало уже потрясывать. – Уизли, ты там пишешь дословно всё, что он говорит, признание его записал?

– Да, сэр, вроде записал, сэр! – поспешно отозвался Пёрси, нос у него был весь в кляксах от скорости, с которой он строчил.

– А то, как он собирался создать армию против Министерства, и как занимался подкопами под меня?

Пёрси живенько просмотрел написанное:

– Да, сэр, уже записал, сэр!

– Вот и славно, – просиял от счастья Фадж. – Уизли, сделайте копию записей и в «Ежедневный пророк», немедленно. Если отправить срочной совой, то успеем к утреннему выпуску!

Пёрси метнулся из кабинета, дверь за ним захлопнулась, Фадж опять повернулся к Дамблдору:

– А вас сейчас под конвоем доставят в Министерство, там официально предъявят обвинение, а суда ждать придётся в Азкабане!

– Ах, ну да, – доброжелательно отозвался Дамблдор. – Конечно, и нам любые препоны нишпочём.

– Препоны? – повторил Фадж всё ещё дрожащим от радости голосом. – Не вижу никаких препон, Дамблдор.

– Правильно, – извиняющимся тоном сказал Дамблдор, – а я вижу.

– В самом деле?

– В самом деле. Вы, похоже, наивно полагаете, что я буду... как бы это сказать... *смирным*. Боюсь, Корнелиус, что до смирения мне далеко. У меня нет абсолютно никакого желания отпраиваться в Азкабан. Я мог бы, разумеется, сбежать оттуда, но это такая пустая трата времени, а у меня, честно говоря, и так слишком много более неотложных дел.

Лицо Амбридж всё багровело и багровело, казалось, она вот-вот закипит. Фадж уставился на Дамблдора с таким глупым выражением лица, словно получил обухом по голове, и никак не мог в это поверить. Он сдавленно захрипел, потом оглянулся на Кингсли и мужчину с коротким ёжиком седых волос, единственного, кто до сих пор не проронил ни звука. Мужчина утвердительно кивнул Фаджу и двинулся вперёд. Гарри увидел, как рука мужчины, будто ненароком, скользнула к карману.

– Не глупите, Долиш,²⁰⁷ – дружелюбно посоветовал Дамблдор. – Не сомневаюсь, что аврор вы – замечательный, насколько я помню, все КРОТЫ вы сдали на «отлично», но если вы попытаетесь... э-э... *задержать меня силой*, мне придётся вас обидеть.

Мужчина, которого называли Долиш, глуповато заморгал. Он ещё раз глянул на Фаджа, но на сей раз, похоже, в надежде получить указание, как ему следует поступить.

– Вот как, – Фадж взял себя в руки и с презрением усмехнулся, – вы, Дамблдор, собираетесь в одиночку расправиться с Долишем, Шаклболтом, Долорес и мной?

– Клянусь бородой Мерлина, не собираюсь, – заулыбался Дамблдор, – разве только если вы будете так неразумны, что вынудите меня к этому.

– В одиночку ему действовать не придётся! – громко заявила профессор МакГонаголл и сунула руку во внутренний карман мантии.

– Придётся, Минерва! – отрезал Дамблдор. – Вы нужны Хогвартсу!

– Да что за чушь! – Фадж выхватил палочку. – Долиш! Шаклболт! *Взять его!*

В кабинете полыхнула серебристая вспышка, раздался пушечный грохот, и пол заходил ходуном; когда мелькнула вторая вспышка, чья-то рука схватила Гарри за шиворот и швырнула на пол; среди портретов поднялся крик, Фокс ухнул, кабинет заволокло облаком пыли. От пыли Гарри закашлялся, увидел, как перед ним шумно рухнул чей-то тёмный силуэт, раздался вопль, глухой удар, кто-то крикнул «Нет!», потом донёсся звон разбитого стекла, топот яростной потасовки, стон... и тишина.

Гарри забарахтался, стараясь рассмотреть, кто же его чуть не задушил, и увидел, что рядом присела профессор МакГонаголл – именно она на всякий случай прижала к полу и

²⁰⁷ Dawlish – небольшой город-курорт в Девоншире на юго-западном побережье Англии

его, и Мариэтту. Медленно оседала пыль. Переводя дыхание, Гарри разглядел, что к ним направляется кто-то очень высокого роста.

– С вами всё в порядке? – раздался голос Дамблдора.

– Да! – ответила профессор МакГонаголл, поднимаясь и помогая встать Гарри и Мариэтте.

Пыль рассеивалась. Глазам предстали разрушения в кабинете: стол Дамблдора опрокинут, століки на тонких ножках повалены, стоявшие на них серебристые приборы разлетелись на кусочки. Фадж, Амбридж, Кингсли и Долиш недвижимо лежат на полу. Над ними с тихим пением описывает широкие круги феникс Фокс.

– К сожалению пришлось наложить порчу и на Кингсли, чтобы не вызывать подозрений, – тихо заметил Дамблдор. – Он поразительно быстро сообразил, что к чему, и так незаметно изменил память мисс Эджкомб... поблагодарите его за меня, ладно, Минерва? Ну, они все вот-вот придут в себя, и будет лучше, если не догадаются, что мы успели пообщаться... Ведите себя так, словно всё произошло только что, словно они просто рухнули на пол, они ничего не вспомнят...

– Куда вы сейчас, Дамблдор? – прошептала профессор МакГонаголл. – На площадь Гриммолд?

– О, нет, – угрюмо усмехнулся Дамблдор, – я удаляюсь не для того, чтобы прятаться. Клянусь, скоро Фадж ещё пожалеет, что выжил меня из Хогвартса.

– Профессор Дамблдор... – начал было Гарри.

С продолжением он замешкался: то ли сказать сначала, как он раскаивается, что затеял эту ДА и вызвал столько проблем, то ли – как плохо ему от того, что Дамблдор вынужден исчезнуть, чтобы уберечь Гарри от исключения? Но Дамблдор прервал его, не дав добавить ни слова.

– Гарри, слушай меня, – быстро заговорил он. – Ты должен изо всех сил учить окклюменцию, тебе понятно? Делай всё, что скажет профессор Снейп, и обязательно каждый вечер перед сном тренируйся, чтобы ты мог закрыть дурным сном доступ к твоему разуму... довольно скоро ты поймёшь, зачем, но ты должен мне пообещать...

Мужчина по фамилии Долиш зашевелился. Дамблдор сжал запястье Гарри.

– Помни, закрыть свой разум...

Но едва пальцы Дамблдора коснулись кожи Гарри, как шрам на лбу пронзил острая боль, и он опять ощутил мерзкое змеиное томление броситься на Дамблдора, укусить его, изувечить его...

– ...Ты поймёшь, – шепнул Дамблдор.

Фокс описал круг под потолком и спланировал вниз, к Дамблдору. Дамблдор отпустил Гарри, поднял руку и схватился за длинный золотой хвост феникса. Огненная вспышка, и оба исчезли.

– Где он? – едва приподнявшись, заорал Фадж. – *Где он?*

– Ума не приложу! – тоже подхватываясь, крикнул Кингсли.

– Так, дезаппарировать он не мог! – завизжала Амбридж. – Из школы этого сделать невозможно...

– Лестница! – завопил Долиш и бросился к двери, настежь распахнул её и скрылся.

Кингсли и Амбридж бросились следом. Фадж помедлил, потом медленно поднялся на ноги и принялся отряхиваться от пыли. Повисла долгая, мучительная пауза.

– Ну, Минерва, – злобно хмыкнул Фадж, прилаживая порванный рукав, – боюсь, вашему приятелю Дамблдору пришёл конец.

– Вы так полагаете? – с издёвкой спросила профессор МакГонаголл.

Фадж, похоже, её не услышал. Он оглядывал разрушенный кабинет. Некоторые портреты освистывали его, а один или два даже делали рукой неприличные жесты.

– Отправьте-ка этих двоих спать, – Фадж оглянулся к профессору МакГонаголл и кивком указал на Гарри и Мариэтту.

Профессор МакГонаголл ничего не сказала в ответ и повела Гарри и Мариэтту к выходу. Перед тем, как дверь за ними захлопнулась, до Гарри донеслась реплика Финеаса Найджеллуса:

– Знаете, министр, во многом я с Дамблдором не согласен... но вы же не станете отрицать, что у него есть стиль...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

САМОЕ ПЛОХОЕ ВОСПОМИНАНИЕ СНЕЙПА

«ПРИКАЗОМ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

В соответствии с Декретом об образовании № 28

Долорес Джейн Амбридж (Главный Дознаватель) замещает

Альбуса Дамблдора на посту директора

Школы колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс».

Подпись: Корнелиус Освальд Фадж, министр магии.»

За ночь вся школа оказалась увешанной объявлениями, которые никак не объясняли факта, известного всем до единого в замке: а именно, что Дамблдор, расправившись с двумя аврорами, Главным Дознавателем, министром магии и его младшим помощником, скрылся. Где бы Гарри не оказывался, везде обсуждали только побег Дамблдора, хотя кое-какие его подробности в пересказах путались (Гарри довелось услышать, как одна девочка со второго курса уверяла другую, что Фадж попал в больницу святого Мунго, а вместо головы у него теперь тыква), но суть передавалась на удивление точно. Так, например, все были в курсе, что никто из учеников, кроме Гарри и Мариэтты, в кабинете Дамблдора не присутствовал, а поскольку Мариэтта лежала в больничном крыле, то Гарри оказался в осаде желающих узнать всё из первых рук.

– Дамблдор скоро вернётся, – внимательно выслушав рассказ Гарри по дороге с гербологини, уверенно заявил Эрни Макмиллан. – Когда мы были на втором курсе, они не могли с ним справиться, и сейчас не смогут. Толстый Монах мне сказал... – Эрни заговорщически понизил голос, вынудив Гарри, Рона и Гермиону наклониться к нему поближе, – ...что после того, как они вчера ночью обшарили весь замок, Амбридж рвалась обратно в директорский кабинет. Дальше гаргульи не попала. Кабинет сам собой запечатался, – Эрни ухмыльнулся. – Наверное, у неё припадок случился.

– Ох, она, небось, спит и видит себя в директорском кресле, – спускаясь по каменным ступеням в вестибюль, язвила Гермиона. – Над всеми преподавателями командовать захотелось, совсем зарвалась, тупая, надутая, старая...

– Так, Грейнджер, ты *в самом деле* собираешься свою фразочку закончить?

Из-за двери выскользнул Дрэйко Малфой, неотступно сопровождаемый Крэббом и Гойлом. Его бледная, тонкая физиономия светилась злорадством.

– Боюсь, придётся мне снять парочку баллов с Гриффиндора и Хаффлапфа, – протянул он.

– Баллы имеют право снимать только преподаватели, – тут же возразил Эрни.

– Да, мы тоже префекты, не забыл? – огрызнулся Рон.

– Я знаю, знаю, верховный Подлизли, что *префекты* не могут снимать баллы, –
осклабился Малфой. Крэбб и Гойл захихикали. – Но члены Дознавательского Отряда ...²⁰⁸

– Чего-чего? – перебила его Гермиона.

– Дознавательского Отряда, Грейнджер, – повторил Малфой, ткнув пальцем в маленький серебряный значок на своей мантии пониже значка префекта. – Особой группы учеников, которые поддерживают Министерство магии и которых отбирает сама профессор Амбридж. Короче, члены Дознавательского Отряда *имеют* право снимать баллы... так что, Грейнджер, пять баллов с тебя за грубость в адрес нашей новой директрисы. С тебя, Макмиллан, пять баллов за то, что со мной спорил. С тебя, Поттер, пять за то, что я тебя терпеть не могу. А у Уизли рубашка не заправлена, так что ещё пять баллов долой. Ох, да, забыл, Грейнджер, ты грязнокровка, так что ещё минус десять баллов.

Рон выхватил палочку, но Гермиона его удержала:

– Прекрати! – шепнула она.

– Разумно, Грейнджер, – выдохнул Малфой. – Новый директор, новые времена... ну, ведите себя хорошо, Потёртый... верховный Подлизли...

Давясь от смеха, он вместе с Крэббом и Гойлом пошёл прочь.

– Да он блефует, – с опарашенным видом проговорил Эрни. – Не может быть, чтобы ему разрешили снимать баллы... это же бред... это же совершенно подрывает основы системы префектов...

Но Гарри, Рон и Гермиона уже машинально повернулись к установленным в нишах гигантским песочным часам, которые отмеряли баллы Домов. Ещё утром Гриффиндор и Рэйвенкло лидировали с равным счётом. А сейчас на их глазах драгоценные камешки летели вверх, в нижней части часов их становилось всё меньше и меньше. Только в часах Слизерина уровень изумрудов оставался прежним.

– Заметили? – раздался голос Фреда.

Фред с Джорджем спустились по мраморной лестнице и задержались у песочных часов рядом с Гарри, Роном, Гермионой и Эрни.

– Малфой только что снял с нас всех полсотни баллов, – в бешенстве воскликнул Гарри, глядя как в гриффиндорских часах взлетело вверх ещё несколько камешков.

– Ага, Монтегю с утра пытался и с нас снять, – заметил Джордж.

– Что значит «пытался»? – мгновенно уточнил Рон.

– Так и не успел договорить, – пояснил Фред, – потому как мы его головой вперёд сунули в Исчезательный Шкаф,²⁰⁹ тот, что на втором этаже.

Гермиона ужаснулась:

²⁰⁸ Inquisitorial Squad

²⁰⁹ Vanishing Cabinet (о том, что шкаф сломал Пивз упоминается в «Гарри Поттер и Камера Секретов»)

– Ох, ну и попадёт же вам теперь!

– Только когда Монтегю объявится, а когда это случится – мне никому неизвестно, представления не имею, куда мы его послали, – невозмутимо ответил Фред. – В любом случае... мы решили больше не дёргаться по этому поводу.

– А раньше что, дёргались? – удивилась Гермиона.

– Само собой, – заверил Джордж. – Нас же до сих пор не отчислили, так ведь?

– Мы всегда знали, когда остановиться, – объяснил Фред.

– Ну, может нас и заносило иногда, но только слегка, – добавил Джордж.

– Настоящим беспределом мы не увлекались, – заверил Фред.

– А сейчас? – на всякий случай поинтересовался Рон.

– Ну, сейчас... – начал Джордж.

– ...Когда Дамблдора нет... – продолжил Фред.

– ...Небольшой беспредел, по-нашему мнению... – сказал Джордж.

– ...Именно то, чего заслуживает наша обожаемая новая директриса, – закончил Фред.

– Да вы что! – зашипела Гермиона. – Не смейте! Она только и ждёт повода, чтобы вас отчислить!

– Гермиона, до тебя что, не дошло? – улыбнулся ей Фред. – Нас больше не волнует, отчислят нас или нет. Мы бы сами уехали хоть сейчас, если бы не одно дельце, похититься за Дамблдора нужно. Ну, ладно, – Фред взглянул на часы, – скоро начинается первый этап. На вашем месте я бы двинул обедать в Большой Зал, чтобы преподаватели видели, что вы никакого отношения не имеете к тому, что скоро начнётся.

– Никакого отношения к чему именно? – с тревогой уточнила Гермиона.

– Увидите, – ответил Джордж. – Ну, шагайте.

Фред с Джорджем развернулись и смешались с толпой спускавшихся на обед. Эрни в крайнем смущении забормотал что-то о незаконченном домашнем задании по трансфигурации и скрылся.

– По-моему нам лучше уйти отсюда, – нервно предложила Гермиона. – На всякий случай.

– Ага, точно, – согласился Рон, и троица направилась к входу в Большой Зал.

Гарри едва успел глянуть на белые облака, которые проносились под потолком зала, как его кто-то хлопнул по плечу, – обернувшись, он нос к носу столкнулся с хогвартским зрителем Филчем. Гарри тут же отступил на пару шагов: издали Филч выглядел поприятнее.

– Тебя хочет видеть директриса, Поттер, – Филч пожирал Гарри глазами.

– Я здесь не при чём, – выпалил Гарри, сразу вспомнив загадочные планы Фреда и Джорджа.

У Филча от беззвучного смеха затряслись дряблые щёки.

– На воре шапка горит, э? – просипел он. – За мной иди.

Гарри обернулся на Рона и Гермиону, на лицах обоих читалась тревога. Потом пожал плечами и вслед за Филчем стал протискиваться сквозь поток голодных учеников назад, в вестибюль.

Филч, похоже, пребывал в превосходном расположении духа: пока они с Гарри поднимались по мраморной лестнице, скрипуче напевал что-то себе под нос. Добравшись до второго этажа, он пробурчал:

– А у нас тут перемены, Поттер.

– Я заметил, – сухо отозвался Гарри.

– Годами... Годами я твердил Дамблдору, что он с вами чересчур цацкается, – Филч гаденько хихикнул. – Вы же, зверёныши паскудные, ни одной Пульки-Вонючки²¹⁰ не обронили бы, знай, что я право имею с вас розгами шкуру спустить? Никому бы и в голову не пришло швыряться в коридорах Клыкастыми Фрисби,²¹¹ кабы я мог у себя в кабинете подвешивать вас кверху тормашками, э? Ну так вот, Поттер, как примут Декрет об образовании за номером двадцать девять, вот вы у меня и попрыгаете... и *ещё* она попросила министра подписать приказ, пусть вышвырнут Пивза... О, под *её* начальством всё тут поменяется...

Амбридж явно пришлось чем-то поступиться, чтобы привлечь Филча на свою сторону, подумал Гарри, и хуже всего, что Филч может представлять реальную угрозу: о секретных хогвартских проходах и потайных местах он осведомлён почти так же хорошо, как и близнецы Уизли.

– Вот мы и пришли, – Филч бросил косой взгляд на Гарри, трижды постучался в кабинет профессора Амбридж и распахнул дверь: – К вам Поттер, мэм.

Кабинет Амбридж, столь хорошо знакомый Гарри по многочисленным взысканиям, ничуть не изменился, только на её столе теперь лежал внушительный деревянный брус, на котором золотыми буквами горело слово: ДИРЕКТРИСА. А из стены позади стола торчал массивный железный штырь, на котором Гарри с горечью увидел прикованные цепью и запёртые на всякий замок мётлы – свой «Всполох» и «Чистомёт» близнецов.

Амбридж восседала за столом, энергично исписывая один из своих розовеньких пергаментов, но стоило им с Филчем войти, она тут же подняла голову и заулыбалась.

– Благодарю, Аргус, – сладенько проговорила она.

– Не за что, мэм, не за что, – Филч поклонился так низко, как позволил ему ревматизм, и, пятясь, удалился.

– Садись, – отрывисто бросила Амбридж и указала на стул.

Гарри сел. Ещё какое-то время Амбридж продолжала строчить. Поверх её головы Гарри разглядывал мерзких котят, резвящихся на тарелочках, и задавался вопросом, что новенького из арсенала кошмаров его ждёт.

²¹⁰ Stink Pellets

²¹¹ Fanged Frisbees (frisbee – игрушка «летающая тарелка»)

– Ну, вот, – наконец заключила Амбридж, отложила перо и, словно жаба очень аппетитную муху, удовлетворенно оглядела Гарри. – Что будете пить?

– Что? – Гарри решил, что ослышался.

– Пить, мистер Поттер, – повторила Амбридж, ещё шире улыбнувшись. – Чай? Кофе? Тыквенный сок?

Предлагая напиток один за другим, она коротко взмахивала палочкой, и на её столе появлялись чашки или стаканы с упомянутым содержимым.

– Спасибо, ничего, – отказался Гарри.

– Прошу вас составить мне компанию, – голос Амбридж стал угрожающе слащавым. – Выбирайте.

– Ладно... тогда чай, – пожал плечами Гарри.

Амбридж встала и, повернувшись задом к Гарри, разыграла целое представление на тему добавления молока в чай. Потом с чашкой в руках суетливо повернулась к Гарри, улыбаясь зловеще приторным образом.

– Держите, – она протянула Гарри чашку. – Пейте, пока не остыло, договорились? Так вот, мистер Поттер... мне кажется, после ночных переживаний нам есть о чём поболтать.

Гарри ничего не ответил. Амбридж в ожидании уселась за стол. После затянувшейся паузы она оживленно воскликнула:

– Вы же не пьёте!

Гарри поднял чашку ко рту, но тут же опустил. У одного из котят безумной расцветки за спиной Амбридж были большие голубые глаза, точно такие же, как глаз Безумного Глаза Муди, и Гарри вдруг осенило, что сказал бы Безумный Глаз, узнай он, что Гарри выпил питьё, предложенное отъявленным врагом.

– Что случилось? – Амбридж не сводила с него глаз. – Сахару хотите?

– Нет, – ответил Гарри.

Он поднёс ко рту чашку и сделал вид, будто глотает, при этом крепко сжимая губы. Улыбка Амбридж расползлась шире.

– Чудно, – забормотала она. – Замечательно. Ну, а теперь... – она подалась немного вперёд: – *Где Альбус Дамблдор?*

– Понятия не имею, – быстро ответил Гарри.

– Пейте, пейте, – не переставая улыбаться, предложила Амбридж. – Ну, мистер Поттер, давайте оставим эти детские игры. Я знаю, вам известно, куда он скрылся. С самого начала вы с Дамблдором были заодно. Подумайте о своём положении, мистер Поттер...

– Я не знаю, где он, – повторил Гарри.

Он ещё раз сделал вид, что пьёт. Амбридж не спускала с него глаз.

– Прекрасно, – заявила она, хотя вид у неё был раздосадованный. – В таком случае извольте мне сообщить местонахождение Сириуса Блэка.

У Гарри внутри всё перевернулось, рука его, держащая чайную чашку, дрогнула, и чашка громко звякнула о блюдце. Он прижал чашку к сомкнутым губам и наклонил так, что горячая жидкость даже полилась на мантию.

– Я не знаю, – излишне торопливо ответил он.

– Мистер Поттер, – начала Амбридж, – позвольте вам напомнить, что именно я в октябре, в гриффиндорском камине, едва не поймала преступника Блэка. Мне доподлинно известно, что там он встречался с вами, и будь у меня хоть какое-нибудь доказательство, вам бы уже крупно не поздоровилось обоим, я вас уверяю. Повторяю, мистер Поттер... где Сириус Блэк?

– Понятия не имею, – громко заявил Гарри. – Даже предположить не могу.

Они смотрели друг другу в глаза так долго, что у Гарри даже слёзы потекли. Потом Амбридж встала.

– Прекрасно, Поттер, на сей раз я вам поверю, но предупреждаю: за мной вся власть Министерства. Все школьные каналы связи под контролем. Диспетчер каминной сети внимательно следит за всеми хогвартскими каминами, разумеется, за исключением моего. Мой Дознавательский Отряд вскрывает и читает всю входящую и исходящую совиную почту. А мистер Филч следит за всеми потайными входами и выходами из замка. И если я раздобуду хоть малейшее доказательство...

БУМ!

Даже пол заходил ходуном. Амбридж запаталась, схватилась за столешницу, чтобы не упасть, и возмутилась:

– Это что такое?..

Она уставилась на дверь. Гарри воспользовался возможностью опустошить почти полную чашку в ближайшую вазу с засушенными цветочками. Несколькими этажами ниже раздавались топот и крики.

– Возвращайтесь на обед, Поттер! – вскричала Амбридж, выхватила палочку и рванула из кабинета.

Гарри дал ей несколько секунд форы, а потом бросился следом, желая определить источник шума.

Это оказалось несложно. Этажом ниже царил хаос. Некто (и Гарри безошибочно догадывался, кто именно) взорвал там несметное количество заколдованных фейерверков.

Вверх-вниз по коридорам, на ходу с грохотом изрыгая снопы пламени, летали драконы, целиком состоявшие из зелёных и золотых искр; ярко-розовые огненные колёса пяти футов в диаметре со смертоносным свистом носились в воздухе, как скопище летающих тарелок; от стен рикошетом отскакивали ракеты с длинными хвостами сверкающих серебряных звёзд; бенгальские огни сами собой выписывали в воздухе ругательства; куда бы Гарри ни посмотрел, повсюду бомбами взрывались петарды, и вместо того, чтобы сгореть дотла или с шипением замереть, эти чудеса пиротехники чем дальше, тем, казалось, больше набирали силу.

Филч и Амбридж, должно быть парализованные ужасом, застыли на полпути вниз. Гарри увидел, как одно гигантское огненное колесо, решив очевидно, что ему не достаёт пространства для манёвров, с угрожающим «уииииииии» вихрем понеслось в сторону Амбридж и Филча. Те испуганно завопили, пригнулись, колесо устремилось в окно за их

спинами и вылетело наружу. Между тем несколько драконов и огромная фиолетовая летучая мышь, страшно чадя, воспользовались открытой дверью в конце коридора и ринулись на третий этаж.

– Живей, Филч, живей! – заорала Амбридж. – Если ничего не делать, они заполонят всю школу... *Stupefy!*

Мощный сноп красного света из кончика её палочки ударил в одну из ракет. Но вместо того, чтобы застыть в воздухе, ракета шарахнула с такой силой, что пробила дыру в картине, на которой пасторальная ведьмочка гуляла по лугу. Ведьмочка вовремя успела сбежать и секундой спустя втиснулась на соседнее полотно, игравшие там в карты маги поспешно встали, уступая ей место.

– Только не Оглушателем, Филч, – завопила на зрителя Амбридж в таком бешенстве, словно заклинание послал он.

– Так точно, директриса! – прохрипел Филч, который, будучи сквибом, скорее проглотил бы фейерверк, чем смог бы Оглушить его.

Он рванулся к ближайшему чулану, выхватил метлу и принялся молотить фейерверки в воздухе; через несколько мгновений прутья метлы вспыхнули.

Гарри уже насмотрелся и, развеселившись, пригнулся пониже и побежал по коридору к известной ему дверце, скрытой за гобеленом, проскользнул в неё и обнаружил там Фреда и Джорджа, которые, слушая вопли Амбридж и Филча, давились беззвучным хохотом.

– Впечатляет, – ухмыльнувшись, тихо отметил Гарри. – Очень впечатляет... Доктора Филибустера без работы оставите, запросто...

– Ура, – утирая слёзы от смеха, шепнул Джордж. – Ох, пусть бы ещё попробовала на них Устраняющее заклинание... от этого их станет в десять раз больше.

Целый день фейерверки горели и носились по всей школе. Хотя они, а в особенности петарды, причиняли немало разрушений, все прочие преподаватели, казалось, ничего не имели против.

– Ну надо же, – язвительно посетовала профессор МакГонаголл, когда один из драконов, оглушительно грохоча и изрыгая огонь, влетел в её класс. – Мисс Браун, не затруднит ли вас сбегать к директрисе и сообщить ей, что у нас в классе какой-то блудный фейерверк?

В результате профессор Амбридж провела свой первый день на посту директора Хогвартса в беготне по всей школе по вызовам преподавателей, ни один из которых почему-то не мог без неё избавить свой класс от фейерверков. Когда прозвенел звонок с последнего урока, и ребята с сумками направились к себе в гриффиндорскую башню, Гарри с огромным удовлетворением увидел, как из класса Флитвика вываливается Амбридж с потным лицом, всклокоченная и чёрная от сажи.

– Я вам так признателен, профессор! – тоненьким голоском пропищал профессор Флитвик. – С бенгальскими огнями я бы и сам, конечно, справился, но вдруг у меня на это *полномочий* нет.

Просияв, он захлопнул дверь перед её перекошенной физиономией.

Фред и Джордж в гриффиндорской гостиной почивали на лаврах. Даже Гермиона, пробравшись через толпу возбуждённых почитателей, принесла им свои поздравления.

– Фейерверки были потрясающие, – восхищённо добавила она.

– Спасибо, – с удивлённым и польщённым видом поблагодарил Джордж. – Это Ударные Угорелки Уизли.²¹² Только вот мы все наши запасы израсходовали, придётся опять с нуля начинать.

– Всё равно, оно того стоило, – заявил Фред, принимая заказы от гриффиндорцев. – Гермиона, если хочешь записаться на лист ожидания, то имей в виду, Обычный Огневой Образец²¹³ – пять галлеонов, а за двадцатку – Высокопробная Вспышка...²¹⁴

Гермиона вернулась к столу, за которым сидели Гарри и Рон и гипнотизировали взглядом школьные сумки, словно надеясь, что оттуда выскочат домашние задания и начнут делаться сами. Мимо окна просвистела сереброхвостая ракета братьев Уизли.

– А почему бы нам выходной не устроить? – оживлённо предложила Гермиона. – В конце концов, в пятницу уже пасхальные каникулы начинаются, времени будет куча.

– С тобой всё в порядке? – с недоверием уставился на неё Рон.

– Если уж на то пошло, – радостно заявила Гермиона, – то, знаете... Сегодня я настроена слегка... *побунтовать*.

Когда час спустя Гарри с Роном укладывались спать, издалека ещё доносились разрывы уцелевших фейерверков, а башню огибал бенгальский огонь, неустанно выписывая в воздухе слово «КАКАШКА».

Гарри, зевая, залез в кровать. Без очков заблудший фейерверк за окном стал размытым и похожим на искрящееся облако в тёмном небе, прекрасное и загадочное. Гарри перевернулся на бок, размышляя, какое впечатление осталось у Амбридж после первого рабочего дня на месте Дамблдора и как отреагирует Фадж, когда узнает, что большую часть дня школа провела в состоянии полного хаоса. Улыбаясь своим мыслям, он закрыл глаза...

Свист и грохот от неуправляемых фейерверков со двора становился всё тише... или, может быть, сам Гарри уносился прочь...

Он оказался прямо в коридоре, ведущем в департамент Тайн. Бежит по коридору к гладкой чёрной двери... *пусть она откроется... пусть она откроется...*

Получилось. Он попадает в круглое помещение с рядом дверей... пересекает его, толкает одну из дверей, ничем неотличимую от прочих, дверь распахивается внутрь...

И вот он стоит в длинном, прямоугольном зале, полном странного механического пощёлкивания. На стенах пляшут световые блики, но ему не до них... нужно идти вперёд...

В дальнем конце ещё одна дверь... от толчка она тоже открывается...

²¹² 'Weasleys' Wildfire Whiz-bangs

²¹³ Basic Blaze box

²¹⁴ Deflagration Deluxe

Теперь он – в высоком и просторном как церковь, слабо освещённом зале, заполненном бесчисленными стеллажами, на которых стоят небольшие пыльные шары из матового стекла... сердце Гарри колотится от волнения... он знает, куда идти... бежит вперёд, но в огромном, пустынном зале не слышит звука своих шагов...

В этом зале есть то, чего ему смертельно хочется...

Хочется ему... или кому-то ещё...

Шрам пронзило болью...

БУМ!

Гарри мгновенно проснулся, злой и сбитый с толку. Тёмная спальня сотрясалась от хохота.

– Здорово! – воскликнул Шеймас, чей силуэт вырисовывался на фоне окна. – Похоже огненное колесо трахнулось об ракету и теперь они заодно, идите смотреть!

Гарри слышал, как Рон и Дин вылезли из кроватей, чтобы лучше было видно. Он лежал, не шевелясь, боль в шраме проходила, и подступало разочарование. Как будто возжеленную добычу увели у него прямо из-под носа... а ведь он уже был так близко.

Мимо окон башни Гриффиндора понеслись сверкающие розовые и серебристые крылатые свинки. Гарри лежал и слушал восхищённые возгласы, доносившиеся из гриффиндорских спален этажами ниже. Вспомнил, что завтра у него окклюменция, и к горлу подступила тошнота.

* * *

Весь следующий день у Гарри прошёл под страхом того, что скажет Снейп, когда узнает, как далеко он проник в недра департамента Тайн в своём последнем сне. В приступе вины Гарри сообразил, что с прошлого занятия ни разу не попрактиковался в окклюменции: произошло столько всяких событий, начиная с исчезновения Дамблдора, что Гарри не сомневался – освободить разум не удастся при всём желании. Хотя вряд ли такое оправдание Снейпа устроит.

Гарри попытался напоследок потренироваться прямо на занятиях, но безуспешно. Стоило ему затихнуть, пытаясь избавиться от мыслей и эмоций, как Гермиона тут же приставала к нему с вопросом, всё ли у него в порядке, да и не самая удачная идея – освобождать разум как раз тогда, когда преподаватели устраивают тотальный опрос по пройденному материалу.

После ужина Гарри побрёл в кабинет Снейпа, готовясь к самому худшему. Но на полдороги, в вестибюле, его перехватила Чоу.

– Иди сюда, – обрадовавшись поводу оттянуть встречу со Снейпом, Гарри жестом предложил Чоу отойти в угол вестибюля, к гигантским песочным часам. Гриффиндорские часы уже почти опустели. – Как дела? Амбридж тебя насчёт ДА не допрашивала?

– Нет, нет, – поспешно ответила Чоу, – нет, только вот... в общем, я только хотела сказать тебе... Гарри, мне и в голову не приходило, что Мариэтта всё разболтает...

– Да что уж теперь, – уныло пожал плечами Гарри.

На самом деле, если уж на то пошло, Чоу могла бы и получше выбирать себе друзей, хорошо хоть, что по последним донесениям Мариэтта всё ещё лежала в больничном крыле, и мадам Помффри никак не могла справиться с её прыщами.

– Она – совсем неплохой человек, – начала Чоу. – Просто ошиблась...

Гарри скептически взглянул на неё.

– *Неплохой человек ошибся?* Да она предала нас всех, и в том числе тебя!

– Ну ладно... всё ведь обошлось? – умоляюще протянула Чоу. – Понимаешь, у неё мама в Министерстве работает, ей очень непросто было...

– У Рона отец тоже в Министерстве работает! – возмутился Гарри. – Но у него, между прочим, по этому поводу слово «Стукач» на морде не написано...

– Гермiona Грейнджер выдумала жуткую вещь, – зло возразила Чоу. – Могла бы и предупредить всех, что наложила на этот список порчу...

– По-моему, идея была шикарная, – холодно отрезал Гарри.

Чоу вспыхнула, глаза у неё сверкнули.

– Ах, да, конечно, я забыла, это же идея обожаемой Гермiony...

– Только плакать опять не вздумай, – предупредил Гарри.

– И не собираюсь! – воскликнула Чоу.

– Ну... хорошо... ладно, – заключил Гарри. – У меня сейчас дел полно.

– Ну и отправляйся заниматься своими делами! – взбесилась Чоу, круто развернулась и зашагала прочь.

Гарри спускался в подземелье Снейпа, кипя от злости, и, хотя по опыту знал, что если появится рассерженным и обиженным, Снейпу будет куда проще вторгнуться в его сознание, но по дороге мысли крутились только вокруг невысказанного Чоу в адрес её Мариэтты.

– Вы опоздали, Поттер, – холодно заметил Снейп, когда Гарри закрыл за собой дверь.

Снейп стоял к Гарри спиной, по обыкновению извлекая какие-то мысли и помещая в ситодум Дамблдора. Опустив в каменную чашу последнюю серебристую нить, он повернулся к Гарри.

– Ну, – начал он, – вы упражнялись?

– Да, – солгал Гарри, пристально разглядывая одну из ножек Снейпова стола.

– Ну что ж, сейчас проверим? – вкрадчиво предложил Снейп. – Приготовьте палочку, Поттер.

Гарри занял свою обычную позицию по другую сторону стола от Снейпа. От злости на Чоу и опасения за то, что же именно удастся извлечь из его сознания Снейпу, сердце Гарри бешено колотилось.

– Итак, на счёт «три», – небрежно обронил Снейп. – Раз... два...

Дверь кабинета Снейпа с грохотом распахнулась, и влетел Дрэйко Малфой.

– Профессор Снейп, сэр... ох... извините...

Малфой в недоумении смотрел на Снейпа и Гарри.

– Ничего, Дрэйко, – Снейп опустил палочку, – Поттер пришёл на дополнительное занятие по зельям.

Такого ликующего взгляда у Малфоя Гарри не видел с тех пор, как Амбридж явилась к Хагриду с инспекцией.

– Я не знал, – протянул Малфой, искоса поглядывая на Гарри.

Лицо у Гарри ощутимо пылало. Дорого бы он отдал, лишь бы иметь возможность выложить Малфоем всю правду... а ещё лучше, врезать ему хорошим проклятием.

– Итак, Дрэйко, в чём дело? – осведомился Снейп.

– Это профессор Амбридж, сэр... ей нужна ваша помощь, – выпалил Малфой. – Нашли Монтегю, сэр, он застрял в туалете на пятом этаже.

– Как он там оказался? – поинтересовался Снейп.

– Я не знаю, сэр, он немного не в себе.

– Так, так, – произнёс Снейп. – Поттер, это занятие перенесём на завтрашний вечер.

Он развернулся и быстро вышел из кабинета. Малфой напоследок хмыкнул: *«Дополнительные занятия по зельям?»*, и побежал догонять Снейпа.

Гарри в бешенстве сунул палочку в карман и собрался уходить. Во всяком случае, теперь у него есть ещё сутки, чтобы потренироваться; нужно бы радоваться, что отделался, но очень уж недёшево – теперь Малфой по всей школе раззвонит, что у Гарри по зельям дополнительные занятия.

Уже на пороге кабинета Гарри увидел: на дверном косяке пляшет пятно света. Он остановился, как вкопанный, глядя на пятно, которое ему что-то напоминало... ага, вот что: оно было похоже на световые блики из вчерашнего сна, во второй по счёту комнате, которую он миновал, следуя по департаменту Тайн.

Гарри обернулся. Свет исходил от ситодума, стоявшего на столе Снейпа. Там плескалось и кружилось серебристое содержимое. Мысли Снейпа... те, что он берёт от Гарри, на случай, если Гарри случайно удастся прорвать его защиту...

Серебристые блики дрожали на стене... Гарри, напряжённо соображая, сделал пару шагов к столу. А если там информация о департаменте Тайн, которую Снейп намеревался держать от него в секрете?

Гарри оглянулся через плечо, сердце его колотилось чаще и сильнее, чем когда бы то ни было. Сколько времени понадобится Снейпу, чтобы вызволить Монтегю из туалета? Потом он вернётся в кабинет сразу или поведёт Монтегю в больничное крыло? Наверняка второе... Монтегю – капитан слизеринской квиддичной команды, и Снейпу захочется убедиться, что с ним всё в порядке.

Гарри преодолел последние футы, отделявшие его от ситодума, и замер над чашей, пристально вглядываясь в её глубины. Помедлил, прислушался, потом опять вынул палочку. В кабинете и коридоре царил полная тишина. Он осторожно коснулся содержимого ситодума кончиком волшебной палочки.

Серебристое вещество в чаше быстро-быстро закружилось. Гарри подался вперёд и увидел, что оно стало прозрачным. Он опять смотрел сверху вниз в какое-то помещение, словно в круглое окно в потолке, и если он ничего не путает, то внизу – Большой Зал.

От его дыхания поверхность мыслей Снейпа запотела... Гарри лихорадочно соображал... эта навязчивая идея – чистое безумие... его била дрожь... Снейп может вернуться в любой момент... но тут Гарри вспомнил рассерженную Чоу, насмешливую физиономию Малфоя, и его охватила безрассудная решимость.

Он глубоко-глубоко вдохнул и по уши окунулся в мысли Снейпа. Тут же пол ушёл из-под ног, и Гарри головой вперёд провалился в ситодум...

Он падал в ледяной тьме, неудержимо кувыркаясь, а потом...

Оказался в центре Большого Зала, но там не было четырёх столов по числу Домов. Вместо них в зале рядами стояли маленькие столики, числом не меньше сотни, за каждым из которых по одному сидели ученики, низко склонившись над свитками пергамента. Тишину нарушало только царапанье перьев и периодический шорох, когда кто-нибудь поправлял свиток. Несомненно, шёл экзамен.

На склонённые головы из высоких окон падал солнечный свет, волосы отливали каштаном, медью и золотом. Гарри внимательно осмотрелся вокруг. Где-то здесь должен быть Снейп... это же его воспоминания...

Снейп оказался прямо за спиной у Гарри. Гарри стал его разглядывать. Снейп-подросток был сухощавым и бледным, как цветок, выросший в темноте. Пока он писал, прямые, прилизанные волосы свисали на стол, нос с горбинкой почти касался пергамента. Гарри обошёл Снейпа кругом и прочёл заголовок экзаменационной работы: «ЗАЩИТА ОТ ТЁМНЫХ СИЛ – СТУПЕНЬ ОБЫЧНОГО ВОЛШЕБСТВА».

Значит, Снейпу лет пятнадцать-шестнадцать, ровесник Гарри. Рука Снейпа так и летала над пергаментом, он исписал уже, по крайней мере, на фут больше, чем ближайшие соседи, причём мелким, убористым почерком.

– Осталось пять минут!

От звука голоса Гарри вздрогнул. Обернувшись, он увидел макушку профессора Флитвика, которая маячила между столами невдалеке. Профессор Флитвик как раз проходил мимо мальчика с взъерошенными чёрными волосами... страшно взъерошенными чёрными волосами...

Гарри метнулся так быстро, что, будь он во плоти, перевернул бы на бегу столы. Но вместо этого он, как привидение, прошёл два ряда насквозь и замер у третьего. Черноволосый затылок стал ближе... мальчик выпрямился, отложил перо, подтянул поближе пергаментный свиток, перечитывая написанное.

Гарри стоял перед столом и не сводил глаз со своего пятнадцатилетнего отпа.

От возбуждения у него перехватило дыхание: как будто он видел самого себя, но себя с нарочитыми ошибками во внешности. Глаза у Джеймса карие, нос подлиннее, чем у Гарри, на лбу никакого шрама и в помине нет, но черты лица такие же тонкие, такой же рот, такие же брови; волосы на макушке у Джеймса так же топорщились, руки запросто могли принадлежать Гарри, и он был уверен, что стоит Джеймсу встать, разница в росте у них окажется не больше дюйма.

Джеймс широко зевнул и взъерошил волосы, приведя их в ещё больший беспорядок. Затем глянул на профессора Флитвика и, повернувшись через плечо, ухмыльнулся мальчику, сидящему за четыре стола от него.

Обомлев ещё больше, Гарри увидел Сириуса, который отвечал Джеймсу поднятием вверх больших пальцев. Сириус, откинувшись назад, беззаботно раскачивался на стуле. Он был, безусловно, красив, тёмные волосы падали на глаза таким элегантно-небрежным манером, какого никогда бы не достичь ни Джеймсу, ни Гарри, и сидевшая за ним девочка не спускала с него полного упований взгляда, но он, словно, и не замечал этого. Двумя столами ближе девочки сидел – и тут у Гарри опять радостно защемило сердце – Римус Люпин. Выглядел он несколько бледным и осунувшимся (должно быть скоро полнолуние?) и был поглощён экзаменационным билетом: перечитывал ответы и, хмурясь, водил по подбородку кончиком пера.

Значит и Прихвост должен быть где-то рядом... Гарри тут же безошибочно обнаружил его – приземистый паренёк с острым носом и бесцветными волосами. Прихвост явно нервничал: грыз ногти, пялился в свой листок, возил ногами по полу. Время от времени с надеждой заглядывал в работы соседей. Гарри задержался взглядом на Прихвосте, а потом опять посмотрел на Джеймса, который что-то рисовал на обрывке пергамента. Нарисовал снитч, а теперь выводил буквы «Л.Э.» Что это значит?

– Пожалуйста, отложите перья! – пропихнул профессор Флитвик. – Стеббинс, это и вас касается! Пока я собираю пергаменты, будьте любезны, оставайтесь на своих местах! *Accio!*

Не меньше сотни пергаментных свитков взмыли в воздух, полетели в протянутые руки профессора Флитвика и свалили его с ног. Раздались смешки. Ученики, сидевшие за передними столами, вскочили, подхватили профессора Флитвика под руки и поставили на ноги.

– Благодарю... благодарю, – задыхаясь, пискнул Флитвик. – Чудесно, а теперь все свободны!

Гарри глянул на отца, тот торопливо замазывал разукрашенные буквы «Л.Э.», потом вскочил на ноги, сунул перо и экзаменационные вопросы в сумку, забросил сумку за спину и стал ждать, пока к нему присоединится Сириус.

Гарри оглянулся и неподалёку заметил Снейпа, который лавировал между столами, направляясь к выходу из Большого Зала и не отрывая глаз от своего листа с вопросами. Сутулый и вдобавок худой, он передвигался резкими движениями, будто паук, а прилизанные пряди волос при этом болтались по щекам.

Компания тараторивших девчонок разделила Снейпа и Джеймса с Сириусом и Люпиным, Гарри, затесавшись в середину, не выпускал из виду Снейпа, напрягая слух, чтобы не пропустить сказанное Джеймсом и его друзьями.

– Лунатик, тебе понравился десятый вопрос? – спросил Сириус, когда все вышли в вестибюль.

– Ещё бы, – бодро заверил Люпин. – Укажите *пять отличительных признаков оборотня*. Шикарный вопрос.

– Ну и как, ты все признаки указал, точно? – притворно-озабоченным тоном поинтересовался Джеймс.

– Вроде да, – серьёзно ответил Люпин, когда они все уже толкались в толпе у выхода в залитый солнцем двор. – Первый: он сидит на моём месте. Второй: носит мою одежду. Третий: его имя Римус Люпин.

Не засмеялся только Прихвост.

– Я написал про форму морды, зрачки и кисточку на хвосте, – озабоченно встрял он, – но больше ничего не мог вспомнить.

– Прихвост, ты что, такой тупой? – раздражённо бросил Джеймс. – Раз в месяц общаешься с оборотнем...

– Да потише ты, – взмолился Люпин.

Гарри опять с тревогой оглянулся. Снейп всё ещё держался неподалёку, по-прежнему погружённый в экзаменационные вопросы. Воспоминания ведь Снейповы, и Гарри не сомневался, что если тому во дворе вздумается отойти, то ему самому рядом с Джеймсом оставаться уже не суждено. Но к его огромному облегчению, когда Джеймс и три его приятеля направились по лужайке вниз, к озеру, то Снейп, которому, по всей вероятности было безразлично – куда идти, пошёл следом, не отрываясь от экзаменационного листа. Держась чуть впереди него, Гарри удавалось неотступно следовать за Джеймсом и остальными.

– В общем, вопросы были – раз плюнуть, – раздался голос Сириуса. – Если мне не поставят «Отлично», будет по меньшей мере странно.

– И мне тоже, – заявил Джеймс.

Он сунул руку в карман и вытащил трепещущий золотой снитч.

– Ты где его взял?

– Стащил, – небрежно ответил Джеймс.

Он принялся баловаться со снитчем, позволяя ему отлететь на целый фут, а потом ловя опять; реакция у него была превосходная. Прихвост таращился на Джеймса с благоговейным почтением.

На берегу озера, в тени того же самого бука, под которым когда-то Гарри, Рон и Гермиона провели воскресенье, заканчивая домашние задания, компания остановилась и завалилась на травку. Гарри опять глянул через плечо и к своему удовольствию обнаружил, что Снейп уселся в траве, в густой тени кустов. От изучения вопросов по СОВам он так и не оторвался, поэтому Гарри ничто не мешало занять позицию между кустами и буком и продолжать наблюдение за четвёркой под деревом. От озёрной глади глаза слепило солнечным светом, на самом берегу расположилась компания смеющихся девочек, которые только что подошли из Большого Зала, они сняли гольфы и школьные туфли и теперь болтали ногами в воде.

Люпин вытащил книгу и принялся читать. Сириус с надменным, скучающим, но таким неотразимым видом разглядывал проходивших мимо учеников. Джеймс по-прежнему баловался со снитчем, отпускал его всё дальше и дальше, давая вот-вот улететь, но неизменно

в последний момент успевал поймать. Прихвост следил за ним с открытым ртом. Всякий раз, когда Джеймс проявлял особую ловкость, Прихвост ахал и хлопал в ладоши. Несколько минут спустя Гарри уже недоумевал, отчего Джеймс не предложит Прихвосту заткнуться, но Джеймсу, похоже, такое внимание льстило. Ещё Гарри отметил отцовскую привычку ерошить волосы, словно чтобы не позволить им улечься чересчур гладко, и его беспрерывные поглядывания на девочек, сидевших у самой воды.

– Да хватит уже, – наконец бросил Сириус, когда Джеймс сделал очередной ловкий финт, а Прихвост разразился аплодисментами, – а то Прихвост от радости описается.

Прихвост покраснел, а Джеймс ухмыльнулся:

– Ну, если тебя это так заботит... – и сунул снитч обратно в карман.

У Гарри создалось чёткое впечатление, что остановить бравады Джеймса может только Сириус.

– Надоело, – обронил Сириус. – Жаль, что сейчас не полнолуние.

– Да ладно тебе, – мрачно отозвался Люпин из-за своей книги, – у нас ещё трансфигурация впереди, если тебе заняться нечем, можешь меня проверить. Вот... – и протянул книгу Сириусу.

Но Сириус только фыркнул:

– Не собираюсь, ерунда всё это, я и так всё знаю.

– Сейчас повеселимся, Бродяга, – вполголоса предложил Джеймс. – Смотри, кто там...

Сириус повернул голову. Вид у него стал словно у пса, почуявшего кролика.

– Отлично, – протянул он. – *Соплеус*.

Гарри проследил направление его взгляда.

Снейп уже стоял и засовывал в сумку вопросы по СОВам. Когда он вышел из тени кустов и пошёл по траве, Сириус и Джеймс вскочили на ноги.

Люпин и Прихвост остались сидеть. Люпин не поднимал головы от книги, но взгляд застыл, а между бровей появилась нахмуренная складочка; Прихвост в жадном предвкушении переводил глаза с Джеймса и Сириуса на Снейпа.

– Как дела, Соплеус? – громко спросил Джеймс.

Снейп среагировал так быстро, словно ожидал нападения: он отбросил сумку, сунул руку в карман и уже было взметнул палочку, но тут Джеймс крикнул:

– *Expelliarmus!*

Палочка Снейпа подлетела вверх на дюжину футов, а потом чуть слышно упала в траву за его спиной. Сириус отрывисто рассмеялся.

– *Impedimenta!* – он ткнул палочкой в сторону Снейпа, который со всех ног бросился за своей палочкой, но тут же рухнул на полдороги.

Все окружающие с любопытством повернулись к ним. Кое-кто даже поднялся и подошёл поближе. Некоторых происходящее, видимо, пугало, некоторых – забавляло.

Снейп, задышав, барахтался на земле. Джеймс и Сириус с поднятыми палочками двинулись к нему. Перед тем как идти, Джеймс через плечо бросил взгляд на сидевших у воды девочек. Прихвост уже встал, обошёл Люпина, чтобы было лучше видно, и с жадностью следил, что будет дальше.

– Как экзамен, Соплик? – поинтересовался Джеймс.

– Я видел, как он носом по пергаменту водил, – съязвил Сириус. – Так всё засалил, что никто ничего прочесть не сможет.

Среди зрителей раздались смешки: Снейп популярностью явно не пользовался. Прихвост заверещал от смеха. Снейп попытался подняться, но заклинание ещё действовало, и он только дёргался, словно в невидимых путах.

– Ты дождёшься... – выпалил он, с неприкрытой ненавистью глядя на Джеймса, – Дождёшься!

– Дождётся чего? – хладнокровно спросил Сириус. – Что ты сделаешь, Соплик, сопли об нас вытрешь?

У Снейпа вырвался бессвязный поток брани и заклинаний, но палочка лежала в десяти футах, и ничего не произошло.

– Рот промой, – невозмутимо предложил Джеймс. – *Scourgify!*

Изо рта Снейпа тут же поплыли розовые мыльные пузыри, губы покрылись пеной, не давая ему произнести ни слова, он начал захлёбываться...

– ОТВЯЖИТЕСЬ от него!

Джеймс и Сириус оглянулись. Свободная рука Джеймса немедленно взлетела к волосам.

Крикнула одна из девочек, сидевших на берегу озера. У неё были густые рыжие волосы, ниспадавшие на плечи, и удивительно зелёные миндалевидные глаза – глаза Гарри.

Мама.

– Что-то не так, Эванс? – спросил Джеймс неожиданно взрослым, глубоким, приятным голосом.

– Отвяжитесь от него, – повторила Лили. Она с глубоким отвращением смотрела на Джеймса. – Что он вам сделал?

– Ну, – начал Джеймс с глубокомысленным видом, – видишь ли, всё дело скорее в факте его существования вообще...

Почти все вокруг рассмеялись, включая Сириуса и Прихвоста, не смеялся Люпин, вероятно потому, что был занят учёбой, не рассмеялась и Лили.

– Считаешь себя остроумным, – холодно бросила Лили. – Да только ты просто самоуверенное ничтожество, которое только и умеет, что задираться. *Отвяжись* от него.

– Отвяжусь, если будешь со мной встречаться, Эванс, – быстро проговорил Джеймс. – Давай... будешь встречаться, тогда я в жизни палочку на старину Соплика не подниму.

Действие Непролазного сглаза подходило к концу. За спиной у Джеймса Снейп дюйм за дюймом, отплёвываясь мыльной пеной, полз к волшебной палочке.

– Даже если бы мне предложили выбирать между гигантским кальмаром и тобой, я бы всё равно с тобой встречаться не стала, – заявила Лили.

– Облом, Сохатый, – развеселился Сириус и повернулся к Снейпу: – ОП-ПА!

Но было уже поздно. Снейп наставил палочку точно на Джеймса, мелькнула вспышка, и на щеке Джеймса появился глубокий порез, а на мантию брызнула кровь. Джеймс вихрем обернулся, мелькнула вторая вспышка, и Снейп повис в воздухе вверх тормашками, мантия его съехала вниз, обнажая худые бледные ноги и посеревшие подштанники.

Кучка зрителей разразилась одобрительными возгласами, Сириус, Джеймс и Прихвост захохотали во всё горло.

Разъярённое лицо Лили на мгновение дрогнуло, казалось, она была готова улыбнуться, но вместо этого заявила:

– Отпусти его!

– Само собой, – Джеймс опустил палочку вниз, и Снейп бесформенной кучей свалился на землю.

Выпутавшись из мантии, он поспешно вскочил с палочкой наизготовку, но тут Сириус произнёс: «*Petrificus Totalus!*», и Снейп плашмя рухнул на землю вновь.

– ДА ОТВЯЖИТЕСЬ ЖЕ ОТ НЕГО! – закричала Лили.

Она выхватила свою палочку, Джеймс и Сириус с опаской посмотрели на неё.

– Ох, Эванс, я ведь и порчу на тебя наложить могу, не вынуждай меня, – совершенно серьёзно ответил Джеймс.

– А ну снимай с него проклятие!

Джеймс глубоко вздохнул, потом повернулся к Снейпу и пробормотал контрзаклинание.

– Проваливай, – предложил он Снейпу, с трудом поднимавшемуся на ноги. – Тебе повезло, Соплеус, что Эванс здесь...

– Мне от такой жалкой грязнокровки помощь не нужна!

Лили прищурилась.

– Прекрасно, – ледяным тоном заявила она. – Впредь не стану вмешиваться. А на твоём месте я бы постирала подштанники, *Соплеус*.

– Извинись перед Эванс! – зарычал Джеймс и угрожающе нацелил на Снейпа палочку.

– Я не хочу, чтобы ты заставлял его извиняться! – набросилась на Джеймса Лили. – Ты сам ничуть не лучше!

– Что? – вскричал Джеймс. – Я тебя никогда не называл сама-знаешь-как!

– Да ты только и умеешь, что волосы трепать, потому что думаешь, как это классно выглядит, будто только что с метлы свалился, по коридорам разгуливать с этим своим дурацким снятчем, и на всех, кто косо посмотрит, порчу накладывать... Удивительно ещё, что метла такого болвана носит! Меня от тебя ТОШНИТ!

Она развернулась и быстро зашагала прочь.

– Эванс, – вслед ей крикнул Джеймс. – Эй, Эванс!

Но Лили не оглянулась.

– Что это с ней? – хмыкнул Джеймс, безуспешно стараясь сделать вид, будто ему на всё наплевать.

– По-моему, если судить по её намёкам, она считает, что ты, приятель, слишком много о себе возомнил, – предположил Сириус.

– Ах так, – Джеймс снова пришёл в ярость, – ладно-ладно...

Опять мелькнула вспышка света, и опять Снейп вверх тормашками повис в воздухе.

– Кто хочет посмотреть, как я сниму со Соплика подштанники?..

Но снял ли Джеймс подштанники со Снейпа, или нет, Гарри так и не узнал. Его плечо крепко сжали чьи-то пальцы, сжали как клещи. Вздвогнув, Гарри обернулся посмотреть, кто же так вцепился в него, и с непередаваемым ужасом обнаружил, что прямо за ним, белый от бешенства, стоит Снейп собственной, вполне взрослой персоной.

– Развлекаешься?

Гарри почувствовал, как вылетает из летнего дня, барахтается в ледяной тьме, а рука Снейпа по-прежнему стискивает его плечо. Потом он совершил головокружительный кувырок в воздухе, ударился ногами о каменный пол подземелья Снейпа и оказался рядом с ситодумом, стоящим на Снейповом столе, в полутёмном кабинете зельеварения наших дней.

– Ну, – Снейп так крепко сжимал руку Гарри, что она стала неметь, – ну что Поттер... понравилось тебе?

– Н-нет, – пробормотал Гарри, пытаясь выдернуть руку.

Снейп выглядел жутко: губы дрожат, зубы оскалены, лицо бледное, как мел.

– Отец у тебя шутник, да? – Снейп встряхнул Гарри так сильно, что у того очки слетели на кончик носа.

– Я... я нич...

Снейп изо всех сил отшвырнул Гарри прочь, и Гарри рухнул на каменный пол.

– Не вздумай кому-нибудь рассказать о том, что видел! – прорычал Снейп.

– Нет-нет, – Гарри шарахнулся от Снейпа как можно дальше. – Конечно, я не...

– Вон! Вон отсюда, и чтоб ноги твоей в этом кабинете больше не было!

Пока Гарри нёсся к двери, над его головой взорвалась банка сдохлыми тараканами. Он распахнул дверь, стремглав полетел по коридору и остановился только тогда, когда от Снейпа его отделяли три этажа. Прислонился к стене, отдышался и потёр синяк на плече.

У него не было ни малейшего желания возвращаться в гриффиндорскую башню так рано, ни рассказывать увиденное Рону и Гермионе. Ни крики в его адрес, ни брошенная банка не причиняли таких душевных терзаний, как понимание, каково это – быть униженным при свидетелях, чёткое понимание, каково пришлось Снейпу, когда над ним измывался отец Гарри. И ещё – осознание, что, судя по увиденному сейчас, отец оказался именно тем самодовольным наглецом, которым всегдаставлял его Снейп.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ПРОФОРИЕНТАЦИИ

– Но почему ты перестал ходить на окклюменцию? – нахмурилась Гермиона.

– Я тебе уже *объяснял*, – буркнул Гарри, – Снейп считает, что ввёл меня в курс дела, дальше я могу и сам.

– Значит, странные сны тебе уже не снятся? – скептически поинтересовалась Гермиона.

– Практически нет, – пряча глаза, ответил Гарри.

– Ну вот, по-моему, Снейпу рано бросать, пока ты не уверен до конца, что можешь сам со своими снами разобраться! – возмутилась Гермиона. – Гарри, я считаю, тебе нужно пойти к нему и попросить...

– Нет, – с нажимом оборвал её Гарри. – Гермиона, хватит об этом, ладно?

Шёл первый день пасхальных каникул, и Гермиона, по обыкновению, большую часть дня посвятила составлению расписания подготовки к экзаменам для всей троицы. Гарри и Рон не возражали: с ней проще было не спорить, да и в любом случае расписание не помешает.

Рон с изумлением обнаружил, что до экзаменов осталось всего полтора месяца.

– Ну и что в этом такого удивительного? – свысока осведомилась Гермиона, с помощью волшебной палочки разукрашивая в разные цвета все квадратики в расписании Рона, в соответствии с разными предметами.

– Да не знаю... – задумался Рон, – столько всего произошло.

– Вот и готово, – Гермиона вручила Рону его расписание: – Если будешь ему следовать, всё у тебя получится.

Рон хмуро кинул взгляд на расписание и тут же просиял:

– А ты мне на каждой неделе по свободному вечеру оставила!

– Это для тренировок по квиддичу, – пояснила Гермиона.

Улыбка с лица Рона сползла.

– А толку-то? – уныло протянул он. – Всё равно в этом году шансов получить квиддичный кубок у нас не больше, чем у папы – стать министром магии.

Гермиона промолчала: она смотрела на Гарри, который с отсутствующим видом уставился прямо перед собой, не обращая никакого внимания на заигрывавшего с его рукой Косолапа.

– Гарри, что с тобой?

– Что? – спохватился Гарри. – Нет, ничего.

Он схватил «Теорию магической обороны» и сделал вид, будто ищет что-то в оглавлении. Косолап плюнул на него и скользнул под кресло Гермионы.

– А я недавно видела Чоу, – решила завести разговор Гермиона. – Она опять такая грустная-прегрустная... Вы снова поругались?

– Что... а, да, поругались, – Гарри с благодарностью воспользовался предложенным объяснением.

– Из-за чего?

– Из-за этой её подружки-подлюги Мариэтты.

– Ещё бы, ну и правильно! – поддержал его Рон и отложил расписание. – Да если бы не она...

И Рон разразился гневной тирадой в адрес Мариэтты Эджкомб, что пришлось Гарри как нельзя кстати: ему осталось только хмурить брови, кивать и заключать «Ага» и «Точно»,

всякий раз, когда Рон останавливался перевести дух, при этом ничто не мешало ему сосредоточиться на печальных думах об увиденном в ситодуме.

Словно черви, душу Гарри точили воспоминания. Он никогда не сомневался, что его родители были замечательными людьми, а измышлениям Снейпа по поводу характера его отца Гарри никогда не придавал значения. Разве другие, Хагрид, например, или Сириус, не *уверяли* Гарри, что его отец был прекрасным человеком? (*«Ага, только посмотри, что из себя представлял сам Сириус...»* – проворчал внутренний голос Гарри. – *«Один другого стоил...»*). Да, когда-то ему довелось подслушать, как профессор МакГонаголл упомянула, что его отец и Сириус в школе хулиганили, но по её словам выходило, словно они просто были предшественниками близнецов Уизли, а представить Фреда и Джорджа, ради забавы подвесивших кого-нибудь вниз головой, Гарри не мог... разве только если кого-нибудь, кого они не терпеть не могут... Малфоя какого-нибудь, или ещё кого, кто сам наварлся...

Гарри попытался зацепиться за мысль, что Снейп сам наварлся на то, что получил от Джеймса, но ведь Лили спрашивала: «Что он тебе сделал?» И ведь Джеймс ей ответил: «Всё дело скорее в факте его существования вообще». Ведь Джеймс затеял это всё только потому, что Сириус заявил, как ему скучно?.. Гарри пришло на память сказанное Люпиным на площадь Гриммода: Дамблдор назначил Люпина префектом в расчёте на то, что ему удастся повлиять на Джеймса и Сириуса... но в ситодуме Люпин сидел как ни в чём не бывало...

Гарри напоминал себе, что Лили вмешалась в происходящее: мама-то оказалась на высоте. Но тут же вспоминал, с каким лицом она кричала на Джеймса, и от этого ему становилось ещё хуже: она явно ненавидела Джеймса, и Гарри представить себе не мог, как же они, в конце концов, поженились. Гарри даже приходило в голову, а не заставил ли её Джеймс силой...

Почти пять лет мысли об отце грели и воодушевляли Гарри. Всякий раз, когда ему говорили, что он похож на Джеймса, Гарри распирало от гордости. А теперь... теперь при мысли о нём Гарри становилось тоскливо и пусто.

Пасхальные каникулы шли, и дни становились всё ветренее, погожее и теплее, но Гарри, как и другие пяти- и семикурсники, сидел взаперти, готовясь к экзаменам и гуляя только в библиотеку и обратно. Он делал вид, что причина его плохого настроения только в надвигающихся экзаменах, а поскольку всех гриффиндорских приятелей от учебы уже тошнило, то никто не сомневался.

– Гарри, я к тебе обращаюсь, ты меня слышишь?

– Угу?

Гарри огляделся. К его столу в библиотеке, за которым он сидел в одиночестве, подошла растрёпанная от ветра Джинни Уизли. Дело было воскресным вечером: Гермiona уже отправилась в гриффиндорскую башню повторять древние руны, а у Рона шла тренировка по квиддичу.

– А, привет, – поздоровался Гарри, придвигая к себе учебники. – Почему ты не на тренировке?

– Она закончилась, – ответила Джинни. – Рону пришлось увести Джека Слопера в больничное крыло.

– Почему?

– Ну, точно мы не знаем, но *считаем*, что он сам себя огрел битой, – Джинни тяжело вздохнула. – В общем... вот, посылка пришла, только-только из рук Амбридж – всё это время досмотр проходила.

Джинни положила на стол коробку, завернутую в обёрточную бумагу: посылку явно разворачивали и потом небрежно заворачивали вновь. Наискосок посылку пересекала надпись красными чернилами: «*Проверено и пропущено Главным Дознавателем «Хогвартса».*

– Там пасхальные яйца²¹⁵ от мамы, – пояснила Джинни. – Одно для тебя... держи.

Джинни вручила ему красивое шоколадное яйцо, украшенное маленькими глазированными снитчами, и, судя по упаковке, с коробочкой Зашипенных крутопчёл внутри. Гарри глянул на яйцо и с ужасом почувствовал, как к горлу подступил ком.

– Гарри, ты чего? – тихо спросила Джинни.

– Всё нормально, – хрипло бросил Гарри.

От комка в горле стало больно. Гарри не мог понять, отчего на него так подействовало пасхальное яйцо.

– Ты в последнее время совсем неважно выглядишь, – настаивала Джинни. – Знаешь, я уверена, что если тебе просто *поговорить* с Чоу...

– Да не с Чоу я хочу говорить, – грубо оборвал её Гарри.

– А с кем? – внимательно посмотрела на него Джинни.

– Я...

Гарри оглянулся вокруг, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. Мадам Пинс стояла за несколько стеллажей от них, заваливая грудой книг обалдевшую Ханну Эббот.

– Я так хочу поговорить с Сириусом, – шепнул Гарри, – но понимаю, что не получится...

Джинни продолжала озабоченно созерцать Гарри. Он развернул своё пасхальное яйцо, отломил изрядный кусок, просто чтобы чем-нибудь отвлечься, и сунул в рот, хотя есть совсем не хотелось.

– Ну, – медленно начала Джинни, тоже откусывая от своего яйца, – если тебе правда так хочется поговорить с Сириусом, то, я думаю, можно это устроить.

– Ага, как же, – уныло отмахнулся Гарри, – только Амбридж следит за каминами и читает всю почту.

– Когда растёшь бок о бок с Фредом и Джорджем, – задумчиво произнесла Джинни, – то иногда в голову начинает приходить, что нет ничего невозможного, главное, чтобы наглости хватило.

²¹⁵ Easter eggs (традиция дарить яйца на Пасху имеет языческие корни. Остра – Eostre (на англо-саксонском) – языческая богиня возрождения жизни, которое символизирует переход от зимы к лету. Празднования в её честь происходили в апреле. Позже христианская церковь включила эти празднования в свой календарь, трансформировав их в праздник Пасхи. Символами Остры были яйцо и заяц, который позже трансформировался в пасхального кролика)

Гарри посмотрел на Джинни. То ли шоколад подействовал – Люпин всегда советовал есть его после встреч с дементорами, то ли потому, что он озвучил желание, уже неделю сжигавшее его изнутри, но перед ним вдруг забрезжила надежда.

– ДА ВЫ СООБРАЖАЕТЕ, ЧТО ТВОРИТЕ?

– О, чёрт... – зашипев, подскочила Джинни. – Я же забыла...

На них налетела мадам Пинс с перекошенным от гнева увядшим лицом.

– *Шоколад в библиотеке!* – верещала она. – Вон отсюда... ВОН!

Она замахнулась палочкой, и учебники Гарри, его сумка и чернильница набросились на хозяина и Джинни, и пока ребята спасались бегством из библиотеки, летели следом и то и дело отшвыкивали им подзатыльники.

* * *

Незадолго перед окончанием каникул, словно чтобы подчеркнуть важность предстоящих экзаменов, на столах в гриффиндорской гостиной стали появляться пачки буклетов, брошюр и листовок с рекламой разнообразных магических профессий, а на доске объявлений вывесили плакат, который гласил:

«КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ПРОФОРИЕНТАЦИИ

В течение первой недели летнего семестра все пятикурсники обязаны пройти собеседование с главой Дома относительно будущей профессии.

Дата и время индивидуальных встреч указаны ниже.»

Гарри пробежал глазами список и обнаружил, что в кабинете профессора МакГонаголл ему следует быть в понедельник в половине третьего, а значит, можно будет пропустить почти всё прорицание. Большую часть оставшихся от каникул выходных дней он и все остальные пятикурсники штудировали предложенную для ознакомления информацию о профессиях.

– Так, целителем я себя как-то не вижу, – под вечер выходных заявил Рон. Он старательно разглядывал рекламную брошюру с эмблемой больницы святого Мунго на передней обложке: знак в виде скрещённых палочки и кости. – Тут сказано, что на КРОТах нужно получить не меньше «В» по зельям, по гербологии, по трансфигурации, по чарам и по защите от Тёмных искусств. В общем... да ну их... не слишком ли многого хотят?

– Так ведь это же очень ответственная работа, – рассеянно заметила Гермиона. Она сосредоточенно изучала раскрашенную в розовые и оранжевые тона брошюру под названием: «ВАМ ПО ДУШЕ ЗАНИМАТЬСЯ СВЯЗЯМИ С МАГГЛОВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ?» – Похоже, для общения с магглами много ума не нужно: требуется только сданная СОВа по маггловедению. *«Гораздо важнее энтузиазм, терпение и хорошее чувство юмора!»*

– Для общения с моим дядей одного хорошего чувства юмора не хватит, – мрачно прокомментировал Гарри. – Скорее нужно хорошее умение вовремя смыться, – сам он уже до середины перелистал буклет по магическому банковскому делу. – Вот, слушайте: *«Вы мечтаете о перспективной профессии, сочетающей в себе путешествия, приключения и связанные с риском солидные премиальные? Обращайтесь в колдовской банк «Гринготтс», где открыты вакансии на должность Ликвидатора проклятий с увлекательной возможностью зарубежных командировок»* ... Там, правда, нужна арифмантика... Гермиона, это для тебя!

– Меня банковское дело не увлекает, – отмахнулась Гермиона, погрузившись в листок: «КАК НАТАСКИВАТЬ СТОРОЖЕВЫХ ТРОЛЛЕЙ?»

– Привет, – шепнул кто-то Гарри на ухо.

Он оглянулся: сзади стояли Фред и Джордж.

– Мы тут с Джинни насчёт тебя перекинулись словечком, – Фред сел и закинул ноги на стол, столкнув на пол буклеты с предложениями из Министерства магии. – Она сказала, тебе нужно поболтать с Сириусом?

– Что? – Гермиона застыла, занеся руку над листком «СДЕЛАЙТЕ БЛЕСТЯЩУЮ КАРЬЕРУ В ДЕПАРТАМЕНТЕ МАГИЧЕСКИХ АВАРИЙ И КАТАСТРОФ».

– Ну да... – с напускной небрежностью бросил Гарри, – я бы не прочь...

– Не смейся людей, – Гермиона выпрямила спину и уставилась на него, словно видела впервые, – а как же Амбридж, которая рыскает по каминам и общаривает сов?

– Да ладно, с этим мы, пожалуй, справимся, – потягиваясь и ухмыляясь, встрял Джордж. – Надо устроить отвлекающий манёвр, и все дела. Вот вы заметили, кстати, что пасхальные каникулы прошли безо всякого беспредела с нашей стороны?

– Какой смысл портить людям отдых, спросили мы себя, – пояснил Фред. – И сами себе ответили – никакого. Само собой, мы бы испортили ещё и подготовку к экзаменам, а это уж совсем никуда не годится.

Он с постным лицом поклонился Гермионе. Гермиону такая забота, видимо, слегка озадачила.

– Но завтра начинаются трудовые будни, – энергично продолжил Фред. – И раз мы собираемся слегка побезобразничать, то почему бы не так, чтобы Гарри в это время смог пообщаться с Сириусом?

– Однако, – протянула Гермиона с видом человека, втолковывающего элементарные понятия непроходимым тупицам, – ну, пусть, вы *уже устроили* отвлекающий манёвр, но Гарри-то как будет с ним разговаривать?

– Из кабинета Амбридж, – тихо ответил Гарри.

Гарри размышлял об этом две недели и другого способа не видел. Амбридж сама ему рассказала, что единственный безнадзорный камин – это её собственный.

– Ты что... с ума сошёл? – зашипела на него Гермиона.

Рон опустил брошюру о занятости в сфере Торговли культивированной плесенью и стал осторожно прислушиваться к беседе.

– Кажется, нет, – пожал плечами Гарри.

– А как ты, для начала, собираешься туда попасть?

Ответ на этот вопрос у Гарри был уже готов:

– С помощью ножа Сириуса.

– Прошу прощения?

– На прошлое Рождество Сириус подарил мне нож, который открывает любой замок, – пояснил Гарри. – Даже если она заколдовала дверь так, что *Alohomora* не сработает, а я держу пари, что так и будет...

– А ты что об этом думаешь? – дёрнула Гермиона Рона, и у Гарри возникла настойчивая ассоциация с манерой, с которой во время его первого ужина на площади Гриммолд к мужу звывала миссис Уизли.

– Не знаю я, – Рон испугался необходимости иметь своё мнение, – это дело Гарри, ему и решать, разве не так?

– Говоришь, как настоящий друг и истинный Уизли, – крепко хлопнул его по плечу Фред. – Значит, договорились. Пожалуй, завтра всё и организуем. Сразу после уроков, потому что если весь народ будет в коридорах, эффект получится максимальный... Гарри, всё произойдёт где-нибудь в восточном крыле, чтобы сразу выманить её из кабинета... по моим расчётам мы сможем тебе гарантировать, ну, минут двадцать? – он взглянул на Джорджа.

– Запросто, – кивнул Джордж.

– А что это за отвлекающий манёвр будет? – поинтересовался Рон.

– Увидишь, братишка, – отшутился Фред, и они с Джорджем встали. – А может и не только увидишь, если подскочишь завтра к пяти часам в коридор Грегори Лизоблюда.²¹⁶

* * *

Следующим утром Гарри проснулся ни свет, ни заря, волнуясь почти так же, как перед дисциплинарным слушанием в Министерстве магии. Не только перспектива вторжения в кабинет Амбридж и пользования её камином для переговоров с Сириусом не давала ему покоя, хотя куда уж хуже, – сегодня Гарри предстояло оказаться лицом к лицу со Снейпом, впервые с тех пор, как тот вышвырнул его из кабинета.

С мыслями о предстоящем дне Гарри ещё немного повалялся в кровати, потом тихонько встал и подошёл к окну у кровати Невилла: полюбоваться поистине великолепным утром. Лёгкая дымка расцвечивала голубыми тонами безоблачное небо. Как раз напротив окна рос тот самый бук, под которым отец Гарри некогда издевался над Снейпом. Гарри сомневался, что Сириус добавит что-либо к виденному им в ситодуме, но ему отчаянно хотелось услышать, что сам Сириус думает о случившемся тогда, чтобы узнать хоть какие-нибудь смягчающие обстоятельства, найти хоть какие-нибудь оправдания поведению отца...

Внимание Гарри привлекло какое-то движение на опушке Запретного Леса. Щурясь от солнца, Гарри разглядел Хагрида, который показался из-за деревьев. Похоже, прихрамывая. Хагрид добрёл до дверей своей хижины и, на глазах Гарри, скрылся внутри. Гарри ещё

немного понаблюдав за хижинкой, но Хагрид не вышел, а из дымовой трубы закурился дымок – раз Хагрид смог развести огонь в печи, значит если и ранен, то несильно.

Гарри отвернулся от окна, пошёл к сундуку и начал одеваться.

С учётом того, что ему предстояло влезть в кабинет Амбридж, радужных планов относительно мирного дня Гарри не строил, но никак не предполагал, что Гермиона будет практически беспрерывно пытаться отговорить его от запланированного на пять часов мероприятия. На истории магии она впервые уделяла внимание профессору Биннсу не больше, чем обычно Гарри и Рон, и без умолку напёптывала увещевания, к которым Гарри оставался глух, хотя с большим трудом.

– ...А вдруг она тебя всё-таки поймает, тут одним исключением не отделаешься, она ведь ещё может догадаться, что ты общался с Шмыгалзом, и тогда уж точно заставит тебя выпить Веритасерум и всё ей рассказать...

– Гермиона, – возмущённо прошептал Рон, – ты, наконец, отвяжешься от Гарри, или что, мне самому всё конспектировать?

– Ничего, не умрёшь, поконспектируй для разнообразия!

К тому времени, как они оказались в подземельях, ни Гарри, ни Рон с Гермионой уже не разговаривали. Но её это ничуть не смущало, и их молчание она использовала в своих целях: непрерывным потоком изливая злое предупреждения, причем так исступлённо шипя, что Шеймас убил минут пять, пытаясь обнаружить, не течёт ли его котёл.

Между тем, Снейп, похоже, решил вести себя так, словно Гарри просто не существует. Гарри к такой манере поведения давным-давно привык, потому что это был конёк дяди Вернона, и по сути даже радовался, что всё так обошлось. На самом деле, по сравнению с тем, сколько колкостей и придирок от Снейпа ему перепадало раньше, новый Снейп его устраивал куда больше, и, отрадно сознавать, что когда тот оставил его в покое, Гарри даже умудрился без труда состряпать Живительный Глоток.²¹⁷ В конце занятия он отлил часть зелья в склянку, закупорил её и отнёс на стол Снейпа для проверки, рассчитывая получить, наконец, «В».

Но стоило ему отвернуться, как раздался звон разбитого стекла. Малфой покатился от хохота. Гарри стремительно обернулся. На полу среди осколков разлилась лужица его зелья, а на лице Снейпа было написано злорадное удовлетворение.

– Опс, – негромко прокомментировал он, – ну что ж, Поттер, и снова «ноль».

От ярости Гарри даже дар речи потерял. Он бросился к котлу, собираясь налить ещё одну склянку и всучить её Снейпу на оценку, но с ужасом обнаружил, что в котле больше ничего нет.

– Прости меня! – пискнула Гермиона и прижала руки ко рту. – Гарри, прости, пожалуйста. Я думала, что ты закончил, и прибралась!

²¹⁷ Invigoration Draught

В ответ Гарри не смог проронить ни звука. Когда прозвенел звонок, он без оглядки вылетел из подземелья, а на обеде нарочно уселся между Невиллом и Шеймасом, чтобы Гермиона больше не доставала его насчёт кабинета Амбридж.

К началу прорицаний он был уже настолько вне себя, что собеседование по профориентации с профессором МакГонаголл совершенно вылетело у него из головы. Если бы не Рон, Гарри бы и не вспомнил. Рон поинтересовался, почему Гарри до сих пор здесь, и Гарри стремглав ринулся наверх, и опоздал лишь на пару минут. Закрыв за собой дверь, он, задыхаясь, выпалил:

– Профессор, извините, я забыл.

– Ничего страшного, Поттер, – бодро заявила профессор МакГонаголл, но тут же в дальнем углу кто-то презрительно хмыкнул.

Гарри обернулся.

В углу сидела профессор Амбридж с книжечкой на коленях, вычурной кружевной оборочкой на шее и противной, самодовольной улыбочкой на лице.

– Садитесь, Поттер, – сухо сказала профессор МакГонаголл.

Слегка подрагивающими руками она принялась перебирать многочисленные буклеты, которыми был завален её стол.

Гарри сел спиной к Амбридж и постарался сделать вид, будто не обращает никакого внимания на скрип её пера по страницам книжечки.

– Итак, Поттер, эта консультация предназначена для того, чтобы обсудить все варианты вашей будущей профессии и помочь вам выбрать учебные дисциплины на шестой и седьмой год обучения, – начала профессор МакГонаголл. – У вас есть какие-нибудь соображения насчёт того, чем хотите заниматься после окончания Хогвартса?

– Э-э... – замялся Гарри.

Скрип пера за спиной его ужасно сбивал.

– Ну? – побудительно окликнула его профессор МакГонаголл.

– В общем, я, наверное, хотел бы стать аврором, – пробормотал Гарри.

– Для этого нужна очень хорошая успеваемость, – профессор МакГонаголл извлекла из кучи бумаг на столе небольшую тёмную брошюру и перелистнула страницу. – Я смотрю, им требуется минимум пять КРОТов и все не менее, чем на «Выше ожидаемого». Затем в штаб-квартире авроров вам придётся пройти ряд строжайших психологических тестов и тестов на проверку ваших способностей. Поттер, это непростая работа, туда берут только лучших из лучших. К тому же, насколько мне известно, за три последних года не приняли никого.

Тут профессор Амбридж едва слышно кашлянула, словно проверяя, как ей это удастся. Профессор МакГонаголл не обратила на неё никакого внимания.

– Вы, должно быть, хотите знать, какие дисциплины вам придётся изучать? – она слегка повысила голос.

– Да, – кивнул Гарри. – Наверное, защиту от Тёмных искусств?

– Естественно, – подтвердила профессор МакГонаголл. – Кроме того, я порекомендовала бы...

Профессор Амбридж ещё раз кашлянула, на сей раз погромче. Профессор МакГонаголл на мгновение прикрыла глаза, открыла опять и, как ни в чём не бывало, продолжила.

– Кроме того, я порекомендовала бы трансфигурацию, потому что аврорам частенько приходится по работе заниматься преобразованиями туда и обратно. Должна заранее предупредить, Поттер, на курс КРОТов я лично не принимаю тех учеников, которые на СОВах получили меньше, чем «Выше ожидаемого». Сейчас, на мой взгляд, вы заслуживаете, в среднем, «Приемлемо», поэтому, чтобы иметь возможность продолжить обучение, к экзаменам вам придётся приложить немало усилий. Вдобавок вам понадобятся чары, это всегда пригодится, и зелья. Да, Поттер, зелья, – повторила она с едва заметной усмешкой. – Знание ядов и противоядий для авроров незаменимо. Обязана вам сообщить, что профессор Снейп наотрез отказывается брать учеников, которые на СОВах у него получают меньше «Отлично», а значит...

Профессор Амбридж покашляла очень отчётливо.

– Могу я предложить вам пилюлю от кашля, Долорес? – не оборачиваясь, сухо поинтересовалась профессор МакГонаголл.

– О, нет-нет, спасибо большое, – отозвалась Амбридж с тем самым жеманным смешком, которые Гарри терпеть не мог. – Я просто хотела полюбопытствовать, Минерва, а нельзя ли мне вас на капельку прервать?

– Полагаю, можно, – сквозь плотно сжатые зубы процедила профессор МакГонаголл.

– Я просто хотела полюбопытствовать, а *тот ли* нрав у мистера Поттера для того, чтобы стать аврором? – приторно проговорила Амбридж.

– Полюбопытствовать? Ну-ну, – надменно бросила профессор МакГонаголл и продолжила так, словно никто её не прерывал: – Что ж, Поттер, если вы настроены серьёзно, то я советую вам хорошенько собраться и подтянуть трансфигурацию и зелья до должного уровня. Я вижу, что последние два года профессор Флитвик ставил вам между «Приемлемо» и «Выше ожидаемого», значит с чарами у вас всё в порядке. Что касается защиты от Тёмных искусств, то там ваши оценки в основном повыше, в частности профессор Люпин считал вас... *Долорес, вы уверены, что не хотите пилюлю от кашля?*

– О, нет, Минерва, не стоит беспокоиться, – фальшиво улыбнулась профессор Амбридж, только что кашлянувшая рекордно громко. – Я просто забеспокоилась, что у вас, должно быть, перед глазами нет последних оценок Гарри по защите от Тёмных искусств. Я точно помню, что выписывала их.

– Вот сюда? – профессор МакГонаголл с омерзением извлекла из папки с бумагами Гарри лист розового пергамента. Бегло проглядела его, вскинула брови, затем, никак не прокомментировав, сунула листок обратно в папку.

– Да, как я уже сказала, Поттер, профессор Люпин считал, что вы проявили несомненные способности по этой дисциплине, и, очевидно, для аврора...

– Минерва, вы не разобрались в моей записке? – медовым голосом уточнила профессор Амбридж, даже забыв предварительно покашлять.

– Разумеется, разобралась, – откликнулась профессор МакГонаголл, стискивая зубы так, что ответ получился слегка невнятным.

– Ну, тогда я теряюсь... боюсь, я не очень понимаю, как можете вы терпеть мистера Поттера несбыточными надеждами...

– Несбыточными надеждами? – повторила профессор МакГонаголл, не желая обращаться к Амбридж. – По всем тестам защиты от Тёмных искусств он получил высокие баллы...

– Мне крайне неловко, что приходится вам возражать, Минерва, но, как видно из моей записки, Гарри получал на моих занятиях крайне низкие отметки...

– Придётся мне объясниться начистоту, – профессор МакГонаголл, наконец, обернулась к Амбридж и взглянула ей прямо в глаза. – Он получал высокие баллы по всем тестам защиты от Тёмных искусств, проведённых компетентным преподавателем.

Улыбка Амбридж исчезла так внезапно, словно у неё перегорела лампочка. Она выпрямилась на стуле, перевернула листок в книжечке и, поводя из стороны в сторону выпученными глазками, принялась быстро-быстро строчить. Профессор МакГонаголл, раздувая тонкие ноздри и сверкая глазами, повернулась к Гарри.

– Есть какие-нибудь вопросы, Поттер?

– Да, – кивнул Гарри. – А что за психологические тесты и тесты на проверку способностей проводит Министерство, если с КРОТами будет всё в порядке?

– Значит так, необходимо продемонстрировать умение успешно справляться со стрессовой ситуацией и тому подобное, – начала профессор МакГонаголл, – настойчивость и целеустремлённость, поскольку обучение на аврора занимает ещё три года, ну и высочайшие навыки в практической защите. То есть после окончания школы придётся ещё учиться и учиться, так что, если вы не готовы...

– Думаю, вам следует учесть, – заметно похолодевшим тоном встряла Амбридж, – что Министерство изучает всю биографию претендентов на авроров. Их криминальную биографию.

– ...Если вы не готовы после окончания Хогвартса сдавать новые экзамены, вам стоит трезво взглянуть в другом...

– А значит, у этого мальчика такие же шансы стать аврором, как у Дамблдора – вернуться когда-нибудь в эту школу.

– В таком случае, шансы очень высоки, – парировала профессор МакГонаголл.

– У Поттера криминальное прошлое, – во весь голос высказалась Амбридж.

– Поттера оправдали целиком и полностью, – ещё громче заявила МакГонаголл.

Профессор Амбридж встала. По большому счёту это ничего не изменило, настолько она была приземистая, но наигранно деловитая суетливость уступила место откровенной ярости, от чего её оплывшее, дряблое лицо приобрело странно злое выражение.

– У Поттера нет не единого шанса стать аврором!

Профессор МакГонаголл тоже поднялась, и с её стороны это выглядело куда более впечатляюще: она была значительно выше Амбридж.

– Поттер, – вызывающим тоном сообщила она, – я помогу вам стать аврором во что бы то ни стало! Даже если ради этого мне придётся заниматься с вами по ночам!

– Министр магии никогда не примет Поттера на работу! – визгливо заявила Амбридж.

– К тому времени, как Поттер окончит школу, у нас вполне может быть и другой министр! – воскликнула профессор МакГонаголл.

– Ага! – завопила профессор Амбридж, тыча коротеньким пальцем в МакГонаголл. – Вот! Вот оно как! Конечно! Именно этого вы и хотите, Минерва МакГонаголл, да? Хотите, чтобы Корнелиуса Фаджа сменил Альбус Дамблдор! На моё место метите! Директрисой хотите стать, а в придачу и старшим заместителем министра!

– Вы бредите, – с полным пренебрежением бросила профессор МакГонаголл. – Поттер, на этом консультация окончена.

Не решаясь взглянуть на Амбридж, Гарри закинул сумку на плечо и поспешил выйти. Всё время, пока он шёл по коридору, до него доносились её вопли и крики профессора МакГонаголл.

Когда Амбридж явилась на урок защиты от Тёмных сил, она всё ещё хватала ртом воздух, будто только что неслась галопом.

– Гарри, я надеюсь, что ты передумал насчёт своей затеи, – зашептала Гермиона, едва они раскрыли учебники на главе тридцать четыре «Непротивление и переговоры». – Амбридж, похоже, и так уже совсем озверела...

Амбридж то и дело метала в Гарри яростные взгляды, но он рассеянно уставился в «Теорию магической обороны» и, не поднимая головы, размышлял...

Если вдруг его поймут за вторжение в кабинет профессора Амбридж, можно только представить, какова будет реакция профессора МакГонаголл, которая пару часов назад за него поручилась... Ничего не мешает ему просто вернуться в гриффиндорскую башню и надеяться, что на летних каникулах представится случай разузнать у Сириуса о подсмотренной в ситодуме сцене... ничего, кроме камня на душе при мысли о такой благоразумной расчётливости... да и Фред с Джоржем, которые уже спланировали отвлекающий манёвр, а тем более – нож, подаренный Сириусом, который сейчас лежал в его сумке вместе с отцовским плащом-невидимкой.

Но, как ни крути, если его поймут...

– Гарри, Дамблдор пожертвовал собой, чтобы тебя не исключили! – прикрыв учебником рот, прошептала Гермиона. – А если тебя сегодня выгонят, то, значит, всё напрасно!

Можно отказаться от плана и попросту смириться с мыслями о том, чем именно занимался его отец одним летним днём, больше двадцати лет назад...

И тут Гарри вспомнил сказанное Сириусом в камине гриффиндорской гостиной:

«Ты похож на своего отца меньше, чем я думал... для Джеймса риск был развлечением...»

Но хочется ли теперь быть похожим на отца?

– Гарри, не делай этого, пожалуйста, не надо! – под переливы звонка с урока заклинала его Гермиона.

Гарри ничего не ответил, он не знал, как быть.

Рон, видимо, решил не вмешиваться и не лезть с советами, он даже не смотрел на Гарри, только, когда Гермиона сделала очередную попытку отговорить, тихо вмешался: «Отстань от него, ладно? Он сам разберётся».

Когда Гарри вышел из класса, сердце у него бешено заколотилось. Он пошёл прочь по коридору и, когда прошёл его до половины, услышал вдалеке шум – без всякого сомнения, отвлекающий манёвр начался. Откуда-то сверху, эхом отражаясь от стен, понеслись вопли и визги, все вокруг Гарри застыли и с ужасом уставились в потолок...

Из класса выскочила Амбридж, с такой скоростью, которую только позволяли развиты её коротенькие ножки. На бегу доставая палочку, она рванула в противоположную от Гарри сторону. Теперь или никогда.

– Гарри, пожалуйста! – неуверенно возвала Гермиона.

Но Гарри уже принял решение. Придерживая покрепче на плече сумку, он уже бросился бежать, лавируя в толпе учеников, рвущихся ему навстречу взглянуть, что приключилось в восточном крыле замка.

Коридор, где располагался кабинет Амбридж, был совершенно пуст. Гарри шмыгнул за гигантские рыцарские доспехи, шлем на которых со скрежетом повернулся в его сторону, вытащил из сумки нож Сириуса и облачился в плащ-невидимку. Потом осторожно выбрался из-за доспехов и крадучись направился к дверям кабинета Амбридж.

Вставил лезвие магического ножа в дверную щель и аккуратно провёл вверх и вниз, затем вытащил нож. Раздался тихий щелчок, и дверь распахнулась. Гарри скользнул в кабинет, закрыл за собой дверь и осмотрелся.

Кроме котят, без устали резвящихся на настенных тарелочках над конфискованными метлами, в кабинете не было никакого движения.

Гарри стащил плащ, подошёл к камину и мгновенно нашёл то, что ему было нужно: небольшую шкатулку, где поблёскивал летучий порошок.

С дрожащими руками Гарри присел перед пустым камином. Раньше ему никогда не приходилось этого делать, но он полагал, что справится. Сунув голову в камин, Гарри взял щепотку пороха и щедро сыпанул на аккуратно сложенные под ним поленья. Они тут же запылали изумрудно-зелёным пламенем.

– Площадь Гриммолд, дом двенадцать! – громко и чётко произнёс Гарри.

Ощущение было одно из необычайных, которые ему когда-либо довелось испытывать. Конечно, прежде ему приходилось путешествовать с летучим порошком, но тогда он целиком крутился-вертелся в сети магических каминов, опоясывающей всю страну. А теперь колени его остались на холодном полу кабинета Амбридж, а сквозь изумрудное пламя летела одна голова...

Вскоре, так же резко, как и началось, кружение прекратилось. С таким чувством, словно голову ему обмотали обжигающим плотным шарфом, и с весьма ощутимой тошнотой, Гарри приоткрыл глаза и обнаружил, что смотрит из кухонного камина на длинный деревянный стол, за которым, поглощенный изучением пергамента, сидит какой-то мужчина.

– Сириус?

Мужчина вздрогнул и обернулся. Это оказался не Сириус, а Люпин.

– Гарри! – с потрясённым видом воскликнул он. – Что тебе... что случилось, всё в порядке?

– Ага, – кивнул Гарри. – Я просто хотел... в смысле, мне нужно... поговорить с Сириусом.

– Я его позову, – Люпин растерянно поднялся на ноги, – он пошёл наверх искать Кричера, тот вроде опять на чердаке прячется...

И Гарри увидел, как Люпин торопливо вышел из кухни. Теперь ему не оставалось ничего другого, как разглядывать ножки стола и стульев. Интересно, почему Сириус никогда не упоминал, как же страшно неудобно разговаривать из камина: колени Гарри уже мучительно протестовали против стояния на жёстком каменном полу у Амбридж.

Вернулся Люпин и, следом за ним, Сириус.

– Что случилось? – быстро спросил Сириус, откинул длинные пряди чёрных волос от лица и присел перед камином так, что его глаза оказались на одном уровне с глазами Гарри. Люпин, с встревоженным видом, тоже опустился рядом на колени. – У тебя всё в порядке? Тебе нужна помощь?

– Нет, – ответил Гарри, – дело не в этом... я просто хотел поговорить... о папе.

Его собеседники обменялись изумлёнными взглядами, но смущаться и медлить у Гарри не было времени: с каждой секундой колени у него болели всё сильнее и, похоже, с начала отвлекающего манёвра прошло уже минут пять, а Джордж гарантировал ему всего двадцать. Поэтому он сразу перешёл к делу, рассказывая увиденное в ситодуме.

Когда закончил, ни Сириус, ни Люпин сначала не проронили ни слова. Потом Люпин тихо произнёс:

– Мне бы не хотелось, Гарри, чтобы ты судил своего отца на основании того, что там видел. Ему было всего пятнадцать лет...

– Мне тоже пятнадцать! – запальчиво воскликнул Гарри.

– Гарри, слушай, – миролюбиво заговорил Сириус, – Джеймс и Снейп ненавидели друг друга с самой первой встречи, так ведь бывает, ты сам знаешь, да? По-моему, у Джеймса было всё, о чём Снейп мечтал – Джеймса все обожали, в квиддиче он был мастер... да он почти во всём был мастер. А Снейп был слегка с приветом, зациклился на Тёмных искусствах, а Джеймс... как бы он тебе ни показался, Гарри... Джеймс Тёмные искусства всегда ненавидел.

– Ну да, – возразил Гарри, – но он ведь напал на Снейпа просто так, безо всякой причины, просто... ну, потому что ты сказал, что тебе скучно, – слегка смутившись, закончил он.

– Мне это чести не делает, – быстро проговорил Сириус.

Люпин искоса взглянул на Сириуса, затем сказал:

– Гарри, послушай, ты должен понять, что твой отец и Сириус в школе были в числе избранных, и как бы ни вели себя – все их считали верхом совершенства, а если иногда их и заносило...

– Хочешь сказать, если иногда дурная спесь у нас была через край, – перебил его Сириус.

Люпин улыбнулся.

– Он всё время лохматил себе волосы, – с горечью добавил Гарри.

Сириус и Люпин рассмеялись.

– Я и забыл, что у него была такая привычка, – с нежностью проговорил Сириус.

– А со снитчем он баловался? – жадно поинтересовался Люпин.

– Да, – протянул Гарри, с недоумением видя, как Сириус и Люпин просияли от этих воспоминаний. – Но... мне он каким-то придурком показался.

– Конечно, он и был придурком, – бодро заверил его Сириус, – мы все были придурками! Ну, может только к Лунатику это не относится, – взглянув на Люпина, честно добавил он.

Но Люпин покачал головой:

– Разве я когда-нибудь предлагал вам отстать от Снейпа? – возразил он. – Разве когда-нибудь у меня хватало духу сказать вам, что, по-моему, вы зарываетесь?

– Ну, знаешь ли, – заявил Сириус, – иногда ты умудрялся заставить нас покраснеть за себя... а это уже кое-что...

– А ещё, – упрямо продолжал Гарри, решив выложить всё, ради чего здесь оказался, – ещё он беспрерывно оглядывался на девчонок на берегу озера и ждал, что они станут на него смотреть!

– Да уж, когда Лили была поблизости, он вечно дурака валял, – пожал плечами Сириус, – рядом с ней он беспрерывно из кожи вон лез.

– Как же она за него замуж вышла? – уныло спросил Гарри. – Она же его ненавидела!

– Ничего подобного, – удивился Сириус.

– На седьмом курсе она с ним начала встречаться, – уточнил Люпин.

– Как только у Джеймса гонору поубавилось, – пояснил Сириус.

– И он прекратил забавы ради махать палочкой направо и налево, – добавил Люпин.

– Даже в сторону Снейпа? – поинтересовался Гарри.

– Ну, – протянул Люпин, – Снейп – это особый случай. В том смысле, что сам Снейп никогда не упускал возможности бросить заклинание на Джеймса, а не ждать же от Джеймса, что он покорно станет всё сносить.

– А как мама к этому относилась?

– Если честно, она многого и не знала, – ответил Сириус, – Джеймс ведь на свидания с ней Снейпа с собой не брал, и на её глазах порчу на него не накладывал.

Лицо Гарри по-прежнему выражало сомнение, и Сириус нахмурился:

– Послушай, твой отец был самым лучшим другом, которого мне когда-либо доводилось иметь, и он был хорошим человеком. В пятнадцать лет многие ведут себя как идиоты. Он это перерос.

– Ладно, – тяжело вздохнул Гарри. – Просто мне никогда и в голову не приходило, что я стану жалеть Снейпа.

– Кстати, – проговорил Люпин, и между бровей у него залегла едва заметная складка, – а как отреагировал Снейп, когда обнаружил, что ты всё знаешь?

– Заявил, что больше никогда не станет учить меня окклюменции, – равнодушно бросил Гарри. – Невелика потеря...

– ЧТО? – так громко воскликнул Сириус, что Гарри от неожиданности вздрогнул и вдохнул полный рот золы.

– Гарри, ты серьёзно? – быстро переспросил Люпин. – Он перестал давать тебе уроки?

– Ага, – кивнул Гарри, удивлённый, что собеседники приняли всё так близко к сердцу. – Но ничего страшного, мне плевать, честно говоря, мне же ещё и лучше...

– Пора мне нанести туда визит и перекинуться со Снейпом парой слов! – пылко бросил Сириус и собрался тут же вскочить на ноги, но Люпин дёрнул его вниз.

– Если кто-то и пойдёт разговаривать со Снейпом, то только я! – твёрдо заявил он. – Но ты, Гарри, первым делом должен подойти к Снейпу и сказать ему, что он ни в коем случае не должен прекращать тебя учить... Если Дамблдор узнает...

– Да Снейп меня убьёт, если я ему это скажу! – возмущённо воскликнул Гарри. – Вы не видели, какое у него было лицо, когда он выдернул меня из ситодума!

– Гарри, нет ничего важнее твоего обучения окклюменции! – строго предупредил Люпин. – Ясно тебе? Ничего!

– Хорошо, хорошо, – совершенно сбитый с толку и, естественно, раздосадованный, согласился Гарри. – Пусть... попробую с ним поговорить... но это не...

Он замолчал. Издалека доносились чьи-то шаги.

– Это Кричер спускается?

– Нет, – глянул через плечо Сириус. – Наверное, это кто-то с твоей стороны.

У Гарри замерло сердце.

– Мне пора! – поспешно бросил он и вытащил голову из камина на площади Гриммолд.

Ему показалось, что голова закрутилась волчком прямо на плечах, через секунду заняла привычное положение, и он оказался на коленях перед камином Амбридж, а прямо перед глазами у него, вспыхнув, угасло изумрудное пламя.

– Живей, живей! – за дверью кабинета послышался чей-то хриплый голос. – Ага, у неё тут не заперто...

Гарри нырнул в плащ-невидимку и едва успел его запахнуть, как в кабинет ворвался Филч. С абсолютно блаженным выражением лица, лихорадочно бормоча что-то себе под нос, Филч пробежал по кабинету, открыл ящик стола Амбридж и принялся рыться в бумагах.

– Разрешение на порку... Разрешение на порку... Наконец-то я его получу... Долго же до них доходило...

Он вытащил кусок пергамента, чмокнул его, прижал к груди и резво пошаркал к выходу.

Гарри вскочил на ноги, проверил, на месте ли сумка и хорошо ли сидит плащ-невидимка, толкнул дверь и выскочил вслед за Филчем, который уже ковылял с такой прытью, которой Гарри никогда не доводилось за ним замечать.

Этажом ниже кабинета Амбридж Гарри решил, что опасность миновала и можно опять стать видимым. Он стащил плащ, сунул его в сумку и поспешил дальше. Из вестибюля

доносились громкие крики и топот. Гарри сбежал по мраморной лестнице и обнаружил, что внизу собралась едва ли не вся школа.

Всё выглядело так же, как в тот вечер, когда увольняли Трелони. Вдоль стен гигантским кольцом толпились ученики (некоторые, как успел заметить Гарри, облитые субстанцией, очень похожей на смердосок), среди них стояли и преподаватели, и даже привидения. В передних рядах зрителей в глаза бросались члены Дознавательского Отряда, все без исключения с крайне самодовольными лицами, и Пивз, что болтался вверху и таращился на Фреда с Джорджем. Близнецы стояли в центре с именно таким видом, какой бывает у людей, пойманных с поличным.

– Итак! – раздался торжествующий возглас Амбридж.

Гарри обнаружил, что она стоит всего несколькими ступеньками ниже, как и в прошлый раз свысока взирая на свою добычу. – Итак... вы считали, что превратить школьный коридор в болото – это забавно?

– Ага, ещё как, – Фред без малейшего страха поднял на неё глаза.

Прокладывая локтями дорогу и чуть не плача от счастья, Филч пробился поближе к Амбридж:

– Вот он, документ, директриса, – просипел он, размахивая листом пергамента, добытого, на глазах Гарри, из ящика её стола. – И документ есть, и кнут есть, уже дожидается... ох, ну дайте же мне...

– Прекрасно, Аргус, – похвалила Амбридж. – А вам двоим... – продолжила она, глядя на Фреда и Джорджа, – предстоит узнать, что ждёт нарушителей порядка в моей школе.

– Да неужели? – ухмыльнулся Фред. – Ну, это вряд ли, – и повернулся к брату: – Джордж, по-моему, с очным образованием пора завязывать.

– Ага, по-моему, тоже, – беспечно откликнулся Джордж.

– Пора проверить наши таланты в реальной жизни, как ты считаешь? – спросил Фред.

– Однозначно, – ответил Джордж.

И не успела Амбридж проговорить ни слова, как они подняли палочки и хором воскликнули:

– *Аccio мётлы!*

Издали донёсся грохот. Глянув влево, Гарри едва успел пригнуться. К своим хозяевам по коридору неслись мётлы Фреда и Джорджа, на одной из них болталась тяжёлая цепь и железный штырь, при помощи которых Амбридж прикрепила их к стене. Мётлы свернули налево, пролетели вниз над лестницей и резко затормозили перед близнецами. Цепь оглушительно лязгнула по каменным плитам пола.

– Больше не увидимся, – сообщил Фред профессору Амбридж, перекидывая ногу через свою метлу.

– Ага, про встречу и думать забудьте, – поддакнул Джордж, усаживаясь на свою.

Фред обвёл взглядом собравшихся учеников – притихшую, настороженную толпу.

– Если кому вздумается прикупить Переносное Болото,²¹⁸ которое демонстрируется этажом выше, добро пожаловать в Косой переулок, дом девяносто три – «Универмаг Уловов Уизли»,²¹⁹ – во весь голос объявил он. – Там наше новое помещение!

– Специальные скидки тем ученикам Хогвартса, которые дадут клятву использовать наши товары, чтобы выжить эту старую образину, – добавил Джордж, ткнув пальцем в профессора Амбридж.

– ЗАДЕРЖАТЬ ИХ! – завопила Амбридж, но было поздно.

Едва члены Дознавательского Отряда двинулись с места, как Фред с Джорджем, оттолкнувшись от пола, взмыли на пятнадцать футов вверх, железный штырь угрожающе закачался под ними. Фред обернулся к полтергейсту, который болтался наверху, на одном с ним уровне, в противоположном конце вестибюля:

– Пивз, взгрей её от нашего имени.

И Пивз, который ни разу, на памяти Гарри, не слушался ни одного ученика, слёрнул с головы свой колпак с бубенчиками и размашисто отсалютовал в ответ, а Фред с Джорджем, под оглушительные аплодисменты учеников, сделали круг над их головами и через открытые парадные двери унеслись прочь, в ослепительный закат.

218 Portable swamp

219 Weasleys' Wizarding Wheezes

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ГРОУП²²⁰

Подробности вылета на волю Фреда и Джорджа пересказывались наперебой, и Гарри мог поручиться, что скоро эта история в Хогвартсе обрastёт легендами. Не прошло и недели, как даже те, кто видел всё собственными глазами, практически не сомневались, что близнецы перед тем, как пулей вылететь наружу, послали метлы в глубокое пике и на лету забросали Амбридж навозными бомбами. После побега близнецов по всей школе тут же покати́лась волна пересудов о желании последовать их примеру. Гарри не раз доводилось слышать, как ученики говорят друг другу: «Честно говоря, иногда мне хочется одного – залезть на метлу и убрат́ся отсюда» или «Ещё одно такое занятие, и считайте, что моя фамилия "Уизли"».

Фред и Джордж сделали всё, чтобы о них так просто не забыли. Во-первых, они не оставили никаких инструкций, как убрат́ болото, которое теперь заливало шестой этаж восточного крыла замка. Амбридж и Филча не раз заставляли за тщетными попытками от него избавиться. В конце концов, заболоченную территорию огородили верёвками, и Филчу было поручено перевозить учеников в классные комнаты на лодке, чем он и занимался, яростно скрежеща зубами. Гарри не сомневался, что преподаватели, к примеру МакГонаголл или Флитвик, справились бы с болотом в два счёта, но они, как и в истории с Ударными Угорелками Фреда и Джорджа, предпочитали наблюдать со стороны за жалкими потугами Амбридж.

Во-вторых, в двери кабинета Амбридж образовалась пара дыр в форме метел, пробитых «Чистомётами» Фреда и Джорджа, которые рвались воссоединиться со своими хозяевами. Филч приладил новую дверь, а «Всполох» Гарри перенёс в подземелья, где Амбридж, по слухам, приставила к метле вооружённого сторожевого тролля.

Но злоключения Амбридж только начинались.

Воодушевься примером Фреда и Джорджа, ученики, один за другим, наперебой претендовали на освободившиеся вакансии Главных Хулиганов. Несмотря на новую дверь, кому-то удалось подкинуть в кабинет Амбридж вонюхлера с щетинистым рылом, тот перекопал все углы в поисках чего-нибудь блестящего, а когда вошла Амбридж, кинулся на её толстенькие пальцы и попытался сгрызть с них кольца. Навозные бомбы и шарики-вонючки разбрасывали в коридорах так часто, что среди учеников вошло в моду перед выходом с занятия применять к себе чары Пузыреголовости²²¹ – только таким образом удавалось дышать свежим воздухом, к тому же вид становился весьма экстравагантный: будто разгуливаешь, нацепив на голову перевёрнутый аквариум.

²²⁰ Grawp (в кельтских языках корень гар- означает "тянуть в рот без разбору" или «сквернословить»; grab – (англ.) хватать, (gaelic) препятствовать; graip (gaelic) – навозные вилы)

²²¹ Bubble-Head Charm

Страстно желая подловить злодеев, Филч бродил по коридорам с хлыстом наизготовку, но, вот беда, нарушителей стало столько, что он не знал, куда и кинуться. Дознавательский Отряд пытался ему помогать, но с его членами всё время происходили странные вещи. Игрок слизеринской команды по квиддичу Уоррингтон угодил в больничное крыло с мерзким кожным недугом, от которого стал словно облепленный кукурузными хлопьями. К огромному удовольствию Гермионы, Пэнси Паркинсон однажды пришлось пропустить все уроки, потому что днём раньше у неё выросли ветвистые рога.

Тем временем выяснилось, какую кучу Прелестей Прогульщика Фред с Джорджем умудрились продать до своего отлёта из Хогвартса. Стоило Амбридж появиться в классе, как у учеников тут же начинались обмороки и рвота, зашкаливала температура, а из носа кровь лила в два ручья. Амбридж рвала и метала, пытаясь по загадочным симптомам определить источник заболевания, но ученики упорно твердили ей, что у них – «амбриджит».²²² После того, как четыре класса подряд получили взыскания, но так и не признались, Амбридж пришлось сдаться и отпустить со своих уроков целыми толпами истекающих кровью, полубоморочных, потных и блеющих учеников.

Но даже потребители Прелестей не могли тягаться с главным специалистом по хаосу – Пивзом, – которого прощальный наказ Фреда, видимо, задел за живое. Гогоча, как сумасшедший, Пивз носился по школе, переворачивал вверх ногами столы, как чёрт из табакерки выскакивал из классных досок, опрокидывал статуи и вазы, пару раз засовывал Миссис Норрис в рыцарские доспехи, откуда она дурным голосом завывала, пока её не вызволял разъярённый школьный смотритель. Пивз колотил фонари и гасил свечи, жонглировал горящими факелами прямо над головами визжащих учеников, отправлял аккуратные стопки пергаментов напрямик в камин или в окно, однажды затопил третий этаж, украв все до единого водопроводные краны из ванных комнат, в другой раз высыпал во время завтрака в центре Большого Зала целый мешок тарантулов, а в качестве передышки часами плавал по воздуху за Амбридж и, стоило ей заговорить, принимался издавать громкие и неприличные звуки.

Никто из взрослых, кроме Филча, даже не пытался помочь Амбридж. Более того, через неделю после побега Фреда и Джорджа Гарри своими ушами слышал, как профессор МакГонаголл, проходя мимо Пивза, который в поте лица отвинчивал хрустальную люстру, незаметно – но Гарри мог поклясться, что не ошибся, – шепнула Пивзу: «Она откручивается в другую сторону».

В довершение ко всему, Монтегю до сих пор не оправился от пребывания в туалете, плохо соображал и шарахался из стороны в сторону, и как-то утром во вторник, на главной аллее, ведущей к замку, показались его родители, разгневанные донельзя.

– Может нам стоит что-нибудь объяснить? – озабоченно предложила Гермиона, прижавшись щекой к окну класса чар и пытаясь разглядеть мистера и миссис Монтегю,

²²² Umbridgeitis

входивших в школу. – О том, что с ним произошло? Вдруг это поможет мадам Помффри его вылечить?

– Вот ещё, сам поправится, – равнодушно бросил Рон.

– Ага, и у Амбридж хлопот прибавится, как ни крути, – удовлетворённо заметил Гарри.

Он и Рон застучали палочками по чайным чашкам, которые следовало заколдовать. У чашки Гарри появились четыре коротенькие ножки, которые не доставали до стола и тщетно дрыгались в воздухе. А у чашки Рона выросли четыре тонюсеньких и длинных конечности, на которых чашка с трудом поднялась над столом, затем ножки её затряслись, резко подкосились, и она раскололась пополам.

– *Reparo*, – поспешно произнесла Гермиона, взмахом палочки починив чашку Рона. – Всё это здорово, конечно, но вдруг Монтегю навсегда останется таким?

– А кому какое дело? – раздражённо буркнул Рон, глядя, как его чашка поднимается на полусогнутых, опять шатаясь, как пьяная. – Нечего было Монтегю снимать с Гриффиндора столько баллов! Если тебе хочется за кого-нибудь попереживать, Гермиона, то переживай за меня!

– За тебя? – хмыкнула Гермиона, поймала свою чашку, которая на крепеньких ножках с синим китайским узором весело убегала прочь по столу, поставила её перед собой и добавила: – С чего это я должна за тебя переживать?

– Когда очередное мамино письмо, в конце концов, пройдёт процедуру досмотра у Амбридж, – с горечью начал Рон, поддерживая свою чашку, чьи хилые ножки не могли справиться с собственным весом, – меня ждут большие проблемы. Не удивлюсь, если она послала ещё одного Ревуна.

– Но...

– Вот увидишь, в том, что Фред и Джордж смылись, обвинят меня, – мрачно пояснил Рон. – Она скажет, что я должен был их остановить, должен был вцепиться в их мётлы и не пускать, или ещё чего... в общем, во всём окажусь виноват я.

– Ну, если она и *вправду* так скажет, то это просто нечестно, ты бы ничего не смог поделать! Но я уверена, такого она не скажет. По-моему, если у них, в самом деле, есть магазин в Косом переулке, значит, они готовились давным-давно.

– Ага, только вот откуда у них этот магазин – это ещё вопрос! – Рон так сильно ткнул палочкой свою чашку, что ножки у неё опять сложились пополам, и она в конвульсиях свалилась перед владельцем. – Как-то очень уж всё запутано... Аренда площади в Косом переулке стоит кучу галлеонов. Мама захочет узнать, как это им удалось заполучить столько золота.

– Да, меня это тоже интересует, – Гермиона пустила свою чашку наматывать трясцой маленькие круги вокруг чашки Гарри, коротеньким ножкам которой так и не удавалось дотянуться до поверхности стола. – Интересно, может, Мундунгус уговорил их краденым торговать, или ещё на какую-нибудь гадость?

– Ничего подобного, – отрезал Гарри.

– Тебе откуда знать? – хором удивились Рон и Гермиона.

– Потому что... – Гарри замялся, но, кажется, настал момент истины. Какой прок хранить тайну, если Фреда и Джорджа уже подозревают в преступлении. – Потому что золото им дал я. Я прошлым летом отдал им свой приз за Турнир.

Наступило напряжённое молчание. Чашка Гермионы подтрусилась к краю стола, сорвалась вниз и вдребезги разбилась.

– Гарри, не может быть! – выдавила Гермиона.

– Может, – упрямо возразил Гарри. – И, вообще, я об этом не жалею. Мне золото ни к чему, а у них будет прекрасный магазин всяких птучек.

– Но это же здорово! – потрясённо воскликнул Рон. – Значит, во всём виноват ты, а меня маме обвинять будет не в чем! Можно я ей расскажу?

– Наверное, лучше рассказать, – нехотя согласился Гарри. – Тем более, раз она считает, что они укрывают краденые котлы или ещё чего в этом роде.

До конца урока Гермиона не проронила ни слова, но у Гарри было стойкое предчувствие, что её самообладанию скоро наступит предел. Что и произошло на перемене, когда они вышли из замка во двор под ласковое майское солнце. Гермиона колючими глазами уставилась на Гарри и с решительным видом открыла рот.

Гарри вовремя успел её пресечь.

– Что сделано, то сделано, и нечего меня пилить, – твёрдо произнёс он. – Золото у Фреда и Джорджа, судя по всему, потратили они уже порядочно, забирать деньги обратно я не могу и не хочу. Так что, прикуси язык, Гермиона.

– Я не про Фреда с Джорджем хотела поговорить! – обиженно возразила Гермиона.

Рон недоверчиво фыркнул, и Гермиона одарила его недобрым взглядом.

– Да, не про них! – рассерженно повторила она. – Я хотела спросить у Гарри, когда он собирается идти к Снейпу и просить продолжать занятия по окклюменции!

У Гарри засосало под ложечкой. Рон и Гермиона захотели узнать подробности встречи с Сириусом в тот же самый день, едва иссякло многочасовое обсуждение эффектного побега Фреда и Джорджа. А поскольку истинной причины своего разговора с крёстным Гарри им не сообщал, то, недолго думая, выложил только часть правды, объяснив, что Сириус хотел, чтобы он, Гарри, продолжал заниматься окклюменцией. И с тех пор о сказанном пожалел не раз: Гермиона взяла себе это на заметку и периодически возвращалась к теме в такие моменты, когда Гарри меньше всего этого ожидал.

– Только не говори мне, что тебе перестали сниться странные сны, – наставляла Гермиона, – потому что Рон мне рассказал, что вчера ночью ты опять во сне разговаривал.

Гарри метнул на Рона испепеляющий взгляд. У Рона хватило такта напустить на себя пристыженный вид.

– Ты бормотал-то совсем чуть-чуть, – сконфуженно промямлил Рон. – Что-то вроде: «ну, ещё немного».

– Мне снилось, что я смотрю, как ты играешь в квиддич, – бесцеремонно соврал Гарри. – Я пытался заставить тебя протянуть ещё немного руку и достать квоффл.

У Рона покраснели уши. Гарри испытал своего рода мстительное удовольствие: естественно, ничего подобного ему не снилось.

Вчерашней ночью он опять попал в коридор департамента Тайн. Прошёл через круглую комнату, потом через помещение, где танцуют блики света и раздаются металлические щелчки, и вновь очутился в полутёмном зале, уставленном стеллажами, на которых выстроились пыльные стеклянные сферы.

Он торопился к определённому ряду под номером «97», налево и бегом вдоль стеллажа... наверное, тогда он и произнёс вслух «ну, ещё немного» ... потому что чувствовал, как изо всех сил заставляет себя проснуться... и, не успев добежать до конца ряда, очнулся в своей постели, тараща глаза на полог кровати.

– Но ты *стараешься* закрывать разум? – Гермиона сверлила глазами Гарри: – окклюменция тебе помогает?

– Конечно, – солгал Гарри, пытаясь сделать вид, что вопрос ему оскорбителен, но при этом старательно избегая смотреть Гермионе в глаза.

На самом деле ему было до такой степени любопытно, в чём же секрет этого зала, заставленного пыльными шарами, что хотелось лишь одного – пусть сны продолжают дальше.

Но, к сожалению, до экзаменов оставалось меньше месяца, каждая свободная минута посвящалась подготовке, и когда приходило время ложиться спать, голова уже настолько заполнялась различной информацией, что и заснуть-то было нелегко, а если, наконец, удавалось, то утомлённый мозг беспрерывно подсовывал дурацкие сны об экзаменах. К тому же Гарри подозревал, что в глубине души – в той её части, которая разговаривает голосом Гермионы, – он чувствует вину за эти похождения и, когда оказывается в коридоре перед чёрной дверью, сразу пытается прервать сон прежде, чем успевает дойти до конца.

– А знаете что, – заговорил Рон, уши которого ещё не остыли, – если Монтегю не оклемается до матча Слизерина с Хаффлапфом, то у нас есть неплохой шанс выиграть кубок.

– Ага, пожалуй, – радуясь перемене темы, поддакнул Гарри.

– Ну, то есть один мы выиграли, один проиграли... если слизеринцы в следующую субботу Хаффлапфу продуют...

– Ага, точно, – отозвался Гарри, теряя нить разговора: только что по двору прошла Чоу Чанг, и даже не взглянула в его сторону.

* * *

Финал квиддичного сезона – «Гриффиндор против Рэйвенкло» – был намечен на последние майские выходные. И, хотя в прошлом матче Слизерин уступил Хаффлапфу, гриффиндорцы не питали особых надежд на победу, в основном из-за провальной игры вратаря Рона (хотя никто, конечно, ему об этом не говорил). А Рон будто нашёл себе новый повод для оптимизма.

– Я же не могу играть ещё хуже, чем раньше? – мрачно пробурчал он Гарри и Гермионе за завтраком в день матча. – Так что, терять уже нечего.

– А знаешь, – некоторое время спустя заметила Гермиона Гарри, когда они с толпой взбудораженных учеников спускались к квиддичному полю, – по-моему, без Фреда и Джорджа Рон сможет сыграть получше. Они в него никогда по-настоящему не верили.

Их обогнала Луна Лавгуд, на голове которой восседал натурально живой орёл.

– Ох ты, я же забыла! – воскликнула Гермиона, провожая глазами орла, захлопавшего крыльями в тот момент, когда Луна невозмутимо прошла мимо компании слизеринцев, и те принялись показывать на неё пальцами и хихикать. – Сегодня ведь Чоу играет, да?

Гарри, который ничего не забыл, в ответ только промывчал: «Угу».

Они отыскиали места в верхних рядах трибун. Стоял чудесный ясный день, для Рона лучше не придумаешь, и Гарри робко надеялся, что Рон не даст слизеринцам повода ещё пуще голосить «Уизли – наш бог».

Матч, как всегда, комментировал Ли Джордан, очень удручённый отсутствием Фреда и Джорджа. Поэтому, когда команды выходили на поле, он называл игроков без своего обычного задора.

– ...Бредли... Девис... Чанг... – перечислял он.

Гарри ощутил в животе холодок, совсем лёгкий, когда на поле появилась Чоу, и лёгкий ветерок разметал её блестящие чёрные волосы. Он уже и не знал, чего бы ему хотелось, лишь бы больше не было скандалов. Даже заметив, что она перед тем, как оседлать метлу, оживлённо переговаривается с Роджером Девисом, Гарри ощутил только слабенький укол ревности.

– Итак, шары выпущены! – крикнул Ли. – И Девис тут же подхватывает квоффл, капитан команды Рэйвенкло Девис с квоффлом, он уходит от Джонсон, потом от Спиннет... он летит прямо к кольцу! Он собирается сделать бросок... и... и... – Ли громко выругался, – ...и попадает в цель.

Гарри, Гермиона и все гриффиндорцы дружно застонали. Естественно, к их ужасу, слизеринцы с противоположной трибуны затаили:

Уизли полный дурачок,
На кольцах спит он, как сурок...

– Гарри, – раздался над ухом хриплый голос. – Гермиона...

Оглянувшись, Гарри увидел, что между сиденьями торчит огромная бородатая физиономия Хагрида. Он, должно быть, проложил себе путь по заднему ряду: у первокурсников и второкурсников, мимо которых он пробирался, вид был потрёпанный и примятый. Хагрид почему-то скрючился в три погибели, будто норовя остаться незамеченным, но всё равно возвышался над всеми, по крайней мере, фута на четыре.

– Слышите... – зашептал он, – может, сходите со мной, а? Сейчас вот? Покуда ребятки тут матч глядят?

– Э... Хагрид, а может попозже? – спросил Гарри. – Когда матч закончится?

– Не-а, – шепнул Хагрид, – Гарри, давай сейчас... покуда никто не глядит... пожалуйста, а?

Из носа Хагрида капала кровь, вокруг глаз залегли чёрные круги. С тех пор, как Хагрид вернулся в школу, Гарри не видел его лица так близко: вид у него был совсем печальный.

– Ладно, – сразу передумал Гарри, – давай, пошли.

Они с Гермионой стали пробираться на выход по своему ряду под недовольное ворчание вынужденных вставать учеников. Зрители в ряду, по которому двигался Хагрид, безропотно пытались как можно плотнее ужаться.

– Ну, молодцы вы за это, молодцы, – добравшись до лестницы, выдохнул Хагрид. Спустившись вниз, он опасливо оглянулся по сторонам: – Кабы только она не заметила, как мы двинули.

– Ты про Амбридж? – уточнил Гарри. – Не заметит. Она посадила вокруг себя весь свой Дознавательский Отряд, ты не обратил внимания? Боятся, наверное, что на матче будут беспорядки.

– Эх, ну маленько беспорядка не помешало, – вздохнул Хагрид, осмотрительно выглядывая из-за трибун на лужайку – убедиться, что на пути к его хижине никого нет. – Нам бы времечка побольше было.

– Хагрид, что случилось? – встревоженно спросила Гермиона, пока они торопливо шагали по траве к опушке леса.

– Дык, сами увидите вско... – со стороны трибун донёлся оглушительный рёв болельщиков, и Хагрид обернулся через плечо: – Эка, забил кто?

– Рэйвенкло, – буркнул Гарри.

– Вот и ладно... – рассеянно откликнулся Хагрид. – Ладненько...

Он широкими шагами пересекал лужайку, на ходу непрерывно озираясь по сторонам, а ребятам, чтобы не отставать, приходилось бежать за ним вприпрыжку. У хижины Гермиона по привычке сразу свернула к двери, но Хагрид прошёл мимо, туда, где уже начиналась лесная тень, и подобрал прислонённый к дереву арбалет. Сообразив, что ребята отстали, он обернулся:

– Мы туда пойдём, – он мотнул назад косматой головой.

– В Лес? – оторопела Гермиона.

– Угу, – кивнул Хагрид. – Пошли живенько, пока нас не застукали.

Гарри и Гермиона переглянулись и двинулись в чащу следом за Хагридом, который с арбалетом в руке уже углубился в зелёный полумрак. Чтобы догнать его, Гарри и Гермионе пришлось прибавить шаг.

– Хагрид, а оружие зачем? – поинтересовался Гарри.

– На всякий случай, – он пожал плечами.

– Когда ты нам тестралов показывал, арбалет с собой не носил, – робко напомнила Гермиона.

– Ну, дык, тогда мы далеко не забирались, – ответил Хагрид. – Да и Фиренце с тех пор из Лесу ушёл.

– А какая разница, есть Фиренце или нет? – с любопытством осведомилась Гермиона.

– А другие-то кентавры больно уж злятся на меня, вот такая разница, – оглянувшись по сторонам, тихо пояснил Хагрид. – Раньше-то мы... ну, не скажу, чтоб дружбу водили, но

ладили. Жили они сами по себе, но ежели надо было мне потолковать, они завсегда тут, как тут. А теперь нет.

И он тяжело вздохнул.

– Фиренце сказал, что они рассердились, когда он пошёл работать на Дамблдора, – Гарри поднял глаза на Хагрида и тут же споткнулся о торчащий корень.

– Эге, – опять вздохнул Хагрид, – рассердились – это цветочки. Страсть как разозлились. Кабы я их не остановил, залягали бы Фиренце до смерти...

– Они на него напали? – ошеломлённо воскликнула Гермиона.

– А то, – урюмо бросил Хагрид, продираясь сквозь нависшие до земли ветки. – Полтабуна на него одного.

– И ты их остановил? – изумленно поразился Гарри. – Сам?

– Ну да. Стоять и глядеть, как его убивают, что ли? – буркнул Хагрид. – Хорошо, я мимо проходил... Я-то думал, Фиренце добро помнит, а он решил мне всяких дурацких советов понадавать! – вдруг запальчиво добавил он.

Гарри и Гермиона удивлённо переглянулись, но Хагрид насунился и стих.

– Как ни крути, – продолжил он, дыша тяжелее обычного, – но с той поры другие кентавры на меня злятся. Жалость какая, они ж в Лесу – сила... Самые смыслёные твари тут.

– Хагрид, мы поэтому сюда пришли? – уточнила Гермиона. – Из-за кентавров?

– Да нет, – Хагрид отрицательно помотал головой, – не из-за них. Они, знамо дело, могут и подпортить всё... Да скоро уж сами всё увидите.

На этой непонятной фразе он смолк и пошёл быстрее, так, что ребятам с трудом удавалось от него не отставать, и у них на каждый его шаг приходилось своих три.

Тропинка всё сужалась, деревья росли так часто, что, чем дальше в Лес, тем становилось темнее и темнее, будто наступил вечер. Вскоре и поляна, где Хагрид показывал им тестралов, осталась далеко позади, но Гарри не волновался, пока Хагрид вдруг не свернул с тропинки и не направился в тёмную глубь Леса, в самую чащу.

– Хагрид! – позвал Гарри, продираясь сквозь густые заросли ежевики, которые Хагрид просто перешагивал, и живо припоминая, что произошло, когда он в этом лесу свернул с тропинки в прошлый раз. – Мы куда?

– Ещё чуток, – через плечо отозвался Хагрид. – Давай, Гарри... теперь надобно друг за дружкой держаться.

Держаться за Хагридом было очень непросто – ему колючие кусты и ветки создавали помех не больше, чем паутина, но цеплялись за одежду Гарри и Гермионы так крепко, что порой не давали и шагу ступить, и приходилось подолгу выпутываться. Скоро руки и ноги Гарри покрылись порезами и царапинами. Они зашли в Лес уже так глубоко, что в полутьме Хагрид время от времени маячил впереди только здоровенным тёмным силуэтом. В вязкой тишине каждый звук казался угрожающим. Сучки ломались с раскатистым треском, а любой шорох, пусть даже это всего лишь безобидный воробей захлопал крыльями, заставлял Гарри подозрительно вглядываться во тьму. Он подумал, что никогда ещё не забирался в Лес так

далеко, при этом не встретив ни единого здешнего обитателя: их отсутствие пугало ещё больше.

– Хагрид, можно мы палочками посветим? – тихонько спросила Гермиона.

– Э-э... можно, – шепнул в ответ Хагрид, – даже...

Он резко остановился и обернулся. Гермиона наткнулась на него и повалилась назад. Гарри едва успел подхватить её у самой земли.

– Лучше мы постоим чуток, я вам... растолкую, – сказал Хагрид, – покуда мы туда не дошли, вот.

– Ладно! – обрадовалась Гермиона, едва Гарри поставил её на ноги.

Они оба прошептали: «*Lumos!*», и зажглись кончики палочек. В свете двух мерцающих лучиков из темноты проявилось лицо Хагрида, и Гарри опять отметил, какой у него измученный и унылый вид.

– Вона, значит... – замялся Хагрид, – ...такое дело... – он тяжело вздохнул: – Ну, это... уволить меня могут не сегодня-завтра, как пить дать.

Гарри и Гермиона глянули друг на друга, потом опять на Хагрида.

– Но ты уже так долго продержался, – осторожно начала Гермиона, – с чего ты решил...

– Амбридж думает, что это я ей в кабинет вонюхлера подсунул.

– А это ты? – вырвалось у Гарри.

– Да что я, совсем ошалел? – возмутился Хагрид. – Она думает, ежели магические существа, так сразу и я. Вы ж знаете, ей всё неймётся меня выпереть с той поры, как я вернулся. Я-то уходить не хочу, знамо дело, но кабы не... в общем... одно важное дело, про него я вам поясню, я б развернулся, и сам ушёл, чтоб она не выперла меня перед всей школой, как Трелони.

Гарри и Гермиона хором протестующе загалдели, но Хагрид отмахнулся богатырской дланью:

– Это ж не конец света, я смогу Дамблдору пособить, даже если меня тут не будет, всё одно Ордену полезным буду. А вам Граббл-Планк останется, вы... экзамен-то вы хорошо сдадите... – голос его задрожал и сорвался. – За меня не переживайте, – торопливо прибавил он, когда Гермиона потянулась погладить его по руке. Вытащив из кармана жилетки огромный грязный носовой платок, он вытер глаза: – Слышьте, не могу я смолчать про это, ежели всё ухнет. На случай, как уйти мне придётся... ну, не могу я смолчать... не могу так просто... потому как мне помощь от вас нужна. И от Рона, ежели он не прочь.

– Мы поможем тебе, обязательно, – поспешно отозвался Гарри. – Что нужно сделать?

Хагрид оглушительно шмыгнул носом и молча потрепал Гарри по плечу, да так, что тот боком впечатался в дерево.

– Я знал, что ты согласишься, – замычал Хагрид в носовой платок, – дык я... ни в жисть... не забуду... ну, это... совсем рядышком тут... сами поглядите ужо, крапива тут...

Ещё четверть часа они шли молча. Когда Гарри открыл было рот спросить, далеко ли ещё, Хагрид вдруг махнул правой рукой, мол, пора остановиться.

– Здесь аккуратненько, – вполголоса предупредил он. – Тихо-тихо...

Они подкрались поближе, Гарри увидел перед собой большой гладкий холм, примерно с Хагрида высотой, и с замиранием сердца решил, что это берлога какого-нибудь очередного гигантского животного. По периметру холма все до единого деревья были вырваны с корнем, и пятючок голой земли, где стоял холм, окружала груда стволов и веток, образуя своего рода забор или баррикаду, по обратную сторону которой и стояли Гарри, Гермиона и Хагрид.

– Спит, – выдохнул Хагрид.

До Гарри и в самом деле доносилось ритмичное громыхание, словно неподалёку функционировала пара огромных лёгких. Он покосился на Гермиону, она с отвисшей челюстью не сводила глаз с холма, и вид у неё был чрезвычайно испуганный.

– Хагрид, – почти неслышно из-за звука, производимого спящим существом, прошептала Гермиона, – кто это?

Гарри вопрос показался странным... Он бы спросил: «*Что это?*»

– Хагрид, ты же говорил... – у Гермионы в руке задрожала палочка, – ты же говорил, что никто из них не захотел приходить!

Гарри перевёл взгляд с неё на Хагрида и тут его пронзила страшная догадка: задохнувшись от ужаса, он опять уставился на холм.

Гора земли, на которой запросто могли бы поместиться и он, и Гермиона, и Хагрид, размеренно шевелилась вверх-вниз в такт басовитому храпу. Это был вовсе не холм. Это была согнутая спина, которая, несомненно, принадлежала...

– Ну... да... не хотел он приходить, – с явной безысходностью заговорил Хагрид, – но я должен был его привести, Гермиона, должен был!

Но почему? – со слезами в голосе воскликнула Гермиона. – Зачем?.. Как же?.. Ох, *Хагрид!*

– Дык, я думал, вот приведу его... – с таким же надрывом принялся объяснять Хагрид, – ...подучу маленько... смогу в люди вывести, показать всем, что он – безобидный!

– Безобидный! – истерически вскричала Гермиона, монстр оглушительно всхрапнул, заворочался во сне, и Хагрид тут же яростно зашипел на неё и замахал руками. – Это *он* тебя всё время бил? Из-за него у тебя такие раны!

– Он силы своей не понимает! – настаивал Хагрид. – Но помаленьку исправляется, дерётся поменьше...

– Так вот почему у тебя на обратный путь ушло два месяца! – смятенно проговорила Гермиона. – Ох, Хагрид, ну зачем же ты его притащил, если он сам этого не хотел? Ну разве со своими ему было бы не лучше?

– Да они его вечно шпыняли, Гермиона, он же такой махонький! – возразил Хагрид.

– Махонький? – повторила Гермиона. – *Махонький?*

– Гермиона, ну не мог я его оставить, – из подбитых глаз Хагрида в бороду потекли слёзы, – ну это ж... братушка мой!

Гермиона так и остолбенела с открытым ртом.

– Хагрид, – медленно начал Гарри, – под словом «братушка» ты подразумеваешь?..

– Ну... сводный он мне, – уточнил Хагрид. – Вышло-то как: мамаша моя, когда папашу бросила, связалась с другим великаном, а опосля Гроуп появился...

– Гроуп? – переспросил Гарри.

– Ага... на слух вроде так его зовут, – озабоченно подтвердил Хагрид. – По-нашему он плоховато говорит... уж я учил его, учил... в общем, его она, видать, любила не больше, чем меня. Такое дело, им, бабам у великанов, важно, чтоб ребёнок был крупным и здоровым, а он по их меркам завсегда был мелковат... шестнадцать футов всего...

– О, да, такой крошка! – истерично попыталась съязвить Гермиона. – Просто лилипут!

– Его там все шпыняли... ну не мог я оставить его...

– И мадам Максим тоже хотела привести его сюда? – осведомился Гарри.

– Она... ну, в общем, она видела, что мне это страсть, как важно, – Хагрид нервно сжимал и разжимал огромные кулаки. – Ну... ну, сказать по правде, потом устала она от него маленько... вот мы на обратном пути и разделились... обещалась никому не говорить...

– Как же тебе удалось его протащить, чтобы никто не заметил? – удивился Гарри.

– Эх, дык, потому-то мы столько и топали, – пояснил Хагрид. – Это ж только по ночам, да по глухотам и можно было... Знамо дело, ежели хочет, он несётся, что надо, да вот только он всё назад рыпался.

– Ох, Хагрид, ну что же ты его не отпустил-то! – Гермиона плюхнулась на вырванное с корнем дерево и уткнула лицо в ладони: – И что ты теперь собираешься делать с диким великаном, которому здесь вообще не нравится!

– Скажешь тоже «диким»... это уж перебор, – Хагрид беспрерывно сжимал и разжимал кулаки. – Ну, может пару раз отвесил мне, когда был не в духе, но вообще-то он исправляется, ведёт себя получше, угомонился слегка...

– А тогда зачем тут верёвки? – поинтересовался Гарри.

Верёвки он заметил только что: толстые, как молодые деревья, они тянулись от стволов самых могучих окружающих деревьев к тому пятачку, где спиной к ним, свернувшись, лежал Гроуп.

– Тебе приходится его связанным держать? – простионала Гермиона.

– Ну... да... – с озабоченным видом подтвердил Хагрид, – дело такое... я ж сказал... он силы своей совсем не понимает.

Теперь Гарри сообразил, отчего в этой части Леса было так подозрительно пусто.

– Так чего ты хочешь от нас с Гарри и Роном? – опасливо спросила Гермиона.

– Присматривать за ним, – пробурчал Хагрид, – когда меня не будет.

Гарри и Гермиона с тоской переглянулись. Гарри было неловко, что он уже дал Хагриду обещание сделать то, о чём он попросит.

– А... а как именно присматривать? – уточнила Гермиона.

– Да нет, кормить или ещё чего – не надо! – оживился Хагрид. – Он сам себе еду добудет, без проблем. Птицы, там, олени всякие... нет, ему нужна компания. Мне б только знать, что об нём заботятся, хотят помочь ему чуток... учат его, значит.

Гарри ничего не ответил, но обернулся взглянуть на спящую на земле перед ними громадину. В отличие от Хагрида, который выглядел как просто очень-очень высокий человек, пропорции Гроупа были какими-то искажёнными. То, что Гарри сначала принял за огромный, покрытый мхом валун на склоне холма, оказалось головой Гроупа. По отношению к телу она была гораздо больше, чем обычно бывает у человека, практически

шарообразная, и сплошь покрыта густыми курчавыми волосами цвета папоротников. Сверху торчал край большого, мясистого уха, а сама голова была посажена в плечи так глубоко, как у дяди Вернона, словно шеи не было вовсе, или она была совсем короткой. Из-под подобия грязной бурой рубахи, грубо сшитой из шкур животных, виднелась необъятных размеров спина, и когда Гроуп во сне вдыхал, казалось, что рубаха трещит по всем своим кривым швам. Поджатых ног было не разглядеть, виднелись только огромные, грязные босые ступни, размером с санки, одна поверх другой.

– Значит, ты хочешь, чтобы мы его учили, – упавшим голосом повторил Гарри.

Теперь понятно, что означало предупреждение Фиренце. *«Его усилия тщетны. Лучше ему будет отступить»*. Естественно, прочие обитатели Леса не могли не слышать тщетные попытки Хагрида обучить Гроупа английскому языку.

– Ну да... так, покалякать с ним маленько, – с надеждой поддакнул Хагрид, – потому как, ежели он с людьми сможет говорить, до него дойдёт, что мы его любим и хотим, чтоб он остался.

Гарри взглянул на Гермину, та между пальцев прижатых к лицу ладоней смотрела на него.

– Жалеешь, что Норберта не вернуть, да? – спросил он у неё, Гермину в ответ нервно хихикнула.

– Ну чего, согласные вы? – Хагрид, похоже, не уловил смысла последних слов Гарри.

– Ну, мы... – начал Гарри, которого связывало данное обещание, – мы попробуем, Хагрид.

– Я всегда знал, Гарри, что ты – настоящий друг, – Хагрид слезливо просил и вновь прижал к лицу носовой платок. – Вы только не заморачивайтесь, не надо... я ж понимаю, у вас экзамены... хоть разок на недельке к нему заглядывайте, с плащом-невидимкой, поболтать маленько. Ну, я тогда будну его... познакомитесь...

– Как... нет! – подскочила Гермину. – Хагрид, не надо, не буди его, правда, мы переживём...

Но Хагрид уже перешагнул огромный поваленный ствол и подошёл к Гроупу. Не доходя футов десять, он подобрал длинный отломанный сук, через плечо ободряюще улыбнулся Гарри и Гермине, а потом с размаху ткнул сукон Гроупа в спину.

Великан взревел, и по притихшему Лесу прокатилось гулкое эхо, птицы на верхушках деревьев защебетали, взмыли вверх и разлетелись врассыпную. А перед Гарри и Герминей тем временем вздымалась громадина Гроупа, и когда он опёрся рукой, вставая на колени, под ногами у них ходуном заходила земля. Чтобы разглядеть – кто и зачем побеспокоил его, великан завертел головой.

– Всё путём, Гроупушка? – с напускной приветливостью крикнул Хагрид, отступая назад и держа длинный сук наготове в направлении Гроупа. – Выспался?

Гарри и Гермину попятились как можно дальше, не сводя глаз с великана. Гроуп стоял на коленях между двумя деревьями, которые ещё не успел выкорчевать. На фоне неба его здоровенная физиономия маячила в полутьме как серая полная луна. Впечатление было такое, будто в огромном каменном шаре высекали черты лица: нос – короткий и

бесформенный, рот – косой и полный кривых жёлтых зубов, каждый размером с полкирпича, глаза – по меркам великанов небольшие, мутные, зеленовато-карие и со сна затёкшие. Гроуп поднёс к лицу грязные кулаки, костяшками пальцев, каждая размером не меньше шара для крикета,²²³ крепко потёр глаза и вдруг с удивительным проворством вскочил на ноги.

– Мамочки! – услышал Гарри сбоку взвизг Гермионы.

Деревья, к которым были привязаны концы верёвок от запястий и лодыжек Гроупа, зловеще закрипели. Как Хагрид и говорил, в Гроупе было не меньше шестнадцати футов роста. Поведа вокруг мутным взглядом, великан протянул ладонь величиной с пляжный зонт к верхушке сосны, схватил оттуда птичье гнездо, перевернул его и с явным неудовольствием от того, что в нём не оказалось птиц, заревел. Яйца полетели вниз, как гранаты, Хагрид, защищаясь, прикрыл руками голову.

– Ну, ёлы-палы, Гроупушка, – выглядывая вверх со всеми предосторожностями на случай продолжения яйцепада, крикнул Хагрид, – а я тебе друзей привёл! Помнишь, я тебе обещал? Помнишь, я тебе говорил, что, ежели отлучусь маленько, они за тобой присмотрят? Помнишь, а, Гроупушка?

Но Гроуп в ответ лишь ещё раз глухо рыкнул. Трудно сказать, слышал ли он Хагрида, понял ли вообще, что звуки, издаваемые Хагридом, имеют какой-то смысл. Теперь он схватил сосну за верхушку и тянул на себя, видимо просто ради забавы, чтобы посмотреть куда она качнется, когда он её отпустит.

– Гроупушка, а ну, кончай! – заорал Хагрид. – Вона, как ты тут всё повывёртывал...

И в самом деле, Гарри увидел, как вокруг корней дерева начала трескаться земля.

– Я тебе гостей привёл! – орал Хагрид. – Гости, глянь! Сюда глянь, ты, дурилка, друзей тебе нашёл!

– Ох, Хагрид, не надо, – простонала Гермиона, но Хагрид уже поднял сук и чувствительно ткнул Гроупа в колено.

Великан выпустил верхушку сосны, она закачалась из стороны в сторону и осыпала Хагрида дождём иголок. Гроуп опустил голову.

– Вона, – Хагрид заторопился в сторону Гарри и Гермионы, – это Гарри, Гроуп! Гарри Поттер! Ежели я отлучусь, к тебе будет ходить он, ты понял?

Великан только сейчас сообразил, что внизу есть Гарри и Гермиона. Они, отчаянно трясаясь, смотрели, как опускается огромный валун его головы и приближаются мутные глазищи.

– А это Гермиона, видишь? Её... – Хагрид замялся и, повернувшись к Гермионе, справился: – Гермиона, ты не против, если он будет звать тебя Герми? А то имя длинное, ему не упомянуть.

– Нет, нет, совсем не против, – пискнула Гермиона.

– Гроуп, это Герми! Она тоже будет приходить и всё такое! Это ж здорово, ага? У тебя два друга... ГРОУП, НЕТ!

²²³ Размер шара для крикета – 23 см в окружности

Вдруг, откуда ни возьмись, рядом с Гермионой появилась рука Гроупа. Гарри схватил Гермиону и оттащил её за дерево, пальцы Гроупа царапнули ствол и цапнули лишь воздух.

– ГРОУПУШКА, ПАРШИВЕЦ! – донёлся вопль Хагрида по ту сторону ствола, Гермиона, дрожа и поскуливая, жалась к Гарри. – АХ ТЫ, ПАРШИВЕЦ! НЕ СМЕЙ ЦАП... УХ!

Гарри высунулся из-за дерева и увидел, что Хагрид лежит навзничь, прижимая к носу кулак. Гроуп, должно быть потеряв интерес к происходящему, выпрямился и вновь занялся сосной, выясняя, до какой степени можно её согнуть.

– Ладно, – поднимаясь, неразборчиво забубнил Хагрид, одной рукой зажимая кровоточащий нос, а в другой держа арбалет. – Ну... вы, это... познакомились, стало быть... стало быть, теперича он вас признает, ежели придёте... Ага... ладно...

Он поднял глаза на Гроупа, который с явным удовольствием на глыбообразном лице сгибал сосну, выдирая её из земли; у сосны уже трещали корни.

– В общем, хватит на сегодня, – заключил Хагрид. – Мы, это... пошли отсюда, ага?

Гарри и Гермиона закивали. Хагрид забросил на плечо арбалет и двинулся в обратный путь сквозь чащу, не отнимая руки от носа.

Все молчали, и даже когда позади издалека донёлся грохот, означавший, что Гроупу удалось, наконец, выкорчевать сосну, никто не произнёс ни слова. Лицо у Гермионы было бледное и застывшее. У Гарри в голове крутилась одна-единственная мысль, невыразимая словами. Чёрт возьми, а если кто-нибудь узнает, что Хагрид в Запретном Лесу прячет Гроупа, что тогда? А ведь он пообещал Хагриду, что вместе с Роном и Гермионой станет продолжать абсолютно бессмысленные попытки воспитывать этого великана. Да как же Хагриду, даже при всей его поразительной наивности, могло взбрести в голову, что такие жуткие монстры станут безобидными милашками, что Гроуп, хоть когда-нибудь, сможет общаться с людьми?

– Стоп, – неожиданно скомандовал Хагрид, в тот момент, когда Гарри и Гермиона продирались сквозь густые заросли спорыша.

Вытянул из колчана за плечом стрелу и приладил её в арбалет. Гарри и Гермиона подняли палочки: теперь, когда они остановились, слышно было, что рядом кто-то движется.

– Ох, чтоб тебе, – прошептал Хагрид.

– Хагрид, сдаётся мне, тебе было сказано, – раздался низкий мужской голос, – что впредь ты здесь нежеланный гость?

На мгновение почудилось, будто к ним, сквозь пёструю зелёную полутьму плывёт обнажённый мужской торс, потом обнаружилось, что ниже талии он плавно переходит в гнедой конский круп. У кентавра было надменное скуластое лицо и длинные чёрные волосы. Как и Хагрид, он был вооружён – за плечом висел полный стрел колчан и длинный лук.

– Как жизнь, Магориан?²²⁴ – осторожно поинтересовался Хагрид.

²²⁴ Magorian (Michelle Magorian – английская детская писательница. В её книгах воспевается воздействие природы на человека, и присутствуют элементы жестокости)

За спиной Магориана зашелестели деревья, и следом появились ещё четыре или пять кентавров. Гарри узнал вороного бородатого Бейна,²²⁵ с которым познакомился почти четыре года назад, той же ночью, что и с Фиренце. Бейн и виду не подавал, что прежде уже встречал Гарри.

– Вот как, – обронил Бейн с неприятной интонацией и обратился к Магориану: – Кажется, мы уже решили, как поступим, если этот человек когда-либо вновь сунется в Лес?

– «Этот человек» – обо мне что ли? – вспыхнул Хагрид. – И всё потому, что не дал вам смертоубийство учинить?

– Тебе не следовало вмешиваться, Хагрид, – заявил Магориан. – Наши обычаи – не чета вашим, и наши законы – тоже. Фиренце предал и опозорил нас.

– С чего вы это взяли, не пойму, – раздражённо буркнул Хагрид. – Да ничего такого он не сделал, просто помог Альбусу Дамблдору...

– Фиренце стал прислуживать людям, – произнёс серый кентавр с суровым, изборождённым морщинами лицом.

– «Прислуживать!» – передразнил Хагрид. – Да он Дамблдору услугу оказал и все дела...

– Он все разменял среди людей наши знания и наши секреты, – негромко проговорил Магориан. – Такому бесчестью нет прощения.

– Ну, тебе виднее, – пожал плечами Хагрид, – но моё мнение – вы боольшую ошибку делаете...

– Так же, как и ты, человек, – заверил его Бейн, – если вернулся в наш лес, хотя мы тебя предупреждали...

– Слушай, – сердито начал Хагрид, – на этот «наш» лес у меня прав не меньше твоего. И кто сюда приходит и уходит, не твоё дело...

– Как раз это отныне не твоё дело, Хагрид, – вкрадчиво произнёс Магориан. – Сегодня я позволю тебе пройти, потому что с тобой твои детёныши...

– Они не его! – высокомерно прервал его Бейн. – Это ученики, Магориан, из школы! И, может быть, они уже воспользовались уроками предателя Фиренце.

– Пусть так, – ровно сказал Магориан, – но забой жеребят – страшное преступление, невинных мы трогать не станем. А ты, Хагрид, сегодня можешь проходить. Но впредь держись отсюда подальше. Когда ты помог предателю Фиренце сбежать от нас, право на дружбу с кентаврами ты утратил.

– Ещё чего, да чтоб я в лес не заходил из-за вашего стада ослиц?! – громогласно высказался Хагрид.

– Хагрид, – перепуганно пискнула Гермiona, глядя, как Бейн и серый кентавр забили копытами, – пойдём, пожалуйста, пойдём отсюда!

Хагрид двинулся вперёд, по-прежнему держа арбалет наготове и не сводя угрожающего взгляда с Магориана.

Когда кентавры уже скрылись из виду, вслед им раздался оклик Магориана:

– Хагрид, нам известно, кого ты прячешь в Лесу! И наше терпение на исходе!

²²⁵ Vane (bane – убийца; отравы; бедствие, бич)

Хагрид обернулся с таким видом, что вот-вот рванёт обратно к Магориану.

– Потерпите его столько, сколько надо! Лес такой же его, как и ваш! – заорал он, а Гарри с Гермионой, пытаясь его удержать, изо всех сил налегли на Хагридову кротовую жилетку.

Хагрид насупленно глянул вниз, и, от вида того, как навалились на него ребята, выражение его лица стало изумлённо-растроганным: видимо, он даже ничего не почувствовал.

– Ну-ну, уймись, – он повернулся и зашагал дальше, ребята, пыхтя, припустили следом. – Вот же ослищии треклятые, э? – буркнул он.

– Хагрид, – запыхавшись начала Гермиона, пробираясь в обход уже знакомых по пути сюда зарослей крапивы, – если кентаврам не нравится, что в Лесу люди, то, вообще-то, как же мы с Гарри сможем...

– Дык, слыхала, что они говорили, – отмахнулся Хагрид, – жеребят они не обижают, то бишь – детей. Короче, не дадим этим гаврикам тут командовать.

– А идея была неплохая, – шепнул Гарри приунывшей Гермионе.

Наконец они добрались до тропинки, ещё десять минут спустя деревья начали редеть, над головой вновь замелькало ярко-голубое небо, а издали стали доноситься явственные аплодисменты и ликующие вопли. Когда показался квиддичный стадион, Хагрид приостановился за деревом:

– Ещё один гол забили? Или чего, матч уже закончился, что ли?

– Не знаю, – уныло ответила Гермиона.

Гарри посмотрел, что вид у неё – хуже некуда: в волосах застряла куча хворостинки и листьев, мантия в нескольких местах порвана, а лицо и руки исполосованы царапинами. Он понимал, что и сам выглядит не лучше.

– Слышите, сдаётся мне, что всё закончилось! – Хагрид всё выглядывал в сторону стадиона. – Гляньте... там народ уже двинул... ежели поторопитесь, к толпе прибьётесь, так никто и не сообразит, что вас там не было!

– Хорошая мысль, – согласился Гарри. – Ладно... тогда до встречи, Хагрид.

– Этого не может быть, – срывающимся голосом зачастила Гермиона, как только они отошли подальше, и Хагрид уже не мог слышать. – Этого не может быть. Нет, это просто *невероятно*.

– Успокойся, – сказал Гарри.

– Успокойся?! – вскинулась Гермиона. – Великан! В Лесу – великан! И мы, вроде как, должны учить его английскому! Причём, само собой, только если нам повезёт проскочить мимо стада кровожадных кентавров! Этого – *не может* – быть!

– Пока ещё нам ничего делать не нужно! – вполголоса попытался унять её Гарри, потому что они уже смешались с оравой тараторивших хаффлапфцев, шедших в сторону замка. – Пока его не выгнали, он от нас ничего не ждёт, может всё ещё обойдётся.

– Ох, Гарри, брось! – рассерженно воскликнула Гермиона и, как вкопанная, застыла посреди дороги так, что всем пришлось её обходить. – Его выгонят, как пить дать, и, если честно, после того, что мы увидели, кто станет обвинять Амбридж?

Повисла пауза. Гарри, не мигая, смотрел на Гермиону, её глаза медленно наполнялись слезами.

– Ты ведь не это имела в виду, – тихо уточнил Гарри.

– Нет... ну... ладно... не это, – Гермиона сердито вытерла глаза. – Но почему он вечно усложняет жизнь и себе, и *нам*?

– Не знаю...

– Да пусть заткнутся, наконец, со своей дурацкой песней, – простонала Гермиона, – ну сколько можно злорадствовать?

От квиддичного поля по косогору поднималась толпа учеников.

– Ой, давай пойдём, пока слизеринцы не догнали, – позвала Гермиона.

Уизли просто молоток,
На кольцах у него замок,
И Гриффиндор поёт стишок
Уизли наш бог.

– Гермиона... – медленно начал Гарри.

Песня становилась громче, но доносилась она не со стороны кучки одетых в зелёное с серебром слизеринцев, а из толпы в красном с золотом, которая медленно двигалась к замку, неся кого-то на плечах.

Уизли наш бог,
Уизли наш бог,
Все квоффлы подловить он смог,
Уизли наш бог...

– Как? – сдавленно пролепетала Гермиона.

– ТАК! – воскликнул Гарри.

– ГАРРИ! ГЕРМИОНА! – завопил Рон, с ошалелым видом размахивая в воздухе серебряным квиддичным кубком. – У НАС ПОЛУЧИЛОСЬ! МЫ ПОБЕДИЛИ!

Когда Рона проносили мимо, друзья, задрав головы, лучезарно заулыбались ему. У входа в замок образовалась толча, Рона крепко приложили головой о притолоку двери, но опускать его, похоже, никто не собирался. Не прекращая скандировать, толпа протиснулась в вестибюль и скрылась из виду. Гарри и Гермиона, сияя, глядели им вслед, пока не затихли последние куплеты «Уизли – нашего бога». Потом посмотрели друг на друга и улыбки на их лицах медленно погасли.

– Ну что, прибережём новости до завтра? – предложил Гарри.

– Конечно, – устало согласилась Гермиона. – Торопиться некуда.

Они вместе поднялись по ступенькам. В дверях замка оба инстинктивно оглянулись на Запретный Лес. Гарри показалось, или, может, это было лишь плодом его воображения, что

вдалеке мельтешит маленькая стайка птиц, взмывших в воздух над верхушками деревьев, словно дерево, где они обитали, только что вырвали с корнем.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СОВЫ

Весь следующий день, от того что помог Гриффиндору завоевать квиддичный кубок, Рон витал в облаках и не мог ни на чём сосредоточиться. Ему хотелось только одного – обсуждать матч, поэтому Гарри и Гермионе никак не удавалось улучшить подходящий момент и рассказать ему про Гроупа. Ради этого, правда, никто из кожи вон не лез – не очень-то хотелось возвращать Рона на землю таким откровенно зверским способом. Поскольку день опять выдался ясным и тёплым, друзья уговорили Рона составить им компанию и позаниматься не в гостиной, а на берегу озера под буком, подальше от посторонних ушей. Это предложение Рона поначалу отнюдь не прельщало – его вполне устраивало и кресло, и то, что каждый проходящий мимо гриффиндорец хлопает его по плечу, не говоря уже о спорадических выбросах «Уизли – нашего бога», – но, в конце концов, он согласился, что глоток свежего воздуха пойдёт ему на пользу.

Разложив учебники в тени бука, ребята уселись, а Рон – уже в десятый раз – взахлёб рассказывал, как отбил первый шар:

– Короче, значит, один от Девиса я уже пропустил, и мне уже не по себе, а тут передо мной, откуда ни возьмись – Бредли, и вдруг меня осенило: *могу!* У меня секунда, не больше – решить куда метнуться, прикиньте, вроде он целит в правое кольцо... справа от меня, понятно, а от него – слева... но ни с того, ни с сего дошло, что это у него отвлекающий манёвр, и я рискнул, полетел влево – в смысле, от него вправо... и... ну... сами видели, чем закончилось, – скромно заключил Рон, безо всякой необходимости откидывая назад волосы, вроде их так привлекательно раздуло ветром, и оглядываясь по сторонам – слышат ли его окружающие: кучка болтающих меж собой третьекурсников-хаффлаффцев. – А потом, когда на меня минут через пять налетел Чеймберс... Чего? – глянув на Гарри, Рон замер на полуслове: – Чего ты ухмыляешься?

– Ничего, – поспешно ответил Гарри и уткнулся в учебник по трансфигурации, пытаясь совладать с лицом. На самом деле Рон только что невольно напомнил ему другого гриффиндорского игрока в квиддич, который когда-то ерошил волосы под этим самым деревом. – Просто я рад, что мы победили, вот и всё.

– Ага, – протянул Рон, смакуя каждое слово: – мы *победили*. Вы заметили, какая миная была у Чанг, когда Джинни увела снитч прямо у неё из-под носа?

– Заревела, наверное? – едко предположил Гарри.

– Ну, да... от злости скорее всего, хотя... – Рон слегка нахмурился. – А как она зашвырнула метлу, когда приземлилась, видели?

– Э-э... – замялся Гарри.

– Ладно, дело в том... мы не видели, Рон, – Гермиона тяжело вздохнула, опустила учебник и сконфуженно посмотрела на него: – Собственно говоря, мы с Гарри ничего, кроме первого гола Девиса, не видели.

Старательно взъерошенные волосы Рона от разочарования бессильно сникли.

– Вы не смотрели? – переводя взгляд с Гарри на Гермиону, пролепетал Рон. – Вы вообще не видели, как я защищал кольца?

– Ну... нет, – Гермиона примиряюще протянула к нему руку. – Но, Рон, мы не хотели уходить, так получилось!

– Да? – лицо Рона заливалось краской. – Почему?

– Из-за Хагрида, – пояснил Гарри. – Он решил нам объяснить, почему весь в синяках с тех пор, как вернулся от великанов. Хотел, чтобы мы пошли с ним в Лес, и у нас выбора не осталось. Ты же знаешь, каким он бывает. В общем...

Рассказ занял пять минут, по истечении которых негодование на лице Рона сменилось выражением крайнего недоверия.

– *Он прихватил с собой одного и прячет его в Лесу?*

– Угу, – мрачно подтвердил Гарри.

– Нет, – заключил Рон, будто отрицанием всё можно было исправить, – нет, не мог он так поступить.

– Вот смог, – отрезала Гермиона. – В Группе футов шестнадцать роста, он обожает выдёргивать из земли двадцатифутовые сосны, и я ему представлена, – фыркнула она, – как Герми.

Рон нервно рассмеялся.

– И Хагрид хочет, чтобы мы?..

– Ага, учили его английскому, – подсказал Гарри.

– Он выжил из ума, – с оттенком благоговейного страха протянул Рон.

– Вот именно, – раздражённо бросила Гермиона, перелистнула страницу «Этапов трансфигурации» и свирепо уставилась на череду диаграмм, демонстрировавших превращение совы в театральный бинокль. – Я тоже начинаю думать, что он выжил из ума. Но, к сожалению, он взял с нас с Гарри обещание.

– Ну и что, придётся вам просто забрать своё обещание обратно, и все дела, – твёрдо заявил Рон. – В смысле, это... экзамены у нас, и до исключения нам... – он свёл большой и указательный пальцы вместе, почти не оставив между ними зазора, – ...вот столечко осталось. И вообще... Норберта помните? Арагога помните? Нам хоть когда-нибудь везло с Хагридовыми друзьями-монстрами?

– Я помню, но, просто... мы пообещали, – слабо возразила Гермиона.

Рон с озабоченным видом стал приглаживать волосы.

– Ладно, – вздохнул он, – Хагрида ведь пока не уволили, так? Он уже долго продержался, может, до конца семестра дотянет, тогда к Группе вообще не придётся идти.

* * *

Окрестности Хогвартса сияли на солнце как новенькая картинка, безоблачное небо любовалось на своё отражение в сверкающей озёрной глади, нежно-зелёную травку едва покачивал ласковый ветерок. Наступил июнь, но для пятикурсников это означало только одно: скоро СОВы.

Преподаватели больше ничего не задавали на дом, занятия целиком посвящались повторению тем, которые скорее всего будут на экзаменах. В лихорадочной обстановке предэкзаменационной гонки Гарри забыл почти обо всём на свете кроме СОВ, только иногда, на зельях, задумывался: передал ли Люпин Снейпу, чтобы тот продолжил учить Гарри окклюменции. Если передал, то значит Снейп проигнорировал Люпина так же, как и Гарри. Тем лучше: забот и переживаний хватало и без дополнительных занятий со Снейпом. К счастью, у Гермионы на приставания к Гарри с окклюменцией не оставалось ни минутки свободной — она беспрерывно что-то бормотала себе под нос, даже одежду эльфам давным-давно не подбрасывала.

В неуклонном приближении СОВ не только Гермиона вела себя неестественно. У Эрни Макмиллана появилась неприятная привычка допрашивать кого ни попадя о методах подготовки к экзаменам.

— А как у вас, сколько часов в день на учёбу уходит? — с маниакальным блеском в глазах пристал он к Гарри и Рону в очереди на входе в теплицы гербологии.

— Не знаю, — отмахнулся Рон. — Не считал.

— Больше или меньше восьми?

— По-моему, меньше, — слегка заволновался Рон.

— У меня уходит восемь, — выпятил грудь Эрни. — Восемь или девять. У меня ещё час перед завтраком получается. Обычно восемь. А за целый выходной получается десять. В понедельник девять с половиной было. Во вторник похуже — всего семь с четвертью. А в среду...

Гарри был до глубины души признателен профессору Спраут, которая на этом пункте отчета завела всех в третью теплицу, вынудив Эрни прерваться.

А тут ещё и Дрэйко Малфой нашёл способ посеять панику. За несколько дней до начала экзаменов, перед зельями, он во всеуслышанье громогласно заявил Крэббу и Гойлу:

— Главное, разумеется, — не *что* ты знаешь, а *кого* ты знаешь. Так вот, отец уже не первый год в хороших отношениях с председателем Магической Экзаменационной Комиссии — старухой Гризелдой Марчбэнкс. Мы её на ужин приглашали и всё такое...

— Как думаете, это правда? — тревожно зашептала Гермиона Гарри и Рону.

— Если правда, тут уж ничего не поделаешь, — уныло ответил Рон.

— По-моему, неправда, — тихо сказал за их спинами Невилл. — Потому что Гризелда Марчбэнкс — подруга моей бабули, и про Малфоев она ни разу не упомянула.

— А какая она, Невилл? — тут же поинтересовалась Гермиона. — Строгая?

— Вообще говоря, слегка похожа на бабулю, — подавленно признался Невилл.

— Но тебе же не повредит знакомство с ней? — подбодрил его Рон.

— Ох, сомневаюсь, что это вообще повлияет, — совсем скуксился Невилл. — Бабуля всегда твердила профессору Марчбэнкс, что мой отец был не мне чета... ну... вы же в больнице святого Мунго видели, что она за человек.

Невилл не поднимал глаз. Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, но не нашлись, что сказать. Встречу в магической больнице Невилл упомянул впервые с тех пор.

Тем временем среди пяти- и семикурсников процветала торговля из-под полы всякими средствами, повышающими концентрацию, сообразительность и отбивающими сон. Гарри и Рон не смогли устоять против бутылочки Эликсира Башковитости от Баруфффио,²²⁶ которую предложил им шестикурсник Эдди Кармайкл. Он клялся, что только благодаря эликсиру год назад сдал на отлично девять СОВ, и всего за двенадцать галлеонов предлагал целую пинту. Рон заверил Гарри, что свою долю отдаст, как только закончит Хогвартс и устроится на работу, но не успели они ударить по рукам, как Гермиона конфисковала у Кармайкла бутылочку и вылила содержимое в унитаз.

– Гермиона, мы же хотели его купить! – завопил Рон.

– Не будьте идиотами, – проворчала она. – С таким же успехом можно покупать у Гарольда Дингла толчёный коготь дракона. Кончайте вы с этим.

– А у Дингла есть толчённый драконий коготь? – оживился Рон.

– Уже нет, – сообщила Гермиона. – Я его тоже конфисковала. Будьте уверены, ни одно из этих средств на самом деле не помогает.

– Коготь дракона помогает! – воскликнул Рон. – Говорят, это потрясающая штука, за несколько часов всё на свете выучишь, башка как бешеная работает... Гермиона, ну дай щёпотку, хуже не будет...

– От той гадости могло быть и хуже, – мрачно заверила его Гермиона. – Я изучила порошок – это просто сушёный помёт докси.

Такие подробности заметно охладили интерес Гарри и Рона к мозговым стимуляторам.

Очередное занятие по трансфигурации было посвящено знакомству с экзаменационным расписанием и инструкцией по процедуре сдачи СОВ.

– Как видите, – говорила профессор МакГонаголл, пока класс переписывал с доски даты и время экзаменов, – СОВы растянутся больше чем на две недели. Теорию вы будете сдавать письменно, по утрам, а практическая часть экзаменов – во второй половине дня. Практический экзамен по астрономии будет проводиться, разумеется, ночью.

Теперь, должна предупредить вас, что на экзаменационные листы с вопросами наложены самые надёжные чары от жульничества. В экзаменационном зале запрещается пользоваться Перьями-автоответчиками, а также Помнивсёмами, Нарукавниками-шпаргалками и Чернилами-самоправками.²²⁷ Каждый год, если мне не изменяет память, находится, по меньшей мере, один ученик, который полагает, что правила Магической Экзаменационной Комиссии писаны не для него. Смею полагать, что это будет не гриффиндорец. Наша новая... директриса... – профессор МакГонаголл произнесла это слово с тем же выражением лица, с каким тётя Петунья обычно изучает особо стойкое

²²⁶ Baruffio's Brain Elixir – Baruffio – маг, которого поминает Флитвик в ГПиФК, некогда вместо «F» он произнёс «S» и оказался на полу, а на нём – буйвол (очевидно, Баруфффио произнёс нечто вроде «Barussio»; barrus – (лат.) слон, barometrum – барометр; barra – боевой клич римских легионеров, с которым они «давили» противника)

²²⁷ Auto-Answer Quills, Remembralls, Detachable Cribbing Cuffs, Self-Correcting Ink

грязное пятно, – попросила глав Домов уведомить своих учеников, что мошенникам на экзаменах пощады не будет... поскольку результаты экзаменов, само собой разумеется, могут бросить тень на новые школьные порядки, установленные директрисой... – профессор МакГонаголл еле заметно вздохнула, и Гарри заметил, как раздулись крылья её тонкого носа, – ...впрочем, это не означает, что вы не должны стараться. Прежде всего, вам следует думать о собственном будущем.

– Профессор, извините, – Гермiona подняла руку, – а когда мы узнаем результаты?

– В течение июля вам отправят сову, – ответила профессор МакГонаголл.

– Здорово, – отчётливо зашептал Дин Томас, – выходит, до каникул об этом можно не волноваться.

Гарри представил, как через полтора месяца будет сидеть в своей комнате на Бирючинном проезде и ждать результатов СОВ. «Ладно, – вяло решил он, – зато хоть одно письмо летом точно получу».

Первый экзамен – по теории чар – был назначен на утро понедельника. Гарри согласился после воскресного обеда проверить Гермionу, но тут же об этом пожалел: она страшно дёргалась и то и дело выхватывала у него из рук учебник, чтобы убедиться, что ответила безупречно, и в конце концов так сильно стукнула его по носу острым краем «Успехов в чарах»,²²⁸ что у Гарри даже слёзы из глаз брызнули.

– Не проще ли самой? – он решительно всучил ей книгу обратно.

Рон, тем временем, заткнув пальцами уши и беззвучно шевеля губами, перечитывал конспекты по чарам за два года. Шеймас Финниган, растянувшись на полу, вслух повторял определение Материализующих чар,²²⁹ а Дин проверял его по «Стандартной книге заклинаний, уровень 5».²³⁰ Парвати и Лаванда, упражняясь в основных Перемещательных чарах,²³¹ пускали наперегонки, кругом по столу, свои пеналы.

Ужин прошёл в подавленном настроении. Гарри и Рон почти не разговаривали, но ели с аппетитом, потому что весь день занимались в поте лица. Гермiona, напротив, беспрерывно бросала вилку с ножом и ныряла под стол за сумкой, вытаскивала учебник и сверялась с очередным правилом или картинкой. Только Рон заметил ей, что нужно как следует поесть, иначе ночью не уснёшь, как из ослабевших пальцев Гермiony выскользнула вилка и с громким звоном упала на тарелку.

²²⁸ Achievements in Charming (ex. Stanford Achievement Test – Стэнфордский тест на проверку уровня овладения знаниями)

²²⁹ Substantive Charm

²³⁰ The Standard Book of Spells, Grade 5

²³¹ Locomotion Charms

– Ой, мамочки, – уставившись в вестибюль, пролепетала она. – Это они? Это экзаменаторы?

Гарри и Рон быстро обернулись. За дверями Большого Зала маячила группка ведьм и колдунов преклонного возраста, а рядом с ними – Амбридж. К удовольствию Гарри, Амбридж заметно нервничала.

– Может, пойдём уже и заодно рассмотрим получше? – предложил Рон.

Гарри и Гермиона кивнули, и они втроём заторопились к двустворчатым дверям, ведущим в вестибюль, но у порога замедлили шаг и степенно прошли мимо экзаменаторов. Гарри решил, что профессор Марчбэнкс, должно быть, та самая, с которой так почтительно беседует Амбридж, – сторбленная маленькая ведьма с лицом, покрытым сеткой морщин. Видимо, профессор Марчбэнкс была туговата на ухо: она отвечала Амбридж очень громко, хотя та стояла в шаге от неё.

– Прекрасная поездка, прекрасная, времени у нас было предостаточно! – нетерпеливо отмахивалась профессор Марчбэнкс. – Так. Что-то давненько я ничего от Дамблдора не слыхала! – добавила она, оглядывая вестибюль, будто рассчитывая, что он выскочит из чулана для мётел. – Небось, не в курсе, где он?

– Понятия не имею, – Амбридж злобно глянула на Гарри, Рона и Гермиону, которые застряли у подножия лестницы, пока Рон делал вид, что завязывает шнурок. – Но осмелюсь предположить, что Министерство магии в скором времени его разыщет.

– А это вряд ли, – прокричала крошечная профессор Марчбэнкс, – разве только Дамблдор сам захочет, чтобы его нашли! Мне ли не знать... когда он КРОТы сдавал, я лично принимала у него экзамен по трансфигурации и чарам... вот уж не видала прежде, чтобы такое палочкой вытворяли.

Гарри, Рон и Гермиона, еле-еле, насколько хватало выдержки, ползли вверх по мраморной лестнице.

– Да... ну ладно... – осеклась Амбридж. – Позвольте показать вам вашу комнату. Полагаю, после поездки вы не откажетесь выпить чашечку чаю?

Вечер прошёл скверно. Все старались напоследок что-нибудь повторить, но без толку. Гарри рано отправился спать, но ещё долго-долго, не час и не два, лежал без сна. Вспоминал консультацию по профориентации и ярую решимость профессора МакГонаголл помочь ему стать аврором во что бы то ни стало. Теперь, когда подошло время экзаменов, Гарри уже жалел, что не высказал более осуществимого намерения. Он понимал, что не ему одному не спится, но никто в спальне не проронил ни слова и, в конце концов, один за другим, все заснули.

Наутро, за завтраком, пятикурсники тоже почти не разговаривали. Парвати бормотала себе под нос слова заклинаний, при этом солонка перед ней ходила ходуном. Гермиона с такой скоростью перечитывала «Успехи в чарах», что зрочки у неё так и мелькали туда-сюда. А Невилл то и дело ронял нож и вилку и опрокидывал джем.

После окончания завтрака все ученики ушли на занятия, а пяти- и семикурсники до половины десятого слонялись по вестибюлю, потом их, класс за классом, собрали и завели

обратно в Большой Зал, который стал именно таким, каким Гарри видел его в ситодуме, когда СОВ сдавали отец, Сириус и Снейп. Столы четырёх Домов исчезли, их сменили ряды столиков на одного, выстроенные по направлению к столу преподавателей в дальнем конце Большого Зала, где, поджидая ребят, уже стояла профессор Макогнаголл. Когда все расселись и стихли, она объявила: «Можете приступать» и крутанула гигантские песочные часы, стоявшие рядом, на столе с запасными перьями, чернильницами и свитками пергамента.

Гарри с бьющимся сердцем перевернул свой билет (Гермиона, сидевшая на четыре стола впереди и тремя рядами правее, уже что-то строчила), опустил глаза и прочёл первый вопрос: «а) *Воспроизведите формулу заклинания и б) опишите движение палочки, требуемое для того, чтобы заставить предметы летать*».

У Гарри промелькнуло воспоминание о дубинке, взлетевшей под потолок и с грохотом рухнувшей на непробиваемую башку тролля... Он усмехнулся себе под нос, склонился над листом с вопросом и принялся писать.

* * *

Ну вот, всё оказалось не так уж страшно, да? — два часа спустя, в вестибюле озабоченно спрашивала Гермиона, теребя в руках экзаменационный билет. — Я не уверена, что как следует справилась с Веселящими чарами,²³² времени не хватило. А вы вписали контрзаклятие от икоты? Я не знала, нужно ли, что-то много получалось... а в двадцать третьем вопросе...

— Гермиона, — строго оборвал её Рон, — проехали... Не будем каждый экзамен по второму разу обсуждать, хватит с нас и одного.

Пятикурсники пообедали вместе со всеми остальными (столы четырёх Домов на время обеда появились вновь), потом отправились в маленькую комнатку рядом с Большим Залом, где следовало ждать, пока их не позовут на практическую часть экзамена. Приглашали зайти группками, по алфавитному списку, и оставшиеся тем временем бубнили заклинания и махали для тренировки палочками, порой ненароком тыкая друг другу в спину или в глаз.

Вызвали Гермиону. Она, дрожа, вышла из комнаты вместе с Энтони Голдштейном, Грегори Гойлом и Дафной Гринграсс. Те, у кого экзамен уже приняли, обратно не возвращались, поэтому ребята понятия не имели, как сдала Гермиона. Рон пробурчал:

— У неё всё нормально будет, помнишь, как она какой-то тест по чарам сдала на сто двенадцать процентов?

Десять минут спустя профессор Флитвик объявил:

— Паркинсон Пэнси, Патил Падма, Патил Парвати, Поттер Гарри.

— Удачи, — шепнул Рон.

Гарри направился в Большой Зал, сжимая палочку так крепко, что дрожала рука.

— Поттер, проходите к профессору Тофти, — пропихнул стоявший сразу за дверью профессор Флитвик.

Он указал в сторону маленького столика в дальнем углу, где, по соседству с профессором Марчбэнкс, которая уже экзаменовала Дрэйко Малфоя, сидел не иначе как самый старый и самый лысый экзаменатор.

– Вы Поттер? – профессор Тофти сверился со списком и поверх пенсне пристально глянул на подошедшего Гарри. – Тот самый знаменитый Поттер?

Краем глаза Гарри отметил, какой испепеляющий взгляд бросил на него Малфой. Бокал Малфоя, который тот заклинанием поднимал в воздух, упал на пол и разбился. Гарри не мог сдержать усмешку и профессор Тофти ободряюще улыбнулся ему в ответ.

– Вот-вот, – надтреснутым старческим голосом заметил он, – нечего нервничать. Ну-с, будьте любезны, берите эту подставку для яиц и пусть она мне тут покувыркается.

Кажется, всё в основном прошло неплохо. Чары Левитации²³³ удались ему куда лучше, чем Малфоя, хотя, к сожалению, он перепутал магические формулы чар Смены Цвета и Роста,²³⁴ поэтому крыса, которой полагалось стать оранжевой, успела жутким образом вырасти до размеров барсука, прежде чем Гарри исправил ошибку. Он порадовался, что Гермионы в тот момент в Зале не оказалось, и впоследствии не стал о своей ошибке упоминать. Зато с Роном, само собой, можно было поделиться – Рон превратил тарелку в здоровенный гриб и понятия не имел, как это произошло.

Вечером даже расслабиться не удалось: сразу после ужина они отправились в гостиную и погрузились в подготовку к предстоящей на завтра трансфигурации. Спать Гарри лёг с головой, гудящей от теоретических познаний и сложных схем выполнения заклинаний.

Наутро, во время письменного экзамена он забыл определение Замещающего заклинания,²³⁵ но практическая часть прошла, вроде бы, не так уж плохо. Во всяком случае, ему удалось без остатка устранить свою игуану, а вот бедняжка Ханна Эббот за соседним столом совсем растерялась и каким-то образом умудрилась из своего хорька расплодить целую стаю фламинго, даже экзамен пришлось на десять минут прервать, пока всех птиц не переловили и не вынесли из Зала.

В среду состоялся экзамен по гербологии (по ощущениям Гарри всё прошло гладко, если не считать укуса Зубастой герани²³⁶), а в четверг – по защите от Тёмных искусств. Вот тут-то у Гарри впервые не возникло сомнений в успешной сдаче. Ни один письменный вопрос не вызвал ни малейшего затруднения, а практическая часть вообще доставила несказанное удовольствие: он выполнял противослазы и защитные заклинания прямо на глазах Амбридж, холодно следившей за ним с порога Зала. После демонстрации

²³³ Levitation Charm

²³⁴ Colour Change and Growth Charms

²³⁵ Switching Spell

²³⁶ Fanged Geranium

безупречного заклинания изгнания богарта профессор Тофти, который опять принимал экзамен у Гарри, воскликнул:

– Bravo! Отменно, право слово! Ну-с, Поттер, пожалуй, это всё... только вот... – он слегка подался вперёд: – ...Слыхал я от своего досточтимого друга Тибернуса Огдена, что вы, дескать, умеете создавать Патронуса? На поощрительный балл, а?..

Гарри поднял палочку, посмотрел в упор на Амбридж и представил, что её увольняют:

– *Expecto patronum!*

Из кончика палочки вырвался серебряный олень. Пока олень скакал по Залу, все экзаменаторы не сводили с него глаз, а когда он растаял серебристой дымкой, профессор Тофти восхищённо захлопал в ладоши, с тыльной стороны узловатые, с набухшими венами.

– Великолепно! – воскликнул он. – Ну-с, прекрасно, Поттер, можете идти!

На выходе Гарри встретился взглядом с Амбридж. Её вялый жабий рот расплылся в гадкую улыбочку, но Гарри было наплевать. Если он не заблуждается, глубоко и безнадежно (а если и так, всё равно никому об этом не расскажет), то СОВу он только что сдал на «Отлично».

В пятницу Гермiona сдавала свои древние руны, а у Гарри и Рона выдался свободный день, и, поскольку впереди их ждали ещё два выходных дня, ребята решили дать себе передышку. Зевая и потягиваясь, они играли в магические шахматы у открытого окна, откуда тянуло тёплым летним ветерком. Вдалеке, на опушке леса, проводил занятие Хагрид. Гарри попробовал догадаться, каким созданиям посвящено занятие: «Должно быть единорогам», – решил он, потому что мальчики стояли как бы немного поодаль.

И тут проход за портретом открылся, оттуда выбралась Гермiona, явно злая донельзя.

– Ну, как руны? – зевнув, поинтересовался Рон.

– Я неправильно перевела «э’ваз!» – выпалила Гермiona. – Она обозначает «сотрудничество», а не «защита». Я перепутала её с «эй’ваз»!²³⁷

– Ну и ладно, – лениво отмахнулся Рон, – всего одна ошибка, подумаешь, ты ещё получишь...

– Ой, заткнись! – вскипела Гермiona. – На одну такую ошибку «сдал» может отличаться от «не сдал». Кстати, в кабинет Амбридж подсунули ещё одного вонюхлера. Не представляю, как они умудрились справиться с той новой дверью, но я только что проходила мимо, Амбридж там визжит, как резаная... Можно подумать, что ей откусили полноги...

– Здорово, – разом откликнулись Гарри и Рон.

– Ничего *не здорово!* – пылко возразила Гермiona. – Она же валит всё на Хагрида, забыли что ли? Если его уволят, нам будет совсем *не здорово!*

– Он сейчас занятие проводит, – Гарри ткнул пальцем в окно, – она не сможет его обвинить.

²³⁷ Руны Aihos (Ehwas) и Eiws (Eihwas)

– Ох, Гарри, ты иногда ну такой *наивный*! Ты что, в самом деле считаешь, что Амбридж будет собирать доказательства? – Гермиона, должно быть, окончательно вышла из себя, ринулась в спальню девочек и захлопнула за собой дверь.

– Какая приятная, милая девочка, – тихонько прокомментировал Рон и подтолкнул своего ферзя, чтобы тот взял одного из коней Гарри.

Гермиона пребывала в дурном расположении духа почти все выходные, правда, Гарри и Рону без особых потерь удалось это пережить, потому что большую часть субботы и воскресенья они готовились к предстоящему в понедельник экзамену по зельям. Его Гарри ждал с наименьшим воодушевлением, будучи уверен в том, что именно этот экзамен поставит крест на всех его планах стать аврором. Письменная часть и в самом деле оказалась сложной, оставалось надеяться лишь на вопрос о Многосущном зелье:²³⁸ тайком выпив его ещё на втором курсе, теперь Гарри мог безошибочно описать его действие.

Практическая часть экзамена во второй половине дня прошла не так уж мрачно, как он предполагал. Снейп на экзамене не присутствовал, и Гарри убедился, что готовить зелья без Снейпа – куда спокойнее. Сидевший рядом Невилл тоже выглядел таким развесёлым, каким никогда прежде на зельях не бывал. Когда профессор Марчбэнкс объявила: «Прошу всех отойти от котлов, экзамен окончен!» – Гарри принялся закупоривать колбу с образцом своего зелья с ощущением, что даже если достойной отметки ему и не видать, то, по крайней мере, удалось избежать провала.

По дороге в гриффиндорскую гостиную Парвати Патил устало вздохнула:

– Осталось всего четыре экзамена...

– Всего! – передразнила Гермиона. – Мне ещё арифмантику сдавать, а по сравнению с ней всё остальное – просто чепуха!

Остальным хватило ума в ответ не огрызнуться, так что Гермионе не удалось ни на ком сорвать злость и пришлось удовольствоваться выговором первокурсникам, которые чересчур громко хихикали в гостиной.

На вторник Гарри, чтобы не подвести Хагрида, твёрдо вознамерился безупречно сдать экзамен по уходу за магическими существами. Практический экзамен проходил после обеда, на опушке Запретного Леса, где ученикам предстояло обнаружить свиля среди дюжины ежей (хитрость состояла в том, чтобы всем им по очереди предложить молоко: свиля, чьи иглы обладают множеством магических свойств, как существа крайне подозрительные, от подобного предложения обычно приходят в ярость, считая, что их пытаются отравить). Потом следовало продемонстрировать, как ты умеешь обращаться с ногомолами, без серьёзных ожогов кормить и чистить огнекрабов и из широкого ассортимента кормов выбирать диету для больного единорога.

Гарри видел, как Хагрид смятенно следит за происходящим из окошка своей хижины. Когда экзаменатор Гарри – на сей раз низенькая толстенная ведьма, – улыбнулась и сообщила, что Гарри свободен, он, перед возвращением в замок, тут же незаметно показал Хагриду выставленные вверх большие пальцы.

238 Polyjuice Potion

Теоретическая часть экзамена по астрономии, с утра в среду, прошла неплохо. Гарри не мог поручиться, что все спутники Юпитера написал правильно, но уж во всяком случае, ни один из них мёдом не намазал. Практическая часть экзамена была намечена на вечер, а после обеда вместо неё сдавали прорицание.

Даже при всех неудачах Гарри в прорицании, экзамен по нему проходил хуже не придумаешь. Хрустальный шар упорно не желал ничего показывать, с таким же успехом можно было бы вглядываться в поверхность стола. Во время гадания по чайникам Гарри совсем запутался и сказал профессору Марчбэнкс, что ему открылось, будто вскоре её ждёт встреча с дородным, мрачным, до нитки промокшим незнакомцем. А в довершение всего Гарри потерпел полное фиаско, перепутав на её ладони линию жизни с линией ума, после чего сообщил, что ей суждено было умереть в прошлый вторник.

– Ну, провал по этому экзамену нам был обеспечен заранее, – уныло буркнул Рон, когда они поднимались по мраморной лестнице.

Он только что заметно поднял Гарри настроение, рассказав, как подробно живописал экзаменатору уродливого мужчину с бородавкой на носу, которого видит в хрустальном шаре, а когда поднял голову, до него дошло, что он описывает отражение самого экзаменатора.

– Не нужно было вообще выбирать этот дурацкий предмет, – сказал Гарри.

– Зато теперь, наконец, можем его бросить.

– Ага, – поддакнул Гарри. – Хватит прикидываться, точно нас волнует, как бы чего не вышло, если Юпитер с Ураном вибрации устраивают.²³⁹

– И отныне, даже если чайники напишут: *«конец тебе, Рон»*, мне плевать! Всё равно их в помойку выброшу, туда им и дорога!

Гарри разобрал смех как раз в тот момент, когда их нагнала Гермиона. Он тут же осёкся на случай, вдруг она примет веселье на свой счёт.

– Ну вот, по-моему, с арифмантикой у меня всё в порядке, – заявила Гермиона, и Гарри с Роном дружно и с облегчением вздохнули. – Так, до ужина как раз успеем быстренько просмотреть карты звёздного неба...

В одиннадцать вечера они поднялись на Астрономическую Башню – ночь для наблюдений за звёздами выдалась идеальная: безветренная, в небе ни облачка. Серебристый лунный свет холодом заливал окрестности замка. Все настроили свои телескопы и, по сигналу профессора Марчбэнкс, принялись заполнять выданные им пустые карты звёздного неба.

Профессор Марчбэнкс и профессор Тофти прогуливались между ребятами, наблюдая за тем, как они вносят точные координаты обнаруженных звёзд и планет. Тишину нарушал только шелест пергамента, царапанье множества перьев и, время от времени, скрип регулируемого на треноге телескопа. Прошло полчаса, потом ещё полчаса; квадратики

²³⁹ «...when Jupiter and Uranus get too friendly». Юпитер и Уран у ребят являются постоянным предметом двусмысленных шуток: Jupiter созвучно «your peter» – «твой пенис», а Uranus – «your anus».

золотистого света, падавшие из окон на землю, начали гаснуть по мере того, как гасли огни в замке.

Гарри как раз закончил наносить на карту созвездие Ориона, когда прямо под той частью балкона, где он стоял, отворились двери парадного входа в замок, и, стекая по каменным ступеням, на лужайку пролился свет. Поправляя телескоп, Гарри глянул вниз и заметил, что на ярко освещённую траву упали длинные тени – пять или шесть, – потом двери захлопнулись, и лужайку опять поглотила тьма.

Гарри снова приник к окуляру телескопа и навёл фокус на Венеру. Оторвался, чтобы отметить её на карте, но что-то отвлекло его внимание: он замер с занесённым над пергаментом пером, прищурившись, вгляделся в темноту двора и увидел, как по лужайке движется с полдюжины фигур. Если бы они не шли, и лунный свет не поблёскивал на их макушках, на фоне тёмного двора их было бы незаметно. У Гарри возникло странное чувство, что, даже на таком расстоянии, он узнаёт походку самой приземистой фигуры во главе процессии.

Непонятно, с чего вдруг Амбридж вздумалось среди ночи выйти прогуляться, тем более – в компании пяти человек. Тут за его спиной кто-то кашлянул, и Гарри вспомнил, что экзамен в самом разгаре. Координаты Венеры уже успели вылететь из головы. Прижавшись глазом к телескопу, Гарри опять нашёл её и опять собрался было нанести на карту, но, чутко ловя любой подозрительный звук, расслышал вдалеке стук, который эхом разнёсся по пустынной округе, а сразу вслед за стуком – приглушённый басовитый собачий лай.

Гарри глянул вниз, и сердце у него гулко ёкнуло. У Хагрида зажёгся свет, и те самые люди, которых он заметил на лужайке, теперь маячили на фоне окошек. Дверь отворилась, и на его глазах шесть чётко высвеченных фигур шагнули за порог. Дверь закрылась, и наступила тишина.

Гарри стало совсем не по себе. Он оглянулся посмотреть, заметили ли Рон с Гермионой то же, что и он, но за спиной в этот момент как раз оказалась профессор Марчбэнкс. Чтобы не подумали, будто он списывает, Гарри поспешно склонился над картой звёздного неба, делая вид, что усердно её заполняет, а сам, тем временем, стал поверх перил следить за хижинкой Хагрида. Фигуры двигались по хижине мимо окошек, время от времени закрывая свет.

Гарри затылком почувствовал, как профессор Марчбэнкс смотрит на него, и опять припал к телескопу, таращась на Луну, положение которой записал ещё час назад, но стоило экзаменаторше отойти, как из хижинки раздался рёв, эхо которого сквозь тьму долетело до самой вершины Астрономической Башни. Окружающие бросили телескопы и принялись вглядываться в направлении хижинки Хагрида.

Профессор Тофти опять коротко кашлянул и мягко окликнул:

– Ну-ка, мальчики и девочки, старайтесь не отвлекаться.

Почти все вернулись к телескопам. Гарри посмотрел налево. Гермиона не сводила глаз с хижинки Хагрида.

– Гм!.. Осталось двадцать минут, – объявил профессор Тофти.

Гермиона вздрогнула и тут же занялась своей картой, Гарри глянул на свою и обратил внимание, что по ошибке отметил Марс на месте Венеры. Наклонился исправить.

И тут по всей округе прокатилось оглушительное «БА-БАХ!». «Ай-ай!» – раздалось на башне, когда, торопясь разглядеть, что же случилось внизу, некоторые в спешке ткнули себе в глаз телескопом.

Хагридова дверь с грохотом распахнулась, и в потоке света из хижины вырос несомненно принадлежащий хозяину массивный силуэт, который издавал рёв и размахивал кулаками, а окружавшая его шестёрка, судя по тоненьким ниточкам красного света в его направлении, пыталась задержать его Оглушающими заклинаниями.²⁴⁰

– Нет! – вскрикнула Гермиона.

– Голубушка! – громко возмутился профессор Тофти. – У нас экзамен!

Но на карты звёздного неба уже никто не обращал внимания. У хижины беспрерывно мелькали красные лучи, но почему-то словно отскакивали от Хагрида, он по-прежнему держался на ногах и, насколько Гарри мог разобрать, по-прежнему дрался. По округе эхом разносились вопли и крики, какой-то мужчина заорал:

– Образумься, Хагрид!

Хагрид взревел:

– К чёрту «образумься», Долиш, врёшь, не возьмёшь!

Гарри разглядел крошечный силуэт Клыка, который пытался защитить хозяина и наскакивал на окруживших Хагрида колдунов, пока в него самого не угодило Оглушающее заклинание и не свалило на землю. Хагрид взвыл от ярости, схватил виновного в охапку и отшвырнул футов на десять. Человек уже не поднялся. Гермиона ахнула и прижала ладони к губам, Гарри оглянулся на Рона – тот тоже перепутан. Никому из них прежде не доводилось видеть Хагрида в таком бешенстве.

– Смотрите! – взвизгнула Парвати, перегнувшись через парапет и указывая к подножию замка, где опять распахнулись двери парадного входа: на фоне светлого пятна, упавшего на тёмную лужайку, зазмеялась одинокая длинная чёрная тень.

– Ну и дела! – озабоченно воскликнул профессор Тофти. – Да будет вам известно, что осталось всего шестнадцать минут!

Но никто и ухом не повёл – теперь все следили за человеком, который со всех ног бежал на поле боя у хижины Хагрида.

– Да как вы смеете! – на бегу закричал человек. – Как вы *смеете*!

– Это же МакГонаголл! – выдохнула Гермиона.

– Оставьте его! Слышите? *Оставьте!* – послышался из темноты голос профессора МакГонаголла. – На каком основании вы на него напали? Он ничего не сделал, ничего, что даёт право так...

Гермиона, Парвати и Лаванда дружно завизжали. Люди у хижины пульнули в профессора МакГонаголла четырьмя Оглушателями, не меньше. Красные лучи настигли её на полдороги от замка до хижины – на мгновение профессора МакГонаголла осветило жутким

²⁴⁰ Stunning Spell – заклинание, магическая формула которого «Stupefy», действует, поражая ступором.

красным огнём, потом подбросило в воздух, она плашмя рухнула на спину и больше не шевелилась.

– Не гони горгулий! – завопил профессор Тофти, тоже, видимо, напрочь забыв об экзамене. – Предупреждать же надо! Какая наглость!

– ТРУСЫ! – заревел Хагрид; его голос отчетливо доносился до вершины башни, а в замке начали зажигаться окна. – ПРОКЛЯТЫЕ ТРУСЫ! ВОТ, ПОЛУЧИ... И ВОТ ТАК...

– Ничего себе... – ахнула Гермиона.

Хагрид нанёс пару мощных ударов двум ближайшим к нему противникам и вывел их строя, судя по тому, как они мешками повалились на землю. Гарри увидел, как Хагрид согнулся пополам, и было подумал, что заклинания его всё же одолели. Но как бы не так: в следующее мгновение Хагрид выпрямился с каким-то кулем за спиной – чуть позже Гарри догадался, что на плечах у него висит тело подбитого Клыка.

– Держи его, держи его! – завопила Амбридж, но её оставшемуся подручному, похоже, совсем не улыбалось оказаться в пределах досягаемости Хагридовых кулаков; он так быстро попятился, что споткнулся о бесчувственное тело своего напарника и рухнул сверху.

Хагрид, с Клыком на закорках, развернулся и бросился бежать. Амбридж бросила ему вдогонку последнее Оглушающее заклинание, но безрезультатно, и Хагрид пушечным ядром промчался в дальние ворота и скрылся в темноте.

Воцарилась продолжительная, наэлектризованная тишина, все ошеломлённо таращились вниз. Наконец раздался неуверенный голос профессора Тофти:

– Хм... у вас пять минут осталось.

Хотя Гарри заполнил только две трети карты, но никак не мог дождаться, когда же закончится экзамен. Наконец, он, Рон и Гермиона, кое-как затолкав телескопы в футляры, по спиральной лестнице помчались вниз. Спать никто и не думал, все ученики собрались у подножия лестницы и наперебой, возбуждённо обсуждали увиденное.

– Вот же гадина! – лоя ртом воздух, сбивчиво возмущалась Гермиона. – Пыталась к Хагриду исподтишка подобраться, среди ночи!

– Она определённо хотела избежать повторения сцены с Трелони, – глубокомысленно заявил Эрни Макмиллан, протиснувшись поближе.

– А Хагрид молодцом, да? – вид у Рона был скорее встревоженный, нежели восторженный. – Как это все заклинания от него отскакивали?

– Наверное потому, что у него в роду великаны, – неуверенно пояснила Гермиона, – великана поразить очень сложно, они как тролли, непробиваемые... Но профессор МакГонаголл, беденькая... четыре Оглушателя прямо в грудь, в её-то возрасте!

– Кошмар, кошмар, – напыщенно кивая, подтвердил Эрни. – Ладно, я пошёл спать. Всем спокойной ночи.

Другие тоже потянулись уходить, продолжая оживлённо обсуждать увиденное.

– Во всяком случае, им не удалось упечь Хагрида в Азкабан, – решил Рон. – Он, небось, к Дамблдору двинул?

– Надеюсь, – со слезами на глазах согласилась Гермиона. – Ох, какой ужас, я так рассчитывала, что Дамблдор скоро вернётся, а теперь и Хагрида нет.

Они побрели в гриффиндорскую гостиную, там оказалось полно народу. Некоторых разбудила суматоха на улице, они тут же подняли своих приятелей. Шеймас и Дин, которые вернулись раньше Гарри, Рона и Гермионы, уже рассказывали всем, что видели и слышали с вершины Астрономической Башни.

– Но зачем Хагрида-то увольнять? – качая головой, удивлялась Анджелина Джонсон. – Он же не Трелони, он вообще в этом году учил гораздо лучше, чем раньше!

– Амбридж ненавидит полулюдей, – плюхнувшись в кресло, горько пояснила Гермиона, – Хагрида она давно мечтала выгнать.

– Она думала, что это Хагрид подбрасывал ей вонюхлеров в кабинет, – подала голос Кэти Белл.

– Ничего себе! – Ли Джордан прикрыл ладонью рот. – Это же я в её кабинет вонюхлеров подбрасывал. Фред с Джорджем оставили мне парочку, вот я ей в окно их и слевитировал...

– Она бы всё равно его выгнала, – рассудил Дин. – Он же заодно с Дамблдором был.

– Это верно, – согласился Гарри, опускаясь в кресло рядом с Гермионой.

– Пусть только с профессором МакГонагалл всё будет хорошо, – всхлипнула Лаванда.

– Её принесли в замок, мы в окно спальни смотрели, – сообщил Колин Криви. – Выглядела она неважно.

– Мадам Помфри с ней разберётся, – твёрдо заявила Алисия Спиннет. – Она ещё никогда не подводила.

Гостиная опустела только к четырём утра. Гарри был как на иголках: перед глазами стояла картина убегающего в темноту Хагрида. Амбридж заслуживала самого худшего, от злости даже в голову не приходило – чего именно, самым достойным казалось предложение Рона: бросить её на корм в загон с голодными взрывохвостыми скрутами. Обдумывая в кровати планы жуткой мести, Гарри заснул и через три часа проснулся совершенно не выспавшимся.

Заключительный экзамен – по истории магии – предстоял во второй половине дня. После завтрака Гарри с превеликим удовольствием вернулся бы обратно в постель, но с утра полагалось напоследок всё повторить. Поэтому, вместо спальни, Гарри, подперев руками голову и изо всех сил стараясь не заснуть, сидел в гостиной у окна и одну за другой штудировал одолженные у Гермионы лекции, стопка которых вздымалась на три с половиной фута.

В два часа пополудни пятикурсники вошли в Большой Зал и заняли места перед экзаменационными билетами, разложенными обратной стороной вверх. Силы у Гарри были на исходе и хотелось лишь одного – чтобы всё поскорее закончилось, побыстрее бы уйти и лечь спать. А завтра они с Роном пойдут на квиддичное поле – можно будет полетать на метле Рона – и станут наслаждаться свободой от зубрёжки.

– Переворачивайте билеты, – стоя в торце Зала перед учениками, объявила профессор Марчбэнкс и опрокинула гигантские песочные часы. – Можно начинать.

Гарри обречённо уставился на первый вопрос. Несколько секунд спустя до него дошло, что он не понимает ни слова; в стекло высокого окна колотилась оса и сбивала с мысли. Наконец, медленно и со скрипом, Гарри начал писать ответ.

Имена вспоминались с огромным трудом, даты беспрерывно путались. Четвёртый вопрос: *«Как, по-вашему, принятые в XVIII веке законы о волшебных палочках способствовали восстаниям гоблинов или, наоборот, позволили лучше их контролировать?»* – Гарри не мудрствуя лукаво пропустил, решив вернуться к нему позже, если останется время. Попытался ответить на пятый вопрос: *«Какие нарушения Статута Секретности произошли в 1749 году и какие меры были предприняты, чтобы предотвратить последующие нарушения?»* – но мучительно подозревал, что пропустил ряд важных моментов: кажется, к этой истории каким-то боком имели отношение вампиры.

Он посмотрел дальше, ища вопрос, на который наверняка удастся вспомнить ответ, и наткнулся на десятый: *«Опишите обстоятельства, которые привели к созданию Международной Конфедерации Колдунов, и объясните, почему к ней отказались присоединиться чародеи Лихтенштейна».*

«Это я знаю», – вяло шевельнулось у Гарри в голове. Перед мысленным взором встал заголовок, написанный почерком Гермiony: «Образование Международной Конфедерации Колдунов»... эту лекцию он читал как раз сегодня утром.

Гарри начал писать, изредка поднимая глаза на песочные часы, стоявшие на столе рядом с профессором Марчбэнкс. Прямо перед ним сидела Парвати Патил, её длинные чёрные волосы падали на спинку стула. Стоило Парвати повести головой, как в них появлялись золотистые блики, и пару раз Гарри ловил себя на том, что неотрывно следит за игрой света в её волосах, приходилось самому встряхивать головой, чтобы собраться с мыслями.

«...первым Верховным Главой Международной Конфедерации Колдунов стал Пьер Бонаккорд, но его назначение оспаривалось магическим сообществом Лихтенштейна, потому что...»

Вокруг стоял сплошной скрип – перья царапали пергамент, будто крысы возились в норе. Солнце страшно напекло макушку. Чем же этот Бонаккорд так провинился перед колдунами Лихтенштейна? Гарри смутно помнилось, что там были замешаны тролли... Он снова тупо уставился в затылок Парвати. Вот бы применить легилименцию, заглянуть ей в голову через затылок, как через окно, и посмотреть, чего такого натворили тролли, чтобы поссорить Пьера Бонаккорда с Лихтенштейном...

Гарри зажмурился и уткнулся лицом в ладони, чтобы унять, погасить обжигающее пламя под веками. Бонаккорд выступал за запрет охоты на троллей и за то, чтобы они получили права... а у Лихтенштейна были сложности с племенем особенно злобных горных троллей... да, точно.

Гарри открыл глаза – резануло ослепительной белизной пергамента и навернулись слёзы. Он апатично нацарапал пару строк о троллях, потом перечитал написанное целиком. Получилось весьма бессодержательно и скупо, а ведь у Гермiony на эту тему была исписана не одна страница.

Гарри опять закрыл глаза, пробуя мысленно всё вспомнить... Конфедерация впервые собиралась во Франции... да, об этом он уже написал...

Гоблины хотели принять участие, их выставили... об этом тоже написал...

А из Лихтенштейна никто не пожелал явиться...

«*Сосредоточься*», – приказал себе Гарри, прижимая ладони к лицу.

А перья вокруг все строчат нескончаемые ответы и там, впереди, тонкой струйкой течёт песок в песочных часах...

Он опять шагает по прохладному тёмному коридору департамента Тайн, шагает уверенно и целеустремлённо, время от времени переходя на бег, движимый решимостью достичь, наконец, своей цели... чёрная дверь как обычно распахивается, и вот он уже в круглом помещении с множеством дверей...

Вперёд, по каменному полу, через вторую дверь... на стенах и на полу пляшут световые блики, и снова это странное механическое пощёлкивание... но откуда оно – нет времени посмотреть, нужно спешить...

На последних шагах, отделяющих его от третьей двери, он переходит на бег, дверь распахивается так же, как и предыдущие...

И снова он в огромном, как храм, зале, уставленном стеллажами со стеклянными сферами... сердце рвётся из груди... добравшись до ряда под номером 97, он сворачивает налево и спешит по проходу...

Но в самом конце, на полу – чья-то фигура, чёрная, она шевелится там, как раненый зверь... Внутри всё сжимается от страха... от возбуждения...

С его собственных губ срывается приказ: высокомерным, холодным, полностью лишенным человеческой теплоты тоном...

– Возьми это и дай мне... снимай с полки, быстро... мне нельзя прикасаться... а тебе можно.

Чёрная фигура на полу делает слабое движение. На глазах Гарри его собственная рука поднимает волшебную палочку, зажатую в длинных бледных пальцах... раздаётся надменный, ледяной голос:

– *Crucio!*

Человек на полу кричит от боли, пытается подняться, но опять падает в конвульсиях. Гарри хохочет. Поднимает палочку и снимает проклятие, человек стонет и обессиленно замирает.

– Лорд Волдеморт ждёт.

Опираясь на трясущиеся локти, человек с трудом отрывается от пола и вскидывает голову. Лицо с запавшими щеками всё перепачкано кровью, искажено от боли, но упрямо и непреклонно...

– Придётся тебе меня убить, – шепчет Сириус.

– Именно это я потом и сделаю, – произносит холодный голос, – но сначала, Блэк, ты мне послужишь... Думаешь, до сих пор была настоящая боль? Всё ещё впереди... времени у нас много, а твоих воплей никто не услышит...

И когда Волдеморт опять опустил палочку, кто-то завопил. Вскрикнул и повалился с нагретого стола на холодные камни пола. Ударившись об пол, с пылающим как в огне шрамом, Гарри очнулся, но всё кричал и кричал, а вокруг клочкотал Большой Зал.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ИГРА С ОГНЁМ²⁴¹

– Не пойду... Не нужно меня в больницу... Не хочу... – сбивчиво отнекивался Гарри, пытаясь избавиться от профессора Тофти, который под взглядами всех присутствующих помог ему выйти в вестибюль и теперь рассматривал с крайней озабоченностью. – Нормально... Всё нормально, сэр... – выдавил он и вытер мокрый от пота лоб. – Правда... Я просто заснул... И приснился кошмар...

– Вот до чего экзамены доводят! – старый колдун сочувственно похлопал Гарри по плечу трясущейся рукой. – Бывает, юноша, бывает! Ну-с, может водички холодной попьёте и вернётесь в Большой Зал? Экзамен почти закончился, но надо бы напоследок, честь по чести, подвести черту, а?

– Да, – брякнул Гарри. – То есть... нет... я уже... по-моему, я уже всё, что мог...

– Вот и славно, вот и славно, – ласково откликнулся старый колдун. – Тогда я ваш экзаменационный лист сам заберу, а вам советую пойти прилечь маленько.

– Уже иду, – энергично закивал Гарри, – спасибо большое.

Как только старик скрылся в Большом Зале, Гарри бегом пустился по мраморной лестнице, промчался по коридорам с таким топотом, что вслед ему посыпался поток упреков от портретов, взлетел ещё на несколько пролётов и, наконец, вихрем ворвался в больничное крыло, распахнув двустворчатые двери и заставив мадам Помфри, которая как раз вливала порцию ярко-синей жидкости в открытый рот Монтегю, испуганно взвизгнуть:

– Поттер, вы в своём уме?

– Мне нужно видеть профессора МакГонаголл, – с трудом переводя дыхание, выпалил Гарри.

– Её здесь нет, Поттер, – опечаленно отозвалась мадам Помфри. – Сегодня утром в больницу святого Мунго переправили. В её-то возрасте четыре Оглушателя, прямо в грудь. И как ещё жива осталась?..

– Её... нет? – ошеломлённо повторил Гарри.

Снаружи, прямо за дверьми палаты прозвенел звонок, и выше, и ниже этажами раздался отдалённый топот учеников, хлынувших в коридоры. Гарри застыл как вкопанный, не сводя глаз с мадам Помфри. Его охватил ужас.

Рассказать некому, никого не осталось. Дамблдора нет, Хагрида нет, но всегда казалось, что уж профессор МакГонаголл никуда не денется, пусть вспылчивая, суровая, но основательная, надёжная и неизменная...

²⁴¹ в оригинале глава называется *Out of the Fire* (м.б. имеется в виду идиома «to pull the chestnuts out of the fire» – «чужими руками жар загребать» или «таскать каштаны из огня» – в связи с тем, что Гарри использовали; кроме того есть идиома «pull out of the fire» – «спасти от верной гибели»)

– Не удивляюсь, Поттер, что вы так потрясены, – с каким-то свирепым одобрением на лице заявила мадам Помфри. – Попробовал бы хоть один из них одолеть Минерву МакГонаголл лицом к лицу, да среди бела дня! Труссы, вот кто они такие... жалкие труссы... Если бы за вас, за учеников не переживала, я бы в знак протеста уволилась тут же!

«Конечно», – беспомощно кивнул Гарри.

Он повернулся кругом и, не разбирая дороги, побрёл из больничного крыла в переполненный коридор, где и встал. Толпа толкала его со всех сторон, изнутри ядовитым газом растекалась паника, голова кружилась и мысли путались...

«Рон и Гермиона», – подсказал внутренний голос.

Гарри опять бросился бежать, расталкивая с дороги учеников и не обращая внимания на их рассерженные протесты. Сломая голову слетел на два этажа и, тормознув у ведущей вниз мраморной лестницы, увидел, что друзья уже спешат навстречу.

– Гарри, – с перепуганным видом тут же воскликнула Гермиона. – Что произошло? С тобой всё в порядке? Или нет?

– Где ты был? – потребовал ответа Рон.

– Идём со мной, – быстро решил Гарри. – Идём, нужно кое-что рассказать.

Он потащил их за собой по коридору второго этажа, заглядывая во все двери, наконец обнаружил пустой класс, юркнул туда и, как только Рон и Гермиона оказались внутри, захлопнул за ними дверь, и прислонился к ней спиной.

– Волдеморт схватил Сириуса.

– *Что?*

– Откуда ты?..

– Видел. Только что. Когда заснул на экзамене.

– Но... но где? Как? – побелев, как мел, спросила Гермиона.

– Как – не знаю, – ответил Гарри. – Но точно знаю – где. В департаменте Тайн есть зал, там полно стеллажей, а на них маленькие стеклянные шары, и они в конце девяносто седьмого ряда... он хочет использовать Сириуса, чтобы там что-то раздобыть... он его пытается... говорит, что под конец его убьёт!

Гарри обнаружил, что колени у него дрожат не меньше, чем голос. Перебрался к столу, присел на него, попробовал взять себя в руки и задал вопрос:

– Как нам попасть туда?

Повисло молчание. Потом Рон повторил:

– Попасть т-туда?

– Попасть в департамент Тайн, чтобы спасти Сириуса! – громко уточнил Гарри.

– Но... Гарри... – слабым голосом начал Рон.

– Что? *Что?*

Гарри не мог понять, отчего эти двое так на него таращатся, будто он обращается к ним с какой-то глупостью.

– Гарри, – боязливо заговорила Гермиона, – ...э-э... как... как Волдеморту удалось проникнуть в Министерство магии так, что об этом никто не догадывается?

– Почём мне знать? – разбушевался Гарри. – Вопрос в том, как туда попасть *нам!*

– Но... Гарри, подумай, – шагнув к нему, продолжила Гермиона, – сейчас пять часов дня... рабочего дня... в Министерстве должно быть полно народу... как Волдеморт и Сириус оказались там никем незамеченные? Гарри... они оба, наверное, самые разыскиваемые колдуны в мире... и ты думаешь, что они могли тайком проникнуть в здание, полное авроров?

– Не знаю, может Волдеморт пользовался плащом-невидимкой или ещё чем! – воскликнул Гарри. – Во всяком случае, в департаменте Тайн нет ни души всегда, когда я там бываю...

– Гарри, ты никогда там не был, – спокойно остановила его Гермиона. – Тебе это место только снится, вот и всё.

– Это не просто сон! – выкрикнул Гарри ей в лицо, соскакивая со стола и шагая навстречу. Ему хотелось встряхнуть её. – Как тогда объяснишь историю с папой Рона, откуда я узнал, что с ним случилось?

– Очко в его пользу, – взглянув на Гермиону, тихо заметил Рон.

– Но это же просто... просто *невероятно!* – простила Гермиона. – Гарри, как же Волдеморт смог захватить Сириуса, если Сириус безвылазно сидит на площади Гриммолд?

– Сириус мог сломаться и просто-напросто вышел воздухом подышать, – озабоченно возразил Рон. – Он давным-давно рвался на волю...

– Но зачем... – упорствовала Гермиона, – с какой стати Волдеморту, чтобы заполучить оружие или что ещё там, понадобился *Сириус?*

– Я понятия не имею, причин может быть куча! – заорал на неё Гарри. – Может Сириус для Волдеморта – разменная монета, потерять не жалко...

– Знаете, что мне в голову пришло, – понизив голос, предположил Рон. – Ведь брат Сириуса был Пожирателем Смерти, так? Может, он рассказал Сириусу секрет получения оружия?

– Ага... вот поэтому Дамблдор так настаивал вечно держать Сириуса взаперти! – поддержал его Гарри.

– Ну уж, извините, – воскликнула Гермиона, – вы оба какую-то чушь несёте! У нас нет никаких доказательств, даже насчёт того, что Волдеморт и Сириус и в самом деле там...

– Гермиона, Гарри их видел! – накинулся на неё Рон.

– Ладно, – с испуганным, но непреклонным видом заявила Гермиона, – я как раз собиралась об этом сказать...

– Что?

– Ты... Гарри, не воспринимай это как критику! Но у тебя есть... ну как это... в общем, тебе не кажется, что ты слегка зациклен на... на... спасении душ! – решилась она.

Гарри уставился на неё:

– На каком таком «спасении душ»?

– Ну... ты... – Гермиона совсем стушевалась, – ...в общем... год назад, к примеру... на озере... во время Турнира... тебя ведь не касалось... в смысле, ты не обязан был спасать младшую сестру Делакур... а ты вот... увлёкся слегка...

На Гарри горячей, обжигающей волной нахлынуло раздражение: да как она может сейчас напоминать ему о том промахе?

Увидев лицо Гарри, Гермиона оберла и быстро добавила:

– Ну, то есть, всё это было здорово и вообще... все в таком восторге были...

– Забавно, – сквозь зубы процедил Гарри, – а я вот прекрасно помню, как Рон меня попрекал, что я, мол, зря потратил время, *изображая из себя героя* ... Значит, ты это имеешь в виду? Думаешь, я опять хочу в героя поиграть?

– Нет, нет, нет! – ошарашенно замотала головой Гермиона. – Ничего такого у меня и в мыслях не было!

– Ну так выкладывай, что собиралась, потому что как раз сейчас мы тратим время зря! – взвился Гарри.

– Я попробую... Гарри, Волдеморт тебя знает! Он утащил Джинни в Камеру Секретов, чтобы заманить туда тебя, и теперь идёт проторенной дорожкой, знает, что ты... ты – из тех людей, которые придут на помощь Сириусу! А вдруг он на самом деле пытается схватить *тебя* в департаменте Та..?

– Гермиона, какая разница, меня он пытается схватить или ещё зачем... МакГонаголл забрали в святого Мунго, в Хогвартсе не осталось никого из Ордена Феникса, рассказать некому, и если не мы, то Сириусу конец!

– Но, Гарри... если твой сон... это самый обыкновенный сон?

Гарри от бессилия даже зарычал. Гермиона с испуганным видом попятилась.

– До тебя не доходит? – завопил на неё Гарри. – Это не кошмары, это не обыкновенные сны! Ты соображаешь, для чего вообще понадобилась эта окклюменция? Почему Дамблдор хотел оградить меня от таких снов? Потому что это РЕАЛЬНОСТЬ, Гермиона! Сириуса похитили, и я его видел. Его схватил Волдеморт, и об этом ещё никто не знает, а значит, только мы можем его спасти! Не хочешь участвовать? Ну и пожалуйста! А я пойду, ясно! И, если мне память не изменяет, когда я тебя от дементоров спасал, такое «спасение душ» у тебя никаких возражений не вызывало... или... – он набросился на Рона: –...когда я твою сестру спасал от Василиска...

– У меня никаких возражений и в помине не было! – пылко запротестовал Рон.

– Но, Гарри, ты же сам только что сказал, – набросилась на него Гермиона, – Дамблдор хотел научить тебя закрывать разум от таких видений, и если бы ты занимался окклюменцией как следует, то ничего подобного не видел бы...

– ЕСЛИ ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО ТЕПЕРЬ Я ПРИТВОРЮСЬ, БУДТО НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ...

– Сириус тебе говорил, что для тебя нет ничего важнее, чем научиться закрывать разум!

– ДА УЖ, НЕБОСЬ, ПО-ДРУГОМУ ЗАГОВОРИЛ БЫ, ЗНАЙ ТОГДА, ЧТО ИМЕННО...

Дверь класса отворилась. Гарри, Рон и Гермиона мгновенно повернулись. С любопытствующим видом заглянула Джинни под ручку с Луной, которая по обыкновению выглядела так, словно оказалась здесь по чистой случайности.

– Привет, – неуверенно поздоровалась Джинни. – Мы слышали голос Гарри. Что вы тут так разорались?

– Не твоё дело, – отрезал Гарри.

Джинни подняла брови.

– Незачем разговаривать со мной таким тоном, – холодно заметила она. – Я просто хотела узнать, могу ли чем-нибудь помочь.

– Не можешь, – сухо объявил Гарри.

– А ты знаешь, ты грубый какой-то, – безмятежно заметила Луна.

Гарри выругался и отвернулся. Меньше всего сейчас ему хотелось беседовать с Луной Лавгуд.

– Пойдите, – вдруг сказала Гермиона. – Пойдите-ка... Гарри, они *могут* нам помочь.

Гарри и Рон уставились на неё.

– Слушайте, – быстро заговорила она, – Гарри, нам нужно убедиться, что Сириуса действительно нет в штабе.

– Я тебе сказал уже, я видел...

– Гарри, умоляю тебя, пожалуйста! – взмолилась Гермиона. – Пожалуйста, давай, перед тем, как отправиться в Лондон, всего-навсего проверим, дома он или нет. Если поймём, что его нет, то клянусь – даже не попытаюсь тебя удерживать. Пойду и... и буду делать всё возможное, чтобы его спасти.

– Да Сириуса УЖЕ пытаются! – вскричал Гарри. – Мы не можем зря терять время!

– Гарри, но вдруг это хитрость Волдеморта, нам нужно проверить, обязательно.

– Как? – с нажимом спросил Гарри. – Как мы проверим?

– Придётся воспользоваться камином Амбридж и попробовать с ним связаться, – выпалила Гермиона, явно придя в ужас даже от самой подобной мысли. – Опять выманю Амбридж, но кому-то придётся покараулить, тут-то нам и понадобятся Джинни и Луна.

Изо всех сил стараясь понять о чём идёт речь, Джинни, тем не менее, сразу согласилась:

– Ага, покараулим, – а Луна поинтересовалась: – Когда вы упоминаете Сириуса, подразумеваете Стабби Бордмена?

Ей никто не ответил.

– Ладно, – враждебно бросил Гарри Гермионе. – Ладно, если сможешь придумать, как проверить это быстро, то я согласен, а нет – сейчас же отправляюсь в департамент Тайн.

– Департамент Тайн? – с несколько озадаченным видом уточнила Луна. – А как ты собираешься туда попасть?

Гарри опять пропустил её слова мимо ушей.

– Так, – Гермиона сплела пальцы в замок и принялась прохаживаться туда-сюда между столами. – Так... хорошо... один из нас должен найти Амбридж и... и направить её по ложному следу, куда-нибудь подальше от кабинета. Можно сказать ей, что... ну, не знаю... что Пивз вытворяет что-нибудь запредельное.

– Я скажу, – тут же вызвался Рон. – Скажу ей, что Пивз буйнит где-нибудь в районе кафедры трансфигурации, от кабинета Амбридж это очень далеко. Вообще-то, могу попробовать уговорить на такое и самого Пивза, если встречу по дороге.

Серьёзность ситуации подчёркивал тот факт, что Гермиона ни словом не возразила против разгрома кафедры трансфигурации.

– Ладно, – согласилась она, хмуря брови и продолжая прохаживаться, – дальше. Пока мы взламываем дверь её кабинета, нужно, чтобы рядом не было ни одного ученика, иначе слизеринцы обязательно ей доложат.

– Мы с Луной можем встать с обоих концов коридора, – сразу предложила Джинни, – и всех предупреждать, что прохода нет, потому что туда напустили Задушильного газа,²⁴² – заметив, как потрясена Гермиона оперативностью её выдумки, Джинни пожала плечами: – у Фреда с Джорджем когда-то была такая идея.

– Договорились, – кивнула Гермиона. – А в это время мы с тобой, Гарри, под плащом-невидимкой проберёмся в кабинет, и ты сможешь поговорить с Сириусом...

– Гермиона, его там нет!

– Я имела в виду, что ты сможешь... сможешь проверить, дома Сириус или нет, а я пока покараулю, всё-таки одному тебе лучше не ходить. Подбросив вонюхлеров, Ли уже доказал, что окна там – слабое место.

При всём своём нетерпении и раздражении Гарри не мог не признать, что предложение составить компанию в кабинете Амбридж говорит о преданности и солидарности со стороны Гермионы.

– Я... Ладно, спасибо, – буркнул он.

Оттого, что Гарри, по-видимому, с её планом согласился, Гермиона просветлела:

– Ну вот, в общем, даже если у нас всё получится, вряд ли стоит рассчитывать больше, чем на пять минут. Учитывая Филча и этих гадов из Дознавательского Отряда, которые там вечно крутятся.

– Пяти минут должно хватить, – решил Гарри. – Всё, пошли...

– Сейчас? – оторопела Гермиона.

– Конечно! – возмутился Гарри. – Ты что, думала, мы после ужина пойдём, или как? Гермиона, Сириуса пытаются *прямо сейчас*!

– Я... Ох, хорошо, – сдалась Гермиона. – Иди за плащом-невидимкой, встретимся у коридора Амбридж, договорились?

В ответ Гарри молча выскочил из класса и бросился прокладывать путь сквозь толпы учеников. Двумя этажами выше ему повстречались Шеймас с Дином, которые жизнерадостно окликнули его и принялись делиться планами устроить в гостиной гулянку от заката до рассвета по случаю окончания экзаменов. Гарри не дослушал. Пока они спорили, сколько контрабандного сливочного пива им понадобится, он залез в проход за портретом и выбрался обратно с плащом-невидимкой и ножом Сириуса, припрятанными в сумке, прежде чем они успели заметить его отсутствие.

– Гарри, хочешь войти в долю? Всего пару галлеонов? Гарольд Дингл предлагает продать нам чуток огневиски...

²⁴² Garrotting Gas

Но Гарри уже умчался прочь по коридору и пару минут спустя, с маху преодолев последние ступеньки, присоединился к Рону, Гермионе, Джинни и Луне, которые сгрудились в начале коридора, ведущего к кабинету Амбридж.

– Забрал. Ну, готовы? – на одном дыхании выпалил он.

– Порядок, – отозвалась Гермиона шёпотом, потому что мимо как раз проходила шумная компания шестикурсников. – Так, Рон, ты отвлекаешь Амбридж... Джинни, Луна, постарайтесь вывести всех из коридора... Мы с Гарри надеваем плащ и ждём, когда путь будет свободен...

Рон ушёл, его ярко-рыжая шевелюра скрылась из виду за поворотом; не менее приметная голова Джинни, в сопровождении светловолосой макушки Луны, замелькала в толпе учеников, удаляясь в противоположном направлении.

– Залезай сюда, – шепнула Гермиона, потянув Гарри за руку, и втащила его в нишу, за колонну, увенчанную безобразной, бормочущей себе под нос каменной головой средневекового мага. – Ты как... всё в порядке, Гарри? Ты жутко бледный.

– Всё нормально, – коротко ответил он и вытащил плащ-невидимку из сумки.

Сказать по правде, шрам ныл, но не настолько, чтобы предположить, что Волдеморт уже нанёс Сириусу смертельный удар. Когда Волдеморт подвергал экзекуции Эйвери, шрам болел куда сильнее...

– Давай, – он накрыл себя и Гермиону плащом-невидимкой, они замерли и тщательно прислушались.

Сквозь латинское бормотание бюста по соседству долетали призывы Джинни:

– Сюда нельзя! Нет, к сожалению, придётся обходить по винтовой лестнице, там, впереди кто-то напустил Задушильный газ...

Донеслись недовольные сетования, чьё-то бурчание:

– Что-то не вижу никакого газа.

– Потому что он бесцветный, – раздался непритворно возмущённый голос Джинни, – но если тебе неймётся, шагай, тогда следующему придурку, который не захочет верить, в качестве доказательства предъявим твоё тело.

Постепенно толпа рассасывалась. Должно быть, известие о Задушильном газе уже разнеслось по школе, и сюда уже никто не совался. Когда коридор, наконец, совсем опустел, Гермиона прошептала:

– По-моему, сейчас самое время. Гарри, пора, идём.

Под покровом плаща они двинулись вперёд. В дальнем конце коридора, спиной к ним стояла Луна. Проходя мимо Джинни, Гермиона шепнула:

– Здорово придумано... не забудь про сигнал.

– Какой сигнал? – по пути к кабинету Амбридж тихо поинтересовался Гарри.

– Если Амбридж появится, громко запеть «Уизли – наш бог», – пояснила Гермиона.

Гарри вставил лезвие ножа Сириуса в щель между дверью и стеной. Замок щёлкнул и открылся, они зашли в кабинет.

В лучах заходящего солнца, падавших на декоративные тарелки, грелись аляповатые котятки, и кроме них в кабинете, как и в прошлый раз, никого не было. Гермiona облегчённо выдохнула:

– Я боялась, вдруг она после второго вонюхлера усилит меры предосторожности.

Сбросив плащ, она тут же направилась к окну, где, с палочкой наизготовку, заняла позицию так, чтобы снизу её не было видно, а Гарри кинулся к камину, схватил тигель с летучим порошком и сыпанул щепотку на решётку. Оттуда тотчас вырвалось изумрудное пламя. Он бросился на колени, сунул голову в танцующие языки пламени и воскликнул:

– Площадь Гриммода, дом двенадцать!

Голова закружилась, как после катания на ярмарочной карусели, хотя колени прочно стояли на холодном полу кабинета. Чтобы вихрем золы не забросало глаза, Гарри зажмурился, а когда головокружение прекратилось, открыл глаза и обнаружил перед собой длинную, стылую кухню на площади Гриммода.

На кухне не было ни души. Этого следовало ожидать, но при виде безлюдного помещения страшная паника вдруг сдавила грудь Гарри раскалённым обручем.

– Сириус? – закричал он. – Сириус, ты здесь?

Крик эхом прокатился по кухне, но в ответ раздалось лишь едва различимое шепуршание справа от камина.

– Кто здесь? – позвал Гарри, ожидая увидеть обыкновенную мышь.

Но в поле зрения показался домовый эльф Кричер. Вид у него был чрезвычайно довольный, несмотря на сплошь забинтованные руки, которым, похоже, не так давно изрядно досталось.

– Вот, в камине, голова мальчика Поттера, – сообщил Кричер в пустоту кухни, украдкой бросая на Гарри взгляды полные непонятного торжества. – Кричеру не понятно, зачем он здесь?

– Кричер, где Сириус? – потребовал ответа Гарри.

Домовой эльф сдавленно хихикнул.

– Хозяин ушёл, Гарри Поттер.

– Куда ушёл? *Куда он ушёл, Кричер?!*

Кричер только подхихикивал.

– Предупреждаю тебя! – Гарри прекрасно отдавал себе отчёт, что в таком положении едва ли представляет для Кричера реальную угрозу. – А Люпин? Безумный Глаз? Хотя кто-нибудь тут есть?

– Никого нет, только Кричер! – ликуяще заявил эльф, повернулся к Гарри спиной и побрёл к двери в противоположном конце кухни. – А теперь Кричер думает пойти поболтать немного со своей хозяйкой, да, раньше-то ведь никак, хозяин-то Кричера к ней не пускал...

– Куда ушёл Сириус? – заорал Гарри на эльфа. – *Кричер, он ушёл в департамент Тайн?*

Кричер замер на полдороги. Сквозь частокол ножек стульев Гарри едва различал его плешивый затылок.

– Хозяин не докладывает бедному Кричеру, куда уходит, – забормотал эльф.

– Но ты же знаешь! – воскликнул Гарри. – Ведь знаешь? Ты знаешь, где он!

Эльф притих, а потом хихикнул во весь голос:

– Хозяин не вернётся из департамента Тайн! – ликующе объявил он. – Кричер и его хозяйка снова одни!

Он припустил вперёд и скрылся за дверью, ведущей в вестибюль.

– Ах ты!..

Но не успел Гарри добавить ни ругательства, ни проклятия, как макушку пронзила страшная боль. Пока его вытаскивали из огня, он наглотался золы, поперхнулся и в ужасе обнаружил, что над ним маячит расплывшаяся, бледная физиономия профессора Амбридж, которая и выудила его за волосы из камина, а теперь сворачивала ему шею, будто собираясь перерезать горло.

– Ты что думаешь, – прошипела она, ещё сильнее запрокидывая голову Гарри так, что он теперь видел лишь потолок, – что после двух вонюхлеров я позволю очередному поганому гадёнышу проникнуть в мой кабинет без моего ведома? Бестолочь, да с тех пор у меня вся дверь в Стражескрытых заклинаниях!²⁴³ Заберите у него палочку, – рявкнула она кому-то, кого Гарри не мог видеть. За пазуху ему забралась чья-то рука и вытащила палочку. – И у неё тоже.

Со стороны двери донеслись звуки борьбы, и Гарри понял, что у Гермионы тоже с боем отобрали палочку.

– И что ты забыл в моём кабинете? – Амбридж дёрнула Гарри за волосы так, что он едва не упал.

– Я... хотел забрать свой «Всполох»! – прохрипел Гарри.

– Лун, – она опять дёрнула его за волосы. – Твой «Всполох» в подземельях под надёжной охраной, и тебе, Поттер, это известно не хуже, чем мне. Твоя голова торчала в камине. С кем ты общался?

– Ни с кем... – Гарри попробовал вырваться и почувствовал, что лишился клока волос.

– *Лун!* – заорала Амбридж.

Она отшвырнула Гарри прочь, и он с грохотом врезался в стол. Теперь стало понятно, что с Гермионой, – её прижимала к стене Милисента Балстроуд. Малфой, с ухмылкой опёршись о подоконник, одной рукой подбрасывал и ловил палочку Гарри.

За дверью раздался шум, и ввалились несколько дюжих слизеринцев, каждый из которых тащил пленника: Рона, Джинни, Луну и, к полному недоумению Гарри, Невилла – его держал за горло Крэбб, и Невиллу грозило неминуемое удушье. У всех четверых пленников во рту торчали кляпы.

– Всех сцапали, – доложил Уоррингтон, грубо втолкнув в кабинет Рона. – Этот, – он толстым пальцем ткнул в Невилла: – мешался мне ловить вон *ту*, – он указал на Джинни, которая норовила пнуть по ногам державшую её массивную девицу-слизеринку, – так что я и его, за компанию.

²⁴³ Stealth Sensoring Spells (stealth – уловка; невидимка; sensory – сенсорный, чувствительный; букв. «невидимый датчик»)

– Хорошо, хорошо, – кивнула Амбридж, глядя на брыкания Джинни. – Ну вот, кажется, ещё чуть-чуть, и Хогвартс станет зоной, свободной от Уизли?

Малфой громко, угодливо засмеялся. Амбридж выдала свою широкую, довольную улыбочку и, будто жаба на клумбу, плюхнулась в кресло с ситцевой обивкой, хлопая глазками на пленников.

– Итак, Поттер, – квакнула она. – Караул у моего кабинета выставяешь, клоуна этого... – она кивнула на Рона, и Малфой ещё пуще развеселился, – ...отправляешь ко мне с байкой, что полтергейст громит кафедру трансфигурации, хотя мне доподлинно известно, что в это время он замазывает чернилами окуляры школьных телескопов, – мистер Филч как раз проинформировал меня на его счёт. Значит, тебе, во что бы то ни стало, нужно было с кем-то поговорить. С Альбусом Дамблдором? Или с этим ублюдком Хагридом? Вряд ли с Минервой МакГонаголл, говорят, она ещё слишком плоха, чтобы с кем-то разговаривать.

Малфоя и ещё парочку членов Дознавательского Отряда рассмешило и это. Гарри почувствовал, что от ненависти и бешенства его даже трясёт.

– С кем я разговаривал – не ваше дело, – огрызнулся он.

Дряблое лицо Амбридж как будто подобралось.

– Прекрасно, – протянула она своим самым приторным и опасным тоном: – Прекрасно, мистер Поттер... Я давала вам шанс признаться добровольно. Вы отказались. Мне не остаётся ничего другого, как заставить вас силой. Дрэйко ... сходи за профессором Снейпом.

Малфой сунул палочку Гарри в карман своей мантии и с ухмылкой вышел, но Гарри даже головы не повернул. Он только сейчас сообразил: надо же было оказаться таким дураком, чтобы забыть! Он решил, что не осталось никого из членов Ордена, никого, кто сможет помочь спасти Сириуса, – какая ошибка! В Хогвартсе оставался ещё один член Ордена Феникса – это Снейп.

Тишину в кабинете нарушало только ёрзанье и возня слизеринцев, силившихся удержать Рона и остальных. Рон вырывался из борцовского захвата Уоррингтона, кровь из его губы капала на ковёр кабинета. Джинни безостановочно лягала по ногам шестикурсницу, которая крепко сжимала её за плечи. Невилл, багровея всё больше, пытался разжать руки Крэбба. Гермiona тщетно старалась оттолкнуть Миллисенту Балстроуд. И только Луна апатично стояла рядом со своим конвоиром, отсутствующим взглядом уставившись в окно, словно ей наскучили разборки.

Гарри оглянулся на Амбридж, та смотрела на него в упор. Когда за дверью раздались шаги, он попытался сохранить невозмутимое и бесстрастное выражение лица. В кабинет вошёл Дрэйко и, следом за ним, – Снейп.

– Хотели видеть меня, директриса? – осведомился Снейп, с выражением полнейшего безразличия на лице окидывая взглядом боровшиеся пары.

– А, профессор Снейп, – Амбридж заулыбалась во всю ширь и встала. – Да, хотела ещё один флакон Веритасерума, и, пожалуйста, как можно быстрее.

– Для допроса Поттера вы забрали последний, – хладнокровно глядя на неё сквозь лоснящуюся завесу чёрных волос, ответил Снейп. – Полностью использовать его вы не могли. Я говорил вам, что трёх капель будет достаточно.

У Амбридж кровь прилила к лицу.

– Вы ведь можете приготовить ещё, не так ли? – голос у неё стал по-девчачьи слащавым, как обычно, когда она впадала в бешенство.

– Разумеется, – губа Снейпа изогнулась. – Понадобится полный лунный цикл, чтобы довести зелье до готовности, так что примерно через месяц вы его получите.

– Месяц? – завопила Амбридж, раздуваясь как жаба. – Месяц? Снейп, да оно мне нужно сегодня! Я только что застала Поттера в своём камине, где он вёл переговоры с неустановленными личностями!

– В самом деле? – Снейп впервые обнаружил некоторую заинтересованность происходящим и глянул на Гарри. – Что ж, ничего удивительного. Поттер никогда не проявлял должного почтения к школьным правилам.

Ледяными чёрными глазами он пронизывал глаза Гарри, тот бесстрашно отвечал ему тем же, изо всех сил стараясь сосредоточиться на своём сне и внушить Снейпу: прочесть сон в голове и понять...

– Я хочу его допросить! – раздражённо повторила Амбридж, и Снейп перевёл взгляд с Гарри на её трясущееся от бешенства лицо. – Я хочу, чтобы вы предоставили мне зелье, которое заставит его признаться!

– Я уже сказал вам, – вкрадчиво повторил Снейп, – что не располагаю запасом Веритасерума. Если только вы не хотите отравить Поттера, – а я вас уверяю, в этом поддержал бы вас целиком и полностью, – то ничем не могу помочь. Единственный недостаток ядов заключается в том, что большинство из них действует слишком быстро, почти не оставляя жертве времени на признание.

Снейп опять посмотрел на Гарри; Гарри, пожирая его глазами, мучительно старался мысленно передать сообщение.

«Волдеморт схватил Сириуса в департаменте Тайн, – отчаянно твердил он. – Волдеморт схватил Сириуса...»

– У вас испытательный срок! – завопила профессор Амбридж, Снейп, слегка подняв бровь, взглянул на неё. – Это преднамеренное неоказание помощи! Что вы себе позволяете! Люциус Малfoy всегда так хорошо о вас отзывался! Сейчас же вон из моего кабинета!

Снейп с иронией поклонился и повернулся уходить. Гарри понял, что последний шанс сообщить Ордену о случившемся сейчас скроется за дверью, и заорал:

– Он схватил Бродягу! Он схватил Бродягу там, где это прячут!

Снейп, уже занеся руку над дверной ручкой кабинета, остановился.

– Бродяга? – вскричала Амбридж, жадно переводя глаза с одного на другого. – Какой такой Бродяга? Где прячут что? Снейп, о чём он?

Снейп обернулся к Гарри. Лицо у него было абсолютно непроницаемо. Догадался он или нет, Гарри не знал, но и добавить ничего в присутствии Амбридж не отваживался.

– Понятия не имею, – холодно ответил Снейп. – Поттер, когда у меня появится желание послушать ваши бессвязные вопли, я дам вам Говорильную Газировку.²⁴⁴ Да и, Крэбб, ослабьте захват. Если Лонгботтом задохнётся, начнётся долгая бумажная волокита, и, если вы когда-либо решите устроиться на работу, боюсь, мне, как лицу, дающему рекомендацию, придётся этот факт упомянуть.

Снейп вышел, по обыкновению хлопнув дверью и оставив Гарри в ещё большем смятении: ведь на Снейпа была его последняя надежда. Он посмотрел на Амбридж – похоже, и её тоже: от бессильной злобы грудь у неё ходила ходуном.

– Ну ладно, – забормотала она и вытащила палочку. – Ладно, ладно... мне не оставили выхода... тут уже не о школьной дисциплине речь... тут речь уже о безопасности Министерства... да... да...

Амбридж как будто уговаривала себя на что-то. Тяжело сопя и уставившись на Гарри, она лихорадочно переминалась с ноги на ногу и постукивала палочкой о ладонь. Гарри не сводил с неё глаз, ощущая себя без палочки, как без рук.

– Поттер, вы меня вынуждаете... мне этого делать не хочется, – топчась на месте, как заведённая, продолжала Амбридж. – Но иногда обстоятельства оправдывают средства... Не сомневаюсь, министр поймёт, что выбора у меня не было...

Малфой следил за ней с жадным любопытством.

– Проклятие Крусиатус развяжет тебе язык, – пробормотала Амбридж.

– Нет! – воскликнула Гермиона. – Профессор Амбридж, это противозаконно!

Но Амбридж даже бровью не повела. Такого гнусного, остервенелого возбуждения на её лице Гарри ещё не доводилось видеть. Она подняла палочку.

– Министр будет против нарушения закона, профессор Амбридж! – кричала Гермиона.

– А не будет Корнелиус знать, ему же проще, – пропыхтела Амбридж, направляя палочку попеременно в разные части тела Гарри, по всей вероятности выбирая самое уязвимое место. – Он и знать не знал, что это я отдала приказ дементорам преследовать Поттера, но зато как обрадовался поводу его исключить.

– Это были *вы*? – ахнул Гарри. – Это вы наслали на меня дементоров?

– *Кто-то* же должен был действовать, – Амбридж, наконец, определилась, нацелила палочку прямо в лоб Гарри и вздохнула от облегчения. – Все только и делали, что ныли, как бы заставить тебя замолчать... как бы тебя дискредитировать... одна я для этого хоть что-то *предприняла* ... да только ты, Поттер, опять вывернулся, в который раз! Но сегодня у тебя не выйдет... – и, набрав воздуха в грудь, заорала: – *Стис...*

– НЕТ! – вскрикнула Гермиона из-за спины Миллисенты Балстроуд. – Нет... Гарри... Придётся сказать ей!

– Ни за что! – заорал Гарри, адресуя выразительный взгляд тому немногому, что виделось от Гермионы.

– Придётся, Гарри, или она выбьет из тебя силой, какой... какой смысл?

²⁴⁴ Babbling Beverage

И Гермiona принялась придушенно рыдать в мантию на спине Миллисенты Балстроуд. Миллисента тут же прекратила прижимать её к стене и с брезгливым видом отстранилась подальше.

– Так, так, так! – с торжествующим видом воскликнула Амбридж. – Маленькая Мисс Почемучка сама нам расскажет! Ну, девочка, давай, давай!

– Ер... ми... оа... не! – сквозь кляп промычал Рон.

Джинни уставилась на Гермione так, словно видела её впервые. Придушенный Невилл тоже вытаращил на неё глаза. Только Гарри заметил, что, несмотря на отчаянные рыдания Гермione в кулаки, на руках её не было ни слезинки.

– Из... извините меня, – простонала Гермione. – Но... я не могу больше...

– Правильно, девочка, правильно! – Амбридж схватила Гермione за плечи, толкнула в опустевшее ситцевое кресло и нависла сверху: – Значит так... с кем только что общался Поттер?

– Ладно, – шмыгнув носом в кулаки, начала Гермione, – ладно, он *хотел* поговорить с профессором Дамблдором.

Рон, выпучив глаза, окаменел, Джинни оставила попытки оттоптать ноги своей слизеринской охраннице, даже Луна слегка оторопела. К счастью, внимание Амбридж и её свиты целиком сосредоточилось на Гермione, и эти подозрительные симптомы остались незамеченными.

– С Дамблдором? – хищно повторила Амбридж. – Так вы знаете, где Дамблдор?

– Ну... нет! – всхлипнула Гермione. – Мы искали в «Дырявом котле» в Косом переулке, и в «Трёх мётлах», и даже в «Кабаньей голове»...

– Идиотка какая... Дамблдор не будет сидеть в пабе, когда его ищет всё Министерство! – вскричала Амбридж, и в каждой складке её дряблого лица проявилось разочарование.

– Но... но мы должны сказать ему важную вещь! – подвывала Гермione, прижимая руки к лицу ещё крепче, не от отчаяния, как понимал Гарри, а чтобы скрыть полное отсутствие слёз.

– Да? – Амбридж обуял новый прилив воодушевления. – Что именно вы хотели ему сказать?

– Мы... мы хотели ему сказать, что оно го... готово! – захлёбывалась Гермione.

– Что готово? – не дождавшись ответа, Амбридж схватила Гермione за плечи и пару раз встряхнула: – Что готово, девочка?

– О... оружие, – выдавила Гермione.

– Оружие? Оружие?! – глаза Амбридж грозили выскочить из орбит. – Вы разворачивали какое-то движение сопротивления? Хотели использовать оружие против Министерства? Само собой, по приказу профессора Дамблдора?

– Да-да-а, – всхлипнула Гермione, – но оно было не го-готово, а ему пришлось скрыться, а те-теперь мы его закончили, а на-найти его не можем, и ска-азать ему не можем!

– Что это за оружие? – решительно потребовала Амбридж, по-прежнему сжимая плечи Гермione своими короткопалыми ручками.

– Мы даже н-не знаем, – Гермиона громко хлопнула носом. – Нам п-профессор Дамблдор ска-азал, что делать, вот мы и де-делали.

Амбридж с ликующим видом выпрямилась.

– Веди меня к этому оружию, – заявила она.

– Я не буду показывать... *этим*, – взывала Гермиона, оглядываясь на слизеринцев, но не отрывая ладоней от лица.

– Нечего тут условия ставить, – грубо оборвала её Амбридж.

– Ладно, – Гермиона опять зарыдала в кулаки. – Ладно... пусть посмотрят, может, применят против вас! Вообще, давайте, собирайте народ, пусть все сходят и посмотрят! Де-дело ваше... ох, как я хочу, чтобы вся-вся школа узнала, где оно, и как ра-работает, и если от вас совсем жи-жизня не будет, может кто-нибудь с вами ра-расправится!

Эти слова возымели на Амбридж должное воздействие: она торопливо, с подозрением оглянула Дознательский Отряд, выпученные глазки на мгновение застыли на Малфое, который не успел стереть с лица, охватившую его алчную заинтересованность.

Потом Амбридж задержалась взглядом на Гермионе, и, наконец, заговорила тоном, который, по её мнению, предполагал материнское участие:

– Хорошо, дорогуша, давай вдвоём пойдём... и ещё Поттера возьмём, ладно? Ну, вставай.

– Профессор, – подскочил Малфой, – профессор Амбридж, по-моему, часть Отряда должна с вами пойти, чтобы присматривать за...

– Малфой, перед тобой вполне компетентное должностное лицо, представляющее Министерство. Ты что, думаешь, я не смогу справиться с двумя безоружными подростками? – отрезала Амбридж. – В любом случае, об этом и речи быть не может, оружие – зрелище не для детей школьного возраста. Останетесь здесь, пока я не вернусь, и чтоб никто из этих... – она ткнула в Рона, Джинни, Невилла и Луну, – ...не сбежал.

– Понятно, – разочарованно суксился Малфой.

– А вы, оба, пойдёте впереди и будете показывать дорогу, – распорядилась Амбридж, направив палочку на Гарри и Гермиону. – Ведите.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ПОБОИЩЕ И ПОБЕГ

Гарри понятия не имел, в чём состоит план Гермионы, да и есть ли он вообще. Выйдя за порог кабинета Амбридж, он старался не отставать от Гермионы ни на шаг, иначе слишком подозрительным показалось бы то, что он не знает дороги. Заговорить с Гермионой Гарри даже и не пытался: в спину шумно дышала Амбридж.

Гермиона провела их вниз по лестнице в вестибюль. Из-за двустворчатой двери Большого Зала гулким эхом разносилась громкая болтовня и звон столовых приборов: у Гарри в голове не укладывалось, что в каких-то двадцати шагах от них народ беззаботно пирует и отмечает окончание экзаменов.

Гермиона, не мешкая, прошла через дубовые двери парадного входа и спустилась по каменным ступеням в душистую вечернюю прохладу. Солнце уже садилось за верхушки деревьев Запретного Леса, и когда Гермиона целеустремлённо зашагала по лужайке – а Амбридж, чтобы не отстать, перешла на рысь, – в траве за ними, будто плащи, замельтешили длинные чёрные тени.

– Его в хижине Хагрида прячут, да? – алчно допытывалась Амбридж прямо над ухом у Гарри.

– Нет, конечно, – едко ответила Гермиона. – Вдруг Хагрид случайно его активизирует.

– Да, – Амбридж, видимо, завелась ещё сильнее, – да, точно, с него станется, ублюдок неотёсанный.

Она рассмеялась. Гарри ощутил жгучее желание обернуться и схватить её за горло, но сдержался. На слабом вечернем ветерке шрам у него ныл, но пока не смертельно, значит, Волдеморт ещё не приступил к убийству.

Гермиона неуклонно приближалась к Лесу.

– Ну... так где оно? – в голосе Амбридж скользнула неуверенность.

– Конечно там, – Гермиона показала на тёмные дебри. – В таком месте, чтобы ученики ненароком на него не наткнулись.

– Конечно, – согласилась Амбридж, хотя теперь в её голосе слышалось опасение. – Конечно... ну, отлично... вы оба пойдёте впереди, а я за вами.

– Если мы первыми идём, можно нам вапу волшебную палочку? – спросил её Гарри.

– Нет уж, мистер Поттер, не стоит, – проворковала Амбридж и палочкой ткнула Гарри в спину: – Боюсь, для Министерства моя жизнь представляет куда большую ценность, нежели ваши.

Когда они вступили в прохладную сень деревьев на опушке, Гарри попытался встретиться глазами с Гермионой: поход в Лес без палочек представлялся ему самым опрометчивым поступком из всех, совершённых нынешним вечером. Но Гермиона лишь метнула на Амбридж полный презрения взгляд и устремилась в чащу в таком темпе, что Амбридж на своих коротеньких ножках едва поспевала за ними.

– Далеко там ещё? – справилась Амбридж, когда куст ежевики разорвал ей мантию.

– О, да, – отозвалась Гермиона, – да, спрятано на славу.

Дурные предчувствия одолевали Гарри всё сильнее и сильнее. Гермиона выбрала не ту тропинку, по которой они ходили провести Гроупа, а ту, которая три года назад привела Гарри к логовищу Арагога. Тогда Гермионы с ними не было, и Гарри подозревал, что она не представляет опасности, ждущей их в конце пути.

– Э-э... ты уверена, что мы идём правильно? – с нажимом поинтересовался он.

– Ещё бы, – с металлом в голосе откликнулась Гермиона, прокладывая себе дорогу через подлесок с совершенно излишним, по мнению Гарри, треском.

Амбридж, споткнувшись о поваленное деревце, отстала. Ни один из ребят не задержался, чтобы помочь ей подняться, только Гермиона, не сбавляя шаг, громко бросила через плечо:

– Ещё чуть-чуть!

– Гермиона, говори тише, – вдогонку шепнул ей Гарри. – Кто-нибудь и подслушать может...

– Я хочу, чтобы нас было слышно, – вполголоса ответила Гермиона под треск продиравшейся позади Амбридж. – Вот увидишь...

Они все шли и шли, пока не оказались так глубоко в Лесу, что кроны деревьев уже не пропускали дневной свет. У Гарри появилось знакомое по прежним визитам в Лес ощущение: он чувствовал на себе чей-то незримый взгляд.

– Далеко осталось? – следуя за ним по пятам, рассерженно буркнула Амбридж.

– Уже недалеко! – во весь голос откликнулась Гермиона, выходя на сырую, еле различимую прогалину. – Совсем немножко...

В воздухе просвистела стрела и красноречиво воткнулась в ствол дерева прямо над её головой. Поляна внезапно наполнилась топотом копыт, Гарри почувствовал, как задрожала под ногами земля. Амбридж взвизгнула и дёрнула его на себя, будто щит...

Гарри вырвался и повернулся кругом. Со всех сторон, вскинув нацеленные луки, их обступали кентавры, не меньше полусотни. Гарри, Гермиона и Амбридж медленно попятились к центру прогалины, от ужаса Амбридж тоненько поскуливала. Гарри искоса глянул на Гермиону. Та расплывалась в ликующей улыбке.

– Кто ты? – раздался голос.

Гарри посмотрел налево. Из кольца вперёд выдвинулся гнедой кентавр, которого звали Магориан, – как и все остальные, с луком наготове. Амбридж, по правую руку от Гарри, продолжая поскуливать, наставила на подступающего кентавра отчаянно трясущуюся палочку.

– Человек, я задал тебе вопрос – кто ты? – грубо повторил Магориан.

– Я – Долорес Амбридж, – перепуганно заверещала та. – Старший заместитель министра из Министерства магии, директриса школы «Хогвартс» и её Главный Дознаватель!

– Ты из Министерства магии? – переспросил Магориан, а кольцо кентавров смятенно зашевелилось.

– Вот именно! – пуще прежнего заголосила Амбридж. – Так что имейте в виду! Согласно законам, установленным департаментом Регулирования и надзора за магическими животными, любое нападение на человека со стороны подобных вам полулюдей...

– Как ты нас назвала? – с взбешенным видом вскричал вороной кентавр, в котором Гарри узнал Бейна.

Вокруг началось злобное перешёптывание и звон натягиваемой тетивы луков.

– Не называйте их так! – бурно возмутилась Гермиона, но Амбридж будто и не слышала её.

Не сводя дрожащей палочки с Магориана, она не унималась:

– Закон Пятнадцатый, пункт «Б» гласит, что «любое нападение со стороны магического существа, предположительно обладающего интеллектом сродни человеческому, и посему считающегося ответственным за свои действия...»

– «Интеллектом сродни человеческому»? – повторил Магориан, а Бейн и несколько других кентавров взревели и встали на дыбы. – Человек, мы расцениваем это как серьёзное оскорбление! Наш интеллект, по счастью, намного превышает ваш.

– Что нужно вам в нашем лесу? – загрохотал суровый серый кентавр, с которым Гарри и Гермиона встретились в Лесу в прошлый раз. – Зачем вы здесь?

– *Вашем* лесу? – Амбридж, похоже, затрясло уже не только от страха, но и от негодования. – Хотелось бы напомнить, что вы живёте здесь только потому, что Министерство магии выделяет вам определённые ареалы обитания...

Стрела пролетела так близко от её головы, что зацепила блёклые волосы, Амбридж душераздирающе взвыла и схватилась за голову, а кентавры – кто одобрительно загикал, кто расхохотался во всё горло. Это безудержное ржание, эхом прокатившееся по сумеречной прогалине, и зрелище роющих землю копыт начисто лишали присутствия духа.

– И всё-таки, чей это лес, а, человек? – пророкотал Бейн.

– Полулюди вонючие! – прижимая руки к голове, завопила Амбридж. – Твари! Скоты разнузданные!

– Молчите! – вскричала Гермиона, но было поздно: Амбридж нацелила палочку на Магориана и заорала: – *Incarcerous!*²⁴⁵

Из ниоткуда возникли верёвки и, словно толстые змеи, крепко-накрепко обвили торс и руки кентавра: Магориан испустил гневный рык и взвился на дыбы, пытаясь освободиться. Остальные кентавры ринулись вперёд.

Гарри схватил Гермиону и повалил на землю. Несколько мгновений, проведённых ничком на поляне Запретного Леса, под грохот копыт со всех сторон, для Гарри стали сущим кошмаром, но кентавры с рёвом и неистовыми криками проскакали мимо и над ними.

– Нееет! – донёсся вопль Амбридж. – Нееет... Я Старший заместитель... вы не имеете права... Отпустите меня, скоты... неееет!

Гарри увидел красную вспышку и понял, что она попыталась Поразить кого-то из кентавров. Потом оглушительно завизжала. Чуть приподняв голову, Гарри обнаружил, что

²⁴⁵ от лат. in- + carcer – заключать (в тюрьму)

Бейн схватил Амбридж сзади и поднял над землёй. Амбридж в панике извивалась и верещала. Палочку она уронила на землю, и у Гарри ёкнуло сердце. Вот бы только дотянуться...

Но стоило ему протянуть руку, как на палочку обрушилось копыто кентавра и сломало ровно пополам.

– Ну-ка! – прогремел голос над головой Гарри, и густо поросшая волосами рука, опустившись из полутьмы, поставила его на ноги.

Гермиону тоже подняли. Поверх вздымавшихся разномастных крупов и голов кентавров Гарри увидел, как Бейн уносит Амбридж в чашу. Визжала она безостановочно, но крики становились всё тише и тише, пока за топотом копыт отовсюду не стихли вовсе.

– А эти? – спросил серый, с суровым лицом кентавр, в руках которого оказалась Гермиона.

– Эти молоды, – донёсся откуда-то сзади тихий и печальный голос. – Мы не трогаем жеребят.

– Но эти привели сюда её, Ронан, – заявил тот кентавр, который крепко держал Гарри. – И не так уж они молоды... вот он, уже почти взрослый.

Кентавр встряхнул Гарри за шиворот.

– Пожалуйста, – срывающимся голосом заговорила Гермиона, – пожалуйста, не трогайте нас, мы с ней не согласны, мы не из министерских служащих! Мы пришли сюда только потому, что надеялись с вашей помощью от неё избавиться!

По лицу серого кентавра, державшего Гермиону, Гарри тут же понял, какую страшную ошибку она допустила, произнеся подобную фразу. Серый кентавр яростно взрыл задними копытами землю, откинул голову и загрохотал:

– Вот видишь, Ронан? Они уже обрели присущую им самонадеянность! Так что же, дитя человека, мы должны были делать за вас грязную работу? Должны были вести себя подобно вашим слугам, как верные псы отгонять от вас врагов?

– Нет! – в ужасе пискнула Гермиона. – Пожалуйста... Я не это имела в виду! Просто я надеялась, что вы сможете... сможете помочь нам...

Но её слова, кажется, только усугубили ситуацию.

– Мы не помогаем людям! – прорычал кентавр, в чьих руках был Гарри, сжав пленника ещё крепче и вздёргнув так, что его ноги моментально утратили точку опоры. – Мы – иной народ, и горды этим! И мы не позволим вам уйти и бахвалиться своей властью над нами!

– Мы не собираемся ничего такого рассказывать! – завопил Гарри. – Мы знаем, что вы сделали то, что сделали, вовсе не потому, что нужно было нам...

Но все его крики пропали впустую.

Бородатый кентавр из-за спин остальных выкрикнул:

– Они явились непрошено, так пусть заплатят сполна!

Этот призыв встретил рёв одобрения, и буланый кентавр закричал:

– Пусть последуют за женщиной!

– Вы же говорили, что не трогаете невинных! – воскликнула Гермiona, на сей раз заливаясь самыми настоящими слезами. – Мы ничего вам не сделали, ни палочкой не пользовались, не угрожали, мы просто хотим вернуться в школу, пожалуйста, отпустите нас...

– Дитя человека, мы вовсе не такие, как предатель Фиренце! – прогремел серый кентавр под поголовное одобрительное ржание. – Может, ты думаешь, что мы – говорящие лошадки? Мы – древний народ, и не потерпим набегов и оскорблений от колдунов! Мы не принимаем ваших законов, мы не признаём вашего превосходства, мы...

Но чем ещё примечательны кентавры услышать не довелось – с края прогалины вдруг понёсся такой оглушительный треск, что оглянулись и Гарри, и Гермiona, и все полсотни или больше кентавров, заполонивших поляну. Кентавр выпустил Гарри, потому что схватился за лук и колчан со стрелами. Гермionу тоже отпустили, Гарри было кинулся к ней, как вдруг толстенные деревья, не предвещая ничего доброго, раздвинулись, и между стволами возникла громадина великана Гроупа.

Кентавры, что стояли ближе всего, отпрянули к тем, что сзади; поляна оцетинилась луками и стрелами наизготовку, нацеленными прямо в чудовищное землистое лицо, которое маячило в густых ветвях под самыми кронами. В глупо разинutom, перекошенном рту Гроупа, поблёскивая в полутьме, торчали жёлтые, похожие на кирпичи зубы; мутные, цвета навозной жижи глаза шурились на существ под ногами. От обеих лодыжек Гроупа тянулись обрывки канатов.

Он ещё шире разинул рот:

– Хаггер.

Что означает «хаггер» и на каком языке – Гарри не знал и знать не хотел, всё его внимание было приковано к ступням Гроупа размером почти с целого Гарри. Гермiona изо всех сил стиснула ему руку, кентавры совсем притихли и не сводили с великана глаз, а тот поводил из стороны в сторону громадной шарообразной головой, будто старательно высматривая среди стоявших внизу оброненную пропажу.

– Хаггер! – уже настойчивее повторил он.

– Великан, убирайся прочь! – окликнул его Магориан. – Здесь тебя никто не ждал!

Обращение не произвело на Гроупа ни малейшего впечатления. Он наклонился пониже (а руки кентавров покрепче сжали луки) и проревел:

– ХАГГЕР!

Среди кентавров началось волнение. Но тут Гермiona охнула:

– Гарри! – зашептала она. – Кажется, он пытается сказать: «Хагрид»!

В этот момент Гроуп заметил их двоих – единственных людей в море кентавров. Он опустил голову ещё на фут-другой и уставился повнимательнее. Гарри почувствовал, как вздрогнула Гермiona, когда Гроуп опять разинул рот и басом пророкотал:

– Гермни.

– Мамочки, – Гермiona в предобморочном состоянии сжала руку Гарри так, что у него онемели пальцы, – он... он запомнил!

– ГЕРМИ! – заревел Гроуп. – ГДЕ ХАГГЕР?

– Не знаю! – взвизгнула перепуганная Гермiona. – Прости, Гроуп, я не знаю!

– ГРОУП НАДО ХАГГЕР!

Ручища великана потянулась вниз. Гермiona завопила во весь голос, быстро попятилась, но через пару шагов упала. Гарри, оставшись без палочки, уже приготовился драться, пинаться, кусаться и всё, что угодно, когда ручища повернулась к нему, по ходу дела свалив с ног белоснежного кентавра.

Кентавры словно того и ждали – растопыренные пальцы Гроупа были в футах от Гарри, как вдруг полсотни стрел взмыли в воздух и усеяли гигантскую физиономию. Гроуп взвыл от боли и ярости, выпрямился и принялся тереть лицо огромными ладонями, ломая древки стрел и ещё глубже загоняя наконечники.

Топоча огромными ножищами, великан заревел, кентавры бросились врассыпную, капли крови Гроупа размером с булыжник брызнули на Гарри, тот рывком поставил Гермionу на ноги и вместе с ней со всех ног метнулся под спасительные деревья. Оказавшись там, ребята оглянулись: Гроуп с залитым кровью лицом вслепую шарил в поисках кентавров, те беспорядочно отступали, галопом скача в чащу на противоположную сторону поляны. Гарри и Гермiona увидели, как Гроуп ещё раз яростно взвыл и рванулся следом за кентаврами, круша на своём пути деревья направо и налево.

– О, нет, – Гермionу колотило так, что колени подкашивались. – Какой ужас. Он мог их всех убить!

– Честно говоря, я бы не возражал, – едко отозвался Гарри.

Топот скачущих кентавров и треск от идущего напролом великана становились всё тише и тише. Прислушиваясь, Гарри вдруг снова почувствовал пронзительную боль в шраме, и его захлестнуло волной ужаса.

Столько времени потрачено впустую, а к спасению Сириуса они не подоברались ни на шаг с тех пор, как у него было видение. Мало того, что палочку умудрился потерять, так они, ко всему прочему, торчат в самом сердце Запретного Леса и безо всякого средства передвижения.

– План хоть куда, – набросился он на Гермionу, желая сорвать злость. – Просто хоть куда. А как выбираться?

– Нужно вернуться в замок, – еле слышно ответила Гермiona.

– К тому времени, как мы вернёмся, Сириус уже умрёт! – Гарри от досады пнул соседнее дерево.

Наверху кто-то тоненько затараторил, появился рассерженный ногомол и потянул к Гарри длинные веточки-пальцы.

– Всё равно без волшебных палочек нам никуда, – безнадежно вздохнула Гермiona и заставила себя подняться. – Кстати, Гарри, а как именно ты собирался добраться аж до Лондона?

– Ага, вот как раз это и нас интересует, – раздался за их спинами знакомый голос.

Гарри и Гермiona инстинктивно прижались друг к другу и уставились в заросли.

Появился Рон, а сразу следом за ним – Джинни, Невилл и Луна. Вид у всех четверых был изрядно потрёпанный, – у Джинни вся щека расцарапана, у Невилла над правым глазом

вздучалась здоровенная багровая шишка, у Рона совсем разбита губа, – но весьма самодовольный.

– Итак, – Рон отвёл в сторону свисавшую до земли ветку и протянул Гарри палочку, – какие будут предложения?

– Как вам удалось сбежать? – забирая свою палочку, ошеломлённо спросил Гарри.

– Парочка Оглушателей, чары Разоружения и Невилл с очень даже приличным Непролазным взглядом, – беспечно пояснил Рон, вручая палочку и Гермионе. – Но Джинни всех обошла – так Малфоя обработала Пугалётной порчей²⁴⁶, слов нет, эти здоровенные штуки всю морду ему обшлёпали! Мы-то видели через окно, как вы в Лес уходили, и пошли следом. А куда вы Амбридж дели?

– Смылась она, – сказал Гарри. – Со стадом кентавров.

– А вас они забыли? – изумлённо спросила Джинни.

– Нет, их Групп прогнал, – объяснил Гарри.

– Групп – это кто? – заинтересовалась Луна.

– Младший братик Хагрида, – поспешно ответил Рон. – В общем, не заморачивайся. Гарри, так что ты выяснил через камин? Сам-Знаешь-Кто схватил Сириуса или?..

– Да, – кивнул Гарри, а в шраме у него опять больно кольнуло, – но он ещё жив, я уверен, только не представляю, как нам туда попасть, чтобы ему помочь.

Все испуганно притихли; проблема, вставшая перед ними, казалась неразрешимой.

– Ладно, придётся нам лететь, – предложила Луна тоном, настолько близким к деловому, какого Гарри ещё никогда не доводилось от неё слышать.

– Ага, конечно, – Гарри, не сдержавшись, накинулся на неё: – для начала, во-первых, «нам» ничего делать не придётся, если в этом участвуешь ты, а во-вторых, только у Рона есть метла, которую не караулит сторожевой тролль, так что...

– У меня есть метла! – воскликнула Джинни.

– Ага, но ты не полетишь, – сердито заявил Рон.

– Ты меня извини, но судьба Сириуса меня волнует не меньше, чем тебя! – отчеканила Джинни, упрямо сжав челюсти и при этом сделавшись поразительно похожей на Фреда и Джорджа.

– Ты слишком... – начал Гарри, но Джинни запальчиво перебила:

– Мне на три года больше, чем было тебе, когда ты дрался за Философский Камень с Сам-Знаешь-Кем! И благодаря мне Малфой застрял в кабинете Амбридж и отбивается от здоровенных летучих пугал...

– Да, но...

– В ДА мы были вместе, – негромко произнёс Невилл. – Мы ведь собирались бороться против Сам-Знаешь-Кого? А сейчас нам впервые выпал шанс проверить себя в деле, или, что, мы там просто в игрушки играли?

– Нет... конечно, не просто... – нетерпеливо отмахнулся Гарри.

– Значит, мы тоже пойдём, – бесхитростно сказал Невилл. – Мы хотим помочь.

– Правильно, – радостно улыбаясь, поддержала его Луна.

²⁴⁶ Bat Bogey Hex (Порча летучемышинных пугал)

Гарри встретился взглядом с Роном и понял, что Рон его соображения разделяет. Будь у него возможность из числа членов ДА выбрать себе, Рону и Гермионе помощников для спасения Сириуса, он выбрал бы кого угодно, но только не Джинни, Невилла или Луну.

– Да ладно, какая разница, – сквозь стиснутые зубы процедил Гарри. – Всё равно непонятно, как туда добраться...

– Кажется, мы уже решили, – в раздражающей манере заявила Луна. – Мы полетим!

– Слушай, – с трудом сдерживаясь, заговорил Рон, – может ты и можешь летать без метлы, но все остальные не умеют отращивать крылья по желанию, когда...

– Есть и другие способы летать, не только на метлах, – невозмутимо проговорила Луна.

– Значит, оседаем каких-нибудь мягких хряпов?²⁴⁷ – предложил Рон.

– Морщерогий хряпстер не летает, – с достоинством пояснила Луна, – зато они летают, и Хагрид говорит, что они очень хорошо находят нужные своим наездникам места.

Гарри круто обернулся. Между деревьями, злое свечение белыми глазами и прислушиваясь к шёпоту переговоров, словно понимая каждое слово, стояли два тестрала.

– Точно! – прошептал Гарри и направился к ним.

Тестралы вскинули ящероподобные головы, отбрасывая назад длинные чёрные гривы, Гарри с замиранием сердца протянул руку и погладил ближнего тестрала по лоснящейся шее. И как он мог подумать, что они – уродливые?

– Те самые чумовые лошади? – нерешительно спросил Рон, вглядываясь куда-то левее тестрала, которого гладил Гарри. – Те, которых нельзя видеть, пока на твоих глазах кто-нибудь не помрёт?

– Угу, – кивнул Гарри.

– Сколько их?

– Всего два.

– Ясно, а нам нужно три, – с дрожью в голосе, но непреклонно заявила Гермиона.

– Четыре, Гермиона, – нахмурилась Джинни.

– На самом деле, нас шестеро, – произведя подсчёты, хладнокровно объявила Луна.

– Не валяйте дурака, всем вместе незачем ехать! – рассердился Гарри. – Слушайте, вы трое... – он пальцем указал на Невилла, Джинни и Луну, – ...тут ни при чём, вам нечего...

Троица в ответ бурно запротестовала. Шрам Гарри кольнул ещё острее, чем в прошлый раз. На счету каждая секунда, спорить времени нет.

– Ладно, отлично, дело ваше, – отрезал он, – но если тестралов мы больше не найдём, то придётся вам...

– О, тестралы скоро подойдут, – уверенно заявила Джинни, так же, как и Рон, шурясь совершенно не туда, куда нужно, и явно предполагая, что смотрит на лошадей.

– С чего ты взяла?

– С того, что, если ты ещё не заметил, вы с Гермионой в крови с ног до головы, – невозмутимо объяснила Джинни, – а Хагрид, как известно, приманивает тестралов сырым мясом. Наверное, потому наша парочка и появилась.

²⁴⁷ в оригинале Kacky Snorgle

И тут Гарри почувствовал деликатное подёргивание за мантию, опустил голову и обнаружил, что стоящий рядом тестрал облизывает его рукав, пропитавшийся кровью Гроупа.

– Ага, вот и хорошо, – Гарри на ум пришла блестящая идея: – мы с Роном берём этих двоих и летим вперёд, а Гермиона останется с вами, и на неё будут приманиваться другие тестралы...

– Я не останусь! – яростно запротестовала Гермиона.

– Это ни к чему, – улыбнулась Луна. – Смотри, их уже больше... пахнете вы, что надо...

Гарри оглянулся: между деревьями, плотно прижав к бокам огромные кожистые крылья и блестя глазами в темноте, пробирались шесть или семь тестралов, не меньше. Всё, теперь не отвертеться.

– Отлично, – сердито буркнул он, – ну, разбирайте и рассаживайтесь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ДЕПАРТАМЕНТ ТАЙН

Гарри крепко намотал на кулак гриву ближайшего тестрала, поставил ногу на торчавший рядом пенёк и неуклюже вскарабкался на шелковистую лошадиную спину. Тестрал не выказал недовольства, только повернул голову, дёрнул верхней губой, обнажая зубы, и ненасытно потянулся опять облизывать мантию Гарри.

Оказалось, что в суставы крыльев тестрала удобно упираться коленями, – это открытие прибавило Гарри уверенности, и он принялся озираться на остальных. На спине соседнего тестрала, пытаясь закинуть ногу, повис Невилл. Луна уже уселась верхом, устроившись как в дамском седле, и расправляла складки мантии, словно ей такое занятие было не впервой. Но Рон, Гермиона и Джинни, полуоткрыв рты и растерянно глядя по сторонам, стояли как вкопанные.

– Ну что? – спросил Гарри.

– А что нам делать-то? – вяло поинтересовался Рон. – Если нам ничего не видно?

– Ничего страшного, – Луна с готовностью соскользнула с тестрала и направилась к ним: – Идите сюда...

Она подвела их к другим тестралам, стоявшим поодаль, и одному за другим помогла усесться верхом. Перед тем, как занять своё место, она каждому сунула в руку лошадиную гриву и распорядилась покрепче держаться за неё – все трое при этом страшно занервничали.

– Бред какой-то, – забормотал Рон, свободной рукой осторожно проводя вверх-вниз по лошадиной шее. – Бред... если бы мне ещё было его видно...

– Пусть лучше будет не видно, – мрачно отозвался Гарри, – Ну, все готовы?

Все пятеро закивали, и Гарри увидел, как напряглись пять пар коленей под мантиями.

– Ладно...

Он опустил глаза на лоснящийся вороной затылок своего тестрала и глотнул.

– Значит, в Лондон, к Министерству магии, ко входу для посетителей, – неуверенно приказал он. – Э-э... если вы знаете... где это...

Какое-то мгновение тестрал под Гарри не шевелился, а потом резко, едва не сбросив седока, расправил в стороны крылья, присел сначала, а потом взмыл вверх так стремительно и круто, что Гарри пришлось изо всех сил обхватить его руками и ногами, чтобы не соскользнуть на костявый лошадиный круп. Когда внизу остались верхушки самых высоких деревьев, и глазам открылся кроваво-красный закат, Гарри зажмурился и уткнулся лицом в шелковистую гриву.

Должно быть, никогда ещё Гарри не доводилось летать так быстро: тестрал пронёсся над замком на одном взмахе крыла. Холодные воздушные потоки хлестали по лицу, порывы ветра заставляли щуриться, Гарри оглянулся и увидел, что все пятеро его спутников взлетели следом за ним, и все как можно ниже пригибаются к шеем тестралов, чтобы уберечься от протянувшейся за ним воздушной спутной струи.

Вот они над окрестностями Хогвартса, вот – пролетают Хогсמיד, дальше показались горы и ущелья. Начинало смеркаться, а внизу деревушка сменялась деревушкой, – Гарри разглядел ступки огоньков, потом извилистую дорогу, по которой жучком полз одинокий автомобильчик, преодолевая холмы по дороге к дому...

– Ну и чудеса! – донёсся до Гарри вопль Рона откуда-то сзади и представил, каково нестись на такой высоте безо всякой видимой опоры.

Спустились сумерки: небо потускнело, стало бледно-фиолетовым, по нему рассыпались крохотные серебряные звёздочки, и вскоре только по огням маггловских городов оставалось судить – как высоко они летят, и с какой скоростью. Гарри крепко сжимал лошадиную шею, мысленно призывая тестрала лететь ещё быстрее. Сколько времени прошло с тех пор, как он видел Сириуса на полу департамента Тайн? Как долго ещё он сможет сопротивляться Волдеморту? Гарри не сомневался, что крёстный ещё не подчинился Волдеморту, но и не погиб, потому что, в любом случае, он ощутил бы на себе ликование Волдеморта или его гнев, шрам обожгло бы болью так, как в ночь нападения на мистера Уизли.

Полёт продолжался в сгустившейся темноте. Лицо у Гарри застыло и онемело, ноги, крепко сжимавшие бока тестрала, затекли, но он боялся пошевелиться, чтобы не соскользнуть... От свистевшего в ушах ветра Гарри совсем оглох, а во рту от холодного ночного воздуха всё пересохло и заledenело. Он уже потерял счёт времени и расстоянию и надеялся лишь на животное под собой, которое целеустремлённо рассекало тьму, едва поводя крыльями, и летело всё дальше и дальше.

«А вдруг уже слишком поздно...

Он ещё жив, он ещё сопротивляется, я чувствую это...

А вдруг Волдемонт решил, что Сириуса не сломить...

Я бы понял...»

В животе ухнуло: голова тестрала внезапно клюнула вниз, и Гарри даже съехал на пару дюймов по его шее. Снижение, наконец-то... Гарри показалось, что сзади раздался чей-то визг, и с риском для жизни он принялся озираться по сторонам, но падающего тела не заметил... Должно быть, всех остальных так же потрясла смена курса.

И вот яркие оранжевые огни начали увеличиваться и принимать чёткие формы: показались крыши зданий, вереницы фар, смахивавших на блестящие глаза насекомых, зажелтели квадратики окон. Мостовая вдруг прыгнула навстречу. Готовясь к неминуемому столкновению, Гарри сжался и из последних сил вцепился в тестрала, но лошадь опустилась на тёмную улочку легко, как тень, он соскользнул на землю и огляделся. Переполненный контейнер по-прежнему стоял по соседству с разбитой телефонной будкой, только в тусклом оранжевом свете уличных фонарей оба казались блёклыми.

Неподалёку приземлился Рон и тут же кубарем свалился со своего тестрала на мостовую.

– Да чтоб я ещё раз... – с трудом вставая на ноги, выругался он. Попытался отойти от тестрала подальше, но вместо этого ткнулся в невидимый круп и чуть снова не упал. – Да ни за что на свете... хуже не придумаешь...

По обе стороны от него приземлились Гермиона и Джинни – они слезли на землю чуть поизящнее, чем Рон, но с аналогичным выражением облегчения от возвращения на твёрдую землю. Невилл спрыгнул, дрожа с ног до головы, а Луна спешила, как ни в чём не бывало.

– Куда дальше идём? – с учтивым любопытством поинтересовалась она у Гарри, словно впереди им предстояла увлекательная экскурсия.

– Сюда, – Гарри благодарно похлопал тестрала, быстро направился к разбитой телефонной будке и распахнул дверь: – Ну же! – поторопил он друзей, видя их нерешительность.

Рон и Джинни безропотно забрались внутрь, следом втиснулись Гермиона, Невилл и Луна. Гарри напоследок оглянулся на тестралов – они уже выбирали протухшие объёдки из контейнера – и вслед за Луной вошёл в будку.

– Кто рядом с телефоном, наберите «шесть, два, четыре, четыре, два»! – распорядился он.

Ближе всех оказался Рон, чтобы набрать номер, ему пришлось немыслимым образом изогнуть руку. Когда телефонный диск, протрещав, вернулся в прежнее положение, в будке раздался холодный женский голос:

– Добро пожаловать в Министерство магии. Пожалуйста, назовите ваше имя и цель визита.

– Гарри Поттер, Рон Уизли, Гермиона Грейнджер, – быстро перечислял Гарри, – Джинни Уизли, Невилл Лонгботтом, Луна Лавгуд... мы здесь, чтобы кое-кого спасти, если только ваше Министерство не успеет раньше нас!

– Спасибо, – произнёс холодный женский голос. – Посетители, пожалуйста, возьмите по значку и прикрепите на свою одежду.

В металлический лоток для неиспользованных монет скатилось полдюжины значков. Гермиона извлекла значки и через голову Джинни молча протянула Гарри, он взглянул на верхний: «Гарри Поттер, Миссия спасения».

– Посетители Министерства, вы обязаны пройти досмотр и зарегистрировать ваши палочки за стойкой службы безопасности, которая расположена в дальнем конце Атриума.

– Ясно! – громко согласился Гарри, почувствовав очередной укол в шпале. – Может, поедим уже?

Пол телефонной будки задрожал, и за стеклами окон поползла вверх мостовая. Рывшиеся в мусоре тестралы мало-помалу исчезли из виду. Над головами сомкнулась тьма, с монотонным скрежетанием они опускались в недра Министерства магии.

Ноги накрыла полоска умиротворяющего золотистого света, стала шире, дошла до пояса. Гарри, уже начеку, сжал покрепче палочку и, насколько позволила теснота, присел, высматривая через окно: не поджидает ли их кто-нибудь в Атриуме, – но там, на первый взгляд, царил пустота. Освещение, по сравнению с тем, что было днём, приглушённое, подвмонтированными в стену каминными досками огонь не горит, но когда лифт плавно остановился, Гарри обратил внимание, что золотые символы на тёмно-синем потолке по-прежнему выписывают сложные фигуры.

– Министерство магии желает вам удачного вечера, – произнёс женский голос.

Дверь телефонной будки распахнулась, Гарри вывалился наружу, тут же вслед за ним – Невилл и Луна. Тишину в Атриуме нарушало только ровное журчание золотого фонтана, где в воду падали мощные струи из палочек ведьмы и колдуна, острия стрелы кентавра, кончика шляпы гоблина и ушей домового эльфа.

– Быстрее, – тихо скомандовал Гарри, и все шестеро с ним во главе бегом припустили по залу, мимо фонтана к стойке, где раньше сидел маг службы безопасности, который взвешивал палочку Гарри, а сейчас не было никого.

Гарри не сомневался, что охранник обязан быть на посту непременно, и его отсутствие ничего хорошего не предвещает, а за золотыми воротами у лифтов дурные предчувствия ещё усилились. Он нажал кнопку «вниз» ближайшего лифта, и лифт подгрохотал почти сразу, золотые решётки с оглушительным, усиленным эхом лязганьем разъехались в стороны, и ребята заскочили внутрь. Гарри ткнул в кнопку под номером «9», решетки с грохотом закрылись, и лифт, с дребезгом и звоном, пошёл вниз. Когда они приходили сюда с мистером Уизли, Гарри не обратил внимания до чего же грохочут лифты, – как пить дать, шум перебудит всех охранников в здании, – однако, вот лифт остановился, холодный женский голос объявил: «Департамент Тайн», и решётки разъехались. Ребята вышли в коридор, но там не было ни души, только в потоке воздуха от лифта заволновалось пламя ближайших факелов.

Гарри нацелился на гладкую чёрную дверь. Столько месяцев он видел всё это во сне, и вот, наконец, он – здесь.

– Идём, – шепнул он, и первым двинулся по коридору, а сразу вслед за ним – Луна, которая с открытым ртом озиралась по сторонам. Не дойдя до двери полдюжины шагов, Гарри опять остановился: – Так, слушайте. Может... может кому-нибудь стоит остаться здесь, чтобы... чтобы покараулить, а...

– А как предупредить, если кто пойдёт? – Джинни недоумённо подняла брови. – Вдруг ты уже далеко будешь.

– Гарри, мы пойдём с тобой, – объявил Невилл.

– Ладно, валяйте, – решил Рон.

Гарри и теперь не хотелось вести за собой всех, но, видимо, придётся. Он повернулся и шагнул к двери... дверь распахнулась, совсем как во сне, он переступил порог, следом за ним – и все остальные.

Они оказались в просторном круглом помещении. Всё здесь было чёрного цвета, даже пол и потолок, вдоль чёрной стены шли одинаковые чёрные двери без табличек и без ручек, перемежаясь канделябрами, в которых синим пламенем горели свечи. Этот холодный, неровный свет отражался в блестящем мраморном полу, и казалось, будто под ногами – тёмная вода.

– Кто-нибудь, закройте дверь, – пробормотал Гарри.

И тут же пожалел о сказанном, едва Невилл выполнил просьбу. Без длинной полосы света факелов из коридора здесь стало так темно, что поначалу, кроме гирлянды дрожащих

язычков синего пламени на стенах и их призрачного отражения на полу, не было видно больше ничего.

Во сне Гарри всегда проходил эту комнату целенаправленно — к двери прямо напротив входа, и шёл дальше. Но дверей оказалось не меньше дюжины. Пока он разглядывал противоположные двери, пытаясь выбрать нужную, раздался мерный рокот, и свечи поплыли по кругу. Круглая стена начала вращаться.

Гермиона вцепилась в руку Гарри, должно быть от страха, что пол тоже придёт в движение, но этого не произошло. На несколько секунд, пока вращалась стена, синие огни слились в одну линию, вызывая в памяти неоновую лампу, а потом рокот стих так же внезапно, как начался, и стена, и огни — всё замерло вновь.

В глазах у Гарри стояли синие полосы, кроме них он пока ничего не мог разобрать.

— Что это было? — испуганно прошептал Рон.

— Наверное, это чтобы нельзя было определить, в какую дверь мы вошли, — притихшим голосом предположила Джинни.

Гарри сразу понял, что она права: выход обратно теперь найти не легче, чем муравья на чёрном, как уголь, полу, а нужной дверью может оказаться любая из дюжины.

— А как мы вернёмся назад? — встревожился Невилл.

— Ну, сейчас это неважно, — твёрдо заявил Гарри, жмурясь, чтобы избавиться от синих полос перед глазами, и изо всех сил сжал волшебную палочку, — выход нам не понадобится, пока Сириуса не найдём...

— Только звать его не надо! — поспешно предупредила Гермиона, но этот совет был как никогда излишним — инстинкт подсказывал Гарри, что следует вести себя как можно тише.

— Куда теперь пойдём, Гарри? — спросил Рон.

— Я не... — начал Гарри. Потом сглотнул: — Во снах я шёл от лифта по коридору до конца, к двери в тёмную комнату... вот в эту самую комнату... а потом проходил в другую дверь, в комнату, где какие-то... блики. Нужно посмотреть, что за дверьми, — быстро решил он. — Если я увижу блики, значит нам туда. Пошли.

Он решительно направился к двери напротив, — все остальные не отставали от него ни на шаг, — поднёс левую руку к её холодной, блестящей поверхности, поднял палочку наизготовку, если она откроется, и толкнул.

Дверь без труда распахнулась.

После темноты в первой комнате, казалось, будто это помещение, длинное и прямоугольное, освещено гораздо ярче — светильниками, на золотых цепях низко свисавшими с потолка, правда, тех пляшущих, переливающихся бликов, которые Гарри видел во сне, здесь не оказалось. Комната была практически пуста, если не считать нескольких столов и стоявшего в самом центре огромного стеклянного резервуара с тёмно-зелёной жидкостью, такого большого, что в нём хватило бы места искупаться всем вшестером. В жидкости медленно плавало несколько жемчужно-белых предметов.

— Что там за штуковины? — шёпотом спросил Рон.

— Понятия не имею, — отозвался Гарри.

— Это не рыба? — прошептала Джинни.

– Личинки аквавирюсов!²⁴⁸ – переполошилась Луна. – Папа говорил, что в Министерстве разводят...

– Нет, – каким-то странным тоном возразила Гермиона и подошла к стенке резервуара, чтобы посмотреть поближе. – Это мозги.

– Мозги?

– Да... Интересно, что с ними здесь делают?

Гарри подошёл к Гермионе и резервуару. Вблизи стало очевидно, там именно – мозги. Жутко поблёскивая, мозги время от времени всплывали на поверхность зелёной жидкости, с виду напоминая склизкую цветную капусту.

– Пошли отсюда, – решил Гарри. – Мы ошиблись, нужно проверить другую дверь.

– Тут тоже есть двери, – Рон показал на стены.

У Гарри упало сердце: «Какого же размера этот департамент?..»

– Во сне я в следующую комнату прошёл из той, тёмной, – уточнил он. – Думаю, нужно возвращаться и попробовать оттуда.

Все побыстрее вышли в тёмную, круглую комнату, у Гарри перед глазами вместо синего пламени свечей теперь плавали призрачные очертания мозгов.

– Подожди! – вдруг воскликнула Гермиона, когда Луна собиралась закрыть за собой дверь в комнату с мозгами. – *Flagrate!*

Она взмахнула палочкой, и на двери появился огненный крест. Стоило двери захлопнуться, как начался мерный рокот, и стена опять закрутилась, но на бледно-синем фоне теперь мелькало крупное красно-золотое пятно, а когда вращение прекратилось, огненный крест горел по-прежнему, указывая дверь, которую они уже проверили.

– Хорошая мысль, – одобрил Гарри. – Ладно, теперь заглянем в эту...

Он опять подошёл к двери напротив и, с палочкой наготове, распахнул её. Все столпились за его спиной.

Комната оказалась полутёмная и прямоугольной формы, но побольше, чем предыдущая, а к центру пол в ней уходил вниз, образуя огромную каменную яму глубиной футов двадцать. Они стояли на самом верхнем ярусе каменных скамей, окружавших всю комнату и круто спускавшихся вниз уступами, словно в амфитеатре или в том зале суда, где Визенгамот рассматривал дело Гарри. Только вместо кресла с цепями в центре ямы, на постаменте из камня стояла каменная арка, такая древняя на вид, полуразрушенная и вся в трещинах, что Гарри даже удивился, как она ещё держится.

Арка не примыкала ни к одной из стен, в проёме висела ветхая чёрная штора, завеса, которая, несмотря на мертвую неподвижность стылого воздуха, еле заметно колыхалась, словно её только что кто-то задел.

– Есть кто там? – спросил Гарри и прыгнул на скамью ниже.

Ответа не последовало, но завеса по-прежнему колыхалась и покачивалась.

– Осторожней! – зашептала Гермиона.

Спрыгивая с одного уступа на другой, Гарри добрался до дна каменной ямы. Пока он медленно шёл к постаменту, каждый шаг отзывался громким эхом. Стрельчатая арка отсюда оказалась значительно выше, чем представлялась сверху. А завеса всё покачивалась, как будто за неё вот-вот кто-то зашёл.

– Сириус? – опять позвал Гарри, но теперь, рядом с аркой, уже потише.

У него возникло престраннейшее чувство: словно сразу за завесой, с той стороны арки, кто-то есть. Крепко сжимая палочку, Гарри обошёл постамент, но там никого не оказалось, – он увидел лишь изнанку ветхой чёрной завесы.

– Пойдём, – окликнула его Гермиона, остановившись на каменном уступе на полдороги вниз. – Гарри, мы ошиблись, давай, пойдём.

В её голосе звучал испуг, гораздо больший, чем в комнате с плавающими мозгами, хотя Гарри эта арка, несмотря на свою обветшалость, показалась в некотором роде даже красивой. Его манила пробегавшая по завесе лёгкая рябь – нестерпимо тянуло забраться на постамент и пройти за завесу.

– Гарри, пойдём, ладно? – настойчиво повторила Гермиона.

– Ладно, – отозвался он, но не тронулся с места.

Тут ему послышался какой-то звук. Из-за завесы донёсся тихий невнятный шёпот.

– Что вы говорите? – во весь голос переспросил он, и вопрос эхом отразился от каменных уступов.

– Гарри, никто ничего не сказал! – откликнулась Гермиона и стала спускаться к нему.

– Там, сзади, кто-то шепчет, – Гарри пошёл от Гермионы, насуپленно изучая завесу. – Рон, это ты?

– Приятель, я тут, – Рон появился сбоку от арки.

– Неужели никто больше не слышит? – возмущился Гарри, когда невнятный шёпот стал громче, а потом, неожиданно для себя, обнаружил, что уже поставил ногу на постамент.

– Я тоже слышу, – выдохнула Луна. Она тоже встала напротив боковой стенки арки и не отрывала взгляд от колышущейся завесы. – Там, *внутри*, люди!

– Что значит «*внутри*»? – выпалила Гермиона, спрыгивая с последней ступени с неоправданно сердитым видом, – там нет никакого «*внутри*», это арка, и всё, там никому не хватит места. Гарри, хватит, уходим...

Она схватила его за руку и потянула, но Гарри упёрся.

– Гарри, мы же вроде бы пришли сюда ради Сириуса! – напряжённо уколола его Гермиона.

– «*Сириуса*», – повторил Гарри, зачарованно следя за безостановочным покачиванием завесы. – Ага...

Наконец, у него в голове что-то щёлкнуло: *Сириуса* схватили, связали, пытаются, а он тут паялится на эту арку...

Гарри попятился от постамента и с трудом отвел глаза от завесы.

– Пойдём, – проговорил он.

– Я твержу об этом уже... ну, всё, быстрее! – Гермиона направилась к двери в обход постамента.

С противоположной стороны на завесу замороженно уставились Джинни и Невилл. Гермиона молча взяла за руку Джинни, Рон – Невилла, они вдвоём повели своих друзей к нижней каменной скамье, и все вместе вскарабкались наверх, к выходу.

– Как ты думаешь, что это за арка? – уже в тёмной круглой комнате спросил Гарри у Гермионы.

– Понятия не имею, но, в любом случае, она опасная – это точно, – твёрдо ответила Гермиона и обозначила дверь очередным огненным крестом.

Стена опять пришла во вращение и снова замерла. Следующую дверь Гарри выбрал наугад, подошёл, толкнул. Безрезультатно.

– В чём дело? – удивилась Гермиона.

– Здесь... заперто... – Гарри навалился на дверь всем телом, но та не шелохнулась.

– Может, это она и есть? – всполошился Рон и кинулся помогать Гарри. – Как пить дать – она!

– Отойдите! – скомандовала Гермиона. Направила палочку туда, где обычно располагается дверной замок, и воскликнула: – *Alohomora!*

Ничего не произошло.

– Нож Сириуса! – вспомнил Гарри.

Он вытащил нож из кармана мантии и всунул в щель между дверью и стеной. Все нетерпеливо следили, как он водит ножом вверх-вниз, вынимает его и вновь налегает плечом на дверь. Но дверь не поддавалась. Ко всему прочему, когда Гарри взглянул на нож, то обнаружил, что лезвие расплавилось.

– Хорошо, эту комнату пропускаем, – решила Гермиона.

– А вдруг это – та самая? – опасливо и тоскливо протянул Рон, глядя на дверь.

– Это невозможно, Гарри во сне во все двери проходил беспрепятственно, – пока Гарри засовывал в карман пришедший в негодность нож Сириуса, Гермиона ответила за него и пометила огненным крестом и эту дверь.

Стена опять закрутилась, у Луны загорелись глаза:

– А знаете, что там может быть?

– Бытливый кто-то-там, естественно, – фыркнула Гермиона.

Невилл нервно хихикнул.

Стена остановилась. Гарри, уже теряя надежду, толкнул очередную дверь.

– *Это здесь!*

Узнавание произошло мгновенно, как только рассыпались прекрасные, бриллиантовые брызги света. Как только глаза привыкли к слепящему блеску, Гарри увидел, что повсюду в комнате, в простенках между книжными шкапами и на столах, стоят большие и маленькие, напольные и настольные, – часы, и их бойкое, неумолчное тиканье наполняет комнату мириадами крошечных пазжков. Танцующие, сверкающие блики исходили от высокого хрустального часового колпака, стоявшего в дальнем конце комнаты.

– Сюда!

Когда стало ясно, что они на правильном пути, сердце Гарри отчаянно заколотилось. Лавируя между столами, он первым устремился туда же, куда и во сне, – к источнику света,

хрустальному, размером почти с самого Гарри, часовому колпаку, который стоял на столе, а внутри колпака крутился сверкающий вихрь.

– Ой, *смотрите!* – воскликнула Джинни, тыча пальцем в самый центр часового колпака.

Там, в потоке блестящих брызг взмывало ослепительное, как драгоценный камень, крошечное яйцо. Поднявшись выше, яйцо расколосось, и из него вылупилась колибри, которую повлекло к самому верху часового колпака, но, от налетевшего порыва вихря, перья птички опять стали влажным и невзрачными, её понесло вниз ко дну, и там она опять исчезла в яйце.

– Пошли дальше! – категорично распорядился Гарри, видя, что Джинни порывается остановиться и посмотреть, как яйцо снова станет птичкой.

– Сам-то сколько торчал у этой развалюхи-арки! – вспылила Джинни, но от часового колпака отошла и направилась за ним следом к одинокой двери прямо за колпаком.

– Это здесь, – повторил Гарри, сердце у него билось так сильно, что даже говорить было трудно, – вот за ней и...

Он оглядел друзей: все уже приготовили палочки, внезапно посерьёзтели и напряглись. Гарри опять повернулся к двери и толкнул её. И дверь распахнулась.

Они попали туда, куда нужно – в зал с высоким, как в церкви, потолком, где не было ничего, кроме вздымающихся вверх стеллажей с маленькими, пыльными, стеклянными шарами. Шары отливали тусклым блеском в свете стоявших между стеллажами напольных канделябров. Свечи в них горели, синим пламенем, как в круглой комнате, которая осталась позади. В зале царил холод.

Гарри прокрался вперёд и выглянул в проход между стеллажами. Из темноты не доносилось ни шороха, ни звука.

– Ты говорил про девяносто седьмой ряд, – шепнула Гермиона.

– Да, – выдохнул в ответ Гарри, высматривая торец ближайшего стеллажа.

Синий свет от канделябра выхватывал из темноты блестящий серебряный номер: «53».

– По-моему, нам направо, – прошептала Гермиона, вглядываясь в соседний стеллаж, – да... там пятьдесят четвёртый...

– Держите палочки наготове, – тихо предупредил Гарри.

Они, то и дело, оглядываясь, на цыпочках двинулись вперёд, мимо длинных проходов между стеллажами, уходившими далеко в темноту. Одни шары заливало таинственное полупрозрачное свечение, другие были тусклыми и тёмными, как перегоревшие лампочки. Под каждым шаром на полке крепился небольшой пожелтевший ярлычок.

Они прошли восемьдесят четвёртый ряд... восемьдесят пятый... Гарри пытался уловить хоть малейший шорох, но Сириусу могли заткнуть рот, или он, вообще, без сознания... *или*, заговорил непрощенный внутренний голос, *он уже мёртв...*

Я бы почувствовал это, заверил он сам себя, сглотнув противный комок в горле, я бы уже понял...

– Девяносто седьмой! – прошептала Гермиона.

Все столпились в начале прохода, вглядываясь в его конец. Там никого не было.

– Он в том конце, точно, – пересохшими губами проговорил Гарри, – отсюда плохо видно.

И повёл ребят между исполинскими стеллажами стеклянных шаров, которые иной раз озарялись свечением им вслед...

– Он должен быть где-то рядом... – шептал Гарри, в полной уверенности, что на каждом шагу по всё менее различимому полу может наткнуться на истерзанное тело Сириуса, – ...где-то здесь... совсем близко...

Гермиона неуверенно окликнула его: «Гарри?», но он даже не отреагировал. Во рту у него совсем пересохло.

– Где-то... тут...

Они добрались до конца прохода, свечи здесь мерцали совсем тускло. И не оказалось никого. Только пыльная тишина отзывалась эхом.

– Он может быть... – хрипло зашептал Гарри, заглядывая в следующий проход. – Или может... – он бросился смотреть ещё дальше.

– Гарри? – опять позвала Гермиона.

– Что? – огрызнулся он.

– Мне... мне кажется, Сириуса здесь нет.

Никто не произнёс ни слова. Гарри избегал смотреть на них. Его тошнило. Он никак не мог понять, почему же Сириуса тут нет. Он должен быть здесь. Именно здесь Гарри его видел...

Он побежал вдоль рядов, заглядывая во все проходы. Добежал до конца – пусто. Кинулся в обратную сторону, мимо ошеломлённых друзей. Ничто не указывало на то, что Сириус где-то здесь, не было даже следов борьбы.

– Гарри? – окликнул его Рон.

– Что?

Ну зачем слушать этого Рона, Рона, который скажет ему, что он – дурак, или предложит всем вернуться в Хогвартс. Кровь бросилась Гарри в лицо, захотелось затаиться здесь, в темноте, оттянуть время, когда придётся подняться с ними в ярко освещённый Атриум и встретить их осуждающие взгляды...

– Ты это видел? – продолжал Рон.

– Что? – переспросил Гарри на этот раз с нетерпением – вдруг появилось подтверждение, что Сириус был здесь, хоть какая-нибудь зацепка.

Он поспешил туда, где сгрудились все остальные – чуть в глубину прохода вдоль девяносто седьмого ряда – но увидел лишь, как Рон таращится на один из пыльных стеклянных шаров.

– Что? – угрюмо повторил Гарри.

– Тут... тут стоит твоё имя, – пояснил Рон.

Гарри подошёл поближе. Рон показывал на один из тех маленьких стеклянных шаров, которые тускло светились изнутри, хотя, судя по слою пыли на шаре, к нему долгие годы никто не прикасался.

– Моё имя? – смеялся Гарри.

Он подался вперёд. Будучи ниже ростом, чем Рон, ему пришлось вытянуть шею, чтобы прочесть то, что написано на пожелтевшем ярлычке, который крепился к полке точно под пыльным стеклянным шаром. Там была небрежно нацарапана дата – примерно шестнадцать лет назад, – а под датой следующее:

«С.П.Т. для А.П.У.Б.Д.

Тёмный Лорд

и (?)Гарри Поттер»

Гарри уставился на ярлычок.

– Что это? – потерянно пролепетал Рон. – С какой стати здесь твоё имя?

Он перевёл глаза на другие ярлычки на той же полке.

– Меня тут нет, – озадаченно добавил он. – И всех остальных тоже.

– Гарри, по-моему, не стоит его трогать, – резко заявила Гермиона, едва Гарри протянул руку к шару.

– А почему нет? – удивился Гарри. – Ведь он имеет отношение ко мне?

– Не надо, Гарри, – вдруг попросил Невилл.

Гарри взглянул на него. Круглое лицо Невилла поблёскивало от пота. Похоже, от напряжённого ожидания у него сдавали нервы.

– Здесь моё имя, – решил Гарри.

В глубине души понимая, что поступает опрометчиво, он накрыл ладонью пыльный шар. Вопреки ожиданию, шар был не холодный. Напротив, казалось, будто он не один час пролежал на солнце, будто его согревало внутреннее свечение. Надеясь, даже предвкушая какие-нибудь эффектные последствия, волнующие сюрпризы, которые в конечном счёте оправдают их долгое и опасное путешествие, Гарри снял с полки стеклянный шар и стал пристально в него вглядываться.

Но ровным счётом ничего не произошло. Все столпились вокруг Гарри и, пока он смахивал накопившуюся пыль, не сводили с шара глаз.

И тут, прямо за их спинами, нарочито размеренный голос произнёс:

– Прекрасно, Поттер. А теперь повернись, только очень медленно, и отдай это мне.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ ЗАВЕСЫ²⁴⁹

Из ниоткуда, и справа, и слева возникали чёрные силуэты, отрезая все пути к отступлению, сквозь прорези капюшонов сверкали глаза, а концы дюжины палочек светились и целились прямо в сердце. Джинни от ужаса всхлинула.

– Поттер, мне, – с расстановкой повторил голос Люциуса Малфоя, и к Гарри протянулась ладонь.

У Гарри внутри всё оборвалось. Они – в ловушке, и врагов в два раза больше.

– Мне, – ещё раз напомнил Малфой.

– Где Сириус? – выпалил Гарри.

Среди Пожирателей Смерти раздался смех. Колочий женский голос из скопища фигур слева от Гарри ликующе провозгласил:

– Тёмный Лорд как всегда прав!

– Как всегда, – вкрадчиво повторил за ней Малфой. – Ну же, Поттер, пророчество – мне.

– Я хочу знать, где Сириус!

– *«Я хочу знать, где Сириус!»*, – передразнила его женщина слева.

Она и её напарники Пожиратели Смерти надвинулись так близко, что от Гарри с его друзьями их отделял всего шаг, и свет их палочек слепил Гарри глаза.

– Он у вас, – Гарри давил в себе приступ паники, безотчётного страха, который не отпускал его с того момента, как они свернули в проход у девяносто седьмого ряда. – Он здесь. Я точно знаю.

– Малыс от страха плюхнулся и лезыл, сто видел веский сон, – отвратительным, фальшиво-детским голоском просюсюкала женщина.

Гарри почувствовал, как Рон рядом с ним пошевелился.

– Не дёргайся, – шепнул он Рону. – Не сейчас...

Та женщина, что передразнивала его, хрипло расхохоталась:

– Вы слышали? *Слышали его?* Раздаёт другим деткам инструкции, можно подумать, он собирается с нами драться!

– О, поверь мне, Беллатрикс, ты плохо знаешь Поттера, – неторопливо заметил Малфой. – Погеройствовать – его главная слабость, Тёмный Лорд давно за ним это заметил. *Поттер, дай мне пророчество.*

– Я знаю, что Сириус здесь, – повторил Гарри, хотя от паники грудь сдавило так, что не вдохнуть. – Я знаю, что он у вас!

Пожиратели Смерти расхохотались дружнее, а громче всех – женщина.

– Пора тебе, Поттер, усвоить разницу между жизнью и снами, – процедил Малфой. – Дай мне пророчество, или нам придётся применить палочки.

²⁴⁹ в оригинале глава называется Beyond the Veil – словосочетание переводится как "на том свете", "потусторонний мир"

– Ну, давайте! – Гарри вскинул палочку перед собой.

И тут же, по обе стороны от него, взметнулись вверх ещё пять палочек: Рона, Гермионы, Невилла, Джинни и Луны. У Гарри сжалось сердце. Если Сириуса и в самом деле здесь нет, то, выходит, он обрёк друзей на бессмысленную смерть...

Но атаки Пожирателей Смерти не последовало.

– Отдашь пророчество, и никто не пострадает, – холодно пообещал Малфой.

Настал черед Гарри рассмеяться:

– Ага, конечно! Я вам отдаю это... как его, пророчество? А вы нас тут же отпускаете восвояси, да?

Едва он закончил фразу, как Пожиратель Смерти завизжала:

– *Accio профо...*

К этому Гарри был готов – не успела женщина закончить заклинание, как он уже выкрикнул:

– *Protego!* – и хотя стеклянный шар едва не выскользнул из пальцев, всё-таки его удалось удержать.

– Ого, а крошка Поттер знает толк в игре! – в прорезях капюшона женщины блеснули её безумные глаза. – Чудно, тогда...

– Я ЖЕ СКАЗАЛ ТЕБЕ «НЕТ»! – зарычал на неё Люциус Малфой. – Если ты его разобьёшь!..

Гарри лихорадочно соображал. Пожирателям Смерти нужен этот пыльный шарик из матового стекла. Ему он не нужен совершенно. Ему нужно только вытащить друзей невредимыми из этой переделки, и чтобы никто из них не поплатился за его глупость...

Женщина выступила вперёд из толпы своих напарников и сбросила капюшон. Азкабан источил лицо Беллатрикс Лестрэндж, превратил в костлявый череп, но оно горело лихорадочным, фанатичным огнём.

– Тебя поуготоваривать нужно? – грудь Беллатрикс судорожно вздымалась. – Отлично... Вот эту, самую маленькую, взять! – приказала она стоявшим рядом Пожирателям Смерти. – Пусть посмотрит, как мы пытаем девчонку. Я сама ею займусь.

Гарри почувствовал, как друзья обступили Джинни, и сам, прижимая к груди пророчество, шагнул вбок, чтобы её прикрыть.

– Если вздумаете напасть на кого-нибудь из нас, сами же его и разобьёте, – заявил он Беллатрикс. – Уж и не знаю, как ваш хозяин обрадуется, когда вы вернётесь с пустыми руками?

Беллатрикс не шелохнулась, только облизнула тонкие губы кончиком языка, не спуская глаз с Гарри.

– Ну? – продолжил Гарри. – Так о каком таком пророчестве идёт речь?

Что делать дальше, он не знал, оставалось только продолжать разговор. Его руки касалась рука Невилла, и чувствовалось, как Невилл дрожит. В затылок кто-то часто-часто дышал. Гарри лелеял надежду, что друзья старательно ищут выход из положения, потому что ему самому в голову не приходило ничего.

– «О каком таком пророчестве»? – повторила Беллатрикс, и с её лица сползла усмешка. – Ты издеваешься, Гарри Поттер.

– Нет, даже не думал, – отозвался Гарри, перескакивая взглядом с одного Пожирателя Смерти на другого, выискивая слабое звено, путь к побегу. – Зачем оно Волдеморту?

Пожиратели Смерти нестройно зашикали.

– Ты посмел произнести его имя? – прошипела Беллатрикс.

– Ну да, – Гарри крепко вцепился в стеклянный шар, подозревая, что на него сейчас последует новое покушение. – Запросто. Сказал «Вол...»

– Заткнись! – взывала Беллатрикс. – Как ты посмел произнести его имя своим поганым ртом, как твой грязный язык повернулся, полукровка, как...

– А вы знаете, что он тоже – полукровка? – сгоряча выкрикнул Гарри. У Гермiones за его спиной вырвался сдавленный стон. – Да-да, Волдеморт! Его мать была ведьмой, а вот папаша – маггл... Или вашей братии он наболтал, что – чистокровный?

– *STUPEF...*

– *НЕТ!*

Из кончика палочки Беллатрикс уже вырвался красный луч, но Малфой отразил его: своим заклинанием он направил заклинание Беллатрикс в полку, в шаг слева от Гарри, магический удар вдребезги разбил несколько стеклянных шаров.

Из осколков битого стекла на полу заструился дымок и оформился в две жемчужно-белые, напоминавшие привидений, фигуры, которые разом заговорили. Их голоса звучали попеременно, и, сквозь крики Беллатрикс и Малфоя, можно было разобрать лишь отдельные фразы.

– *...В солнцестояние явится новый...* – возвещала фигура бородатого старика.

– НЕ НАПАДАТЬ! НАМ НУЖНО ПРОРОЧЕСТВО!

– Он посмел... да как он... – бессвязно выкрикивала Беллатрикс, – ...стоит здесь... грязный полукровка...

– ЖДАТЬ, ПОКА НЕ ЗАБЕРЁМ ПРОРОЧЕСТВО! – пошёл вразнос Малфой.

– *...И никто уж не явится следом...* – сообщила фигура молодой женщины.

Обе фигуры, которые вырвались из разбитых вдребезги шаров, растаяли в воздухе. О них и об их былых пристанищах теперь напоминали лишь осколки стекла на полу. Но эти осколки навели Гарри на мысль. Осталось только донести её до остальных.

– Вы так и не сказали, что особенного в этом пророчестве, которое я обязан отдать, – Гарри пытался выиграть время, осторожно напавшая ногой кого-нибудь из своих.

– Не выкручивайся, Поттер, – бросил Малфой.

– Я не выкручиваюсь, – заверил Гарри, сосредоточась одновременно и на беседе, и на движении ногой.

Наконец он нацупал чью-то ступню и надавил. Импульсивный вдох за спиной свидетельствовал, что нога принадлежит Гермione.

– Что? – шепнула она.

– Дамблдор никогда не рассказывал тебе, что причина появления твоего шрама скрыта в недрах департамента Тайн? – с откровенной издёвкой процедил Малфой.

– Я... что? – оторопел Гарри и на мгновение напрочь забыл о своём плане. – При чём тут мой шрам?

– *Что?* – уже настойчивее прошептала Гермиона сзади.

– Как же так? – упивался сарказмом Малфой.

Среди Пожирателей Смерти опять поднялся смех, и под шумок Гарри зашипел Гермионе, стараясь не шевелить губами:

– Круши стеллажи...

– Дамблдор никогда тебе не рассказывал? – повторил Малфой. – Ну, тогда понятно, Поттер, почему ты не объявился раньше. А Тёмный Лорд всё удивлялся, почему же...

– ...Когда скажу «давай»...

– ...Ты не примчался, как только он показал тебе во сне место, где спрятана эта причина. Он рассчитывал, что природное любопытство неминуемо приведёт тебя выслушать точную формулировку...

– Рассчитывал? – перебил Гарри. За спиной Гермиона передаёт задание остальным – он не слышал, но чувствовал это, и старался поддерживать разговор, чтобы отвлечь Пожирателей Смерти. – Значит, он сам хотел, чтобы я за ним пришёл? Зачем?

– *Зачем?* – голос у Малфоя был невероятно довольный. – Затем, Поттер, что забрать пророчество из департамента Тайн дозволено только тому, о ком пророчество составлено, это и помешало Тёмному Лорду, когда он попытался выкрасть его чужими руками.

– А зачем ему понадобилось красть пророчество обо мне?

– О вас обоих, Поттер, о вас обоих... Ты никогда не задавался вопросом, отчего Тёмный Лорд пытался убить тебя ещё в колыбели?

Гарри вглядывался в узкие прорези капюшона, откуда сталью поблёскивали глаза Малфоя. Неужели всё дело в этом пророчестве: и родители погибли из-за него, и остался шрам в виде молнии? Неужели он держит в руке ответ на все вопросы?

– Кто-то составил пророчество о Волдемorte и обо мне? – чуть слышно спросил Гарри, не сводя глаз с Люциуса Малфоя и крепко сжимая тёплый стеклянный шар. Шарик, до сих пор шероховатый от пыли, был чуть больше снитча. – И он устроил так, чтобы я пришёл за пророчеством для него? А почему он сам не мог за ним прийти?

– Сам? – взвизгнула Беллатрикс в припадке безумного хохота. – Чтобы Тёмный Лорд заявился в Министерство магии, когда на его возвращение здесь так любезно закрывают глаза? Чтобы Тёмный Лорд показался на глаза аврорам, когда они убивают время на моего дорогого кузена?

– Значит, вас он держит, чтобы вы за него грязную работу делали? – выпалил Гарри. – Как какого-нибудь Стёрджиса, которого воровать заставлял... и Боуда?

– Отлично, Поттер, отлично... – лениво протянул Малфой. – Тёмный Лорд ведь знал, что тебя не прове...

– ДАВАЙ! – заорал Гарри.

Пять голосов позади него на все лады завопили: «*REDUCTO!*». Пять заклинаний полетели в пяти разных направлениях, и полки напротив, куда они угодили, взорвались:

сотня стеклянных шаров, разлетевшихся вдребезги, потрясла до основания всю исполинскую конструкцию, в воздухе оформились и расплылись жемчужно-белые фигуры, и под звон стекла и треск дерева, градом брызнувшего на пол, зазвучали их голоса эхом давным-давно минувших дней...

– БЕЖИМ! – закричал Гарри, когда полки угрожающе закачались, и сверху повалились новые стеклянные шары.

Он схватил Гермину за мантию и потащил вперёд, другой рукой прикрывая голову от сыпавшихся сверху обломков стеллажа и осколков стекла. Из облака пыли на них налетел Пожиратель Смерти, Гарри с размаху ударил локтем в маску, закрывавшую его лицо. Отовсюду раздавались вопли, стоны, оглушительный грохот опрокидывающихся стеллажей, отзвуки загадочных речей пророков, вырвавшихся из своих шаров...

Впереди не было никого, мимо, закрывая головы руками, промчались Рон, Джинни и Луна. Какой-то увесистый предмет угодил Гарри в щёку, но он лишь пригнул пониже голову и побежал дальше. В плечо ему вцепились чьи-то пальцы, раздался крик Гермины: «*Stupefy!*» Пальцы моментально разжались...

Девяносто седьмой ряд остался позади, Гарри свернул направо и припустил, что есть мочи; сразу за спиной раздавался чей-то топот и голос Гермины, подгоняющей Невилла. Прямо по курсу дверь, в которую они входили, – она полуоткрыта, уже видны блики от стеклянного часового колпака. Гарри вылетел за порог, крепко и надёжно сжимая в кулаке пророчество, дождался, пока вбегут друзья, и тут же захлопнул за ними дверь...

– *Colloportus!* – выдохнула Гермина, и дверь с каким-то хлюпаньем запечаталась.

– Где... где остальные? – задыхаясь, выпалил Гарри.

Рон, Луна и Джинни вроде бы убежали вперёд, значит, уже должны ждать здесь, но комната была пуста.

– Наверное, в другую сторону побежали! – с насмерть перепуганным видом прошептала Гермина.

– Послушайте! – шёпотом позвал Невилл.

Из-за двери, которую они только что запечатали, доносились шаги и выкрики. Гарри прижался ухом к двери и услышал громовой голос Люциуса Малфоя: «Брось Нотта, я *сказал, брось его*... Его раны Тёмному Лорду ерундой покажутся по сравнению с потерей этого пророчества. Джагсон, назад вернись, нужно договориться! Делимся по двое и отправляемся искать, и не забудьте: пока пророчества у нас нет, с Поттером – поаккуратнее. Остальных по необходимости можете убивать... Беллатрикс, Родольфус, вы – налево, Крэбб и Рабастан, направо... Джагсон, Долохов, в дверь прямо... Макнейр и Эйвери, сюда... Руквуд, туда... Малсибер, идёшь со мной!»

– Что будем делать? – дрожа всем телом, спросила Гермину у Гарри.

– Ну, для начала, не будем тут торчать, и ждать, пока они нас найдут, – решил Гарри. – Бежим подальше от двери!

Стараясь производить как можно меньше шума, они бросились мимо бликующего стеклянного колпака, где птичка то вылуплялась из крошечного яичка, то попадала в него

обратно, в противоположный конец комнаты, в круглую залу. И почти добежали туда, как в магическим образом запечатанную Гермионой дверь врезалось что-то большое и тяжёлое.

– Посторонись! – донёсся грубый оклик. – *Alohomora!*

Дверь распахнулась, но Гарри, Гермиона и Невилл уже нырнули под столы. От двух Пожирателей Смерти видны были только подола мантий, которые приближались всё ближе, да торопливо переступающие ноги.

– Могли прямо в холл пробежать, – предположил грубый голос.

– Проверь под столами, – ответил другой.

Гарри увидел, как сгибаются колени Пожирателей Смерти, и выставив палочку из-под стола, завопил:

– *STUPEFY!*

Сноп красного света ударил в ближайшего Пожирателя Смерти, он упал на напольные часы и вместе с ними рухнул на пол, но второй Пожиратель Смерти, отскочив в сторону, увернулся от заклинания Гарри, и навёл палочку на Гермиону, которая, чтобы лучше прицелиться, выползала из-под стола:

– *Avada...*

Гарри, не вставая, метнулся всем телом в колени Пожирателю Смерти, обхватил обеими руками, и тот повалился на пол, теряя из виду свою мишень. Невилл так спешил помочь, что перевернул стол, неистово ткнул палочкой в боровшихся и закричал:

– *EXPELLIARMUS!*

И у Гарри, и у Пожирателя Смерти палочки выскочили из рук и улетели к входу в Зал Пророчеств, и один, и другой, отбиваясь, вскочили на ноги и бросились за ними, – Пожиратель Смерти первым, сразу следом за ним Гарри, а вдогонку – Невилл, в полном ужасе от того, что натворил.

– Гарри, с дороги! – завопил Невилл, явно намереваясь исправить свою ошибку.

Гарри шарахнулся в сторону, Невилл прицелился ещё раз и воскликнул:

– *STUPEFY!*

Красный луч пролетел над плечом Пожирателя Смерти и угодил в подвесной застеклённый шкафчик, заставленный разнообразными песочными часами. Шкафчик упал на пол и вдребезги разбился так, что стёкла полетели во все стороны, потом опять взлетел на стену, целый и невредимый, а затем снова упал и развалился...

Пожиратель Смерти подхватил свою палочку, которая валялась на полу рядом с бликующим часовым колпаком. Когда выпрямился, Гарри уже скрылся под очередным столом. Маска у Пожирателя Смерти сползла и мешала смотреть. Он свободной рукой сорвал её и закричал:

– *STUP...*

– *STUPEFY!* – завопила подоспевшая Гермиона.

Красный луч попал Пожирателю Смерти прямо в грудь: он застыл с поднятой рукой, палочка с дребезгом покатилась по полу, а потом – повалился назад, на стеклянный колпак. Гарри приготовился услышать звон, с которым тело мужчины врежется в массивное стекло часового колпака и сползёт по нему на пол, но вместо этого увидел, что голова Пожирателя

Смерти прошла сквозь стеклянную стенку, будто сквозь мыльный пузырь, он распростёрся навзничь на столе, а голова так осталась в колпаке, где крутился сверкающий вихрь.

– *Assio, палочка!* – воскликнула Гермiona.

Из тёмного угла прямо ей в руку вылетела палочка Гарри, Гермiona перебросила её владельцу.

– Спасибо, – поблагодарил Гарри. – Ладно, давайте выбирать...

– Посмотрите, – испуганно вскричал Невилл.

Его внимание было приковано к голове Пожирателя Смерти в стеклянном колпаке.

Все трое вскинули палочки, но заклинания никто не выкрикнул: открыв рты, они так и уставились на голову мужчины, в ужасе от того, что с ней происходило.

Голова стремительно уменьшалась, волос становилось всё меньше и меньше, чёрная шевелюра и щетина втягивались в кожу, щёки разглаживались, череп округлялся и покрывался персиковым пушком...

Массивную, мускулистую шею Пожирателя Смерти, старательно пытавшегося подняться на ноги, теперь причудливым образом венчала голова младенца. Но, прямо на глазах ошарашенных зрителей, голова снова стала вырастать до прежних размеров, на макушке и на подбородке опять появилась жёсткая чёрная щетина...

– Это Время, – в благоговейном ужасе проговорила Гермiona. – Время...

Пожиратель Смерти замотал уродливой головой, пытаясь прийти в себя, но не успел он дёрнуться наружу, как голова опять начала сморщиваться до младенческого состояния...

Из соседней комнаты раздался крик, затем грохот и визг.

– РОН? – во весь голос заорал Гарри, мигом забыв разворачивающуюся перед ними отвратительную метаморфозу. – ДЖИННИ? ЛУНА?

– Гарри! – завизжала Гермiona.

Пожиратель Смерти вытащил-таки голову из стеклянного колпака. Выглядел он более чем странно: младенческая головка надрывалась от плача, а могучие ручищи грозно молотили в разные стороны, и едва не задела Гарри, который успел вовремя пригнуться. Гарри вскинул палочку, но, к его удивлению, Гермiona вцепилась ему в руку:

– Не трогай ребёнка!

На обсуждение различных точек зрения времени не хватило: из Зала Пророчеств донёсся дружный топот, шаги становились громче с каждой секундой, и Гарри с опозданием понял, что орать и выдавать своё местоположение не стоило.

– Быстрее! – скомандовал он, и бросив пошатывающегося изуродованного Пожирателя Смерти с головой младенца, они бросились в противоположный конец комнаты, к открытой двери, ведущей в чёрный холл.

Добежав до середины комнаты, Гарри увидел, как из черноты дверного проёма навстречу им выскочили ещё два Пожирателя Смерти. Он резко свернул влево, вломился в какой-то тёмный и загромождённый барихлом крошечный кабинетик, и, едва друзья заскочили туда, захлопнул за ними дверь.

– *Collo...* – начала Гермиона, но не успела завершить заклинание, как дверь распахнулась, и ввалились два Пожирателя Смерти.

Издав ликующий вопль, они дружно заорали:

– *IMPEDIMENTA!*

И Гарри, и Гермиону, и Невилла сшибло с ног. Невилл перелетел через стол и скрылся из виду, Гермиона с размаху врезалась в книжный шкаф, её тут же завалило ворохом тяжёлых книг, Гарри, отлетев назад, затылком стукнулся о каменную стену, перед глазами замелькали звёздочки, голова закружилась, и на какое-то мгновение он потерял ориентацию.

– МЫ ЕГО ВЗЯЛИ! – завопил подскочивший к Гарри Пожиратель Смерти. – В КАБИНЕТЕ У...

– *Silencio!* – воскликнула Гермиона, и мужчина смолк.

В отверстии в маске губы у него по-прежнему шевелились, но уже беззвучно. Напарник оттолкнул его и вскинул палочку.

– *Petrificus Totalus!* – закричал Гарри.

Руки и ноги Пожирателя Смерти склеились, и обездвиженное тело плашмя рухнуло лицом вниз к ногам Гарри.

– Браво, Га...

Внезапно Пожиратель Смерти, которого Гермиона лишила дара речи, хлестнула палочкой, словно кнутом, и струя фиолетового пламени насквозь пронзила Гермиону грудь. Она тихонько охнула, будто от удивления, осела на пол и больше не шевелилась.

– ГЕРМИОНА!

Гарри упал возле неё на колени, Невилл, держа палочку перед собой, быстро пополз под столом к ним. Едва голова Невилла показалась из-под стола, Пожиратель Смерти безжалостно пнул его в лицо, от удара палочка Невилла сломалась пополам. Невилл взвыл от боли и покатился, зажимая руками рот и нос. Гарри, с поднятой кверху палочкой, развернулся кругом и обнаружил, что Пожиратель Смерти, сорвав маску, нацелил палочку прямо на него. Это вытянутое, бледное, порочное лицо Гарри уже видел в «Ежедневном пророке» – Антонин Долохов, колдун, убивший Прюэттов.

Долохов усмехнулся. Не имея возможности говорить, свободной рукой он указал на пророчество, которое Гарри по-прежнему сжимал в кулаке, потом на себя и на Гермиону. Смысл жестов был предельно ясен и без слов: «*Отдай мне пророчество, или с тобой будет то же, что и с ней*»...

– Можно подумать, вы нас всех не перебьёте, как только я его отдам! – воскликнул Гарри.

В голове крутились тоскливые мысли, мешая сосредоточиться: одна рука Гарри лежала на плече Гермионы, ещё тёплой, но посмотреть на неё он боялся. «*Только бы она не умерла, только бы она не умерла, если умерла, то это из-за меня...*»

– Гарри, ди за что! – отчаянно воззвал Невилл из-под стола. Он отнял руки от лица, и в глаза бросился сломанный нос и кровь, ручьём текущая по губам и подбородку. – Не отдавай ему!

В этот момент за дверью раздался грохот, и Долохов оглянулся: в дверном проёме возник Пожиратель Смерти с головой младенца, голова заходила в плаче, а здоровенные кулаки молотили во все стороны. Гарри не упустил выпавший ему шанс:

– *PETRIFICUS TOTALUS!*

Долохов слишком поздно среагировал и не успел отразить заклинание. Он навзничь рухнул поперёк тела своего напарника, таким же обездвиженным бревном. Пожиратель Смерти с головой младенца, не разбирая дороги, проковылял мимо и скрылся из виду.

– Гермиона, – Гарри тут же принялся трясти её, – Гермиона, очнись...

– Что од с дей сдедад? – Невилл выполз из-под стола и на коленях подобрался к Гермионе с другой стороны. Нос у него распухал на глазах и беспрерывно кровоточил.

– Не знаю...

Невилл кинулся щупать запястье Гермионы.

– Буйс есть, Гарри, дочно есдь.

У Гарри отлегло от сердца, даже голова закружилась.

– Она жива?

– Ага, по-бойбу, да.

В наступившей паузе Гарри тщательно прислушался, не доносятся ли шаги, но кроме плача и неуклюжего топота в соседней комнате, ничего не слышал.

– Невилл, выход близко, – зашептал Гарри, – мы совсем рядом с той круглой комнатой... Если мы туда доберёмся и успеем найти тебе нужную дверь, пока не набегут другие Пожиратели Смерти, то ты наверняка сможешь дотащить Гермиону по коридору до лифта... А там разыщешь кого-нибудь... поднимешь тревогу...

– А ты что собидаешься дедать? – Невилл насупил и вытер рукавом кровь из носа.

– Я должен найти остальных, – сказал Гарри.

– Ясдо, догда и я с добой, – решительно заявил Невилл.

– Но Гермиона...

– Возбьёб её с даби, – твёрдо решил Невилл. – Я её бодесу... Сдажаться с диби у тебя дучше бодучается...

Он встал, взялся за руку Гермионы и выжидательно уставился на Гарри. Тот поколебался, потом взялся за другую руку и помог Невиллу взвалить на плечи её бесчувственное тело.

– Постой-ка, – он поднял с пола палочку Гермионы и вложил Невиллу в руку: – Возьми, на всякий случай.

По дороге к двери Невилл пнул подальше обломки собственной палочки и хрипло пробормотал:

– Бабушка беда убьёт, – при каждом слове из носа у него брызгала кровь, – это быда папина падочка.

Они добрались к порогу, Гарри высунул голову и осторожно осмотрелся. Застеклённый подвесной шкафчик, в котором, как предполагал Гарри, хранились времевороты, всё падал, разбивался и вновь воцарялся в целости и сохранности на стене неподалёку. Зарёванный

Пожиратель Смерти с головой младенца пронзительно верещал и тыкался куда попало, бестолково опрокидывал напольные часы и переворачивал столы.

– Он на нас и внимания не обратит, – шепнул Гарри. – Пошли... держись сразу за мной...

Они крадучись вышли из кабинета и опять подобрались к двери в чёрный холл – теперь там, вроде бы, никого не было. Прошли ещё несколько шагов. Невилл под тяжестью Гермионы пошатывался. Дверь Зала Времени захлопнулась за ними, и стены опять пришли в движение. У Гарри закружилась голова, должно быть, от недавнего удара затылком, он покачнулся и зажмурился, пока стена не перестала вращаться. И с упавшим сердцем обнаружил, что огненные кресты Гермионы с дверей исчезли.

– Ну, и куда теперь, как ду...?

Но не успели они решить, с чего начать, как справа от них распахнулась дверь, и оттуда вывалились трое.

– Рон! – прохрипел Гарри и бросился к ним. – Джинни... Вы це...?

– Гарри... – Рон издал смешок, качнулся навстречу, ухватился за полу его мантии и уставился на него бессмысленным взглядом, – ...вот и вы... хи-хи-хи... какой ты смешной, Гарри... весь перекорёженный какой-то...

Лицо у Рона было блее мела, а из уголка рта сочилась тёмная струйка. Через пару секунд колени у него подогнулись, но руки он так и не разжал, и Гарри пришлось согнуться в некоем полупоклоне.

– Джинни, – перепуганно позвал Гарри. – Что случилось?

Но Джинни помотала головой, сползла по стене на пол и, прерывисто дыша, схватилась за лодыжку.

– Наверное, у неё перелом лодыжки, я слышала, как хрустнуло, – склонившись над Джинни, шепнула Луна. Похоже, Луне единственной повезло. – Четверо загнали нас в тёмную комнату, там было полно планет. Очень странное место. Иногда мы просто парили в темноте...

– Гарри, а мы с Ураном так трахнулись!²⁵⁰ – опять захихикал Рон. – Понял, Гарри? Мы с Ураном трахнулись... хи-хи-хи...

В уголке рта Рона вздулся и лопнул кровавый пузырь.

– В общем, один из них схватил Джинни за ногу, я воспользовалась Сокращательным проклятием и залепила ему в лицо Плутонем, но...

Луна растерянно показала на Джинни, та с закрытыми глазами мелко-мелко дышала.

– А с Роном что? – с испугом спросил Гарри, глядя, как Рон, висая на его мантии, безостановочно хихикает.

– Я не знаю, чем в него попали, – уныло пояснила Луна, – но он стал какой-то странный, я вообще с трудом его вытащила оттуда.

²⁵⁰ в оригинале «we saw Uranus up close» – двусмысленная шутка Рона построена на созвучии Uranus и «your anus», см. примечание к главе 31.

– Гарри, – Рон притянул ухо Гарри поближе и, сквозь хихиканье, выдавил: – Гарри, ты знаешь, кто эта девочка? Это Психуна... Психуна Лавгуд... хи-хи-хи...

– Нужно выбирать, – твёрдо заявил Гарри. – Луна, сможешь помочь Джинни?

– Да, – отозвалась Луна, предусмотрительно засунула палочку за ухо, потом обхватила Джинни за талию и стала поднимать.

– У меня только лодыжка, я и сама смогу! – раздражённо запротестовала Джинни, но тут же покачнулась и схватилась за Луну, чтобы не упасть.

Гарри перебросил руку Рона через плечо, так же, как почти год назад, когда тащил Дадли. Потом огляделся по сторонам: один шанс из двенадцати, что они сразу найдут выход...

Он повёл Рона к двери, оставалось всего несколько шагов, когда с противоположной стороны распахнулась другая дверь и, под предводительством Беллатрикс Лестрэндж, ворвались трое Пожирателей Смерти.

– *Вот они!* – завизжала Беллатрикс.

По комнате полетели Оглушающие заклинания, Гарри рванулся в намеченную дверь, бесцеремонно стряхнул там с себя Рона и бросился обратно помочь Невиллу с Гермионой: за порог они ввалились как раз вовремя, чтобы успеть захлопнуть дверь перед носом Беллатрикс.

– *Colloportus!* – вскричал Гарри и услышал, как снаружи в дверь гулко впечатались три тела.

– Ерунда! – послышался мужской голос. – Туда можно попасть и по-другому... МЫ ИХ НАШЛИ! ОНИ ЗДЕСЬ!

Гарри торопливо обернулся: они опять оказались в Зале Мозгов и, точно, дверей тут было полно, в каждой стене. Из той комнаты, откуда они выбежали, донеслись шаги новых Пожирателей Смерти, подоспевших позже.

– Луна... Невилл... помогите мне!

Втроем они побежали по комнате, на ходу запечатывая двери. В страшной спешке Гарри налетел на стол, перекатился через него и бросился дальше.

– *Colloportus!*

За дверями раздавался торопливый топот, время от времени кто-то всем телом наваливался на очередную дверь, она содрогалась и трещала. Луна и Невилл накладывали заклинания на двери напротив... и вот, когда Гарри достиг уже самого конца комнаты, раздался крик Луны:

– *Collo... a-a-a...*

Он обернулся в тот момент, когда Луна взлетела в воздух, – в ту дверь, до которой Луна ещё не добралась, ворвались пятеро Пожирателей Смерти. Луна рухнула на стол, прокатилась по нему, свалилась с другой стороны и неуклюже распласталась на полу, в таком же состоянии, как Гермиона.

– Хватайте Поттера! – закричала Беллатрикс и бросилась на Гарри.

Гарри увернулся и помчался по комнате в обратную сторону, — пока они боятся за пророчество, ему ничего не угрожает...

— Эй! — Рон, пошатываясь и хихикая, встал и нетвёрдой походкой побрёл навстречу Гарри. — Эй, Гарри, тут мозги... хи-хи-хи, вот чудеса, да, Гарри?

— Рон, забудь, сядь...

Но Рон уже нацелился палочкой на резервуар.

— Честно, Гарри, там мозги... Гляди... *Accio, мозг!*

Произведённый эффект не уступал мгновенной заморозке. Гарри, Джинни, Невилл и все до единого Пожиратели Смерти непроизвольно обратили взоры к поверхности резервуара: на их глазах из зелёной жидкости, как рыба, выпрыгнувшая из воды, выскочил мозг. На секунду он будто завис в воздухе, затем полетел к Рону, по дороге вращаясь и выпуская какие-то ленты движущихся изображений, которые разматывались как киноплёнка...

— Хи-хи-хи, Гарри, посмотри на это... — развеселился Рон, глядя, как мозг извергает свою пёструю требуху. — Гарри, иди, потрогай, спорю, такого ты ещё не...

— РОН, НЕТ!

Гарри не знал, что произойдёт, когда Рон коснётся щупальцев мозга, вылетевших за ним следом, но не сомневался — добром это не кончится. Он бросился к Рону, но мозг уже угодил в его протянутые руки.

Едва щупальца коснулись кожи Рона, как тут же обвили ему руки, словно верёвки.

— Гарри, смотри, что делается... Нет... Нет... Не надо... Нет, хватит... Хватит...

Но тонкие ленточки уже оплели Рону грудь. Он дёргал, рвал их, а мозг, как осьминог, прижимался к нему всё плотнее и плотнее.

— *Diffindo!* — завопил Гарри, пытаясь оторвать щупальца, которые прямо на глазах плотно спелёнывали Рона, но те не поддавались.

Рон, продолжая рваться из пут, упал.

— Гарри, они же его задушат! — закричала Джинни, которой не позволяла двинуться сломанная лодыжка.

В ответ из палочки одного из Пожирателей Смерти вылетел красный луч и ударил её прямо в лицо. Джинни повалилась набок и оцепенела.

— *STUBEFY!* — Невилл закрутился волчком и палочкой Гермионы принялся тыкать в подступающих Пожирателей Смерти с криками: *STUBEFY! STUBEFY!*

Но безрезультатно.

Кто-то из Пожирателей Смерти бросил на Невилла Оглушающее заклинание, но промазал на пару дюймов. Гарри и Невилл остались вдвоём против пятерых врагов. Двое Пожирателей Смерти метнули струи серебристого огня в форме стрел, промахнулись, но стрелы оставили выбоины в стене за спинами у ребят. Гарри бросился бежать, Беллатрикс Лестрэндж — за ним. Подняв над головой пророчество, Гарри мчался по комнате прочь с единственной мыслью: отвлечь Пожирателей Смерти от своих друзей.

Кажется, отвлекающий манёвр сработал: все ринулись за ним, натываясь и перескакивая через столы и стулья, но, чтобы не повредить пророчество, насылая на него заклинания они

не осмеливались, и Гарри, уповая только на то, что Невилл останется с Роном и найдёт какой-нибудь способ высвободить его, вылетел через единственную оставшуюся незапертой дверь, ту самую, через которую и попали в комнату Пожиратели Смерти. Через пару шагов в новой комнате он почувствовал, что пол уходит из-под ног...

Гарри пересчитал своим телом все до единой крутые каменные ступени, на каждой его подбрасывало, а последний удар едва не вышиб из него дух – он плашмя грохнулся спиной о дно каменной ямы, где на постаменте стояла арка. Хохот Пожирателей Смерти разнёсся по всему залу, Гарри глянул вверх и увидел, что все пятеро, кто был в Зале Мозга, спускаются к нему, а в других дверях появляются новые Пожиратели Смерти, и тоже начинают спрыгивать вниз с уступа на уступ. Гарри поднялся, хотя ноги дрожали так, что он едва мог стоять, в левой руке чудом осталось целым пророчество, а правая стискивала волшебную палочку. Он попятился, озираясь по сторонам и стараясь не выпускать из виду ни одного из врагов, и наткнулся ногами на что-то твёрдое: позади оказался постамент арки. Гарри, не поворачиваясь, взобрался на него.

Пожиратели Смерти, не сводя с него глаз, замерли. Некоторые запыхались не меньше Гарри. Один обливался кровью. Долохов, с которого сняли проклятие Телобинта,²⁵¹ алчно пожирал Гарри глазами и целился палочкой прямо ему в лицо.

– Всё, Поттер, допрыгался, – стащив маску, неторопливо процедил Люциус Малфой. – А теперь будь хорошим мальчиком и отдай мне пророчество.

– От... отпустите остальных, тогда отдам! – в отчаянии выпалил Гарри.

Среди Пожирателей Смерти прокатились редкие смешки.

– Поттер, в твоём положении не пристало торговаться, – бледное лицо Люциуса Малфоя вспыхнуло удовлетворением. – Видишь ли, нас – десять, а ты – один... Или Дамблдор даже считать тебя не научил?

– Од де одид! – раздался сверху голос. – С диб ещё я!

У Гарри упало сердце: по каменным скамьям сползал вниз Невилл, крепко сжимая дрожащей рукой палочку Гермионы.

– Невилл... нет... вернись к Рону...

– *STUBEFY!* – опять заорал Невилл, тыча палочкой во всех Пожирателей Смерти подряд: – *STUBEFY! STUBE...*

Один здоровяк в капюшоне схватил Невилла сзади в охапку, прижав ему руки к бокам. Невилл начал отбиваться и брыкаться, среди Пожирателей Смерти поднялся хохот.

– Уж не Лонгботтом ли это? – издевательски усмехнулся Люциус Малфой. – Ну, твоей бабке не привыкать к потерям членов семьи во благо нашего дела... Твоя смерть особенного впечатления не произведёт.

²⁵¹ Body-Bind Curse; заклятие, магическая формула которого *Petrificus Totalus*, при этом тело становится твёрдым, как камень.

– Лонгботтом? – повторила Беллатрикс, и её костлявое лицо озарила поистине дьявольская усмешка. – Да ведь я имела удовольствие общаться с твоими родителями, мальчик...

– А Я С ВАБИ ЕЩЁ ДЕТ! – взревел Невилл и так яростно забился в сжимающих его тисках, что Пожиратель Смерти завопил: «Вжарьте ему Оглушателем, кто-нибудь!».

– Нет-нет-нет... – Беллатрикс оживилась, вне себя от возбуждения взглянула на Гарри, потом опять на Невилла. – Нет, давайте посмотрим, как долго продержится Лонгботтом, пока не свихнётся, как его родители... если только Поттер не захочет отдать нам пророчество, – и, уже поднимая палочку, направилась к Невиллу и его захватчику.

– ДЕ ОДДАВАЙ ИБ! – проревел Невилл. Его будто подменили – так он бешено извивался и пинался. – ГАРРИ, ДЕ ОДДАВАЙ ИБ!

Беллатрикс взметнула палочку:

– *Crucio!*

Невилл взвыл, рывком подтянул ноги к груди и повис на руках Пожирателя Смерти. Тот бросил его, Невилл, воя от боли, забился в конвульсиях на полу.

– Это только цветочки! – бросила Беллатрикс и отвела палочку, крики Невилла стихли, теперь он, всхлипывая, распростёрся у её ног. Она повернулась и в упор посмотрела на Гарри: – Ну вот, Поттер, или отдаёшь нам пророчество, или придётся смотреть, как твой дружок умирает мучительной смертью!

Думать нечего – выбора нет. Пророчество, крепко зажатое в кулаке, сильно нагрелось. Гарри протянул руку с шаром. Малфой выскочил вперёд забрать его.

В этот момент наверху распахнулись ещё две двери и в зал ворвались пятеро: Сириус, Люпин, Муди, Тонкс и Кингсли.

Малфой обернулся и вскинул палочку, но Тонкс, целясь в него, уже послала Оглушающее заклинание. Не дожидаясь, попадёт ли оно в цель, Гарри на всякий случай прыгнул с постамента подальше. Появление членов Ордена совершенно сбило с толку Пожирателей Смерти, на них обрушился град заклинаний, члены Ордена ступень за ступенью перескакивали всё ниже, в каменную яму. Среди заматавшихся людей и ярких вспышек Гарри разглядел Невилла – тот еле-еле отползал в сторону. Увернувшись от красного луча, Гарри бросился ползком за Невиллом.

– Как ты? – крикнул он.

В дюйме над их головами пронеслось ещё одно заклинание.

– Нодмадьно, – пытаюсь бороться с силами, кивнул Невилл.

– А Рон?

– Вдоде тоже... когда я уходил, он ещё драдся с бозгоб...

Заклинание взорвало каменный пол между ними, и на том месте, где секундой назад была рука Невилла, от удара образовалась воронка. Мальчики быстро поползли прочь, и вдруг, как гром среди ясного неба, чья-то здоровенная ручища схватила Гарри за шею и вздёргнула в воздух так высоко, что носками ботинок он едва доставал до пола.

– Давай! – зарычал ему кто-то прямо в ухо. – Давай мне пророчество...

Мужчина так крепко сжал ему горло, что Гарри стал задыхаться. Сквозь брызнувшие слёзы он видел, как всего в десяти шагах Сириус сражается с Пожирателем Смерти; Кингсли противостоит сразу двоим; Тонкс ещё не спустилась вниз и со среднего яруса бросает заклинания в Беллатрикс... Неужели никто не замечает, что Гарри сейчас умрёт... Он направил палочку назад, на мужчину, но произнести заклинание не хватало воздуха, а мужчина свободной рукой уже подбирается к кулаку Гарри, в котором зажато пророчество...

– А-А-А!

Внезапно откуда-то вынырнул Невилл; проговорить заклинание чётко он не мог и палочкой Гермионы изо всех сил ткнул в прорезь для глаз маски Пожирателя Смерти. Мужчина завыл от боли и тут же выпустил Гарри. Гарри мгновенно развернулся к нему лицом к лицу и, задыхаясь, выпалил:

– *STUPEFY!*

Пожиратель Смерти рухнул на спину, маска сползла: перед ними, с заплывшим и налитым кровью глазом, лежал Макнейр, некогда едва не ставший палачом Брыкляова.

– Спасибо! – Гарри на ходу поблагодарил Невилла, оттаскивая подальше от Сириуса и его противника, делавших выпад за выпадом.

У них велась такая ожесточённая дуэль, что палочек было не разглядеть. Неожиданно под ноги Гарри попало что-то круглое и твёрдое, он даже поскользнулся. Первым делом решил, что обронил пророчество, но выяснилось, что по полу катится магический глаз Муди.

Владелец глаза лежал на боку с залитой кровью головой, а к Гарри и Невиллу уже устремился его победитель: Долохов, со злорадным ликованием на бледном, вытянутом лице.

– *Tarantallegra!* – воскликнул он, указывая палочкой на Невилла, и тут же ноги Невилла пустились отбивать неистовую чечётку. Потеряв равновесие, он вновь оказался на полу, а Долохов повернулся к Гарри: – Ну вот, Поттер...

Он сделал тот же хлесткий взмах палочкой, которым уложил Гермиону, Гарри успел выкрикнуть:

– *Protego!*

По лицу будто полоснули тупым ножом, удар был такой силы, что Гарри повалился набок, прямо на судорожно бьющиеся ноги Невилла, но Щитовые чары ослабили заклинание.

Долохов снова поднял палочку:

– *Accio, профо...*

Вдруг, как из-под земли, выскочил Сириус и с разгону сшиб Долохова плечом так, что тот отлетел в сторону. Пророчество опять едва не выскочило, но Гарри успел удержать его кончиками пальцев. Палочки Сириуса и Долохова в поединке засверкали как шпаги, во все стороны рассыпая с кончиков искры...

Долохов отвёл палочку для своего излюбленного хлесткого замаха, которым воспользовался с Гарри и Гермионой. Гарри вскочил и выкрикнул:

– *Petrificus Totalus!*

И вновь руки и ноги Долохова слиплись, и он плашмя грохнулся на спину.

– Отлично! – воскликнул Сириус, тут же пригибая голову Гарри, и над ними пронеслась пара Оглушающих заклинаний. – А теперь вам нужно убираться отс...

Им опять пришлось пригнуться, Сириуса едва не зацепило зелёным лучом. Гарри увидел, как на средних рядах в противоположном конце зала падает Тонкс, тело её мешком катится вниз по каменным уступам, а торжествующая Беллатрикс бросается обратно в гущу схватки.

– Гарри, хватай Невилла, и дуйте отсюда вместе с пророчеством! – крикнул Сириус и ринулся к Беллатрикс наперехват.

Что произошло дальше, Гарри не разобрал – перед ним замельтешил Кингсли, сражаясь с рябым, скинувшим маску Руквудом. Когда Гарри наклонился к Невиллу, над головой промелькнул ещё один зелёный луч...

– Встать можешь? – крикнул он в ухо Невиллу, безудержно и конвульсивно дрыгавшему ногами. – Обхвати меня за шею...

Невилл так и сделал... Гарри выпрямился... Ноги Невилла болтались туда-сюда, от них по-прежнему не было никакого проку... Внезапно на ребят вихрем налетел какой-то мужчина и снова сбил с ног обоих: Невилл, как опрокинутый жучок, отчаянно засучил ногами в воздухе, а Гарри, держа повыше левую руку, старался в целости сохранить стеклянный шарик.

– Пророчество, Поттер, дай мне пророчество! – обжег ухо рык Люциуса Малфоя, и Гарри почувствовал, как в рёбра больно упёрся кончик его палочки.

– Нет... отце... питесь... Невилл! Держи!

Гарри катнул пророчество по полу, Невилл крутанулся на спине, подгрёб шар к груди и тут же оказался на прицеле палочки Малфоя. Но Гарри через плечо пырнул Малфоя своей палочкой и завопил:

– *Impedimenta!*

Малфоя сбросило с его спины. Гарри, как ужаленный, вскочил на ноги, огляделся и обнаружил, что того шарахнуло о постамент, где как раз шёл поединок между Сириусом и Беллатрикс. Малфой опять наводил палочку на Гарри и Невилла, но дыхание у него перехватило и выдавить заклинание не получалось, и тут между ними проскочил Люпин:

– Гарри, собирай остальных и бегом МАРИШ!

Гарри стрёб в кулак мантию на плече Невилла и волоком втащил его на первый ярус каменных ступеней. Ноги Невилла судорожно дёргались и нести его не могли, Гарри из последних сил вскарабкался вместе с ним на следующий ярус...

Заклинание ударило прямо под ноги Гарри – в каменную скамью, скамья разлетелась на мелкие кусочки, и он опять оказался на предыдущем ярусе. Невилл, безостановочно суча ногами, плюхнулся на камни и принялся засовывать пророчество в карман.

– Давай же! – отчаянно призвал Гарри, буксируя Невилла за мантию. – Ногами хотя бы отталкивайся...

Он опять рванул изо всех сил, и мантия Невилла лопнула по левому шву снизу доверху: шарик матового стекла выскочил из кармана, и не успели они поймать его, как по нему угодила непослушная нога Невилла. Отлетев шагов на десять вправо, шар упал ступенью

ниже и там разбился. В шоке от случившегося, ребята уставились на осколки: оттуда поднималась жемчужно-белая, с гипертрофированно большими глазами фигура, и никому, кроме них, до неё не было никакого дела... Гарри видел, что губы фигуры шевелятся, но среди ора, рёва и грохота не мог разобрать ни слова из пророчества. Фигура высказалась и растворилась в воздухе.

– Гарри, броси! – взмолился Невилл, страдальчески сморщив лицо и беспрестанно мельтеша ногами. – Броси, божадуста, Гарри, я дечаяддо...

– Ну и ладно! – воскликнул Гарри. – Давай держись, будем выбираться отсю...

– *Даббдор!* – глядя за плечо Гарри, выпалил Невилл, его потное лицо неожиданно расцвело.

– Что?

– ДАББДОР!

Гарри, следуя за взглядом Невилла, обернулся. Прямо над ними, в дверях, ведущих из Зала Мозга, побледнев от ярости и подняв над головой палочку, стоял Альбус Дамблдор. Всё тело Гарри будто пронзило током: «*Спасены!*»

Гарри и Невилл и думать забыли о побеге, когда Дамблдор в мгновение ока спустился мимо них по ступеням. Уже у подножия амфитеатра его заметили те Пожиратели Смерти, кто оказался поблизости, и стали кричать остальным. Один бросился бежать, карабкаясь, как обезьяна, по каменным ступеням прочь от Дамблдора, но тот, легко и без труда, сдёрнул его обратно заклинанием, точно подсёк на невидимый крючок.

И только двое, даже не заметив, кто зашёл, продолжали свой поединок. На глазах Гарри Сириус увернулся от красного луча, посланного Беллатрикс, а потом принялся насмехаться над ней:

– Давай! Ты способна на большее! – его крик эхом прокатился под сводами зала.

Следующий луч попал ему прямо в грудь.

Насмешливая улыбка не стёрлась с его лица, только глаза изумлённо расширились.

Гарри, не сознавая, что делает, отпустил Невилла. Спрыгнул ниже, выхватил палочку. В этот момент и Дамблдор повернулся к постаменту.

Казалось, что Сириус падает целую вечность: его тело плавно выгнулось дугой и, спиной вперёд, полетело сквозь висевшую в арке ветхую завесу.

Гарри увидел смесь удивления и страха на некогда красивом, до поры измождённом лице крёстного, летящего в древний портал и исчезающего за завесой. Завеса взметнулась, как от порыва сильного ветра, и потом вновь опала.

Гарри услышал торжествующее восклицание Беллатрикс, но он-то знал, что ровным счётом ничего не случилось – ведь Сириус всего-навсего провалился в арку и вот-вот появится с той стороны...

Но Сириус никак не появлялся.

– СИРИУС! – закричал Гарри. – СИРИУС!

Он добрался до самого дна ямы, в горле пересохло, стало нечем дышать. Сириус должен быть там, сразу за шторкой, и сейчас он, Гарри, выведет его оттуда...

Но когда, спрыгнув с последнего уступа, он кинулся к постаменту, его перехватил и обнял Люпин.

— Гарри, ничего не поделаешь...

— Идём к нему, поможем, он же просто с той стороны и всё!

— ...Слишком поздно, Гарри.

— Мы сейчас достанем его... — Гарри упрямо, отчаянно вырывался, но Люпин не пускал его...

— Ничего не поделаешь, Гарри... ничего... его больше нет.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЕДИНСТВЕННЫЙ, КОГО ОН ВСЕГДА БОЯЛСЯ

– Нет! – закричал Гарри.

Он не верил в это. Не верил ни за что. И, как одержимый, с боем вырывался от Люпина. Люпин не понимает – за шторкой прячутся какие-то люди, и Гарри слышал, как они шепчутся, когда заходил в эту комнату в первый раз. И Сириус прячется – просто притаился, и его не видно...

– СИРИУС! – отчаянно завопил он. – СИРИУС!

Люпин изо всех сил старался его удержать.

– Гарри, он не может вернуться, – голос у Люпина срывался. – Не может, потому что он у...

– ОН! НЕ! УМЕР! – зашёлся в крике Гарри. – СИРИУС!

Вокруг царило столпотворение, бесцельная возня под всполохи заклинаний. Но для Гарри этот гвалт уже не имел никакого значения, отражённые кем-то заклинания, пролетающие над их головами, он даже не замечал, его заботило только одно: пусть Люпин перестанет притворяться, будто Сириус – который стоит всего-то в двух шагах, вон за той старой кулисой – не появится оттуда с минуты на минуту, откидывая назад тёмные волосы и сгорая от желания опять ринуться в бой.

Люпин оттаскивал Гарри от постамента. Гарри не сводил глаз с арки и уже начинал сердиться на Сириуса за то, что тот заставляет себя ждать.

Но, как бы ни вырывался он из рук Люпина, в глубине души уже зарождалось понимание, что раньше Сириус никогда не заставлял себя ждать... Ради встречи с Гарри, ради того, чтобы помочь ему, Сириус рискнул бы чем угодно и когда угодно... И, если Сириус не появился из той арки, хотя Гарри звал его так отчаянно, будто на карту была поставлена вся жизнь, то единственно возможное объяснение этому: вернуться он не может... значит, он в самом деле...

Почти все уцелевшие Пожиратели Смерти, как овцы сгрудились в центре зала, – судя по всему, Дамблдор связал их невидимыми путами. Безумный Глаз Муди прополз весь зал к распростёртой на полу Тонкс и теперь пытался привести её в чувство, а из-за постамента по-прежнему сверкали вспышки и доносилась громкая брань – на смену Сириусу в поединок с Беллатрикс вступил Кингсли.

– Гарри?

Невилл сполз по камням, с уступа на уступ, туда, где стоял Гарри. Гарри уже не вырывался от Люпина, но Люпин на всякий случай придерживал его за руку.

– Гарри... вот жадость-то... – забормотал Невилл, безудержно перебирая в танце ногами. – Этот чедовек... Сириус Бдек... он твоиб другоб быд?

Гарри кивнул.

– Ну-ка, – тихонько проговорил Люпин и направил палочку на ноги Невилла: – *Finite*, – а когда снял заклинание, и ноги Невилла, коснувшись пола, наконец угомонились, он,

бледный как полотно, предложил: – Давайте-ка... давайте-ка остальных найдём. Невилл, где все?

При этих словах Люпин отвернулся от арки. Казалось, что каждое слово причиняет ему боль.

– Все отстади радьше, – пояснил Невилл. – На Рода дапад бозг, но, я дубаю, с диб дичего страждого... а Гербиона без создания, но бы у неё будьс броберяди...

Из-за постамента донёлся громкий хлопок и чей-то вопль. Гарри увидел, как Кингсли, крича от боли, покатился по полу, на шум тут же обернулся Дамблдор, и Беллатрикс Лестрэндж со всех ног пустилась наутёк. Дамблдор бросил на неё заклинание, но ей удалось его отклонить. Она уже на полпути вверх...

– Гарри! Нет! – закричал Люпин, но не успел вовремя сжать руку крепче, и Гарри уже вырвался.

– ОНА УБИЛА СИРИУСА! – вопил Гарри. – ОНА ЕГО УБИЛА! Я УБЬЮ ЕЁ!

Он ринулся вверх, карабкаясь по каменным уступам, вслед ему закричали, но Гарри даже не прислушивался. Вслед за мелькнувшим впереди подолом мантии Беллатрикс, Гарри снова оказался в комнате, где плавали мозги...

Беллатрикс через плечо метнула проклятие. Резервуар подпрыгнул и опрокинулся набок. Гарри окатило зловонным содержимым: мозги склизко потекли по телу и стали выпускать длинные разноцветные щупальца, но он крикнул: «*Wingardium Leviosa!*», и мозги взлетели вверх. Поскальзываясь и пробуксовывая, Гарри бросился к двери. Перепрыгнул через Луну, которая стонала на полу, пробежал мимо Джинни, спросившей только: «Гарри?.. Что?..», мимо вяло хихикавшего Рона и мимо так и не очнувшейся Гермионы. Рванул на себя дверь в круглую чёрную залу и увидел Беллатрикс, которая выскальзывала за дверь с противоположной стороны, а за ней – коридор, ведущий к лифтам.

Гарри кинулся вперёд, но она уже захлопнула за собой дверь, и стены начали вращаться. Вокруг, в который раз, закрутились полосы синих огней канделябров.

– Где выход? – в отчаянии воскликнул Гарри, когда стих рокот стен. – Как отсюда выйти?

Стены словно того и ждали. Прямо за его спиной распахнулась дверь, и открылся освещённый факелами, пустынный коридор, ведущий к лифтам. Гарри помчался со всех ног...

Впереди раздалось гроыхание лифта, Гарри полетел по проходу, нырнул за поворот и кулаком врезал по кнопке другого лифта. Лифт с лязгом и звоном опускался всё ниже и ниже, наконец, решётки разъехались, Гарри ворвался внутрь и замолотил по кнопке с надписью «Атриум». Двери съехались, и лифт тронулся вверх...

Не дожидаясь, пока решётки откроются до конца, Гарри выскочил из лифта и стал озиаться по сторонам: Беллатрикс оказалась уже рядом с телефонной будкой-лифтом, в противоположном конце зала, но не преминула оглянуться, когда Гарри бросился за ней, и выстрелить в него заклинанием. Гарри вильнул под прикрытием Фонтана Магических Собратьев – заклинание просвистело мимо и угодило в кованые золотые ворота на другом

конце Атриума: ворота отозвались многоголосым колокольным гулом. Но шаги стихли. Беллатрикс больше не убегала. Гарри скрючился за статуями и прислушался.

– *Выходи, выходи, Гарричка!* – позвала Беллатрикс прежним, фальшиво-детским голоском, эхом отразившимся от полированного деревянного пола. – Или зачем ты за мной гнался, а? Как я понимаю, хочешь отомстить за моего дражайшего кузена!

– Хочу! – выкрикнул Гарри, и словно дюжина призранных Гарри по всему залу, эхом вторя ему, подхватила: «Хочу! Хочу! Хочу!..»

– Ах-ах... Ты, что же, любил его, малютка Поттер?

Такая ненависть охватила Гарри, какой он прежде никогда не испытывал. Выскочив из-за фонтана, он заорал:

– *Crucio!*

Беллатрикс взвизгнула: заклинание сбило её с ног, но не заставило корчиться и вопить от боли, как было с Невиллом, – она вскочила сразу же, задышав и перестав смеяться. Гарри снова нырнул за золотой фонтан. Ответное заклинание Беллатрикс снесло голову красавицу-колдуну, голова отлетела и приземлилась футах в двадцати, пропахав длинные царапины в паркете.

– Никогда прежде Непростительными проклятиями не пользовались, юноша? – закричала Беллатрикс, оставив детские интонации. – Их нужно прочувствовать, Поттер! Нужно страстно желать причинить боль... Наслаждаться этим... А праведным гневом меня не пробереешь... Может, показать тебе, как надо? Сейчас преподам тебе урок...

Гарри потихоньку огибал фонтан с другой стороны, и тут Беллатрикс завизжала:

– *Crucio!*

Ему опять пришлось резко пригнуться, а рука кентавра, державшая лук, волчком отлетела в сторону и с грохотом свалилась на пол неподалёку от золотой головы колдуна.

– Ты со мной не справишься, Поттер! – выкрикнула Беллатрикс.

Гарри услышал, как она пошла направо, стараясь взять его на прицел. Он начал пятиться от неё вокруг скульптуры, приседая пониже в просвете между ног кентавра и держа голову на уровне головы домового эльфа.

– Я была и остаюсь самым преданным слугой Тёмного Лорда. У него я научилась Тёмным искусствам, и мне известны заклинания такие мощные, которые тебе, жалкий мальчишка, никогда не одолеть, как ни старайся...

– *Stupefy!* – завопил Гарри.

Он подобрался в обход туда, где стоял гоблин, с улыбкой до ушей взирающий на уже безголового мага, и, когда Беллатрикс показалась из-за фонтана, ударил ей в спину. Она среагировала так быстро, что Гарри едва успел пригнуться.

– *Protego!*

В него отскочил красный луч его же собственного Оглушающего заклинания. Одно из ушей гоблина полетело через весь зал, Гарри быстро пополз обратно.

– Поттер, дам-ка я тебе единственный шанс! – воскликнула Беллатрикс. – Отдай мне пророчество... давай, выкатывай мне его... и я, может быть, сохраню тебе жизнь!

– Ну так убейте-ка меня, потому что пророчества больше нет! – рявкнул Гарри.

В тот же миг лоб пронзила острая боль: шрам опять запылал огнём, а его захлестнула волна бешенства, на фоне собственной ярости – совершенно постороннего бешенства.

– А он-то понял! – Гарри расхохотался безумным смехом, достойным самой Беллатрикс. – Ваш ненаглядный старина Волдеморт понял, что его больше нет! Не видать ему с вами счастья, да?..

– Что? Ты о чём? – закричала Беллатрикс, и впервые в её голосе прозвучал страх.

– Когда я втаскивал Невилла вверх по ступеням, пророчество разбилось! Как думаете, что Волдеморт скажет по этому поводу?

Шрам жгло нещадно... От боли на глаза навернулись слёзы...

– АЖЕЦ! – душераздирающе заорала Беллатрикс, и за яростью Гарри отчётливо услышал ужас. – ОНО У ТЕБЯ, ПОТТЕР, И ТЫ МНЕ ЕГО ОТДАШЬ! *Аccio, пророчество! АССИО, ПРОРОЧЕСТВО!*

Гарри вновь расхохотался, зная, что её это взбесит, а боль в голове возросла настолько, что, казалось, череп вот-вот взорвётся. Он помахал пустой ладонью из-за одноухого гоблина и тут же отдёргнул руку, потому что Беллатрикс запустила в него очередной зелёный луч.

– Пусто! – крикнул Гарри. – И призывать нечего! Разбилось оно, и никто не слышал, про что там говорилось, так и передай своему хозяину!

– Нет! – завизжала Беллатрикс. – Неправда, ты врёшь! ПОВЕЛИТЕЛЬ, Я СТАРАЛАСЬ, СТАРАЛАСЬ!.. НЕ НАКАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ...

– Побереги дыхание! – прокричал Гарри. От неведомой прежде, жуткой боли в шраме он даже зажмурился. – Отсюда он тебя не услышит!

– Неужели, Поттер? – раздался надменный, холодный голос.

Высокий, худой, из-под чёрного капюшона на жутком, словно змеином, бледном и запавшем лице красным пламенем горят глаза с вертикальными зрачками... Лорд Волдеморт возник в самом центре зала, и палочка его была направлена на Гарри, а Гарри как будто окаменел, не в силах сдвинуться с места.

– Итак, ты разбил моё пророчество? – вкрадчиво спросил Волдеморт, прожигая Гарри бесчеловечными красными глазами. – Нет, Белла, он не врёт... Я вижу правду, она смотрит на меня из его жалкого разума... Столько месяцев готовиться, стараться... А мои Пожиратели Смерти снова позволили Гарри Поттеру сорвать мои планы... – он медленно направился к фонтану.

– Повелитель, простите меня, я запуталась, я дралась с анимагом Блэком! – зарыдала Беллатрикс, бросаясь в ноги Волдеморту. – Повелитель, вы же знаете...

– Замолчи, Белла, – угрожающе произнёс Волдеморт. – С тобой я разберусь чуть позже. Или ты думаешь, что я явился в Министерство магии послушать твои слезливые оправдания?

– Но, Повелитель... Он здесь... Он внизу...

Волдеморт не удостоил её вниманием.

– Мне больше нечего сказать тебе, Поттер, – негромко проговорил он. – Ты испытывал моё терпение слишком часто. И слишком долго. *AVADA KEDAVRA!*

Гарри не смог даже пошевелить губами, чтобы оказать сопротивление – разум был пуст, палочка бесполезно целилась в пол.

Внезапно безголовая статуя колдуна из фонтана ожила, спрыгнула с постамента и с грохотом приземлилась между Гарри и Волдемортом. Защищая Гарри, статуя раскинула руки, и проклятие попросту отскочило от её груди.

– Что..? – вскричал Волдеморт, озираясь по сторонам. И поперхнулся: – *Дамблдор!*

Гарри оглянулся, и сердце подпрыгнуло в груди. Перед золотыми воротами стоял Дамблдор.

Волдеморт вскинул палочку, и в Дамблдора полетел второй зелёный луч, но директор круто повернулся – плащ вихрем закрутился вокруг него – и исчез. В следующую секунду Дамблдор возник за спиной у Волдеморта и замысловатым образом взмахнул палочкой в сторону остатков фонтана. Все прочие статуи тоже ожили. Статуя ведьмы побежала к Беллатрикс, та с пронзительными криками принялась посылать на неё заклинания, но они лишь отскакивали от золотой груди, и, в конце концов, статуя навалилась на Беллатрикс и прижала её к полу. Тем временем, гоблин и домовый эльф устремились к ряду каминов вдоль стены, а однорукий кентавр поскакал на Волдеморта. Волдеморт пропал и появился с другой стороны фонтана. Безголовая статуя начала оттеснять Гарри подальше от центра сражения, Дамблдор стал наступать на Волдеморта, а вокруг них обоих галопом описывал круги золотой кентавр.

– Том, появиться здесь нынче вечером – такое безрассудство, – ровно проговорил Дамблдор. – Авроры уже на подходе...

– Я как раз успею уйти, а ты успеешь умереть! – зашипел Волдеморт.

Он послал на Дамблдора ещё одно убийственное проклятие, но промахнулся. Проклятие угодило в стойку колдуна-охранника, и стойка вспыхнула.

Дамблдор резко и коротко стегнул палочкой: сила вырвавшегося заклинания была такова, что, когда оно пролетало мимо, даже у Гарри, под прикрытием золотого стража, волосы встали дыбом, а Волдеморту, чтобы отразить его, пришлось сотворить сияющий серебряный щит. Неведомое заклинание явных повреждений щиту не нанесло, но на удар он отозвался гулко, будто гонг, – странным, леденящим душу звоном.

– Убивать меня ты не намерен, Дамблдор? – окликнул противника Волдеморт и, прищурив красные глаза, глянул поверх щита. – Ты выше подобного зверства?

– Нам обоим известно, Том, что есть и иные способы уничтожить человека, – спокойно отозвался Дамблдор, продолжая наступать на Волдеморта так, словно ничто на свете не могло испугать его, словно для его неспешной прогулки по залу не существовало никаких преград. – Признаюсь, мне недостаточно просто лишить тебя жизни...

– Нет ничего хуже смерти, Дамблдор! – огрызнулся Волдеморт.

– Тут ты ошибаешься, – Дамблдор неотвратно надвигался на Волдеморта, разговаривая так непринуждённо, словно ведя с ним застольную беседу. Гарри стало страшно смотреть, как он идёт без прикрытия, без щита, захотелось позвать и предупредить, но безголовый страж теснил его всё дальше к стене, пресекая малейшие поползновения высунуться. – Более того, в

неспособности понять, что смерть – далеко не самое худшее из всех зол, всегда заключалась твоя величайшая слабость...

Из-за серебряного щита вырвался новый зелёный луч. На этот раз удар пришёлся по однорукому кентавру, карьером проскакавшему перед Дамблдором, – от заклинания кентавр разлетелся на сотню кусков, но не успели они упасть на пол, как Дамблдор размахнулся палочкой с плеча, словно кнутом. Из кончика палочки вылетел длинный, узкий язык пламени и обвинил Волдеморта вместе со щитом. На какой-то миг показалось, что победа за Дамблдором, как, вдруг, огненный аркан неожиданно превратился в змея, который мгновенно разжал кольцо вокруг Волдеморта, и, разъярённо шипя, развернулся к Дамблдору.

Волдепорт исчез. Змея поднималась всё выше, готовясь к броску...

В тот самый момент, когда Волдепорт снова появился – на пьедестале в центре фонтана, где раньше стояли пять статуй, – высоко над головой Дамблдора сверкнула огненная вспышка.

– Осторожней! – закричал Гарри.

Но он ещё кричал, а палочка Волдеморта уже выстрелила зелёным лучом, и змея сделала бросок...

От зелёного луча Дамблдора закрыл Фокс: он спикировал вниз, широко разинув клюв, заглотил зелёный огонь целиком, и сразу вспыхнул, как головешка, сморщился, съёжился и комочком без перьев упал на пол. В тот же миг Дамблдор широко и плавно, из стороны в сторону провёл палочкой, – и змея, едва-едва не вонзившая в него клыки, взметнулась в воздух и рассеялась струйкой чёрного дыма, а вся вода фонтана взлетела вверх и, словно коконом расплавленного стекла, покрыла Волдеморта.

На какие-то секунды вместо Волдеморта виднелся только тёмный, колышущийся, безликий силуэт, который беспорядочно извивался на пьедестале, изо всех сил стараясь избавиться от удушающей массы...

Потом он просто исчез, а вода хлынула обратно в фонтан, бурно выплёскиваясь во все стороны и заливая полированный паркет.

– ПОВЕДИТЕЛЬ! – опомнилась Беллатрикс.

Гарри, решив, что всё кончилось, решив, что Волдепорт вознамерился спастись бегством, попытался отделаться от своего скульптурного стража, но Дамблдор загремел:

– Гарри, стой, где стоишь!

Первый раз в голосе Дамблдора прозвучал страх. И Гарри недоумевал – почему: ведь в зале пусто, только их двое, да ещё Беллатрикс льёт горькие слёзы под статуей ведьмы, и чуть слышно курлыкает на полу птенец-феникс Фокс...

Вдруг голову Гарри словно раскроили по шраму, – он решил, что пришла смерть: такая обрушилась невообразимая, невыносимая боль...

Его уже нет здесь, его стискивают кольца твари с красными глазами, стискивают так крепко, что не разобрать, где заканчивается его тело, а где начинается туловище твари: они слиты в единое целое, спаяны болью, и спасения нет...

Тварь заговорила ртом Гарри, и тот, агонизируя, ощущал каждое движение её челюстей...

— *А теперь, Дамблдор, убей меня...*

У Гарри потемнело в глазах, сознание угасало; каждой клеточкой тела моля об избавлении от боли, он ощутил, что тварь вновь воспользовалась им...

— *Дамблдор, если смерть — ничто, убей мальчишку...*

«Пусть боль кончится, — молил Гарри, — ...пусть он нас убьёт... Дамблдор, ну же... смерть — ничто по сравнению с этим...

...И я опять увижу Сириуса...»

Сердце Гарри переполнилось трепетом, и вдруг кольца твари ослабли, и боль ушла. Он ничком распростёрся на полу, без очков, в таком жестоком ознобе, словно пол был ледяным, а не деревянным...

А по залу эхом разносились голоса, слишком много голосов... Гарри открыл глаза и увидел собственные очки — у ног своего безголового стража, который теперь, весь потрескавшись, недвижимо покоился на спине. Очки Гарри надел, приподнял голову и, чуть не столкнулся носом с крючковатым носом Дамблдора.

— Гарри, ты цел?

— Цел, — его так трясло, что он даже голову как следует поднимать не мог. — Да, я... где Волдеморт, где... кто это там... что...

В Атриуме было полно народу. В полу, как в зеркале, отражались изумрудные языки пламени, которые вспыхивали во всех каминах вдоль одной из стен, — из них один за другим появлялись колдуны и ведьмы. Когда Дамблдор помог ему подняться, Гарри увидел, что золотые статуэтки домового эльфа и гоблина ведут к ним ошарашенного Корнелиуса Фаджа.

— Он был здесь, — восклицал мужчина с собранными в хвост волосами, облачённый в алую мантию, тыча пальцем в грудь золотого лома в дальнем конце зала, где ещё недавно лежала захваченная Беллатрикс. — Мистер Фадж, я видел его, клянусь, это был Сами-Знаете-Кто, он схватил женщину и дезаппарировал!

— Знаю, Уильямсон, знаю, я тоже его видел! — скомкано бурчал Фадж, у которого из-под плаща тонкую полоску виднелась пижама, а дыхание сбилось так, словно он пробежал не одну милю. — Борода Мерлина!.. Здесь... *Здесь!*.. В Министерстве магии!.. О, небо!.. И в голову не могло прийти... Подумать только!.. Да как возможно?..

— Корнелиус, если теперь вы спуститесь в департамент Тайн, — начал Дамблдор, — то обнаружите там нескольких беглых Пожирателей Смерти... — по всей вероятности убедившись, что с Гарри всё в порядке, он пошёл навстречу Фаджу, и на него впервые обратили внимание (кое-кто вскинул палочку, остальные просто остолбенели; статуи эльфа и гоблина зааплодировали, а Фадж так подскочил, что даже тапочки свалились), — ...их держат в Зале Смерти. Беглецы под сглазом Анти-дезаппарирования и ждут вашего решения относительно своей дальнейшей участи.

— Дамблдор! — ахнул Фадж, вне себя от удивления. — Вы... Здесь... Я... Я...

Он смятенно оглянулся на прихваченных с собой авроров, и стало очевидно, что он вот-вот заорёт: «Взять его!»

— Корнелиус, я готов схватиться с вашими людьми... и победить опять! — громовым голосом объявил Дамблдор. — Но вы же сами только что видели своими собственными глазами доказательство того, что я год говорил вам правду. Лорд Волдеморт вернулся, вы целый год гонялись не за тем человеком, и пора уже внять здравому смыслу!

— Я... нет... ну уж... — разошёлся Фадж, озираясь по сторонам в надежде, что кто-нибудь подскажет ему, что делать дальше. Но все молчали, и тогда он скомандовал: — Долиш! Уильямсон! Спуститесь в департамент Тайн и посмотрите... Дамблдор, вы... вам придётся всё мне толком объяснить... Фонтан Магических Собратьев... Что случилось-то? — с каким-то подвыванием закончил он, глядя на пол, где были вперемишку разбросаны останки ведьмы, колдуна и кентавра.

— Обсудим всё после того, как я отправлю Гарри обратно в Хогвартс, — ответил Дамблдор.

— Гарри?.. Гарри Поттера?

Фадж завертелся волчком и уставился на Гарри, который так и стоял у стены возле поверженной статуи, что охраняла его во время поединка Дамблдора с Волдемортом.

— Он... здесь? — Фадж выпучил глаза на Гарри. — Почему?.. Что всё это значит?

— Я всё объясню, — повторил Дамблдор, — когда Гарри вернётся в школу.

Он направился от фонтана туда, где валялась голова золотого колдуна. Направил на неё палочку и негромко сказал: «*Portus*». Голова засветилась синим пламенем, гулко заколотилась о паркетный пол, а через несколько секунд стихла. Дамблдор подобрал голову и пошёл обратно к Гарри.

— А ну-ка, слушайте сюда, Дамблдор! — вспыхнул Фадж. — У вас нет разрешения на этот порткляч! Как вы можете такое вытворять прямо на глазах у министра магии, как вы... вы...

Дамблдор поверх полукруглых очков окинул его непреклонным взглядом, и Фадж сразу осёкся.

— Отдайте распоряжение убрать из Хогвартса Долорес Амбридж, — произнёс Дамблдор. — Прикажите своим аврорам прекратить розыск моего преподавателя по уходу за магическими существами, чтобы он смог вернуться к работе. Сегодня я смогу уделить вам... — Дамблдор вытащил из кармана часы с двенадцатью стрелками и сверился с ними: — ...полчаса времени, которых, полагаю, будет более чем достаточно, чтобы осветить основополагающие моменты нынешнего происшествия. После чего я должен вернуться в свою школу. Если вам понадобится моя помощь в большем объёме, я, разумеется, всегда к вашим услугам. Найти меня можно в Хогвартсе, письма адресуйте на имя директора.

У Фаджа глаза совсем вылезли из орбит, челюсть отвисла, а дородное лицо под венчиком всклокоченных седин налилось кровью.

— Да я... да вы...

Дамблдор повернулся к нему спиной.

— Гарри, возьми порткляч.

Гарри взялся за протянутую ему золотую голову статуи, меньше всего заботясь, куда и с какой целью он попадёт.

— Увидимся через полчаса, — украдкой предупредил Дамблдор. — Раз... два... три...

Гарри ощутил знакомый рывок за самое нутро. Отполированный деревянный пол Атриума ушёл из-под ног, Фадж с Дамблдором, и все остальные вместе с ними исчезли, и вихрь красок и звуков стремительно унёс его прочь...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

УТРАЧЕННОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Гарри приземлился на ноги, колени подогнулись, и голова золотого колдуна с грохотом покатилась по полу. Оглядевшись, он обнаружил, что оказался в кабинете Дамблдора.

Похоже, за время отсутствия директора здесь всё отремонтировалось само по себе. Изящные серебряные приборы как прежде стояли на тонконогих столиках, стрекотали и пускали клубы дыма. На полотнах, откинувшись в креслах или преклонив головы на рамы, дремали портреты директоров и директрис. Гарри посмотрел в окно. Над горизонтом светлела зеленоватая полоска: близился рассвет.

Тишина и покой, изредка нарушаемые лишь всхрапом или бормотанием какого-нибудь сонного портрета, для Гарри были невыносимы. Если бы то, что творилось у него внутри, отражалось снаружи, картины взвыли бы от боли. Он принялся вышагивать по живописному, умиротворённому кабинету, глубоко дыша и стараясь отвлечься. Но не тут то было... всё впустую...

Сириус погиб из-за него. Именно из-за него. Если бы он не оказался таким глупцом и не клюнул на приманку Волдеморта, если бы не был так убеждён, что виденное во сне — реальность, если бы послушал Гермину и хотя бы допустил, что Волдеморту делает ставку на его *«склонность изображать из себя героя»*...

Это невыносимо, вот бы не вспоминать, ведь такое выдержать невозможно... в душе образовалась жуткая пустота, ощущать или измерять которую не хотелось; в том месте, где был Сириус, и куда он канул, зияла чёрная дыра; не хотелось оставаться наедине с этим безграничным, безмолвным вакуумом, выдержать это было невозможно...

Какая-то картина за его спиной всхрапнула раскатицей прежнего, и раздался невозмутимый голос:

— А... Гарри Поттер...

Финеас Найджеллус протяжно зевнул, потянулся и, прищурив проницательные глаза, уставился на Гарри.

— И что привело тебя сюда в такую рань? — наконец поинтересовался он. — Ведь доступ в кабинет должен быть запрещён для всех, кроме законного директора школы. Или тебя сюда Дамблдор послал? Ох, только не говори мне... — с новым зевком он встрепенулся: — Что, очередное сообщение для моего никчёмного праправнука?

Гарри промолчал. О том, что Сириус умер, Финеас Найджеллус не знал, а у Гарри рассказать — язык не поворачивался. Произнести это вслух — значит признать окончательно и бесповоротно.

На других портретах тоже началось шевеление. В ужасе от того, что сейчас начнётся допрос, Гарри бросился к двери и вцепился в дверную ручку.

Дверь не шелохнулась. Его здесь заперли.

— Надеюсь, это значит, — заявил тучный красноносый колдун со стены за креслом Дамблдора, — что скоро к нам вернётся Дамблдор?

Гарри обернулся. Колдун наблюдал за ним с неподдельным интересом. Гарри кивнул. Опять подёргал дверную ручку у себя за спиной, но безуспешно.

– Ох, как славно, – обрадовался колдун, – а то без него тут скучища, слов нет, какая.

Он поудобнее уселся в своём больше похожем на трон кресле, которое служило ему фоном, и благодушно заулыбался Гарри.

– А Дамблдор о тебе очень высокого мнения, да ты, небось, и сам знаешь, – с довольным видом заговорил он. – О, да, да. С превеликим уважением к тебе относится.

Тут же чувство вины, прочно поселившееся у Гарри в груди, словно какой-то чудовищный, тяжеловесный паразит, беспокойно зашевелилось. Гарри не мог этого выдержать, сам себе стал противен... Никогда ещё собственное тело и голова не казались такой невыносимой западней, никогда так остро не мучило желание стать кем угодно, неважно кем...

Вспышка изумрудного пламени в пустом камине вынудила Гарри отскочить подальше от дверей и невольно приковала его взгляд к человеку, который волчком закружился за каминной решёткой. Когда в пламени проявилась высокая фигура Дамблдора, на соседних к камину стенах мгновенно проснулись портреты колдунов и ведьм, и со всех сторон понеслись приветственные восклицания.

– Благодарю, – кротко ответил Дамблдор.

Не взглянув на Гарри, он первым делом прошёл к жёрдочке у двери, вытащил из внутреннего кармана мантии крохотного и страшенького, беспёрного Фокса и осторожно положил его на поднос с мягким пеплом, под золотой шест, где обычно восседал взрослый Фокс.

– Ну, Гарри, – Дамблдор, наконец, отвернулся от птенца, – полагаю, тебя обрадует известие, что ночные события не причинили серьёзного вреда никому из твоих соучеников.

Гарри попытался ответить: «Хорошо», но не смог выдавить из себя ни звука. Ему показалось, что Дамблдор напоминает о масштабах причинённого им вреда, и, хотя директор, впервые за долгое время, смотрел в глаза, хотя выражение его лица было скорее доброжелательным, чем осуждающим, но Гарри не мог вынести его взгляда.

– Мадам Помфри всех подлечит, – добавил Дамблдор. – Нимфадоре Тонкс придётся некоторое время провести в святом Мунго, но, похоже, всё обойдётся.

Гарри удовольствовался кивком коври, который всё светлел по мере того, как бледнело за окнами небо. Он не сомневался, что портреты по стенам жадно ловят каждое слово Дамблдора и мучаются в догадках, где же Дамблдор с Гарри побывали, и отчего пострадали люди.

– Гарри, я понимаю, что ты чувствуешь, – чуть слышно сказал Дамблдор.

– Нет, не понимаете, – возразил Гарри.

Его голос прозвенел неожиданно громко и твёрдо – в душе вскипела раскаленная добела ярость: о его чувствах Дамблдор и понятия не имеет.

– Видали, Дамблдор? – лукаво заметил Финеас Найджеллус. – Ни в коем случае не пытайтесь понять учеников. Они терпеть этого не могут. Для них куда лучше пребывать в трагическом непонимании, погрязать в жалости к себе, самим расхлёбывать...

– Довольно, Финеас, – прервал его Дамблдор.

Гарри повернулся к Дамблдору спиной и предпочёл уставиться в окно. Вдалеке виднелся квиддичный стадион. Однажды туда заявился Сириус в облике лохматого чёрного пса, чтобы посмотреть, как Гарри играет... наверное, приходил взглянуть, так ли он хорош, как Джеймс... А Гарри ни разу не поинтересовался...

– Гарри, незачем стыдиться своих чувств, – раздался голос Дамблдора. – Напротив... способность испытывать подобную душевную боль – это величайшее твоё достоинство.

Гарри ощутил, как ярость расплавленным металлом заливает все внутренности, пылает в жуткой пустоте и наполняет жгучей жаждой изуверчить Дамблдора за это спокойствие и эти пустые слова.

– Вот как, моё величайшее достоинство? – голос у Гарри дрогнул, он не сводил глаз с квиддичного стадиона, но уже не видел его. – Вы даже не догадываетесь... не понимаете...

– Чего не понимаю? – спокойно уточнил Дамблдор.

Это было уже чересчур. Гарри повернулся, содрогаясь от бешенства.

– Я не хочу говорить о том, что чувствую, устраивает?

– Гарри, такие страдания доказывают, что ты по-прежнему – человек! Подобная душевная боль – удел людей...

– ТОГДА! Я! НЕ ХОЧУ! БЫТЬ! ЧЕЛОВЕКОМ! – заорал Гарри, схватил с тонконогого столика изящный серебряный прибор и запустил им в стену.

От удара прибор разлетелся на сотню мелких кусочков. С картин понеслись рассерженные и испуганные восклицания, а портрет Армандо Диппета фыркнул: «Ну и ну!»

– А МНЕ ПЛЕВАТЬ! – завопил на них Гарри, сгрёб луноскоп и швырнул его в камин. – НАДОЕЛО, НАСМОТРЕЛСЯ, ВЫЙТИ ХОЧУ, ПОКОНЧИТЬ С ЭТИМ ХОЧУ, ТЕПЕРЬ МНЕ ВСЁ РАВНО!..

Столик, на котором прежде стоял серебряный прибор, постигла та же участь. Он вдребезги разбился об пол, ножки покатались в разные стороны.

– Тебе не всё равно, – проговорил Дамблдор. Он не шелохнулся, не сделал ни малейшей попытки остановить разгром кабинета. Выражение лица у него было спокойное, почти отрешённое. – Тебе настолько не всё равно, что кажется, будто эта боль высасывает всю кровь из жил.

– МНЕ! ВСЁ РАВНО! – проорал Гарри, чуть не сорвав горло, и на миг обуяло желание наброситься и сокрушить Дамблдора как прибор, разбить это спокойное старческое лицо, встряхнуть его, изуверчить, пусть он почувствует хоть малую толику того ужаса, что владел им самим.

– О, нет, – ещё спокойнее возразил Дамблдор. – Ты потерял мать, отца и самого близкого человека, какого только знал. Конечно, тебе не всё равно.

– ВЫ НЕ ПОНИМАЕТЕ, ЧТО Я ЧУВСТВУЮ! – вскричал Гарри. – ВЫ! СТОИТЕ ТУТ! ВЫ!..

Но слов не хватало, разгром не помогал, хотелось бежать, бежать без оглядки, куда угодно, лишь бы не видеть обращённые к нему ясные голубые глаза, не видеть это ненавистное, спокойное старческое лицо. Он развернулся и бросился к двери, вцепился в дверную ручку и рванул изо всех сил.

Но дверь не открылась.

Гарри, дрожа всем телом, повернулся к Дамблдору:

– Выпустите меня.

– Нет, – просто ответил Дамблдор.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

– Выпустите меня, – повторил Гарри.

– Нет, – вновь сказал Дамблдор.

– Если вы меня... если будете держать здесь... если не выпустите...

– Продолжай крушить моё имущество, не стесняйся, – безмятежно предложил Дамблдор. – Мне сдаётся, у меня его слишком много.

Он обошёл стол, сел за него и стал смотреть на Гарри.

– Выпустите меня, – ещё раз повторил Гарри холодно и почти так же спокойно, как Дамблдор.

– Не раньше, чем дашь мне сказать, – ответил Дамблдор.

– Вы что... вы что, думаете, я хочу... думаете, мне это надо... МНЕ ВСЁ РАВНО, ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ! – заорал Гарри. – Я вообще не собираюсь слушать, что вы скажете!

– Придётся, – твёрдо возразил Дамблдор. – Потому что ты зол на меня отнюдь не настолько, насколько следовало бы. И если ты на меня набросишься, к чему уже близок, как я полагаю, то я бы хотел заслужить это в полной мере.

– Вы это о чём?..

– В смерти Сириуса виноват я, – отчеканил Дамблдор. – Вернее сказать, в основном – я. Не настолько я самоуверен, чтобы брать на себя всю ответственность. Сириус был мужественным, умным и энергичным человеком, такие люди, как правило, не намерены отсиживаться дома, когда уверены, что другие в беде. Но вот тебе не стоило даже мысленно допускать, что во вчерашнем походе в департамент Тайн была хоть какая-нибудь необходимость. Будь я откровенен с тобой, Гарри, как мне следовало бы, ты давным-давно знал бы, что Волдеморт может попытаться заманить тебя в департамент Тайн. И этой ночью ему ни за что не удалось бы тебя обмануть. А Сириусу не пришлось бы тебя искать. Вина за это лежит на мне и только на мне одном.

Гарри по-прежнему сжимал дверную ручку, даже не отдавая себе в этом отчёта. Он слушал Дамблдора, затаив дыхание и не сводя с него глаз, но плохо понимал, о чём идёт речь.

– Сядь, пожалуйста, – сказал Дамблдор.

Это был не приказ, это была просьба.

Гарри помешкал, потом прошёл по кабинету, усеянному серебряными детальками и деревянными обломками, и сел перед столом Дамблдора.

– Если я правильно понял, – медленно произнёс Финеас Найджеллус со стены по левую сторону от Гарри, – мой праправнук... последний из Блэков... мёртв?

– Да, Финеас, – ответил Дамблдор.

– Не верю, – категорично отрезал Финеас.

Гарри обернулся как раз, когда Финеас выходил за раму портрета, и догадался, что тот направляется с визитом к другой своей картине на площади Гриммолд. Наверное, пойдёт в обход по всему дому с портрета на портрет, и будет звать Сириуса...

– Гарри, я обязан перед тобой объясниться, – объявил Дамблдор, – объясниться за стариковские ошибки. Потому что теперь сознаю, что на всём сделанном и несделанном мной по отношению к тебе стоит клеймо слабостей, присущих старости. Молодым не дано понять думы и чувства стариков. Но если старик забывает, что значит быть молодым, то в этом его вина... а я в последнее время, кажется, стал забывать...

Уже совсем рассвело, все краски безоблачного неба поблёкли, а понизу, по кромке гор, глаза слепила оранжевая полоска. Дневной свет безжалостно коснулся седых бровей и бороды Дамблдора, лёг на прорезавшие лицо глубокие морщины.

– Пятнадцать лет назад, – заговорил Дамблдор, – увидев шрам на твоём лбу, я догадался, что он может означать. Предположил, что шрам обозначает связь, накрепко соединившую тебя и Волдеморта.

– Вы мне уже говорили это, профессор, – бесцеремонно заявил Гарри.

Неважно, что получилось грубо. Больше уже ничего не важно.

– Да, – виновато согласился Дамблдор, – говорил, но, видишь ли... придётся начать именно со шрама. Потому что после твоего возвращения в магический мир стало очевидно, что я был прав, и шрам предупреждает тебя, если Волдеморт близко, или если он испытывает сильные эмоции.

– Знаю, – устало сказал Гарри.

– И эта твоя способность – улавливать присутствие Волдеморта, даже если он в другом обличье, и различать его чувства, когда он начинает волноваться, – с тех самых пор, как Волдеморт вернул себе тело и обрёл прежнюю силу, становилась всё более очевидна.

Гарри не удосужился даже кивнуть. Ничего нового он не услышал.

– Но в последнее время, – продолжал Дамблдор, – я забеспокоился, что и Волдеморт может осознать существующую меж вами связь. И в самом деле, однажды ты проник в его разум и мысли так глубоко, что он ощутил твоё присутствие. Речь идёт, разумеется, о той самой ночи, когда ты стал свидетелем нападения на мистера Уизли.

– Угу, Снейп мне говорил, – буркнул Гарри.

– Профессор Снейп, Гарри, – мягко поправил его Дамблдор. – Но неужели тебя не удивляло, что все объяснения ты получал не от меня? Что не я учил тебя окклюменции? Что я так долго не смотрел на тебя?

Гарри поднял глаза. И теперь увидел, какой уставший и печальный вид у Дамблдора.

– Да, – пробормотал он, – удивляло.

– Видишь ли, – пояснил Дамблдор, – я считал, что Волдеморт постарается вторгнуться в твой разум, чтобы управлять твоими мыслями, уводить их в неверном направлении, – ждать осталось недолго и давать лишний повод к этому мне совсем не хотелось. Я не сомневался, пойми он, что наши отношения сейчас... или когда бы то ни было... ближе, чем обычно бывают между директором и учеником, он не упустит шанс использовать тебя в качестве шпиона за мной. Мне стало страшно, что он захочет воспользоваться тобой, что может тобой завладеть. Гарри, я считаю, что в своих предположениях относительно Волдеморта я не ошибся. В тех редких случаях, когда мы с тобой общались, мне казалось, что в твоих глазах мелькает его тень...

Гарри вспомнил, как вскидывалась дремавшая в нём змея в те секунды, когда он встречался глазами с Дамблдором.

– ... Но сегодня ночью Волдеморт продемонстрировал, что власть над тобой нужна ему вовсе не за тем, чтобы уничтожить меня. Он хотел уничтожить тебя. Ненадолго завладев тобой, он уповал на то, что в надежде убить его я пожертвую тобой. Стало быть, сам видишь, Гарри, я старался держаться от тебя подальше ради того, чтобы тебя защитить. Вот она, стариковская ошибка...

Он тяжело вздохнул. Слова протекали через Гарри беспрепятственно. Пару месяцев назад всё сказанное было бы очень интересно, но сейчас, по сравнению с глубокой пропастью, которая разверзлась у него в душе с утратой Сириуса, потеряло всяческий смысл. Всё это теперь неважно...

– Сириус рассказывал мне, что в ту самую ночь, когда тебе привиделось нападение на Артура Уизли, ты ощутил, как в тебе проснулся Волдеморт. Я сразу понял, что оправдались мои наихудшие подозрения: Волдеморт догадался, что может тебя использовать. Я условился с профессором Снейпом насчёт занятий окклюменцией, чтобы вооружить тебя против вторжений Волдеморта в твой разум.

Дамблдор сделал паузу. Гарри следил за солнечным лучиком, который медленно полз по полированной поверхности директорского стола, подсвечивая серебряную чернильницу и красивое алое перо. Наверняка все до единого портреты не спят и ловят каждое слово из объяснения Дамблдора: то мантия чья-то прошуршит, то кто-то откашляется. А Финеас Найджеллус до сих пор не вернулся...

– Профессор Снейп обнаружил, что тебе месяцами снилась дверь в департамент Тайн, – вернулся к беседе Дамблдор. – Волдеморт, с тех самых пор, как обрёл своё тело, был поистине одержим возможностью прослушать пророчество. И поскольку он сосредоточился на двери, то же произошло и с тобой, хотя ты не понимал, что это значит.

А потом тебе приснилось, как Руквуд, который работал в департаменте Тайн, пока его не арестовали, рассказывает Волдеморту о том, что нам было известно давным-давно, – что пророчества хранятся в Министерстве магии под надёжной охраной. Снять пророчество с полки и при этом не лишиться рассудка может только тот, о ком говорится в этом пророчестве, а значит либо Волдеморту самолично придётся проникнуть в Министерство магии, рискуя обнаружить себя в самый ответственный момент... либо придётся тебе взять

пророчество вместо него. Ты должен был овладеть оккляюменцией – это стало задачей первостепенной важности.

– А я не овладел... – пробормотал Гарри. Он сознавался вслух, чтобы ослабить непосильный гнёт вины: ну должно же признание хоть немного облегчить камень, который так мучительно давит на сердце. – ...Не занимался, не старался. Я мог избавиться от снов, Гермiona постоянно твердила мне об этом, если бы у меня получилось, ему никогда не удалось бы показать мне, куда идти, и... и Сириус бы... Сириус бы...

У Гарри внутри словно прорвало плотину: нужно оправдаться, нужно объяснить...

– Я попытался проверить, правда ли, что он захватил Сириуса, пошёл в кабинет Амбридж, поговорил с Кричером через камин, Кричер мне сказал, что Сириуса в доме нет, сказал, что он ушёл!

– Кричер солгал, – спокойно возразил Дамблдор. – Ты ему не хозяин, он может лгать тебе и при этом даже не обязан себя наказывать. Кричер задумал отправить тебя в Министерство магии.

– Он... он послал меня туда нарочно?

– О, да. Боюсь, что Кричер служил двум господам уже не первый месяц.

– Как это? – растерялся Гарри. – Он же много лет не выходил из дома на площади Гриммолд.

– Накануне Рождества Кричеру представился удобный случай, – пояснил Дамблдор. – Должно быть, когда Сириус крикнул ему: «Вон». Он поймал Сириуса на слове, воспринял окрик, как приказ покинуть дом. И направился к единственному из рода Блэков, к которому ещё питал какое-то уважение... к кузине Блэка Нарциссе, сестре Беллатрикс и жене Люциуса Малфоя.

– Откуда вы всё это знаете? – спросил Гарри.

Сердце у него заколотилось, подступила тошнота. Вспомнилось тревожное и странное отсутствие Кричера на Рождество, вспомнилось, как тот потом обнаружился на чердаке...

– Кричер сам рассказал мне сегодня ночью, – ответил Дамблдор. – Видишь ли, профессор Снейп, получив твоё зашифрованное предупреждение, догадался, что тебе привиделся Сириус, попавший в западню где-то в недрах департамента Тайн. Как и ты, он сразу же попытался связаться с Сириусом. Должен признаться, у членов Ордена Феникса есть способы связи более надёжные, нежели камин в кабинете Долорес Амбридж. Профессор Снейп обнаружил Сириуса в целостности и сохранности на площади Гриммолд.

Однако, когда ты ушёл в Лес с Долорес Амбридж и не вернулся, профессор Снейп заволновался – вдруг ты по-прежнему считаешь, будто Сириус в плену у Лорда Волдеморта. И немедленно поднял тревогу, оповестив нескольких членов Ордена. – Дамблдор тяжело вздохнул и продолжил: – Когда он вышел на связь, в штабе были Аластор Муди, Нимфадора Тонкс, Кингсли Шаклболт и Римус Люпин. И все тут же решили отправиться к тебе на помощь. Профессор Снейп настаивал, чтобы Сириус задержался, потому что кто-нибудь должен был остаться в штабе, чтобы объяснить мне, что произошло, а меня ждали с минуты на минуту. Сам профессор Снейп тем временем собрался в Лес на поиски тебя.

Но Сириус не захотел оставаться дома, пока все остальные тебя ищут. Он поручил Кричеру передать мне, что произошло. И вот я появляюсь на площади Гриммода, буквально сразу вслед за тем, как все отправились в Министерство, и застаю только эльфа, который и рассказывает мне, давясь со смеху, что Сириус ушёл.

— Он смеялся? — глухо спросил Гарри.

— О, да, — кивнул Дамблдор. — Видишь ли, выдать нас с головой Кричеру не удалось бы. Он ведь не Хранитель Тайны при Ордене, и ни о нашем местонахождении, ни о каких-нибудь засекреченных планах Ордена, о которых ему велено было молчать, проболтаться Малфоям он не мог. Он связан родовой магией, по законам которой не имеет права послушаться прямого приказа своего хозяина Сириуса. Тем не менее, он выложил Нарциссе такую информацию, которая для Волдеморта оказалась бесценной, хотя Сириусу, видимо, представлялась настолько тривиальной, что накладывать запрет на её разглашение ему и в голову не пришло.

— Какую именно? — уточнил Гарри.

— Именно тот факт, что самый дорогой человек для Сириуса — это ты, — тихо проговорил Дамблдор. — Именно тот факт, что для тебя Сириус стал в одном лице и отцом, и братом.

Конечно, Волдеморт заведомо знал, что Сириус — член Ордена, и что тебе известно, где он скрывается, но сведения Кричера натолкнули его на мысль, что единственный человек, ради спасения которого ты отправишься на край света, это Сириус Блэк.

У Гарри на онемевших губах застывали слова:

— Значит... когда я вчера вечером спрашивал Кричера, где Сириус...

— Малфои — несомненно, по указанию Волдеморта, — велели Кричеру найти способ увести Сириуса подальше и задержать, как только тебе привидятся пытки крёстного. На случай, если ты решишь проверить, дома ли Сириус, Кричер сможет притвориться, что его нет. Вчера Кричер поранил гиппогрифа, и когда ты появился в камине, Сириус как раз ухаживал за Брыкловом наверху.

У Гарри перехватило дыхание, ловя ртом воздух как выброшенная из воды рыба, он прохрипел:

— И Кричер всё это рассказал вам... со смехом?

— Он не хотел рассказывать, — ответил Дамблдор. — Но я достаточно умелый легилименс, чтобы понять, когда мне лгут. И перед тем, как отправиться в департамент Тайн, я его... убедил поведать мне всю правду.

— А Гермиона... — прошептал Гарри, сжимая на коленях заледеневшие кулаки, — ...а Гермиона вечно уговаривала нас быть с ним поласковее...

— И была абсолютно права, Гарри, — заметил Дамблдор. — Когда мы выбрали дом двенадцать на площади Гриммода своим штабом, я предупредил Сириуса, что к Кричеру следует относиться по-доброму и с уважением. Я ему говорил, что Кричер может быть опасен для нас. Кажется, Сириус не принял мои слова всерьёз, или же никогда не усматривал в Кричере существа, чьи чувства не менее остры, чем человеческие...

– Перестаньте обвинять... перестаньте... говорить... так о Сириусе... – у Гарри сдавило грудь, связно выражаться не получалось, но унявшийся было гнев вспыхнул вновь: критиковать Сириуса он Дамблдору не позволит! – Кричер лживая... тварь... он заслужил...

– Гарри, Кричер таков, каким его сделали колдуны, – возразил Дамблдор. – Да, да, к тому же он заслуживает сострадания. Его существование было столь же жалким, как у твоего приятеля Добби. Повиноваться Сириусу он был вынужден, потому что Сириус – последний представитель того рода, у которого Кричер в подчинении, но подлинной преданности он к Сириусу не испытывал. И при всех проступках Кричера нельзя не признать, что Сириус не сделал ничего, чтобы облегчить его участь...

– ПРЕКРАТИТЕ ТАК ГОВОРИТЬ О СИРИУСЕ! – вскричал Гарри.

И снова вскочил на ноги, в порыве ярости готовый наброситься на Дамблдора: да он же просто-напросто ничуть не понимает Сириуса, – насколько он был смелым, сколько пережил!..

– А как же Снейп? – выпалил Гарри. – Что-то о нём вы не говорите? А когда я сказал ему, что Волдеморт схватил Сириуса, он как обычно ухмыльнулся мне, да и только...

– Гарри, ты же понимаешь, на глазах у Долорес Амбридж профессору Снейпу ничего не оставалось, как сделать вид, что он не принимает тебя всерьёз, – размеренно объяснил Дамблдор. – Но я ведь уже сказал, что он первым делом передал твои слова Ордену. Именно он сделал вывод, куда ты отправился, когда не вернулся из Леса. И именно он дал профессору Амбридж фиктивный Веритасерум, когда она пыталась заставить тебя выдать местонахождение Сириуса.

Гарри пропустил сказанное Дамблдором мимо ушей: обвинения в адрес Снейпа ему доставляли некое изуверское наслаждение, они как будто облегчали тяжесть собственной чудовищной вины, и хотелось, чтобы Дамблдор с ними соглашался.

– Снейп... Снейп п-попрекал Сириуса за сидение дома... выставял Сириуса трусом...

– Сириус был вполне взрослым и разумным человеком, чтобы не обращать внимания на такие жалкие насмешки, – заметил Дамблдор.

– Снейп бросил заниматься со мной окклюменцией! – огрызнулся Гарри. – Он выпвырнул меня из своего кабинета!

– Мне это известно, – устало проговорил Дамблдор. – Я уже сказал, что это была моя ошибка, нужно было учить тебя самому, хотя на тот момент я был уверен, что нет ничего опаснее, чем в моём присутствии открывать Волдеморту твой разум ещё шире...

– Снейп всё портил, после занятий с ним шрам у меня всегда болел ещё сильнее... – Гарри вспомнил предположения Рона и с головой окунулся в них: –...Откуда вам знать, может он старался меня обработать для Волдеморта, чтобы ему проще было забраться в мой...

– Я доверяю Северусу Снейпу, – напрямик возразил Дамблдор. – Но я забыл... ещё одна стариковская ошибка... что нанесённые раны порой бывают так глубоки, что не заживают. Я полагал, что профессор Снейп в состоянии превозмочь свои чувства по отношению к твоему отцу... но ошибся.

– И ничего страшного, да? – взорвался Гарри, не обращая внимания на возмущённые мины и неодобрительные шепотки портретов на стенах. – Ничего страшного, что Снейп ненавидел моего отца, но как страшно, что Сириус ненавидел Кричера!

– Сириус Кричера не ненавидел, – пояснил Дамблдор, – Сириус видел в нём слугу, которого можно не удостаивать ни лишним интересом, ни вниманием. Равнодушие и пренебрежение подчас приносят гораздо больший вред, нежели откровенная неприязнь... Фонтан, что мы разрушили этой ночью, – образчик лжи. Мы, колдуны, слишком долго помыкали и скверно обращались с нашими собратьями, пришла пора пожинать плоды.

– ЗНАЧИТ СИРИУС ПОЛУЧИЛ ПО ЗАСЛУГАМ, ДА? – заорал Гарри.

– Я такого не говорил, и ты никогда от меня подобного не услышишь, – спокойно ответил Дамблдор. – Сириус не был жестоким человеком, в общем и целом к домовым эльфам он относился по-доброму. Кричера не любил, потому что Кричер – живое напоминание о ненавистном отчем доме.

– Ненавидел он его, да! – срывающимся голосом объявил Гарри, повернулся спиной к Дамблдору и пошёл прочь. К этому времени солнечным светом был залит весь кабинет, все портреты не сводили с Гарри глаз, а он выпагивал сам не зная куда, не разбирая дороги. – Вы посадили его под замок в этом доме, а он этот дом ненавидел, вот почему вчера вечером захотел сбежать оттуда!..

– Я пытался спасти Сириусу жизнь, – ровно произнёс Дамблдор.

– Никому не нравится сидеть взаперти! – круто развернувшись к Дамблдору, в бешенстве выкрикнул Гарри. – Из-за вас я просидел так всё прошлое лето!..

Дамблдор опустил веки и длинными пальцами прикрыл лицо. Гарри не сводил с него глаз, но даже этот, несвойственный Дамблдору, красноречивый жест то ли печали, то ли предельной усталости, не подействовал умиротворяюще. Напротив, за такие признаки слабости Гарри ещё больше разозлился на Дамблдора. По какому праву он так раскис, когда Гарри решил рвать и метать, и орать на него.

Дамблдор отнял ладони от лица и сквозь полукруглые стёкла очков взглянул на Гарри.

– Пришло время рассказать тебе то, что следовало сказать ещё пять лет назад, – начал он. – Гарри, сядь, пожалуйста. Я хочу рассказать тебе всё. И прошу лишь крупицу терпения. Ты волен гневаться на меня – или всё, что тебе заблагорассудится, – но после того, как я закончу. Удерживать тебя не стану.

Гарри ещё какое-то время сверлил его взглядом, потом плюхнулся в кресло напротив и стал ждать.

Дамблдор тоже помедлил, глядя в окно на залитые солнцем окрестности замка, потом повернулся к Гарри и заговорил:

– Пять лет назад ты приехал в Хогвартс, целый и невредимый, как и предполагалось в соответствии с моими расчётами. Ну... не совсем невредимый. Пришлось тебе помучиться. Ещё когда оставлял тебя у порога дома твоих дяди и тёти, я понимал, что это неизбежно. Понимал, что обрекаю тебя на десять мрачных и суровых лет.

Он сделал паузу. Гарри не произнёс ни звука.

– Ты можешь спросить, – и вправе это сделать, – почему всё случилось именно так? Почему бы не отдать тебя в какую-нибудь колдовскую семью? Многие приняли бы тебя с превеликим удовольствием, дорожили и восхищались бы тобой, как родным сыном.

И я отвечаю: прежде всего, я хотел сохранить тебе жизнь. Едва ли кто-нибудь кроме меня догадывался, как велика была грозившая тебе опасность. После поражения Волдеморта прошло несколько часов, но его сторонники – а многие из них не уступали ему в жестокости – оставались на свободе, обозлённые, доведённые до отчаяния, на грани срыва. Верил ли я в то, что Волдеморт сгинул на веки вечные? Нет. Я не представлял, когда он вернётся, – через десять, двадцать или пятьдесят лет, – но не сомневался, что вернётся он неминуемо, и, зная его так, как я знал, не сомневался, что он не успокоится, пока тебя не убьёт.

Я понимал, что познания в магии у Волдеморта, пожалуй, обширнее, чем у любого другого из ныне живущих колдунов. Понимал, что если он когда-нибудь обретёт былое могущество, его едва ли остановят мои даже самые сложные и сильные защитные заклинания.

Но понимал я и в чём слабость Волдеморта. Поэтому принял определённое решение. Тебя защитит древняя магия, о которой он знал, которую презирал и, следовательно, всегда недооценивал – на свою беду. Я ведь уже упоминал то обстоятельство, что твоя мать умерла ради твоего спасения. И обеспечила тебе защиту такую длительную, какую *он* и вообразить себе не мог, – по сей день эта защита течёт в твоих венах. Поэтому я решил положиться на материнскую кровь. И передал тебя её сестре: из кровных родственников больше никого не осталось.

– Она меня не любит, – тотчас фыркнул Гарри. – Ей на меня плевать...

– Но она тебя приняла, – возразил Дамблдор. – Пусть безо всякой охоты, через силу, с горечью и злобой, но всё-таки приняла, и тем самым скрепила наложенные мной на тебя чары. Кровные узы, благодаря жертве, принесённой твоей матерью, стали самым крепчайшим щитом, которым я мог тебя обеспечить.

– Но я никак не...

– Пока ты называешь домом место, где сохранилась кровь твоей матери, Волдеморт тебя не тронет и вреда не причинит. Кровь матери он пролил, но она живёт в тебе и в её сестре. Её кровь стала твоим убежищем. Ты должен возвращаться туда только раз в год, но пока ты там, пока можешь назвать этот дом своим, *он* тебя не тронет. Твоей тёте это известно. В письме, которое я оставил вместе с тобой у порога, я объяснил предпринятые мной меры. Она знает, что давая тебе кров, тем самым, вероятно, вот уже пятнадцать лет сохраняет тебе жизнь.

– Подождите, – сказал Гарри. – Секундочку.

Он выпрямился в кресле, круглыми глазами глядя на Дамблдора.

– Ревуна послали вы. Чтоб не забывала, велели ей вы... Это был ваш голос...

– Мне подумалось, – чуть кивнул Дамблдор, – что не помешало бы напомнить ей о контракте, заключённом тогда, когда она приняла тебя. Вдруг с нападением дементоров она осознала опасность твоего пребывания в доме в качестве приёмного сына.

– Так и было, – негромко признался Гарри. – Ну... в особенности дядя мой осознал, а не она. Хотел меня выгнать, но после Ревуна она... она заявила, что я должен остаться.

Гарри опустил глаза, а потом спросил:

– Но какое отношение это имеет к...

Имя Сириуса он произнести не смог.

– И вот, пять лет назад, – продолжил Дамблдор так, словно бы и не прерывал своё повествование: – ты прибыл в Хогвартс. Не столь счастливый и упитанный, как бы мне того хотелось, но живой и здоровый. Ты оказался не избалованным ребёнком королевской крови, а нормальным мальчиком, таким, какого я и ожидал увидеть в сложившихся обстоятельствах. До того момента всё шло по моему плану.

Но потом... увы, ты не хуже меня помнишь все происшествия твоего первого учебного года в Хогвартсе. Ты достойно принял брошенный тебе вызов и встретился лицом к лицу с Волдемортом – скорее, чем я предполагал, гораздо скорее. И снова выжил. Мало того. Ты отсрочил обретение им полной власти и могущества. Ты одержал верх во взрослой битве. Мою... гордость тобой невозможно описать словами.

И всё-таки в моём превосходном плане оказался просчёт, – продолжал Дамблдор. – Просчёт очевидный, способный, как я понял ещё тогда, свести всё на нет. Однако, отдавая себе отчёт, насколько важно довести мой замысел до конца, я сказал себе, что не позволю этому просчёту разрушить мои планы. Всё зависело только от меня, и мне самому предстояло проявить твёрдость. Первое испытание мне выпало тогда, когда ты, обессиленный схваткой с Волдемортом, лежал в больничном крыле.

– Не понимаю, о чём вы, – удивился Гарри.

– Ты же не забыл, как спрашивал меня в больничном крыле, почему Волдемонт хотел убить тебя ещё младенцем?

Гарри кивнул.

– Следовало ли рассказывать тебе тогда?

Гарри взглянул прямо в эти голубые глаза и ничего не сказал, только сердце у него опять пустилось вскачь.

– Пока не заметил просчёта в плане? Нет... должно быть, не заметил. Ладно, как ты помнишь, я решил не тебе отвечать. Сказал себе: «Одиннадцать лет – это слишком рано, чтобы узнать всю правду». Рассказывать тебе, одиннадцатилетнему, мне и в голову не приходило. В таком возрасте подобное знание – непомерно тяжёлая ноша.

Мне ещё тогда следовало распознать опасные симптомы. Следовало призадуматься, раз ты уже задаёшь вопрос, на который рано или поздно мне придётся дать ужасный ответ, отчего меня это не слишком беспокоит? Следовало признать, что меня очень уж обрадовала дозволенная отсрочка... Ты был совсем юн, чересчур юн.

И затем начался второй год твоей учёбы в Хогвартсе. И тебя вновь ждали испытания, с которыми не приходилось сталкиваться и взрослым колдунам: и вновь ты превзошёл самые смелые мои ожидания. Но теперь не спросил, почему Волдемонт оставил на тебе эту отметину. О да, шрам мы обсуждали... к заветной теме подошли совсем вплотную. Почему я не рассказал тебе всё?

Увы, мне представлялось, что для подобной информации двенадцать лет – это, в конце концов, немногим лучше, чем одиннадцать. Я отпустил тебя – окровавленного, вымотанного,

но ликующего, и если какая-то неловкость меня мучила — за то, что опять оставил тебя в неведении, то очень скоро она прошла. Ты по-прежнему был ещё настолько молод, понимаешь ли, что мне не достало решимости испортить эту ночь твоего триумфа...

Заметил, Гарри? Теперь заметил просчёт в моём блестящем плане? Я угодил в ловушку, которую предвидел и дал себе слово избежать, избежать непременно.

— Я не...

— Ты был мне слишком дорог, — бесхитростно сказал Дамблдор. — Твоё счастье мне было дороже, нежели твоя осведомлённость, твой душевный покой дороже, чем мой план, твоя жизнь дороже других жизней, которые в случае провала моего плана могли оборваться. Иными словами, я вёл себя в полном соответствии с тем, чего ожидал Волдеморт от нас, глупцов, ведомых любовью.

Что можно сказать в защиту? Ручаюсь, что любому, кто наблюдал за тобой так же внимательно, как я (ты и представить не можешь, как внимательно я наблюдал за тобой), — любому захочется избавить тебя от лишних страданий, которых ты и так уже натерпелся предостаточно! Что мне до множества безымянных и безликих людей и существ, которых безжалостно вырежут в отдалённом будущем, если здесь и сейчас есть ты — живой, здоровый и счастливый? Мне и в голову не приходило, что у меня когда-нибудь появится такой подопечный.

Наступил третий год твоей учёбы. Я наблюдал со стороны, как ты мужественно отражал дементоров, как повстречался с Сириусом, понял, кто он такой, как вызволял его из-под ареста. Мне следовало рассказать тебе тогда, в разгар блестящего спасения крёстного отца из цепких лап Министерства?.. Вот тут-то, на четырнадцатом году твоей жизни мои отговорки исчерпались. Каким бы юным ты ни был, но свою исключительность проявил в полной мере. И стала меня, Гарри, мучить совесть. Понял я, что времени осталось мало...

Но в прошлом году, став свидетелем гибели Седрика Диггори, едва сам не погибнув, ты выбрался из лабиринта... и я опять ничего тебе не рассказал, хотя знал, раз Волдеморт вернулся, значит, пришла пора говорить. Только после сегодняшней ночи я понял, что ты давным-давно готов был узнать всё то, что я так долго от тебя скрывал, и на самом-то деле следовало возложить на тебя эту ношу прежде, чем всё случилось. Единственное моё оправдание в том, что на моих глазах ты вынес бремя стольких испытаний, сколько не выпадало на долю ни одного из учеников Хогвартса, и не мог я заставить себя добавить ещё одно... самое тяжкое из всех.

Гарри ждал, но Дамблдор медлил.

— Я так ничего и не понял.

— Волдеморт хотел убить тебя ещё младенцем из-за пророчества, сделанного накануне твоего рождения. О том, что пророчество сделано, ему было известно, но целиком он его не знал. Рассчитывал избавиться от тебя, пока ты ещё в колыбели, полагая, что исполняет условия пророчества. Только когда проклятие, которое несло тебе смерть, отрикошетило, он обнаружил, как же, на свою беду, ошибся. Поэтому, как только обрёл своё тело, а тем более после твоего невероятного прошлогоднего побега от него, он твёрдо решил прослушать

пророчество до конца. Вот оно – оружие, за которым он, едва возродившись, так рьяно охотился, – это знание того, как тебя погубить.

Солнце уже стояло высоко: кабинет Дамблдора был залит солнечным светом. Стекланный ларец, в котором хранился меч Годрика Гриффиндора, переливался серебристыми и матовыми бликами, обломки сброшенных на пол приборов сверкали, словно капельки дождя, а за спиной Гарри, в своём гнездышке из пепла, тихонько чирикал птенец-Фокс.

– Пророчество разбилось, – безучастно отметил Гарри. – Я втаскивал Невилла по уступам в... зале, где арка, и порвал на нём мантию, а оно выпало...

– Разбилась всего-навсего запись пророчества, которая хранилась в департаменте Тайн. Но пророчество предназначалось определённому человеку, и этот человек располагает средствами вспомнить его дословно.

– Его кто-то слышал? – спросил Гарри, подозревая, что ответ ему уже известен.

– Я, – кивнул Дамблдор. – Шестнадцать лет назад, дождливым, холодным вечером, в комнатке на втором этаже постоялого двора в «Кабаньей голове». Я пришёл туда познакомиться с претенденткой на должность преподавателя прорицания, хотя всегда считал, что этого предмета не должно быть вовсе. Но претенденткой была праправнучка очень знаменитой и весьма незаурядной пророчицы, и на встречу с ней я шёл, отдавая долг элементарной вежливости. И был разочарован. Мне показалось, что у неё нет и следа наследственного дара. Я ей сообщил, – полагаю, в вежливой форме, – что, на мой взгляд, она на эту должность не годится. И собрался уходить.

Дамблдор поднялся и прошёл мимо Гарри к чёрному шкафчику по соседству с жёрдочкой Фокса. Нагнулся, отодвинул щеколду и вынул из шкафа неглубокую каменную чашу с вырезанными по ободку рунами, в которой Гарри видел, как его отец измывался над Снейпом. Вернувшись к столу, Дамблдор поставил ситодум и поднял палочку к виску. Извлёк из головы серебристые, не толще паутинки нити, прицепившиеся к палочке, и опустил их в чашу. Сел на своё место за стол и стал смотреть, как его мысли текут и кружатся в ситодуме. Потом вздохнул, поднял палочку и дотронулся кончиком до серебристой субстанции.

Из субстанции выросла фигура, закутанная в шали, с гипертрофированно большими глазами за стеклами очков, и медленно закружилась, оставаясь в чаше по щиколотки. Заговорила Сибилла Трелони не обычным своим отстранённым и загадочным голосом, а хриплым, с грубыми интонациями, – однажды Гарри уже доводилось его слышать.

«Уже на подходе тот самый, в ком сила преодолеть Тёмного Лорда... рождённый у трижды ему не поддавшихся, увидевший свет, когда месяц седьмой угасает... и ровней себе Тёмный Лорд его лично пометит, но он обладать будет силой, неведомой Тёмному Лорду... и каждого смерть ждёт от длани другого, ибо не жить никому из них, пока в живых остаётся другой... Тот самый, в ком сила преодолеть Тёмного Лорда, на свет появится, когда месяц седьмой угасает...»

Профессор Трелони, плавно кружась, опустилась в серебристую массу и растворилась.

В кабинете воцарилось гробовое молчание. Никто, ни Дамблдор, ни Гарри, ни один из портретов не проронили ни звука. Даже Фокс смолк.

– Профессор Дамблдор? – тихо-тихо начал Гарри, ибо Дамблдор по-прежнему не сводил глаз с ситодума и, похоже, погрузился в глубокие раздумья. – Это... значит, что... что всё это значит?

– Это значит, – откликнулся Дамблдор, – что примерно шестнадцать лет назад, в конце июля, родился тот, кому суждено разгромить Лорда Волдеморта на веки веков. Мальчик этот должен был появиться на свет у родителей, которые к тому времени уже три раза не поддались Волдеморту.

Гарри показалось, будто сейчас его накроет с головой. Опять перехватило дыхание.

– То есть... это я?

Дамблдор внимательно посмотрел на него через очки.

– Вот ведь какая штука, Гарри, – задумчиво проговорил он, – всё это могло никакого отношения к тебе не иметь. Пророчество Сибиллы можно было приложить к двум маленьким колдунам, – оба родились в конце июля того года, у обоих родители состояли в Ордене Феникса, и обе эти супружеские пары три раза чудом спаслись от Волдеморта. Один, разумеется, ты. А другой – Невилл Лонгботтом.

– Но тогда... тогда почему на пророчестве моё имя, а не Невилла?

– На официальной записи сменили бирочку после того, как Волдеморту попал на тебя маленького, – пояснил Дамблдор. – Хранителю Зала Пророчеств показалось очевидным, что Волдеморту решил убить тебя именно потому, что знал, – ты тот самый, на кого намекала Сибилла.

– Тогда... может это и не я? – спросил Гарри.

– Боюсь, – Дамблдор так медленно говорил, будто каждое слово давалось ему с большим трудом, – теперь сомнений нет, это именно ты.

– Но вы же сами сказали... Невилл тоже родился в конце июля... и его мама с папой...

– Ты забыл продолжение пророчества, решающее отличие мальчика, который сможет преодолеть Волдеморта... Волдеморту сам *«фавней себе его лично пометит»*. Что он и сделал, Гарри. Выбрал тебя, а не Невилла. Наградил шрамом в подтверждение как ниспосланного дара, так и проклятия.

– А если он ошибся! – воскликнул Гарри. – Если пометил не того, кого нужно!

– Он выбрал того мальчика, который показался ему опаснее, – объяснил Дамблдор. – Обрати внимание, Гарри: выбрал не чистокровного (хотя, по его убеждениям, право на жизнь или знания имеют только чистокровные колдуны), а полукровку, такого же, как он сам. В тебе он увидел самого себя ещё заочно. Нанеся шрам, не убил, как намеревался, но одарил силами наперёд, благодаря которым ты ускользал от него уже не раз, а целых четыре раза – подобного не удавалось никому: ни твоим родителям, ни родителям Невилла.

– Но тогда зачем он это сделал? – Гарри стало пусто и холодно. – Зачем хотел убить меня ещё младенцем? Нужно было подождать, пока мы с Невиллом подрастём, и посмотреть, кто покажется опаснее, а потом уже убивать...

– Конечно, такое поведение было бы более целесообразно, – согласился Дамблдор. – Да только информация о пророчестве у Волдеморта была неполной. Постоялый двор «Кабаньей головы», который Сибилла Трелони выбрала за дешевизну, издавна притягивал клиентуру,

скажем так, более любопытную, чем в «Трёх мётлах». Тебе и твоим друзьям на собственном горьком опыте пришлось убедиться, что у тамошних стен есть уши. И мне той ночью тоже. Когда я собирался на встречу с Сибиллой Трелони, мне и в голову не приходило, что услышу нечто, достойное подслушивания. На моё... на наше счастье, соглядатаи обнаружили в самом начале пророчества и выпытали вон.

— И он слышал только..?

— Он слышал только начало, где предсказывалось рождение мальчика в июле месяце у родителей, которые трижды не поддались Волдеморту. Таким образом, он не смог предупредить хозяина, что нападение на тебя чревато опасностью поделиться с тобой силой и отметить как равню себе. Поэтому Волдеморту было невдомёк, что нападать на тебя рискованно, и разумнее подождать и выяснить побольше. Не знал он, что у тебя будет сила, *«неведомая Тёмному Лорду»* ...

— Но у меня её нет! — подавленно запротестовал Гарри. — Никаких таких способностей, которых нет у него, — у меня нет. Так, как он, — сегодня ночью, — я сражаться не умею, не могу завладевать другими или... или убивать их...

— Есть в департаменте Тайн один зал, — перебил его Дамблдор, — который заперт всегда. В нём хранится сила удивительнее и, вместе с тем, страшнее смерти, человеческого интеллекта, сил природы. Эта сила, пожалуй, — самая непостижимая загадка из всех объектов, что содержатся в департаменте Тайн. Силой, заключённой в этом зале, ты обладаешь в полной мере, а у Волдеморта её нет вовсе. Эта сила прошедшей ночью заставила тебя спасти Сириуса. Она же спасла тебя от посягательств Волдеморта, потому что ему непереносимо пребывать в теле, полном этой, ненавистной ему силы. В конечном счёте, оказалось совсем неважно, что ты не умеешь закрывать разум. Тебя спасло твоё сердце.

Гарри закрыл глаза. Если бы он не бросился спасать Сириуса, Сириус остался бы жив... Он спросил праздно, больше за тем, чтобы оттянуть момент, когда придётся вновь возвращаться мыслями к Сириусу:

— Конец пророчества... Там было что-то вроде... не жить никому из них...

— ...Пока в живых остаётся другой, — закончил Дамблдор.

— Ну... — Гарри с трудом выуживал слова со дна глубокого колодца отчаяния, царившего в душе, — ... ну, значит... значит, один из нас в конце концов... должен убить другого?

— Да, — сказал Дамблдор.

Долгое время никто не произносил ни слова. Откуда-то издалека, из-за двери кабинета, доносились голоса — должно быть, ученики с утра пораньше спускались в Большой Зал на завтрак. У Гарри в голове не укладывалось, что кому-то в мире по-прежнему хочется есть, кому-то смешно, кому-то нет никакого дела, что Сириус Блэк покинул этот мир навсегда. Сириус был уже далеко-далеко, хотя до сих пор, где-то в глубине души Гарри верил, что откинь он ту завесу, увидел бы там Сириуса: тот оглянулся бы, приветственно кивнул с характерным лающим смешком...

— Сдаётся мне, Гарри, что я задолжал тебе ещё одно объяснение, — нерешительно заговорил Дамблдор. — Тебе, наверное, хотелось знать, отчего же я не назначил тебя префектом? Честно говоря... я как-то подумал... что тебе и без того забот хватает.

Гарри взглянул на Дамблдора и увидел, как по его лицу в длинную седую бороду скатилась слеза.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ВТОРАЯ ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

«ТОТ-КОГО-НЕЛЬЗЯ-НАЗЫВАТЬ ВЕРНУЛСЯ»

В кратком заявлении, сделанном в ночь на пятницу, министр магии Корнелиус Фадж подтвердил, что Тот-Кого-Нельзя-Называть вернулся в страну и принялся за старое.

«С величайшим сожалением вынужден подтвердить, что колдун, известный как Лорд... ну, вы понимаете, кого я имею в виду... жив и снова находится среди нас, — обращаясь к репортёрам, объявил Фадж, имевший изнурённый и нервный вид. — С меньшим сожалением сообщаем о массовых мятежах среди дементоров Азкабана, которые объявили о своём нежелании продолжать службу в Министерстве. Есть предположение, что отныне дементорами распоряжается Лорд... Как Бишь Его.

Мы призываем всю магическую общественность сохранять бдительность. Министерство готовит к публикации инструкции по основам самообороны и защиты ваших близких, в течение месяца эти инструкции будут бесплатно разосланы всем колдовским семьям.

В колдовском сообществе заявление министра было встречено с тревогой и смятением, поскольку не далее, как в прошлую среду, Министерство заверяло, что «упорные слухи о том, что в нашем обществе вновь орудует Сами-Знаете-Кто, абсолютно беспочвенны».

Обстоятельства происшествия, вынудившего Министерство в корне изменить позицию по этому вопросу, пока не ясны, однако есть предположение, что в четверг вечером Тот-Кого-Нельзя-Называть с отборным отрядом своих сторонников (так называемых Пожирателей Смерти) проник не куда-нибудь, а в само Министерство магии.

Пока нам не удалось получить комментарии у Альбуса Дамблдора, который был восстановлен в должности директора школы колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс», в правах члена Международной Конфедерации Колдунов, а также на посту Главного Чародея Визенгамота. В течение года Дамблдор настаивал на том, что Сами-Знаете-Кто, вопреки всем надеждам и чаяниям, не умер, а снова вербует сторонников для очередной попытки захвата власти. Между тем, Мальчик Который Выжил...»

— Гарри, а вот и ты. Так я и знала, что каким-нибудь боком тебя обязательно приплетут, — Гермиона взглянула на него поверх газеты.

Дело было в больничном крыле. Гарри сидел на краешке кровати Рона, оба внимательно слушали Гермиону, которая вслух зачитывала первую полосу «Воскресного пророка». В изножье кровати Гермионы клубком свернулась Джинни — её лодыжку мадам Помфри вылечила в мгновение ока. Невилл, чей нос тоже привели в порядок, вернув ему прежний размер и форму, присел на стуле между двумя кроватями, а Луна, заглянувшая проведать больных, не расставаясь с последним выпуском «Придиры», читала свой журнал вверх ногами и, судя по всему, ни слова из сказанного Гермионой не слышала.

— Зато теперь он снова «мальчик-который-выжил», — мрачно заметил Рон. — И никаких тебе «завравшихся хвастунов», угу?

Он запустил руку в огромную кучу шоколадных лягушек, которые лежали на прикроватном столике, набрал пригоршню, бросил несколько штучек Гарри, Джинни и Невиллу, и зубами сорвал обёртку со своей. До сих пор руки Рона до самых локтей покрывали глубокие рубцы от щупальцев мозга. По словам мадам Помфри, от мыслей зачастую остаются самые глубокие раны, хотя после того, как она начала обильно мазать Рона Позабывчивым Притиранием доктора Аббли,²⁵² дела пошли на поправку.

– Да уж, Гарри, теперь они рассыпаются тебе в комплиментах, – согласилась Гермиона, просматривая статью до конца, – *«Одинокий глас правды... принимали за помешанного, но он никогда не отступал от своих заявлений... пришлось сносить насмешки и клевету»* ... Хм, – нахмурилась она. – Что-то я не вижу здесь упоминаний о том, что все насмешки и клевету распространял именно «Пророк»...

Она слегка поморщилась и прижала руку к рёбрам. Хотя Долохов и не смог произнести вслух магическую формулу своего проклятия, и в полную силу оно не сработало, но всё-таки причинило Гермионе, как выразилась мадам Помфри, «и без того немалый вред». Ей приходилось каждый день принимать десяток самых разных зелий, и поправлялась она быстро, так что в больничном крыле ей уже порядком надоело.

– *«Сами-Знаете-Кто и его последняя попытка покушения с целью захвата власти», со второй по четвёртую страницу, «О чём Министерству следовало нам рассказать», страница пять, «Почему никто не прислушался к словам Альбуса Дамблдора», с шестой по восьмую страницу, «Эксклюзивное интервью Гарри Поттера», страница девять...»* Да уж, – Гермиона сложила газету и отшвырнула в сторону, – теперь писаки разгуляются. А интервью с Гарри – никакое не эксклюзивное, оно давным-давно было в «Придире»...

– Папа им его продал, – рассеянно пояснила Луна, перевернув страницу «Придирь». – Очень неплохо заработал на нём, кстати, так что летом мы собираемся поехать в Швецию, посмотрим, вдруг удастся поймать морщерогих храпстеров.

Гермиона довольно быстро справилась с собой и откликнулась:

– Звучит заманчиво.

Джинни поймала взгляд Гарри и тут же, с ухмылкой, отвела глаза.

– Ну, ладно, а что в школе делается? – Гермиона чуть-чуть выпрямила спину и снова поморщилась.

– Значит так, Флитвик покончил с болотом Фреда и Джорджа, – начала Джинни, – это заняло у него секунды три. Правда оставил небольшой пятачок под окном и огородил верёвками...

– Зачем? – с удивлённым видом поинтересовалась Гермиона.

– О! Как превосходный образчик магии – он так и сказал, – пожала плечами Джинни.

– По-моему, он оставил его как памятник Фреду и Джорджу, – с набитым шоколадными лягушками ртом прошамкал Рон и, тыча пальцем в гору лягушек перед собой, сообщил Гарри: – Представляешь, всё это прислали мне они. Похоже, потешная лавка процветает, а?

Гермиона неодобрительно поджала губы, потом спросила:

²⁵² Dr Ubbly's Oblivious Unction; Ubbly – вероятно форма архаичного слова «obley» – «приращение»

– Значит, после возвращения Дамблдора все неприятности кончились?

– Ага, – подтвердил Невилл, – всё наладилось.

– Филч, небось, счастлив? – поинтересовался Рон, прислоняя карточку из шоколадной лягушки с портретом Дамблдора к кувшину с водой.

– Ничего подобного, – возразила Джинни, – на него даже смотреть жалко... – она понизила голос: – Он без конца твердит, что Амбридж – это самое лучшее, что выпадало на долю Хогвартса...

Все шестеро оглянулись. На кровати напротив, уставившись в потолок, лежала профессор Амбридж. Чтобы вызволить её от кентавров, Дамблдор в одиночку отправился в Лес и вернулся из чащи без единой царапины, ведя Амбридж под руку, – как ему это удалось, не знал никто, а сама Амбридж, естественно, тоже не рассказывала. После возвращения в замок она, насколько было известно ребятам, не произнесла ни единого слова. Никто и понятия не имел, что с ней приключилось. Её блёклые волосы, обычно тщательно уложенные, торчали во все стороны, в них до сих пор застряли прутики и листья, но в остальном, на первый взгляд, с ней всё было в порядке.

– Мадам Помфри говорит, что у неё просто шок, – шепнула Гермиона.

– Скорее, хандра на неё напала, – возразила Джинни.

– Ага, она подаёт признаки жизни, если сделать вот так... – Рон пощёлкал языком, имитируя цокот копыт.

Амбридж моментально села в кровати и с ошалелым видом принялась озираться по сторонам.

– Профессор, что-нибудь не так? – высунув голову из кабинета, окликнула её мадам Помфри.

– Нет... нет... – Амбридж осела обратно на подушки. – Нет, приснилось, наверное...

Гермиона и Джинни, прыснув со смеху, уткнулись в одеяло.

– К слову, о кентаврах... – немного успокоившись, осведомилась Гермиона, – кто теперь преподаёт прорицание? Фиренце остался?

– А куда он денется? – ответил Гарри. – Остальные кентавры обратно его не примут.

– Похоже, они вдвоём с Трелони будут преподавать, – предположила Джинни.

– Держу пари, Дамблдор не прочь избавиться от Трелони раз и навсегда, – поглощая четырнадцатую лягушку, заявил Рон. – Сами подумайте, предмет вообще никчёмный, а по мне – Фиренце немногим лучше...

– Да как ты можешь говорить такое? – возмутилась Гермиона. – После того, как мы своими глазами видели, что бывают настоящие пророчества!

У Гарри ёкнуло сердце. О содержании пророчества он не рассказывал ни Рону, ни Гермионе, ни кому бы то ни было вообще. Невилл объяснил ребятам, что пророчество они расколотили, когда Гарри вытаскивал его по ступеням из Зала Смерти, а сам Гарри пока что никого не разубеждал. Не готов был увидеть их лица, если сообщит, что ему суждено стать либо убийцей, либо жертвой, иного пути не дано...

– Какая жалость, что оно разбилось, – тихо проговорила Гермиона, качая головой.

– Ага, точно, – поддакнул Рон. – Зато Сами-Знаете-Кто тоже никогда не узнает, что в нём было... Ты куда собрался? – добавил он с удивлением и разочарованием, видя, что Гарри встаёт.

– Э-э... к Хагриду, – нашёлся Гарри. – Понимаешь, он только что вернулся, и я обещал, что спущусь к нему и расскажу, как тут у вас дела.

– А-а, тогда ладно, – урюмо буркнул Рон и взглянул в окно спальни на клочок ярко-голубого неба. – Вот бы и нам с тобой...

– Передавай ему привет от нас! – крикнула вдогонку Гермиона. – И спроси, как поживает его... его маленький приятель!

Гарри, уже на выходе из палаты, махнул рукой, давая понять, что услышал и понял.

Даже для воскресенья в замке было слишком тихо. Определённо, все отправились гулять, наслаждаться солнышком, концом экзаменов и предстоящими последними денечками учебного года, не загруженными ни подготовкой к экзаменам, ни домашними заданиями. Гарри медленно брёл по пустынному коридору, по пути поглядывая в окна: вон кто-то празднично летает туда-сюда над квиддичным полем, какая-то компания учеников плещется в озере, вместе с гигантским кальмаром.

Гарри никак не мог решить, нужна ему компания или нет: всякий раз, оказавшись среди людей, его тянуло уйти, а, оставшись один, он хотел в компанию. Ему пришло в голову, что можно и в самом деле сходить навестить Хагрида, потому что с тех пор, как тот вернулся, им не удавалось толком поговорить...

Едва Гарри спустился с мраморной лестницы в вестибюль, как из правого прохода, ведущего вниз, в гостиную Слизерина, появились Малфой, Крэбб и Гойл. Гарри застыл на месте, Малфой с приятелями – тоже. Никто не произнёс ни звука, только из открытых настежь парадных дверей доносились с улицы крики, смех и плеск воды.

Малфой огляделся по сторонам – Гарри понял, что тот проверяет, не видать ли преподавателей – а потом перевёл взгляд на Гарри и очень тихо сказал:

– Ты покойник, Поттер.

Гарри удивлённо поднял брови:

– Да ну. С чего это я тут шляюсь тогда?..

Гарри ещё никогда не видел Малфоя в таком бешенстве, созерцание перекошенной от ярости, бледной, тонкой физиономии доставило ему, несмотря ни на что, даже некоторое удовлетворение.

– Ещё сочтёмся, – полушёпотом предупредил Малфой. – Ты мне заплатишь за всё, что сделал моему отцу...

– Ну всё, умираю от страха, – язвительно откликнулся Гарри. – Небось, по сравнению с вами тремя, Лорд Волдеморт – так, на разогрев публики работает... В чём дело? – добавил он, увидев, как остолбенели при звуке этого имени и Малфой, и Крэбб с Гойлом. – Он же вроде приятель твоего папочки? Неужто ты его боишься?

– Думаешь, ты такая важная персона, Поттер, – Малфой, и примкнувшие к нему с флангов Крэбб и Гойл, стали надвигаться на Гарри. – Ты дождёшься. Я тебя прикончу. Моего отца в тюрьму засадить – у тебя не выйдет...

– По-моему, уже вышло, – парировал Гарри.

– Дементоры ушли из Азкабана, – негромко заверил Малфой. – Папа и все остальные в два счёта на свободе окажутся...

– Угу, может и так, – кивнул Гарри. – Да только теперь все узнали, какие они подонки...

Рука Малфоя метнулась к палочке, но у Гарри реакция была куда лучше: он выхватил палочку раньше, чем Малфой успел сунуть руку в карман мантии.

– Поттер!

Окрик эхом прокатился по вестибюлю. На лестнице, которая спускалась к кабинету профессора зельеварения, появился Снейп, и при виде него Гарри даже про Малфоя забыл, – его захлестнуло волной жгучей ненависти... Что бы ни говорил ему Дамблдор, но Снейпа он никогда не простит... никогда...

– Поттер, что вы делаете? – своим обычным ледяным тоном осведомился Снейп, подходя ближе.

– Выбираю, какое проклятие наложить на Малфоя, сэр, – свирепо огрызнулся Гарри. Снейп смерил его взглядом.

– Немедленно уберите палочку, – отрывисто приказал он. – Десять баллов с Грифф...

Тут он взглянул на гигантские песочные часы на стене и презрительно изогнул губы:

– А! Как я понимаю, снимать нечего, баллов у Гриффиндора больше не осталось. В таком случае, Поттер, придётся просто...

– Добавить немного?

По каменным ступеням в замок, прихрамывая, поднималась профессор МакГонаголл. В одной руке она держала клетчатый саквояж, в другой – трость, на которую тяжело опиралась, и, если бы не трость, вид у неё был весьма цветущий.

– Профессор МакГонаголл! – Снейп быстрым шагом направился к ней навстречу. – Вижу, из Святого Мунго вас выписали!

– Да, профессор Снейп, – профессор МакГонаголл повела плечом, сбрасывая дорожный плащ. – Я практически как новенькая. Вы двое там, Крэбб, Гойл...

Она повелительным жестом скомандовала им приблизиться, слизеринцы, шаркая здоровенными ножищами, неуклюже подошли.

– Ну-ка, – профессор МакГонаголл ткнула саквояж поддых Крэббу, а плащ – Гойлу: – отнесите это наверх в мой кабинет.

Крэбб и Гойл повернулись и грузно потопали вверх по мраморной лестнице.

– Ну что ж... – профессор МакГонаголл подняла глаза к висевшим на стене песочным часам: – Значит так. Я полагаю, Поттеру и его друзьям причитается по пятьдесят баллов на брата за то, что их стараниями мир узнал о возвращении Сами-Знаете-Кого! А вы как считаете, профессор Снейп?

– Что? – характерным резким отрывистым тоном переспросил Снейп, хотя у Гарри и сомнений не было, что Снейп всё прекрасно расслышал. – А... да... пожалуй...

– Итак, по пятьдесят баллов – Поттеру, двоим Уизли, Лонгботтому и мисс Грейнджер, – перечислила профессор МакГонаголл, и в нижнюю колбу песочных часов Гриффиндора посыпался град рубинов. – Ах, да... Пожалуй, ещё пятьдесят – мисс Лавгуд, – добавила она, и в песочных часах Рэйвенкло вниз упала горсть сапфиров. – Если не ошибаюсь, вы хотели снять с Поттера десять баллов, профессор Снейп... сейчас мы это устроим...

Несколько рубинов взлетели в верхнюю колбу часов, но внизу их всё равно оставалось немало.

– Ну-с, Поттер, Малфой, я считаю, что в такой солнечный денёк негоже сидеть взаперти, – энергично продолжила профессор МакГонаголл.

Гарри не нужно было повторять дважды – он сунул палочку обратно в карман, и, даже не взглянув на Снейпа и Малфоя, направился к парадным дверям замка.

По лужайке к хижине Хагрида он шёл под палящими лучами солнца. Повсюду на травке разлеглись ученики – они загорали, болтали, читали «Воскресный пророк», уплетали конфеты и провожали его взглядами. Кто-то окликал его, махал рукой, с явным желанием показать, что, заодно с «Пророком», восхищается его геройством. Гарри никому не отвечал. Он не имел понятия, что именно из происшедшего три дня назад стало достоянием гласности, но до сих пор расспросов удавалось избегать, и пусть так и будет впредь.

Постучав в дверь хижины Хагрида, он поначалу решил, что хозяина нет, но тут из-за угла выскочил Клык и в порыве счастья от встречи едва не сбил Гарри с ног. Хагрид, как выяснилось, на заднем дворе собирал фасоль.

– Да это ж Гарри! – просиял он, когда Гарри подошёл к забору. – Заходи, заходи, сейчас сочку из одуванчиков по стаканчику пропустим...

Когда в стаканы был налит ледяной сок, а оба они уже сидели за грубо сколоченным столом, Хагрид поинтересовался:

– Ну, как жизнь-то? Эта... э-э... чувствуешь-то себя как, а?

Гарри хватило одного взгляда на озабоченное лицо Хагрида, чтобы понять, что вопрос касается отнюдь не физического здоровья.

– Нормально, – поспешно ответил Гарри, поскольку то, что определённо было у Хагрида на уме, обсуждать категорически не хотелось. – Ну, а ты где был?

– Дык, в горах хоронился, – пояснил Хагрид. – В пещерке одной, ровно как Сириус, когда он...

Хагрид осёкся, насадно откашлялся, глянул на Гарри, надолго припал к стакану с соком, потом пробормотал:

– В общем, теперича вот вернулся.

– Ты... ты лучше выглядишь, – выдавил Гарри, твёрдо решив увести беседу от Сириуса.

– Чего? – удивился Хагрид, поднял здоровенную ручищу и пощупал лицо. – А... ага. Дык, Группчик куда приличней стал, факт. Сказать по правде, он, как увидал меня снова, вроде прям обрадовался. Паренёк-то он славный, точно... Я вот думаю, может, подружку ему подыскать, о как...

В других обстоятельствах, Гарри тотчас бросился бы отговаривать Хагрида от подобной затеи: определённо ничего хорошего, если в Лесу поселится второй великан, не исключено, что более буйный и свирепый, чем Гроуп, – но сейчас отчего-то не хватало сил спорить. Гарри опять стал тяготиться обществом, и, намереваясь побыстрее распрощаться, сделал пару больших глотков сока из одуванчиков, опорожнив свой стакан до половины.

– Теперича каждый знает, что ты правду говорил, – вдруг ласково сказал Хагрид и внимательно посмотрел на Гарри: – Так-то оно лучше будет, верно?

Гарри пожал плечами.

– Слушай... – Хагрид подался вперёд через стол. – Я Сириуса знал подоле тебя... он в бою умер, такая смерть ему по праву была...

– Он вообще не хотел умирать! – вспыхнул Гарри.

Хагрид закивал огромной косматой головой...

– Само собой, не хотел, – тихо проговорил он. – Дык, Гарри... Не из таковских он был, кто дома отсиживается, когда другие дерутся. Не пришёл бы к тебе на помощь, совесть потом его сгрызла бы...

Гарри вскочил.

– Мне пора, нужно провести Рона и Гермиону в больничном крыле, – машинально объяснил он.

– Ох, – с расстроенным видом вздохнул Хагрид, – ладненько, Гарри... ты себя-то побереги, и заглядывай, когда...

– Ага... ладно...

Гарри со всех ног бросился к выходу, распахнул дверь, выскочил на залитую солнцем лужайку прежде, чем Хагрид успел попрощаться, и сразу пошёл прочь. И опять по пути его беспрерывно окликали. Гарри ненадолго зажмурился, мечтая открыть глаза и обнаружить, что все вокруг исчезли, и он остался один...

Несколько дней назад, когда ещё не закончились экзамены и не случилось видения, внушённого Волдемортом, Гарри многое отдал бы, лишь бы магический мир понял, что он говорит правду, лишь бы поверил, что Волдеморт вернулся, осознал, что он вовсе не лжец и не сумасшедший. Но теперь...

Гарри направился в сторону озера, отошёл подальше, сел на берегу в укромном местечке за густым кустарником, и, уставившись на бегущие по воде блики, задумался...

Наверное, остаться одному хочется потому, что после разговора с Дамблдором появилось ощущение полной оторванности от мира. Словно от других его отделяет невидимая преграда. Он ведь меченный, как белая ворона... впрочем, и всегда был таким. Только раньше никогда не догадывался, что это значит...

При всем при том, сидя тут, у озера, Гарри в глубине души, истерзанной в клочья, измученной невыносимой горечью утраты Сириуса, не испытывал особого страха. Светило солнце, вокруг, куда ни глянь, смеялись люди, пусть даже эти люди ему чужие – словно сам он не от мира сего, но здесь, на берегу, ему как-то не верилось, что убийство – неотъемлемая часть его жизни, или её финал...

Он просидел долго-долго, глядя на воду и стараясь не думать о крёстном, не вспоминать, как однажды, на противоположном берегу озера, Сириус едва не погиб, отражая атаки сотни дементоров...

Только когда село солнце, Гарри почувствовал, что замёрз. Он поднялся и побрёл в замок, утирая рукавом лицо.

* * *

За три дня до конца учебного года Рона и Гермиону выписали из больничного крыла. Гермиона время от времени изъявляла желание поговорить о Сириусе, но Рон предусмотрительно шикал на неё всякий раз, когда она упоминала это имя. Гарри так и не разобрался, хочется ему говорить о крёстном или нет, – всё зависело от настроения. Не сомневался только в одном: как бы горько не было сейчас, но когда он вернётся в дом четыре по Бирючинному проезду, по Хогвартсу будет смертельно скучать. И что с того, что теперь ему доподлинно известно, зачем нужно каждое лето туда возвращаться, – легче от этого не стало. Напротив, возвращение домой страшило, как никогда.

За день до конца учебного года из Хогвартса уехала профессор Амбридж. Как выяснилось, она во время ужина, пока никто не видит, выбралась из больничного крыла, явно рассчитывая отбыть тайком, но к несчастью по дороге наткнулась на Пивза. Пивз воспользовался последним шансом на то, чтобы исполнить наказ Фреда, и радостно погнал Амбридж из замка, поколачивая её то тростью, то носком, набитым мелом. Ученики толпами выбегали в вестибюль полюбоваться, как она улепётывает к воротам, а главы Домов, безо всякого энтузиазма, пробовали их урезонить. В довершение всего, профессор МакГонагол, бросив вялые увещевания, уселась в своё кресло за столом преподавателей и во всеуслышанье принялась сокрушаться, что не может самолично пробежаться следом за Амбридж в качестве болельщика, поскольку Пивз позаимствовал у неё трость.

Наступил последний вечер в Хогвартсе; многие уже упаковали сундуки и направились на прощальный пир в честь окончания учебного года, а Гарри к сборам даже не приступал.

– Ладно, завтра соберёшься! – позвал Рон, нетерпеливо топчась на пороге спальни. – Пошли, я помираю с голоду.

– Я скоро... знаешь, ты иди...

Но когда дверь спальни захлопнулась за Роном, Гарри и пальцем не шевельнул, чтобы ускорить сборы. Никакого желания идти на прощальный пир у него не было. Он боялся, что Дамблдор в своём обращении к ученикам решит упомянуть его. Наверняка, речь пойдёт о возвращении Волдеморта, ведь в прошлом году он об этом говорил...

Он принялся вытаскивать с самого дна сундука кучку мягких мантий, чтобы освободить место для сложенных, и под конец, в углу обнаружился небрежно упакованный свёрток. Что в нём – Гарри понятия не имел. Он наклонился, и достал свёрток из-под кроссовок – посмотреть поближе.

И моментально вспомнил. Этот свёрток сунул ему Сириус в дверях дома двенадцать на площади Гриммолд. «Воспользуйся этим, если я тебе понадобится, договорились?»

Гарри присел на кровать и развернул. Из свёртка выпало маленькое квадратное зеркальце, с виду старинное, во всяком случае, – мутное. Гарри посмотрелся в него и увидел собственное отражение.

Он перевернул зеркальце. На обратной стороне была нацарапана приписка от Сириуса:

«Это двустороннее зеркало, другая его половина – у меня. Если тебе нужно будет поговорить со мной, просто скажи в него моё имя: ты появишься в моём зеркале, а я смогу разговаривать из твоего. Мы с Джеймсом пользовались им, когда отрабатывали взыскания поодиночке.»

У Гарри бешено заколотилось сердце. Он вспомнил, как четыре года назад видел умерших родителей в Зеркале Джедан. Можно будет поговорить с Сириусом прямо сейчас, точно!..

Гарри оглянулся, чтобы убедиться, что кроме него здесь больше никого нет, – спальня оказалась пуста. Опустил глаза к зеркальцу, дрожащими руками поднял его к лицу и громко, чётко произнёс: «Сириус».

От дыхания поверхность зеркальца запотела. Гарри поднёс зеркальце ещё ближе, но глаза, поблёскивавшие сквозь марево, несомненно были его собственные. Он протёр зеркальце начисто и проговорил так отчётливо, что даже в противоположном углу комнаты можно было разобрать каждый слог:

– Сириус Блэк!

Ничего не произошло. Из зеркала на него по-прежнему смотрело его собственное разочарованное лицо.

Когда Сириус исчез в арке, зеркальца у него при себе не было, прошептал внутренний голос. Вот почему не сработало...

Гарри застыл, потом опомнился и швырнул зеркальце обратно в сундук. Зеркальце разбилось вдребезги. На целую ослепительную минуту он поверил, что вот-вот сможет увидеть Сириуса, опять поговорить с ним...

В горле заципала досада; он вскочил, принялся как попало бросать вещи в сундук, заваливая сломанное зеркальце...

Но потом его осенило... есть идея получше, чем зеркальце... как же он раньше-то не додумался – что же не спросил раньше?..

Гарри опрометью выскочил из спальни и полетел по спиральной лестнице, на бегу врезаясь в стены, но даже не замечая этого. Промчался по опустевшей гостиной, через проход за портретом и понёсся по коридору, не обращая никакого внимания на Полную Леди, кричавшую ему вслед: «Пир сейчас начнётся, смотри, пропустишь самое интересное!»

Но Гарри на пир и не собирался...

Как же так – когда привидения не нужны, их здесь полным-полно, а теперь...

Гарри метался по лестницам, коридорам и не встречал ни единой души – ни живой, ни мертвой. Как пить дать, все в Большом Зале. Он, запыхавшись, остановился у кабинета чар и уныло решил, что придётся ждать, пока не закончится пир...

Но стоило ему отчаяться, как в конце коридора появилась чья-то полупрозрачная фигура.

– Эй! Эй, Ник! НИК!

Призрак высунул голову из стены – эта опасно покачивающаяся голова и экстравагантный плюмаж несомненно принадлежали сэру Николасу де Мимси-Порпингтону.

– Вечер добрый, – поздоровался он, вылез из сплошной каменной стены целиком и улыбнулся Гарри: – Должно быть, смертельно опаздываю не я один? Хотя... – вздохнул он, – в несколько ином смысле, разумеется...

– Ник, могу я у тебя кое-что спросить?

На лице Почти Безголового Ника появилось в высшей степени странное выражение, он сунул палец за жёсткий гофрированный воротник и стал усиленно его поправлять, словно давая себе время на размышление. Бросил он это занятие только тогда, когда частично перерубленная шея едва не разделилась окончательно.

– Э-э... именно сейчас, Гарри? – в явном замешательстве уточнил Ник. – А до конца пира подождать не может?

– Нет... Ник... Пожалуйста, – взмолился Гарри. – Мне в самом деле нужно поговорить с тобой. Может, зайдём сюда?

Он распахнул дверь ближайшего класса, и Почти Безголовый Ник с обречённым видом вздохнул:

– Ну, хорошо. Не стану притворяться, что я не ждал этого.

Гарри придержал для него дверь, но Ник предпочёл пройти сквозь стену.

– Ждал чего? – закрыв дверь, уточнил Гарри.

– Что ты будешь искать встречи со мной, – скользнув к окну, пояснил Ник и поглядел в темноту двора. – Так порой случается... когда кого-нибудь постигает... утрата.

– Ладно, – Гарри решил не отклоняться от темы. – Ты прав, я... я искал с тобой встречи. Ник промолчал.

– Просто... – Гарри неожиданно почувствовал неловкость, – просто... ты мёртвый. Но по-прежнему здесь, так ведь?

Ник вздохнул, продолжая смотреть во двор.

– Так ведь, да? – с нажимом повторил Гарри. – Ты мёртвый, но я с тобой разговариваю... ты можешь гулять по Хогвартсу и всё такое, правильно?

– Да, – тихо отозвался Ник. – Я гуляю и разговариваю, согласен.

– Значит, ты вернулся? – напористо продолжал Гарри. – Люди могут возвращаться, да? Как привидения. Они ведь не исчезают окончательно. Так? – нетерпеливо прибавил он, видя, что Ник ничего не отвечает.

Почти Безголовый Ник замялся, потом сказал:

– Не каждому дано вернуться в виде привидения.

– В каком смысле? – быстро спросил Гарри.

– Только... только магам дано.

– А! – Гарри чуть не рассмеялся от облегчения. – Ну, тогда ладно, тот, кто меня интересуется, – маг. Значит, он может вернуться, да?

Ник отвернулся от окна и скорбно взглянул на Гарри.

– Он не вернётся.

– Кто?

– Сириус Блэк, – ответил Ник.

– Но ты-то вернулся! – рассерженно воскликнул Гарри. – Ты вернулся... умер, но никуда не делся!..

– Маги могут оставить на земле слепок с себя, бледной тенью бродить там, где некогда ходили при жизни, – с горечью произнёс Ник. – Но очень немногие маги избирают такой путь.

– Но почему? – удивился Гарри. – Короче, не важно... Сириусу плевать, что обычно так не поступают, он вернётся, я точно знаю!

Убеждённость в этом была настолько сильна, что он даже повернул голову к двери, уверовав на мгновение, что сейчас увидит плывающего к нему Сириуса – жемчужно-белого и прозрачного, но с лучезарной улыбкой.

– Он не вернётся, – повторил Ник. – Он... пойдёт дальше.

– Что значит «пойдёт дальше»? – поспешно уточнил Гарри. – Пойдёт дальше куда? Слушай... Что вообще происходит после смерти? Куда деваешься? Почему не все возвращаются? Почему здесь не так уж много призраков? Почему?..

– У меня нет ответа, – откликнулся Ник.

– Но ты ведь мёртвый? – вспыхнул Гарри. – Кому, как не тебе, знать ответ?

– Я боялся смерти, – глухо пробормотал Ник. – И решил остаться здесь. Иногда сам себя спрашиваю, может, стоило бы... а то ни там, ни сям... в самом деле, я ведь – ни там, ни сям... – он грустно хмыкнул: – Гарри, я ничего не знаю о таинстве смерти, потому что предпочёл жалкую имитацию земной жизни. Полагаю, этот предмет изучают учёные мужи из департамента Тайн...

– Вот только об этом не надо! – зло бросил Гарри.

– Сожалею, но больше помочь ничем не смогу, – мягко сказал Ник. – Ну... ну, прошу меня простить... пир, знаете ли...

И выплыл из комнаты, оставив Гарри в одиночестве беспомощно глядеть ему вслед, в стену.

Когда угасла последняя надежда увидеть крёстного или поговорить с ним, у Гарри возникло такое чувство, будто он потерял Сириуса вновь. Он подавленно побрёл по пустынному замку, раздумывая, что больше ему радости в жизни не видать.

Свернув за угол в коридор, ведущий к Полной Леди, он увидел, как впереди кто-то прикрепляет листок на доску объявлений. Присмотревшись, Гарри узнал Луну. Никаких укромных углов поблизости не было, его шаги она определённо услышала, да и сил на то, чтобы прятаться от всех, у Гарри уже не осталось.

– Привет, – Луна сделала шаг назад от доски и рассеянно поздоровалась, глядя мимо Гарри.

– Ты почему не на пиру? – спросил Гарри.

– Да у меня почти все вещи растащили, – безмятежно пояснила Луна. – Берут и прячут, вот. Но сегодня – последний вечер, мне бы нужно вернуть их, ну я и развешиваю объявления.

Она жестом показала на доску объявлений, где и в самом деле висел приколотый листок со списком всех пропавших у неё книг и одежды и с просьбой вернуть.

На Гарри нахлынуло необычное чувство – в нём не было ничего общего с гневом и горечью, переполнявшими его с тех пор, как умер Сириус. Он даже не сразу понял, что это за чувство: это была жалость к Луне.

– Почему они всё от тебя прячут? – нахмурился Гарри.

– Ох... ну... – пожала плечами Луна. – Наверное, считают меня слегка странной, вот. Иногда меня даже называют «Психуной» Лавгуд.

Гарри посмотрел на неё, и новоиспечённое чувство сострадания стало гораздо острее.

– Это не причина брать твои вещи, – категорично заявил он. – Хочешь, я помогу тебе их найти?

– Нет, что ты, – улыбнулась ему Луна. – Всё отыщется, так всегда бывает к концу года. Просто я хотела собраться сегодня. В общем... а ты почему не на пиру?

Гарри пожал плечами:

– Неохота, вот и всё.

– Да, – глядя на него необычно затуманившимися, выпуклыми глазами, согласилась Луна. – Откуда взяться охоте. Тот человек, которого убили Пожиратели Смерти, был твоим крёстным, да? Мне Джинни сказала.

Гарри коротко кивнул, и тут понял, что почему-то не против, чтобы Луна говорила о Сириусе. К тому же вспомнилось, что она тоже могла видеть тестралов.

– А ты... – начал он. – В смысле, кто... у тебя тоже кто-то умер?

– Да, – бесхитростно ответила Луна, – моя мама. Она была совершенно неподражаемой ведьмой, вот, но очень любила всякие эксперименты, и однажды какое-то заклинание пошло наперекосяк. Мне тогда девять лет было.

– Извини, – пробормотал Гарри.

– Да уж, полный кошмар, – живо откликнулась Луна. – Иногда так грустно бывает. Но у меня ещё папа остался. Но вообще-то это ведь не значит, что я маму больше не увижу, правильно?

– Э-э... с чего бы? – растерялся Гарри.

Луна скептически покачала головой:

– Ой, брось. Ты же сам слышал их, тех, что за завесой?

– Ты имеешь в виду...

– В той комнате, с аркой. Их просто не видно, вот и всё. Ты ведь их слышал.

Они поглядели друг на друга. Луна чуть-чуть улыбнулась. Гарри не знал, что и подумать: в какие только чудеса Луна не верила... но он тоже отчётливо слышал голоса из-за завесы.

– Точно не хочешь, чтобы я помог тебе твои вещи искать? – спросил он.

– Нет, что ты, – отказалась Луна. – Я, пожалуй, пойду вниз, съем кусочек пудинга и подожду, пока всё само найдётся... обычно в конце так всегда и бывает... ладно, приятных каникул тебе, Гарри.

– Угу... угу, тебе тоже.

Луна пошла прочь, Гарри смотрел ей вслед и чувствовал, что на душе стало чуть-чуть полегче.

* * *

На следующий день, на обратном пути в «Хогвартс-Экспрессе», случился ряд примечательных событий. Во-первых, Малфой, Крэбб и Гойл, которые, естественно, всю неделю ждали возможности подкараулить Гарри тайком от преподавателей, решили устроить ему засаду, когда он возвращался из туалета. Их коварные планы вполне могли бы увенчаться успехом, если бы их не утраздило напасть на него рядом с купе, битком набитом членами ДА, которые через стекло увидели всё, что происходит, и все как один бросились к Гарри на помощь. Когда Эрни Макмиллан, Ханна Эббот, Сьюзен Боунс, Джастин Финч-Флетчли, Энтони Гольдштейн и Тэрри Бут продемонстрировали на этой троице весь богатый арсенал взглядов и порчи, который преподавал им Гарри, Малфой, Крэбб и Гойл больше всего напоминали трех гигантских слизняков, затянутых в школьную форму. Их склизкие туши Гарри, Эрни и Джастин напоследок закинули на багажную полку.

– Если честно, я жду не дождусь, какое лицо будет у мамашки Малфоя, когда он слезет с поезда, – не без злорадства заявил Эрни, глядя как Малфой червяком ёрзает наверху.

Эрни никак не мог простить Малфоя, что тот, в недолгую бытность членом Дознавательского Отряда, снял баллы с Хаффлпафа.

– Зато мамочка Гойла наверняка обрадуется, – заметил Рон, который зашёл разобраться, по какому поводу шум. – Он здорово похорошел... Гарри, кстати, только что тележка с едой подъехала, если ты чего-нибудь хочешь...

Гарри поблагодарил всех за помощь, вместе с Роном вернулся в своё купе и купил кучу кексов-котелков и тыквенных пирожков.²⁵³ Гермиона перечитывала «Ежедневный пророк», Джинни разгадывала кроссворд в «Придире», а Невилл поглаживал свою мимбулус мимблтонину, которая за год изрядно выросла и теперь, когда её трогали, мелодично мурлыкала.

Гарри и Рон коротали время за игрой в магические шахматы, а Гермиона зачитывала им вслух отрывки из «Пророка». Нынешний «Пророк» пестрил статьями о методах отражения дементоров и усилиях Министерства магии изловить Пожирателей Смерти, а также истеричными письмами, авторы которых утверждали, что видели, как с утра пораньше мимо их дома прогуливался Лорд Волдеморт...

– Это ещё цветочки, – хмуро вздохнула Гермиона, складывая газету. – Но ягодок ждать осталось недолго...

– Гарри, эй, – шепнул Рон, кивая на стекло между купе и коридором.

Гарри обернулся. Там проходила Чоу, и с ней – Мариэтта Эджкомб в вязаном племе. Взгляды Гарри и Чоу на мгновение встретились. Чоу вспыхнула и прошла мимо. Гарри

²⁵³ См. примечание IV

опустил глаза на доску как раз вовремя, чтобы заметить, как одну из его пешек стоняет с клетки конь Рона.

– А что... э-э... у тебя с ней? – вполголоса спросил Рон.

– Ничего, – искренне заверил Гарри.

– Я тут... ну... слышала, что она с другим встречается, – нерешительно заметила Гермиона.

Гарри с удивлением осознал, что эта новость его ничуть не задела. Словно желание произвести впечатление на Чоу осталось в далёком прошлом, которое теперь не имело к нему никакого отношения. Туда же кануло отныне многое из того, чего хотелось Гарри до смерти Сириуса... Прошла всего неделя с тех пор, как он видел Сириуса в последний раз, а казалось, что прошла целая вечность, и эта вечность пролегла между двумя мирами – в котором был Сириус, и в котором его не было.

– Хорошо, что всё кончено, приятель, – веско заявил Рон. – В смысле, она выглядит неплохо и всё такое, но тебе нужен кто-нибудь повеселее.

– Вполне возможно, что с другим она повеселее, – пожал плечами Гарри.

– А с кем она, кстати? – поинтересовался Рон у Гермионы, но Джинни ответила вместо неё.

– С Майклом Корнером.

– С Майклом... но... – уставившись на сестру, Рон чуть шее себе не свернул. – Но с ним же встречалась ты!

– Больше не встречаюсь, – твёрдо объявила она. – Ему не понравилось, что Рэйвенкло продул Гриффиндору в квиддич, он куksился, куksился, и я его бросила, а он утешился с Чоу. – Джинни рассеяно почесала нос кончиком пера, перевернула «Придиру» вверх ногами и стала проверять ответы.

Рон пришёл в полный восторг.

– Ну, я-то никогда не сомневался, что у него не все дома, – заметил он, подталкивая своего ферзя к трясущейся от страха ладье Гарри. – Тебе же лучше. Только в следующий раз выбирай кого поприличней.

При этих словах он бросил на Гарри какой-то странный взгляд.

– Да, а я уже выбрала Дина Томаса, как, по-твоему, он поприличней? – рассеянно сообщила Джинни.

– ЧТО? – взревел Рон и опрокинул шахматную доску.

Косолап кинулся за фигурами, а Хэдвиг и Свинстун сверху сердито заклекотали и заухали.

Когда, на подъезде к вокзалу Кинг-Кросс, поезд стал сбавлять ход, Гарри подумал, что на этот раз выходить из вагона особенно не хочется. Он мельком представил, а что если не выходить вовсе, – безвылазно просидеть до первого сентября, а потом уехать обратно в Хогвартс. Но вот поезд напоследок выпустил пары, замер, и Гарри, как обычно, спустил вниз клетку с Хэдвиг и приготовился вытаскивать из вагона сундук.

Поездной контролер подал знак Гарри, Рону и Гермионе, что можно без опаски проходить через магический барьер между девятой и десятой платформами, поэтому для Гарри полной неожиданностью стала толпа встречающих с той стороны барьера – такую компанию он никак не рассчитывал увидеть.

Встречать явился Безумный Глаз Муди, закутавшись в просторный дорожный плащ и сжимая в узловатом кулаке длинную трость, но даже котелок, низко надвинутый на магический глаз, не скрывал его злобещего вида. За его спиной маячила Тонкс в латанных-перелатанных джинсах и ярко-фиолетовой майке с логотипом группы «Странные сестрички», её волосы цвета розовой жевательной резинки переливались в солнечном свете, который с трудом проникал сквозь закопчённые стёкла вокзального потолка. Рядом с Тонкс стоял Люпин, в длинном засаленном пальто поверх поношенных джемпера и брюк. А перед ними – мистер и миссис Уизли, в своём парадном маггловском облачении, и Фред с Джорджем, – оба в новеньких с иголочки куртках из какого-то чешуйчатого материала с ядовито-зелёным отливом.

– Рон, Джинни! – воскликнула миссис Уизли и бросилась навстречу обнять их. – Ох, Гарри, голубчик, а ты-то как?

– Нормально, – соврал Гарри.

Миссис Уизли уже заключила его в объятия. Через её плечо Гарри увидел, как Рон вытаращил глаза на новый наряд близнецов.

– А это, вообще, что? – тыча в куртки, поинтересовался он.

– Тончайшая драконья кожа, братец, – Фред потянул молнию куртки. – Торговля идёт полным ходом, и мы решили, что надо бы себя побаловать.

– Гарри, привет, – поздоровался Люпин, когда миссис Уизли перешла к обниманию Гермионы.

– Здравсьте, – ответил Гарри. – Я не ожидал... а что вы все тут делаете?

– Ну, – Люпин усмехнулся, – мы решили, что не помешает перекинуться словечком с твоими дядей и тётей, прежде чем отпустить тебя с ними домой.

– Не уверен, что стоит это делать, – тотчас отозвался Гарри.

– О, ещё как стоит, – прорычал Муди и, прихрамывая, подошёл поближе, – это не они там, Поттер?

Он ткнул через плечо большим пальцем – должно быть магическим глазом углядел через затылок и котелок. Гарри отклонился на пару дюймов влево посмотреть, куда показывает Безумный Глаз, и увидел, без всякого сомнения, троих Дёрзли, до смерти перепуганных делегацией, которая явилась его встречать.

– А, Гарри! – к ним подошёл мистер Уизли, тепло поздоровавшись с родителями Гермионы и оставив их обнимать по очереди дочь. – Ну что... начнём, пожалуй?

– А как же, давай, Артур, – буркнул Муди.

И они с мистером Уизли первыми направились по перрону к Дёрзли, которые словно приросли к полу. Гермиона деликатно отстранила мать и пошла следом за всеми.

– Добрый день, – вежливо начал мистер Уизли, остановившись прямо перед дядей Верноном. – Должно быть, вы меня помните? Я Артур Уизли.

Поскольку два года назад мистер Уизли самолично разнёс практически всю гостиную в доме Дёрзли, Гарри очень удивился бы, если бы дядя Вернон его не вспомнил. И в самом деле, дядя Вернон ещё пуще побагровел, впился злобным взглядом в мистера Уизли, но решил промолчать, отчасти, наверное, потому что противник вдвое превосходил семейство Дёрзли численностью. У тёти Петунии вид стал испуганный и сконфуженный одновременно: она принялась озираться по сторонам, точно боясь, что кто-нибудь из знакомых увидит её в такой компании. Дадли, тем временем, норовил съёжиться и стать неприметнее, но этот фокус ему не удался.

– Мы просто хотели с вами переговорить насчёт Гарри, – не переставая улыбаться, продолжил мистер Уизли.

– Угу, – рыкнул Муди, – насчёт обхождения с ним, пока он на вашем попечении.

Усы дяди Вернона от негодования встали дыбом. Он обратился к Муди, котелок которого, по всей вероятности, произвёл на него совершенно обманчивое впечатление: он решил, что имеет дело с родственной душой:

– Уж не знаю, что вам за дело до того, что происходит в моём доме...

– О том, чего ты не знаешь, Дёрзли, можно не одну книжку написать, – прорычал Муди.

– Короче, речь не об этом, – вмешалась Тонкс, чьи розовые волосы, похоже, раздражали тётю Петунию больше, чем всё остальное вместе взятое, и чтобы не смотреть на неё, тётя Петунья зажмурилась. – Речь о том, что, если мы узнаем, что вы устраиваете Гарри кошмар...

– А мы об этом непременно узнаем, – ласково добавил Люпин.

– Да, – добавил мистер Уизли, – и даже если вы станете запрещать Гарри пользоваться флиейтоном...

– *Телефоном*, – шепнула Гермиона.

– Угу, если мы хоть краем уха услышим, что с Поттером хоть в чём-то обошлись скверно, вы за это ответите, – закончил Муди.

Дядя Вернон угрожающе развернул плечи. Возмущение в нём, должно быть, перевесило даже страх перед этой компанией чудаковатых типов.

– Вы мне угрожаете, сэр? – так громогласно спросил он, что прохожие начали оборачиваться.

– Точно, – подтвердил Безумный Глаз, весьма довольный тем, как быстро дядя Вернон ухватил самую суть.

– Я, что, похож на человека, которого можно запугать? – рявкнул дядя Вернон.

– Посмотрим... – и тут Муди сдвинул на затылок свой котелок, продемонстрировав демонически вертевшийся магический глаз. Дядя Вернон в ужасе отскочил и напоролся на багажную тележку. – Да, подтверждаю, ты на него похож, Дёрзли.

Муди отвернулся от дяди Вернона и взглянул на Гарри:

– Так, Поттер... если понадобится, свистни. Если три дня подряд от тебя не будет никаких вестей, мы тогда кого-нибудь подошлём...

Тётя Петунья жалобно заскулила. Должно быть, представила, что скажут соседи, если заметят, как её по садовой дорожке дефилируют подобные субъекты.

– Ну, Поттер, бывай, – Муди на мгновение сжал плечо Гарри заскорузлыми пальцами.

– Береги себя, Гарри, – негромко предупредил Люпин. – И держи с нами связь.

– Гарри, мы тебя оттуда заберём, как только будет возможность, – обнимая на прощание, шепнула миссис Уизли.

– Скоро увидимся, приятель, – Рон пожал Гарри руку, в его голосе звучала тревога.

– Скоро-скоро, точно, – заверила Гермиона. – Обещаем.

Гарри кивнул. Почему-то никак не удавалось подобрать слова и выразить, как много значит для него то, что все они пришли его поддержать. Вместо этого он улыбнулся, поднял в знак прощания руку и пошёл к выходу из вокзала на залитую солнцем улицу, а следом за ним поспешно кинулись дядя Вернон, тётя Петуния и Дадли.

[КОНЕЦ ПЯТОЙ КНИГИ.]

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 0 Родословное древо благородного и старинного рода Блэков

The Noble and Most Ancient House of BLACK

Sirius Phineas Nigellus == Ursula Elladora 1.
1845-1853 1847-1925 Flint 1850-1931

Sirius == Hesper 2. Cygnus == Violetta Belvina == Herbert Arcturus == Lysandra

*1877-1952 Gamp 1889-1943 Bulstrode 1886-1962 Burke 1884-
1959 Yaxley*

2 сына, 1 дочь

Arcturus == Melania Lycoris Regulus Pollux == Irma Cassiopeia 3. Dorea == Charlus
Callidora == Harfang 4. Charis == Caspar
1901-1991 McMillan 1904-1965 1906-1959 1912-199 °Crabbe 1915-1992 1920-1977 Potter
1915-н. вр. Longbottom 1919-1973 Crouch

1 сын 1 сын, 1 дочь 1 сын, 2 дочери

Lucretia == Ignatius Orion == Walburga 5. Cygnus == Druella
1925-1992 Prewett 1929-1979 1925-1985 1938-1992 Rosier

6. Sirius Regulus Bellatrix == Rodolphus 7. Andromeda == Ted Narcissa == Lucius
1960-1996 1961-1979 1951-н. вр. Lestranger 1955-н. вр. Malfoy

Nymphadora Draco ©Fleur

Приложение I DEATH EATERS – «ИСКУШЁННЫЕ СМЕРТЬЮ»

(информация с учётом пяти книг)

В официальном переводе «Гарри Поттера» по всей вероятности использована аллюзия на древнеегипетского бога мёртвых Осириса, убитого и воскресшего, и на его чудовищного слугу Амта. Согласно египетской мифологии человек после смерти попадал на суд Осириса, где его сердце взвешивалось на весах, и того, кого признавали грешным, отдавали на пожирание Амту (Амтит – букв. «пожиратель теней»). Египтяне возлагали большие надежды на магию, благодаря которой рассчитывали после смерти попасть не в пасть Амту, а в страну блаженных, уподобившись Осирису, победившему смерть.

Название организации соратников Волдеморта Дж. К. Ролинг никак не объясняет и никоим образом в тексте не обыгрывает. Единственное, что она сказала в интервью: «*Death Eaters* первоначально назывались *Knights of Walpurgis*», очевидно от *Walpurgis Night*, Вальпургиевой ночи. Поэтому нижеследующие рассуждения носят субъективный характер.

Этимология названия *Death Eaters* может быть следующая:

Beef-eaters ; йоменская стража (бифитеры) была учреждена в 14 веке как личная охрана короля. По традиции они питались непрожаренным мясом, «с кровью».

В настоящее время бифитеры в Великобритании – символ консерватизма.

Death Adder ; ядовитая змея, чей яд один из опаснейших в мире.

Dark Ethers ; использующийся в оккультной практике термин Тёмные Энергии.

Чёрная Магия практикует концентрацию и использование Тёмных Энергий.

Нельзя забывать о связи между *Death Eaters*, Тёмной Меткой, которую носят все соратники Волдеморта, и заклинанием *Morsmordre*, которым они отмечают свои свершения. Латинские слова аналогичны английским, составившим название:

Mors (лат.) – смерть

Death (англ.) – смерть

Mordere (лат.) – есть, пожирать, поглощать, но и кусать, и жалить

Eat (англ.) – есть, поглощать, кусать

Помня, как выглядит Тёмная Метка – змея, выползающая из черепа, – можно предположить, что *Death Eaters* должно обозначать некое Братство Смертельного Укуса.

Приютский мальчик Том Риддл придумал себе изысканное французское поименование **Lord Voldemort** (*voldemort*) – Лорд Волдеморт, в котором звучит дворянская частица «де» (французские фамилии в Англии всегда были признаком древней знати, недружественной

коренным обитателям Альбиона). Можно перевести это как Повелитель «Окрылённый Смертью» (французское *vol* – «кража», «полёт» и геральдическое «распростёртые крылья»).

Толковать наименование ***Death Eaters*** можно по-разному. Поэтому в переводе выбрана логичная параллель между претенциозностью приютского мальчика Тома, который своим вассалам тоже придумал очень вычурное наименование, а также Тёмной Меткой и Знаком Morsmordere, состоящим из *черепа – символа смерти и змеи – символа искушения*. Полученный результат не лишает переводчика права истолковать Death Eaters именно как «Искушённые Смертью», поскольку искушённым в чём-либо человек бывает, только если это «что-то» он достаточно долго употреблял.

Этимология и аллюзии фамилий Пожирателей Смерти:

Avery

(на суде заявил, что всё время действовал под проклятием «Имперкус», был оправдан)

aver (юр.) – утверждать, заявлять, доказывать

Этимология: вариация германского имени *Alberic*, «oelf» – эльф + «ric» – власть.

Этимология: Jonh Avery – знаменитый пират конца 17-го века.

Ludovic Bagman

(предположительно был Пожирателем Смертью, раскаялся в содействии им, оправдан, работает в Министерстве магии на посту главы департамента Магического спорта и спортивных состязаний.)

bagman – коммивояжёр; старьевщик; человек, который занимается в шайке распределением денег, полученных путем рэкеты, вымогательства и т. п. (амер. сленг)

Этимология: *Ludo* – игра в кости. По латыни это слово обозначает «я играю», в древнем Риме «игра» прежде всего значила заключение пари.

Regulus Black

(убит по приказу Волдеморта)

black – чёрный

Этимология: (Регул – звезда первой величины в созвездии Льва; лат. «ионный король»).

Этимология: римляне называли василиска «регулус» (греч. «basiliskos» – «царек»)

Этимология: Марк Атилий Регул – римский консул, разбивший карфагенский флот, попав в плен, был отправлен под честное слово в Рим, договориться о мире. Вернулся в Карфаген и принял мученическую смерть. Римляне признали Регула легендарным героем.

Crabbe

(на суде был оправдан)

crabbed – ворчливый, несдержанный, раздражительный

Этимология: так называют того, у кого странная походка, напоминающая краба, или же вздорного человека: *crab-apple* – дикое яблоко.

Этимология: крабб (от нем. Krabbe) – декоративная деталь в виде стилизованных листьев, цветов на пинаклях, вимпергах и других элементах готических зданий.

Этимология: синдром Краббе (morbus Krabbe) – относится к группе лейкодистрофии (наследственное заболевание нервной системы), характеризуется нарушением психики и интеллекта, прогрессирующим слабоумием.

Bartemius Crouch Jr.

(получил поцелуй дементора в Четвёртой книге)

crouch – припадать к земле; сжаться, склониться, согнуться (подобострастно); принять подобострастную позу; низкопоклонствовать, пресмыкаться, раболепствовать.

Этимология : Bartimaeus – слепой нищий, которому со словами «Иди, вера твоя спасла тебя», Иисус вернул зрение.

Этимология: *crouch* – устаревшая форма слова «cross» – крест.

Antonin Dolohov

(в Азкабанах до Пятой книги)

Этимология : Св. Антоний – покровитель свинопасов.

Этимология : Долохов – герой «Войны и Мира» – «семёновский офицер, известный игрок и бретёр».

Goyle

(на суде был оправдан)

goyle (идиш) – «тот, кто сослан»

Этимология : глубокая канава или ущелье.

Этимология: *Gargoyle* – дракон, живший в Сене; декор. деталь готических зданий.

Jugson

jug – кувшин; (сленг) кутузка, тюрьма

Igor Karkaroff

(сидел в Азкабанах, раскаялся, стал директором Дурмстранга)

Этимология : предположительно от финского «karkuri» – дезертир, беглец; «karkaus» – побег, бегство, или русского «каркать» – в значении «предвещать беду».

Rodolphus Lestrangle

(в Азкабанах до Пятой книги)

strangulation (fr) – удушение

strange – чужой; чуждый; незнакомый, странный, сдержанный, холодный

Этимология : Rodolphus – от старогерм. hrothi «молва» + vulf «волк»

Этимология : Сэр Roger L'Estrange – английский журналист и памфлетист времен гражданской войны, поддерживавший роялистов. После неудачной попытки роялистского штурма в Норфолке был заключён в тюрьму, откуда через четыре года сбежал.

Mrs. Lestrangle (Black), Bellatrix

(в Азкабанах до Пятой книги)

strange woman (устар.) – блудница

Этимология : Беллатрикс – 3-я звезда созвездия Ориона, звезда амазонок; лат. «вонительница».

Rabastan Lestrangle

(брат Родольфуса, в Азкабанах до Пятой книги)

Этимология : Rabastan – французская дворянская фамилия

Walden Macnair

(раскаялся, стал палачом при Комитете по уничтожению опасных существ Министерства магии)

Этимология : wald (нем.) – лес

Этимология : mac+naire (шотл.) – сын + грех. Блудный сын.

Этимология : Walden персонаж романа Henry David Thoreau "Walden or Life in the Woods" – «Уолден или Жизнь в лесу».

Lucius Malfoy

(откупился от обвинений)

Этимология : Луций Тиберий (или Гиберий) – персонаж «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского, римский прокуратор, наместник в Британии, который воевал против короля Артура.

Этимология: Lucifer («светлый»), низвергнутый ангел, возжелавший стать равным богу; в различных мифах ассоциируется с Прометеем или Аполлоном. В демонологии – демон гордости, надменности. В некоторых гримуарах его называют Lucius.

Этимология: реальная французская фамилия. Malfoy, или родственные Malfoi, Malfois – обозначает того, кому нельзя доверять. Смысловая нагрузка французского происхождения фамилии отсылает к средним векам, когда Англией правила французская аристократия.

Этимология: malefice (фр.) – чёрное колдовство, порча.

Mulciber

(специализировался по проклятию «Империя», в Азкабанах до Пятой книги)

mulch – перегной

Этимология: второе имя Вулкана/Гефеста – бога-кузнеца Олимпа, низвергнутого Зевсом.

Nott

(на суде был оправдан)

not – нет

Этимология: десятая руна Not (или Nyd) с фонетическим значением,²⁵⁴ содержание этой руны в древнеанглийской традиции формируется вокруг понятия «потребность».

Этимология: в средневековой Англии так именовали плешивых.

Peter Pettigrew

(скрывается)

«pet» + «grey» – домашнее животное + серое

Этимология : на старо-франц. petit+cru обозначает маленького (невысокого, мелкого) человека.

Algernon (в американском издании Augustus) Rookwood

(работал в департаменте Тайн Министерства магии)

rook – жулик, мошенник, шулер; обманывать, нечестно играть (в карты); выманивать деньги; обдирать, обсчитывать (покупателя)

wood – лес, лесной

Этимология: «Rookwood» – роман W. A. Ainsworth, описывающий деяния разбойника Дика Турпина и его подружки Чёрной Бэсс.

Этимология: Algernon Blackwood (1869–1951) – английский писатель, в т. ч. детский, автор историй о привидениях и сверхъестественном. Одна из его новелл называется «Dudley and Gilderoy: A Nonsense».

Evan Rosier

(убит аврорами за год до падения Волдеморта)

Этимология: поэтическое название куста дикой розы.

Этимология: Розье – в демонологии демон похоти.

Этимология: Pilatre de Rosier – французский учёный, первым высказал предположение о возможности подняться в воздух на аэростате и стал первым человеком, сделавшим это на воздушном шаре Монгольфье (15 октября 1783 года).

Severus Snape

(оправдан по поручительству Дамблдора, шпионит на Орден Феникса и преподаёт в Хогвартсе)

severe – строгий, суровый; критически настроенный; скрупулёзный; педантичный.

Можно предположить, что это от лат. *se verus* – «тот, кто отделяет правду от лжи».

snape – (судостр.) спиливание наискосок конца шпангоута (поперечного ребра жёсткости).

snar (to) – говорить отрывисто, раздражённо; набрасываться; внезапный мороз. По словам Ролинг, прообразом Снейпа послужил её школьный учитель по фамилии Nettleship (nettle – раздражать, сердить).

Этимология: Snare – название городка, от староангл. snoer – *зимнее пастбище, исп. для названия земли, слишком заболоченной, чтобы её возделывать.*

Этимология: римский император Септимий Север (Caesar Lucius Septimius Severus Pertinax Augustus 146–211 гг.) – родоначальник династии Северов. Его молодость была полна безумств и преступлений. Вёл спартанский образ жизни, отличался крутым нравом и подозрительностью. Перед смертью сказал: «Я был всем, и всё это ни к чему».

Этимология: snake – змея (символ Слизерина).

Travers

(в Азкабана, вероятно – до Пятой книги)

traverse – проход, путь, препятствие, помеха; несчастье, напасти.

Этимология: (от лат. transversus поперечный), направление, перпендикулярное курсу судна. «Быть на траверзе» какого-либо объекта: означает находиться на линии, направленной на этот объект и составляющей прямой угол с курсом судна.

Wilkes

(убит аврами за год до падения Волдеморта)

wile – хитрость, уловка; ухищрение; завлекать, заманивать, приятно проводить время

Этимология: John Wilkes (1727–1797) – английский политик эпохи Просвещения, отличавшийся распутством и острословием.

Приложение II Британское Министерство МАГИИ

(структура на период книги «Гарри Поттер и Орден Феникса»)

Министр магии: Cornelius Fudge

Старший помощник министра: Dolores Jane Ambridge

Младший помощник министра: Percy Weasley

Пресс-секретарь: Stamford Jorkins

Департамент Магического спорта и состязаний – Department of Magical Games and Sports

**Установленные функции департамента:*

– занимается организацией магических спортивных состязаний

Глава департамента: Ludovic Bagman

(предыдущий глава департамента – Hamish MacFarlan)

Служащие : Berta Jorkins (предположительно)

Штаб Британской Квиддичной Лиги – British Quidditch League Headquarter

Штаб Ирландской Квиддичной Лиги – Irish Quidditch League Headquarter

Бюро Курьёзных Патентов – Ludicrous Patents Office

Департамент Магического транспорта – Department of Magical Transportation

**Установленные функции департамента :*

– настройка и установка портключей

– выдача разрешений на аппарирование

– определение правил пользования метлами и другими магическими транспортными средствами

Глава департамента: неизвестен

Администрация Каминных Сетей – Floo Network Authority (Floo Regulation Panel)

**Установленные функции:*

– занимается подключением каминов к Сети

– осуществляет контроль за каминной сетью

Служащие: Madam Edgecombe

Служба Мётлоконтроля – Broom Regulatory Control

**Установленные функции:*

– определение правил пользования метлами

Отдел Портключей – Portkey Office

**Установленные функции:*

– настройка и установка портключей

Служащие: Basil

Центр Тестирования Аппарантов – Apparation Test Centre

**Установленные функции:*

– выдача разрешений на аппарирование

Транспортная Служба – Ministry Cars

**Установленные функции:*

– обеспечивает контроль за передвижением магических средств транспорта

Департамент Международного магического сотрудничества – Department of International Magical Co-operation

**Установленные функции департамента:*

– осуществление связей на высшем уровне между британскими магами и магами других стран

– помощь в организации Международного Квиддичного Матча и Тримагического Турнира

Глава департамента: Bartemius Crouch, Sr.

Служащие: Percy Weasley, должность – помощник Главы департамента, в дальнейшем младший помощник министра

Международный Корпус Стандартов Магической Торговли – International Magical Trading Standards Body

Британское отделение Международной Магической Конфедерации – International Confederation of Wizards, British Seats

Отдел Международного Магического Законодательства – International Magical Office of Law

Департамент Регулирования и контроля (надзора) за магическими существами – Department for the Regulation and Control of Magical Creatures

**Установленные функции департамента:*

– регулирует владение опасными существами

– осуществляет контроль за покупкой и содержанием магических существ

Глава департамента: неизвестен

Служащие: Amos Diggory, Bob (Robert?)...

Отдел Дезинформации – Office of Misinformation

**Установленные функции Отдела:*

— в случае, когда невозможно утаить факт наблюдения магглами Магического Существа, по договорённости с маггловским премьер-министром, фабрикует ложные сведения для представления информации публике.

Управление Бестий – Beast Division

Служащие: Newt Scamander (в прошлом, после 1917 года)

Комитет по Устранению Опасных Существ – Committee for the Disposal of Dangerous Creatures

Служащие: Walden Macnair, должность – палач

Сектор Изучения и Сдерживания Драконов – Dragon Research and Restraint Bureau

Служащие: Newt Scamander (в прошлом)

Отдел Регистрации и Поддержки Оборотней– Werewolf Registry & Support Office

**Установленные функции Отдела:*

— располагает подразделением по задержанию оборотней

Отдел Связей с Кентаврами – Centaur Liason Office

**Примечание: ни один кентавр в этот отдел никогда не обращался.*

На Министерском жаргоне «отправить в Отдел Кентавров» означает «уволить»

Консультативное Бюро по Паразитам – Pest Advisory Bureau

Управление Человекоподобных – Being Division

Отдел по Связям с Гоблинами – Goblin Liaison Office

**Установленные функции Отдела:*

— обеспечение контактов между магами и гоблинами

Начальник Отдела : Cuthbert Mockridge

Отдел Перераспределения Домовых Эльфов – Office of House-elf Relocation

Служащие : Newt Scamander (в прошлом)

Управление Призраков (Духов) – Spirit Division

**Установленные функции Управления:*

— занимается жалобами привидений и их размещением по месту смерти

Департамент Магических аварий и катастроф – Department of Magical Accidents and Catastrophes

**Установленные функции департамента:*

- занимается крупными магическими преступлениями и разрушениями
- отвечает за случайные модифицирующие заклинания
- модифицирует память магглов, ставших случайными свидетелями применения магии

Глава департамента: неизвестен (Cornelius Fudge в 1980 г.)

Комитет Экспериментальных Чар – Committee on Experimental Charms

**Установленные функции Комитета:*

- отвечает за случайное использование вредной магии

Служащие : Gilbert Wimple

Группа Аннулирования Случайных Магических Действий – Accidental Magic Reversal Squad

Оперотряд Создания Невидимости – Invisibility Task Force

Комитет Подбора Магглоприемлемых Объяснений – Muggle-Worthy Excuse Committee

Штаб Обливиаторов – Obliviator Headquarters

Служащие: Arnold Peasegood

Департамент Поддержания магического правопорядка – Department of Magical Law Enforcement

**Установленные функции департамента:*

- осуществляет надзор за соблюдением магического законодательства
- выполняет охранные и карательные меры

Глава департамента : Amelia Bones

(предыдущий глава департамента – в годы Тёмного террора – Bartemius Crouch-Sr.)

Служащие : Eric Munch (охранник)

Отдел Неправомерного Применения Магии – Improper Use of Magic Office

**Установленные функции Отдела:*

– контролирует вопросы, связанные с неправомерным или нелегальным использованием магии (в частности, известил письмом Гарри о нарушениях, связанных с применением магии среди магглов)

Служащие : Mafalda Hopkirk

Отдел Неправомерного Использования Маггловских Артефактов – Misuse of Muggle Artefacts Office

**Установленные функции Отдела:*

– занимается проблемами заколдованных маггловских предметов быта

Начальник Отдела : Arthur Weasley

Служащие : Perkins

Служба Контроля за Магическим Оборудованием – Magical Equipment Control

**Установленные функции:*

– пресекает продажу несанкционированных волшебных палочек

Штаб Авроров – Auror Headquarters

**Установленные функции:*

– борьба с Тёмными Магами

Авроры: Alastor Moody, Frank Longbottom, Nymphadora Tonks, Kingsley Shacklebolt, Dawlish, Williamson

Группа Надзора за Соблюдением Магического Правопорядка – Magical Law Enforcement Squad

·рабочая группа: Патруль Магического Правопорядка – Magical Law Enforcement Patrol

**Установленные функции:*

– наведение порядка в случае мелких магонарушений вроде порчи туалетов

·рабочая группа: Ударный Магоотряд – Hit Wizards

**Установленные функции:*

– в отличие от авроров занимается уголовными преступлениями, в том числе особо опасными преступниками (такими, как Сириус Блэк)

Служащие: Alastor Gumbail

Верховный Магический Суд Визенгамот – Council of Magic Law Wizengamot

**Установленные функции:*

– всемагический орган судебной власти, рассматривающий преступления магов, совершённых по отношению к магам

Служба Администрации Визенгамота – Wizengamot Administration Services

Департамент Тайн – Department of Mysteries

**Установленные функции департамента :*

– в соответствии с различными сферами магии имеет не менее 12 подразделений и занимается проблемами Мозга, Времени, Пророчеств, Смерти, Любви (или Сердца), Космоса.

Глава департамента: неизвестен

Служащие : Broderick Bode, ... Croaker – «Невыразимцы» («Unspeakables»), Algernon Rookwood

Не установлена принадлежность к какому-либо департаменту:

Магическая Экзаменационная Комиссия – Wizing Examinations Authority

Приложение III Мародёры

Джоан Ролинг часто обращается к кельтской мифологии, об этом упоминает и она сама, когда рассказывает, каким образом подбирала своим персонажам волшебные палочки, об этом свидетельствует и таинственная Арка за Покровом (to pass beyond the veil – букв. «пройти за покров», означает «умереть») несомненно, пришедшая из друидических представлений о Потустороннем, Нижнем мире (кельты полагали, что такие врата выглядят как лабиринт, изогнутый спиралью и покрытый туманом, и существуют во многих местах, а переход в потусторонний мир легче всего осуществлялся в тёмное время суток, особенно в сумерки и в тумане). Кельты верили в бессмертные души; в основе этого верования лежал тот факт, что, когда человек умирает, он просто отправляется в иной мир. Смерть в этом мире есть своего рода средство оправить душу в Потусторонний мир, но и смерть в Потустороннем мире точно так же – средство направить душу из Потустороннего мира в этот.

Главным богом-покровителем у кельтов был рогатый бог лесов или зелёный человек, представляющий мужскую сущность всей земли, один из самых древнейших богов. У него было множество имен и лиц – Кернуннос (Цернуннос), Рогатый, Херн-охотник, Оленерогий, Могущественный Керн, Повелитель животных, Властелин Зимы. По преданиям, он и сейчас бродит в густых дремучих лесах.

Рогатый Кернуннос – бог охоты и травли, божество умирающей и воскресающей природы, охотник и зверь в одном лице, ассоциировавшийся с плодородием и мужской силой. Он покровительствует воинам, захватившим чужие земли и трофеи, то есть лишь тем, кто уже имеет первую военную добычу (к тому времени, когда Гарри научился вызывать Патронуса, он уже победил василиска). Служители Кернунноса – исключительно мужчины. Олений рог символизирует борьбу зимы с весной, или тёмных сил со светом. Ответвления рогов, как сучья и листья на ветвях, считались символами возрождения и размножения.

В британском фольклоре Кернуннос появляется именно как «Херн-Охотник» (Шекспир упоминает о его дубе в Виндзорском лесу), иногда в этой роли выступает и Мерлин, разъезжая на олене по лесам.

Prongs – буквально «острия оленьего рога» или «прокалывать», также «вила» и «поднимать вилами» – такую кличку выбрал себе Джеймс Поттер, став анимагом и научившись превращаться в белого оленя. Фактически, он является воплощением бога-покровителя, патронуса (от лат. «покровитель») – Кернунноса.

Вообще, белый олень был для кельтов мистическим животным, явившимся на землю из потустороннего мира и обладающего сверхъестественными способностями.

Все потенциально возможные в переводе упоминания «Рогатого» могли бы вызвать ненужные ассоциации, берущие начало в средневековой Англии, когда рога стали символом позора, презрения, порочности и обманутого мужа. Это связано со стремлением христианской церкви представить Рогатого Бога в качестве дьявола и сил зла.

Поэтому Джеймс Поттер в переводе носит кличку «**Задира**», чтобы сохранить хотя бы ассоциативную связь с символом исходно мужской сущности.

Правоммерно также назвать его «Охотником».

В ночь Самайна, на 1 ноября (изначально – в семнадцатый день второго лунного месяца после осеннего равноденствия), по преданию, Херн-охотник (ипостась Кернунноса) скачет во главе Дикой Охоты. Если обогнать его, он исполнит желание. В Самайн открываются холмы, и сиды свободно бродят меж людей. Любой человек в это время может встретиться и поговорить с сидами и богами. Наступал краткий период битв, союзов, браков людей с обитателями сида, уплаты или отсрочки всевозможных долгов. Во время Самайна умирали великие герои и боги – в ночь Самайна лишился своей силы Волдеморт и погиб Джеймс Поттер (позже праздник Самайна заместился празднованием Дня всех святых, Хэллоуином, но так и не утратил своей языческой сущности).

Друиды, владевшие тайнами переходов в Нижний Мир, могли вызвать Дикую Охоту сознательно, иным же людям она могла явиться против их воли. В кельтской традиции и Дикая Охота, и Нижний Мир не носили демонического характера, хотя для обычных людей могли представлять опасность, но встреча с Дикой Охотой не всегда предвещала беду. Выглядела Дикая Охота следующим образом: кавалькада всадников, впереди с громким лаем мчатся белые собаки с красными ушами (характерные цвета животных из потустороннего мира в кельтской традиции). В валлийском фольклоре их называют Кон Аннон – «свора Аннона» или «Псы из Преисподней».

В фольклоре народов Западной Европы Дикая Охота – это процессия мертвецов, которая мчится по небу верхом и с ними – Чёрные Псы. Когда с неба доносится чудовищный рёв, в лесу начинают гнуться и падать наземь деревья, с домов срывает крыши – значит, началась Дикая Охота. Встреча с Дикой Охотой предвещает несчастье, и даже смерть. По небу проносятся кавалькада призрачных существ со сворой собак; возглавляет кавалькаду Дикий Охотник, известный также под именем Чёрного Всадника, – его нередко

отождествляют и со скандинавским богом Одинем, и с Херном-охотником, в качестве Дикого Охотника в поздних мифах выступает даже пират Френсис Дрейк.

Единственное объяснение тому, что Джеймс Поттер и Сириус Блэк выбрали себе в качестве воплощения в форме анимагов именно такие сущности – это Дикая Охота, которая и объединяет в одно целое Белого Оленя, Чёрного Пса и воплощение ночи «Лунатика» Моопу Римуса Люпина.

*А «Мародёрами» они могли назваться и потому, что разгульная сущность Дикой Охоты это подразумевала, и потому, что сэр Френсис Дрейк, по преданию после смерти ставший Диким Охотником, в сущности, был морским мародёром (кстати, его корабль, вошедший в историю, именовался «Золотая Лань» – *Golden Hind*, где *hind* – «самка благородного оленя», того самого оленя, как биологического вида, в которого воплощался Джеймс Поттер).*

*На корабле, кстати, найдётся место и корабельным крысам, которые, как известно, сбегают первыми. Сам ли Питер Петтигрю **Wormtail** выбрал себе крысиный облик в форме анимага, или его принудили к этому Джеймс и Сириус, неизвестно. Но определённо, что его голос не мог оказать никакого влияния на их решение и их выбор. Вполне вероятно, что «Прихвосту» (*tail* – хвост; *worm* – червь, глист, ничтожество, втираться в доверие) Петтигрю просто не оставили выбора.*

Чёрным собакам в Англии вообще не повезло. В суевериях разных стран упоминаются призрачные чёрные собаки, но только в Англии страх перед ними приобрёл масштабы национальной эпидемии. С ними связано очень много мрачных историй, в которых они предстают существами с довольно странными, а иногда и ужасными свойствами («black dog» – означает «тоска зелёная; дурное настроение, уныние»).

Чёрный Пёс или Black Hound несёт смерть тому, кто его увидит. По описаниям очевидцев, чаще всего это жуткое создание размером с телёнка, с горящими красными, огромными, как блюдца, глазами. Иногда встречаются безголовые Чёрные Псы (это уж как повезёт).

В различных областях Англии их называют по-разному. Так, **Padfoot** (букв. «Крадущийся»), такую кличку взял себе Сириус Блэк, называют призрачных псов в Стаффордшире. В Линкольншире – Hairy Jack «Лохматый Джек», в Суффолке – Galley Trot «Беглый Каторжник», в Йоркшире – Barguest, от нем. Bargeist «Кладбищенский Призрак».

Кличка «**Бродяга**» в переводе показалась наиболее подходящей.

Правомерно также назвать его «Призраком».

Grim, дословно «Жуть», как называют в «Гарри Поттере» Чёрного Пса, пугала всех магов, – также распространённое название этих монстров. Знаменитая Гримпенская трясина, или топь, упоминаемая у Конан-Дойля в «Собаке Баскервиллей» (точнее: «Пёс Баскервиллей» – The Hound of the Baskervilles) имеет те же корни. Гримы чаще всего водятся на церковных кладбищах (их ещё называют Церковными Гримами), и обычно встречаются в дождливую погоду.

В заключение можно упомянуть, что в скандинавской мифологии, которая послужила источником кельтской, есть Гарм (Garmr), демонический пёс – чудовище в облике собаки. Перед концом мифа (Рагнарёком) он, будучи всё время привязанный перед пещерой Гнипахеллиф у входа в подземное царство Хель, освобождается и в последней битве сражается с одноруким богом Тюрм. В результате поединка оба гибнут.

Сам Сириус для конспирации назвал себя **Snuffles** (snuffle – сопение; насморк; snuff – нечто маленькое; умереть; Snuffles – кличка пса – героя многочисленных комиксов, предшественника Скуби-Ду).

Приложение IV Рецепты

Тыквенные пирожки

Ингредиенты

- Упаковка замороженного теста
- Кусок замороженной тыквы (250 г)
- 1/2 стакана неочищенного сахара
- 1 ч.л. корицы
- 1/4 ч.л. гвоздики
- 1/4 ч.л. имбиря
- 1/8 ч.л. мускатного ореха
- 1 яйцо для смазывания

Приготовление

1. Оставить лист теста растаять до гибкого состояния
2. Тыкву, сахар и специи смешать в миксере. Отложить
3. Разогреть духовку до температуры 300°C
4. Раскатать тесто толщиной в 1-2 мм и вырезать четыре больших круга
5. Смазать его яйцом с помощью кисточки
6. В центр каждого круга положить 2-3 ст.л. смеси с тыквой
7. Круги согнуть пополам и зашипать края вилкой, смоченной в холодной воде, чтобы не прилипала, или пальцами. Поверх смазать яйцом и посыпать небольшим количеством сахарного песка
8. Выложить на несмазанный противень и выпекать 25-30 минут до золотистого цвета. Можно есть как горячими, так и холодными

Кексы-котелки

Ингредиенты

- 100 г сахарной пудры
- 100 г масла
- 2 яйца
- 100 г муки, в которую добавлен порошок для бисквитного теста
- несколько капель ванили
- 25 г порошка какао
- 1 ч.л. молока
- Плитка шоколада или сахарная глазурь для украшения

Приготовление

1. Нагреть духовку до 180°C
2. Взбить сахар с маслом
3. Разбить одно яйцо и постепенно всыпать муку, перемешать, капнув ваниль
4. Две трети смеси отложить
5. К одной трети добавить какао, перемешать и соединить с двумя третями легким движением, чтобы полученная смесь напоминала мрамор
6. Взять бумажные формочки для кексов и в каждую положить чайную ложку смеси
7. Поставить в духовку минут на 10 до золотистого цвета и до тех пор, пока кексы не поднимутся в формочках
8. Если кексы поднялись горкой, срезать верхушку, украсить шоколадом, пока горячие, чтобы шоколад растаял, или сахарной глазурью – по спирали, чтобы напоминали густое зелье, помешиваемое в котле

Аннотация

Гарри Поттер с нетерпением ждёт окончание каникул и начала пятого учебного года в Хогвартсе. Юный колдун как никогда страдает от одиночества и непонимания. Но теперь, когда силы зла объединяются, а власть имущие слепы, просто необходимо забыть обиды и объединиться. Новый учебный год поставит перед Гарри и его друзьями не детские вопросы. Вас снова ждут опасные и захватывающие приключения, жестокая борьба, верные друзья и магический мир.